(Годъ сорокъ третій).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1905

1.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1905.

Сочиненія Алексѣй Степановича Хомякова. Москва. 1904. 8 томовъ.

Сравнительно быстрое распространеніе этихъ сочиненій несомнѣнно служитъ отраднымъ признакомъ благодѣтельнаго поворота въ Русскихъ умахъ на сторону самостоятельной, свѣжей мысли и благородства въ ея словесномъ выраженіи. Настоящее изданіе полнѣе предыдущихъ, а Записки о всемірной исторіи снабжены новыми примѣчаніями, дающими возможность разработывать далѣе своебытныя указанія великаго мыслителя. Восьмой томъ представляетъ собою его автобіографію, въ письмахъ къ разнымъ лицамъ. Нѣкоторыя письма пополнены тѣмъ, что не могло появляться прежде, какъ напр. письма къ Самарину изъ Петербургской поѣздки при Александрѣ II-мъ.

Е. П. Труфильевъ. Очерки изъ исторіи крѣпостнаго права въ Россіи. Царствованіе императора Павла Перваго. Харьковъ 1904. 8-ка, 2 нен., IV, 360 и 2 нен. стр. Цѣна 2 р. 50 к.

Эта прекрасная книга написана по новооткрытымъ бумагамъ Сенатскаго и Государственнаго Архивовъ и содержаніемъ своимъ гораздо богаче статьи М. Ѳ. Де-Пуле о томъ же предметѣ въ „Русскомъ Архивѣ" 1869 года. Но достопочтенный профессоръ, при всемъ сравнительномъ обиліи собранныхъ имъ указаній, одержимъ предвзятымъ нерасположеніемъ къ императрицѣ Екатеринѣ Второй и не входитъ въ безпристрастную оцѣнку ея отношеній къ милліонамъ Русскаго простонародья, съ которымъ она жила и царствовала гораздо въ большемъ единомысліи, нежели злополучный ея преемникъ. Ужасы крѣпостничества унаслѣдованы ею отъ времени Петра Великаго, и первымъ дѣломъ ея было примѣрное наказаніе Салтычихи, многіе годы безнаказанно мучившей своихъ крѣпостныхъ. „Ни чей тиранъ никогда я не была", имѣла право сказать про себя Екатерина. Она первая гласно выразила мысль объ освобожденіи крестьянъ, она стыдила и обуздывала помѣщиковъ послѣ Пугачевщины, она брала ихъ имѣнія въ правительственную опеку, она приказывала убирать висѣлицы въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ, смягчала тяжкое рабство въ Прибалтійскомъ краѣ, и при ней простонародью жилось легче, нежели при ея первомъ внукѣ, когда помѣщики становились своей землѣ чужеземны, „рукѣ наемной ввѣряя вѣрный свой доходъ". Лучшее тому доказательство въ томъ что Русская пѣсня раздавалась при каждой сельской и городской работѣ, тогда какъ послѣ Тильзита она начала смолкать. Всѣ сословія прощали Екатеринѣ ея слабости и недочеты ея управленія, потому что, благодаря „недреманному ея оку" и державному достоинству, освободились отъ Крымскихъ набѣговъ и обезопасились отъ неудобства несноснаго Польскаго сосѣдства. Русскій простолюдинъ, какъ бы ни былъ онъ съ виду грубъ, безсознательно ощущалъ силу и величіе родины. При Павлѣ же оправдалось изреченіе про адъ вымощенный добрыми намѣреніями. Взбудораживъ почти все большинство крестьянскаго населенія противъ помѣщиковъ-чужедумовъ и полу-иностранцевъ, пришлось посылать на укрощеніе мятежа славнаго фельдмаршала, побѣдителя при Мачинѣ; онъ прошелъ съ войскомъ отъ Вологодскихъ предѣловъ до Орловской украйны, и въ мирныхъ селахъ проливалась кровь (замѣчательно поведеніе масона-помѣщика Поздѣева, вздумавшаго брить головы своимъ рабочимъ). Павелъ Петровичъ глядѣлъ на помѣщичьихъ крестьянъ съ иноземской точки зрѣнія; путешествуя въ чужихъ краяхъ, онъ насмотрѣлся на дѣйствительное рабство низшаго сословія въ Западной Европѣ, особливо во Франціи при Людовикѣ XVI, тогда какъ у насъ было не рабство, а только крѣпостное право. Когда волненія кончились, правительству пришлось под-

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ СОРОКЪ ТРЕТІЙ.

1905.

1.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

Совѣщайтесь съ прошедшимъ: оно не обязуетъ, но благодѣтельно предостерегаетъ.

Кто-то.

1905.

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ.
1905.

ПИСЬМА ФРИДРИХА ВТОРАГО КЪ ИМПЕРАТОРУ ПЕТРУ ТРЕТЬЕМУ.

Въ Берлинѣ уже съ 1879 года издается „Политическая корреспонденція“ Прусскаго короля Фридриха Втораго. Въ теченіе 25 лѣтъ вышло 29 томовъ ея, послѣдній томъ въ 1904 году. Въ предисловіи къ первому тому сказано, что редакцію всего изданія принялъ на себя докторъ Рейнгольдъ Козеръ онъ же снабдилъ письма объясненіями, примѣчаніями и составилъ предметный и поимянный указатель для каждаго тома. Предисловіе подписано тремя лицами: Дройзеномъ, Дункеромъ и Зибелемъ. Сколько выйдетъ еще томовъ этой переписки, сказать трудно (послѣдній томъ заключаетъ въ себѣ письма до Іюня 1770 года, а король умеръ въ Августѣ 1786 года и до послѣдняго дня жизни занимался дѣлами правленія).

Первое письмо Фридрихъ написалъ къ Петру III-му 24 Января 1743 года когда Петръ былъ только что объявленъ наслѣдникомъ Русскаго престола, а послѣднее письмо 14 Іюля 1762 г. (нов. счета), т. е. за нѣсколько дней до кончины его злополучнаго почитателя.

Эти письма несомнѣнно проливаютъ яркій свѣтъ на ту сторону духовной природы Фридриха, которую называютъ нравственностью. Нѣмецкій историкъ Прутцъ *) говоритъ, что „Фридрихъ слишкомъ хорошо зналъ, насколько спасительный для него поворотъ въ Русской политикѣ не соотвѣтствовалъ естественному ходу историческихъ событій. Все зависѣло только и исключительно отъ личности Петра III, поэтому Фридрихъ пытался возможно болѣе полно овладѣть имъ, чтобы продолжить свое счастіе; но способъ, которымъ онъ при этомъ пользовался, намъ кажется недостойнымъ“. Особенно „поразительнымъ является то, какъ онъ могъ считать возможнымъ для себя соединеніе низкой лести съ собственнымъ достоинствомъ“. Такъ судитъ Фридриха его соотечественникъ.

Но эти письма любопытны и въ другомъ отношеніи. Они представляютъ собою достовѣрный источникъ для исторіи отношеній между Россіей и ея Западной сосѣдкою. Все личное въ этихъ письмахъ приносится въ жертву политикѣ.

---

*) Prutz, Preussische Geschichte, Bd. III. Der Fridericianische Staat und sein Untergang. Stuttgart. 1901, стр. 124.

Сношенія Фридриха Втораго къ Петромъ Третьимъ дѣлятся на три періода. Первый относится къ началу царствованія Фридриха, когда Елисавета Петровна назначила своимъ наслѣдникомъ герцога Голштино-Готторпскаго Карла Петра Ульриха. Другой періодъ, болѣе продолжительный (1755 — 1762 г.) начинается секретною инструкціею графу Финкенштейну (10 Января 1757 г.) и позднѣе ознаменованъ полнымъ отчаяніемъ Фридриха. Третій періодъ обнимаетъ собой царствованіе Петра III. По смерти императора Карла VI только что вступившій на Прусскій престолъ Фридрихъ нападаетъ на Силезію. Завоевавъ ее внезапнымъ походомъ, онъ ищетъ поднять знамя Прусскаго королевства въ дипломатическомъ отношеніи. Онъ получаетъ извѣстіе о предполагаемомъ въ Петербургѣ проектѣ трактата между Австріей, Англіей, Россіей и Саксоніей относительно раздѣла Пруссіи [1]), и уже въ 1741 году считаетъ Россію „единственнымъ опаснымъ противникомъ въ этой коалиціи [2]), единственной силою, которая можетъ выступить противъ Пруссіи“ [3]). Поэтому болѣзнь императрицы Елисаветы и ложное извѣстіе о кончинѣ ея заставили Фридриха даже тогда еще высказаться миролюбиво по отношеніи къ ожидаемому новому правительству [4]). Въ вопросѣ о Курляндскомъ престолонаслѣдіи онъ по этимъ же причинамъ придерживается политики невмѣшательства [5]). Въ это время герцогъ Голштинскій Петръ Ульрихъ уже былъ назначенъ наслѣдникомъ Русскаго престола (18 Ноября 1742 г.). Вскорѣ затѣмъ Фридрихъ посылаетъ великому князю Петру Өедоровичу письмо. Если принять во вниманіе, что Фридрихъ содѣйствовалъ назначенію Голштинскаго принца наслѣдникомъ Елисаветы Петровны только потому, что разсчитывалъ имѣть слабохарактернаго Петра въ своихъ рукахъ, то могутъ показаться по меньшей мѣрѣ странными такія выраженія въ этомъ письмѣ, какъ „при видѣ справедливости, которую оказали вашимъ заслугамъ и происхожденію“, „чувства почтенія и уваженія, которыя я всегда питалъ къ вамъ“, „Государю одаренному столькими прекрасными качествами и заслугами“ [6]). Вышеприведеннаго свидѣтельства историка Прутца достаточно, чтобы видѣть, насколько эти заявленія противорѣчили дѣйствительному сужденію Фридриха о Петрѣ III.

Слѣдующимъ событіемъ въ исторіи Россіи, въ которомъ Фридрихъ принималъ очень близкое участіе, былъ бракъ Русскаго наслѣдника съ дочерью захудалаго Нѣмецкаго Ангальтъ-Цербстскаго князька, Софьей Фредерикою.[7]). Карлейль пишетъ въ своей обширной біографіи Фридриха II, что этотъ

---

[1]) Pol. Corr. Bd. I, 207, 208.

[2]) Pol. Corr. Bd. I, 228. Письмо къ Подевильсу отъ 15 Апрѣля.

[3]) Pol. Corr. Bd. I, 91.

[4]) Pol. Corr. Bd. 84, 96—97, 120.

[5]) Pol. Corr. Bd. II, стр. 34, 80, 143, 230.

[6]) Pol. Corr. Bd. II, 316. Письмо Петру III.

[7]) Pol. Corr. Bd. II, 241, 268, 416.

бракъ имѣлъ для Пруссіи рѣшающее значеніе [1]), а Веберъ въ своей „Всемірной Исторіи" говоритъ, что Екатерина, какъ и самъ Петръ III, были выбраны Елисаветою по совѣту Фридриха [2]). И дѣйствительно онъ сдѣлалъ все, чтобы бракъ удался; даже близкое родство жениха съ невѣстой было устранено деньгами [3]). Въ своей „Исторіи моего времени" (Histoire de mon temps) Фридрихъ, исходя изъ той мысли, что „Россія могущественна, близка и опасна", а потому „надо искать дружбы этихъ варваровъ", такъ повѣствуетъ о выборѣ Екатерины въ супруги Петру III. „Хотя выборъ ея (Елисаветы) еще ни на комъ не остановился, однакожъ она склонна была отдать предпочтеніе принцессѣ Ульрихѣ Прусской, сестрѣ короля. Саксонскій дворъ желалъ выдать принцессу Маріанну, вторую дочь Августа, за великаго князя съ цѣлью пріобрѣсти этимъ вліяніе у императрицы. Россійскій министръ (Бестужевъ), котораго подкупность доходила до того, что онъ продалъ бы свою повелительницу съ аукціона, если бы онъ могъ найти на нее достаточно богатаго покупателя, обнадеживалъ Саксонцевъ обѣщаніемъ брачнаго союза. Король Саксонскій заплатилъ условленную сумму и получилъ за нее одни слова" [4]). „Было бы крайне опасно для государственнаго блага Пруссіи допустить семейный союзъ между Саксоніей и Россіей, а съ другой стороны казалось возмутительнымъ пожертвовать принцессой королевской крови для устраненія Саксонки. Избрано было другое средство. Изо всѣхъ Нѣмецкихъ принцессъ, которыя по возрасту своему могли вступить въ бракъ, наиболѣе пригодною для Россіи и для выгодъ Пруссіи была принцесса Цербстская". И хотя, по словамъ Фридриха, самому отцу невѣсты этотъ бракъ не нравился (ему не хотѣлось, чтобы дочь мѣняла вѣру), онъ все-таки состоялся [5]). Такимъ образомъ случилось то, что наслѣдникъ престола имѣлъ Русскую мать, наслѣдница же была кровною Нѣмкою. Но, по ироніи судьбы, въ своемъ пониманіи Россіи и въ своихъ отношеніяхъ къ ней у нихъ было наоборотъ.

Фридрихъ и Елисавета сначала относились другъ къ другу дружелюбно. Сохранился рядъ писемъ Прусскаго короля къ Елисаветѣ Петровнѣ [6]). Впослѣдствіи эти отношенія были прерваны, и дружескихъ совѣтовъ и предупрежденій уже не было со стороны Фридриха. Но это произошло противъ его желанія: онъ дѣлалъ все возможное, чтобы расположить въ свою пользу императрицу и наслѣдника. Въ 1744 году онъ предупреждаетъ Елисавету о замышляемомъ противъ нея и великаго князя заговорѣ [7]).

---

[1]) Carlyle, Friedrich der Grosse. Bd. III, стр. 778.

[2]) Weber, Weltgeschichte. Pol. Corr. Bd. II, 495, письмо къ Императрицѣ Елисаветѣ Фридриха Великаго.

[3]) „Русскій Архивъ" 1877 г. I, 20.

[4]) Однако Фридрихъ, несмотря на то, что домогался подкупить Бестужева, въ этомъ не успѣлъ. Бильбасовъ, Исторія Екатерины II, стр. 71.

[5]) „Русскій Архивъ". 1877 г., I, 19, 20,

[6]) Pol. Corr. Bd. II, №№ 1163, 1296. Bd. III, №№: 1320, 1541, 1639, 1658. Bd. IV, №№: 1744, 1759. Bd. V, № 2228.

[7]) Pol. Corr. Bd. III, стр. 16.

Нѣмецкіе историки, Прейссъ и другіе, утверждаютъ, во-первыхъ, что „переписка Фридриха Великаго съ Петромъ III велась и до Семилѣтней войны“, и во-вторыхъ, что „молодой князь бросился въ объятія пожилого монарха, чтобы научиться отъ него управлять и воевать“ [1]). Что касается перваго, то кромѣ единственнаго упомянутаго письма *оффиціально* Фридрихъ не писалъ Петру III ничего до вступленія послѣдняго на престолъ. Остается предположить, что Прейссъ ошибался или ему было извѣстно о существованіи неоффиціальной переписки между двумя монархами. Второе же справедливо лишь по отношеніи проявленія чувствъ Петра III къ Фридриху; научиться же онъ не могъ ничему кромѣ того, что было извѣстно всѣмъ о Фридрихѣ.

Время между первымъ и вторымъ періодомъ кажется намъ не столь важнымъ, потому что до Семилѣтней войны Фридрихъ не сосредоточивалъ своего вниманія на Россіи, и отношеній между Фридрихомъ и Петромъ въ это время, прямыхъ по крайней мѣрѣ, вовсе не было. Въ „Политической корреспонденціи“, правда, встрѣчаются мѣста, гдѣ говорится о наслѣдникѣ, но въ очень слабой степени.

Тѣмъ не менѣе Петръ, по мѣрѣ возможности, дѣйствовалъ въ пользу Фридриха [2]). Екатерина тоже стоитъ на сторонѣ Пруссіи и поддерживаетъ самыя дружественныя отношенія съ Англійскимъ посломъ, который хлопоталъ въ пользу Фридриха. Все это подтверждаютъ и самыя письма Фридриха къ разнымъ лицамъ и донесенія его министровъ и пословъ. Фридрихъ не разъ высказываетъ расположеніе къ Петру косвенно, напр., въ письмѣ къ Русскому министру Кайзерлингу (1746 г.) и другимъ [3]). Съ другой стороны его посланникъ въ Россіи Мардефельдъ сообщаетъ Фридриху о дѣйствіяхъ въ его пользу великаго князя [4]). Тоже дѣлаетъ и Финкенштейнъ [5]). Вообще относительно положенія Наслѣдника у Фридриха имѣются самыя точныя свѣдѣнія [6]). Въ письмѣ своемъ къ находившемуся при Прусскомъ посольствѣ въ Россіи Гольцу Фридрихъ пишетъ 7 Января 1749 г.: „Во всемъ, что касается супруговъ, Наслѣдника и его жены, дѣйствовать благоразумно и осторожно [7])“. Положеніе Фридриха при этомъ было незавидное, хотя и не столь опасное какъ впослѣдствіи. Онъ боится перемѣны престола и вмѣстѣ льститъ, хотя и умѣренно, Елисаветѣ. Ему хочется имѣть въ своихъ рукахъ Петра III, но въ тоже время онъ опасается нарушать добрыя отношенія съ Даніей, кото-

---

[1]) Preuss. Friedrich der Grosse mit seinen Verwandten und Freunden. Berlin 1838, стр. 219—302.

[2]) Pol. Corr. Bd. V, 23, 24.

[3]) Pol. Corr. Bd. V, 232, 71.

[4]) Pol. Corr. Bd. V, 24.

[5]) Pol. Corr. Bd. V. 187.

[6]) Pol. Corr. Bd. VI, 259, 303, 362.

[7]) Pol. Corr. Bd. VI, 337.

рая не соглашается на желаніе Петра округлить Голштинію. Мало того, самъ Фридрихъ нуждается въ обезпеченіи Силезіи и соглашается, чтобы Голштиніею завладѣла Данія, лишь бы заручиться ея содѣйствіемъ. На заявленія Финкенштейна и своего кабинетъ-министра Подевильса относительно проекта частичнаго соглашенія съ Даніей отъ 26 Сентября 1749 г. онъ пишетъ на поляхъ доклада, что онъ согласенъ на все, лишь бы со стороны Даніи не было препятствій въ отношеніи къ дальнѣйшей судьбѣ Силезіи [1]). А въ это время Петръ Ѳедоровичъ, какъ уже совершеннолѣтній, вступалъ въ управленіи своимъ герцогствомъ. Былъ планъ переправы Русскихъ войскъ черезъ Любекъ въ Ганноверъ, что, несомнѣнно, было очень опасно для Даніи. Распространился даже слухъ о появленіи Русскаго флота въ Зундскомъ проливѣ [2]). Къ секретарю своего посольства въ Гаагѣ Фридрихъ пишетъ, что только недостойные клеветники могутъ распространять такіе слухи, будто бы онъ способенъ пользоваться для своихъ дѣлъ людьми слабохарактерными [3]); но несомнѣнно, что Фридрихъ все время смотрѣлъ на Петра, какъ на будущаго царя, къ чему особенно подавало надежду плохое здоровье Елисаветы Петровны. Поэтому и въ столкновеніи Петра съ Даніей онъ помогаетъ больше первому [4]). Петръ тоже не оставался въ долгу. 15 Мая 1753 года былъ „большой совѣтъ“ въ Москвѣ въ присутствіи Императрицы, гдѣ говорили о предполагаемомъ союзѣ противъ Пруссіи; а 7 Октября 1755 года былъ другой такой же въ Петербургѣ въ присутствіи Императрицы и Великаго Князя. Объ этомъ Фридрихъ пишетъ Подевильсу подъ печатью величайшей тайны [5]). Здѣсь приходится отмѣтить два обстоятельства: во-первыхъ, то, что Фридриху стало извѣстно о первомъ „совѣтѣ“ только послѣ второго; во-вторыхъ, что Великій Князь не присутствовалъ и, повидимому, не зналъ о первомъ „совѣтѣ“ до 7 Октября 1755 года. Расположеніе Петра III къ Фридриху было очень велико [6]) и, вѣроятно, въ частномъ разговорѣ онъ сообщилъ о засѣданіяхъ совѣта Прусскому посланнику, а тотъ въ свою очередь увѣдомилъ объ этомъ своего государя.

Чѣмъ ближе къ Семилѣтней войнѣ, тѣмъ чаще встрѣчается въ „Политической корреспонденціи“ имя Петра III. Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій и отозваніемъ Прусскаго посланника изъ Петербурга дѣла Прусскія въ Россіи были довѣрены Англійскому посланнику. Послѣдній докладывалъ обо всемъ своему правительству, а то сообщало почти всѣ свѣдѣнія Фридриху.

---

[1]) Pol. Corr. Bd. VII, 111.

[2]) Pol. Corr. Bd. XI, 201, 269, 286, 300, 259. Bd. XIV, 149.

[3]) Pol. Corr. Bd. X, 141; ср. Bd. XIII, 141, 160, 170, 197, 254 относительно использованія Фридрихомъ Англійскаго капитана Ламберта въ качествѣ Прусскаго шпіона въ Россіи.

[4]) Pol. Corr. Bd. XI, 328.

[5]) Pol. Corr. Bd. XI, 439.

[6]) Pol. Corr. Bd. XIV, 80, 181—189, 124. Расположеніе наслѣдной четы въ пользу короля.

На случай смерти Елисаветы Петровны Фридрихъ пишетъ въ 1757 году фельдмаршалу Левальду, что дѣло должно принять другой оборотъ и предполагаетъ выпустить „Gegenmanifest" на Нѣмецкомъ, Французскомъ, Польскомъ и Латинскомъ языкахъ, въ которомъ должно быть указано, что Русскій дворъ нарушилъ мирныя условія. Это должно быть оглашено „съ возможною краткостью, но выразительно", дабы показать Великому Князю „какая безотвѣтственность существуетъ между образованными народами" и убѣдить его этимъ моральнымъ соображеніемъ въ томъ, что Русскіе не должны воевать съ Пруссіей [1]).

Итакъ, Петръ Θедоровичъ всегда дѣйствовалъ въ выгодахъ Фридриха, но не всегда могъ дѣйствовать такъ какъ хотѣлъ. Отношенія его къ Елисаветѣ очень мѣнялись. Вначалѣ любимый наслѣдникъ, въ концѣ сороковыхъ годовъ онъ уже не кажется ей достойнымъ престола, а подъ исходъ своего царствованія, по словамъ Екатерины II, она очень не любила его. Въ своей замѣткѣ по поводу этого Екатерина пишетъ [2]): „Послѣднія мысли покойной императрицы (Елисаветы Петровны) о наслѣдствѣ точно сказать не можно, ибо твердыхъ не было. То несумнительно, что она не любила Петра III и что она его почитала за неспособнаго къ правленію, что она знала, что онъ Русскихъ не любилъ, что она съ трепетомъ смотрѣла на смертный часъ и на то, что̀ послѣ ея происходить можетъ; но какъ она во всемъ имѣла рѣшимость весьма медлительную, особливо въ послѣдніе годы ея жизни, то догадываться можно, что и въ пунктѣ наслѣдства мысли болѣе колебалися, нежели что нибудь опредѣлительное было. Фаворитъ же Иванъ Ивановичъ Шуваловъ былъ окруженъ великимъ числомъ молодыхъ людей, отчасти не любя же отъ сердца, а еще болѣе отъ легкомыслія ему свойственнаго, бывъ убѣжденъ воплемъ (*всѣхъ* зачеркнуто и написано сверху: множествомъ) людей, кои не любили и опасались Петра III, за нѣсколько время до кончины Императрицы мыслилъ и клалъ на мѣрѣ перемѣнить наслѣдство, въ чемъ адресовался къ Никитѣ Ивановичу Панину, спрося, что̀ онъ о томъ думаетъ и какъ бы то сдѣлать, говоря, что мысли иныя клонятся, отказавъ и выславъ изъ Россіи Великаго Князя съ супругою, сдѣлать правленіе именемъ Царевича, которому былъ тогда седьмой годъ, что другіе хотятъ лишь выслать отца и оставить мать съ сыномъ, и что всѣ въ томъ единодушно думаютъ, что Великій Князь Петръ Θедоровичъ не способенъ и что кромѣ бѣдства покоряся ему Россія не имѣетъ ожидать. На сіе Н. И. Панинъ отвѣтствовалъ, что всѣ сіи проекты суть способы (зачеркнуто: *дабы*) къ междуусобной погибели, что въ одномъ критическомъ того перемѣнить безъ мятежа и бѣдственныхъ средствъ не можно, что̀ двадцать лѣтъ всѣми клятвами утверждено (зачеркнуто: *самодерж.*). Никита Ивановичъ о семъ мнѣ тотчасъ далъ знать, сказавъ мнѣ при томъ, что больной Императрицѣ еслибъ представили, чтобъ мать съ сыномъ

---

[1]) Pol. Corr. Bd. XIV, 351, 352.

[2]) „Русскій Архивъ" (1863 г.) изд. второе 1866 г., стр. 383.

оставить, а отца выслать, то большая въ томъ вѣроятность, что она на то склониться можетъ. Но къ сему, благодаря Бога, фавориты не приступили, но, оборотя всѣ мысли свои къ собственной ихъ безопасности, стали дворовыми вымыслами и происками стараться входить въ милости Петра III, въ коемъ отчасти и предуспѣли. А онъ о сей грозящейся ему тучѣ никогда и не свѣдалъ, ибо онъ немолчаливъ былъ, и конечно тѣ, кои бы захотѣли его остерегать въ томъ или въ другомъ, изъ вѣрности къ нему, были бы жертвою его нескромности, коя наипаче тогда опасна была, когда онъ изъ-за стола вставалъ, по пословицѣ Русской: у п. н. я. что̀ у т. н. у."

Этими строками объясняется многое. Но если Петръ III „никогда не свѣдалъ о грозившей ему тучѣ", то Фридрихъ былъ превосходно обо всемъ этомъ освѣдомленъ. Историкъ Гейсеръ говоритъ, что было хорошо извѣстно о расположеніи Петра III къ Фридриху, называли по именамъ лицъ, которыя возбуждали гнѣвъ Царицы тѣмъ, что скрытно являлись посредниками между Петромъ и Фридрихомъ. Генералы во время войны нерѣдко имѣли въ виду будущаго царя [1]). Далѣе онъ же говоритъ, что въ концѣ 1761 года Фридрихъ былъ точно освѣдомленъ черезъ Кейта [2]) и Митчеля о положеніи дѣлъ при Русскомъ дворѣ. Довѣренныя лица въ Гамбургѣ поддерживали связь между Петербургомъ и лагеремъ Фридриха [3]).

Войнолюбивый Фридрихъ уже въ 1757 году желалъ мира. Митчель такъ докладывалъ объ этомъ Англійскому королю: „Я имѣлъ весьма долгій разговоръ съ его Прусскимъ величествомъ. Когда я настаивалъ на томъ, чтобъ онъ высказалъ свои взгляды на планъ всеобщаго мира, онъ отвѣчалъ, что ничего не желаетъ такъ сильно какъ мира, но что это невозможно выполнить раньше окончанія кампаніи [4])". Карлейль предполагаетъ, что въ это время Фридрихъ II запасся ядомъ, который былъ найденъ послѣ смерти его въ видѣ 5 или 6 пилюль въ узкой стеклянной трубкѣ съ кускомъ матеріи [5]).

Итакъ, Фридрихъ чувствовалъ себя очень плохо въ стратегическомъ, въ финансовомъ и въ душевномъ отношеніяхъ. Онъ хотѣлъ мира. Естественно поэтому, что и Англійская партія при Петербургскомъ дворѣ, къ которой принадлежали по своимъ симпатіямъ Петръ съ Екатериной, старалась проводить миролюбивую политику.

Когда Англійскій посланникъ Вильямсъ оставлялъ 19 Августа 1757 года Петербургъ, онъ получилъ два письма отъ Екатерины и одно отъ Петра, въ

---

[1]) L. Häusser. Zur Geschichte Friedrichs II und Peters III, Forschungen zur Deutschen Geschichte. Bd. IV. 3 (1864).

[2]) Кейтъ Англійскій посланникъ въ Петербургѣ. Митчель Англійскій уполномоченный министръ при Прусскомъ дворѣ.

[3]) L. Häusser. Zur Geschichte etc., стр. 4

[4]) Pol. Corr. Bd. XV, 134.

[5]) Carlyle. Friedrich der Grosse. Bd. IV, 663; Preuss, II. 175, 315.

которыхъ были выражены признательность и расположеніе къ Англіи, а слѣдовательно и къ Пруссіи [1]). Въ свою очередь Фридрихъ въ нотѣ, отправленной Митчелю, высказываетъ свое расположеніе къ наслѣдной четѣ [2]). Это было въ Декабрѣ 1756 г. послѣ сообщенія Митчелемъ Фридриху о подобномъ же отношеніи Великаго Князя и его супруги къ Прусскому королю.

Но съ теченіемъ времени значеніе [3]) Петра при Русскомъ дворѣ все болѣе и болѣе ослабѣваетъ. Военныя неудачи также безпощадно преслѣдуютъ Фридриха. Въ 1760 году Русскіе занимаютъ Берлинъ. Контрибуція, захватъ большого количества знаменъ, пушекъ и потеря 5000 человѣкъ плѣнными или убитыми [4]) дѣйствуютъ удручающе на Фридриха. Еще до этого, послѣ сраженія при Кунерсдорфѣ, 13 Августа 1759 года, Фридрихъ пишетъ, что смерть была бы ему благодѣяніемъ въ сравненіи съ такою жизнью, какую приходится ему вести [5]). Дѣйствительно, завоеваніе Русскими и Австрійцами цѣлаго ряда городовъ, наводненіе первыми Помераніи и Пруссіи, вторыми Силезіи, недостатокъ въ деньгахъ, измѣненіе политики въ Англіи (по смерти Георга II), все это довело его до отчаянія. „Какъ суровъ, печаленъ и ужасенъ конецъ моего поприща", восклицаетъ онъ въ одномъ своемъ письмѣ [6]) „Я не могу избѣжать своей судьбы; все, что̀ человѣческая осторожность можетъ посовѣтовать, все сдѣлано, и все безъ успѣха. Только судьба можетъ меня освободить отъ этого положенія, въ которомъ я нахожусь". „Я сожалѣю о моихъ врагахъ, что они трудятся изъ-за ничтожныхъ, мизерныхъ вещей" [7]).

Фридрихъ, повидимому, въ это время совсѣмъ забываетъ о Петрѣ. Онъ нуждается въ помощи. За поддержку со стороны Даніи онъ готовъ лучше видѣть ее владѣлицей Голштиніи, чѣмъ Россію [8]). Наконецъ для него остается одна надежда на Турокъ, которые могутъ напасть на Австрію съ Юга. Онъ вступаетъ въ дѣятельныя сношенія съ Крымскимъ ханомъ и Турецкимъ султаномъ, и вдругъ совершается небывалое въ исторіи событіе: Петръ III возвращаетъ Пруссіи рядъ завоеванныхъ областей и даже собирается помогать ему противъ Австрійцевъ, вчерашнихъ друзей Россіи.

Гейсеръ пишетъ, что Фридрихъ не былъ изумленъ перемѣною, происшедшей въ Россіи [9]). „Съ 9-го Декабря 1761 г. онъ въ Бреславлѣ, въ со-

---

[1]) Pol. Corr. Bd. XVI, 245—247.

[2]) Pol. Corr. Bd. IV, 150.

[3]) Pol. Corr. Bd. XVIII, 306.

[4]) Русскій Архивъ. 1889 г., кн. 6, 305.

[5]) Friedrich der Grosse und der Friede zu Hubertsburg. Psychologische Skitze. Стр. 16.

[6]) Carlyle. Bd. IV, 266.

[7]) Pol. Corr. Bd. XIX, 365, 305—308.

[8]) Jahresberichte der Geschichtswissenschaft. XVII Jahrg. II, 66.

[9]) Häusser. Zur Geschichte etc. стр. 4.

хранившейся еще части своего разрушеннаго дворца. Онъ представляется намъ, какъ бы сидящимъ на развалинахъ, не имѣющимъ передъ собой ничего въ виду кромѣ развалинъ. Оторванный отъ общества, неподвижно устремивъ взоры въ темное будущее, онъ почти никого не видитъ, не заводитъ рѣчи ни о чемъ, кромѣ дѣловыхъ разговоровъ"... „Въ эти мрачные его дни Турки и другія призрачныя надежды его занимаютъ" [1]). А въ письмѣ его отъ 18 Января 1762 года читаемъ: „Только въ Февралѣ мы можемъ говорить объ этомъ (т. е. о поддержкѣ со стороны Россіи) съ достовѣрностью-это срокъ, который я опредѣлилъ себѣ, чтобы въ теченіе этого времени рѣшить, долженъ ли я держаться воззрѣній Катона (т. е. покончить съ собой или слѣдовать комментаріямъ Цезаря". Дѣйствительно, государство, какъ онъ; самъ выражался, „лежало въ агоніи" и „ждало лишь послѣдняго соборованія" [2]). 5 Января новаго стиля вступилъ на престолъ его „безмѣрный, страстный и фанатическій почитатель". Полковникъ Гордтъ первый извѣстилъ Фридриха о смерти Елисаветы. 27 Января Фридрихъ пишетъ по поводу этого графинѣ Камасъ (обергофмейстеринѣ при Русской королевѣ): „Надо надѣяться, будутъ еще другія хорошія явленія, которыми можно будетъ воспользоваться, чтобы достигнуть хорошаго мира". Про самую же кончину Елисаветы онъ писалъ 22 Января 1762 года въ Лондонъ барону Книпгаузену, своему посланнику: Morta la bestia, morto il veneno [2]). За нѣсколько недѣль до этого король, относясь недовѣрчиво къ личному почину Петра III, пытался добиться мира черезъ „одного благомысленнаго Голштинца при дворѣ Великаго Князя" [3]). Кейтъ совѣтовалъ Фридриху больше воздѣйствовать на Екатерину, тѣмъ болѣе что личныя сношенія съ Петромъ III уже давно были прерваны.

22-го Января 1762 года Фридрихъ узналъ о смерти Елисаветы, а черезъ недѣлю уже прибылъ къ нему посланный Петромъ III его любимецъ Гудовичъ. Впечатлѣніе, произведенное на Фридриха этимъ событіемъ, было потрясающее. Онъ называетъ его „солнечнымъ лучомъ" (Lichtstrahl) въ письмѣ къ Финкенштейну 31 Января. Еще въ концѣ Марта онъ не можетъ придти въ себя. Вотъ выдержка изъ его письма къ д'Аргенсу: „Моя голова такъ слаба, что я не могу вамъ ничего больше сказать, только одно: царь Россіи божественный человѣкъ, которому я долженъ воздвигать алтари [4]). Въ письмѣ къ самому Петру III отъ 20 Марта онъ его называетъ „государемъ, у котораго сердце поистинѣ-Нѣмецкое" (Русскій читатель невольно улыбнется). Но цѣлый рядъ другихъ выраженій льстивыхъ, слишкомъ прозрачныхъ для того, чтобы не понять ихъ, убѣждаетъ въ томъ, что такъ нужно было тогда говорить, и сказанное находило благодарную почву въ „человѣкѣ по-

---

[1]) Schöning, III. Briefe an Heinrich; Carlile, Bd. VI, 251 и 283.

[2]) Погибло животное, пропалъ и ядъ. Русскій Архивъ. 1898 г., I, 17.

[3]) Koser. König Friedrich des Grosse. Bd. II, 300—303.

[4]) Carlile. Bd. VI, 282.

сланномъ Небомъ", „интимномъ другѣ", „божественномъ монархѣ, достойномъ алтарей", „милостивомъ божествѣ" съ „божественнымъ характеромъ".

Посмотримъ теперь, чтò происходило въ это время на берегахъ Невы.

Гордтъ, выпущенный только что послѣ смерти Елисаветы изъ Петропавловской крѣпости, полковникъ Прусской арміи, Шведъ по происхожденію, оставилъ цѣнныя записки объ этой эпохѣ [1]). Онъ говоритъ, что Петръ III не былъ совсѣмъ политикомъ; вѣроятно нота отъ 12 Февраля была дѣломъ лицъ его окружавшихъ. Въ ней, обращаясь ко всѣмъ державамъ, Петръ III предлагалъ общій миръ и объявилъ о возвращеніи завоеванныхъ Россіей областей Пруссіи. Встрѣчу свою съ Петромъ III и отношенія его къ Фридриху II Гордтъ описываетъ такъ: „За столомъ Петръ III обратился ко мнѣ съ такими словами: Вы совсѣмъ ничего не могли знать, чтò дѣлается въ Пруссіи. Я очень радъ, что могу вамъ сообщить, что король совершенно здоровъ, хотя до сихъ поръ долженъ былъ биться направо и налѣво; но я надѣюсь, что все это скоро кончится". На просьбу Гордта послать эстафету Фридриху, Петръ III сказалъ, чтобы Гордтъ извѣстилъ Фридриха, что къ нему скоро будетъ посланъ старшій адъютантъ Императора, чтобы засвидѣтельствовать объ его дружбѣ. Гордтъ также разсказывалъ, что за обѣднею Петръ III „нѣсколько разъ приходилъ къ нему на хоры, чтобы поговорить съ нимъ все тѣмъ же милостивымъ тономъ и въ бесѣдѣ болѣе всего старался выразить свою привязанность къ королю". Австрійскій посолъ въ Петербургѣ графъ Мерси въ своей депешѣ отъ 18 Января 1762 года, называя Гордта „большимъ каверзникомъ", пишетъ: „Гордтъ присутствуетъ почти при всѣхъ увеселеніяхъ, да и вообще безотлучно находится при Государѣ. Предъ нимъ въ особенности похваляется Государь своимъ восторженнымъ поклоненіемъ Прусскому королю и доводитъ оное до чисто-ребяческой неумѣренности" [2]); и далѣе въ депешѣ отъ 12—15 Февраля: „Императоръ, не задумываясь, сообщаетъ г. Кейту и полковнику Гордту безъ исключенія все, чтò до него доходитъ путемъ письменныхъ докладовъ". На ужинѣ, въ обществѣ всего изъ 10 человѣкъ, куда были приглашены Гордтъ, Кейтъ и Англійскій посланникъ, Императоръ снялъ съ пальца перстень и, показывая его Гордту, спросилъ, знакомъ ли ему портретъ, вдѣланный въ кольцо. Тотъ отвѣчалъ утвердительно. Это былъ портретъ Фридриха Второго.

Вообще, записки Гордта очень подробно изображаютъ эпоху вступленія Петра III на престолъ и начало его царствованія. Вокругъ Гордта и Англійскаго посланника Кейта сосредоточивается все, имѣющее отношеніе къ Фридриху Второму. Графъ Мерси въ депешѣ отъ 26 Февраля замѣчаетъ: „У Государя съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе является сильнѣйшая охота выражать безъ пощады и приличія свое пристрастіе къ нашимъ врагамъ и

---

[1]) Русскій Архивъ. 1877 г., II, 294—326; Carlyle, Bd. VI.

[2]) Русскій Архивъ. 1877 г., VII, 316; Сб. Р. Ист. Общ., т. XVIII, стр. 59, 75, 121.

свою нелюбовь къ намъ и нашимъ союзникамъ. Никто болѣе не способствуетъ воспламененію его воображенія, какъ извѣстный полковникъ Гордтъ, который не отходитъ отъ Императора и такъ овладѣлъ послѣднимъ, что даже г. канцлеръ отозвался о немъ на дняхъ барону Бретёлю [1]) слѣдующимъ образомъ: „Кажется, этотъ Гордтъ совсѣмъ обворожилъ Государя“ (Сб. Имп. Р. Ист. Общ. т. XVIII, стр. 162—163). Гордтъ нѣсколько разъ проситъ у Императора позволенія уѣхать къ себѣ домой, но тотъ шутя грозитъ посадить его снова въ Петропавловскую крѣпость и не отпускаетъ его до пріѣзда Гольца. По словамъ Гордта, Петръ III „до мельчайшихъ подробностей зналъ всѣ походы Прусскаго короля; ему были извѣстны всѣ военныя распоряженія короля; онъ зналъ форму и составъ каждаго изъ его полковъ; однимъ словомъ, его поклоненіе доходило до того, что онъ громко объявилъ, что не замедлитъ всѣ свои войска поставить на туже ногу. И дѣйствительно, такъ и было сдѣлано вскорѣ послѣ того: всѣ прежнія военныя формы были отмѣнены, и Государь первый надѣлъ мундиръ по Прусскому образцу“.

Но Фридрихъ II подъ ударами судьбы сдѣлался недовѣрчивымъ. Правда, Прусское правительство, повидимому, не знало точно, какъ о взаимныхъ отношеніяхъ супруговъ Петра III и Екатерины, такъ и о настроеніи самого Петра и объ его планахъ. Фридрихъ рекомендуетъ представителямъ своихъ интересовъ въ Петербургѣ величайшую осторожность, „нащупываніе почвы“, ловко и льстиво выразить чувства Фридриха Екатеринѣ. Тогда предполагалось, что она имѣетъ большое вліяніе на Петра III, чего, какъ мы видимъ, въ дѣйствительности не было [2]). Вотъ подлинныя слова самого Фридриха, заставляющія предполагать о существованіи у него и ранѣе тайныхъ сношеній съ Петромъ III: „Новый императоръ Россіи, сообразно тѣмъ чувствамъ, которыя ему приписывались раньше, дастъ намъ возможность получить свѣдѣнія, можетъ быть, секретнымъ способомъ относительно идеи всепрощенія, направленной къ примиренію“ [3])... Приблизительно около этого времени на заявленіе Австріи, что Фридрихъ есть наслѣдственный врагъ Россіи, Петръ III отвѣчалъ, что по отношеніи къ Россіи это глупо и что онъ не измѣнитъ своего мнѣнія. Точно также, когда Австрія предлагала своей союзницѣ Россіи помощь противъ Даніи, Петръ III отвѣчалъ отрицательно [4]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ очень вѣроятно, что, послѣ восшествія на престолъ, Петръ III сталъ бездѣятеленъ. Онъ думалъ, благодаря увѣреніямъ льстецовъ, что онъ пріобрѣлъ любовь народа [5]).

Когда Петръ III просилъ у Фридриха орденъ Чернаго Орла (въ одеждѣ Петра не доставало только этого по сравненію съ Фридрихомъ), тотъ го-

---

[1]) Французскій посланникъ въ Петербургѣ.

[2]) Haüsser и т. д. стр. 4; Pol. Corr. XXI, 189.

[3]) Pol. Corr. Bd. XXI, 193.

[4]) Raumer. König Friedrich II und seine Zeit. стр. 507.

[5]) Тамъ же, стр. 517.

ворить о томъ съ изумленіемъ въ письмѣ къ Митчелю, еще во время войны. Война дѣйствительно еще не окончилась, потому Русскія войска попрежнему оставались въ Пруссіи и въ сущности вели себя какъ во вражеской странѣ [1]). Въ письмѣ къ Гордту въ концѣ Января Фридрихъ замѣчаетъ: „Изъявленіе великодушія, которымъ его императорское величество желаетъ ознаменовать свое восшествіе на престолъ, утверждаетъ во мнѣ то выгодное понятіе, которое я всегда имѣлъ объ образѣ мыслей этого Государя, и послужитъ вѣчнымъ памятникомъ его правосудія и величія души. Оно возбудило во мнѣ самый живой восторгъ, и чтобы доказать это, я распорядился тотчасъ же, безо всякаго выкупа, освободить всѣхъ военно-плѣнныхъ Русскихъ, которые находятся въ моихъ владѣніяхъ, и передать ихъ Русскимъ генераламъ, стоящимъ на границѣ". Когда императоръ прочелъ это письмо, онъ сказалъ одному изъ своихъ адъютантовъ: „Поѣзжай сейчасъ же въ Военную Коллегію и скажи, чтобы немедленно разослали приказъ повсюду, гдѣ только содержатся плѣнные изъ Пруссаковъ (большая часть ихъ была сослана въ Сибирь): я всѣмъ дарую свободу".

Пріѣхавъ въ Пруссію, Гордтъ „представилъ Фридриху подробный и точный отчетъ обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ имъ въ Петербургѣ". Онъ „позволилъ себѣ увѣрить короля не только въ томъ, что настоящая кампанія есть послѣдняя, но и въ томъ, что миръ будетъ заключенъ вполнѣ согласно желаніямъ его величества" [2]).

Нотою отъ 12 Февраля ко всѣмъ державамъ объявлялась идея общаго мира и обезпечивалось существованіе Пруссіи. Въ это время Чернышевъ со своимъ корпусомъ отдѣлился, по приказанію Императора, отъ Австрійцевъ и перешелъ Вислу.

7 Февраля 1762 года отправленъ въ Петербургъ полковникъ Бернгардтъ Вильгельмъ фонъ-Гольцъ. Онъ былъ снабженъ „инструкціей", въ которой опредѣлялись цѣль и объемъ его задачи. Цѣль состояла въ томъ, чтобы прекратить войну съ Россіей и отдѣлить ее отъ союзниковъ. Въ дальнѣйшемъ Гольцъ долженъ былъ „способствовать установленію гармоніи и дружбы между обоими государствами". Въ этой знаменитой инструкціи дальше говорится о томъ, чтобы убѣдить Русскихъ увести войска изъ Пруссіи и Помераніи; если они рѣшатъ оставить за собой Пруссію, то извѣстить Фридриха объ этомъ черезъ курьера. При условіи со стороны Русскихъ получить Голштинію и возвратить всѣ области Пруссіи, тотчасъ подписать соглашеніе. При этомъ Фридрихъ согласенъ и на нейтралитетъ со стороны его въ случаѣ войны Россіи съ Даніей, но проситъ сохранить это въ тайнѣ отъ Датскаго двора.

---

[1]) Русскій Архивъ, 1877. VII, 323, 324.

[2]) Тамъ же, стр. 326.

Увѣренность Фридриха въ расположеніи Петра III къ Пруссіи возрастала, и онъ сталъ мѣнять свои планы. Онъ уже не довольствуется отозваніемъ Русскихъ войскъ изъ Пруссіи. Онъ предпочитаетъ, чтобы, благодаря ихъ присутствію, Пруссія казалась жертвою въ глазахъ Англіи и другихъ, но чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ, на случай совмѣстныхъ дѣйствій, они помогли ему быстро уничтожить Австрійцевъ. Отозвать войска не значитъ ускорить миръ, наоборотъ продлить войну. Конечно все это приходилось держать въ большомъ секретѣ [1]). Въ вышеупомянутой инструкціи Гольцу и въ другихъ мѣстахъ Фридрихъ очень опредѣленно указываетъ на необходимость скрывать отъ Англичанъ, его союзниковъ, дипломатическія дѣйствія Пруссіи при Петербургскомъ дворѣ; это возбуждало большое неудовольствіе въ Англіи, которая цѣлыхъ шесть лѣтъ шпіонила у насъ для Пруссіи. Онъ даже Императора хочетъ связать обѣщаніемъ молчать о планахъ его относительно Даніи и Голштиніи [2]), что̀ становится еще понятнѣе, если вспомнить, что въ концѣ 1761 года онъ проектировалъ союзъ съ Даніей и Турціей противъ Австріи и Россіи [3]).

Королю было неловко, а главное невыгодно, чтобы его вчерашняя союзница Данія узнала про его измѣну. Въ дѣйствительности Фридриху казалось лучше, если Голштинія будетъ принадлежать Даніи, чѣмъ Россіи. Поэтому всѣ мѣста въ его письмахъ, гдѣ онъ говоритъ о завоеваніи Голштиніи, надо понимать въ обратномъ смыслѣ.

Сальдерну, Русскому уполномоченному на конгрессѣ въ Берлинѣ для установленія мирныхъ отношеній съ Даніей, Фридрихъ совѣтуетъ отговорить Императора отъ похода противъ Даніи [4]). Король находитъ, что „претензіи Императора немножко сильны по отношеніи къ Даніи", но тѣмъ не менѣе пріятны ему и должны быть удовлетворены [5]). Онъ полагаетъ, что разрывъ съ Даніей наступитъ еще нескоро. Надо однако „внимательно слѣдить за событіями, чтобы воспользоваться случаемъ для начала „законныхъ" военныхъ дѣйствій противъ Даніи [6]). Съ другой стороны, въ письмѣ къ Гольцу отъ 30 Мая онъ пишетъ, что военныя операціи противъ Датчанъ можно съ успѣхомъ отложить до будущей весны [7]).

Датчане это очень хорошо видѣли и жалѣли, что не заключили раньше проектировавшагося союза Англо-датско-прусскаго [8]). На болѣе рѣшительный

---

[1]) Pol. Corr. Bd. XXI, 312.

[2]) Pol. Corr. Bd. XXI, 313.

[3]) Pol. Corr. Bd. XIX, 306; Georg Küntzel. Friedrich der Grosse am Ausgang des Siebenjährigen Krieges aus „Forschungen zur Brandenburgischen und Preussischen Geschichte". Bd. XIII. Erste Hälfte 1900, стр. 83.

[4]) Pol. Corr. Bd. XXII, 32; ср. ниже о подкупѣ Сальдерна Фридрихомъ.

[5]) Pol. Corr. Bd. XXII, стр. 33.

[6]) Pol. Corr. Bd. XXII, 20, 21.

[7]) Pol. Corr. Bd. XXI, 487.

[8]) Pol. Corr. Bd. XXI, 274.

запросъ Датчанъ по этому поводу Фридрихъ отвѣчаетъ, что онъ столько занятъ собственными дѣлами, что у него нѣтъ свободнаго времени для того, чтобы посвящать себя другимъ дѣламъ. Онъ поручаетъ своему уполномоченному въ Даніи сообщить о томъ Датскому правительству „деликатнымъ образомъ, но въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, которыя бы впрочемъ ничего не значили“ [1]). Конгрессъ, проектированный въ Берлинѣ, „чистая формальность“: онъ долженъ отвести глаза Петру III. Разъ Петръ будетъ увѣренъ, что всѣ его желанія по отношеніи къ Голштиніи будутъ осуществлены, онъ согласенъ будетъ на всѣ уступки въ другихъ вопросахъ. Такъ предполагалъ король и не ошибался [2]). Проживи Петръ еще только одинъ мѣсяцъ, союзъ Россіи съ Пруссіей былъ бы заключенъ въ той формѣ и въ томъ объемѣ, какъ этого хотѣлъ Фридрихъ. Чтобы обезпечить себѣ такой исходъ своей дипломатической игры, Фридрихъ воздѣйствовалъ всѣми зависящими отъ него средствами какъ на Императора, такъ и на окружавшихъ его лицъ.

Онъ совѣтуетъ царю короноваться возможно скорѣе [3]), предупреждаетъ его противъ возможности въ Россіи революціи, особенно если Петръ III, не коронуясь, отправится лично воевать съ Датчанами; настаиваетъ на томъ, чтобы между Петромъ III и Екатериной возстановились лучшія отношенія. Но все напрасно: добрые совѣты Фридриха были непонятны Петру [4]). Въ этихъ совѣтахъ Фридрихъ былъ искрененъ, потому что ему выгодно было имѣть возможно дольше такого „Нѣмецкаго-Русскаго“ царя.

Посылая Гольца въ Россію, Фридрихъ снабжаетъ его нѣсколькими паспортами. Для чего? Ясно безъ объясненія: для „культивированія“ шпіонства. Черные Орлы въ особенномъ изобиліи летятъ въ это время на Востокъ. Рѣшительно всякій, кому не лѣнь, получалъ орденъ Чернаго Орла. Самъ Петръ носилъ его, имѣлъ такого же и его дядя, барону Корфу тоже нуженъ Черный Орелъ и т. д. Фридриху II не такъ однако было жалко дешевыхъ орловъ, какъ дорогихъ бриллiантовъ. Когда Сальдернъ не захотѣлъ взять украшенную небольшими бриллiантами коробку съ портретомъ короля, а хотѣлъ имѣть большую табакерку, Фридрихъ былъ опечаленъ. Чтобы поднести приличный подарокъ графинѣ Воронцовой, фавориткѣ Петра III, понадобился бриллiантовый букетъ бо̀льшихъ размѣровъ, чѣмъ какой прислалъ Фридрихъ. На это Фридрихъ пишетъ Гольцу. „Какого же дьявола вы хотите, мой дорогой? Чтобы я прислалъ бриллiантовый букетъ столь большой, какъ шпалерныя деревья? Ваши дамы (въ Петербургѣ) носятъ на груди букеты, которые можно принять за шпалерныя деревья изъ Нѣмецкаго сада. Я вамъ послалъ изъ Берлина все наилучшее. Пришлите же по крайней мѣрѣ рисунокъ шпалернаго дерева, чтобы знать, что̀ это такое, и какъ это дѣлается, и вспомните при этомъ, что моя страна разрушена и разграблена“ [5]). Постарайтесь

[1]) Pol. Corr. Bd. XXI, 316.

[2]) Pol. Corr. Bd. XXII, 33, 37.

[3]) Koser, стр. 315.

[4]) Haüsser, стр. 7; Pol. Corr. Bd. XXII, 32.

[5]) Pol. Corr. Bd. XXI, 513.

пріучить его (Сальдерни) къ звону денегъ", пишетъ Фридрихъ въ другомъ мѣстѣ [1]), „и не пренебрегайте маленькими путями". Онъ совѣтуетъ всегда „дѣйствовать смѣло и быстро", но вмѣстѣ съ тѣмъ мягко и осторожно, дѣлать подарки деньгами, чтобы парализовать вредныхъ лицъ: „за маленькую сумму можно пріобрѣсти все, что нужно" [2]).

Въ противоположность прошлымъ годамъ, время послѣ смерти Петра III является періодомъ мирныхъ дѣлъ. Фридриху важно знать, какъ отнесется къ нему Екатерина, какова ея политика по отношеніи къ Пруссіи. Манифестъ новой царицы давалъ надежду на миръ. Чернышевъ, командовавшій корпусомъ Русской арміи, получилъ приказъ перейти въ Россію. Впрочемъ онъ далъ возможность Фридриху одержать побѣду, благодаря только присутствію Русскихъ войскъ. Чернышевъ не тотчасъ выполнилъ приказаніе императрицы и за это щедро былъ награжденъ Фридрихомъ.

Гейсеръ называетъ царствованіе Петра III „дикимъ и безсмысленнымъ" [3]). Самъ Фридрихъ такъ говоритъ объ его кончинѣ: „Вотъ наконецъ императоръ свергнутъ съ трона своей супругой. Этого и надо было ожидать, ибо она обладаетъ большимъ умомъ, никакой религіей и склонностями покойной императрицы, но въ тоже время разыгрываетъ изъ себя святошу" [4]). Тѣмъ не менѣе впечатлѣніе, произведенное на Фридриха смертью Петра III, было очень сильное. Карлейль говоритъ, что „его (Фридриха) охватили ужасъ, изумленіе, состраданіе, и прибавляетъ, что при этомъ Фридрихъ больше думалъ о себѣ, чѣмъ о своемъ несчастномъ другѣ" [5]). Фридрихъ патетически говоритъ въ своихъ письмахъ о Петрѣ: „Я его вѣчно буду оплакивать, онъ былъ мой единственный другъ, мой рыцарь, безъ него я былъ бы уничтоженъ" [6]) и еще: „кровь молодого внука Петра I кричитъ противъ нея" (Екатерины) [7]). При этомъ не надо забывать отзыва Фридриха о самомъ себѣ: „я обладаю всѣми качествами театральнаго героя, всегда въ опасности, всегда на краю гибели" [8]).

Но дѣла его были не такъ плохи. Екатерина не хотѣла войны, не хотѣла уничтожать Пруссію. „Императрица заботится объ укрѣпленіи трона больше, чѣмъ объ увеличеніи своихъ владѣній". „Можно успокоиться. Все угрожающее исчезло. Миръ не будетъ нарушенъ. Императрицей отданъ приказъ очистить Пруссію" [9]).

А. Титовъ.

Ростовъ Великій. Іюня 1-го 1904.

---

[1]) Pol. Corr. Bd. XXI, 389.
[2]) Pol. Corr. XXI, 550.
[3]) Häusser, стр. 1.
[4]) Pol. Corr. XXII. 378.
[5]) Carlile. Bd. VI. 314.
[6]) Preuss, стр. 245.
[7]) Pol. Corr. Bd.
[8]) Pol. Corr. Bd. XXII, 71.
[9]) Pol. Corr. Bd. XXII, 84, 92.

Письма Фридриха Втораго къ Петру Третьему [1].

(Переведены съ Французскаго).

1.

№ 1042.

Великому Князю Россіи въ С.-Петербургъ.

Берлинъ, 24 Января 1743.

Мой кузенъ! Нѣжное участіе, которое я принимаю во всемъ, что касается Вашего Императорскаго Высочества, заставляетъ меня выразить вамъ то удовлетвореніе, которое я почувствовалъ при видѣ справедливости, которую оказали вашимъ заслугамъ и происхожденію, когда я узналъ, что Ея Величество Императрица Всероссійская соизволила назначить васъ своимъ наслѣдникомъ на престолъ. Такъ какъ этотъ выборъ принятъ всюду съ большимъ одобреніемъ, то мнѣ остается лишь пожелать Вашему Императорскому Высочеству тысячу разъ счастія и благоденствія въ томъ положеніи, въ которое вы только что вступили.

Чувства почтенія и уваженія, которыя я всегда питалъ къ вамъ, служатъ для меня вѣрнымъ ручательствомъ въ дружбѣ, на которую я долженъ надѣяться со стороны Вашего Императорскаго Высочества, и такъ какъ для меня будетъ пріятнымъ удовольствіемъ усугублять ее посредствомъ выраженія внимательности и уваженія, которыя я всегда буду чувствовать къ Государю, одаренному столькими прекрасными качествами и заслугами, то я льщу себя надеждою, что Ваше Императорское Высочество всегда будете охотно способствовать поддержанію добраго и тѣснаго согласія между мною и его благородной теткой, Ея Величествомъ Императрицей Россійской, и все крѣпче и крѣпче завязывать узы во имя истинныхъ выгодъ и взаимнаго благоденствія нашихъ обоихъ государствъ, которыя всегда процвѣтали отъ этихъ связей [2].

---

[1]) Читатель сличитъ эти письма съ письмами Петра III-го къ Фридриху II-му, напечатанными въ „Русскомъ Архивѣ“ 1901 года. П. Б.

[2]) Когда, въ 1725 г., отца Фридрихова спросили, какой прикажетъ онъ наложить трауръ при Прусскомъ дворѣ по случаю кончины Петра Великаго, онъ отвѣчалъ: такой же какъ бы я самъ умеръ. Однако, еще князь Б. И. Куракинъ († 1727) указывалъ на опасность для Россіи отъ Прусскихъ каверзъ. П. Б.

Я поручилъ моему лейтенанту-полковнику инфантеріи, господину Гранту, увѣрить Ваше Императорское Высочество въ искренности этихъ чувствъ и умоляю васъ придать полную вѣру всему, что̀ онъ будетъ имѣть честь говорить вамъ отъ меня, особенно, когда онъ будетъ имѣть честь увѣрить васъ въ высокомъ уваженіи и безцѣнномъ почтеніи, съ которымъ я остаюсь безусловно глубоколюбящимъ, добрымъ кузеномъ Вашего Императорскаго Высочества, моего кузена, Фридрихомъ.

2.

№ 13464.

Императору Россіи въ С.-Петербургъ.

Бреславль, 6 Февраля 1762.

Ваше Императорское Величество, примите благосклонно мое поздравленіе съ восшествіемъ на престолъ. Увѣряю Ваше Величество, что изъ всѣхъ пожеланій, которыя вы получите по этому поводу, ни одно не будетъ болѣе искренно, чѣмъ мое и что никто не желаетъ вамъ болѣе благополучія, чѣмъ я, и никто, какъ я, не хочетъ установить между двумя государствами старинное доброе согласіе, нарушенное усиліями моихъ враговъ, что̀ выгодно только для постороннихъ.

Однимъ словомъ, Ваше Величество вы найдете во мнѣ расположеніе къ вамъ всегда, когда только вы пожелаете. Прошу васъ въ тоже время о продолженіи Вашей драгоцѣнной дружбы. Фридрихъ.

3.

№ 13428.

Императору Россіи въ С.-Петербургъ.

Бреславль, 22 Февраля 1762.

Я былъ н евъ состояніи отпустить въ дорогу г. Гудовича, не снабдивъ его письмомъ къ Вашему Императорскому Величеству. Я благодарю васъ отъ всего сердца и со всевозможной признательностью за высказанныя мнѣ увѣренія въ вашей дружбѣ. Ваше Величество можете разсчитывать на взаимность моихъ чувствъ, ибо я имѣю чувствительное сердце и благодарную душу. Я просилъ г. Гудовича выразить Вашему Величеству болѣе обстоятельно мои чувства и увѣрить васъ въ томъ, что я придаю наибольшую цѣну доказательствамъ, которыя вы мнѣ дали когда-то, и новымъ, слѣдствіе которыхъ я вижу ежедневно.

Мнѣ извѣстно, что корпусу графа Чернышева приказано отдѣлиться отъ Австрійцевъ *). Я долженъ бы былъ не имѣть никакой чув-

*) Генералу Гранту (Grant) король писалъ 22 Февраля: „корпусъ Чернышева отдѣлился отъ Австрійцевъ безъ сомнѣнія для того, чтобы вернуться въ Польшу, хотя я не могу еще обозначить вамъ тотъ день, когда это будетъ выполнено“ (Берлинъ. Архивъ Генеральнаго Штаба).

ствительности, если бы не считалъ себя вѣчно обязаннымъ Вашему Величеству. Да поможетъ мнѣ Небо найти случай доказать вамъ это на дѣлѣ. Ваше Величество можете быть увѣрены, что эти чувства не изгладятся никогда въ моемъ сердцѣ, и я буду считать честью для себя доказать вамъ это при каждомъ удобномъ случаѣ. Фридрихъ.

4.

№ 13513.

Императору Россіи въ С.-Петербургъ.

Бреславль, 3 Марта 1762.

У скончавшейся недавно Императрицы Россійской былъ прежде Прусскій орденъ. Я поручилъ господину Гольцу предложить его Вашему Императорскому Величеству. Льщу себя надеждой, что вы согласитесь принять его, какъ знакъ дружбы и тѣсной связи, въ которой я желаю находиться съ вами. Еще раньше воцаренія Вашего Императорскаго Величества, я былъ многимъ обязанъ вамъ; съ того же недавняго времени какъ вы занимаете престолъ обязательства мои по отношеніи къ вамъ безконечны. Я бы очень хотѣлъ быть въ состояніи засвидѣтельствовать вамъ всю глубину моей признательности. Эти чувства, которыя начертаны глубоко въ моемъ сердцѣ, не останутся всегда безплодными, и я льщу себя надеждой, что представится случай доказать это съ очевидностью. Въ ожиданіи этого, я прошу Ваше Величество удовлетвориться моимъ добрымъ желаніемъ, тѣмъ, что̀ проистекаетъ изъ моего сердца и изъ чувствъ уваженія и признательности, которыя я питаю къ вамъ. Я бы никогда не могъ кончить писать объ этомъ, если бъ я присоединилъ сюда все, что̀ я думаю; между тѣмъ Ваше Императорское Величество не должны быть этимъ особенно удивлены. Кто совершаетъ поступки столь благородные и столь рѣдкіе въ тотъ вѣкъ, въ который мы живемъ, тотъ долженъ ожидать выраженія удивленія, котораго онъ по справедливости заслужилъ. Это то, что̀ происходитъ съ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ. Первые поступки вашего правленія привлекли къ вамъ благословенія всѣхъ вашихъ подданныхъ и наиболѣе здоровой части Европы. Да будетъ ваше правленіе продолжительно и счастливо! Какъ другъ и въ силу истинной привязанности, заинтересованъ я въ вашемъ благополучіи. Ваше Императорское Величество можете разсчитывать на это и на то, что я желаю лишь найти случай доказать вамъ, насколько я и проч. Фридрихъ.

5.

№ 13543.

Императору Россіи въ С.-Петербургъ.

Бреславль, 20 Марта 1762.

Ваше Императорское Величество, послѣ всѣхъ тѣхъ знаковъ неоцѣненной дружбы, которые вы мнѣ оказали, должны быть вполнѣ убѣждены, что я всегда готовъ предупредить васъ во всемъ, что̀ можетъ быть вамъ пріятно. Вамъ сто̀итъ лишь сказать, вы можете разсчитывать на меня. Вы просите прислать къ вамъ генерала Вернера, чтобы быть въ состояніи располагать имъ, какъ вы найдете нужнымъ. Между тѣмъ, въ виду того, что я совершенно лишенъ генераловъ, въ то время какъ у меня теперь на рукахъ еще сильная война, не соблаговолите ли вы согласиться, чтобы генералъ Вернеръ участвовалъ еще и въ этой кампаніи? Если же, однако, вы хотите его имѣть ранѣе, то онъ будетъ въ вашемъ распоряженіи немедленно какъ вы этого пожелаете. Для меня будетъ удовольствіемъ удовлетворить васъ также относительно графа Гордта, какъ только обстоятельства позволятъ мнѣ это.

Если бы я могъ болѣе существенными дѣйствіями засвидѣтельствовать тѣ знаки благодарности, которые ваши благородные поступки обозначили въ моемъ сердцѣ! Въ то время, какъ меня преслѣдуетъ вся Европа, въ васъ нахожу я друга, нахожу въ васъ государя, у котораго сердце истинно-Нѣмецкое, который не хочетъ способствовать тому, чтобы Германія была отдана въ рабство Австрійскому дому и который протягиваетъ мнѣ руку помощи, когда я нахожусь почти безъ средствъ. Ваше Императорское Величество не найдете страннымъ, что я всю надежду возлагаю на васъ; куда иначе могу ее лучше помѣстить? Я обѣщаю вамъ твердую и безсмертную дружбу, я прошу васъ смотрѣть на меня, какъ на своего друга; и я буду самымъ вѣрнымъ другомъ и буду считать себя счастливымъ только тогда, когда смогу убѣдить васъ въ этихъ чувствахъ, наполняющихъ мое сердце *).

6.

№ 13552.

Императору Россіи въ С.-Петербургъ.

Бреславль, 23 Марта 1762.

Я былъ бы самымъ неблагодарнымъ, самымъ недостойнымъ человѣкомъ, если бы я не чувствовалъ и не былъ бы вѣчно благодаренъ за благородные поступки Вашего Императорскаго Величества. Ваше Ве-

*) Далѣе обычныя подписи опускаются. П. Б.

личество превзошли всѣ мои ожиданія. Вы раскрываете мнѣ измѣну моихъ союзниковъ, вы помогаете мнѣ, когда всѣ меня покидаютъ, и я только вамъ обязанъ за все, что̀ у меня есть счастливаго въ жизни. Вы хотите, чтобы я послалъ вамъ проектъ мира. Я исполняю это, такъ какъ вы этого желаете, но я вполнѣ полагаюсь на вашу дружбу. Располагайте, какъ хотите, я подпишу все: ваши выгоды—мои выгоды, у меня нѣтъ никакихъ другихъ. Природа дала мнѣ чувствительное и признательное сердце, я могу быть лишь чувствительно тронутъ всѣмъ тѣмъ, что̀ Ваше Величество сдѣлали для меня. Смотрите на меня отнынѣ, какъ на своего союзника; я никогда не смогу отблагодарить васъ за всѣ тѣ обязательства, которыя я имѣю по отношеніи къ вамъ. Я горжусь тѣмъ, что могу быть признательнымъ и, конечно, я буду имъ; пусть же средства мои будутъ равны моимъ искреннимъ и хорошимъ желаніямъ. Составляйте договоры, какъ вы желаете; они во всякомъ случаѣ будутъ сообразны моей волѣ. Ваши выгоды это мои выгоды; да, я клянусь въ этомъ и никогда не откажусь отъ нихъ! Я не могу отказать себѣ въ томъ, чтобы не сказать Вашему Величеству: вы подаете примѣръ добродѣтели всѣмъ властителямъ, что̀ должно привязать къ вамъ сердца всѣхъ честныхъ людей. Скажите только теперь, чѣмъ я могу вамъ услужить и доставить вамъ удовольствіе, и будьте увѣрены, что я предупрежду всѣ ваши желанія во всемъ, что̀ зависитъ отъ меня.

Я посылаю графа Шверина, который будетъ имѣть честь представить это письмо Вашему Императорскому Величеству. Я бы долженъ былъ посылать болѣе значительныхъ личностей; но если бы Вашему Величеству было извѣстно положеніе, въ которомъ я нахожусь, вы бы увидѣли, что это невозможно за недостаткомъ людей, и такъ какъ все уже использовано. Я потерялъ за эту войну 120 генераловъ, 14 генераловъ въ плѣну у Австрійцевъ; въ результатѣ наше положеніе ужасно. Я могъ бы придти въ полное отчаяніе отъ него, но я нахожу вѣрнаго друга въ лицѣ великаго, одного изъ самыхъ великихъ государей Европы, который чувства чести предпочитаетъ всякимъ соображеніямъ политики. Ахъ, не считайте страннымъ, Ваше Величество, что всѣ мои упованія на васъ, и извѣстите меня, если я злоупотребляю вашей дружбой. Чувства благодарности и вѣчной привязанности начертаны въ моемъ сердцѣ. Я прошу Ваше Императорское Величество разсчитывать на нихъ; ничто на свѣтѣ не можетъ ихъ истребить.

7.

№ 13579.

Русскому Императору въ С.-Петербургъ.

Бреславль, 4 Апрѣля 1762.

До настоящаго времени я могъ представить лишь слабыя доказательства моей дружбы и признательности по отношенію къ Вашему Императорскому Величеству, но я не теряю надежды выполнить это въ будущемъ и воспользуюсь всѣми случаями, которые представятся въ моей жизни, чтобы доказать Вашему Императорскому Величеству, что дружба ваша не была отдана неблагодарному.

Ваше Императорское Величество одинъ изъ самыхъ могущественныхъ государей міра; тѣмъ не менѣе это не императоръ, но человѣкъ, искренній другъ, дарованный мнѣ Небомъ, на котораго я возлагаю все свое упованіе и къ которому я питаю преданную, неизмѣнную въ теченіе всей моей жизни дружбу. Я смотрю на выгоды В. И. В., какъ на свои собственныя и смѣло вамъ довѣряю все, что̀ меня касается. Г. Гольцъ будетъ имѣть честь передать вамъ обо всемъ, что̀ дошло до меня о Датчанахъ, а также о Туркахъ и Татарахъ. Я чрезвычайно счастливъ, что Гольцъ удостоился вашего одобренія; я ручаюсь за него, какъ за честнаго человѣка, и я ему особенно предписывалъ во всемъ сообразоваться съ желаніями Вашего Императорскаго Величества. Ваше Императорское Величество правите самодержавно, удостоиваете меня рѣдкой дружбой, и я горько упрекалъ бы себя, если бы послалъ къ вашему двору кого нибудь для того, чтобы двоедушничать. Это было бы измѣною моимъ чувствамъ. Передъ отъѣздомъ Гольца я сказалъ ему: «Не пускайте въ ходъ ни хитростей, ни каверзъ; обращайтесь прямо къ Императору, пусть искренность и правдивость единственно руководятъ вами. Государь этотъ тотъ же я; такой счастливый союзъ не долженъ быть оскверненъ двоедушіемъ и тайными происками, недостойными честныхъ людей». Я надѣюсь, что В. И. В. одобрите эту инструкцію, данную мною Гольцу и что сей послѣдній будетъ съ нею сообразоваться.

Датчане сдѣлали видъ, что намѣрены занять Любекъ, но будутъ остановлены на Травѣ. Это слабое правительство боится дѣйствовать и равнымъ образомъ боится разоружиться. Ваше Величество сможете дѣлать съ этими людьми все, что̀ вамъ будетъ угодно. Если я могу въ этомъ и во всемъ, что̀ будетъ согласоваться съ вашими выгодами, содѣйствовать вашимъ намѣреніямъ, я сочту это своей главнѣйшей обязанностью. В. И. В. можете разсчитывать на меня, даже не спрашивая

меня; дайте мнѣ знать во всѣхъ могущихъ представиться случаяхъ, чѣмъ я могу сколько-нибудь быть полезнымъ Вашему Величеству. Ваше Величество можете быть увѣрены, что̀ я пойду навстрѣчу вашимъ желаніямъ во всемъ, что̀ будетъ отъ меня зависѣть. Повторяю, я смотрю на Ваше Императорское Величество не какъ на императора, но какъ на лучшаго друга въ мірѣ, относительно котораго у меня есть важныя обязательства, и выполненіемъ ихъ я хочу во что̀ бы ни стало выразить мою признательность. Чувства эти будутъ сопровождать меня до могилы.

8.

№ 13637.

Русскому Императору въ С.-Петербургъ.

Бреславль, 24 Апрѣля 1762.

Письма Вашего Императорскаго Величества всегда доставляютъ мнѣ величайшую радость, тѣмъ болѣе глубокую, что въ нихъ я получаю новое доказательство вашей неоцѣненной дружбы. Послѣднее письмо доставило мнѣ еще большее удовольствіе, такъ какъ изъ него я усматриваю, что Ваше Императорское Величество полагаетесь на полную преданность мою его особѣ. Въ этомъ Ваше Величество никогда не обманетесь. Я вмѣняю себѣ въ обязанность доказать это нагляднымъ образомъ всякій разъ, какъ представится къ тому случай.

В. И. В. имѣете неоспоримыя права на владѣнія, отнятыя у вашего дома во время смутъ. Вы имѣете право требовать ихъ обратно; война даруетъ вамъ право побѣды. Я не ограничусь тѣмъ, что обезпечу за В. В. все, что̀ вы сочтете нужнымъ; кромѣ того я горю желаніемъ содѣйствовать всѣмъ вашимъ предпріятіямъ. Ваше Величество можете располагать Штетинскимъ портомъ и всѣмъ, что̀ я имѣю, какъ бы это было вашимъ собственнымъ владѣніемъ. Пусть Ваше Величество укажетъ количество войскъ, которое ему угодно, чтобы я присоединилъ къ его войскамъ. Пусть Ваше Величество не стѣсняется и скажетъ мнѣ прямо, чѣмъ я могу быть ему полезнымъ. Если же войскъ, установленныхъ Вашимъ Величествомъ, окажется недостаточно, я самъ добавлю нужное количество, не дожидаясь на то требованія Ваше Величества. Какъ бы старъ и дряхлъ я ни былъ, я самъ пошелъ бы противъ враговъ В. В., если бъ думалъ быть тѣмъ ему сколько-нибудь полезенъ, пожертвовалъ бы собой ради столь достойнаго монарха и столь рѣдкаго и великодушнаго друга.

Но какъ ни велико мое желаніе помочь Вашему Величеству въ настоящее время, происки моихъ враговъ въ этомъ году столь значи-

тельны, что Ваше Величество сами поймете всю невозможность, въ которую я поставленъ, привести въ исполненіе свое желаніе. Если однако произошло бы какое-нибудь событіе, которое облегчило бы мнѣ веденіе этой войны и В. В. вознамѣрились бы порвать въ этомъ году съ Датчанами, я употребилъ бы всѣ возможныя старанія, чтобы содѣйствовать вашимъ намѣреніямъ.

Не нахожу словъ достаточно отблагодарить Ваше Императорское Величество за всѣ проявленія дружбы, получаемыя мною отъ васъ.

Ваше Величество соизволили великодушно предложить мнѣ свою защиту и свои войска. Вы можете быть увѣрены, что я сумѣю оцѣнить столь благородный поступокъ. Съ чувствомъ живѣйшей признательности я принимаю то, что̀ Ваше Величество желаете сдѣлать для меня. Если Вашему Императорскому Величеству угодно дать мнѣ часть своихъ войскъ, то 14000 солдатъ и 1000 казаковъ будетъ мнѣ достаточно, чтобы занять выгодное положеніе по отношенію къ непріятелю. Милость Вашего Величества будетъ полною, если вы соблаговолите прислать ихъ сюда въ Бреславль къ концу Мая или къ началу Іюня и тѣмъ удвоить важныя обязательства мои по отношенію къ Вашему Императорскому Величеству. Ваше Императорское Величество можете быть вполнѣ увѣрены, что войска эти не будутъ подвергаться опасности и съ ними не будетъ поступлено согласно недостойному обычаю, котораго придерживаются нѣкоторыя правительства, сберегающія свои силы, жертвуя союзниками. Глядя на эти войска, я всегда буду вспоминать о Вашемъ Императорскомъ Величествѣ и говорить себѣ: они принадлежатъ достойнѣйшему государю и лучшему другу, котораго я имѣю во всей вселенной. Ваше Императорское Величество можете располагать всѣми принадлежащими мнѣ войсками. Генералъ Вернеръ отправится въ Петербургъ, какъ только кампанія будетъ окончена.

Не знаю, смѣю ли я рекомендовать вниманію Вашего Императорскаго Величества господина Сальдерна, вашего совѣтника*). В. И. В-у онъ понравится. Я никогда не осмѣлился бы вмѣшаться, если бы не былъ увѣренъ въ его искренней и безкорыстной привязанности къ особѣ Вашего Императорскаго Величества, что̀ такъ рѣдко во всякой странѣ. Позвольте засвидѣтельствовать мнѣ мою признательность и высказать Вашему Величеству, до какой степени сердце мое привязано къ вамъ.

---

*) Т. е. совѣтника Голштинской службы. П. Б.

9.

№ 13656.

Русскому Императору въ С.-Петербургъ.

Бреславль, 1 Мая 1762.

Только что принялъ я курьера, присланнаго ко мнѣ г. Гольцемъ по приказу Вашего Императорскаго Величества, и спѣшу изложить Вашему Величеству со всей искренностью и правдивостью, которыми я обязанъ по отношенію къ вамъ, все, что я знаю и думаю отосительно Датчанъ. Свѣдѣнія, имѣющіяся у меня о нихъ, получаются мною отъ министра моего, который, не будучи до сихъ поръ заподозрѣнъ при этомъ дворѣ, имѣетъ возможность узнавать различныя новости. Эти послѣднія указываютъ на слабость и нерѣшительность министерства этого двора. Ему очень желательно имѣть часть Голштиніи, находящуюся во владѣніи Вашего Императорскаго Величества, но не достаетъ мужества ею завладѣть. Въ настоящее время Датчане расположились за Травой для того, чтобы захватить Любекъ въ случаѣ, если войска Вашего Императорскаго Величества вступятъ въ Мекленбургъ. Они даже начертали планъ лагеря въ Мекленбургѣ, гдѣ повидимому пожелаютъ занять выгодное положеніе, чтобы оспаривать у войскъ В. И. В. доступъ въ Голштинію; но во всемъ этомъ я усматриваю до сей поры лишь мѣры предосторожности для обороны. С.-Жермень имѣетъ при себѣ 25000 человѣкъ, онъ долженъ соединиться съ принцемъ Бевернскимъ, который ведетъ съ собой 6000 Норвежцевъ; такимъ образомъ эта армія составляетъ въ общей сложности корпусъ въ 31000 человѣкъ. Простой солдатъ склоненъ къ дезертирству во время перваго отступленія, которое это войско принуждено будетъ сдѣлать: треть навѣрно дезертируетъ. Если Ваше Императорское Величество потребуете обратно часть Голштиніи, столь несправедливо отнятую у вашихъ предковъ, вамъ не слѣдуетъ ожидать добровольной уступки ея со стороны Датчанъ; необходимо будетъ вести войну съ ними, чтобы получить ее. Я считаю это дѣломъ легко выполнимымъ. Какое бы рѣшеніе ни приняли Ваше Императорское Величество, я буду согласенъ со всѣмъ, что вы сочтете нужнымъ предпринять, и ничто не отдалитъ меня отъ особы Вашего Величества и его выгодъ. Поэтому я буду говорить объ этой войнѣ съ такой откровенностью, съ какой я дѣлалъ бы это, если бы былъ генераломъ на службѣ Вашего Величества или если бы былъ вынужденъ самъ ее вести.

Первое условіе, на которое я смотрю, какъ на основаніе всѣхъ военныхъ предпріятій, это кормовые запасы; потому что въ это время

года нельзя ничего найти: фуражъ начинается лишь въ концѣ Іюня, хлѣбъ новой жатвы можно собирать лишь въ Сентябрѣ, если желаютъ его имѣть въ видѣ муки, какъ то требуется для булочныхъ, а это затянется еще на лишній мѣсяцъ. Соображаясь съ силами непріятеля, я думаю, что армія, предназначаемая для Голштиніи, была бы достаточно сильною, если бы состояла изъ 46000 регулярныхъ войскъ и 4000 казаковъ Съѣстные припасы для этихъ войскъ можно доставать изъ Россіи или изъ Ливоніи, Курляндіи и Данцига. Посмотримъ, чтò приблизительно необходимо для подобнаго войска. Это составитъ около 2000 пудовъ муки въ мѣсяцъ и 8000 пудовъ овса на два мѣсяца—Май и Іюнь. Свѣдующіе люди могли бы закупить эти зерна экономно въ мѣстностяхъ, гдѣ они много дешевле; доставлять припасы нужно моремъ подъ прикрытіемъ флота. Складъ можно устроить или въ Висмарѣ или въ Роштокѣ.

Судя по тому, чтò мнѣ извѣстно о намѣреніяхъ Датчанъ, нельзя льстить себя надеждой опередить ихъ въ Любекѣ, потому что они ближе находятся къ нему, чѣмъ Русскіе и могутъ легко овладѣть имъ въ то время, какъ войска Вашего Императорскаго Величества будутъ находиться въ пути. Городъ могъ бы держаться; но жители, опасающіеся за цѣлость своихъ домовъ, сдадутся, повидимому, при первыхъ же угрозахъ Датчанъ. Для этой экспедиціи я просилъ бы 5000 солдатъ; это количество необходимо, чтобы вести войну, превосходя врага численностью и имѣть возможность окружить укрѣпленные лагери, которые выберутъ Датчане, а также чтобы можно было отогнать ихъ отъ рѣки, позади которой они вознамѣрились бы расположиться, отступая съ цѣлью выиграть время; имѣя 50000 солдатъ, ихъ можно выбить изъ всѣхъ этихъ позицій; Любекъ же, конечно, не продержится долго, если понадобится снова его взять. Тамъ особенно необходимо устроить складъ провіанта для арміи, чтобы вслѣдъ за тѣмъ перенести поле военныхъ дѣйствій въ сторону Итцегое (Itzehoe), а оттуда двинуться по направленію къ Ренсбургу.

При семъ посылаю Вашему Императорскому Величеству замѣтку относительно Датскаго флота; необходимо, чтобы флотъ Вашего Императорскаго Величества превосходилъ Датскій, и я совѣтую на случай, если онъ ему уступаетъ, обращаться за помощью къ Шведамъ. Они начнутъ колебаться, затрудняться въ отвѣтѣ Вашему Величеству; но если вы будете серьезно настаивать, они не могутъ, я думаю, отказать Вашему Величеству въ своемъ флотѣ. Кромѣ того Датчане ни откуда не могутъ получить помощи. Англичане отказали имъ въ ней, Голланд-

цы не въ состояніи имъ ее оказать; что̀ касается Французовъ, то дать подкрѣпленіе Датчанамъ препятствуютъ имъ съ моря Англійскія суда, а на сушѣ армія принца Фердинанда и моего племянника, которая преграждаетъ имъ путь. Такимъ образомъ, все вниманіе должно быть направлено на съѣстные припасы, о которыхъ необходимо главнымъ образомъ позаботиться. Всѣ эти союзныя войска̀ многое добывали изъ Мекленбурга, изъ Ганноверскаго округа и изъ Саксенъ-Лауенбурга; поэтому, разсчитывая извлечь выгоду изъ этихъ провинцій, можно жестоко ошибиться, а подобная ошибка можетъ повести за собой проигрышъ всего предпріятія. Это необходимо предупредить, обративъ самое тщательное вниманіе на этотъ важнѣйшій пунктъ и не начинать дѣйствій до тѣхъ поръ, пока все не будетъ заготовлено.

Я говорю съ Вашимъ Величествомъ такъ, какъ бы я совѣтовался съ самимъ собой, если бы мнѣ предстояло предпринять эту экспедицію. Я совѣтую также Вашему Величеству достать себѣ людей знакомыхъ со страной, которые могли бы служить проводниками въ началѣ военныхъ дѣйствій и предупреждать о движеніяхъ непріятеля. Голштинія безпрекословно поставитъ ихъ Вашему Императорскому Величеству; ихъ легко можно достать, если только по́сланецъ будетъ разумно дѣйствовать.

Я не знаю, кому Ваше Императорское Величество предназначаете командованіе этой арміей, самому себѣ или одному изъ генераловъ. Ваше Императорское Величество спросите меня, во что̀ я вмѣшиваюсь, и будете вполнѣ правы. Я знаю самъ, что мнѣ никоимъ образомъ не подобаетъ вмѣшиваться въ дѣла Вашего Величества; но я говорю съ вами не какъ государь, а какъ частный человѣкъ и другъ, не скрывающій отъ своего друга ничего, что̀ лежитъ на сердцѣ. Ваше Императорское Величество всегда вольны поступать такъ, какъ сочтете нужнымъ и если В. В. порицаете меня, то выскажете это прямо. Признаюсь Ваше Величество, что мнѣ было бы весьма желательно, чтобы вы были уже коронованы, такъ какъ эта торжественная церемонія внушаетъ сильное почтеніе народу, привыкшему видѣть своихъ государей коронованными. Скажу откровенно Вашему Величеству: я не довѣряю Русскимъ. Всякая другая нація благословляла бы Небо, имѣя государя, обладающаго столь дивными качествами, какими обладаете Ваше Величество; но сознаютъ ли Русскіе это счастіе? Не могла ли бы низкая продажность нѣсколькихъ частныхъ лицъ побудить ихъ къ образованію заговора или устройству возмущенія въ пользу Брауншвейгскихъ принцевъ *)? Пусть Ваше Императорское Величество вспомнитъ о томъ, что̀

*) Въ царствованіе Елисаветы Петровны самъ Фридрихъ это дѣлалъ. П. Б.

произошло во время перваго отсутствія Петра I, родная сестра котораго составила заговоръ противъ него. Пусть Ваше Императорское Величество на одинъ моментъ допуститъ, что какой-либо несчастный мятежникъ замыслитъ во время вашего отсутствія посадить на тронъ Ивана, устроить при помощи иностранныхъ денегъ заговоръ съ цѣлью освободить изъ тюрьмы этого Ивана и взбунтуетъ войска и другихъ несчастныхъ, которые присоединились бы къ нему. Не подобало ли бы въ подобномъ случаѣ оставить войну съ Датчанами, хотя бы она была въ разгарѣ и была ведена вполнѣ успѣшно, и поспѣшить вернуться, чтобы затушить огонь, вспыхнувшій въ собственномъ домѣ Вашего Величества? Мысль эта привела меня въ содроганіе, когда пришла въ голову, и я горько укорялъ бы себя и мучился раскаяніемъ, если бы не подѣлился ею съ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ. Я нахожусь здѣсь въ глубинѣ Германіи и совершенно незнакомъ со дворомъ Вашего Величества; не знаю ни тѣхъ, кому Ваше Императорское Величество могли бы вполнѣ довѣрять, ни тѣхъ, которые возбуждаютъ къ себѣ подозрѣніе. Свѣтлому уму Вашего Императорскаго Величества предстоитъ различить тѣхъ, кого Ваше Величество должны остерегаться, отъ тѣхъ, кто не вызываетъ никакого опасенія*). И такъ, я думаю, если Ваше Величество желаете принять на себя командованіе арміей, то въ интересахъ безопасности В. И. В. необходимо предварительно короноваться; для того же, чтобы не оставалось повода опасаться смутъ, Вашему Величеству слѣдуетъ взять въ свою свиту всѣхъ ненадежныхъ личностей, могущихъ злоумышлять противъ васъ и даже тѣхъ, кто хоть сколько-нибудь подозрителенъ. Этимъ средствомъ В. И. В. обезпечите себѣ безопасность, въ свитѣ же эти люди не могутъ быть въ тягость. Чтобы еще болѣе обезопасить себя, слѣдуетъ обязать всѣхъ иностранныхъ министровъ, каковы бы они ни были, сопровождать Ваше Величество; этимъ путемъ можно отвлечь изъ Россіи всѣ сѣмена возмущенія и интригъ. Ваше Величество могли бы избавиться отъ нихъ во время похода, отправивъ ихъ въ Роштокъ или Висмаръ, въ какое-либо мѣсто позади арміи, гдѣ у нихъ была бы отнята возможность передавать Датчанамъ свѣдѣнія о намѣреніяхъ Вашего Императорскаго Величества.

---

*) Графъ Шверинъ сообщалъ изъ Петербурга отъ 19-го Апрѣля о томъ, что царь къ несчастью отдаетъ предпочтеніе двумъ своимъ величайшимъ тайнымъ врагамъ, бывшему фавориту Ивану Шувалову и генералу Мельгунову. Они-то и укрѣпляютъ его въ намѣреніи самолично отправиться на войну. Король благодаритъ 1-го Мая Шверина за извѣстія и добавляетъ: „Продолжайте внимательно за всѣмъ наблюдать и старайтесь оказать Императору услугу во всемъ, что касается его безопасности, поскольку это будетъ зависѣть отъ васъ, въ теченіе всего вашего пребыванія въ Петербургѣ“.

Признаюсь, я крайне удивился, когда узналъ, что Вѣнскій посланникъ мягко держитъ себя въ Петербургѣ. Такое поведеніе неестественно, если принять во вниманіе, что дворъ обиженъ, и наводитъ меня на подозрѣніе, что дворъ этотъ замышляетъ какую-либо интригу или имѣетъ какіе-нибудь тайные виды. Если Ваше Императорское Величество намѣреваетесь отлучиться изъ своей имперіи въ самомъ началѣ царствованія, то предупредите величайшія опасности, которыя можетъ причинить странѣ ваше отсутствіе, если возьмете съ собой и удалите изъ Россіи всѣхъ поджигателей и всѣхъ могущихъ бунтовать во время вашей отлучки. Я не сомнѣваюсь также въ томъ, что В. В. оставите въ странѣ надежныхъ соглядатаевъ, на которыхъ можно положиться, Голштинцевъ или Ливонцевъ, которые будутъ зорко наблюдать за всѣмъ и предупреждать малѣйшія волненія, если таковыя могли бы произойти.

Горячо прошу Ваше Императорское Величество извинить меня за все, что̀ пишу; глубокая нѣжность и искренняя привязанность къ особѣ В. И. В. побуждаютъ меня говорить правдиво то, что̀ думаю: душой, всѣмъ существомъ моимъ я заинтересованъ въ сохраненіи В. И. В.; да и какъ не желать мнѣ всякаго благоденства тому, кто одинъ во всей Европѣ протянулъ мнѣ руку помощи въ моемъ несчастіи, объявляетъ себя моимъ другомъ въ то время, какъ союзники мои измѣняютъ мнѣ, и заключаетъ со мной столь великодушный и благородный миръ? Передъ лицомъ Всевышняго могу заявить, что мною не руководитъ никакая иная политика по отношенію къ Вашему Императорскому Величеству, кромѣ желанія направить вниманіе ваше на предупрежденіе несчастій, которыхъ можно опасаться, и желанія сохранить неоцѣненнаго для меня друга. Заклинаю В. И. В. подумать надъ тѣмъ, что̀ я только что написалъ и прошу вѣрить, что если Вашему Величеству понадобится выраженіе моихъ чувствъ, я выскажу ихъ правдиво, искренно и откровенно. Кромѣ того Ваше Величество всегда встрѣтите съ моей стороны готовность принять участіе во всѣхъ мѣрахъ, которыя Ваше Величество сочтете нужными предпринять; вы найдете во мнѣ неразлучнаго друга, который будетъ содѣйствовать по мѣрѣ силъ и обстоятельствъ всему, что̀ только пожелаетъ Ваше Императорское Величество. Таковы чувства, которыя я сохраню до могилы. Фридрихъ.

10.

№ 13704,

Русскому Императору въ С.-Петербургѣ.

На стоянкѣ въ Беттлернѣ, 21-го Мая 1762-го года.

Если бы я былъ язычникомъ, я воздвигъ бы храмы и алтари Вашему Императорскому Величеству, какъ существу божественному по-

казывающему міру примѣры добродѣтели, примѣры, которымъ весь міръ, властители и короли должны были бы слѣдовать. Я благословилъ Небо при видѣ графа Шверина, прибывшаго съ письмомъ Вашего Императорскаго Величества и съ трактатомъ мира, который является свидѣтельствомъ добродѣтелей и безкорыстія Вашего Императорскаго Величества, благородства и возвышенности вашихъ чувствъ и другихъ дивныхъ качествъ, вызывающихъ обожаніе къ особѣ Вашего Величества со стороны всѣхъ тѣхъ, кто имѣетъ счастіе васъ знать. Что касается меня, то я душой, сердцемъ и тѣломъ преданъ Вашему Величеству. Ваше Императорское Величество имѣетъ множество подданныхъ, привязанныхъ къ вамъ, подчиняющихся вамъ въ силу наслѣдственныхъ правъ, возведшихъ васъ на престолъ обширной монархіи; я осмѣливаюсь не довѣрять имъ всѣмъ и утверждаю, что среди нихъ не найдется ни одного, который бы столь же искренно и ненарушимо преданъ былъ Вашему Императорскому Величеству, какъ преданъ я. В. И. В. должны помѣстить мое сердце въ ряду своихъ первыхъ побѣдъ, и смѣю думать, что нѣтъ ничего пріятнѣе для властелина, какъ пріобрѣтеніе владѣнія, завоеваннаго добродѣтелью. Сегодня всѣ мы будемъ праздновать счастливый день, который послужитъ основаніемъ счастливому союзу. Мои офицеры восклицаютъ въ одинъ голосъ: «Да здравствуетъ нашъ дорогой Императоръ!» Ваше Императорское Величество благословляемы всѣми. Я же говорю имъ: «Конечно, это нашъ дорогой Императоръ; но, выражаясь такъ свободно, не забывайте того уваженія, которымъ вы ему обязаны».

Я такъ многимъ обязанъ Вашему Императорскому Величеству, что каждый мигъ моей жизни долженъ быть проявленіемъ моей признательности. Ваше Императорское Величество умножаете число столь драгоцѣнныхъ благодѣяній, желая прислать ко мнѣ г. Чернышева и его отрядъ. Не нахожу выраженій для описанія чувствъ, вызываемыхъ въ моемъ сердцѣ столь благородными поступками. Не могу при этомъ не сказать, что даже среди родныхъ моихъ братьевъ не найдется ни одного, отъ котораго я могъ бы ожидать такихъ проявленій дружбы, какими удостоиваетъ меня Ваше Императорское Величество; поэтому Ваше Императорское Величество не должны удивляться, если я скажу, что вы можете располагать всѣмъ, что̀ находится въ моемъ распоряженіи. Если бы я могъ хоть чѣмъ-либо быть полезнымъ Вашему Величеству, я почелъ бы за счастіе содѣйствовать всему, что̀ можетъ усилить славу Вашего Императорскаго Величества, принести вамъ пользу или доставить удовольствіе.

Отъ воли Вашего Императорскаго Величества зависитъ избрать Берлинъ или какое-либо другое принадлежащее мнѣ мѣсто для кон-

гресса съ Датчанами. Тѣмъ не менѣе я долженъ откровенно сказать, что Ваше Императорское Величество мало выиграете отъ переговоровъ съ ними. Переговоры эти способны ихъ усыпить и удовлетворить въ этомъ году ихъ тщеславіе. Въ будущемъ году деньги будутъ растрачены, и Данія лишится средствъ, которыми располагаетъ въ настоящее время. Я послѣдовательно пересылалъ г-ну Гольцу всѣ новости, которыя могъ получать какъ изъ Копенгагена, такъ и изъ Голштиніи. Ваше Императорское Величество можете положиться на то, что я и дальше буду поступать такимъ же образомъ и буду передавать г-ну Румянцеву все, что впредъ дойдетъ до моего свѣдѣнія.

Что касается того, чего Ваше Императорское Величество желаете получить отъ Швеціи, то я, не ограничиваясь тѣмъ, что написалъ объ этомъ полномочному министру, находящемуся въ Гамбургѣ, указалъ на это въ письмѣ къ сестрѣ моей королевѣ, которая съ королемъ своимъ супругомъ несомнѣнно сдѣлаютъ все отъ нихъ зависящее для удовлетворенія желанію Вашего Императорскаго Величества. Но вашему Императорскому Величеству извѣстно, какъ ограничена ихъ власть, и я опасаюсь, какъ бы сенаторы Французской партіи не пустили въ ходъ всевозможныхъ средствъ, чтобы этому противодѣйствовать. Пусть В. И. В. соизволитъ поручить вашему министру въ Швеціи настаивать на этомъ дѣлѣ; у меня тамъ нѣтъ никого, а дворъ будетъ сильно нуждаться въ поддержкѣ Русскаго министра, чтобы одержать верхъ надъ партіей Сената.

Ваше Императорское Величество отзываетесь въ столь лестныхъ выраженіяхъ о моей арміи, что это побуждаетъ меня горячо желать, чтобы она оказалась достойною хорошаго мнѣнія о ней Вашего Императорскаго Величества. У меня есть еще нѣсколько полковъ, до сей поры съ честью поддерживавшихъ свою репутацію; среди нихъ я отмѣчу Сибургскій полкъ, который находится здѣсь въ деревнѣ на мѣстѣ моей стоянки. Полкъ этотъ былъ бы чрезвычайно счастливъ, если бы Великій Императоръ не отказался стать его шефомъ. Не согласитесь ли В. И. В. изъ дружбы ко мнѣ разрѣшить Сибргскому полку носить имя Вашего Императорскаго Величества? Я очень цѣню этотъ полкъ, но онъ станетъ мнѣ безконечно дороже, если будетъ называться именемъ лучшаго друга, котораго я имѣю въ цѣломъ мірѣ, государя почитаемаго и уважаемаго мною болѣе всего на свѣтѣ.

Осмѣливаюсь переслать Вашему Императорскому Величеству списки и мундиръ этого полка и буду ждать вашего отвѣта, чтобы имѣть возможность обрадовать офицеровъ и солдатъ славнымъ именемъ, кото-

рое они будутъ носить. Не соизволитъ ли Ваше Величество въ свою очередь пожаловать мнѣ одинъ изъ полковъ, находящихся на его службѣ?. Если я смогу внушить офицерамъ и солдатамъ чувства, испытываемыя мной, не будетъ на службѣ В. И. В. другого болѣе преданнаго полка, который съ бо̀льшимъ самоотверженіемъ пожертвовалъ бы собой ради особы Вашего Величества.

Смѣю ли я высказать Вашему Императорскому Величеству все что̀ испытываетъ къ нему мое сердце, горячо желающее доказать мою признательность? Это не преходящее движеніе сердца, но глубокія чувства, съ которыми я разстанусь лишь вмѣстѣ съ жизнью. Фридрихъ.

11.

№ 13735.

Русскому Императору въ С.-Петербургъ.

Стоянка въ Беттлернѣ, 29-го Мая 1762-го года.

Всѣ пріѣзжающіе изъ Петербурга, особенно тѣ, которые имѣютъ счастіе быть снабженными письмами Вашего Императорскаго Величества, могутъ быть увѣрены въ хорошемъ пріемѣ. Отъ всего сердца благодарю Ваше Императорское Величество за милости, которыми вы благосклонно осыпаете принадлежащихъ мнѣ лицъ. Позвольте мнѣ выразить Вашему Величеству всю глубину моей благодарности.

Шведы такъ торопились подписать мирный договоръ, что миръ былъ заключенъ почти въ тотъ же день, какъ прибылъ сюда графъ Шверинъ. Поэтому я былъ лишенъ возможности добавить пунктъ относительно флота, какъ я того хотѣлъ; но я просилъ передать объ эомъ г. д'Ольтгофу (d'Olthof). Онъ находится во Французско̀й партіи, что̀ принудило меня написать сестрѣ и предложить ей присоединить Швецію къ тому союзу, который Ваше Императорское Величество заключаете со мной; въ подобномъ случаѣ пунктъ относительно флота войдетъ въ него естественнымъ образомъ. Французскіе сенаторы употребятъ всѣ усилія, чтобы этому воспротивиться, и поэтому было бы хорошо, если бы посланникъ Вашего Императорскаго Величества въ Стокгольмѣ дѣйствовалъ рѣшительно и твердо и тѣмъ помогъ бы двору одержать верхъ надъ Французской партіей. Внушительное превосходство необходимо двору для того, чтобы заставить націю повиноваться его мѣропріятіямъ.

Я имѣлъ счастіе получить успѣхъ въ Константинополѣ и у Татарскаго хана. Всѣ бумаги и донесенія, полученныя мною оттуда, я

послалъ г-ну Гольцу, чтобы онъ могъ дать въ этомъ отчетъ Вашему Императорскому Величеству.

Войска находятся здѣсь въ бездѣйствіи вслѣдствіе недостатка фуража. Братъ мой настигъ въ Дебельнѣ корпусъ въ 6000 Австрійцевъ, который онъ частью взялъ въ плѣнъ, частью разсѣялъ. Что касается меня, то я съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе убѣждаюсь, что Провидѣнію угодно, чтобы всѣмъ хорошимъ, случающимся со мною въ этомъ мірѣ, я былъ обязанъ единственно Вашему Императорскому Величеству. Лишь послѣ присоединенія храбрыхъ войскъ Вашего Императорскаго Величества я смогу принудить маршала Дауна отступить. Я смотрю на Ваше Величество какъ на Бога-покровителя, добраго, благосклоннаго ко мнѣ генія, заботящагося о моемъ сохраненіи. Мое сердце единственная жертва, которую я могу принести вамъ; всѣ мои чувства, желанія, помыслы направлены къ тому, чтобы выразить Вашему Величеству мою живѣйшую признательность. Я надѣюсь, что Небо смилостивится надо мной и пошлетъ мнѣ благопріятныя случай проявить ее на дѣлѣ. Таковъ мой образъ мыслей, и такимъ останется онъ всю мою жизнь. Фридрихъ.

12.

№ 13755.

Русскому Императору въ С.-Петербургъ.

Стоянка въ Беттлернѣ, 4 Іюня 1762 года.

Графъ Воронцовъ *) только что прибылъ сюда и привезъ съ собой новыя доказательства доброты и дружбы Вашего Императорскаго Величества. Онъ былъ принятъ такъ, какъ должны быть принимаемы всѣ являющіеся ко мнѣ отъ Вашего Величества. Онъ можетъ засвидѣтельствовать искренность моихъ чувствъ, благодарности и всего, чѣмъ я обязанъ Вашему Величеству. Этотъ достойный слуга Вашего Императорскаго Величества сообщилъ мнѣ инструкціи, которыя Ваше Величество соизволили ему дать и за которыя я васъ горячо благодарю.

Мы долго обсуждали съ нимъ интересы Вашего Императорскаго Величества и мои относительно Англіи. Я высказалъ ему нѣсколько соображеній по этому поводу, и такъ какъ онъ хочетъ отправить курьера въ Петербургъ, не стану повторять того, что̀ онъ напишетъ объ этомъ.

*) Молодой племянникъ государственнаго канцлера (при Александрѣ государственный канцлеръ) графъ А. Р. Воронцовъ, тогдашній министръ въ Лондонѣ, возвращавшійся туда послѣ побывки въ Петербургѣ, гдѣ родная сестра его готовилась сдѣлаться Русскою императрицею. П. Б.

Мой министръ въ Лондонѣ имѣетъ самыя точныя предписанія ознакомить Воронцова съ картой страны и во всемъ дѣйствовать заодно съ нимъ. Однако мнѣ стыдно постоянно говорить Вашему Императорскому Величеству лишь о моей доброй волѣ, до сей поры безполезной; мнѣ хотѣлось бы имѣть возможность доказать на дѣлѣ мою нѣжную дружбу, искреннюю привязанность и признательность, вызванныя во мнѣ столькими благородными поступками со стороны Вашего Императорскаго Величества. Сердце мое—владѣніе завоеванное Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, я всѣмъ обязанъ вамъ и не стыжусь признать это; напротивъ, я могъ бы краснѣть, если бы могъ сдѣлать себѣ малѣйшій упрекъ по поводу моего поведенія относительно Вашего Императорскаго Величества. Я не буду знать ни отдыха, ни покоя въ жизни, пока не докажу на дѣлѣ свою нѣжную, искреннюю преданность къ особѣ Вашего Императорскаго Величества. Въ письмѣ я опускаю половину того, что̀ думаю по этому поводу, изъ боязни докучать Вашему Императорскому Величеству. Но я льщу себя надеждой рано или поздно убѣдить В. И. В., что вы отдали дружбу вашу не неблагодарному, и постараюсь доказать Вашему Императорскому Величеству въ теченіе немногихъ дней, которые мнѣ еще даруетъ Небо, свою привязанность.

13.

№ 13763.

(Царь благодаритъ отъ 15 Мая (ст. стиля) изъ Петербурга короля за то, что полковникъ Беллингъ прислалъ генералу Румянцеву свѣдѣнія о Датской арміи, и проситъ дать приказъ герцогу Бевернскому помогать Румянцеву тѣмъ же путемъ. На письмо короля отъ 1-го Мая царь отвѣчаетъ: «Ваше Величество пишете мнѣ, что я долженъ ради народа короноваться передъ отправленіемъ въ армію. Я долженъ сказать вамъ, что вслѣдствіе того, что эта война почти уже начата, я не вижу возможности предварительно короноваться, именно ради націи, привыкшей къ роскошной коронаціи; я не могъ бы ее совершить, не имѣя ничего готоваго и не имѣя возможности наскоро найти здѣсь все необходимое. Что̀ касается принца Ивана, то онъ находится у меня подъ крѣпкой стражей, а если бы Русскіе желали мнѣ зла, они давно могли бы мнѣ его причинить, видя, что я не охраняю себя, поручая себя всегда милости Божьей, хожу пѣшкомъ по улицамъ, чему Гольцъ свидѣтель. Могу увѣрить, что, если умѣть съ ними обращаться, можно и положиться на нихъ. Ваше Величество, что̀ подумали бы обо мнѣ эти самые Русскіе, если бы увидѣли, что я остаюсь дома во время войны на моей родинѣ? Они все время не желали ничего другого, какъ находиться подъ владычествомъ мужчины, а не женщины, что̀ я двадцать разъ слышалъ отъ своихъ солдатъ, говорившихъ: «Дай вамъ Богъ скорѣе быть нашимъ государемъ, чтобы не быть намъ больше подъ управленіемъ женщины». И, что̀ еще важнѣе, не упрекалъ ли бы я себя всю жизнь въ трусливомъ малодушіи? Я навѣрное умеръ бы съ горя, будучи первымъ государемъ въ моемъ домѣ, оставшимся дома во время войны, ведущейся въ цѣляхъ

возвращенія того, что̀ несправедливо было вырвано у моихъ предковъ. Ваше Величество потеряли бы значительную долю уваженія ко мнѣ, если бы я это сдѣлалъ изъ предосторожности. Обѣщаю Вашему Величеству, что мѣры предосторожности будутъ приняты какъ относительно иностранныхъ министровъ, такъ и относительно оставляемыхъ здѣсь наблюдателей».

Въ P. S. царь добавляетъ: «Такъ какъ маршалъ Минихъ будетъ торопить Ваше Величество по поводу графства Вартембергскаго, то я прошу васъ отвѣтить ему, что Ваше Величество предоставили его въ мое распоряженіе».

14.

8 Іюля 1762 года.

Глубокая и искренняя привязанность, которую я питаю къ Вашему Императорскому Величеству, побуждаетъ меня живо интересоваться всѣмъ, что̀ касается Вашего Величества и, быть можетъ, заставляетъ черезчуръ опасаться за особу Вашего Императорскаго Величества. Благодарю васъ за подробности, въ которыя вы соблаговолили войти со мной по этому поводу и смѣю увѣрить васъ, что онѣ не только успокоили меня, но доставили безграничную радость, потому что я всѣмъ сердцемъ и душой желаю Вашему Императорскому Величеству благоденствія и успѣховъ. Пусть В. И. В. не осуждаетъ меня за то, что я говорю съ нимъ такъ откровенно, пусть припишетъ лишь отдаленности мѣста и моему малому знакомству съ Русской исторіей мой страхъ и опасенія. Если только нѣтъ никакого риска для безопасности Вашего Императорскаго Величества, вполнѣ можете, разумѣется, стать во главѣ вашей арміи: присутствіе В. И. В. будетъ не только ободрять ваши войска, но придастъ еще бо́льшую живость военнымъ дѣйствіямъ. Ваше Императорское Величество, конечно, пожнете всю славу этой войны, но получите также справедливое удовлетвореніе со стороны Датчанъ за всѣ несправедливости и захватъ, совершенный ими по отношеніи къ вашимъ предкамъ. Увѣряю Ваше Императорское Величество, что̀ принимаю въ этомъ живое и искреннее участіе, и В. И. В. можете разсчитывать на всяческое содѣйствіе и помощь, которую я буду въ силахъ оказать. Принцъ Бевернскій уѣхалъ, чтобы явиться сюда въ армію; но генералъ Путкамеръ, командированный туда, получитъ самое точное предписаніе помогать Румянцеву во всемъ, что̀ тотъ можетъ потребовать. Датскій король отправился въ Готторпъ; армія его въ плохомъ состояніи, только одинъ С.-Жермень умѣетъ вести войну. Война на сушѣ несомнѣнно будетъ вестись благопріятно для Вашего Императорскаго Величества; лишь по отношенію къ подвозу по морю, мнѣ думается, Ваше Императорское Величество должны принять нѣкоторыя мѣры

предосторожности. Мнѣ было крайне пріятно узнать о намѣреніяхъ В. И. В. касательно княжества Вартембергскаго. Ваше Императорское Величество можете быть увѣрены, что я буду отвѣчать согласно вашимъ желаніямъ въ случаѣ, если фельдмаршалъ Минихъ напишетъ мнѣ объ этомъ.

Въ заключеніе я ограничусь тысячью пожеланій благоденствія Вашему Императорскому Величеству, удачи въ вашемъ предпріятіи, успѣха вашему оружію. Если только я могу этому способствовать, я несомнѣнно это сдѣлаю, не будучи даже на это вызванъ. Ваше Императорское Величество можете разсчитывать на меня, какъ на друга во всякое время, во всѣхъ предпріятіяхъ, во всѣхъ положеніяхъ, въ котовыхъ Ваше Величество будетъ находиться. Это истина, которую я докажу всей моей жизнью и которая вытекаетъ изъ глубокаго уваженія къ Вашему Императорскому Величеству.

6 Іюня король пишетъ Гольцу: «Такъ какъ до меня дошло, что Его Величеству Императору Россіи было бы пріятно, если бы я послалъ къ нему генерала Зельгорста, служившаго въ моемъ драгунскомъ Барейтскомъ полку и чтобы онъ получалъ пенсію, я не замедлилъ, желая въ этомъ, какъ и во всемъ остальномъ, угодить Его Императорскому Величеству, отослать генералу его отставку, имѣя кромѣ того возможность дать ему свидѣтельство о хорошей службѣ въ указанномъ полку». Отставка Зельгорста была послана уже 3 Іюня генералъ-маіору ф.-Бюлову, командиру Барейтскаго полка, со слѣдующимъ приказомъ: «Пришлите сюда упомянутаго Зельгорста и направьте его ко мнѣ, такъ какъ я хочу передъ отъѣздомъ его въ Петербургъ самъ съ нимъ переговорить».

15.

№ 13792.

Русскому Императору въ С.-Петербургъ.

Беттлернъ, 19-го Іюня 1762.

Въ письмахъ, которыя я пишу Вашему Императорскому Величеству, правдиво изливается все, чтò испытываетъ мое сердце. Ваше Величество обладаете столь чуднымъ характеромъ, что нельзя не любить и не благословлять васъ, когда имѣешь счастіе васъ знать. Конечно, я сердцемъ и душой привязанъ къ Вашему Императорскому Величеству и когда я благодарю васъ за столько благородныхъ и великодушныхъ поступковъ по отношенію ко мнѣ, это наименьшее, чтò я могу сдѣлать. Если Ваше Императорское Величество являетесь примѣромъ великодушія, я долженъ быть примѣромъ признательности. Если Вашему Величеству угодно имѣть у себя полковника Беллинга, онъ вмѣстѣ съ

своимъ корпусомъ будетъ къ услугамъ Вашего Величества; въ настоящее время онъ находится въ Саксоніи. Пусть Ваше Величество укажетъ, въ какое мѣсто долженъ направиться полковникъ Беллингъ. Ваше Величество присылаете ко мнѣ Чернышева съ 20000 человѣкъ, я же вамъ посылаю Беллинга съ 2000. Каково отношеніе! Каково неравенство! Я стыжусь этого, но какъ только бремя войны станетъ нѣсколько легче для меня, я не буду дожидаться, чтобы В. И. В. попросили у меня войскъ, а надѣюсь самъ пойти навстрѣчу вашимъ желаніямъ. В. И. В. благосклонно отнеслись къ полку, который отнынѣ будетъ имѣть высокую честь носить ваше имя; радость написана на всѣхъ лицахъ. Подполковникъ Лествицъ, командиръ полка, будетъ имѣть счастіе засвидѣтельствовать передъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ глубокое впечатлѣніе, произведенное на полкъ ихъ несравненнымъ шефомъ. Въ тоже время приношу благодарность В. И. В., соблаговолившему пожаловать мнѣ одинъ изъ своихъ полковъ *); я желалъ бы, чтобы онъ, также, какъ и всѣ подданные В. И. В., испыталъ чувства, какія испытываю я. Вашему Императорскому Величеству будутъ служить не только преданно, но съ усердіемъ, съ любовью, въ силу искренней и несокрушимой привязанности. Шлю тысячу пожеланій успѣха предпріятіямъ Вашего Императорскаго Величества и прошу всегда и при всякихъ обстоятельствахъ разсчитывать на меня, какъ на вѣрнаго и искренняго друга, горящаго желаніемъ доказать во всѣхъ случаяхъ свою живѣйшую признательность, и что я не упущу никакого случая, чтобы засвидѣтельствовать Вашему Императорскому Величеству мою нѣжную привязанность.

16.

№ 13854.

Императору Россіи въ С.-Петербургъ.

Лагерь при Зейтендорфѣ, 14 Іюля 1762.

Мой братъ! Я поистинѣ боюсь наскучить Вашему Императорскому Величеству своими письмами и просьбами. Мое сердце проникнуто благодарностью къ вамъ за все, что̀ вы сдѣлали до сихъ поръ для меня изъ чистой дружбы. Я былъ бы въ отчаяніи, если бы вы подумали, что я злоупотребляю ею, предлагая слѣдующее Вашему Императорскому Величеству. Однако я прошу васъ убѣдительно даже и не думать объ этомъ, разъ вы къ этому вполнѣ равнодушны.

---

*) Петръ III писалъ, что желаетъ, когда прибудетъ въ армію, самъ выбрать для короля одинъ изъ лучшихъ полковъ.

Дѣло идетъ о томъ, чтобы вы соизволили разрѣшить 500 казакамъ г. Берга присоединиться къ моему брату Генриху въ Саксоніи, чтобы помочь ему справиться съ арміей Cercles (de Cercles)? Если бы это было угодно Вашему Императорскому Величеству, то мнѣ казалось, что генералъ Беллингъ могъ бы привести ихъ къ вамъ въ Мекленбургъ, какъ только вы пожелаете ихъ имѣть. Этотъ генералъ ждетъ теперь только дня и мѣста, куда онъ долженъ явиться, чтобы подчиняться вполнѣ приказаніямъ Вашего Императорскаго Величества. Но если это предложеніе не соотвѣтствуетъ направленію мыслей Вашего Императорскаго Величества, то прошу васъ повѣрить, что я охотно отказываюсь отъ него, и это не доставитъ мнѣ ни малѣйшей непріятности. Согласно моимъ извѣстіямъ о Датчанахъ, я предвижу, что ихъ планы состоятъ въ томъ, чтобы принцъ Беверпъ *), командующій 8000 человѣкъ, дѣйствовалъ противъ герцогства Голштинскаго, какъ только будетъ объявлена война. Я, истинно принимая къ сердцу выгоды Вашего Императорскаго Величества, былъ бы въ отчаяніи, если бы вамъ предстояла малѣйшая непріятность при началѣ кампаніи.

Итакъ, я беру смѣлость увѣдомить васъ заранѣе о планахъ враговъ. Вы можете во всякое время предупредить ихъ или затянуть объявленіе войны до тѣхъ поръ, пока ваша армія не будетъ стоять на границѣ Голштиніи и пока вы не будете въ состояніи послать отрядъ кавалеріи въ Киль, чтобы присоединиться къ вашимъ войскамъ или чтобы дать необходимыя инструкціи генералу, который ими будетъ командовать. Мнѣ еще пришло въ голову одно законное средство, которое могло бы доставить Вашему Императорскому Величеству средства для веденія войны. Датчане отпустили на выкупъ городъ Гамбургъ и взяли съ него 1200000 экю. Ваше Императорское Величество имѣете тоже право. Городъ Любекъ могъ бы вамъ доставить тоже 8 или 100000 экю, и никто не нашелъ бы возможнымъ упрекнуть васъ за такой способъ дѣйствія, въ особенности если основываться на примѣрѣ Даніи. Деньги нервы войны, и случай ихъ имѣть представляется легко.

Мой братъ будетъ имѣть честь встрѣтить Ваше Императорское Величество при проѣздѣ чрезъ Померанію. Увѣряю васъ, что я искренно огорченъ, что не могу васъ встрѣтить самъ, ибо принужденъ остаться здѣсь, и не могу лично поблагодарить лучшаго друга, какого я имѣю на землѣ, за все то, что̀ онъ сдѣлалъ для меня, открыть ему свое сердце, чтобы онъ могъ прочесть глубоко начертанныя тамъ искреннія чувства признательности, нѣжности, и привязанности. Я надѣюсь, что прежде

---

*) Принцъ Карлъ фонъ-Беверпъ.

чѣмъ умереть, я получу это утѣшеніе и надѣюсь, что буду имѣть возможность поздравить лично Ваше Императорское Величества, когда вы будете пожинать славу при исполненіи вашихъ обѣтовъ и желаній и при полномъ удовлетвореніи тому, что̀ ваши враги будутъ обязаны воздать вамъ за несправедливость и за насильственное завладѣніе вашихъ владѣній.

Примите благосклонно, мой братъ, увѣреніе въ глубокомъ уваженіи, нѣжной привязанности и во всѣхъ тѣхъ чувствахъ, съ которыми остаюсь я Вашего Императорскаго Величества добрый братъ и вѣрный союзникъ до смерти. Фридрихъ.

Скажу Вашему Императорскому Величеству, что я изучаю Русскій языкъ, и я часто говорю солдатамъ: «Да здравствуетъ царко Петръ Ѳедоровичъ! (Vivat czarka Peter Fedovowitz!) Это первыя слова, которыя я выучился лепетать на этомъ языкѣ и которыя я буду произносить отъ глубины моего сердца до послѣднихъ дней моей жизни.

*

Читатель сличитъ съ этими письмами возмутительныя для Русскаго сердца письма Петра Третьяго къ Фридриху Второму, напечатанныя въ І-й книгѣ „Русскаго Архива" 1898 года. Царствованіе Петра Третьяго сдѣлалось невозможнымъ, благодаря его отношеніямъ къ Прусскому королю: онъ окончательно отвадилъ отъ себя сердца своихъ подданныхъ. 29 Іюня 1762 года Петръ Третій отрекся отъ престола, и Фридрихъ Второй немедленно послалъ гонца въ Крымъ для того, чтобы Татары произвели набѣгъ на Россію и тѣмъ напугали насъ. Новая императрица Всероссійская была не робкаго духа и поступила какъ нельзя лучше. Воевать дальше въ союзѣ съ Австріею и Франціею не приходилось: казна была пуста, и сбереженные Елисаветою Петровною милліоны разошлись (вѣроятно, по Нѣмецкимъ рукамъ). Всѣ остальные 24 года своего царствованія Фридрихъ Второй боялся насъ; а когда его преемникъ въ 1791 году соединялся съ Англіею для нападенія на Россію, Екатерина вспомнила 1762 годъ и отозвалась Храповицкому о томъ, что ею спасена Пруссія. П. Б.

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ МОРЯКА НИКОЛАЯ КОРОСТОВЦА.

(1804)

Меморія.

Кронштатской рейдъ. Октября 12-го при туманѣ, съ благополучнымъ вѣтромъ, снялись съ якоря около 7 часовъ пополудни. Не знаю, что̀ припомнить до сего дня съ опредѣленія моего на фрегатъ Автроиль; но да будетъ вѣдома друзьямъ моимъ эпоха въ моей жизни: путешествіе, которое я началъ, и 21-го Сентября, когда я поступилъ сюда. Если Богъ приведетъ меня обратно, вы услышите изустно о томъ, что̀ со мною случится; между тѣмъ я записывать стану все, что̀ будетъ принадлежать до четырехъ чувствъ вашего искренняго, приверженнаго и вѣрнаго друга.

Октября 14-го. Мы плыли, плыли по зелену морю, ибо вода около Готланда ужасно зелена; я пѣлъ, сидя въ моихъ креслахъ (которыя здѣсь называются Адамовскими): «Суди, Господи, обидящихъ мя».

Октября 15-го. Со всѣми моими стараніями увидѣть Борнгольмъ я не имѣлъ чести: мы прошли въ полночь и видѣли только одинъ маякъ.

Октября 17-го. Съ 15-го числа: началъ дуть рифъ - марсельный вѣтеръ. Автроиль ложился на правую и на лѣвую сторону, словомъ насъ порядочно качало; однакоже я не чувствовалъ морской болѣзни. Сегодня около полудня стали на Копенгагенскомъ рейдѣ почти въ двухъ Нѣмецкихъ миляхъ, хотя штурмана увѣряютъ, что до него не болѣе 10 верстъ.

Копенгагенъ.

Октября 18-го. Вчера смотрѣли течь нашего фрегата, которая была въ самой вещи довольно примѣтна. Что жъ вы думаете, друзья мои, гдѣ была течь? Въ боргоутѣ или надводной части, и въ крѣпкій вѣтеръ фрегатъ при сильномъ ходѣ и боковой качкѣ шелъ по 10 дюймовъ въ часъ. Но это не бѣда.

По причинѣ свѣжаго вѣтра, Николай Алексѣевичъ не отпускалъ насъ до двѣнадцатаго часа на берегъ, а какъ съ Ретвизана поѣхала на берегъ шлюпка, онъ согласился отпустить и насъ.

Павелъ Николаевичъ, Шестаковъ и я отправились на берегъ въ 7 склянокъ. Долго бились мы до Копенгагена такъ что въ 4 склянки (два часа) послѣ полудни приплыли въ Копенгагенъ, столицу Датскаго и Норвежскихъ королевствъ, а въ старину Шведскаго, Голштинскаго и Курляндскаго, Слушайте, вотъ первый лавровой листокъ для вѣнца, которымъ должно быть награждено мое путешествіе.

Копенгагенъ построенъ на полуостровѣ. Какъ давно, не могу опредѣлить, однакоже думаю въ концѣ 8-го вѣка. Не знаю ничего о его прекрасныхъ мѣстахъ, кромѣ того, что̀ вы услышите. Мы вышли на берегъ у пристани, которая огибаетъ портъ, гдѣ стоятъ около 20 кораблей, весьма плотно между собою соединенныхъ. Тутъ же стоятъ и купеческія суда, ибо къ гавани прилегаетъ биржа, которая не представляетъ ничего ни богатаго, ни пріятнаго; хотя Аббатъ-де-ла-Портъ гласитъ много похвальнаго. Отъ пристани вошли мы въ улицу черезъ шлагбаумъ подлѣ гаубтвахты, занимаемой солдатами въ красныхъ курткахъ и синихъ вязанныхъ панталонахъ, въ высокихъ круглыхъ шляпахъ съ длинными шерстяными султанами. Черезъ три или четыре дома на правой рукѣ есть мерзкая харчевня, почитаемая изъ лучшихъ трактировъ. Здѣсь, какъ видно, всѣ боятся смерти, судя по тому, что домъ построенъ изъ тоненькихъ плахъ, снаружи обитъ досками, внутри же парусиною. Самой долгой вѣкъ по моему примѣчанію такого дома не болѣе 6 или 10 лѣтъ, ибо если время его не разрушитъ, такъ онъ долженъ треснутъ отъ тѣсноты и шуму, который умолкъ тогда только, какъ мы вошли. Датчане смотрятъ на насъ выпуча глаза точно или похожо на барановъ, которыхъ любезный Алексѣй себѣ представитъ, съ красными лицами, длинными носами и одѣтыхъ въ скудные сюртуки. Таково было въ Копенгагенѣ, гдѣ я ступилъ первый шагъ.

C'est la ò̀u il met pied à terre, ò̀u il n'est se glisse pas (тутъ онъ ступитъ ногою на брегъ, тутъ онъ не подскользнется).

Отсюда пошли мы разными улицами и вышли на площадь, гдѣ заставили меня спрашивать у каждаго прохожаго трактира Роу, иначе Королевскаго трактира. Я спрашивалъ и то знаками, то словами добился, что меня привели въ трактиръ Роу. Тутъ сбылась пословица «языкъ до Кіева доведетъ».

Г-нъ Роу походитъ на Бека, а трактиръ его на Демутовъ въ нашемъ православномъ Питерѣ. Мы не долго тутъ были въ умѣ, ибо въ три часа сѣли за столъ, и тощій нашъ желудокъ въ двѣ минуты наполнился славнымъ супомъ. Мы выпили по рюмкѣ ликеру, бутылку портвейну и на закрѣпу бутылку Шампанскаго. Насъ обѣдало за предлиннымъ столомъ изъ Русскихъ двое, я и Павелъ Николаевичъ.

Отъ Роу мы пошли по лавкамъ. Вездѣ стараются обмануть иностранцевъ; а потому судите, друзья мои, простительна ли и для Россіянъ склонность къ обману?... О друзья, друзья, всѣ люди одинаковы, вездѣ одинъ характеръ. Смѣйтесь и шутите какъ хотите.

Я заплатилъ за перчатки, которыя у насъ въ Петербургѣ стоятъ рубль, почти два рубли. Въ 6-ть часовъ вечера воротились мы къ шлюпкѣ, въ тотъ самый трактиръ, которой доставилъ вашему Николаю написать цѣлую страницу. Здѣсь въ досталь допили и пошли, какъ водится пьяные шататься по Копенгагену.

Я позабылъ сказать, въ продолженіе обѣда приходило и выходило столько людей, сколько строкъ будетъ въ моемъ журналѣ. Онъ долженъ составить страшные томы для васъ, мои друзья, и потому не могу опредѣлить числа строкъ, которыми онъ наполнится. Между входящими показался одинъ Датчанинъ, говорящій недурно по русски, выдающій себя Петерсономъ, конторщикомъ у Гамса и Грифтона. Этотъ-то Петерсонъ сталъ нашимъ компаніономъ и переводчикомъ.

Тогда было около 8 часовъ, и Датчане ужинали, ибо, какъ мнѣ кажется, здѣсь нѣтъ обыкновенія пить чай въ вечеру. Я спросилъ также приборъ и по случаю сѣлъ подлѣ эмигранта, съ которымъ не умедлилъ свести знакомство. За столомъ я еще подпилъ и пилъ, пока пришелъ Петерсонъ. Мы пошли въ путь въ 11 часовъ сперва въ одинъ домъ, гдѣ играла музыка.

Входя я увидѣлъ цѣлую дюжину дѣвокъ, окруженныхъ сотнею мущинъ, которые смотрѣли во всѣ глаза на пáры, танцующія вальсъ. Голова моя пошла кругомъ, и чтò вы думаете? Другъ вашъ пустился также кружиться. Бѣдные Датчане, вы смотрѣли на меня, какъ на сокола, залетѣвшаго къ воронамъ! Послѣ вальса я танцовалъ контреданецъ, а между тѣмъ догадливый мой товарищъ приказалъ растворить ведро глинтвейну и потчивалъ дамъ и знакомыхъ ему кавалеровъ. Танцовать я пересталъ; но какъ я приказывалъ играть: то заплатилъ г-дамъ оборваннымъ неопрятнымъ виртіуозамъ цѣлой рейхсталеръ. Однакоже услужливой Петерсонъ хотѣлъ, чтобы мы еще пошаталися. Узнаете ли, для чего онъ хотѣлъ? Всѣ издержки текли изъ моего кармана. Словомъ, мы были еще въ двухъ домахъ, въ которыхъ приходъ мой праздновался глинтвейнами и платился рейхсталерами. Около 7 часовъ я одѣлся, выпилъ чашку кофію, рюмку вина, заплатилъ четыре рейхсталера и распрощался съ моей милою. Она у меня въ книгѣ записала свое имя.

Въ 8 часовъ я пришолъ къ Роу, и тутъ весь домъ покоился еще благами данными въ удѣлъ ночи и Морфею. Я подошелъ къ монументу. Представьте себя на моемъ мѣстѣ. Вы увидите тогда самый глупый монументъ изваянный изъ мѣди, зачернѣлый отъ времени, позеленѣлый

мѣстами отъ сырости, загаженый по мѣстамъ пернатыми птицами, которыхъ имени, право, не знаю.

Вы спросите, чей это монументъ? Мнѣ такъ же вздумалось сдѣлать сей вопросъ, сперва часовому, послѣ двумъ или тремъ прохожимъ. Чтò вы думаете, друзья мои? Половина города не знаетъ кого сохраняется имъ память. Послѣ только я могъ добиться, и то невѣрно, что онъ воздвигнутъ въ честь Христіана IV-го. Государь сей изображенъ въ мирной Римской одеждѣ, конь ничего не имѣетъ привлекательнаго и идетъ шагомъ. Монументъ сей поставленъ на овальномъ цилиндрѣ вышиною около 12 футъ. Кругомъ сего піедестала, который показался мнѣ мраморнымъ, на каждой продолговатой сторонѣ сидѣли по два великана; всѣхъ ихъ было четыре, а что всего смѣшнѣе, такъ принужденныя ихъ позиціи: ибо смѣшно бы было представить четырехъ человѣкъ покойно сидящихъ, которые бы имѣли разительную перемѣну въ положеніи! Однакоже сіи изображены, иные съ вытянутыми ногами и растягивающими руками, между тѣмъ другіе съ поджатыми ногами. Я хотѣлъ было взять карандашъ и рисовать сихъ глупыхъ, однакоже оставилъ намѣреніе. Вышина ихъ въ сидячемъ положеніи касалась верху піедестала. Конь топталъ человѣка, который меньше всѣхъ фигуръ и котораго плечо и рука, если его вытянуть, должны перевѣсить остальную часть и уронить съ піедестала, если бы онъ не поднятъ былъ. Разумѣется, что онъ представленъ отталкивающимъ лошадь. Кажется, никакой нѣтъ надписи около піедестала, кромѣ гербовъ, поставленныхъ въ короткихъ сторонахъ овала. Вамъ, друзья, съ Мишелемъ предоставляю понять эмблему монумента. Площадь, на которой онъ стоитъ, называется Королевскою, дома окружающіе ее довольно красивы или лучше чисты; однакоже архитектуры не видать кромѣ дома Роу и нашего посланника г. Лизакевича.

Копенгагенскія улицы тѣсны, по серединѣ каждой улицы сносится соръ и такъ остается; по сему, если нельзя идти по узкому тротуару вымощенному плитою, то принужденъ будешь ступать по грязному подножію. Дома въ нихъ вездѣ бѣдны, невелики, невысоки, хотя многіе и имѣютъ пять и шесть рядовъ оконъ. Послѣднія иногда такъ велики, что можетъ проѣхать карета, другія же такъ малы, что съ трудомъ можно высунуть голову.

Есть еще монументъ на площади, окруженной домами, принадлежащими королю, кронъ-принцу и такъ далѣе: ихъ четыре, каждый построенъ въ промежуткѣ или кварталѣ двухъ улицъ. Середина всякаго изъ нихъ высока, къ флангамъ идетъ ниже. Высокая часть каждаго состоитъ изъ трехъ этажей. По серединѣ монументъ поставленъ четырехъугольный черный пьедесталь и каждая сторона исписана по

датски; на немъ конь бѣжитъ рысью, а на конѣ сидитъ всадникъ въ воинскомъ платьѣ, простомъ шлемѣ Римскомъ и представляетъ Фриде- рика III-го; однакоже я не утверждаю сего и соглашусь со всякимъ, кто захочетъ опровергнуть сказанное.

Датчане, какъ мнѣ кажется, такой народъ, который хочетъ жить духомъ другихъ, какъ напримѣръ Англичанъ, Голландцевъ и Францу- зовъ. Однакоже они сохраняютъ свои обычаи. Они одѣваются просто, нещеголевато, нерадиво и даже доходитъ дѣло до неряшества. Мнѣ слу- чилось увидѣть двухъ или трехъ молодыхъ людей, на которыхъ были изорваны кафтаны, и они не стыдились ходить такъ въ столицѣ, чтò у насъ почли бы великимъ грѣхомъ. Датчанки не прелестны, а особенно одежда на простолюдинахъ. Совсѣмъ тѣмъ между ими есть блондинки, такія, какихъ мы видимъ рѣдко въ Россіи, съ большими голубыми гла- зами.

Въ Копенгагенѣ не видно роскоши, дома строятся такъ, чтобы жить покойно. Ноги у нихъ для того, чтобы ходить пѣшкомъ, а не ѣздить въ каретѣ. Потому-то я не встрѣтилъ въ Копенгагенѣ болѣе трехъ или четырехъ худыхъ каретъ, въ которыхъ сидѣли Датскіе бароны. Столъ ихъ весьма простъ. Итакъ судите теперь, друзья, что Датчане еще не перемѣнились, ибо роскошь не вскружила имъ умы.

Судя по войскамъ, съ перваго взгляда покажутся Датчане неспо- собными къ воинскимъ трудамъ, однакоже они ратное поле умѣютъ удержать, и тому примѣръ Копенгагенскія осады, древнія и новѣйшая. Морскіе ихъ офицеры ходятъ такъ же какъ и наши, разумѣется небо- гато. Служба на ихъ корабляхъ, какъ говорятъ, доведена до точнѣйша- го выполненія.

Но чтò я расписался о Копенгагенѣ, будто бы какой странникъ, описывающій такое мѣсто, гдѣ былъ онъ первымъ? У насъ въ Кронш- тадтѣ есть сотни людей, которые вѣрно вытоптали много Копенга- генской грязи. Пускай Муза повѣствованій перемѣнитъ идею. Итакъ около десяти часовъ я пришелъ къ катеру и соединился съ Пав. Никол. и Шестаковымъ. На морѣ была буря, вѣтеръ противный намъ попасть на фрегатъ, между тѣмъ для фрегата благополучный идти въ море. Я купилъ въ Копенгагенѣ 50 анкерковъ водки по 15 р. съ достав- леніемъ на Автроиль. Купецъ нанялъ ботъ, такъ же великой какъ и наши перевозные бота, только безъ палубы. Мы сѣли и пустились ла- вировать въ 11 часовъ.

Не упомню, чтò могло быть хуже нашего путеплаванія. Волненіемъ насъ промочило до костей; на мнѣ были капотъ, сюртукъ, мундиръ, и они такъ намокли, что въ силу въ силу могъ я дышать. Ровно въ 10 часовъ вечера долавировали мы до фрегата, будучи почти 12 часовъ,

въ ненастную сырую и крѣпкую погоду, на морѣ. Нѣсколько разъ мы бранились съ ботовщикомъ, однакоже онъ стоялъ всегда на своемъ. Теперь, слава Богу, я на фрегатѣ; но чтобы въ другой разъ быть въ такомъ же пути и такъ безпокойно плыть, я не согласился бы изъ за всѣхъ удовольствій, которыми награждается терпѣніе странника.

Октября 20-го. Поутру въ 6 часовъ мы снялись съ якоря и пошли въ портъ. Около полдень миновали Кронборгъ, Готорпской замокъ и крѣпость, защищающіе Ельзинеръ. Вѣтеръ стоялъ намъ попутный, однакоже жестокой, мы несли рифленые марсели. Четыре дни продолжался жестокій вѣтеръ, и вотъ, милые, я чувствовалъ въ первый разъ признаки болѣзни, которую называютъ морскою. Голова моя при каждомъ мгновеніи, такъ мнѣ казалось, готова была треснуть; тошнота была жестокая, хуже, гораздо хуже нежели можете вы себѣ представить. Словомъ, цѣлые шестнадцать часовъ я лежалъ въ постелѣ. Къ тому же Копенгагенская красотка и пьянство, а особливо Тимошовы *) разстроили мое здоровье. Бѣдный я былъ человѣкъ! Къ счастію, нѣкоторые изъ нашихъ офицеровъ чувствовали одинакую со мною болѣзнь.

Въ пятый день мы были по Западную сторону Бишь-гата. Вѣтеръ стихалъ, и въ шестый день мы дошли къ Вайту. Фрегатъ нашъ въ продолженіе крѣпкихъ вѣтровъ былъ довольно покоенъ; разумѣется, его жестоко, безвостановочно валяло съ боку на бокъ. Мы иногда шли лучше всѣхъ судовъ нашей эскадры, особливо ночью. Итакъ, приходя къ Портсмуту разлучились мы съ *Ретвизаномъ* и *Еленою*, и самый *Венусъ* былъ у насъ назади. Примѣтьте, друзья, что мы шли подъ однимъ рифленымъ гротмарселемъ и фокомъ. Съ эскадрою мы разстались при входѣ въ каналъ, разумѣется, прежде нежели мы видѣли Нордъ и Задъ-форландскіе маяки. Лоцманъ нашъ ничего не разумѣлъ и утверждалъ, что мы давно уже миновали Портсмутъ, однако мы по признакамъ открыли его неразумѣніе. Венусъ былъ у насъ впереди, и съ нимъ вмѣстѣ вошли мы Октября 26-го въ 6 часовъ по-полудни на Портсмутской рейдъ, который извѣстенъ подъ именемъ Спитида; другая часть рейда называется св. Елены. На рейдѣ нашли мы болѣе 50 военныхъ судовъ.

Октября 29-го. Мы и Венусъ, какъ я уже сказалъ, стали на якорь между Англійскою эскадрою подлѣ адмиральскаго корабля или брантвахты. (Онъ имѣетъ 90 пушекъ, называется Royal-navy).

Николай Алексѣевичъ былъ боленъ почти все время нашего плаванія и, подходя къ Портсмуту, съ нимъ случился параличъ; но онъ прошелъ счастливо. Я началъ описаніе пребыванія нашего въ Портсмутѣ нашимъ капитаномъ для того единственно, чтобы сказать передъ

*) Тимошовымъ называется у насъ чай съ водкою; всякое утро мы пили по одному.

вами, сколько всѣ мы счастливы, имѣя добраго капитана. Это одна только отрада для вашего друга, что онъ служитъ подъ начальствомъ Баскакова. Я не щедръ на похвалы, однакоже для него мало всѣхъ, какія бы могъ я представить. Благодарность моя къ нему возрастаетъ часъ отъ часу. Обратимся ко мнѣ.

Около полудни, Ник. Сем., Пав. Ник., я и Солдатской отправилися въ городъ. Пріѣхавши заказали въ трактирѣ Postablew великолѣпный обѣдъ. Пусть онъ готовится. Послушайте, друзья мои, первыя замѣчанія о Портсмутѣ.

Противъ залива лежитъ островъ Вайтъ, между нимъ и первымъ становятся корабли и довольно покойно отдыхаютъ послѣ продолжительныхъ путешествій. Отсюда отправился Крузенштернъ и всѣ наши вояжиры. Англичане также считаютъ его за первую рейду въ Великобританіи. Въ серединѣ отверстія залива, на островкѣ, занимаемомъ крѣпостію, находится, какъ говорятъ, около ста пушекъ. На лѣвомъ берегу построены огромные госпитали, на правомъ лежитъ Портсмутъ. Три города Госпортъ, Портсмутъ и Порт-си составляютъ вообще одинъ городъ; Госпортъ отдѣляется заливомъ въ ширину около версты, можетъ быть и болѣе, и лежитъ за госпиталями, т. е. на лѣвой сторонѣ. Вотъ задача, что̀ лучше, виднѣе, Кронштадтъ или Портсмутъ? У насъ сперва представятся каменные, прекрасно построенные, выбѣленные дома, широкія вымощенныя улицы. Здѣсь совсѣмъ противное: вы найдете хуже нашего рыбнаго ряда неопрятность. Грязные съ наружи, худо выстроенные дома, переулки, которыми только можно ходить пѣшкомъ; ибо опасно ѣхать въ каретѣ, потому что, ежели бы встрѣтилась другая, то принуждены бы были пятиться каждая задомъ или, слѣдуя хладнокровію квакеровъ, опустить стекла, вынуть газеты и съ важнѣйшею важностію, надѣвъ очки, читать. Въ главныхъ улицахъ Портсмута или Порт-си подъ каждымъ домомъ лавки, у которыхъ наружная сторона состоитъ изъ выпуклостей сдѣланныхъ окнами. Дома на такихъ улицахъ всѣ небѣленые и съ самыми яркими чертами, которыми отдѣляются кирпичи. Архитектура самая натуральная, ибо ежели бы наблюдать симетрію и расположеніе нашихъ домовъ, то Англичане лишились бы маленькихъ уютныхъ покоевъ. Во всемъ Портсмутѣ я не видалъ ни одного дома, который бы могъ сравниться величиною съ самымъ малымъ каменнымъ домомъ въ Петербургѣ. Нѣтъ ни одного дома, который бы имѣлъ болѣе пяти или шести оконъ въ рядъ. Также нѣтъ ни одного дома, который бы имѣлъ высоту болѣе трехъ этажей, полагая каждый этажъ въ 4 аршина.

На улицахъ, кромѣ женщинъ въ красныхъ плащахъ, ничего не замѣтилъ виднаго. Ну, друзья, обѣдъ готовъ, три часа било; пойдемте

отвѣдаемъ Англійскаго обѣда. Любезный Алексѣй, у тебя заранѣе слюнки текутъ; перестань читать, а не то ѣсть захочется. Въ трактирѣ отвели намъ горницу прекрасную съ каминомъ, убраннымъ мраморомъ, съ гардинами изъ лучшаго ситца, съ ковромъ, по которому надобно ходить на рукахъ, опасаясь замарать ногами, съ мебелью изъ краснаго дерева. Входитъ слуга, одѣтый также чисто, какъ бы и самый лордъ Дундасъ. Ставится столъ, устанавливаются на скатерти, которую ей Богу не стыдно послать и царю, тарелки фарфоровыя. Но полно писать о томъ, что̀ обворожаетъ всегда вкусъ.

Намъ подали прекрасныя снѣди, мы выпили бутылку шери, двѣ портвейну, три портеру и встали изъ-за стола сыты и пьяны. Какая дороговизна на вино: шери стоитъ 6 шилинговъ, портъ 5 шилинговъ. Теперь судите, если взяли съ насъ четверыхъ 2 ф. 4 шилинга; съ кофіемъ, съ прислугою обѣдъ стоилъ каждому изъ насъ 11 шилинговъ. Знаете ли еще, что слугѣ здѣсь нельзя дать за прислугу въ обѣдѣ менѣе шилинга съ каждаго. Вотъ гдѣ могутъ только слуги скоро дѣлаться барями.

Послѣ обѣда мы вышли за городъ по валу, который заслуживаетъ быть примѣченнымъ по своимъ прекраснымъ деревьямъ и опрятности. Укрѣпленія вездѣ, гдѣ мы проходили, въ совершенномъ состояніи, рвы, равелины и другіе пригаты прекрасно отдѣланы. За городомъ, проходя узкою дорогою, встрѣтили мы баталіонъ солдатъ въ красныхъ мундирахъ; мы принуждены были остановиться, пока они скорымъ шагомъ насъ миновали. Жаль мнѣ было своихъ глазунекъ, я ихъ потупилъ не привыкши глядѣть на красное. Мы опять вступили въ городъ, и это былъ Порт-си. Тутъ мы нашли все также какъ въ Портсмутѣ.

Слѣдующіе дни стояли крѣпкіе вѣтры; несмотря на сіе, съ нашего фрегата ѣздили на берегъ.

Ноября 2-го. Николай Алексѣевичъ согласился съ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ и Ретвизанскими офицерами, поѣхали на островъ Вайтъ (White), которой былъ отъ насъ верстахъ въ пяти.

Вы знаете, друзья, что Портсмутской рейдъ составляется изъ матерого берега Англіи и острова Вайта. Слыхали также, что островъ сей почитается садомъ всей Англіи. Теперь судите, съ какими восторгами я поѣхалъ вмѣстѣ съ ними.

Мы пристали въ мѣстечкѣ Ридѣ; тутъ катеръ нашъ остановился по причинѣ малой воды, едва ли не на версту разстояніемъ; къ намъ подъѣхала удобно для сего случая сдѣланная таратайка. Представьте теперь насъ помѣстившихся въ ящикѣ, сидящихъ на лавочкахъ! Насъ было шестеро, кучеръ седьмой, и одна лошадь насъ тащила до пристани съ такимъ удобствомъ, проворствомъ, какого я никогда не видалъ.

Вышедши на пристани, вошли въ двери трактира, передъ которымъ выросъ старый дубъ, современникъ, какъ сказывали намъ, Кромвелю и ровесникъ дому. Не распространяясь скажу, что тутъ взяли мы двѣ кареты и поѣхали въ Нюпортъ, разстояніемъ на 12 миль.

Я могу сказать, что еще въ первый разъ въ жизни, т. е. съ того времени, какъ началъ помнить, случилось мнѣ ѣхать по полямъ, между лѣсковъ. Дорога сперва шла на гору, послѣ узенькими промежутками между полей, изъ которыхъ каждое, вмѣсто межей, было осажено не знаю какимъ-то густымъ віющимся кустарникомъ. Вездѣ было такъ зелено, какъ у насъ въ Маѣ. Воздухъ такъ чистъ былъ, какъ только можете себѣ вообразить. Временемъ встрѣчали мы крестьянскія избы, такъ пріятно состроенныя, каковыми мы находимъ откупщиковы дома въ романахъ; нѣкоторыя покрыты были зеленѣющимися листьями, такъ что едва можно было видѣть самое строеніе. Боже мой, мнѣ такъ казалось все пріятнымъ, пышнымъ, однакоже украшеннымъ самою природою, что я остался бы вѣчно жить на Вайтѣ! Стѣнки, которыми межевались поля, кое-гдѣ были подрѣзаны, какъ у насъ въ садахъ шпалерникъ. Но пусть останется у меня въ воображеніи видъ дороги до Нюпорта, ибо я не въ силахъ ее описывать. Представьте теперь насъ пріѣхавшихъ въ городъ.

Въѣзжая въ Нюпортъ, мы нашли нѣкоторое сходство съ нашими провинціальными городами, но чѣмъ далѣе мы ѣхали, тѣмъ болѣе перемѣнялось строеніе. Улицы были прямы, дома лучше нежели въ Портсмутѣ. Мы остановились въ одномъ трактирѣ и пошли осматривать нѣкоторые остатки укрѣпленнаго замка, который, какъ намъ сказали, отстоитъ на милю отъ города.

Мы вышли за городъ и по прекраснѣйшей дорогѣ встрѣчали множество прогуливающихся дамъ, и кое-гдѣ, однакоже весьма рѣдко, видали съ ними мущинъ. Пришедши къ одной довольно высокой горѣ, мы стали разсматривать стѣны и мѣстами руины башенъ. Подымаясь на гору по извилистой дорожкѣ, мы, прошедши черезъ нѣсколько воротецъ, достигли главныхъ воротъ замка. Ворота находились между двухъ башенъ, довольно высокихъ, построенныхъ изъ дикаго камня, похожаго на нашу плиту, равно какъ стѣны и остатки строенія.

Человѣкъ въ сѣромъ кафтанѣ вышелъ на звукъ колокола, въ которомъ мы подали знакъ о нашемъ прибытіи. Отворивши ворота, проводилъ во внутренность замка. Мы вступили на дворъ, не такой, каковой обыкновенно представляютъ въ романахъ разорившихся замковъ, а каковой рѣдко найти можно въ домѣ, который бы былъ подъ присмотромъ добраго хозяина. Трава, которою онъ былъ покрытъ, несмотря,

что то было въ Ноябрѣ, также была зелена, какъ у насъ въ Маѣ. На дворѣ выстроены два или три дома, также открытые какъ у самого бы лорда. Обширность земли, заключаемая между стѣнами, которыя были округлыя, простиралась версты на полторы; на семъ пространствѣ были нѣсколько разбросанныхъ руинъ, остатковъ прежняго строенія. Главныя стѣны прежняго строенія находились въ лѣвѣ и прилегали къ Югу. Человѣкъ въ сѣромъ кафтанѣ, который по произношенію показался мнѣ Ирландцемъ и пасторомъ церкви находящейся внутри замка вправѣ, ввелъ насъ въ развалины упомянутаго мною главнаго строенія. «Здѣсь, сказалъ онъ, находились покои, въ которыхъ заключенъ былъ Англійскій король Карлъ II-й. Отсюда онъ былъ взять въ Лондонъ и тамъ казненъ; въ этомъ покоѣ скончалась Елисавета дочь его» и даже онъ хотѣлъ было распространиться; но мы его перервали, прося показать намъ колодезь замка. Онъ просилъ насъ взойти на самое высокое мѣсто въ замкѣ, съ котораго увидимъ мы самый прекраснѣйшій видъ въ свѣтѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, мы вскарабкались по лѣстницѣ, имѣющей болѣе шестидесяти ступеней, въ остатки башни; но думаю, на семъ мѣстѣ было еще какое нибудь строеніе, ибо видны фундаментъ и стѣны, которыя тянулись къ главному строенію. Здѣсь мы съ радостію бросились смотрѣть во всѣ стороны. Друзья, видъ былъ лучше, гораздо лучше, нежели каковой можно себѣ представить ландшафтъ; но такъ мелокъ, что я съ трудомъ могъ различить деревья отъ зелени и строенія между собою (припомните, мы поднялись едва ли не на двѣ версты вверхъ). Ахъ, какой прекрасный видъ! Мы видѣли однимъ взоромъ городъ, деревню, кирку, поля, лѣсъ, рейдъ, покрытый сотнею военныхъ кораблей. Англійскій каналъ издали казался океаномъ. Дорого можно было бы заплатить, если бы я былъ властенъ остаться жить въ этомъ замкѣ. Зачѣмъ никого изъ васъ, друзья, не было со мною? Михайло, какъ горько пользоваться одному удовольствіемъ, если нельзя раздѣлить его съ другомъ! Я знаю, если бы Мишель былъ съ нами, мы бы плакали отъ удовольствія. Я плачу теперь, вспомнивъ, что я отъ васъ за четыре тысячи верстъ, одинъ на фрегатѣ; ибо у меня нѣтъ друга, съ которымъ бы можно было разсматривать природу и дѣлить горести и радости. Долга будетъ наша разлука, можетъ быть вѣчная. Простите моему малодушію!

Въ серединѣ поставленъ шестъ для телеграфа, кругомъ его подножія вырѣзано столько словъ, сколько можете вы найти въ книгѣ; мнѣ вздумалось также поискать мѣстечка, и по счастію я могъ только вырѣзать Agt... Пока я вырѣзалъ концемъ кортика, товарищи мои спустились внизъ, и я остался одинъ. Взглянувъ нѣсколько разъ кругомъ,

простился вѣчно съ замкомъ, который для меня будетъ вѣчно памятенъ, спустился и я за ними.

Я нашелъ ихъ въ горницѣ, которая еще уцѣлѣла и въ которой находился колодезь. Человѣкъ въ сѣромъ кафтанѣ принялся разсказывать намъ о его глубинѣ и въ доказательство принесъ лампаду, которую опустилъ въ колодезь для доказательства, чтобъ мы удивились, увидѣвъ такую страшную глубину. Колодезь имѣлъ въ діаметрѣ 12 или 15 футовъ; лампада, которую онъ опускалъ, весьма ярко горѣла и освѣщала весь залъ, въ которомъ мы находились. Будучи спущена до воды, она показалась мнѣ малою искоркою. Надобно согласиться, что колодезь отмѣнно глубокъ, а человѣкъ въ сѣромъ кафтанѣ сказалъ, что глубина его до воды около 260 футовъ. Воды въ немъ немного и, можетъ быть, на сажень не будетъ. Рѣдкостію его мнѣ кажется почесть нельзя, хотя я никогда не видалъ еще глубже, тѣмъ болѣе, что у насъ въ Кіевѣ есть колодезь во сто саженъ. Симъ заключились достопамятности сего замка. Мы вышли изъ онаго такъ довольны сдѣланною прогулкою, какъ бы мы были перенесены въ Россію. Новое затрудненіе: мы заплатили 5 шилинговъ человѣку въ сѣромъ кафтанѣ; этого мало-съ, десятокъ мальчишекъ бѣжали отпирать воротцы по дорогѣ ведущей къ замку, и каждому надобно было дать по нѣскольку пензъ, а у насъ кромѣ шилинговъ нечего было давать; наконецъ они оставили насъ въ покоѣ, примѣтивши, что никто изъ насъ не думаетъ имъ платить. Я для сего упомянулъ о семъ приключеніи, чтобы показать, что у Англичанина въ первой предметъ полагаются деньги.

Въ деревнѣ, мимо которой мы проходили, находится готическая церковь; вершина ея съ зубцами и видомъ походитъ на четырехъугольную башню. Такимъ образомъ, друзья мои, кончилось путешествіе наше къ замку, который построенъ въ девятомъ столѣтіи.

Мы возвратились въ Нюпортъ около 5-ти часовъ вечера и съ величайшимъ аппетитомъ принялись обѣдать и пить тосты, такъ что, вставши изъ-за стола около 8 часовъ, едва примѣчали другъ друга, спросили счетъ и за одинъ обѣдъ съ 6 человѣкъ заплатили 8 фунтовъ. Мы пожалѣли о нашихъ деньгахъ и стали сбираться ѣхать къ судамъ. Кареты наши вскорѣ были изготовлены и около 9 часовъ пустились въ путь. Я спалъ въ продолженіе дороги и пробудился тогда, какъ мы встрѣтились съ двумя дамами, которымъ остановясь дали проѣхать, какъ имъ, такъ и слѣдуемой за ними свитѣ.

Пріѣхавши въ Ридъ, сѣли на катеръ и около 11 часовъ достигли фрегата.

Ноября 5-го меня убѣдительно просилъ г. Мордвиновъ ѣхать съ нимъ въ Портсмутъ на балъ. Зная, какъ дорого будетъ мнѣ стоить та-

кого рода удовольствіе, я сперва долго отговаривался, наконецъ согласился. Мы поѣхали около 7 часовъ вечера. Приставши къ берегу, мнѣ до открытія бала оставалось много кое-чего купить и одѣться. Знаете ли, что здѣсь башмаки стоятъ 10 шилинговъ? Теперь судите, какъ хорошо и дешево можно получить удовольствіе у насъ въ Россіи. Представьте теперь меня одѣтаго, распудреннаго, облитаго съ головы до ногъ душистою водою... Ибо мнѣ должно было поручить быть одѣту какъ надобно джентльмену, перухмакеру, который съ меня взялъ 5 шилинг., и удивитесь, что съ 800 года я отказалъ себѣ въ публичныхъ удовольствіяхъ. Вы знаете, какъ я жилъ въ теченіе сихъ четырехъ лѣтъ... Что̀ о томъ говорить, обратимся къ балу.

Мы пристали въ самомъ томъ трактирѣ, въ которомъ бываетъ балъ, и въ ожиданіи бала, начинающагося въ 9 часовъ, мы пили чай. Намъ пришелъ сказать слуга (которые называются здѣсь вейтерами), что въ собраніе уже много съѣхалось. Намъ подали два бимба, за которые заплатили мы 7 ш. Едва успѣли мы войти въ залу и сдѣлать учтивый поклонъ обществу, всѣ насъ разсматривали съ удивительнымъ вниманіемъ. Многіе офицеры подходили къ намъ съ привѣтствіями на Англійскомъ или Французскомъ языкахъ; на первомъ я не начиналъ ни одного слова, хотя теперь я служу здѣсь переводчикомъ; на послѣднемъ мы говорили то, что̀ обыкновенно говорятъ между собою въ обществѣ.

На хорахъ играли, или лучше, скрипѣли двѣ скрипки, флейта, бубны и труба.—Я нѣсколько разъ покушался смѣяться, видя самыхъ почетныхъ въ Портсмутѣ особъ, которыя имѣли заткнутыя уши, и послѣ въ танцахъ толкался, не наблюдая ни кадаксу, ни такта. Одинъ Англійскій капитанъ пригласилъ насъ къ танцамъ тѣмъ, что обѣщалъ сыскать для насъ дамъ. Какъ балъ этотъ есть родъ клуба, то мы сочли его старшиной, онъ подвелъ насъ къ адмиралу Монтагю, который разговаривалъ съ нами по-англійски и просилъ двухъ дамъ, которыя подлѣ него стояли, танцовать съ нами. Музыка начала играть англесы, мы съ товарищемъ стали, я въ 1-й и онъ въ 6-й парѣ; но выше насъ стоящіе просили нашихъ дамъ стать выше, и мы заняли мѣсто второй пары. Начали танцовать, и къ счастію мы были изъ лучшихъ танцоровъ. Здѣсь обыкновенно всякій кавалеръ танцуетъ съ дамой два контратанца. Протанцовавши, я благодарилъ мою даму. Я удивился, увидя, что слуга сталъ бѣгать со столами, которые поставя плотно одинъ подлѣ другого, накрыли сукномъ и уставили приборами для чаю. Насъ также пригласили пить чай, и будь благословенъ Англійскій капитанъ, мы не стояли сложа руки, но были такъ вольны, какъ будто между своими Россіянами. Отпивши чай, танцы начались снова, и мы нашли опять дамъ,

съ которыми протанцовали почти всѣ англесы. Замѣтьте, здѣсь танцуютъ одни только двухколѣнные англесы, почти всегда мало разнствующіе между собою.

Въ концѣ бала я замѣтилъ человѣка въ кафтанѣ, который смотрѣлъ на меня и подошедши къ Мордвинову спрашивалъ о Коростовцѣ. Товарищъ мой указалъ на меня, что я его хорошій другъ. Представьте себѣ мое и его удивленіе, когда мы узнали другъ друга! Это былъ Англійскій мичманъ, который въ 801-мъ году приходилъ на Англійскомъ слуп-еѳь-варѣ Линжѣ. Мы съ нимъ весьма хорошо познакомились еще въ Кронштадтѣ, онъ былъ у меня раза два на брантвахтѣ. Словомъ, мы были крайне рады другъ другу. Онъ служилъ во все время со Старитскимъ на Lapwing, и еще болѣе я ему обрадовался; имя его Макдональдъ, онъ теперь лейтенантомъ. Вотъ сколько я сдѣлалъ вамъ подробностей о человѣкѣ, который только былъ со мною нѣсколько часовъ. Балъ кончился. Мы трое пригласили еще одного лейтенанта Англійской службы ужинать. Тогда было только половина перваго часа.

За ужиномъ мы принялись подпивать, спорить и разошлись спать едва ли не на разсвѣтѣ. По утру я пилъ чай, совершенно по англійски; намъ накрыли столъ, уставили его тарелочками, на которыхъ лежали яица, ветчина, жареное, корнбиѳъ, словомъ, болѣе 8 тарелочекъ были съ разными такого рода кушаньями. Наконецъ принесли подносъ съ чашками, два или три сорта жареныхъ тортовъ. Насъ трое пило чай, и послѣ пошли вмѣстѣ гулять.

Ноября 6-го, пришедши на главную площадь, находящуюся въ бастіонѣ и которая служитъ здѣсь мѣстомъ для прогулки, я увидѣлъ разводъ. Нѣсколько человѣкъ съ ѳлейтами, съ барабанами, бубнами, тарелками и ложками составляли здѣсь такой концертъ, какого мы никогда еще не слыхали отъ музыкантовъ г-на Ширкова. Они играли маршъ; мы не видали кромѣ караульныхъ солдатъ ни одного взвода, и тѣ не были въ ружьѣ. Отсюда мы ходили по валу и наконецъ пришли обѣдать въ трактиръ, гдѣ мы приставали.

Къ намъ собралось множество оѳицеровъ съ нашей эскадры, однакожъ обѣдало насъ человѣкъ пять.

Здѣсь трактиры располагаются такимъ образомъ, что если бы тысяча человѣкъ пришли, то въ большихъ трактирахъ каждый найдетъ особливую горницу. Удивительно! Вы съ наружи видите маленькій трехъэтажный домикъ; взойдите въ него, число коридоровъ, лѣстницъ васъ приведетъ въ изумленіе. Примѣтьте, дома частныхъ людей располагаются также. Изъ девяти или десяти домовъ, гдѣ мнѣ случалось быть, я не видалъ ни въ одномъ трехъ покоевъ въ рядъ.

Къ вечеру я возвратился на ѳрегатъ, который вошелъ для испра-

вленія въ рѣку. Я забылъ увѣдомить васъ, что намъ и *Венусу* дано позволеніе зайти въ замокъ для исправленія; онъ же называется и рѣкою. Это есть родъ гавани, на которой стоятъ множество кораблей, простирающійся на пятнадцать и болѣе верстъ. Сколько мы ни старались, чтобы какимъ либо образомъ истребовать позволеніе жить на какомъ нибудь Англійскомъ *recewing-ship*, однакоже не успѣли. Сперва привязали насъ къ Англійскому фрегату La Nimphe; я говорю привязали, ибо какъ скоро судно входитъ въ рѣку: то лоцманъ, получившій нужныя приказанія отъ комиссіонера или капитана надъ портомъ, располагаетъ уже судномъ. Однакоже, какъ намъ не позволено жить на немъ, мы отвели его на другое мѣсто, а сами закрѣпились за его томбусъ.

По рейду находится множество такихъ томбусовъ, которые служатъ для закрѣпленія судамъ; къ нимъ прикрѣпляютъ корабли, выходящіе изъ доковъ, старые корабли, которые служатъ здѣсь казармами; ихъ называютъ receving-ship. Фрегатъ La Nimphe одинъ изъ таковыхъ. Мнѣ отмѣнно нравится расположеніе этого фрегата, и въ самомъ дѣлѣ сами Англичане признаются, что онъ лучше имѣетъ конструкцію и болѣе удобностей чѣмъ бо̀льшая часть лучшихъ Англійскихъ фрегатовъ. Онъ взятъ отъ Французовъ въ началѣ войны Англійскимъ фрегатомъ Клеопатрою. Я видѣлъ двѣ большія картины, представляющія сраженіе между ими. Послѣ того на La Nimphe взяли еще Англичане два фрегата. Онъ теперь уже старъ и избитъ, почему служитъ receving-ship. Прежде мысленно я представлялъ всѣ лучшіе фрегаты и давалъ имъ имена. Что же вы думаете? Ты помнишь, Алексѣй! Я рисовалъ: ночью идетъ фрегатъ и на портѣ подписалъ Alemane. Онъ здѣсь также въ числѣ старыхъ фрегатовъ; но я такъ потрафилъ, какъ будто бы снималъ съ натуры.

Ноября 7-го. Мы начали перегружаться; между тѣмъ пущай свирѣпствуетъ вѣтеръ, мы очень покойно стоимъ здѣсь. Правду сказать, мы мало еще видѣли такихъ дней, и во все время похода рѣдко случалось нести марсели во всю стеньгу, безпрестанно были подъ рифлевыми марселями и терпѣли ужасную качку; насъ при маленькой зыби начинаетъ такъ качать, а я часто по цѣлому дни не могу выбрать времени дабы записать, что̀ теперь вамъ, друзья мои, сообщаю. За то при первомъ случаѣ пишу уже все, что̀ только могу вспомнить. Теперь такое время, что я хочу сказать вамъ еще что нибудь.

Я упомянулъ, что балъ состоялъ изъ почетнѣйшихъ особъ, кто жъ были сіи особы? Морскіе и солдатскіе офицеры. На балѣ я примѣтилъ только двухъ въ кафтанахъ, прочіе были одѣты въ мундиры. Дамы здѣшнія не столь прелестны, каковыми мы ихъ представляемъ, а танцуютъ за исключеніемъ нѣкоторыхъ весьма плохо. Итакъ, теперь Портс-

мутъ родомъ жителей походитъ на нашъ Кронштадтъ. Потому нимало не удивительна видимая здѣсь дороговизна..... Главный командиръ здѣсь адмиралъ Монтагю, имѣетъ флагъ свой на кораблѣ, по немъ слѣдуетъ комиссіонеръ; я думаю за симъ постъ-каптенъ (Post Captaine) г. Тизигеръ, тотъ самый, который служилъ въ нашей службѣ. По сему управленіе порта теперь состоитъ въ сихъ чиновникахъ; однакоже я примѣтилъ, что адмиралъ нимало не касается до порта, и все это на отчетѣ комиссіонера. Всѣ суда на рейдѣ повинуются адмиралу, онъ располагаетъ ими принимаетъ салютъ и самъ отвѣчаетъ. Пришедши на рейду, мы, т.-е. Ретвизанъ, салютовалъ изъ 13 пушекъ; ему отвѣчали только 11-ю. Крѣпость здѣшняя не подымаетъ флага, но оный обыкновенно бываетъ поднятъ на флагштокѣ подлѣ караульнаго дома почти у самой пристани.

Въ Портсмутѣ и его окружностяхъ нѣтъ ничего достопамятнаго, и самый городъ ничего не представляетъ примѣчательнаго. Жители, кажется, всѣ состоятъ изъ увѣченныхъ матросовъ, ибо весьма нерѣдко попадаются такіе, у которыхъ нѣтъ или руки или ноги. Трудолюбіе и бережливость здѣсь всюду видны. Почти можно заключить описаніе Портсмута тѣмъ что̀ до сей поры я сказалъ. Однакожъ впредъ я не забуду упоминать что нибудь, если увижу или услышу новаго.

Ноября 19-го. Нашъ лѣкарь Павелъ Ивановичъ Мисановскій выпустилъ сегодня только изъ своей опеки, ибо послѣ балу я держалъ карантинъ, разумѣется: избѣгалъ вина и излишней пищи. Къ намъ почти ежедневно пріѣзжали наши знакомыя Ladys. Сегодня я былъ на берегу и заказалъ себѣ вицъ-мундиръ и черный кафтанъ, а между тѣмъ купилъ почти на 18 фунтовъ разнаго бѣлья и вещей. Между прочими шкатулку и часы; были вещи, коими болѣе всего я дорожилъ.

Ноября 21-го. Я былъ въ Госпортѣ у mistris Brocon, которая покупала у меня водку. Посмотримъ Госпорта, который составляетъ такъже немалую обширность. Я упоминалъ, что Госпортъ расположенъ на правомъ берегу залива, слѣдовательно насупротивъ Портсмута. Расположеніе улицъ показываетъ, что онъ недавно построенъ, да и самая крѣпость, защищающая его съ морской стороны, мѣстами строится. Итакъ не удивительно, что онъ показался мнѣ опрятнѣе и лучше Портсмута. Здѣсь также какъ въ Портсмутѣ, Нюпортѣ и Портъ-си дома имѣютъ весьма непривлекательную наружность. Далѣе по сему берегу, гдѣ находится Госпортъ, построены пороховые магазины и другаго рода магазины. Нашъ фрегатъ находится противъ самыхъ сихъ магазиновъ, окруженъ съ правой и лѣвой стороны prisons-chifs или кораблями, на которыхъ заключены плѣнные. Жалкая участь! Вы не можете вообразить, какъ Англичане поступаютъ сурово съ плѣнниками.

Я думаю, здѣсь находятся такіе, которые года три не сходили съ корабля; правда, они многимъ обезпечены; однакоже, каково быть заключену въ коридорѣ, на какіе раздѣляются палубы кораблей, и быть выпускаему по 5 человѣкъ на вольный воздухъ? Плѣнные офицеры тутъ же содержатся, но только въ каютъ-компаніи. Вы, милые друзья, согласитесь со мною, что описаннаго рода обхожденіе съ плѣнниками слишкомъ много отымаетъ чести у такого народа, каковы Англичане. Конечно, земля Англичанъ такъ мала, а внутренность ея столь безпечно содержима и всегда готова вспыхнуть, что трудно впустить туда плѣнныхъ; но человѣчество должно требовать свободы. Не далеко отъ насъ стоялъ также Испанскій фрегатъ, взятый въ плѣнъ Англичанами. Испанскихъ фрегадовъ было четыре и Англійскихъ было столько же; первые шли съ піастрами, Англичане подстерегли и взяли. Здѣсь въ Портсмутѣ на балѣ я видѣлъ офицеровъ съ одного изъ сихъ фрегатовъ, которые, какъ кажется, не содержатся подъ заключеніемъ. Мундиръ на нихъ синій съ краснымъ воротникомъ и подкладкою, такіе же и панталоны, т. е. синіе. Передняя часть мундира походитъ на нашъ кафтанъ, но обложена широкимъ галуномъ, на шляпахъ красные банты. Неизвѣстно еще, поступятъ ли сіи фрегаты въ число дѣйствительныхъ призовъ.

Ноября 26-го дня. Третьяго дни у насъ обѣдали гости, и мы здѣсь заслуживаемъ примѣчаніе хорошимъ столомъ и винами.

Наши офицеры съ Николаемъ Алексѣевичемъ были въ докахъ, которые находятся позади Портсмута и занимаютъ немалое пространство. Они разсказывали слѣдующее. «Сперва мы пришли въ Портъ-си и оттуда къ докамъ, куда не впустили насъ, не увѣдомивши напередъ комиссіонера, у котораго мы были лично. Онъ далъ намъ провожатаго, который водилъ насъ по всѣмъ мастерствамъ. Намъ показалась самымъ удивительнѣйшимъ машина, которая помощію воды точитъ блоки: одинъ человѣкъ въ нѣсколько минутъ можетъ выточить четырнадцать блоковъ разной величины. Впрочемъ, кромѣ чистоты и удивительно приведенныхъ въ совершенство машинъ, ничего не примѣтили».

Мнѣ хочется самому быть въ Портсмутскихъ докахъ, чтобы сказать о нихъ что-нибудь собственно отъ себя.

Декабря 2-го. Англичане считаютъ теперь свои морскія силы по сему:

Кораблей линейныхъ	187
Фрег. отъ 50 до 44 пуш.	39
Фрегатовъ	214
Слуповъ и прочихъ судовъ	465
Всего	903

Итакъ, теперь число Англійскихъ кораблей составляетъ сумму всѣхъ кораблей цѣлаго свѣта. Я нарочно выписалъ сіе, чтобы показать вамъ, до какой степени увеличиваютъ они свои морскія силы, опасаясь ужаснаго для нихъ Бонапарте. Я записалъ имена всѣхъ Французскихъ судовъ, которыя теперь находятся у Англичанъ.

Англичане имѣютъ въ своемъ флотѣ Французскихъ:

Кораблей линейныхъ	22
Отъ 50 до 44 пуш.	17
Фрегатовъ	29
Слуповъ и прочихъ	40
Всего	108

Слѣдовательно девятая доля ихъ флота состоитъ изъ Французскихъ кораблей. Припомните, что въ 1794 году, т. е. десять лѣтъ назадъ, у насъ было въ числѣ флота 14 Шведскихъ судовъ и до 20 транспортовъ, слѣдовательно пятая доля морскихъ силъ состояла изъ отнятыхъ у непріятеля кораблей. Честь и слава да подобаетъ во вѣки Россійскому народу!

Декабря 4-го. Сего дни я ѣздилъ на берегъ; свѣжій вѣтеръ, соединясь съ теченіемъ, которое на здѣшнемъ рейдѣ весьма быстро, принудилъ насъ пристать верстъ на 6 ниже того, гдѣ мы обыкновенно пристаемъ. Мы пристали ниже Госпорта. Холодъ и вѣтеръ были несносны. Лужи и маленькія канавки замерзли. Вышедши на берегъ, мы бѣгли бѣгомъ, бѣжали версты три, пока пришли въ жилое мѣсто. На пути мы прошли мимо госпиталей. Множество огромныхъ домовъ новой архитектуры составляли зданіе, въ которомъ помѣщенъ госпиталь; впрочемъ некогда было примѣчать и разспрашивать о томъ, чтò тутъ есть примѣчательнаго. Госпортъ отдѣляется отъ госпиталей рѣкою, которая будетъ въ ширину саженъ 60. Черезъ нее сдѣлана низкая плотина, перейдя оную и подступя къ Госпорту, находится мѣсто, въ которомъ работаютъ арестанты. Они здѣсь бываютъ скованы такъ же какъ и у насъ, но сверхъ того я видалъ нѣкоторыхъ, которые скованы рука съ рукою парами. Должно отдать честь Англичанамъ, что они стараются скрыть ихъ отъ взоровъ всѣхъ жителей; должно самому ихъ искать, судите! Не лучше ли сіе правило нашихъ? Мы въ Кронштадтѣ двухъ шаговъ не сдѣлаемъ, чтобы не встрѣтить нѣсколько паръ невольниковъ. Мѣсто, въ которомъ они пристаютъ, будучи перевезены изъ Портсмутскихъ или другихъ какихъ тюремъ, огорожено толстымъ палисадникомъ, такъ что съ трудомъ можно разсмотрѣть, чтò между ими происходитъ. Миновавши сіе мѣсто, мы пришли къ маленькому мосту, за которымъ изъ маленькаго домика выскочилъ человѣкъ и, снявши шляпу, просилъ на содержаніе моста. Мы дали ему 6 пени. Въ Англіи вы не можете

перейдти ни черезъ какую плотину или мостъ, не заплативши часть пени и сколько бы разъ вамъ ни случилось въ одинъ день проходить, всегда должно платить установленную цѣну. Мнѣ ничего не случилось видѣть сегодни примѣчательнаго, выключая только того, чтò услышите. Переѣзжая изъ Госпорта на лодочкѣ (которыя здѣсь перевозятъ такъ какъ и у насъ на суда) я видѣлъ гребцовъ сей бренной посудины, у одного не было руки, а другой былъ безъ ноги.

Одинъ разъ, будучи на берегу, я зашелъ къ знакомымъ нашимъ Ladys, которыя здѣсь находятся въ самомъ большемъ уваженіи; и въ самомъ дѣлѣ ихъ поведеніе стоитъ служить примѣромъ всѣмъ женщинамъ пускающимся въ сей родъ жизни. Примѣтьте, что всѣ здѣшнія cohores имѣли отличное уваженіе къ Автроильскимъ офицерамъ, къ тому же двѣ Ladys, къ которымъ я пришелъ, жили по большей части у насъ на фрегатѣ, одна изъ нихъ принадлежала Ник. Алек., а другая Пав. Никол. Я нашелъ тутъ Пав. Никол., со мною былъ нашъ лѣкарь Павелъ Ивановичъ Мисановскій, любезный и добрый товарищъ, котораго дружбу я стараюсь сыскать. Мы съ нимъ пришли около 3-хъ часовъ пополудни. Знакомые наши уже отобѣдали, однакоже Капитанша (такъ мы называемъ ту, которая была у Никол. Алекс.) Anna Harper приказала накрывать столъ. Мы отказались и просидѣли тутъ до вечера, послѣ гуляли; ибо здѣсь ни малаго нѣтъ стыда гулять съ дѣвкою, лишь бы она не была въ красномъ плащѣ. Однакоже мы ходимъ только вдвоемъ съ докторомъ. Приходила опять къ нимъ же другая леди Susanna Freman, урожденная Presey, приказала дать по нашей просьбѣ табакъ и трубки, присовокупя горячую воду и водку. Словомъ, друзья мои, если чѣмъ можетъ славиться Англія, такъ это гостепріимствомъ дѣвокъ! Многимъ изъ нашихъ офицеровъ случалось быть безъ денегъ на берегу, и я разумѣю двухъ нашихъ Ladys, никогда не случалось уйти безъ того, чтобы онѣ не пригласили ихъ или чай пить или обѣдать. Однажды за крѣпкимъ вѣтромъ нельзя было попасть, двое изъ нашихъ офицеровъ пришли къ нимъ, и онѣ съ охотою уступили свои постели, ибо у каждой изъ нихъ есть двѣ, парадная и обыкновенная. Сколько разъ ни убѣждали ихъ принять нѣсколько денегъ, онѣ всегда отказывались. Я упомянулъ о семъ для того, чтобы память о сихъ двухъ благородныхъ дѣвкахъ сохранилась бы въ сихъ запискахъ. Въ другихъ домахъ нельзя показаться безъ того, чтобы тебя не просили купить для нихъ Shrob или Port или чтò имъ придетъ на мысль. Безкорыстіе нашихъ Ladys всегда служило для насъ удивительною вещью, и думаю, что и вы, друзья, одного со мною мнѣнія.

Здѣсь есть улица называемая Prospect-Row, которой одна сторона есть валъ, а другая застроена домами, наполненными cohores. Нѣтъ воз-

можности пройти безъ того, чтобы тебя не выхвалили или не разругали. Я никогда не видалъ, чтобы кто нибудь безъ надобности прошелъ; но если случится, тотчасъ станутъ кликать, одни называютъ Ruchman-dobra (Рушменъ-добра), другія напротивъ, бранятъ и дразнятъ. Въ первые дни нашего прибытія нельзя было безъ того пройти по улицѣ и особливо около полдня, чтобы кучи мальчишекъ за тобою не бѣгали и не кричали Spanich-Spanich! Они почитали насъ плѣнными.

Продолжая описывать пропущенное мною, упомяну еще о двухъ случившихся со мною приключеніяхъ. 1-е) Съ докторомъ мы, прогуливаясь въ Портсмутѣ, прошли за городъ и наконецъ вступили въ Порт-си, который долженъ быть не иное что какъ форштатъ, хотя и называется особливымъ городомъ. На площади мы видѣли ученіе Англійскихъ солдатъ. Мѣсто для ученія обнесено было нѣсколькими шестами съ флажками, которые разставлены были такимъ образомъ, что начальникъ, если захочетъ изъ фрунта сдѣлать плутонги или взводы, видно кому куда идти, и обратно изъ плутонговъ, если надобно составить фрунтъ, можно по нимъ равняться. Они не дѣлали артикулу, хотя были съ ружьями; у фрунта не было офицеровъ, кромѣ одного маіора, который командовалъ, и нѣсколькихъ сержантовъ, поправляющихъ, какъ видно, ошибки, потому что они имѣли тоненькія палочки и ими били виноватыхъ. Кажется, что у нихъ все дѣлается съ подряда, т. е. что въ полкахъ есть особенные чиновники, которые учатъ солдатъ, между тѣмъ какъ офицеры ничего не дѣлаютъ. Маіоръ при всякой командѣ говорилъ y say solders! т.-е. послушайте, солдаты; напослѣдокъ командовалъ что ему было угодно. 2-е, идучи далѣе и подходя уже къ докамъ и оттуда поворотя, мы встрѣтили маленькую дѣвочку, которая просила у насъ милостыни. Сударь! говорила она, подавая мнѣ бумажку, на которой повидимому были стишки, дайте мнѣ что нибудь. Со мной не было мелкихъ денегъ, я отказалъ ей; но она продолжала просить и бѣжать за мною, а я нашелся принужденнымъ ей отказать. Подумайте, сударь, я до сей поры ничего не ѣла. Какъ, ты не обѣдала еще? Да, сударь. Тутъ не могъ я устоять и далъ ей полшилинга. Рѣдко случается въ Англіи, чтобы нищая могла что нибудь выпросить отъ Англичанина, и потому неудивительно, если сія бѣдная дѣвочка по нѣскольку дней съ ряду не наѣдается.

Декабря 7-го вчера мы праздновали Николинъ день. У насъ обыкновенно при такихъ случаяхъ бываетъ съ Ретвизана музыка и гости съ судовъ, составляющихъ нашу дивизію. Мы почти ежедневно имѣли гостей, а еженедѣльно давали обѣды. Такимъ гостепріимствомъ про-

славляется нашъ фрегатъ, а если прибавить къ сему единодушіе въ офицерахъ, усердность въ командѣ и доброе распоряженіе начальника, Автроиль есть первое судно въ нашей эскадрѣ.

Декабря 8-го. Мы приготовились разстаться съ Портсмутомъ, но крѣпкіе хотя впрочемъ благополучные вѣтры насъ удерживали. Стоя на Портсмутскомъ рейдѣ, называемой Спитгеадъ, надобно соображаться съ теченіемъ и вѣтромъ. Теченіе здѣсь бываетъ съ приливомъ и отливомъ. Полная вода бываетъ въ 4 часа пополудни, а малая, я думаю, около сего же времени утромъ. Теченіе идетъ на NO и SW, а потому суда ложатся фертоинъ. Съ первыхъ чиселъ Декабря здѣсь повидимому началась зима, ибо случаются стужи, а особливо по утрамъ, которая превосходитъ 4 и 5 градусовъ морозу. Вы теперь, друзья, грѣетесь у теплой печи, мы странствуемъ.

Декабря 12-е. Въ прошедшую Пятницу, т. е. 9-го числа мы расталися съ Англіей. Нѣсколько спустя за полдень, мы подняли наши якоря и съ крѣпкимъ рифъ-марсельнымъ вѣтромъ пошли проходомъ между Англійскимъ матерымъ берегомъ и Вайтомъ. Какъ бы я желалъ имѣть даръ въ одно мгновеніе снимать предметы, ибо Вайтъ представлялъ мнѣ множество прекраснѣйшихъ видовъ, а особливо въ рѣчкѣ, на которой стоятъ Остъ-индскіе корабли и городъ. Была такая картина, которую только можно вздумать, а не писать. Тутъ на одной ея сторонѣ стоялъ замокъ лорда Сеймура, прекрасное и огромное строеніе, какого мнѣ не случалось еще видѣть. Величественное расположеніе замка, хотя повидимому недавно оконченнаго и не занимаемаго еще хозяиномъ, подало мнѣ идею кое-какъ наизустъ запомнить его виды и присоединить къ прочимъ, которые случалось мнѣ здѣсь сдѣлать. Мы шли по 8 узловъ въ часъ, а потому судите, что надобно нѣсколько моментовъ, чтобы успѣть расположить въ умѣ только, а не на бумагѣ. Въ концѣ сего прохода опять же строится крѣпость, которая будетъ имѣть видъ стариннаго замка. Англичане еще не отстаютъ отъ своихъ обыкновеній!...

Въ сіи четыре дни вѣтръ всегда былъ крѣпкій, мы то подъ всѣми тремя рифлеными марселями шли, подъ гротъ-марселемъ и фокомъ. Перегрузившись въ рѣкѣ, мы не такъ чувствуемъ качку и даже могли въ эти дни обѣдать горячіе щи. Теперь подходимъ къ Бискайской губѣ, которая для мореплавателей весьма непріятна, и они стараются сколько можно далѣе отъ нея идти, не потому, чтобы она были усѣяна каменьями или островами—нѣтъ: перемѣнное и быстрое теченіе, которое иногда вдругъ съ нѣсколькихъ румбовъ идетъ, производитъ въ ней безпрерывную зыбь, которая въ тихій вѣтеръ отмѣнно опасна.

На пути отъ Портсмута къ Гибралтару.

Декабря 14-го. До сегодня стояли свѣжіе вѣтры, нашъ командоръ старался далѣе удалиться отъ береговъ. Сегодня прекраснѣйшій день, какой вы можете себѣ вообразить въ нашемъ Кронштадтѣ въ Августѣ мѣсяцѣ. Широта наша была 45°, или около. При отправленіи нашемъ изъ Портсмута мы ожидали погоды самой дурной, безпрерывныхъ дождей и холоду, однакоже мы ни того ни другого не примѣтили. Цвѣтъ западнаго океана удивительно какъ теменъ; сколько наша Балтика зелена, столько напротивъ здѣшняя вода темно-синяя.

Обратимся въ Портсмутъ. Я припомнилъ маленькое обстоятельство, которое намѣренъ вамъ сообщить. Ноября 17-го выходили мы изъ рѣки. Мы взяли съ Ретвизана музыкантовъ и шли весьма скоро съ теченіемъ и брамсельнымъ вѣтромъ. Проходя уже Портсмутъ, изъ окна одного дома женщина смотрѣла на насъ, наконецъ схватила съ ноги башмакъ и въ честь нашу махала и кричала. Я привожу сіе, дабы показать вамъ, сколько уважаемъ Англичанинъ своими соотчичами. Вотъ и еще нѣчто похожее на это.

Здѣсь есть театръ, который бываетъ одинъ годъ въ Портсмутѣ, а на другой въ Госпортѣ. Недавно представляли на немъ комедію, надобно думать самую отборную изъ Англійскихъ піесъ. Она уже была кончена, а какъ здѣсь въ обыкновеніи по окончаніи піесы одному изъ актеровъ пѣть и плясать, то пока къ тому приготовлялись, музыка хотѣла играть Rue Britania (народная пѣсня), дѣвка одна (Whoce) схватила съ одного офицера шляпу, надѣла на голову, вскочила на скамейку, ну прыгать изъ всей мочи, чтобы перестали играть Rue Britania, а играли бы God save the King. Ея сторону поддержали, и дѣло не обошлось бы безъ боксу, если бы музыка не начала играть въ ея угодность. Вообразите себѣ, друзья мои, смѣлость, какую имѣютъ здѣсь почетныя Ladys!

Вспомнивъ о театрѣ, скажу еще слова три. Я не знаю, ходятъ ли въ здѣшній театръ какіе-либо изъ благородныхъ и солидныхъ Англичанъ; однакоже примѣтно, что всѣ лавки и то что здѣсь называютъ ложами бываютъ заняты. Не проходитъ ни одного представленія, котораго бы не разрушили буйныя, курчавыя, Англійскія, головы. Однажды (я разсказывалъ то, что̀ случалось въ нашу бытность) Англійскій лейтенантъ сталъ шумѣть, а наконецъ драться съ другимъ солдатскимъ офицеромъ. Другъ другу разбили рожи, изорвали кафтаны и наконецъ насильно были вытащены изъ театра. Что же вы думаете? Лейтенантъ не постыдился въ изорванномъ мундирѣ и съ разбитымъ лицомъ взойти снова въ театръ!

Національныя Англійскія піесы и самая игра актеровъ крайне непріятны для меня. Въ нихъ ничего нѣтъ скрытаго, одинъ актеръ ломается, другой важничаетъ, третій выдаетъ себя за дурака, и комедія кончится тѣмъ, что кто успѣлъ прежде разсмѣшить публику, тотъ остается любимымъ актеромъ зрителей.

Каждый городъ или большое селеніе имѣетъ уже свой театръ, своихъ актеровъ и свою музыку. Итакъ, какимъ образомъ имѣть имъ хорошія театральныя сочиненія, когда нѣтъ кому выразить мысли сочинителя? Несмотря на сіе, въ Госпортѣ представляли *Смерть Роллы*, драму г-на Котцебу, и наши офицеры свидѣтельствуютъ, что игравшій роль Роллы довольно хорошо игралъ.

Декабря 19-го. Слава Богу, мы миновали Французскіе берега и съ перемѣнными иногда штилями, а иногда тихими вѣтрами, мало-по-малу движемся. Намъ не случалось еще видать большихъ рыбъ; онѣ должны бы были показаться въ теперешніе дни, которые столь ясны и солнце такъ высоко, какъ у насъ въ исходѣ весны. Третьяго дня одинъ изъ нашихъ служивыхъ умеръ, и мы опустили его въ море.

Декабря 20-го. Сегодня также при тихомъ вѣтрѣ и весьма жаркой погодѣ мы мало подвигались впередъ. Около вечера поймали черепаху, которая плавала около фрегата. Наша широта сегодня 39° градусовъ.

Декабря 22-го. Жаркій день. Тихая пріятная погода. За нѣсколько дней предъ симъ, на Ретвизанѣ переломился фона-рей, и сегодня онъ его мантовилъ и хотѣлъ поднять на мѣсто; сдѣлалъ сигналъ лечь въ дрейфъ и прислалъ рапорты. Друзья мои! въ широтѣ 38° градусовъ, за двадцать миль отъ берегу на Атлантическомъ морѣ, мы ѣздили одинъ къ другому; скажите, можетъ ли быть другое плаваніе благополучнѣе нашего, и въ такое время, когда море наиболѣе подвержено перемѣнамъ?

Капитанами еще на Портсмутскомъ рейдѣ выданы были инструкціи, которыми велѣно ежедневно обучать служителей пушечной эксерциціи и многими пунктами предписывалось быть всегда въ готовности встрѣтить непріятеля. Мы мало встрѣчали судовъ, но третьяго дня ночью проходило близко насъ не знаемъ какое судно. Это было ночью, у насъ ударили тревогу, и служители мигомъ выскочили наверхъ. Бѣдный начальникъ судна испугался и подошелъ подъ самую корму; отъ насъ его окликали, онъ назвался Англичаниномъ, идущимъ въ Шернесъ, однакоже надобно думать, что это совсѣмъ не Англичанинъ.

Намъ отпустили карты Мальты и Сардиніи, куда командиръ надѣется зайти. Вотъ я буду имѣть случай видѣть страну Итальянскую.

Декабря 25-го. Сегодня самый большой Христіанскій праздникъ, который мы праздновали прямо противу Гибралтарскаго пролива за 50

миль. Такова участь странствующихъ: гдѣ случится, тутъ уже онъ долженъ, если не одинъ, такъ съ людьми, весьма не сходствующими съ его характеромъ, праздновать. Теперь въ милой бы отчизнѣ, въ объятіяхъ родственниковъ, друзей, я хотѣлъ бы быть минуту и напослѣдокъ еще годъ болтаться въ моряхъ, гдѣ вода еще мало кипѣла подъ Россійскими рулями и воздухъ ни однажды еще не развѣвалъ флага Александра I-го.

Декабря 26-го. Мы подвигались къ Гибралтару и входили уже въ проливъ, заключаемый между высочайшими берегами, какіе только можно вообразить. Еще ночью открылись четыре военныя судна. На разсвѣтѣ эскадра сія окружила нашъ фрегатъ. Корабль съ правой стороны, другой съ лѣвой, фрегатъ спускается подъ корму, а бригъ къ носу. Такой атаки еще никогда не было; но какъ мы считали ихъ за Англичанъ, то ни малѣйшей не взяли предосторожности. Фрегатъ, который спустился подъ корму, опрашивалъ насъ по-англійски, и наконецъ вся эскадра отступила. Нашъ командоръ сдѣлалъ намъ сигналъ: подойти для переговору и разспрашивалъ насъ о томъ, что̀ мы переговаривали съ фрегатомъ. Уже разсвѣло, мы подняли флаги, и на преслѣдующей насъ эскадрѣ также подняли. Мы увидѣли флагъ Португальскій. До сей поры я представлялъ всегда Португальскіе корабли самыми дурными, похожими на наши Нетроны или Holy-Pitter (Св. Петръ); однакоже я ошибся: корабли ихъ ничѣмъ не уступаютъ кораблямъ Англійскимъ, выкрашены также недурно. Они долго за нами держались; но уже суждено фрегату Автроилю всегда брать верхъ у другихъ, а всей нашей эскадрѣ намъ подражать. Мы имѣли марсели и брамсели, между тѣмъ какъ Ретвизанъ и Елена бомбрамсели. Бѣдные Португальцы тащились подъ лиселями и отставали отъ насъ. Служители нашего фрегата сегодня превзошли сами себя.

Мы около полудня подходили къ Гибралтару, между береговъ, проливомъ верстъ на двадцать шириною, придерживаясь всегда Испанскихъ береговъ, на которыхъ мѣстами мы видѣли города и строенія. Въ первый еще разъ я видѣлъ натуру такъ обнаженну, каковою показалась она мнѣ на берегахъ составляющихъ проливъ. Ничего не можете вы себѣ представить безплоднѣе, утесистѣе, возвышеннѣе сихъ Испанскихъ береговъ; горы, которыя, кажется, составляютъ стѣны королевства, довольно высоки, иныя имѣютъ болѣе версты высоты, вообще весь берегъ кажется имѣющимъ версту перпендикулярнаго возвышенія. Онѣ нельзя сказать, чтобы были утесисты, но впрочемъ довольно круты. Почва кажется голой, дикой камень, на которомъ будто бы растетъ что нибудь, однакоже не лѣсъ и не кустарникъ, но такъ какъ бы маленькія

лозы, расположенныя мѣстами. Итакъ горы сіи кажутся плѣшивыми. Кое-гдѣ у подошевъ такихъ горъ находятся города, въ другомъ мѣстѣ вы увидите вдругъ на самой крутизнѣ горы, почти подъ облаками, домикъ или башенку. Кажется, надобно взлетѣть туда, а не идти; ѣхать же нѣтъ возможности. Вотъ первый видъ, которымъ Европа смотритъ на Африку. Обратимся къ сей послѣдней.

Мы хотя были довольно далеко отъ Африканскихъ береговъ, однакоже въ трубы примѣчали такія же крутыя горы, какъ и на Европейскомъ берегу. Не примѣчали однакоже селеній, можетъ быть, за отдаленностію. Въ два часа пополудни мы поровнялись съ Гибралтаромъ.

Губа, вдавшаяся въ матерой берегъ, составляетъ его рейдъ, а защита-островъ, имѣющій видъ конуса. Это только одно, что̀ Англичане стяжаютъ и чѣмъ дорожатъ въ Середиземномъ морѣ. Городъ находится на отлогости по губѣ, а другой на островѣ; кажется, растояніе между матерымъ берегомъ и островомъ будетъ версты четыре. На семъ пространствѣ стояло до сорока военныхъ судовъ. Какое удивительное прови́дѣніе, цѣль и неустрашимость человѣка: на отлогости острова, которая такъ крута, что ежели бы съ вершины кинуть ядро, оно бы скатилось въ воду, построены домики и самый городъ. Дороги извиваются улиткою по острову такъ, что ежели надобно бы подняться на десять сажень перпендикулярной высоты, должно проѣхать двѣ и три версты. Не могу ничего сказать болѣе, ибо мы скоро его миновали и не останавливались. Въ Гибралтарѣ свирѣпствуетъ заразительная болѣзнь. Мы для сей причины не останавливаясь прошли, хотя впрочемъ у насъ крайній недостатокъ въ водѣ. Можно сказать, что островъ есть неприступное мѣсто. Всѣ усилія Французовъ и цѣлаго свѣта останутся тщетными, и Англичане сохранятъ, пока не уступятъ изъ доброй воли, островъ. Исторія отдаетъ справедливость Гибралтарскимъ жителямъ въ храбрости и твердости характера. Насупротивъ сего острова мили на двѣ Нѣмецкія лежитъ другой принадлежащій Африкѣ, на которомъ находится Тунискій славный торговый городъ Сейдъ; онъ также неприступенъ, какъ и первый. Подождите, милые друзья: можетъ быть, я узнаю что̀ подробнѣе, тогда вамъ скажу болѣе.

Въ полдень былъ несносной жаръ, касатки (рыбы) играли по водѣ, иныя пускали фонтаны, другія прыгали подлѣ самого фрегата и убѣгали гораздо скорѣе, нежели мы плыли, хотя мы шли на фордевиндъ по $8^1/_2$ узловъ. Они шли противу вѣтра. Такимъ образомъ мы миновали Гибралтарскій проливъ, и часа въ 4 или 5 онъ совсѣмъ закрылся.

Декабря 28-го. Вчера съ полдня началъ лить дождь, градъ и громъ. Все предвѣщало бурю, хотя въ самомъ дѣлѣ мы ея не видали. Ночью усилился громъ, и иногда такъ близко разверзалась твердь, что можно было думать о самомъ близкомъ разстояніи. Молнія не переставала сверкать цѣлую ночь.

Декабря 29-го. Не знаю, когда бы можно жить безпечнѣе, какъ теперь на фрегатѣ и когда бы скука могла бы болѣе во мнѣ укорениться, какъ здѣсь. Всегда одно и тоже. Нѣтъ ни книгъ, нельзя и негдѣ и писать; кромѣ воды и неба натура ничего не представляетъ воображенію. Нѣтъ, друзья мои, ни за что не согласился бы я предпринять другую такую кампанію. И кто что̀ ни говори, а я чувствую, что теперь я самый пропащій человѣкъ! Мнѣ нѣтъ никакого дѣла, и притомъ я всегда боленъ: одна пропадетъ, другая болѣзнь покажется; однимъ словомъ, мнѣ ничего не остается, какъ только сказать: я живу не зная для чего... et puis? Je mourrai...

Декабря 30-го. Противные вѣтры насъ захватили, и мы изъ одного берега упираемся въ другой, всякое утро видимъ Европу, а къ вечеру открывается Африка.

Декабря 31-го. Наконецъ Богъ услышалъ наши мольбы, отдернулъ задвижки и выпустилъ Аквилона, который вчера въ вечеру направлялъ наши паруса. Мы поплыли по 10 узловъ. Сегодня прекраснѣйшій день въ подсолнечной. Какое удовольствіе для плавателей, которые теперь уже третья недѣля странствуютъ въ морѣ, которые рѣдко видятъ попутный вѣтеръ. Ахъ, друзья, мы всѣ были цѣлой день наверху, смотрѣли на быстрой полетъ фрегата, какъ вода пѣнилась подъ нимъ и около него. Стихія сія казалась намъ божествомъ, которое покровительствовало намъ. Я не спалъ до полуночи, чтобы встрѣтить Новый годъ. И въ самомъ дѣлѣ я слышалъ удары прошедшаго года, который, канувъ въ вѣчность, потрясъ мирное время. Богу извѣстно, что̀ принесетъ сей Новый годъ! Можетъ быть я.... горестная мысль! буду несчастливѣе прежняго. Тогда я хотѣлъ бы, чтобы съ послѣднимъ днемъ рушилось все. Милые друзья, въ вашихъ объятіяхъ надобно искать утѣшенія сердцу, которому ничто не льститъ въ будущемъ! Скажите, что̀ человѣкъ безъ надежды? Птица, которой обрѣзали крылья. Но время и тутъ помогаетъ; человѣкъ же, лишившійся надежды, убитый несчастіями, чувствительный безъ чувствъ, считаетъ на часахъ секунды и ждетъ, скоро ли придетъ часъ его кончины. Я молодъ, но жизнь для меня не есть даръ боговъ. Если бы вы были тутъ подлѣ моего сердца, вы увидѣли бы слезы, которыя остановились на глазахъ и стѣсненіе въ груди. Боже, суди обидящихъ мя!

Генваря 1-го 1805-го года. Въ такихъ мысляхъ застаетъ меня пятый годъ девятнадцатаго столѣтія. Сколько измѣнилось въ натурѣ съ начала міра, сколько перемѣнится еще до конца! Можетъ быть, съ концемъ сего года судьба опредѣлитъ мнѣ новыя испытанія. Теперь мы разсыпаны по лицу земли. Мишель, ты теперь, въ сію минуту, можетъ быть, спишь покойно на берегу Персіи. Алексѣй живетъ въ Кронштадтѣ между людьми, къ которымъ меня кромѣ родства ничто не привязывало. Фрицъ, ты тоскуешь, можетъ статься, между Нѣмцами о Нѣмцахъ. Всѣ мы, друзья, отягчены горестями. Всѣ мы не видимъ берега. Всѣ погружены во мракѣ. Философія, тебя призываю на помощь, утѣшь меня и моихъ друзей. Въ твоихъ объятіяхъ, въ нечувствительной для мысли бытности, забудемъ мы прошедшее и въ настоящемъ не станемъ тосковать, если ты сильна только насъ утѣшить. Простите, друзья мои, возобновите на Новой годъ вашу дружбу ко мнѣ страннику. Кромѣ васъ у меня нѣтъ на всемъ свѣтѣ людей, къ которымъ бы клонилось мое сердце. Кромѣ васъ никого не хочу знать и умру счастливымъ, если дружба ваша будетъ щитомъ и утѣшеніемъ въ текущей жизни. Ахъ, если я и сего лишенъ буду удовольствія, если судьба и въ этомъ мнѣ откажетъ! Нѣтъ, друзья, вы меня не забудете и узнаете, когда предстану передъ лицемъ Бога, Творца видимаго и невидимаго. Изчезла мечта... я перерождаюсь. Оставьте меня воображенія, представляющія васъ, я имъ не вѣрю; знаю, что я теперь одинъ. Въ 10-мъ часу вечера 1-го Генваря. Мы идемъ сегодня довольно скоро, обѣдали сытно и не чувствуемъ того, что мы третью недѣлю заключены въ темницѣ.

Генваря 3-го. Сегодня мы проходимъ Сардинію, миновавши напередъ острова Иву, Маіорку и Минорку, однакожъ не видали ихъ и только мысленно полагали въ такой-то румбъ... Сардинія также была отъ насъ верстахъ въ 35. Мы не видали.

Генваря 5-го. Въ жестокую качку, едва успѣвая водить по бумагѣ перо, безъ того чтобы не капнуть или не провести лишняго крючка, между тѣмъ, какъ идетъ жестокій дождь, гремитъ громъ и блеститъ молнія, я стараюсь сказать вамъ слова два-три. Съ вечера третьяго дни перемѣнился вѣтеръ, сперва сталъ стихать, напослѣдокъ поворотилъ отъ SW, такъ что мы принуждены лавировать. Въ то время, какъ я пишу, мы находимся въ узкости, т. е. съ одной стороны островъ, а съ другой подводный камень. Командорскій корабль скрылся изъ виду. По Воскресеньямъ бывалъ намъ благополучной вѣтеръ, я засыпаю въ той надеждѣ. Прощайте.

Генваря 7-го. И въ самомъ дѣлѣ, мы вчера увидѣли перемѣну вѣтра, къ тому же намъ надлежало полнѣе плыть, и такъ сегодня въ пол-

день мы пришли къ самой Мальтѣ. Адмиралъ хотѣлъ идти въ портъ который лежалъ прямо противу насъ. Однакоже крѣпкій вѣтеръ и волненіе не позволили выѣхать лоцманамъ, которыхъ мы дожидались. Командоръ лежалъ сперва на одинъ галсъ въ дрейфѣ, потомъ на другой; наконецъ, видя, что ни одинъ Малтійскій кавалеръ не кажется, дѣлалъ сигналъ слѣдовать за адмираломъ, и пошли мы къ Корфѣ.

Мы шли не болѣе 2-хъ и 3-хъ верстъ отъ Мальты, слѣдовательно съ помощію трубы мы видѣли что́ тамъ есть. Городъ Валетта расположенъ по отлогости горы, мы видѣли красивыя, величественныя и огромныя зданія между увеселительными домиками. Передъ самимъ городомъ находится эскадра, состоящая изъ Англійскихъ кораблей; между тѣмъ Малтійскій флагъ развѣвался на однихъ только крѣпостяхъ. Состояніе Мальты крайне не завидно. Англичане овладѣли комерціею и доходами. Я надѣялся увидѣть здѣсь моего брата, однакоже, къ несчастію, мы приходили только показаться передъ Мальтою.

Генваря 6-го. Мы, поворотя отъ Мальты, плыли счастливо и скоро надѣялись видѣть Корфу.

*

Сообщено въ подлинникѣ Марьею Васильевной Беэръ, изъ ея Уткинскаго архива. П. Б.

ГРАФЪ С. Г. СТРОГАНОВЪ И П. А. ТУЧКОВЪ.

1864.

Изъ записной книжки чиновника-Москвича.

Я служилъ въ продолженіе семи лѣтъ предсѣдателемъ одной изъ Московскихъ палатъ, и благодаря случайности, которую объяснить довольно трудно (хотя и можно о ней догадываться) на дворянскихъ выборахъ былъ замѣненъ другимъ. Не могу не сознаться, что, прослуживъ семъ лѣтъ добросовѣстнымъ образомъ, оставивъ для службы всѣ свои дѣла, я былъ, чтобъ сказать повѣжливѣе, шокированъ этимъ недовѣріемъ дворянства, и такъ какъ мнѣ не оставалось ничего больше дѣлать, я обратился къ бывшему тогда генералъ-губернаторомъ въ Москвѣ, Павлу Алексѣевичу Тучкову съ просьбою, чтобъ онъ взялъ меня къ себѣ. Какъ я и могъ ожидать, отказу мнѣ въ этомъ не послѣдовало, и я былъ опредѣленъ въ число состоявшихъ при генералъ-губернаторѣ чиновниковъ.

Позволю себѣ теперь нѣкоторое отступленіе для того, чтобъ сказать нѣсколько словъ о Павлѣ Алексѣевичѣ Тучковѣ и тѣхъ отношеніяхъ, которыя между нами существовали.

Можетъ быть, я и ошибаюсь, но мнѣ кажется, что Павелъ Алексѣевичъ Тучковъ еще не оцѣненъ какъ слѣдуетъ. Это былъ человѣкъ, что̀ говорится, изъ ряду вонъ и ужъ конечно заслуживаетъ разумной біографіи. Душевно жалѣю, что не знаю достаточно его жизни, чтобъ разсказать подробно, какимъ образомъ онъ сталъ такимъ, какимъ былъ; но если я не знаю его прошедшаго, до того времени, какъ онъ сдѣлался генералъ-губернаторомъ, за то достаточно знаю его тогдашнее настоящее, чтобъ въ немногихъ словахъ опредѣлить его человѣческое и общественное значеніе.

Когда его назначили въ Москву, всѣ говорили, что онъ обязанъ этимъ графу С. Г. Строганову, указавшему на него императору. Душевно хочу вѣрить этому. Если это справедливо, то это дѣлаетъ ве-

ликую честь обоимъ. Судя по тому, что̀ былъ Тучковъ, я нахожусь въ необходимости говорить и о графѣ С. Г. Строгановѣ. Какъ ни затруднительно говорить что нибудь о живомъ и такъ высоко поставленномъ человѣкѣ, но я предпочитаю, чтобъ лучше меня заподозрѣли въ лести, нежели умолчать о томъ, о чемъ честный человѣкъ умалчивать не можетъ. Тѣ, которые меня знаютъ, увѣрены, что я по своей природѣ льстить не буду; тѣже, которые не знаютъ, могутъ думать что̀ имъ угодно: въ угоду имъ я молчать не буду.

Я потому вѣрю, что графъ Строгановъ указалъ на Тучкова, что сей послѣдній былъ въ нѣкоторомъ смыслѣ продолжателемъ перваго. Кто знаетъ высокія качества графа С. Г. Строганова, тотъ не удивится этому: благородная личность его была достойна того, чтобъ въ Тучковѣ найти себѣ продолжателя. При всей скупости на слова, графъ Строгановъ высказывалъ иногда свои мысли и оказывалось, что мысли эти приводилъ въ исполненіе Тучковъ. Мнѣ положительно извѣстно, что графъ Строгановъ, пробывшій Московскимъ генералъ-губернаторомъ только четыре мѣсяца, для составленія очень занимавшаго его, новаго Городского Управленія, оставилъ ему списокъ лицъ, которыхъ онъ полагалъ бы сдѣлать членами особой о томъ комиссіи. Я имѣлъ честь попасть въ этотъ списокъ, несмотря на то, что по званію моему предсѣдателя палаты не имѣлъ права надѣяться на эту честь.

Широкій взглядъ графа Строганова, въ продолженіе короткаго времени его управленія Москвою, не оставилъ почти ничего, на что̀ онъ не взглянулъ бы и взглянулъ, разумѣется, тѣмъ человѣческимъ, вполнѣ разумнымъ взглядомъ, какой ему присущъ. Никогда не забуду минутъ высокаго наслажденія, какія я испытывалъ въ служебныхъ съ нимъ бесѣдахъ. Генералъ - губернаторы утверждали тогда рѣшенія палатъ. Не смотря на его кажущуюся холодность, сколько теплоты было въ этомъ человѣкѣ; сколько гуманности въ оцѣнкѣ преступнаго факта, хотя теплота эта и эта гуманность высказывались тѣмъ же холодно-равнодушнымъ голосомъ, съ тѣмъ же наружнымъ безстрастіемъ, за которыя люди, судящіе по одной наружности или не имѣвшіе случая приближаться къ нему близко, называли его эгоистомъ, сухаремъ, человѣкомъ безъ сердца.

Если таковъ былъ графъ Строгановъ, то Тучковъ составлялъ въ наружномъ проявленіи своемъ рѣзкую съ нимъ противоположность. Восколько графъ Строгановъ былъ бережливъ на слова, такъ что иногда надо было угадывать его мысль, востолько Тучковъ былъ словоохотенъ, когда онъ былъ одинъ па одинъ, или въ присутствіи малаго числа людей, при которыхъ онъ не принуждалъ себя.

Это одна изъ тѣхъ особенностей, на которой, говоря о Тучковѣ, невозможно не остановиться.

Всякій, я полагаю, знаетъ, что Тучковъ служилъ цѣлую жизнь свою, слѣдовательно цѣлую жизнь былъ въ соприкосновеніи съ людьми. Дослужившись до полнаго генерала, бывъ начальникомъ многихъ мѣстъ, полковъ, дивизій, онъ сохранилъ чрезвычайно странную въ его положеніи способность быть застѣнчиву. Не было ничего смѣшнѣе его, генералъ-губернатора, въ дни репрезантацій, гдѣ онъ обязанъ былъ, какъ говорятъ Французы, faire les honneurs de sa position. Многіе, даже большая часть, называли его дуракомъ, и я готовъ не претендовать на нихъ за это. Какъ человѣкъ свѣтскій, какъ дипломатъ, какъ генералъ-губернаторъ наконецъ, онъ былъ пожалуй дуракъ, потому что на большихъ генералъ-губернаторскихъ выходахъ терялся, не зналъ что сказать; а если и говорилъ, то говорилъ пошлости, или по крайней мѣрѣ такіе невинные вздоры, что говорить генералъ-губернатору ихъ бы не слѣдовало. Зная свою неспособность къ этой репрезантаціи своего рода, онъ большею частію отдѣлывался общимъ поклономъ, общею фразою, и тѣ, которые имѣли случай видѣть его только на этихъ большихъ выходахъ, имѣли полное право называть его дуракомъ: онъ иначе и не могъ имъ представиться.

Но за то, одинъ на одинъ или въ маломъ, а главное интимномъ, обществѣ, Тучковъ давалъ себѣ волю. Тутъ онъ былъ скорѣе болтливъ, нежели молчаливъ, и Боже мой! сколько ума, сколько знанія, высказывалъ онъ. Наблюдательность, любовь къ ближнему, необыкновенная деликатность чувства, желаніе общественной пользы, и это все согрѣтое необыкновеннымъ и непритворнымъ чувствомъ, такою искреннею симпатичностью ко всему благородному, честному и разумному: вотъ какія сокровища открывалъ въ немъ тотъ, кто имѣлъ счастіе заслужить его довѣренность. Этого человѣка мало было уважать; его нельзя было не любить; съ нимъ, подлѣ него было какъ-то привольно и тепло; всякій отдыхалъ послѣ разговора съ нимъ, и какъ смѣшны и обидны были послѣ того отзывы о немъ въ свѣтскихъ гостиныхъ. Никогда не позируя, никогда ни въ чемъ не выставляясь, скромный какъ 15-лѣтняя дѣвушка, онъ, послѣ деспотизма Закревскаго, конечно долженъ былъ, какъ генералъ-губернаторъ, показаться человѣкомъ неважнымъ, именно потому, что нигдѣ не давалъ замѣтить своего генералъ-губернаторскаго *я*, такъ сильно, кстати и не кстати, гремѣвшаго въ устахъ Закревскаго.

Позволю себѣ разсказать два случая, которые вѣрнѣе всего могутъ описать и графа С. Г. Строганова, и П. А. Тучкова.

Въ нашу палату поступило дѣло о богохульствѣ двухъ довольно взрослыхъ мальчишекъ-раскольниковъ, въ кабакѣ Богородскаго уѣзда. Въ кабакъ пришли четыре молодыхъ человѣка, два православныхъ и два раскольника; старшему изъ нихъ было не болѣе 19 лѣтъ. Тутъ они выпили порядочно, и пьяные поссорились. Въ припадкѣ гнѣва, порожденнаго хмѣлемъ, одинъ изъ раскольниковъ сказалъ: Мы съ вами и пить-то вмѣстѣ не хотимъ! Ваша вѣра поганая. Православный отвѣчалъ ему: Перестань, Ванька, ругаться. Святый Антоній тебя накажетъ за это.—Убирайся къ чорту вмѣстѣ съ своимъ Антоніемъ! закричалъ раскольникъ въ запальчивости.

Этотъ разговоръ былъ раздутъ слѣдствіемъ (вѣроятно подъ вліяніемъ людей заинтересованныхъ въ томъ) до размѣровъ страшнаго преступленія. Не забывайте, сдѣлайте милость, что я передаю вамъ съ текстуальною точностію и что дѣло началось по доносу приходскаго священника.... Однимъ словомъ, дошло до того, что низшая степень суда, т. е уѣздный судъ, приговорилъ двухъ несчастныхъ мальчиковъ къ лишенію правъ состоянія и къ ссылкѣ въ Сибирь. По буквѣ, рѣшеніе это было правильно. Предоставляю вамъ самимъ разсудить, было ли оно правильно по смыслу? За два слова, сказанныхъ въ пьянствѣ и раскольниками, явно называющими свою вѣру истинною и всякую другую заблужденіемъ и никогда за это не преслѣдуемыми, сослать человѣка въ Сибирь казалось мнѣ ужаснымъ. Выходило, что двухъ мальчиковъ, въ лучшей порѣ ихъ жизни, надо было сослать, не за смыслъ словъ ими произнесенныхъ, но скорѣе за редакцію ихъ, за выраженія: потому что думать, что законъ нашъ не истинный, тѣмъ же закономъ имъ дозволялось, если дозволялось быть легально раскольниками и хотя не публично, но исполнять обряды своего раскола. Я сообщилъ мои мысли моимъ товарищамъ по палатѣ; эти благородные люди были со мной согласны, что наказывать человѣка лишеніемъ правъ и ссылкою за два слова въ пьяномъ видѣ было бы возмутительною несправедливостію..... Мы согласились наказать ихъ какимъ нибудь исправительнымъ наказаніемъ; но для этого надо было, чтобъ генералъ-губернаторъ, утверждающій рѣшенія палаты, былъ на это согласенъ; ибо, въ случаѣ неутвержденія, дѣло переходило въ Сенатъ съ его протестомъ, въ которомъ высказывалась бы незаконность рѣшенія по буквѣ, а Сенату послѣ такого указанія, конечно, ничего больше не оставалось бы дѣлать, какъ отмѣнить рѣшеніе палаты и присудить ихъ къ ссылкѣ. Зная направленіе графа Строганова и его неуклонное уваженіе къ законности (чему онъ такъ много показалъ примѣровъ, бывъ сенаторомъ), но не зная его еще близко и слѣдственно не имѣя возможности убѣдиться, сколько подъ

наружной его холодностію таилось сердечной доброты и благородства, я тѣмъ не менѣе принялъ на себя тяжелую обязанность предложить ему это. Сердце мое сильно билось, когда я подъѣзжалъ къ подъѣзду генералъ-губернаторскаго дома; но мысль, что отъ этого зависитъ судьба всей жизни двухъ несчастныхъ, уже нѣсколько мѣсяцевъ томившихся, при медленности стараго теченія дѣлъ, въ острогѣ, меня поддерживала. Когда я взошелъ къ нему въ кабинетъ, и онъ знакомъ пригласилъ меня сѣсть на другой сторонѣ письменнаго стола, за которымъ сидѣлъ самъ, языкъ у меня путался, и рѣчь обрывалась. Кое-какъ, съ трудомъ, проговорилъ я ему мысль мою.... Онъ отвѣчалъ сначала отказомъ; но когда я, одушевившись, представилъ ему всѣ тягостныя послѣдствія (и на цѣлую жизнь) наказанія за два необдуманныя слова, сказанныя не въ нормальномъ состояніи, наружная ледяная кора его растопилась, что̀ съ нимъ вѣроятно бывало очень рѣдко. Онъ вскочилъ съ своего мѣста и съ костылемъ своимъ принялся скоро ходить по комнатѣ, бросая время отъ времени перерывистыя фразы, въ родѣ этихъ: Да развѣ можно допустить ругательство надъ вѣрою? Что̀ изъ этого будетъ?... и пр.

Видно было, что въ немъ происходила сильная борьба его обычной законности съ сердечною, всегда такъ упорно скрываемою, гуманностію и теплотою сердца... Походивъ такъ минутъ съ пять, онъ остановился противъ меня и спросилъ вдругъ: что же думаю я сдѣлать?

Я отвѣчалъ, что мы пріищемъ какую нибудь статью, для того чтобы подвергнуть мальчишекъ аресту или тюрьмѣ на мѣсяцъ или на два....... А потомъ? спросилъ онъ отрывисто. Потомъ, если вашему сіятельству угодно будетъ утвердить рѣшеніе палаты, дѣло будетъ кончено..... И оно никуда не пойдетъ больше? Никуда: рѣшенія палаты, утвержденныя генералъ-губернаторомъ, окончательны; а за просвѣщенный и гуманной взглядъ прокурора я отвѣчаю......

Долго стоялъ онъ, смотря мнѣ въ глаза; наконецъ сказалъ тихо, какъ бы противъ воли: дѣлайте какъ хотите!.... и показалъ рукою, что разговоръ нашъ кончился. Двое мальчиковъ были спасены; семейства ихъ не подверглись разоренью.... Правда и милость торжествовали..... Я выскочилъ изъ кабинета какъ шальной, одержавъ такую неожиданную побѣду.

Не далѣе, какъ на другой день приговоръ былъ отосланъ къ графу, а на третій утвержденъ..... Понимаю, какую борьбу выдержалъ графъ съ самимъ собою и какъ дорого стоила ему моя побѣда. Онъ сдѣлался въ моихъ глазахъ предметомъ культа. По всѣмъ вѣроятіямъ

этотъ случай и доставилъ мнѣ честь того вниманія, которое онъ мнѣ оказалъ, помѣстивъ меня въ списокъ, оставленный для Тучкова.

Въ другой разъ, какъ-то къ слову, графъ Строгановъ кратко высказалъ взглядъ свой на генералъ-губернаторскую обязанность. Слова эти я храню какъ драгоцѣнность.... они будутъ оцѣнены впослѣдствіи. Лучшій генералъ-губернаторъ тотъ, когда про него не знаютъ, есть ли онъ или нѣтъ. Генералъ-губернаторъ долженъ только смотрѣть, чтобъ все шло законно, чтобъ суды и люди исполняли въ точности требованія закона... Показывать власть свою онъ долженъ только тогда, когда замѣтитъ нарушеніе закона.

У меня горѣлъ домъ. Извѣщенный сыномъ, я прискакалъ на пожаръ; имущество мое было вынесено, но на половину раскрадено спасителями. Въ другомъ домѣ, черезъ узкую улицу, жила жена моего бывшаго управляющаго, сбиравшая съ дома доходы; не смотря на болѣзненность ея (она лежала почти на смертномъ одрѣ) отнять у нея этотъ сборъ денегъ съ жильцовъ значило, по ея понятіямъ, лишить ее возможности быть мнѣ полезной... а за это она получала отъ меня квартиру и жалованье. Это была женщина вполнѣ надежная, и я очень часто оставлялъ у ней деньги довольно большими суммами. Въ это время, по моему счету, у нея должно было находиться около 3000 р. сер. Поручивъ своему сыну наблюдать за нашимъ имуществомъ, вынесеннымъ на бульваръ, я пошелъ самъ къ другому дому, гдѣ жила моя больная управительша. Толпа на площади противъ горѣвшаго дома была страшная; чтобъ удерживать ее въ почтительномъ разстояніи отъ горѣвшаго дома, разставлена была цѣпь изъ солдатъ, на разстояніи 10 или 12 шаговъ другъ отъ друга. Толпа была такъ густа, что пролѣзть черезъ нее не было никакой возможности, а между тѣмъ надо было торопиться, потому что и другой домъ могъ скоро загорѣться, и изъ него всѣ жильцы уже выносили свои пожитки. Я вышелъ изъ толпы и пошелъ вдоль цѣпи солдатъ. Мнѣ попался навстрѣчу частный приставъ съ крестомъ на шеѣ (не знаю, кто онъ такой; я бы съ величайшимъ удовольствіемъ плюнулъ ему даже теперь въ лицо), который закричалъ мнѣ грубо: Куда ты идешь? Я началъ объяснять ему, что я владѣлецъ дома, который горитъ; что иду въ другой свой домъ, которой можетъ загорѣться каждую минуту и что хочу взять тамъ у умирающей моей управительши до 3000 рубл., которые она въ попыхахъ и въ болѣзни можетъ потерять или которые у нея могутъ украсть въ этой суетѣ. Мой частный приставъ находился въ той полицейской ярости, которую можно назвать furia policinea. Онъ ничего не слушалъ и закричалъ солдату, стоявшему въ цѣпи: «возьми его!..» Это было ужъ черезчуръ

сильно. Когда солдатъ грубо схватилъ меня за руку, я не могъ утерпѣть, чтобъ не закричать ему, чтобъ онъ меня не трогалъ и хотѣлъ идти дальше; но мой частный приставъ, въ той же полицейской ярости, закричалъ другому солдату, чтобъ онъ помогъ первому. И, конечно, меня взяли бы и посадили въ сибирку, какъ нарушителя общественной тишины и полицейскаго спокойствія, если бъ на мое счастіе не шелъ мимо и разумѣется, внѣ цѣпи, знакомый мнѣ плацъ-адъютантъ К—ъ. Я очень хорошо помню, что я закричалъ ему: сдѣлайте милость: избавьте меня отъ этихъ..... К—ъ подошелъ и объяснилъ яростному приставу, кто я такой. Тогда онъ, какъ ошпаренный пѣтухъ, поспѣшилъ удрать. Я пошелъ безпрепятственно въ другой домъ, взялъ деньги и возвратился къ своему имуществу.

Пожаръ продолжался долго. Я имѣлъ удовольствіе встрѣтить графа Строганова, съ которымъ стоялъ около получаса. Графъ былъ такъ внимателенъ, что засвидѣтельствовалъ мнѣ, что мебель моя спускалась съ балкона моими людьми съ величайшею осторожностью, разспрашивалъ о домѣ, о жильцахъ и пр. Отойдя отъ него, я наткнулся на полиціймейстера С—го, сидѣвшаго въ своемъ золотомъ шишакѣ на бочкѣ. Онъ меня спросилъ: какая была у васъ исторія? и прибавилъ, что о томъ, что я ударилъ часового, доведено ужъ до свѣдѣнія генералъ-губернатора. Я ему отвѣчалъ, что я оставилъ графа только сію минуту и что онъ мнѣ не говорилъ объ этомъ ни слова, и разсказалъ ему все какъ было.

Тѣмъ не менѣе это меня тревожило. Я очень хорошо понималъ, что̀ значитъ ударить часового, и хотя былъ въ этомъ совершенно неповиненъ, однако, зная, сколько у меня недоброжелателей, я нашелъ лучшимъ обратиться не къ субалтернамъ, которые, разумѣется, не преминули бы постараться выказать, во вредъ мнѣ, свою важность, но прямо къ графу, благородный и возвышенный характеръ котораго былъ извѣстенъ всей Москвѣ, а мнѣ, можетъ быть, больше нежели другимъ.

Такъ какъ платье у меня все сгорѣло (или было раскрадено), то я явился къ графу въ люстриновомъ сѣренькомъ пальто, единственномъ костюмѣ, какой у меня остался. Разумѣется, входя въ кабинетъ къ нему, я извинился, что осмѣливаюсь представиться въ такомъ неприличномъ нарядѣ и объяснилъ ему причину моего посѣщенія.

Графъ отвѣчалъ мнѣ, что въ такомъ положеніи, въ какомъ я находился наканунѣ, человѣкъ не помнитъ самъ что̀ онъ дѣлаетъ; что это не можетъ быть причтено въ вину и проч. въ этомъ родѣ; но я, не желая, чтобъ у человѣка, столь много мною уважаемаго, могла остать-

ся хоть тѣнь сомнѣнія, особливо при мѣстѣ мною занимаемомъ, что я способенъ на подобныя дерзости, постарался увѣрить графа, что драться съ кѣмъ бы то ни было и при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ совершенно не въ моихъ привычкахъ и что я этого себѣ никогда не позволю, тѣмъ болѣе, что мнѣ извѣстно, какимъ послѣдствіямъ могу за это подвергнуться. Графъ милостиво отпустилъ меня и сказалъ, чтобъ я былъ покоенъ.

Не прошло трехъ дней, я получилъ отъ второго коменданта Б. письмо, прочитавъ которое убѣдился, что солдатъ подучаютъ, для оправданія себя, взносить на безвинныхъ людей возмутительныя клеветы и пріучаютъ ихъ извлекать изъ своей лжи денежныя выгоды. Не задумываясь долго, я отвезъ показать это письмо графу. Онъ выслушалъ меня съ своимъ обычнымъ хладнокровіемъ и отпустилъ, успокоивши тѣмъ, что это ничего не значитъ.

Такъ прошло три или четыре недѣли, и я начиналъ уже забывать объ этомъ происшествіи, озабоченный отстройкой новаго дома.

Нелишнимъ считаю сказать, что когда, на другой день послѣ пожара, я пришелъ въ палату, мнѣ доложили, что содержащійся въ острогѣ арестантъ, Николай Красильниковъ, просился въ палату, для объявленія, какъ называютъ арестанты, «секрета». Я велѣлъ его привести на слѣдующій день.

Введенный въ присутствіе, Красильниковъ объявилъ мнѣ, что онъ знаетъ, кто сжегъ мой домъ. Я, засмѣявшись, отвѣчалъ, что въ этомъ мнѣ теперь нѣтъ никакой надобности; что это могло бы меня интересовать наканунѣ пожара, но отнюдь не теперь. Тогда онъ сказалъ, что онъ объ этомъ зналъ и наканунѣ пожара; ибо, выходя изъ палаты съ конвоемъ, онъ встрѣтился въ дверяхъ съ арестанткой Авдотьей, которая ему сказала, что домъ моей жены завтра взлетитъ на воздухъ. Онъ просился назадъ въ палату, объявить мнѣ объ этомъ, но его не допустили. Тогда я пожелалъ узнать, кто же сжегъ мой домъ? Меня заинтересовало то: какимъ образомъ въ острогѣ знаютъ напередъ, когда будетъ горѣть какой либо домъ? Красильниковъ мнѣ разсказалъ, что у него есть сестра, находящаяся по своей матери (Французской актрисы Anne) подъ особымъ покровительствомъ одного частнаго пристава; что у его сестры есть любовникъ, о которомъ въ палатѣ производится дѣло по сбыту завѣдомо фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ; что дѣло о немъ было у меня на дому и что домъ подожгли для того, чтобъ сжечь дѣло. Къ этому онъ прибавилъ, что у его сестры есть изъ острога объ этомъ письмо и что это письмо лежитъ въ ея комодѣ, въ извѣстномъ ящикѣ.

Тутъ я вспомнилъ, что дѣйствительно у меня на дому лежало два дня дѣло о сбытѣ фальшивыхъ денегъ, и что я его вынесъ, въ самый день пожара, въ палату.

Не надѣясь, чтобы, по поводу вышеписанныхъ отношеній къ частному приставу, можно было найти желаемое письмо, я подалъ докладную записку объ этомъ происшествіи гражданскому губернатору. Само собою разумѣется, что найдено ничего не было. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Для полноты картины прибавлю, что этотъ же самый домъ былъ сожженъ въ другой разъ мальчикомъ за два рубля серебромъ, черезъ два года послѣ перваго пожара. Мальчикъ указалъ было подкупителя, но потомъ, неизвѣстно почему, вдругъ началъ говорить вздоръ и указывать на людей совершенно несхожихъ по примѣтамъ съ тѣмъ, примѣты котораго онъ описывалъ прежде. И это дѣло тоже кончилось для меня ничѣмъ, и хотя были слухи, и надобно прибавить очень вѣроятные, о томъ, кому *интересно* было сжечь мой домъ, я преслѣдовать виноватыхъ не сталъ: опытъ перваго дѣла доказалъ мнѣ всю безполезность подобнаго преслѣдованія.

Такимъ образомъ я поплатился слишкомъ 30 тысячами рублями за удовольствіе быть предсѣдателемъ палаты.

Прошло три или четыре недѣли послѣ полицейской сцены на пожарѣ, и я, какъ выше сказано, началъ уже забывать это происшествіе, какъ вдругъ, въ одно прекрасное утро, секретарь П. Д. Кудрявцевъ, завѣдывавшій 4 отдѣленіемъ палаты, воротившись изъ канцеляріи генералъ-губернатора и войдя въ присутствіе, объявилъ мнѣ, что обо мнѣ получена секретная бумага изъ Петербурга. Всякая секретная бумага (послѣ того что̀ я вытерпѣлъ въ жизни, по милости одного господина, занимавшаго значительное мѣсто, но потомъ ошельмованнаго Сенатомъ за разныя возмутительныя мерзости) меня, разумѣется, пугала. Я бросился въ канцелярію; тамъ бывшій правитель канцеляріи Ѳ. П. Корниловъ приказалъ дать мнѣ прочесть эту бумагу. Бумага эта была, ни больше, ни меньше, какъ Высочайшее повелѣніе объ освобожденіи коллежскаго совѣтника N отъ преслѣдованія за побои часовому, нанесенные на пожарѣ, по ходатайству генералъ-адъютанта графа Строганова, объявленному въ докладѣ военнаго министра.

Я полагаю, нѣтъ надобности говорить, что я бросился благодарить графа Строганова; но я чувствовалъ самъ, что слова мои безсильны для выраженія моего чувства, которое останется во мнѣ до конца моей жи-

зни. Случись это при Закревскомъ, я могъ бы быть солдатомъ, и конечно ничто не спасло бы меня отъ этой участи.

Графъ Строгановъ принялъ мою благодарность, такъ какъ будто бы это было что-нибудь такое, о чемъ не стоитъ даже и говорить. Выслушавъ молча нѣсколько горячихъ словъ съ моей стороны, онъ заговорилъ о другомъ; самая благодарность моя какъ будто бы была ему непріятна. Если когда-нибудь онъ прочтетъ эти строки, пусть знаетъ, что я не забуду его до конца жизни, и что его имя есть одно изъ тѣхъ именъ, которыя я произношу чуть не съ благоговѣніемъ.

Чтобъ окончить о немъ, я долженъ снова повторить, что иниціатива почти всѣхъ, благодѣтельныхъ для Москвы, начинаній принадлежитъ ему. Тучковъ былъ только честнымъ и разумнымъ ихъ исполнителемъ. Чего не сдѣлалъ бы графъ Строгановъ, если бъ онъ остался долѣе!... До какой степени возрасла бы любовь къ Тучкову, если бы онъ пожилъ въ Москвѣ подолѣе!... 20 слишкомъ тысячъ, собранныя ему на похороны, конечно достаточно говорятъ о степени той искренней и нелицемѣрной любви, какую питала къ нему Москва во всѣхъ сословіяхъ безъ исключенія.

Случаевъ видѣть и узнать Тучкова, независимо отъ моей службы въ палатѣ, было множество; пересказывать ихъ здѣсь было бы слишкомъ долго. Эта благородная личность такъ много имѣла хорошихъ сторонъ, что я затруднился бы, если бъ меня опросили: что̀ въ немъ болѣе другого заслуживало уваженія.

Я сказалъ выше, что графъ Строгановъ, уѣзжая изъ Москвы, оставилъ Тучкову записку, кого онъ считаетъ полезнымъ назначить въ Комиссію для составленія проекта новаго городского управленія. Что подобная записка была оставлена, я слышалъ отъ людей, кажется, вѣрныхъ; если они сказали неправду, да будетъ имъ стыдно, какъ говаривали наши предки; я повторяю только ихъ слова.

Такъ это было или нѣтъ, только когда было получено разрѣшеніе на составленіе Положенія для Москвы, Тучковъ назначилъ отъ дворянъ А. А. Рябинина и меня; отъ купцовъ С. Д. Ширяева и И. И. Четверикова, отъ себя В. М. Лосева, а производителемъ дѣлъ Н. Д. Игнатьева, подъ своимъ собственнымъ предсѣдательствомъ.

Комиссія эта собралась въ назначенной день, вечеромъ, въ его кабинетѣ. Москвичи знаютъ эту комнату передъ кабинетомъ. Тутъ поставили длинный столъ, покрыли его зеленымъ сукномъ, освѣтили дву-

мя большими канделябрами. Тучковъ сѣлъ посерединѣ, Игнатьевъ противъ него, я подлѣ Игнатьева, подлѣ меня Рябининъ, затѣмъ Лосевъ. Купцы сидѣли съ правой стороны.

Такъ какъ Петербургское Городовое Положеніе было уже введено нѣсколько лѣтъ прежде, то его и предположили принять за основаніе работъ. Была ли это мысль Тучкова, я не знаю; думаю, что нѣтъ.

Съ перваго же засѣданія роли обозначались ярко. Не смотря на небольшое количество членовъ комиссіи, въ ней проявились три направленія: чисто-либеральное, желающее справедливости quand meme; сословно-либеральное; консервативно-робкое и чиновничье, держащееся за букву Петербургскаго Положенія, какъ за догматъ. Это послѣднее направленіе исказило весь характеръ Московскаго Городского Управленія, которое, при генералъ-губернаторѣ Тучковѣ, могло бы выйти образцовымъ, т. е. самымъ истиннымъ выраженіемъ желаній обывателей всѣхъ сословій города Москвы.

Я сказалъ выше: не думаю, чтобъ Тучковъ желалъ буквально держаться Петербургскаго Положенія. Онъ былъ слишкомъ уменъ для того, чтобъ не видать всѣхъ его несовершенствъ. По несчастію тутъ былъ злой духъ, которой портилъ все.

Въ первое же засѣданіе между членами оказался разладъ въ воззрѣніяхъ. Одни находили, что Петербургское Положеніе, такъ какъ оно уже утверждено законодательнымъ порядкомъ, есть верхъ человѣческой мудрости и что намъ стоитъ только его списать и быть вполнѣ довольными, если утвердятъ его; другіе, напротивъ того, находили, что Петербургское Положеніе, чрезвычайно хорошее въ то время, когда оно было введено, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, когда въ понятіяхъ и взглядахъ произошло замѣтное движеніе впередъ, не удовлетворяетъ дѣйствительной потребности общественныхъ городскихъ нуждъ, и слѣдственно требуетъ пересмотра. По Петербургскому Положенію, городское общество состоитъ изъ пяти сословій: 1) потомственныхъ дворянъ, 2) личныхъ дворянъ и потомственныхъ гражданъ, 3) купцовъ, 4) мѣщанъ и 5) цеховыхъ. Три изъ этихъ сословій посылаютъ въ распорядительную думу по два члена, четвертое же и пятое—двухъ членовъ оба вмѣстѣ.

Либеральная фракція нашла это несправедливымъ. Она замѣтила, что если ужъ есть дѣленіе на сословія, то каждое изъ нихъ и должно имѣть въ распорядительной думѣ свое представительство и что Петер-

бургское Положеніе въ этомъ случаѣ грѣшитъ противъ справедливости, во имя скрытыхъ цѣлей.

Чиновническая фракція возставала не противъ того, было ли это справедливо или нѣтъ; ее ужасала мысль измѣнять что нибудь въ Петербургскомъ Положеніи. Ей казалось это дерзостью невозможною, немыслимою.

Робкіе консерваторы молчали и только посматривали на Тучкова, что̀ онъ скажетъ.

Тучковъ молчалъ... Онъ не хотѣлъ вступать въ пренія, ибо зналъ, что его мнѣніе, если онъ его выскажетъ, будетъ безусловно принято всѣми.

На этотъ разъ либералы превозмогли: количество 10 членовъ распорядительной думы было принято.

Второе столкновеніе было на параграфѣ: какъ поступать въ такомъ случаѣ, если генералъ-губернаторъ не согласится съ мнѣніемъ распорядительной думы.

Либералы говорили, что общая дума есть власть законодательная, а распорядительная дума власть исполнительная, что ежели общая дума представляетъ собою цѣлый городъ, то въ интересахъ этого города она должна быть верховнымъ судилищемъ, и распорядительная дума, получившая направленіе общей думы, должна безусловно ей подчиниться.

Чиновники, видя, что въ Петербургскомъ Положеніи всѣ подобные вопросы разрѣшаются генералъ-губернаторомъ, а скорѣе всего въ видахъ лести, искоса посматривая на Тучкова, утверждали, что невозможно обойти генералъ-губернатора и что онъ настоящій хозяинъ города. Либералы, увлекшись жаромъ спора, можетъ быть нѣсколько и безтактно, стали, напротивъ того, утверждать, что послѣ деспотизма Закревскаго, надо всѣми силами загородиться отъ власти генералъ-губернатора и даже, на слова чиновниковъ, что странно было бы лишить его высокопревосходительство принадлежащей ему власти, не затруднились прибавить, что если бъ можно было быть увѣренымъ, что Тучковъ или такіе какъ онъ, всегда будутъ занимать мѣсто главнаго начальника столицы, тогда разумѣется никакія предосторожности ненужны и даже самый параграфъ этотъ совершенно излишній....

Видя, что при этомъ желаніи умалить генералъ-губернаторскую власть, живое олицетвореніе этой власти не изъявляетъ нисколько не только гнѣва, но даже и тѣни неудовольствія, чиновники прижали хво-

стикъ, но тѣмъ не менѣе, вѣрные своей бюрократической мысли, единолично разрѣшать всѣ вопросы, а между тѣмъ видя, что оракулъ молчитъ, предложили средній терминъ (terme moyen) именно: въ подобныхъ случаяхъ возбужденный вопросъ представлять на разрѣшеніе Сената. Такъ параграфъ этотъ и былъ принятъ. Тучковъ остался вѣренъ себѣ самому: онъ ни однимъ словомъ, въ столь близкомъ его власти вопросѣ, не стѣснилъ свободы преній.... Онъ принялъ параграфъ, но не продиктовалъ его.... Не знаю, много ли найдемъ генералъ-губернаторовъ, которые бы смотрѣли такъ гуманно и разумно на подобный случай. Нельзя не согласиться, что для самолюбія генералъ-губернатора не можетъ быть пріятно свою доселѣ безконтрольную и диктаторскую власть, установленную Голицыными и Закревскими (сохрани меня впрочемъ Богъ ихъ сравнивать) отдать на судъ сенаторовъ, людей, которые во многихъ случаяхъ гнутся передъ генералъ-губернаторскою властію и замѣтно заискиваютъ ея расположенія.

Самый сильный споръ, помнится мнѣ, возникъ со стороны либеральной фракціи, когда дошли до параграфа, дозволяющаго потомственнымъ дворянамъ отказываться отъ городской службы, если они будутъ въ нее выбраны, и на оборотъ, лишающій этого права всѣ другія сословія. Либералы говорили, что это возмутительная несправедливость; что обыватели города всѣ равны, потому что всѣ, сообразно своему достатку, равномѣрно несутъ общественную городскую повинность; что купецъ 1-й гильдіи, выбранный на зло въ рядскіе старосты или торговый смотритель есть вопіющій нонсенсъ; что въ городскомъ обществѣ самое дѣленіе на сословія есть уже непонятная странность и что если предоставить дворянамъ право отказываться, то надо предоставить это право и всѣмъ другимъ сословіямъ, во имя правды и разумности.

Либерально-сословная фракція доказывала, что всемилостивѣйше жалованная дворянству грамота даетъ дворянству право отказываться отъ службы, когда онъ этого не хочетъ, и что заставлять его служить было бы нарушеніемъ дворянскихъ правъ. Либералы говорили, что дворянская грамота дана была императрицей Екатериной совсѣмъ при другихъ условіяхъ, что городская служба не сословная; что извѣстный законъ, изданный на извѣстный случай, не можетъ служить основаніемъ для другихъ случаевъ; что сепаратные указы самимъ законамъ воспрещено приводить основаніемъ для другихъ подобныхъ дѣлъ и что слѣдственно дворянская грамота къ настоящему случаю относиться не можетъ.

Сословные либералы, въ жару спора, сдѣлавшагося горячимъ, забылись до того, что позволяли себѣ въ присутствіи безграничной гене-

ралъ-губернаторской власти, сказать либераламъ: мы знаемъ, чего вы хотите! Либералы, въ свою очередь тоже забывшись, гдѣ они и при комъ, отвѣчали рѣзко: мы и не скрываемъ нашихъ мнѣній; мы прямо говоримъ, что различіе сословій есть мерзость передъ Богомъ и что въ настоящемъ случаѣ выставлять сословныя права чистое безумство*).

Замѣчательно, что члены робко-охранительной фракціи, не смотря на то, что вопросъ касался ихъ ближе, нежели кого нибудь, упорно молчали; либераламъ однимъ пришлось на своихъ плечахъ выносить упрекъ, могущій столько повредить имъ впослѣдствіи.

Взглянувъ на Тучкова, которымъ сословные вѣроятно хотѣли запугать либераловъ, разсчитывая, что они не посмѣютъ въ присутствіи генералъ-губернатора высказать своихъ мыслей, я увидѣлъ, что онъ улыбался, не ядовито и зло, а чрезвычайно простодушно и видимо не поставляя либераламъ ихъ мнѣнія въ вину, но видя, что споръ принимаетъ характеръ личности, онъ замѣтилъ чрезвычайно тихо, что, по его мнѣнію, въ настоящемъ случаѣ можно будетъ придержаться Петербургскаго Положенія. Само собою разумѣется, что либералы съ генералъ-губернаторомъ спорить не стали: Петербургскій параграфъ былъ принятъ.

Робко-консервативная фракція оказала признакъ жизни только тогда, когда возбужденъ былъ вопросъ о томъ, изъ какихъ сословій можетъ быть избираемъ градской голова.

Либералы говорили, что способные люди могутъ быть во всѣхъ сословіяхъ, что цензъ тутъ не долженъ играть никакой роли, что Петербургское Положеніе, дающее это право только потомственнымъ дворянамъ и купцамъ 1 гильдіи, есть ни на чемъ основанная привилегія несправедливая и потому неразумная и пр.

Чиновники не возражали, не смѣя мыслить, либералы-сословники поддерживали Петербургское Положеніе, робкіе консерваторы говорили, что почему бы и не дать этого права и второй гильдіи и т. д. Тучковъ опять молчалъ; онъ давалъ свободно высказаться всякому мнѣнію и когда либералы, хоть и неохотно, согласились, что градской голова сапожникъ или извощикъ не совсѣмъ удобная вещь, большинство согласилось съ желаніемъ заинтересованныхъ: дать и второй гильдіи право выставлять своихъ кандидатовъ на градскаго голову. Параграфъ такъ и былъ принятъ. Тучковъ былъ пассивенъ во все время. Стѣсненія сво-

*) Это текстуально.

имъ мнѣніямъ никто не чувствовалъ. Ежели кто могъ быть имъ недоволенъ, такъ это фракція чиновниковъ. Они, воображая, что ежели онъ молчитъ, значитъ съ ними согласенъ, очень въ немъ ошиблись: онъ ни разу не поддержалъ ихъ.

Чиновничья фракція, когда уставъ городового управленія былъ уже принятъ, и тутъ попыталась склонить Тучкова къ поступку противному его честной природѣ.

Журналъ перваго засѣданія комиссіи, въ которую онъ прислалъ вмѣсто себя правителя своей канцеляріи, Радзевича, былъ имъ подписанъ прежде засѣданія и въ засѣданіе принесенъ уже подписанный. Тогда одинъ изъ членовъ замѣтилъ, что если журналы засѣданій будутъ приносимы подписанные генералъ-губернатотомъ, лучше закрыть комиссію; потому что ни одинъ изъ ея членовъ не пожелаетъ идти противъ него и что слѣдственно ни комиссіи, ни преній нѣтъ. Это замѣчаніе вынудило чиновниковъ перемѣнить политику. Случай этотъ болѣе не повторялся.

Сохрани меня Богъ подозрѣвать въ этомъ Радзевича: онъ былъ слишкомъ честный человѣкъ для того, чтобъ сдѣлать подобную гадость.

Заговоривъ о столь близкихъ мнѣ людяхъ, графѣ Строгоновѣ и Тучковѣ, оставившихъ во мнѣ такое отрадное воспоминаніе, я уклонился отъ той цѣли, которую поставилъ себѣ: разсказать о томъ, какъ я уѣхалъ въ Варшаву. Не заговориться было нельзя..... Оба они имѣютъ такъ много мѣста въ умѣ моемъ и въ сердцѣ, что я вспоминаю о нихъ съ такимъ же теплымъ, освѣжающимъ чувствомъ, съ какимъ вспоминаемъ мы первый поцѣлуй, который получили въ жизни.

Я сказалъ выше, что на дворянскихъ выборахъ я не былъ выбранъ снова предсѣдателемъ: у меня недостало 5 шаровъ противъ моего соперника, поддерживаемаго всѣми правовѣдами Москвы и ихъ вліяніемъ на лица, имѣющія дѣла по высшимъ судебнымъ инстанціямъ. Разумѣется, мнѣ больше ничего не оставалось дѣлать, какъ просить Тучкова взять меня къ себѣ «состоящимъ при немъ» что̀ и было сдѣлано.

По природѣ моей, одаренный потребностью въ лихорадочной дѣятельности, я, послѣ тревогъ и заботъ предсѣдательства, задыхался въ ничего недѣланіи. Тщетно я просилъ слѣдствій, командировокъ, труда; мнѣ въ канцеляріи отвѣчали, что слѣдствій нѣтъ, потому что всѣ онѣ розданы; что командировокъ тѣмъ еще менѣе... и наконецъ, послѣ многихъ просьбъ съ моей стороны, дали мнѣ какое-то неважное слѣдствіе....

Такая жизнь не могла меня удовлетворить. Въ это время вспыхнуло въ Польшѣ возстаніе. Я слышалъ всюду мнѣніе, что въ Польшу надо Русскихъ людей, что безъ нихъ тамъ взяться, не боясь измѣны, некѣмъ; что..... и пр. и пр. Всѣ это только говорили...... но никто не двигался. Я вообразилъ, что я могу тамъ быть полезенъ, какъ человѣкъ, честно и искренно любящій мое отечество, и открылся одному изъ тѣхъ рѣдкихъ, благороднѣйшихъ людей, вниманіемъ котораго я имѣлъ счастіе пользоваться, генералъ-адъютанту С. П. Шипову, какъ человѣку бывшему въ Польшѣ и оставившему тамъ самое лестное для всякаго Русскаго воспоминаніе. Онъ одобрилъ мысль мою и обѣщался дать мнѣ туда письмо.

Не смотря на то, что мнѣ было уже 50 лѣтъ, что я былъ отецъ взрослыхъ дѣтей, я не задумался ни на минуту въ моемъ желаніи служить динѣ въ больномъ мѣстѣ. Я поѣхалъ къ Тучкову и объяснилъ ему мое желаніе. Онъ удивился, однако не сталъ меня отговаривать. Онъ, такъ сказать, благословилъ меня и даже обѣщалъ: ежели я найду въ этомъ нужду, писать обо мнѣ графу Бергу.

Я не хотѣлъ уѣхать, можетъ быть, на явную смерть, не испросивъ того же благословенія отъ графа Строгонова. Онъ сказалъ мнѣ: Вы знаете, что въ Варшавѣ рѣжутъ на улицахъ. Если бъ меня послали туда, я, какъ военный, не имѣлъ бы права отговариваться; я долженъ идти туда, гдѣ опасность, во имя того служенія, которое себѣ выбралъ.... но вы.... вы человѣкъ статскій, немолодой; можетъ быть, даже вы и стрѣлять-то не умѣете; подумайте хорошенько прежде, нежели рѣшитесь.

Я успокоилъ его какъ умѣлъ, и онъ далъ мнѣ свое благословеніе Я поѣхалъ, оставя жену и дѣтей въ Москвѣ.

Куда я поѣхалъ, зачѣмъ, я не зналъ хорошо самъ. Я зналъ одно: въ Польшѣ нѣтъ или мало Русскихъ; тамъ нужны люди; я свободенъ, я долженъ идти туда для того, чтобъ служить моей динѣ. Потребность дѣятельности меня одолѣвала, и въ Польшѣ я надѣялся найти ей достаточную пищу. Объ опасностяхъ я не думалъ; смерти я не боялся, да и умереть въ такую минуту, когда отечество нуждается въ помощи всѣхъ сыновъ своихъ, казалось мнѣ и благороднымъ, и великимъ. Какъ видите, во мнѣ еще сказывался студентъ двадцатыхъ годовъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ КНЯЗЯ ВИКТОРА ИВАНОВИЧА БАРЯТИНСКАГО.

Пятигорскъ.—Крѣпость Грозная.—Гребенскіе казаки.—Сунженская линія.

Въ 1852-мъ году, командуя въ Севастополѣ 16-ти пушечнымъ бригомъ «Эней», я, по болѣзни, испросилъ себѣ непродолжительный отпускъ лѣтомъ на Кавказскія минеральныя воды. Поѣхалъ я въ своемъ дормезѣ сухимъ путемъ на Керчь (пароходнаго сообщенія срочнаго по Черному морю тогда не было). Изъ Керчи я переправился на пароходѣ въ Тамань, потомъ землею Донскихъ казаковъ на Ставрополь въ Пятигорскъ. Тамъ, съ поступленія Кавказа подъ управленіе князя Воронцова, было устроено болѣе или менѣе удобное заведеніе минеральныхъ водъ, были выведены большія крытыя галлереи для пользующихся водами и было не мало порядочныхъ докторовъ. Оттуда меня вскорѣ отправили въ Кисловодскъ, гдѣ находится знаменитый источникъ Нарзанъ. Мѣстоположеніе Кисловодска весьма красивое, воздухъ чистый и живительный, и долина изобилуетъ горными ручьями и прекрасною растительностью.

Въ Кисловодскѣ я нанялъ маленькій домикъ и жилъ недѣли двѣ.

Въ то время командовалъ лѣвымъ флангомъ братъ мой Александръ, бывшій тогда въ чинѣ генералъ-лейтенанта (ему было 37 лѣтъ), и я не хотѣлъ оставить Кавказъ, не посѣтивъ его.

Главное его пребываніе было въ крѣпости Грозной, въ Малой Чечнѣ, и я отправился въ землю линейныхъ казаковъ по лѣвому берегу Терека. Доѣхавъ до Николаевской станицы, я узналъ, что братъ находился въ то время въ старомъ Юртѣ, укрѣпленномъ лагерѣ, выстроенномъ на мѣстѣ, извѣстномъ горячими цѣлебными ключами и что онъ тамъ лечился.

До этого мѣста было очень недалеко, 20 или 30 верстъ; но мнѣ объявили, что туда ѣхать нельзя было иначе какъ съ оказіею *), кото-

*) Оказіею назывался караванъ, который по временамъ образовывался изъ ѣдущихъ по дѣламъ службы лицъ. Обыкновенно ждали, чтобы такихъ лицъ собралось довольно много, и тогда давался, смотря по степени опасности въ томъ мѣстѣ, конвой изъ пѣхоты, артиллеріи и конницы.

рой придется мнѣ ждать въ Николаевской станицѣ. Въ этой мѣстности, по ту сторону Терека, были племена немирныя, и очень часто случалось, что лица, рѣшающіяся проѣзжать безъ конвоя, попадали въ плѣнъ, и за нихъ требовался болѣе или менѣе значительный выкупъ.

Я ни за что не хотѣлъ долго ждать въ станицѣ, такъ-какъ дни моего отпуска были разсчитаны, и настаивалъ на томъ, чтобы станціонный смотритель далъ мнѣ лошадей. Наконецъ онъ согласился, но не иначе какъ съ тѣмъ, чтобы я принялъ это дѣло подъ свою отвѣтственность. Лошадей начали запрягать, и вдругъ я вижу казачьяго полковника, проѣзжающаго верхомъ близъ станціи съ конвоемъ изъ пяти или шести казаковъ. Онъ съ любопытствомъ посмотрѣлъ на мой дормезъ, и я рѣшился его спросить, куда онъ ѣдетъ. «Въ Старый Юртъ» былъ его отвѣтъ. Тогда я ему объявилъ, что я ѣду туда же, къ брату, начальнику фланга; онъ себя назвалъ полковникъ Камковъ (впослѣдствіи я узналъ, что онъ былъ извѣстенъ на Кавказѣ своей храбростью и подвигами) и предложилъ конвоировать меня, на что я съ благодарностью согласился. Мы доѣхали благополучно до укрѣпленнаго лагеря. Домовъ настоящихъ тамъ не было, а только землянки и палатки. Я велѣлъ везти себя къ брату; онъ жилъ въ землянкѣ, состоявшей изъ нѣсколькихъ небольшихъ комнатъ. Мнѣ сказали, что онъ бралъ ванну. Я туда пошелъ, онъ сидѣлъ въ горячей ваннѣ. Персіянинъ въ своемъ національномъ костюмѣ, съ черной бородой и въ остроконечной мѣховой шапкѣ, почтительно его массировалъ. Братъ съ неописаннымъ изумленіемъ посмотрѣлъ на меня (о моемъ пріѣздѣ на Кавказъ онъ ничего не зналъ) и спросилъ, откуда и какъ я попалъ туда. Я отвѣчалъ, что пріѣхалъ въ «дормезѣ». Да вѣдь сегодня никакой оказіи не было! вскрикнулъ онъ. „Меня конвоировалъ полковникъ Камковъ». Тогда онъ очень разсердился, что я отважился на подобную вещь и былъ сердитъ на Камкова за его предложеніе, говоря, что я подвергался большой опасности и могъ быть взятъ въ плѣнъ. Онъ особенно строго запрещалъ подобныя рискованныя поѣздки.

Въ Старомъ Юртѣ я провелъ нѣсколько дней и былъ очень доволенъ, что могъ видѣть въ совершенно военной обстановкѣ этотъ знаменитый край и такъ близко отъ притоновъ самаго Шамиля.

Офицерамъ и нижнимъ чинамъ нельзя было безъ особыхъ предосторожностей выходить изъ укрѣпленія на самое близкое разстояніе, и, за два дня передъ моимъ пріѣздомъ, два офицера, изъ коихъ одинъ былъ Кологривовъ, не дождавшись конвоя, выѣхали изъ лагеря верхомъ и за полверсты отъ него были атакованы горцами; они однакоже оба вернулись, но одинъ изъ нихъ былъ тяжело раненъ.

Въ Старомъ Юртѣ были тогда при начальникѣ фланга полковники: баронъ Николай*), Василій Васильевичъ Зиновьевъ, адъютантъ князь Петръ Дмитріевичъ Гагаринъ, молодой Перовскій и нѣсколько другихъ.

Обѣдали и ужинали въ палаткѣ, и меня сильно интересовали и увлекали разсказы моего брата, отличавшіеся живостью и картинностью. Мы по цѣлымъ часамъ сидѣли и слушали его. 1852-й годъ былъ однимъ изъ самыхъ обильныхъ славными и геройскими дѣлами противъ Шамиля, выказавшими у моего брата способности ловкаго, предпріимчиваго и вмѣстѣ съ тѣмъ осторожнаго военноначальника.

Горячіе ключи въ Старомъ Юртѣ достигали превысокой температуры, сколько помню, до 75° Реомюра. Тамъ существуетъ преданіе, что какой-то архіепископъ упалъ въ эту воду и моментально былъ сваренъ.

Изъ Стараго Юрта я совершилъ преинтересную поѣздку съ нѣкоторыми изъ приближенныхъ брата, между прочимъ съ Зиновьевымъ, въ Червленную станицу. Тамъ мы остановились и провели сутки у барона Розена, начальника станицы. Жители ея, какъ и большая часть Гребенскихъ казаковъ, выходцы изъ Россіи, раскольники, были поселены тамъ въ царствованіе Петра Великаго. Это было племя весьма воинственное, и духъ у нихъ поддерживался безпрестанными набѣгами и схватками съ горцами, обитавшими по ту сторону Терека. Мужчины были стройные и имѣли видъ воинственный, женщины же славились красотой и побѣдами надъ сердцами пріѣзжавшихъ туда военныхъ.

Меня пригласили вечеромъ на хороводъ казачьихъ дѣвушекъ въ рощѣ у берега Терека: нѣсколько прекрасивыхъ дѣвицъ, одѣтыхъ въ богатые шелковые костюмы, исполняли съ весьма граціозными движеніями и очень чинно свои національныя пляски и пѣли свои казачьи пѣсни, полныя мелодіи. Зрѣлище было самое обворожительное и поэтическое.

Когда кончился срокъ пребыванія на водахъ начальника фланга, то составилась, по случаю переѣзда его въ крѣпость Грозную, огромная оказія.

Наконецъ въ назначенный для отъѣзда день длинная вереница экипажей разнаго рода, коляски, тарантасы съ офицерами, дамами, боль-

---

*) Бывшій потомъ командиромъ Кабардинскаго полка, ознаменовавшій себя позже большими подвигами и оставившій Кавказъ въ чинѣ генералъ-лейтенанта и генералъ-адъютанта съ тѣмъ, чтобы посвятить остатокъ жизни другого рода подвигамъ, а именно онъ постригся въ монахи и поступилъ въ монастырь „La grande chartreuse“ близъ Гренобля.

ными и между прочими мой дормезъ, вытянулись возлѣ лагеря, и сформированъ былъ конвой изъ одного батальона пѣхоты, нѣсколькихъ орудій и нѣсколькихъ сотень Гребенскихъ конныхъ казаковъ. Братъ Александръ сѣлъ въ открытую коляску и взялъ меня съ собою. Свита его ѣхала за нимъ въ другихъ экипажахъ. Камердинеръ его Исай (извѣстный на всемъ Кавказѣ и герой многихъ анекдотовъ) сидѣлъ на козлахъ. За нашею коляскою бѣжалъ на свободѣ безъ повода старый породистый Орловскій рысакъ, служившій брату еще въ Хасафъ-Юртѣ, когда онъ командовалъ полкомъ. Онъ подбѣгалъ по временамъ очень близко къ намъ, и братъ давалъ ему изъ рукъ ломти хлѣба. Погода была чудная, лѣтняя, вся сцена самая живописная и своебразно-военная. Впереди насъ на огромномъ разстояніи былъ виденъ весь хребетъ Кавказскихъ снѣговыхъ горъ; полковые пѣсенники оглашали воздухъ веселыми пѣснями, сопровождаемыми свистомъ и звукомъ бубенъ. Я былъ въ полномъ восторгѣ. Мѣста, которыми мы ѣхали, почти плоскія; изрѣдка встрѣчались невысокіе холмы. Около половины пути, мы подъѣхали къ оврагу; пѣхота выступила впередъ, артиллерія за нею, и онѣ заняли высоты по обѣ стороны оврага; братъ мнѣ сказалъ: «мы подъѣзжаемъ къ одному изъ самыхъ опасныхъ мѣстъ Сѣверной Чечни, и тутъ было немало кровопролитныхъ схватокъ съ горцами». Къ этому оврагу ведетъ ущелье очень длинное, и горцы, незамѣтно двигаясь, внезапно бросались на проходившія оврагомъ войска.

По мѣрѣ нашего слѣдованія подъѣзжали къ намъ съ разныхъ сторонъ туземные князья со свитой полу-мирные и считали долгомъ привѣтствовать начальника фланга; они присоединялись къ свитѣ, и я любовался ихъ костюмами и ловкою, воинственною осанкою. Все время разные всадники съ обѣихъ сторонъ джигитовали, преслѣдуя другъ друга и стрѣляя изъ винтовокъ и пистолетовъ.

Около того же мѣста мы увидѣли двигающуся навстрѣчу къ намъ конницу; то были казаки. Братъ велѣлъ остановить экипажъ, вышелъ изъ него и позвалъ начальника этого отряда. Они пошли вмѣстѣ на ближайшій пригорокъ и тамъ ходили взадъ и впередъ, какъ видно, погруженные въ какое-то важное совѣщаніе. Оказія остановилась, экипажи, солдаты, конница. Совѣщаніе длилось долго. Начальникъ казаковъ, которыхъ мы встрѣтили, былъ извѣстный полковникъ Баклановъ, ознаменовавшій себя столькими стремительными набѣгами и атаками, рѣшавшими не разъ побѣду нашихъ войскъ.

Наконецъ къ вечеру мы пріѣхали въ крѣпость Грозную, столицу начальника лѣваго фланга. У него былъ домъ казенный, просторный,

хорошо устроенный, похожій на помѣщичій домъ внутри Россіи. Тамъ я познакомился съ гарнизонною жизнью того времени въ Кавказскихъ крѣпостяхъ.

Въ мою бытность въ Грозной пріѣхалъ туда на службу генералъ Багговутъ съ женою; вслѣдствіе раны въ голову ему была сдѣлана операція, и часть черепа у него была серебряная.

Была замѣтна въ крѣпости большая дѣятельность, но мало было слышно о происходящихъ или имѣющихся въ виду военныхъ дѣйствіяхъ. Братъ мой былъ извѣстенъ тѣмъ, что держалъ въ большой тайнѣ всѣ предпринимаемыя имъ дѣйствія.

Въ Грозной я познакомился съ однимъ изъ извѣстныхъ, перешедшихъ къ намъ съ сыномъ, наибовъ Шамиля, по имени Бата̀. Братъ былъ о немъ высокаго мнѣнія и считалъ принятіе имъ Русскаго подданства важнымъ и полезнѣйшимъ для той части Кавказа событіемъ. Бата безпрестанно бывалъ у брата, который былъ особенно съ нимъ ласковъ и сумѣлъ его къ себѣ привязать. У него въ манерахъ было замѣчательно много достоинства, даже развязность свѣтскаго человѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ большая простота въ обхожденіи. Его сынъ, молодой человѣкъ лѣтъ 22-хъ или 23-хъ, удивлялъ меня такими же какъ бы врожденными хорошими манерами.

Братъ мой, вскорѣ послѣ поступленія края подъ его начальство, ввелъ въ Чечню между туземными жителями нѣчто въ родѣ самоуправленія, согласно ихъ обычаямъ и законамъ, и во главѣ этого вѣдомства поставилъ полковника Бартоломея, честнаго и трудолюбиваго человѣка, извѣстнаго еще кромѣ того своими трудами по части естественныхъ наукъ. Эту систему самоуправленія для туземцевъ мой братъ развилъ впослѣдствіи, когда онъ сдѣлался намѣстникомъ, въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Жители были этими мѣрами весьма довольны, и онѣ принесли счастливые результаты.

Въ бытность мою въ Грозной состоялась свадьба офицера одного изъ здѣшнихъ полковъ съ молодою дѣвицей изъ того же гарнизона, и начальника просили, какъ водится, быть посаженымъ отцомъ. По этому случаю былъ данъ балъ, на которомъ очень веселились и гдѣ я слышалъ престранные разговоры съ гарнизонными дамами.

Но отпускъ мой кончался, и я долженъ былъ проститься съ братомъ. Онъ далъ мнѣ конвой изъ одной или двухъ сотень казаковъ съ орудіемъ, и я съ грустью выѣхалъ изъ Грозной, весьма довольный временемъ проведеннымъ на Кавказѣ и преимущественно въ краѣ под-

властномъ брату Александру. Я вынесъ изъ моего пребыванія на Кавказѣ чувство, которое испытывала большая часть пріѣзжавшихъ, туда хоть и на короткое время, чувство неизгладимо-пріятнаго впечатлѣнія отъ тамошней жизни, исполненной разнообразія и вмѣстѣ съ тѣмъ привольной, среди тревогъ и заботъ военной обстановки. Встрѣчаемое вездѣ безпредѣльное гостепріимство и привѣтливость жителей много прибавляютъ къ прелести путешествія по этому краю. Я проѣхалъ по всей Сунженской линіи извѣстной въ лѣтописяхъ Кавказа прекрасными военными дѣлами и подвигами генерала Слѣпцова.

Остановившись раза два или три въ разныхъ станицахъ, я пріѣхалъ въ Владикавказъ, гдѣ былъ принятъ командовавшимъ тамошними войсками барономъ Вревскимъ (который былъ, спустя нѣсколько лѣтъ, убитъ при штурмѣ аула).

Оттуда я снова попалъ на почтовую дорогу и черезъ Ставрополь, Тамань, Керчь вернулся въ Севастополь, гдѣ вступилъ опять въ командованіе бригомъ «Эней», стоявшимъ въ мое отсутствіе на Севастопольскомъ рейдѣ подъ командою моего старшаго офицера, лейтенанта Мусина-Пушкина.

Я плавалъ въ это лѣто по Черному морю въ эскадрѣ адмирала Корнилова, и мы занимались разными ученіями и эволюціями, ходили къ Кавказскимъ берегамъ и въ Азовское море.

Осенью этого же года прибылъ въ Севастополь императоръ Николай, и были сдѣланы флоту, на рейдѣ и въ открытомъ морѣ, смотры, въ которыхъ я участвовалъ какъ командиръ брига.

Нѣсколько времени по моемъ возвращеніи съ Кавказа, къ великому моему горю, я узналъ, что, на другой день послѣ моего отъѣзда изъ Грозной, было сдѣлано лично моимъ братомъ противъ Шамиля движеніе, въ которомъ было большое дѣло, одно изъ самыхъ блистательныхъ въ эту эпоху. Я ужасно былъ огорченъ, что онъ мнѣ ничего объ этомъ не говорилъ, оставшись вѣрнымъ своей всегдашней системѣ не сообщать впередъ ни одной душѣ о задуманномъ планѣ. Такимъ образомъ я былъ лишенъ возможности быть свидѣтелемъ тогдашнихъ экспедицій противъ горцевъ и ознакомиться съ особенностями и типичнымъ характеромъ войны въ тѣ времена противъ Шамиля.

1853 *).

28 Окт. 1853. Отплытіе эскадры, составленной изъ кораблей «Двѣнадцать Апостоловъ», «Три Святителя» (флагъ к.-адмирала Новосильскаго), «Вел. Кн. Константинъ» (флагъ в.-адмирала Корнилова), «Парижъ», «Ростиславъ», «Святославъ», пароходо-фрегата «Владиміръ» и брига «Эней» подъ командою вице-адмирала Корнилова. Эскадра идетъ розыскивать Турецкую эскадру, о которой наши крейсеры донесли, что она находится близъ Варны. Съ 29 Октября по 3 Ноября постоянные штормы. Турецкій берегъ и Варна открылись 3-го Ноября, но Турецкой эскадры не видно. Къ вечеру адмиралъ посылаетъ «Владиміръ» осмотрѣть побережье близъ Варны. 4-го Ноября «Владиміръ» возвращается около полдня, ничего не увидавъ. Корниловъ рѣшается оставить эскадру и идти на «Владимірѣ» на соединеніе съ эскадрой вице-адмирала Нахимова, крейсирующаго у Анатолійскаго берега между мысомъ Керемле и бухтой Амастро. Контръ-адмиралу Новосильскому, оставшемуся начальникомъ эскадры, велѣно тоже туда слѣдовать. 5-го Ноября на разсвѣтѣ открылся Анатолійскій берегъ, и вскорѣ мы видимъ на горизонтѣ эскадру изъ 4-хъ большихъ и 2-хъ малыхъ парусныхъ судовъ, къ которымъ мы направляемся, полагая, что это эскадра Нахимова.

Почти одновременно, по другому направленію, мы видимъ дымъ парохода. Чтобы удостовѣриться, какой онъ націи, мы беремъ курсъ на него и даемъ самый полный ходъ. Мы его нагоняемъ, и скоро становится яснымъ, что онъ не принадлежитъ къ нашей эскадрѣ. Пароходъ идетъ какъ-то неувѣренно, часто и внезапно мѣняетъ курсы, чт̀о заставляетъ подозрѣвать, что пароходъ непріятельскій; пароходъ двухъ-мачтовый и безъ флага. Подойдя на разстояніе пушечнаго выстрѣла, мы поднимаемъ Русскій флагъ, на что онъ тотчасъ отвѣчаетъ подъемомъ Турецко-Египетскаго. Тогда мы даемъ одинъ выстрѣлъ ядромъ впереди его носа, чтобы принудить его къ сдачѣ. Отвѣта нѣтъ и мы посылаемъ залпъ въ его корпусъ, и онъ отвѣчаетъ градомъ ядеръ, которые всѣ перелетаютъ черезъ «Владиміръ», не задѣвъ его. Непріятельскій пароходъ, видимо, старается отъ насъ уйти и направляется къ берегу. Мы гонимся за нимъ въ близкомъ разстояніи и завязывается жаркій бой, длящійся отъ 10 ч. утра до часа пополудни.

---

*) Это воспоминаніе продиктовано княземъ Викторомъ Ивановичемъ Барятинскимъ въ Маѣ мѣсяцѣ 1855 года въ Отрадѣ сестрѣ своей графинѣ Ольгѣ Ивановнѣ Орловой-Давыдовой и здѣсь помѣщается въ переводѣ съ Французскаго подлинника. Тутъ много такого, чего не имѣется въ позднѣйшемъ Русскомъ изложеніи (см. „Русскій Архивъ“ 1904). П. Б.

Во время боя командиръ Египетскаго парохода стоитъ на мостикѣ между кожухами и оттуда отдаетъ приказанія и ободряетъ свою команду. Я нахожусь на бакѣ, направляя стрѣльбу нѣкоторыхъ орудій, наносящую большія поврежденія корпусу и рангоуту непріятельскаго парохода. Около половины перваго я вижу, что Турецкій командиръ сраженъ ядромъ, также и мостикъ на которомъ онъ стоялъ. Корниловъ желаетъ поскорѣе покончить дѣло и велитъ приблизиться къ непріятелю на ружейный выстрѣлъ и стрѣлять въ него картечью. Тоже дѣлаетъ и Турокъ.

Во время боя я оборачиваюсь въ сторону, гдѣ стоялъ Корниловъ и вижу его адъютанта Желѣзнова навзничъ лежащаго на десантномъ боту головой внизъ и могущаго, упасть въ море. Устремляюсь къ нему, перескакивая черезъ тѣло матроса, только что пораженнаго картечью въ голову, я во-время схватываю Желѣзнова, паденіе котораго не было замѣчено другими. Я его держу за руку и за волосы. Корниловъ подбѣгаетъ и помогаетъ мнѣ его удержать; но мы, къ великому горю, видимъ, что онъ смертельно раненъ картечью въ шею. Его сносятъ въ каюту, гдѣ онъ скоро умираетъ, не сказавъ ни единаго слова. Бой все продолжается; наши ядра и картечь пробиваютъ бортъ и палубу непріятеля, и мы видимъ летающіе осколки дерева. Наконецъ около 1 часа дня непріятель спускаетъ флагъ и одинъ изъ Турецкихъ офицеровъ размахиваетъ этимъ флагомъ, и бросаетъ его на палубу, чтобы яснѣе намъ дать понять, что онъ сдается.

Мы тогда были совсѣмъ близко отъ непріятеля, и я, къ великому своему удивленію, вижу Турокъ, сидящихъ на палубѣ и курящихъ трубки, среди труповъ убитыхъ, какъ ни въ чемъ не бывало, точно они сидятъ въ кофейнѣ на базарѣ. Мы посылаемъ сперва туда легкую шлюпку съ лейтенантомъ Ильинскимъ, чтобы овладѣть пароходомъ, а потомъ два барказа для своза къ намъ плѣнныхъ. Первый Турокъ, поднявшійся къ намъ на «Владимиръ», кажется полагаетъ, что ему тотчасъ отрубятъ голову. Лицо его выражаетъ смертельный испугъ, но и покорность къ судьбѣ. Нашъ командиръ Бутаковъ, хорошо знающій Турокъ, ихъ успокоиваетъ, отводитъ отдѣльную каюту офицерамъ, которыхъ было около двѣнадцати, а остальную Турецкую команду посылаетъ на бакъ. Лишь только Ильинскій оказался на пароходѣ, мы видимъ поднятыми свой. Андреевскій флагъ, а подъ нимъ Турецкій. Корниловъ поручаетъ мнѣ наблюденіе за ранеными, какъ нашими, такъ и Турецкими. Судовой врачъ въ окровавленномъ фартукѣ и съ засученными рукавами дѣлаетъ свое дѣло, одинаково относясь къ христіанамъ и мусульманамъ. Затѣмъ наступаетъ время обѣда, и Корниловъ приглашаетъ плѣнныхъ офицеровъ, среди которыхъ былъ мулла, отобѣдать съ нами. Офицеры эти, покрытые кровью и только что вышедшіе изъ столь смертельнаго

боя, казались совершенно спокойными и непринужденными, разговариваютъ и даже шутятъ съ нами. Они сообщаютъ, что ихъ командиръ, родомъ изъ Черкесъ, рѣшился умереть, но не сдаваться; онъ былъ пріятелемъ Саида-паши*) и извѣстенъ своей храбростью. Въ продолженіе 2-хъ часовъ мы стояли на мѣстѣ и чинили поврежденія взятаго парохода, дабы онъ могъ дойти до Севастополя, и мы затѣмъ идемъ туда, взявъ «Первазъ-Бахри» на буксиръ. Вскорѣ мы открываемъ на Сѣверѣ эскадру изъ 6 большихъ судовъ и въ тоже время различаемъ по другому направленію верхніе паруса тѣхъ судовъ, которыхъ мы видѣли утромъ.

Будучи увѣрены, что послѣдніе принадлежатъ къ эскадрѣ Нахимова, предполагаемъ, что эскадра, видимая на Сѣверѣ, непріятельская. Чтобы въ томъ удостовѣриться, Корниловъ приказываетъ пароходу «Первазъ-Бахри», на которомъ уже была Русская команда подъ начальствомъ лейтенанта Попандопуло, идти прямо въ Севастополь, а мы сами направляемся къ подозрительной эскадрѣ. Спустя нѣкоторое время мы узнаемъ въ ней эскадру Новосильскаго, сигналомъ приказываемъ «Первазу-Бахри» (который былъ еще въ виду) подойти къ намъ, и мы проходимъ вдоль всей линіи нашихъ кораблей съ нашимъ призомъ на буксирѣ, что̀ вызываетъ восторженное ура судовыхъ командъ посланныхъ по вантамъ. Мы подходимъ подъ корму «Трехъ Святителей», и Корниловъ велитъ Новосильскому идти на соединеніе съ Нахимовымъ.

Пока все это происходитъ, наши плѣнные Турки удивляютъ насъ тѣмъ невозмутимымъ спокойствіемъ, съ которымъ сидятъ у насъ на палубѣ. Прощаемся съ Новосильскимъ и беремъ курсъ на Севастополь. На этомъ переходѣ новый командиръ «Перваза-Бахри» бросаетъ трупы убитыхъ за бортъ и приводитъ въ порядокъ пароходъ, облитый кровью и покрытый обломками.

6 Ноября. Открываются Южнобережскія горы, и около полуночи мы находимся на высотѣ Херсонесскаго маяка. Недалеко отъ входа въ бухту мы видимъ пароходъ, дѣлаемъ ему ночные сигналы; но онъ на нихъ не отвѣчаетъ, что̀ намъ представляется подозрительнымъ, и мы къ нему подходимъ, зарядивъ свои орудія въ полной готовности дать ему залпъ въ случаѣ нужды. Вдругъ мы слышимъ съ него голосъ, извѣщающій насъ, что пароходъ этотъ только-что взятъ эскадрой Нахимова у Анатолійскаго берега и идетъ въ Севастополь съ Русской командой подъ начальствомъ лейтенанта барона Крюднера. Ночь проводимъ на мѣстѣ у входа въ бухту.

7 Ноября. Въ 7 часовъ утра мы входимъ на Севастопольскій рейдъ, впереди идетъ «Владиміръ» съ «Первазъ-Бахри» на буксирѣ, а за нимъ

*) Тогдашній вице-король Египетскій.

новый призъ «Мидари-Фиджаретъ». Большой восторгъ Севастопольскихъ жителей, масса шлюпокъ спѣшатъ отовсюду, чтобы посмотрѣть на оба приза, приведенные въ портъ при самомъначалѣ войны.

«Владимиръ» благополучно совершилъ переходъ и имѣлъ только незначительныя поврежденія. Убитыхъ мы имѣли только Желѣзнова и одного матроса, положенныхъ на ютѣ и прикрытыхъ военнымъ флагомъ; раненыхъ было четверо, всѣ тяжело, съ оторванными руками или ногами.

8 Ноября. Лишь только окончился карантинъ, мы отдаемъ послѣдній долгъ покойникамъ. Мы переносимъ Желѣзнова и матроса на Херсонесское кладбище.

Большая часть флотскихъ офицеровъ и тѣ изъ Севастопольскихъ жителей, которые знали Желѣзнова, присоединились къ похоронному шествію, невзирая на отвратительную погоду. Въ продолженіе цѣлаго дня, масса любопытныхъ перебывала на «Первазѣ-Бахри» и на «Фиджаретѣ». «Первазъ-Бахри», пробитый во многихъ мѣстахъ ядрами и бомбами и съ пробоинами близъ ватеръ-линіи, сильно нуждался въ починкѣ. Посылаютъ на него матросовъ для откачиванія воды, проникавшей въ трюмъ и берутъ его на буксиръ для отвода на другое мѣсто.

Подойдя почти къ адмиралтейству, онъ вдругъ идетъ ко дну и люди на немъ еле имѣютъ время спастись. На слѣдующій день приступаютъ къ его подъему, но всѣ усилія остаются безуспѣшными, и это удается только по прошествіи двухъ мѣсяцевъ.

Корниловъ отправляется въ Николаевъ, я остаюсь въ Севастополѣ. «Мидари-Фиджаретъ» тоже посылаютъ въ Николаевъ подъ командою Крюднера, но онъ возвращается на слѣдующій день, испытавъ въ морѣ штормъ, отъ котораго чуть не погибъ. Князь Меншиковъ въ тотъ же день его снова посылаетъ, но къ Нахимову.

Я отправляюсь въ карантинъ навѣстить плѣнныхъ съ обоихъ призовъ. Команда «Мидари-Фиджарета» была сбродомъ людей разныхъ націй: два машиниста Англичанина, нѣсколько Мальтійцевъ, Грековъ, Черногорцевъ и Словинцевъ, Итальянцы, Турки и Арабы. Славяне высказывали сочувствіе къ Россіи и очень дурно выражались о Турецкомъ правительствѣ. Офицеры «Первазъ-Бахри», знавшіе меня со дня боя, всегда встрѣчали меня съ удовольствіемъ, какъ стараго знакомаго, и одинъ изъ нихъ Египтянинъ, недурно говорившій по-англійски, служилъ переводчикомъ. Всѣ офицеры помѣщались въ одной комнатѣ и строго исполняли обряды предписанные кораномъ. Я ихъ иногда находилъ всѣхъ стоящими на колѣняхъ, лицомъ на Востокъ, пока мулла читалъ молитвы, и они тогда ни на кого не обращали вниманія. Съ ними обращаются отлично, и они кажутся довольными, но Англичане жалуются на содержаніе со-

вмѣстно съ Турками, въ отношеніи къ которымъ выказываютъ полное отвращеніе и презрѣніе.

Адмиралъ Новосильскій возвращается съ своими кораблями въ Севастополь; почти вслѣдъ за нимъ приходитъ бригъ «Эней» и сообщаетъ, что видѣлъ Турецкую эскадру между Крымомъ и Анатолійскимъ берегомъ. Князь Меншиковъ тотчасъ отсылаетъ въ погоню за ней адмирала Новосильскаго и велитъ еще двумъ кораблямъ, стоявшимъ въ Севастополѣ, крейсеровать одному около Херсонскаго маяка, а другому вдоль южнаго берега Крыма.

Нѣкоторыя изъ судовъ Нахимова и Новосильскаго, получившія аваріи, возвращаются въ Севастополь, но передъ самымъ входомъ въ бухту испытываютъ страшный штормъ; пароходы высылаются для взятія ихъ на буксиръ. Корабль «Уріилъ» чуть не погибаетъ у входа въ бухту. Пароходъ «Бессарабія» присланъ въ Севастополь Новосильскимъ для сообщенія князю Меншикову, что всѣ Турецкія суда, которыхъ видѣли въ разныхъ мѣстахъ, теперь собраны въ числѣ 13 фрегатовъ и пароходовъ въ Синопскомъ портѣ и что они стояли въ ордерѣ баталіи вдоль берега, на которомъ было возведено нѣсколько фортовъ. Нахимовъ извѣщаетъ князя Меншикова, что считаетъ возможнымъ съ имѣющейся подъ его начальствомъ эскадрой вполнѣ уничтожить непріятельскія суда, и князь даетъ ему приказаніе атаковать. Тѣмъ временемъ Корниловъ прибываетъ въ Севастополь. На слѣдующій день, 17-го Ноября, онъ отправляется на пароходо-фрегатѣ «Одесса» съ пароходо-фрегатами «Херсонесъ» и «Крымъ». На послѣднемъ находился контръ-адмиралъ Памфиловъ. Я отправляюсь съ Корниловымъ, также и Сколковъ, командированный княземъ Меншиковымъ. У насъ хорошій переходъ, но на слѣдующее утро, 18-го числа, находитъ столь густой туманъ, что въ 20-ти саженяхъ ничего не видно, и мы вынуждены подвигаться самымъ малымъ ходомъ, чтобы не наскочить на камни, такъ-какъ знаемъ, что берегъ близокъ. Около 11 утра туманъ разсѣевается, и мы влѣво отъ себя видимъ высокій Синопскій мысъ.

Мы двигаемся къ рейду, и можно уже различить городъ за перешейкомъ, какъ вдругъ мы видимъ полосу бѣлаго дыма вдоль всей длины Синопской бухты. Сильное возбужденіе: мы догадываемся, что Нахимовъ уже вступилъ въ бой съ непріятелемъ, сожалѣемъ, что насъ еще тамъ нѣтъ и напрягаемъ ходъ машины. Вскорѣ уже видны разрывающіеся въ воздухѣ снаряды надъ городомъ, другіе снаряды падаютъ въ море въ нашу сторону. Вслѣдъ за тѣмъ слышенъ сильный взрывъ за горой. Страшное недоумѣніе: мы понимаемъ, что это корабль взлетѣлъ на воздухъ, но какой? Нашъ ли или непріятельскій, за горой не видно. Наконецъ мысъ обогнутъ, и мы видимъ рейдъ и всѣ наши суда въ линіи, извергающія адскій огонь на Турецкія суда и батареи, которыя отвѣ-

чаютъ также яростно. Мы уже подходимъ къ рейду, когда вдругъ видимъ огромный Турецкій трехъ-мачтовый пароходо-фрегатъ, выходящій изъ среди дыма и нашихъ судовъ. Онъ проходитъ мимо нихъ и держитъ курсъ прямо на насъ. Наши фрегаты, «Коварна» «Кулевчи» и держащіеся подъ парусами въ одной приблизительно милѣ среди нашей эскадры, всячески маневрируютъ съ цѣлью преградить ему выходъ; но онъ весьма искусно пользуется своимъ преимуществомъ пароваго двигателя и продолжаетъ идти на насъ, видя въ насъ слабаго противника. Завидя вскорѣ «Крымъ», а затѣмъ и «Херсонесъ» идущій за нами, онъ круто мѣняетъ курсъ и направляется къ берегу снова подъ выстрѣлы фрегатовъ.

Онъ теперь идетъ на Востокъ вдоль берега, и мы стремимся полнымъ ходомъ по діагонали на пересѣчку его курса. Вскорѣ мы отъ него близко и открываемъ огонь изъ нашихъ носовыхъ и кормовыхъ орудій. Онъ отвѣчаетъ обѣими своими батареями и стрѣляетъ много лучше «Первазъ-Бахри», всѣ его ядра пролетаютъ близко отъ насъ и падаютъ въ воду около насъ. Одно изъ первыхъ ядеръ насквозь пробиваетъ висящую на правой сторонѣ шлюпку, пополамъ перерѣзываетъ унтеръ-офицера стоявшаго на часахъ у флага, и разбиваетъ штурвалъ, контузивъ рулевого. Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ мы лишены возможности управляться и подвергаемся огню непріятеля. Придѣлавъ другой румпель, мы продолжаемъ погоню, но къ великой досадѣ замѣчаемъ, что его ходъ лучше нашего; онъ видимо опережаетъ насъ, и Корниловъ рѣшается прекратить погоню за «Таифомъ», котораго узналъ Бутаковъ, находившійся на «Одессѣ» и видѣвшій «Таифъ» ранѣе въ Константинополѣ.

Онъ скоро исчезаетъ во внезапно наступившемъ туманѣ и вѣроятно спѣшитъ въ Константинополь сообщить о Синопскомъ боѣ, а мы возвращаемся къ своей эскадрѣ. Подходя къ ней открывается величественное зрѣлище. Наши корабли, многіе безъ рей и стенегъ, унесенныхъ ядрами, продолжали еще перестрѣлку съ береговыми батареями и тѣми немногими изъ Турецкихъ фрегатовъ, которые не затонули или не сдѣлались жертвой пламени. Мы проходимъ совсѣмъ близко вдоль всей линіи нашихъ кораблей, и Корниловъ поздравляетъ командировъ и команды, которые отвѣчаютъ восторженными криками ура, офицеры же машутъ фуражками. Подойдя къ кораблю «Императрица Марія», (флагманскому Нахимова) мы садимся на катеръ нашего парохода и отправляемся на корабль, чтобы его поздравить. Корабль весь пробитъ ядрами, ванты почти всѣ перебиты, и при довольно сильной зыби мачты, такъ раскачивались, что угрожали паденіемъ.

Мы поднимаемся на корабль, и оба адмирала кидаются въ объятія другъ другу, мы всѣ тоже поздравляемъ Нахимова. Онъ былъ великолѣпенъ, фуражка на затылкѣ, лицо обагрено кровью, новые эполеты, носъ, все красно отъ крови, матросы и офицеры, большинство которыхъ мои знакомые, всѣ черны отъ порохового дыма, вообще весь корабль имѣлъ крайне боевой видъ. Нахимовъ, увидя меня, говоритъ, что штурманскій офицеръ Плонскій, служившій прежде у меня на яхтѣ, очень отличился во время крейсерства и боя, и что ему оторвало ногу въ самомъ началѣ сраженія. Я спускаюсь внизъ его навѣстить и, проходя черезъ палубы, вижу еще совсѣмъ свѣжіе слѣды этого жаркаго боя. Прислуга у орудій, уже прекратившихъ стрѣльбу, приводила ихъ въ порядокъ. На «Маріѣ» было убитыхъ и раненыхъ больше чѣмъ на другихъ корабляхъ, такъ какъ Нахимовъ шелъ головнымъ въ эскадрѣ. Дойдя до кубрика, прохожу среди раненыхъ и убитыхъ и нахожу Плонскаго, которому только что сдѣлали ампутацію правой ноги выше колѣна. У него былъ сильный жаръ, исказившій черты его лица. Онъ все-таки меня узнаетъ и протягиваетъ мнѣ руку. Я его поздравляю съ участіемъ въ столь славномъ бою, въ которомъ онъ такъ отличился, и сообщаю, что только что слышалъ отъ Нахимова хвалебный отзывъ о его дѣйствіяхъ. Онъ разсказываетъ, что часа два пролежалъ въ жилой палубѣ до ампутаціи и истекъ кровью за это время, вслѣдствіе этого донельзя ослабѣлъ и полагаетъ, что не выживетъ. Онъ главнымъ образомъ боялся, что семья его останется тогда безъ помощи и проситъ меня о ней позаботиться. Затѣмъ начинаетъ шутить и вспоминаетъ о нѣсколькихъ новыхъ парахъ сапогъ, по дорогой цѣнѣ имъ заказанныхъ въ Севастополѣ передъ самымъ уходомъ, и что теперь сапоги съ правой ноги ему уже не нужны. Нахимовъ приглашаетъ меня чай пить къ себѣ въ каюту, но передъ тѣмъ, чтобы сѣсть за столъ, ведетъ Корнилова и меня на кормовой балконъ адмиральской каюты полюбоваться видомъ.

Большая часть города горѣла, древнія зубчатыя стѣны съ башнями, эпохи среднихъ вѣковъ, выдѣляются рѣзко на фонѣ моря пламени. Большинство Турецкихъ фрегатовъ еще горѣло, и когда пламя доходило до заряженныхъ орудій, происходили сами собой выстрѣлы, и ядра перелетали надъ нами, что̀ было очень непріятно. Мы видѣли, какъ фрегаты, одинъ за другимъ, взлетали на воздухъ. Ужасно было видѣть, какъ находившіеся на нихъ люди бѣгали, метались на горѣвшихъ палубахъ, не рѣшаясь вѣроятно кинуться въ воду. Нѣкоторыхъ было видно сидящихъ неподвижно и ожидающихъ смерти съ покорностью фатализма. Мы замѣчаемъ стаи морскихъ птицъ и голубей, выдѣляющихся на багровомъ фонѣ озаренныхъ пожаромъ облаковъ. Весь рейдъ и наши корабли до

того ярко были освѣщены пожаромъ, что наши матросы работали надъ починками судовъ, не нуждаясь въ фонаряхъ. Въ тоже время весь небосклонъ, на Востокъ отъ Синопа, казался совсѣмъ чернымъ. Адмиралъ Нахимовъ поручаетъ мнѣ нарисовать эту картину; я говорю, что это свыше моихъ силъ, но все таки означаю на листѣ бумаги главныя примѣтныя черты вида, отмѣтивъ записью цвѣтъ, которымъ онѣ были окрашены, также расположеніе нашихъ судовъ, чтобы имѣть возможность разсказать все это потомъ какому-нибудь живописцу. Мы возвращаемся затѣмъ въ адмиральскую каюту и садимся за чай. Нахимовъ въ отличномъ расположеніи духа и много говоритъ о самомъ сраженіи и предшествующихъ ему событіяхъ. Пальто его, висѣвшее въ каютѣ, было изорвано ядрами. Замѣтивъ, что одинъ изъ Турецкихъ фрегатовъ, былъ прижатъ къ берегу и не горѣлъ, адмиралъ посылаетъ «Одессу», чтобы взять фрегатъ на буксиръ и, если возможно, спасти его.

Это поручается Бутакову. На фрегатѣ находилось еще около 150 человѣкъ, которые сдаются въ плѣнъ Бутакову. Въ одной изъ каютъ находятъ офицера, раненаго деревяннымъ осколкомъ и еще живого. Находятъ также массу труповъ и умирающихъ людей, объ участи которыхъ остальные Турки вовсе не заботились.

Фрегатъ одинъ изъ лучшихъ въ Турецкомъ флотѣ. Орудія на немъ всѣ мѣдныя, каюты роскошно устроены, и на фрегатѣ находятъ много цѣннаго оружія, часы, много золотыхъ монетъ, принадлежавшихъ офицерамъ. Корниловъ возвращается къ 11 ч. вечера на «Одессу», которая съ большимъ трудомъ стаскиваетъ фрегатъ съ мели и беретъ его на буксиръ, чтобы вывести на рейдъ.

Проходя мимо корабля «Три Святителя», вѣтеръ вдругъ крѣпчаетъ и наваливаетъ буксируемый фрегатъ на бушпритъ корабля, при чемъ фрегатская бизань-мачта цѣпляется за рангоутъ «Трехъ Святителей». Они довольно долго остаются сцѣпленными такимъ образомъ, и не удается ихъ высвободить. Матросы съ бушприта корабля, подобно кошкамъ, спускаются по снастямъ на фрегатъ и на немъ хозяйничаютъ. Мы возимся съ фрегатомъ до разсвѣта, и тогда къ великой досадѣ убѣждаемся, что онъ получилъ столько пробоинъ, что нѣтъ возможности ему идти въ море и, такъ-какъ у насъ было достаточно работы надъ починкою собственныхъ судовъ, то адмиралъ приказываетъ уничтожить фрегатъ.

Съ этой цѣлью на немъ ставятъ паруса и направляютъ его такъ, чтобы попутнымъ вѣтромъ его пригнало на берегъ. Снимаютъ съ него всѣхъ людей плѣнныхъ и нашихъ и оставляютъ въ нижней палубѣ го-

рючія вещества съ зажженнымъ фителемъ. Черезъ нѣсколько времени мы видимъ, что фрегатъ загорѣлся, и его выбрасываетъ на берегъ, гдѣ онъ догораетъ и наконецъ около 2-хъ часовъ пополудни взлетаетъ на воздухъ.

19 Ноября. Посланы шлюпки къ двумъ Турецкимъ фрегатамъ, выброшеннымъ на берегъ и лежащимъ на боку, подобрать людей, если окажутся, и на одномъ изъ нихъ находятъ начальника эскадры адмирала Османа-пашу, нѣсколько командировъ и офицеровъ и около 120 человѣкъ команды. Въ числѣ ихъ находился и командиръ фрегата Фазли-Аллахъ (Богомъ данный?), бывшаго нашего фрегата «Рафаилъ» ,попавшагося въ плѣнъ въ предыдущую Турецкую войну и нынѣ уничтоженнаго въ Синопскомъ бою. Очень пріятно думать, что Туркамъ, которые его старательно берегли, не придется больше показывать его въ Константинополѣ въ видѣ Русскаго трофея. У бѣднаго Османа-паши была сломана нога, и онъ приказалъ перенести себя съ флагманскаго фрегата на несгорѣвшій фрегатъ, желая умереть на своемъ посту, а не на берегу. За сутки, протекшіе со времени сраженія не только о немъ не позаботились, но даже собственные матросы ему грубили и его ограбили. Его сажаютъ на катеръ вмѣстѣ съ нѣсколькими Турецкими командирами и офицерами для доставленія на «Одессу», гдѣ мы находимся, остальныхъ плѣнныхъ отвозятъ на другіе наши суда, оба же фрегата зажигаютъ. Во время переѣзда на катеръ, мы видимъ ядра летящія съ догоравшихъ фрегатовъ; они рикошетомъ пролетаютъ вокругъ катера и долетаютъ почти до самаго нашего парохода. Османъ-паша пристаетъ къ нашему правому трапу, и Корниловъ, окруженный своимъ штабомъ, готовится его встрѣтить со всѣми почестями, оказываемыми побѣжденнымъ. Съ большимъ трудомъ удается вынести бѣднаго пашу на верхъ. Это былъ старикъ лѣтъ шестидесяти, и повидимому онъ испытывалъ ужасныя страданія*). Наконецъ онъ на палубѣ, и его бережно спускаютъ внизъ въ большую каюту и кладутъ на удобную кровать. Судовой врачъ осматриваетъ его рану весьма тяжкую и накладываетъ перевязку. Всѣ окружающіе выказываютъ ему живое участіе, онъ видимо этимъ тронутъ до слезъ и дѣлаетъ привѣтствіе по турецки, прикасаясь рукой къ своему лбу. Онъ довольно бѣгло объясняется по итальянски и съ негодованіемъ разсказываетъ, какъ его свои же ограбили.

---

*) По словамъ служителя князя Виктора Ивановича Ѳ. К. Крикунова, бывшаго тоже тогда на „Одессѣ", Османъ-паша все говорилъ несшимъ его матросамъ „я вашъ", что значитъ *потише* по турецки. Наши-же про себя говорили: знаемъ братъ, что ты теперь нашъ.

Одинъ только юный гардемаринъ и невольникъ Египтянинъ ему не измѣнили.

Нахимовъ послѣ полдня посылаетъ парламентера въ городъ съ письмомъ, написаннымъ имъ по-французски и адресованнымъ къ Австрійскому консулу, флагъ котораго на занимаемомъ имъ домѣ былъ виденъ съ рейда. Нашего парламентера встрѣчаютъ въ городѣ одни только Греки, такъ какъ всѣ жители-Турки бѣжали за городъ.

Въ продолженіе дня мы совершаемъ на «Одессѣ» прогулку вдоль всего городского побережья для осмотра батарей и послѣдствій нашей бомбардировки. Мы видимъ у берега остатки и раскиданные обломки взорванныхъ на воздухъ судовъ и среди нихъ массу труповъ. По мѣрѣ нашего приближенія живые Турки, занятые разграбленіемъ убитыхъ товарищей, покидаютъ свою добычу и уползаютъ съ награбленнымъ имуществомъ.

Передъ закатомъ солнца съ моря виденъ пароходъ, идущій въ Синопъ. Черезъ нѣсколько времени узнаёмъ въ немъ «Громоносца», посланнаго кн. Меншиковымъ съ цѣлью узнать о результатѣ сраженія. Лишь только онъ останавливается, мы пересаживаемся на него съ Корниловымъ, оставивъ Османа-пашу на «Одессѣ».

20 Ноября. За исключеніемъ «Императрицы Маріи», починки которой не окончены, всѣ корабли эскадры готовы къ 2 час. пополудни вступить подъ паруса. Оставляютъ въ Синопѣ «Марію», съ которой Нахимовъ переходитъ на «Константина», два фрегата и одинъ пароходъ подъ начальствомъ контръ-адмирала Памфилова до окончанія исправленія «Маріи», а всѣ остальные корабли ставятъ паруса и отправляются въ путь, при чемъ наиболѣе пострадавшіе буксируются пароходами.

Мы на «Громоносцѣ» буксируемъ «Ростиславъ» и только что обогнули мысъ, встрѣчаемъ сильную зыбь отъ Нордъ-оста, прибивающую насъ, при маловѣтріи, къ прибрежнымъ скаламъ. Пароходъ такъ качаетъ, что кожухи поочередно погружаются въ воду, и на палубѣ стоять невозможно.

Сигналомъ спрашиваемъ у «Ростислава», сколько у него ходу. Онъ показываетъ два узла, затѣмъ одинъ узелъ и наконецъ отсутствіе хода. Къ счастью обычное прибрежное теченіе моря, направляющееся здѣсь съ Запада на Востокъ, приходитъ на помощь эскадрѣ, отдаляя ее отъ берега, и вскорѣ мы имѣемъ удовольствіе видѣть ее плывущею подъ

всѣми парусами въ полной безопасности. Мы отдаемъ буксиръ «Ростислава» и держимъ курсъ на Севастополь, оставивъ всѣ остальные пароходы въ распоряженіе Нахимова.

Послѣ довольно бурнаго перехода, заставившаго насъ очень безпокоиться объ участи эскадры, мы приходимъ 22-го числа въ 11 ч. вечера въ Севастополь и отдаемъ якорь очень близко отъ Графской пристани. Весь городъ былъ погруженъ въ сонъ, и слышно было только перекликаніе часовыхъ. Будучи въ карантинѣ, мы не можемъ отправить шлюпку на берегъ.

Наконецъ, мы слышимъ приближающуюся къ намъ шлюпку, и Корниловъ словесно приказываетъ находящемуся на ней офицеру явиться къ князю Меншикову и донести, что Турецкая эскадра уничтожена, а что наша не потеряла ни одного корабля и находится на пути въ Севастополь. Обрадованный извѣстіемъ офицеръ проситъ у Корнилова разрѣшенія прокричать ура со своими гребцами и возвращается на берегъ. Черезъ нѣсколько минутъ мы слышимъ десятокъ голосовъ офицеровъ, возвращавшихся изъ клуба, кричащихъ ура, что̀ есть мочи, въ ночной тишинѣ.

Извѣстіе быстро распространяется, такъ какъ команда ошвартовленнаго у берега парохода покидаетъ койки и восторженно кричитъ ура. Мы ждемъ отвѣта кн. Меншикова, и чрезъ полчаса является Краббе*) и отъ имени кн. Меншикова приноситъ поздравленіе—вотъ и все.

23 Ноября въ 9 утра кн. Меншиковъ, на основаніи своихъ полномочій, выпускаетъ Корнилова со штабомъ изъ карантина, пароходъ же остается еще нѣсколько дней подъ желтымъ карантиннымъ флагомъ. Утромъ насъ увѣдомляютъ, что наша эскадра видна, держащая на Севастополь. Все населеніе, при этомъ извѣстіи, устремляется къ пристани, садится на шлюпки или располагается у берега. Какъ нарочно была дивная погода. Всѣ пароходы высылаются для буксировки, и вскорѣ эскадра входитъ на рейдъ съ Нахимовымъ во главѣ. Корабли носятъ еще свѣжіе слѣды выдержаннаго боя, у нѣкоторыхъ недостаетъ стенегъ, у другихъ рей, и на всѣхъ виднѣлись ядерныя пробоины, которыя не успѣли задѣлать. Въ это время народъ на берегу кричитъ ура и кидаетъ вверхъ шапки, команды со всѣхъ стоявшихъ на рейдѣ судовъ взбѣгаютъ на ванты и реи и оглашаютъ воздухъ криками, на которые отвѣчаютъ восторженно команды съ побѣдоносной эскадры. Какъ только

*) Будущій управляющій Морскимъ Министерствомъ.

эскадра стала на якорь, она тотчасъ окружена массой шлюпокъ съ офицерами и женщинами, торопящимися привѣтствовать и поздравить отцовъ, мужей, братьевъ и сыновей.

Князь Меншиковъ отправляется на катерѣ и держится подъ кормой корабля «В. К. Констатинъ». Корниловъ за нимъ слѣдуетъ, и я его сопровождаю. Нахимовъ въ вицъ-мундирѣ съ киверомъ на затылкѣ стоялъ на кормовомъ балконѣ корабля «В. К. Константинъ». Князь Меншиковъ съ катера поздравляетъ его съ побѣдой. Нахимовъ отвѣчаетъ, что не могло быть иначе и что для него особенно пріятно видѣть, какъ отлично дѣйствовали офицеры и матросы при починкѣ въ столь короткое время поврежденій на корабляхъ, чѣмъ они себя выказали отличными моряками.

Кн. Меншиковъ возвращается на пристань, а Корниловъ остается, долго разговариваетъ съ Нахимовымъ и, между прочимъ, проситъ его отправить князю подробное донесеніе о сраженіи. Нахимовъ отвѣчаетъ, что подобная работа ему не столь привычна и упрашиваетъ Корнилова принять этотъ трудъ на себя. Затѣмъ мы объѣзжаемъ вдоль всей эскадры, и Корниловъ у каждаго командира освѣдомляется о нуждахъ ихъ кораблей. Несчастный Нахимовъ вынужденъ выдержать со всей своей эскадрой шестидневный карантинъ. Въ тотъ же день князь Меншиковъ предлагаетъ мнѣ отправиться въ Тифлисъ съ депешами, извѣщающими князя Воронцова о Синопскомъ боѣ, имѣвшимъ для него большое значеніе, такъ какъ у насъ были довольно вѣскія причины полагать, что разбитая нами Турецкая эскадра предназначалась для высадки войскъ въ Сухумѣ или Ретутъ-кале.

Я очень обрадованъ этимъ порученіемъ, такъ какъ оно даетъ мнѣ случай повидаться съ братомъ Александромъ.

Передъ отъѣздомъ я являюсь къ кн. Меншикову. Онъ въ отличномъ расположеніи духа, долго со мной говоритъ и поручаетъ передать поклонъ кн. Воронцову и Александру, а также передаетъ свою депешу на имя кн. Воронцова. Выѣзжаю въ легкой коляскѣ. На пути заѣзжаю на короткое время въ Ѳеодосію къ Айвазовскому, описываю ему Синопскій бой и передаю сдѣланный мною рисунокъ. Онъ въ восторгѣ и отъ счастливой вѣсти, и отъ мысли написать картины, которыя передадутъ потомству изображеніе славнаго подвига нашего флота. Многіе изъ жителей Ѳеодосіи, разслышавъ о привезенномъ мною извѣстіи, прибѣгаютъ къ Айвазовскому съ громкими выраженіями своей радости, такъ какъ они съ самаго начала войны боялись нападенія непріятельскихъ судовъ на свой почти беззащитный городъ. Уже солнце зашло,

когда я отправляюсь далѣе, не слушаясь увѣщаній Ѳеодосійскихъ жителей и провожу въ пути прескверную ночь, въ полной темнотѣ; ямщикъ нѣсколько разъ сбивается съ дороги, и мы опрокидываемся въ лужи. Къ вечеру на слѣдующій день попадаю въ Керчь и заѣзжаю къ градоначальнику князю Гагарину съ цѣлью получить «открытый листъ» и конвой до Ставрополя. Онъ мнѣ даетъ для переѣзда въ Тамань винтовую шкуну «Аргонавтъ». Быстро мчусь по Кубанской линіи до Ставрополя и, проѣхавъ нѣсколько далѣе, узнаю въ скачущемъ навстрѣчу курьерѣ морского офицера Савинича. Мы оба останавливаемся, и оказывается, что онъ везетъ кн. Меншикову извѣстіе о разбитіи Турецкой арміи подъ Башкадыкляромъ. Въ отвѣтъ сообщаю ему о Синопской побѣдѣ, и мы, прокричавъ ура, мчимся въ разныя стороны по мерзлой грязи въ почтовыхъ телѣгахъ. Переваливъ, послѣ многихъ приключеній, черезъ Кавказскій хребетъ, достигаю наконецъ Тифлиса, въ ночь на 2-е Декабря, и стучусь къ брату Александру. Насилу разбудивъ вѣстовыхъ и камердинера Исая, вхожу къ нему въ спальню. Онъ вскакиваетъ съ постели, обнимаетъ меня, накидываетъ халатъ, и мы переходимъ въ кабинетъ, гдѣ затопленъ каминъ и поданъ чай. Я ему показываю свой запечатанный пакетъ, и къ великому моему изумленію онъ его беретъ, вскрываетъ и начинаетъ читать, объяснивъ, что тотчасъ замѣтилъ, что пакетъ оффиціальный и поэтому, какъ начальникъ штаба, можетъ его вскрыть. Завтра же утромъ онъ хочетъ меня представить Воронцову. Братъ заставляетъ меня разсказать о всемъ, что у насъ дѣлается и о Синопскомъ сраженіи, послѣдствія котораго ему кажутся крайне важными. Онъ былъ того мнѣнія, что оно вызоветъ объявленіе войны со стороны Англіи и Франціи и что ихъ силы вмѣстѣ съ Турецкими будутъ сперва направлены на нашъ Закавказскій край, которымъ завладѣть для нихъ не будетъ очень трудно.

Бесѣда наша длится до 3-хъ час. утра, когда мы ложимся спать, а утромъ въ 8 часовъ мы вмѣстѣ отправляемся во дворецъ намѣстника. Александръ входитъ къ нему въ кабинетъ, куда вскорѣ вводятъ и меня. Воронцовъ принимаетъ меня очень ласково и обнимаетъ. Онъ, кажется, искренно радуется привезенному мною извѣстію. Вскорѣ являются княгиня, графиня Шаузель и молодой Семенъ Михайловичъ и меня радушно привѣтствуютъ. Князь немедленно велитъ издать приказъ объявляющій о Синопской побѣдѣ, также заказываетъ торжественный молебенъ со звономъ колоколовъ со всѣхъ церквей.

*

Генералъ-меломанъ и солдаты занесенные снѣгомъ.

Возвращаясь въ Декабрѣ 1853-го года въ Севастополь изъ Тифлиса, куда я возилъ князю Воронцову извѣстіе о Синопскомъ сраженіи и, испытавъ дорогою по Дарьяльскому ущелью и въ степяхъ за Ставрополемъ препятствія всякаго рода и разныя приключенія, я переѣхалъ изъ Тамани въ Керчь. Тамъ я взялъ какой-то легкій открытый экипажъ и на четверкѣ почтовыхъ направился къ Ѳеодосіи.

Погода была ужасная, продолжительные дожди послѣ глубокаго снѣга привели дороги въ такое состояніе, что ѣзда по невылазной грязи дѣлалась чрезвычайно затруднительною.

Въ день моего выѣзда изъ Керчи, послѣ томительной ѣзды, около девяти часовъ вечера, лошади, съ трудомъ меня до тѣхъ поръ тащившія, вдругъ остановились и отказались везти далѣе. Кругомъ было море глубокой грязи, ни одного жилища, вѣтеръ ревѣлъ вокругъ и шелъ проливной дождь. Положеніе было вполнѣ безотрадное. Станціи по обѣ стороны были на разстояніи около 12-ти верстъ. Послѣ часто повторяемыхъ, но тщетныхъ попытокъ сдвинуться съ мѣста, посредствомъ неистовыхъ криковъ насъ всѣхъ и ударовъ кнута, я велѣлъ кучеру отпрячь лошадей, вести ихъ на станцію и возвратиться со свѣжими лошадьми. Мы сидѣли всю ночь, я и мой поваръ, въ экипажѣ, на дождѣ и холодѣ, и только съ разсвѣтомъ увидали мы ямщика, подъѣзжавшаго съ шестерикомъ почтовыхъ лошадей, съ трудомъ выволакивающихъ ноги изъ грязи. Ямщикъ сомнѣвался въ возможности довезти меня до станціи и предложилъ мнѣ ѣхать въ близъ лежащую, всего въ 5-ти или 6-ти верстахъ, усадьбу, принадлежавшую какому-то генералу.

Я согласился на его предложеніе, и мы свернули съ дороги въ сторону; наконецъ, не безъ труда, доѣхали до усадьбы. Тамъ былъ довольно большой садъ, много тополей и двухъ-этажный домъ, весьма похожій на помѣщичій домъ внутреннихъ губерній Россіи, съ флигелемъ, службами и хозяйственными постройками. Я велѣлъ доложить о себѣ хозяину дома. Онъ весьма радушно принялъ меня, прося оставаться у него сколько мнѣ будетъ угодно. Онъ отвелъ мнѣ комнату, гдѣ я могъ умыться и переодѣться, и угостилъ меня прекраснымъ обѣдомъ съ необыкновенно вкуснымъ Малороссійскимъ борщомъ.

Онъ былъ старый холостякъ, фамилія его была Ладинскій. Сподвижникъ и товарищъ знаменитаго Кавказскаго генерала и легендарнаго героя Котляревскаго, онъ мнѣ много разсказывалъ про войны тѣхъ вре-

менъ и про подвиги своего друга. Домъ его. довольно просторный, былъ меблированъ очень просто: въ гостиной диванъ, стулья и столы были чинно и симетрично разставлены; въ углу большой въ богатой оправѣ образъ, на стѣнахъ портреты (Государя, Ермолова, Котляревскаго), нѣсколько картинъ, изображающихъ сраженія, по угламъ тропическія растенія въ большихъ кадкахъ. Вечеромъ, послѣ ужина, мы сидѣли вдвоемъ въ гостиной, какъ вдругъ дверь сосѣдней комнаты отворилась, и тамъ показались музыканты, человѣка четыре. Они заиграли на разныхъ струнныхъ инструментахъ что-то въ родѣ квартета, потомъ тѣже люди пропѣли пѣсни, большею частью Малороссійскія. Сюрпризъ былъ для меня полный, и старый добродушный генералъ былъ въ восторгѣ, что концертъ мнѣ понравился. Музыканты были его крѣпостные и, сколько помню, изъ Полтавскаго его имѣнія.

Общество его доставило мнѣ необыкновенное удовольствіе, и онъ мнѣ показался типомъ военнаго человѣка прежнихъ временъ, въ высшей степени занимательнымъ и симпатичнымъ.

На слѣдующій день погода была еще такъ дурна и грязь такъ глубока, что онъ безъ особеннаго труда удержалъ меня и на второй день. Наконецъ, на третій день утромъ я выѣхалъ изъ усадьбы Ладинскаго, который велѣлъ впрячь въ мою коляску двѣ пары воловъ и въ тоже время послалъ со мною четверку своихъ упряжныхъ лошадей на всякій случай.

Мы поѣхали по какой-то проселочной дорогѣ, ближе къ берегу морскому. Волы вывозили экипажъ изъ грязи, но шли очень медленно. Мужикъ, природный хохолъ, поощрялъ ихъ разными криками и словами, отъ которыхъ помиралъ со смѣха ѣдущій со мною мой поваръ Ѳеодоръ. Погоняя воловъ, онъ звалъ одного полицмейстеромъ, другого почтмейстеромъ и т. п. съ чисто-Малороссійскимъ акцентомъ и какъ будто съ особымъ наслажденіемъ и не безъ намѣренія стегая ихъ при этомъ кнутомъ; можетъ быть, были у него съ лицами, занимавшими когда-то подобныя должности, старые счеты.

Поздно вечеромъ мы доѣхали до Ѳеодосіи, гдѣ я не хотѣлъ оставаться, желая пріѣхать на слѣдующій день въ Севастополь. Сдѣлавъ визитъ Айвазовскому и оставивъ тамъ свою коляску, я пустился въ тотъ же вечеръ на перекладныхъ въ дальнѣйшій путь, не смотря на совѣты всѣхъ не рисковать ѣхать ночью въ такую дурную погоду.

Метель и вьюга поднялись уже въ то время, и на разстояніи немногихъ верстъ отъ города поля были занесены снѣгомъ, скрывавшимъ

всякій слѣдъ пути. Сила вѣтра все возрастала, и вскорѣ ревѣлъ уже настоящій ураганъ. Опасность была немалая, ночь темная, и морозъ въ страшной степени усиливался. Лошади съ трудомъ подвигались противъ вѣтра, но наконецъ, можно сказать какимъ-то чудомъ, мы подъѣхали къ почтовой станціи, состоящей изъ маленькаго домика и помѣщенія для почтовыхъ лошадей и телѣгъ.

Я вошелъ въ станціонную комнату, которая оказалась холодною. Я былъ весь въ снѣгу, мѣхъ отъ моего воротника примерзъ къ моимъ усамъ и бакенбардамъ, и я съ крикомъ звалъ смотрителя, котораго не безъ труда вытащилъ; онъ гдѣ-то скрывался и казался испуганнымъ. Я велѣлъ ему затопить печку и поставить самоваръ. Наконецъ я могъ согрѣться и вполнѣ насладился чувствомъ, что былъ въ теплой комнатѣ и укрылся отъ адской погоды, бушующей въ степи.

Вдругъ вбѣгаетъ станціонный смотритель и говоритъ, что сейчасъ пріѣхалъ чуть живой и не безъ усилій высвободившійся изъ снѣга почталіонъ съ пакетомъ почтовой корреспонденціи, что снѣгъ попалъ внутрь сумки, отчего всѣ письма и пакеты подвергались порчѣ и что онъ боялся отвѣтственности; вмѣстѣ съ тѣмъ не рѣшался вскрыть запечатанную сумку. Онъ просилъ моей помощи и совѣта: я, взявъ все на себя, сломалъ печать, и мы вытащили оттуда всю корреспонденію вымокшую и стали ее сушить. Былъ составленъ актъ, который я подписалъ. Потомъ я легъ на грязный станціонный диванъ и при шумѣ страшныхъ порывовъ вѣтра, отъ котораго дрожалъ весь почтовый домикъ, пробовалъ заснуть.

Я лежалъ нѣсколько времени, какъ дверь съ трескомъ отворяется и влетаетъ опять станціонный смотритель. «Что̀ такое? Что̀ вамъ нужно?» спрашиваю я. Онъ въ большомъ волненіи началъ разсказывать, что нѣсколько человѣкъ солдатъ пришли пѣшкомъ и въ неописанномъ страхѣ.

Они были посланы изъ Симферополя въ Ѳеодосію пѣшкомъ къ своей командѣ и, по пути отъ послѣдней станціи, были застигнуты вьюгою, сбились съ дороги и долго бродили. Трое изъ нихъ, изъ молодыхъ рекрутъ, не могли вынести этихъ трудовъ и не могли ходить. Тогда другіе ихъ несли сколько могли, но наконецъ, выбившись изъ силъ, рѣшились оставить товарищей на дорогѣ съ тѣмъ, чтобы поискать помощи. Они умоляли смотрителя принять мѣры для ихъ спасенія; но онъ ничего не могъ сдѣлать, такъ-какъ подчиненные ему ямщики, взобравшись на лежанки, и слышать не хотѣли ни о чемъ, тѣмъ болѣе, что это дѣло не касалось ихъ прямыхъ обязанностей. Тогда я пошелъ къ нимъ, под-

нялъ всѣхъ ямщиковъ и предложилъ имъ сейчасъ же отправиться отыскивать погибающихъ, обѣщая заплатить каждому по рублю и болѣе, подстрекая при семъ ихъ самолюбіе. Они сѣли верхомъ, человѣка три или четыре, и я велѣлъ привязать къ каждой лошади по колокольчику, дабы доставить имъ возможность держаться соединенно и не быть разрозненными. Они пустились въ путь съ обычными Русскому человѣку безстрашіемъ и отвагою и исчезли во мракѣ насъ окружавшемъ. Вскорѣ звонъ колокольчиковъ пересталъ быть слышнымъ.

Я долженъ сказать, что чувствовалъ себя не совсѣмъ спокойнымъ, такъ какъ опасность была большая; они легко могли быть занесены снѣгомъ вмѣстѣ съ лошадьми и окоченѣть отъ холода, что неоднократно случалось въ нашихъ степяхъ. Взятая на себя отвѣтственность легла всей тяжестью на меня, и я не могъ сомкнуть глазъ, прислушиваясь долго ко всякаго рода шуму и звукамъ несущимся извнѣ. Время мнѣ казалось нескончаемымъ, ураганъ ревѣлъ безъ умолку, и домикъ подвергался страшнымъ сотрясеніямъ. Вдругъ послѣ нѣсколькихъ часовъ лихорадочнаго ожиданія, услышалъ я звонъ одного колокольчика, вслѣдъ за тѣмъ другого; я выбѣжалъ на крыльцо, сталъ звать ямщиковъ: всѣ оказались налицо. «Ну, а солдаты?» закричалъ я имъ. «Искали,искали долго по разнымъ направленіямъ, ни одного не нашли!» былъ ихъ отвѣтъ. Итакъ, они всѣ погибли!

На слѣдующее утро, послѣ этой злополучной и тревожной ночи, когда разсвѣло, вѣтеръ началъ стихать, и я велѣлъ запрячь себѣ лошадей, взявъ съ собою нѣсколько человѣкъ ямщиковъ. Дороги почтовой никакихъ слѣдовъ не было видно; но ямщики, знакомые съ мѣстностью, могли, по разнымъ примѣтамъ, узнавать направленіе, по которому слѣдовало ѣхать. Я часто останавливался въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ было болѣе заносовъ; мы сгребали снѣгъ, но всѣ наши розыски оказались тщетными, и я продолжалъ путь черезъ Симферополь и Бахчисарай въ Севастополь.

Вскорѣ послѣ моего возвращенія туда, явился у входа на Севастопольскій рейдъ Англійскій пароходо-фрегатъ «Retribution».

Это было первое, послѣ Синопскаго сраженія, внушеніе намъ со стороны союзниковъ, и пароходъ, носящій это полное угрозъ названіе, пришелъ какъ бы требовать возмездія за погромъ, причиненный нами, состоявшему подъ ихъ опекою Турецкому флоту.

Ялта, 1888 г.

ДНЕВНИКЪ ИВАНА МИХАИЛОВИЧА СНѢГИРЕВА.

1861-й годъ.

Май. 1. День прекрасный, съ утра свѣтлый и теплый. Съ Богомъ начали сѣять овесъ: на 6 десятинъ 18 четвертей. Я ѣздилъ съ Иваномъ и Осипомъ въ Подмаслово къ празднику въ память преп. Пафнутія и въ честь свят. Димитрія. Съ образомъ послѣдняго нѣсколько разъ ходили до обѣдни на коледецъ пѣть молебенъ съ водосвятіемъ. За обѣдней было довольно помѣщиковъ. На ярмаркѣ много народа и довольно слѣпцовъ, кои пѣли про Егорья Храбраго. Я погулялъ по ярмаркѣ между народомъ; торговали картофелемъ, пенькою, краснымъ товаромъ и пр.

2. Я всталъ въ 4 часу, потолковалъ съ крестьянами о пастухѣ, потомъ ходилъ къ обѣдиѣ.

3. Приходилъ приказчикъ Суслова Михайло Иван., выдающій себя за любителя химіи и ботаники.

5. Навѣщалъ больныхъ Катерину и Аксинью Понамареву, смотрѣлъ пересадку молодыхъ яблонь въ новомъ саду и мятье пеньки; написалъ притчу о *мельникѣ*.

5. Во снѣ я видѣлъ, что митроп. Филаретъ изъ темнаго коридора подалъ мнѣ золотой потиръ съ Св. Тайнами, который я, взявъ въ руки съ большою осторожностію, поставилъ на престолъ, гдѣ лежали части отъ тѣла Христова въ видѣ хлѣба. Еще пригрезилась мнѣ кума М. В. Бобарыкина въ церкви, наконецъ печальная процессія погребенія какого-то Сидорова, друга, какъ мнѣ сказалъ кто-то, И. И. Давыдова; ее провожали университетскіе профессора въ мундирахъ и зеленыхъ лентахъ.

6. Память матушки моей Прасковьи Петровны, скончавшейся въ этотъ день 1833 г. Ѣздилъ въ церковь къ заупокойной обѣднѣ и панихидѣ, самъ читалъ часы.

7. Послѣ обѣдни я зашелъ къ Тимоѳеевнѣ потолковать; старуха опытная, умная, добрая и гостепріимная. Вечеромъ я пригласилъ къ себѣ бабъ Марью и Наталью съ дѣвкой Анастасьей и угостилъ ихъ чаемъ, виномъ и брагою, далъ имъ кренделей. Это канунъ моего ангела, который Богъ привелъ мнѣ праздновать одинокому.

8. Священникъ и дьячекъ зазвали меня къ себѣ въ гости. Послѣ обѣда приходилъ священникъ съ дьякономъ и причетниками, съ крестомъ и съ поздравленіемъ, пили у меня чай и пѣли мнѣ, женѣ и дочери моей, многая лѣта.

9. Послѣ обѣда пріѣхалъ сынъ мой Андрей съ капитаномъ Андреемъ Сергѣевичемъ Лещинымъ, по дорогѣ на Кавказъ.

11. Я ѣздилъ въ Мценскъ за посылками на мое имя и за деньгами для Андрея.

12. Наняли Сухар. мужики 13 десятинъ земли подъ рожь по 9 р. с.

13. Съ Богомъ я отправилъ сына своего Андрея съ капитаномъ Лещинымъ на Кавказъ на службу. Управь, Господи, его путь и его дѣла къ моему спокойствію и къ его благополучію! Я его благословилъ образомъ Святителя Николая и далъ на дорогу 209 р. с.

14. Староста, пріѣхавшій изъ Орла, къ прискорбію моему сказалъ, что Андрей не поѣхалъ съ г. Лещинымъ и остался тамъ.

15. Я докончилъ статью о *жилищѣ, одеждѣ и пищѣ Мценскихъ крестьянъ.*

13. Ко мнѣ пріѣзжалъ помощникъ станового Яковъ Петровичъ и Иванъ Сергѣевъ. Первый сказывалъ о бунтѣ крестьянъ въ Черниговской губерніи, которыхъ побито до 400 человѣкъ. На Руси сумятица отъ воли, данной Государемъ мужикамъ. Не мечите бисера предъ свиньями.

19. Съ 5 письмами я послалъ въ Мценскъ старосту Дмитрія. Съ утра дождь; вечеръ теплый и прекрасный. Почитавъ, я гулялъ.

20. Поутру я поѣхалъ въ Мценскъ, куда пріѣхалъ въ полдни, остановился у П. И. Кашеварова въ Ямской у Московской дороги. Въ земскомъ судѣ возобновилъ знакомство съ исправникомъ Павломъ Николаевичемъ Цуриковымъ и предводителемъ Шеншинымъ; получилъ отъ перваго свидѣтельство касательно возможности продажи лѣса, безъ ущерба имѣнія и послалъ его съ просьбою въ Московскую Сохранную Казну на почту.

21. Сказывали, что подъ Мценскомъ одинъ дьячекъ за 3 р. с. возмутилъ крестьянъ кривымъ толкованіемъ манифеста, на коемъ написалъ пѣсню: «Сашка Таньку полюбилъ». Много въ окрестности возмущеній, экзекуцій за неповиновеніе и буйство; крестьянъ сѣкутъ и разоряютъ. Они выдумали, будто Государь далъ имъ чистую волю, слѣдовательно стремятся къ безначалію.

22. Поутру я ходилъ по базару. Это мужицкій торгъ, полный кулаками и пьяницами. А. Шараповъ пригласилъ меня къ себѣ чай пить. У него я встрѣтился съ сосѣднимъ помѣщикомъ Павломъ Алексѣевичемъ Кулешевымъ. Три дня ждалъ я дочери своей Анеты. Наконецъ она пріѣхала въ Мценскъ и прислала мнѣ Никиту съ пряниками, платкомъ и зонтикомъ для глазъ. Я ее нашелъ въ гостиницѣ у моста. Она очень обрадовалась съ дѣтьми своими и даже съ прислугой, Ириной, Авдотьею и Акулиной; отъ радости плакали. Она разсказывала, что не во снѣ, а на яву вечеромъ поздно видѣла свою бабушку и крестную мать, близко подошедшую къ ней съ серьезнымъ видомъ; но она ея не испугалась и глядѣла на нее прямыми глазами. Въ этомъ положеніи ее застала мамзель. Я вѣрю, что матушка моя ей являлась благодарить за участіе въ матери и отцѣ въ свидѣтельство, что она молится за нее тамъ. Разстались мы съ горючими слезами, кои раздѣлила и прислуга. Я ее отъ всего сердца благословилъ на путь и проводилъ за заставу; потомъ, помолясь Святителю Николаю, уѣхалъ въ свое Подчерное. Я кончилъ чтеніе всего Псалтыря.

23. Я ходилъ къ приходскому священнику, у котораго засталъ члена духовнаго правленія, священника и чиновника земскаго суда, ѣдущихъ на слѣдствіе.

24. Утро свѣтлое, но свѣжее. Пріѣхалъ изъ Орла Андрей. Еще новое мнѣ испытаніе. Подкрѣпи меня, Господи! Онъ поступить хочетъ въ Болховъ въ полкъ.

25. Я написалъ письмо къ В. Б. Бажанову въ С.-Пб. о своихъ обстоятельствахъ. Капралъ остригъ мнѣ голову. Приходилъ ко мнѣ священникъ о. А., которому я прочелъ свое описаніе Мценскихъ обычаевъ и нѣкоторыя слова митроп. Платона и Августина.

27. Споръ съ Андреемъ о поѣздкѣ въ Болховъ, куда я хотѣлъ было его проводить, но онъ не соглашается ѣхать со мною; наконецъ въ 1 часу отправился черезъ Орелъ. На первое обзаведеніе въ полку я далъ ему 75 р. с., сказавъ, что если истратитъ на пустяки, болѣе не дамъ и чтобы онъ ко мнѣ на глаза не являлся. Богъ съ нимъ!

28. Докончилъ статью о *Мценскихъ крестьянахъ*, ихъ жилищѣ, пищѣ и платьѣ, началъ читать Цицерона. Я началъ снова Псалтырь.

30. Возвратился изъ Болхова Осипъ, отвезшій туда благополучно сына моего Андрея въ полкъ Охотскій, и тамъ оставилъ ему одну лошадь.

31. Отвѣчалъ письменно становому Боброву на ложный доносъ сотскаго, будто я посылаю крестьянъ на караулъ своего дома.

Іюнь. 1. Поднимали Зыбинскіе, а не мои, крестьяне св. иконы съ хоругвями на возобновленный мною колодецъ въ окопѣ, гдѣ святили воду и оттуда прошли на мое ржаное поле, гдѣ служили молебенъ о дождѣ. Послѣ того священникъ съ крестомъ пришелъ ко мнѣ. Я его съ причтомъ угощалъ виномъ и чаемъ. Вечеромъ Татары приводили ко мнѣ на дворъ двухъ медвѣдей и плясали съ ними.

9. Я дочиталъ 28 гл. Ciceronis de officiis, продолжалъ списывать письма митроп. Платона.

11. Троицынъ день. Заутреню, обѣдню и вечерню я слушалъ въ приходской церкви; видѣлъ, какъ потомъ на могилкахъ завивали вѣнки изъ тѣхъ березокъ, съ коими стояли въ церкви. Пѣснь 3 ирмосовъ на вечернѣ такъ читается въ изданіи временъ патріаршества: «Совышше силою, ученикомъ Христовымъ, дондеже облечетеся, реклъ еси, сидѣти во Іерусалимѣ; Азъ же, яко мене параклита, иного *Духа моего и отча* послю, въ немъ же утвердитеся». Изъ сихъ словъ можно заключать о происхожденіи Св. Духа отъ Отца и Сына.

12. Священникъ сказывалъ мнѣ о колдунѣ-старикѣ столѣтнемъ подъ Орломъ за Кромами, который не ходитъ въ церковь и не молится Богу, но пьетъ безпрестанно вино и ругается. Къ нему ѣздятъ старосты и приказчики, которымъ онъ помогаетъ морочить и обворовывать помѣщиковъ.

13. Поутру были у меня благочинный о. Матвѣй Троицкій и приходскій о. Аѳанасій; толковали о поступкахъ дьякона. Я сказалъ, что за нимъ дурного ничего не знаю и самъ ничего не видалъ, но начиная отъ священника и отъ другихъ слышалъ довольно предосудительнаго, поэтому не могу быть ни свидѣтелемъ, ни судьею, а предоставляю ихъ милости и суду.

16. Мировые посредники по Мценскому у. Николай Никитичъ Шеншинъ, Алексѣй Аркадьевичъ Тимирязевъ, Алекс. Николаевичъ Меншк-

ковъ и Владимиръ Константиновичъ Ржевскій. Вечеромъ были у меня Петръ Ивановичъ Капеваровъ съ отцомъ своимъ Иваномъ Николаевичемъ и ради самого Бога упросили меня, по двухлѣтнему неурожаю въ саду, сдѣлать имъ уступку. Я согласился, въ уваженіи ихъ обстоятельству, прибавить еще годъ.

26. Пріѣхалъ въ Москву часу въ 3 попол. къ обѣду и пріѣздомъ удивилъ жену.

Іюль. 3. Въ Москов. церкви праздновали сорокалѣтіе управленія ею Филаретомъ. Въ Успенскомъ соборѣ служилъ послѣ обѣдни преосвященный Леонидъ съ знатнымъ духовенствомъ благодарный молебенъ, пригласилъ къ себѣ на закуску и принялъ очень вѣжливо.

6. Я ходилъ къ Н. И. Подключникову, который сказывалъ мнѣ о чудотворной иконѣ св. Ивана Воина во Владычнемъ м. Она, когда ее пилили Поляки, испустила кровь, которая и донынѣ еще видна на ней. Отъ него я прошелъ къ Н. И. Крылову, который былъ мнѣ радъ съ женою, разсказывалъ, что князь * вообразилъ передъ смертью своей, что онъ свинья, ползалъ на четверенькахъ и локалъ пищу изъ лохани. Въ Кіевскомъ университетѣ студенты прибили военнаго губернатора Васильчикова.

9. Ходилъ къ Николаю Даниловичу Полтавцеву въ домъ смотрѣть сѣнь надъ ракою свят. Митрофана. Она чеканная, серебряная, на четырехъ столпахъ, сѣнь ея увѣнчивается главою съ крестомъ на кронштейнахъ подъ яблокомъ. На передней части въ клеймѣ изображенъ свят. Митрофанъ на мѣдной доскѣ, писанный г. Черновымъ. По сторонамъ его херувимы, внизу по карнизу надпись. Орнаменты отличаются искусствомъ отдѣлки и красотою. Все цѣлое представляетъ величественное и изящное произведеніе, дѣлающее честь г. Полтавцеву, который самъ сочинилъ планъ и совершилъ его на своей фабрикѣ, украсившей многіе храмы въ Россіи своими произведеніями. Сѣнь длиною 5, шириною 3, вышиной 9 аршинъ. Тамъ я встрѣтилъ стараго знакомаго, г. Одинцова съ его племянникомъ. Г. Полтавцевъ обѣщалъ пожертвовать въ приходскую мою церковь св. Іоанна Богослова паникадило и лампаду къ его образу и кадило накладного серебра. Въ 6 ч. вечера возвратился изъ Троицкой лавры митр. Филаретъ.

12. Обѣдню я слушалъ позднюю въ Знаменскомъ м., гдѣ служилъ преосвященный Леонидъ съ архим. Игнатіемъ и Никодимомъ. Туда пріѣхали ко мнѣ А. А. Мартыновъ и П. Бронниковъ, съ которымъ я завтракалъ и обѣдалъ у архим. Игнатія, чай пили у гофъ-фурьера Мих.

Лавр. Отъ него я узналъ о кончинѣ своего благопріятеля, ревнителя благолѣпія церковнаго, Гавр. Павл. Головина.

22. Я ходилъ къ г. Ундольскому, отъ него съ директоромъ Набилковскаго училища въ Кремль, завернулъ къ сѵнодальному ризничему Іосифу, у котораго засталъ ректора семинаріи Игнатія, осматривалъ съ нимъ на сѵнодальномъ дворѣ подземныя храмины со сводами; навѣстилъ монахиню Грушецкую, которая показывала мнѣ возобновленную ею въ Вознесенскомъ м. церковь Успенія. У нихъ вчера отпѣвали игуменью Аѳанасію, скончавшуюся на 90 году отъ рожденія. Мѣсто ея заступила угуменья изъ Новодѣвичьяго м. Паисія. Вечеру приходилъ ко мнѣ съ просьбою объ опредѣленіи въ Оружейную Палату бывшій профессоръ Ярославской семинаріи Ив. Васил. Поспѣловъ, которому я далъ письмо къ г. Вельтману.

23. Обѣдню раннюю я слушалъ въ ц. Св. Троицы на Листахъ, гдѣ прочли манифестъ объ открытіи св. мощей свят. Тихона и служили ему молебенъ.

27. Въ 11 часу въ линейкѣ отправились въ Лавру и пріѣхали туда ко всенощной, которую я слушалъ у Смоленской—праздникъ. Дорогой я познакомился съ г-жею Нащокиной и ея дочерью, особами образованными. Въ числѣ спутниковъ былъ какой-то загадочный человѣкъ Вас. Алекс. Поповъ съ Персидской звѣздою, выдававшій себя за богатаго, случайнаго человѣка и всѣхъ знающаго.

29. Въ 8 часу пріѣхалъ въ Москву; былъ въ ц. св. Василія Блаженнаго и у Сапѣлкина, ѣздилъ къ В. П. Нечаеву, у котораго въ Ильинъ день родился сынъ Василій; у него обѣдалъ. Мы съ нимъ потолковали о разныхъ духовныхъ предметахъ; отъ него къ митрополиту Исидору, у котораго я засталъ преосвященнаго Евгенія, П. В. Хавскаго и одну барыню. Говорили о выгодахъ и невыгодахъ эмансипаціи, о трудности исполненія, объ м. Арсеніи, котораго могилу одни указываютъ въ Посольскомъ м., а другіе—въ Ревелѣ.

30. Въ Успенскомъ соборѣ служилъ обѣдню и молебенъ Богоматери митроп. Новгородскій и С.-Петербургскій Исидоръ. Я зашелъ въ Чудовъ м. къ нему. Онъ благословилъ меня св. просфорою о здравіи моемъ и всего моего семейства и подарилъ службу свят. Тихону для моей церкви въ Подчерномъ. Написалъ статью о схимницѣ Евпраксіи.

Августъ. 3. Утромъ до 11 часу я занимался своими дѣлами, потомъ ѣздилъ къ Г. М. Романовскому по своему дѣлу. Ему я остался долженъ 625 р. с. Зашелъ къ священнику Благовѣщенія на бережкахъ Якову

Данилову, умному, ученому и благодушному; прочелъ ему статьи свои: 1) объ исцѣленіи преп. Сергіемъ схимницы Евпраксіи и 2) о Волосѣ. Къ И. Д. Бѣляеву, у котораго встрѣтилъ Алексѣя Петровича Хотяинцова, его товарища. Читали о жестокостяхъ царицы Прасковьи Ѳедоровны, вдовы ц. И. А. Эта тигрица была мать императрицы Анны, достойной ея дочери.

5. Я ходилъ къ дѣвицѣ Александрѣ Мих. Докучаевой, дочери Иркутскаго вице-губернатора, у которой я отобралъ нѣкоторыя свѣдѣнія о схимницѣ Евпраксіи; потомъ къ В. П. Нечаеву, которому я отдалъ свою статью объ исцѣленіи этой схимницы.

6. Я отправился въ Новоспасскій м. на праздникъ, гдѣ служилъ митроп. Филаретъ съ ректорами. На закускѣ митрополитъ говорилъ со мною о мощахъ пр. Сильвестра, котораго почитаетъ онъ ученикомъ преп. Сергія по случаю литограф. его изображенія, показаннаго ему вчера послѣ всенощной. Тамъ я возобновилъ свое знакомство съ Николаемъ Яким. Барковымъ, ревнителемъ православія. Митроп. Филаретъ не остался обѣдать, вмѣсто его былъ преосвященный викарій. Тамъ я встрѣтился съ П. В. Хавскимъ и съ священникомъ Ключаревымъ, который благодарилъ меня за мои статьи въ Д. Ч. За обѣдомъ витійствовалъ Астраханскій протопопъ. Почти до дому довезъ меня архим. Іаковъ.

7. Ходилъ за справками въ консисторію. На Мясницкой и на Лубянской площади толпы народа ожидали прибытія Государя, который пріѣхалъ. Послѣ обѣда часу въ 6-мъ проѣхалъ мимо насъ къ митроп. Филарету Наслѣдникъ престола съ графомъ Строгановымъ.

12. Я слушалъ всенощную въ ц. Куракинской богадѣльни, гдѣ замѣтилъ богато украшенный образъ свят. Николая старинный, грудной. Служба была свят. Тихону, котораго мощи откроются завтра.

13. Предъ разсвѣтомъ къ жильцамъ влѣзъ въ окошко воръ и напугалъ, но не успѣлъ ничего унести, только гребенку, а образъ бросилъ на дворѣ. Къ ранней обѣднѣ я ходилъ въ ц. Спаса во Спасской; убѣждалъ священника прибить доску съ надписями къ надгробному камню на могилѣ отца митроп. Платона. Обѣщалъ. Заходилъ къ Майкову; потомъ отправился въ Никитскій м. на закладку колокольни у ц. Воскресенія митроп. Филаретомъ. Послѣ обѣдни, по приглашенію игуменьи Вѣры, я у ней завтракалъ съ митроп. Филаретомъ, М. Д. Быковскимъ и Д. Гульковскимъ, потомъ обѣдалъ. Игуменья Вѣра поступаетъ въ Новодѣвичій м. Она мнѣ сказала, что если я буду сопровождать Наслѣдника престола по соборамъ и монастырямъ, какъ она слышала, то далъ бы ей знать. Я отвѣчалъ, что это мнѣ неизвѣстно.

14. Поутру я читалъ Отечественныя Записки Іюль; потомъ заходилъ къ Ѳ. Б. Миллеру отдать ему свои статейки: *Выпили и закусили* и *Встрѣчи.*

15. П. Н. Титовъ сказывалъ мнѣ, что назначено слушать Наслѣднику престола лекціи у профессоровъ Крылова, Буслаева, Соловьева Бодянскаго, а подъ моимъ руководствомъ осматривать Московскія историческія достопамятности.

16. Я ходилъ въ книжную лавку Свѣшникова, гдѣ изъ С.-Пб. Вѣдомостей узналъ, что генералъ-адъютантъ Кокошкинъ утонулъ въ *лужѣ* въ С.-Пб. Сбылась пословица: «Не море топитъ, а лужа».

17. Записалъ нѣсколько анекдотовъ. Ко мнѣ приносилъ мозаистъ Полиши снимокъ съ чудотворной иконы Тихвинской Божіей Матери, найденной въ С.-Пб. на Пескахъ и поставленной въ богатомъ украшеніи Императрицею въ Исаакіевскомъ соборѣ. Ходилъ къ г. Худякову потолковать объ его картинѣ, занесъ къ Ѳ. Б. Миллеру дополненіе къ анекдотамъ, отслушалъ вечерню и молебенъ въ ц. св. Флора и Лавра.

18. Зашелъ къ Н. А. Мартынову, который казалъ мнѣ отчетливые рисунки Новгородскихъ древностей; особливо фрески изъ Спасской ц., бывшемъ Нередицкомъ м., XII в. Греческаго пошиба очень замѣчательны и драгоцѣнны. Вечеромъ приходилъ ко мнѣ В. Г. Худяковъ, которому я сообщилъ свѣдѣнія о Марѳѣ посадницѣ и кн(игу) Вельтмана о Новгородѣ.

19. Я спрашивалъ въ ордонансъ-гаузѣ, не получено ли приказа объ опредѣленіи моего сына Андрея на Кавказъ. Еще нѣтъ. Правящій должность 2 коменданта Петръ Ипполитовичъ далъ мнѣ слово тотчасъ меня увѣдомить. Оттуда я проѣхалъ въ Донской м. въ дождь; тамъ служили митроп. Филаретъ и архіеп. Евгеній вмѣстѣ, оба сунодальные члены и старцы 80 лѣтъ. Митроп. Филаретъ пилъ чай и закусилъ, не остался обѣдать.—Сказывали, что на открытіи св. мощей святителя Тихона было 300000 народа. На обѣдѣ находились преосвященный Леонидъ и Никаноръ, архимандриты и протоіереи, гг. Филипповъ, Хавскій и пр. Отъ Н. В. Исакова я получилъ письменное приглашеніе показать великимъ князьямъ Владиміру и Александру достопамятности Москвы и составить програму.

20. Въ Кремль къ митроп. Исидору, который разсказывалъ объ открытіи имъ св. мощей Тихона и о радостномъ умиленіи своемъ. Вся церковь, вмѣщавшая 7 тысячъ народа, рыдала. Всѣхъ богомольцевъ было 300.000 человѣкъ. Два зажиточныхъ купца, имѣющіе каменные

дома, пользуясь случаемъ, продавали съѣстные припасы вдесятеро и болѣе дороже, между прочимъ стаканъ квасу по 15 к. с. Между ихъ домовъ стояла избушка, крытая соломой, одного бѣдняка, который, насоливъ много огурцовъ, даромъ раздавалъ ихъ нищимъ. Ихъ домà сгорѣли, а его избушка уцѣлѣла. Когда св. мощи свят. Тихона носили вокругъ церкви, тогда по пути шествія подъ ноги бросали холсты, платенцы, платки кучами, какъ бы Христу, шествовавшему во Іерусалимъ. Подобранныя сіи приношенія митрополитъ велѣлъ раздать нищимъ Извѣстныхъ и достовѣрныхъ исцѣленій было 20. Преосвященный самъ видѣлъ слѣпого, получившаго прозрѣніе, и калѣку съ ногами, сведенными къ шеѣ, ходившаго. Другіе скрывали исцѣленіе отъ боязни, что ихъ будутъ долго допрашивать и затаскаютъ. Это разгласили нарочно раскольники. Митрополитъ Исидоръ читалъ надъ моею головой молитву, неоднократно благословлялъ меня и обнималъ, далъ въ благословеніе мнѣ и женѣ по образу свят. Тихона и благословенный хлѣбъ. Я хотѣлъ было отправиться въ Александрію къ графу Перовскому и Н. В. Исакову, но встрѣтилъ ихъ съ графомъ Перовскимъ въ свитѣ великаго князя Владимира Александровича, идущаго въ Успенскій соборъ. Исаковъ познакомилъ меня съ графомъ Перовскимъ, у котораго я завтракалъ съ нимъ во дворцѣ и поговорилъ о томъ, какіе памятники и когда осматривать мнѣ съ великими князьями. Неожиданно пріѣхалъ сынъ. Михаилъ изъ Малороссіи съ невѣсткой.

21. Великіе князья Владимиръ и Александръ Александровичи прислали за мною экипажъ, и я съ ними, съ графомъ Борисомъ Алексѣевичемъ Перовскимъ, А. И. Чивилевымъ и пр. ѣздилъ осматривать Романовскій дворецъ, гдѣ давалъ имъ объясненія на ихъ вопросы о разныхъ предметахъ. Отъ ихъ имени графъ Перовскій пригласилъ меня обѣдать къ ихъ высочествамъ. За обѣдомъ разговаривали о древнихъ кушаньяхъ и питьяхъ. Къ женѣ моей они послали со стола фруктовъ и благодарили меня за руководство, простились до возвращенія своего изъ Новаго Іерусалима, куда завтра отправляются. Изъ дворца я отправился къ сыну Михаилу. А. И. Чивилева я просилъ о немъ, о мѣстѣ для него.

22. Великіе князья прислали мнѣ лѣкарство для ногъ.

23. Съ утра дождь. Я отнесъ къ П. А. Безсонову экз. лубочныхъ картинокъ. На дорогѣ въ Газет. переулкѣ попались мнѣ великіе князья Владимиръ и Александръ и со мною кланялись. Въ дождь я возвратился домой весь мокрый.

24. За мной прислали великіе князья Владиміръ и Александръ. Послѣ завтрака мы осматривали ц. Спаса на Бору съ ея придѣлами, потомъ поѣхали въ Новоспасскій м., гдѣ обозрѣвали соборъ съ ризницею, усыпальницу бояръ Романовыхъ, гдѣ надъ ихъ гробницами поставлены иконы ихъ ангеловъ и надписи, лампады. Оттуда въ Донской м. По моему предложенію, великій князь Александръ посѣтилъ преосв. Евгенія, который обласкалъ вел. кн.; тотъ принялъ его благословеніе, просилъ не безпокоиться провожать. Съ вел. кн. и съ графомъ Б. А. Перовскимъ, докторомъ, сыномъ графа Перовскаго, мы обозрѣвали соборъ и церковь Преп. Сергія, гдѣ гробница пр. Амвросія. Обѣдали во дворцѣ. Послѣ обѣда великій князь Александръ Александровичъ со мною, графомъ Перовскимъ, его сыномъ и г. Реми ѣздили на Фили, осматривали ту избу, гдѣ въ 1812 г. въ Сентябрѣ былъ военный совѣтъ, рѣшившій судьбу Москвы. На стѣнахъ повѣшены литогр. портреты тѣхъ 8 генераловъ, которые участвовали въ этомъ совѣтѣ, начиная съ М. И. Кутузова; на столѣ лежала моя Русская Старина, гдѣ помѣщена моя статья о Филяхъ и объ этомъ достопамятномъ домикѣ. Великій князь и я написали свои имена въ книгѣ для посѣтителей. Оттуда проѣхали въ Новодѣвичій м., гдѣ не нашли новой игуменьи Вѣры Головиной. Осматривали соборъ, ризницу и гробницы царицы Е. Ѳ. и царевень, игум. кельи, которыя выдаютъ за Софьины. Встрѣтили со звономъ, а въ соборѣ съ литіею. Поднесла казначея великому князю образъ Спасителя и просфору. Это былъ день Бородинской битвы. Возвратясь во дворецъ, пили чай. Пришелъ Наслѣдникъ, который со мною познакомился и пожалъ мнѣ руку. Видѣлся съ законоучителемъ Ив. Рождественскимъ. Великій князь Владиміръ разспрашивалъ меня о моей женѣ и дочери. А. И. Чивилевъ совѣтовалъ сыну моему заняться лучше хозяйствомъ, чѣмъ служить, вычислялъ невыгоды службы.

25. Поутру я ходилъ къ графу Строганову, у котораго встрѣтилъ В. П. Флерова. Графу я представилъ экз. о лубочныхъ картинкахъ. Онъ сказалъ, что у него есть, ему не надобно, онъ покупаетъ всякую мою книгу, а ее поднесетъ Наслѣднику; потомъ просилъ меня пріѣхать во Вторникъ въ 11 часу осматривать съ Наслѣдникомъ соборы и объяснять ему достопамятности. Затѣмъ представилъ меня самому Наслѣднику, который мнѣ повторилъ тоже. Въ городѣ меня пригласилъ завтракать въ ресторацiи Н. И. Ушаковъ. Оттуда я прошелъ къ А. И. Лобкову и съ нимъ поговорилъ о разныхъ предметахъ, между прочимъ о своихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, въ коихъ, повидимому, принялъ онъ участіе.

26. Послѣ ранней обѣдни я зашелъ къ Н. П. Розанову, который

сообщилъ мнѣ нѣсколько свѣдѣній объ исторіи консисторіи Московской. Когда я сбирался ко всенощной, за мною прислали великіе князья Александръ и Владиміръ коляску, и я тотчасъ поѣхалъ къ нимъ. Сперва зашелъ я къ графу Перовскому, потомъ съ нимъ къ великимъ князьямъ, у которыхъ я встрѣтилъ Наслѣдника престола. Они простились со мною ласково. Графъ Перовскій отъ имени ихъ вручилъ мнѣ подарокъ CLр. Я поблагодарилъ его и просилъ продолжать свое ко мнѣ благорасположеніе.

27. Послѣ ранней обѣдни у Троицы на Листахъ я зашелъ къ г. Ундольскому за справками, потомъ въ Срѣтенскій м. на крестный ходъ, гдѣ встрѣтилъ Мишу. По приглашенію архим. Веніамина, съ митроп. Филаретомъ у него завтракалъ. За обѣдомъ были архим. Иннокентій и Евстаѳій и пр., преосв. Никаноръ. Дома писалъ программу для обозрѣнія достопамятностей Москвы вел. кн. Наслѣднику.

29. Вмѣстѣ съ графомъ Строгановымъ и пр. Соловьевымъ я сопровождалъ для объясненія достопримѣчательностей Наслѣдника престола въ соборы Успенскій, Архангельскій и Благовѣщенскій; разсматривали св. иконы, гробницы, царскія мѣста, рѣдкости въ ризницахъ. Наслѣдникъ благодарилъ меня за руководство.

30. Послѣ ранней обѣдни въ Грачахъ я отвезъ въ почтамтъ посылку на имя графа Б. А. Перовскаго съ письмомъ къ нему и съ книжками своими, изъ коихъ двѣ о лубочныхъ картинкахъ для великихъ князей Александра и Владиміра Александровичей. Позднюю обѣдню я слушалъ въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ служилъ митрополитъ Филаретъ котораго я поздравилъ съ торжествомъ въ Чудовѣ м., куда явился къ нему министръ финансовъ Княжевичъ съ сенаторомъ Казначеевымъ. Оттуда я пробрался къ сенатору Чертову: зашелъ помолиться Всемилостивому Спасу и на именины къ А. Ѳ. Вельтману, у котораго и обѣдалъ съ В. П. Горчаковымъ, М. Н. Лихонинымъ, прежнимъ слушателемъ своимъ Хрущевымъ и маіоромъ Яковлевымъ, помощникомъ Вельтмана.

Сентябрь. 3. Я ѣздилъ утромъ въ с. Владыкино, гдѣ Богъ привелъ меня исповѣдываться и пріобщиться Св. Таинъ у о. Василія. Тамъ встрѣтился я съ Яковомъ Александровичемъ Пояркинымъ и его женою Александрою Андреевной. Они звали меня къ себѣ на чай и завтракъ; вспомнили, что по моему экзамену онъ принятъ былъ въ университетъ. Я просилъ о. Василія помолиться объ Андреѣ. По возвращеніи домой я съ женою, по приглашенію, поѣхалъ обѣдать къ А. И. Лобкову, гдѣ нашелъ протоіерея Петра Евдок. и настоятеля ц. Воскресенія въ Бара-

шахъ, еще куму А. И. съ любезною ея сестрою Вассою Степановной. Послѣ обѣда пріѣхалъ Покровскій архимандритъ Паисій, который приглашалъ меня на праздникъ къ себѣ 13 Сентября.

6. У поздней обѣдни я былъ въ Чудовѣ м. на праздникѣ Св. Архангела Михаила. Служилъ Ѳиваидскій епископъ Никаноръ. Тамъ и встрѣтился съ кн. Ю. А. Долгорукимъ, который меня приглашалъ къ себѣ. Послѣ закуски у архим. Веніамина забиралъ справки въ консисторскомъ архивѣ, потомъ зашелъ къ С. Н. Орлову. Не заставъ его дома, завернулъ къ И. И. Давыдову, у котораго свидѣлся съ А. И. Войцеховичемъ и обѣдалъ. Д. разсказывалъ, что въ Вильнѣ графъ Тишкевичъ за своего лакея избилъ и притаскалъ за волосы воен. губ. В. Назимона въ его кабинетѣ. Я заходилъ по своему дѣлу къ капитану Сергѣю Яковлеву и, поскользнувшись на лѣстницѣ со второго этажа, упалъ и, благодареніе Богу, не ушибся.

8. Въ Успенскомъ соборѣ служилъ митроп. Филаретъ въ полученномъ имъ орденѣ Греч. Спасителя. Послѣ молебна я зашелъ къ нему поздравить его съ орденомъ въ Чудовъ м. Шелъ дождь. Я отдалъ В. П. Нечаеву свою статью о Спасскихъ воротахъ, у него обѣдалъ. Послѣ обѣда былъ у него священникъ отъ Николы на Пупышахъ. Мнѣ понравился своимъ обращеніемъ. «Паки занятъ быхъ». Спаси, Господи!

9. Я зашелъ къ В. М. Ундольскому, у котораго встрѣтилъ библіофила сапожника Лебедева.

10. Отъ В. Корша получилъ за двѣ статьи свои въ М. В. 49 р. 80 к. У Бодянскаго я встрѣтилъ сына профессора Щепкина, который показывалъ полученное на его имя по почтѣ воззваніе о конституціи, сказывалъ объ обществѣ въ С.-Пб. противъ христіанства. Въ этотъ день хоронили въ Покровскомъ м. изъ сумасшедшаго дома извѣстнаго предсказателя, такъ названнаго въ газетахъ, пророка, Ивана Яковлевича, который тамъ находился болѣе 40 лѣтъ.

11. Отъ встрѣтившагося Прохорова-сына я услышалъ, что, не смотря на то, что для гроба Ивана Яковлева вырыта была могила въ Покровскомъ м., по просьбѣ его родственника, священника, положили при Черкизовской ц. Св. Пророка Иліи вѣрно, не изъ родственной любви, но для дохода.

13. Съ А. И. Лобковымъ я ѣздилъ въ Покровскій м. на освященіе малой церкви. Тамъ праздникъ и обѣдъ. Служилъ митроп. Филаретъ, который былъ на закускѣ. Обѣдалъ съ нами преосв. викарій.

17. Я зашелъ къ Н. П. Розанову, который нашелъ въ дѣлахъ консисторіи, что въ 1742 г. крещена была ханша Дундукъ съ 3 дочерями и 4 сыновьями. Она названа въ св. крещеніи Софіею, и дочери: Вѣрою, Надеждою и Любовью, сыновья—Петромъ, Алексіемъ, Іоною и Филиппомъ. Ей дано княжество—Дундуковы.

19. Былъ у И. Б. Ауербаха, отъ котораго узналъ, что моя ст. о *звѣринцахъ* помѣщена въ Вѣстникѣ Естественныхъ Наукъ.

20. Въ Покровскомъ соборѣ я справился о времени построенія часовень при Спасскихъ воротахъ; это было въ 1812 г. Оттуда я зашелъ въ Архангельскій соборъ приложиться къ св. мощамъ празднуемыхъ нынѣ св. Михаила и Өеодора; по приглашенію закусилъ въ палаткѣ соборной. Тамъ я встрѣтился съ г. Хавскимъ. Въ Межевой справился о количествѣ земли въ Подчерномъ: 230 д. 596 саж.

22. Съ архитекторомъ Ададуровымъ и А. Е. Сорокинымъ осматривалъ подземныя храмины на Сѵнодальномъ дворѣ. Онѣ кладены изъ кирпича и бѣлаго камня. Обозрѣвалъ Спасскіе ворота и повѣрялъ надписи Латинскія и Русскія.

24. Отстоявъ раннюю обѣдню въ ц. Свят. Николая, я зашелъ потолковать къ Н. П. Розанову, отъ котораго услышалъ, что сгорѣла Малышова гостинница на Срѣтенкѣ. Какъ въ ней живетъ сынъ мой съ невѣсткою, то я и побѣжалъ, но тамъ сгорѣлъ только задній флигель, гдѣ погибла въ огнѣ мать съ двумя дѣтьми, но моихъ дѣтей сохранилъ Господь. Всѣ въ гостинницѣ растревожились. На пожарѣ внезапно умеръ приказчикъ. Я слышалъ о свадьбѣ адъютанта г.г. Тучкова Дуппельта съ купчихой Ригиной, для него увезли ее жулики, перетащивъ черезъ заборъ. Она вѣнчалась съ однимъ башмакомъ на ногѣ, ибо другой дорогой потеряла.

27. С.-Петербургскій университетъ закрытъ за безпорядки студентовъ.

29. На дорогѣ я слышалъ объ умерщвленіи графини Толстой Цыганки своими людьми и разграбленіи ея имущества.

30. Зашелъ къ кн. Ю. А. Долгорукову, у котораго видѣлся съ княгинею, пріѣхавшею изъ деревни. Отъ к. Д. слышалъ, что Государь, проѣзжая по дорогѣ, сказалъ собравшимся мужикамъ: «Работайте на помѣщиковъ, какъ на самихъ себя; другой воли вамъ не будетъ». Они перетолковали такъ: «Работайте на помѣщиковъ какъ себѣ, вамъ другая воля будетъ». Какъ въ С.-Пб., такъ и въ Московскомъ Университетѣ бунтуютъ студенты.

Октябрь. 1. Въ Покровскомъ соборѣ служилъ преосвященный Леонидъ, проповѣдывалъ протоіерей А. Ш. Въ палаткѣ позавтракалъ у старосты, гдѣ слышалъ, что раздаются неизвѣстными воззванія къ народу объ «истребленіи архіереевъ и поповъ».

4. Студенты Университета ходили большою толпою въ сопровожденіи жандармовъ и полицейскихъ на Пятницкое кладбище поминать Грановскаго, ихъ бурхана.

8. Пріѣзжалъ ко мнѣ гофъ-квартирмейстеръ Дмитрій Яковлевичъ Нефедьевъ отъ Анеты, человѣкъ весьма образованный и вѣжливый. Сказывалъ, что Государь въ Крыму вдругъ получилъ 7 депешей о бунтахъ крестьянскихъ. Крестный ходъ 48-й отъ 1813 г. Въ ходу слѣдовалъ митроп. Филаретъ съ викаріемь Леонидомъ, мрачные и печальные, какъ будто предвѣщающіе что-то непріятное себѣ или Россіи. Изъ крестнаго хода я завернулъ къ В. Н. Жаркову, котораго зять Савельевъ производитъ слѣдствіе надъ мятежниками-студентами Московскаго Университета.

10. Въ Страстной м. на отпѣваніе игуменьи 80 л. Паисіи, урожденной кн. Девлеткильдеевой. Отпѣвалъ митроп. Филаретъ, который показался очень слабымъ и какъ бы въ послѣдній разъ служащимъ.

12. Отпѣвали Симоновскаго архим. Аполлонія. На площади противъ дома главнокомандующаго собралось нѣсколько сотъ Университетскихъ студентовъ Русскихъ и Поляковъ требовать у гг. Тучкова себѣ удовлетворенія и освобожденія ихъ отъ 50 р. платы за лекціи; нѣсколько изъ нихъ ворвались было въ домъ его, но жандармы ихъ захватили; дѣло не обошлось безъ кровопролитія. У студентовъ были кинжалы и кистени. Вступились и мужичье, которымъ съ одной стороны внушили что студенты возстаютъ противъ ихъ вольности, а съ другой, что будто царь положилъ оброкъ на студентовъ; если съ нихъ сложатъ, то и съ крестьянъ тоже. Этимъ хотѣли привлечь мужичье на свою сторону. Стеченіе народа было большое. Захваченныхъ студентовъ разсадили по съѣзжимъ.

13. На другой день студенты опять собрались толпами на новомъ Университетскомъ дворѣ, читали рѣчи, кричали, рукоплескали, махали шляпами. Попечителя обругали и чуть было не прибили; разошлись въ 4 часу попол. Это сходбище имѣло характеръ бунта. Дѣйствовали болѣе Поляки. Стеченіе народа было чрезвычайное, точно гулянье. Полиція издали смотрѣла на это. Я ходилъ пѣшкомъ къ А. А. Мартынову и С. Орлову по своему дѣлу, встрѣтился съ К. И. Кеппеномъ, который извѣстилъ меня о кончинѣ моего друга И. Н. Лобойко.

15. По приглашенію я обѣдалъ у А. И. Лобкова съ М. М. Бородулинымъ, Серпуховскимъ помѣщикомъ, другомъ митроп. Исидора.

16. Государь изъ Ливадіи въ 9 часовъ вечера проѣхалъ Москвою въ С.-Петербургъ.

23. Поутру Императрица Марія Александровна, помолившись въ трехъ главныхъ соборахъ, въ 8 часу утра отправилась въ С.-Пб.

29. В. М. Ундольскій мнѣ сказывалъ о смерти Оболенскаго сына въ С.-Пб. и припоминалъ потерпѣнныя имъ и другими обиды отъ кн. М. А. О.

Ноябрь. На дворѣ и въ комнатахъ у меня холодно, а въ душѣ грустно, поневолѣ позавидуешь другимъ. Испытаніе мнѣ. Я былъ на отпѣваніи отца профессора Соловьева, протоіерея, въ ц. Покрова въ Левшинѣ, Михайла, по приглашенію.

Встрѣтился съ Г. В. Грудевымъ, который разсказывалъ о Лондонѣ, гдѣ 2 милліона жителей.

16. Отобѣдавъ у Н. В. Сушкова, я навѣстилъ огорченнаго потерею сына кн. М. А. Оболенскаго, который показывалъ мнѣ виды и планы Москвы 1610, 1615 и 1618 годовъ, портреты гравир.

Декабрь. 10. На освященіи ц. Троицы на Грязяхъ митроп. Филаретомъ. Храмъ великолѣпный, гдѣ я встрѣтилъ многихъ знакомыхъ и въ томъ числѣ Г. И. Хлудова, который звалъ меня къ себѣ. Храмоздатель Евграфъ Владимировичъ Молчановъ радушно пригласилъ меня къ себѣ; у него обѣдъ прекрасный и роскошный, было человѣкъ болѣе 200. Послѣ обѣда я слушалъ въ новоосвященной ц. вечерню и молебенъ, которые совершилъ архим. Игнатій соборнѣ.

15. Вмѣсто доктора Варвинскаго попалъ къ адъютанту Дубельту, пилъ у него чай и выкурилъ сигару.

ЗАПИСКИ ОТСТАВНОГО ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРА СЕРГѢЯ ИВАНОВИЧА МОСОЛОВА.

Исторія моей жизни.

Начаты писать въ г. Бронницахъ, что по Коломенской дорогѣ, ибо я тамъ жилъ.

1806 года Февраля 3 дня.

Родился я 1750 года подъ планетою Тельца. Отецъ мой, Иванъ Григорьевичъ Мосоловъ, отставной отъ артиллеріи капитанъ, то замѣтилъ; ибо онъ зналъ многія науки, какъ-то: астрономію, фортификацію и всѣ части математики, говорилъ по-нѣмецки, и потому къ намъ многіе знатные господа ѣзжали. Отецъ крестный мнѣ былъ Петръ Степановичъ Колычевъ, а мать крестная—княгиня Вяземская. Обо всемъ томъ мнѣ мать дала записку, какъ я отправлялся въ службу [1]). Отецъ и мать были изъ Россійскихъ дворянъ; за ними было въ уѣздахъ Шацкомъ и Муромскомъ 32 души. Мать моя была роду Шапошниковыхъ и жила послѣ смерти отца моего въ селѣ Апушкѣ, Шацкаго уѣзда, въ которомъ селѣ отецъ мой похороненъ въ приходѣ своемъ, при церкви престола Казанской Богоматери у головы алтаря; надъ могилою его и камень послѣ отъ меня положенъ съ надписью, присланный изъ Москвы, какъ я еще былъ секундъ-маіоромъ. Скончался онъ 1760 года. Передъ кончиною жизни своей позвалъ меня къ себѣ и, давъ руку поцѣловать, благословилъ меня своими походными складнями [2]), образомъ Казанской Богоматери; тутъ же его ангелъ, Іоаннъ Креститель и Николай Чудотворецъ. Сей образъ во всѣхъ баталіяхъ, штурмахъ и сраженіяхъ всегда былъ со мною на груди, и понынѣ, благодарю Бога, у меня цѣлъ. Хотя, во время нашествія злыхъ Французовъ въ Москву, все у

---

[1]) Да и книги многія тѣхъ наукъ, послѣ какъ я пріѣхалъ изъ арміи въ отпускъ, мать мнѣ отдала, и скорописныя тетради его руки съ разными замѣчаніями.

[2]) Отецъ мой всю войну служилъ Семилѣтнюю противъ Пруссіи и былъ въ разныхъ баталіяхъ и походахъ, о чемъ мнѣ мать послѣ часто говорила и отдала мнѣ всѣ книги военныя и тетради его руки.

меня ограблено и сгорѣло, но образъ, благословеніе отца моего, остался чудеснымъ случаемъ невредимъ и цѣлъ.

Въ селѣ Апушкѣ, гдѣ мы жили, выучили меня грамотѣ по-россійски читать и писать, черезъ дьячка приходской церкви Казанской Богоматери. Въ продолженіе же времени отъ 7 лѣтъ до 10-ти съ отцомъ я ходилъ каждый разъ, когда служба была, къ обѣднѣ и вечернѣ по его волѣ, хотя и очень лѣнился и не хотѣлось; а особливо когда къ заутрени идти (чтò очень рѣдко отецъ мой манкировалъ) вставать рано трудно было мнѣ, а еще больше скучнѣе мнѣ бывало, когда не пустятъ меня овецъ своихъ беречь, до чего я былъ великій охотникъ. Всякій разъ, какъ отецъ ложился на постелю спать, то заставлялъ меня читать Псалтырь; сію книгу отмѣнно онъ почиталъ предъ прочими.

Поживши въ селѣ Апушкѣ, мать моя Дарья Трофимовна поѣхала къ сыну, а моему брату большому въ г. Арзамасъ (его звали Иванъ Ивановичъ Мосоловъ, онъ служилъ по штатской службѣ, былъ въ томъ городѣ секретаремъ), гдѣ меня и оставила на два года. Правду сказать, тамъ мнѣ было очень худо жить отъ невѣстки отмѣнно злой; а опосля мать моя опять пріѣхала въ г. Арзамасъ, откуда взяла и меня домой въ Апушку.

Собравшись зимою, мать моя повезла меня въ Москву, гдѣ по милости графини Прасковьи Юрьевны Салтыковой, съ которой она была знакома, по службѣ моего отца Ивана Григорьевича, упросила фельдмаршала графа Петра Семеновича Салтыкова*) записать меня въ службу, почему и записанъ былъ въ Архангелогородскій полкъ мушкетерскій солдатомъ. Самъ фельдмаршалъ взялъ меня за руку и отдалъ господину полковнику Неронову Павлу Васильевичу. То было въ залѣ, въ какой-то торжественный праздникъ, ибо тогда много было полковниковъ, и сказалъ «чтобы онъ, причисливши меня въ полкъ, приказалъ имѣть о мнѣ попеченіе и учить всему, чтò принадлежитъ для службы». Нероновъ, взявши меня къ себѣ, спрашивалъ: «не имѣю ли я у него въ въ полку кого знакомаго». Я отвѣчалъ, что мать моя мнѣ сказывала, есть у васъ подпоручикъ со мной одной фамиліи Андрей Степановичъ Мосоловъ; почему полковникъ и опредѣлилъ меня въ ту же роту, гдѣ онъ служилъ, во 2-ю мушкетерскую солдатомъ. Сіе было 1785 года Февраля 5 дня. Тогда отъ роду было мнѣ 15 лѣтъ. Онъ призвалъ его къ себѣ, поручилъ меня ему, приказавъ, чтобъ меня обмундировали и ружьемъ учить. У него уже нашла меня мать моя Дарья Трофимовна Мосолова.

---

*) Отецъ мой во время Прусской войны съ нимъ служилъ.

Полкъ Архангелогородской весь стоялъ въ Таганкѣ, гдѣ и братъ Андрей Степановичъ Мосоловъ жилъ въ ротѣ 2-й мушкетерской у капитана Арбекова. Братъ заставилъ одного солдата учить меня всему, что̀ требуетъ служба, а какъ одѣли меня въ мундиръ солдатскаго сукна, то я такъ былъ радъ сему, что теперь и не могу сего объяснить, а особливо выучившись экзерциціи метать ружьемъ и повороты дѣлать по-солдатски. И потомъ представленъ былъ полковнику своему съ ружьемъ, который похвалилъ меня и произвелъ въ подпрапорщики, что̀ было того жъ года Марта 16 дня. Получа сей чинъ, мать моя повезла меня въ тотъ же день къ графу Петру Семеновичу Салтыкову съ благодареніемъ, и я какъ графа, такъ и графиню Прасковью Юрьевну благодарилъ, уже бывъ въ мундирѣ и съ двумя позументами. Послѣ сего и на караулъ ходилъ, къ полковнику на квартиру, къ знаменамъ полковымъ съ 12 человѣками рядовыми, однимъ капраломъ, барабанщикомъ и флейщикомъ, а какъ лѣтомъ смотръ кончился всѣмъ полкамъ Московской дивизіи, то полки пошли по своимъ непремѣннымъ квартирамъ.

Нашего Архангелогородскаго полка были квартиры въ городѣ Масальскѣ, куда и я, простясь съ матерью, пошелъ въ походъ, имѣвши уже 16 лѣтъ, подъ протекціею брата Андрея Степановича Мосолова, которому меня мать поручила и просила, чтобъ меня по родству въ нуждахъ не оставилъ, давши мнѣ на путь и на прочее три рубля серебромъ, со мной простилась и неутѣшно плакала.

Итакъ, пришедши полкъ въ городъ Масальскъ, расположился по квартирамъ, по деревнямъ; одинъ только штабъ и унтеръ-штабъ остались квартировать въ самомъ городѣ, ибо оный городъ не великъ мѣщанствомъ. Чрезъ нѣсколько времени нашъ полковникъ Павелъ Васильевичъ Нероновъ, собравъ всѣхъ малолѣтнихъ дворянъ изъ ротъ къ себѣ въ штабъ, учредилъ гимназію, выписавъ изъ Москвы учителя богословія и математическаго класса, отставного студента Теплова, который насъ училъ читать и писать правильно, т. е. Россійской грамматикѣ, чтобъ узнать раздѣленіе и склоненіе рѣчей, ихъ падежи и прочему, часть риторики, а потомъ преподавалъ ариѳметику, геометрію, тригонометрію, алгебру, исторію священную и древнюю и богословіе.

Полковникомъ были куплены въ Москвѣ книги и инструменты; для бѣдныхъ дворянъ покупалъ на свой коштъ, а богатые дворяне, учившіеся тутъ же, сами покупали, и былъ сдѣланъ о двухъ флигеляхъ нарочно большой домъ, въ одномъ флигелѣ учились дворяне, а въ другомъ солдатскія дѣти, и насъ было всѣхъ дворянъ около 70 человѣкъ, а солдатскихъ дѣтей почти тоже. Между тѣмъ учились и ружью, ходи-

ли на караулъ и на ординарціи по очереди, какъ къ полковнику подъ знамена, такъ и на гаубтвахту къ своей гимназіи. Надъ нами сверхъ того приставленъ былъ поручикъ Михайло Борисовичъ Загряцкій и названъ директоромъ смотрѣть за нашимъ поведеніемъ въ квартирахъ и за опрятствомъ учебныхъ мѣстъ и нашей аммуниціи ружейной. Я не знаю, Провидѣніе ли мнѣ подтверждало или отъ страху къ учителю, только Богъ мнѣ даровалъ, что предъ прочими моими товарищами я ушелъ какъ въ наукахъ, такъ и въ исполненіи должности по службѣ, и за то по экзамену, который былъ сдѣланъ въ глазахъ полковника и всѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, меня полковникъ произвелъ сержантомъ, того же года Августа 6 дня, а учитель далъ достоинство (за прилежаніемъ по наукамъ) цензора, и многихъ дворянъ мнѣ подчинилъ для поправленія ошибокъ въ ихъ урокахъ и растолкованія. У сего учителя Теплова я выучился грамматикѣ, правильно писать и знать склоненіе словъ и рѣчей, ариѳметикѣ, геометріи и части тригонометріи и фортификаціи; также объяснялъ намъ исторіи разныя, натуральную и древнюю, географію и богословіе. А по-французски учился я только 9 мѣсяцевъ, ибо учитель былъ нанятъ другой не скоро, коего звали m-r de Grave. А на третій годъ въ манежѣ учились немного отъ офицера отставнаго кавалерійской службы; танцовать же намъ показывалъ самъ директоръ Загряцкій. А потомъ все это кончилось походомъ.

Полкъ выступилъ и помаршировалъ въ Польшу въ 1767 году въ исходѣ онаго, а на рандеву собрались въ Польшѣ въ 1768 году. Въ походѣ я былъ пѣшкомъ и ружье несъ, а иногда родственникъ мой Мосоловъ и капитанъ мой Бестужевъ Ѳедотъ Борисовичъ давали мнѣ свою верховую лошадь, когда увидѣли, что я усталъ. При началѣ 1769 года полковникъ меня приказалъ опредѣлить на помощь къ адъютанту Пыжову, и назывался я флигель-адъютантомъ въ томъ же сержантскомъ званіи и весь 1769 годъ служилъ въ Молдавіи.

Апрѣля 19 дня подъ Хотиномъ былъ я при атакѣ во второй разъ непріятельскаго ретраншемента и взятіи Хотина. Послѣ экспедиціи второй ночной, Турки испугавшись, что много мы ихъ перекололи, а другіе перетонули, спасаясь, хотѣли переплыть по Днѣстру-рѣкѣ и городъ Хотинъ оставили намъ. Тогда былъ у насъ фельдмаршалъ князь Александръ Михайловичъ Голицынъ. Прежде два раза къ городу ходили, но назадъ на свою сторону перешла армія. Тутъ Турки возгордились, къ намъ переправились черезъ рѣку Прутъ, которыхъ мы всѣхъ ночью перерѣзали, застали сонныхъ въ ихъ ретраншементѣ. Господинъ бригадиръ Кашкинъ съ колоною своею больше всѣхъ отличился, а потомъ Сухотинъ и прочіе; такъ о семъ было слышно. И послѣ сего славнаго раз-

битія фельдмаршалъ Голицынъ откомандировалъ деташементъ подъ командою генералъ-поручика фонъ-Штофельна, который, преслѣдуя остатки непріятеля, почти дошелъ до Дуная, взявши Молдавскій городъ Яссы, Воложской Бухарештъ, гдѣ послѣ, какъ мы уже туда жъ съ полкомъ пришли, онъ умеръ чумой въ семъ же городѣ. Забылъ я написать, прежде еще подъ Хотиномъ была въ 1769 году Іюня 2-го дня полевая баталія, ибо нашъ полкъ былъ въ арьергардѣ, какъ шли назадъ отъ непріятеля, и тутъ отличилась первая гренадерская рота подъ командою капитана Трегубова: онъ дрался болѣе 8 часовъ, пока весь полкъ подоспѣлъ и конница; видно не думали, чтобъ на обозъ напали Турки; за что фельдмаршалъ Голицынъ сего капитана въ секундъ-маіоры произвелъ за спасеніе обоза, а прочихъ офицеровъ той же роты слѣдующими чинами наградилъ и солдатамъ по рублю далъ.

Въ началѣ 1770 года Января 1-го, по представленію полковника Неронова, произведенъ я былъ въ настоящіе адъютанты на ваканцію графомъ Петромъ Александровичемъ Румянцевымъ; ибо послѣ отъѣзда въ Петербургъ князя Голицына, сей Румянцевъ присланъ отъ Государыни Екатерины Алексѣевны командовать первою арміей, которую онъ осматривалъ, пріѣхавши къ намъ, при мѣстечкѣ Чертчи, самъ былъ верхомъ и всѣ линіи объѣхалъ и говорилъ публично при разводахъ, что побѣды, которыя «я теперь получаю отъ переднихъ войскъ, оныя совершаются отъ мудраго распоряженія и терпѣнія фельдмаршала Голицына, съ малѣйшимъ урономъ солдатъ».

Въ ономъ 770 году, уже подъ начальствомъ графа Румянцева, въ отдѣльномъ корпусѣ князя Николая Васильевича Репнина, нашъ полкъ находился въ баталіи Іюля 7-го въ Молдавіи и при взятіи непріятельскаго ретраншемента и лагеря, а 21-го на полевой баталіи при озерѣ Кагулѣ; тутъ взяли также лагерь, обозъ и пушки. Насъ было не болѣе 30 тысячъ, регулярнаго и нерегулярнаго войска, а ихъ около двухъ сотъ тысячъ. Послѣ занятія ретраншемента и всего ихъ добраго перешли мы и Троянову дорогу славную по древней исторіи. Многіе дивизіонные генералы просились съ корпусами догнать и разбить остатки непріятеля, но графъ имъ отвѣчалъ: «мы, батюшка, только ихъ прогнали, а не побили, этому непріятелю нехудо и мостъ поставить». При атакѣ силы Турецкой и при входѣ въ ретраншементъ потерпѣло много каре генерала-порутчика Племянникова; ибо паша съ янычарами, вышедши вонъ изъ ретраншемента, съ боку нечаянно на насъ напалъ, что услышавши графъ Румянцевъ велѣлъ тотчасъ туда бѣжать на помощь полку первому гранодерскому, и командовалъ самъ: ступай, сту-

пай, за что полкъ и названъ именнымъ повелѣніемъ лейбъ-гранодерскимъ, и чины всѣмъ даны были.

Уже на другой день къ вечеру генералъ Боуръ пошелъ съ деташементомъ къ рѣкѣ Дунаю, гдѣ и нашъ полкъ былъ, а во время баталіи при озерѣ Кагулѣ нашъ полкъ находился въ каре подъ командою князя Николая Васильевича Репнина, противъ ихъ праваго фланга, въ фасѣ подъ командою бригадира Вейсмана, что̀ послѣ сдѣлался славнымъ генераломъ. На третій день къ свѣту туда мы пришли, гдѣ они переправлялись чрезъ Дунай, и застали ихъ еще болѣе 10 тысячъ, съ которыми подрались и многихъ взяли въ полонъ, а другіе ушли къ городу Измаилу. Остановясь у переправы Казани, многихъ вытаскивали изъ воды мертвыхъ во всей одеждѣ и бронѣ, но только руки были обрублены; видно, цѣплялись за суда, кои отваливались отъ берегу.

Въ 1771-мъ году Октября 21-го, при атакѣ и взятіи за Дунаемъ города Мачина, подъ командою генералъ-маіора Милорадовича въ дѣйствительномъ сраженіи, и въ Октябрѣ и Декабрѣ мѣсяцахъ флотиліею отъ Браилова до Силистріи по Дунаю подъ командою генералъ-маіора Григорія Александровича Потемкина, что̀ послѣ былъ свѣтлѣйшимъ княземъ, и 28-го при деревнѣ Рожсеватой было сраженіе и на землѣ, и на водѣ. При выходѣ на правый берегъ были Турки отбиты, и суда потомъ свободно прошли; а послѣ были распущены по квартирамъ, и досталось нашему полку Архангелогородскому стоять въ Букарештѣ, гдѣ была чума; тутъ я боленъ былъ оною, но къ счастію выздоровѣлъ, а собственный мой слуга Леонтій Григорьевъ въ той же болѣзни умеръ; а я въ предосторожность всякій день мылся три раза уксусомъ крѣпкимъ простымъ, и принужденъ былъ курить табакъ, хотя мнѣ было еще только 21 годъ.

Потомъ въ 772-мъ году былъ въ походѣ и въ сраженіи подъ городомъ Турною, Октября 26-го при бомбардированіи города Рущука, а Ноября 3-го при переправѣ у Туртукая, на супротивный берегъ Дуная, а потомъ у Рущука, гдѣ и была главная баталія; тутъ отличился нашего полка капитанъ Иванчинъ, а какъ по рекомендаціи графа Ивана Петровича Салтыкова ему ничего не дано, то и пошелъ въ отставку; онъ подъ берегомъ крутымъ съ своею ротою 1-ю гранодерскою на штыкахъ дрался съ Турками, которые хотѣли въ тылъ намъ зайти, ибо мы стояли тогда покоемъ, задній фасъ у насъ былъ Дунай-рѣка. Тутъ они храбро на насъ шли, думая, что такую жъ побѣду получатъ, какъ имъ удалось взять въ плѣнъ полковника князя Петра Васильевича Репнина съ полкомъ уже разбитымъ прежде сего.

Какъ отбили непріятелей и прогнали, графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ (онъ былъ нашъ начальникъ) обложилъ войсками почти со всѣхъ сторонъ городъ Рущукъ, что противъ Журжи, гдѣ 14 Іюня близъ онаго въ дѣйствительномъ сраженіи я находился въ отдѣленномъ 2-мъ баталіонѣ въ садахъ подъ командою подполковника де-Ласія, и отъ него же высланъ былъ съ ротою 9-ю мною командуемой противъ вылазки Турокъ изъ города Рущука, которую разбилъ и прогналъ, потерявъ самъ до 30 человѣкъ, за что по рекомендаціи за отличность и награжденъ былъ капитанскимъ чиномъ, ибо я былъ уже порутчикъ, въ который чинъ былъ произведенъ по линіи 773-мъ году Генваря 1-го дня. Уже оный капитанскій чинъ получилъ по заключеніи мира при Кайнарджи въ 1774-мъ году Ноября 24 дня.

Забылъ я написать походъ нашъ къ урочищу, прозванному Рябыя Могилы, съ княземъ Репнинымъ, противъ которыхъ Татары и Турки два раза насъ атаковали, перейдя чрезъ рѣку Прутъ, при урочищѣ, названномъ Рябая Могила (на томъ мѣстѣ императоръ Петръ I-й былъ атакованъ, гдѣ онъ съ Турками и заключилъ миръ 1711-го года Іюня 13 дня), но были съ урономъ отбиты; тутъ мы много нужды претерпѣли, мало было провіанту, а обозъ нашъ былъ отъ насъ далеко; то даже и офицеры ѣли два дни только одну жареную говядину, а какъ привезъ намъ капитанъ Бишевъ понтонные мосты, то уже мы стали переправляться на непріятельскую сторону и ихъ прогнали, тутъ и Боуръ къ намъ подоспѣлъ съ деташементомъ. Да еще забылъ походъ съ генераломъ-маіоромъ Черноевичемъ по Пруту къ Журжулесту или Ренику, почти всякій день съ Татарами стычка была; сія крѣпостца лежитъ противъ Галаца на другой сторонѣ рѣки Прута; сіе было передъ 7-мъ числомъ Іюня 1770 года.

Послѣ жъ окончанія войны полкъ Архангелогородской пришелъ въ Польшу въ село Красное, гдѣ далъ мнѣ полковникъ въ команду 1-ю гранодерскую роту, а потомъ какъ полковникъ нашъ Матвѣй Петровичъ Ржевской уѣхалъ изъ полка въ отпускъ, оставилъ полкъ подъ командою подполковника Шипилова, который отъ слабости команды полкъ разстроилъ, и офицеры нѣкоторые зачали пить, а другіе между собою драться, я отъ сего, чтобы удалиться, переведенъ былъ (по прошенію моему въ 775 году Сентября 20-го) въ 4-й гранодерской полкъ, въ которомъ былъ полковникомъ Петръ Ѳедоровичъ Талызинъ, гдѣ получилъ я въ командованіе 11-ю роту. Въ ономъ полку я служилъ почти три года, въ Польшѣ и въ квартирахъ Смоленской губерніи, въ городѣ Рославлѣ, а стояли лагеремъ близъ Смоленска.

Изъ онаго переведенъ я по повелѣнію его сіятельства господина генералъ-фельдмаршала Петра Александровича Румянцева-Задунайскаго ко укомплектованію вспомогательнаго корпуса, состоящаго въ Польшѣ подъ командою генералъ-порутчика Павла Сергѣевича Потемкина, въ Кіевской пѣхотной полкъ 778-го года Октября 4-го дня, по представленію сего полка полковника Степана Степановича Апраксина. Въ томъ же полку меня пожаловали, по имянному указу 780-го года Сентября 19-го дня, въ секундъ-маіоры за то, что въ Могилевѣ вмѣсто гвардіи былъ посланъ я содержать караулъ при государынѣ Екатеринѣ II-й, а уже полкъ Кіевскій былъ на караулѣ въ Санктъ-Петербургѣ. При открытіи монумента или статуи царя Петра I-го былъ въ церемоніальномъ маршѣ; тогда полкъ удостоенъ былъ вмѣстѣ со всею гвардіею, и нашего полку какъ штабъ и оберъ-офицеры, такъ и всѣ чины даже и рядовые за тотъ день въ знакъ достойной памяти получили медали. Я былъ верхомъ передъ 2-мъ баталіономъ, и при входѣ еще въ Петербургъ чрезъ Царское Село императрица Екатерина II-я изволила пожаловать нижнимъ всѣмъ чинамъ по 1-му рублю, а штабъ и оберъ-офицерамъ указала объявить свое монаршее благоволеніе. У насъ и тогда былъ тотъ же полковникъ Степанъ Степановичъ Апраксинъ. Нашъ полкъ еще и прежде былъ на караулѣ вмѣсто гвардіи у Императрицы, въ городѣ Могилевѣ, какъ изволила шествовать изъ Петербурга, о чемъ я уже упомянулъ, а потомъ полкъ Кіевской изъ Петербурга пришелъ зимовать въ городѣ Нѣжинъ подъ команду опять фельдмаршала графа Румянцева-Задунайскаго; а оттуда пошли для покоренія Крыма или Таврической области. Тамъ состояли въ 782 и въ 783 годахъ подъ командою свѣтлѣйшаго князя Потемкина, по повелѣнію коего я былъ переведенъ въ драгунской Астраханской полкъ, находящійся на Кавказской линіи въ 784-мъ году Августа 1-го дня, куда я по сдачѣ полка Кіевскаго старшему по себѣ (ибо тогда я имъ въ Крыму командовалъ, какъ полковникъ Апраксинъ уѣхалъ ко двору ея величества въ разсужденіи должности флигель-адъютанта). Будучи жъ въ Крыму я для полку строилъ и казармы, отправился потомъ на Кавказскую линію, заѣхалъ однакоже въ Москву, такъ было мнѣ приказано отъ полковника Апраксина; ибо и онъ прежде меня переведенъ былъ имяннымъ указомъ въ тотъ же драгунской Астраханской полкъ.

Въ Москвѣ я пробылъ 4 мѣсяца и влюбился въ живущую тутъ же въ домѣ Степана Степановича у сестры его Марьи Степановны Талызиной, въ монастырку дѣвушку пристойную, Настасью Ивановну Бутрюмову, которая у нихъ жила, была выучена въ монастырѣ говорить хорошо по-французски и писать, танцовать, пѣть по нотамъ и играть немного на фортепіанѣ. Помолвивши съ ней формальнымъ образомъ,

уѣхалъ служить на Кавказскую линію въ Астраханской полкъ, въ коемъ былъ болѣе 4 лѣтъ.

Въ продолженіе сего времени 785-го Іюня 8-го, переправясь чрезъ рѣку Терекъ на Сунжѣ, прогнали толпы бунтовщиковъ Чеченцевъ; послѣ уже того какъ бригадиръ Піеріи разбитъ отъ Шикаили-имама въ дефиле, называемой Ханкалѣ, гдѣ и самъ убитъ былъ, а подполковникъ егерской пропалъ Каморской, а баталіонъ егерей и 2 гранодерскія роты совсѣмъ разбиты были отъ его зависти, что Піеріи не хотѣлъ раздѣлить съ нами надъ непріятелемъ побѣду и отъ того самъ пропалъ, велѣно всѣмъ собраться къ Сунжѣ-рѣкѣ 7 числа; а Піеріи пришелъ 6-го, а переправившись началъ дѣйствіе одинъ съ своимъ отрядомъ.

Послѣ сего два лѣта я содержалъ кордонъ отъ Наура до Кизляра, уже былъ произведенъ приміеръ-маіоромъ 786 года. Въ командѣ у меня, были 4 гранодерскія роты и 60 человѣкъ Гребенскихъ казаковъ. Гребенскими казаками они названы еще при жизни царя Петра І-го, потому что они возвратились съ гребня горъ Кавказскихъ; ушедшіе изъ стрѣльцовъ Россійскихъ и были прощены отъ Петра І-гѐ послѣ заложенія крѣпости Кизляра, почему они тамъ и поселены въ трехъ станицахъ. Сіи казаки точно также одѣты и наѣздка на лошадей такая жъ какъ Черкесы; и 160 человѣкъ Калмыковъ: эти только тогда храбры, какъ погонишь непріятелей, а какъ самъ ретироваться станешь, то первые жъ уйдутъ.

Потомъ дали мнѣ егарской баталіонъ, съ нимъ также одно лѣто служилъ, но не удалось подраться, а потомъ какъ велѣно генералу Текелію, нашему начальнику Петру Абрамовичу, идти съ корпусомъ для диверсіи въ крѣпости Анапѣ, чтѐ на Черномъ морѣ во флангѣ Кавказскихъ горъ; а потомъ 788-го года при переправѣ за Кубань, какъ шли къ Анапѣ, я былъ тогда у генералъ-маіора князя Ратеева дежурнымъ, за штабъ-квартермистра и партизаномъ; сіи три должности отправлялъ при авангардномъ корпусѣ, нашелъ мѣсто, гдѣ переправился цѣлый корпусъ чрезъ Кубань-рѣку, отбилъ отъ онаго непріятеля, сдѣлавъ въ другомъ мѣстѣ фосъ-переправу съ Гребенскими казаками и съ двумя ротами егерей, за что меня хотя и рекомендовали, что первый переправился за Кубань, но ничѣмъ не наградили; а въ статутѣ кавалеровъ Святаго Георгія сказано, кто первый переправится на непріятельскую сторону, тому дать крестъ.

Въ маршѣ при рѣкѣ Кубани того жъ года Сентября 26 дня въ генеральномъ сраженіи съ горцами и Турками; здѣсь я посланъ былъ съ 4-ю казаками доброконными и однимъ есауломъ Карауловымъ, чтобъ сыскать мѣсто и непріятеля съ тылу зайтить, чтò мнѣ и удалось; только самъ было попался въ ихъ руки, ибо тѣ, кои къ сраженію на помощь подоспѣвали, отрѣзали меня. Но я бросился вдругъ съ крикомъ изъ лѣсу и отбилъ у нихъ одно знамя; двухъ Абазинцовъ закололи, ибо они думали, что насъ тутъ цѣлый казачій полкъ былъ; и я то знамя привезъ къ генералу Ратееву. Онъ благодарилъ меня за знамя, и что я цѣлъ возвратился и велѣлъ съ собою идти одному полку и одному гранодерскому баталіону за мною на то мѣсто, которое я нашелъ для сраженія въ лѣсу на полянкѣ; тутъ пришедши построились мы двумя кареями, и непріятель, испугавшись, что мы открыли съ тылу ихъ канонаду изъ пушекъ по Туркамъ и Черкесамъ, кои всѣ скачутъ къ главному каре, гдѣ былъ Текелій; но какъ увидѣли, что мы ихъ отъ горъ отрѣзали, то всѣ толпы бросились уже на насъ и тѣмъ большой каре избавили отъ большаго урону; ибо оный построился въ критическомъ мѣстѣ тѣсномъ, что Горцы и Турки изъ лѣсу били изъ ружей солдатъ, а ихъ было не видно.

И за сіе мнѣ князь Потемкинъ ничего не далъ, хотя я началомъ былъ для сохраненія всего корпуса, а моему авангардному генералу Ратееву присланъ орденъ 2-й степени Владиміра. Послѣ сего подъ крѣпостію Анапою Октября 14-го того жъ года не довольно открывалъ мѣста, дѣлалъ чрезъ рытвины и буераки мосты; ибо мы шли черными горами и занималъ оныя съ боемъ оружія, но еще генералъ-поручика Петра Ѳедоровича Талызина, бывшаго своего полковника, избавилъ отъ смерти или бъ въ плѣнъ попался. Онъ хотѣлъ переѣхать отъ насъ на другую сторону болота посмотрѣть, какъ тамъ дерутся егери его команды, и въ ономъ завязъ со всѣмъ своимъ 4-мя казаками конвоемъ, я увидя его погибающаго, ибо Абазинцы раздѣлись и голые шли къ нему изъ тростнику съ ружьями; въ тужъ минуту выпросилъ я позволеніе у князя Ратеева своего командира, чтобъ его отбить и вынесть оттуда, чтò и удалось мнѣ исполнить, приказавъ также раздѣться 40 егерямъ и съ одними только ружьями да по 5-ти патроновъ привязавъ имъ каждому на шею; слава Богу, его отбивъ отъ горцевъ вытащили. Тутъ два егеря были ранены, которымъ далъ онъ довольную плату, а мнѣ сказалъ «спасибо, братъ, что ты старую хлѣбъ-соль помнишь».

Отъ Анапы мы послѣ сраженія назадъ пошли, ибо отъ князя Потемкина не велѣно было ее брать штурмомъ, хотя было и удобно; ибо въ крѣпости Анапѣ заперлись только Турки одни, коихъ было не больше

трехъ тысячъ, а горскіе воины всѣ расположились по горамъ, не хотѣли помогать Туркамъ въ городѣ Анапѣ. На возвратномъ пути почти каждой день горскіе жители насъ провожали пулями и стрѣляли изъ лука; но большаго вреда и сраженія мы уже не видали, а переправившись назадъ, или на свой берегъ Кубань рѣку, солдаты много потерпѣли нужды отъ холоду и въ недостаткѣ провіанта.

Сію экспедицію кончивши, я сталъ проситься въ отпускъ. Генералъ Текелій и отпустилъ меня только на 29 дней, я былъ и тому радъ, думая, что еще поспѣю къ штурму Очаковскому, куда я и поскакалъ на почтовыхъ; но пріѣхавъ въ Екатеринославъ городъ, узналъ, что уже Очаковъ взятъ, однакожъ я все къ нему поѣхалъ посмотрѣть крѣпость и все укрѣпленіе и апроши, кои рыли наши. Тамъ я нашелъ комендантомъ бригадира Юргенца, мнѣ знакомаго еще въ первую войну съ Турками; онъ мнѣ сказалъ, что большая часть Турокъ была сераксиромъ выведена изъ города въ ретраншементъ, которой довольно былъ укрѣпленъ и обширенъ; слѣдовательно все же войско уже не могло войти въ крѣпость во время штурма; а всѣ поколоты у входа къ воротамъ, гдѣ сказывалъ онъ «великія кучи мертвыхъ тѣлъ навалены были».

Оттуда поѣхалъ я съ данными мнѣ отъ командировъ атестатами, за дѣла мои во время походу къ крѣпости Анапѣ, въ Санктъ-Петербургъ, думалъ навѣрное крестъ Егорьевской получить; ибо въ статутѣ сказано, «кто первой станетъ на непріятельской берегъ съ боемъ оружія, тотъ получаетъ Егорьевской крестъ». Но ошибся въ моихъ мысляхъ, а вина была только та, что не имѣлъ протекціи, хотя и многіе дивились, что я о сю пору безъ креста, я отвѣчалъ имъ: благодарю за сдѣланную честь, хорошо и то, что вы слышали о моихъ дѣлахъ, нежели бы у меня спросили, за что я получилъ? Видно я только счастливъ для откомандированія къ бою, а къ полученію награжденія другіе. И подлинно многимъ дали чины и кресты, а мнѣ ничего.

Такъ я поѣхалъ на Кавказскую линію обратно, гдѣ уже нашелъ главнымъ командиромъ графа Ивана Петровича Салтыкова. Онъ меня взялъ къ себѣ въ дежурные; но недолго мнѣ досталось у него быть въ сей должности; ибо князь Потемкинъ перевелъ меня въ егерскіе баталіоны, по причинѣ что я былъ въ полку Астраханскомъ драгунскомъ сверхъ комплекта, а можетъ быть и другой чей умыселъ былъ таскать меня изъ угла въ уголъ цѣлаго государства, изъ Крыму къ Каспійскому морю къ Кизляру, оттуда опять на Черное къ Инкерману; но принужденъ былъ ѣхать, взявъ съ собою бѣлье и одного человѣка Егора, съ которымъ я въ кибиткѣ на почтовыхъ пріѣхалъ въ Каушаны, что̀ въ Бессарабіи.

Это было 789-го года въ Сентябрѣ. Тутъ стоялъ съ корпусомъ господинъ генералъ-порутчикъ графъ де Балменъ, къ которому я и явился, объявя, что я ѣду къ свѣтлѣйшему князю Потемкину, для определенія въ егерскіе баталіоны, имѣя отправленіе отъ графа Салтыкова; онъ мнѣ совѣтовалъ тогда лучше ѣхать одному съ казакомъ и верхомъ, нежели въ повозкѣ, въ разсужденіи опасности разъѣзжающихся Турецкихъ партій изъ города Бендеръ, а князь уже въ Бѣлградѣ или Акерманѣ на Черномъ морѣ, который былъ взятъ на капитуляцію. Итакъ я оставилъ кибитку у подполковника казацкаго Иловайскаго, чтò былъ послѣ генералъ-маіоромъ, а самъ съ казакомъ верхомъ поѣхалъ къ Бѣлграду или Акерману. Дорогою ничего не случилось, кромѣ что дождь всего промочилъ. Пріѣхавши туда, тотчасъ пошелъ къ Попову правителю письменныхъ дѣлъ, и депеши, кои были со мною, ему отдалъ. Живши тамъ 4 дня, спрашивалъ у него о своей судьбѣ; но онъ обыкновенно для кого былъ недобръ, то промолчитъ и уйдетъ вонъ изъ канцеляріи, или совсѣмъ запрется. И такъ я, поживъ въ Акерманѣ 10 дней, уже почти и денегъ мало стало, да и въ одной рубашкѣ обчесался, выдумалъ, для скораго отправленія стратажему: всегда за столомъ старался садиться противъ князя Потемкина, который лишь увидитъ меня, то тотчасъ спрашиваетъ Попова и выговариваетъ ему, для чего я не отправленъ (ибо князя только и увидишь за столомъ, а то рѣдкихъ къ нему пускали, а особливо нашу братью, кои стѣны лбомъ своимъ пробивали безъ протекціи). Сіе я дѣлалъ 4 раза, чтò былъ на глазахъ за столомъ; наконецъ уже Поповъ меня самъ спросилъ и съ гнѣвомъ изволилъ выговоръ сдѣлать, для чего я попадался на глаза къ князю? Я ему отвѣчалъ для того, что я хочу, чтобъ вы меня опредѣлили скорѣе къ мѣсту. «Вотъ тебѣ и мѣсто» и далъ мнѣ отправленіе явиться въ Херсонѣ къ князю Репнину, къ которому я и поѣхалъ верхомъ до Каушанъ, а тамъ въ своей кибиткѣ. Пріѣхавши въ Херсонъ, къ князю явился, которой мнѣ повелѣніе княжое объявилъ, что я опредѣленъ въ Лифляндскій егерскій корпусъ въ 3-й баталіонъ на ваканцію баталіоннаго начальника 789 года Ноября 13 дня, о чемъ и ордеромъ предписалъ шефу того корпуса генералъ-маіору Мекнобу, чтобъ я принялъ 3-й баталіонъ отъ подполковника Стоянова на законномъ порядкѣ (на которомъ отъ сдачи и понынѣ осталось моихъ денегъ 300 р.).

Баталіонъ 3-й я нашелъ совершенно разстроенный, ибо сіе время было послѣ штурма Очаковскаго, ни обозу, ни аммуниціи, а въ комплектѣ недоставало 320 человѣкъ; обо всемъ подалъ я рапортъ къ шефу и къ князю Репнину. Въ зиму построилъ я новый обозъ, людей одѣлъ, ружьи исправилъ, за рекрутами самъ ѣздилъ въ Витовку, гдѣ жилъ бригадиръ Фале-

евъ *), или въ городъ, что нынѣ Николаевъ, тамъ нашелъ всѣхъ рекрутъ почти голыхъ, такъ что иные почти въ рогожкахъ ходили, ибо свое платье все изорвали на работѣ каменной, что Фалеевъ приказывалъ дѣлать, то и сдѣлали, уже годъ какъ тамъ работали, и за то денегъ имъ никто не платилъ, изъ коихъ отъ непопеченія по 10 мерли въ день, и относили ихъ безъ попа и отпѣву какъ собакъ на носилкахъ зарывать въ ямы, я самъ это видѣлъ, чему ужаснулся. А тамъ же былъ генеральный гошпиталь, гдѣ никто не смотрѣлъ кромѣ цырульниковъ, хотя и многіе приставлены были, но они только наживались; остальные жъ отъ рекрутъ умершихъ деньги брали себѣ. Господину Фалееву хотя я и сказывалъ, что нѣтъ ни малѣйшаго человѣколюбія; но онъ мнѣ сказалъ «это, сударь, не можетъ быть, я самъ смотрю» и просилъ меня обѣдать, но я радъ, что вырвалъ изъ погибели своихъ рекрутъ, помаршировалъ съ ними въ Херсонъ, гдѣ мы стояли въ казармахъ, куда привелъ. Шефъ раздѣлилъ на 4 баталіона, изъ коихъ мнѣ досталось 320 человѣкъ. Каждаго я раздѣлъ до наготы и осмотрѣлъ ихъ, нѣтъ ли у нихъ какихъ на тѣлѣ заразъ; нашелъ по большей части въ чирьяхъ и въ чесоткѣ, ибо одну рубашку носили по два мѣсяца, тотъ же день велѣлъ ихъ вести въ баню, а рубашки купилъ имъ старыя у другихъ егерей; и какъ они обмылись, совсѣмъ другіе люди стали; но все оставалась въ нихъ внутри та гнилость, которая вкоренилась отъ худой пищи и несмотрѣнія, какъ были они на работѣ. И сколько моего старанія ни было, изъ нихъ болѣе 60 человѣкъ въ лазаретѣ померло поносами и горячкою, ибо воздухъ въ Херсонѣ отмѣнно тяжелый, все вѣтры или жары; а въ другихъ баталіонахъ и половины не осталось. Къ лѣту баталіонъ 3-й я совсѣмъ устроилъ и людей поодиночкѣ выучилъ прикладываться цѣльно, заряжать проворно и съ ружьемъ какъ должно обходиться, сіи три правила были у меня основаніемъ солдатской должности; и шефу своему генералъ-маіору Мекнобу лѣтомъ показалъ весь баталіонъ поодиночкѣ, вотъ какимъ образомъ. Веревка была протянута, по которой егерь тащилъ бѣгомъ щитъ въ ростъ человѣка, а шириною $1^1/_2$ ар. Противъ оной по всей дистанціи разставлены были чрезъ 20 шаговъ егерей по 6 человѣкъ, которые на бѣгу многіе попадали въ щитъ. А послѣ и маневры строилъ съ баталіономъ по егерски. Шефъ былъ больше тѣмъ доволенъ, что изъ всего баталіона только 17 ружей осѣклось, а то всѣ выстрѣлили безъ осѣчки; и осмотрѣлъ каждаго и весь обозъ и упряжь; послѣ отдалъ въ благодарность приказъ по всему корпусу и прочимъ командирамъ рекомендовалъ также устроить свои баталіоны; а еще ему больше пріятно было то, что у меня меньше всѣхъ померло.

---

*) Былъ креатура князя Потемкина.

Послѣ осмотру баталіоновъ пошли мы въ походъ къ Бендерамъ и тутъ простояли до самой осени, оттуда пошли къ крѣпости Киліи, что̀ на устьѣ рѣки Дуная. Начальникъ у нашего корпуса былъ генералъ артиллеріи Иванъ Ивановичъ Миллеръ, который отъ раны умеръ тамъ же какъ взяли 790 года Октября 6 ретраншементъ Килійской.

На мѣсто его присланъ командовать корпусомъ ген.-порутчикъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ. Онъ обложилъ формально крѣпость, велѣлъ нашему шефу одинъ Армянскій монастырь отбить, шефъ послалъ съ баталіономъ меня, сіе я исполнилъ, выбивши Турокъ, подлѣ чего подъ моимъ же прикрытіемъ и брешь-батарею заложилъ. Тутъ былъ инженерной ген.-маіоръ Кнорингъ; а по стрѣляніи 5 дней стѣну и башню разбили, отъ которой каменья и кирпичи въ ровъ повалились, почему паша, той крѣпости начальникъ, и выслалъ 300 человѣкъ отборныхъ янычаровъ вонъ изъ крѣпости, и велѣлъ лечь противъ башни во рву, для прикрытія пролома подъ своими пушками, а чтобъ узнать, какъ заваленъ ровъ, и можно ли перейтить его. Для сего во время ночи я былъ посланъ бригадиромъ дежурнымъ при блокадѣ находящимся Рахмановымъ, съ тремя егерями. Не знаю, откуда сіе повелѣніе пришло, но долженъ повиноваться правиламъ службы; хотя и вѣрная смерть предстояла: ибо и тѣ янычары были во флангѣ бреши, до которой мнѣ мимо ихъ должно пропалзывать. Въ душѣ своей сказалъ «буди. Господи, воля Твоя надо мною», передѣвшись въ егерскую шинель, съ двумя егерями, поползъ ко рву, прокрадываясь мимо печей разломанныхъ, кои остались отъ пожару: ибо форштатъ былъ весь выжженъ. Отползли мы отъ брешь-батареи сажень 10; егерь мой увидѣлъ изо рва выходитъ огонь и мнѣ сказалъ, и такъ мы остановились. Что̀ будетъ отъ сего огня? думая себѣ: можетъ быть, это ихъ дозоръ ходитъ по рву; но потомъ огонь идетъ все къ намъ ближе. Я велѣлъ егерямъ ружья оправить, и самъ вынулъ изъ ножонъ саблю, огонь поравнялся съ нами, то увидѣли мы, что это два Турка съ фонаремъ, мы тужъ минуту ихъ обступили. Я спросилъ: куда вы идете? толмачъ мнѣ отвѣчалъ, что это байряктаръ идетъ съ письмомъ отъ паши къ вашему генералу. Я ихъ и отвелъ къ дежурному бригадиру, Михайлѣ Степановичу Рахманову, которой обрадовался и сказалъ «вѣрно это значитъ, что паша хочитъ крѣпость сдать». И подлинно такъ и вышло: на другой день мы Килію и заняли. Господинъ генералъ Гудовичъ меня лично благодарилъ за счастливую встрѣчу и успѣхи противъ крѣпости, и подлинно было для меня счастье: могло бъ быть, чтобъ я подлѣ бреши и голову потерялъ. Сказалъ, что «будетъ меня рекомендовать за всѣ до сего времени дѣла и услуги отечеству»; и правда, послалъ меня послѣ съ большою реляціею обо всемъ къ князю По-

темкину въ Бендеры. Но я тамъ, живши двѣ недѣли, ничего не получалъ; не былъ удостоинъ милости ни княжей, ни Попова, и съ тѣмъ возвратился къ своему баталіону, а прежде посланный господинъ Титовъ былъ награжденъ приміеръ-маіорскимъ чиномъ; ибо онъ больше моего заслужилъ, сидѣвши въ палаткѣ за столомъ, только подписывая на приказахъ «дежурный маіоръ».

Отъ Киліи весь нашъ корпусъ пошелъ по повелѣнію князя къ крѣпости Измаилу, подъ которымъ съ 24 Ноября по 14-е число Декабря находились, пока его взяли штурмою, какъ пріѣхалъ къ намъ графъ Ал. Васильевичъ Суворовъ командовать, а Гудовичъ уѣхалъ въ Бендеры, гдѣ былъ князь Потемкинъ. Слышно было, что генералъ Гудовичъ отказался брать штурмомъ Измаилъ, ибо въ крѣпости было одного гарнизона 35000 тысячъ Турокъ и Татаръ, чему и можно вѣрить; оные собрались изъ 4-хъ главныхъ крѣпостей, изъ Хотина, изъ Бендеръ, изъ Акермана, изъ Киліи и свой пятый гарнизонъ; и потому они держались крѣпко, что почти всѣ побиты и поколоны были. Штурмъ продолжался 8 часовъ, и нѣкоторыя колоны взошли было въ городъ, опять выгнаты были. Я изъ своего баталіона потерялъ 312 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ, а штабъ и оберъ-офицеры или ранены, или убиты были, и я раненъ былъ пулею на вылетъ въ самой амбразурѣ въ бровь, и въ високъ вышла и кабы трубачъ меня не сдернулъ съ пушки, то бы на ней и голову отрубили Турки. На рампаръ я взошелъ первый; только передо мною по лѣстницѣ 3 егеря лѣзли, которыхъ въ той же амбразурѣ Турки изрубили; ровъ такъ былъ глубокъ, что 9 аршинъ лѣстница только могла достать до берму, а съ берма до амбразуръ другую мы наставляли. Тутъ много у насъ солдатъ погибло, они всѣмъ насъ били, чѣмъ хотѣли.

Какъ я очнулся отъ раны, то увидѣлъ себя только съ двумя егерями и трубачомъ, прочіе всѣ были или побиты или ранены на парапетѣ. Потомъ сталъ кричать, чтобъ остальные офицеры сами лѣзли съ егерями изъ рва вверхъ, придавалъ имъ смѣлости, что Турки оставили бастіонъ. Тогда ко мнѣ взлѣзли по лѣстницамъ поручикъ Бѣлокопытовъ и подпоручикъ Лавровъ съ егерями здоровыми; мы закричали ура, бросились во внутрь бастіона и овладѣли онымъ; но однакожъ много егерей тутъ было изрублено, и офицеръ одинъ убитъ, а меня хоть и перевязали платкомъ, намочивъ слюнями землю, къ ранѣ приложилъ трубачъ (ибо въ егерскихъ баталіонахъ тогда были трубачи, а барабановъ не было), но все кровь текла изъ головы. Я слабѣлъ и пошелъ лечь на банкетѣ (а потомъ рана сія засохла съ слюнями и зем-

лею, и такъ вылѣчился; но глазомъ правымъ долго не могъ видѣть), а пушки велѣлъ обратить и внутрь по городу стрѣлять. Штурмъ продолжался еще послѣ сего, то наши гонютъ, то Турки нашихъ рубятъ, болѣе 4 часовъ внутри города и безъ строю. Окончилось тѣмъ, что Богъ намъ опредѣлилъ быть побѣдителями; насъ всего было 17 тысячъ регулярныхъ, да казаковъ 5 тысячъ, съ которыми счастливый и смѣлый графъ Суворовъ взялъ крѣпость Измаилъ. Послѣ бою графъ позволилъ нижнимъ чинамъ въ крѣпости брать все кто чтò нашелъ три дни. Правду сказать, у насъ не было уже почти хлѣба, а потомъ сдѣлались хлѣбомъ и разными припасами довольны; нижніе чины достали и червонцевъ много, такъ что шапками иные къ маркитантамъ носили.

Забылъ я написать, еще до штурма чтò съ нашею колоною случилось. Колоновожатой у насъ былъ маіоръ Марченко, присланъ былъ изъ свиты Павла Сергѣевича Потемкина, оной завелъ насъ совсѣмъ не туда и самъ пропалъ: ибо шефъ нашъ, который командовалъ колоною, г.-маіоръ Мекнобъ пришелъ ко мнѣ, какъ мы уже идемъ къ крѣпости, говоритъ, что «я не знаю, гдѣ съ колоною стою, кажется мнѣ не тамъ, гдѣ начинать должно штурмовать», а ночь была къ счастію нашему очень темная, я ему отвѣчалъ, что на то есть колоновожатель. Сей Марченко послѣ явился цѣлъ и былъ на бастіонѣ, которой штурмовали; но его тогда сыскать не могли. Итакъ мнѣ Мекнобъ сталъ говорить «я на тебя надѣюсь, какъ на себя; возьми егерей и поди до рва, узнай, гдѣ мы теперь съ колоной стоимъ». Я думалъ, что лучше просьбы его послушаться нежели дождаться приказанія, пошелъ; однакожъ сказалъ ему: довѣренность очень велика сдѣланная мнѣ отъ васъ, но ежели пропаду, то не въ своемъ мѣстѣ. Онъ послѣ сказалъ, что «если крѣпость возьмемъ и останемся живы, то вдвое и награжденъ будешь». Перекрестясь и пошелъ я къ принцу Филипшталю (и онъ былъ послѣ раненъ), который былъ впереди съ стрѣлками, у него взялъ трехъ егерей и поползъ ко рву. Егерей для того я взялъ, чтобъ по нихъ назадъ, какъ поползу, колону свою найтить; клалъ я ихъ на землю въ дистанціи 20 шаговъ, и велѣлъ отзываться свистомъ. Итакъ доползъ до рва, увидѣлъ, что бѣлѣется бастіонъ отъ кавальеру выкладеннаго бѣлымъ камнемъ, оной былъ отъ нихъ по лѣвую сторону нашего бастіона, на который велѣно было идти, а отъ насъ по правую сторону. Тутъ еще и собака на меня забрехала, видно привязана была во рвѣ для осторожности, но я припалъ, и она замолкла, а шуму отъ Турокъ никакого на кавальерѣ и бастіонѣ не слыхалъ, всѣ спали. Итакъ я, приползши обратно къ своей колонѣ, донесъ шефу, что мы не противъ своего пунк-

та*), гдѣ назначено спускаться въ ровъ штурмовать, то велѣлъ онъ мнѣ вести колону къ тому бастіону. Я всю колону повернулъ налѣво тихо, однакожъ все штыки и лѣстницы, которыя несли, застучали; но любезные Турки не проснулись до тѣхъ поръ, какъ мы уже были на контръ-эскарпѣ и стали по лѣстницамъ спускаться переднія войска въ ровъ. Тутъ они открыли свою канонаду и картечьми много побили у насъ на гласисѣ въ хвосту колоны; а мы были уже во рву. Шефъ нашъ на гласисѣ былъ раненъ уже на разсвѣтѣ въ ногу, и его понесли прочь, и послѣ того умеръ въ Килии отъ сей же раны; мы остались доканчивать свое дѣло сами, баталіонные командиры съ егерями. Изъ резерву Троицкаго пѣхотнаго полка помогъ намъ много капитанъ Воиновъ, который у той же пушки, гдѣ и я былъ, раненъ и убитъ наповалъ; жаль, офицеръ былъ храбрый съ мужественнымъ духомъ, ибо одинъ онъ выпросился съ гранодерами впередъ у бригадира и полковника своего Хвостова. Итакъ вся лишняя моя услуга отечеству пропала; ибо генералъ и шефъ Мекнобъ умеръ, а дали только мнѣ 4-го класса за храбрость Егорьевской крестъ съ рескриптомъ, да другому маіору Шеховскому, которому руку Турки отрубили, а протчимъ изъ маіоровъ никому не дано Егорьевскихъ крестовъ.

Если бы все написать въ рекомендацію, то еще до штурма много сдѣлалъ лишняго противъ своихъ товарищей, и можно сказать спасъ всю колону и первый лѣзъ по лѣстницѣ на бастіонъ, да я же и маіоромъ по арміи былъ первый, то можно бы князю Потемкину дать мнѣ и чинъ, какъ и всѣмъ давалъ при штурмѣ Очаковскомъ баталіоннымъ командирамъ. А только тѣмъ мы несчастливы, что онъ тутъ самъ не былъ.

Послѣ штурма забравши раненыхъ, коихъ могли взять, а иные остались въ Измаилѣ для излѣченія, я пришелъ съ баталіономъ въ мѣстечко Оргей. Штурмъ былъ Измаила Декабря 11-го дня 1790-го года.

Въ Оргеѣ я былъ боленъ при смерти, уже 22 дни не ѣлъ и не спалъ; и думаю, что болѣзнь пришла послѣдствіемъ головной раны. Исповѣдался и пріобщился святыхъ таинъ. Чрезъ нѣсколько дней захотѣлось мнѣ арбуза, котораго я безъ лѣкаря наѣлся, то есть выпилъ сокъ изъ онаго; сдѣлалась во мнѣ перемѣна, изъ жестокой горячки и взрыду сдѣлалась во мнѣ лихорадка, продолженіемъ которой я

*) Бастіонъ, на который намъ должно было идти, мы съ г-мъ Мекнобомъ еще за день штурма ѣздили верхомъ осматривать и подъѣзжали очень близко, такъ что по насъ изъ ружей палили.

избавился отъ смерти, и вся гниль отъ грудей и опухоль въ ноги оттянула, такъ что у меня ноги сдѣлались какъ бревны толсты. А тогда мы пошли въ походъ изъ Молдавіи въ Елисаветградъ, гдѣ мнѣ сдѣлалось, думаю отъ дороги, гораздо легче; но лихорадку я отъ себя не отгонялъ, она у меня была ровно 9-ть мѣсяцевъ, пока всю желчь и гниль изъ меня выгнала пòтами, и въ ней я никогда не лежалъ, или верхомъ былъ, или на дрожкахъ, только какъ жаръ придетъ, то ложился, а опухоль изъ ногъ пропала отъ слабительныхъ порошковъ, кои я всякой день принималъ; но ѣлъ все, чтò захотѣлось, только понемногу, даже и кислое молоко.

Изъ города Елисаветграда весною мы пошли въ Польшу и расположились по Днѣстру всѣ четыре баталіона, содержали кордонъ, не пускали бѣглыхъ солдатъ и мужиковъ на ту сторону. Сіе было лѣтомъ. Мнѣ досталось стоять въ самомъ дурномъ мѣстѣ, между каменными горами, въ мѣстечкѣ Ушицѣ; а потомъ, какъ сдѣлалась конфидерація въ Польшѣ и потомъ реконфидерація подъ предводительствомъ графа Потоцкаго Щенснаго, то меня съ баталіономъ командировали для прикрытія его особы и всѣхъ членовъ; ибо графъ Потоцкой былъ намъ преданъ (и еще былъ полкъ конной, полковника Глазенапа). Въ Дубнахъ мы и содержали караулъ, гдѣ и контракты Польскихъ дворянъ были. Оттуда пришелъ я зимовать въ мѣстечко Николаевъ князя Черторискаго, гдѣ случилась жестокая буря или, лучше сказать, вихрь, что всю конюшню повалило, и много лошадей у меня моихъ и баталіонныхъ передавило; однакожъ на покупку казенныхъ лошадей отпустили мнѣ по свидѣтельству деньги. Забылъ я написать: какъ я зимовалъ въ мѣстечкѣ Мурованыхъ Куриловцахъ съ баталіономъ, было страшное землетрясеніе съ шумомъ и продолжалось 5 минутъ (передъ войною съ Поляками, землетрясеніе было 1793-го года Ноября 27-го дня). Оттуда насъ два баталіона—2-й подъ командою приміеръ-маіора Шпармана и мой 3-й того жъ корпуса пошли къ Каменцу-Подольскому, чтобъ его взять, ибо тамъ были конфедераты. Какъ туда въ городъ Каменецъ господинъ Золотницкій пріѣхалъ, то мы взяли крѣпость безъ урону. Сей намъ и ключи вынесъ отъ крѣпости 793 года Апрѣля 21 дня и отдалъ полковнику Зубову, который командовалъ нами авангардомъ; онъ съ позволенія господина Дерфельдена съ ключами и съ полною реляціею поѣхалъ къ Государынѣ. Дерфельденъ приказалъ и мнѣ ѣхать съ нимъ же. Мы поскакали на почтовыхъ, пріѣхали къ генералу аншефу Кречетникову, тогда главному надъ нами начальнику, которой отправилъ насъ въ Петербургъ, куда мы съ Зубовымъ Николаемъ Александровичемъ пріѣхали Мая 1-го дня 793 года рано. Всемилостивѣйшая Государыня очень была довольна, что

безъ пролитія крови взяли крѣпость Каменецъ-Подольскую: Зубова пожаловала въ генералъ-маіоры, а меня имяннымъ повелѣніемъ въ подполковники, и старшинство отдали, которое у меня пропадало по драгунской службѣ, какъ былъ пять лѣтъ на Кавказской линіи. И такъ я сталъ считаться въ подполковничьемъ чинѣ съ 788-го Іюля 14 дня.

Изъ Петербурга графъ Николай Ивановичъ Салтыковъ позволилъ мнѣ заѣхать на двѣ недѣли въ Москву. Тутъ я съ женою Настасьею Ивановною пожилъ одну недѣлю, да къ матушкѣ Дарьѣ Трофимовнѣ въ Арзамасъ съѣздилъ; тамъ 4 дня жилъ; и простясь съ ними обратно уѣхалъ служить съ своимъ баталіономъ, которой зимовалъ тогда въ мѣстечкѣ Николаевѣ.

На другой годъ сдѣлалась революція въ цѣлой Польшѣ, и нашихъ много пропало въ Варшавѣ; то генералъ-порутчикъ Дерфельденъ и велѣлъ мнѣ съ баталіономъ скорѣй идти перенять бригаду Польскую, которая хотя присягала на вѣрность намъ, но взбунтовавшись, ушла на коняхъ. Уже она сражалась на дорогѣ съ ротами Екатеринославскаго гранодерскаго полка, и потянулись Поляки къ кордону Цесарскому. Я тотъ часъ сколько у меня было по близости ротъ (ибо тогда еще стояли по квартирамъ) собралъ до 160 человѣкъ егерей, побѣжалъ съ ними, чтобъ ихъ перенять, но всѣхъ не захватилъ, а только до 30 человѣкъ Поляковъ въ плѣнъ взялъ со всѣмъ, съ лошадьми и аммуниціею, которую они везли на подводахъ, безъ малѣйшаго урону, и все это представилъ къ графу Ивану Петровичу Салтыкову, ибо онъ уже былъ у насъ главный начальникъ и жилъ въ Лабуни. Въ этомъ маломъ походѣ я егерями очень былъ доволенъ, что они охотно въ двое сутокъ сдѣлали болѣе 100 верстъ переходу; правда, что многіе стерли ноги отъ того, что болота переходили прямо.

Здѣсь нѣкоторую диковинку вамъ скажу. Проводникъ меня велъ черезъ плотину. Пришли двѣ дороги, онъ меня повелъ было налѣво, а гдѣ ни взялся селезень, то есть утка дикая; увидѣлъ я, что она по дорогѣ побѣжала направо и я подумалъ, что это Богъ намъ далъ спутника или проводника лучше нежели Жидъ, который можетъ и обмануть. Такъ и вышло, что если бъ я не пошелъ по той дорогѣ что̀ селезень показалъ, то бъ ни одного конфедерата не видалъ; ибо Поляки всѣ тамъ бѣжали и къ той сторонѣ, куда селезень намъ показалъ. У тѣхъ конфедератовъ я отбилъ 12 человѣкъ гранодеръ, коихъ они обобрали, Екатеринославскаго полка, какъ дрались съ Булгаковымъ полковникомъ. Плѣнные объявили мнѣ, что у той бригады Польской былъ командиръ маіоръ Вишковской, коего чуть было я не захватилъ самого уже на

Цесарской границѣ. Послѣ мнѣ велѣно идти съ двумя баталіонами, 2-мъ и моимъ 3-мъ къ мѣстечку Дубенкѣ, гдѣ съ Костюшкою ихъ предводителемъ была баталія у нашего полковника Пальменбаха. Оной Пальменбахъ тамъ и убитъ на батареѣ.

Туда пріѣхалъ изъ Петербурга командовать авангардомъ генералъ-маіоръ Валеріанъ Александровичъ Зубовъ, а весь корпусъ былъ подъ начальствомъ генералъ - порутчика Дерфельдена. Отъ Дубенокъ зачали имѣть малыя сшибки съ Поляками, и по большей части дрались только казаки и егери, подъ командою моею до самаго города Хелма, гдѣ они всѣ собрались подъ начальствомъ трехъ генераловъ и намъ дали баталію. Тогда я былъ посланъ съ двумя только ротами для занятія лѣса, мимо котораго должно идти 1-й и 2-й линіи; тутъ мнѣ и досталось всѣхъ горячѣе; ибо не знали мы, что въ лѣсу были отъ нихъ поставлены пушки и скрыты за засѣкою. Какъ я сталъ входить въ лѣсъ перепалкою ружейною съ ихъ егерями жъ, то вдругъ они по мнѣ выстрѣлили картечами, убили одного офицера и 16-ть егерей и многихъ ранили; хорошо, что я вразсыпную съ егерями шелъ. Тогда Зубовъ, услышавъ, что у меня идетъ порядочная свалка, прислалъ ко мнѣ и остальныхъ егерей моего баталіона; съ ними уже я началъ заходить во флангъ батареи, чтобъ оную и взять на штыкахъ, но они штыковъ не любятъ, ушли; а пушки увезли на лошадяхъ до дорогѣ. Однакожъ я много взялъ въ плѣнъ раненыхъ солдатъ и косенеровъ, то-есть которые только съ косами были противъ насъ, изъ мужиковъ набранные; и такъ прошелъ уже лѣсъ съ малою перепалкою. Кончилась баталія; я получилъ благодарность за успѣхъ, что линію 1-ю и 2-ю избавилъ отъ картечи, а на себя все это обратилъ: ибо они бъ изъ лѣсу стрѣляли вдоль нашихъ линій по фронту, и за то послѣ Государыня пожаловала меня въ полковники. 794 Мая 28-го. Въ день Троицы Святой баталія была; а Военная Коллегія помѣстила меня въ комплектъ указомъ въ Новогородской полкъ, который тогда находился въ корпусѣ генералъ-порутчика Ферзена, противъ Костюшки; но генералъ Дерфельденъ меня туда не отпустилъ, а велѣлъ сію кампанію до окончанія прослужить съ егерьскими двумя баталіонами, 2-мъ и 3-мъ подъ командою его.

Такъ я и остался въ томъ же корпусѣ командиромъ надъ двумя баталіонами, надѣвши на себя только полковничій камзолъ, а мундиръ былъ егерьскій. Послѣ сего, шедши къ Прагѣ, въ трехъ мѣстахъ еще съ Поляками дрались; но большаго сраженія нигдѣ не было. Въ послѣднемъ генералу Вал. Зубову и полковнику Рароку изъ пушекъ ноги ядрами отбило; Рарокъ въ 15 день послѣ того умеръ, а генералъ Зубовъ

остался живъ; видно, у сего кровь почище была. Къ штурму Праги я уже пошелъ съ своимъ однимъ баталіономъ 3-мъ, а 2-й остался съ своимъ командиромъ Шпарманомъ у прикрытія генерала Зубова; ибо у него нога была отстрѣлена ядромъ, а потомъ отпилена въ деревнѣ Поповкѣ, въ которой онъ раненый лежалъ. Къ Прагѣ всѣ корпуса собрались, куда пріѣхалъ и графъ Суворовъ; взялъ всѣ корпуса въ свою команду. Сперва обыкновенно по его манерѣ теоретически штурмовать, въ лагерѣ пили и ѣли довольно, и пѣли пѣсни, а потомъ подошли близко къ Прагѣ Варшавской. Я тутъ попался уже въ команду генералъ-маіора Ласія, у коего въ колонѣ и на штурмѣ былъ. Наканунѣ штурма 23-го Октября 794 года господинъ Дерфельденъ велѣлъ дѣлать брешь-батарею, думаю, для того, чтобъ Поляковъ увѣрить, что еще мы нескоро пойдемъ брать ретрашементъ Прагской; но сія фосъ-брешь-батарея далась мнѣ знать.

Тутъ съ однимъ своимъ баталіономъ прикрывалъ оную, когда строилъ оную артилеріи капитанъ Бѣгичевъ, а я былъ впереди на чистомъ мѣстѣ, чтобъ вылазка не случилась. Но вылазки я не боялся, а изъ 4-хъ батарей съ передняго фасу изъ укрѣпленія да во флангъ изъ за рѣки Вислы 5-ть батарей всѣ по мнѣ стрѣляли ядрами (ибо мы дѣлали брешь днемъ) такъ жестоко, что я принужденъ весь баталіонъ разсыпать по лугу и велѣлъ егерямъ лечь, а самъ одинъ остался на конѣ, Арабскомъ жеребцѣ, на которомъ и въ Хельмскомъ сраженіи былъ и на протчихъ потычкахъ, не стоялъ ни секунды на одномъ мѣстѣ, разъѣзжалъ, чтобъ не сдѣлать цѣли, и притомъ подъѣзжалъ ближе, желалъ осмотрѣть, гдѣ у нихъ есть ворота. И такъ, сколько Полякамъ ни хотѣлось меня убить, но Богъ сохранилъ меня, а я своихъ егарей такимъ порядкомъ спасъ, съ коими въ головѣ колоны въ слѣдующую ночь и на штурмѣ былъ 24 Октября 794 года, и съ ними овладѣлъ бастіономъ, на коемъ было большихъ 6 пушекъ; за мною и всѣ уже взошли. Тутъ ровъ былъ неглубокъ, почти все по штыкамъ взлѣзли, то есть штыки въ валъ затыкали и на нихъ егеря ногами становились; ибо валъ былъ земляной; только много въ волчьихъ ямахъ нашихъ попадало, кои были на гласисѣ вырыты. Даже до самаго мосту Поляковъ кололи, а какъ они въ улицахъ въ домы скрылись, то тутъ и егарямъ досталось потерять жизнь; во всю штурму Праги убито и ранено было у меня не болѣе 46 человѣкъ. Хвосту колоны больше досталось потерять отъ картечи, ибо они спали, какъ я привелъ колону къ самому гласису; я жъ и колоновожатый былъ. Съ рампару часовой спрашиваетъ по-польски «кто идзе?», а я отвѣчалъ «свои, мой коханый» также по-польски, и тотъ часъ закричалъ на штыки и лѣзть велѣлъ на валъ и бастіонъ; спасибо, егаря боялись меня

и любили, этимъ могу похвалиться. Итакъ я послѣднее сраженіе съ ними имѣлъ, а послѣ штурма Праги господинъ Дерфельденъ велѣлъ мнѣ по повелѣнію графа Суворова собрать всѣ отбитыя у непріятеля пушки, коихъ я нашелъ 110 разнаго калибра, и почти всѣ новыя; съ ними отправили меня въ городъ Кіевъ, и еще для прикрытія прислали конный полкъ бригадира Сабурова Острогожской.

Егарской баталіонъ сдалъ я старшему по себѣ на дорогѣ секундъ-маіору Мельникову во всемъ сполна, въ чемъ взялъ и квитанцію и къ командѣ отрапортовалъ, а самъ вступилъ въ командованіе надъ баталіономъ 1-мъ Новогородскаго пѣхотнаго полку и съ симъ баталіономъ, явившись къ бригадиру Субарову, я прикрывалъ 110 пушекъ и 1600 человѣкъ плѣнныхъ взятыхъ въ разныя времена. Однако съ дороги графъ Суворовъ изъ нихъ лутчихъ по просьбѣ Польскаго короля отпустилъ 500 человѣкъ, въ томъ числѣ генерала-маіора Мейна, котораго я взялъ во время штурма въ плѣнъ, и довольно штабъ и оберъ-офицеровъ. Въ дорогѣ много претерпѣли нужды отъ холоду, особливо бѣдные плѣнные недостаточны были одеждою. Пришедши къ Бердичеву, явился у генералъ-маіора Хрущова Алексѣя Ивановича, который, обо всемъ отрапортовавъ графу фельдмаршалу Румянцову-Задунайскому, приказалъ мнѣ занять квартиры около мѣстечка Бердичева въ тѣхъ же деревняхъ, гдѣ уже 2-й баталіонъ моего полка квартируетъ и плѣнныхъ разставить по квартирамъ за присмотромъ; а пушки съ прикрытіемъ графъ Румянцовъ велѣлъ отвезти въ городъ Кіевъ и тамъ отдать въ арсеналъ, что̀ было и исполнено. Тутъ я получилъ за штурмъ Праги съ рескриптомъ отъ Государыни 3-й степени Владимирской крестъ, а за прикрытіе брешь-батареи дѣланной у Праги ничего не дали; артиллеріи жъ капитану Бѣгичеву за ту батарею данъ 3-й же степени Владимирской крестъ. Я тогда вспомнилъ пословицу Польскую «интрига идзе до горы, а заслуга упа̀да». Признаюсь, хотѣлось мнѣ за то прикрытіе получить хоть шпагу.

Какъ на штурмъ я шелъ, то много волонтеровъ изъ свиты Зубова было, а какъ на бастіонъ съ егарями полѣзъ, то только одинъ маіоръ Шпренгпортъ былъ, котораго отецъ теперь во Франціи. А по взятьи уже всѣ съ поздравленіемъ ко мнѣ явились, и цѣлехоньки; однакожъ всѣ получили кресты. Думаю, что имъ прежде даны были въ карманы, какъ поѣхали изъ Петербурга. Всѣ офицеры и егари мои послѣ служили противъ Французовъ, въ Италіи и въ протчихъ мѣстахъ подъ командою князя генералъ-маіора Багратіона, съ помощію которыхъ отъ государя императора Павла Петровича всѣ отличные и знаки получили; ибо знали они, гдѣ и какъ открыть мѣста и напасть на непріятеля.

Бѣлокопытовъ, что у меня въ баталіонѣ порутчикомъ и капитаномъ былъ, онъ и полкъ отъ Багратіона принялъ, будучи уже полковникомъ, а Спѣсивцовъ порутчикъ тамъ же дошелъ до полковничья чина; потомъ и протчіе заслужили милость Императора; мнѣ только Богъ не опредѣлилъ тамъ служить. А къ тому жъ и то больно, что обѣщаніе мое не удалось выполнить: 18 сраженій только до числа ста не докончилъ, то есть отъ 1768 года по 1799-й годъ, гдѣ только нѣсколько пуль мимо ушей пролетѣло; всѣхъ баталій, сраженій и стычекъ въ три войны на Кавказской линіи 82 раза. Послѣ какъ оставшихъ Польскихъ плѣнныхъ распредѣлили по разнымъ полкамъ въ солдаты, а штабъ и оберъ-офицеровъ распустили по домамъ, у меня остались охотно служить вѣчно мнѣ два Поляка; одинъ назывался Козловскій, уроженецъ изъ Литвы, а другой изъ Жмуди, имя его Ѳедоръ, онъ же былъ и портной женской. Однакожъ они мною были взяты съ позволенія генералъ-маіора Хрущова, которой распредѣлилъ ихъ въ полки и отпустилъ домой. Послѣ Козловской отъ меня въ Гроднѣ уволенъ вовсе домой, а Ѳедоръ на мѣсто моего деньщика Николая опредѣленъ служить по его волѣ въ 1-ю роту, въ Новогородскомъ полку, чѣмъ и самъ доволенъ былъ.

Во время Польской войны получилъ я двѣ вѣдомости отъ жены: первая печальная, мать моя скончалась, а 2-я радостная, жена родила дочь Софью *), то мнѣ и очень захотѣлось видѣть ее. А какъ полкъ мой началъ только что собираться въ зимнее время будучи въ квартирахъ, то я, оставивши на все подполковнику и маіору образцы, какъ шить мундиры и протчее, самъ поѣхалъ за позволеніемъ къ графу Румянцову-Задунайскому, которой меня отпустилъ въ Москву на 29 дней. Туда пріѣхавши, очень былъ радъ, увидѣвши жену и съ дочерью здоровую; хотя и не люблю въ томъ виду показывать, но не меньше чувствовалъ. Изъ Москвы поѣхалъ я на гробъ матери въ Арзамасъ и къ отцу на гробъ въ село Апушку Шацкаго уѣзда, послѣдній долгъ отъ сына отдать и, панихиду тамъ отслуживъ, возвратился назадъ въ Москву. Отпуска срокъ пришелъ, поѣхалъ въ полкъ и остальные мѣсяцы зимы и весны въ полку всѣ части отъ революціи разстроенныя исправилъ; обозъ, упряжь, людей одѣлъ, лагерь новый въ Москвѣ купилъ, офицеровъ нарядилъ, какъ быть должно; ружья исправилъ починкою, а нѣкоторыя новыми перемѣнилъ, солдатъ училъ поодиночкѣ, а лѣтомъ всѣми маневрами и тому жъ господину генералъ-маіору Хрущову полкъ во всей формѣ показалъ, какъ должно быть ему; за что и благодарность получилъ съ большимъ удивленіемъ его, что въ короткое время полкъ весь исправился.

*) Впослѣдствіи супруга Фавста Петровича Макеровскаго. П. Б.

А потомъ какъ Бреславская губернія открывалась, велѣли мнѣ маршировать въ городъ Винницу, въ команду генералъ-маіора Берхмана Ѳедора Ѳедоровича, онъ же былъ и губернаторъ послѣ открытія губерніи. Зимовать я уже остался въ мѣстечкѣ Браиловѣ графа Потоцкаго и на весну состоялъ въ непосредственной командѣ фельдмаршала графа Александра Васильевича Суворова Рымникскаго, у котораго моего полку на караулѣ были люди 4 раза. А какъ лѣто настало, то послали меня съ полкомъ рыть Овидіопольскую крѣпость близъ Чернаго моря противъ Акермапа и 35 верстъ отъ Одессы. Хотя и горько было, однакожъ повелѣніе надо было исполнить; можетъ быть, за то меня Тищенко и Мандрыкинъ, находящіеся при немъ, и услали, что я имъ мало кланялся, и графа Суворова разговоры съ солдатами по его манеру не хотѣлъ какъ сорока наизусть выучить: судилъ, что уже въ полковничьемъ чинѣ не кстати быть переговорщикомъ словъ чужихъ, а можно содержаніе полезныхъ правилъ растолковать и самому. Однакожъ послѣ я былъ доволенъ. Въ генеральномъ лагерѣ у графа всѣ полки дѣлали крѣпость для ученья ихъ, и какъ брать ее было показано ученіемъ операціоннымъ отъ графа Суворова, а за работу ничего не получили; а я съ полкомъ сдѣлалъ настоящую крѣпость, и мои солдаты каждый день брали деньги, а всего получили болѣе трехъ тысячъ рублей. Съ ними и я отъ скуки просиживалъ на работѣ, и офицерамъ дежурнымъ разсказывалъ всѣ крѣпостныя части, гдѣ и какъ они по правилу фортификаціи называются, дабы они и сами чрезъ то о укрѣпленіяхъ крѣпостныхъ познаніе пріобрѣли для пользы службы.

Ко мнѣ туда и къ протчимъ полкамъ и графъ Суворовъ пріѣхалъ и осмотрѣлъ полки въ стройности, движеніяхъ и стрѣльбѣ, по большей части училъ такимъ маневрамъ, которые ближе подходятъ, какъ точно сражаемся съ непріятелями. Послѣ окончанія смотровъ данъ мнѣ былъ по имянному ея величества повелѣнію другой полкъ Ладожской бригадира Шишкова, и велѣно изъ двухъ одинъ составить, думать надо, по представленію графа Суворова Рымникскаго. Итакъ уже одна рота состояла изъ 212 человѣкъ рядовыхъ; слышно было и тогда, что мы готовились итить съ графомъ Суворовымъ противъ революціонныхъ Французовъ.

Я пришелъ съ симъ большимъ полкомъ зимовать 795-го года въ мѣстечко Польское Монастырище, пана Яблоновскаго, въ которомъ какъ по кончинѣ императрицы наслѣдникъ Россійскаго престола государь императоръ Павелъ Петровичъ принялъ правленіе государства, я съ полкомъ своимъ Новогородскимъ и присягу учинилъ; а къ началу весны и шефъ пріѣхалъ, генералъ-маіоръ графъ Шёнбекъ и вступилъ

въ командованіе онаго, чрезъ недѣлю пошелъ въ походъ, въ городъ Эленскъ, гдѣ уже и полкъ отъ меня принялъ. Только странный человѣкъ этотъ Шёнбекъ! Не хотѣлъ ничего стараго заведенія по полковничьей инструкціи ни знать, ни слышать, ниже книгъ съ документами имѣть, а говорилъ: «это что я теперь вижу на людяхъ аммуницію какъ мундирную такъ и оружейную, это я у васъ на время *позычилъ* (значитъ *занялъ*, слово Польское), «ибо все противъ уставу не годится». Онъ былъ въ Польской конной службѣ и ничего не зналъ пѣшаго строю, а думаю и коннаго тоже; и командовавши 7 мѣсяцевъ, весь полкъ разстроилъ, даже офицеры зачали драться противъ его квартиры; а мнѣ велѣлъ жить при своей ротѣ въ деревнѣ. А имянно капитанъ Ширяй и Зеглеръ подралися, и какъ пріѣхалъ къ намъ инспекторъ, Беклешовъ Александръ Андреевичъ, не могъ надивиться его безпорядкамъ и до него ничего у меня не принималъ, кромѣ числа всѣхъ чиновъ. Уже господинъ Беклешовъ ему растолковалъ, что надо во все войтить и принять все противъ стараго штата отъ полковника, однакожъ и тутъ послѣ его только одинъ обозъ принялъ да упряжь и всѣ вещи какъ на людяхъ, такъ и въ цехаузахъ, а лошадей полковыхъ онъ уже принялъ отъ обывателей, ибо они отъ меня маршалку ихъ сданы были при судьяхъ того города. Въ суммахъ же денежной расчетъ я имѣлъ въ квартермистрской съ квартермистромъ, а въ комисарской или жалованной съ комисаромъ, въ офицерской со всѣми офицерами, въ церковной съ попомъ, и по расчетѣ и удовольствіи я отъ нихъ получилъ въ каждой суммѣ особыя квитанціи; а господинъ шефъ мнѣ далъ только отъ себя квитанцію въ пріемѣ людей, вещей, обоза и упряжи, а книгъ старыхъ и не хотѣлъ брать, и потому они для отчету хранились у меня до города Гроденска въ сундукѣ; а оттуда по счетѣ посланы по почтѣ, для того дабы генералъ Шёнбекъ на меня не напуталъ лишняго.

Сей генералъ удивительно счастливъ въ милости Государя Императора: какъ война противъ Французовъ открылась и полку его досталось идтить въ походъ, онъ въ отставку пошелъ и получилъ мундиръ и пенсію, а какъ полки послѣ войны назадъ пришли, оной генералъ Шёнбекъ опять въ службу принятъ генералъ-лейтенантомъ и данъ ему полкъ; видно, подъ счастливою планетою родился.

Оставимъ писать о другихъ, надо докончить о себѣ. Досталось и мнѣ быть по линіи генераломъ-маіоромъ въ 1797 году, и данъ мнѣ полкъ Муромской пѣхотной же, которой стоялъ тогда въ Гроднѣ на рѣкѣ Нѣманѣ, что раздѣляетъ границу нашу съ Прусской, куда я по учиненіи въ церкви присяги на чинъ генералъ-маіорскій и отправился, обозу жъ своему велѣлъ слѣдовать потише, а самъ поскакалъ налегкѣ на почтовыхъ.

Въ полкъ я пріѣхалъ 798 года Генваря 2 дня и на другой день рапорты послалъ къ Государю и въ Военную Коллегію, и къ инспектору князю Николаю Васильевичу Репнину; а полкъ нашелъ въ жалостномъ состояніи. Полковой командиръ маіоръ Бріере-Демортере боленъ, другой слабъ здоровьемъ, у третьяго лѣнь, корпусъ офицеровъ и хорошъ, да очень по своей волѣ живутъ безъ дисциплины, и почти всѣ роты по деревнямъ разбиты, не выучены, ружьи переломаны, все объ землю дабы темпъ былъ величавъ, обозъ ветхой, упряжь старая, гнилая, въ ящикахъ патроны не передѣланы, а иные и въ дуло не лѣзли, у солдатъ и запасныхъ кремней не было, 4-я часть только одѣта была по новому, и все такое, что̀ было, замазано, а непрочно сдѣлано. У меня и о сю пору есть та вѣдомость, которая подана мнѣ отъ подполковника того жъ полку Павлова, послѣ его осмотра всѣхъ ротъ, въ какомъ состояніи я полкъ Муромской нашелъ. Государь Павелъ Петровичъ какъ въ Гроднѣ изволилъ быть, разводы давали хорошіе и все прикрыли добрыми словами, за что̀ шефу бывшему до меня въ полку генералъ-маіору Мерлину, по протекціи князя Репнина, и лента Анненская 1-й степени дана, да при отставкѣ мундиръ получилъ; а я бѣдной человѣкъ чрезъ восемь мѣсяцевъ не видалъ ни часу покойнаго днемъ. Для сооруженія онаго во всемъ противъ штату собралъ всѣхъ въ Гродно для обученія къ пользѣ службы по уставу, сперва каждаго прикладываться цѣльно, стрѣлять поодиночкѣ съ порохомъ и съ пулями, а потомъ дивизіонами въ щитъ стрѣлять училъ и ружья исправилъ, такъ что рѣдкое осѣкалось (кремни купилъ изъ за границы чрезъ Жидовъ), словомъ, во всемъ исправилъ и у пушекъ колесы починилъ; а репортовано, что артилерія исправна. Но отъ того и сталъ ненавистенъ господину викарному инспектору *) генералъ-маіору Сакену 1-му. А какъ сдѣлалась у меня исторія съ моимъ адъютантомъ Даниловымъ, который меня оклеветалъ въ своемъ отвѣтѣ, въ то время какъ его судили, то онъ господинъ инспекторъ и былъ сему радъ, что нашелъ оказію меня передъ Императоромъ замарать и оклеветать безсовѣстно, почему Государь, повѣря ему какъ доброму и вѣрноподданному и какъ инспектору, изъ полку выключилъ.

Вотъ какъ безвинно можно пропасть человѣку честно служившему, и какъ можно опять виноватыхъ спасти! Примѣръ здѣсь объясню свѣжей памяти. Господинъ генералъ - адъютантъ Аракчеевъ былъ присланъ инспекторомъ осмотрѣть полки всѣ, кои придутъ въ Брестъ и

---

*) Ибо тогда князь Николай Васильевичъ посланъ былъ отъ Государя къ Прусскому королю по нѣкоторымъ дѣламъ тайнымъ въ кабинетахъ

вступять въ команду генерала барона Розенберха. Аракчеевъ почти всѣ полки нашелъ несооруженные во всемъ по новому штату. Изъ нихъ чрезъ Гродню, гдѣ я квартировалъ, шли два полка Тыртова и Ферштера; оба были неисправны, какъ въ одеждѣ людей, такъ и въ обозѣ и протчемъ, я самъ то видѣлъ, да и о протчихъ спрашивалъ у адъютанта Аракчеева, который чрезъ Гродню ѣхалъ въ Петербургъ; отвѣчалъ мнѣ: «всѣ таковы пришли въ Брестъ», а господинъ Аракчеевъ репортовалъ къ Государю, «что всѣхъ въ точной исправности нашелъ». Императоръ по его словамъ и благоволеніе всемъ шефамъ тѣхъ полковъ при паролѣ объявилъ.

По выключкѣ моей изъ полку, отъ Государя присланъ у меня полкъ принять и осмотрѣть генералъ отъ инфантеріи Ласій; онъ же былъ инспекторомъ той дивизіи; а какъ полка моего всѣ денежныя суммы и всѣ части, равно лошади, упряжь и обозъ были на рукахъ полковаго командира и во всемъ по новому штату исправны: то и нетрудно было мнѣ сдать его скоро. Генералъ Ласій поутру осмотрѣлъ всѣхъ людей съ ихъ оружейною и мундирною аммуниціею со всѣмъ ихъ бутаромъ *), что̀ положено имѣть, спрашивалъ по-ротно, все ли получили, что̀ имъ слѣдуетъ, а послѣ обѣда обозъ, упряжь лошадей и протчія вещи; ничего не нашелъ недостаточнымъ или недопущеннаго въ ротахъ не нашелъ. На другой день оба мы простясь разъѣхались; я поѣхалъ въ Москву, заплакавши горькими слезами, что труды мои были сдѣланы для другого шефа, и что такъ безсовѣстно обнесенъ Государю, а Ласій поѣхалъ по другимъ полкамъ своей инспекціи.

Пріѣхавши я въ Москву, лошадей и протчія излишнія вещи распродалъ почти за безцѣнокъ, чтобъ купить скорѣй домъ, ибо гдѣ жена моя жила тамъ очень тѣсно. По ея выбору и совѣту я домъ купилъ на Малой Дмитровкѣ въ приходѣ святаго Пимена Чудотворца... И тутъ не къ добру вышло. Жена моя, поживши ласково до тѣхъ поръ, пока у меня велись денжонки, а какъ ихъ не стало, то моихъ людей кормить и одѣвать и содержать домъ отказалась; а имѣла за собой 200 душъ данныхъ ей во время моей службы; за какія жъ отличныя дѣла, о томъ Богъ знаетъ. Вотъ и любовь простыла, и домъ сталъ противенъ. Наконецъ уѣхала изъ него, нанявши себѣ другой, увезла дочь и все свое имѣніе. Хотя бы тѣми вещами подѣлилась, что на новоселье знакомые прислали; но ей тогда и въ голову не пришло. Вотъ каково быть безъ протекціи и небогатому человѣку! Законъ и клятвы сдѣланныя предъ престоломъ Божіимъ капризныя дамы ставятъ ни во что, особливо случайныя при дворѣ.

*) Бутаръ—мелкія вещи, хламъ, отброски. П. Б.

И такъ я остался одинъ безъ службы его величества, безъ жены и безъ доходу, и потомъ и безъ дому. И послѣднее имѣніе отняли, наклеветавши на меня долгу отъ бывшаго полку (сіе услышалъ я уже въ Бронницѣ), а наконецъ велѣно мнѣ выѣхать изъ Москвы вонъ; только что глаза не выкололи, какъ съ Белизеромъ случилось, ибо выключеннымъ не велѣно жить въ столичныхъ городахъ. Принужденъ былъ ѣхать, забравши свой походной экипажъ. Благодарнымъ навсегда буду Степану Александровичу Талызину: онъ позволилъ мнѣ на нѣкоторое время пожить въ своей деревнѣ Денежниковой, отъ Москвы разстояніемъ въ 45 верстахъ; своего жъ имѣнія у меня нигдѣ нѣтъ. А потомъ переѣхалъ въ городъ Бронницу, тамъ нанялъ себѣ комнату за 10 р. у протопопа, гдѣ и жилъ до самаго лѣта, обѣдавши всегда у добрыхъ людей, у подполковника Эссена и у протчихъ живущихъ тамъ. Въ сей перемѣнѣ жизни моей можно сказать совершенно горестной, но для блаженства души, чтобъ достойной быть милосердія Божія, Его покровительства и чтобъ чрезъ терпѣніе отъ разныхъ бѣдъ восчувствовалъ я больше любовь и вѣру къ своему Создателю всемогущему, живому Богу, сія перемѣна сдѣлала мнѣ великую пользу, какъ приготовляться къ вѣчной жизни, такъ и продолжать въ настоящей. Къ подкрѣпленію духа моего, зачалъ я вопервыхъ читать божественныя книги, законы отъ Бога данные избраннымъ Его, то-есть ветхой и новой благодати Сына Божія Іисуса Христа. Еще книга къ объясненію и утвержденію вѣры христіанской отъ Іоанна Златоуста Маргаритъ, отъ Дениса Ареопагита, отъ Стефана Яворскаго, Рязанскаго митрополита, *Камень Вѣры* при имп. Петрѣ Первомъ изданную, и старую книгу *Скрижали Господни*, изданную къ объясненію службы въ храмахъ Божіихъ, и о протчихъ правилахъ, писанныхъ отъ митрополита Александрійскаго къ Антіохійскому, и еще другія что̀ могъ купить и достать, а потомъ прочелъ Библію уже на Французскомъ языкѣ, и иныя на ономъ языкѣ писанныя. Благодарю Бога, что ими награжденъ Его жъ неисповѣдимымъ Промысломъ. Генералъ Валеріянъ Александровичъ Зубовъ до шестисотъ книгъ мнѣ далъ, тогда какъ я былъ у него въ командѣ. Прочиталъ я на Французскомъ языкѣ жизни всѣхъ славныхъ людей и предводителей арміи во время войнъ Римлянъ съ Карѳагенцами при Аннибалѣ и протчихъ, жизнь несчастнаго Велизарія; жизни и поступки Карла 5-го Гишпанскаго, короля Людвига 14-го Французскаго, принца Евгенія и Мальбруга, историческіе атласы съ ихъ примѣчаніями, во всемъ свѣтѣ разные вояжи по земному шару и морямъ, переписку Французскаго короля съ генералами и всю географическую таблицу на Библію и хронологію съ истолкованіемъ; а пуще всего радъ былъ, что нашелъ, откуда Мелхиседекъ первосвященникъ Божій и почему остался безроденъ какъ

объясняетъ въ богословіи книга, данная отъ митрополита нашего Платона императору Павлу Петровичу во время бытности учителемъ, для объясненія вѣры. Еще на Русскомъ читавъ всю жизнь и славныя дѣянія для пользы Россіи отца отечества великаго императора Петра І-го и его анекдоты, также и поступки Сведскаго короля Карла XII-го, съ которымъ страшная война была. Разныя книги, писанныя о заблужденіи раскольниковъ по разнымъ сектамъ для объясненія отъ митрополита Ростовскаго Димитрія *Розыскъ* и его въ трехъ томахъ проповѣди, отъ архіерея Никифора изъ Грековъ. И изъ каждой книги какъ Русской, такъ и Французской всѣ замѣчанія моей руки, по листамъ во время чтенія сдѣланныя карандашомъ, выписывалъ въ особливыя тетради, выбирая изъ оныхъ замѣчанія самыя полезныя для наставленія ближняго и поправленія себя въ настоящей жизни и къ будущей по чувствамъ своимъ разныхъ недостатковъ; ибо человѣку нехудо знать разныхъ умовъ и разсудковъ добро и зло. Но не всему послѣдовать надлежитъ, а избирать наилутшее и полезнѣйшее, согласуясь съ обычаемъ земли гдѣ живешь и временемъ.

Но чтобъ не потерять глазъ отъ безпрестаннаго чтенія и для здоровья, иногда я прогуливался по полю и по берегу рѣки Москвы, ибо сія рѣка недалеко свое теченіе имѣетъ отъ Бронницы; и нерѣдко же лѣтомъ въ ней купался. Потомъ еще поѣхалъ на гробъ отца моего въ село Апушку, гдѣ прежде во время службы былъ, заѣхавши сперва къ теткѣ моей Елисаветѣ Петровнѣ Мосоловой, живущей въ своей деревнѣ той же Тамбовской губерніи. На гробѣ отца моего отпѣли соборомъ панихиду; ибо тамъ церковь престола, во имя образа Казанской Богоматери, имѣетъ при себѣ для служенія литургіи 3 попа по очереди, гдѣ и слушалъ обѣдню, а потомъ опять возвратился въ деревню къ теткѣ. Она просила у себя пожить, а чтобъ не такъ скучно мнѣ было тамъ, подарила мнѣ двухъ ястребовъ для ловленія перепелокъ, ибо въ той странѣ ихъ очень много. И такъ, во время житія моего у ней, я сими ястребами затравилъ въ поляхъ слишкомъ 100 перепелокъ.

И какъ императоръ Павелъ І-й насъ простилъ и позволилъ всѣмъ выключеннымъ пріѣхать въ Петербургъ желающимъ вступить попрежнему въ службу: то я оттуда, на другой день собравшись, пустился въ путь, но пріѣхавши къ заставѣ Москвы, къ удивленію моему спрося, кто я таковъ, повезли меня подъ карауломъ къ коменданту, который велѣлъ мнѣ явиться въ 8-мь часовъ у графа Ивана Петровича Салтыкова, бывшаго тогда въ Москвѣ военнымъ губернаторомъ, что̀ я и исполнилъ; а графъ уже далъ мнѣ подорожную до Петербурга.

А тѣ перепелки, что̀ наловилъ я ястребомъ, раздѣлилъ пополамъ: 50 отдалъ своей дочери, а другія 50 штукъ благодѣтелю своему Степану Степановичу Апраксину.

Съ дочерью въ слезахъ простился, Анастасьи Ивановны не видалъ; ибо съ генераломъ мертвымъ или, лутче сказать, мужемъ бѣднымъ и несчастнымъ нѣту чести повидаться. И не показалась мнѣ! Поскакалъ въ Петербургъ. Тамъ у воротъ спросили меня, зачѣмъ пріѣхалъ? Отвѣчалъ я караульному офицеру: для опредѣленія въ службу, выполняя надъ нами милостивой указъ; офицеръ объявилъ мнѣ тотчасъ ѣхать ко дворцу и во дворцѣ явиться у коменданта Ефимова; точно такъ я и сдѣлалъ. Насъ таковыхъ въ тотъ день случилось пять человѣкъ. Съ запискою объ насъ пошелъ комендантъ къ Государю и, вышедши, велѣлъ намъ явиться завтра въ 8-мъ часу поутру въ ордонансгаузѣ; туда мы точно и собрались. Плацъ-адъютантъ мнѣ первому объявилъ, что принять въ службу отъ воли Государя мнѣ не послѣдовало, а жить въ Петербургѣ для нуждъ своихъ не воспрещается; протчихъ же сталъ записывать, когда и за что выключены или отставлены. Признаюсь, прискорбно душѣ моей было, что я не сдѣлался участникомъ милости его императорскаго величества.

Жилъ въ Петербургѣ еще двѣ недѣли, совался по знакомымъ, спрашивалъ, что̀ мнѣ дѣлать и былъ у графа Петра Алексѣевича Палена, бывшаго въ то время въ Петербургѣ военнымъ губернаторомъ, въ слезахъ объяснялъ все мое положеніе, что я не имѣю пропитанія, и печаль, что не удостоился войтить въ службу. Онъ мнѣ совѣтъ далъ подать къ Государю письмо еще о принятіи въ службу или объ отставкѣ, какъ-де и протчіе получили послѣ отказу. Я то и исполнилъ, самъ письмо отвезъ на почтовой дворъ и росписался въ книгѣ. Содержаніе письма было короткое, самъ генералъ Кутузовъ-Голенищевъ оное поправилъ. Но со мной вышло еще хуже: послѣ поданія письма чрезъ три дни подхватилъ меня молодой полиціймейстеръ князь Касаткинъ и привезъ на гаубвахту, арестовалъ меня, сказавъ «что есть на то повелѣніе отъ Государя» и, не сказавъ за что, оставилъ меня въ караульнѣ; послѣ сего комендантъ Ефимовъ прислалъ у меня спросить «за что я арестованъ». Отвѣчалъ: не знаю. И такъ пробылъ я подъ арестомъ двѣ недѣли, и теперь не знаю, за какую вину; а можетъ быть и Государь самъ того не вѣдалъ. По прошествіи срока, ибо комендантъ Ефимовъ, пришедши въ караульную, мнѣ объявилъ повелѣніе Государя, что я арестованъ только на двѣ недѣли (и подлинно, послѣ сего срока онъ же мнѣ и шпагу принесъ) я выпущенъ. А какъ отдали мнѣ шпагу, тотчасъ пошелъ я къ Палену, но оберъ-полиціймейстеръ Аплечеевъ не допустилъ

насъ видѣть графа Палена, хотя къ нему и многіе приходили. Дали мнѣ подорожную до Москвы и велѣли тотъ же часъ выѣхать за шлагбомъ.

И такъ я 1801 года Генваря 6 дня пріѣхалъ въ Москву, явился въ томъ же несчастномъ положеніи къ графу Ивану Петровичу Салтыкову, которой мнѣ далъ подорожную до заштатнаго города Бронницы, гдѣ остались мой походный экипажъ и два человѣка.

Забылъ я написать, кто были мнѣ товарищи арестованные. Въ той же кордегардіи сидѣли генералъ-лейтенантъ Стояновъ, въ тотъ же день взятъ былъ подъ арестъ полковникъ Милорадовичъ, штабсъ-капитанъ Шиловскій и хорунжій казацкій, забылъ какъ зовутъ. Они уже давно тамъ сидятъ, никто ихъ и не судитъ и не спрашиваетъ, хотя отъ Государя и приказано изслѣдовать скоро ихъ вины. Но обыкновенно въ счастливомъ положеніи люди забываютъ другихъ, кои страждутъ отъ разныхъ несчастныхъ приключеній, а мнѣ кажется всякую рану или несчастіе надлежитъ приложить самому къ себѣ: то вѣрно скорѣй и справедливо посудишь и рѣшишь. На Государя никому жаловаться нѣтъ резону, а несправедливости или неудовольствія другимъ выходятъ отъ господъ окружающихъ Его Величество. Счастливъ тотъ царь или король, у коего приближенные министры и протчіе должностные люди при немъ находящіеся добродѣтельные люди и безкорыстные; у тѣхъ вѣрно подданные въ благоденствіи и изобиліи живутъ. А у насъ умѣютъ только нажиться, а о справедливости къ пользѣ отечеству и славѣ Его Императорскаго Величества мало кто имѣетъ смѣлость изъяснить. Рѣдкаго достоинства былъ сенаторъ во время жизни Петра Перваго князь Долгорукій Яковъ Ѳедоровичъ, который имѣлъ истинную къ Богу вѣру и привязанность къ отечеству, говаривалъ съ Императоромъ о правдѣ съ твердымъ духомъ, что̀ было ему и отечеству полезно, не боялся даже смерти; о немъ вся Россія съ почтеніемъ вспоминаетъ.

Въ 1801-мъ же году, живши я въ Бронницахъ, услышалъ отъ протопопа Ильи Константинова, гдѣ квартировалъ, 16-го числа Марта мѣсяца, что Государь Павелъ Петровичъ скончался въ 11-й день Марта. Тутъ я удивился Промыслу Божію и сну что̀ я видѣлъ того жъ числа (записанъ оной въ Псалтырѣ), который былъ слѣдующаго содержанія, будто палили изъ пушки очень большой, что оной выстрѣлъ слышенъ былъ по всей Имперіи, и я во снѣ слышалъ ту стрѣльбу и проснулся.

По исполненіи на другой день присяги новому государю императору Александру Павловичу писалъ я письмо къ графу Ивану Петро-

вичу Салтыкову, чтобъ мнѣ позволилъ въ разсужденіи таковой перемѣны ѣхать еще въ Петербургъ и искать справедливости, который мнѣ и отвѣчалъ письмомъ же, что уже всѣхъ отставныхъ и выключенныхъ Государь императоръ Александръ Павловичъ велѣлъ указомъ имяннымъ считать отставными, и потому могу я пріѣхать въ Москву и взять свои мѣры. Почему я на другой день отправился въ Москву и оттуда по совѣту его сіятельства поѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ, представившись къ Императору, объявилъ свое желаніе письменно чрезъ генерала Ламба, вицъ-президента Военной Коллегіи, которое было слѣдующаго содержанія. «Послѣ 33 лѣтъ въ полѣ службы почти въ безпрестанной войнѣ сверхъ баталій, и бывъ на трехъ штурмахъ, гдѣ и раненъ, имѣю отъ роду 51 годъ, еще охотно служить Его Императорскому Величеству, желаю, только съ тѣмъ чтобъ отдать мнѣ старшинство». Уже и не думалъ о жалованьѣ (тогда всѣмъ принятымъ въ службу никому не давали), но честолюбіе и слава къ отечеству принуждали меня еще служить, а Промыселъ Божій и воля Государя сдѣлали меня спокойнымъ въ отставкѣ. И данъ мнѣ отъ Военной Коллегіи пашпортъ съ объясненіемъ въ ономъ имянныхъ повелѣній императора Александра Павловича, въ первомъ что дана мнѣ пенсія, а во второмъ, что позволено мнѣ носить общій армейскій мундиръ. Получа сей пашпортъ и оправдавшись имѣющимися у меня квитанціями отъ полку Новогородскаго противъ своевольнаго наклепа отъ господина Шёнбека на меня долгу по дѣламъ сего полку съ объясненіемъ, отъ меня поданнымъ въ Военную Коллегію, тамъ же и оставилъ мой еще рапортъ на разсмотрѣніе о моихъ претензіяхъ, на томъ же полку выданныхъ на кормъ лошадей полковыхъ и всѣмъ господамъ офицерамъ уплатилъ всѣ ихъ вычтенныя деньги, и употребленныя на покупку фуража казеннымъ лошадямъ изъ своихъ собственныхъ, коихъ всѣхъ приходитъ мнѣ возвратить до семи тысячъ рублей. Уѣхалъ съ надеждою сею, что когда нибудь истина пойдетъ по своей тропѣ и, встрѣтившись съ Государемъ, объявитъ правду тогда оную сумму мнѣ вѣрно и отпустятъ.

У Его Императорскаго Величества былъ я на глазахъ два раза. Первой какъ представлялся, а во второй благодарилъ за пенсію и мундиръ. Тутъ же удостоенъ былъ поцѣловать ручки Государыни, его супруги Елисаветы Алексѣевны. А потомъ на перекладныхъ по почтѣ пріѣхалъ въ Москву, явился къ графу Салтыкову и, отдавши въ коммисаріатъ о пенсіи указъ, поѣхалъ увидѣть свою дочь Софью Сергѣевну, которую нашелъ у Настасьи Ивановны, слава Богу, здоровою. Сему порадовался, а опечалился тѣмъ, что услышалъ твердое рѣшеніе жены моей Настасьи Ивановны, которая жить со мною вмѣстѣ ни на какомъ

основаніи не хочетъ. И такъ я съ сею тяжелою раною и поѣхалъ обратно жить въ городъ Бронницу. На то есть два резона: 1-е что еще на домъ я не получилъ резолюціи, а 2-е и дорого жить въ Москвѣ. Итакъ остался въ ономъ городѣ, буду дожидаться съ терпѣніемъ перемѣны жизни своей, препоручивъ себя во всемъ волѣ и Промыслу всемогущаго Бога!

Въ 1803-мъ году изъ Военной Коллегіи вышло рѣшеніе, чтобъ я доходомъ дома моего пользовался и пенсіею; но только не могъ бы его ни продать, ни заложить. Итакъ я изъ Бронницы переѣхалъ въ Москву со всѣмъ своимъ экипажемъ въ домъ свой, состоящій на Малой Дмитровкѣ, а деньги собранныя отъ постоя дома, всего 240 руб., отданы въ Управу Благочинія, а оттуда представлены въ Губернское Правленіе, гдѣ и о сю пору хранятся и мнѣ не возвращены. Въ домѣ нашелъ много попорченнаго, а въ другомъ мѣстѣ изломано, заборъ же весь вокругъ дома сгнилъ; принужденъ былъ новымъ обградить и въ конюшнѣ стойлъ прибавить для наемщиковъ; а денегъ не доставало. Итакъ рѣшился весь свой сервизъ, серебряныя чашки, блюды, соусники, тарелки, ложки, ножи и вилки, шандалы большіе и ломберные и прочее продать; получивши деньги, все въ домѣ исправилъ, и потомъ наемщики жили. Съ дому дохода получалъ 900 руб., а иногда и тысячу. Началъ поправляться при умѣренности своей жизни, накупилъ лошадей, карету, коляску и протчія вещи, что̀ надлежало для дому и выѣзда, нанималъ кучера или форейтора (ибо два только человѣка были большіе, а прочіе малолѣтные). зимою всегда жилъ въ Москвѣ, а лѣтомъ по знакомымъ своимъ въ деревняхъ, какъ-то: у Степана Степановича Апраксина, у Петра Крисанѳовича Обольянинова, у Ѳедора Сергѣевича Лунина и у пр., гдѣ мѣсяцъ, гдѣ недѣлю, а гдѣ и двѣ недѣли. Такимъ образомъ въ спокойствіи продолжалъ я свою жизнь до 1812 года.

Въ семъ году поѣхалъ я пожить въ деревню къ Степану Александровичу генералъ-маіору Талызину по просьбѣ его поглядѣть его заводъ сахарной, что̀ онъ завелъ въ своей деревнѣ Денежниковѣ. Выѣхалъ я изъ Москвы въ началѣ Іюня мѣсяца 1812 года и жилъ у него два мѣсяца съ половиною; гдѣ услышалъ, что Французы, не объявя Россіи войны, подъ начальствомъ своего императора изверга Наполеона, уже перешли въ разныхъ колоннахъ нашу границу, а армія наша отъ нихъ ретируется; ибо у него очень много разныхъ націй войска собралось и съ нимъ идутъ Москву брать; изъ столицы же сей всѣ господа, купцы и мѣщане, какъ я услышалъ, выѣхали въ дальнія мѣста, но нѣкоторые еще держутся въ Москвѣ для защиты своего отечества.

А при томъ тамже услышалъ, что мѣщанамъ и боярскимъ людямъ раздаются изъ арсеналу ружьи, пистолеты, сабли и протчее, кои готовятся на помощь къ арміи, уже командуемой генераломъ княземъ Кутузовымъ Голенищевымъ. Почему я за стыдъ себѣ почиталъ остаться праздпымъ въ Денежниковѣ, оттуда выѣхалъ въ Москву и, Августа 23 дня пріѣхавъ въ оную, увидѣлъ афишки розданныя отъ военнаго губернатора графа Растопчина, что будетъ набрана дружина съ разнымъ оружіемъ.

Я тому и повѣрилъ, принялъ то за истинную правду, думая, что и мнѣ придется съ тою дружиною служить. И такъ въ сей надеждѣ живу дома, дожидаюсь позыву и сбору той дружины, какъ слышу вдругъ, что военный губернаторъ, комендантъ Гессе, оберъ-полицмейстеръ Ивашкинъ, полицмейстеры Волковъ и Дурасовъ изъ Москвы уѣхали и увезли съ собою всю полицію съ инструментами пожарными и со всѣми ея чинами. Сему очень удивился и тутъ-то узналъ обманы тѣхъ афишекъ; поѣхалъ къ Петру Крисанфовичу, управлявшему тогда главнымъ комитетомъ, и тотъ изъ Москвы выѣхалъ невѣдомо куды. Вездѣ нахожу пустые дома; наконецъ встрѣлся мнѣ офицеръ, скачетъ отъ Кутузова къ графу Ростопчину. Я его спросилъ гдѣ армія; отвѣчалъ мнѣ, «что армія ретируется чрезъ Москву, а можетъ быть послѣ жестокой баталіи Бородинской еще нашъ предводитель Кутузовъ дастъ баталію на Поклонной горѣ». Слышавъ сіе, пріѣхавъ домой, велѣлъ, что̀ можно забрать изъ дому, укладывать въ коляску и въ дрожки; ибо у меня только 4 лошади тогда было. И стали дожидаться въ домѣ своемъ той баталіи рѣшительной, о которой мнѣ офицеръ сказывалъ.

Сіе было 30 дня Августа; жалѣю и теперь, что не спросилъ я его, котораго онъ полку и его фамилію; онъ же прибавилъ мнѣ и увеличилъ мою надежду, «что въ Бородинской баталіи больше потеряли Французы нежели Россійскія войска; и что Наполеонъ на другой день не осмѣлится больше насъ тревожить, и потому мы спокойно маршируемъ до Поклонной горы, гдѣ и остановимся еще поражать непріятеля».

Въ такихъ мысляхъ сидѣлъ я дома спокойно до самаго 2-го Сентября, которое число было въ Понедѣльникъ. Поѣхалъ я верхомъ узнать, что̀ въ Кремлѣ дѣлается и не найду ли кого изъ военныхъ чиновъ; и подлинно нашелъ, но только не команды коменданта Гессе, а изъ арьергарду г-на Милорадовича послѣднихъ казаковъ съ командиромъ ихъ штабъ-офицеромъ до 300 ч., который собиралъ ихъ изъ лавокъ, чтобъ скорѣй выдтить изъ Москвы; и ко мнѣ подъѣхавъ сказалъ, «что армія наша въ мивувшую ночь прошла чрезъ Москву, а я-де послѣдній ретируюсь»; и мнѣ совѣтовалъ скорѣй вонъ изъ Москвы уѣхать.

Признаюсь, досадно было мнѣ сіе отъ него услышать, что безъ бою Москву оставляемъ непріятелямъ на раззореніе. Итакъ я, поворотя отъ него свою лошадь, поѣхалъ домой съ своимъ человѣкомъ Васильемъ, которой также былъ верхомъ за мною. И доѣхавши лишь до своей улицы Малой Дмитровки, какъ уже встрѣтили меня два драгуна Французской службы и ѣдутъ какъ будто въ свой городъ, не обнаживши свои сабля; поравнявшись со мною, спрашиваютъ меня по французски «которой я партіи»; я отвѣчалъ также по французски, что я ни къ какой парти не припадлежу, а Россійской генералъ, давно живу въ отставкѣ въ своемъ домѣ; спросили «а гдѣ твой домъ?», отвѣчалъ: отсюда недалеко; потомъ сказали мнѣ, чтобъ я приказалъ своему человѣку съ лошади слѣзть, а ту лошадь имъ отдать. «Я не дамъ вамъ лошадь и думаю, что вамъ не велѣно грабить тѣхъ обывателей, которые смирно жили въ домахъ своихъ, а когда вы насильно будете брать, я поѣду на васъ жаловаться вашему генералу». Они видно оробѣли сего смѣлаго моего отзыва или потому что я былъ въ мундирѣ и при шпагѣ. Только при первой встрѣчѣ непріятельской я отъ нихъ остался съ выигрышемъ и домой пріѣхалъ здоровъ и цѣлъ; велѣлъ разсѣдлать скорѣй лошадей и запереть ворота. Потомъ въ тотъ же часъ увидѣлъ ѣдущіе по той же улицѣ непріятельскіе эскадроны марширующіе взводами настоящимъ порядкомъ и съ своими командирами; но ниже ни у одного не вынута сабля, а иные и пѣли пѣсни; а какъ преходили переулки, то раздѣлялись по взводамъ, въ разныя жъ улицы разъѣзжались, какъ обыкновенно входя въ городъ и занимая оной фланкеры дѣлать должны *). Потомъ, какъ всѣ прошли, помянутые тѣ два драгуна, возвратившись къ моему дому, еще привели съ собою четырехъ драгунъ и просятся на дворъ, кричатъ, чтобъ ворота были отперты; я велѣлъ ихъ пустить, дабы не изломали чего. Стали просить ту лошадь, что̀ на улицѣ подъ человѣкомъ видѣли; я упрямился долго и стращалъ ихъ, что буду жаловаться на нихъ, но дѣло доходило до сабель; закричали: nous massacrons tous, то-есть всѣхъ перерубимъ; принужденъ былъ отдать ту лошадь имъ; взявши оную, тотчасъ уѣхали съ двора.

Первый день симъ и кончился. Никто не заѣжжалъ и не приходилъ на дворъ, а ѣхали и шли по улицѣ довольно много, и ночь прошла благо-

*) Сіи передовыя войска вошли въ Москву, всѣ были авангарда подъ командою Мюрата Неапольскаго короля; а императоръ ихъ Наполеонъ въѣхалъ съ своею гвардіею 4-го числа Сентября жъ съ барабаннымъ боемъ верхомъ и жилъ въ Кремлѣ во дворцѣ; послѣ отбытія его остался главнымъ начальникомъ надъ войскомъ маршалъ Мортье, подъ нимъ въ Москвѣ опредѣленъ комендантомъ генералъ дивизіонный графъ Мильо, а интендантомъ въ городѣ и провинціи Московской былъ Лессепсъ, отъ котораго печатаны были народу прокламаціи.

получно. На другой день часу въ девятомъ, то-есть 3-го числа, пришли два Французскіе офицера къ вратамъ; ибо оные были заперты, просились на дворъ; я велѣлъ отпереть и самъ, ихъ встрѣтивъ, спросилъ чтò имъ надобно? отвѣчали, «что мы хотимъ здѣсь квартировать». Я, подумавъ, что лучше офицеровъ имѣть постоемъ, нежели нижнихъ чиновъ, согласился. Они вышли и скоро потомъ пріѣхали съ бричкой. Одинъ объявилъ о себѣ, что онъ инспекторъ квартиръ, а другіе два офицера; одинъ изъ нихъ былъ боленъ. Расположились въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ Фонвизинъ нанималъ, ничего у меня не требовали, кромѣ коструль и посуды, все къ ужину изготовили изъ своего припасу, слуга у нихъ былъ одинъ Французъ. И такъ провели ночь спокойно, даже сѣна и овса лошадямъ, коихъ было пять, у меня не взяли, а привезли откуда-то не знаю. Ужасно какъ я обрадовался такимъ постояльцамъ отмѣнно добрымъ и думалъ, что они у меня долго квартировать будутъ; но на другой день, т. е. 4-го числа, они, собравшись въ бричкѣ своей, въ 10-мъ часу съ двора поѣхали, сказавъ мнѣ, что они авангарднова войска, команды Неапольскаго короля Мюрата. Послѣ ихъ тотчасъ явились и на дворъ пришли тушельщики огня при унтеръ-офицерѣ и сапёры; ибо наша сторона уже горитъ. Я имъ сказалъ, что помощь ваша мнѣ не нужна, увидѣвъ, что они уже побывали въ верхнихъ комнатахъ, но тамъ нечего было взять. Что жъ они сдѣлали? Пошли около моего дому ближайшіе дома купеческіе не охранять, а зажигать, и меня тѣмъ огнемъ выгнать изъ дому, чтобъ лучше грабить. И такъ, увидѣвши я сіе злодѣйство, велѣлъ скорѣй нужныя вещи и книги въ коляску укласть и на дрожки для уходу отъ пожару; ибо уже у дому моего загорѣлась крышка, вышелъ съ двора и съ людьми моими со слезами, запряжа въ коляску одну лошадь, а въ дрожки двѣ, потому что одну лошадь прежде сего увели (всѣхъ было четыре). Послѣ сего набѣжало на дворъ мой тѣхъ тушельщиковъ и сапёровъ много, и зачали грабить; а я съ людьми своими и повозками поворотилъ въ переулокъ, увидѣвъ домъ пустой уже также ограбленной, туда на дворъ заѣхалъ въ мысляхъ тѣхъ, что уже въ ограбленной домъ никто не придетъ, а самъ вышелъ я за врата. Но тѣ же сапёры или лучше сказать бродяги, увидѣвъ меня, обступили, просили денегъ; я имъ далъ три рубли серебромъ, ушли. А потомъ и драгуны на тотъ дворъ съ ними пришли и начали грабить, чтò въ коляскѣ было и на дрожкахъ, а два жандарма пошли въ конюшню, нашли тамъ лошадей, увели, потомъ зажгли и домъ тотъ съ его строеніемъ и съѣжжею, противъ воротъ того дома бывшею; такъ что мнѣ выдти въ ворота не можно было, ибо все пламемъ обхватило. Велѣлъ людямъ искать лѣстницу, чтобъ перелѣзть чрезъ стѣну каменную, спасти себя и людей, и такъ приставивши лѣстницу къ стѣнѣ, которая

окружала садъ купца Шевалдышева, къ нему въ садъ и полѣзли. Лишь только лучшія вещи туда спустили, какъ прибѣжалъ Французской драгунъ и началъ грабить; разломавъ эфесомъ шкатулку, взялъ изъ нея лучшее въ глазахъ людей моихъ, бриліантовой перстень, табакерки золотыя, деньги и прочее, что̀ въ ней было; наполнилъ карманъ, ушелъ. Я думалъ въ саду чужомъ укрыться и найти себѣ спасеніе отъ этихъ злодѣевъ; но тамъ уже давно шатаются тѣ грабители и зажигатели; ибо купецъ былъ очень богатой. Въ саду я спознакомился съ хозяиномъ того дома и саду, спросилъ у него извиненія, что безъ позволенія очутился я въ его садѣ, хотя совсѣмъ не былъ знако̀мъ, сказавъ ему о своемъ несчастіи, и что огонь меня сюда пригналъ; а онъ мнѣ отвѣчалъ, что уже другой день какъ его домъ грабятъ и вездѣ роются въ въ саду и ищутъ, а у воротъ приставили караулъ, чтобъ никто выдти не могъ. Тогда-то я, крѣпко вздохнувъ, ушелъ отъ огня, а попался въ руки къ злодѣямъ. Весь день сей 4-го числа безпрестанно то тѣ, то другіе приходили, обыскивали всѣхъ насъ, мущинъ и женщинъ, раздѣвали даже до рубашки и грабили.

Какъ-то другая моя шкатулка уцѣлѣла, люди ее спрятали въ густой кустъ еще во время какъ перелѣзли чрезъ стѣну; но какъ лишь легл. мы спать на травѣ, вдругъ услышали крикъ отъ женщинъ (ибо у Шевалдышева ихъ было довольно), а сей сдѣлался отъ сего, что набѣжали тѣ грабители и начали грабить, а потомъ и къ намъ пришли съ обнаженными саблями, приставляютъ каждому къ груди, кричатъ ларжанъ, ларжанъ, т. е. деньги, и ко мнѣ одинъ прибѣжалъ, также проситъ денегъ, а какъ я уже скрылъ себя отъ генеральства и былъ также помужицки одѣтъ, отвѣчалъ ему: нема, нѣту, будто не знаю что̀ онъ говоритъ; ударилъ меня саблею плашмя, а потомъ велитъ послѣдніе сапоги съ ногъ скидать. А какъ у меня силъ на то не было, ибо и ноги уже опухли, разсердился бестія, думалъ, что я не хочу отдавать, взмахнулъ саблю и хотѣлъ разрубить голову, которую я защитилъ лѣвою рукою, далъ большую рану, кровь потекла, меня оставилъ, разсмѣявшись сказалъ: Voilà quelle folie! Il a voulu perdre la tête pour les bottes, т. есть вотъ какое дурачество, хотѣлъ потерять голову за сапоги; къ другимъ пошелъ грабить, былъ бестія немного пьянъ. Кабы не тулупъ толстой овчинной, которой далъ мнѣ купецъ, въ другомъ бы платьѣ совсѣмъ бы перерубилъ руку, насилу кровь уняли. Догадался я, велѣлъ земли горсть принесть и смѣшать съ водой, сдѣлалась лепешка, и къ ранѣ приложилъ и лишь высохнетъ оная, отъ чрезмѣрнаго жара перемѣнялъ другую; сдѣлалась большая опухоль въ рукѣ и ломъ отъ удару; боялся, чтобъ не сдѣлался антоновъ огонь, ибо опухоль увеличилась. Вспомнилъ я, что въ шкатулкѣ, которую у стѣны разбилъ Французъ,

въ ней была бутылочка съ апотельдокомъ, послалъ туда искать, и подлинно оную нашли въ травѣ, принесли ко мнѣ, апотельдокомъ сталъ я мазать около раны, опухоль стала уменьшаться, а рана засохла въ крови вмѣстѣ съ землею, и такъ далѣе слава Богу чрезъ 21 день рука зажила, и я попрежнему ею владѣю.

Въ саду у купца Шевалдышева Тимоѳея пробылъ я до 12-го числа того жъ мѣсяца; каждой день и въ ночь приходили Французы и другихъ націй, и грабили то въ домѣ у него, и въ подвалахъ, то къ намъ въ садъ придутъ, и каждому грабителю раздѣвались до рубашки, вездѣ ищутъ и роютъ; а домъ зажгли его 5-го числа, и къ несчастію нашему всѣ искры отъ пламя изъ дому и отъ всего строенія съ головнями на насъ несло, ибо вѣтеръ такъ былъ; 10-ть сутокъ мы были подъ пламеннымъ небомъ. День и ночь покрыты были носящимися искрами и съ дымомъ; ибо тогда вѣтры были сильные. Потомъ Шевалдышевъ хозяинъ, какъ его прибили, ушелъ, а остался послѣ его сынъ Александра съ женою и людьми, коихъ у него довольно было; и я думаю, что и они также грабили, ибо вотъ что случилось. Сказалъ я выше сего, что другая шкатулка моя спрятана была въ кусту; вдругъ несетъ ее ко мнѣ хозяйской иконописецъ цѣлую и въ ней съ ключемъ, но уже пустую, будто нашелъ онъ ее у воротъ брошенною, я спросилъ, гдѣ Французы взяли ключъ, имъ некогда да и негдѣ подбирать ключи, они бы какъ и первую разломали; но видно ее очистили свои. Какъ во второй день въ саду Французъ снялъ съ меня послѣдній жилетъ, то ключи были въ немъ отъ сей шкатулки, и видно оные выронилъ, а свои примѣтили и подобрали; шкатулку же принесъ въ пятой день послѣ того. Впрочемъ Богъ знаетъ правду и ложь; Онъ сердцевидецъ и помышленія человѣческія знаетъ. Только съ этимъ иконописцемъ послѣдовало хуже моего. Будучи я съ людьми моими уже въ подвалахъ дома сгорѣвшаго госпожи Березниковой, куды я перешелъ жить 12-го числа того жъ мѣсяца, такъ же перелѣзли мы изъ саду по лѣстницѣ чрезъ стѣну ночью; вышелъ я оттуда единственно для того, что каждый день и ночью встревожены были отъ Французовъ, ибо купецъ былъ очень богатой, не могли скоро его ограбить; пришелъ ко мнѣ его сынъ, сказалъ, что сего иконописца Французы закололи и судъ о шкатулкѣ кончился.

Въ подвалахъ я жилъ одиннадцать дней и сдѣлался больше болѣнъ, чувствовалъ въ лѣвомъ боку отъ жестокихъ вѣтровъ колику т. е. воспаленіе отъ простуды или по-французски pleuresie. Лѣкарей нѣтъ, помочь не кому, и лѣкарства не бывало, жаръ престрашной чувствую, а пить нечего, какъ сырую воду, и за той пошлешь человѣка, попадется Французамъ, берутъ насильно на свою работу до самаго вечера носить грабленное въ лагерь; признаюсь, согрѣшилъ предъ Богомъ! Желалъ

смерти, нежели мучиться въ такомъ положенiи, а притомъ ожидая еще больше отъ злодѣевъ тиранства. Гдѣ-то люди достали соляныхъ огурцовъ, оные отъ жару и жажды ѣлъ и пилъ разсолъ нѣсколько дней, а Французы также и туда въ подвалъ насъ посѣщали днемъ и ночью, но уже нечего было грабить, только тревожили напрасно, ночью жъ приходили съ обнаженными шпагами, имѣвъ въ рукахъ толстыя большiя восковыя свѣчи зажженныя, видно отъ образовъ изъ церквей набрали. Шевалдышева купца сынъ Александра пришелъ ко мнѣ сказать, что онъ видѣлъ на вратахъ подпись по-русски «здѣсь принимаются просьбы». Я, собравъ послѣднiя свои силы, написалъ туда, чтобъ мнѣ прислали охранительный листъ *), дабы меня, какъ полумертваго, не тревожили грабители, изъяснивъ въ ономъ обо всемъ и чтобъ прислали меня освидѣтельствовать, въ какомъ я положенiи есть и боленъ. Однакожъ никто присланъ не былъ; а человѣку моему Василью данъ *листъ печатный,* и приказывается онымъ меня почитать, какъ Русскаго генерала и больнаго, а притомъ и до имѣнiя моего не касаться, которое уже огнемъ истреблено и Французами ограблено, то есть отъ всего имущества осталось на мнѣ сюртукъ старой, красной камзолъ, штаны старые, чулки и сапоги; а часы съ цѣпочкою и 75 рублей денегъ потому остались цѣлыми, что ихъ не нашли. Оной листъ у меня сберегается для памяти моихъ бѣдствiй; сей листъ нѣкоторые уважали, и тотчасъ вонъ уходили, а другiе и глядѣть на него не хотѣли, а дѣлали свое; ибо много нашло сброднаго войска, больше на грабежъ, нежели на войну, Швейцарцы, Голланцы, Далматцы, Италiанцы, Гишпанцы, Португальцы, Вестфальцы, Баварцы и Поляки; эти пуще всѣхъ грабили и больше проводниками и переводчиками были при грабежахъ; а Французовъ настоящихъ, какъ слышно, въ войскѣ не очень много было.

Въ подвалахъ жить мнѣ стало очень трудно, и сдѣлался смрадъ; велѣлъ искать, нѣтъ ли гдѣ дому жилаго и цѣлаго, нашли у дьячка въ приходѣ церкви Николая чудотворца въ Столпахъ. Туда привели меня почти на рукахъ 23-го числа въ пустыя же двѣ избы; а дьячекъ ушелъ изъ дому въ чужой; ибо у него жъ былъ постоялецъ, у котораго квартировали Гишпанцы и Португальцы съ полковникомъ, прямо добрые люди, они почти каждый день давали мнѣ по куску хлѣба, а людямъ простаго вина; въ этомъ домѣ мы начали только ѣсть хлѣбъ; а то люди мои питались одною пареною пшеницею, а мнѣ кашицу варили пустую, иногда кусокъ рыбы соленой туда клали, и то было не въ пользу въ разсужденiи моей болѣзни. Боже мой! Чтò человѣкъ не перетер-

*) Факсимиле этого листа см. выше.

литъ! Въ дьячковомъ домѣ ко мнѣ принесли образъ Спасителя Нерукотвореннаго. Тамъ же я узналъ, что Воспитательный Домъ цѣлъ и Тутольминъ Иванъ Акинфовичъ оставленъ при немъ главнымъ начальникомъ; послалъ къ нему письмо, въ которомъ прошу, чтобы онъ прислалъ ко мнѣ хлѣба и кусокъ сахару; подлинно скоро и прислалъ фунтъ сахару, вина бѣлаго бутылку и бѣлаго хлѣба. До слезъ была радость, что я это получилъ; не пивши чаю, котораго мнѣ немного далъ дьячекъ, почти цѣлый мѣсяцъ, а особливо въ болѣзни желалъ сего; благодарилъ Бога, что изъ крайности началъ выходить! А потомъ Тутольминъ и ѣсть присылывалъ, наконецъ и самъ меня посѣтилъ, удивился въ какомъ состояніи я нахожусь; узнавши отъ меня, въ какихъ я былъ опасностяхъ. Въ дьячковомъ домѣ уже никто не приходилъ грабить; можетъ быть были сыты, или отъ того, что тутъ Португальцы стояли, о томъ навѣрное не могу рѣшительно сказать.

Тутъ я взялъ у постояльца Русскаго двѣ прокламаціи отъ интенданта Лессепса, напечатанныя по повелѣнію Наполеона на Русскомъ и Французскомъ языкѣ къ народу Россійскому; содержаніе оныхъ больше клонится къ ихъ пользѣ, нежели обывателямъ: хотѣли прельстить словами, чтобъ привозили хлѣбъ и фуражъ въ Москву на продажу; но спасибо не оказалось такихъ дураковъ; въ Нѣмецкой Слободѣ и зачали было продавать мясники мясо; но на другой день у нихъ все даромъ поотымали Французы, и послѣ оныхъ прокламацій какъ же вѣрить ихъ словамъ? А мясники насилу ушли изъ Москвы. Кофій же, сахаръ и чай и вино продавали однѣ Француженки, пріѣхавшія съ ними, и то только за серебрянныя деньги, потому и неможно было мнѣ купить ничего; хотя и осталось отъ всѣхъ денегъ у меня въ книжкѣ памятной 75 руб. ассигнаціями, которая у меня была зашита въ подушкѣ, тамъ же и часы золотые съ цѣпочкою бриліантовою спрятаны были, уцѣлѣли, и то удивительно, ибо и перины иныя растрясывали. Патенты на чины и рескрипты, присланные съ орденами отъ Государыни Екатерины Алексѣевны, блаженныя памяти Второй, и прочія бумаги, собранныя мною въ одно мѣсто, въ портфелѣ положены, и то было ими унесено; но какъ тамъ денегъ не нашли, въ саду у Шевалдышева ихъ и бросили; уже нашли оные послѣ меня, принесъ ко мнѣ Шевалдышева сынъ Александръ, всѣ мокрыя, насилу могъ высушить; обрадованъ былъ очень, что онѣ не пропали: еще Богъ до меня милостивъ, а ордена можно и купить, когда деньги будутъ. Счастіе было мое, что изба у дьячка была теплая; жилъ вмѣстѣ съ людьми и мѣщаниномъ Михаиломъ Николаевичемъ Поповымъ, что у меня домъ берегъ, какъ я иногда изъ Москвы выѣзжалъ. Дьячекъ Григорій Ивановичъ былъ его дядя, за то заплатилъ ему 25 руб. денегъ и за то, что мнѣ онъ

давалъ иногда чайку и меду; а потомъ живописецъ Иванъ Ивановичъ, фамилію его не помню, увидѣлъ моего человѣка Василья у воротъ стоящаго, и узнавши отъ него, что я пребываю здѣсь въ домѣ, ко мнѣ пришелъ, ибо мы прежде сего съ нимъ знакомы были, и жжалясь надъ моимъ состояніемъ, побѣжалъ къ Французскому генералу - ордонатёру, фамилія его Нёвевиль, Neuveville, у котораго онъ былъ поневолѣ переводчикомъ, хотя Нѣмецъ, но зналъ по-французски, объяснилъ мое состояніе ему, и что я въ дурной квартирѣ лежу боленъ безъ малѣйшей пищи; сей ордонатёръ видно былъ добраго сердца, тронулся моимъ состояніемъ, или для того, что онъ изъ дому выѣзжалъ жить въ Кремль, тотчасъ прислалъ сего живописца просить меня жить въ тотъ домъ, гдѣ онъ стоялъ. Сей домъ г-на Веневитенова каменной о двухъ этажахъ; однакожъ, въ осторожность свою, я велѣлъ позвать къ себѣ того дома управителя, его зовутъ Иванъ Григорьевъ, согласенъ ли будетъ онъ на сіе? Пришелъ онъ ко мнѣ и просилъ усердно, говорилъ «при васъ-де мы всѣ дворовые люди спокойнѣе будемъ, да и люди меня лучше слушаться будутъ, а то многіе Французамъ помогаютъ».

Итакъ меня въ тотъ домъ перенесли восьмого числа Октября, и дали мнѣ пустыя двѣ комнаты, гдѣ прежде Французской офицеръ жилъ, уже все ограбленное; правду сказать подлинно, сей ордонатёръ доброй, велѣлъ своему повару мнѣ варить супъ мясной, и далъ мнѣ полторы головы сахару, кофію больше 5-ти фунтовъ, 7-мь бутылокъ вина бѣлаго, полторы штуки фризу, которымъ я одѣлъ себя и людей всѣхъ, даже и изъ Кремля присылалъ съ своимъ человѣкомъ мясо; и потомъ передъ выходомъ изъ Москвы мнѣ выпросилъ у Лессепса сто рублей денегъ и прислалъ съ тѣмъ же переводчикомъ. Стало и у Французовъ есть добрые люди и жалостливы надъ несчастными; дай Богъ ему здоровья! Даже и въ солдатахъ есть много добрыхъ людей; какъ я былъ въ саду у Шевалдышева уже больной и раненой, то иные Французы приходили только посидѣть съ нами, и съ собою вино разнаго сорту приносили, потчивали и насъ имъ, и дѣтямъ давали коринки, безъ сумнѣнія что все было награбленное; а иные были даже босы и наги, видно голыя ноги; однакожъ ничего не брали, и сапогъ ни съ кого не снимали, уходили отъ насъ ничего не сдѣлавши злого; разговоры иногда слышалъ на Французскомъ языкѣ, между ими похоже на ропотъ, «завелъ насъ Наполеонъ далеко, какъ то и когда увидимъ свое отечество, вѣдь еще не всю Россію взяли». Видно много недовольныхъ есть въ арміи, а большая часть служитъ изъ страху.

Какъ Французы оставили Москву, довольно разоренную, то и хотѣли поднять весь Кремль такъ было слышно, но видно не было уже время имъ

каналы для пороху подкапывать, или не было такихъ инженеровъ знающихъ, только часть стѣны къ арсеналу взорвали, да караульню съ колокольнею, а дворецъ зажгли. По выходѣ ихъ вступили казаки и прочія войска Россійскія подъ командою генералъ-маіора Ивана Дмитріевича Иловальскаго. Французы вышли изъ Москвы подъ командою маршала Мортье 11-го Октября до свѣту, пошли по Калужской дорогѣ; такъ было слышно.

Въ домѣ Веневитенова жилъ я до 23-го числа Октября, уже немного выздоровѣлъ, ходилъ пѣшкомъ, направлялъ ноги слабыя; ибо время сдѣлалось теплое и дни прекрасные, какъ бываетъ весною; иногда заходилъ обѣдать къ Тутольмину, спасибо ему, человѣкъ доброй, радъ былъ, когда приду, у него нашелъ я живущаго тайнаго совѣтника Повалишина, и приходившаго такъ же обѣдать генерала Сипягина, такъ же ограбленныхъ Французами. А какъ прикащикъ Степана Степановича Апраксина Бизбаумъ увѣдомился обо мнѣ, что я боленъ и нахожусь съ людьми моими въ домѣ Веневитенова, пришелъ ко мнѣ; я просилъ его, чтобы онъ перевезъ меня съ людьми моими въ село Ольгово Степ. Степановича. Радъ былъ, что онъ послушался и то сдѣлалъ. И такъ пріѣхалъ въ Ольгово 24-го Октября 1812 года въ Четвергъ; а тамъ чтѝ будетъ со мною на милосердіе Божіе и Его волю отдаюсь.

Въ семъ моемъ страданіи удивительнаго случилось къ замѣчанію слѣдующее.

1. Въ чужомъ домѣ, куда пришелъ, коляска и дрожки еще не были разграбленныя и домъ еще не былъ Французами зажженъ, велѣлъ я людямъ поскорѣй изъ коляски и дрожекъ взять чтѝ лучшее и спрятать, а особливо бѣлье и шкатулки; человѣкъ, бѣлье вынимавши изъ чемодана, изъ котораго въ тоже время выпала на землю одна книжка, которыхъ тамъ было положено до 60 лучшихъ. Я увидѣлъ сіе, что за книга сама собою выпала, и велѣлъ поднявъ принесть ко мнѣ: *Жизнь и страданія Іисуса Христа* на Французскомъ языкѣ, par Sainte Real. Я подумалъ: видно, и мнѣ страдать и терпѣть отъ злодѣевъ.

2. Образъ Казанской Богоматери, благословеніе отца моего артиллеріи капитана Ивана Григорьевича, данный мнѣ изъ рукъ его при концѣ его жизни, когда мнѣ еще было только 10 лѣтъ, грабителями Французами два раза былъ съ меня снятъ у купца Шевалдышева Тимоѳея въ саду; ибо на сихъ складняхъ есть цка серебреная и вызолоченая. Сей образъ на другой день обратно ко мнѣ приносили, въ первой разъ баба, а во второй разъ мальчикъ того купца и находили его въ саду. Благодарю Бога: весь цѣлъ и теперь у меня есть.

Въ Ольговѣ я жилъ съ 24-го Октября 1812 года по 11-е число мѣсяца Декабря уже 1815 года, всего три года и 16 дней. Отведенъ

мнѣ былъ домъ лѣтній; однакожъ я въ немъ прожилъ три зимы и до тѣхъ поръ держался тамъ, пока занемогъ простудою, коликою въ лѣвомъ боку, опять сдѣлалась pleuresie противъ самаго сердца. Степанъ Степановичъ Апраксинъ, сжалясь надъ моимъ состояніемъ, позволилъ мнѣ переѣхать въ сельцо Перемилово, его жъ владѣнія, гдѣ занялъ я одинъ флигель и съ моими людьми; благодарилъ Бога и Степана Степановича, что позволилъ жить въ тепломъ домикѣ, 10 верстъ отъ Ольгова Дмитровскаго жъ уѣзда, а отъ гор. Дмитрова 3 версты.

Живши въ Ольговѣ, время проводилъ, ѣздилъ на охоту съ борзыми собаками, а зимою съ ружемъ на лыжахъ, ходилъ почасту за зайцами; сіе дѣлалъ для моціону, чтобъ натуральные члены тѣла не ослабѣли. Иногда читалъ книги, иногда о чемъ нибудь сочинялъ, какъ-то окончилъ въ Ольговѣ о Страшномъ Судѣ, выбравъ изъ Библіи Ветхаго и Новаго Завѣта всепредвѣдущаго Бога, въ Троицѣ единосущной славимаго, чрезъ Его пророковъ. Еще большая тетрадь подъ названіемъ *Зеркало познать себя*, со многими замѣчаніями и съ протчимъ выбранными изъ Библіи же, къ познанію и объясненію ближнему; исправлялъ ошибки, какъ переписывали въ прежнихъ тетрадяхъ, кои мною жъ сочинены, а имянно тетрадь большая «О военныхъ осторожностяхъ къ познанію службы для каждаго чина»; еще тетрадь «О первомъ священникѣ Мельхиседекѣ», какъ онъ остался безроденъ, доказательство приведено изъ Священнаго Писанія; еще тетрадь «Возраженіе на книгу Жидовскую» или увѣщаніе, что І. Христосъ сынъ Божій, общій Спаситель, уже былъ на землѣ; доказательство выбрано изъ пророчествъ, кои были ихъ же роду Іудейскаго.

Забылъ я написать. Какъ изъ города Бронницъ переѣхалъ я жить въ Москву, былъ очень боленъ, имѣлъ pleuresie отъ простуды въ правомъ боку, или, лучше сказать, одинъ Богъ знаетъ отчего; но увидя себя на концѣ жизни, послалъ за попомъ своимъ духовникомъ, чтобъ пріѣхалъ съ дарами таинства Божія и меня исповѣдавши бъ причастилъ, что̀ и совершилось; благодарилъ всемогущаго Бога! Послѣ пріобщенія на третій день сдѣлалось мнѣ легче, такъ что день ото дня приходилъ я въ лучшее состояніе; однакожъ оной болѣзни продолженіе было около трехъ мѣсяцевъ. Во время исповѣди обѣщался я, если останусь живъ и здоровъ, сходить пѣшкомъ къ мощамъ угодника Божія Сергія Радонежскаго Чудотворца и преподобному Сергію отслужа молебенъ приложиться къ его мощамъ. Благодарилъ Бога, что сіе обѣщаніе по выздоровленіи я исполнилъ. Къ Троицѣ дошелъ я въ 3-й день къ вечеру; а на другой день отслушавъ литургію и потомъ то обѣщаніе исполнилъ; послѣ же сего заѣзжалъ я въ Виѳанію къ митрополиту Платону, и онъ тогда былъ боленъ, правою рукою не владѣлъ, посидѣвъ у него часа

два, возвратился въ Москву благополучно. И такъ въ домѣ своемъ началъ жить, препоручивъ себя во всемъ Промыслу всемогущаго Бога.

А въ 1817-мъ году сельцо Перемилово, въ которомъ я жилъ, поступило по рядной въ приданое за дочерью Софьею Степановною: то Степанъ Степановичъ Апраксинъ писалъ ко мнѣ письмо, чтобъ я изъ того села выѣхалъ, почему и принужденъ я былъ искать себѣ квартиру въ городѣ Дмитровѣ или купить домикъ; квартиры за постоемъ полку не нашелъ, а купилъ домъ у исправника Дмитрія Ивановича Савастагулова, въ которомъ, по совершеніи купчей, и началъ, по опредѣленію всемогущаго Бога, жить съ моими людьми съ 7-го числа мѣсяца Мая 1817 года, а впредъ чтò со мною будетъ отдаюсь на волю моего Создателя: Онъ единъ предвѣдущъ.

Объяснилъ я поступки по службѣ для Государя и отечества и о протчемъ; а потомъ захотѣлось написать и нѣкоторыя свои молодыхъ лѣтъ шалости и любопытствы, случившіяся во время прошедшихъ дней моей жизни. Нехудо человѣку и въ порокахъ своихъ признаться: кто сіе прочитаетъ, будетъ отъ того, гдѣ только можно, остерегаться.

Какъ адъютантомъ былъ въ Архангелогородскомъ пѣхотномъ полку, въ праздное время учился я у музыканта Быхова плавать по водѣ одинъ и съ фашиною; онъ очень былъ этому мастеръ; при Фальчѣ въ Молдавіи Прутъ-рѣку я переплылъ съ онымъ Быховымъ, имѣвши передъ собою въ рукахъ фашину, а какъ пошли отъ рѣки Яломицы уже бывши съ полкомъ въ Валахіи въ корпусѣ генералъ-аншефа Эссена, и случилось полку идти подлѣ берега рѣки большой Дуная, день былъ очень жаркой; солдатъ и много офицеровъ отпущено было мыться и купаться въ Дунаѣ, захотѣлось и мнѣ. Отпросился и я у подполковника де-Лассія (чтò нынѣ полнымъ генераломъ) и пошелъ съ подпоручикомъ Шестаковымъ купаться, у берегу много я плавалъ и легко, чему очень дивился Шестаковъ, что я мастеръ. Отъ сей похвалы родилось желаніе переплыть Дунай, а къ тому жъ и понуждало меня то, что сказали есть тамъ на островѣ удивительныя пещеры. Я перекрестясь и поплылъ; и переплывши уже середину, какъ взглянулъ, что тамъ очень крутой берегъ, то и испугался, что мнѣ пристать будетъ тамъ нельзя и негдѣ и такъ отъ сего воображенія тужъ минуту у меня руки опустились, я принужденъ поворотиться назадъ, и лишь доплылъ до стерженя рѣки, гдѣ быстрѣе всегда вода течетъ, понесла меня оная по своей волѣ; я имѣлъ еще силы закричать Шестакову, чтобъ онъ постарался меня спасти—тону; а онъ нескоро и повѣрилъ, думалъ, что я кричу шутя; но увидѣлъ, что всѣ уже люди не берегу бывшіе зачали суетиться, сталъ искать тѣхъ, кто умѣетъ плавать; ибо тутъ лодки нигдѣ не было, а я уже изъ памяти выбился и захлебнулся нѣсколько разъ. Къ сча-

стію моему онъ нашелъ бомбардира изъ роты капитана Базина, зовутъ его Иванъ Григорьевичъ Дураковъ, которой плыть пустился по срединѣ и увидѣлъ только мои волосы; меня догналъ и нырнувши подъ меня такъ былъ силенъ, что одною рукою меня до половины изъ воды высунулъ наверхъ. Хотя и былъ я безъ памяти, однакоже проглянулъ на свѣтъ. Онъ велъ меня какъ рыбку одною рукою къ берегу, а другою плылъ, или лучше сказать гребъ; послѣ еще помогъ ему 1-й роты солдатъ Агѣевъ. Приведши меня къ берегу, не вытащилъ всего меня вонъ изъ воды, а весь корпусъ мой держалъ въ водѣ до тѣхъ поръ, пока я всю воду выблевалъ вонъ; и думаю, тѣмъ спасъ меня отъ водяной болѣзни или отъ горячки. Какъ тонулъ, эту смерть я точно испыталъ; ибо уже безъ чувствъ былъ; мучила меня совѣсть долго, что я произвольно и безъ нужды поплылъ на ту сторону и сдѣлался самъ себѣ для похвалы убійцею. Сему бомбардиру я заплатилъ все, что̀ имѣлъ у себя дома денегъ, да у Базина капитана выпросилъ его въ 1-й классъ для бо̀льшаго жалованья. Сей случай, думаю, помнитъ господинъ шефъ того полку, что̀ въ Москвѣ, генералъ-маіоръ Рехенбергъ; ибо онъ въ томъ же полку былъ, служилъ прежде порутчикомъ, а потомъ капитаномъ, да можетъ быть и бомбардиръ Дураковъ еще живъ.

Еще тонулъ на Кавказской линіи, на рѣкѣ Терекѣ. Этому свидѣтель Степанъ Степановичъ Апраксинъ. Поѣхали мы осмотрѣть всѣ мосты по дорогѣ, что̀ идутъ въ Грузію, тѣ, кои Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ дѣлалъ, для монумента своего имени, за Владикавказомъ, названнымъ отъ него же крѣпостію (а то было бездѣльный редутъ, четвероугольный изъ каменьевъ сложенъ, какъ огороды окладываютъ; а онъ за таковыя крѣпости и эту дорогу болѣе 700 тысячъ рублей уходилъ изъ казны царской). Доѣхали мы до перваго той рѣки пролива, увидѣли пирамиду на подобіе версты Царскосельской, что̀ тамъ казалось чудесами, на которой вырѣзаны слова (я позабылъ что), а мосту только осталось клочки желѣза, весь вода изломала, ибо онъ былъ деревянной, окрѣпленъ желѣзомъ. Отъ сего Степанъ Степановичъ Апраксинъ воротился назадъ, а я поѣхалъ съ 6-ю казаками впередъ далѣе въ горы, чтобъ и другой увидѣть проливъ. Доѣхавши до онаго рѣки Терека, тамъ уже мосту и знаковъ нѣтъ, гдѣ былъ; сей рукавъ я переѣхалъ кой-какъ съ большою опасностію и съ казаками, очень вода быстра, а только была по колѣно лошади. Но чрезъ 3-й рукавъ той рѣки казаки мои не ѣдутъ, а говорятъ мнѣ, «что тутъ какъ Тамара полковникъ ѣхалъ изъ Персіи, то будто бы пять человѣкъ казаковъ утонуло». Я этому разсмѣялся и сказалъ: видно лошади ихъ были пьяны; а самъ, ударивъ свою лошадь плетью, которая прыгнула въ воду, и не успѣлъ я отъѣхать отъ берегу на 6-ть шаговъ, какъ лошадь моя повалилась

отъ быстроты воды и упору въ лошадь, хотя и по колѣно есть только глубины. Я ухватился за гриву и потомъ оторвался; вода меня то зальетъ, то я встану на ноги и боровшись съ водою сержусь, что не могу идти; но какъ изъ силъ выбился, то уже вода покатила меня какъ камень, и къ счастію моему прибила волнами ближе къ тому берегу, по которому казаки бѣжали и не спускали меня съ своихъ глазъ, подали мнѣ конецъ тупой пики и держали двое; боялись видно, чтобъ я ихъ не стащилъ въ воду. За конецъ пики меня вытащили на берегъ, гдѣ я отдыхалъ болѣе четырехъ часовъ, а лошадь пропала и съ сѣдломъ, водою унесена. Дали мнѣ казаки свою лошадь, а двое на одну сѣли, доѣхали мы до славнаго Владикавказа, которой никогда не владѣлъ Кавказскими горами и около ихъ горскими жителями. Отъ того мѣста оной редутъ былъ въ 25 верстахъ; тамъ отдохнувши, ибо былъ весь мокрой немного посушился, пріѣхалъ потомъ въ Моздокъ, гдѣ и Апраксина нашелъ. Онъ удивился чтò со мною случилось; я ему отвѣчалъ, что я доѣхалъ до самаго нельзя; однакожъ послѣ сего нельзя, я сдѣлался боленъ горячкою и уже въ Москвѣ вылѣчился, какъ пріѣхалъ жениться на Настасьѣ Ивановнѣ Бутрюмовой (чтò и совершилось въ церкви Рождества Христова на Петровской улицѣ 1785 года Октября 8 дня; отецъ посаженой былъ князь Юрій Владимировичъ Долгорукой, а мать Марья Степановна Талызина, сестра родная Степана Степановича Апраксина).

Когда Крымъ мы покорили силою оружія, князю Потемкину, какъ прихотливому вельможѣ, возили всякій день Донскіе казаки свѣжій ледъ, увѣряя всѣхъ, что они его достаютъ изъ пропасти на высокой горѣ. Я это услышавъ, отпросился у своего полковника Апраксина; поѣхали мы трое до того мѣста, гдѣ берутъ ледъ, съ капитаномъ гвардіи Киселевымъ Ѳедоромъ Ивановичемъ и маіоромъ Карташовымъ; казакъ былъ намъ проводникъ. На дрожкахъ доѣхали мы до горы, а потомъ сѣли на казацкихъ лошадей и все на гору ѣхали верхами болѣе 5-ти верстъ. Потомъ пріѣхали на площадку, на коей были плиты камня дикаго; я спросилъ казака, гдѣ жъ то мѣсто, чтò вы ледъ берете, онъ мнѣ показалъ; подъѣхали мы къ ямѣ иррегулярной въ своей окружности, не болѣе кругомъ 26-ти аршинъ, отдавши лошадей держать казаку, зачали спущаться за казакомъ внизъ, то-есть шли мы всѣ трое; ступень болѣе 40 сдѣлали, такъ уже свѣтъ мало былъ виденъ сверху. Потомъ казакъ привязалъ веревку къ камню, и спустился еще ниже, по веревкѣ цѣпляясь руками и перебирая внизъ, а намъ велѣлъ, коль скоро затрясетъ веревкою, тянуть оную вонъ, чтò мы и сдѣлали; и подлинно вытащили свѣжаго льду большой кусокъ. Я этому не повѣрилъ; говорю своимъ товарищамъ, можетъ быть туда казаки наклали льду, и насъ

обманываютъ, а болѣе для того, чтобъ съ князя брать деньги за ледъ. Спустился и я туда къ казаку, и подлинно нашелъ правду ихъ; какъ будто бы въ погребѣ тамъ холодно, и сосульки сверху висятъ, а внизъ нара еще пошла, куда я камень кинулъ, но эха отъ упаду не слыхалъ; видно очень далеко. И Карташовъ спускался, только Киселевъ не хотѣлъ; оттуда пріѣхали и уже всѣхъ увѣрили, что казаки ледъ дѣйствительно изъ пропасти возятъ. Послѣ сей опытности или повѣрки, я подумалъ о казакѣ первомъ, который добровольно рѣшился спуститься въ неизвѣстную пропасть, гдѣ могъ бы получить смерть, единственно, чтобъ угодить роскошному вельможѣ, а намъ уже не ужасно было то исполнить: былъ смѣлаго духа человѣкъ.

Въ Анкерманѣ Таврической области, чтò послѣ дано названіе Севастопольская гавань, въ разсужденіи убѣжища Грековъ и монаховъ и ихъ служеній отъ Татаръ и Турокъ, сдѣлали они себѣ недалеко отъ пристани въ высокомъ берегу какъ въ горѣ каменной точно такія пещеры, какъ у насъ въ Кіевѣ, но только изъ камня выкопанныя, внутри жилища, и тамъ же престолы Божіи были, гдѣ они служили литургіи для совершенія таинствъ. Но какъ ихъ изъ острова Крыму совсѣмъ выгнали, то тѣ мѣста видно послѣ трясенія земли открылись; половина ихъ вся упала въ заливъ морской, а другая осталась. Мы туда пріѣхали съ Апраксинымъ Степаномъ Степанычемъ осмотрѣть старый Херсонесъ, въ которомъ князь Владиміръ крестился и женился на царевнѣ Аннѣ Константинопольской; то тутъ намъ одинъ офицеръ сталъ пересказывать объ оныхъ пещерахъ. И такъ я рѣшился ихъ видѣть, и полѣзли мы съ нимъ наверхъ. Тропинка была очень узкая, правымъ плечомъ держались къ боку горы, а налѣво была крутизна въ море вышины болѣе 130-ти сажень, насилу долѣзли. Тамъ я списывалъ надписи въ каждой келіи и надъ престолами, писано было по-гречески; высмотрѣвъ все, сходить стали назадъ; тогда-то почувствовалъ я внутри чтò такой за страхъ и ужасъ предстоящей и видимой смерти; и мой товарищъ поблѣднѣлъ; но другъ другу изъ честолюбія о робости души скрывали: ибо въ каждой ступени лишь бы нога оскользнулась, то должно упасть въ море; а ширины дорожка наша была не больше аршина, гдѣ было ужасное мѣсто для схода, Бога просилъ простить меня, что уже въ послѣдній разъ сей для любопытства проступокъ противъ здраваго разсудка сдѣлалъ, только свелъ бы насъ благополучно; съ Его святою помощію слѣзли мы, и пришедши все мы разсказали Апраксину. Оттуда съ нимъ поѣхали въ города Козловъ и Бахчисарай и въ прочія мѣста достойныя видѣть, и возвратились благополучно къ своему мѣсту. Забылъ я написать, прежде сего былъ я на горѣ, прозванной Четырдау въ Крыму же, до половины оной верхомъ въъѣхалъ, а

тамъ пѣшкомъ съ Татариномъ взошли, съ которой горы, если бъ зрѣніе доставало, можно бы весь Крымъ увидѣть.

Дуэли по волѣ моей имѣлъ два раза, а секундантомъ былъ три раза.

1-я дуэль была у меня, какъ былъ еще порутчикомъ. Стояли мы лагеремъ подлѣ Журжи, что̀ на Дунаѣ, съ подпорутчикомъ артиллеріи Новосильцевымъ, которому я ухо перерубилъ и на рукѣ рану далъ; но онъ такъ оробѣлъ, что на колѣняхъ стоя просилъ у меня прощенія; меня же немного по рукѣ онъ зацѣпилъ; дрались шпагами, бывши въ корпусѣ графа Ивана Петровича Салтыкова; за то что онъ дерзнулъ нашихъ офицеровъ вообще при мнѣ бранить. О сей дуэли зналъ Тарсуковъ Ардаліонъ Александровичъ, что̀ нынѣ при дворѣ Его Величества служитъ, а тогда былъ онъ квартирмистромъ въ 4-мъ гранодерскомъ полку.

2-я дуэль была уже въ 4-мъ гранодерскомъ полку (я служилъ капитаномъ; въ Польшѣ стояли лагеремъ) съ капитаномъ Ивановымъ. Я у его руки пальцы перерубилъ, что уже не могъ держать и шпаги; тутъ и помирились; а произошло за то, что онъ приревновалъ къ своей дѣвкѣ, къ которой я какъ Богъ святъ! ничего не чувствовалъ и не имѣлъ дѣла. Въ командѣ были тогда у бригадира Левашева Александра Ивановича, о чемъ и онъ послѣ узналъ, и Степанъ Степановичъ Апраксинъ потомъ узналъ.

Въ 1-й разъ секундантомъ былъ у маіора Григорья Потаповича Зиновьева и у порутчика Коробьина Николая Григорьевича, кои служили въ томъ же 4-мъ гранодерскомъ полку, стоявши на квартирахъ въ городѣ Рославлѣ Смоленской губерніи. Они стрѣлялись, но къ счастію обиженный, т. е. Зиновьевъ, не попалъ въ Коробьина; то я совѣтъ далъ порутчику Коробьину уже выстрѣлить вверхъ, дабы самому послѣ не попасться въ бѣду, если бы кто убитъ былъ; отъ сего великодушія они и помирились.

2-й разъ въ Москвѣ какъ дрались на шпагахъ князь Сергѣй Ивановичъ Адуевской съ княземъ же Иваномъ Сергѣевичемъ Гагаринымъ. Я тогда жилъ въ домѣ Степана Апраксина и былъ тогда немного боленъ; какъ сей Адуевской пріѣхалъ и просилъ меня въ секунданты къ себѣ, что онъ ѣдетъ драться; я было не хотѣлъ, но Степанъ Степановичъ меня упросилъ. Рубились они на шпагахъ у Петровскаго дворца въ лѣсу, и Гагаринъ уже было его погналъ, даже мой Адуевской поскользнулся и упалъ; то я, остановя ударъ отъ шпаги, который летѣлъ по головѣ, сказалъ Гагарину, дай противнику исправиться, ибо я былъ у обоихъ одинъ секундантъ, на что самъ Гагаринъ согласился встать тому; а опослѣ сего Гагаринъ уже былъ порубленъ въ руку; тутъ я ихъ и развелъ; ибо уговоръ былъ до первой раны; и какъ я привезъ

домой цѣлаго Адуевскаго, то жена его и всѣ дѣти бросились ко мнѣ съ радостію благодарить за спасеніе отъ раны.

3-й разъ былъ секундантомъ у внучатнаго своего брата Пафнутія Алексѣевича Мосалова въ Петербургѣ еще при жизни Государыни Екатерины Алексѣевны. Онъ на палашахъ рубился съ поручикомъ конной гвардіи Сабуровымъ. Пришли они оба въ конюшню полковую, я былъ обоихъ свидѣтель, и другой просилъ меня и вѣрилъ мнѣ. Пафнутій Мосаловъ проигралъ и былъ въ двухъ мѣстахъ раненъ, по щекѣ и по плечу очень больно; я ихъ развелъ, и потомъ помирились, ибо братъ обидѣлъ Сабурова въ разговорахъ, и я тогда былъ еще секундъ-маіоромъ.

Пьянъ былъ я отъ роду семь разъ. Въ капитанскомъ чинѣ одинъ разъ въ Польшѣ въ селѣ Красномъ у полковника Матвѣя Петровича Ржевскаго. Былъ обѣдъ въ день его ангела; всѣхъ офицеровъ онъ употчивалъ досыта, и сдѣлался между капитанами споръ о повиновеніи и любви солдатской къ своему командиру. Нѣкоторые офицеры говорили, гдѣ есть слѣпое повиновеніе, тамъ уже нѣтъ и любви искренней къ начальнику. Я спросилъ напротивъ, все можетъ сдѣлать въ солдатахъ, когда капитанъ хорошъ, то солдаты его боятся и любятъ; а какъ была моя рота гранодерская и стояла въ штабу, то я съ позволенія полковника и послалъ за нею, чтобъ пришла съ ружьями. Рота собралась передъ квартиру полковника, я хотя тогда былъ уже очень пьянъ, ему отдалъ честь, а потомъ велѣлъ заряжать ружья; и какъ они отзывались, что нѣтъ холостыхъ патроновъ, то я приказалъ зарядить съ пулями, чтобы выстрѣлить въ воду; ибо у двора былъ прудъ. Они зарядивши съ пулями послушались, а я какъ стоялъ передъ ротою на мѣстѣ, такъ и командовалъ залпъ будетъ, и выстрѣливши закричалъ ступай, ступай, и самъ въ воду кинулся, и они всѣ за мною бросились въ воду; однакожъ если бы меня гранодеры тутъ не спасли, я бы вѣрно захлебнулся, ибо очень былъ пьянъ, вытащили мокраго. На другой день уже споръ рѣшился симъ опытомъ; ибо повиновеніе было, что гранодеры послушались броситься въ воду, хотя и всѣ перемокли и вымарались. А любовь была доказана, что меня спасли изъ любви и сожалѣнія собственно своего и вытащили вонъ; а осторожность была соблюдена та, что противъ меня ряды не стрѣляли, видя меня пьянаго.

Еще былъ въ маіорскомъ чину два раза въ Москвѣ и Петербургѣ. А въ подполковничьемъ чину ни разу не былъ. Въ полковничьемъ чину пьянъ былъ три раза въ Деражнѣ, у Василья Ивановича Турчанинова, у него обѣдали и потомъ по солдатски подкуликнули, гдѣ былъ и Степанъ Степановичъ Апраксинъ, въ Польшѣ, въ Винницѣ и въ Овидіополѣ въ Бесарабіи. Сію крѣпость строилъ я съ полкомъ на лиманѣ Чернаго моря. Какъ у меня былъ въ полку полковой праздникъ, со

всѣми штабъ и оберъ-офицерами гуляли въ лагерѣ. Да въ генералъ-маіорскомъ чину одинъ разъ у Апраксина Степана Степановича какъ къ нему заѣхалъ проститься въ Овидіолѣ, ѣхавши къ полку своему въ Гродню, тогда чуть было не умеръ отъ проклятаго пунша.

Играть въ карты началъ я съ чину адъютантскаго, а причиною былъ сего нѣкто порутчикъ въ дежурствѣ графа Румянцева-Задунайскаго Шершневъ; до того меня выучилъ и обыгралъ, что послѣ уже сталъ брать въ долгъ и ему проигрывать; однакожъ нашего полку секундъ-маіоръ Адлербергъ много меня отъ сего воздержалъ. Но во всю мою жизнь никогда изъ вещей своихъ ничего не проигрывалъ, а послѣ какъ узналъ всякаго сорта игры, то уже имѣлъ контенансъ и осторожность и сталъ выигрывать самъ, а особливо какъ въ Польшѣ стояли; тутъ мнѣ очень посчастливилось, и что я имѣлъ хорошихъ вещей и имѣніе по большой части отъ выигрышу; казенныхъ же денегъ никогда не касался. Правду сказать, что иногда занималъ у своихъ братьевъ, кои вѣрили мнѣ безъ росписокъ; но выигравши или получивши откуда деньги, всегда скоро долги платилъ. Мнѣ же остались и о сю пору должные: Бабарыкинъ, что̀ былъ въ Сенатѣ прокуроръ, а со мной служилъ порутчикомъ, 300 руб. Въ Архангельскомъ полку Гедеоновъ, что̀ былъ въ Астрахани комендантомъ, 1000 рублей. Князь Щербатовъ Иванъ Михайловичъ, что̀ былъ полковникомъ въ Московскомъ полку, 150 рублей. А брали въ долгъ подполковникъ Бемъ, которой былъ у меня въ полку, 400 руб. Въ томъ же Новогородскомъ полку служилъ и пошелъ въ отставку порутчикъ Вельяминовъ 310 руб. На подпорутчикѣ Янчюровѣ 420 руб., да на полку Новогородскомъ по претензіи на комиссіи провіантской 11216 р. Въ разныя времена въ полкъ не отпущены, кои я принялъ на счетъ полковаго исправленія. На подполковникѣ Стояновѣ, что̀ нынѣ генералъ-лейтенантъ, 300 руб. Но всѣхъ сихъ денегъ выигранныхъ и забранныхъ въ долгъ и о сю пору считаю въ умѣ, а получу, когда ихъ совѣсть узнаетъ. Теперь бы въ Бронницѣ годилось на мелкіе расходы, да видно, не знаютъ, что я ни полушки, кромѣ половинной пенсіи, ни откуда доходу не имѣю, и вѣрно не слышутъ о нуждѣ ближняго *).

(Изъ III-й части Щукинскаго Сборника и VIII-й части изданныхъ П. И. Щукинымъ бумагъ 1812 года).

*) Намъ неизвѣстенъ годъ кончины достопочтеннаго Русскаго воина. Могила его въ Московскомъ Андроньевомъ монастырѣ. Получили извѣстность правнуки его Василій и Илья Васильевичи Селивановы, внуки его дочери, Анастасіи Сергѣевны Макеровской. П. Б.

ЗАИМСТВОВАНІЯ РУССКИХЪ БАСНОПИСЦЕВЪ У ФРАНЦУЗСКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Въ доброе старое время наши стихотворцы не считали почему-то обязанностію указывать, что та или другая пьеса заимствована у такого-то иностраннаго автора. Очень рѣдко случалось встрѣчать оговорку при заглавіи: „переводъ“ или „подражаніе“, еще рѣже указаніе: „съ такого-то языка“. Объ имени же сочинителя оригинала не бывало по большей части и рѣчи. Переводныя пьесы и подражанія печатались одинаковымъ образомъ съ оригинальными произведеніями. Такое обыкновеніе особенно было принято при печатаніи басень, которыя играли значительную роль въ литературѣ.

Разысканія по этой части начались недавно. Между прочимъ я напечаталъ указанія заимствованій въ басняхъ Крылова (Русск. Архивъ, 1864, № 11—12) и во всѣхъ сочиненіяхъ Дмитріева (Русск. Архивъ, 1863, № 8—9 и 1864, № 11—12). Въ настоящей статьѣ сдѣлано мною тоже самое относительно басень нѣкоторыхъ другихъ извѣстныхъ писателей. Тутъ же кстати помѣщаю извѣстія о томъ, откуда заимствованы нѣкоторыя пьесы другихъ родовъ, написанныя тѣми же баснописцами. Извѣстія эти конечно не полны, но представляютъ уже немало матеріаловъ этого рода. Мнѣ слѣдовало бы начать (послѣ Кантемира) съ басень Сумарокова и Хераскова, но у меня теперь нѣтъ подъ рукою сочиненій этихъ двухъ стихотворцевъ, а потому они составятъ предметъ будущей особой статьи.

I. Князь Антіохъ Дмитріевичъ Кантемиръ.

(Р. 10 Сентября 1708. У. 31 Марта 1744).

Изд. 1847, Смирдина. Изъ Лафонтена: „Городская и полевая мышь“ (стр. 229). Всѣхъ его басень 6.

II. Яковъ Борисовичъ Княжнинъ.

(Р. 3 Октября 1742. У. 14 Января 1791).

Изд. 1848, Смирдина, томъ 2. Изъ Лафонтена: 1. „Дубъ и трость“ (стр. 537). 2. „Моръ звѣрей“ (стр. 539). 3. „Улиссъ и его сопутники“ (стр. 543). Всѣхъ его басень 6. Сказка „Попугай“ (стр. 560)—подражаніе поэмѣ „Vert-vert“ *Грессета* (Greset).

III. Иванъ Ивановичъ Хемницеръ.

(Р. 1744. У. 20 Марта 1784).

Изд. 1847, Смирдина. Изъ Лафонтена: 1. „Лошадь и оселъ“ (стр. 90). 2. „Стрекоза“ (стр. 96). 3. „Дѣлежъ львиный“ (стр. 114). 4. „Воля и неволя“ (стр. 116). 5. „Львиный указъ“ (стр. 169). *Изъ Флоріана:* 6. „Совѣтъ старика“ (стр. 37). *Изъ Дората* (Dorat): 7. „Орлы“. *Изъ Ножана* (Nogent): 8. „Стрѣлка часовая“ (стр. 137). Всѣхъ его басень 91. Изъ остальныхъ многія заимствованы изъ Геллерта. Онѣ показаны въ нѣкоторыхъ изданіяхъ Хемницера.

IV. Юрій Александровичъ Нелединскій-Мелицкій.

(Р. 1751. У. 13 Февраля 1829).

Изд. 1850, Смирдина. Изъ Лафонтена: 1. „Быкъ и лягушка" (стр. 167). 2. „Стрекоза" (стр. 169). 3. „Сократъ" (стр. 171). 4. „Заяцъ и лягушки" (стр. 172). 5. „Дубъ и трость" (стр. 174). Болѣе басень у него нѣтъ. Изъ другихъ пьесъ его заимствованы *Изъ Панара* (Panard): „Ручей, текущій въ сей долинѣ" (стр. 160). *Изъ Колардо* (Colardeau): „Гроза насъ, Лиза, гонитъ" (стр. 164). *Изъ Ж. Ж. Руссо:* Подражаніе Метастазію, „Наконецъ твои обманы" (стр. 176). Есть и другія заимствованія; они или указаны въ печати, или не могутъ еще быть приведены мною съ точностію.

V. Василій Львовичъ Пушкинъ.

(Р. 25 Апрѣля 1770. У. 20 Августа 1830).

Изд. 1855, Смирдина. Изъ Лафонтена: 1. „Левъ больной и лисица" (стр. 63). 2. „Волкъ и пастухи" (стр. 67). 3. „Преимущество дарованій" (стр. 79). *Изъ Флоріана:* 4. „Мудрецъ и Филинъ" (стр. 41). 5. „Мирта и соловей" (стр. 51). 6. „Попугай" (стр. 54). 7. „Старая яблоня и садовникъ" (стр. 55). 8. „Прохожій и рѣка" (стр. 84). 9. „Кузнечикъ" (стр. 85). *Изъ Ле Бальи* (Le Bailly): 10. „Вязъ и репейникъ" (стр. 39). *Изъ Буасара* (Boisard): 11. „Голубка" (стр. 41). 12. „Чижъ" (стр. 45). *Изъ Селиса* (Sélis): 13. „Бѣднякъ и старый солдатъ" (стр. 42). *Изъ г-жи Жоливо* (Joliveau): 14. „Овца, лисица и волкъ" (стр. 43). *Изъ Пессельe* (Peſseliev): 15. „Медвѣдь и его гости" (стр. 48). *Изъ Женгене* (Ginguene): 16. „Волкъ и лисица" (стр. 52). *Изъ Жоффре* (Jauffret): 17. „Сапожникъ и его сватъ" (стр. 59). *Изъ Обера* (Aubert): 18. „Двѣ старыя кошки" (стр. 63). *Изъ Манчини-Ниверне* (Mancini-Nivernais): 19. „Сычи" (стр. 65). *Изъ Арно* (Arnault): 20. „Котъ и моська" (стр. 74). 21. „Листочикъ" (стр. 75). Всѣхъ его басень 40.

Изъ другихъ его заимствованій мнѣ извѣстны: *Изъ Франсуа де Нефшато* (François de Neufchateau): „Красавица въ шестьдесятъ лѣтъ" (стр. 109). *Изъ Дюфрени* (Dufresny): „Договоръ съ Ниною" (стр. 139). *Изъ Вольтера:* 2-ая эпиграмма (стр. 148). *Изъ Ла Монне* (La Monnoye): 8-ая эпиграмма (стр. 149). *Изъ Сенъ Ламбера* (Saint Lambert): 1-ый мадригалъ (стр. 151).

Кстати замѣчу, что слѣдующія пьесы взяты: „Сельскій учитель" (стр. 125) изъ Томсона; „Къ Лесбіи" (стр. 129) изъ Катулла; „Элегія" (стр. 145) изъ Проперція, что не обозначено въ изданіи 1855 года.

VI. Александръ Ефимовичъ Измайловъ.

(Р. 14 Апрѣля 1779. У. 16 Января 1831).

Изд. 1849 года, Смирдина, Томъ I (Басни и сказки). *Изъ Лафонтена:* 1. „Кошка, превращенная въ женщину" (стр. 6). 2. „Два пѣтуха" (стр. 7). 3. „Совѣтъ мышей" (стр. 9). 4. „Дряхлый левъ" (стр. 10). 5. „Козелъ и лисица" (стр. 11). 6. „Волкъ и журавль" (стр. 16). 7. „Безхвостая лисица" (стр. 17). 8. „Летучая мышь и двѣ ласточки" (стр. 20). 9. „Ягненокъ и поросенокъ" (стр. 26). 10. „Гора въ родахъ" (стр. 30). 11. „Мартышка и котъ" (стр. 33). 12. „Два рака" (стр. 38). 13. „Устрица и двое прохожихъ" (стр. 46). 14. „Учитель и ученикъ" (стр. 48.). 15. „Водопадъ и рѣка" (стр. 55). 16. „Двѣ козы" (стр. 72). 17. „Медвѣдь и два охотника" (стр. 98). 18. „Утопленница" (стр. 99). 19. „Стихотворецъ и чортъ" (стр. 100). 20. „Молодая вдова" (стр. 102). 21. „Обманъ за обманъ" (стр. 104). 22. „Ка-

щей и его сосѣдъ“ (стр. 105). 23. „Два человѣка и кладъ“ (стр. 109). 24. „Купецъ Мошнинъ“ (стр. 111). 25. „Пьяница и судьба“ (стр. 129). *Изъ Флоріана*: 26. „Горлица и малиновка“ (стр. 18). 27. „Павлинъ, два гуся и нырокъ“ (стр. 21). 28. „Котъ и крысы“ (стр. 22). 29. „Попугай“ (стр. 24). 30. „Два кота“ (стр. 32). 31. „Два крестьянина и облако“ (стр. 49). 32. „Соловей и воронъ“ (стр. 52). *Изъ Руа* (Roy): 33. „Исправленіе“ (стр. 118). *Изъ Баратона* (Baraton): 34. „Догадливая жена“. *Изъ Обера* (Aubert): 35. „Служанка“ (стр. 145). *Изъ неизвѣстныхъ:* 36. „Фортуна и достоинство“ (стр. 78). 37. „Слезы купца“ (стр. 124). 38. „Клеветникъ“ (стр. 190). У Измайлова басень 68, сказокъ 58; всего 126 пьесъ.

Вотъ указанія другихъ заимствованій его изъ Французскихъ писателей: *Изъ Панара* (Panard): „Опасности отъ воды“ (стр. 221). *Изъ Малерба* (Mallerbe): „Смерть“ (стр. 295). *Изъ Демутье* (Desmoutier): „Ученіе Сократа“ (стр. 296). *Изъ Котеня* (Cotin): 1-ый мадригалъ (стр. 334). *Изъ Маллевиля* (Maleville): 6-ая эпиграмма (стр. 342). *Изъ Сенъ Ламбера* (Saint Lambert): 7-ая эпиграмма (стр. 342). *Изъ Д' Асельи* (D'Aceilly): 26-ая эпиграмма (стр. 347). *Изъ Лебреня* (Lebrun): 30-ая эпиграмма (стр. 348). *Изъ неизвѣстныхъ:* „Новый Нарцисъ“ (стр. 217). 2-ой мадригалъ (стр. 334). 3-ій мадригалъ (стр. 334). 5-ая эпиграмма (стр. 342). 25-ая эпиграмма (стр. 347). 31-ая эпиграмма (стр. 348). 34-ая эпиграмма (стр. 349). 53-ья эпиграмма (стр. 354).

VII. Василій Андреевичъ Жуковскій.

(Р. 29 Января 1783. У. 12 Апрѣля 1852).

Изд. 1857 года, Томъ 12. Изъ Лафонтена: 1. „Старый котъ и молодой мышенокъ“ (стр. 27). 2. „Соколъ и Филомела“ (стр. 29). 3. „Котъ и мышь“ (стр. 33). 4. „Цапля“ (стр. 41). 5. „Каплунъ и соколъ“ (стр. 47). 6. „Похороны львицы“ (стр. 53). 7. „Орелъ и жукъ“ (стр. 61). *Изъ Флоріана:* 8. „Ссора плѣшивыхъ“ (стр. 23). 9. „Голубка и сорока“ (стр. 31). 10. „Мартышки и левъ“ (стр. 37). 11. „Мартышка, показывающая Китайскія тѣни“ (стр. 43). 12. „Котъ и зеркало“ (стр. 51). 13. „Сурки и кротъ“ (стр. 57). 14. „Истина и басня“ (стр. 65). 15. „Соколъ и голубка“ (стр. 69). 16. Есть еще одна басня въ 1 томѣ его сочиненій „Сонъ Могольца“, взятая изъ Лафонтена. И такъ, всѣ его басни заимствованы.

Эти указанія служатъ дополненіемъ къ статьѣ моей о сочиненіяхъ Жуковскаго („Русск. Архивъ“, 1864, № 5—6). Прибавлю къ нимъ еще слѣдующія. Въ томъ же 12 томѣ сочиненій Жуковскаго слѣдующія пьесы тоже заимствованы: *Изъ неизвѣстнаго Французскаго автора* эпиграмма 1-ая (стр. 7). *Изъ Гомбо* (Gombaud): эпиграмма 3 (стр. 8).

Михаилъ Лонгиновъ *).

Тула.
3 Апрѣля 1865.

---

*) Род. 2 Ноября 1823, скон. 23 Января 1875. П. Б.

ДѢЛО ОКУНЕВА.

1848—1849.

Въ дѣлахъ Архива Государственнаго Совѣта*), въ бумагахъ, оставшихся послѣ предсѣдателя Государственнаго Совѣта князя А. И. Чернышева, находится его докладная записка Государю Николаю Павловичу 12 Января 1849 г. по дѣлу о статскомъ совѣтникѣ Окуневѣ, которое 20 Декабря 1848 г. разсматривалось въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта.

Дѣло заключалось въ слѣдующемъ.

Ревизовавшій въ 1845 г. Псковскую губернію сенаторъ Пещуровъ взялъ у мѣстнаго дворянина статскаго совѣтника Окунева частное письмо, которое сей послѣдній имѣлъ намѣреніе послать Псковскому предводителю дворянства Беклешову и въ которомъ говорилось, что члены Псковской строительной комиссіи взяли съ него, Окунева, при постройкѣ имъ зданія для арестантской роты, 3.200 рублей сер. Письмо это Пещуровъ „конфиденціально" переслалъ графу П. А. Клейнмихелю, объясняя это впослѣдствіи тѣмъ, что графъ Клейнмихель просилъ его при ревизіи обратить вниманіе и на учрежденія его вѣдомства.

Получивъ это письмо, графъ Клейнмихель сдѣлалъ распоряженіе произвести слѣдствіе о лихоимствѣ членовъ Псковской строительной комиссіи. Затѣмъ, когда по слѣдствію никакихъ доказательствъ ихъ виновности обнаружено не было, аудиторіатъ управленія путей сообщенія постановилъ „несправедливый извѣтъ Окунева предоставить судебному разсмотрѣнію". Дѣло поступило въ Комитетъ Министровъ, положеніе котораго „о дачѣ сему дѣлу дальнѣйшаго хода" получило высочайшее утвержденіе. Псковское Губернское Правленіе постановило предать Окунева суду „за клевету и распространеніе оскорбительныхъ слуховъ" и передало дѣло въ уѣздный судъ.

Постановленіе Губернскаго Правленія Окуневъ обжаловалъ въ Правительствующій Сенатъ, на основаніи того соображенія, что высочайшее повелѣніе „о дачѣ дальнѣйшаго дѣлу хода" должно понимать въ смыслѣ дальнѣйшаго законнаго хода; законами же повелѣно возбуждать дѣла подобнаго

*) Гражданскаго Департамента за 1848 г. № 86/150.

рода только по жалобѣ самихъ оскорбленныхъ, при томъ въ теченіе годичнаго срока, который уже миновалъ.

1-й Департаментъ Правительствующаго Сената призналъ преданіе суду Окунева неправильнымъ, въ общемъ же собраніи первыхъ трехъ департаментовъ произошло разногласіе: восемь сенаторовъ и министръ юстиціи, руководствуясь тѣмъ, что „высочайшія повелѣнія должны быть исполняемы буквально“, были за преданіе Окунева суду, а шестеро были противъ суду.

Въ виду разногласія сенаторовъ, дѣло перешло въ Государственный Совѣтъ, гдѣ департаментъ гражданскихъ дѣлъ согласился съ большинствомъ сенаторовъ.

Прежде внесенія дѣла въ общее собраніе предсѣдатель Государственнаго Совѣта графъ Левашевъ представилъ 1 Сентября 1848 г. всеподданнѣйшую записку, въ которой высказывалъ свое мнѣніе, что преданіе Окунева суду, въ виду возможности тяжкаго его наказанія, „сдѣлаетъ неблагопріятное впечатлѣніе на мѣстѣ“, гдѣ онъ считается за вполнѣ честнаго человѣка.

Въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта 20 Декабря 1848 г. голоса также раздѣлились: 16-ть членовъ и 11-ть. Въ меньшинствѣ, полагавшемъ, что Окуневъ долженъ быть преданъ суду, находился графъ Клейнмихель. Къ большинству же, высказавшемуся противъ преданія Окунева суду, присоединился вновь назначенный, на мѣсто умершаго графа Левашева, предсѣдатель князь Чернышевъ. Съ большинствомъ голоса подали также наслѣдникъ цесаревичъ, великій князь Михаилъ Павловичъ, графъ Блудовъ.

Свое мнѣніе меньшинство основывало на томъ, что законъ, предусматривающій возможность возникновенія дѣлъ о клеветѣ только по жалобѣ оскорбленныхъ, имѣетъ въ виду исключительно „жизнь частную“.

Большинство отвергало въ самой его основѣ обвиненіе противъ Окунева и не находило въ дѣйствіяхъ его признаковъ „клеветы“ или „лживаго доноса“. Въ виду этого большинство приходило къ заключенію, „что письмо Окунева не можетъ быть признано предъ закономъ ни клеветою, ни лживымъ доносомъ, и что онъ не только не виноватъ въ оглашеніи онаго, но что таковое оглашеніе произошло противъ его воли“. На этомъ основаніи большинство полагало Окунева „отъ суда и всякой по настоящему дѣлу отвѣтственности освободить“.

До высочайшаго утвержденія меморіи общаго собранія 20 Декабря 1848 г. по дѣлуОкунева, графъ Клейнмихель вошелъ къ Государю съ особой всеподданнѣйшей докладной запиской по этому дѣлу. Тогда князь Чернышевъ въ свою очередь представилъ Государю записку. Въ ней выражено, что графъ Клейнмихель въ своемъ докладѣ подробно изложилъ мнѣніе 11-ти членовъ и сокращенно противное мнѣніе 16-ти членовъ. Между тѣмъ „каж-

дый членъ Совѣта имѣетъ полное право и возможность объяснять въ засѣданіи свое мнѣніе", а затѣмъ, „соблюдая установленный порядокъ, долженъ безмолвно ожидать высочайшаго разрѣшенія, которое Ваше Величество изволите полагать по прочтеніи мнѣній обѣихъ сторонъ, *въ полномъ объемѣ*". „Невольно рождается мысль", писалъ далѣе князь Чернышевъ, „*какая же цѣль была въ представленіи Вашему Императорскому Величеству особаго всеподданнѣйшаго доклада по такому дѣлу, которое уже разсмотрѣно въ Государственномъ Совѣтѣ, но еще Вашимъ Величествомъ подписано не было?*.. Ваше величество, прочитавъ всѣ обстоятельства сего дѣла, подробно въ журналѣ Государственнаго Совѣта изложенныя, изволите своимъ высочайшимъ рѣшеніемъ указать намъ степень основательности нашихъ заключеній; а потому я остаюсь въ полномъ убѣжденіи, что въ семъ случаѣ всякое направленіе дѣла въ противность кореннымъ правиламъ о высшемъ государственномъ учрежденіи допускаемо быть не можетъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ князь Чернышевъ высказалъ взглядъ, что „единственной причиной всей запутанности дѣла были неосмотрительныя дѣйствія сенатора Пещурова".

На запискѣ рукой князя Чернышева написано: „Государь Императоръ изволилъ читать и одобрить размышленія, въ сей докладной запискѣ изложенныя. 12 Генваря 1849 г.".

Въ тотъ же день Николай Павловичъ положилъ на меморіи общаго собранія Государственнаго Совѣта 20 Декабря 1848 года слѣдующую собственноручную резолюцію: „Нахожу сенатора Пещурова въ высшей степени виновнымъ въ неосновательности дѣйствій. Ежели онъ, вопреки порядка службы, дозволилъ себѣ доносить о дошедшихъ до него злоупотребленіяхъ, какъ онъ теперь говоритъ *конфиденціально*, приложивъ частное письмо дворянина къ своему начальнику, то долгъ его требовалъ, когда послѣдствіемъ сего было наряженіе слѣдственной комиссіи для обнаруженія дѣла, не только не командировать къ оному чиновника отъ своего лица, но напротивъ тогда же донести о неправильномъ послѣдствіи своего неосновательнаго дѣйствія и тѣмъ пріостановить дѣло въ самомъ его началѣ. Онъ сего не исполнилъ и нынѣ послѣ трехъ лѣтъ старается дать другой видъ дѣлу. Нахожу тоже, что М. В. Дѣлъ весьма легко поступилъ, дозволивъ себѣ неправильно помянуть въ донесеніи Сенату, будто письмо Окунева представлено губернскимъ предводителемъ, тогда какъ оказывается, что сего вовсе не было, *а взялъ его с. Пещуровъ у самого Окунева.* Потому дѣло сіе, какъ неправильно возникшее, отъ противныхъ порядку службы дѣйствій с. Пещурова, прекратить, сдѣлавъ ему строжайшій выговоръ со внесеніемъ въ формуляръ, а М. В. Дѣлъ долженъ я замѣтить неосмотрительность въ донесеніи Сенату".

(Подлинная резолюція находится въ книгѣ меморій за Декабрь 1848 г., № 145).

(Сообщено С. А Панчулидзевымъ изъ Архива Государственнаго Совѣта).

НИКОЛАЙ ѲЕДОРОВИЧЪ ѲЕДОРОВЪ*).

IV. Мыслитель.

Философія чистаго мышленія исчерпала свои силы, пережила свое содержаніе; для нея нѣтъ болѣе творчества, есть только смѣна формъ, перевоплощеніе бывшаго, ничего существенно-новаго. И передъ неудовлетворенною и неуничтожимою жаждою знанія высится все таже старая, какъ міръ, загадка: „въ чемъ истина и благо? въ чемъ смыслъ существованія, цѣль жизни? зачѣмъ жить? какъ жить?..“ Кто дастъ отвѣтъ на эти мучительные вопросы уму одряхлѣвшему, извѣрившемуся въ соразмѣрность объективной истины съ человѣческимъ представленіемъ о ней, абсолютнаго блага и неизмѣнной красоты съ человѣческою нравственностью?..—Быть можетъ, отвѣтъ дастъ сердце, чувство?.. „Le coeur a ses raisons que la raison ne comprend pas!“ Внутренняя недоказуемая убѣжденность чувствъ не замѣняетъ ли миллiонамъ людей, не исключая и самихъ ученыхъ, недостаточную убѣдительность чистаго мышленія? „Или нельзя быть людьми, не будучи учеными?“ спрашиваетъ Руссо. „Не исходитъ ли высшее въ человѣкѣ, основа и вершина его величія, нравственное начало, изъ ощущеній сердца, а не изъ посылокъ разума?“. „Таинственное влеченіе человѣческаго духа къ истинѣ, добру и красотѣ“, говоритъ Ф. Г. Якоби, „не бредъ воображенія, не мечта только чувствительнаго сердца; въ немъ, въ этомъ влеченіи, и только въ немъ, реальная основа всей правды, всего добра и всей красоты. Будемъ же слушаться своего сердца! Внимать его голосу, понимать его да будетъ моею мудростью; мужественно ему слѣдовать моею добродѣтелью!.. Пусть влеченіе сердца смутно, неопредѣлимо точными формулами разсужденія, ясными понятіями и правильными умозаключеніями. Непостижимое принадлежитъ къ его сущности; иначе оно не было бы влеченіемъ первоначальнымъ: тайны любви и жизни непроницаемы для человѣческаго взора..; но каждое бытіе, даже наиболѣе таинственное, требуетъ поддержки себя упорствомъ въ своихъ потребностяхъ, настойчивостью, составляющею его право. Нѣтъ ничего могущественнѣе этого требованія, ничего болѣе существеннаго, какъ это право. Кто познаъ его, кто его

---

*) См. „Русскій Архивъ“ 1904 года, выпускъ 10-й.

прочувствовалъ, тотъ довѣряетъ ему; онъ обрѣлъ истину, и благо ему, хотя бы онъ и оставался въ той средѣ, гдѣ все таинственно, невѣдомо, неизвѣстно *)!“.

Въ этихъ словахъ вся сила и вся слабость философіи чувства. Да, такъ! Самодовлѣющихъ данныхъ внутренней очевидности чувства въ его животрепещущей полнотѣ и силѣ не подточить сомнѣнію, не смести прочь вихрю разсудочнаго отрицанія. Мало ли что̀ недоступно наукѣ? Мало ли что̀ не рѣшается однимъ разумомъ?.. Ужели невѣдомое и непонятное значитъ несуществующее?.. Развѣ не тайны всѣ начальныя положенія знанія, всѣ первичныя воспріятія чувствъ? Развѣ вѣра не таинственная колыбель всякаго знанія, прежде чѣмъ стать его высшею, лучезарною вершиною?

Вотъ сила чувства и вѣры, непреодолимая... пока они, по мѣткому выраженію Лессинга, остаются въ предѣлахъ очерченнаго ими магическаго круга. Но горе имъ, какъ скоро они вздумаютъ переступить за него въ надеждѣ на возможность доказывать себя инымъ, объективнымъ способомъ, общепріемлемыми разсужденіями, логическою убѣдительностью, вмѣсто неотразимой убѣжденности субъективнаго, непосредственнаго воспріятія чувствъ! Не то что̀ бы разумъ былъ непримиримымъ врагомъ вѣры; онъ можетъ ей быть и другомъ, и опорою, но только не основою, не замѣною ея дѣйствительной твердыни: непосредственнаго наитія личнаго, внутренняго, живого опыта. Внѣ этой твердыни союзникъ становится искусителемъ, влекущимъ въ сѣти сомнѣній, въ бездну отрицанія.

И въ этомъ слабость философіи чувства и вѣры. Она жизненна, но ненаучна, увлекательна для уже окрылённыхъ къ ея горнимъ полётамъ, безсильна для тѣхъ, кто, шагъ за шагомъ, бредётъ по тернистой тропѣ разсудочныхъ заключеній и только ей одной довѣряетъ. „Будемъ слушаться своего сердца!“ Но надо, чтобы оно вѣщало словеса жизни, а не суеты, и чтобы уши были отверсты „да слышатъ“. Если же не слышатъ они, безсильна красота мелодіи, безплодна звучность и правильность гармоніи. А если такъ, то и „внимать голосу сердца и понимать его“ можетъ быть только личною, только „*моею* мудростью, ему слѣдовать, только *моею* добродѣтелью“, не *нашею*, не *общею*, не *всѣхъ* объемлющею, не для всѣхъ обязательною. И вотъ мы снова во власти растлѣвающихъ чаръ демона призрачной мудрости („Познай самого себя!“) и мелкаго бѣса самолюбивой суеты („Знай только себя!“)... Это-ли истина? Это-ли словеса жизни?..

Отсюда неуспѣхъ философіи чувства. „Германія думала съ Кантомъ и Фихте, а чувствовала съ Якоби, то-есть отвергала сердцемъ то, что̀ призна-

---

*) Философія чувства и вѣры въ ея отношеніяхъ къ литературѣ и раціонализму XVIII вѣка и къ критической философіи. В. Кожевникова. Москва. 1897, стр. 636.

вала умомъ“ (Статья „О философіи чувства“). Это противорѣчіе спасло распадавшееся подъ ударами усовершенствованнаго критическаго мышленія, но какою цѣною? Цѣною непримиримаго противорѣчія основныхъ началъ человѣческаго организма. Противорѣчіе это осталось въ полной силѣ и въ наше время. Пребывать-ли намъ въ немъ, признавъ его безнадежнымъ, навсегда неразрѣшимымъ? Или же „наша философія (будущая, всесословная, братская, „всеславянская“) должна быть примиреніемъ разлада между умомъ и сердцемъ?“ (О философіи чувства“).

Для проповѣдника единства и согласія колебанія въ данномъ случаѣ не могло быть ни на одно мгновеніе. Не могло быть его и для этого отважнаго ума, въ которомъ неутомимая жажда знанія была соотвѣтственна крѣпкой вѣрѣ въ достижимость знанія и въ его могущество. Если философія чистаго мышленія претила ему отрицательными итогами своихъ воззрѣній на объективную, непоколебимую истину; если, сравнительно съ ея мертвящимъ, разлагающимъ анализомъ, положительныя вѣрованія философіи чувства казались ему „высшимъ началомъ“, какъ нѣчто живое, способное побуждать не къ созерцанію только, но и къ дѣйствію: все же его трезваго ума не могли удовлетворять эти „сумерки знанія“, одни „эти страстные порывы сердца, это таинственное наитіе, эти мистическіе экстазы“, гдѣ все такъ безотчетно, бездоказательно, прихотливо - индивидуально, неустойчиво, какъ настроеніе ощущающаго, неуловимо - летуче, какъ призраки обаятельной грёзы, не выносящей грубаго прикосновенія логической провѣрки. Если бы еще рѣчь шла только объ ощущеніяхъ, мечтахъ, да безцѣльныхъ стремленіяхъ! Но вѣдь съ ними связаны вопросы жизни, смысла существованія, долга. Отдаваться вакхическому восторгу даже благороднѣйшихъ, даже изящнѣйшихъ чувствъ лишь ради процесса ихъ воспріятія столь же безплодно и непростительно для душъ чувствительныхъ, какъ и увлекаться непереходящею въ дѣло погонею за знаніемъ ради только знанія для „всегда учащихся и никогда въ разумъ истины прійти не могущихъ“ (2 Тим. 3, 7).

Догматическій оптимизмъ сентименталистовъ настолько же научно не оправданъ и столь же нравственно не позволителенъ, какъ и скептическій пессимизмъ раціоналистовъ. Отъ расплывчатыхъ бездѣятельныхъ мечтаній и благородныхъ порывовъ чувствительныхъ и „прекрасныхъ душъ“ не смягчается безчувственная, безжалостная къ намъ природа, не преображается въ красоту безобразная въ нравственномъ отношеніи дѣйствительность. Если для этого мало одного отвлеченнаго разума, свѣта, который свѣтитъ, но не грѣетъ, не вдохновляетъ къ любви и къ подвигу: то съ другой стороны мало и одного чувства. Сердце—алтарь любви, согрѣвающей міръ, рождающей жизнь, способно и возсоздать ее, но на какомъ условіи? „Станемъ любить не словомъ или языкомъ, но *дѣломъ* и истиною“ (1 Іоан. 3, 18). Только по этому „узнаемъ мы, что мы отъ истины“; только этимъ „успокаиваемъ сердца наши передъ Тѣмъ, Кто *больше сердца* нашего *и знаетъ все*“ (19—20); ибо для испол-

нѣнія долга любви, недостаточно сердца только согрѣтаго любовью, нужно сердце еще и озаренное свѣтомъ знанія. Не зоветъ ли высшая любовь людей „въ сѣни смертной и во тьмѣ сѣдящихъ“ „ходить во свѣтѣ“, путемъ, который есть „истина и жизнь“, да будутъ они не послѣдователями блуждающихъ огней чувства, а „сынами свѣта“, на подобіе „Отца свѣтовъ“ и всѣхъ благъ Подателя, обѣщавшаго свободу отъ зла и смерти только „познавшимъ истину“ для того, чтобы любить не одну ее, но и дѣло, безъ осуществленія котораго нѣтъ ни доказательства истины, ни успокоенія сердца?..

Напрасно умъ, отчаявшійся найти абсолютную истину, неоспоримое благо и неизмѣнную красоту въ мірѣ субъективныхъ представленій, условной нравственной оцѣнки и прихотливо-измѣнчивыхъ эстетическихъ настроеній, мечтаетъ объ удовлетвореніи въ обольстительномъ мірѣ *идеаловъ!* Напрасно и отчудившаяся отъ жизни философская мысль, „въ неотклонимомъ побужденіи возвыситься надъ окружающею печальною дѣйствительностью, надѣется создать *идеальный* образъ истинно-гармоническаго состоянія, гдѣ человѣкъ могъ бы найти себѣ утѣшеніе отъ разнаго рода несчастій! Идеалъ неосуществляющійся, не переходящій въ реальный фактъ, долженъ служить не утѣшеніемъ, а безконечнымъ усиленіемъ сознанія нашихъ бѣдствій. Представьте себѣ человѣка въ аду съ раемъ передъ глазами. Свяжите несчастнаго, мучимаго голодомъ и жаждою, и поставьте передъ нимъ хотя бы только хлѣбъ и воду. „Се человѣкъ“ Канта, созданіе дьявола или ученаго, совсѣмъ утратившаго смыслъ жизни,—не Бога“! (Статья „Оцѣнка цѣнностей“). Отецъ Нѣмецкаго раціонализма Лессингъ прославленъ ученою Германіей за то, что изъ протягиваемыхъ къ человѣчеству рукъ Божества онъ предпочелъ не ту, въ которой раскрыто обладаніе истиною, а ту, гдѣ сокрыты одни только нескончаемые поиски за нею; мы же, не колеблясь, предпочтемъ конечное обладаніе вѣчнымъ поискамъ. И это обладаніе человѣчество должно получить не какъ даровую подачку, а какъ заслуженную награду или, вѣрнѣе, какъ естественное слѣдствіе самостоятельныхъ усилій, стараній и всеобщаго труда. „Но какой переворотъ въ убѣжденіяхъ ума и настроеніяхъ сердца необходимъ для того, чтобы поняли наконецъ, что *истина* есть *лишь средство* для осуществленія *блага* и что само знаніе свою истинность получаетъ отъ *дѣла* что знаніе пассивное, безъ дѣла, ни цѣны, ни силы не имѣетъ“! (Тамъ же).

Здѣсь мы на порогѣ Страшнаго Суда философіи, и суда не надъ нею одною, но и надъ наукою вообще. Евангельскія обвиненія примѣнимы въ полной силѣ къ „великимъ и знатнымъ“ мудрости и знанія, и даже въ наивысшей степени, какъ къ „держащимъ ключи разумѣнія“. Не обезпечить меньшихъ братій хлѣбомъ насущнымъ, не утолить ихъ жажды духовной, не устранить причинъ недуговъ тѣлесныхъ и вражду, источникъ золъ общественныхъ, войну внѣшнюю и междоусобія внутреннія, влекущія въ суды и темницы: вотъ грѣхи, которыхъ не оправдать никакими стремленіями къ „высшимъ идеаламъ“, къ „лучшему міру“, къ „сверхчеловѣчности“, къ дале-

кому невѣдомому богу-Прогрессу! „Не вѣмъ васъ!“—отвѣтъ Судіи Нелицепріятнаго слѣпымъ вождямъ слѣпцовъ, послушно бредущихъ ко всеобщей гибели.

И для философіи есть путь искупленія, хотя бы и цѣною жертвы собственнаго существованія въ прежнемъ смыслѣ, жертвою односторонности и предупрежденій, обличавшихъ ея несовершеннолѣтіе, которое, дѣлая вину до извѣстной степени невмѣняемою, допускаетъ возможность амнистіи. Но, чтобы заслужить прощеніе, надменная царица чистаго мышленія или увлекающаяся мечтательница міра прихотливыхъ чувствъ и безотчетныхъ упованій должна стать трезвою, неутомимою сотрудницею общечеловѣческаго дѣла, въ немъ искать примиренія противорѣчія между теоретическимъ и практическимъ разумомъ, между отрицательнымъ анализомъ ума и бездоказательными положеніями сердца. Послѣ столькихъ фантастическихъ блужданій философіи отвлеченнаго мышленія и непроизводительныхъ порывовъ философіи чувства, философія должна наконецъ стать реальною и общеполезною *философіей дѣла.*

Многолѣтнія думы нашего мыслителя представляютъ, какъ намъ кажется, совершенно оригинальную и радикальную попытку заложить основы этой новой *философіи общаго дѣла.* Не будучи философомъ-систематикомъ, привычнымъ къ разслѣдованію ученія шагъ за шагомъ, постепенно и обстоятельно, онъ, вмѣсто обработаннаго свода своего ученія, оставилъ множество большихъ и малыхъ статей и отрывковъ, среди которыхъ черты этого ученія иногда разсѣяны въ прихотливой пестротѣ и случайномъ сопоставленіи, иногда сгруппированы въ стройныя формы, вызванныя однако по большей части какимъ нибудь отдѣльнымъ поводомъ, особымъ вопросомъ, выдвинутымъ на первый планъ событіями жизни общественной или выдающимися явленіями въ области науки, философіи, литературы, искусства. Друзьямъ его мыслей и оппонентамъ ихъ одинаково не удавалось убѣдить его, чтобы онъ изложилъ ихъ въ подробной системѣ, либо въ сжатомъ послѣдовательномъ общемъ очеркѣ. Этому великому уму, при выдающейся творческой способности, недоставало редакціоннаго умѣнья привести во внѣшній порядокъ свое духовное богатство [1]; какъ только онъ принимался за сводъ разбросаннаго матерьяла и за выправку изложенія, въ головѣ его роились уже новыя мысли, изъ-подъ пера бѣжали новыя вдумчивыя строки, то и другое—цѣнное, оригинальное, увеличивавшее достоинство содержанія, но... обременявшее форму новыми осложненіями [2].

---

[1]) „Господь Богъ не умудрилъ меня письменнымъ искусствомъ“, юмористически замѣчаетъ онъ въ письмѣ ко мнѣ отъ 4 Февр. 1900 г.

[2]) Вотъ какъ характеризуетъ эту черту его духовнаго склада человѣкъ наиболѣе наблюдавшій за нимъ во время работы: „мысль его работаетъ неустанно; поэтому, мнѣ кажется, онъ и не можетъ привести въ порядокъ все написанное имъ. Какъ только онъ начинаетъ заниматься прежде написаннымъ, такъ написанное раньше превращается у него въ нѣчто новое, болѣе совершенное; и это—безъ конца!...“ (Н. П. Петерсонъ въ письмѣ ко мнѣ отъ 18 Окт. 1898 г.).

Не забудемъ еще другого и, быть можетъ, самаго важнаго препятствія къ поступательному, послѣдовательному изложенію; оно заключалось въ уже раньше указанной мною поспѣшности его при каждомъ случаѣ и всюду стремительно выдвигать не только главныя, основныя свои положенія, но и конечные выводы, выступавшіе такимъ образомъ, безъ предварительной подготовки, для новаго слушателя или читателя, въ догматической формѣ или же въ столь сжатыхъ формулахъ заключеній, что конденсированность ихъ содержанія казалась непривычному къ такому способу изложенія темнотою, а опрометчивому въ сужденіи, пожалуй, даже сбивчивостью мысли. Если къ этому прибавимъ наконецъ то, что̀ я позволилъ бы себѣ назвать недостаткомъ стилистической перспективы, то-есть нерѣдкое увлеченіе цѣнностью деталей въ ущербъ гармоническому развитію основныхъ линій плана, то мы поймемъ, почему трудъ цѣлой жизни, безпримѣрный по любви и добросовѣстности въ него вложеннымъ, остался въ необработанной и трудно усвоиваемой формѣ. Подобно своему невзрачному по внѣшнему убранству автору, этотъ храмъ глубокой мудрости не плѣняетъ сразу красотою фасада и пышности украшеній, но осмотрѣвшемуся въ немъ онъ становится все дороже и милѣе по богатству внутренняго содержанія и по величію духа, въ немъ обитающаго.

Само собою понятно, что при такихъ обстоятельствахъ общедоступное и краткое изложеніе мыслей Николая Ѳедоровича не можетъ претендовать ни на полноту, ни на стройность. Для знакомаго съ содержательностью его рѣчи сокращенія кажутся чуть не преступными, и все же они неизбѣжны по вышеуказаннымъ причинамъ. Съ другой стороны обнаруживаются пробѣлы, мѣшающіе составленію систематическаго абриса цѣльнаго ученія. Оно прекрасно выясняетъ свое направленіе въ противоположностяхъ къ другимъ доктринамъ, то-есть критически-отрицательнымъ методомъ; но въ развитіи своихъ собственныхъ положительныхъ психологическихъ основаній ему можно было бы пожелать болѣе точной разработки и большей научной осмотрительности, хотя бы ради тѣхъ, кому убѣжденія, казавшіяся ему самому не требующими доказательствъ, могутъ представляться не столь очевидными. Въ значительной степени, впрочемъ, это обстоятельство объясняется тѣмъ, что для этого мыслителя всякая философія (не исключая и его собственной) была цѣнна не сама по себѣ, а лишь какъ средство къ болѣе важной цѣли, лишь какъ пособіе къ дѣлу. Сообразно съ этимъ, опредѣленіе самого дѣла, выясненіе его задачъ и условій интересовало его неизмѣримо болѣе, чѣмъ то ученіе, которое должно было приводить къ дѣлу. Онъ и самъ сознавалъ, что въ доктринѣ, какъ таковой, многое приходится принять на первыхъ порахъ догматически, но это его нимало не смущало; онъ находилъ даже, что иначе въ нѣкоторыхъ случаяхъ и быть не можетъ, по свойствамъ самыхъ положеній, которыя таковы, что ихъ истина доказывается не апріорными доводами и не діалектическими пріемами, а жизненнымъ опытомъ, тѣмъ самымъ дѣломъ, которое предстоитъ свершить человѣчеству. Опровергнувши очень крѣпкою аргументаціей правильность противоположныхъ взглядовъ, онъ при-

нималъ безъ колебаній остающійся исходъ, какъ единственный возможный, довольствуясь одною его возможностью до тѣхъ поръ, пока онъ явитъ свою непреложность уже не разсужденіемъ, а фактомъ. Въ какой степени останутся довольны такимъ пріемомъ господа присяжные философы, его нимало не смущало; единственное, о чемъ онъ всегда старательно заботился въ подобныхъ случаяхъ, было, чтобы его положенія оказывались прочно обоснованными съ нравственной стороны. Но въ этомъ отношеніи даже малѣйшія изъ его мыслей были неприступны ни для какихъ нападеній.

Послѣ всего сказаннаго едва ли требуется предупреждать, что нижеслѣдующій очеркъ ученія Николая Ѳедоровича представляетъ лишь неполный и неравномѣро распредѣленный обзоръ частей величаваго цѣлаго. Глубокое содержаніе не исчерпывается сразу, и не то зерно, что̀ ложится на поверхности почвы и всходитъ быстро, даетъ наилучшій урожай... Уму опытному въ философскомъ мышленіи не трудно будетъ разсмотрѣть, что пробѣлы, остающіеся въ этомъ самобытномъ ученіи, могутъ быть восполнены и что тогда части его, теперь разрозненныя, сомкнутся въ стройное, въ высшей степени связное цѣлое, а ростки многихъ мыслей, сейчасъ едва намѣченныхъ, получатъ развитіе широкое и плодотворное. Наконецъ, излишнимъ и неумѣстнымъ представляется намъ оправдывать необычность убѣжденій нашего мыслителя, ихъ крайній радикализмъ и смѣлость, способную показаться нѣкоторымъ переходящею, быть можетъ, за границы дозволительнаго. Времена такихъ мудрыхъ увѣщаній, какъ: „a trita via recedere periculosum“ или „philosophandum est, sed sobrie et submisse“ [1]) прошли безповоротно, а тѣмъ, кого, независимо отъ другихъ свойствъ убѣжденій и мнѣній, страшитъ ихъ смѣлость, тѣмъ лучше вовсе не переступать порога въ святилище свободнаго философскаго мышленія.

Философія дѣла, въ отличіе отъ своихъ одностороннихъ предшественницъ, желаетъ быть всестороннею выразительницею совокупныхъ силъ и способностей человѣческаго организма, направляемыхъ единымъ убѣжденіемъ, единымъ чувствомъ и единымъ желаніемъ къ единому дѣлу. Оставляя въ полной свободѣ мысль, какъ орудіе знанія, она пользуется всѣми рессурсами чистаго мышленія, но не въ нихъ однихъ видитъ единственный источникъ знанія; непознаваемое процессомъ чистаго мышленія она не отвергаетъ, какъ бы для насъ несуществующее, подобно поверхностному раціонализму, или какъ ненужное, безполезное, подобно предубѣжденному позитивизму. Принижающему человѣческій духъ правилу умовъ не столько осторожныхъ, сколько лѣнивыхъ „Quod supra nos nihil ad nos“, она противопоставляетъ ободряющій кличъ „Altiora peto!“ [2]) и, вмѣсто сомнѣнія и отрицанія, направляетъ къ вѣрѣ и упованію. Основы для нихъ она черпаетъ въ началахъ философіи чувства; но,

---

[1]) Опасно отступать отъ протертой дороги, или: Надо философствовать, но трезво и смиренно.

[2]) Что̀ выше насъ, вовсе не до насъ.—Желаю высшаго!

относясь къ послѣднимъ не съ презрѣніемъ, какъ это дѣлалось надменными сынами Чистаго Разума, а съ почтеніемъ, она не успокаивается на интуитивной убѣжденности чувства и вѣры какъ на доводѣ окончательномъ, а признаётъ его имѣющимъ лишь относительную и временную силу до тѣхъ поръ, пока утвержденія чувства и упованія вѣры найдутъ подтвержденіе и осязательное, реальное доказательство на самомъ дѣлѣ, въ осуществленіи чаемаго, въ обличеніи, обнаруженіи вещей невидимыхъ.

Для достиженія этого философія дѣла опирается на третье основное начало человѣческаго организма, волевое; въ немъ находитъ она средство примиренія двухъ другихъ началъ, разсудочнаго, рефлективнаго и нравственнаго, сенситивнаго, или, по терминологіи критицизма, примиреніе чистаго разума съ практическимъ. Выводы разсудка не совпадаютъ съ запросами сердца, съ требованіями совѣсти; конечный выводъ чистаго мышленія, истина, въ мірѣ, каковъ онъ есть, не совпадаетъ съ итогами нравственнаго чувства, предъявляемыми къ міру, какимъ онъ долженъ бы быть. Этотъ разладъ, который философія чистаго мышленія оставляетъ непримиреннымъ, а философія чувства и вѣры примиряетъ только путемъ мистическимъ, философія дѣла надѣется устранить признаніемъ независимаго, самостоятельнаго волевого начала въ разумномъ и чувствующемъ существѣ, человѣкѣ, который, понимая окружающее его несовершенство и ощущая физическое и нравственное зло съ нимъ неразлучное, своимъ *желаніемъ* создаетъ *потребность* замѣны неразумнаго и ненравственнаго разумнымъ и нравственнымъ, невольнаго добровольнымъ, а своимъ *разумомъ* и его плодомъ *знаніемъ*, руководимымъ *нравственнымъ чувствомъ*, создаетъ *проектъ* такого преобразованія *существующаго* въ *долженствующее быть*, *истины* въ *правду* и въ *благо*, и наконецъ своею *волею*, опирающеюся на полное знаніе и на совершенную любовь, осуществляетъ этотъ проектъ, выполняетъ всеобщее *дѣло*.

Расширяя такимъ образомъ предѣлы философіи качественно, новое ученіе неизмѣримо умножаетъ и количественные ея рессурсы, сумму ея дѣятельныхъ силъ. Аристократизмъ философіи чистаго мышленія, предназначавшей себя только для ученыхъ спеціалистовъ, и диллетантизмъ философіи чувства, обращавшейся только къ избраннымъ, такъ называемымъ „прекраснымъ душамъ", чернорабочая философія общаго дѣла замѣняется полною общедоступностью, призывомъ къ добровольному участію въ поставляемыхъ ею задачахъ ученыхъ и неученыхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, даровитыхъ и заурядныхъ, словомъ всѣхъ людей, всѣхъ сыновъ человѣческихъ. Это всеобщее сотрудничество, обязательное, въ силу нравственнаго долга, лежащаго въ основѣ дѣла, но не принудительное, а добровольное (ибо иначе дѣло не было бы нравственнымъ) ученіе считаетъ необходимымъ условіемъ своей успѣшности, такъ какъ то, чтò имѣетъ конечною цѣлью всеобщее благо, можетъ и осуществлено быть не иначе, какъ всеобщимъ совокупнымъ трудомъ. Философія дѣла, слѣдовательно, есть великій синтезъ человѣческихъ силъ, способностей и желаній (нравственныхъ), объединеніе не только человѣческихъ мыслей и чувствъ,

но и человѣческихъ воль и дѣйствій, къ единой всеобъемлющей и всѣхъ удовлетворяющей цѣли направленное. Мало того: ученіе это имѣетъ смѣлость утверждать, что всѣ иные способы объединенія должны оказаться недостаточными и недостигающими цѣли.

Попробуемъ дать этимъ общимъ положеніямъ нѣкоторыя необходимыя поясненія.

„Философы“, говоритъ Н. Ѳ. „имѣли право не признавать человѣческихъ представленій объективными; но они не имѣли права считать ихъ *только субъективными*, ибо они таковы лишь для осужденныхъ на бездѣйствіе; для не лишенныхъ же способности дѣйствія цѣлый рядъ представленій будетъ *проектомъ*, то-есть они могутъ быть осуществлены, а, слѣдовательно, и доказаны, *дѣломъ*“. Рядомъ съ великимъ узурпаторомъ общихъ правъ (чистымъ разумомъ), рядомъ съ необузданнымъ ученою дисциплиною чувствомъ, пора наконецъ выдвинуть на одинаковый уровень правъ и обязанностей великое животворное волевое начало, разслабленное антиноміями отвлеченнаго мышленія, но съ непреодолимою силою утверждающее себя *какъ фактъ* въ области чувства, въ любомъ первомъ соприкосновеніи съ актами жизни. „Проектъ это мостъ между субъективнымъ и объективнымъ; объединяя мысль и чувство, онъ спасаетъ первую отъ неразрѣшимыхъ ею одною сомнѣній, мертвящихъ знаніе, а второе отъ бездоказательности, ненаучности его положеній. Въ противоположность насильственной дихотоміи человѣческой природы на два лишь механически сопоставленныхъ, но органически необъединеныхъ міра, философія дѣла возстановляетъ то, что Богъ сочеталъ въ нераздѣлимое цѣлое. Обѣ стороны здѣсь пополняютъ другъ друга: чистое мышленіе, если оно не отрекается отъ своего alter ego (чувства), не довольствуется здѣсь безстрастнымъ констатированіемъ дѣйствительности, несовершенной съ разумной точки зрѣнія, позорной—съ нравственной; вводя въ свою холодную область теплый лучъ чувства, оно не „засыпаетъ на мягкомъ изголовьѣ сомнѣнія“, какъ на неизбѣжномъ конечномъ выводѣ знанія; окрыленное желаніемъ, душою чувства, мышленіе пытается *существующее* пополнить или замѣнить *желательнымъ*, объединяетъ безжизненное *объективное* и бездоказательное *субъективное проективнымъ*, могущимъ быть. Такъ чистое мышленіе вводитъ въ свою область начало *активное*, заимствованное изъ міра чувства, которое, въ свою очередь, вступая въ сферу точнаго знанія, отрѣшается отъ своего предшествующаго произвола, а въ міръ знанія, въ міръ истины вноситъ элементъ нравственный, желаніе и усиліе замѣнить сущее долженствующимъ быть сообразно съ высшими этическими требованіями, до которыхъ наукѣ безчувственной нѣтъ дѣла. Въ великомъ синтезѣ объективнаго и субъективнаго, выражающемся въ *проективности* знанія и чувства, то и другое становится *активнымъ*, чтобы въ конечныхъ своихъ результатахъ стать *продуктивнымъ*. Тщетныя надежды метафизики на предъопытное знаніе, вызванныя недовольствомъ на несовершенные результаты опыта субъективнаго, смѣняются возвращеніемъ къ опыту несравненно болѣе широкому, „объединенному путемъ всеобщаго образованія,

обращенному изъ частнаго во всеобщій, въ которомъ весь родъ человѣческій является экспериментаторомъ и все—предметомъ опыта. Результатъ же опыта, его произведеніе, и будетъ непререкаемымъ доказательствомъ могущества объединенныхъ человѣческихъ силъ и способностей, доказательствомъ совпаденія субъективныхъ воспріятій чувствъ и умственныхъ представленій съ объективною реальностью" (Статья „Къ вопросамъ о наукѣ и искусствѣ"). „Все знаніе перестанетъ быть вопросомъ, когда всѣ вопросы знанія станутъ осуществимы, производимы самими нами" („Поясненія къ „Пасхальнымъ Вопросамъ"). То, чего нельзя рѣшить даже глубочайшею думою, то, чего не въ силахъ постигнуть даже благороднѣйшее вдохновеніе чувства, всеобъемлющій вопросъ о жизни, включающій въ себя вопросъ о мірѣ, о природѣ, объ отношеніяхъ ея къ человѣку и человѣка къ ней, будетъ постигнутъ и рѣшенъ не рефлективно и не сенситивно, а активно, только дѣйствіемъ, только дѣломъ.

„Въ настоящее время", какъ правильно замѣчаетъ проф. Введенскій, и дается два отвѣта на этотъ вопросъ: первый можетъ быть названъ *панфизизмомъ*, второй, *панпсихизмомъ*. Ясно однако, что ни одно изъ этихъ обобщеній не даетъ удовлетворенія требованіямъ человѣческой природы, взятой въ ея полнотѣ. Первое міровоззрѣніе слишкомъ безотрадно: кое-какъ еще удовлетворяя запросы мысли, оно совсѣмъ не удовлетворяетъ запросовъ чувства. Второе же, наоборотъ, не способно удовлетворять запросовъ строгаго мышленія, такъ какъ въ основу свою оно полагаетъ вѣру въ существованіе какого-то невѣдомаго духа жизни, опредѣлить который точнѣе, научно и убѣдительно, философія отказывается. А между тѣмъ дѣйствительно ли настолько непознаваемъ этотъ „духъ жизни", то-есть духъ разумный, чувствующій, цѣлесообразный, дѣйствующій?.. И не потому ли онъ невѣдомъ, что онъ ужъ очень близокъ къ намъ, что онъ, подобно тому, также „невѣдомому Богу", котораго искали древніе мудрецы Аѳиняне, *недалеко отъ насъ*, что *въ насъ* онъ живетъ и *черезъ насъ* призванъ дѣйствовать и во всемъ мірѣ, если только духъ этотъ станетъ орудіемъ воли Бога Вѣдомаго, Бога отцовъ нашихъ, Бога всѣхъ отцовъ?.. Если это такъ, то ожиданіе проф. Введенскаго, что новый терминъ для обозначенія невѣдомаго, пока духа жизни можетъ быть найденъ, сбудется, и этотъ терминъ окажется объединеніемъ двухъ своихъ несовершенныхъ предшественниковъ, панфизизма и панпсихизма, то-есть *панантропизмомъ* или, лучше, *антропопсихизмомъ*. Отождествивъ панфизизмъ съ природою, а панпсихизмъ съ антропопсихизмомъ, будемъ имѣть съ одной стороны неразумную, слѣпую силу, а съ другой, разумныя, чувствующія, волевыя существа, призванныя примирить совершеннымъ знаніемъ и совершеннымъ дѣйствіемъ эту противоположность, превращая фаталистическій панфизизмъ природы въ руководимую человѣческимъ сознаніемъ, согрѣтую чувствомъ и освященную нравственною волею всемірную жизнь". („Къ вопросамъ о наукѣ и искусствѣ" и „Объ отношеніяхъ проективнаго къ субъективному и объективному").

Но каковы бы ни были предположенія о будущихъ результатахъ филосо-

ѳіи общаго дѣла, какъ бы велики ни были предстоящія ей трудности и соотвѣтствующія сомнѣнія въ ея успѣшности, все равно! Переходъ къ ней неизбѣженъ, если только человѣчество не желаетъ продолжать тѣшить себя безжизненными разсужденіями или безсильными порывами. „Весь человѣческій родъ стоитъ передъ великимъ Сфинксомъ-Жизнью, и человѣческій родъ погибнетъ, если не разгадаетъ загадки. Хроносъ—тотъ же Сфинксъ, который потому и пожираетъ своихъ дѣтей, что они, по своей розни и недосужеству и ради суеты, не въ состояніи рѣшить загадку, заключающуюся во всей ихъ жизни, во всемъ мірѣ. Загадка эта—зависимость существъ сознающихъ и чувствующихъ отъ слѣпой, неразумной силы. Невѣдомая сила, поскольку она невѣдома, есть палачъ; невѣдѣніе же для существъ, способныхъ къ знанію, величайшее преступленіе, наказуемое смертною казнью. Какъ тьма изчезаетъ при свѣтѣ, такъ изчезнетъ и слѣпая сила, но тогда только, когда свѣтъ будетъ просвѣщать всякаго человѣка, грядущаго въ міръ, а не будетъ сосредоточиваться въ меньшинствѣ, гдѣ онъ теряетъ свои истинныя свойства, оставаясь однимъ блескомъ. Пока одни обладаютъ нѣкоторымъ знаніемъ, но безъ силы, а другіе, силою, лишенною знанія, а потому очень ограниченною, до тѣхъ поръ знаніе не будетъ правящею силою", не будетъ истиннымъ знаніемъ" („Каразинъ и господство надъ природою". Русскій Архивъ. 1892. № 5) Это послѣднее должно быть не созерцательнымъ и отвлеченнымъ, а активнымъ и продуктивнымъ; не въ призрачныхъ думахъ и грёзахъ должно выражаться оно, а воплощаться въ дѣйствительности самой жизни; избавляя отъ празднаго знанія и отъ суетной жизни, оно не только не отчуждается отъ нуждъ жизни, но, наоборотъ, въ спасеніи жизни видитъ свою истинную задачу. („Нѣсколько предположеній по поводу Ноябрьскихъ падающихъ звѣздъ" въ газетѣ „Асхабадъ". 24 Октября 1899). Это знаніе, одинаково возвышаясь надъ одностороннимъ реализмомъ и такимъ же идеализмомъ, не уступаетъ первому въ трезвости и точности изслѣдованія, второму въ благородствѣ побужденій и стремленій. Истину дѣйствительности, то-есть существующій строй природы, человѣка и жизни, это знаніе изучаетъ съ величайшемъ стараніемъ и полнотою, но, въ отличіе отъ позитивистической науки и философіи, активное знаніе не успокоивается на константированіи фактовъ дѣйствительности и не подчиняется имъ. Представители пассивнаго знанія, служащіе наукѣ ради нея самой, оставляютъ міръ во злѣ лежать; для нихъ, какъ искателей только истины, безразлично, зло или благо заключается въ открываемой ими истинѣ („Вопросъ о причинахъ неродственнаго состоянія міра"). „Наука, какою она до сихъ поръ была, хочетъ жить только для себя; но какое право имѣетъ она отказываться отъ человѣческаго дѣла, освобождать себя отъ службы общему долгу, будучи сама дѣломъ людей?" (Тамъ же). „Наука не должна быть чистымъ, бездушнымъ знаніемъ; она, вмѣстѣ съ знаніемъ, есть дѣйствіе, вызываемое любовію; только когда она переходитъ въ дѣйствіе, въ ней сочетаются въ могучее цѣлое и умъ, и чувство, и воля; тогда только становится она выраженіемъ полноты объединенныхъ силъ и способностей, то есть всемогущею". („Къ вопросамъ о наукѣ и искусствѣ").

Для такого *активнаго* знанія *„истина зла* будетъ имѣть необходимымъ слѣдствіемъ *проектъ блага*“ (*Тамъ же*). „Міръ какъ фактъ есть природа, но какъ проектъ онъ уже искусство, какимъ оно должно быть, то-есть въ коемъ нѣтъ ничего чуждаго другъ другу, а все—родное, объединенное человѣкомъ; нѣтъ и ничего темнаго, непонятнаго, а все—ясно, просвѣтлено совершеннымъ знаніемъ; нѣтъ, наконецъ, и безобразнаго, нравственно претящаго, а все прекрасно и величаво“ („Искусство какъ оно должно быть или единство природы и искусства“). Активное знаніе (философія дѣйствія) слѣдовательно, не только познаетъ существующее, но и создаетъ проектъ для измѣненія его въ долженствующее быть, исполняя этимъ нравственное требованіе разумныхъ существъ: превратить фаталистическій панфизизмъ слѣпой природы въ панпсихизмъ, въ порядокъ сознательный, волевой и нравственно-цѣлесообразный. Ницше очень вѣрно сказалъ, что „мы сами выдумали понятіе о цѣли; въ дѣйствительности же цѣли никакой нѣтъ“. Да, въ природѣ нѣтъ цѣли въ нашемъ, человѣческомъ смыслѣ, единственномъ имѣющемъ для насъ значеніе. Но мы свою думу о цѣли обратили въ дѣйствительность по отношенію къ себѣ, къ своему существованію, и если мы хотимъ, чтобы цѣль была насъ достойною и насъ удовлетворяла, намъ предстоитъ внести ее во всю вселенную для того, чтобы объединить природу съ нами, изъ врага временнаго сдѣлать ее другомъ вѣчнымъ и міръ полный вражды и розни превратить въ любовь и согласіе“ („Ницше о цѣли и свободѣ“).

Но, удовлетворяя такимъ образомъ высшему *нравственному* требованію, активная философія вмѣстѣ съ тѣмъ раскрываетъ возможность выполненія и высшаго *научнаго* требованія: дать самое вѣское доказательство знанія, доказательство самимъ дѣломъ, результатомъ, произведеніемъ знанія. Значительная часть нашего знанія въ строгомъ смыслѣ слова есть еще вопросъ и предположеніе до тѣхъ поръ, пока оно не подвергнется активной, проективной и продуктивной провѣркѣ нашимъ же дѣйствіемъ. Лишь когда все познанное станетъ производимымъ, тогда только вопросъ о точности и несомнѣнности знанія будетъ рѣшенъ окончательно и безповоротно. Для человѣка въ настоящее время, въ жизни, какова она есть, существуютъ лишь вопросы; да и сама жизнь, при наличности смерти, есть также вопросъ, который можетъ быть рѣшенъ не мыслью, а дѣломъ, общимъ всѣхъ людей трудомъ („Поясненія къ „Пасхальнымъ Вопросамъ“).

Но для того, чтобы признать извѣстное дѣло цѣлью и смысломъ жизни и отдаться ему со всею искренностью, со всею полнотою любви и энергіи, надо, чтобы это дѣло удовлетворяло самымъ широкимъ и возвышеннымъ требованіямъ. Три непремѣнныхъ условія должно оно соединять въ себѣ: во 1) быть способнымъ стать дѣломъ *всеобщимъ;* во 2) быть дѣломъ *отвѣчающимъ на самыя существенныя потребности жизни* и въ 3) быть дѣломъ *высокаго нравственнаго достоинства.* Почти излишне пояснять тѣснѣйшую взаимную связь этихъ условій, равно какъ и ихъ необходимость. Безспорно, то

дѣло должно быть признано главнымъ, основнымъ, которое необходимо не отдѣльнымъ людямъ или группамъ людей и даже не большинству, а *всѣмъ*. Съ другой стороны, такимъ всеобщимъ дѣломъ можетъ быть только удовлетворяющее потребностямъ безусловно необходимымъ, основнымъ, слѣдовательно дѣло наиболѣе полезное, ибо иначе оно не станетъ для людей главнымъ дѣломъ, не получитъ въ ихъ глазахъ утилитарной убѣдительности, преимущественно вліяющей на большинство. Наконецъ, въ 3) оно, сверхъ того, должно обладать высокимъ и даже высшимъ нравственнымъ значеніемъ, безъ чего оно было бы только дѣломъ расчета, а не внутренняго долга и не могло бы считаться обязательнымъ для всѣхъ безъ исключенія.

Указанныя три условія, необходимыя для побужденія къ дѣлу, для вступленія въ него, для его начала, столь же необходимы для его правильнаго веденія и успѣшнаго исхода. Только при участіи всѣхъ въ познаваніи можно, послѣ предшествующихъ неудачъ въ случайно или искуственно скомбинированныхъ, необъединенныхъ поискахъ истины, надѣяться на овладѣніе ею въ достаточной полнотѣ. Не иначе, какъ всеобщимъ трудомъ, участіемъ всѣхъ въ измѣненіи несовершеннаго существующаго въ болѣе совершенное долженствующее быть, сможетъ человѣчество преодолѣть угнетающія его физическія и нравственныя бѣдствія. Съ другой стороны, только при очевидной всѣмъ величайшей полезности дѣла можетъ оно стать обязательнымъ и только при убѣжденіи въ нравственномъ величіи и святости дѣла его обязательность можетъ быть не принудительною, не подневольною, а добровольною, не отбываемою противъ воли или съ неохотою, тяготою, не механически выполняемымъ урокомъ, а подвигомъ благой воли и любви, творящей чудеса.

Какое же дѣло можетъ удовлетворять всѣмъ вышеизложеннымъ условіямъ и требованіямъ? Неопредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ (уничтоженіе зла и установленіе блага) настолько извѣстенъ, что успѣлъ надоѣсть длинному ряду поколѣній, задумывавшихся надъ нимъ безъ успѣха, до такой степени безъ успѣха, что въ наше время стало уже появляться немалое количество художественныхъ прославленій зла и понадобилось серьезное философское „оправданіе добра“ (В. С. Соловьева). Въ значительной степени впрочемъ эта неуспѣшность была вызвана именно неопредѣленностью постановки самаго вопроса о добрѣ и злѣ. То и другое усматривалось сплошь и рядомъ не въ самой глубинѣ ихъ первоначальныхъ источниковъ; слѣдствія, иногда даже довольно отдаленныя, принимались за причины, сообразно съ чѣмъ и предлагаемыя будто-бы цѣлебныя средства отъ зла направлялись не туда, куда бы слѣдовало, и отъ того всѣ разнообразныя примѣненія этихъ средствъ, отъ идеальныхъ мечтаній замкнувшихся въ себѣ мыслителей до энергичныхъ законодательныхъ реформъ, до широкихъ мирныхъ общественныхъ движеній и грозныхъ революцій, не оправдывали связанныхъ съ ними надеждъ и приносили все новыя разочарованія. Минувшій вѣкъ превзошелъ,

кажется, всѣхъ предшественниковъ по обилію и разнообразію благонамѣренныхъ попытокъ выработать образцовую частную нравственность и совершенный строй общественной жизни, что̀ не помѣшало ему окончиться непримиреннымъ противорѣчіемъ двухъ контрастовъ, болѣе чѣмъ когда-либо, обострившихся: широкаго стремленія къ коллективизму, грозящему поглотить свободное развитіе личности, и неудержимаго роста индивидуализма, мѣшающаго прочному объединенію. Вѣкъ все и всѣхъ нивеллирующей соціалдемократіи есть въ тоже время вѣкъ безмѣрно-надменной аристократіи мысли и характера, вѣкъ увлеченія сверхчеловѣчностью, вѣкъ коммунистическихъ мечтаній и широкаго развитія кооперативной солидарности, есть вѣкъ и анархизма практическаго (динамитнаго) и теоретическаго, принципіальнаго (будто бы научнаго!). Правда, односторонность и опасность той и другой крайности многократно указывались и обличались; но во 1) обличенія не мѣшали дальнѣйшему разсцвѣту обличаемаго, а въ 2) убѣдительности обличеній далеко не соотвѣтствовала цѣнность мѣръ, предлагаемыхъ для исправленія. Новѣйшая этика, повидимому, успѣла убѣдиться въ одинаковой практической недостаточности, а, слѣдовательно, и во внутренней несостоятельности какъ эгоизма, такъ и альтруизма; но замѣнить ихъ болѣе совершенною формулою поведенія и найти имъ объединеніе пока не сумѣла (Статьи „Новый или ветхій путь къ истинѣ и благу".—Къ редакціи журнала „Новый Путь").

Практическая задача эта затрудняется еще и тѣмъ, что путемъ мышленія рѣшить вопросъ „въ чемъ благо?" невозможно безъ предварительнаго или одновременнаго рѣшенія вопроса „въ чемъ смыслъ и цѣль жизни?" Этотъ же второй вопросъ неразрывно связанъ съ еще болѣе раннимъ „въ чемъ истина?" Между тѣмъ философія уже въ періодъ критицизма отказалась отъ опредѣленнаго отвѣта объ истинѣ, а „конецъ вѣка" поставилъ подъ сомнѣніе и самую цѣнность жизни; если же цѣнность самой жизни подверглась сомнѣнію и отрицанію, то какой смыслъ можетъ оставаться въ вопросѣ о цѣли жизни, о томъ что̀ надо дѣлать?... Единственными, вполнѣ послѣдовательными отвѣтами на него при такихъ условіяхъ будутъ: для фаталиста—дѣлать то, что̀ и безъ спроса о желаніи и убѣжденіи заставляетъ дѣлать неумолимая необходимость; для коллективиста—то, къ чему понуждаетъ выгода и давленіе большинства; для признающаго законъ какъ норму поведенія—то, что̀ велитъ его угроза; для непризнающаго принужденіе индивидуалиста — то, что̀ хочу! и наконецъ, для постигшаго неосновательность предшествующихъ отвѣтовъ и суету безсмысленнаго и краткаго существованія — недѣланіе, безстрастіе, покой. Отвѣты, видимъ, различные, противорѣчивые и потому уничтожающіе всякую возможность стройной единодушной общей дѣятельности.

Если, не смотря на невозможность для новѣйшей философской этики установить всѣхъ удовлетворяющее опредѣленіе общаго блага, а, слѣдовательно, и всеобщаго дѣла, XIX вѣкъ отличался кипучею, разнороднѣйшею, то высоко

полезною, то вредною дѣятельностью: то мы принуждены признать, что онъ дѣлалъ это не въ силу, а вопреки своихъ философскихъ мечтаній объ общемъ благѣ, подъ вліяніемъ практическихъ побужденій юридическаго, политическаго и въ особенности экономическаго свойства, вслѣдствіе чего и успѣшность его дѣятельности оказалась соотвѣтствовавшею только степени цѣнности этихъ руководящихъ побужденій; а такъ какъ ни одно изъ нихъ не въ состояніи дать коренного рѣшенія вопроса о добрѣ и злѣ, то и вся практическая дѣятельность минувшаго вѣка въ этомъ отношеніи оказалась настолько же неудовлетворительною для установленія абсолютнаго понятія о всеобщемъ дѣлѣ, какъ и его теоретическія разсужденія на туже тему. На практикѣ, точно также какъ и въ принципѣ, три выше указанныхъ условія всеобщаго дѣла оказывались до сихъ поръ недостижимыми: вмѣсто всеобщности дѣйствія получался рядъ разрозненныхъ и мѣшающихъ другъ другу дѣйствій, а вмѣсто овладѣнія наиболѣе существеннымъ благомъ—забота о благахъ второ- и третье-степенныхъ. Наибольшее же фіаско пришлось претерпѣть третьему условію всеобщаго дѣла, его нравственной основѣ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ дѣятельности таковая прямо оставлена была безъ вниманія, а въ другихъ она оказалась далеко не высокаго достоинства.

Предшествующія неудачи въ рѣшеніи вопроса, отъ котораго зависитъ судьба человѣчества, должны вызывать однако не обвиненія и попрёки, а желаніе избѣжать впредъ ошибокъ и заблужденій. По крайней мѣрѣ одинъ благотворный урокъ почерпаемъ мы изъ печальныхъ результатовъ столькихъ благородныхъ усилій: зависимость неудачъ отъ разлада мнѣній о добрѣ и злѣ и отъ различія побужденій къ дѣлу должна убѣдить насъ, что именно въ *розни и враждѣ* заключается вообще *ближайшая* причина бѣдствій человѣческаго рода, а если это вѣрно, то первою, такъ сказать, *отрицательною* половиною задачи всеобщаго дѣла должно быть *прекращеніе* этого многовѣковаго *раздора*, ослабѣвавшаго до сихъ поръ развѣ лишь относительно внѣшнихъ формъ своего проявленія, но отнюдь не по существу. *Положительною* же *ближайшею* задачею будетъ *возстановленіе всемірнаго мира*, то есть родственнаго единства между людьми, что́ и дастъ имъ возможность перейти къ осуществленію *дальнѣйшей положительной стороны задачи, къ установленію всеобщаго блага*, то есть *къ устроенію Царствія Божія*, къ исполненію воли Отца Небеснаго *на землѣ и на небѣ*, согласно Его призыву и указанію.

Но даже и такъ опредѣливши задачу всеобщаго дѣла, приходится съ грустью сказать, что исторія потеряла счетъ попыткамъ возстановить миръ между людьми, и однако онъ не только не установленъ, но и надежды на торжество его въ будущемъ кажутся призрачными, судя по окружающимъ насъ политическимъ и экономическимъ ужасамъ. Приходится, слѣдовательно, задаться еще однимъ вопросомъ: *„почему міръ не миръ?“*, то есть вопросомъ *о причинахъ розни и вражды*.

Внѣ всякаго сомнѣнія, одна изъ причинъ есть непростительное равно-

душіе къ этому самому вопросу. Среди безчисленныхъ задачъ, представляющихся нашему вѣку неотложными и насущными, этотъ вопросъ, по своей общности и ширинѣ, большинству людей, и притомъ людей наиболѣе энергичныхъ, дѣятельныхъ и практичныхъ, кажется стоящимъ далеко не въ первой очереди для разрѣшенія именно по своей предполагаемой неопредѣленности, трудной осуществимости или совершенной недоступности. Принципіально его важности, пожалуй, не отрицаютъ, но тратить время на разсмотрѣніе такихъ будто-бы отвлеченныхъ задачъ предоставляютъ философамъ и такъ называемымъ идеалистамъ, мечтателямъ „не отъ міра сего"; сами же „трезвые умы" предпочитаютъ заниматься чѣмъ-нибудь болѣе осязательнымъ, болѣе близкимъ къ потребностямъ минуты, къ „злобѣ дня", какъ будто зло, да еще текущаго дня, можетъ идти въ какое нибудь сравненіе съ вѣчнымъ благомъ!..

Но если въ такое равнодушіе и заблужденіе люди дѣятельные впадаютъ по невѣдѣнію и недуманію, по недостаточному размышленію: то туже огромную ошибку люди знанія и думы повторяютъ по наклонности къ недѣланію, къ пассивному отношенію къ долгу жизни. „Наука не отожествляла себя съ дѣломъ жизни, удовлетвореніе запросовъ жизни не ставила своею верховною цѣлью; своею обязанностью она считала рѣшеніе вопроса объ истинѣ и заблужденіи, а не о добрѣ и злѣ; предоставляя разработку нравственной задачи другимъ, она довольствовалась Бэконовымъ неопредѣленнымъ утѣшеніемъ: „Науки переходятъ въ нравы", не смущаясь ни медленностью такого перехода, ни противорѣчащими ему нерѣдко фактами, начиная съ поведенія самого автора этого изрѣченія.

„Наука", по свидѣтельству адвоката позитивизма, Эм. Золя, „не обѣщала счастія; она обѣщала только истину", и если истина оказывалась безотрадною, „природа несправедливою и жестокою, а жизнь людей отвратительною до возмущенія", наука считала себя въ этомъ неповинною, не сознавая, что ея молчаливая апатія къ тому, что̀ есть благо, не менѣе гибельна для человѣчества, чѣмъ во всеуслышаніе произносимое философіей скептическое восклицаніе „Что̀ есть истина?" „Да! Наука за одно съ философіей не только не давала обѣщаній, но и отрицала обѣтованія религіи. Но такое оправданіе хуже всякаго обвиненія. Отвергая цѣль (данную въ установленіи человѣчествомъ высшаго блага), наука сама осудила и обрекла себя на зависимое положеніе"; руководительницею большинства страждущаго и борящагося человѣчества, для котораго вопросъ о добрѣ и злѣ ничуть не менѣе важенъ вопроса объ истинѣ, наука только познающая, но не дѣйствующая, никогда не будетъ. Она еще не задавалась вопросомъ о причинахъ розни и вражды, и надо ли пояснять, какое роковое значеніе должно было имѣть для судьбы этой задачи уклоненіе отъ разслѣдованія ея какъ разъ тѣхъ, кто по преимуществу призванъ къ труду научнаго изслѣдованія? (Статьи „Несовершеннолѣтняя наука" и „Супраморализмъ какъ наивысшая заповѣдь"). Это

было узаконеніемъ отдѣленія мысли отъ дѣла, а „такое отдѣленіе есть величайшій грѣхъ: мысль безъ общаго дѣла—мечта; дѣло безъ общей мысли—слѣпота, тьма“ („Вопросъ о братствѣ и причинахъ небратскаго состоянія міра“. Часть 2, § 6).

Уклоненіе науки отъ рѣшенія главнѣйшаго практическаго вопроса жизни оказалось одинаково гибельнымъ и для этики, и для самого такъ называемаго точнаго знанія; оно закрѣпило рознь между людьми въ отношеніяхъ ихъ къ познанію не только блага, но и истины, отдавъ послѣднюю въ какое-то привилегированное пользованіе ученому меньшинству, избавивъ его отъ участія въ дѣятельной жизни, а большинство, пріуроченное къ труду практическому, ограничило пассивнымъ, урѣзаннымъ воспринятіемъ знанія, исключивши это большинство изъ активнаго участія въ его ростѣ и развитіи. Такъ возникъ и сложился одинъ изъ худшихъ видовъ розни, разладъ ученыхъ съ неучеными, мыслителей съ дѣятелями.

„Общество, состоящее изъ ученыхъ и неученыхъ, превращается въ неестественный для разумныхъ существъ организмъ, и на немъ лежитъ вѣчное проклятіе: для однихъ всегда учить и никогда не выучивать, знать и никогда не быть увѣренными въ истинности познанія, а для другихъ—всегда учиться и вѣчно оставаться учениками съ дѣтскимъ, популярнымъ, кое-какимъ знаніемъ“ („Слово о дѣлѣ и долгѣ“). Ученые упрекаютъ народъ въ суевѣріи и превозносятся по этому поводу надъ нимъ, вовсе не догадываясь, что виновники суевѣрія народа—они же сами, какъ скоро само просвѣщеніе стало у нихъ вопросомъ, ибо въ сознаніи отсутствія и невозможности абсолютнаго знанія, въ „ignoramus et ignorabimus!“ и состоитъ просвѣщеніе по ученію ученыхъ. А между тѣмъ народъ освободилъ ихъ отъ черной работы и далъ имъ досугъ конечно не для того, чтобы выслушивать изъ вѣщихъ устъ ихъ мудрость невѣдѣнія, а для того, чтобы найти исходъ изъ мрака къ свѣту, а черезъ свѣтъ — изъ зла къ благу, изъ гибели къ спасенію. Итакъ, хотя бы ради справедливости, рядомъ съ упрекомъ народу въ суевѣріи надо поставить упрекъ и ученымъ въ бездушіи и мертвенности. Не будь этихъ свойствъ, для знанія нашлось бы дѣло несравненно болѣе широкое, чѣмъ игра въ понятія и производство миніатюрныхъ кабинетныхъ ученыхъ опытовъ, которые, при всей ихъ необходимости и пользѣ, составляютъ все же лишь преддверіе къ опыту всеземному, универсальному („Слово о долгѣ воскрешенія“).

Выражаясь такъ, мы ничуть не думаемъ отклонять дѣятелей науки отъ задачъ чистаго знанія и еще менѣе пріурочивать ихъ только къ знанію прикладному, узко-утилитарному. Наивно и прямо смѣшно было бы повторять здѣсь азбучную истину о томъ, что успѣхи самого прикладнаго знанія зависятъ отъ предварительнаго роста знанія общаго. Менѣе кого либо былъ именно нашъ мыслитель способенъ стѣснять свободный ходъ общаго изслѣдованія природы торопливою эксплуатаціей ея практическихъ выгодъ; при-

знавая съ благодарностью значительную пользу примѣненій научныхъ открытій къ жизни, онъ однако ни на что не ополчался съ такою рѣзкостью выраженій, какъ именно на прислуживаніе современной науки суетѣ житейской, потребностямъ и прихотямъ невыносимаго для него торгово-промышленнаго строя общества. Угожденіе прихоти, комфорту, роскоши, чарамъ женщины, соблазну полового подбора, конкуренціи и жаждѣ къ наживѣ, этимъ замаскированнымъ источникамъ борьбы и розни между людьми, онъ считалъ для науки не меньшимъ униженіемъ и преступленіемъ, чѣмъ ея же содѣйствіе открытой враждѣ, въ видѣ примѣненія разрушительныхъ веществъ и орудій ко взаимному истребленію. Не за мелкій суетный утилитаризмъ знанія ратовалъ онъ, а прежде всего за установленіе главнаго общеполезнаго направленія, универсальной конечной цѣли для знанія въ его совокупности. Онъ требовалъ, чтобы не знаніе для знанія, а знаніе для всеобщаго блáга было этою цѣлью и полагалъ, что проникнуться этимъ основнымъ убѣжденіемъ значитъ вырвать науку изъ ея нравственной дремоты, воодушевить ее доселѣ ей чуждымъ подъемомъ благаго желанія, доброй воли и мощнаго усилія, произвести, наконецъ, благотворный переворотъ въ разцѣнкѣ отдѣльныхъ, частныхъ отраслей знанія, въ выборѣ темъ для изслѣдованія, наиболѣе важныхъ и неотлагательныхъ, не говоря уже о прогрессѣ въ методѣ, который неизмѣримо выигралъ бы и по наблюденіямъ, и по опытамъ, и по вѣроятностямъ даровитой изобрѣтательности, какъ скоро „salus populi", ставши „suprema lex" не для политиковъ, а для естествоиспытателей, потребовало бы участія въ изслѣдованіи природы не отъ однихъ монополистовъ знанія, но и отъ всего народа и даже, постепенно расширяя задачу, ото всѣхъ народовъ. Большинство ученыхъ, какъ отъ чумы, сторонятся отъ предвзятыхъ идей и заранѣе составленныхъ программъ; и дѣйствительно въ тѣхъ и другихъ есть доказанныя много разъ опасности, но неизмѣримо вреднѣе для человѣчества отсутствіе общепризнанной цѣли и плана, объединяющаго пути изслѣдованія, которые безъ этого пролагаются въ разбродъ и на-угадъ. Разница между предубѣжденіями произвольныхъ программъ и систематическимъ, планомѣрнымъ и цѣлесообразнымъ знаніемъ, объединеннымъ общепризнаннымъ высшимъ нравственнымъ побужденіемъ, конечно, есть, и колебанія въ выборѣ между тѣмъ и другимъ не должно бы быть.

Послѣ „дезертирства" свѣтской науки отъ выполненія своего нравственнаго долга, тѣмъ болѣе казалось бы, должно заботиться о вѣрности ему знаніе религіозное. Вѣдь „если Слово Божіе есть не только знаніе, но и дѣйствіе (на всего человѣка и на жизнь людей), то и богословіе, какъ слово о Богѣ, болѣе всѣхъ наукъ (которыя и не должны быть внѣ его) не можетъ оставаться однимъ знаніемъ, но должно стать и дѣломъ. Для богословской науки, слѣдовательно, не считающей знанія послѣднею цѣлью, вопросъ о человѣческомъ многоединствѣ или всеединствѣ, то есть о Церкви, объ объединеніи всѣхъ живущихъ черезъ оглашеніе и крещеніе въ чаяніи

(не бездѣйственномъ однако) воскресенія и жизни безсмертной, есть вопросъ коренной“ („Вопросъ о братствѣ и причинахъ небратскаго состоянія міра“. Ч. 2. § 10), рѣшеніе котораго, казалось бы, достаточно ясно намѣчено въ самой только что приведенной формулировкѣ его. Кому, какъ не слову о Богѣ, свойственнѣе не только взывать къ осуществленію славы Богу въ вышнихъ, но и къ установленію мира на землѣ людьми благого воленія? Кому, какъ не слову о Богѣ, Который есть только согласіе и любовь, стремиться только къ прекращенію розни, только къ объединенію, и въ образованіи и воспитаніи людей въ этомъ именно смыслѣ видѣть свою задачу?..

Но до какой глубины проникло нынѣшнее разъединеніе, можно судить изъ того, что даже слово Божіе, которое есть самъ миръ, само объединеніе, превратившись въ богословіе, какъ особую науку, подобно тому или по причинѣ того, что образовалось особое духовное сословіе, забыло истинную цѣль, распалось само въ себѣ и сложилось въ цѣлую энциклопедію односторонностей (отвлеченностей) такъ называемыхъ богословскихъ наукъ. Вліяніе жизненнаго раздора на образованіе „духовныхъ“ наукъ, преподаваемыхъ въ духовныхъ академіяхъ или богословскихъ факультетахъ, очевидно. Кромѣ главнаго и непостижимаго выдѣленія догматики и нравственности въ особыя науки догматическаго и нравственнаго богословія, въ области „духовныхъ“ наукъ образовалось еще юридическое ученіе, то есть каноническое право. Даже вопросъ экономическій (о содержаніи церквей, духовенства (ихъ вдовъ и сиротъ) имѣетъ такую обширную литературу, что и онъ удостоился особаго отдѣла въ каталогѣ знаній богословскихъ. Какъ ни странно звучатъ самыя выраженія „юридическое и политико-экономическое богословіе“, такое богословіе, увы, существуетъ! Мало того: существуетъ даже, особенно въ католицизмѣ, военное или рыцарское, „крестовое“ богословіе!.. Причина такого искаженія слова Божія заключается въ томъ, что сами служители слова выдѣлились въ особое сословіе... Конечно, образованіе „духовнаго“ сословія имѣетъ свои вѣскія причины и, понятное дѣло, не объ уничтоженіи его идетъ рѣчь; но нужно все же знать, отчего зависитъ такое отдѣленіе и устранить поводы къ нему, а не оставаться равнодушнымъ зрителемъ, не коснѣть въ такомъ явномъ противорѣчіи: признавать Законъ Божій всеобщимъ, и въ тоже время отдѣлять его въ особое мѣсто! Не особое мѣсто должно занимать богословіе въ спискѣ отдѣловъ знанія, а въ себѣ должно оно давать мѣсто всѣмъ ученымъ произведеніямъ, распредѣлять ихъ, указывать имъ подобающій постъ примѣнительно къ высшей общей цѣли, примирять и объединять ихъ для нея. Наоборотъ, нынѣшнія богословскія сочиненія сами себя лишаютъ универсальности, или вовсе отвергая другіе предметы знанія, или же давая имъ мѣсто около себя, а не въ себѣ“ („Вопросъ о причинахъ неродственнаго состоянія міра“).

Величавой роли объединительницы знанія богословіе предпочло изолированіе; отъ того и къ активной задачѣ человѣчества оно отнеслось апа-

тично: „оно разбирало вопросы о проявленіи Божества непосредственно черезъ силы природы (Промыслъ), о проявленіи Его въ пророческихъ видѣніяхъ и наконецъ, въ дѣлѣ искупленія; но оно не касалось вопроса о проявленіи Божественной воли чрезъ посредство насъ, какъ разумныхъ и свободныхъ существъ, чрезъ превращеніе образца, даннаго въ лицѣ Искупителя, не въ законъ дѣятельности отдѣльныхъ только лицъ, а въ законъ совокупной дѣятельности всего человѣчества, въ законъ будущей исторіи, имѣющей осуществить идеалъ полнаго единства и согласія, явленный намъ въ Троицѣ" („Вопросъ о братствѣ". Ч. 2. § 10). Оттого и на вопросъ о причинахъ противоположныхъ явленій, то есть розни и вражды, богословіе взглянуло также съ пассивной точки зрѣнія, сочло его какъ бы заранѣе рѣшеннымъ. Опираясь на предубѣжденіе, будто міръ безповоротно во злѣ лежитъ, богословіе сочло фактъ розни и вражды за явленіе нормальное и неизбѣжное въ мірѣ грѣхопаденія и исправленію міра предпочло уклоненіе отъ него, исходъ изъ міра. Сообразно съ этимъ исказилось и понятіе о дѣлѣ религіозномъ: съ уклоненіемъ отъ области дѣйствія въ область догматической думы, благочестиваго созерцанія и мистическаго чувства, „мнимое мистическое дѣйствіе или „богодѣйство" (теургія) заняло мѣсто реальнаго Божьяго дѣла, какъ будто Божіе дѣйствіе можетъ ограничиться однимъ чувствомъ и слышаніемъ и знаками, тогда какъ въ дѣйствительности само богослуженіе, взятое во всей полнотѣ своей, есть только напутственный молебенъ къ общему дѣлу. Оно объединяетъ въ чувствѣ, но причинъ вражды еще не уничтожаетъ; объединеніе въ чувствѣ ведетъ, или по крайней мѣрѣ должно бы приводить, къ объединенію въ мысли („возлюбимъ другъ друга, да *единомысліемъ* исповѣмы!.."); совершиться же объединеніе въ мысли можетъ тогда лишь, когда люди сообща поставятъ себѣ цѣлью изслѣдованіе причинъ небратскаго своего состоянія, въ чемъ и заключается переходъ отъ вѣры къ знанію" („Историческій Очеркъ").

Не трудно разсмотрѣть, какимъ препятствіемъ къ такому переходу стало изолированное положеніе, занятое богословіемъ. Современная историческая критика воспѣла хвалебные гимны секуляризаціи науки, ея „войнѣ за освобожденіе" отъ богословскаго ига (White, The Warfare of Science, Дрэперъ, Лекки и др.). Мы же, заранѣе обрекая себя на зачисленіе въ сонмъ „отсталыхъ" со стороны „передовыхъ", утверждаемъ, что „съ тѣхъ поръ, какъ знаніе отдѣлилось отъ богословія, которое объединяло его, знаніе естественно стало распадаться, дробиться, а то, что служило объединеніемъ, составило особый отдѣльный факультетъ или даже особое учрежденіе, Академію Духовную, какъ нѣчто противоположное свѣтскому университету, который хотя и утратилъ чрезъ это дѣленіе право считать себя *универсальнымъ* храмомъ знанія, но во всякомъ случаѣ, какъ и вообще свѣтская наука, сталъ противоположенъ богословію. Закону Божію, Божественному порядку отнынѣ отмежевана была особая область, тогда какъ все прочее знаніе хотѣло повиноваться впредъ только своему собственному закону, котораго од-

нако оно не нашло и понынѣ. Какъ бы то ни было, а съ выдѣленіемъ богословія въ особый отдѣлъ, весь остальной арсеналъ знанія обратился въ царство безбожія". Богъ, въ которомъ Ньютонъ, не чуждый „богословской заразы", еще нуждался для подведенія слабѣющей пружины космическаго механизма, Богъ, выражаясь словами Лапласа, сталъ гипотезою, ненужною для астрономіи, а съ нею и для всего „позитивнаго" естествознанія.

„Въ сущности однако свѣтское и духовное составляютъ не два царства, а одно; въ нынѣшнемъ своемъ видѣ это двѣ односторонности, двѣ отвлеченности, отдѣленныя и отвлеченныя одна отъ другой лишь насильственно и противоестественно. Сознаніе этого, если и не есть еще само примиреніе, то все же ведетъ къ нему, создаетъ проектъ примиренія; при соединеніи догматическаго и нравственнаго богословій догматъ Тріединства становится уже и заповѣдью, то есть раждается первый очеркъ проекта примиренія, построенія общества не по типу животнаго организма, а по образу и подобію Божію" („Вопросъ о причинахъ неродственнаго состоянія міра"). Въ противоположность знанію, раздѣлившемуся въ самомъ себѣ, „наука полная (неотдѣлимая и отъ богословія, и отъ искусства) и есть изслѣдованіе причинъ розни и средствъ устраненія ея. Такая наука должна быть по справедливости названа Христіанскою". („Вопросъ о братствѣ". Ч. 2. § 16). Мы въ правѣ будемъ назвать ее и Православною, когда Православіе отъ глубокихъ думъ надъ своею великою задачею перейдетъ къ ея успѣшному выполненію. „Православіе не удовлетворяется догматическимъ богословіемъ, то есть религіей лишь въ мысли (идеолатріей), ни тою ограниченною нравственностью, которая требуетъ исполненія только отрицательныхъ добродѣтелей, да мелкихъ, положительныхъ. Православіе есть осуществленіе на дѣлѣ того, что̀ догматика заключаетъ въ мысли, въ ученіи о Тріединомъ Богѣ, какъ образцѣ полнѣйшаго единства, одинаково далекаго отъ ига и розни. Это ученіе въ догматическомъ богословіи и въ нравственномъ однако еще не стало осуществленіемъ дѣла прекращенія розни и обращенія человѣческаго рода въ многоединство подобное Тріединству, хотя въ богословіи эстетическомъ (въ храмозданіи, въ храмовой и внѣхрамовой росписи, въ богослуженіи) данъ уже естественный переходъ отъ думы о Богѣ (догматическое богословіе) и о дѣлѣ (нравственное богословіе) къ осуществленію дѣла (Приложеніе къ статьѣ „Вертикальное положеніе человѣка и его значеніе"). Въ отличіе отъ мнимаго протестантскаго спасенія въ мысли и порознь (Jeder nach seiner Facon", по развязному выраженію Фридриха II), въ отличіе отъ спасенія дѣлами несущественными въ католическомъ принудительномъ объединеніи, Православіе призвано стать средствомъ всеобщаго спасенія черезъ добровольное участіе всѣхъ во всечеловѣческомъ дѣлѣ, началомъ, первымъ шагомъ коего и есть устраненіе розни и вражды" (Письмо къ В. А. Кожевникову отъ 11 Января 1900 г.).

Владимиръ Кожевниковъ.

-тверждать распоряженія и мѣры Екатерининскаго царствованія. Но Русскій народъ благодаренъ Павлу за установленіе трехдневнаго въ недѣлю срока для работы крестьянъ на землевладѣльца, и по несчастномъ Государѣ до сихъ поръ иногда служится простолюдинами панихида. Павелъ въ четыре съ половиною года роздалъ крестьянъ помѣщикамъ въ бо̀льшемъ количествѣ нежели его родительница. Великодушныя побужденія его унаслѣдованы вторымъ его сыномъ, настоящимъ виновникомъ благодѣтельной отмѣны крѣпостного права.

Почти вся книга г. Труфильева наполнена жалобами крестьянъ на своихъ владѣльцевъ; но въ самыхъ этихъ жалобахъ и прошеніяхъ не слыхать того рабскаго духа, который выраженъ словами: Küss die Hand или Pàdam do nog. Любопытно письмо гвардейскаго солдата къ его матери въ Казанскую губернію: „У насъ нынѣ все новое; какъ Государь принялъ престолъ, то мы ни дня ни ночи покою мало имѣемъ; хоша деньгами насъ и даритъ, но они намъ не очень нужны, нужно одно спокойствіе“. Вотъ спокойствія-то при Павлѣ во всей Россіи не было, и въ самыхъ дальнихъ углахъ государства не чувствовалось безопасности, того „тихаго житія“, при которомъ росла Русская сила и получила возможность одолѣть нашествіе Западной Европы. Замѣтимъ обмолвки: на стр. 27-й невѣрно имя Орловскаго помѣщика *Цурикова.* На стр. 167 значится графиня *Н. А. Уварова*, тогда какъ графовъ Уваровыхъ въ то время еще не было. П. Б.

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1905 года.

(Годъ 43-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву" въ 1905 году, за двѣнадцать выпусковъ, съ пересылкой и доставкой девять рублей; для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ, въ Конторѣ „Рускаго Архива", на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ; въ Петербургѣ—Васильевскій Островъ, 10-я линія, кв. 15-я, у М. К. Соколовскаго. и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени", въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону.

Отвѣтственность за исправную доставку книжекъ принимается лишь для тѣхъ лицъ, которыя подписались въ Конторѣ «Русскаго Архива» или въ показанныхъ выше книжныхъ магазинахъ.

☞ Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляютъ свыше 50 требованій.

Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автобіографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву" для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія „Русскаго Архива" прошлыхъ лѣтъ получаются по слѣдующимъ цѣнамъ: 1874 годъ, съ двумя гравированными на стали портретами (Ѳ. И. Тютчева и князя В. Ѳ. Одоевскаго), за 6 р., съ пересылкою 7 р.; годы 1877, 1879, 1884 и 1886—1889 по 6 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 7 р.; годы 1890 — 1892, 1894 и 1895 по 6 р., съ пересылкою по 7 р.; годы 1898—1904 по 8 р., съ пересылкою по 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногородняго на иногородный и заграничнаго на заграничный—30 копѣекъ; Московскаго на иногородный—80 копѣекъ; иногородняго на Московскій—40 копѣекъ (*по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ*). Просимъ присылать номеръ перемѣняемаго адреса.

Контора „Русскаго Архива" открыта ежедневно съ 9 час. утра до 5 пополудни.

Отдѣльныя книжки «Русскаго Архива» можно получать по 1 рублю.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" **Петръ Бартеневъ.**

(Годъ сорокъ третій).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1905

2.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1905.

Восемнадцатый вѣкъ. Историческій сборникъ, издаваемый по бумагамъ фамильнаго архива почетнымъ членомъ Археологическаго Института княземъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ Куракинымъ подъ редакціею В. Н. Смольянинова. *Томъ второй*. Княже-Куракинскія церкви и помѣстья. Историко - археологическій очеркъ, составленный священникомъ Н. А. Скворцовымъ и В. Н. Смольяниновымъ. Москва. 1905. 8-ка, IX и 538 стр.

Князья Куракины не были что̀ называется богомолами, но всегда держались здраваго, трезваго благочестія. Свидѣтельствомъ тому служатъ десятки Божіихъ храмовъ, ими воздвигнутыхъ. Едва ли какой другой родъ на Руси превзошелъ въ этомъ князей Куракиныхъ. Изъ вышедшей теперь книги видно и то, какъ относились они къ духовенству: „попы набдя“, по лѣтописному выраженію, но въ тоже время не допуская католическаго вмѣшательства въ дѣла мірскія и заботясь о томъ, чтобы службы Божіи справлялись чинно и внятно. Въ этомъ смыслѣ князей Куракиныхъ надо причислить къ настоящимъ насадителямъ образованности въ Россіи: ибо церковная внятная служба на языкѣ, и до сихъ поръ болѣе понятномъ простонародью, нежели иная современная газета, есть наилучшее образовательное училище, которымъ устанавливается здравое отношеніе ко всѣмъ наукамъ, дабы онѣ просвѣщали, а не надмѣвали и не способствовали подражательному чужедумству. Прославившій въ Европѣ Куракинское имя князь Борисъ Ивановичъ завѣщалъ устроить въ Москвѣ страннопріимный домъ. Онъ выстроенъ его сыномъ и невѣсткою у Красныхъ воротъ съ прекрасною церковью. Эта невѣстка, княгиня Александра Ивановна (ур. Панина), къ которой можно отнести сказанное кѣмъ-то про нашу современницу Екатерину Сергѣевну Шереметеву, что она шелковыми возжами цѣлое племя въ рукахъ держала, была особенно усердна къ церковному благолѣпію, и ея попеченіемъ построено нѣсколько церквей. Но даже и великолѣпный Европеецъ, другъ императрицы Маріи Ѳеодоровны I-й, князь Александръ Борисовичъ имѣлъ у себя домовыя церкви и заботился о церковной школѣ; также и братъ его, министръ внутреннихъ дѣлъ, и одинъ изъ внуковъ сего послѣдняго князь Алексѣй Борисовичъ.

Второй томъ „Восемнадцатаго Вѣка“ наполненъ показаніями о Куракинскихъ помѣстьяхъ. Пополненіемъ служатъ свѣдѣнія о князѣ Степанѣ Борисовичѣ (оставившемъ по себѣ мало письменныхъ слѣдовъ) и прекрасныя записки Е. А. Нарышкиной (урожденной кн. Куракиной) о родителяхъ ея.

Изданіемъ въ свѣтъ этой книги князь Ѳедоръ Алексѣевичъ Куракинъ, можно сказать, отслужилъ историческую, многознаменательную панихиду по своимъ предкамъ, воскрешая ихъ для себя, для своихъ родичей и для соотечественниковъ въ соотвѣтствіе тому, что̀ говоритъ Русскій мыслитель Н. Ѳ. Ѳедоровъ на страницахъ „Русскаго Архива“: прошедшее и настоящее сливаются въ общемъ понятіи Христовой церкви. П. Б.

*

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ МОРЯКА НИКОЛАЯ КОРОСТОВЦА *).

(1805).

Генваря 12-го. Вчера, около 4-хъ часовъ, мы кинули якорь подлѣ Корфы. Здѣсь нашли мы нашъ корабль «Азію» и два фрегата «Михаилъ» и «Поспѣшной». Послѣ бури сдѣлался благополучной вѣтеръ, съ которымъ мы взошли сѣвернымъ проходомъ между мелкими островами и матерымъ берегомъ. Какая всюду безплодность, бѣдность и развалины! Ничего нѣтъ такого, чтó представляло бы выхваляемую Италію; скорѣе можно сравнить берега эти съ нашей Финляндіей.

Генваря 16-го. Теперь я дамъ вамъ отчетъ въ моихъ поѣздкахъ на берегъ. 12-го числа я ѣздилъ на берегу, пройдя грязными улицами между домами, которые своею величиною только могутъ назваться симъ именемъ, впрочемъ ничего не представляютъ кромѣ рабства и бѣдности. Кажется, Греки мало выиграли передавшися Русскимъ, ибо здѣсь теперь до 8 тысячъ войска, которое содержитъ въ страхѣ Республику. Мы ходили на здѣшнюю площадь, куда ежедневно сбираются всѣ офицеры и жители для прогулки; между малымъ числомъ здѣшняго дворянства кромѣ грубаго характера ничего не примѣтно. Въ сіе время здѣсь карнавалъ или, лучше, наша масляница; и такъ по Итальянскому обыкновенію, женщины, которыя хотятъ прогуливаться, надѣваютъ маски и платье приличное ихъ лицу. Теперь представьте себѣ, друзья мои, какъ долженъ быть изумленъ иностранецъ, видя передъ собою прекраснѣйшія таліи, у которыхъ лица хуже, можетъ быть, самой маски. Я нашелъ здѣсь О. Кричевскаго, моего стариннаго камрада, милаго человѣка съ познаніями, которыя меня удивили. Съ нимъ я толкался между здѣшними полковыми офицерами, сволочью изъ республиканскихъ гражданъ, и женщинами въ маскахъ, пока не наступило время идти въ здѣшній театръ.

Сперва Ор. Як. представилъ меня первому здѣшнему актеру, который прославилъ себя по всей Италіи ролями буфовъ (шутовъ), играя ихъ съ удивительнымъ искусствомъ. Имя его Тонини (Tognini). Онъ

---

*) См. выше, стр. 43.

принялъ насъ важно; на похвалы, которыя мы ему приписывали, отвѣчалъ съ шутливою умѣренностію. Отъ него мы пошли къ первой балеринѣ, которая, какъ актриса и славная кокетка, шутила до тѣхъ поръ, пока наступило время ей одѣваться и тѣмъ заставила насъ присутствовать при ея туалетѣ. Г. Кричевскій рекомендовалъ меня какъ молодого знатной фамиліи человѣка, знатока въ художествахъ и наукахъ, что заставило ее употребить всю привлекательность кокетки, дабы уловить меня въ свои сѣти; признаюсь, я не былъ равнодушенъ и принялся искать ея благосклонности. Здѣшніе актеры собраны изъ Венеціанъ, Римлянъ, Неапольцовъ, а потому они играютъ обыкновенно на Итальянскомъ языкѣ; но произношеніе соображаетъ каждый по своему, а потому кто не знаетъ Итальянскаго языка подумаетъ, что каждый говоритъ особеннымъ языкомъ. Они играли какую-то оперу, послѣ ея былъ балетъ, на которомъ первая балерина представляла царицу. Войско состояло изъ солдатъ, и наши Русскіе рубачи удивили, какою точностію и пріятностію мѣшались между балетчиками и балеринами. Послѣ балета была опять опера, и театръ кончился вторичнымъ балетомъ, подъ названіемъ Дуо двухъ Гетеръ. Мы никогда не думали и не ожидали, чтобы въ Корфѣ былъ такой порядочный театръ, расположенный довольно удобно, т. е. съ партерами и въ 4-ре этажа ложи. Представленіе кончилось въ 12 часовъ, какъ всегда здѣсь бываетъ. Мы возвратились на фрегатъ, будучи крайне довольны театромъ...

13-го. Былъ у насъ на фрегатѣ обѣдъ для новыхъ нашихъ знакомыхъ изъ полковыхъ офицеровъ и флотскихъ Черноморскихъ. Между первыми крайне полюбились мнѣ и меня полюбили капитаны Поповцевъ и Зыбинъ, любезные люди!

Меня убѣдили ѣхать въ кавальтино, гдѣ танцуютъ, т. е. въ самомъ театрѣ выносятъ изъ партера скамейки и останется довольно огромной залъ, въ которомъ дамы сбираются и танцуютъ въ маскахъ. Я согласился. Около 9 часовъ мы пришли въ театръ, я танцовалъ съ первой балериною, которая столько надѣлала мнѣ учтивостей, сколько можетъ женщина такого рода. Она говоритъ совершенно Французскимъ языкомъ. Наступила полночь, и балъ, который называютъ здѣсь кавальтино, кончился. Мы пошли искать ночлегу. Одинъ, не знаю кто такой, нашъ знакомый приглашалъ меня съ Пав. Никол. идти ночевать къ нему. Мы согласились; но едва успѣли мы взобраться на чердакъ, гдѣ жилъ нашъ знакомый, съ такою осторожностію, съ какою крадутся воры, какъ слухъ нашъ поразился голосомъ. Тише, кто тамъ на верху?.. Одно осталось средство оставить домъ и сойти опять съ лѣстницы съ такими же предосторожностями, съ какими взошли. Знакомецъ нашъ не зналъ что дѣлать... Мы начали стучаться то въ одномъ домѣ, то въ другомъ,

переходя изъ улицы въ улицу; темная ночь. Наконецъ отперли намъ двери въ домѣ похожемъ на наши скотскіе дворы; мы взошли и встрѣтили г-на Гринло, который, вскочивъ съ постели, разсказывалъ, мѣшая Русскія и Французскія слова вмѣстѣ съ Англинскими, что двое нашихъ офицеровъ взяты подъ караулъ. Боже, такой духоты, запаху и шуму, какой я здѣсь чувствовалъ и слышалъ, не можетъ быть въ самомъ худомъ Еврейскомъ домѣ. Кончился сей день тѣмъ, что г. Мордв. помѣстился въ чуланѣ, который только называется горницею, ибо весь домъ не имѣлъ ни полу, ни потолка, раздѣленъ на нѣсколько номеровъ, безъ дверей, безъ оконъ. Въ такомъ домѣ мы бы опасались держать овецъ. Знакомецъ повелъ меня опять изъ дому въ домъ, пока мы не имѣли счастія сыскать еще отпертыя двери. Друзья мои! Эта ночь будетъ для меня вѣчно памятна. Надобно же было мнѣ, трезвому, пуститься въ такія дурачества!

Горница, въ которой я спалъ, не имѣла ни полу, ни потолка, земля была такъ сыра, какъ послѣ дождя, и походила на огромной сѣнной сарай; лампада погасала, и тѣмъ видъ казался ужаснѣе. До трехъ или четырехъ рогожекъ закиданы были по стѣнамъ, за которыми спало уже много народа. Постель мнѣ была пріятнѣе всего на свѣтѣ, ибо въ три часа ночи больному покой дороже жизни. Подлѣ моей кровати стояла бѣдная постель, на которой спалъ Албанецъ. Ничто не казалось мнѣ такъ опасно, какъ проводить ночь въ такомъ домѣ; но ломота въ ногахъ у меня была жестокая, покой нужнѣе былъ всего. Знакомецъ меня оставилъ, я раздѣлся, легъ въ постелю и смотрѣлъ на кровлю, сквозь которую свисталъ вѣтеръ. Мнѣ было не до сна, и всякое движеніе Албанца приводило меня въ страхъ. Я подозрѣвалъ моего знакомца и ждалъ съ каждой минутою, что меня ограбятъ. Я держалъ всю ночь мое платье въ рукахъ и кортикъ мой приготовилъ къ оборонѣ. Било пять часовъ, я услышалъ мяуканье кошекъ, разговоры людей. Било шесть часовъ, я вскочилъ съ постели, одѣлся и спѣшилъ уйти изъ сего ада. Слава Богу, говорилъ я при каждомъ шагѣ, я спасся отъ Албанца. Никогда друзья мои, никогда не забуду этой ночи.

Генваря 14-го. Я ходилъ по Корфѣ, смотрѣлъ на жителей, которые здѣсь кажутся хуже, неопрятнѣе нашихъ невольниковъ. Я нашелъ здѣсь Валентина Ханыкова, роднаго брата Ираклія Дмитріевича. Этотъ любезный человѣкъ принялъ меня къ себѣ какъ роднаго брата.

Здѣшніе актеры раздѣлены на классы, напримѣръ primo buffo, secundo buffo, что̀ значитъ тѣхъ, которые играютъ шутливыя роли. La prima donna и donna называютъ пѣвицъ. La prima balerina первая танцовщица, которая, не будучи красавицей, заставляетъ по себѣ вздыхать. La prima grotteska или та, которая высоко скачетъ и, прав-

ду сказать, рѣдко удастся видѣть такую компанію для балета, какая здѣсь. La signora Ludini играетъ безподобно въ балетахъ, но уступаетъ первой балеринѣ, которая прозывается la signora Gaettani. Теперь весь театръ состоитъ на откупу у одного Итальянца, который даетъ актерамъ самое бѣдное жалованье; за то часто бываютъ бенефисы лучшимъ актерамъ, которые сбираютъ по 500 и болѣе талеровъ. Домъ, въ которомъ бываетъ театръ, наружною архитектурою можетъ почесться лучшимъ въ Корфѣ.

Генваря 22-го. Вален. Дмитр. пригласилъ меня вчера обѣдать; я у него остался на цѣлый день и ночевалъ. Мы ходили за городъ, и вотъ что я скажу вамъ. Мы вышли въ ворота, въ которые, надобно думать, вошли Французы; надъ воротами надписано было прежде прибытія сихъ головорѣзовъ Porte Royale; Французы сейчасъ вытерли и надписали Porte Francaise или Французскіе ворота. За ними продолжаются новаго манера укрѣпленія, которыя построены частію Россіянами и больше Венеціанами. Островъ въ семъ мѣстѣ узокъ, а укрѣпленія съ сухого пути идутъ поперекъ его. На обѣихъ сторонахъ видны удивительной высоты крѣпости, а особливо въ правой сторонѣ такъ называемая Новая крѣпость имѣетъ страшную вышину. Мы пошли долиною по дорогѣ, идущей черезъ деревни; намъ вездѣ попадались развалины домовъ, которые милосердые Французы ограбили или сожгли. Два женскіе монастыря также запустѣли, нѣсколько Католическихъ церквей теперь походятъ на крестьянскія избы. Валентинъ привелъ меня въ одну, которая также была посѣщена Французами. Монахъ насъ встрѣтилъ, сложа накрестъ руки и не преминулъ сказать нѣсколько ругательствъ господамъ Французамъ. Мы шли болѣе трехъ верстъ то̀ масличными садами, то селеніями. Видъ былъ вездѣ запустѣлый; деревья, на которыхъ родятся маслины, были обезображены и порублены. Наконецъ мнѣ показали развалины древней Корфы, однакоже кромѣ высокой травы и нѣсколькихъ кучъ каменьевъ я ничего не видалъ. Вдали была огромная церковь, которая и теперь еще служитъ; сказываютъ, что Петръ апостолъ, проповѣдуя на семъ островѣ вѣру во Христа, ее построилъ; сказываютъ также, что она окружена колоннами изъ мрамора, однакоже между деревьями мнѣ виденъ былъ только ея верхъ о пяти главахъ. Я не видалъ во всемъ городѣ ни одной церкви, не только до̀ма съ колоннами; теперь если есть, такъ только эта одна. Апельсинныхъ и лимонныхъ деревьевъ здѣсь много, ибо доходъ здѣшнихъ дворянъ состоитъ въ одномъ этомъ. На дорогѣ видѣлъ я два пальмовыя-дерева и очень радъ, что мнѣ удалось видѣть сію рѣдкость; я не ботаникъ, потому не искалъ травъ, однакоже примѣчалъ много такихъ, какихъ еще мнѣ не случа-

лось видѣть. Мы воротились назадъ, ибо пришли къ болотамъ, которыя теперь грязны; однакоже жители ходятъ.

Одежда природныхъ Корфіотцевъ состоитъ въ фуфайкѣ, похожей на матроскую, и широкихъ Голандскихъ штанахъ; впрочемъ ходятъ они босикомъ или въ чулкахъ и башмакахъ съ ужаснѣйшими пряжищами; длинные волоса висятъ надъ глазами, а темя головы прикрываютъ красненькой скуфьею. Нельзя вообразить, въ какой бѣдности и неряшествѣ живутъ здѣшніе Греки, самые Жиды должны имъ уступить. Здѣсь такія есть улицы, въ которыя нельзя войти безъ того, чтобы не задохнуться отъ спершихся нечистотъ.

На площади встрѣтили мы столько масокъ, что вся площадь походила на огромный маскарадный залъ. Музыка играла въ разныхъ углахъ и если бы благопристойность была снисходительнѣе, сколько бы составилось кадрилей! Валентинъ живетъ въ самомъ прекраснѣйшемъ и опрятнѣйшемъ домѣ во всей Корфѣ. Изъ его балкона можно видѣть подъ ногами тысячи масокъ.

На другой день, вставши рано, мы пошли ходить по городу, начиная сперва осматривать церкви. Первая, которую мы посѣтили, называлась Св. Спиридона, въ ней лежатъ мощи сего святого. Старинные весьма плохой работы образа украшали иконастасъ, начиная съ самаго полу до потолка, ибо здѣсь нѣтъ церквей съ куполами. Плафонъ, правда, мнѣ понравился, и я не видалъ еще такъ расположеннаго даже въ самомъ Михайловскомъ замкѣ; работа на немъ была старинная; онъ раздѣленъ наподобіе разныхъ видовъ и величинъ, картины же, каждый образъ, отличались великолѣпными золотыми рамами. Два огромныя серебряныя паникадила висѣли почти надъ серединою церкви, и каждое изъ нихъ вѣсило пудовъ по 14. Въ серединѣ между ими было золотое паникадило слишкомъ въ пудъ вѣсомъ, которое нашъ Государь Александръ прислалъ сюда. Надъ дверями западными, въ которыя входятъ въ церковь, прибитъ Россійскій гербъ, и передъ нимъ безпрестанно горѣла лампада. Надъ мѣстомъ, гдѣ сидѣлъ адмиралъ Ушаковъ, также прибитъ Россійскій гербъ. Республика отпускаетъ на содержаніе гербовъ по 300 талеровъ въ годъ, чему впрочемъ я не вѣрю. Въ церкви сидятъ на скамейкахъ, которыя здѣсь сдѣланы креслами. Я былъ не во время службы, а потому не видалъ архіерея, который въ ней служитъ. Въ сѣняхъ церкви, которыя никогда не запираются, живутъ нищіе не имѣющіе пристанища. Правда, столько здѣсь нищихъ, что, если счесть всѣхъ нищихъ, то надобно много церквей куда ихъ помѣщать; на каждой улицѣ сидятъ они рядами и просятъ весьма жалко милостыни.

Я скажу вамъ, друзья мои, странность, которой, можетъ быть, нѣтъ примѣра. Знаете ли, что мощи святого Спиридона принадлежатъ одно-

му частному человѣку, который нѣсколько времени тому отдалъ ихъ въ приданое за своей дочерью? Этого мало, самая церковь нанимается такъ какъ простой домъ! Монахи или бѣлые попы нанимаютъ церковь, и доходы и содержаніе церкви остаются за наемщикомъ. Не одна церковь святого Спиридона ходитъ въ наймахъ; есть еще много, которыя, когда самъ хозяинъ не попъ, то отдаются въ наемъ.

Изъ церкви св. Спиридона мы ходили по улицамъ, наконецъ заходили въ двѣ церкви; одна, которая была прежде соборомъ, а теперь отдана нашимъ Русскимъ, другая Католическая; но какъ обѣ были заперты, то ничего не могу сказать:

Теперь приступаю къ описанію одной изъ здѣшнихъ крѣпостей, называемой Новая крѣпость. Мнѣ нужно Алексѣево понятіе, чтобы представить вамъ то глубокія подземелья, то высочайшую вышину, на которую или взлетаетъ орелъ или вспалзываетъ змія. Какъ бы ни позволилъ слабый мой талантъ, я сдѣлаю описаніе. Такъ называемая Новая крѣпость построена на одной сторонѣ Корфы (города), имѣетъ повидимому болѣе 60 сажень высоты, отъ поверхности моря тридцать сажень; въ нее входятъ подземельемъ со стороны города, и она имѣетъ другой выходъ также подъ землею на полѣ. Пройдя подземельемъ, упретесь вы въ стѣну, въ которой поставленъ образъ Богородицы; отъ него вы выйдете на открытой воздухъ, гдѣ найдете нѣсколько домовъ частныхъ людей. Вы станете подыматься по лѣстницѣ, которая приведетъ васъ къ монастырю, гдѣ находится теперь семь монаховъ. Къ нимъ надобно спускаться подъ землю; но оставимъ монастырь—опять вы станете подыматься по лѣстницѣ, опираясь съ одной стороны въ стѣну, которой вы не увидите верха, не скинувши шляпы, съ другой стороны невысокая стѣнка удерживаетъ васъ упасть въ низъ. Взойдя на послѣднюю ступень, представится вамъ площадь, на которой то тамъ, то сямъ раскиданы пушки; она довольно высока и по крайней мѣрѣ сажень 40 отъ земли. Россіяне исправятъ брустверъ, который будетъ къ городу. Тутъ есть нѣсколько колодезей. Въ подземельѣ, то-есть въ крѣпости, сдѣланъ проходъ, которымъ вы выйдете какъ будто на балконъ, ведущій васъ подлѣ стѣны крѣпости, и вы упретесь въ стѣну, и снова станете подыматься въ верхъ по лѣстницѣ. Съ нею вы войдете на новую площадь, которая также обставлена нѣсколькими пушками; на площади сдѣланы казармы для гарнизона и магазины для города. Тутъ я видѣлъ много отверстій, которыя служатъ или свѣтомъ для внутреннихъ сводовъ въ крѣпости или колодезями. Городъ представился мнѣ расположеннымъ на отлогости: нельзя было видѣть улицъ, и все казалось домиками. Рейдъ, на которомъ стояла наша эскадра, казался водою налитою въ блюдо, по которой разставлены маленькіе кораблики; вдали

синѣлся крутой Албанскій берегъ и высокія горы Корфы. Видъ страшный, но ничего не было пріятнаго. Мы съ Валентиномъ взобрались выше, и оттуда загородныя крѣпости казались только насыпями. Друзья мои, чудное, но безполезное построеніе крѣпости васъ удивило бы, но не привело въ такое изумленіе какъ замокъ на Вайтѣ. Есть соперница въ вышинѣ противу сей крѣпости: другая называемая Старая крѣпость, построенная на оконечности и въ которую ходъ съ площади; но я ея не видалъ еще. Не знаю, какая дьявольская сила пособляла Венеціанамъ втащить огромнѣйшія пушки на такую высоту. Хотя, впрочемъ, на всей крѣпости не больше 30, однако калибръ ихъ великъ. Я не видалъ ни ядеръ, ничего такого, что̀ служило бы къ оборонѣ; гарнизонъ въ ней содержатъ Русскіе солдаты. Съ вышины крѣпости есть подземельный ходъ за городъ, но онъ теперь засоренъ. Крѣпость сія обдѣлана съ наружи плитою; но говорятъ, что она построена изъ горы, и внутренность ея пуста, то есть со сводами. Я не знаю вѣрно, но не хотѣлъ бы, чтобы натура была тутъ помощію. Основаніе крѣпости должно быть въ 14-мъ или послѣ столѣтіи.

Мы спустились на низъ и пошли валомъ съ морской стороны, который также обнесенъ пушками и содержится въ исправности; онъ саженъ 10 имѣетъ вышины отъ воды. Теперь заключу симъ мое описаніе; впредъ, что̀ если узна̀ю, не премину васъ увѣдомить.

Генваря 31-го. Мы имѣли удовольствіе видѣть у себя на фрегатѣ разпреславнѣйшаго signora Tognini. Этотъ милой шутъ много насъ веселилъ, и мы не могли иначе съ нимъ разстаться, какъ съ большимъ прискорбіемъ. Въ театрѣ сегодня будетъ бенефисъ господину Андрею Венцески, славному балетчику.

Февраля 1-го. Сегодня мы отправляемся въ крейсерство, отдохнувши немного послѣ труднаго путешествія изъ Кронштадта.

Февраля 3-го. Сегодня мы зашли въ губу удивительными проходами. Нельзя было примѣтить, откуда мы пришли и куда выйдемъ; вездѣ была цѣпь утесистыхъ, крутыхъ горъ, безплодныхъ и не имѣющихъ никакихъ признаковъ, чтобы онѣ были обитаемы; однакоже въ дали на лощинѣ видѣли нѣсколько Грековъ и нашихъ Россійскихъ солдатъ. Въ губѣ сей или, лучше, ковшѣ глубина была не менѣе 30 сажень, и даже у самого берега, гдѣ мы промѣривали, нашли самую малую глубину 10 сажень. Эскадра изъ 20 и болѣе кораблей можетъ безопасно простоять столько, сколько ей угодно, не опасаясь ни вѣтровъ, ни непріятеля. Съ одной стороны былъ островъ Цефалонія, съ другой же прикрывалъ островъ, которому мы не знаемъ имени. Отъ насъ ѣздила на островъ шлюпка, и нѣсколько офицеровъ ходили по прибережью, стрѣляли птицъ и были въ одномъ монастырѣ, котораго намъ не видно было.

Тутъ купили мы прекраснаго Цефалонскаго вина, которое имѣетъ сходство съ Рейнвейномъ. Изъ деревьевъ, кромѣ кипарисовъ и масленичныхъ, мы не видали; но, какъ сказываютъ, Цефалонія есть наибогатѣйшій островъ въ Архипелагѣ. Около полуденъ мы снялись съ якорей и пустились далѣе осматривать острова республики. Эскадра наша состояла изъ кораблей «Елены», «Азіи», «Ретвизана», фрегатовъ «Крѣпкаго», «Михаила» и нашего.

Февраля 5-го. Стояли безпрестанные штили, мы оставались все между островами, иногда лавировали въ узкихъ изгибинахъ, иногда совершенно стояли будто на якорѣ. Сегодня корабль «Азію», которая весьма худо ходитъ, принесло къ берегу. Командиръ велѣлъ послать всѣ шлюпки и барказы, а намъ идти къ западному берегу Цефалоніи и тамъ, соединясь съ «Венусомъ», дожидать эскадры.

Февраля 7-го. За штилемъ мы не могли удалиться отъ острововъ и принуждены были два раза бросать якорь въ самомъ опасномъ мѣстѣ. Сѣверный берегъ Цефалоніи былъ отъ насъ только въ верстѣ, бурунъ разбивался съ жестокимъ шумомъ объ утесистые камни острова. Сегодня капитанъ позволилъ мнѣ посмотрѣть гротовъ, которые находятся между скалами острова. Насъ собралось человѣкъ до 8, и мы подъѣхали къ острову. Дѣйствительно, надобно было имѣть духъ пристать или лучше въѣхать на маленькомъ нашемъ яликѣ въ гротъ, гдѣ вышина сводовъ была сажени въ 4, а пространство его, какъ бы сказать, походило на нашъ танцовальный залъ. Вода, ударяясь о прямыя стѣны грота, издавала страшный шумъ; въ бокахъ мы насчитали до 9 гротовъ, изъ которыхъ иные походили на коридоры, другіе на маленькіе кабинетцы; словомъ, игра натуры была удивительна и страшна. Мы нарочно говорили громче обыкновеннаго, и вотъ странность: на фрегатѣ явно слышно было все, что̀ мы ни говорили. Выѣхавъ изъ грота, мы версты 3 ѣхали вдоль острова, стараясь найти мѣсто, гдѣ бы пристать; по счастію, подлѣ одного небольшаго грота вышли на берегъ. Какая страшная картина, представьте, друзья мои! Весь берегъ былъ ноздреватый камень, по которому ради его неровностей надобно было ползти на гору, упираясь ногами и руками, которыя, если бы босикомъ, перерѣзалъ бы какъ стеклами. На горѣ ходило стадо барановъ; однакоже мы оставили трудъ влѣзть на гору и смотрѣли съ разныхъ мѣстъ на острова. Между каменьями находили на высотѣ 5 и 10 сажень соленую воду, которая вѣрно во время жестокихъ вѣтровъ скопилась отъ волненія и брызговъ; надобно бы такъ же найти намъ соль, однако мы находили только глину, весьма похожую на макъ. Видѣли также маленькихъ рачковъ. Какъ ни страшны были приморскіе берега острова,

за то награждается внутренность изобиліемъ винограда и другихъ овощей.

Къ спасенію нашему задулъ вѣтерокъ отъ SW, намъ способный отдалиться съ фрегатомъ отъ берега. Мы немедленно вступили подъ паруса и вышли въ открытое море. Я говорю къ спасенію нашему, потому, что если бы подулъ NO вѣтеръ, намъ нельзя бы было ни сняться, ни стоять на якорѣ, и самое малое бы было, если бы отрубили канатъ.

Февраля 8-го. Мы соединились съ «Ретвизаномъ» и «Еленою», а прочіе корабли эскадры занимали разные кордоны по берегамъ Республики. Командиръ приказалъ намъ гнаться за судномъ, и мы, поставивъ всѣ паруса, погнались. Едва черезъ десять часовъ успѣли догнать оное. Мы не знали, какой у него поднятъ флагъ; сперва сочли мы его за Гишпанца или за приватёра подъ чужимъ флагомъ и напослѣдокъ по домёкамъ узнали, что онъ изъ Тріеста. Спрашивали его на всѣхъ извѣстныхъ языкахъ, и тѣмъ кончилось, что принуждены были оставить его, потерявши сутки.

Февраля 9-го, по случаю болѣзни Павла Н. и Н. я принялъ вахту.

Февраля 13-го, мы пришли вмѣстѣ съ командиромъ и со всею эскадрою на видъ Корфы. Тутъ лавировали съ давно уже продолжающимися штилями, такъ что въ мою вахту поворотили оверъ-штагъ двѣнадцать разъ.

Февраля 14-го. На разсвѣтѣ мы снялись съ моря, на которое легли прошедшею ночью и пустились снова лавировать. Къ нашему счастію вѣтеръ отошелъ, и мы спустились въ бакштагъ; командиръ сдѣлалъ сигналъ выстроить линію. Наша эскадра пришла изъ крейсерства, въ продолженіе 14 дней штиля, кто безъ реевъ, кто безъ парусовъ, а всего чуднѣе наши Черноморскіе ходаки, хвалившіеся легкостію, показали намъ новые примѣры старины.

Февраля 17-го. Я сбѣжалъ на берегъ. Это были послѣдніе дни масленицы или карнавала; масокъ было столько же какъ и въ прежніе дни съ тою только разницею, что онѣ великолѣпнѣе были одѣты и имѣли больше блеску; нѣкоторыя также представляли кадриль, изъ которыхъ одна напоминала Республикѣ начало основанія оной, другая составлялась въ честь ихъ славныхъ людей, третья представляла мужиковъ, которые храбро оборонялись противу Французовъ. Все дышало, такъ сказать, чѣмъ-то похожимъ на рабовъ, которые представляютъ себѣ прежнихъ добрыхъ господъ.

Все это не можетъ сравниться съ прекраснымъ сегодняшнимъ балетомъ, котораго идея хотя и не замыслована, однакоже взята изъ Шотландской исторіи. Актеры меня удивили своими пантоминами. Signore

Fabris, сочинитель балета, игралъ прекрасно свою ролю; но чтобы вы, мои милые друзья, могли лучше разобрать, я скажу содержаніе балета.

Два Англинскіе лорда были влюблены въ двухъ дѣвушекъ; они женились или принуждены были жениться совершенно противно ихъ любви. Одинъ женился на любовницѣ другого, а тотъ на любовницѣ своего соперника. Они были разныхъ характеровъ; одинъ былъ добръ, другой мстителенъ. Нѣкоторый славной разбойникъ грабилъ окрестности жилья, гдѣ находились наши лорды. Теперь начинается балетъ тѣмъ, что доброй и немстительный лордъ попадаетъ съ своею женою въ руки разбойника, который предлагаетъ ему два условія: одно, что ежели онъ хочетъ спастись, долженъ уступить ему свою жену; другое же, если хочетъ быть неразлученъ, пристать къ ихъ шайкѣ. Фабрисъ игралъ ролю лорда, жену его играла Оливіерша, также довольно славная по Италіи балерина, разбойничьего атамана игралъ Оливіери, ея мужъ. Лордъ соглашается сдѣлаться разбойникомъ. Они выходятъ на промыселъ, и ему попадается прежняя его любовница, жена мстительнаго лорда; они наединѣ узнаютъ другъ друга. Signora Gaettani прекрасно представила свою радость, отчаяніе и надежду. Теперь идетъ развязка. Лордъ узнаётъ, что жена его въ рукахъ у разбойника, съ войскомъ окружаетъ ихъ, ловитъ атамана (лорда, своего соперника), его жену и свою также. Въ отчаяніи доносится правительству. Заключаютъ ихъ въ тюрьму, и онъ узнавъ, что его соперникъ находится также въ числѣ разбойниковъ, съ большимъ жаромъ вступается. Король наряжаетъ судъ, гдѣ главою находится отецъ того лорда, который сдѣлался поневолѣ разбойникомъ. Судъ происходитъ въ залѣ, гдѣ гвардія одного за другимъ представляетъ захваченныхъ разбойниковъ, между коими и добраго лорда. Отецъ узнаётъ его и сынъ также. Какая безподобная сцена! Ахъ, какъ рвалось мое сердце!.. Отецъ осуждаетъ своего сына, такъ какъ разбойника, къ смерти. Съ какими мученіями, съ какими выраженіями, съ какою чувствительностію подписывается приговоръ всѣхъ разбойниковъ! Эта сцена также хорошо разыграна. Мнѣ казалось, что они нѣмы и всѣ ученики абата Епе: такъ хороши были ихъ пантомины. Театръ представляетъ тюрьму, въ которой атаманъ ободряетъ свою шайку не робѣть висѣлицы. Между тѣмъ выводятъ атамана, прочіе уходятъ по угламъ темницы и засыпаютъ. Добрый лордъ мучается на театрѣ, пока отецъ его прокрадывается въ темницу. Онъ изъясняется съ сыномъ, признаетъ его невиннымъ; но какъ законы его осуждаютъ къ смерти, и онъ долженъ посрамить тѣмъ фамилію, съ твердымъ видомъ представляетъ ему ядъ. Сынъ принимаетъ, думаетъ, колеблется и отвергаетъ. Сѣдой старый лордъ ободряетъ его, уговариваетъ и предлагаетъ кинжалъ для окончанія жизни: новая безподобная сцена. Сынъ принимаетъ,

но проситъ прежде проститься съ женою. Отецъ отказываетъ, сынъ хочетъ заколоться, уже кинжалъ взнесенъ..... вбѣгаетъ его жена, онъ робѣетъ; она вырываетъ у него кинжалъ, его наконецъ совершенно обезоруживаетъ и отымаетъ бодрость. Въ продолженіе суда, жена мстительнаго лорда представляется королю, умоляетъ его простить лорда, какъ невиннаго и поневолѣ вступившаго въ сіе ремесло; наконецъ успѣваетъ въ своемъ стараніи, и король прощаетъ его. Теперь, когда происходитъ борьба между честію и любовію, она вбѣгаетъ въ темницу съ манифестомъ. Какая трогательная картина! Музыка одна только тутъ дѣйствовала, и балетъ кончится тѣмъ, что мстительной лордъ не хочетъ знать больше свою жену; но, будучи убѣжденъ ея невинностію и укоряемъ ревностію, примиряется съ добрымъ лордомъ. Не знаю, други мои, чтó больше бы меня растрогало, драма ли Коцебу или сей балетъ?

Февраля 18-го. Сего дня на театрѣ мужики представляли свой балетъ въ честь ихъ храбрости, однакоже къ ихъ несчастію были освистаны....

Февраля 19-го. Прощеный день. Я оставался на фрегатѣ старшимъ. Въ вечеру большая часть служителей приходила ко мнѣ, какъ къ командующему, проститься; иные такъ говорили, что, любя насъ, т. е. офицеровъ, всякаго непріятеля побѣдятъ; другіе хотятъ скорѣе всѣхъ крѣпить паруса; но какъ всѣ они говорили согласно съ чувствами, я позволилъ имъ пѣть и каждому далъ по двѣ чарки краснаго вина. Я нарочно записалъ сей случай для того, чтобы показать, что Русской тогда только искрененъ, когда онъ пьянъ. Офицеры пили пуншъ, и къ полуночи мало, я думаю, кто бы не былъ пьянъ и не заговѣлся, какъ говорится, по христіански.

Февраля 24-го. Сегодня мы ѣздили на губу, называемую Гуви; она находится верстахъ въ 10 или 12 отъ нашего фрегата. Тутъ всѣ почти капитаны съ эскадры сбираются смотрѣть на рыбную ловлю. Между прочими кромѣ съ нашего фрегата, «Ретвизана» и «Елены» никого не было. Пока ловили рыбу и готовили обѣдъ, я съ нашимъ докторомъ пошелъ осматривать развалины.

Гуви есть прежнее адмиралтейство, въ которомъ Венеціане содержали свой флотъ. Французы, овладѣвши островомъ, разорили до конца; однакоже еще и теперь остались три голандіи почти не поврежденныя; домъ, въ которомъ жилъ ихъ адмиралъ, представляетъ одни только стѣны. Въ церкви теперь держатъ скотину, однакоже я нашелъ много надписей, между тѣмъ одну, которая показывала основаніе адмиралтейства 1734 года. Обывательскіе дома всѣ почти развалились. Но какой видъ, какое прекрасное положеніе губы при сихъ развалинахъ! Можно сказать, рѣдко гдѣ найти можно на всемъ островѣ. Повсюду видны то мо-

настыри, то маленькія мызы; дорога, которая ведетъ въ Корфу, вымощена камнемъ и если бы не безпрестанныя горы, показалась бы лучшею изъ дорогъ, однакоже по единообразію случающихся на ней селеній мало имѣетъ занимательнаго. Мы выѣхали довольно поздно; одна часть изъ насъ пошла берегомъ до рѣчки, другіе же, въ томъ числѣ и я, поѣхали на шлюпкѣ. Мы пристали въ рѣчкѣ, черезъ которую лежитъ порядочной каменной мостъ, отъ него мы пошли къ городу и, не доходя версты за двѣ въ селеніи, мы сѣли на шлюпку. Я удивился неосторожности, съ какою обходятся здѣсь съ огнемъ: маленькіе мальчики съ лучинами въ рукахъ провожали насъ къ пристани. Кипарисъ пылалъ у нихъ въ рукахъ, искры летѣли въ сторону и разносились по улицѣ. Удивительно, какимъ образомъ не загорѣлась трава. Однакоже не подумайте, друзья мои, чтобы это было для насъ: они всякій вечеръ такъ забавляются.

Февраля 27-го. Я былъ на берегу вчера, такъ какъ вчера было Воскресенье, при томъ у насъ въ Россіи важное. Мнѣ хотѣлось посмотрѣть службы, послать письмо черезъ г-на Лашкарева къ тебѣ, милой мой другъ Михайло Сергѣевичъ; въ этомъ я успѣлъ, и мое письмо пошло черезъ г-на Куцука. Г. Лашкаревъ тотъ самой, которому Макс. Петр. показалъ столько благодѣяній. Будучи роднею здѣшнему консулу Бенакѣ, онъ находится при немъ; онъ меня познакомилъ съ нимъ, и я видѣлъ великолѣпіе здѣшнихъ лучшихъ домовъ. Кромѣ самой простой мебели, грязнаго пола, безъ всякаго вкуса расписанныхъ покоевъ я ничего не примѣтилъ, и мнѣ кажется какъ наружность, такъ и внутренность жилищъ самыхъ знатныхъ, богатѣйшихъ, походитъ на Петербургскія конюшни или дровяные сараи.

Отъ Бенаки я пошелъ къ разводу, гдѣ было ученіе Витебскому полку, а отъ него пошелъ въ Старую крѣпость. Черезъ подъемной мостъ на рву, я подошелъ къ воротамъ и, вступя въ оные на площадь, представились взору моему самыя великолѣпныя, какъ наружностію, такъ и внутренними сѣнями, палаты. Подлѣ ихъ стоялъ монументъ какого-то Венеціанскаго графа, довольно хорошо выработанный изъ мрамора, но какъ со мною не было записной книжки, то скоро позабылъ его имя вырѣзанное на подножіи. Отъ монумента въ крѣпость проходятъ черезъ сѣни великолѣпнаго зданія, о которомъ я упоминалъ. Черезъ нихъ я взошелъ въ тѣсной темной коридоръ и прошелъ имъ на небольшую площадь. Тутъ маленькій подъемный мостикъ привелъ меня къ самымъ воротамъ крѣпости, надъ коими надписано Citadella. Мои друзья, цитадель основана на самой высокой горѣ о двухъ холмахъ, и сказанные мною мосты идутъ съ одной высокости на другую, а между ими видна страшная пропасть. Тутъ за воротами представилось мнѣ

нѣсколько развалинъ и домовъ для офицеровъ, и еще одни ворота съ надписью Porta Rochele (читай поитальянски). Изъ нихъ темной, сырой и сажень въ 15 коридоръ вывелъ меня на лѣстницу, и я добрался новой продолговатой и прекрасной площади, съ которой видны были по низу казармы и другія жилища, принадлежащія къ крѣпости. Она столь обширна, что всѣ жители могутъ помѣститься безъ всякой тѣсноты; снабжена множествомъ колодезей съ порядочною водою; и къ тому же непріятелю, кромѣ долговременной осады, не остается другихъ средствъ къ завоеванію. Такихъ двѣ крѣпости въ Корфѣ, и я упомянулъ уже объ одной; теперь скажу о другой. Съ площади по узенькой, извилистой тропинкѣ втащился я на одинъ холмъ крѣпости, гдѣ поставленъ телеграфъ. Съ сего холма можно видѣть открытое море, и зрѣніе простирается по крайней мѣрѣ на 20 миль. Другой холмъ обдѣланъ почти четвероугольно; нѣкоторыя стороны крѣпости также обдѣланы плитою. Съ холма, на которомъ я былъ, видны всѣ окружности острова и Албанскія горы, у которыхъ верхи украшены снѣгами. Корфа представляла мнѣ много дикаго и очень мало пріятнаго. Мы спустились на низъ и тою же дорогою вышли изъ крѣпости. Разводъ только что кончился. Одинъ изъ знакомыхъ намъ армейскихъ офицеровъ, а именно г. Зыбинъ, пригласилъ насъ къ себѣ; отъ него пошли мы слушать пріѣзжаго сюда пастора или лучше монаха - Католика. Ничего нельзя представить себѣ смѣшнѣе его театральныхъ жестовъ и вида, съ какимъ онъ говорилъ проповѣдь, болѣе двухъ часовъ продолжавшуюся; при всемъ томъ онъ говорилъ умно и основательно, и сіи смѣшные театральные жесты придавали нѣкоторую силу его предикѣ. Удивительно какіе смѣлые были жесты! Иногда онъ схватывалъ свое одѣяніе, трясъ имъ, напослѣдокъ стучалъ жестоко кулакомъ по своей каѳедрѣ; иногда же съ прекраснымъ умиленіемъ обращался къ простому. Тутъ слезы были у него на рѣсницахъ!.... Не могъ допроситься я его имени и оставилъ мое замѣчаніе до другаго Воскресенія. Послѣ обѣдни мы пошли на катеръ, но увидѣли одного также армейскаго офицера, который увѣдомилъ насъ, что любезная signora Gaettani сію минуту выѣхала въ Неаполь. Мы погнались за ея судномъ, верстахъ въ 6 догнали его и простились съ нашею знакомкою. Она не возвратится болѣе въ Корфу, потому что театръ здѣсь кончился, и нанялись уже другіе актеры. Упомянувъ о Gaettani, надобно признаться, что она добрая и умная женщина; мнѣ случилось быть у нея въ домѣ. Она нанимала прекрасные покои, и нескучно было проводить съ нею время, не опасаясь укоризнъ совѣсти. Она жила здѣсь крайне цѣломудренно.

Марта 4-го. Я съѣзжалъ на берегъ, не въ городъ, но подлѣ моста, о которомъ я упомянулъ, мы пристали. Отсюда прошли мы прекрас-

ными садами до самаго селенія, находящагося на горѣ, верстахъ въ 5 отъ берега. Тутъ кромѣ довольно пріятнаго мѣстоположенія нѣсколькихъ монастырей и худаго вина мы ничего не нашли.

Кажется, друзья мои, вы сдѣлаете мнѣ вопросъ, почему до сей поры не сказалъ я вамъ ничего о времени основанія Корфы, ея произрастаніи, торговлѣ и прочемъ; но вы удивитесь, если я скажу, что и многіе офицеры, которые здѣсь уже по пяти лѣтъ живутъ, не знаютъ ничего порядочнаго; даже самые жители столь худо помнятъ свою исторію, что едва всѣ ихъ разсказы не походятъ на сказку. Здѣсь нѣтъ никакихъ печатныхъ книгъ, кромѣ афишекъ для театра; потому простительно ли мнѣ будетъ, если я до сей поры не далъ вамъ порядочнаго понятія о Греческой республикѣ. Поитальянски я уже столько разумѣю, что могъ бы понять книгу; но и того здѣсь рѣдко найти можно. Теперь я пишу только о томъ, что̀ видѣлъ и что̀ я понимаю.

Марта 2-го. Командоръ приказалъ намъ обучать служителей стрѣлять въ цѣль, для того отпустили намъ особливую пушку и дали ядеръ. Мы отошли отъ эскадры и стали гороздо далеко отъ города. Вчера пришелъ Англинской бригъ.

Марта 5-го. Я былъ въ Гуви; но прежде мы пристали въ самомъ богатѣйшемъ и лучшемъ саду на всей Корфѣ. Тамъ, между прекраснѣйшими лимонными и апельсинными деревьями, стараньями неусыпнаго хозяина сдѣлана была на гору каменная дорога, довольно прекрасные домики и тому подобное; все это было не богато, но примѣтно, что оно стоило немалыхъ денегъ. Въ прошедшую войну Французы ограбили и опустошили домъ и садъ, однако самое теперешнее его состояніе доказываетъ, каково оно было прежде. Отсюда мы прошли къ Гуви, около всей губы, что̀ составитъ по крайней мѣрѣ Нѣмецкую милю; здѣсь мы шутили и просидѣли до самаго вечера, а тутъ принялись снова ходить, пока совершенно выбились изъ силъ. Все наше путешествіе состояло по землѣ, на которой повсюду раскиданы были масляничныя деревья, составляющія главную отрасль здѣшней торговли; виноградъ не разчищенный, растущій безъ всякаго призрѣнія, нерѣдко намъ попадался; прочія растенія были нѣкоторой родъ шиповника и другія полевыя травы. Здѣсь теперь зима, потому ничего нельзя примѣтить цвѣтущаго, погода бываетъ по большей части пасмурная или дождливая; между тѣмъ съ начала Марта она начинаетъ поправляться, и случаются довольно несносныя жары, однако зелень какъ будто въ исходѣ осени и едва поправляется. Я видѣлъ столѣтнее дерево, которое въ чрезвычайной у насъ рѣдкости, и кромѣ Ранинбовскихъ *) парниковъ нигдѣ нѣтъ; оно неумѣренной толщины и высоты, распускаетъ одни листья, похожіе

*) Т. е. въ Ораніенбаумѣ. П. Б.

на кокосовые или пальмовые; сіи листья бываютъ въ длину около трехъ футовъ, толщиною же въ дюймъ и болѣе. Жители варятъ ихъ такъ, какъ мы тыквы, и вкусомъ они походятъ на нихъ.

Марта 7-го. Сегодня командоръ былъ на нашемъ фрегатѣ, любовался, съ какимъ искусствомъ наши служители стрѣляли въ цѣль. И въ самомъ дѣлѣ, изъ шестнадцати выстрѣловъ три ядра попали въ бочку на разстояніи 150 сажень. Послѣ ученія командоръ просилъ нашего капитана пріѣхать къ нему для полученія приказаній; онъ возвратился около полудни на фрегатъ и объявилъ, что мы назначены отправиться въ Тріестъ съ пассажирами, а главная цѣль, чтобы отвезти туда куріера, отправляющагося въ Россію. Въ вечеру пріѣхалъ нашъ Россійской министръ графъ Моцениго, съ двумя женщинами и множествомъ мущинъ: они обѣщали вскорѣ перебраться, а мы были не слишкомъ довольны родомъ нашихъ пассажирокъ, ибо одна была его любовница, а другая здѣшняго театра балерина г-жа Оливіери.

Марта 8-го. Поутру привезли на двухъ барказахъ множество принадлежащаго имъ экипажа. Мы почитали сперва, что вскорѣ пріѣдутъ наши пассажирки, однакоже едва могла дождался ихъ; онѣ пріѣхали въ сопровожденіи множества мущинъ и женщинъ. Командоръ также пріѣзжалъ и увѣрилъ, что самъ министръ вторично будетъ на нашъ фрегатъ; но къ счастію нашему онъ не пріѣхалъ; мы, дождавшись всей сволочи, снялись съ якоря около полудня, направили всѣ наши паруса и пустились въ Тріестъ съ курьеромъ и на курьерскихъ. У насъ были пассажиры: г-жа Оливіери съ мужемъ и съ матерью, г-жа Тереза Фрекази, любовница г-на Моцениги и первая пѣвица прежняго театра, въ третьихъ ея кавалеръ или лучше чичисбей (для того, что здѣсь всякая почетная женщина непремѣнно должна имѣть своего cavalero servento), г. Бенкендорфъ *), курьеръ отправленный съ бумагами съ своимъ слугою, и еще одинъ молодой вояжиръ. Всѣ это господа должны быть, какъ кажется, на нашемъ содержаніи. Около вечера мы стали выходить изъ узкостей Корфы и ночью были въ открытомъ Адріатическомъ морѣ.

Марта 13-го. Въ эти дни погода удивительно перемѣнилась, такъ холодно, какъ у насъ въ Россіи выдаются дни въ Сентябрѣ или Ноябрѣ. Пассажирки наши чувствовали морскую болѣзнь, и ни одна изъ нихъ не показывалась.

---

*) Это былъ молодой питомецъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, Александръ Христофоровичъ, впослѣдствіи столь извѣстный въ Россіи. Онъ объѣздилъ съ Шпренгпортеномъ почти всю Россію до Тобольска, плавалъ въ Архипелагѣ и теперь кончалъ свое путешествіе. П. Б.

Марта 17-го. Я писалъ къ вамъ, друзья мои, письма, которыя надѣюсь отправить къ вамъ черезъ г. Бенкендорфа. Мы спрашивали Рагузское судно, которое ни о чемъ насъ не увѣдомило. Намъ попадались и другія суда, но они далеко отъ насъ проходили.

Марта 19-го. Молодой вояжиръ удивительно скромный и даже несговорчивый, сидѣлъ на сѣткѣ; я съ всевозможною осторожностію старался вывѣдать, кто онъ и наконецъ успѣлъ. Надобно же, чтобы судьба была такъ снисходительна и допустила узнать въ пути Андрея Михайловича Корнѣева, твоего, Алексѣй, товарища, о коемъ мы говорили столько добраго. Три года тому онъ ѣздитъ изъ города въ городъ съ генераломъ Шпренгпортеномъ. Теперь тотъ выхлопоталъ ему три тысячи рублей ежегоднаго содержанія, и Корнѣевъ хочетъ вояжировать по Италіи. Онъ объѣхалъ всю Сибирь, Архипелагъ, видѣлъ даже до маленькой пылинки всѣ развалины Аѳинъ, Ефеса и проч. и нарисовалъ триста видовъ, которые будутъ представлены Государю.

Марта 20-го. Наконецъ судьба наша перемѣнилась: намъ сдѣлался благополучный вѣтеръ! Мы ну бѣжать, бѣжать, мимо прекраснѣйшаго городка Равины, Фонтанте и другихъ. Подъ вечеръ пришли въ Тріестъ. Весь берегъ провинціи Римскаго Императора, называемый Фріуль, имѣетъ обворожительный видъ, всюду вы увидите прекрасные города; между ними можно сказать разсыпаны или цѣлыя селенія или одни дома большіе и малые, бѣло на бѣло выбѣленные. Таковаго мѣста надобно искать и въ самой Италіи. Изъ Фонтанте выѣхала къ намъ лодка, на которой пріѣхали офицеръ имперской и еще чиновникъ; спрашивали откуда мы, куда идемъ, какъ зовутъ, сколько людей и пушекъ. Мы послѣдніе пункты обратили въ шутку и отвѣчали, что у насъ ихъ до ста, а людей перечесть нельзя; между тѣмъ офицеръ сказалъ, что ихъ три канонерскія лодки крейсеруютъ. Въ 5 часовъ послѣ полудня бросили якорь подлѣ Американскаго фрегата, противу самаго Тріеста, не болѣе ста сажень отъ пристани. Къ намъ тотчасъ пріѣхала карантинная лодка, запретили въѣзжать на берегъ, брандвахта снялась съ якоря и начала около насъ ѣздить. Къ намъ пріѣхалъ консулъ нашъ г. Пелигрини, и на первый разъ запретилъ цѣлые 21 день имѣть сообщеніе съ городомъ, кромѣ карантина. Нашъ офицеръ вмѣстѣ съ Бенкендорфомъ поѣхали въ карантинъ и тамъ сказали, что мы шли изъ Корфы 40 дней, почему намъ оставили карантинъ на 14 дней, и отправили съ увѣдомленіемъ въ Вѣну. Такимъ образомъ мы только смотримъ на Тріестъ. А съ какимъ желаніемъ плыли!

Марта 21-го. Всѣ наши покупки были черезъ нашъ Россійскій бригъ, называемый Bonna Sorta; онъ военный и за три недѣли прежде насъ посланъ былъ съ г. Шпренгпортеномъ; карантинъ продавалъ всѣ

провизіи для насъ за непомѣрную цѣну. Какъ жалко было слушать случившееся съ генераломъ: на пути шкваломъ накренило бригъ, такъ что онъ зачерпнулъ; жена его спала и была уже на износѣ (т.-е. должна скоро родить). Вода полилась на палубѣ и потопила каюту; все загремѣло, жена его проснулась, ахнула и родила. Бригъ на третій день пришелъ въ Тріестъ; ему, ничего не уважая, назначили выдержать карантинъ три недѣли. Свезли генерала съ женою на берегъ въ карантинный домъ. Если это въ карантинѣ, то должно непремѣнно другъ отъ друга удаляться. Итакъ больную его жену положили на постель. Мужъ не можетъ къ ней подойти ближе какъ на сажень. Самъ докторъ, котораго прислалъ губернаторъ, длиннѣйшими щипцами щупалъ пульсъ и подавалъ къ ней ѣсть и пить на лопатѣ или щипцами. Не подумайте, друзья мои, чтобы она была заразна, нѣтъ; карантинной законъ таковъ, что нельзя другъ къ другу подходить. И въ самомъ дѣлѣ, оно справедливо, что и выздоравливающій, неосторожно коснувшійся зараженнаго, можетъ получить заразу. Бѣдный генералъ, каково было тебѣ три недѣли!

Марта 22-го. Видъ Тріеста пріятный. Городъ построенъ при подошвѣ горы. Архитектура строеній пріятная и правильная. На набережной находится зданіе съ Іоническими колонами, портикомъ и карнизомъ, кругомъ бельведера стоятъ статуи порядочной работы; они, какъ кажется, изображаютъ разные символы торговли; надъ куполомъ сгораетъ Фениксъ. Мнѣ очень полюбилась наружность этого зданія, и я увѣренъ, что внутреннее его расположеніе еще больше бы полюбилось. Не одно было это зданіе, которое привлекало наше вниманіе; много другихъ домовъ представляются также по берегу, не уступающихъ нимало въ величинѣ и вкусѣ нашимъ Петербургскимъ, а особливо всѣ дома кажутся гораздо пріятнѣйшими своими ставнями, которыя не глухіе сдѣланы, но какъ наши жалузи́; каждый этажъ даже самые антресоли закрываются въ лѣтнее время однѣми только ставнями. Чистота жителей представляетъ трудолюбіе и дѣятельность, и, правда, можно отдать справедливость въ опрятности: лучше даже Англійскихъ городовъ. Есть за городомъ множество садовъ, но они не велики и почти натисканы, вмѣсто деревьевъ, статуями. Тріестъ защищается двумя старинными крѣпостями построенными надъ самымъ городомъ. Но на нихъ, я думаю, нѣтъ ни пушекъ, ни войска. Когда мы стали на рейдѣ и переговорили съ карантинною лодкою о салютѣ, мы хотѣли палить только семь пушекъ; но карантинный просилъ сколько можно болѣе, на что съ крѣпости станутъ отвѣчать ровнымъ числомъ; намъ никакъ нельзя было согласиться палить болѣе девяти. Назначили намъ часъ, въ которомъ палить. Надобно же было отвѣчать имъ девятью выстрѣлами изъ двухъ пушекъ,

что̀ продолжалось почти полчаса. Изъ сего можно судить, что военное ремесло не есть дѣло торговаго города.

Вечеромъ мы поѣхали кататься на шлюпкѣ и на пути вздумали посмотрѣть расположеніе карантина; мы пристали къ воротамъ, подъ которыми проѣхали въ узенькой бассейнъ. Карантиновъ въ Тріестѣ два, одинъ въ городѣ, а другой за городомъ; въ послѣднемъ мы пристали. Сперва вышли мы на чистый дворъ, окруженный со всѣхъ четырехъ сторонъ высокими стѣнами. Тутъ было немало народа, который однакоже насъ бѣгалъ, конечно слѣдуя обряду. На дворѣ была часовня, въ которой служатъ для содержащихся въ карантинѣ; престолъ ея былъ весьма хорошо убранъ Распятіемъ и къ нему принадлежащими лицами изъ мрамора. Колодезь имѣетъ прекрасную воду, какою снабжаетъ рѣка, текущая через Тріестъ. О насъ доложили пріору или начальнику карантина; къ намъ вышелъ человѣкъ лѣтъ осмидесяти, съ которымъ говорить для насъ стоило немалаго труда, какъ онъ говорилъ по итальянски, общимъ языкомъ въ Тріестѣ. Пріоръ далъ намъ человѣка, который изъ одного двора водилъ на другой; наконецъ привелъ къ судамъ, которыя пришли изъ Смирны и другихъ мѣстъ и держатъ карантинъ. Мы напослѣдокъ были на кладбищѣ, гдѣ хоронятъ умирающихъ заразою; показывали также намъ покои, которые опредѣляются для чиновниковъ содержащихся въ карантинѣ. Есть также и садъ, но мы не видали его. Всюду мы находили исправность и благоразумную предосторожность, чтобы отъ одного зараженнаго не пострадали не только другіе, но, можетъ быть, цѣлый городъ или еще и самое государство. Часовые и прислужники карантина не показались для насъ такими страшными, какими описалъ Павелъ Сумароковъ нашихъ прислужниковъ карантина въ Очаковѣ. Тамъ онъ говоритъ: въ покоѣ, гдѣ находились зараженные, стояли на часахъ каторжные одѣтые въ черное кожаное платье съ предлинными бердышами. Здѣсь, напротивъ, мы видѣли только пріятныя лица, одѣтыя въ обыкновенное платье.

Для Тріестцевъ всякое военное судно есть сущая рѣдкость, потому неудивительно, что нѣсколько десятковъ яликовъ съ утра и до вечера около насъ ѣздили. Американскій фрегатъ, выдержавшій уже конвой, былъ, такъ сказать, безпрестанно натисканъ любопытствующими, и нашъ фрегатъ, если бы не находился въ карантинѣ, также не остался бы безъ посѣщающихъ. Надобно вамъ объяснить сію непомѣрную по видимому строгость. Въ Средиземномъ морѣ кораблеплаваніе производится большею частію на Азіатскихъ и Африканскихъ берегахъ хлопчатою бумагою и матеріями, шелкомъ и прочими вещами, которыя принимаютъ и удерживаютъ заразу, происходящую болѣе отъ испареній и нечистоты, какая находится у людей живущихъ ка Архипелагѣ и въ Ту-

рецкихъ владѣніяхъ. Даже самыя военныя суда, находясь въ морѣ, хотя очень рѣдко, однако заражаются черезъ самую малую оплошность. Въ сіе время повѣтріе свирѣпствуетъ въ *Бока-ди-Катаро* и другихъ Албанскихъ мѣстахъ. Тріестцы въ предосторожность свою налагаютъ карантинъ всякому судну, смотря откуда оно пришло, сколько было въ морѣ и какіе привезли товары. Не только карантины находятся въ Тріестѣ, но и во всѣхъ портахъ, смежныхъ съ Архипелагомъ и Турціею, куда бы вы ни пришли, даже въ самую Корфу, и тутъ есть карантины.

Марта 23-го. Поутру я ѣздилъ смотрѣть карантинъ находящійся въ городѣ, также на берегу и окруженный или стѣнами непомѣрной высоты или магазинами, въ которыхъ складываются товары. Мы пришли на дворикъ, которой имѣлъ открытую залу, раздѣленную по серединѣ двумя стѣнами вышиною фута въ четыре, разстояніемъ одна отъ другой на сажень. Съ открытой стороны стоятъ находящіеся въ карантинѣ, съ другой же за стѣною здоровые и приходящіе съ товарами. Если что надобно купить, нельзя взять въ руки посмотрѣть, но должно одними глазами узнать доброту и потомъ торговаться. Мы спросили кофію, намъ подали немедлено на лопатѣ; но мы приказали отнести въ горницу, ибо въ открытой залѣ находилось всякихъ націй людей болѣе трехъ сотъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ палочку и ею отталкивалъ кто близко къ нему подойдетъ. Насъ ввели въ маленькую горницу, у которой было также двѣ стѣнки и съ нашей стороны высокая проволочная рѣшетка; здѣсь можно говорить секретно съ кѣмъ ты хочешь изъ жителей. Этотъ карантинъ оставляется для однихъ только тѣхъ, которые хотятъ имѣть сообщеніе съ городскими жителями. Впрочемъ преступившій правила карантина или покусившійся какимъ бы то ни было средствомъ войти въ городъ казнится смертію; это разсказывалъ намъ Корфинскій лоцманъ и такъ называемый guarda (досмотрщикъ), присланный къ намъ отъ города; онъ долженъ все что̀ намъ бы ни понадобилось доставать.

Послѣ обѣда Ник. Алекс. посылалъ меня спросить у Американскаго фрегата имя и откуда онъ пришелъ. Мнѣ сказалъ тамошній лейтенантъ (спустясь на трапъ, для того что мнѣ нельзя было къ нему пристать), что они пришли изъ Бостона съ конвоемъ, имя фрегата Лесексъ (L'Esexe); онъ отправляется черезъ нѣсколько дней въ Сиракузы. Надобно сказать, что я еще первой фрегатъ вижу такъ отдѣланный, просторный и красивый каковъ былъ этотъ. Онъ имѣлъ 42 пушки. Въ заключеніе Американецъ сожалѣлъ, что мы не можемъ видѣться и выпить рюмку вина вмѣстѣ. Мундиръ ихъ великолѣпенъ: синій и съ золотыми петлицами, весьма красивый.

Передъ вечеромъ нашимъ пасажиркамъ и Бенкендорфу вышло поз-

воленіе перебраться въ карантинъ. Андрей Михайловичъ также разстался съ нами, и мы отвезли ихъ всѣхъ въ карантинъ, который за городомъ. Тутъ распрощались мы дружески и, оставя ихъ выдержать трехнедѣльное заключеніе, возвратились на фрегатъ и стали сниматься. Увѣдомили пушечнымъ выстрѣломъ городъ, а къ консулу послали офицера. Пока онъ возвратился, мы коротенькими гальсами ходили около Американца. Консулъ прислалъ бумаги, и мы, наполня паруса, разстались съ Тріестомъ, на который мы только смотрѣли. Мы слышали новости, будто уже объявлена война Французамъ и Шведамъ, которые соединились съ Прусаками и хотятъ съ нами потягаться.

Г. Бенкендорфъ взялся доставить къ Макс. Петр. мои письма, въ которыхъ была также предлинная повѣсть и къ вамъ, мои милые друзья.

Марта 24-го. Вѣтеръ, который благодѣтельствовалъ пустившимся за нѣсколько часовъ передъ нами, вдругъ стихъ и по продолжительномъ штилѣ обратился въ противную сторону. Мы продолжали лавируя нашъ путь подлѣ красивыхъ береговъ Истріи.

Марта 26-го. Должно сказать, что время, которымъ мы здѣсь почти безпрерывно наслаждаемся, едвали можетъ сравниться съ прекрасными Майскими днями на нашей святой Руси. Не только мы не помнимъ какого жестокаго вѣтра, но даже дожжа или грому; одна зарница каждый вечеръ по захожденіи солнца увеличиваетъ велелѣпіе натуры.

У насъ произошла на фрегатѣ размолвка, которая никогда и никѣмъ не была ожидаема. Я вступилъ на вахту.

Марта 29-го. Я стоялъ въ жестокій вѣтеръ на вахтѣ; онъ забивалъ насъ изъ парусовъ. Удивительное свойство Адріатическаго моря состоитъ въ томъ, что вѣтеръ, какъ бы ни былъ силенъ, рѣдко можетъ произвести волненіе; сила его даже до того увеличивается, что почти невозможно смотрѣть прямо противу вѣтра, между тѣмъ море едва колеблется. Причиною можетъ быть узкость самого залива и непомѣрная высота береговъ, между коими оно течетъ.

Мы послѣ крѣпкаго вѣтра, который продолжался только нѣсколько часовъ, находились на самой срединѣ противу островка Помо̀.

Марта 31-го. Началъ слегка дуть вѣтерокъ намъ попутной; мы видѣли нѣсколько судовъ показавшихся намъ купеческими.

Апрѣля 1-го. Мы смѣялись и обманывали другъ друга, а между тѣмъ подвигались весьма медленно.

Апрѣля 4-го. Мы простояли цѣлой день на якорѣ; вѣтръ шумѣлъ между снастями нашими, какъ будто бы въ жерлѣ какой пещеры. Отъ насъ поѣхалъ катеръ, но принужденъ былъ возвратиться, не могши пе-

ресилить греблею теченіе, казавшееся намъ легкимъ; впрочемъ было довольно быстро.

Апрѣля 5-го. Казалось, вѣтръ утихъ, но противное теченіе все еще продолжалось; катеръ, поѣхавшій отъ насъ съ бумагами во флотъ, примѣтно впередъ подвигался и вѣроятно доѣхалъ. Около обѣда нѣкоторые изъ нашихъ офицеровъ, взявши неводъ, поѣхали къ островамъ прилежащимъ къ Албанскому берегу ловить рыбу. Они закинули неводъ, съ ними случилось самое смѣшное приключеніе. Ихъ было, считая съ гребцами, около 25 человѣкъ, а одинъ молодой Албанецъ, вооруженный съ ногъ до головы, подошелъ къ судамъ и какъ бы повелитель надъ островомъ требовалъ дани—рыбы; наша смѣна указывала ему на пустой неводъ. Онъ, не оставляя своего требованія, вынулъ изъ за пояса пистолетъ и, подошедши къ лоцману, грозилъ его убить, если не отдастъ ему своего кушака и фуфайки. Лоцманъ былъ не трусъ и самъ неоднократно грабливалъ, отказалъ въ его требованіи. Албанецъ приготовился выстрѣлить, какъ подошли другіе Албанцы и уняли нашего храбреца. Теперь судите, какова смѣлость сего молодаго человѣка. Весь берегъ, населяемый Албанцами, производитъ такихъ удальцовъ. Они одинъ передъ другимъ гордятся своимъ грабительствомъ; впрочемъ нѣтъ у нихъ, кромѣ исправнаго оружія, ни чистаго платья, ни покойнаго жилища. Столица довольно обширной провинціи называется Яни, гдѣ въ сіе время живетъ владѣтель оной Али-паша. Третьяго года газеты весьма распространялись о его убійствахъ и политикѣ.

Апрѣля 9-го. Всѣ дни Страстной недѣли въ городѣ происходили безпрестанныя процессіи и такъ что послѣ Католической наслѣдствовала Греческая. Въ Пятницу носили мощи святаго Спиридонія, а вчера поутру гробъ Іисуса Христа, который походилъ на великолѣпной столъ съ ножками. Я былъ въ церкви, гдѣ лежатъ мощи св. Ѳеодоры, у нея нѣтъ головы, и мощи ея найдены въ одно время съ мощами св. Спиридона. Мнѣ сказывали, что на островѣ едва ли не всякая церковь имѣетъ мощи или образъ какого либо святаго, который имѣетъ своихъ обожателей.

Вы, друзья мои, проводите сей день конечно съ гораздо бо̀льшимъ удовольствіемъ, нежели мы; потому что вы или сами находите пріятелей вашихъ радующихся или раздѣляя удовольствіе собственно съ собою, наслаждаетесь больше нежели удовольствіемъ. Каково же мнѣ, мои любезнѣйшіе, въ странѣ, гдѣ всѣ чужіе; самые товарищи не могутъ занять сердца, которое находитъ однихъ васъ достойными своей привязанности. У заутрени, которая также была на нашихъ судахъ, какъ и у васъ, я искалъ кого бы поздравить съ такимъ днемъ для христіанства, но всѣ казались мнѣ чужими. Друзья и родственники, васъ бы хотѣлъ

я обнять, и слова *Христосъ Воскресе* вырвались бы у меня отъ добраго сердца.

Апрѣля 13-го. Мнѣ случилось видѣть сего дни одного Грека, съ которымъ просидѣлъ я въ казино (трактирѣ) нѣсколько часовъ, не взирая на отвращеніе, какое я питаю къ здѣшнимъ жителямъ. Онъ разсказывалъ мнѣ, что доходы острова, полагая за одно деревянное масло, отпускаемое за границу, простираются до полумиліона талеровъ. И такъ разчисливши на число жителей острова (считается изъ 50 тысячъ) придетъ на каждаго 10 талеровъ на годъ. Безъ сомнѣнія доходъ не великъ въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ можно бы было доставать отъ трудолюбія жителей; но онъ однакоже будетъ достаточенъ для нѣкоторыхъ издержекъ республиканцевъ. Приложить къ сему доходъ отъ вина изъ пшеницы и, кажется, здѣшніе жители должны быть не бѣдными; они въ самомъ дѣлѣ довольно богаты, но одѣваются такъ скудно, по привычкѣ быть замарашками.

Апрѣля 23-го. Мнѣ случилось сегодня снова видѣть того же Грека, съ которымъ я видѣлся нѣсколько тому дней. Онъ возобновилъ свой разговоръ, и вотъ вамъ что̀ между нами происходило. Острова Греческой республики Корцира, Цефалонія, Сентамавра, Зантъ, Фанно и прочіе каждые три года присылаютъ въ столицу или лучше одинъ только городъ въ республикѣ каждый депутата; этотъ депутатъ засѣдаетъ въ Сенатѣ, и всѣ вообще сенаторы рѣшатъ дѣла касательно до республики. Кажется, что здѣшніе сенаторы и самый principe (иначе глава Сената) люди безъ дальнихъ свѣдѣній и самые бѣдные, потому всякая почти нація можетъ склонять правленіе республики въ свою пользу; что же касается до гражданъ, изъ нихъ каждый имѣетъ личныя выгоды. Польза такой бѣдной республики до нихъ не касается и—Греку все равно, Турокъ ли, Венеціанинъ ли, Россіянинъ ли будетъ ихъ покровительствовать; лишь бы могъ помочь бѣднымъ Грекамъ. Республика не имѣетъ своихъ денегъ. Здѣсь ходятъ Венеціанскія, Турецкія и Албанскія деньги. Талеръ есть 140 паръ, піастръ 40 паръ, чехинъ имѣетъ 8 и до 9 піастровъ; узлугъ равняется съ нашимъ рублемъ; а какъ здѣсь большею частію узлуки и двухпіастровые и даже доли узлука имѣютъ болѣе почти мѣди и свинцу, то появляется множество фальшивыхъ; ибо изъ талера можно сдѣлать два-три узлука, смотря какъ вздумается мастеру фальшивыхъ денегъ. Золото всѣхъ націй принимается на вѣсъ.

Апрѣля 24-го. Вчера случился у насъ на Балтійской эскадрѣ странной случай, изъ котораго видно пристрастіе командира къ Англичанамъ. Я не буду говорить объ этомъ въ моемъ журналѣ, но примѣръ этотъ останется всегда у меня въ свѣжей памяти.

Апрѣля 26-го. Мы (разумѣется Автроильскіе) дали небольшой пиръ для нашихъ пріятелей въ Корфѣ и для друзей на «Еленѣ» и «Венерѣ» («Ретвизанскіе» къ намъ не мѣшаются). Тутъ мы были веселы и такъ довольны, что я самъ даже забылъ васъ, мои милые.

Апрѣля 30-го. Вчера мы получили повелѣніе отправиться снова въ Тріестъ, гдѣ думаемъ, что останемся на нѣсколько недѣль. Къ намъ сегодня пріѣхало нѣсколько пассажировъ, между ими Signor Jani Sicuro, медицины докторъ; я съ нимъ познакомился, и онъ подарилъ мнѣ табакерку.

Мая 1-го. Я пропустилъ увѣдомить, друзья мои, что 24-го числа я нанялъ себѣ учителя Итальянскаго языка. Мнѣ немалаго стоило труда найтить такого, каковой теперь у меня; будучи Тосканцемъ, онъ говоритъ и произноситъ настоящимъ Итальянскимъ языкомъ, не мѣшая его ни съ Французскимъ, ни съ Испанскимъ. Онъ актеръ на здѣшнемъ театрѣ, и въ одной комедіи онъ игралъ роль стариннаго маіора съ такимъ искусствомъ, что заслужилъ бенефисъ. Имя его Petro Cimarelli У него жена актриса и также не дурна собою и играетъ на театрѣ довольно хорошо.

Если не ежедневно, такъ по крайности каждую недѣлю находятъ здѣсь то убитыхъ, то убійцъ. Я уже не говорю о воровствѣ, которое предоставляется черни, но убійство производится порядочными людьми. Однажды здѣсь случилось, что одинъ богатый дворянинъ, секретарь Сената, будучи сосѣдомъ мужику, который издавна имѣлъ небольшое состояніе и славился своею честностію и усердіемъ къ Республикѣ, вздумалъ отнять у него садъ, главное его имущество. Онъ нанялъ одного республиканца написать пасквилъ на Сенатъ и отъ имени этого мужика подкинуть въ Сенатъ. Дѣло было сдѣлано, сенаторы арестовали мужика и въ три дни суда, не отбирая никакихъ справокъ, осудили разстрѣлять. Бѣдный не зналъ, за что онъ страдаетъ, пока наканунѣ не объявили ему черезъ священника. Нѣкто изъ состраданія вступился и подалъ бумагу, по которой оправдалъ мужика. Онъ доказалъ, что мужикъ не умѣетъ писать, а по счастію успѣли отыскать того, кто писалъ; послѣдній повинился и показалъ на секретаря. Что же вы думаете? Дѣло кончилось тѣмъ, что мужикъ былъ освобожденъ, а имѣніе отдали секретарю.

Мая 4-го. У насъ былъ обѣдъ для нашихъ знакомыхъ. Теперь стоятъ такія жары, что нѣтъ возможности ни ходить на верху, ни сидѣть на низу.

Мая 9-го. Сегодня мнѣ минуло двадцать два года. Никол. Алекс. также сегодня именинникъ и давалъ огромной обѣдъ для здѣшнихъ начальниковъ. За столомъ насъ было болѣе 50 человѣкъ, мы пили и ѣли,

что̀ называется, по горло. Послѣ обѣда проводили время даже до вечера пока стало темно, и зажгли прекрасной фейерверкъ. Все это было на одномъ пустомъ островѣ. Послѣ нѣкоторая часть возвратилась на фрегатъ, а я имѣлъ честь угощать ужиномъ и пуншемъ. Не помню когда бы мое сердце было такъ чуждо удовольствій какъ въ этотъ день. Боже, долго ли продолжится мое изгнаніе, когда я буду между вами?

Мая 13-го. Наконецъ мы дождались повелѣнія отправиться въ Тріестъ за деньгами для арміи и флота. Пасажиры наши были разныхъ достоинствъ, всего 10 человѣкъ. Вечеромъ мы снялись съ якоря и тихимъ вѣтромъ пошли изъ Корфы, сѣвернымъ проливомъ.

Между нашими пасажирами было двое дворянъ, г. Бедоти и г. Полити; послѣдній имѣетъ свои земли за холмомъ, на которомъ вы увидите маленькую башеньку. Они очень меня полюбили, и обращеніе ихъ въ разсужденіи меня привлекло особенное нѣкоторое вниманіе. Они говорили со мною по-итальянски, а я отвѣчалъ имъ по-французски, а иногда, если случится мнѣ ихъ не разумѣть, говоримъ по-французски. Въ самомъ дѣлѣ, глубокія свѣдѣнія и меланхолія старика Бедоти, бывшаго 19 лѣтъ въ Парижѣ, много служатъ мнѣ въ разсужденіи обоихъ языковъ и нѣкотораго понятія о островѣ. Удивительное ихъ отвращеніе отъ своей отчизны крайне затрудняло ихъ разсказывать мнѣ что нибудь о Республикѣ. Между тѣмъ отрывками я понялъ, что они конечно огорчены правительствомъ, думаютъ съ терпѣливостію ожидать перемѣны онаго. Г. Полити, лѣтъ тридцати пяти, и притомъ слабаго сложенія, имѣетъ тихой и благородный характеръ; онъ почитается въ числѣ богатѣйшихъ дворянъ здѣшней республики. Но въ чемъ состоитъ богатство? Въ маслиничныхъ или лучше оливковыхъ рощахъ, которыя онъ отдаетъ, такъ сказать, на откупъ земледѣльцамъ; они уже тогда состоятъ подъ его присмотромъ или лучше принадлежатъ ему пока срокъ, на которой они берутъ земли, не выдетъ. Многіе мужики сами покупаютъ земли и остаются полными хозяевами, но какъ лѣность и нерадѣніе ихъ въ обоихъ случаяхъ доводятъ нерѣдко до крайней нищеты: дворяне ропщутъ и, не могши принудить ихъ къ трудолюбію, дѣлаются врагами своихъ подданныхъ. Французы, которые обнадежили дворянство привести въ послушаніе мужиковъ, были приняты въ Корфѣ съ распростертыми руками; но они ничего не сдѣлали кромѣ, что нѣкоторымъ, которые болѣе имъ помогали, дали лучшія земли, отымая ихъ по праву завоеванія отъ тѣхъ, которые имъ не казались; посему большая часть дворянства выѣхала. Тѣ которые выѣхали внѣ своего отечества хлопотали, не знаю ко вреду или пользѣ, ибо они склонили нашъ дворъ на свою сторону и заключили обязательство, по которому Республика приметъ всѣ приказанія двора за повелѣнія высшаго на-

чальства. Мы стали за нихъ драться, городъ былъ во многихъ мѣстахъ разрушенъ, весь островъ покрылся развалинами, сады были порублены, нѣкоторая часть жителей, приверженная къ Франціи вмѣстѣ съ войсками Бонапарта, выгнана. Такимъ образомъ Республика, наслаждавшаяся передъ симъ долгое время миромъ и довольная Венеціанскимъ правленіемъ, упала. Кажется теперь много надобно времени ей исправиться. Г. Полити выхвалилъ мнѣ миръ и изобиліе, которымъ они обязаны были Венеціанской республикѣ.

Г. Бедоти обѣщалъ дать мнѣ на Итальянскомъ языкѣ исторію Греціи отъ давнихъ временъ, въ которой находится особенное описаніе острововъ при устьѣ Адріатическаго моря, т. е. то, чтὸ теперь называютъ *Республикою семи острововъ*; но онъ забылъ ее въ Корфѣ, и мнѣ остается поправить то только, чтὸ сказалъ я прежде. Корфа населена гораздо послѣ уже Занта, но въ то время, когда открыли Америку. Старая крѣпость, о которой также я сдѣлалъ описаніе, была первая построенная Генуезцами, и теперь еще виденъ гербъ сей республики, вставленный въ стѣнѣ крѣпости, заросшій мохомъ и изглаженный временемъ. Слава Генуезцевъ упала, когда республика Венеціанская начала прославляться. Генуезцы оставили островъ Корфу, служившій у нихъ пристанищемъ. Корфіотцы нѣсколько лѣтъ оставались безъ всего и какъ они не привыкли трудиться и жить для себя: то согласились избрать себѣ правителя почти невѣроятнымъ образомъ. Правительство тогдашнее за нужное сочло рѣшить свое намѣреніе, сохраняя, можетъ быть, собственную выгоду или, можетъ быть, политику. *Оно предложило народу избрать себѣ правителемъ перваго, кто встрѣтится депутатамъ, которые должны были искать на Адріатическомъ морѣ.* Депутаты или посланные для сего предмета люди встрѣтили Венеціанскую военную галеру, а, можетъ быть, и болѣе: они пригласили къ себѣ во владѣтели начальника сего флота; онъ отказался и сложилъ сіе на республику. Венеціане съ сихъ поръ начали управлять Корфою и построили новую крѣпость. Съ сего времени жители почитались частію Венеціанскихъ подданныхъ и находились въ семъ состояніи до пришествія Французовъ. Во время отдаленное Турки вели войну съ Венеціанской республикой; они осадили Корфу, взяли уже городъ, кромѣ Генуезской крѣпости. Въ этой цитадели держался еще народъ и войско. Въ сіе время прибыла армія подъ предводительствомъ Нѣмецкаго графа въ службѣ у Венеціанъ. Онъ освободилъ городъ, и ему поставлена статуя въ старой крѣпости, въ которой я также говорилъ. Жаль, что я забылъ его имя.

Мая 16-го. Мы при легенькомъ SO вѣтрѣ, чтὸ здѣшнимъ языкомъ

называютъ siroco, снялись съ якоря и плыли благополучнымъ вѣтеркомъ нѣсколько часовъ. Мы праздновали именины Өедора Алексѣевича.

Мая 19-ю. Со мной въ каютѣ живетъ одинъ Корфіотскій дворянинъ, издавна живущій въ Венеціи, равныхъ со мною лѣтъ, по имени Родостоли. Съ нимъ, когда я смѣняюсь съ вахты, убиваю дружескимъ образомъ время; но онъ недовѣрчивъ или, лучше сказать, по своему богатству слишкомъ воспитанъ. Я познакомился съ его отцемъ, матерью, тремя сестрами и братомъ, коимъ въ угожденіе уступилъ свою постель, а самъ сплю на полу.

Мая 21-го. За столомъ сего дня мы выпили болѣе обыкновеннаго за здоровіе моей почтенной матери Елены Александ. Мы неоднократно опрастывали рюмки; пасажиры наши всѣ добрые и веселые товарищи. Между ними есть одинъ купецъ, который хотя и не кастратъ и Грекъ, однакожъ прекрасно управляетъ голосомъ. Онъ пѣлъ множество арій и романсовъ; другой, докторъ философіи, теологіи и физики, урожденецъ Вертембергскій, прекуріознаго лица и самаго чуднаго характера, принимался бренчать на гитарѣ; всѣ мы помирали со смѣху. Пасажиры съ самаго перваго дни безпрестанно его шпигуютъ. Вечеръ также проводили въ пріятномъ и дружескомъ опоражниваніи то рюмокъ, то стакановъ. Противный вѣтеръ и штили, которые все стоятъ, принуждаютъ насъ наслаждаться гораздо долѣе удовольствіемъ быть веселыми.

Мая 25-го. Берегъ, друзья, берегъ! Но опять штиль удержалъ насъ нѣсколько часовъ въ виду Тріеста. Пасажиры наши имѣютъ ко мнѣ отмѣнную довѣренность. Я снимался съ Корфинскаго рейда. Я первый пошелъ съ благополучнымъ вѣтромъ, я сталъ на якорь въ Тріестѣ.

На рейдѣ нашли мы фрегатъ «Крѣпкій», а подходя къ Тріесту увидѣли шкуну «Экспедиціону», съ которой должны были мы взять деньги, 700 тысячъ червонныхъ, и доставить въ Корфу. Однакоже дѣло перемѣнилось: нашъ фрегатъ остается здѣсь на рейдѣ до 15-го Іюня. «Крѣпкій» повезетъ сумму, а шкуну отправили въ тоже время съ самонужнѣйшимъ. Браво, мы выстоимъ карантинъ, и вашъ другъ скажетъ вамъ болѣе нежели прежде о томъ мѣстѣ, которое на мой вкусъ лучше многихъ мѣстъ, гдѣ мнѣ хочется побывать.

Мая 27-го. «Крѣпкій» рано по утру снялся съ нашимъ генералъ-лейтенантомъ княземъ Татищевымъ *), который назначенъ министромъ въ Неаполь. Карантинъ намъ назначенъ 16 дней. Пасажировъ перевезли въ Vechio Lazaretto.

Долженъ вамъ похвалиться дружбою г-на Полити. Это человѣкъ, у котораго благородное лицо есть вывѣска добрѣйшаго сердца. Не смо-

*) Д. П. Татищевъ не былъ княземъ.

тря на знаменитый свой родъ, онъ не вмѣшивается въ правленіе Республики; будучи двоюроднымъ братомъ Корфинскому принцу, не ищетъ многаго. Онъ открылъ мнѣ свое сердце и намѣренія такъ какъ другу, которому, имѣя довѣренность, можно говорить, не ожидая, чтобы тайна была явна. Я сохраню ее; и, друзья мои, вы увидите этого почтеннаго человѣка въ Петербургѣ, куда онъ, можетъ быть, отправится изъ Венеціи. Постарайтесь быть съ нимъ, ибо я чрезвычайно надѣюсь, что письма мои, которыя съ нимъ пойдутъ отъ меня къ вамъ, доставятъ ему знакомство хотя не выгодное, но пріятное.

Мая 28-го. Пав. Никол. сего дня день рожденія. Мы пригласили къ намъ нашихъ любезнѣйшихъ пасажировъ. Было нѣсколько затрудненій, чтобы имъ позволили выйти изъ за стѣнъ карантина. Однакоже имъ позволено всегда къ намъ ѣздить, равно какъ и карантинному пріору дано позволеніе принимать насъ и доставлятъ все что намъ угодно. Мы очень весело провели день.

Мая 30-го. Въ сіи дни я провожалъ по нѣскольку часовъ въ карантинѣ съ нашими пасажирами. Надобно вамъ сдѣлать также нѣкоторое понятіе и о семъ Lazaretto Vechio. Тутъ больше ничего нѣтъ, какъ нѣсколько готическихъ домовъ, изъ коихъ одинъ, и притомъ самый большой, назначенъ для житья содержимымъ въ карантинѣ. Мнѣ показался онъ довольно пріятнымъ; маленькой четвероугольный дворъ, на которомъ въ одной стѣнѣ была часовня, а подлѣ ея прекрасное обширное финиковое дерево, показался мнѣ сперва не тюрьмою для тѣхъ, кои обязаны выдержать карантинъ, но гостепріимчивымъ домомъ какого либо заслуженнаго рыцаря. Наши пасажиры занимали нѣсколько компатъ, одну отъ другой отдѣленную, во второмъ этажѣ. Всѣ сіи дома окружены высокими стѣнами, кругомъ имѣли родъ небольшого бруствера, въ которомъ подѣлано нѣсколько дыръ для оконницъ. Всегда я находилъ прекраснаго Кипрскаго вина или старой Малаги рюмку, которыя всегда нѣкоторымъ манеромъ облегчали жаръ и ужасной потъ, текущій безпрестанно по лицу. Они всегда рады были насъ видѣть и между прочимъ 1-го числа звали къ себѣ обѣдать.

Іюня 1-го. Пасажиры наши дали великолѣпный обѣдъ; за столомъ сѣло насъ около двадцати пяти человѣкъ. Кажется все, что̀ было на эту пору лучшаго у добраго Франца II-го, перенесено на столъ въ Vechio Lazaretto. Тутъ безпрестанно ѣли отборнѣйшія блюда цѣлые три часа, которые мы просидѣли за столомъ и не могли дождаться десерта. Желудки наши и головы наполнены были то головнымъ Шампанскимъ, то Чипромъ, то Богъ знаетъ какими винами или пирожными различныхъ сортовъ и мастеровъ. Мнѣ сдѣлалось даже тошно; по счастію я ускользнулъ отъ общества и, забравшись въ одну пустую горницу, проспалъ

на голой рамѣ до 8 часовъ. Въ сіе время половина нашихъ уѣхала на фрегатъ; я, проснувшись, вышелъ на галерею, гдѣ встрѣтилъ слугу г-на Полити. Signore, сказалъ онъ, Богородица буди свидѣтельницею, если кто зналъ, гдѣ вы отдыхали. Я приказалъ принести умыться и съ жестокою болью въ желудкѣ пришелъ въ компанію, откуда едва могъ уговорить ѣхать на фрегатъ; но вотъ я теперь дома и написалъ сіи строки.

Іюня 3-го. Мы были въ Nuovo Lazaretto, гдѣ показали намъ садъ, который былъ не иное что, какъ обширный дворъ, заросшій густой травою. Мы теперь нѣсколько дней сряду впиваемся въ пиво. Въ Корфѣ не слыхано, чтобы было такое пиво; но вотъ до чего доводитъ карантинныя права: вмѣсто того, что пиво въ городѣ обыкновенно продается по 10 и 12 карантиновъ или крейцеровъ, съ насъ берутъ по 40 и 30. Такимъ образомъ всякую вещь мы получаемъ вчетверо. Кто же, вы думаете, обогащается? Не городъ, но сторожа или бизюкары, которые и у насъ есть. Каждое судно, находящееся въ карантинѣ, должно взять сторожа или guardo (военныя суда не исключаются изъ сего правила); черезъ него вы получаете все что для васъ нужно провизіи ли, или вещи. Онъ привозитъ васъ въ карантинъ, даетъ деньги другому сторожу, вышедшему уже изъ карантина; тотъ приноситъ вамъ и отдаетъ; но какъ скоро вы дотронетесь до вещи, онъ воленъ столько взять за нее, сколько придетъ ему въ голову. Недавно за сто ардолей (родъ анчоусовъ) мы заплатили 6 флориновъ. Представьте себѣ, что это стоитъ червонца!

Іюня 4-го. Въ карантинной конторѣ мнѣ случилось слышать исторію, которая васъ удивитъ. Одно маленькое Турецкое судно пришло на сихъ дняхъ съ черепахами, которыхъ было у него 24 тысячи. Но эти черепахи не такого рода, какъ вы себѣ думаете; это простыя земляныя черепахи, и онъ въ пять дней всѣ распродалъ, каждую по 34 карантана, а самъ ловилъ ихъ или покупалъ на Албанскомъ берегу по карантану. Его предмѣстникъ, который имѣлъ торгъ ими въ Тріестѣ, составилъ себѣ милліоны чекиновъ въ самое короткое время и вмѣсто маленькаго судна, подобнаго нашей маркитанской лодкѣ, купилъ корвету. Онъ приказалъ въ память своего торга вылить золотую, во всю величину натуральной, черепаху и поставилъ ее на кормѣ, покинулъ торгъ и теперь одинъ изъ богатѣйшихъ людей.

Іюня 5-го. Здѣсь на рейдѣ дуютъ жестокіе SO вѣтры; но въ морѣ всегда бываютъ на сіе время NW; это происходитъ отъ высокихъ горъ, окружающихъ весь приморской берегъ въ сей сторонѣ Италіи. Несносные жары такъ нагрѣли небо или атмосферу, что нѣсколько дней сряду эмалевыя облака безпрестанно почти послѣ захожденія солнца илю-

минуются то извилистою молніею, то зарницею, представляющею иногда по нѣскольку секундъ весь край горизонта отверстымъ. Въ сіе время если обратить взглядъ, то не менѣе солнечнаго будете чувствовать жаръ. Англійскій бригъ Jalouse вышелъ изъ карантина. Онъ также какъ и мы спускаетъ почти каждую ночь брамъ-стенги на низъ, а мы иногда и реи, и стенги. Волненія здѣсь никогда не бываютъ, но и при штилѣ за то ходитъ страшная зыбь.

Іюня 6-го. Сегодня тринадцать дней нашего политическаго заключенія; ужасная скука начинаетъ обнимать наши чувства. Капитанъ ѣздилъ сегодня къ г-ну Пилигрини и привезъ печальныя для насъ вѣсти: намъ карантину не убавили и оставляютъ его, слѣдуя своимъ законамъ, на 21 день. Консулъ посылалъ курьера въ Вѣну, откуда онъ возвратился съ тѣмъ, что правительство не намѣрено сократить нашъ карантинъ. Всѣ его старанія, какъ онъ говоритъ, остаются безполезными, и мы непремѣнно должны согласиться простоять три недѣли. Сказывалъ, что въ морѣ повѣтріе и большая часть жителей сего полуострова померла; курьеръ, который оттуда вчера только пріѣхалъ, самъ былъ боленъ и едва могъ по слабости выбраться.

Іюня 8-го. Вчера мы посѣщали нашихъ пасажировъ и нашли пріятелей моихъ г-дъ Полити и Родостоли больными. Всѣ вообще подали намъ совѣтъ: чтобы освободиться отъ карантину, то надобно подарить что нибудь карантиннаго магистрата секретарю; мы отвергнули предложеніе несродное съ флагомъ, которой мы носимъ. Видно изъ сего, что во всякомъ сомнительномъ случаѣ деньги суть надежный переломъ и переломъ такой, которой обращается всегда въ пользу. Третьяго дня Jalouse съ конвоемъ отправился въ Венецію; я просилъ капитана взять письмо къ брату; но онъ отказался тѣмъ, что письмо мое не окурено.

Жестокіе вѣтры здѣсь продолжаются и почти всегда съ молніею и громомъ, разумѣется послѣ солнечнаго захожденія.

Іюня 11-го. Сегодня, для празднества Santa Juana, въ городѣ пустили болѣе тысячи ракетъ. Огни по всему берегу на высокостяхъ были раскладены; загородные дома большею частію были илюминованы. Мы любовались симъ зрѣлищемъ тѣмъ паче, что ночь была самая тихая и Итальянское небо блистало луною. Если многіе авторы, наприм. Петрарка или Аріостъ и другіе, съ энтузіазмомъ описываютъ удовольствіе сидѣть или бродить по ночамъ въ Италіи; такъ я вѣрю, что нѣчто сверхъестественное увеличиваетъ природный даръ и уподобляетъ ихъ геніямъ. Тріестъ кажется лучшимъ мѣстомъ для воображенія, ибо воздухъ остается, такъ сказать, въ чашѣ; высокія горы, которыя идутъ кругомъ губы, покрыты прекрасною зеленью, а заливъ Тріестской, гдѣ никогда

нѣтъ волненія, придаетъ естественно образованію облаковъ видъ нѣжный и немутный.

Іюня 13-го. Мы имѣли надежду высвободиться завтрашній день изъ карантина. Нашъ консулъ г. Пилигрини и его племянникъ вице-консулъ г. Карлъ Пилигрини извѣстили насъ о семъ радостномъ для насъ освобожденіи; но между тѣмъ выслушайте приключеньице на нашемъ фрегатѣ. Около 3 часовъ послѣ обѣда пристаетъ къ намъ яликъ, на которомъ былъ одинъ Венгерской унтеръ-офицеръ и другой гусарской; они, не смотря на наши знаки, чтобы не приставать къ фрегату и еще болѣе не входить, взошли. Сторожъ нашъ Доминико сдѣлался болѣе мертвымъ, нежели живымъ, но ободряся бросился въ карантинъ и встревожилъ весь причетъ. Мы получили отъ консула письмо, въ которомъ проситъ Ник. Алекс. принять ихъ на фрегатъ и содержать до освобожденія нашего изъ карантина; ибо таковъ законъ, что всякій имѣвшій какое нибудь сообщеніе съ тѣмъ, кто находится въ заключеніи, долженъ остаться на столько времени, сколько слѣдуетъ ему пробыть въ карантинѣ.

Іюня 14-го. Наконецъ насталъ блаженный день. Поутру въ 8 часовъ съ карантина просили отъ насъ судно, и мы увидѣли возвращающійся нашъ катеръ, на которомъ были нашъ добрый старикъ Пилигрини и канцлеръ карантиннаго магистрата. Они поздравляли насъ, обнимались и цѣловались, какъ съ друзьями, которыхъ свиданія нетерпѣливо ждутъ. Мы завтракали всѣ вмѣстѣ и наконецъ въ 10 часовъ отправились къ губернатору; не помню фамиліи, но знаю, что онъ Унгарскій (Венгерскій) графъ.

Вотъ теперь нога моя ступила на Итальянскую землю въ первый разъ на берегу въ Тріестѣ. Пристанемъ подлѣ театра, прекраснаго зданія, у котораго фронтисписъ изъ прекрасныхъ Тосканскихъ столбовъ и низъ сдѣланъ рюстическимъ. Мы проходили улицами, какія не хуже нашихъ Петербургскихъ и вымощены большими плитами такъ чистыми и гладкими, какъ мраморъ. Прошли прямо въ домъ къ нашему консулу по улицѣ, простирающейся во всю длину Тріеста и называемой Strada del ponto Rosso.

Консулъ, старикъ бѣдовый, живетъ въ наемномъ домѣ, гдѣ прекрасная лѣстница приводитъ на третій этажъ. Онъ живетъ философически, въ двухъ покояхъ, изъ которыхъ одинъ разгороженъ, такъ что у него его горница, кабинетъ и спальня. Тутъ у него стѣны отъ потолка до полу уставлены эстампами, изъ коихъ большая часть самая сластолюбивѣйшая. Мы пили у него кофій и, оставя его заниматься бумагами, подъ смотрѣніемъ его племянника пошли ходить по городу и самое первое направили путь нашъ на верфь, гдѣ мы видѣли прекрас-

ныя суда. Одно изъ нихъ было совершенно готово, очень хорошей конструкціи, величиною около ста футовъ. Здѣсь нѣтъ элинга, но стапели расположены по отлогости, такъ что суда вооруженныя могутъ быть спускаемы на воду; болѣе шести судовъ не могутъ строиться вдругъ. Мы осматривали сараи, наполненные пилеными деревьями, по большей части кленовыми и масляничными, несравненно тверже и легче нашего дуба. Мы видѣли тамъ же рѣзную, наполненную рядами статуй для шековъ, сдѣланныхъ такъ точно и пропорціонально, какъ будто изъ алебастру. Мастеръ насъ ввелъ въ свою горницу, гдѣ три модели показали мнѣ искусство кораблестроителя, и я не думалъ найти въ Италіи кромѣ полякръ и бригантинъ, вмѣсто того здѣсь въ Тріестѣ строятъ удобные и красивые шлюпы. Изъ верфи мы пошли снова по городу, всюду находили прямыя и широкія улицы, составленныя изъ домовъ о пяти или шести ярусахъ. Проходили чрезъ двѣ площади, описаніе которыхъ вы увидите ниже; но какъ еще рано было идти къ губернатору, мы просили нашего проводника указать намъ квартиру г-на Полити въ Гостеріи Грандо (Hosteria Grando). Мы пришли туда и какъ видъ на море намъ полюбился, мы нашли слугу, который долженъ былъ водить насъ по городу за два флорина или гульдена на день, равно и двѣ прекрасныя горницы въ 12-мъ № за три флорина. Г-да Полити и Родостоли вскорѣ пришли, и мы завтракали, пили Бордо и Шампанское, очень недорого здѣсь стоющія.

Въ ½ 1-го часа пошли къ консулу, а отъ него къ губернатору, котораго однакоже не застали, ибо онъ былъ въ совѣтѣ, но оставивъ визитъ, пошли опять по городу. Консулъ показалъ намъ трактиръ, гдѣ мы можемъ всегда найти газеты и лучшихъ людей. Отсюда, оставивъ консула, пошли въ нашъ трактиръ, гдѣ собрались уже наши пасажиры, и съ нами поѣхали обѣдать на фрегатъ. Между ими былъ одинъ молодой человѣкъ, съ которымъ я познакомился, по имени Basilio Pascho. Домъ губернатора окрашенъ, однакоже наружность ничего не представляетъ пышнаго.

Обѣдъ былъ очень очень веселъ. Мы проводили время до 6 часовъ и поѣхали на берегъ въ театръ. Сперва пришли въ нашъ трактиръ, а потомъ въ casino, гдѣ указалъ намъ консулъ. Старикъ вскорѣ пришелъ, и въ ½ 9-го часа пошли въ театръ. Консулъ меня, Мордвинова и Ник. Ал. пригласилъ въ свою ложу. Какая безподобная опера, какія декораціи, какія двѣ пѣвицы! Сперва была историческая по имени Oracio Curasi; множество дѣйствующихъ лицъ, великолѣпныя перемѣны, Римская и Сабинская одежда—все, все мнѣ показалось сверхъестественнымъ въ такомъ провинціальномъ городѣ, каковъ Тріестъ. Театръ кончился въ ½ перваго часа, консулъ перевелъ меня и Ник. Алек. въ

ложу во второмъ этажѣ, великолѣпно убранную. Тутъ мы выпили по нѣскольку пуншу и изъ театра пошли довольно веселы. Послушайте. Мы сѣли за бутылкою вина въ нашихъ покояхъ въ Ротеріи Грандѣ. Всѣ уѣхали; я, Мордв. Александръ и Усовъ остались ночевать. Въ 2 часа привели намъ двухъ танцовщицъ; съ ними мы рѣзвились, ужинали..

Іюня 15-го. Поутру на фрегатѣ были мои сутки, и я принужденъ былъ уѣхать рано на фрегатъ. Ник. Алек. пріѣхалъ на берегъ около шести часовъ и меня разбудилъ. Долго смѣялись надо мною, и дѣло кончилось. Въ часъ послѣ полуночи возвратились наши офицеры и вскорѣ за ними г-да Пав. Ник. и Алек. Алек. каждый съ подругою; у послѣдняго была моя Louison, а у другаго сестра ея Толерра.

Іюня 16-го. Поутру я опять поѣхалъ на берегъ, продолжая наблюдать и примѣчать положенія прекраснаго Тріеста. Я ходилъ къ Пилигрини, а потомъ по городу, который раздѣляется двумя каналами, изъ коихъ одинъ такимъ образомъ натисканъ судами, что я не понимаю, какъ можно выйти изъ него. На одной большой площади, на которой стоитъ нашъ трактиръ, находится на Коринѳскомъ столбѣ статуя, о которой я не могъ развѣдать, и огромной водометъ, также вдѣланный въ восьмиугольномъ піедесталѣ, возвышающемся до облаковъ, съ рѣзьбою въ рельефѣ и уставленный множествомъ фигуръ, пускающихъ каждый фонтаны для освѣженія площади и для питья жителямъ. На другой площади, прилегающей къ каналу, находится также фонтанъ, изъ котораго должна вода бить черезъ Нептунову статую. Черезъ каналъ лежитъ раздвижной мостъ называемый Ponto Rosso. Лучшія Тріестскія зданія суть домъ одного Грека, котораго одинъ фасадъ къ морю съ Іоническими колонами стòитъ уваженія: онъ идетъ по каналу и не менѣе Кадетскаго корпуса въ Петербургѣ. Фасадъ, который выходитъ на площадь, имѣетъ прекрасныя рустическія двери, и фронтонъ поддерживается также Іоническими колоннами; подъ фронтономъ надписанò Demetrio Cavisotti. Онъ негоціантъ изъ самыхъ богатѣйшихъ въ Тріестѣ и разбогатѣлъ Левантскою торговлею. Другое есть биржа, которая теперь додѣлывается; имѣетъ прекрасный видъ и 8 этажей, на портикѣ стоятъ двѣ статуи. Третье, театръ. Всѣ прочіе дома также чисты, но никакой архитектуры не имѣютъ. Городъ раздѣляется на старый и новый: въ старомъ улицы узки и грязны, въ новомъ напротивъ широки и чисты. На каждомъ сѣченіи улицъ, на домахъ угольныхъ подписаны имена кварталовъ и улицъ, чтò очень хорошо для иностранцевъ. Трактиры здѣшніе опрятны, и внутренность домовъ обыкновенно расписывается пастèлью, а особенно хорошо расписанъ одинъ покой, гдѣ я видѣлъ на одной стѣнѣ четыре большія изображенія аллегорическія четырехъ

частей свѣта. Жалѣю, что не случилось мнѣ видѣть залы въ театрѣ, гдѣ даютъ балы; хвалятъ тамъ плафонъ.

Въ Тріестѣ всѣ вѣры терпимы, но большая часть Иллирическаго исповѣданія. Церкви есть для всѣхъ исповѣданій, кромѣ магометанскаго; но и то по множеству Турковъ отправляютъ службу въ домахъ. Общій языкъ есть Итальянской, но военные говорятъ испорченнымъ Нѣмецкимъ. Коснувшись до военныхъ, надобно сказать вамъ, что одинъ графъ, полковникъ принцева полку, былъ у насъ съ женою и маіоромъ на фрегатѣ, а потомъ пригласилъ въ казармы посмотрѣть чистоту его солдатъ. Въ самомъ дѣлѣ, да оно и должно такъ быть, что Нѣмецкому солдату нужно гораздо болѣе; они не стѣснены такъ какъ наши и, будучи нѣкотораго рода философами, ведутъ настоящую военную жизнь. Мундиръ общей арміи есть алый наподобіе прежнихъ матроскихъ, но очень хорошо сшитый, бѣлый исподъ и короткіе щиблеты. Черезъ плечо идетъ родъ тесака, а на головѣ прекрасные шишаки. Офицеры очень чисто одѣваются, но нимало не выступая изъ формы: дѣйствительно одинъ походитъ на другого. Ихъ мундиры также однобортные бѣлые, они носятъ на портупеѣ шпагу съ золотымъ темлякомъ, шишакъ на головѣ съ шелковымъ, такъ назвать, панашемъ, штабы имѣютъ золотые съ чернымъ мелкимъ кантомъ. Есть здѣсь милиція, и все войско состоитъ, я думаю, изъ 2 или 3 тысячъ.

Я обѣдалъ въ трактирѣ за гульденъ, очень порядочно. Послѣ обѣда мы ходили покупать. Лавки подъ большею частію домовъ весьма чисты, но магазинъ Французской купца Лаброша лучше всѣхъ мною видѣнныхъ. Мы на весь фрегатъ купили разныхъ полотенъ, суконъ на три тысячи гульденовъ, которые выдалъ намъ консулъ. Ввечеру я возвратился на фрегатъ и не ходилъ въ театръ, потому что очень долго идетъ представленіе.

Іюня 17-го. Я позабылъ сказать, что третьяго дни пришелъ бригъ «Бонасорте» изъ Корфы къ намъ на смѣну. Итакъ, мы положили завтра ночью сняться съ якоря и возвратиться въ Корфу. Городъ защищается, сверхъ крѣпости, только что построенной на отмели подлѣ Стараго Лазарета, другою передъ окнами нашего трактира. Сверхъ нихъ находится старый замокъ на вершинѣ холма въ концѣ города, старымъ называемаго. Тутъ подымается имперскій штандартъ. Я полагаю, что едва ли на всѣхъ крѣпостяхъ, считая и castello, найдется пушекъ 40. Мнѣ не вздумалось подыматься по косогору стараго города, чтобы осмотрѣть древнюю церковь св. Августа и напослѣдокъ замокъ, потому что было поздно,

и я, будучи безъ проводника, могъ бы заблудиться въ узкихъ улицахъ. Сегодня я видѣлъ въ одной лавкѣ картину, представляющую посѣщеніе императора Павла въ крѣпости Костюшки; лица очень похожи, но важный видъ Поляка, сидящаго въ креслахъ и гордо взирающаго на царя, его благодѣтеля, который стоитъ облакотясь на трость, мнѣ не полюбился.

Іюня 18-го. Ночь проведена очень весело, но не ужинъ только, по причинѣ небольшой размолвки между нами. Утромъ я одѣлся въ мой черный кафтанъ и, представляя nobile (дворянина), поѣхалъ на берегъ, гдѣ былъ введенъ къ одной военной комисаркѣ Нинѣ Контарини, у которой дражайшій сожитель находится въ отсутствіи въ Вѣнѣ. Меня представили за знатнаго; разговоръ мой ее увѣрилъ, и передъ обѣдомъ всунула она мнѣ любовную цидулку, приглашая въ 5 часовъ къ ней. Насъ было пять человѣкъ, и мы вмѣстѣ съ нею обѣдали. Мои друзья, представьте себѣ четырехъ весельчаковъ, между коими находится одна дама, старающаяся показаться цѣломудренною, въ то время когда срываетъ всякой поцѣлуй. Ничего не могло быть пріятнѣе! Я сдѣлался пылкимъ Французомъ, къ тому же я только одинъ могъ съ нею говорить. Чего мы не наговорили другъ другу, чего наша жаркая любовь не произвела! Нина, прекрасная Нина! Вы никогда не видали женщину одаренную такою красотою и статностію, какъ мою Нину; я не помѣщу ее ни въ какую націю. Она не Римскаго лица, не Греческой бѣлизны; но правильной окладъ, большіе каріе глаза, закрытые длинными рѣсницами, молодость и одежда вселяющая сладострастіе, все меня плѣняло, вино разгорячило мое воображеніе, и я сталъ невольникъ моихъ чувствъ. Мнѣ надобно было явиться въ три часа къ Ник. Алек., и я остался до четырехъ. Мы разстались до вечера.

Кто бы могъ меня увѣрить, что къ вечеру я найду другого счастливѣе меня? Нина, которая меня полюбила не за деньги, Нина черезъ часъ выбрала другого; но я смотрѣлъ равнодушно и очень былъ доволенъ, что послѣ меня наслѣдовалъ Алек. Алекс. Онъ имѣлъ надобность во мнѣ, и его довѣренность побудила меня взять его сторону; дражайшая моя не на шутку влюбилась, и мой соперникъ равно; а я—я былъ нотаріусомъ, посаженымъ отцомъ и вмѣстѣ любовникомъ; ибо я написалъ съ обѣихъ сторонъ обязательства, по которымъ Нина должна оставить своего мужа, взять что лучшаго изъ ея гардеробу и вещей и слѣдовать въ Корфу, гдѣ оба любовника станутъ для нея жить. Какова вамъ покажется Итальянка, которая смотритъ на лицо, а не на чувства? Контарина пошла съ нами въ театръ. Легко можно попасться къ ней

въ сѣти и если бы Александръ ея не полюбилъ и не выручилъ меня, можетъ быть я долженъ былъ бы ее взять къ себѣ. По крайней мѣрѣ я остался въ барышахъ, пользуясь ея благосклонностію. Она пріѣдетъ къ намъ въ Корфу, а мы готовы ее принять; забавно, мы оба равно ее полюбили, но преимущество одного не унижаетъ чувствъ другого, потому что Итальянка можетъ любить вдругъ, а Русскіе не чувствуютъ ревности.

Въ театрѣ представляли оперу Инесу-де-Кастро лучшія пѣвицы: Императрица Сеси и signora Bajio. Послѣдняя представляла сына Португальскаго короля. Съ чѣмъ сравнить піесу, гдѣ декораціи соотвѣтствуютъ прекраснымъ пѣвицамъ? Театръ былъ полонъ зрителей и въ самомъ дѣлѣ заслуживалъ, чтобы никто не упустилъ случая видѣть и слышать голосъ Императрицы. Какъ безподобно она пѣла, какъ изображалась невинная любовь между Инесою и принцемъ. Короля роль игралъ также славный пѣвецъ, и два или три тріо были безподобныя. Самая лучшая сцена есть та, когда королева осуждаетъ Инесу или выпить ядъ, или заколоться. Какой чувствительный монологъ она поетъ, съ какимъ непритворнымъ тѣлодвиженіемъ изображала она свое отчаяніе! Наконецъ согласна принять ядъ. Ей, заключенной въ тюрьмѣ, приводятъ двухъ дѣтей; она съ ними прощается, поетъ и плачетъ; голосъ ея раздавался и тронулъ меня такъ, что я и Нина вдругъ стали всхлипывать. Imperatrice Sesi, когда я тебя услышу въ другой разъ? Когда буду снова обвороженъ трогательными твоими аріями? Signora Bajio также нехуже ея поетъ, и зрители не знаютъ, кому дать преимущество. Наконецъ развязка выходитъ тѣмъ, что король прощаетъ своего сына принца, т. е. Bajio, а между тѣмъ тотъ, кто приносилъ Инесѣ ядъ, измѣнилъ и далъ воды. Инеса и принцъ торжествуютъ.

Изъ театра мы пошли къ Нинѣ и просидѣли, проплакали до разсвѣту. Любовники утвердили свои клятвы, и я скрѣпилъ ихъ *моимъ именемъ*. Какая сцена была при разставаніи! Нина обоихъ насъ обнимала и плакала; слава Богу, если слезы ея были притворныя. Мы положили, что она отправится на первомъ суднѣ и найдетъ въ Корфѣ порядочные покои. Друзья мои, вы можетъ быть смѣетесь надъ мною и надъ Алек. Александровичемъ; но если вы можете вникнуть въ сердце друга, вы найдете тамъ, что я, можетъ быть, и не такъ хорошо поступилъ по морали, но очень хорошо сдѣлалъ по философіи: потому что я одинъ не въ состояніи дать ей содержаніе, но двое мы можемъ, къ тому же для Итальянки. Всѣ въ слезахъ мы разстались, и я вмѣстѣ съ Усовымъ возвратился на фрегатъ. Вотъ новый образецъ для любви, и

я бы совѣтовалъ всѣмъ любовникамъ поступать такъ какъ мы; ибо тутъ овцы цѣлы и волки сыты. Теперь, описывая 18-е число, я удивляюсь себѣ, тѣмъ паче, что я могъ одинъ все это сдѣлать, но уступая половину Нины, совершеннно несообразно съ моимъ характеромъ; сдѣлалъ, какъ кажется, болѣе нежели ожидалъ. Милые мои, для васъ однихъ мой журналъ: слѣдовательно вы одни можете быть цензорами вашего друга. Въ сію минуту душа моя полна, и вы, читая, если возможно, примѣтьте здѣсь слезу. Цѣлую ночь я не спалъ, пишучи къ вамъ письмо, которое непростительнымъ образомъ осталось, потому что вчера, будучи у консула, мы положили отправиться въ 6 часовъ утра. Я нашелъ у него курьера, который отправляется въ Петербургъ, онъ взялся доставить письмо къ Алексѣю. Всю ночь, какъ я сказывалъ, дописывалъ я мое письмо, и почти передъ шестью часами уснулъ такъ крѣпко, что не слыхалъ, когда снялись съ якоря, когда были Charles Pilligrini и куріеръ; только образъ удовольствія и Нина были въ моемъ умѣ. Было 8 часовъ, я вступилъ на вахту. Постойте, милые, не судите строго. Вы не имѣете права сказать, что я столько влюбленъ, что мѣняю любовницу на друга. Никогда быть не можетъ! Если чувства мои заблуждаются, если сердце мое не тоже, если характеръ мой перемѣнился, вѣрьте, что можетъ быть одна чистая дружба или (простите) одно изступленіе сладострастія дѣйствуетъ; но душа моя, искренность и самое сердце принадлежатъ вамъ троимъ, и какое бы растояніе между нами ни было, сколько бы времени ни продолжалась наша разлука, вы всегда найдете сердце и объятія Николая для васъ разверстыми.

*

Вспоминается про Тріестъ начало одного стихотворенія С. А. Соболевскаго:

Потомъ къ странамъ Италіи
Я опишу поѣздъ.
Какія все канальи
Живутъ въ тебѣ Тріестъ!.. П. Б.

О ЗАПИСКАХЪ АРХІЕПИСКОПА САВВЫ.

Хроника моей жизни. Автобіографическія записки высокопреосвященнѣйшаго Саввы, архіепископа Тверскаго и Кашинскаго.

Записокъ преосвященнаго Саввы, печатаемыхъ съ 1897 года въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“, въ настоящее время вышло уже пять томовъ. Въ предисловіи къ этимъ Запискамъ сказано, что преосвященный началъ свое общественное служеніе въ то время, когда въ Россіи подготовлялись великія реформы и когда общественная мысль была возбуждена ожиданіями преобразованій во всѣхъ сферахъ государственной, а въ значительной мѣрѣ и церковной жизни. Онъ проходилъ должности Сунодальнаго ризничаго, ректора Московской Духовной Семинаріи и затѣмъ Академіи, наконецъ, въ санѣ викарія Московской епархіи, почившій архипастырь стоялъ подъ непосредственнымъ руководствомъ митрополита Филарета, имѣлъ возможность близко ознакомиться со многими выдающимися дѣятелями, выработалъ себѣ правильный взглядъ на совершавшіяся тогда событія и съ рѣдкою наблюдательностью заносилъ на страницы своей хроники впечатлѣнія высокой исторической важности. Впослѣдствіи, въ санѣ епископа Полоцкаго (1866—1874), Харьковскаго (1874—1879) и Тверскаго (1873—1896) и въ званіи временно присутствовавшаго въ Святѣйшемъ Сонодѣ члена (1883—1885) онъ имѣлъ возможность еще болѣе расширить кругъ своихъ наблюденій.

Преосвященный Савва, въ мірѣ Иванъ Тихомировъ, сынъ пономаря Крестовоздвиженской церкви при селѣ Палихѣ, Шуйскаго у., Владимірской г., родился въ 1819 г. Описывая свое дѣтство и поступленіе въ Шуйское духовное училище, онъ безъ особой горечи вспоминаетъ про убогую обстановку этой храмины духовныхъ наукъ, гдѣ по недостатку средствъ ему пришлось немало потерпѣть. Очевидно въ то время народъ былъ невзыскательный, и всѣ невзгоды и лишенія переносились болѣе хладнокровно, хотя голодать приходилось довольно. Нѣкоторымъ пособіемъ ученикамъ была плата за участіе въ хорѣ богатаго Шуйскаго купца Киселева, который, какъ видно, былъ дѣйствительно благодѣтелемъ своего родного города.

„Въ 1830 г. въ Шуѣ умерли отъ холеры два именитыхъ купца, Василій Максимовичъ и сынъ его Діомидъ Васильевичъ Киселевы. Смерть приключилась имъ въ Дуниловѣ, куда они оба пріѣхали, по своимъ торговымъ дѣламъ, въ пятничный день, на еженедѣльный базаръ. Это было для Шуи событіемъ великой важности. Какъ происходило погребеніе этихъ своего рода

магнатовъ, я не помню. Наслѣдниками милліоннаго состоянія Василія Максимовича остались два внука, сыновья Діомида Васильевича, Иванъ и Димитрій Діомидовичи. Ивану Діомидовичу было около 20-ти лѣтъ, а Димитрій тремя или четырьмя годами моложе его. Иванъ Діомидовичъ, принявъ въ свои руки коммерческія дѣла своего дѣда и отца, не только не разстроилъ ихъ, но и значительно расширилъ. Владѣя, совмѣстно съ братомъ, богатымъ наслѣдіемъ своего предка, онъ много дѣлалъ добра не только для города, но и для всего Шуйскаго уѣзда. Много лѣтъ онъ былъ градскимъ головою и на свои средства выстлалъ камнемъ городскія улицы, устроилъ на площадяхъ фонтаны, имѣлъ, кромѣ городской, собственную пожарную команду и съ нею всюду первый являлся на пожары, содержалъ на свои средства при приходской Крестовоздвиженской церкви пѣвческій хоръ и т. д. Но вѣнцомъ его благодѣяній для города была превосходная больница съ домовою при нея церковью и особымъ причтомъ. Устройство этой больницы съ вѣковымъ ея обезпеченіемъ стоило, какъ мнѣ сказывали, не менѣе милліона рублей ассигнаціями. Чтò касается до уѣзда, то всѣ, какъ Шуйскіе, такъ и окрестные мануфактуристы получали для своихъ фабрикъ единственно изъ рукъ Киселева хлопчатую бумагу пряденую и пользовались неограниченнымъ кредитомъ. Иванъ Діомидовичъ, хотя самъ и не получилъ высокаго образованія, но сочувствуя всему доброму и полезному, основалъ у себя библіотеку, ежегодно пополнявшуюся всякаго рода литературными произведеніями. И эта библіотека была открыта для всѣхъ желавшихъ ею пользоваться; изъ нея брали для чтенія книги всѣ почти помѣщики Шуйскаго уѣзда, большею частію люди небогатые". „Но по мѣрѣ расширенія торговыхъ оборотовъ, годъ отъ году возрастала у Киселевыхъ и роскошь. Домъ не очень обширный, но блиставшій всякаго рода украшеніями, прислуги при домѣ до 300 человѣкъ, лошади и экипажи самые дорогіе, оранжереи и птичники съ разнообразными птицами, ежедневные почти пиры, балы и всякаго рода увеселенія. Однимъ словомъ, въ роскоши Киселевы не уступали иному владѣтельному Нѣмецкому князю или герцогу. Мнѣ сказывали, что они получали чистаго годового дохода до милліона рублей и проживали до 700 т. рублей; хотѣли бы проживать болѣе уже, но не умѣли".

Киселевы впослѣдствіи разорились, и авторъ, будучи въ 1858 году на обѣдѣ одного богатаго помѣщика, среди Шуйскаго соборнаго духовенстваи и именитыхъ гражданъ встрѣтилъ нѣкогда знаменитаго богача И. Д. Киселева, который въ это время былъ уже въ бѣдственномъ положеніе, но свое несчастіе переносилъ съ удивительнымъ христіанскимъ благодушіемъ.

О своемъ пребываніи во Владимирской Семинаріи авторъ оставилъ немало повѣствованій. Ректоромъ былъ архимандритъ Поликарпъ изъ сельскихъ священниковъ. Какъ не получившій академическаго образованія, онъ не могъ преподавать, разумѣется, никакого предмета. Онъ поступилъ на эту должность по ходатайству графини А. А. Орловой-Чесменской. Умный и кроткій инспекторъ о. Митрофанъ былъ скоро смѣненъ, подвергнувшись тяжкому искушенію. Владимиръ былъ мѣстомъ его семинарскаго образованія, во время

коего онъ имѣлъ здѣсь недобрыя связи и знакомства. Возвратившись снова сюда послѣ четырехлѣтняго воспитанія въ Петербургской Академіи, онъ, не смотря на свой монашескій санъ, возобновилъ прежнія знакомства и связи, которыя его погубили безвозвратно. Разъ поздно ночью, возвращаясь изъ дома одного изъ своихъ недобрыхъ друзей въ нетрезвомъ видѣ, онъ взятъ былъ въ полицію. О такомъ случаѣ преосвященный не могъ, разумѣется, не довести до свѣдѣнія высшаго начальства. Вслѣдствіе сего, несчастнаго о. Митрофана удалили вовсе отъ Семинаріи и послали въ число братства въ Переславскій Даниловъ монастырь, состоявшій подъ управленіемъ ректора семинаріи архимандрита Поликарпа. Но и здѣсь онъ не долго оставался; его перевели почему-то въ Южскую Дороѳееву пустынь Ярославской епархіи, гдѣ онъ погибъ наконецъ самымъ бѣдственнымъ образомъ; не помню, кто мнѣ разсказывалъ, что о. Митрофанъ, отлучившись разъ въ зимнее время изъ пустыни, болѣе въ нее не возвращался, и только уже весною найденъ былъ на полѣ или въ лѣсу съ выклеванными глазами. Къ чему же, невольно спросишь, служитъ наша высокая ученость безъ твердыхъ нравственныхъ правилъ?!»

Вмѣсто Митрофана былъ назначенъ іеромонахъ Рафаилъ, бывшій профессоръ Кіевской Академіи, по выходѣ изъ которой „за сомнительность въ образѣ мыслей“ содержался нѣкоторое время въ заточеніи въ Суздальскомъ монастырѣ, какъ бы по случаю разстройства*). По поводу этого назначенія Владимирскій архіерей Парѳеній писалъ митрополиту Серафиму: „Семинарія многолюдная, но ректоромъ старой печати я доволенъ. Новопечатнаго инспектора, невоздержнаго и неустроеннаго, спустилъ. Заступившій его мѣсто баккалавръ Кіевскій Рафаилъ, за норовъ свой попавшій въ Спасо-Евѳиміевъ монастырь и тамъ обсидѣвшійся, кажется, надеженъ“.

По окончаніи курса въ Семинаріи авторъ Записокъ женился и въ 1842 г поступилъ въ Муромъ на священническое мѣсто, съ назначеніемъ учителемъ приходскаго училища. Но недолго пришлось ему прожить въ Муромѣ: черезъ три года у него умерли жена и ребенокъ, и онъ, отказавшись отъ священническаго мѣста, поступилъ въ Московскую Духовную Академію. Это было въ 1846 г. Составъ академическихъ профессоровъ тогда былъ замѣчательный. Особенно славились Ѳ. А. Голубинскій, С. К. Смирновъ, Н. П. Гиляровъ-Платоновъ и іеромонахъ Ѳеодоръ Бухаревъ.

Въ 1847 г. появилась холера, но она повидимому мало коснулась и посада, и Академіи. По поводу ея авторъ приводитъ письмо своего товарища Быстрицкаго, въ которомъ упоминается, что въ Москвѣ холера все усиливается... „Съ этимъ общимъ несчастіемъ, посѣщеніемъ гнѣва Божія, соединилась еще злоба людей. Поляки злодѣйствуютъ въ Москвѣ, стараются отравлять ядомъ, покушаются бросать оный въ колодези. Но ихъ злодѣйства открываются. У насъ вчерашній день прошелъ слухъ, что 6 человѣкъ студентовъ Университета отравились, что 8-мь человѣкъ погибли отъ яда, положеннаго въ вино цѣловальникомъ, подкупленнымъ злодѣями. Кстати о злодѣяхъ-Поля-

*) Исторія Владимирской Семинаріи Малицкаго. II, 109.

кахъ. По ихъ милости и старанію, сгорѣла вся почти Кострома и въ тоже время множество домовъ въ нашемъ Ивановѣ. Одинъ изъ злоумышленниковъ, докторъ открытъ; попались въ этомъ дѣлѣ и бѣдные семинаристы, двое; они повинились въ поджигательствѣ, взявши отъ злодѣевъ денежную награду за это дѣло, и положили пятно на Семинарію".

Въ 1848 году авторъ постригся въ монашество, а въ 1850 г. окончилъ Академію и былъ назначенъ ризничимъ Патріаршей библіотеки. Онъ дѣятельно занимался своей должностью и составилъ прекрасный указатель къ обозрѣнію ризницы. Описывая посѣщеніе библіотеки разными лицами, авторъ упоминаетъ о встрѣчѣ своей въ 1853 г. съ оберъ-прокуроромъ св. Сѵнода графомъ Протасовымъ. „Графъ пріѣзжалъ въ Москву съ особымъ высочайшимъ порученіемъ къ митрополиту Филарету. По поводу извѣстнаго расхищенія Политковскимъ суммъ, принадлежавшихъ Комитету о раненыхъ воинахъ, Государю Николаю Павловичу угодно было обратить вниманіе на то, достаточно ли охраняются монастырскія и церковныя сокровища. Поэтому на Московскаго владыку была возложена обязанность составить твердыя и основательныя правила объ охраненіи этихъ сокровищъ, заключающихся въ древнихъ священныхъ утваряхъ, ризничныхъ принадлежностяхъ, старинныхъ печатныхъ книгахъ и рукописяхъ и проч. [1]) Съ этою именно цѣлію графъ Николай Александровичъ и пріѣзжалъ въ Москву. Посѣтивъ Синодальную библіотеку (ризница, по случаю передѣлокъ въ Синодальномъ домѣ, оставалась еще неразобранною въ Гостунскомъ соборѣ), онъ, между прочимъ, обратился ко мнѣ съ слѣдующими благосклонными словами: „Знаете ли, о. ризничій, вѣдь ваше положеніе такое же, какъ барона Корфа (директора Императорской Публичной библіотеки); у васъ на рукахъ такія же сокровища, какъ и у него". Точно такъ, ваше сіятельство, подумалъ я про себя: между мною и барономъ Корфомъ есть сходство, но есть и немалое различіе. У барона есть не одинъ помощникъ, а у меня ни одного; у барона десятки слугъ и сторожей, у меня ни одной души; баронъ получаетъ жалованья нѣсколько тысячъ, а я и одной не получаю (мое жалованье было 800 р. с.). А между тѣмъ, при столь различныхъ условіяхъ, требованія исправности по службѣ одинаковы" [2]).

О Снѣгиревѣ, посѣщавшемъ ризницу, въ Запискахъ занесено: „Ив. Мих. Снѣгиревъ, бывшій профессоръ Московскаго университета, затѣмъ членъ Цензурнаго Комитета и наконецъ извѣстный археологъ. При ученыхъ своихъ достоинствахъ онъ имѣлъ и важные нравственные недостатки. Главный его недостатокъ это злоязычіе, простиравшееся иногда до кощунства. Его острый и желчный языкъ никого не щадилъ, въ особенности тѣхъ, съ коими онъ

---

[1]) Какъ цѣнилъ Николай Павловичъ памятники древней Руси, видно изъ того, что, подписывая дозволеніе князю М. А. Оболенскому занять должность начальника Московскаго Архива Иностранныхъ Дѣлъ, онъ перекрестился (Слышано отъ Д. В. Полѣнова. П. Б.

[2]) Вообще, если сравнить, сколько тратитъ государство на образованіе свѣтское и сколько на духовное, разница выходитъ оскорбительно-плачевная. П. Б.

былъ почему-либо въ неблагопріятныхъ отношеніяхъ. Предметомъ его колкихъ остротъ и сарказмовъ нерѣдко былъ даже великій Филаретъ; но въ особенности онъ преслѣдовалъ своею, часто грубою и неприличною, бранью бывшаго попечителя Московскаго Учебнаго Округа Владимира Ивановича Назимова [1]) за то, что онъ удалилъ его отъ должности цензора".

„Съ Снѣгиревымъ, какъ археологомъ, сначала я былъ въ мирныхъ и добрыхъ отношеніяхъ; но потомъ его дружба обратилась въ непримиримую ко мнѣ вражду. И вотъ какой былъ къ этому поводъ. Однажды сидѣли у меня ректоръ Москов. семинаріи, архим. Леонидъ и инспекторъ, архим. Игнатій. Приходитъ и Снѣгиревъ. Не успѣлъ онъ сѣсть въ кресло, какъ сейчасъ-же началъ говоритъ неприличныя остроты на счетъ митрополита, въ присутствіи его внука, архим. Игнатія. Затѣмъ отъ митрополита обратился къ Назимову и порицалъ его самыми оскорбительными словами. О. Леонидъ былъ въ весьма дружественныхъ отношеніяхъ съ Назимовымъ, какъ человѣкомъ очень благочестивымъ; былъ и я съ нимъ хорошо знакомъ. Слыша ругательства со стороны непрошеннаго гостя на почтеннаго генерала Назимова, мнѣ стало обидно и за себя, и за Леонида. Я вступился за честь Владимира Ивановича. Но моя горячая защита Назимова такъ оскорбила Снѣгирева, что онъ, вставши съ креселъ, тотчасъ ушелъ отъ меня и съ тѣхъ поръ ни разу уже не бывалъ. Еще болѣе разгнѣвался на меня г. Снѣгиревъ за указаніе въ изданномъ мною Указателѣ Патріаршей Ризницы его археологическихъ ошибокъ, допущенныхъ имъ при описаніи нѣкоторыхъ предметовъ ризницы, какъ напр. панагіи № 10, митры патріарха Никона и пр.".

Авторъ говоритъ о кончинѣ императора Николая и о сборѣ въ Чудовѣ монастырѣ властей для присяги новому Императору. „На Ивановской колокольнѣ производился торжественный звонъ. И что же случилось во время этого звона? Второй колоколъ, въ двѣ тысячи пудовъ, оборвался, пробилъ въ колокольнѣ нѣсколько сводовъ и упалъ на землю, причинивъ своимъ паденіемъ гибель нѣсколькихъ людей. При этомъ, столь грустномъ и неблаговременномъ событіи, пострадало до 15-ти человѣкъ, изъ коихъ одни тутъ же умерли, а другіе остались въ живыхъ, но съ страшными ранами и увѣчьемъ. Пострадавшіе всѣ почти принадлежали къ семействамъ Ивановскихъ звонарей, коихъ квартиры находились и понынѣ находятся въ колокольнѣ подъ колоколами". Прискорбное происшестіе это возбудило въ Москвѣ и внѣ ея множество разнообразныхъ толковъ, особенно въ мірѣ раскольниковъ, противъ коихъ незадолго предъ тѣмъ приняты были нѣкоторыя репрессивныя мѣры.

Съ бывшими профессорами Академіи авторъ продолжалъ вести переписку и между прочимъ съ знаменитымъ архимандритомъ Ѳеодоромъ Бухаревымъ, который жилъ въ Переславскомъ Никитскомъ монастырѣ. Архимандритъ этого монастыря Нифонтъ присылалъ Саввѣ для прочтенія рукописный отрывокъ изъ толкованія архимандрита Ѳеодора на Апокалипсисъ. „Много (пишетъ преосвященный Савва) я нашелъ очень страннаго въ этомъ толкованіи. Между

*) Впослѣдствіи генералъ-губернатора Сѣверо-западнаго края (†11 Февраля 1874 года).

прочимъ, архим. Өеодоръ, не помню, какія слова Апокалипсиса прилагалъ къ заштатному священнику г. Углича Петру [1]), котораго о. Өеодоръ былъ усерднымъ почитателемъ и который пользовался въ народѣ за свою строгую жизнь большимъ уваженіемъ. О. Петра Өеодоръ называлъ вселенскимъ благочиннымъ и о немъ между прочимъ писалъ, что онъ 30 лѣтъ не приступалъ къ причащенію Св. Таинъ, неся въ этомъ лишеніи на себѣ епитимію, какъ вселенскій благочинный, за всѣхъ священниковъ, недостойно причащающихся".

Савва въ 1861 г. заѣзжалъ въ Переславль и посѣтилъ въ Никитскомъ монастырѣ арх. Өеодора, уже оставившаго должность члена С.-Петербургскаго Цензурнаго Комитета. Онъ занимался въ Никитской обители исключительно литературою. Вскорѣ послѣ этой поѣздки Савва писалъ къ преосвященному Леониду: „Не знаю, не огорчу ли я ваше преосвященство въ настоящемъ вашемъ положеніи, если сообщу вамъ то, что̀ слышалъ на сихъ дняхъ о Переславскомъ заточникѣ, о архим. Өеодорѣ. Вообразите, какой рѣшительный шагъ онъ намѣренъ сдѣлать въ своемъ несчастномъ положеніи: рѣшается снять съ себя монашескій санъ, и едва ли уже не послалъ въ Св. Синодъ объ этомъ прошеніе. Поводомъ къ сему послужило объявленное ему въ минувшій постъ запрещеніе издать въ свѣтъ извѣстное его толкованіе на Апокалипсисъ. О. Өеодоръ, кажется, всегда былъ близокъ и преданъ вамъ. Если вашему преосвященству позволяютъ силы, не поспѣшите ли вы написать ему слово вразумленія? Можетъ быть, ваше архипастырское слово предотвратитъ его гибельную рѣшимость, или возбудитъ въ немъ раскаяніе, если уже онъ отправилъ прошеніе въ Синодъ". При этомъ Савва указываетъ на письмо архим. Өеодора къ А. В. Горскому и отвѣтъ ему Горскаго [2]).

„Вы такое сердечное и живое участіе принимаете во мнѣ (писалъ о. Өеодоръ), что мнѣ давно хотѣлось объяснить вамъ мое намѣреніе, или уже предпріятіе, которое неизбѣжно подлежитъ всякимъ перетолкамъ. Мнѣ желательно, чтобы вамъ по крайней мѣрѣ извѣстна была внутренняя пружина, движущая меня къ перемѣнѣ званія. Отъ вашей доброй воли зависитъ согласиться съ моими мыслями, или подвести меня подъ судъ этого Апостольскаго требованія: „кійждо въ званіи, въ немже призванъ бысть, въ томъ да пребываетъ". „Изъ разговоровъ со мною въ Петербургѣ и изъ моихъ сочиненій, если ихъ читаете, вамъ извѣстна моя мысль и даже увѣренность, что, въ настоящемъ броженіи и борьбѣ умовъ и стремленій человѣческихъ, дѣло и духовное и свѣтское, или мірское не иначе можетъ поправиться и умириться, какъ если духовное будетъ нисходить до мірского съ тѣмъ, чтобы понемногу и послѣднее поднялось до значенія и силы духовнаго. Не̇ снизойди Господь съ небесной обители къ намъ на землю, въ нашъ грѣшный міръ, что̀ было бы съ этимъ міромъ, все равно съ православными ли тогда Іудеями, или съ чуждыми церкви язычниками? Вѣдь навѣрное всѣ бы мы погибли. Развивалъ я

---

[1]) Признанному умалишеннымъ.

[2]) Письма о. Өеодора и Горскаго печатаются здѣсь съ рукописи, оказавшейся въ бумагахъ О. М. Бодянскаго, въ моемъ собраніи. А. Т.

эти мысли въ сочиненіяхъ своихъ, но все это остается голосомъ вопіющаго въ пустынѣ. Трудъ мой объ Апокалипсисѣ, который могъ бы сколько-ни будь будить разсуждающихъ къ серьезнымъ мыслямъ и заботамъ о нынѣшнихъ духовныхъ затрудненіяхъ и опасностяхъ, остановленъ... Что же? И мнѣ идти на покой нравственнаго усыпленія? Удовлетвориться напр. назначеніемъ въ какой-либо монастырь, или какою-либо пенсіею? Но вѣдь это было бы нечестно передъ Богомъ и церковію, если судить меня по моей совѣсти, или потому, въ чемъ я признаю и вижу главную бѣду нашего времени. Другіе не хотятъ, ну такъ мнѣ самому ничто не препятствуетъ испытать на дѣлѣ служеніе Христу-Богу и въ мірскомъ званіи. Доберутся до истины и другіе, только бы была эта истина проведена въ самой жизни и тѣмъ получила мѣсто болѣе прочное, чѣмъ по однимъ сочиненіямъ. Далекъ я, досточтимый Александръ Васильевичъ, отъ отрицанія истиннаго благочестія и истинной добродѣтели, или любви къ истинѣ во всѣхъ тѣхъ людяхъ, которые идутъ не по вышеуказанному направленію, какому я хотѣлъ бы весь предаться. Но есть различіе между свѣтомъ дня, болѣе и болѣе угасающаго, и свѣтомъ дня разсвѣтающаго; мерцанія послѣдняго надежнѣе по отношенію къ будущему, чѣмъ ясная заря вечерняя. Примѣненіе притчи понятно".

„Скажете ли, что я не правъ въ своемъ отзывѣ, что другіе не входятъ въ общее со мною направленіе? Посмотри (скажете, пожалуй, мнѣ) на то, какъ наши духовные журналы заняты внѣшнимъ бытомъ духовенства, удобствами ученыхъ и училищъ, или церковно-финансовымъ вопросомъ и т. п. Но дѣло истины выигрываетъ не отъ того, чтобы и сами духовные занимались своимъ духовнымъ помірски, но отъ того, чтобы они выяснили, какъ и мірскимъ или свѣтскимъ людямъ заниматься своими дѣлами по духовному, сохраняя при томъ всю свою самостоятельность. Что же для этого дѣлаютъ наши духовные журналы? Ровно ничего, не исключая ни одного изъ нихъ. Общія мѣста, высказываемыя на этотъ предметъ по временамъ, ничего не выясняютъ и не доказываютъ. Всѣ мы, изволите видѣть, въ важномъ разъясненіи истины обдѣлываемъ болѣе свои дѣлишки, будетъ ли это состоять въ разсчетѣ своекорыстія, или въ стремленіи имѣть ходъ повиднѣе и съ доброю у другихъ славою, или только въ уклончивости отъ опасности нареканій, безпокойства, шума, разногласія съ важными или нужными людьми. Простите меня, ради Бога, за подобныя рѣчи, которыя и мнѣ непріятны. Лучше идти самому путемъ, въ истинности котораго увѣряетъ совѣсть, нежели судить отчуждающихъ отъ этого пути. Высказываю вамъ все это единственно для объясненія моего рѣшительнаго шага".

„Зачѣмъ я, скажете, не боюсь соблазнить другихъ? Не „Домашнюю ли Бесѣду" и сочувствующихъ или потакающихъ ей? Не уклоняться же мнѣ отъ соблазна креста Христова ради тѣхъ, которые упорствуютъ находить этотъ соблазнъ. Обдѣлывающіе же свои дѣлишки соблазнятся только развѣ такъ, къ слову; искренно же благочестивые только поскорбятъ о мнѣ предъ Богомъ. Другіе же пусть, если хотятъ, разсуждаютъ и разсудятъ: что же это въ самомъ дѣлѣ такое дѣлается у насъ. Говорю о знающихъ меня; другимъ

же и дѣла нѣтъ до меня. Впрочемъ и я не хочу же оставлять дѣло служенія истинѣ, только перейду въ свѣтскую область (подчиненную одной и той же съ духовными истинѣ), чтобы не соблазнялись живою внимательностію къ ея дѣлу со стороны Монарха. Если Богъ сохранитъ мнѣ жизнь, желаю идти путемъ служенія Христу Господу въ мірѣ до самыхъ даже крайнихъ предѣловъ внѣшней, мірской жизни".

„Вотъ каковы мои обстоятельства и дѣла и думы. Простите мою откровенность предъ вами, вызываемую вашимъ ко мнѣ участіемъ. Братству академическому, по братски же (слышу) сочувствующему мнѣ, глубокіе мои поклоны. Предаюсь во всемъ Господу. У васъ теперь экзамены, хлопоты, труды, а я вздумалъ затягивать васъ въ длинную бесѣду. Простите".

А. В. Горскій отвѣчалъ.

Отче, брате и друже! Давно просилась душа моя на бесѣду съ вами и особенно личную бесѣду, усты ко устомъ. Но сперва слухи о поѣздкѣ вашей изъ Переславля, потомъ извѣстныя вамъ періодическія работы, возвращающіяся чрезъ каждые два года, отстранили эту мысль. Но теперь возобновившіеся слухи и письмо ваше побуждаютъ замѣнить устную бесѣду, по крайности, письменною. Простите, если немощное слово и озабоченная другими дѣлами душа не найдутъ достаточнаго, отвѣчающаго предмету бесѣды, выраженія. Прискорбно и для насъ извѣстіе, что трудъ вашъ, которому посвящено было столько лѣтъ самаго усерднаго занятія, который стоилъ вамъ столькихъ изысканій, думъ, молитвъ, задержанъ. Зная осторожность нашего духовнаго правительства въ дѣлахъ такого рода, не думаемъ, чтобы этому было причиною совершенное несогласіе его съ вашимъ изъясненіемъ. Навѣрное, если ваше толкованіе было предметомъ общаго разсужденія, были предъявлены какія-либо замѣчанія противъ какихъ нибудь частныхъ недостатковъ, легко исправимыхъ, а можетъ быть не всѣми признаваемыхъ за недостатки, замѣчанія, написанныя подъ вліяніемъ строгихъ понятій о цензурѣ. Но вотъ узы цензуры, по частямъ, начинаютъ разрѣшаться. Надобно ожидать, что при такомъ положеніи дѣлъ и по духовному вѣдомству будутъ сдѣланы измѣненія въ существующихъ правилахъ цензурнаго устава. Но можетъ быть, и не дожидаясь этихъ измѣненій, нашли бы мы средство, при нѣкоторыхъ уступкахъ, провести дѣло ваше въ свѣтъ. Не рѣшитесь ли вы сообщить на нѣсколько времени намъ ваши тетради съ сдѣланными на нихъ замѣчаніями, съ тѣмъ, чтобы мы, пересмотрѣвъ то и другое и подумавъ, на чьей сторонѣ болѣе правды, предложили вамъ нѣкоторыя примирительныя мѣры, въ другихъ же случаяхъ, строго держась воззрѣнія вашего, представили это дѣло на улаженіе нашему мудрому святителю, и такимъ образомъ чрезъ него вновь оно могло бы явиться на судѣ нашей церкви, но уже съ болѣе сильнымъ голосомъ въ пользу вашу?".

Третій томъ Записокъ преосв. Саввы дѣлится на двѣ части. Въ первой описывается жизнь и дѣятельность его въ качествѣ второго (Можайскаго) викарія митрополита Московскаго Филарета (съ 4 Ноября 1862

по 17 Іюня 1866 года): двукратная ревизія М. Д. Академіи, ежегодное обозрѣніе ввѣренной ему части епархіи, участіе въ Комитетѣ по разсмотрѣнію проекта о семинарскомъ уставѣ, разсмотрѣніе свѣдѣній, представленныхъ въ М. Консисторію отъ всѣхъ причтовъ Моск. епархіи по предмету улучшенія способовъ содержанія духовенства. Тогда же онъ напечаталъ „Палеографическіе снимки съ Греческихъ и Славянскихъ рукописей Моск. Синодальной библіотеки VI—XVII вв.“ (Москва 1863 г.) и „Указатель для обозрѣнія патріаршей ризницы“.

Вскорѣ послѣ хиротоніи митр. Филаретъ поручаетъ Саввѣ разсмотрѣть и дать заключеніе по одному замѣчательному дѣлу. Въ Сентябрѣ 1861 года игуменія Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря, въ Кремлѣ, Паисія *) доводила до свѣдѣнія его высокопреосвященства, что архитекторы дворцовой конторы, Рихтеръ и Герасимовъ, по порученію отъ своего начальства, имѣли надобность осмотрѣть прилегающія къ строеніямъ малаго дворца монастырскія зданія и, по осмотрѣ, объявили ей, что они находятъ эти зданія опасными для живущихъ въ нихъ, и потому просила сдѣлать распоряженіе о произведеніи формальнаго изслѣдованія монастырскихъ зданій. Вслѣдствіе сношеній съ IV округомъ путей сообщенія и публичныхъ зданій, два архитектора освидѣтельствовали эти зданія и нашли ихъ дѣйствительно ветхими и опасными для жительства. Тогда отъ настоятельницы монастыря потребованы были по сему дѣлу соображенія. Настоятельница пришла къ мысли о переведеніи Вознесенскаго монастыря на другое мѣсто, именно къ Рождественской церкви, что̀ въ Бутырской слободѣ. Къ этой мысли выразили сочувствіе и прихожане Рождественской церкви. Между тѣмъ резолюціею митрополита отъ 19-го Января 1862-го года предписано было Даниловскому архим. Іакову съ священникомъ Параскіевской, что̀ на Пятницкой, церкви Романовскимъ, войти въ обстоятельное дознаніе ветхости зданій Вознесенскаго монастыря и представляемаго настоятельницею предположенія и представить свои соображенія, что̀ необходимо и что̀ возможно. Архимандритъ и священникъ Романовскій пришли къ убѣжденію въ необходимости сломать большую часть сихъ зданій и предположеніе настоятельницы признали основательнымъ. За тѣмъ, по резолюціи Филарета отъ 29-го Марта, Консисторіею поручено было двумъ ея членамъ, по совѣщаніи съ настоятельницею монастыря, представить обстоятельное мнѣніе. Члены Консисторіи, подтвердивъ предположеніе игуменіи, развили оное въ болѣе подробныхъ чертахъ. Мнѣніе двухъ членовъ утверждено было прочими членами, за исключеніемъ одного Златоустовскаго архим. Евстаѳія.

Митрополитъ, можетъ быть, уступилъ бы столь многимъ голосамъ въ пользу предположенія игуменіи о перенесеніи монастыря за городъ, если бы сама игуменія не помѣшала. Она, безъ вѣдома владыки, обратилась съ докладною запискою къ Государынѣ Императрицѣ, прося ея участія въ этомъ дѣлѣ. Государыня повелѣла своему секретарю отнестись къ митрополиту и спросить

---

*) Паисія (Нудольская) была въ родственныхъ отношеніяхъ съ графомъ Д. Н. Блудовымъ. Скончалась 25 Января 1871 г.

по настоящему дѣлу его мнѣнія. Въ тоже время и Московскій ген.-губернаторъ Тучковъ, по отношенію того же секретаря, обратился ко владыкѣ съ такимъ же запросомъ. Митрополитъ, недовольный самовольнымъ поступкомъ игуменіи, далъ на тотъ и другой запросъ отрицательный отвѣтъ.

Но дѣло этимъ еще не окончилось. Является новое обстоятельство. Десять свѣтскихъ особъ женскаго пола обратились къ митрополиту съ письмомъ отъ 26-го Октября объ учрежденіи общины сестеръ милосердія съ помѣщеніемъ оной въ зданіяхъ Вознесенскаго монастыря, въ случаѣ переведенія сего монастыря въ Бутырскую слободу. По этому письму требовалось также мнѣніе Консисторіи. Въ тоже время митрополитъ относился къ генералъ-губернатору съ запросомъ: можетъ ли быть допущено въ предполагаемой для Вознесенскаго монастыря мѣстности кладбище? Отзывъ полученъ въ утвердительномъ смыслѣ. Консисторія, соглашаясь допустить открытіе въ Вознесенскомъ монастырѣ общины сестеръ милосердія, полагала вмѣстѣ съ тѣмъ открыть отдѣленіе для помѣщенія остающихся наличныхъ монахинь и указныхъ послушницъ въ Бутырской слободѣ, при храмѣ Рождества Богородицы. Но противъ сего опять подалъ голосъ архим. Евстаѳій, отличавшійся своеобразнымъ складомъ мыслей. Вознесенскій монастырь остался и до сихъ поръ остается на своемъ мѣстѣ, въ Кремлѣ.

О перемѣнѣ мыслей митрополита относительно перенесенія Вознесенскаго монастыря изъ Кремля за городъ на Бутырки и объ оставленіи его на прежнемъ мѣстѣ, вотъ что сообщается въ біографіи Угрѣшскаго архим. Пимена, составленной однимъ изъ его послушниковъ Д. Благово.

.... „Казалось все уже рѣшеннымъ, но нетерпѣніе игуменіи (Нудольской), желавшей скорѣе перенести монастырь изъ Кремля въ загородное мѣсто, совершенно измѣнило ходъ дѣла: игуменія писала въ Петербургъ и просила, чтобъ оттуда написали владыкѣ и его поторопили. Она отправилась къ митрополиту. Онъ принялъ ее весьма сурово.—Ты писала въ Петербургъ о твоемъ желаніи перенести Вознесенскій монастырь? спросилъ онъ ее съ недовольнымъ видомъ.—Писала, владыко святый, отвѣчала она.—Ты избираешь косвенные пути... Кто же дозволилъ тебѣ ходатайствовать о семъ дѣлѣ, помимо начальства? И ты думала этимъ ускорить дѣло? Но я прихожу теперь къ совершенно иному заключенію и полагаю, что монастырь вовсе не слѣдуетъ переносить. — Такъ это какъ же? спросила игуменія съ изумленіемъ, вѣдь и вы же сами изволили соглашаться...—Да, соглашался и вижу, что ошибался, а теперь измѣнилъ мнѣніе: монастырь историческій, переносить его не слѣдуетъ, а должно сохранить и возстановить... Игуменія ужасно оскорбилась и начала говорить владыкѣ колкости и дерзости.

Митрополитъ позвонилъ.—Проводи, сказалъ онъ вошедшему человѣку, указывая на игуменію, а самъ всталъ и вышелъ.

Комитету велѣно было сдѣлать новый осмотръ и болѣе точное изслѣдованіе. Дѣйствія комитета не соотвѣтствовали однако желаніямъ владыки; онъ упразднилъ его и представилъ собственное мнѣніе, что переносить монастырь не видится надобности, и это мнѣніе было утверждено Св. Сѵнодомъ.

Потерявъ довѣріе къ комитетамъ, митр. Филаретъ рѣшился довѣрить возобновленіе Вознесенскаго монастыря одному лицу и потребовалъ къ себѣ архим. Пимена.—Я хочу дать тебѣ порученіе, сказалъ онъ и, объяснивъ ему всѣ предшествовавшія обстоятельства, спросилъ его: что̀ ты мнѣ на это скажешь, возьмешься ли за это дѣло? Архимандритъ отвѣчалъ ему, что онъ отказываться не смѣетъ, но опасается только, сумѣетъ ли угодить ему и довольна ли останется его дѣйствіями игуменія.—А тебѣ какое до этого дѣло? Дѣйствуй какъ почитаешь нужнымъ, а объ остальномъ не заботься и ничего не опасайся. Тогда архимандритъ снова сказалъ: Нужны будутъ на это деньги, имѣются ли онѣ въ монастырѣ?—Это тебя не касается, это дѣло игуменіи, она должна дать деньги; не имѣетъ, достанетъ.

Въ Августѣ 1863 г. послѣдовалъ указъ Консисторіи на имя архим. Пимена, извѣщавшій его, что утвержденъ новый комитетъ по случаю перестройки Вознесенскаго монастыря и что онъ назначенъ быть предсѣдателемъ комитета. Работы шли успѣшно... Архитекторомъ при этой постройкѣ былъ А. С. Каминскій, членомъ комитета священникъ Антушевъ.

Въ Январѣ 1865 г. происходили въ Москвѣ дворянскіе выборы въ общественныя должности. 3-го Января въ Чудовомъ монастырѣ, преосв. Леонидъ служилъ и говорилъ дворянамъ рѣчь, въ которой, обращаясь къ дворянству, между прочимъ, сказалъ: .... Господь сохранитъ тебя, тебя, именитое потомство славныхъ мужей временъ Владимира, Ярослава, Димитрія, Іоанна-Собирателя, Петра, Екатерины, Александра... Не знаю, съ умысломъ или нѣтъ, опущено здѣсь имя Николая; но дворянству, вѣроятно, недовольному императоромъ Николаемъ, это опущеніе такъ понравилось, что оно отлитографировало на большомъ листѣ портретъ оратора и вокругъ онаго напечатало его рѣчь. Подъ вліяніемъ современныхъ идей, собранія дворянъ происходили шумно. Среди нихъ зародилась мысль объ учрежденіи въ Россіи конституціи *). Въ этомъ смыслѣ составленъ былъ на имя Государя адресъ. Но прежде, нежели этотъ адресъ достигъ царскаго престола, собранія по высочайшему повелѣнію, были закрыты, а Московскій генералъ-губернаторъ М. А. Офросимовъ, за допущеніе составить такой адресъ, получилъ отставку.

Въ числѣ разныхъ дѣлъ преосв. Саввѣ было поручено разсмотрѣть посланную митрополиту при указѣ Св. Сѵнода рукопись свящ. І. Бѣлюстина подъ заглавіемъ „Страстная недѣля по поводу сказаній Евангельскихъ, съ примѣчаніями и очеркомъ предшествовавшихъ событій". О. Іоаннъ Стефановичъ Бѣлюстинъ, извѣстный писатель по церковно-общественнымъ вопросамъ, былъ священникомъ въ Калязинѣ, гдѣ и † 1890 г. около 70 лѣтъ отъ роду. Онъ писалъ во многихъ періодическихъ изданіяхъ, преимущественно въ Московскихъ, и былъ однимъ изъ видныхъ сотрудниковъ Церковно-общественнаго Вѣстника, въ которомъ между прочимъ помѣстилъ статью о Константинѣ Великомъ, причинившую ему сильныя непріятности, какъ впрочемъ и

*) Наѣвшись щей, напившись квасу, ихъ разобралъ патріотизмъ... (*С. А. Соболевскій.* „Р. Арх." 1881, II, 494). П. Б.

всѣ остальныя его изданія. Въ концѣ 1850-хъ годовъ много шуму надѣлало его сочиненіе о сельскомъ духовенствѣ въ Россіи, напечатанное безъ его вѣдома заграницей М. П. Погодинымъ. Намъ остается однако пожалѣть, что до сихъ поръ нѣтъ обстоятельной біографіи этого замѣчательного протоіерея, конечно въ связи съ вѣяніями его времени.

Рукопись Бѣлюстина была прислана для разсмотрѣнія 3 Октября, и въ тотъ же день Савва пишетъ, что онъ получилъ письмо отъ оберъ-прокурора Св. Сvнода графа Д. А. Толстого съ просьбою ускорить доставленіемъ своего отзыва объ этой рукописи. Требованіе это преосвященному Саввѣ показалось нѣсколько страннымъ, и онъ, употребивъ на разсмотрѣніе немалое время, представилъ докладъ весьма интересный. Въ своихъ замѣчаніяхъ преосвященный между прочимъ указываетъ, что „нелегкую обязанность возлагаетъ сочинитель на своихъ читателей, рекомендуя имъ для провѣрки свѣдѣній, заключающихся въ его небольшомъ очеркѣ и заимствованныхъ, якобы изъ сочиненій Іосифа Флавія, прочитать всѣ сочиненія сего писателя, заключающіяся въ нѣсколькихъ томахъ. Но что̀ неудобоисполнимо для каждаго читателя сочиненія свящ. Бѣлюстина, то почти обязательно для того, кто имѣетъ отъ начальства спеціальное порученіе внимательно разсмотрѣть это сочиненіе. Посему я долгомъ поставилъ, если не всѣ указанныя свящ. Бѣлюстинымъ сочиненія І. Флавія прочитать отъ начала до конца, по крайней мѣрѣ провѣрить тѣ мѣста, которыя показаны на поляхъ разсматриваемой мною рукописи. Но, сличивши всѣ мѣста, указанныя свящ. Бѣлюстинымъ съ подлинными сочиненіями І. Флавія, я, къ удивленію, многаго здѣсь не нашелъ“.

Указавъ на совершенное отсутствіе тѣхъ главъ, на которыя ссылался Бѣлюстинъ, преосвященный пишетъ: „Къ крайнему удивленію, открывается, что сочинитель свѣдѣнія свои, заключающіяся въ его очеркѣ событій предшествовавшихъ послѣднимъ днямъ земной жизни Спасителя, а равно и въ примѣчаніяхъ его къ Евангельскому тексту, заимствовалъ не изъ первоначальнаго, на который онъ указываетъ, а изъ другого, болѣе мутнаго, источника: это, пресловутое сочиненіе Ренана: Vie de Jésus“. Преосвященный Савва пришелъ къ заключенію, что сочиненіе Бѣлюстина напечатано быть не можетъ.

Вслѣдствіе такого отзыва, рукопись свящ. Бѣлюстина Св. Сѵнодомъ была запрещена, и указомъ отъ 14-го Августа 1867 г. предписано Тверскому архіепископу Филоѳею: 1) внушить свящ. Бѣлюстину, что подобное произведеніе, по большей части или всецѣло заимствованное изъ сочиненія, пріобрѣтшаго извѣстность своею неблагонамѣренностію и написаннаго съ цѣлію устранить идеи о божественности лица Господа І. Христа, откровенія, чудесъ и домостроительства въ искупленіи рода человѣческаго, и поколебать самыя первыя основанія христіанства, недостойно православнаго священника, и 2) обратить особое архипастырское вниманіе на образъ мыслей и направленіе свящ. Бѣлюстина.

„Графъ Д. А. Толстой, покровительствовавшій свящ. Бѣлюстину, когда прочиталъ мой разборъ и критику на его сочиненіе, перемѣнилъ свое о немъ мнѣніе и одобрительно отзывался о моемъ разборѣ, бывши въ Твери въ

Октябрѣ 1869 г. Вотъ что писалъ по этому поводу изъ Твери въ Витебскъ начальницѣ женскаго духовнаго училища, баронессѣ М. А. Боде, извѣстный Ѳ. Н. Глинка: „На дняхъ я обѣдалъ съ министромъ народнаго просвѣщенія и дух. дѣлъ, Д. А. Толстымъ. Мнѣ отрадно было слышать его отзывъ о вашемъ архіереѣ. Въ бытность викарнымъ у Филарета, ему порученъ былъ разборъ книги безпокойнаго свящ. Бѣлюстина, и этотъ разборъ обнаружилъ въ рецензентѣ и тактъ, и ученость, и высокое пониманіе православія".

Надо сказать, что о. Бѣлюстинъ свое сочиненіе отдавалъ въ духовную цензуру еще въ 1865 году, но цензоръ архим. Сергій Назаретскій безъ своего исправленія не соглашался его пропустить. По поводу этого въ нашемъ собраніи сохранилось письмо о. Бѣлюстина къ цензору арх. Сергію отъ 18 Октября 1865 г. изъ Калязина.

„Ваше высокопреподобіе о. архимандритъ.

До крайности изумилъ меня отзывъ, который вы изволили сдѣлать о моей рукописи „Страстная недѣля" корреспонденту моему (отъ котораго сейчасъ только получилъ я увѣдомленіе): „рукопись написана въ такомъ духѣ, что потребуетъ передѣлокъ" и т. д. Въ какомъ духѣ? Смѣю думать, въ духѣ православномъ. Первое отдѣленіе все изъ Евангелій, подстрочныя примѣчанія провѣрены мною по столькимъ источникамъ, что я имѣю основаніе стоять за нихъ до послѣдней возможности, равно какъ и за примѣчанія во второмъ отдѣленіи. Сводъ Евангельскаго сказанія сдѣланъ строжайшимъ образомъ; а кромѣ того, все согласовано съ авторитетомъ нашей церкви: „Начертаніе церковно-библейской исторіи". Послѣ этого рѣшительно не могу додуматься, какой вы изволили усмотрѣть „духъ", требующій передѣлокъ? За ваше намѣреніе взять на себя трудъ этихъ передѣлокъ я приношу вашему высокопреподобію искреннѣйшую, отъ самой глубины души, благодарность. Но не думаю, чтобы это повело къ чему нибудь: рукопись, во многомъ передѣланную, я скорѣе рѣшусь сжечь, чѣмъ печатать. Въ полной увѣренности, что она отъ вашихъ поправокъ не только ничего не потеряетъ, но, по всей вѣроятности, еще и выиграетъ, я не могу однако же желать, чтобы она вышла въ свѣтъ иною, чѣмъ какою вышла изъ моихъ рукъ, потому что на нее потрачено много думы и труда. Конечно, на послѣднее, на уничтоженіе рукописи, я рѣшусь, испытавши всѣ возможныя средства отстоять ее; по крайней мѣрѣ для меня изъ этого будетъ та выгода, что я окончательно брошу этотъ родъ занятій, который встрѣчаетъ такія преграды. Для вашего высокопреподобія это будетъ, несомнѣнно, все равно, что плюнуть; но Господь Богъ, Которому мы служимъ и Который видитъ, что чиста и честна цѣль моихъ трудовъ, уже не взыщетъ съ меня за то, что я, противъ воли и желаній, перемѣнилъ родъ своихъ кабинетныхъ работъ. Будьте добры, ваше высокопреподобіе, не стѣсните меня въ этой рукописи. Если „Священная Исторія Новаго Завѣта", о. Богословскаго, вся переполненая фантазіями, которыя не въ состояніи выдержать самой нестрогой критики (для примѣра: первыя строки 198 стр., гдѣ еще и противорѣчіе: Лк. XXII, 21: Мѳ. XXVI, 25, 26; и послѣднія строки той же страницы, стр. 202, 207—съ половины, 211—

вся, 212, 217—вся, 218—221, и пр. и пр., ему же нѣсть числа; изданіе второе, дважды пропущена цензурой: то за что же особенной строгости подвергнется моя рукопись, въ которой нѣтъ ни одного слова, взятаго изъ собственной моей фантазіи?"

Впослѣдствіи, писалъ преосвященный Савва, о. Бѣлюстинъ это свое сочиненіе исправилъ по его указанію, и оно было допущено С. П. Б. Комитетомъ духовной цензуры въ Февралѣ 1869 г. къ напечатанію [1]).

Не менѣе любопытны и другія записи преосвященнаго Саввы подъ 1866 годомъ.

Для Кіевскаго владыки, пріѣхавшаго въ Москву, потребовались лошади, и преосв. Савва долженъ былъ послать своихъ. Въ прежнее время Московскій владыка не только для такихъ важныхъ особъ, какъ митрополитъ Кіевскій, но иногда и для младшихъ архіереевъ, предлагалъ для поѣздокъ по Москвѣ своихъ коней-шестерню; но съ нѣкотораго времени прекратилъ это, возложивъ эту повинность на своихъ викаріевъ. Поводомъ къ этому послужило слѣдующее обстоятельство. Чрезъ Москву проѣзжалъ въ Іерусалимъ новорукоположенный епископъ Кириллъ (Наумовъ), это было въ Октябрѣ 1857 г. Митрополитъ хотѣлъ оказать ему, какъ епископу-миссіонеру, особенное вниманіе, предложивъ для посѣщенія Московскихъ соборовъ и монастырей шестерню своихъ вороныхъ коней. Преосвященный Кириллъ воспользовался митрополичими конями не только для обозрѣнія Московскихъ достопамятностей, но и для посѣщенія своихъ родныхъ и знакомыхъ. Кто-то изъ его родственниковъ жилъ на одной изъ большихъ Московскихъ улицъ въ верхнемъ этажѣ небольшого флигеля, внизу коего находилось питейное заведеніе. Всѣ мимоѣдущіе и мимоидущіе, видя митрополичій экипажъ у кабака, недоумѣвали, зачѣмъ тутъ митрополитъ. Это сдѣлалось владыкѣ извѣстнымъ, и вотъ съ этихъ поръ онъ пересталъ отпускать свой экипажъ для проѣзжихъ архіереевъ [2]).

По поводу удаленія Полоцкаго архіепископа Василія 27 Марта 1866 г. преосв. Савва пишетъ: „Еще въ 1860 г., по настоянію покойнаго митропо-

---

[1]) Въ 1887 г. Бѣлюстинъ писалъ С. А. Венгерову: „Автобіографія у меня готова, хоть сейчасъ въ печать; но главное ея содержаніе, мои борьбы, за все время моей служебной дѣятельности (48 лѣтъ) съ своимъ чиноначаліемъ, по вопросамъ о духовенствѣ, о свободѣ совѣсти и т. п. и съ духовной цензурой. Возможно ли сообщать все это теперь, особенно при существующихъ условіяхъ печати! Конечно невозможно. Нужно, по крайней мѣрѣ, мнѣ прежде убраться на вѣчный покой; тамъ, послѣ, развѣ что анаѳему провозгласятъ надъ такимъ отчаяннымъ еретикомъ, да ужъ она нисколько не устрашитъ. А теперь еще разъ подвергнуться преслѣдованіямъ, въ родѣ былыхъ, ужъ силъ не станетъ вынести.... Не угодно ли вамъ хоть изъ любопытства просмотрѣть напр. „Страстную недѣлю"? Борьба изъ за нея съ Сѵнодомъ, съ митр. Филаретомъ и Саввою еп. Можайскимъ тянулась ровно пять лѣтъ; много пришлось истратить на нее времени, труда и бумаги, а и брошюра-то вышла небольшая"... (Слов. Венгерова, т. VI).

[2]) Подобный случай былъ съ каретой одного изъ Московскихъ викаріевъ въ концѣ XIX в.: сынъ епископа въ каретѣ своего отца заѣхалъ въ какое-то увеселительное заведеніе и когда выходилъ, то швейцаръ закричалъ: карету преосвященнаго. А. Т.

лита Новгородскаго Григорія, преосвященный Василій, архіепископъ Полоцкій и Витебскій, вынужденъ былъ подать прошеніе объ увольненіи его на покой. Какой былъ къ этому ближайшій поводъ, мнѣ съ достовѣрностію неизвѣстно *). Извѣстно только, что митр. Григорій съ давняго времени питалъ къ преосвящ. Василію личное неудовольствіе. Можетъ быть, при этомъ имѣлъ нѣкоторое значеніе неблагопріятный отзывъ о нравственныхъ качествахъ преосвящен. Полоцкаго, сдѣланный оберъ-прокурору св. Синода, графу А. П. Толстому директоромъ Синодальной канцеляріи Петромъ Ив. Соломономъ, который въ 1858 г., путешествуя, по порученію оберъ-прокурора, по западнымъ Русскимъ епархіямъ, былъ, между прочимъ, въ Витебскѣ. Въ путевыхъ запискахъ своихъ, которыя мнѣ, предъ отправленіемъ на Полоцкую епархію, довелось прочитать, г. Соломонъ пишетъ, между прочимъ, о преосвящ. Василіи со словъ бывшаго тогда губернскаго прокурора (товарища Соломона по воспитанію), что преосвященный часто бываетъ въ гостяхъ, подолгу тамъ остается и предается неумѣренному употребленію вина".

„Еще болѣе могъ служить поводомъ къ удаленію архіеп. Василія отъ управленія епархіею отзывъ флигель-адъютанта князя А. В. Оболенскаго, производившаго въ 1859 г., по высочайшему повелѣнію, осмотръ церквей въ Витебской губерніи. Государь, выслушавъ нелестный отзывъ князя о Полоцкомъ архіепископѣ, послалъ его въ Москву для совѣта съ митр. Филаретомъ, какъ надлежитъ поступить съ архіеп. Василіемъ. Митрополитъ подалъ мысль объ удаленіи его отъ епархіи (объ этомъ лично сообщилъ мнѣ 30 Марта 1881 г. кн. А. В. Оболенскій)".

„Но вслѣдъ затѣмъ, какъ послано было въ Св. Синодъ преосв. Василіемъ прошеніе объ увольненіи его отъ управленія Полоцкою епархіею, получено было въ Витебскѣ извѣстіе о кончинѣ митроп. Григорія. Это было въ Іюнѣ 1860 г. Преосв. Василій тотчасъ же отправилъ по эстафетѣ другое прошеніе, въ которомъ изъяснилъ, что онъ перемѣнилъ свое намѣреніе касательно увольненія его на покой и просилъ прежнее прошеніе оставить безъ послѣдствій. Объ этомъ слышалъ я отъ бывшаго управляющаго Витебскою Казенною Палатою, дѣйств. ст. сов. Матюнина".

„Посланный въ 1863 г., въ званіи главнаго начальника Сѣверо-Зап. края, въ Вильну, для усмиренія Польскаго мятежа, генералъ-отъ-инфантеріи М. Н. Муравьевъ, строго преслѣдовавшій мятежныхъ ксендзовъ и католическихъ епископовъ, зорко слѣдилъ и за дѣятельностью мнимо-православныхъ іерарховъ, возвратившихся въ 1839 г. изъ Уніи и занимавшихъ Минскую и Полоцкую каѳедры. Судя по оффиціальной перепискѣ главнаго начальника края съ Полоцкимъ архіепископомъ, можно ясно видѣть, что отношенія между

*) Не послужило ли, между прочимъ, поводомъ къ сему письмо архим. Витебск. Маркова монастыря Павла, которымъ онъ въ 1859 г. умолялъ митроп. Григорія удалить для блага православія съ Полоцкой каѳедры архіепископа Василія, какъ пастыря, не сочувствующаго видамъ Православія и слишкомъ еще приверженнаго къ Уніи. Черновое письмо архим. Павла найдено было послѣ его смерти, послѣдовавшей въ 1861 г. и истреблено членомъ Полоцкой Дух. Консисторіи свящ. Григ. Лукашевичемъ (впослѣдствіи архимандритомъ), который словесно сообщилъ мнѣ о семъ 22-го Іюля 1877 г.

тѣмъ и другимъ были далеко недружелюбныя. Въ 1864 г. уже началъ носиться слухъ, что Муравьевъ настойчиво требуетъ удаленія архіеп. Василія отъ Полоцкой епархіи. Синодъ такимъ требованіемъ поставленъ былъ въ немалое затрудненіе и не зналъ, какъ въ этомъ случаѣ поступить, не возбуждая укоризненныхъ толковъ въ Западномъ католическомъ мірѣ. Обратились за совѣтомъ къ мудрому Московскому архипастырю Филарету. Тотъ подалъ такой совѣтъ: вызвать архіепископа Полоцкаго въ Св. Синодъ, для присутствованія на годъ, и затѣмъ оставить въ Петербургѣ навсегда. Такъ и было поступлено: въ Маѣ 1865 г. Василій вызванъ, а въ Мартѣ 1866 г., совершенно для него неожиданно, всемилостивѣйше былъ уволенъ отъ управленія Полоцкою епархіею, при чемъ награжденъ званіемъ члена Св. Синода и орденомъ св. Владимира 1-й степени, съ обращеніемъ ему при томъ въ пожизненную пенсію всего содержанія, какимъ онъ пользовался на Полоцкой каѳедрѣ, т. е. около 7.000 рублей. Такая неожиданность, какъ сказывалъ мнѣ бывшій экономъ архіерейскаго дома, игуменъ Тихонъ, сильно поразила преосвященнаго. И дѣйствительно, легко ли ему было разставаться съ епископскою властію, которою онъ 27 лѣтъ пользовался почти неограниченно, съ Польскимъ свѣтскимъ обществомъ, которымъ онъ любилъ себя окружать и въ которомъ находилъ для себя развлеченіе, съ сельско-хозяйственными занятіями, которыя составляли для него едва ли не главный предметъ заботъ и попеченій въ лѣтнюю пору. Агрономія—это, какъ онъ часто выражался, его любимый конекъ. О преосвящ. Василіи, по справедливости, можно сказать тоже, что сказано объ одномъ изъ Іудейскихъ царей (Озіи): „бѣ мужъ любоземледѣленъ“.

Вмѣсто Василія на Полоцкую епархію и былъ назначенъ Савва.

Передъ отъѣздомъ его изъ Москвы представился слѣдующій недоумѣнный случай. Числа 15 Іюля нечаянно является ко мнѣ въ Высокопетровскій монастырь депутація подъ предводительствомъ состоявшаго тогда за прокурорскимъ столомъ Московской Синодальной Конторы чиновника, А. А. Арапова, съ приглашеніемъ на торжественный обѣдъ, который предположено было дать 17-го числа, въ залѣ Московскаго Университета, по случаю возобновленія изданія „Московскихъ Вѣдомостей“ подъ редакціею М. Н. Каткова и П. М. Леонтьева. Такъ какъ мнѣ было извѣстно, что изданіе „Московскихъ Вѣдомостей“ было прекращено на нѣсколько мѣсяцевъ, по распоряженію правительства, за какія-то непомѣрно рѣзкія статьи, оскорбительныя для министра внутреннихъ дѣлъ, П. А. Валуева *), и какъ предположенный обѣдъ по случаю возобновленія изданія этихъ Вѣдомостей былъ, по моему мнѣнію, ничто иное, какъ открытая демонстрація противъ министра: то я почелъ неблагоразумнымъ и неприличнымъ принять участіе въ такомъ обѣдѣ, и потому уклонился отъ приглашенія. Но такъ какъ на эту пору въ Москвѣ кромѣ меня не было другого архіерея (преосвящ. Леонидъ отправился въ свой Саввинскій Звенигородскій монастырь), и какъ распорядителямъ пиршества, очевидно, хотѣлось, чтобы за обѣдомъ непремѣнно присутствовалъ архіерей: то

---

*) Петра Александровича, графа † 27 Января 1890 г.

таже депутація и, помнится, въ большемъ еще количествѣ членовъ на другой день вторично явилась ко мнѣ и почти настоятельно требовала, чтобы я былъ за обѣдомъ. Но я рѣшительно отказался отъ такой чести. Мой отказъ отъ участія въ пиршествѣ, безъ сомнѣнія, оскорбилъ не только депутацію, но и почтенныхъ виновниковъ торжества, какъ показали послѣдствія. Недоумѣвая, правильно или нѣтъ поступилъ я въ настоящемъ случаѣ, я обратился за разрѣшеніемъ этого недоумѣнія къ мудрому рѣшителю всякихъ недоумѣній моихъ, митрополиту. Въ день самаго обѣда, 17-го числа, писалъ я, между прочимъ, къ владыкѣ:

„На ряду съ дѣлами службы позвольте повергнуть на воззрѣніе и судъ вашего высокопреосвященства мой частный поступокъ. Сегодня данъ былъ, по подпискѣ, обществомъ избранныхъ лицъ въ залѣ Университета обѣдъ по случаю возобновленія изданія „Московскихъ Вѣдомостей“ подъ редакціею Каткова и Леонтьева. Распорядители обѣда въ числѣ 4-хъ человѣкъ (между ними А. А. Араповъ) еще третьяго дня явились ко мнѣ съ приглашеніемъ и почти настоятельно требовали, чтобы я принялъ участіе въ этомъ торжественномъ обѣдѣ. Не имѣя близкаго знакомства ни съ г. Катковымъ, ни въ особенности съ Леонтьевымъ, и смотря на этотъ обѣдъ не иначе, какъ на особаго рода демонстрацію, я не рѣшился изъявить свое согласіе на участіе въ этомъ обѣдѣ, чѣмъ, вѣроятно, оскорбилъ пригласителей. Хорошо или худо поступилъ я въ настоящемъ случаѣ, благоволите, высокопреосвященнѣйшій владыко, произвести вашъ справедливый судъ и тѣмъ вывесть меня изъ недоумѣній“. Вотъ что̀ на это отвѣчалъ мнѣ владыка отъ 20 числа: „Что вы уклонились отъ обѣда въ честь г. Каткова, то, думаю, неизлишняя осторожность. Онъ человѣкъ достойный уваженія и сочувствія; но людямъ, преимущественно церковнымъ, иногда неполезно вдаваться въ явленія политическія, хотя и благонамѣренныя. Пожелаемъ г. Каткову продолженія полезной дѣятельности, не держа во время сего желанія въ рукахъ чаши съ виномъ“.

Вскорѣ преосвященный получилъ и подробныя свѣдѣнія о своей новой епархіи.

„Въ Витебской губерніи Латыши-католики желаютъ принять вѣру царя, т. е. православную, но этому дѣлу мѣшаютъ ксендзы и помѣщики... Ксендзы стараются даже совсѣмъ стирать и уничтожать православные приходы.... Особенную силу въ уѣздахъ имѣютъ мировые посредники, назначаемые теперь изъ Русскихъ. Но мало быть только Русскимъ, нужно принять на себя весь трудъ уничтоженія полонизма, а на это не всѣ способны по неразвитости убѣжденій, лѣни и др. причинамъ. Такъ, на вопросъ предсѣдателю съѣзда Д... о томъ, какъ идетъ дѣло Православія, онъ отвѣчалъ: „А намъ что за дѣло до него? Это не наше дѣло, пускай присылаютъ миссіонеровъ“. Духовная Консисторія организована плохо, а потому плохо и поддерживаетъ православныхъ священниковъ. Вотъ одинъ современный случай. Одна женщина перешла изъ Католицизма въ Православіе, вслѣдствіе чего начались противъ нея преслѣдованія со стороны католиковъ. Бѣдная женщина убѣжала къ православному священнику; но священникъ сказалъ ей, что онъ только тогда

можетъ защитить ее, если она подастъ жалобу ему и въ Консисторію, и сталъ хлопотать о ней. Каково же было удивленіе священника, когда онъ получилъ отъ Консисторіи замѣчаніе, чтобы онъ не вмѣшивался не въ свои дѣла?.. Сельскіе пастыри слишкомъ равнодушны къ своимъ прихожанамъ-крестьянамъ, не заботятся объ ихъ образованіи, а пекутся только о своихъ выгодахъ... Притомъ большая часть духовенства не есть чисто-православные по духу и не воспитывались въ Православіи. Бывшій архіерей Витебскій Василій въ душѣ, какъ говорятъ, остался уніатомъ. Въ Динабургѣ православные задумали построить церковь и собрали сумму. Когда имъ дано позволеніе начать стройку, архіерей Василій прислалъ для производства работъ подрядчика своего родственника (Глазко или Реута), который потомъ за что-то былъ сосланъ въ Сибирь... Храмъ вышелъ хорошъ, но угрожаетъ паденіемъ"...

Замѣчательна и выписка изъ письма А. В. Рачинскаго, состоявшаго въ распоряженіи попечителя Виленскаго учебнаго округа. „Что скажете вы о православно-русскомъ монастырѣ, въ которомъ, въ благословенное 1866-е лѣто, Божественная служба совершается по уніатскимъ книгамъ 1761 г., изданнымъ въ Почаевѣ, при полномъ отсутствіи круга Православно-Русскаго Московской, Кіевской или иной печати, и когда, по сознанію самого настоятеля, 16 Сентября отправляется на ряду служба блаженно-мученику Іосафату Кунцевичу?.. Надъ клиросомъ повѣшено огромное изображеніе распятаго Спасителя, со креста правою рукою дающаго благословеніе преклоненному предъ нимъ Базиліану въ орденской одеждѣ... Въ ризницѣ древнее во весь ростъ изображеніе Іосафата Кунцевича; въ одной рукѣ у него пылающее сердце съ пальмовою вѣтвію, а въ другой—чаша съ мученическою кровію; ликъ и вбитый въ чело бердышъ слабо закрашены, и по обѣ стороны раздѣленная надпись: „Св. Василій Великій". Въ этомъ же монастырѣ до весны настоящаго года хранился въ ризницѣ ковчегъ съ локтевою частію руки Іосафата Кунцевича. Предметы эти взяты въ Консисторію и нынѣ тамъ хранятся, ожидая разрѣшенія новаго преосвященнаго... На горнемъ мѣстѣ главнаго алтаря, въ углубленіи каменной стѣны, найдена надпись углемъ слѣдующаго содержанія: „1837 г. Ноября 4 дня сюда вставлено (sic!) бутылку (sic!) водки совершенно полную. Іеромонахъ Симеонъ-Прусакъ, св. Василія ордена инокъ". Подъ подписью найдена бутылка, дѣйствительно почти полная, опечатанная печатью съ изображеніемъ архимандричьей митры, крыжа, жезла и подъ щитомъ буквы: „X. S. P. B.", т. е. „ксендзъ Сумеонъ-Прусакъ Базиліанъ". Въ такомъ видѣ найденъ мною 1-го минувшаго Іюня 2-классный Тадулинскій монастырь *), служившій во время оно столицею Бѣлорусскимъ Базиліанамъ. Ризница Николаевскаго каѳедральнаго собора въ Витебскѣ, передѣланнаго изъ іезуитскаго костела, кромѣ предметовъ самаго скуднаго вида, служащихъ для православнаго богослуженія, обильно наполнена костельными

*) Успенскій, осн. ок. 1740 г., въ 30 верстахъ отъ г. Витебска, обращенъ изъ Римско-католическаго въ православный въ 1842 г., съ 1888 г. дѣвичій.

принадлежностями; нѣсколько таблицъ отъ алтарей съ частицами костей Латинскихъ святыхъ, нѣсколько каменныхъ антиминсовъ отъ ихъ алтарей, 8 процессіонныхъ фонарей бывшаго іезуитскаго коллегіума, множество монстранцій и т. п. Здѣсь же въ узелкѣ, запечатанномъ двумя печатями архіепископа Василія, частицы одеждъ, въ которыхъ будто бы убитъ былъ Іосафатъ Кунцевичъ, и между ними, какъ значится по описи, митра съ драгоцѣнными каменьями. Прилегающіе къ собору корридоръ съ келіями и покои для преосвященнаго преисполнены воспоминаніями объ іезуитахъ: громадные круцификсы, образки патроновъ іезуитскаго ордена и, наконецъ, въ самомъ залѣ нѣсколько превосходныхъ полотенъ художника Ксаверія Розы. Между ними замѣчательны слѣдующія: смерть Ксаверія Сальскаго, благословляемый св. Троицею Игнатій Лойола, которому изъ устъ Сына Божія виднѣется слѣдующее обѣтованіе: „Ego vobis Romae propitius ero"; въ двухъ медаліонахъ поясныя изображенія женскихъ лицъ; еще образъ трехъ іезуитовъ-миссіонеровъ, держащихъ по большому кресту, и, наконецъ, портретъ Алонзія Гонзаго".

Далѣе, со словъ священника Витебской Христорождественской церкви Петрашки, г. Рачинскимъ записано. Вдова протоіерея Влыбовскаго, получая съ двумя взрослыми дочерями 100 р. пенсіи, преспокойно исповѣдуетъ Римское католичество. Жена находящагося на мѣстѣ протоіерея Голембіовскаго открыто принадлежитъ къ Римской церкви. Да самъ преосвященный, выдавъ племянницу свою, дочь бывшаго уніатскаго священника Лужинскаго, за помѣщика Глазко, исходатайствовалъ ей пробыть въ Римскомъ обрядѣ, на томъ основаніи, что знатнымъ родственникамъ ея мужа стыдно имѣть въ своемъ родствѣ схизматичку. Дьячки во всѣхъ приходскихъ церквахъ, происходя большею частію изъ мѣстнаго мѣщанства, недавно уніатскаго, а нынѣ уніатствующаго, играютъ важную роль посредничествомъ своимъ между церковниками и мірянами. Въ нихъ, по моему мнѣнію, главнѣйшая сила уніатскихъ обычаевъ, сохраняемыхъ по преданію... Замѣчательно, что въ городахъ на мѣстахъ приходскихъ священниковъ вы не увидите воспитанниковъ послѣднихъ курсовъ Семинаріи. До послѣдняго времени существовалъ систематическій или выгонъ ихъ въ чиновники, или загонъ въ самую отдаленную глушь, такъ что мѣщанство соприкасается со столпами Уніи, большею частію, лишенными образованія. Рѣзкіе примѣры такихъ столповъ можно видѣть въ названномъ мною священникѣ Петрашкѣ и членѣ Консисторіи, соборномъ протоіереѣ Никоновичѣ, изъ коихъ послѣдній не окончилъ курса даже уѣзднаго училища. Въ Полоцкѣ Доминиканскій костелъ переполняется усердными чтителями Андрея Боболи, въ Доминиканскихъ одеждахъ почіющаго во градѣ св. Евфросиніи, въ виду мирной обители ея съ драгоцѣннымъ памятникомъ XII в.".

7. Сентября Савва прибылъ въ Полоцкъ. „На станціи", пишетъ онъ, „я встрѣченъ мѣстнымъ благочиннымъ, прот. Юрковичемъ и нѣкоторыми другими лицами. Мнѣ подана была старая монастырская карета на стоячихъ ресорахъ, въ которой я, по ужаснымъ мостовымъ, при ночномъ мракѣ, съ великимъ трудомъ могъ добраться до Богоявленскаго монастыря. Въ монастырѣ настоятель архим. Сергій (Осевскій), на котораго сдѣланъ былъ до-

носъ Юрковичемъ, лежалъ въ постели разбитый параличемъ; казначея нѣтъ вовсе. Меня встрѣтилъ расходчикъ іеродіаконъ. Помѣщеніе дано было мнѣ въ нижнемъ этажѣ, гдѣ постоянно почти жилъ сынъ архимандрита, свѣтскій чиновникъ, который главнымъ образомъ и завѣдывалъ монастырскою экономіею. Комнаты, въ которыхъ я расположился, и всѣ спальныя принадлежности до того пропитаны были смраднымъ запахомъ курительнаго табака, что я почти всю ночь не могъ заснуть. Такъ приняла меня на первый разъ моя новая паства! На другой день утромъ, 8-го ч., въ день праздника Рождества Пресвятой Богородицы, я вошелъ въ главную монастырскую церковь во имя Богоявленія Господня, гдѣ собрана была братія. Тутъ увидѣлъ я одного іеромонаха, отъ котораго уже слышанъ былъ винный запахъ, троихъ бѣлыхъ священниковъ, изъ коихъ одинъ (Чичкевичъ) эпитиміецъ, одного іеродіакона, который также не отличался трезвостію, и троихъ послушниковъ: вотъ и весь штатъ второклассного городскаго монастыря. Три священника приготовились къ соборному совершенію литургіи, а іеромонахъ ради двунадесятаго праздника оставался безъ служенія".

Во время своего пребыванія въ Полоцкѣ Савва обратилъ вниманіе на Доминиканскій костелъ, гдѣ лежитъ полуистлѣвшее тѣло іезуита Андрея Боболи. Кто былъ этотъ католическій святой, съ точностію неизвѣстно. Наиболѣе раннія свѣдѣнія объ Андреѣ Боболи заключаются въ Большомъ Іезуитскомъ календарѣ за 1740 г. Вотъ что сообщается о немъ здѣсь подъ 16 ч. Мая: „О. Андрей Боболя, Полякъ, прежде настоятель Бобруйской обители, потомъ Пинскій апостолъ, пойманный схизматиками - казаками, обнаженъ, ко пню привязанъ, жестоко сѣченъ розгами и нагайками; ногти отрѣзали у него съ мясомъ, выбили зубы, потомъ затащили его въ мѣстечко Яново, приковали желѣзными гвоздями къ столу, сняли кожу, выкололи глаза, обрѣзали уши и носъ, языкъ вытащили назадъ, наконецъ, отрубили голову въ Яновѣ, 1651 г. Тѣло его, перенесенное въ Пинскъ, славится великими чудесами".

Савва конечно захотѣлъ познакомиться съ дѣятельностію своею предшественника *).

„Преосвященный Василій Лужинскій родился въ 1791 г. отъ отца-уніата и матери-католички. Оставшись въ младенчествѣ сиротою, онъ воспитанъ былъ дядею, помѣщикомъ Кельчевскимъ, безъ сомнѣнія, также католикомъ. Образованіе получилъ сначала въ Бѣлорусской Семинаріи, затѣмъ въ Полоцкой Академіи бывшихъ іезуитовъ и, наконецъ, въ Виленскомъ Университетѣ, гдѣ изучалъ богословскіе предметы, преподаваемые по ученію Галиканской церкви. Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ воспитанія и образованія Лужинскій не могъ не проникнуться чувствомъ глубокой ненависти къ православной церкви. Впослѣдствіи, онъ служилъ въ должности префекта при главной Виленской Семинаріи съ званіемъ каѳедральнаго каноника. Когда ему исполнилось 40 лѣтъ отъ роду, уніатскій митрополитъ Іосафатъ Булгакъ († въ Февралѣ 1838 г.), не отличавшійся особеннымъ распо-

*) Автобіографія этого архіепископа помѣщена въ „Русскомъ Архивѣ" 1881 года, II, 380 и слѣд.

ложеніемъ къ Православію, избралъ его своимъ викаріемъ - епископомъ, съ наименованіемъ Оршанскаго".

„Если бы преосвящ. Василій дѣйствительно проникнутъ былъ чувствомъ и сознаніемъ превосходства Православія предъ Уніею, то онъ, безъ сомнѣнія, постарался бы, въ многолѣтнее управленіе своею Полоцкою епархіею, изгладить, по возможности, слѣды бывшей Уніи. Между тѣмъ, что оказывается на дѣлѣ? Богослуженіе въ нѣкоторыхъ монастыряхъ и во многихъ приходскихъ церквахъ до послѣдняго времени совершалось по прежнимъ уніатскимъ книгамъ; сохранились при богослуженіи многіе не только уніатскіе, но даже чисто-Латинскіе обряды, продолжалось торжественное чествованіе лютаго врага Православія Іосафата Кунцевича; имѣлись въ каждой церкви, начиная съ каѳедральнаго собора, его изображенія, и только со времени прибытія въ Вильну М. Н. Муравьева изображенія эти стали преобразоваться то въ Василія В., то Николая Чудотворца, то, наконецъ (о, ужасъ) въ самого Христа Спасителя, что я видѣлъ въ 1868 г. собственными очами въ Хотинской церкви Лепельскаго уѣзда".

„Къ такому попиранію законовъ церковныхъ Лужинскій поощрялся безъ сомнѣнія излишнею снисходительностію къ нему, какъ возсоединенному епископу, со стороны оберъ-прокурора графа Протасова [1]) и тѣсною дружбою съ ближайшимъ орудіемъ Протасова, директоромъ его канцеляріи К. С. Сербиновичемъ, воспитанникомъ тѣхъ же іезуитскихъ школъ [2]). „40 лѣтъ мы знакомы, писалъ Сербиновичъ преосвящ. Василію отъ 28-го Іюля 1858 г.; могу сказать, что изъ нихъ вотъ уже 20 лѣтъ служу и вамъ, какъ могу, вѣрою и правдою; съ тѣмъ и глаза закрыть желаю".

„Послѣ близкаго знакомства съ ходомъ дѣлъ въ Московской Консисторіи, я печально пораженъ былъ неустройствомъ дѣлопроизводства въ Консисторіи Полоцкой. Въ постановленіяхъ консисторскихъ большею частію встрѣчалъ я отсутствіе не только логическихъ и юридическо-каноническихъ основаній, но и грамматическаго смысла. Это объясняется тѣмъ, что малообразованный столоначальникъ составитъ проэктъ опредѣленія, малограмотный писецъ перепишетъ ошибочно, члены присутствія и секретарь подпишутъ переписанное не читавши. Случалось и такъ, что мнѣ представлялись секретаремъ журналы, никѣмъ, даже и имъ самимъ, неподписанные. Медлительность въ дѣлахъ и невнимательность къ требованіямъ не только епархіальнаго архіерея, но и св. Синода, были поразительныя. Я нашелъ немало дѣлъ, остававшихся безъ

---

[1]) Самъ графъ Н. А. Протасовъ получилъ воспитаніе въ Католическомъ пансіонѣ. П. Б.

[2]) О Сербиновичѣ († въ Февр. 1874) напечатанъ въ Январской книжкѣ Прав. Обоз. 1878 г. (стр. 112, прим. 6) такой анекдотъ. Нѣкто Романовичъ, совоспитанникъ Сербиновича по школѣ, идя однажды съ извѣстнымъ археологомъ И. П. Сахаровымъ по Невскому проспекту, зашелъ въ Казанскій соборъ и увидѣлъ стоящаго на колѣнахъ предъ иконою Богоматери К. С. Подойдя сзади, онъ положилъ руку на плечо Сербиновичу и сказалъ ему: „Какъ ты смѣешь здѣсь молиться? Развѣ мы не вмѣстѣ въ Коллегіи Іезуитовъ давали клятву оставаться навсегда вѣрными Римской церкви?" Съ ужасомъ отпрыгнулъ отъ него Сербиновичъ.

разсмотрѣнія и рѣшенія, съ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ. Архіерейскія резолюціи и даже синодскіе указы не были приводимы въ исполненіе по нѣскольку лѣтъ. О вѣдомости нерѣшенныхъ дѣлъ не было даже и понятія. При вступленіи моемъ въ управленіе епархіею, мнѣ представленъ былъ секретаремъ рапортъ, въ которомъ значилось нерѣшенныхъ дѣлъ по Консисторіи 414. Судя по малочисленности приходовъ Полоцкой епархіи, для меня и эта цифра показалась слишкомъ значительною; по впослѣдствіи я удостовѣрился, что она была вымышленная; въ дѣйствительности нерѣшенныхъ дѣлъ къ моему пріѣзду въ Витебскъ было гораздо больше".

Занявшись дѣятельно исправленіемъ Полоцкой Консисторіи, Савва взялъ въ секретари, по предложенію оберъ-прокурора гр. Д. А. Толстого, Мирона Никольскаго *), о которомъ, къ сожалѣнію, преосвященный Савва былъ невысокаго мнѣнія въ нравственномъ отношеніи. „Въ первый разъ я встрѣтилъ его въ 1862 г. во Владимірской Семинаріи на должности преподавателя словесности, когда я тамъ былъ въ качествѣ ревизора Семинаріи. Изъ представленныхъ мнѣ ректоромъ сочиненій учениковъ словесности я увидѣлъ, что Никольскій упражняетъ своихъ учениковъ, между прочимъ, въ переложеніи съ Французскаго языка на Русскій кощунственныхъ стиховъ извѣстнаго легкомысленнаго Французскаго поэта Беранже. Я погрозилъ ему за это отставкой отъ службы, но онъ принесъ мнѣ искреннее раскаяніе въ своемъ легкомысліи и обѣщалъ впредъ не допускать сего".

„Удаливши изъ Консисторіи малоспособнаго и неблагонадежнаго начальника канцеляріи-секретаря, я долженъ былъ озаботиться безотложнымъ обновленіемъ и личнаго состава присутствія. Но удалить одного секретаря и получить на его мѣсто другого, болѣе способнаго (но болѣе ли благонадежнаго, это увидимъ далѣе), для меня не стоило большого труда. Нельзя того же сказать относительно членовъ присутствія Консисторіи. Здѣсь я долженъ былъ самъ дѣлать выборъ достойныхъ кандидатовъ и представлять на утвержденіе Св. Синода". „Но откуда мнѣ было взять такихъ кандидатовъ!" восклицаетъ преосвященный.

Изъ Витебскаго духовенства особенно выдѣлялся протоіерей Юркевичъ. Авторъ описываетъ эту личность такъ.

„Протоіерей Андрей Юркевичъ составлялъ въ средѣ Полоцкаго духовенства какое-то особенное, необычное нравственное явленіе. Юркевичъ былъ женатъ на родной племянницѣ архіеп. Василія, и въ этомъ, по моему мнѣнію, заключалась главная причина его нравственной испорченности. Принявъ Юркевича изъ Минской епархіи, къ которой онъ принадлежалъ по своему происхожденію и гдѣ онъ былъ священникомъ, преосв. Василій тотчасъ же сдѣлалъ его настоятелемъ Полоцкаго Софійскаго собора съ возведеніемъ въ санъ протоіерея, назначилъ благочиннымъ и членомъ духовнаго правленія,

*) Впослѣдствіи, при архіепископѣ Іонаѳанѣ, секретарь Ярославской Консисторіи, гдѣ и умеръ. О немъ сохранилась и до сего дня семинарская пѣсня съ припѣвомъ „Мироха—обироха", а другая „Миронъ—обиронъ".

предоставилъ ему должность смотрителя въ Полоцкомъ Дух. училищѣ, осыпалъ его всякаго рода милостями и наградами; воспринималъ у него при крещеніи дѣтей, коихъ у Юркевича было болѣе 10-ти человѣкъ, и при этомъ каждый разъ жаловалъ ему, какъ говорятъ, не менѣе тысячи рублей; почти ежегодно или представлялъ его къ наградамъ, или самъ объявлялъ ему за самыя маловажныя заслуги, въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ, свою архипастырскую признательность, со внесеніемъ, разумѣется, въ послужной списокъ. Въ 1858 г. преосвященный усиленно домогался, чрезъ своего клеврета Сербиновича, наградить Юркевича орденомъ св. Анны 2-й степени, хотя въ это время Юркевичъ находился подъ какимъ-то дѣломъ, и потому секретарь Консисторіи Квятковскій *) отказался подписать формулярный его списокъ. Орденъ Юркевичу, разумѣется, былъ данъ. Но какъ всему бываетъ на свѣтѣ конецъ, такъ пришелъ конецъ и могуществу Юркевича. Въ 1863 г., въ эпоху Польскаго мятежа, послѣдовалъ рѣшительный разрывъ столь близкихъ, родственныхъ отношеній между дядею и племянникомъ. По словамъ однихъ, поводомъ къ этому разрыву послужили будто бы крайнія злоупотребленія Юркевича, о которыхъ и прежде не могъ не знать преосвященный, а теперь, вѣроятно, заставили его не только узнать, но и принять противъ нихъ законныя мѣры; по словамъ же самого Юркевича, мною отъ него слышаннымъ, причиною гнѣва на него со стороны преосв. Василія было подозрѣніе, что будто бы племянникъ преосвященнаго помѣщикъ Глазко былъ заключенъ въ Динабургскій острогъ по доносу его, Юркевича, за участіе въ Польскомъ мятежѣ. Юркевичъ поспѣшилъ написать на него въ Св. Синодъ такой жестокій доносъ, отъ котораго почтенному дядюшкѣ сильно не поздоровилось. Въ этомъ доносѣ, какъ говорятъ, Юркевичъ изобразилъ въ самыхъ яркихъ краскахъ и нравственную сторону преосвящ. Лужинскаго, въ особенности его неблаговидныя отношенія къ мнимой племянницѣ его Терезѣ Глазко, и его политическую неблагонадежность при тогдашнихъ обстоятельствахъ края. Что̀ удивительнаго: можетъ быть, и этотъ доносъ имѣлъ отчасти вліяніе на судьбу преосвящ. Василія, т. е. на его удаленіе отъ епархіи. И самъ Юркевичъ не только удаленъ былъ отъ всѣхъ должностей, но и, подобно свойственнику своему Глазко, испыталъ тюремное заключеніе. И съ этимъ почтеннымъ о. Юркевичемъ мнѣ пришлось вести непрерывную борьбу отъ начала до конца моего пребыванія на Полоцкой каѳедрѣ“.

Обозрѣвая монастыри, Савва нашелъ много безпорядковъ. Особенно его поразилъ Тадулинскій Успенскій второклассный монастырь, въ 30-ти верстахъ отъ Витебска, бывшій до 1830 г. уніатскимъ Базиліанскаго ордена.

Архим. Онуфрій велъ очень странную жизнь: вставалъ въ 3 часа утра и тутъ же пилъ чай, а въ 5 или въ 6 часовъ обѣдалъ, затѣмъ опять ложился спать и вставалъ не раньше 11-ти. Всегда употреблялъ мясную пищу, за исключеніемъ 1-й и страстной седмицъ вел. поста. Въ будніе дни въ церковь не ходилъ никогда, въ Воскресные и праздничные дни служилъ весьма

*) † 20 Февраля 1871 г.

рѣдко, раза три или четыре въ годъ; въ высокоторжественные дни не только не служилъ, но и въ церкви никогда не бывалъ. Когда готовился къ служенію литургіи, то наканунѣ за всенощною службою оставался только до чтенія Евангелія, а затѣмъ уходилъ вонъ изъ церкви. Хотя получилъ университетское образованіе, но книгъ ни самъ не читалъ, ни братіи не давалъ читать. Съ поступленіемъ его въ настоятели монастыря, совершенно прекращена выписка духовныхъ журналовъ и газетъ. Все время архим. Онуфрій употреблялъ на хозяйственныя занятія и на пріемъ гостей. Такъ какъ монастырское хозяйство было очень незначительно, то онъ предлагалъ свои услуги сосѣднимъ помѣщицамъ. Такъ, онъ былъ въ полномъ смыслѣ управляющимъ имѣнія вдовой помѣщицы Тринтроховой".

„Особенною близостію къ о. Онуфрію пользовались три сестры Польки, по фамиліи Миткевичевы. Сестры Миткевичевы въ зимнее время жили въ Петербургѣ, занимаясь швейнымъ мастерствомъ на полномъ содержаніи отъ Тадулинскаго монастыря, а лѣтнее время проводили въ св. обители Тадулинской. Обѣдъ и ужинъ приготовлялся для нихъ въ настоятельскихъ покояхъ, а ночь проводили онѣ въ особомъ флигелѣ на монастырскомъ дворѣ. Тутъ нерѣдко происходили у нихъ веселыя оргіи въ сообществѣ молодыхъ людей, частію сосѣднихъ помѣщиковъ, и частію Витебскихъ чиновниковъ. Когда я узналъ о такихъ безобразіяхъ, происходившихъ въ монастырѣ, я настоятельно потребовалъ отъ архимандрита, чтобы безпутныя Польки Миткевичевы отнюдь не смѣли являться въ монастырь. Тогда старшая изъ нихъ, Роза, имѣла безстыдство придти ко мнѣ и просить, чтобъ я не лишалъ ихъ столь пріятнаго и выгоднаго для нихъ пріюта въ обители, угрожая въ противномъ случаѣ жалобою на меня А. Н. Муравьеву, съ которымъ она будто бы знакома. Само собою рязумѣется, что эта угроза нисколько не устрашила меня, и я отвергъ ея наглую просьбу".

Описаніе Вербиловскаго Покровскаго монастыря еще печальнѣе.

О Спасо-Евфросиньевскомъ женскомъ монастырѣ, гдѣ было женское училище для бѣдныхъ сиротъ духовнаго званія, владыка относится также съ печалью. Здѣсь, пишетъ онъ, я нашелъ настоятелемъ и духовникомъ молодого вдоваго священника. Игуменьей была Евфросинія Сербиновичъ, сестра небезызвѣстнаго тогда Сунодскаго дѣятеля К. С. Сербиновича. Игуменья была большая любительница собакъ, у нея въ кельяхъ ихъ было болѣе десятка и цѣлая стая голубей, которыхъ игуменья ежедневно сама кормила зернами.

Немало хлопотъ преосв. Саввѣ потомъ доставлялъ и Сербиновичъ за нелестные отзывы о Спасскомъ монастырѣ и находящемся при немъ училище. Савва пріобрѣлъ въ г. Сербиновичѣ сильнаго и небезопаснаго врага. „Мнѣ съ достовѣрностію извѣстно, что онъ постоянно осаждалъ и оберъ-прокурора, и прочихъ Синодскихъ властей, не говоря уже объ архіепископѣ Василіи, горькими жалобами на мои будто бы несправедливыя и притѣснительныя для его сестры дѣйствія. Но жалобы эти не имѣли для меня особенныхъ послѣдствій".

Свой архіерейскій домъ въ Витебскѣ Савва нашелъ далеко не въ благоустроенномъ видѣ. Домъ былъ приспособленъ изъ бывшаго Іезуитскаго монастыря. Зданіе вмѣстѣ съ церковію (что нынѣ каѳедральный соборъ) было построено въ 1644 г. Іезуитами, по преданію на мѣстѣ древняго Православнаго монастыря, ибо при копаніи рвовъ для фундамента подъ колокольню въ 1870 г. были вырыты три гроба православныхъ архіереевъ. Самое же зданіе для архіерейскаго дома было приспособлено въ 1839 г. и очень плохо.

„И только лишь за нѣсколько дней до моего прибытія въ Витебскъ архіерейскій домъ былъ приведенъ въ нѣкоторый порядокъ: своды и потолки въ комнатахъ побѣлены, полы покрашены, въ нѣкоторыхъ комнатахъ повѣшены иконы, которыхъ въ домѣ вовсе не было. Когда на другой день, по водвореніи моемъ въ Витебскѣ, вышелъ я въ свою обширную залу, я чрезвычайно непріятно пораженъ былъ видомъ картинъ, коими увѣшаны были всѣ стѣны залы и изъ коихъ нѣкоторыя были во всю вышину стѣнъ. Мнѣ показалось, что я нахожусь не въ жилищѣ православнаго архіерея, а въ палатахъ генерала Іезуитскаго ордена. Здѣсь увидѣлъ я изображенія и основателя Іезуитскаго ордена Игнатія Лойолы, благословляемаго Св. Троицею, и умирающаго Ксаверія Сальскаго, и Алоизія Гонзаго, и трехъ Іезуитовъ-миссіонеровъ съ большими крестами въ рукахъ, и портреты женскихъ лицъ. и проч. и проч. Я немедленно приказалъ удалить съ глазъ эти, столь несвойственныя жилищу православнаго епископа украшенія. Напрасно г. Рачинскій въ письмѣ своемъ къ Н. Н. Новикову называетъ картины эти превосходными и приписываетъ ихъ кисти Ксаверія Розы. Я показывалъ ихъ бывшему у меня мимоѣздомъ академику Солнцеву, и онъ одну только изъ нихъ, не помню, какую именно, оцѣнилъ рублей въ триста, а прочія призналъ не заслуживающими никагого особеннаго вниманія“. Къ сожалѣнію преосвященный не упоминаетъ куда поступили эти картины. Академикъ Солнцевъ былъ хорошій археологъ и знатокъ древняго Русскаго искусства, но едва ли онъ былъ цѣнителемъ старинной Итальянской живописи.

И Духовную Семинарію преосвященный нашелъ тоже въ неудовлетворительномъ состояніи. Въ этой православной Семинаріи съ 1840 г. по 1866 было 8 ректоровъ. Дѣлая о каждомъ свои заключенія и помѣщая ихъ біографіи, владыка особенно остановился на послѣднемъ архимандритѣ Никанорѣ Бровковичѣ, воспитанникѣ С.-Петербургской Д. А., гдѣ онъ кончилъ курсъ въ 1851 г. первымъ студентомъ съ званіемъ магистра и гдѣ, по окончаніи курса, оставленъ былъ баккалавромъ по классу о вѣроисповѣданіяхъ и Русскомъ расколѣ. Изъ академическихъ его лекцій составилась книга, которая въ 1861 г. напечатана была подъ заглавіемъ: „Описаніе нѣкоторыхъ сочиненій въ пользу раскола“, и которая вскорѣ была подвергнута запрещенію, какъ благопріятствующая расколу. Въ 1856 г. о. Никаноръ былъ опредѣленъ ректоромъ Рижской Семинаріи, гдѣ въ короткое время успѣлъ расположить къ себѣ тамошняго архіепископа Платона; въ 1857 г. переведенъ былъ на туже должность въ Саратовскую Семинарію, въ видахъ противодѣйствія вліянію на православное общество и духовное юношество со стороны только что от-

крытой въ Саратовѣ Римско-католической семинаріи вмѣстѣ съ учрежденіемъ тамъ Латинской епископской каѳедры. Но, вмѣсто огражденія духовныхъ воспитанниковъ отъ вліянія Латинской пропаганды, онъ самъ внушалъ имъ не совсѣмъ правильныя и основательныя мысли. Кромѣ того онъ имѣлъ неосторожность познакомиться съ семействомъ тамошняго каѳедральнаго протоіерея Чернышевскаго, который самъ по себѣ былъ человѣкъ почтенный, но котораго сынъ, извѣстный писатель Чернышевскій, своими антирелигіозными и правительственными сочиненіями, пріобрѣлъ сколько громкую, столько же и позорную славу. Вслѣдствіе сего архим. Никаноръ въ 1864 г. вызванъ былъ, для испытанія, въ Петербургъ и оттуда въ Декабрѣ 1865 г. посланъ былъ на должность ректора Семинаріи въ Витебскъ. Здѣсь, за отсутствіемъ преосвящ. архіепископа Василія, находившагося тогда на чредѣ въ Петербургѣ, о. Никаноръ почти годъ игралъ между духовенствомъ первенствующую роль и какъ человѣкъ даровитый и весьма образованный пользовался большимъ почетомъ и отъ свѣтскаго общества. Пользуясь столь выгоднымъ положеніемъ, онъ неслишкомъ стѣснялъ себя въ образѣ жизни; любилъ часто бывать въ свѣтскихъ обществахъ и тамъ засиживаться за полночь, хотя бы это было и наканунѣ праздничнаго или воскреснаго дня; впрочемъ предосудительнаго въ нравственномъ отношеніи онъ ничего себѣ не позволялъ. Говорилъ иногда въ каѳедральномъ соборѣ проповѣди, но при этомъ позволялъ себѣ излишнюю свободу въ обращеніи къ слушателямъ; такъ, однажды послѣ нѣкоторыхъ наставленій, относившихся собственно до мущинъ, онъ обращается затѣмъ къ женщинамъ съ словами: „А вы, лѣвая сторона“ и пр. Такія выходки церковнаго оратора производили немало толковъ въ обществѣ“.

Ближе познакомившись съ ректоромъ, преосвященный однако оцѣнилъ его и чѣмъ болѣе въ него всматривался, тѣмъ болѣе и располагался къ нему. Ректоръ всѣ предъявляемыя къ нему требованія исполнялъ безпрекословно.

Не прошло и двухъ недѣль по вступленіи преосвященнаго въ управленіе епархіей, какъ уже начала обнаруживаться одна изъ многихъ характеристическихъ чертъ духовенства, именно, наклонность къ ябедамъ и доносамъ. „16-го Сентября подана была мнѣ на $2\frac{1}{2}$ листахъ священникомъ Креславской единовѣрческой церкви Александромъ Кузменко записка, въ которой онъ, изложивъ исторію единовѣрія въ предѣлахъ Полоцкой епархіи, возводитъ разныя обвиненія на благочиннаго единовѣрческихъ церквей, свящ. В. Волкова. Онъ пишетъ, что благочинный Волковъ продалъ плащаницу, принадлежавшую Полоцкой единовѣрческой церкви, въ Витебскую Рынково-воскресенскую церковь; что имъ продавались раскольникамъ старопечатныя книги и рукописи, отбираемыя, по распоряженію правительства, отъ раскольниковъ же и присылаемыя въ Консисторію для разсмотрѣнія; что онъ не слѣдитъ за религіознымъ и нравственнымъ состояніемъ подвѣдомаго ему духовенства, и пр. Такъ какъ записка эта составлена была не самимъ священникомъ Кузменко, какъ малограмотнымъ, а, по всей вѣроятности, прот. Юркевичемъ (что̀ въ послѣдствіи и подтвердилось) и притомъ голословно, то она оставлена была мною безъ послѣдствій“.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Московскому митрополиту Савва, описывая свой путь черезъ Петербургъ, дѣлаетъ между прочимъ и характеристику нѣкоторыхъ членовъ Св. Сѵнода, въ особенности преосвященнаго Филоѳея Тверского. Надо при этомъ добавить, что преосвященный Филоѳей до публичнаго его на судѣ разоблаченія, Т. И. Филипповымъ, еще при жизни считался чуть-ли не святымъ, что впрочемъ не помѣшало ему копить деньги, которыя послѣ его смерти и послужили къ скандальному разбору и судебному препирательству между многочисленными родственниками, преимущественно дьячками и причетниками Ярославской епархіи.

Савва хотя и часто встрѣчался въ Петербургѣ съ Филоѳеемъ, но, пишетъ онъ, „къ сожалѣнію, немного получалъ отъ него добрыхъ совѣтовъ и наставленій, по его извѣстной скромности и молчаливости, а, можетъ быть, и по свойственной каждому въ Петербургѣ осторожности. Преосвящ. Филоѳей, какъ извѣстно, всегда отличался твердостію своихъ убѣжденій и правотою дѣйствій, но долговременное пребываніе его въ Петербургѣ не осталось и для него безъ вреднаго вліянія на его высокій нравственный характеръ. Къ его свѣтлому нравственному характеру примѣшалась здѣсь одна неодобрительная черта, которой у него не было примѣтно въ Москвѣ: это лицемѣріе или, вѣрнѣе, малодушіе. И эту темную черту самъ же онъ далъ мнѣ примѣтить въ немъ по слѣдующему поводу. Въ день хиротоніи Олонецкаго ректора Іонаѳана въ епископа Кинешемскаго въ Невской Лаврѣ, когда новорукоположенный епископъ, подъ руководствомъ старѣйшаго изъ іерарховъ, сталъ рукополагать во діакона и возложилъ на хиротонисуемаго оба края омофора и обѣ руки, преосвящ. Филоѳей обратился ко мнѣ съ вопросомъ: „такъ ли совершаютъ въ Москвѣ рукоположеніе во діакона?“ и когда я сказалъ, что съ возложеніемъ одного только края омофора и одной руки, онъ чистосердечно признался, что и онъ у себя на подворьѣ совершаетъ эту хиротонію по московски, а въ соборахъ Исаакіевскомъ или Казанскомъ по петербургски. Вотъ, подумалъ я, если и на такого мужа правды, каковъ преосвящ. Филоѳей, Петербургская жизнь и Петербургскія отношенія имѣютъ пагубное вліяніе, что же сказать о другихъ?“

„Съ преосвящ. Нижегородскимъ (Нектаріемъ) доводилось мнѣ встрѣчаться чаще всѣхъ. Ничего однакожъ особенно важнаго я отъ него не узналъ; но и то, что онъ сообщалъ мнѣ, сообщалъ каждый разъ съ оговоркою, чтобы это оставалось въ тайнѣ. Таково дѣйствіе Петербурга: всѣ боятся другъ друга, никто никому ни въ чемъ не довѣряетъ. Не такъ живутъ въ Москвѣ... Теперь однако, прибавимъ мы, и въ Москвѣ живутъ, пожалуй, тоже не такъ, какъ въ 1866 г.; но тогда еще былъ живъ митрополитъ Филаретъ!“ Превосходно сдѣлана преосвященнымъ и характеристика начальника Витебской губерніи генерала В. Н. Веревкина, который въ своемъ краѣ держался очевидно началъ твердой и сильной власти, близкой къ народу. Онъ не могъ даже допускать, чтобы безъ его участвія дѣлалось что-нибудь въ губерніи не только по гражданскому, но и духовному вѣдомству. Авторъ

приводитъ нѣсколько случаевъ вмѣшательства этого Витебскаго сатрапа въ церковныя дѣла.

„При ревизіи губерніи нынѣшнею осенью, въ одномъ селѣ онъ встрѣченъ былъ священникомъ въ церкви съ хлѣбомъ-солью. Эта почесть такъ ему понравилась, что, когда онъ пріѣхалъ въ слѣдующее село и здѣсь священникъ не догадался сдѣлать ему подобную почесть, онъ до того обидѣлся, что обругалъ священника публично, предъ собравшимся народомъ. Объ этомъ случаѣ доведено до моего свѣдѣнія мѣстнымъ благочиннымъ. Или: приказалъ ректору Семинаріи, въ отсутствіи моего предшественника, написать проповѣдь на 19-е Февраля и представить къ себѣ на рецензію. Ректоръ не смѣлъ отказать въ этомъ требованіи и даже, по замѣчаніямъ строгаго рецензента, долженъ былъ исправить свое поученіе“.

Г. Веревкинъ вздумалъ было и меня подчинить своей власти съ первыхъ же дней моего прибытія въ Витебскъ. Такъ, напр., онъ потребовалъ, чтобы я всенощную на день Воздвиженія совершалъ не въ каѳедральномъ, а въ другомъ городскомъ соборѣ; само собою разумѣется, онъ получилъ въ этомъ требованіи отказъ. А вотъ взглядъ его превосходительства на санъ архіерейскій. Въ одной изъ первыхъ бесѣдъ со мною онъ спросилъ меня, давно ли я посвященъ въ архіерея, и когда узналъ, что я посвященъ въ 1862 г., съ самодовольствіемъ воскликнулъ: „ахъ, такъ мы съ вами въ одномъ году произведены въ генеральскій чинъ“. Можно ли ожидать отъ людей съ такими понятіями правильныхъ отношеній къ церкви и духовенству?“

„Примѣру главнаго начальника слѣдовали и прочія власти въ своихъ отношеніяхъ къ церкви и духовенству. Такъ, напр., одинъ военный начальникъ въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ, увидѣвши во время пасхальной седмицы на престолѣ плащаницу, приказалъ священнику немедленно снять ее, утверждая, что это Латинскій обычай, и священникъ, опасаясь вредныхъ для себя послѣдствій въ случаѣ сопротивленія военной власти, исполнилъ требуемое. Другой, также военный начальникъ, жаловался мнѣ на одного настоятеля монастыря, что тотъ не въ полной монашеской формѣ прогуливается по монастырю“.

„До моего прибытія, въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ военный начальникъ, Магометанской вѣры, былъ предсѣдателемъ церковностроительнаго комитета. Послѣ неоднократныхъ напоминаній съ моей стороны о неприличіи и несообразности съ правилами православной церкви такого положенія этого военнаго начальника, я едва могъ достигнуть того, чтобы Магометанинъ лишенъ былъ чести предсѣдательства въ комитетѣ о построеніи православныхъ Русскихъ храмовъ“.

„И вотъ такіе-то обрусители западнаго края стояли (и можетъ быть и теперь стоятъ) во главѣ управленія. Навѣрно ихъ не существуетъ ни въ Познани, ни въ Лотарингіи“.

Переписка преосвященнаго съ Московскими знакомыми не прекращалась. К. И. Невоструевъ увѣдомлялъ, что „такъ какъ описаніе Типографской библіотеки извѣстнымъ вамъ комитетомъ медленно подвигается впередъ (какъ и

Синодальной), то оберъ-прокуроръ, желая скорѣе рѣшить ея участь, поручилъ прокурору Синодальной Конторы набрать для сего новыхъ лицъ. Сей прокуроръ съ Н. П. Гиляровымъ усильно тянули меня въ это дѣло, но я рѣшительно отказался и нѣкоторымъ рекомендуемымъ на то лицамъ обѣщалъ лишь, въ случаѣ нужды, пособіе совѣтами. Сказывалъ также мнѣ проѣзжающій изъ Далматскихъ училищъ на ректуру архим. Меѳодій, что нигилизмъ и революціонное направленіе въ наставникахъ Пермской семинаріи (давно уже растасованныхъ) проистекали собственно изъ Казанскаго Университета и въ Академіи распространялись Щаповымъ; что ректоръ Палладій, вамъ извѣстный, въ свое правленіе подавилъ было это зло, совсѣмъ выгнавъ изъ семинаріи главнаго виновника его, профессора Никонова, который при слабомъ преемникѣ Палладія, въ сообществѣ съ оставшимися единомышленниками, тѣмъ ожесточеннѣе сталъ дѣйствовать со стороны. По Польскому дѣлу и Симбирскому пожару 80 человѣкъ студентовъ университетскихъ содержатся въ замкѣ, и двое, говорятъ, приговорены къ разстрѣлянію, прочіе въ Сибирь".

Н. П. Киреевская писала: „Ненависть бѣлаго духовенства, вышедшаго и въ свѣтское званіе и въ чины, убраннаго орденами, не остываетъ къ монашеству. Вотъ бывшій профессоръ СПб. Академіи, получающій 800 р. годовой пенсіи, не устрашился написать и за границей напечатать отвратительную книгу „О бѣломъ и черномъ духовенствѣ въ Россіи". Преосв. Игнатій имѣлъ въ рукахъ эту ужасную книгу и говорилъ, что на второй страницѣ книга выпадаетъ изъ рукъ: такъ она отвратительна. Въ ней маковыя зерна правды, а громады клеветы. И этотъ извергъ касается нашего святителя! Горе и ужасъ нашего страшнаго времени, въ которое все безъ разбора допускается. А въ газетѣ „Москва", кажется 5-го Января, статья также противъ монастырей и монашества, начало которой будто бы еще за пользу монастырей, но средина и конецъ совершенно все порицающія и ссылка даже на книгу „О бѣломъ и черномъ духовенствѣ". Хвалятъ только три монастыря: Гуслицкій, Арзамасскую Алексѣевскую общину и Серафимовскую. Первую хвалятъ въ угоду раскольникамъ и вторую также, а послѣднюю въ угожденіе женѣ редактора газеты „Москва", Аксакова. И кто же эту статью написалъ? Г. Гиляровъ! Вотъ онъ и тайный (?) совѣтникъ по гражданской службѣ, но ему ничто не возбраняетъ хранить тайную ненависть въ душѣ своей духовнаго сословія, бѣлаго духовенства, къ монашеству. Невыразимо больно слушать и знать и видѣть успѣхъ злостнаго коварства людей, разрушителей, реформаторовъ. Желалось бы сообщить вамъ и о СПб., но какъ довѣрить письму? Нынѣ это опасно. Скажу одно: болѣе чѣмъ когда-нибудь должно пожалѣть, что нѣтъ въ живыхъ преданнаго отечеству и престолу Михаила Николаевича Муравьева".

Въ другомъ письмѣ К. И. Невоструевъ между прочимъ упоминаетъ объ о. Пафнутіи *), сдѣланномъ настоятелемъ Преображенскаго единовѣрче-

*) Бывшій старообрядческій архіерей Коломенскій.

скаго монастыря, вмѣсто отказавшагося по неспособности Онуфрія. Помощникомъ и правою рукою поставленъ ему Павелъ Прусскій, отозванный теперь нарочно прибывшею послѣ Пасхи депутаціею изъ большого раскольничьяго селенія Поймъ въ Пензен. губерніи въ это селеніе и окрестныя, для вразумленія заблуждающихъ. По поводу движенія въ церкви раскольниковъ хорошо вамъ извѣстный священникъ Бѣлюстинъ къ старому пріятелю своему М. П. Погодину для помѣщенія въ „Русскомъ" написалъ ругательную статью на нихъ раскольниковъ да и на насъ православныхъ, которую Погодинъ, интересуясь сведеннымъ предъ тѣмъ знакомствомъ съ о. Пафнутіемъ, послалъ къ нему для предварительнаго просмотра. О. Пафнутій, недовольный ею, прочиталъ при случаѣ мнѣ, а я и объяснилъ что за человѣкъ Бѣлюстинъ. Тогда о. Пафнутій, воскипѣвъ ревностію, доложилъ объ этой статьѣ высокопреосв. владыкѣ съ приложеніемъ своего о ней отзыва, и таковой же послалъ и Погодину, не сказывая, что о безбожной статьѣ счелъ долгомъ довесть до свѣдѣнія митрополита. При личномъ затѣмъ объясненіи обоихъ курьезная была сцена, въ концѣ коей Погодинъ сказалъ, что такимъ поступкомъ вы меня дѣлаете палачемъ довѣрившагося мнѣ человѣка. „Благословляю васъ быть палачомъ такого безбожника", сказалъ на это о. Пафнутій, и, извинившись недосугомъ, оставилъ пресловутаго о всемъ печальника съ полуоткрытымъ ртомъ".

Между тѣмъ приближался день 50-лѣтняго юбилея митрополита Филарета, который предполагали праздновать 5 Августа 1867 г. Преосвященный Савва получилъ разрѣшеніе на 28 дней оставить свою епархію для присутствованія на этомъ юбилеѣ.

4 Августа преосвященный Савва имѣлъ интересную бесѣду съ Филоѳеемъ Тверскимъ, которую онъ и занесъ въ свой дневникъ.

„Тверскій владыко разсуждалъ о поспѣшности въ дѣйствіяхъ оберъ-прокурора графа Д. А. Толстаго; о новомъ семинарскомъ уставѣ, который не былъ внимательно разсмотрѣнъ членами Св. Синода (хотя оберъ-прокуроръ въ своемъ отчетѣ за 1867 г. (стр. 99) и выражался, что будто бы труды комитета по образованію среднихъ и низкихъ духовно-учебныхъ заведеній всесторонне были обсуждаемы Св. Синодомъ); о перенесеніи мощей препод. Евфросиніи, чему онъ вполнѣ сочувствуетъ; объ извѣстномъ писателѣ памфлетистѣ свящ. Бѣлюстинѣ, который будто бы находится подъ особеннымъ покровительствомъ Кіевскаго митрополита Арсенія; о его сочиненіи: „Страстная недѣля" (которое въ 1865 г. поручено было мнѣ Св. Синодомъ разсмотрѣть и о которомъ мною сдѣланъ былъ неодобрительный отзывъ: велѣно запретить съ извѣщеніемъ о томъ цензурныхъ комитетовъ); о лишеніи меня къ Пасхѣ награды, по настоянію митрополита Исидора, подъ тѣмъ предлогомъ, что Петербургскіе викаріи уходили безъ этой награды; о ревизіи мною Московской Академіи въ 1866 г. опредѣлено поставить на видъ академическому правленію и обратить вниманіе на преподаваніе догматическаго богословія; о преосвященномъ Ярославскомъ Нилѣ (не высокаго понятія о немъ въ религіознонравственномъ отношеніи)".

Не приводимъ описанія празднествъ, сдѣланныя авторомъ очень подробно и тогда же напечатанныхъ во многихъ журналахъ. Укажемъ только на крайнее нерасположеніе его къ преосвященному Ярославскому Нилу, что̀ особенно проглядываетъ въ его Запискахъ. Во время юбилейнаго обѣда, преосвященный Нилъ сидѣлъ противъ оберъ-прокурора графа Толстого. Зашла рѣчь о новыхъ, только лишь высочайше утвержденныхъ, уставахъ духовныхъ семинарій и училищъ. Нилъ громогласно въ рѣзкихъ выраженіяхъ порицалъ предъ графомъ эти уставы, что̀, разумѣется, его сіятельству не могло понравиться. Далѣе авторъ пишетъ, что митрополиту угодно было пригласить къ себѣ насъ, архіереевъ, часомъ раньше, чтобы ему имѣть возможность, безъ постороннихъ свидѣтелей, въ кругу своей братіи-іерарховъ, побесѣдовать о нѣкоторыхъ, обще-церковныхъ современныхъ вопросахъ. Но онъ лишенъ былъ этой возможности, по милости незваннаго и невожделѣннаго гостя, преосвященнаго Ярославскаго Нила. Нилу вздумалось поднести въ даръ юбиляру тутъ же, въ нашелъ присутствіи, „Октоихъ" въ переводѣ на Монгольскій языкъ, который митрополиту, при всей его глубокой учености, вовсе былъ невѣдомъ, и потому можно судить, въ какой мѣрѣ интересенъ и пріятенъ былъ ему этотъ даръ. Между тѣмъ Нилу вообразилось, что книга эта послужила для „златоустаго" іерарха (какъ онъ выражается въ своей запискѣ о юбилейномъ торжествѣ) главною темою въ бесѣдѣ его съ нами, бесѣдѣ послѣдней. Рѣкою изъ устъ Нила потекли слова о миссіяхъ, условіяхъ ихъ быта, плодахъ дѣятельности и о неизбѣжныхъ для нихъ трудностяхъ въ достиженіи цѣли. Но что̀ здѣсь приписывается митрополиту, едва-ли не принадлежитъ самому Нилу; потому что преосвящ. Нилъ, сколько я могу припомнить, почти безъ умолку говорилъ, а митрополитъ, скрѣпя сердце и съ замѣтною скукою, слушалъ его разсказы. Мнѣ тѣмъ памятнѣе это, что я сидѣлъ въ гостиной прямо противъ нихъ".

Въ четвертомъ томѣ Записокъ Саввы изложена его жизнь съ 1868 по 7 Декабря 1874 года (время пребыванія его на Витебской или Полоцкой епархіи до перемѣщенія въ Харьковъ).

На третій день новаго 1868 г. преосвященный получилъ отъ предсѣдателя Общества Любитей Духовнаго Просвѣщенія, Даниловскаго архимандрита Іакова, извѣщеніе, что всѣ бумаги покойнаго митрополита Филарета взяты въ Питеръ. „Не помогъ и протестъ противъ такого безцеремоннаго захвата. Въ библіотекѣ владыки, разборомъ и описью которой, между прочимъ, занимаюсь и я, доселѣ ничего рукописнаго не оказалось, разумѣю сочиненія владыки. Серебра и платья довольно. Денегъ мало: всего 265 рублей кредитными билетами и золота рублей 150. Въ народѣ толкуютъ, что осталось полтора милліона. Такъ могутъ говорить незнавшіе нестяжательности владыки" *).

Не менѣе любопытно просительное письмо, которое получилъ Савва изъ Тобольска отъ жены ссыльнаго подпоручика Тимковскаго. „Отецъ моего мужа", писала Анна Тимковская, „покойный генералъ Тимковскій, спасъ жизнь императору Николаю 1-му, захвативъ 14-го Декабря 1826 г. бунтовщика

*) Митрополитъ Филаретъ († 19 Ноября 1867) былъ вполнѣ безсребренникомъ. П. Б.

поручика Панова въ ту минуту, когда онъ намѣревался проникнуть въ кабинетъ Его Величества для цареубійства. То было время смутъ, и подвигъ этотъ вскорѣ былъ забытъ; но императрица Александра Ѳеодоровна никогда не забывала его и, когда у него родился сынъ, мой настоящій мужъ, соизволила лично воспринимать его отъ купели съ августѣйшимъ своимъ сыномъ, нынѣ царствующимъ Императоромъ, и потомъ дала ему воспитаніе на свой счетъ. Не забывалъ этого подвига и покойный митроп. Филаретъ, который, когда гвардія пришла на коронацію въ Москву, лично привѣтствовалъ моего свекра, и потомъ, въ сороковыхъ годахъ, когда онъ служилъ при Московскомъ генералъ-губернаторѣ князѣ Голицынѣ, воспринималъ у него отъ купели старшую дочь и до конца дней благоволилъ къ семейству. Дядя мой генералъ Арбеневъ, котораго вы лично знали, былъ прокуроромъ Московской Синодальной Конторы подъ начальствомъ усопшаго митрополита. Все это даетъ мнѣ смѣлость надѣяться что вы, преосвященнѣйшій архипастырь, не останетесь равнодушными къ моему бѣдствію. Мужъ мой, находясь въ отставкѣ за ранами, во время послѣдняго мятежа въ Польшѣ, вновь поступилъ на службу; но судьба нанесла намъ тяжкій ударъ. Его назначили сопровождать партію Польскихъ арестантовъ, осужденныхъ въ каторжныя работы, и когда партія расположилась на ночлегъ на одномъ этапѣ, вспыхнулъ пожаръ, и пламя такъ быстро охватило все зданіе, что мужъ мой самъ едва успѣлъ спастись, выскочивъ въ окно, а казенныя деньги и бумаги сдѣлались жертвою огня. Притомъ три преступника убѣжали и не пойманы. Такъ какъ все это произошло въ странѣ мятежа, и мы не могли уплатить сгорѣвшихъ денегъ, мужа моего осудили очень строго; но Государь, принявъ во вниманіе его раны и прежнія отличія, назначилъ его на житье въ Тобольскъ. Отъ этого удара я получила одну изъ тѣхъ болѣзней, которыя сводятъ въ раннюю могилу, если не будутъ приняты самыя рѣшительныя мѣры“. Письмо это кончалось просьбой о присылкѣ денегъ.

Въ Іюнѣ 1868 г. Савва обозрѣвалъ свою епархію. „Въ мѣстечкѣ Чашницахъ“, въ воскресные и праздничные дни православные прихожане, стекаясь во множествѣ къ богослуженію, но не вмѣщаясь въ своемъ приходскомъ тѣсномъ храмѣ, по необходимости устремлялись, особенно въ зимнее время, въ сосѣдній Латинскій костелъ, который могъ вмѣщать до двухъ и болѣе тысячъ богомольцевъ. Притомъ, въ этомъ костелѣ находился особенный предметъ, привлекавшій къ себѣ со всѣхъ сторонъ многочисленныхъ поклонниковъ: это—мнимо-чудотворная рѣзная фигура Спасителя“. „Она огромной величины. Первоначальное устройство этой фигуры относятъ къ 1600 г.; въ помянутый же костелъ фигура внесена была въ 1772 г. и поставлена на горнемъ мѣстѣ у восточной стѣны. Предъ нею былъ соотвѣтствующей величины столбъ, на которомъ лежали руки Спасителя. Фигура эта издавна провозглашена была ксендзами чудо̀вною, т. е. чудотворною; и вотъ, между прочимъ, о ней какія разсказываются чудеса. Одна крестьянка, у которой взяли послѣдняго сына въ рекруты, пришедши въ костелъ, со слезами пала предъ фигурой Спасителя и въ порывѣ молитвеннаго экстаза откусила палецъ у ноги фигу-

ры. Въ эту минуту фигура будто бы тронулась съ своего мѣста и вышла на средину костела въ присутствіи многочисленнаго собранія народа. Послѣ богослуженія, двумя ксендзами, съ помощію 10-ти шляхтичей, она была поставлена на своемъ прежнемъ мѣстѣ. Другое постоянное чудо при этой фигурѣ заключается въ томъ, что возлагаемые ксендзами на главу этой фигуры искуственные волосы (парикъ) время отъ времени чудесно отрастали. Распространяемые въ простомъ и необразованномъ, но тѣмъ не менѣе рилигіозномъ и набожномъ, Бѣлорусскомъ народѣ слухи о подобнаго рода чудесахъ, при совершенной при томъ скудости въ Бѣлорусскомъ краѣ православной, нарочито чтимой, святыни, естественно производятъ въ этомъ народѣ сильное нравственное впечатлѣніе. Подъ вліяніемъ этихъ слуховъ, народъ слѣпо вѣровалъ въ мнимыя чудеса и съ неудержимою ревностію стремился со всѣхъ сторонъ на поклоненіе мнимо-чудотворной святынѣ. Въ нѣкоторые нарочитые праздники (въ честь, напр., „Тѣла и сердца Спасителя", въ дни Св. Троицы, Преображенія Господня, Вознесенія, Богоявленія, Свят. Николая, Возсоединенія Уніи, и др.) стекались богомольцы въ Чашницкій костелъ въ огромномъ числѣ, безъ различія вѣроисповѣданій, не только изъ Витебской, но и Могилевской, Минской и изъ другихъ сосѣднихъ губерній".

„Вслѣдствіе сообщенныхъ мною св. Синоду, въ отчетѣ о состояніи Полоцкой епархіи за 1866 г., свѣдѣній, оберъ-прокуроръ Синода, отношеніемъ къ начальнику Сѣверозападнаго края генералъ-адъютанту Потапову, просилъ, чтобы Чашницкій костелъ, какъ вредный для Православія, былъ закрытъ и переданъ въ православное духовное вѣдомство. А. Л. Потаповъ, не далѣе какъ въ Мартѣ 1868 г. вступившій въ эту должность, поспѣшилъ исполнить требованіе оберъ-прокурора: 4-го Іюня, за два дня до моего прибытія въ Чашники, костелъ былъ переданъ въ завѣдываніе мѣстнаго священника П. Кисселя, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ благочиннымъ. Тотчасъ же составленъ былъ планъ къ возвращенію отнятаго костела; собрана была между прихожанами-панами значительная сумма денегъ, и отправлена была въ Петербургъ депутація, во главѣ коей стояла г-жа Цѣхановецкая. Она имѣла много знакомыхъ въ высшихъ Петербургскихъ сферахъ, и даже у нея была какая-то протекція при дворѣ".

„Цѣхановецкая, исполнивши въ Петербургѣ возложенную на нее миссію относительно возвращенія въ руки католиковъ Чашницкаго костела, поспѣшила въ Витебскъ и, нашедши здѣсь А. Л. Потапова, съ которымъ она имѣла давнее знакомство, напала на него съ укорами за передачу въ православное вѣдомство столь дорогаго для католиковъ костела и настойчиво требовала возвращенія онаго, увѣряя притомъ, что объ этомъ доведено уже до высочайшаго свѣдѣнія и что Государь прикажетъ возвратить костелъ. Объ этомъ объясненіи г-жи Цѣхановецкой съ начальникомъ края, спасибо, предупредилъ меня мой добрый другъ Н. П. Мезенцовъ, и я приготовился къ предстоявшей борьбѣ за костелъ".

„На другой день послѣ перваго нашего свиданія, Александръ Львовичъ пожаловалъ ко мнѣ съ обычнымъ визитомъ. На этотъ разъ у насъ съ нимъ

была довольно продолжительная и дружественная бесѣда о разныхъ предметахъ; между прочимъ онъ выражалъ негодованіе на редактора Московскихъ Вѣдомостей Каткова за его нападки на Виленскую администрацію, хотя тутъ же признавался, что онъ не обращаетъ никакого вниманія на эти несправедливыя будто бы нападки и что даже вовсе не читаетъ злонамѣренныхъ статей Каткова. Но едва лишь окончилась эта дружеская бесѣда, и я съ должною почтительностію проводилъ своего высокопочтеннаго гостя, какъ часа чрезъ два снова является ко мнѣ этотъ гость. Александръ Львовичъ, вошедши въ гостиную съ замѣтнымъ душевнымъ волненіемъ и сѣвши на диванъ, повелъ со мною такую бесѣду:

—„Знаете ли, преосвященный, какую я сдѣлалъ ошибку, передавши вамъ Чашницкій костелъ?—„Никакой вы не сдѣлали ошибки, отвѣчалъ я. Напротивъ, вы сдѣлали доброе дѣло, закрывши такой зловредный для Православія костелъ.—„Нѣтъ, въ Петербургѣ не такъ посмотрѣли на это дѣло. Государь, кажется, повелитъ возвратить католикамъ костелъ.—„Напишите Государю, что этого сдѣлать уже нельзя: костелъ переданъ уже православнымъ, и въ немъ былъ православный епископъ.—„Я этого написать не могу. Прикажутъ, надобно будетъ безпрекословно исполнить высочайшую волю, и вы должны будете отдать костелъ. —„Нѣтъ, вы могли не передавать мнѣ костела, я не могъ насильно его взять у васъ; но, когда вы мнѣ передали его, я уже не могу и не долженъ возвращать его вамъ. Впрочемъ дѣлайте, что̀ знаете, а я буду дѣлать свое дѣло.—„Что же вы будете дѣлать?"—„А вотъ что: призову благочиннаго и прикажу сейчасъ же освятить костелъ. Тогда передавайте, если хотите, католикамъ.—„А гдѣ вы возьмете иконостасъ?—„Велю перенести изъ тамошней православной церкви.—„Но для такого обширнаго храма этотъ иконостасъ будетъ малъ.—„На первый разъ будетъ достаточенъ и этотъ, а тамъ сдѣлаемъ приличный.—„Но гдѣ же вы возьмете для этого средства? —„Вы намъ поможете".—„Ну, ужъ извините: я вамъ не слуга на этотъ разъ.—„Въ такомъ случаѣ Богъ намъ помощникъ, и благочестивая Москва не откажется помочь"...

„На этомъ бесѣда наша прекратилась; г. Потаповъ, раздраженный, поспѣшилъ оставить мою гостиную, и съ этого дня онъ уже ни разу не былъ у меня до Августа 1873 г., когда онъ посѣтилъ меня минутъ на пять въ загородномъ домѣ" *).

Преосвященный впрочемъ энергично принялся за перестройку костела въ церковь, и черезъ недѣлю послѣ объясненія съ Потаповымъ храмъ былъ освященъ.

---

[1]) Вотъ какой отзывъ о Потаповѣ сдѣланъ профессоромъ Спб. Д. Акад. М. Кояловичемъ: „Начальникъ (сѣверо-западного) края, несчастный Потаповъ, потомъ, какъ извѣстно даже изъ газетъ, страдавшій умственнымъ разстройствомъ, мало того, что открыто заявлялъ свое невѣріе въ Русскую честность и благородство, съ одной паней молился въ костелѣ и въ костелѣ давалъ ей клятву въ своей вѣрности. Латиняне высоко подняли голову" и пр. (Церк. Вѣстн. 1880 г. № 45, стр. 5). А. Т.—Мать Потапова была урожденная Грохольская. П. Б.

Москвичи не забывали Савву. Такъ въ числѣ разныхъ новостей преосвященный Леонидъ ему писалъ: „Въ Москвѣ приходится бывать очень часто; поѣздка непродолжительна и нескучна, а въ городѣ я провожу лишь столько времени, сколько необходимо для дѣла, дорожа каждой минутой. Не знаю, буду ли живъ завтра и что мнѣ предстоитъ, но готовиться надобно къ жизни, которая еще тяжелѣе пройденной въ полугодіе между архіерейства. Владыка *) получилъ указъ, вызывающій его въ Петербургъ къ Декабрю... Впрочемъ только бы помогъ Господь Богъ, а стоитъ послужить архипастырю такъ, чтобы въ отсутствіи онъ могъ быть покоенъ за епархію и безъ развлеченія предаться дѣламъ, которыя онъ задумалъ. Мысль о соборахъ занимаетъ его преимущественно, и онъ убѣжденъ глубоко, что пока *соборный порядокъ*, на древней основѣ, не утвердится, успѣха въ дѣйствіяхъ іерархіи и въ жизни церковной ожидать нельзя; что, напротивъ, при теперешнемъ бюрократическомъ устройствѣ церковнаго правленія и разрозненности епископовъ, мы дойдемъ до такихъ бѣдствій, о которыхъ заранѣе и яснаго понятія имѣть нельзя. Туча мрачная надвигается быстро! Но та ли это туча, на которую съ безпокойствомъ смотрѣлъ почившій архипастырь, когда сказалъ мнѣ однажды въ отвѣтъ на предложеніе оставить *для будущаго* копію съ одного замѣчательнаго письма его. „Я вижу, сказалъ онъ, надъ нами тучу, которая такъ разразится, что люди потеряютъ и способность вспомнить, что было до грозы“. Но, не ожидая, когда наступитъ новое время, время *церковнаго* управленія въ церкви, владыка расположенъ обратить вниманіе Св. Синода на то, что главнымъ предметомъ его синодальной заботливости должны быть не мелочи епархіальнаго управленія, а образованіе людей для занятія епископскихъ сѣдалищъ, приготовленіе для высшаго служенія церковнаго такихъ людей, на которыхъ можно бы было положиться, которымъ можно было бы во всемъ вполнѣ довѣриться. Новый уставъ училищный ежедневно сокрушаетъ духъ его, и онъ открыто и громко протестуетъ противъ этого нововведенія, въ которомъ видитъ сѣмя анархіи въ церкви. Его заботитъ, конечно, безпомощное состояніе духовенства, недостаточность вліянія его на паству отъ оскудѣнія живого съ нею общенія, а также и необходимость усиленія въ монашествѣ начала общежительнаго. Задачъ столько, что не только малочисленный Синодъ со множествомъ текущихъ дѣлъ, но и полный соборъ Всероссійскій не скоро можетъ ихъ разрѣшить удовлетворительно. Да подастъ ему Господь силы духа и тѣла!“

Въ другомъ письмѣ Леонидъ говоритъ: „Въ одномъ собраніи, лицу высокостоящему, которое заговорило о *бѣлыхъ архіереяхъ*, владыка закрылъ уста словомъ энергическимъ: *я первый не буду имѣть общенія съ такимъ архіереемъ*. Смотря на монашество, какъ на существенное свойство Православія, владыка говоритъ: „Да, правда, что нужно его исправить и укрѣпить; оно ослабѣло. Кто скажетъ мнѣ, что ослабѣвшее монашество уничтожить должно,

*) Т. е. митрополитъ Иннокентій. (Онъ говорилъ: Въ Петербургъ поѣдешь, точно въ кузницѣ побываешь; какъ ни сторонись, а все запачкаешься). П. Б.

тому я скажу: не нужно ли, по вашему, и ослабѣвшее христіанство уничтожить?" О соборахъ рѣчь на его устахъ постоянно".

Откровенно высказывается Савва о вновь назначенномъ въ 1868 г. въ Витебскѣ губернаторомъ Владимирѣ Николаевичѣ Токаревѣ. Это тоже типъ восточнаго сатрапа, которыми заполнялись западныя губерніи. „Токаревъ былъ нрава крутого и властолюбиваго, не отличался и религіозностію. Явившись ко мнѣ въ первый разъ на дачу (это было въ Августѣ) съ кѣмъ-то вдвоемъ, онъ прямо обращается ко мнѣ съ такою просьбой: „я слышалъ, что ваши священники любятъ вмѣшиваться въ чужія дѣла; прошу имъ запретить это". Онъ отдалъ строгій приказъ всѣмъ полицейскимъ чиновникамъ наблюдать за поступками и дѣйствіями православныхъ духовныхъ лицъ и о замѣченномъ немедленно доводить до его свѣдѣнія. Приставъ 6-го стана Люцинскаго уѣзда, рапортомъ отъ 24-го Октября, довелъ до свѣдѣнія его превосходительства о священникѣ села Михалова Ѳ. Заволоцкомъ, будто бы этотъ священникъ прибилъ къ католическому (придорожному) кресту, находящемуся противъ православной часовни, жестяную кружку для вкладовъ жертвующими католиками денегъ и что деньги эти еженедѣльно относятся къ нему на домъ. Г. Токаревъ, съ полнымъ, конечно, убѣжденіемъ въ справедливости доноса, почелъ долгомъ препроводить ко мнѣ копію съ рапорта станового пристава при оффиціальной бумагѣ. Получивъ эту бумагу, я предписалъ мѣстному благочинному произвесть, по содержанію означеннаго рапорта, обстоятельное дознаніе, и что же оказалось? Оказались совершенная ложь и клевета на православнаго священника".

Впрочемъ и другія обрусители Западнаго края были не лучше. Объ одномъ изъ нихъ Савва пишетъ такъ: „Мировой посредникъ Раздеришинъ, урожепецъ Витебской губерніи, отважный искатель приключеній, бывшій даже въ Америкѣ и нигдѣ не нашедшій счастія и спокойствія, недѣлю проводилъ въ своемъ участкѣ, и двѣ въ Петербургѣ, предаваясь забавамъ и увеселеніямъ. Онъ позволялъ себѣ такую свободу, опираясь на близкаго родственника своего, правителя дѣлъ губернаторской канцеляріи, Попенченко, который не только заправлялъ канцелярскими дѣлами, но управлялъ и губернаторами (при немъ смѣнилось ихъ нѣсколько человѣкъ). Въ министерствѣ нерѣдко говорили, что въ Витебскѣ два губернатора: такой-то и Попенченко".

21 Марта 1869 г. Савва погребалъ Смоленскаго епископа знаменитаго Іоанна Соколова. Этотъ преосвященный былъ личностію во многихъ отношеніяхъ незаурядною. „Сынъ Московскаго священника, онъ родился 5 Іюля 1818 г. Не отличаясь крѣпкимъ физическимъ здоровьемъ, онъ отличался крѣпкимъ умомъ и вообще блестящими умственными дарованіями, но немало имѣлъ и странностей въ своемъ характерѣ, отъ которыхъ много терпѣли непріятностей лица, имѣвшія къ нему тѣ или другія отношенія. Это былъ, по словамъ профессора Казанской Дух. Академіи, П. Знаменскаго, человѣкъ, сильнаго логическаго ума и непобѣдимой діалектики. По окончаніи курса въ Московской Духовной Академіи въ 1842 г. съ степенью магистра и съ званіемъ іеромонаха, Іоаннъ оставленъ былъ въ той же академіи баккалавромъ по

классу нравственнаго и пастырскаго богословія; но здѣсь онъ оставался недолго: въ Сентябрѣ 1844 г. онъ переведенъ былъ съ тѣмъ же званіемъ въ С.-Петербургскую Академію на классъ каноническаго права. Въ 1851 г. опредѣлёнъ инспекторомъ той же Академіи, и лѣтомъ того же года отправился въ Архангельскъ на ревизію тамошней Семинаріи и училищъ. На обратномъ пути изъ Архангельска, онъ былъ въ Москвѣ, и я съ нимъ нечаянно встрѣтился въ первый разъ и познакомился въ Донскомъ монастырѣ, у покойнаго архимандрита Симеона, у котораго вмѣстѣ съ нимъ и обѣдали. На другой день онъ былъ у меня въ Синодальной библіотекѣ и разсматривалъ древнѣйшій пергаменный списокъ (1282 г.) Кормчей Книги, такъ какъ онъ въ это время занятъ былъ приготовленіемъ своего обширнаго ученаго „Курса церковнаго законовѣдѣнія", доставившаго ему въ 1853 г. высшую ученую степень доктора богословія. Но это ученое сочиненіе, стоившее, конечно, о. Іоанну великихъ и многолѣтнихъ трудовъ и увѣнчанное такою высокою наградой, доставило немало труда и покойному Московскому владыкѣ Филарету: ему поручено было Св. Синодомъ разсмотрѣть и исправить сочиненіе архим. Іоанна, и онъ немало исписалъ листовъ бумаги, дѣлая замѣчанія и исправленія въ порученной ему рукописи. Мнѣ случилось, уже по кончинѣ митрополита, видѣть и читать эти замѣчанія".

„Іоаннъ и прежде, пока былъ баккалавромъ, не отличался особеннымъ смиреніемъ и благопокорливостію предъ властями; но теперь, сдѣлавшись инспекторомъ Академіи и слѣдовательно *властію*, и особенно, когда достигъ высшей ученой степени, тѣмъ болѣе хотѣлъ быть самостоятельнымъ и независимымъ. Ректоромъ Петербургской Академіи въ это время былъ Макарій, епископъ Винницкій, также докторъ богословія. Для Іоанна, который по лѣтамъ службы на одинъ только годъ моложе былъ Макарія, а по дарованіямъ считалъ себя гораздо выше его, нелегко, конечно, было находиться у него въ подчиненіи, и отъ того между ними не было добрыхъ взаимныхъ отношеній. Въ слѣдствіе сего, Макарій постарался освободиться отъ непріятнаго и тяжелаго для него инспектора: въ 1855 г. Іоаннъ былъ назначенъ ректоромъ С.-Петербургской Семинаріи. Но и здѣсь онъ недолго оставался. Въ Октябрѣ 1856 г. переведенъ былъ, по смерти Никанора, на Новгородскую и С.-Петербургскую каѳедру преосвященный Григорій, митрополитъ Казанскій. Въ слѣдъ за нимъ, по его же личному усмотрѣнію, взятъ былъ изъ Казани и ректоръ тамошней Академіи архимандритъ Агаѳангелъ (Соловьевъ), для возведенія въ санъ епископа Ревельскаго, викарія С.-Петербургской епархіи. Это было въ началѣ 1857 г. На мѣсто Агаѳангела, ректоромъ Казанской Академіи назначенъ былъ ректоръ Петербургской Семинаріи архим. Іоаннъ, который, очевидно, былъ не по духу новаго митрополита. Но это назначеніе, хотя, повидимому, очень почетное, было Іоанну совершенно не по сердцу, и онъ такъ былъ этимъ раздраженъ, что оставилъ Петербургъ, ни съ кѣмъ не простившись, даже съ митрополитомъ. Въ Казани Іоаннъ пріобрѣлъ себѣ громкую извѣстность своими проповѣдями въ современномъ духѣ, особенно въ эпоху освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимо-

сти (1861 г); но въ тоже время онъ подвергся тяжелому испытанію по поводу участія нѣкоторыхъ изъ студентовъ Академіи въ какой-то панихидѣ вмѣстѣ съ студентами тамошняго Университета, подъ руководствомъ даровитаго, но не благонамѣреннаго профессора Академіи и вмѣстѣ Университета Щапова. По этому случаю было назначено, по распоряженію Св. Синода, изслѣдованіе, которое поручено было архим. Московскаго Данилова монастыря Іакову. О. Іоаннъ былъ очень этимъ смущенъ, какъ слышалъ я отъ отъ архим. Іакова, и ожидалъ непріятныхъ для себя послѣдствій; но, по милости Московскаго владыки, дѣло обошлось для него безъ большой бѣды".

„Въ 1864 г. Іоаннъ былъ назначенъ ректоромъ С.-Петербургской Академіи и въ 1865 г. рукоположенъ во епископа Выборгскаго, съ оставленіемъ въ той же должности. При разсужденіи въ Св. Синодѣ о возведеніи его въ санъ епископа, произошли, какъ мнѣ сказывали, немалыя пререканія между первенствующимъ членомъ Св. Синода и протопресвитеромъ Бажановымъ. Въ то время когда Іоаннъ переведенъ былъ изъ Казани въ Петербургъ не по желанію Новгородскаго митрополита, онъ будто бы въ гнѣвѣ высказался, что никогда его рука не будетъ возложена на главу Іоанна, т. е. что Іоаннъ не будетъ епископомъ, пока Исидоръ будетъ возсѣдать на Новгородской каѳедрѣ. Но, по прошествіи года, гнѣвъ митрополита утишился, и онъ же, вѣроятно, самъ представилъ Іоанна къ сану епископа; тогда Бажановъ, вообще нерасположенный къ монашеству, напомнилъ митрополиту о его нежеланіи возлагать руки на главу Іоанна. Однакожъ ходатайство митрополита было уважено Синодомъ, и Іоаннъ рукоположенъ былъ во епископа".

„Въ 1866 г. онъ получилъ назначеніе на Смоленскую каѳедру. По вступленіи въ управленіе ввѣренною ему епархіею, онъ своею неумѣренною строгостію произвелъ на паству неблагопріятное впечатлѣніе. При окончаніи учебнаго года, онъ исключилъ своею властію изъ Семинаріи цѣлую треть, если не болѣе, учениковъ. Это возбудило между Смоленскимъ духовенствомъ сильный ропотъ, и доходили жалобы до Св. Синода. Синодъ осудилъ тоже распоряженіе Іоанна и сдѣлалъ ему по этому случаю сильное вразумленіе, которое не могло не подѣйствовать на его самолюбіе, а чрезъ это и на состояніе его здоровья, которое и безъ того не было крѣпкимъ".

„Отношенія преосвящ. Іоанна къ свѣтскому обществу на первый разъ были не совсѣмъ мирныя. Но потомъ, когда его взгляды на вещи и его нравственный характеръ мало-по-малу уяснились для его паствы, онъ пріобрѣлъ себѣ искреннее расположеніе и общее уваженіе въ городѣ. И надобно замѣтить, что церковныя поученія составляли почти исключительный предметъ его занятій, какъ мнѣ передавали его приближенные; административными дѣлами и консисторскими бумагами онъ занимался не очень прилежно. Въ теченіе двухъ слишкомъ лѣтъ своего пребыванія на Смоленской каѳедрѣ, онъ ни разу не выѣзжалъ въ епархію для обозрѣнія церквей. Домашнюю жизнь велъ довольно замкнутую; только съ губернаторомъ Бороздною онъ свелъ въ послѣдствіи довольно близкую дружбу, посѣщалъ его и къ себѣ принималъ. Ихъ взаимныя собесѣдованія, какъ передавалъ мнѣ самъ г. Бороздна, не-

рѣдко продолжались за полночь, и потому кончина преосв. Іоанна для сего послѣдняго была истиннымъ горемъ".

„Въ обращеніи съ подчиненными преосвящ. Іоаннъ былъ иногда раздражителенъ и суровъ. Такъ, ректоръ Семинаріи мнѣ передавалъ, что онъ разъ, предъ семинарскими экзаменами, пришелъ къ преосвященному съ конспектами, и при этомъ позволилъ себѣ спросить, когда онъ пожалуетъ въ Семинарію на экзамены. На это преосвященный отвѣчалъ: „А на что тебѣ это знать? Когда нужно будетъ, пріѣду. Ступай вонъ"!... Одинъ сельскій священникъ, принужденный за какой-то проступокъ къ 5-ти рублевому штрафу, пришелъ къ преосвященному и сталъ оправдываться. Тотъ къ 5-ти рублямъ прибавилъ еще пять. Священникъ еще громче началъ говорить въ свое оправданіе. Преосвященный приложилъ еще пять рублей. Священникъ продолжалъ защищаться, а преосвященный продолжалъ прибавлять штрафъ, и когда довелъ его до 25-ти рублей, священникъ замолчалъ, и такимъ образомъ вмѣсто 5-ти рублей долженъ былъ заплатить штрафу 25 рублей".

„По смерти его осталось роднымъ довольно значительное наслѣдство (говорили, тысячъ 35-ть руб.); но болѣе цѣнное послѣ него осталось наслѣдіе не только для его присныхъ, но и для всѣхъ любящихъ духовныя науки и и духовное просвѣщеніе—это его богословско-каноническія и проповѣдническія произведенія".

„Вообще надо сказать, что духовенство не любило Іоанна. Іоаннъ никогда почти не принималъ у себя проѣзжавшихъ черезъ Казань архіереевъ, отзываясь то болѣзнью, то тѣмъ, что его нѣтъ дома; исключеній было очень мало. Начальство смотрѣло на него какъ на непокорнаго слугу и систематически обходило его наградами и повышеніями. Получая сверху непріятныя, онъ постоянно высказывалъ какое-то рѣзкое и презрительное раздраженіе противъ разныхъ представителей духовной власти даже съ немалымъ для себя рискомъ. Сильный критическій талантъ и неуваженіе къ чужимъ мыслямъ и ученымъ трудамъ возбудили противъ него даже такого почтеннаго ученаго какъ преосв. Филаретъ Гумилевскій".

Объ отношеніяхъ между Польскими помѣщиками и Русскимъ духовенствомъ Савва приводитъ рапортъ одного благочиннаго. Священникъ Бѣльской церкви получилъ пособіе за сгорѣвшій у него домъ и отправился въ лавку извѣстнаго ему Русскаго купца. Туда, пока купецъ отпускалъ нужные для него предметы, прибылъ предводитель Полоцкаго дворянства г. Б. Едва только священникъ успѣлъ оказать свое почтеніе и заявить привѣтствіе, г. Б. началъ такую рѣчь: „Чтò вы, батюшка, дѣлаете мнѣ подрѣзъ?"—„Какой подрѣзъ, я не понимаю", отвѣчалъ священникъ. „Почему вы не выходите изъ занимаемаго вами училищнаго дома; здѣсь бы было Сельское Правленіе; вы мою корчму лишаете дохода". Священникъ говоритъ: „Если бы было куда выдти, я бы вышелъ, а на улицѣ теперь жить не можно, дѣтей поморозить можно".—„Вы задружили съ помѣщикомъ, и его корчмѣ доходъ отъ сельскаго правленія, а моя корчма совсѣмъ безъ дохода". Священникъ шуточно отвѣтилъ: „помилуйте, я еще поддерживаю вашу корчму".—„Ну, не шутите, ба-

тюшка", и, вышедши изъ лавки со священникомъ, сказалъ, ему вполголоса: „Батюшка, преосвященнѣйшій обѣщалъ васъ послать въ монастырь на шесть недѣль; и тогда мнѣ можно будетъ распорядиться занять домъ Сельскимъ Правленіемъ". Священникъ отвѣтилъ: „Если заслужу и угодно будетъ архипастырю, не только на шесть недѣль, но и на шесть мѣсяцевъ, опредѣлить меня въ монастырь, я повинуюсь волѣ моего начальства; а всетаки мнѣ съ семействомъ помѣститься негдѣ, кромѣ сего училищнаго дома". И г. посредникъ твердилъ (конечно, въ угоду г. Б.), что сельское Бѣльское Правленіе совсѣмъ не у мѣста, потому что не при церкви. А оно отъ церкви въ трехъ верстахъ; только вотъ бѣда, что тамъ корчма другого помѣщика".

Отмѣчая свиданіе свое съ Н. А. Сергіевскимъ, попечителемъ Виленскаго учебнаго округа, Савва приводитъ разсказъ, какъ сдѣлался Сергіевскій попечителемъ. Предшественникомъ его былъ П. Н. Батюшковъ. Онъ, какъ ревнитель Православія и Русской народности и притомъ пользовавшійся вниманіемъ Государыни Императрицы, не слишкомъ подчинялся власти генералъ-губернатора А. Л. Потапова и не раздѣлялъ его политическихъ воззрѣній. Потаповъ искалъ случая удалить Батюшкова, какъ ему несочувственнаго и для него неудобнаго. Случай этотъ не замедлилъ представиться. Служащіе по учебному вѣдомству давали въ Вильнѣ обѣдъ, если не ошибаюсь, помощнику попечителя округа (Шульгину), отставленному по распоряженію Потапова отъ должности. Въ обѣдѣ принялъ участіе и Батюшковъ. Очевидно, что этотъ обѣдъ былъ демонстраціей противъ Потапова. Это было осенью 1869 г. Потаповъ не выдержалъ, немедленно отправился въ Петербургъ и, явившись къ Государю, палъ на колѣна и со слезами умолялъ его или удалить Батюшкова, или ему самому дать другое назначеніе. Государь, разумѣется, предпочелъ оставить въ Вильнѣ Потапова. На другой или на третій день послѣ этой трагической сцены, является къ Государю въ Царскомъ Селѣ съ обычнымъ докладомъ министръ народнаго просвѣщенія, оберъ-прокуроръ Св. Синода тожъ. Государь встрѣчаетъ министра такими словами: „Я удалилъ Батюшкова отъ должности; кого ты укажешь на его мѣсто?" Это было такъ неожиданно для министра, что онъ не зналъ, что̀ отвѣчать Государю. Однакожъ министръ сказалъ: „Ваше Величество, въ настоящую минуту я не могу имѣть въ виду ни одного кандидата; развѣ, если позволите, указать на директора моей канцеляріи по званію оберъ-прокурора Синода, Сергіевскаго". „Ну, хорошо, сказалъ Государь, представь его".

„Графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой, возвратившись изъ Царскаго Села въ Петербургъ часовъ въ восемь вечера и подъѣхавши къ квартирѣ Сергіевскаго на Невскомъ проспектѣ (въ одномъ домѣ съ графомъ), вызвалъ его на тротуаръ (въ квартиру не хотѣлъ войти, потому что у кого-то изъ нихъ въ семействѣ существовала прилипчивая болѣзнь, скарлатина или корь) и здѣсь, подъ открытымъ небомъ, объявилъ ему царскую волю о новомъ высшемъ назначеніи. Эта нечаянность, безъ сомнѣнія, изумила Николая Александровича; но какъ ни почетна была должность, на которую его назначали, онъ не слишкомъ ей обрадовался: ему не очень хотѣлось оставлять Петербургъ".

С. Т. Аксаковъ и его семья (біографическій очеркъ).

Это статьи трудолюбиваго розыскателя нашей недавней словесной старины, издателя писемъ Гоголя, г-на Шёнрока, помѣщенныя въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1904 годъ (Октябрь—Декабрь). Мы начали читать ихъ съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ, такъ какъ тотъ же г-нъ Шёнрокъ, въ „Вѣстникѣ Европы" совершенно не понялъ единомышленника Аксаковыхъ, поэта Н. М. Языкова, ни его высоко-нравственнаго характера, ни отличнаго поэтическаго дарованія. Теперь можно ему простить это за статьи объ Аксаковыхъ, т. е. за оглашеніе въ печати новыхъ свѣдѣній объ этой многолюдной, благословенной семьѣ, отъ которой въ живыхъ теперь младшая дочь Марья Сергѣевна, вдова Егора Антоновича Томашевскаго, и двое дѣтей, Григорія Сергѣевича, втораго изъ сыновей Сергѣя Тимоѳеевича. Отъ трехъ Аксаковыхъ-писателей остался большой архивъ. Часть его была передана Иваномъ Сергѣевичемъ крестнику его отца, извѣстному историку Н. М. Павлову; другая сохранилась у дѣтей Григорья Сергѣевича, и вотъ этими-то послѣдними бумагами воспользовался г-нъ Шёнрокъ для любопытныхъ статей своихъ. Особенно цѣнны письма Сергѣя Тимофѣевича, полныя умной искренности и сердечной свѣжести. Старшій сынъ его Константинъ Сергѣевичъ, этотъ „свирѣпый агнецъ", какъ звалъ его Хомяковъ, выступаетъ какъ живой. Читатели въ первый разъ знакомятся съ третьимъ братомъ, Григорьемъ Сергѣевичемъ (супругу котораго невѣрно именуетъ г-нъ Шёнрокъ) и съ разными домашними и денежными дѣлами Аксаковыхъ. Слѣдовало бы заняться этими бумагами человѣку, ближе знавшему Аксаковыхъ, и могъ бы выдти въ свѣтъ не одинъ томъ Аксаковскаго Архива. П. Б.

*

Арсеній Маркевичъ, Таврическая губернія во время Крымской войны по архивнымъ матеріаламъ. Симферополь 1905, 8-ка, нен., 260, III и 2 нен. стр. Цѣна 1 р. 75 к. Книга эта вызываетъ на многія размышленія по отношенію къ нашему времени.

*

Исторія города Москвы. Сочиненіе *Ивана Забѣлина*, написанная по порученію Московской Городской Думы. Часть первая. Второе изданіе (автора), исправленное и дополненное, съ рисунками въ текстѣ и въ особомъ альбомѣ. Москва. 1905. Большая 8-ка. VIII и 652 стр. Цѣна 4 рубля. Въ альбомѣ 21 рисунокъ (планы и виды).

*

Л. М. Савёловъ. „Генеалогическія рѣдкости". Списокъ рѣдкихъ и замѣчательныхъ изданій по Русской Генеалогіи. М. 1904. Большая 8-ка, II и 32 стр.

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1905 года.

(Годъ 43-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву" въ 1905 году, за **двѣнадцать выпусковъ**, съ пересылкой и доставкой, девять рублей, для чужихъ краевъ—**двѣнадцать рублей**.

Подписка въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива", на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени", въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону.

Отвѣтственность за исправную доставку книжекъ принимается лишь для тѣхъ лицъ, которыя подписались въ Конторѣ «Русскаго Архива» или въ показанныхъ выше книжныхъ магазинахъ.

☞ Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляютъ свыше 50 требованій.

Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автобіографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву" для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія „Русскаго Архива" прошлыхъ лѣтъ получаются по слѣдующимъ цѣнамъ: 1874 годъ, съ двумя гравированными на стали портретами (Ѳ. И. Тютчева и князя В. Ѳ. Одоевскаго), за 6 р., съ пересылкою 7 р.; годы 1877, 1879, 1884 и 1886—1889 по 6 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 7 р.; годы 1890 — 1892, 1894 и 1895 по 6 р., съ пересылкою по 7 р.; годы 1898—1904 по 8 р., съ пересылкою по 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногородняго на иногородный и заграничнаго на заграничный—30 копѣекъ; Московскаго на иногородный—90 копѣекъ; иногородняго на Московскій—40 копѣекъ (*по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ*). Просимъ присылать номеръ перемѣняемаго адреса.

Контора „Русскаго Архива" открыта ежедневно съ 9 час. утра до 5 пополудни.

Отдѣльныя книжки «Русскаго Архива» прежнихъ годовъ можно получать по 1 рублю.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" **Петръ Бартеневъ**.

(Годъ сорокъ третій).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1905

3.

Стр.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1905.

Генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ. Его жизнь и дѣятельность. По неизданнымъ источникамъ составилъ Генеральнаго Штаба генералъ отъ инфантеріи князь Щербатовъ. Томъ седьмой 1850—1855 г.г. Спб. 1904. бол. 8-ка, IX и 423 стр.

Это послѣдній томъ личной и государственной біографіи одного изъ главнѣйшихъ дѣятелей Николаевскаго царствованія. Честь и слава покойному сыну его князю Ѳедору Ивановичу за то, что онъ послѣдовалъ примѣру князя С. М. Воронцова и не пощадилъ средствъ къ обнародованію этого монументальнаго изданія, содержащаго въ себѣ бумаги и показанія великой исторической важности. Въ седьмомъ томѣ изложены событія послѣ Венгерской войны и до кончины фельдмаршала. Война эта стала намъ *десять* милліоновъ рублей, но Россія потребовала только уплаты *четырехъ* милліоновъ за прокормленіе войскъ, и въ полученіи этихъ денегъ отъ спасенной ею Австріи встрѣтила затрудненія. Россія могла выставить въ бой 1.350.000 человѣкъ, и Государь мнилъ себя рѣшителемъ судебъ Европы, которую еще сильнѣе прежняго озлобляло опасеніе вооруженнаго нашего вмѣшательства въ эти судьбы. Николай Павловичъ счелъ себя охранителемъ и спасителемъ монархическаго начала повсюду, такимъ же какъ его злополучный родитель, что и вовлекло насъ въ Крымскую войну, неудачи которой свели во гробъ идеалиста, великаго труженика своего долга благороднѣйшаго изъ государей.

Книга почти вся состоитъ изъ переписки фельдмаршала съ Государемъ, которая особенно важна за время Крымской войны, когда намъ отовсюду грозили бѣдствія, и Николай Павловичъ говорилъ, „что готовится защищаться за Днѣпромъ, за Москвою, за Волгою“. Пруссія измѣняла, намъ какъ и Австрія. Паскевичъ говорилъ о первой изъ нихъ Наслѣднику, тотъ отвѣчалъ: „Король имѣетъ на этотъ счетъ свои мысли; Прусское же правительство на столько щекотливо, что всякое вмѣшательство въ его политику, всякій совѣтъ могутъ прогнѣвать его и произвести противное дѣйствіе“ (Тутъ уже зародышъ Берлинскаго конгресса 1878 года). Точно такъ въ 1812 году Прусскій король, распинаясь въ дружбѣ къ Александру Павловичу, отдалъ Наполеону войска свои для участія въ нашествіи на Россію. Правъ былъ императоръ Александръ Александровичъ, во всеуслышаніе сказавшій, что у Россіи нѣтъ союзниковъ кромѣ единовѣрной Черногоріи. Можно сказать навѣрное, что и Николай Павловичъ не допустилъ бы чрезмѣрнаго усиленія запаснаго сосѣда.

Отношеніе Николая Павловича къ Паскевичу было дружественное и нѣжное, хотя Паскевичъ вовсе не былъ бителемъ внѣшняго строя и солдатской муштровки. 20 Августа 1851 года (вспоминалъ Паскевичъ) Государь удостоилъ меня посѣщеніемъ (въ Москвѣ) и, посадивъ возлѣ себя на диванъ, началъ говорить объ истекшихъ годахъ своего 25-ти лѣтняго царствованія. „Ты, отецъ-командиръ, сказалъ онъ со слезами на глазахъ, прославилъ мое царствованіе; ты со славою окончилъ четыре войны и тѣмъ упрочилъ благосостояніе Россіи. Одинъ Богъ надо-

Говоря затѣмъ объ образовавшемся въ Петербургѣ для изысканія способовъ къ улучшенію состоянія духовныхъ училищъ комитетѣ, Савва характерно обрисовываетъ личность Нижегородскаго архіерея Нектарія, которому привелось исполнять за отъѣздомъ митрополита Арсенія обязанности предсѣдателя. Нектарію, при его ограниченныхъ способностяхъ, очень не легко было, какъ передавалъ мнѣ Сергіевскій, руководить занятіями комитета, гдѣ собраны были люди даровитые и ученые. Но преосв. Нектарій нашелъ простое средство преодолѣть всѣ затрудненія: онъ поставилъ себѣ правиломъ безпрекословно исполнять, подъ руководствомъ Сергіевскаго, всѣ желанія и даже прихоти оберъ-прокурора; и это человѣкоугодничество доходило въ немъ даже до смѣшного. Нектарій окружилъ себя родственниками, которые злоупотребляли своею къ нему близостію; въ особенности много терпѣла паства отъ его брата, домашняго секретаря. Ропотъ дошелъ до Синода, и ему велѣно было удалить этого секретаря. Преосвященному хотѣлось, чтобы въ честь его учреждена была стипендія въ какомъ либо изъ учебныхъ заведеній; но какъ духовенство не находило это для себя возможнымъ, то онъ далъ на этотъ предметъ свои собственныя деньги".

Далѣе Саввой упоминается о домашнемъ секретарѣ Нектарія Рогачевскомъ, который сумѣлъ во время бытія Нектарія на Харьковской епархіи пріобрѣсти въ Харьковѣ три каменныхъ дома.

Интересны страницы воспоминаній о Московскомъ митрополитѣ Иннокентіи и о Толстыхъ. „Въ послѣднихъ числахъ Ноября новый Московскій митрополитъ отправился въ Петербургъ для присутствованія въ Св. Синодѣ запасшись разными церковными вопросами, которые онъ намѣренъ былъ предложить на сужденіе Синоду, между прочимъ, о возстановленіи въ Россіи патріаршества, о созываніи, по примѣру древней Христіанской церкви, помѣстныхъ соборовъ, объ общежитіяхъ въ монастыряхъ и проч.

„Прошла зима. На 6-й недѣлѣ Великаго поста (1869 г.) митр. Иннокентій получилъ отпускъ въ Москву на Страстную и Свѣтлую седмицы съ тѣмъ, чтобы послѣ Пасхи снова возвратиться въ Петербургъ. Въ день своего отъѣзда онъ послалъ оберъ-прокурору письмо, въ которомъ настоятельно требовалъ немедленнаго пересмотра новыхъ семинарскихъ и училищныхъ уставовъ. Оберъ-прокуроръ доложилъ объ этомъ Государю и получилъ высочайшее соизволеніе удовлетворить требованію Московскаго митрополита. Вскорѣ послѣ Пасхи назначено было экстраординарное засѣданіе Синода въ покояхъ Петербургскаго митрополита. Графъ Толстой не захотѣлъ быть самъ въ этомъ засѣданіи, а послалъ вмѣсто себя директора своей канцеляріи, т. е. Сергіевскаго. Начали разсматривать новые уставы. Иннокентій, руководствуясь запискою, составленною архимандритами Никодимомъ и Сергіемъ, сталъ дѣлать замѣчанія на разные пункты уставовъ; прочіе члены, въ особенности протопресвитеръ В. Б. Бажановъ, опровергали эти замѣчанія. Наконецъ, потребовали, чтобы прочитана была означенная записка; и когда, по прочтеніи спросили у митрополита, кѣмъ составлена и подписана эта записка, оказалось, что подъ ней ничьей подписи не было. Тогда съ сильными укорами

возсталъ на митрополита Бажановъ. Въ заключеніе было постановлено: записку, заключающую въ себѣ замѣчанія на уставы, признавъ неосновательною и отчасти дерзкою, приложить къ дѣлу. Тѣмъ и кончилось дѣло, къ великому посрамленію ревнителя - митрополита. Подобная участь постигла и прочіе вопросы, предъявленные Московскимъ владыкою къ обсужденію Синода. Правда мысль объ общежитіяхъ въ монастыряхъ принята была къ свѣдѣнію, и по этому вопросу сдѣланы были нѣкоторыя распоряженія, но они не вездѣ могли быть приведены въ исполненіе".

„По вступленіи въ должность оберъ-прокурора Св. Синода, графъ Д. А. Толстой попросилъ себѣ у Государя, по примѣру прочихъ министровъ, товарища для завѣдыванія текущими по Синоду дѣлами, съ жалованьемъ по 5,000 руб. въ годъ. Въ товарищи себѣ по Синоду онъ избралъ товарища по образованію въ Александровскомъ Лицеѣ и дальняго родственника-однофамильца, Юрія Васильевича Толстого, который въ 1865 г. былъ Тверскимъ вице - губернаторомъ. Казалось бы, что выборъ этотъ былъ какъ нельзя болѣе удаченъ, и надлежало бы ожидать отъ двухъ однофамильцевъ полнаго единомыслія и единодушія въ дѣлахъ; но оказалось не то. Между двумя *Толстыми* не было даже *тончайшей* нравственной связи. Опытъ показалъ, что они расходились между собою и въ мысляхъ и въ дѣйствіяхъ: что̀ утверждалъ одинъ, то отрицалъ другой; что̀ одинъ одобрялъ, то другой порицалъ. Къ этому присоединились еще на бѣду семейные расчеты. Юрій Васильевичъ Толстой женился на Англичанкѣ, которая была гувернанткою при супругѣ графа Д. А. Толстаго, урожденной Бибиковой. Англичанка - гувернантка, какъ супруга товарища оберъ-прокурора, хотѣла бы держать себя на ровной ногѣ съ супругою оберъ-прокурора, своею питомкою; но та и мысли объ этомъ не хотѣла допускать. Отсюда рѣшительный разрывъ между двумя, столь близкими, повидимому, семействами: не только жёны, но и мужья никогда у себя въ домахъ другъ съ другомъ не видались. Единственнымъ мѣстомъ свиданія для нихъ, въ недѣлю или въ двѣ недѣли разъ, въ Синодѣ. Можно ли было послѣ сего ожидать какого либо единства въ направленіи дѣлъ по духовному православному вѣдомству?"

„Много", пишетъ Савва, „было говорено съ Сергіевскимъ о другихъ лицахъ и предметахъ, какъ то: о преосвящ. Макаріи, архіеп. Литовскомъ, о его раздражительности по поводу разсужденій о реформѣ духовныхъ академій; о преосвящ. Платонѣ, архіеп. Донскомъ, о его неприличномъ объясненіи съ супругою атамана на счетъ какой-то его болѣзни; о преосвящ. Платонѣ, бывшемъ епископѣ Екатеринославскомъ, о причинѣ перемѣщенія его въ Томскъ (упорный отказъ въ исполненіи Синодскаго указа по поводу жалобы на него со стороны Таганрогскаго священника, перемѣщеннаго имъ на другое мѣсто за самовольное освященіе мѣста для храма); о преосв. Павлѣ, еп. Вологодскомъ, о причинѣ перемѣщенія его въ Псковъ (безтактная проповѣдь и излишняя свобода въ обращеніи съ свѣтскими лицами); о Кіевскомъ митр. Арсеніи, о его двоедушіи; о ректорѣ Кіевской Академіи архим. Филаретѣ, о его либерализмѣ и безхарактерности, о его неуважительномъ отношеніи къ

митрополиту, о представленіи его, по поводу академическаго юбилея, въ 1869 г., къ несбыточной наградѣ — сану епископа; о дѣятельности Духовно-учебнаго Комитета и проч.“

Такой же разговоръ Савва имѣлъ и въ 1871 г. „Между членами Синода, говорилъ мнѣ преосвящ. Макарій, нѣтъ и не можетъ быть единомыслія и единодушія. Новгородскій митр. Исидоръ держитъ себя по отношенію къ прочимъ членамъ Синода слишкомъ отдаленно. Кіевскій митр. Арсеній не отличается искренностію и прямодушіемъ. Московскій митр. Иннокентій, при своей слѣпотѣ, не думаетъ оставлять своей каѳедры, не смотря на ясный намекъ, сдѣланный ему (вѣроятно, по внушенію оберъ-прокурора) въ газетахъ, гдѣ не разъ было напечатано, что онъ оставляетъ Московскую каѳедру и идетъ на покой и что его мѣсто займетъ Литовскій архіепископъ Макарій. Архіепископъ Василій (Лужинскій) не имѣетъ никакого значенія въ Синодѣ, но его поддерживаетъ въ антагонизмѣ противъ меня протопресвитеръ Бажановъ „который, какъ царскій духовникъ и протоіерей І. В. Рождественскій, пользующійся особымъ вниманіемъ при дворѣ, позволяютъ себѣ слишкомъ свободно и даже несдержанно объясняться въ засѣданіяхъ Синода. Присутствовавшій въ Синодѣ преосв. Алексій, архіепископъ Рязанскій, любитъ заискивать и прислуживаться. Такъ по его иниціативѣ, возбужденъ былъ въ Совѣтѣ Петербургской Академіи вопросъ о поднесеніи Новгородскому митрополиту диплома на степень доктора богословія. Но митрополитъ отвергъ этотъ почетный титулъ и диплома не принялъ; между тѣмъ какъ Кіевскій митрополитъ сильно домогался этого титула, но ему въ этомъ отказали“.

„Оберъ-прокуроръ графъ Д. А. Толстой, при своемъ особенномъ значеніи при дворѣ, имѣетъ сильное, хотя не всегда благотворное, вліяніе на церковныя дѣла. Онъ въ высшей степени самолюбивъ и властолюбивъ; прекословія себѣ ни отъ кого не терпитъ. Всякое, хотя бы самое основательное, возраженіе по дѣламъ синодскимъ, въ особенности по предпринятымъ реформамъ, онъ считаетъ за личное для себя оскорбленіе. Представленіе къ наградамъ архіереевъ оберъ-прокуроръ считаетъ своимъ исключительнымъ правомъ, хотя это всѣхъ почти архіереевъ до крайности оскорбляетъ, за исключеніемъ развѣ тѣхъ, къ коимъ онъ имѣетъ особенное благоволеніе, какъ то Харьковскаго Нектарія и Псковскаго Павла“.

Надо сказать, что преосв. Макарія не особенно любили. Н. П. Кирѣевская въ своемъ письмѣ изъ Москвы къ Саввѣ говоритъ: „Вѣроятно не долго будетъ у насъ митрополитъ Иннокентій; а намъ грозятъ Макаріемъ, совершенно противоположнымъ Филарету. Игуменья Митрофанія Розенъ вертитъ митрополитомъ, какъ ей угодно; и преосв. Леонидъ ей же угождаетъ; это удивительно. Но при дворѣ она слиняла, и сила ея пропала: ее познали; а здѣсь еще очень штукаритъ, и въ ея ловушку многіе богатые попадаются, и Туркамъ не спускаетъ... Я ее давно не принимаю, т. е. противъ ея черной выходки противъ меня“. Предубѣжденіе Кирѣевской противъ Митрофаніи оправдалось: не прошло и двухъ лѣтъ какъ она уже сидѣла на скамьѣ подсудимыхъ.

Въ 1872 г. Савву посѣтилъ оберъ-прокуроръ Св. Синода графъ Д. А. Толстой. 24 Сентября онъ присутствовалъ на открытіи Учительской Семинаріи въ Полоцкѣ. Въ Витебскѣ на станціи къ гр. Толстому явился и врагъ Саввы протоіерей Юркевичъ, который и подалъ на преосвященнаго жалобу. Въ чемъ она состояла, автору неизвѣстно и только онъ знаетъ, что просьба оканчивалась словами: „Графъ! помогите, помогите, помогите... Графъ, прочитавши просьбу, разодралъ ее въ клочки, приговаривая: „помогаю, помогаю, помогаю“.

Графъ Толстой изъ Полоцка отправился въ Вильну, оттуда потомъ ѣздилъ въ Минскъ. Здѣсь произошло нѣчто особенное. Въ Минскѣ такъ же какъ и въ Витебскѣ, у губернатора Токарева для министра былъ торжественный обѣдъ, къ которому, разумѣется, приглашенъ былъ и мѣстный преосвященный Александръ. Обѣдъ былъ приготовленъ весь изъ мясныхъ блюдъ. Преосв. Александръ, находясь долгое время на службѣ въ Западномъ краѣ, привыкъ къ употребленію мясной пищи, и потому, не стѣсняясь, вкушалъ предлагаемое за трапезой. Графу Толстому это показалось до того страннымъ и непріятнымъ, что онъ не хотѣлъ ѣхать затѣмъ на обѣдъ къ преосвященному, и наконецъ согласился подъ тѣмъ только условіемъ, если хозяинъ, предлагая гостямъ за трапезой мясныя блюда, самъ ограничится рыбною пищею. Такъ было и сдѣлано. Между тѣмъ графъ, возвратившись въ Петербургъ, не преминулъ сообщить о своемъ непріятномъ впечатлѣніи первенствующему члену Св. Синода [1]), а этотъ поручилъ архіепископу Могилевскому Евсевію сдѣлать своему сосѣду внушеніе и предостереженіе.

Власть и пребываніе на нашихъ Западныхъ окраинахъ не могли не отразиться на Саввѣ. Въ этомъ IV томѣ мы не видимъ уже того спокойнаго отношенія его къ чужимъ убѣжденіямъ, съ какимъ онъ относился прежде къ пишущей братіи.

Вотъ одинъ изъ примѣровъ. Владимирскій викарій Іаковъ писалъ ему: Изволили вы читать въ „Бесѣдѣ“ статьи Ростиславова о монастыряхъ [2]); обратите вниманіе, если не читали. Удивляться надо, какъ авторъ изучилъ дѣло. Владыко [3]), думаетъ, что у него есть агенты въ разныхъ городахъ, которые собираютъ и доставляютъ ему разныя свѣдѣнія, получая за то вознагражденіе. Мнѣ кажется, что подобными статьями подготовляется не реформа, а уничтоженіе монастырей. Покончивъ съ нашимъ судопроизводствомъ, графъ (Толстой) примется и за монастыри“. Вотъ что отвѣчалъ на это Савва [4]) „Статей Ростиславова о монастыряхъ я не читалъ и не знаю, удастся ли прочитать: почиталъ его грубую и наглую брань на достопочтенныхъ іерарховъ, въ томъ числѣ и на покойнаго Московскаго святителя въ статьяхъ о Петербургской Академіи, помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Европы“. Съ этимъ безсовѣстнымъ авторомъ я давно знакомъ, по его первому ругательному со-

[1]) Митр. Исидору.

[2]) Наши монастыри, ихъ богатства и получаемыя ими пособія.

[3]) Антоній Павлинскій еп. Владимирскій.

[4]) Письмо отъ 3 Окт. 1872 г.

чиненію о духовныхъ училищахъ, напечатанному за границей. По порученію покойнаго владыки, я писалъ даже замѣчанія на одну изъ двухъ книгъ объ этомъ предметѣ. Порицать и бранить кого бы то ни было очень легко, но пусть порицатели покажутъ сами примѣръ безукоризненнаго дѣйствія на какомъ бы то ни было поприщѣ".

Если сравнить этотъ отзывъ о Ростиславѣ съ словами того же автора о томъ же профессорѣ, сдѣланными въ 1864 г. по поводу напечатанной книги „Объ устройствѣ духовныхъ училищъ въ Россіи" [1]), то разница будетъ великая. Правда, въ это время и не одинъ Савва такъ относился къ труженикамъ науки и печатнаго слова. Еще болѣе просвѣщенный и талантливый іерархъ Русской церкви, Херсонскій архіепископъ Никаноръ, современникъ Саввы, выразился такъ [2]): „Мы ее и разворачиваемъ, эту грязь, съ конца пятидесятыхъ годовъ и поднесь. Святитель Филаретъ сказалъ: „Нечистоты существуютъ, но выносить ихъ и выставлять на показъ было бы дѣломъ извращеннаго вкуса" [3]); но нашему вкусу нравится и видъ и вонь нашей грязи, и мы ее продолжаемъ выворачивать очень бойко. Примѣры такъ блистательны и такъ заразительны, слава первыхъ работниковъ по этой части такъ завидна. Но отчего бы и не устрашиться подражателямъ, взирая на скончаніе жительства своихъ наставниковъ въ этомъ гибельномъ дѣлѣ? Вѣдь ангелъмститель явно опустилъ свой мечъ на головы Добролюбова, Чернышевскаго, Помяловскаго сгнившаго, Щапова погибшаго въ тундрахъ Сибири, Благовѣщенскаго, разбитаго въ 25 лѣтъ параличемъ; Писарева, потонувшаго въ пучинѣ; профессора Д. Ѳ. Гусева, лишившагося съ умомъ образа не только Божія, но и человѣческаго, и впавшаго въ жалкое и гнусное скотство, и другихъ".

Вообще, какъ видно, наши владыки не переваривали профессора Ростиславова. Позднѣе, когда Савва посѣтилъ Кіевскаго викарія Іоанна Жданова, тотъ увѣрялъ, что „антагонистъ монашества Ростиславовъ пораженъ былъ внезапною смертію, именно среди злорѣчія на монашествующихъ; но въ продолженіе той же бесѣды Іоаннъ и самъ не пощадилъ монашества и разсказалъ Саввѣ, какъ епископъ Викторинъ, отправляясь на Полоцкую епархію, обобралъ всѣ драгоцѣнности изъ Спасскаго Казанскаго монастыря, гдѣ онъ былъ настоятелемъ, хотя, добавлялъ онъ, впослѣдствіи заставили его возвратить увезенную имъ дорогую митру. Этотъ разсказъ ярко подтверждаетъ высказанное митрополитомъ Филаретомъ „сожалѣніе о томъ, что наши монастыри отдавались на снѣдь архіереямъ".

Припоминается страничка изъ исторіи знаменитаго Ростовскаго Спасо-Яковлевскаго монастыря. Владыка, хозяйничавшій въ немъ менѣе двухъ

---

[1]) Хроника, п. 3, стр. 129.

[2]) Библіографическіе матеріалы т. I.

[3]) Извѣстенъ отзывъ Филарета одному изъ его собесѣдниковъ, заявлявшему о пользѣ Щедринскихъ „Губернскихъ Очерковъ", служащихъ къ очищенію нравовъ: „Мудрено. Въ первый разъ слышу, чтобы можно было кого-либо умыть помоями." П. Б.

лѣтъ и за свою общительность даже выбранный въ почетные члены мѣстнаго артистическаго кружка, успѣлъ такъ распорядиться монастырскимъ имуществомъ, что при его уходѣ на покой и касса монастырская оскудѣла, и на богатомъ дотолѣ монастырѣ оказались долги.

Въ Декабрѣ 1874 г. Савва былъ переведенъ на Харьковскую епархію.

Передъ отъѣздомъ его посѣтилъ одинъ изъ друзей Н. А. С., который вь пріятельской задушевной бесѣдѣ сообщилъ: 1) „Литовскій преосв. Макарій не въ мирныхъ отношеніяхъ съ Виленскимъ ген.-губ. Альбединскимъ вслѣдствіе сего послѣдній, бывши не задолго передъ симъ въ Петербургѣ, убѣдительно просилъ оберъ-прокурора Св. Синода поскорѣе взять изъ Вильны архіепископа Макарія куда бы то ни было, а на его мѣсто перевести епископа Полоцкаго (т. е. меня); но графъ Толстой сказалъ ему, что Полоцкій епископъ переведенъ уже на Харьковскую каѳедру, гдѣ его намѣрены-де подержать сколько можно дольше. 2) Преосв. Макарій, бывши въ Харьковѣ, любилъ часто принимать у себя по вечерамъ свѣтское, въ особенности женское, общество. 3) Архіеп. Нектарій велъ болѣе замкнутую жизнь, но у него домашній секретарь взяточникъ.

И въ Харьковѣ преосвященный Савва получалъ немало писемъ отъ своихъ корреспондентовъ. 1) „Московскій митрополитъ Инокентій съ предубѣжденіемъ смотритъ на наши Сибирскія миссіи, въ особенности на Японскую: онѣ-де только развращаютъ язычниковъ; 2) въ Синодѣ есть мысль объ освидѣтельствованіи мощей святителя Бѣлогородскаго Іоасафа Горленки; 3) преосвящ. Агаѳангелъ, архіеп. Волынскій, представилъ Новгородскому митрополиту (Исидору) обширную записку съ критическими замѣчаніями на уставы духовно-учебныхъ заведеній и просилъ совѣта напечатать ихъ, но совѣта и одобренія не получилъ; 4) оберъ-прокуроръ графъ Д. А. Толстой на Харьковскую каѳедру, вмѣсто меня, предлагалъ своего кліента Павла [1]), еп. Псковскаго; 5) по заказу того же Толстого, написана извѣстнымъ Ростиславовымъ [2]) пасквильная книга о Русскихъ монастыряхъ, съ цѣлію отобрать отъ монастырей имущества и употребить оныя въ пользу народнаго образованія“.

Въ 1876 году изъ одного анонимнаго письма Савва узналъ „о безпорядкахъ въ Хорошевскомъ Вознесенскомъ монастырѣ, управляемомъ игуменіею Олимпіадой, въ которомъ между прочимъ упоминается имя графа Девіера. Съ именемъ Девіера припоминается прескорбная исторія, происшедшая въ Хорошевскомъ монастырѣ въ бытность на Харьковской каѳедрѣ преосвященнаго Филарета Гумилевскаго. Гр. Девіеръ, не отличавшійся благонравіемъ, посѣщая женскій Хорошевъ монастырь, примѣтилъ тамъ красивую послушницу, мѣщанку Татьяну, соблазнилъ ее и женился на ней. Такой безчестный поступокъ со стороны развратнаго графа, разумѣется, не могъ не оскорбить сестеръ обители и въ особенности настоятельницу игуменію Антонину. Мало того: графъ Девіеръ, женившись на послушницѣ, имѣлъ безстыдство являться

[1]) Доброхотова † 23 Августа 1900 г. на покоѣ въ Москвѣ.

[2]) Опытъ изслѣдованія объ имуществахъ и доходахъ нашихъ монастырей СПб. 1876.

съ своею молодою женой въ монастырь и тѣмъ еще бо̀льшую причинялъ скорбь монахинямъ. Но и онѣ, въ свою очередь, не остались въ долгу предъ наглымъ посѣтителемъ. Однажды, когда онъ выходилъ уже изъ монастыря съ своею женою, разряженною по послѣдней Парижской модѣ, кто-то со стѣны облилъ ихъ грязными помоями. Это было 29-го Августа 1857 г. Возъярился гнѣвомъ оскорбленный графъ и тотчасъ началъ судебный процессъ. Скандальное дѣло это доведено было до высочайшаго свѣдѣнія. Для изслѣдованія происшествія командированъ былъ изъ Москвы архимандритъ Данилова монастыря Іаковъ. Дѣло окончилось тѣмъ, что игуменія Антонина удалена была отъ управленія монастыремъ, а преосвященный Филаретъ переведенъ на Черниговскую епархію“.

Владимирскій викарный Іаковъ между прочимъ писалъ: „А изволите ли читать Влад. Еп. Вѣдомости? 4-й № этихъ Вѣдомостей обратилъ вниманіе Главнаго Управленія печати. Напечатана была статья св. Хераскова по поводу газетныхъ толковъ о разрѣшеніи театровъ въ Великій постъ. Совѣтъ нашелъ ее направленною противъ правительственныхъ распоряженій и возмутительною. Министръ вн. дѣлъ препроводилъ заключеніе Совѣта къ гр. Толстому. Графъ, нимало не разсуждая, сообщилъ только содержаніе министерской бумаги. Мы растолковали это въ свою пользу: въ Синодѣ, видно, не осуждаютъ нашего автора и рукъ намъ не связываютъ. Владыка домашнимъ образомъ показалъ графское отношеніе. Преосв. Костромскій, прочитавъ статью Хераскова, въ тоже время предписалъ городскому духовенству читать ее по церквамъ. Агитаторы! Если молчать намъ, то мы подставимъ шею и отдадимъ себя и вмѣстѣ церковь на закланіе. Мацѣевича всѣ бранили за протестъ противъ распоряженій Екатерины; наконецъ, нашелся человѣкъ, который возвысилъ голосъ въ защиту его. Истина восторжествуетъ. Спасибо Барсову“.*) „Наши епарх. работы по реформѣ церквей окончены печатью. Вышла книга въ 19 листовъ. Скоро разошлется по церквамъ. 816 причетниковъ оказываются сверхштатными, а священниковъ, кажется, 120. Кому же хорошо будетъ?!“

„У преосв. Агаѳангела по смерти не нашли, говорятъ, денегъ. Значитъ, окружающіе обобрали его. Хорошо дѣлаютъ тѣ, которые заблаговременно распредѣляютъ свое доброе. Помните, вѣроятно, Андрон. архим. Гавріила; у него были деньжонки, и онъ собирался положить капиталъ на содержаніе одного или двухъ учениковъ его имени, но по скупости все откладывалъ и умеръ ничего не сдѣлавши: служитель воспользовался“.

О подвигахъ Владимирскаго архіерея Антонія, не только разрушавшаго старинные храмы, но и продававшаго древнія утвари антикварамъ, священникъ Орфановъ писалъ изъ Мурома: „Началась у насъ перестройка собора во имя Рождества Пресв. Богородицы, сооруженнаго въ XII вѣкѣ; но я, признаюсь, равнодушно видѣть эту перестройку не могу. Прежняя галлерея

---

*) Безпристрастный судъ исторіи надъ Арсеніемъ Мацѣевичемъ еще не начался до сихъ поръ: его почитаютъ мученикомъ, между тѣмъ какъ онъ самъ былъ мучителемъ. П. Б.

и паперть совершенно сломаны, а на мѣсто ихъ устроена новая галлерея, безъ крыши и безъ оконъ, открытая совершенно; паперти прежнія замѣнены открытыми широкими ступенями, идущими внутри галлереи. При разборкѣ старыхъ папертей, на глубинѣ $2^1/_2$ арш. въ землѣ, найдены два гроба, совершенно прочные и нимало не сгнившіе. Любопытные осмѣлились приподнять крышки, и въ одномъ оказался священникъ; облаченіе на немъ цѣло и крѣпко. Во второмъ гробѣ какъ бы помѣщикъ, богато одѣтый, и его одежда цѣла; будто бы сохранились и самыя тѣла, но я лично того не видалъ, а слышалъ все это отъ очевидцевъ. На этомъ мѣстѣ перекинули небольшую арку и устроили входную лѣстницу. Другое открытіе: когда стали копать канавы для св. алтаря, въ одномъ мѣстѣ, въ рядъ, нашли три глиняныхъ сосуда, похожихъ на урны, въ нихъ пепелъ и кости. По неосторожности урны эти разбиты, но съ одной урны снятъ снимокъ. Видъ собора перестройкою обезображенъ. Прежній алтарь отломанъ, а новый, очень удлиненъ къ бывшему Правленію Духовному. Вслѣдствіе этого иконостасъ уже переносится за арку, у которой онъ стоялъ, и станетъ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ св. престолъ и даже позади его. Видъ иконостаса измѣнится: онъ будетъ ниже, загороженъ столбами и мало виденъ изъ храма. Въ алтарѣ предполагается устроить три св. престола въ рядъ. Св. мощи [1]) будутъ поставлены въ храмѣ на правой сторонѣ со входа. Прежнія окна заложены, а продѣланы новыя, въ старомъ стилѣ, но полуширокія, ни старинныя, ни новыя. Главный средній куполъ снятъ до его основанія, и вмѣсто каменнаго сдѣланъ изъ досокъ, съ наружной стороны обитый желѣзомъ, а внутри оштукатуренный, и къ довершенію этой глупости теперь кладутъ подъ соборомъ духовыя печи, желая сдѣлать его теплымъ, а прежній теплый соборъ останется навсегда лишнимъ и безъ служенія. Удивляюсь, что̀ чудятъ-строятъ. По моему, если бы кто завернулъ въ Муромъ изъ вліятельныхъ и ревностныхъ археологовъ, досталось бы всѣмъ на калачи. Работаетъ все сіе особая комиссія, составленная, по преимуществу, изъ замысловатаго и ученаго молодого купечества. Ревнуя за древность, слѣдовало бы написать по сему предмету статейку, но боюсь досадить преосвященному [2]) и гражданамъ. Въ сборникѣ Ратшина о замѣчательныхъ монастыряхъ и церквахъ Россіи [3]), напечатано: „Соборъ въ уѣздномъ городѣ Муромѣ построенъ около 1170 года, кн. Юріемъ Владиміровичемъ Муромскимъ, праправнукомъ в. к. Святосл. II-го, и храмоздатель его погребенъ здѣсь". Судя по счисленію, предполагаю, что это былъ отецъ св. Петра Юрьевича, почивающаго теперь нетлѣнно въ соборѣ. А въ описи Кирѣевскаго значится, что соборъ этотъ перестроенъ в. к. Иваномъ Васильевичемъ III, думаю, въ память его пребыванія въ Муромѣ отъ преслѣдованія Шемяки. И на главу этого собора или, правильнѣе, вмѣсто главы, надѣли деревянную кадушку, да вздумали отапливать. Увы и ахъ!"

---

[1]) Петра и Февроніи Муромскихъ.

[2]) Архіеп. Антонію.

[3]) Москва, 1852, стр. 57.

На это письмо Савва отвѣчалъ: „Описываемая вами перестройка и переломка соборнаго храма истинно возмущаетъ душу. Меня при этомъ болѣе всего удивляетъ то, какъ могъ рѣшиться преосв. Антоній, безъ вѣдома Синода, дозволить такое искаженіе священнаго историческаго памятника“.

Другой корреспондентъ въ 1878 г. сообщаетъ, что „не далѣе, какъ нынѣшнею зимою, графъ Уваровъ нашелся вынужденнымъ, отъ имени Археологическаго Общества, донести Св. Синоду, какъ очевидецъ, о „реставраціи“ Боголюбовской церкви близъ Владимира, посредствомъ нѣсколькихъ штукатуровъ, безъ вѣдома и контроля архитектора, даже безъ десятника, но съ разрѣшенія мѣстнаго владыки, котораго графъ, между тѣмъ, предупреждалъ заранѣе объ археологическомъ значеніи этого древнѣйшаго храма“. За эти дѣянія преосвященный Антоній получилъ порицаніе Св. Синода, и это такъ подѣйствовало на Владимирскаго владыку, что съ нимъ послѣдовалъ ударъ, и онъ въ Маѣ 1878 г. скончался“.

За продажу древнихъ церковныхъ утварей не похвалили и Владимирскаго викарія Іакова. „Меня обошли“, писалъ онъ, „за археологическій грѣхъ. Покойнымъ владыкою*) года четыре тому назадъ былъ представленъ проектъ о продажѣ жемчуга и нѣкоторыхъ вещицъ серебряныхъ, числившихся древними, съ тѣмъ, чтобы вырученныя деньги употребить на учрежденіе училища при Покровскомъ женскомъ монастырѣ въ г. Суздалѣ, которому и вещи принадлежатъ. Я говорилъ покойному: развѣ это можно? Онъ мнѣ указалъ на примѣръ по Новгородской еп. и поручилъ пересмотрѣть списокъ вещей, назначаемыхъ къ уничтоженію. Иное я положилъ *уничтожить*, въ томъ числѣ пелены, по преданію царскія, но нѣсколько разъ передѣланныя, иное—сохранить; владыка при представленіи въ Синодъ приложилъ и списокъ съ моими отмѣтками, гдѣ о томъ, что вещи не разъ передѣлывались, не говорилось. Какъ состоялось представленіе, я узналъ уже гораздо послѣ. Оберъ-прокуроръ препроводилъ списокъ вещей въ Археологическое Общ. Графъ Уваровъ вознегодовалъ на такое *варварское* отношеніе къ драгоцѣнной старинѣ, но почему-то долго думалъ и свой отзывъ въ Синодъ прислалъ въ Маѣ 1878 г. Въ Синодѣ тоже долго думали и докладъ пріурочили ко времени разсужденія о назначеніи епархіальнаго архіерея во Владимиръ. По *старому* дѣлу положено объявить мнѣ указомъ, что епарх. начальство неумѣстно ходатайствовало объ уничтоженіи древностей, а мое преосвященство неосновательно высказалось; а затѣмъ графъ отклонилъ мое утвержденіе на Владимирской каѳедрѣ за одно неосновательное мнѣніе по вопросу объ уничтоженіи“.

„Въ Харьковѣ, говоритъ Савва, я сошелся съ губернаторомъ кн. Д. Н. Крапоткинымъ. Частныя бесѣды наши съ княземъ, воспитаннымъ въ добромъ христіанскомъ духѣ, сосредоточивались преимущественно на церковной литературѣ; въ особенности онъ любилъ толковать о проповѣдяхъ знаменитыхъ проповѣдниковъ Русскихъ митроп. Филарета и архіеп. Иннокентія“.

*) Антоніемъ.

„Въ 1876 г. членъ Синода, бывшій Полоцкій архіерей Василій Лужинскій вздумалъ побывать на прежней своей епархіи. Въ Витебскѣ мѣстный архіерей Викторинъ пригласилъ его къ молебну въ соборъ, а потомъ къ себѣ обѣдать. Послѣ преосвященные оба поѣхали къ инспектору Семинаріи Дружиловскому, внуку преосвящ. Василія, который встрѣтилъ ихъ у своего подъѣзда, что̀ къ собору. Преосв. Василій, вышедши изъ кареты, остановился и началъ хвалить соборъ и отдѣлку его. Къ этому Дружиловскій говоритъ: все это хорошо; но вотъ, владыка, протоіерей Волковъ затѣваетъ перестраивать теплую церковь... тогда мы и особенно я должны пострадать. „Какъ такъ?“ „Да, кажется, вотъ эти мои отхожія мѣста должны будутъ сломать, и вообразите тогда мое положеніе“... „А!!! и въ самомъ дѣлѣ“... Затѣмъ подымаетъ руку и, крестясь на соборъ, говоритъ: „Вотъ тебѣ крестъ... пока я въ Синодѣ и буду живъ, не допущу, чтобы Волковъ смѣлъ тутъ дѣлать что нибудь. Не только новой церкви не построитъ, но и старую разрушитъ. Какъ можно разорять людей и лишать ихъ самаго необходимаго! „Нашъ преосвященный стоялъ и улыбался“.

„Встрѣчали въ Витебскѣ преосвященнаго Василія какъ подобаетъ синодальному члену, и преосв. Василій отъ встрѣчи былъ въ восторгѣ до самозабвенія. Представлялъ собой всю власть Св. Синода. Хвастовству о своей силѣ и власти не было границъ... Нашъ преосвященный постоянно цѣловалъ ему руки, а онъ съ самодовольствіемъ позволялъ, и тутъ-то обѣщано ему все, чего бы нашъ владыка ни попросилъ. 22 Іюля, во время литургіи въ Успенскомъ соборѣ, нашъ владыка послѣ каждаго возгласа дѣлалъ ему поясной поклонъ... Страннымъ казалось это для насъ; но мы видѣли въ этомъ заискиваніе увеличеніе своей силы надъ нами и желаніе прославленія въ Петербургѣ... И дѣйствительно, похвалъ одинъ другому они не жалѣли; сыпали какъ изъ мѣшка... Чего только они ни приписывали одинъ другому?! Василій назывался просвѣтителемъ *страны сея*, безсмертнымъ, великимъ подвижникомъ за Православіе; а нашъ владыка-ангеломъ церкви Полоцкія, безпримѣрнымъ миссіонеромъ, геніальнымъ администраторомъ, политикомъ и дипломатомъ. Два раза нашъ владыка ѣздилъ въ Любашково и тамъ проводилъ по двое сутокъ. Преосв. Василій, какъ разсказываютъ очевидцы, своимъ поведеніемъ болѣе возбуждалъ смѣхъ, нежели уваженіе: одѣнется во всѣ регаліи, надѣнетъ клобукъ съ крестомъ и цѣлый день не снимаетъ, и это въ деревнѣ“.

Уже раньше нами была приведена запись Саввы о невозможныхъ поступкахъ Витебскаго губернатора, дѣйствовавшаго въ нашихъ западныхъ окраинахъ на почвѣ „твердой власти“; но оказывается, что и въ центрѣ Россіи такая же „твердая власть“ показала себя не лучше.. Въ 1877 г. редакторъ Владимирскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей помѣстилъ замѣтку по поводу концерта Славянскаго, даннаго во Владимирѣ 27 Февраля, Великимъ постомъ. „Начальникъ губерніи вышелъ изъ себя, прискакалъ ко владыкѣ и говорилъ, что статьей оскорблены общество и администрація. Владыка оправдывался какъ умѣлъ. Г. Судіенко, прощаясь, сказалъ, что онъ на этотъ разъ не преслѣдуетъ редакцію, но впредъ не будетъ оставлять безъ вниманія не-

неприличныя выходки духовнаго органа. Этимъ однакожъ не унялся, а чрезъ день прислалъ ко владыкѣ конфиденціальное отношеніе съ предостереженіемъ редакціи. Чуть войны не вышло. Охъ, эти представители царской власти! Много берутъ они на себя. Хорошо еще, что владыка, можно сказать, отшутился". Савва отмѣчаетъ: „А вслѣдъ за симъ послѣдовала къ преосвящ. Антонію по этому поводу изъ С.-Петербурга отъ высшаго цензурнаго управленія сильная нота".

Въ „Богословскомъ Вѣстникѣ" за 1904 годъ упоминается о доносѣ къ оберъ-прокурору Св. Синода на преосвящ. Никанора. По поводу этого доноса Никаноръ говорилъ: „Я властолюбивъ. Данную Богомъ, царемъ и церковью, власть я усиливаюсь держать твердою рукою; считаю необходимымъ это особенно въ наши дни шатанія умовъ и расшатыванія принциповъ поведенія. Да, это правда. Я постоянно повторяю моимъ сотрудникамъ: „слабость есть отставка. Не хочешь въ дѣло власть употреблять, популярности добиваешься, долженъ оставить службу". „Хвалитися не подобаетъ ми, но защищать архіерейскую честь, когда ее предъ всѣмъ свѣтомъ попираютъ, это прямой архіерейскій долгъ, и я убѣжденъ, что всякій здравомыслящій человѣкъ этотъ долгъ признаетъ".

Близкій знакомый Саввы протоіерей Алексѣй Осиповичъ Ключаревъ принялъ монашество и былъ представленъ къ епископству; но когда пошло въ Св. Синодъ объ этомъ представленіи, его братъ Александръ, только что посвященный дьяконъ, назначенный на священническое мѣсто въ Шереметевскую больницу, погибъ самоубійствомъ. Въ Москвѣ объ этомъ были большія сплетни, и вообще сомнѣвались, чтобы Амвросій могъ получить санъ епископа. По этому поводу Савва получилъ письмо отъ смотрителя Московской Куманинской богадѣльни. „Наконецъ, Государь 17-го Декабря докладъ Св Синода о бытіи Амвросію Ключарову епископомъ Можайскимъ утвердилъ. Слава Богу! А сколько за это время преподобный перенесъ горя самаго мучительнаго! Слышали, что̀ сталось съ братцемъ его Александромъ Осиповичемъ, предназначавшимся въ священники въ Шереметевскую больницу? Онъ въ Екатерининъ день (день ангела жены его) былъ поставленъ во діакона, поставлялся и пріобщался Св. Таинъ съ вожделѣннымъ благоговѣніемъ и цѣлый день былъ веселъ. На другой день пошелъ къ родственнику своему, священнику у Николы въ Столпахъ, и тамъ, часа въ два пополудни, предъ самымъ обѣдомъ, въ отхожемъ мѣстѣ бритвою зарѣзался наповалъ. Сколько тутъ было толковъ, разъясненій, обидныхъ и для жены, а главнымъ образомъ для о. Амвросія. Мнѣ дѣло извѣстно, какъ нельзя лучше. Мой зять докторъ лѣчилъ его съ малыхъ лѣтъ и зналъ натуру его наилучшимъ образомъ. Онъ написалъ и доказалъ, что Александръ Осиповичъ покусился на убійство въ припадкѣ меланхоліи. Видите, онъ страдалъ глазами и вечеромъ не могъ читать при свѣчахъ. Когда взошелъ въ первый разъ въ Шереметевскую больницу, мракъ оной навелъ на него ужасъ. Онъ все сокрушался, какъ будетъ служить, потому что при свѣтѣ свѣчей не будетъ видѣть книги, будетъ врать и такимъ образомъ явится посмѣшищемъ всей Москвы, между тѣмъ

какъ большая часть молитвъ, читаемыхъ священникомъ, зналъ наизустъ. Вотъ и судите о немъ. Въ послѣднее время пошла молва и такого рода, якобы Государь не утвердилъ докладъ Синода. Можете представить положеніе о. Амвросія. Ну, слава Богу, теперь все это умолкаетъ".

Затѣмъ 8 Января 1878 г. Савва отмѣчаетъ: „Въ тотъ же день получено было мною извѣстіе о кончинѣ великаго благодѣтеля многихъ монастырей и церквей, Московскаго фабриканта, дѣйств. ст. сов. Павла Григорьевича Цурикова. Онъ скончался 5-го числа, на 67 г. отъ рожденія. Предки его вышли въ Россію, какъ писали въ газетахъ, изъ Цюриха".

Мы бы не коснулись этой замѣтки о смерти монастырскаго благодѣтеля, имя котораго конечно записано въ синодикахъ многихъ обителей на вѣчное поминовеніе, если бы не упоминаніе, что газеты сообщали о предкахъ будто бы вышедшихъ изъ Швейцарскаго города Цюриха, что̀ и дало-де фамилію Цурикова. Между тѣмъ дѣло объясняется очень просто. Фамилія произошла отъ сурика (красная свинцовая краска), которую терли и продавали предки этого фабриканта. Впрочемъ это старая и къ сожалѣнію вѣчно юная исторія... вѣдь и Іоаннъ Грозный выводилъ свой родъ отъ Римскихъ цезарей.

„Лѣтомъ 1876 года одинъ изъ нашихъ іерарховъ" *), пишетъ Савва, „путешествуя по епархіи, гдѣ есть довольно язычниковъ, не отказался посѣтить, по приглашенію главнаго жреца, языческое капище, гдѣ его преосвященство посадили къ столу, на которомъ находились идолы, и гдѣ предъ этими идолами совершено было языческое служеніе, именно молебствіе о здравіи и благополучномъ путешествіи сего православнаго іерарха. Это необычайное посѣщеніе тогда же оглашено было въ нѣкоторыхъ духовныхъ газетахъ и превознесено громкимъ одобреніемъ. Читая газетное объ этотъ извѣстіе, я изумился и вспомнилъ объ означенномъ письмѣ. При этомъ я подумалъ: Что̀, если бы этотъ скандалъ случился при жизни покойнаго Московскаго святителя? Что̀ онъ бы написалъ тогда этому посѣтителю языческаго капища?.. О времена, о нравы! Вотъ до чего мы дожили!"

„9 Іюля", пишетъ Савва, „была у меня дочь чиновника дѣвица Е. М. Смирницкая, повидимому, очень набожная. Она сообщила мнѣ о нападеніи на нее злыхъ духовъ (о чемъ я слышалъ уже прежде отъ преосвящ. Веніамина); при этомъ говорила, что ей являлись неоднократно и Божія Матерь и Самъ Спаситель, вручившій ей, какъ бы въ залогъ духовнаго обрученія, вещественное кольцо; показывала притомъ шапочку съ изображеніями на ней Распятія Господня съ предстоящими и херувимовъ, данную ей отъ какого-то юродиваго Ивана, а симъ полученную якобы съ неба. Впослѣдствіи, какъ увидимъ, Смирницкая оказалась неблагонамѣренною обманщицей". Въ этомъ привелось лично убѣдиться преосвященному при посѣщеніи имъ въ Августѣ

---

*) Имѣется въ виду Платонъ (Городецкій), архіеп. Донской (съ 1867—1877 г.) который часто оказывалъ честь иновѣрцамъ. Интересенъ взглядъ противоположный, высказанный м. Филиппомъ І-мъ великому князю Іоанну III-му: „кто отдаетъ почести чужой вѣрѣ, тотъ унижаетъ свою". А. Т.

Кіевопечерской лавры. „Въ дальнихъ пещерахъ“, пишетъ онъ, „видѣлся я съ іеромонахомъ Меркуріемъ. Моему викарію, преосв. еп. Веніамину, вышеупоминаемая дѣвица Ек. Мих. Смирницкая сообщала, что это 90-лѣтній старецъ, ведущій необыкновенно строгую жизнь, что онъ ея духовникъ и ведетъ съ нею постоянную переписку, что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ духовникъ и митрополита, которому ее рекомендовалъ, что на него также, какъ на нее, бываютъ частныя нападенія злыхъ духовъ, и нерѣдко въ одно и тоже время и проч. При моемъ свиданіи съ о. Меркуріемъ оказалось, что ему немного болѣе 60-ти лѣтъ, человѣкъ совершенно здоровый и не отличающійся, какъ увѣрялъ меня самъ митрополитъ, никакими особенными подвигами, что онъ духовникомъ митрополита никогда не былъ, и Смирницкую исповѣдывалъ только одинъ разъ и однажды только писалъ ей письмо, а телеграммъ никогда не посылалъ, что нападеній злыхъ духовъ никогда на него не было, а только одинъ разъ послѣ утрени, когда онъ, для отдохновенія, сѣлъ у себя въ кельѣ на диванъ, ему представилось семь фигуръ, между коими былъ самъ сатана, который назвалъ себя княземъ“.

7 Декабря Савва бесѣдовалъ съ проѣзжающими монахинями Валеріей и Митрофаніей (бар. Розенъ). „Игуменія Валерія разсказывала исторію о своемъ переходѣ изъ Московскаго Страстного монастыря, гдѣ она была настоятельницею, въ Таврическую епархію по приглашенію Гурія, епископа Таврическаго; о неблаговидныхъ затѣмъ и притѣснительныхъ съ нею поступкахъ преосвященнаго и о Консисторіи; о начатіи Топловскаго, близъ г. Ѳеодосіи, женскаго монастыря при преосвященномъ Алексіи (впослѣдствіи архіепископѣ Рязанскомъ и затѣмъ Тверскомъ) безъ письменныхъ актовъ со стороны жертвовательницы, и объ открытіи этого монастыря безъ монахинь. Митрофанія, лишенная по суду игуменскаго сана и даже, помнится, монашества, повѣствовала мнѣ о разныхъ обстоятельствахъ своей бурной и многомятежной жизни. Прежде всего она разсказывала о своемъ приближеніи ко двору, по приглашенію великой княгини Александры Петровны, для благоустройства дѣтскаго пріюта; о своихъ самыхъ близкихъ и искреннихъ отношеніяхъ къ великой княгинѣ; далѣе, объ основаніи, по порученію Государыни Императрицы Маріи Александровны, женской общины въ Псковѣ и о своихъ отношеніяхъ къ тамошнему епископу Павлу *) о которомъ она не можетъ вспомнить хладнокровно такъ онъ для нея антипатиченъ) сообщала о своемъ участіи въ исторіи возстановленія Нижегородскаго Макаріева монастыря, предположеннаго архіепископомъ Нектаріемъ къ упраздненію съ цѣлію воспользоваться его богатыми сокровищами. Первоначальная мысль о сохраненіи этого монастыря, въ видахъ открытія въ немъ общины сестеръ милосердія, принадлежитъ преосв. Леониду, епископу Дмитровскому, викарію Московскому. Орудіемъ для осуществленія этой благой мысли избранъ былъ извѣстный ревнитель благочестія и благотворитель обителей и церквей, богатый Звенигородскій купецъ П. Г. Цуриковъ. Онъ съ избранными имъ едино-

*) Доброхотову.

мышленниками изъ Нижегородцевъ отправился въ Петербургъ въ качествѣ депутата по этому дѣлу. Доведено было о семъ до свѣдѣнія Государыни Императрицы, которая приняла въ семъ дѣлѣ живое участіе и поручила придворному протоіерею І. В. Рождественскому и ей, игуменьѣ, осмотрѣть монастырь и дать заключеніе. Но тотъ и другая разошлись въ своихъ взглядахъ на дѣло: игуменья была на сторонѣ Нижегородскихъ гражданъ, а Рождественскій на сторонѣ Нижегородскаго архіепископа. Дѣло окончилось, кажется, закрытіемъ монастыря и удаленіемъ архіеп. Нектарія на Харьковскую каѳедру".

„Объ обстоятельствахъ кончины блаженной памяти митрополита Московскаго Филарета и ея послѣдствіяхъ Митрофанія и Валерія передали мнѣ слѣдующія свѣдѣнія. Бывшій протоіерей Московскаго Архангельскаго собора П. Евд. Покровскій, со словъ намѣстника Лавры, архим. Антонія, передалъ игуменьѣ Валеріи, что митрополитъ Филаретъ, при послѣднемъ свиданіи съ Государемъ, просилъ его величество, въ случаѣ его смерти, назначить въ Москву митрополитомъ Тверского архіепископа Филоѳея; но Государь указалъ будто бы на преосвящ. Леонида. Валерія слышала также отъ графа Шувалова, что на семейномъ вечерѣ въ Зимнемъ дворцѣ вся царская фамилія выражала желаніе видѣть Московскимъ митрополитомъ Леонида; но оберъ-прокуроръ графъ Толстой сильно воспротивился этому и сказалъ будто бы Государю, что скорѣе онъ оставитъ Синодъ, чѣмъ Леонидъ будетъ въ Москвѣ митрополитомъ. Негодованіе графа Толстого на преосв. Леонида объясняютъ тѣмъ, что Леонидъ не самъ явился къ графу Толстому съ приглашеніемъ на поминовенный обѣдъ въ мѵроварной палатѣ послѣ отпѣванія почившаго въ Бозѣ митрополита, а послалъ къ нему Николо-Угрѣшскаго архимандрита Пимена". По кончинѣ митрополита Филарета, графъ Толстой, пріѣхавши въ Москву, будто бы самовольно распорядился забраніемъ изъ кабинета покойнаго владыки бумагъ, чѣмъ возбудилъ крайнее негодованіе противъ себя въ высшемъ Московскомъ обществѣ. Преосв. Леонидъ поручилъ Митрофаніи доложить объ этомъ Императрицѣ, и Государыня, оставшись также недовольна такимъ распоряженіемъ оберъ-прокурора, приказала протоіерею І. В. Рождественскому изъ привезенныхъ въ С.-Пб. бумагъ митрополита отобрать собственныя ея величества письма и письма другихъ царскихъ особъ и, запечатавъ ихъ, хранить въ Синодѣ, что̀, какъ извѣстно, и было въ точности исполнено. Однажды Императрица спросила будто бы оберъ-прокурора, всѣ ли архіереи согласны на духовно-судебную реформу. Онъ отвѣчалъ: всѣ, и даже подписали уже проектъ устава; между тѣмъ Императрица отъ кого-то изъ архіереевъ узнала совершенно противное. Это такъ разгнѣвало ее, что она нѣсколько недѣль не принимала къ себѣ Толстого, а Толстой вслѣдствіе сего сдѣлался будто бы боленъ. О грозной *тучѣ*, идущей на Россію съ Запада, о которой покойный митроп. Филаретъ говорилъ Лаврскому намѣстнику, Митрофанія сама слышала изъ устъ митрополита. Митрофанія признавала и признаетъ несправедливымъ судъ надъ нею по дѣлу о суммахъ Солодовникова; жаловалась на преосв. Леонида, который будто бы за 5.000 рублей далъ свое согласіе на первоначальный ея арестъ; указывала на разные подлоги въ дѣ-

лѣ; для прекращенія дѣла будто бы требовали съ нея 30,000 и Государь будто бы предлагалъ внести за нее эту сумму, но она отклонила это предложеніе, твердо рѣшившись принять на себя всѣ послѣдствія пристрастнаго и несправедливаго суда и осужденія. Во время заключенія въ Петербургской Рождественской части она имѣла случай познакомиться съ *соціалистами* и ихъ подпольною литературой. О Ставропольскомъ Іоанно-Маріинскомъ монастырѣ, откуда Митрофанія теперь ѣхала, она отзывалась во всѣхъ отношеніяхъ весьма неодобрительно. Климатъ тамъ, по ея словамъ, непостоянный и для здоровья неблагопріятный. О преосвященномъ тамошнемъ Германѣ *) сказывала, что онъ не пользуется расположеніемъ свѣтскаго общества. На слѣдующій день, 8-го числа, я пригласилъ этихъ вечернихъ собесѣдницъ къ своему обѣденному столу. За обѣдомъ и недолго послѣ обѣда продолжалась въ томъ же тонѣ, какъ и наканунѣ, взаимная бесѣда. При прощаніи я далъ имъ на дорогу 25 рублей, которые онѣ приняли съ видимымъ удовольствіемъ и признательностію. Послѣ той роли, какую та и другая изъ этихъ странницъ играли, въ свое время, и въ мірѣ, и въ монашеской сферѣ, видѣть ихъ въ настоящемъ положеніи было для меня и страшно, и жалко".

1-го Февраля 1879 г. Савва получилъ извѣстіе, что скончался членъ Синода архіепископъ Василій Лужинскій. Тѣло было потомъ привезено въ с. Любашково Витебской губерніи, принадлежащее покойному. Отъ Витебска до Любашкова гробъ сопровождало городское и сельское духовенство: церемонія и торжественность для Витебска небывалая. Послѣ погребенія у племянника былъ обѣдъ на 80 человѣкъ, имѣя во главѣ архіерея и губернатора; на дворѣ обѣдъ для народа на 200 человѣкъ. Корреспондентъ Саввы сообщалъ, что капитала послѣ Василія осталось всего-на-всего 88,000, въ томъ числѣ 3,000 полуимперіаловъ (это по курсу около 25,000). Кому эти деньги и драгоцѣнности отписаны, я не знаю; говорятъ различно; но достовѣрно то, что Глазковой ни одного рубля. Есть ли назначеніе на церкви и на учебныя заведенія, неизвѣстно. Куда завѣщана его ризница, тоже не знаемъ. Дружиловской, женѣ инспектора семинаріи, говорятъ, къ прежнимъ 16,000 прибавлено еще 5,000. Въ Любашковскую церковь отказано 15,000. Та родня, которая обойдена, разумѣется, будетъ по своему молиться... Рѣчь предъ самымъ выносомъ изъ собора говорилъ самъ преосвященный. Она отличалась душевною преданностію, глубокимъ уваженіемъ къ почившему и сердечностію. Изъ всей родни плакали одна Глазкова и ея дочери. Гробъ, весьма красивый, обтянутъ золотымъ глазетомъ, купленъ за 240 рублей. Орденовъ не было: говорятъ, за были въ Петербургѣ".

9 Марта, отмѣчаетъ Савва о покушеніи на жизнь губернатора князя Крапоткина. „Страданія князя продолжались до 15-го числа. Въ этотъ день, въ 7-мъ часу утра, онъ скончался на 44 году жизни (род. въ 1836 г.). 17-го г. въ Суботу, въ 3 часа пополудни, былъ выносъ тѣла изъ дома въ каѳедральный соборъ со всѣми подобающими почестями. Въ этотъ же день

*) Осѣцкомъ.

прислана была въ канцелярію губернаторскую, а ночью расклеена была по городскимъ столбамъ, отъ гнусной соціально-революціонной партіи, прокламація, подъ заглавіемъ: „Казнь князя Крапоткина". Въ прокламаціи этой князь обвинялся въ жестокомъ будто бы обращеніи съ арестантами Новоборисоглѣбской каторжной тюрьмы, въ невѣрномъ донесеніи о студенческой исторіи 14-го Декабря 1878 г. и проч." „Не скоро могли развѣдать, кто былъ виновникомъ убійства князя Д. Н. Крапоткина. Наконецъ раскрыто было, что убійцею князя былъ сынъ Кіевскаго 2-й гильдіи купца, Еврей Григорій Гольденбургъ, въ соучастіи съ дворяниномъ Волынской губ. Людвигомъ Александр. Кобылянскимъ *)".

Относительно побужденій къ убійству Савва писалъ Н. П. Батюшкову: „Могу съ увѣренностію сказать, что оно не слѣдствіе личной мести, а дѣло извѣстной злой партіи. 17-го числа, въ день выноса изъ дома тѣла убіеннаго князя, въ его канцелярію присланъ былъ пакетъ за № съ печатною прокламаціей, которая озаглавлена: „Казнь князя Крапоткина". Въ прокламаціи этой, обращенной къ Русскому обществу, покойный обвиняется въ жестокомъ будто бы обращеніи съ арестантами, заключенными въ тюрьмахъ, въ невѣрномъ изложеніи послѣдней студенческой исторіи въ здѣшнемъ Университетѣ, и пр.". Невольно задумаешься, что, не смотря на четверть вѣка, отдѣляющаго насъ отъ этихъ событій, отношенія между администраціей и радикальной партіей остались тѣже, и описанныя тутъ событія повторяются въ наше время...

На другой день послѣ убійства князя, Саввы получилъ письмо, что „въ № 141 газеты „Телеграфъ" за прошлый годъ помѣщена статья, въ которой сообщается о неблагопріятномъ дѣйствіи, какое оказываетъ на нравственное состояніе арестантовъ пребываніе въ Новоборисоглѣбской каторжной тюрьмѣ, и свѣдѣнія объ этомъ извлечены изъ статей бывшаго священника при Новоборисоглѣбской каторжной тюрьмѣ Александра Анисимова, находящагося нынѣ на приходѣ въ г. Изюмѣ, помѣщенныхъ первоначально въ *Харьковскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ*, а затѣмъ въ журналѣ *Странникъ* (въ Ноябрѣ минувшаго года). Господинъ управляющій Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ нашелъ, что подобныя сообщенія въ печати представляются не соотвѣтствующими цѣли во всѣхъ отношеніяхъ, и потому нельзя не желать, чтобы такія корреспонденціи не были сообщаемы священникомъ Анисимовымъ". Далѣе предлагалось внушить свящ. Анисимову, чтобы онъ впредъ воздержался отъ печатанія статей, касающихся Новоборисоглѣбской каторжной тюрьмы, которой онъ состоялъ настоятелемъ.

„Вечеромъ 25 Марта, въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы", пишетъ преосвященный, „приходитъ ко мнѣ неожиданно староста каѳедральнаго собора, купецъ Павелъ Ив. Рыжовъ и съ сильнымъ душевнымъ волненіемъ передаетъ мнѣ о тяжкомъ соблазнѣ, причиненномъ ему и всѣмъ прихожанамъ за раннею литургіею протоіереемъ Николаемъ Павловымъ. Павловъ,

*) Объ убійствѣ князя Крапоткина см. Моск. Вѣд. 1880 г. № 298.

по его словамъ, и утреню въ этотъ день и раннюю литургію совершалъ въ нетрезвомъ видѣ, и за литургіею, на великомъ входѣ, пролилъ изъ чаши на полъ нѣсколько капель вина. Протоіерей Павловъ магистръ, преклонныхъ уже лѣтъ, и въ такіе великіе праздники совершаетъ въ каѳедральномъ соборѣ богослуженіе въ нетрезвомъ видѣ: поистинѣ великій и тяжкій соблазнъ!..., Эта неожиданная вѣсть не дала мнѣ во всю ночь спокойно заснуть. Призвавъ на другой день утромъ настоятеля собора, протоіерея А. Кустова, я далъ ему предписаніе слѣдующаго содержанія: „До свѣдѣнія моего дошло, что протоіерей каѳедральнаго собора Николай Павловъ, 25-го сего Марта, въ день праздника Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы совершалъ утреню и божественную литургію въ нетрезвомъ видѣ и что на великомъ входѣ литургіи изъ св. чаши пролилъ на полъ часть вина. Посему предписывается вамъ, о. протоіерею, взять отъ протоіерея Павлова объясненіе и оное немедленно представить". Чѣмъ окончилось это дѣло, въ Запискахъ Саввы болѣе не упоминается, да и самъ онъ вскорѣ переведенъ былъ на Тверскую епархію.

Это назначеніе далеко не обрадовало Савву. „Если назначеніе въ Тверь", писалъ онъ въ С.-Пб. къ С—му, „предстоитъ мнѣ, какъ наказаніе за какія либо опущенія по настоящей моей службѣ, то я, конечно, долженъ принять оное безропотно. Но если мнѣ велятъ видѣть въ этомъ награду, то я не легко могу въ семъ убѣдиться. Но во всякомъ случаѣ просилъ бы я васъ покорнѣйше развѣдать пообстоятельнѣе, какими побудительными причинами руководствовался Св. Синодъ при назначеніи меня на Тверскую каѳедру, и о томъ немедля меня извѣстить".

Но, не смотря на просительное письмо его къ митрополиту Исидору и другія усиленныя ходатайства, онъ все таки не былъ удовлетворенъ. Его мѣсто отвоевалъ Московскій викарій Амвросій Ключаревъ, имѣвшій большіе ходы свыше черезъ Московскаго генералъ-губернатора князя Долгорукова.

Вообще автобіографія преосвящ. Саввы пестрѣетъ записями: „такой-то преосвященный просится на такую-то каѳедру", „такой-то самъ просился, такъ какъ находитъ вреднымъ для себя южный климатъ" и т. д. и т. д.

Передъ своимъ отъѣздомъ изъ Харькова Савва отправился въ Бѣлгородъ для поклоненія тамошней святынѣ. „Чрезъ три часа я былъ уже тамъ. На станціи встрѣтилъ меня въ монастырскомъ экипажѣ градской благочинный, протоіерей Молчановъ. Когда я ѣхалъ по городу, во всѣхъ церквахъ (по распоряженію, разумѣется, преосвященнѣйшаго Сергія) производился звонъ, къ моему крайнему удивленію. Пріѣхавши въ 11-ть часовъ утра въ Троицкій монастырь, я литургіи уже не засталъ; но для меня соборнѣ отслуженъ былъ намѣстникомъ монастыря, игуменомъ Варсонофіемъ, съ братіею, молебенъ предъ чудотворною иконою святителя Николая и затѣмъ совершена панихида при гробѣ Бѣлгородскаго архіерея Іоасафа († 10 Дек. 1754 г.), въ склепѣ подъ западною частію главнаго соборнаго храма".

Троицкій Бѣлгородскій монастырь основанъ въ 1599 г. Съ 1845 по 1879 г. монастырь этотъ состоялъ подъ управленіемъ епископовъ Курскихъ". Еще въ 1875 г. Савва отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ, что когда у него

была одна Курская игуменья, то сказывала, что Кіевскій митроп. Арсеній *), мимоѣздомъ изъ Петербурга въ свою епархію, имѣлъ отъ Св. Синода порученіе видѣться съ преосв. Курскимъ Сергіемъ для личнаго объясненія по какому-то важному дѣлу. Послѣ говорили, что рѣчь была будто бы по вопросу объ открытіи мощей святителя Іоасафа. Вопросъ этотъ, какъ слышно было, возбужденъ былъ управляющимъ тогда Троицкимъ монастыремъ архіепископомъ Варлаамомъ, бывшимъ Тобольскимъ. Вопросъ о канонизаціи Іоасафа былъ окончательно похороненъ мѣстнымъ архіереемъ Сергіемъ Ляпидевскимъ (впослѣдствіи митрополитомъ Московскимъ).

Отслуживъ 27 Мая послѣднюю прощальную литургію въ каѳедральномъ соборѣ, Савва „распростился съ Харьковомъ, 8 Іюня 1879 г. оставилъ дорогую и гостепріимную для меня Москву и въ 4-мъ часу пополудни отправился въ новый престольный градъ мой—Тверь".

Продолженіе Записокъ вѣроятно послѣдуетъ въ недалекомъ времени, но и то, что напечатано, несомнѣнно завоюетъ автору почетное имя въ нашей литературѣ. Автобіографическія Записки преосвященнаго Саввы, заключающія въ себѣ уже и теперь болѣе 4000 страницъ, полны живого интереса и должны составлять необходимую принадлежность каждой хорошей библіотеки.

А. Титовъ.

Ростовъ Великій
4 Января 1905.

*

Архіепископъ Савва былъ другомъ и товарищемъ по Московской Духовной Академіи сыну Мценскаго церковнослужителя Алексію Егоровичу Викторову, съ которымъ я служилъ въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ и связанъ былъ пріязнію. У него-то случалось мнѣ встрѣчаться съ Саввою, когда онъ еще былъ синодальнымъ ризничимъ, и я пользовался неизмѣннымъ его расположеніемъ. Было въ немъ что-то трезвое, бодрое, чуждое претительности и жаднаго самолюбія. Своею любовію къ наукѣ напоминалъ онъ Кіевскаго митрополита Евгенія, а сердечностью Московскаго Леонтія. Надѣемся, что „Богословскій Вѣстникъ" не посѣтуетъ на насъ за сдѣланныя извлеченія изъ Записокъ этого достопамятнаго святителя. П. Б.

*) Москвинъ II-й, † 28 Апрѣля 1876 г.

ДНЕВНИКЪ ИВАНА МИХАИЛОВИЧА СНѢГИРЕВА.

1862-й годъ [*].

Январь. 1. Заутреню и раннюю обѣдню я слушалъ въ своемъ приходѣ, гдѣ подписалъ въ алтарѣ выборъ старосты на 4 трехлѣтіе, П. И. Демидова.

4. Помолился Всемилостивому Спасу на Остоженкѣ, зашелъ къ г. Вельяминову, у котораго видѣлся съ сенаторами Ахлестышевымъ и Ховенъ. В. П. Горчаковъ читалъ въ Колоколѣ статью о разграбленіи Бѣловѣжской пущи при содѣйствіи безсовѣстныхъ Н. М. Муравьева и Назимова Жидами. Мачтовыя деревья подъ предлогомъ буреломинки продавались. Англичане покупали по 300 и 600 р. с. за дерево.

8. Продалъ Ѳерапонтову нѣсколько своихъ брошюрокъ; навѣстилъ іеромонаха Филарета въ Златоустовскомъ м. Морозъ 23°.

11. Ѣздилъ къ ген. Рамзаю просить о помѣщеніи сына въ полкъ.

12. Мнѣ снилась матушка моя, стоящая у престола въ алтарѣ; она была въ бѣломъ платьѣ и пѣла громкимъ, сладостнымъ голосомъ церковныя пѣсни, близъ ея стояла ея сестра.

16. Обѣдалъ у Н. В. Сушкова съ Н. И. Тютчевымъ, который сказывалъ, что Лепехина фабричные сбираются напасть на дворянское собраніе за то, будто дворяне возстаютъ на Царя. Есть, видно, тайные возмутители.

18. По утру самовольно ушелъ лакей Иванъ, лишь сказавъ: «Ищите себѣ другого». Объявилъ писарю Мѣщанской части объ этомъ. Пріѣзжалъ сынъ Н. Д. Полтавцева, которому я отдалъ рисунокъ свой и бумаги и прочелъ свое описаніе, посланное мною къ г. Коршу.

27. Г. Кацари прислалъ за мною лошадь и просилъ меня ѣхать въ Крутицкія казармы къ полковн. Константину Егоров. Тютькову. По дорогѣ заѣхалъ помолиться въ Златоуст. м. Кацари просилъ меня ѣхать съ нимъ въ С.-Петербургъ, похлопотать о дѣлѣ полковн. Тютькова, который мнѣ объ этомъ говорилъ.

---

[*]) См. выше, стр. 108-я.

29. Ходилъ было къ заутренѣ въ свой приходъ, но не дождался службы: всѣ спали; я ударилъ въ колоколъ на колокольнѣ и ушелъ домой. Въ Гражданской Палатѣ подписалъ довѣренность сыну своему Андрею на распоряженіе по имѣнію моему Подчерному.

Февраль. 2. Ѣздилъ къ Н. Д. Полтавцеву, которому я показалъ статью свою о сѣни надъ мощами свят. Митрофана; онъ прислалъ мнѣ для Подчерной ц. паникадило и кадило накладного серебра.

6. Послѣ ранней обѣдни я заѣхалъ къ П. И. Иванову, зашелъ къ имениннику В. М. Ундольскому, у котораго нашелъ П. Строева и И. Бѣляева; у него обѣдалъ; послѣ обѣда къ нему пришли Владимировъ и священникъ Космодемьянскій.

8. Зашелъ къ Н. А. Рамазанову. Занялъ у него 450.

17. У Подклюшникова разсматривалъ древнія иконы Аѳонскія Византійскаго стиля, кои даны ему въ С.-Пб. для реставрированія.

23. За мною прислалъ утромъ лошадь К. Д. Кацари. Я былъ у сенатора Ахлестышева и у бар. Шеппинга, у котораго получилъ 10 асс. за 10 экземп. Пріѣхалъ въ общее собраніе Сената просить о. прот., Петра Ивановича Роговича о помѣщеніи брата Кацаріева на мѣсто помощника секретаря; но онъ отвѣчалъ, что уже занято.

28. Митроп. Филаретъ служилъ въ Страстномъ по случаю принесенной Великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ лампады къ мощамъ св. великомученицы Анастасіи.

Мартъ. 6. Лобкова не засталъ дома, но встрѣтился съ архимандритомъ Херсонскимъ Евгеніемъ, съ которымъ потолковалъ о разныхъ предметахъ.

18. Слышалъ подтвержденіе слуха, что гимназисты въ С.-Пб. вошли въ церковныя царскія двери, сѣли на престолъ, курили сигары и пѣли пѣсни, безчинствовали.

Апрѣль. 17. Я ѣздилъ въ Универ. типографію отдать Митроф. Павл. Щепкину свою статью о Свѣтломъ Воскресеньѣ въ Мценск. у., потомъ въ Успенскій соборъ, гдѣ говорилъ проповѣдь наизустъ и хорошо арх. Сергій. Молебенъ царскій служили митроп. Филаретъ и архіеп. Евгеній. Съ кн. Ю. А. Долгоруковымъ я былъ въ Чудовомъ мон. у митрополита на закускѣ и замѣтилъ ему, что преосв. Евгеній былъ при крещеніи нынѣшняго Императора. На балѣ у Нг. Н. Сазикова, по случаю помолвки его внучки за сына Д. М. Перевощикова. Тамъ я видѣлся съ П. С. Храповицкимъ и другими знакомыми. Не дождавшись ужина, я возвратился домой часу во 2-мъ полночи.

21. Осматривалъ собраніе Византико-русскихъ древностей въ домѣ бывшей гимназіи, гдѣ есть древнѣйшія иконы и рукописи, собранныя Савостьяновымъ, нѣкоторая утварь. Тамъ я встрѣтилъ Погодина съ бородою и Аксакова, сестру Лужина съ дочерью. Древнія иконы Греческія писаны на доскѣ и на левкасѣ, болѣе поперекъ, а не вдоль, всегда почти съ выемками на доскѣ; краски типическія, единообразныя, лица темныя замѣчательно, одежда и фигуры длинныя, тощія, у священнослужителей иногда макушка острижена; тѣло покрытое, кромѣ І. Христа на крестѣ. Источникъ ихъ не фантазія, а преданіе и сѵмволизмъ. По сему образа историческіе и символическіе.

29. Помолился Всемилостивому Спасу на Остоженкѣ и зашелъ пить чай къ О. А. Вельяминовой. Отъ нея къ полковнику Конст. Александр. Варженецкому, который мнѣ прочелъ Мельникову записку въ защиту старообрядцевъ. Онъ разсказывалъ мнѣ объ открытіи св. мощей Св. Тихона, угостилъ меня завтракомъ, рекомендовалъ мнѣ своего отца; я просилъ его о необходимыхъ мнѣ для уплаты процентахъ за домъ, не въ видѣ пособія, а займа.

Май. 3. Написалъ отвѣтное письмо къ Бобчинскому, съ приложеніемъ записки протоіерея Петра Семіонова, моего духовника, о 1812 годѣ.

7. Я зашелъ въ библіотеку Черткова, гдѣ читалъ Пекарскаго сочиненіе о просвѣщеніи въ Россіи XVIII в.

12. Встрѣтился съ двумя вольнодумцами, которые смущали меня, какъ бѣсы, покушаясь отнять у меня вѣру.

14. Я ходилъ на отпѣванье церковнаго старосты у Св. Филиппа Митрополита Ивана Пахомова и съ Н. А. Богословскимъ провожалъ его на Ваганьковское кладбище, гдѣ и поминали его за трапезой. Какъ покойникъ былъ добрый человѣкъ и усердный къ храму Божію, то народа собралось много; священникъ говорилъ слово со слезами.

20. Я ходилъ въ Университ. типографію къ Щепкину, въ Страстной м. къ водосвятію, оттуда въ Чудовъ м. на праздникъ св. Алексія, гдѣ служили митр. Филаретъ и архіеп. Херсонскій и Одесскій Дмитрій. Съ П. И. Савостьяновымъ я былъ у митр. Филарета на завтракѣ. Изъ Чудова м. я проѣхалъ къ имениннику А. И. Лобкову, но не засталъ его дома. Изъ Полицейскихъ Газетъ видно, что прошлаго года въ Троицкой Лаврѣ было богомольцевъ 210036, а въ Кіев.—100036. Въ полночь случился пожаръ въ нашемъ приходѣ на Садовой ул. подлѣ аптеки въ д. Посидѣлина.

29. Вечеромъ былъ на именинахъ у приходскаго протопопа. Отъ благочиннаго я слышалъ о смерти секретаря Августинова Н. И. Малинов-

скаго, оставившаго послѣ себя 200000 р. асс. и много вещей. Умеръ онъ 80 лѣтъ.

Іюнь. 1. Навѣстилъ Н. В. Сушкова, съ которымъ поговорилъ о великомъ пожарѣ въ С.-Пб. и о поджогахъ, вѣроятно, Англичанъ и Поляковъ съ Русскими предателями.

4. Жена моя слышала, будто въ слѣдующую Субботу взорвутъ порохомъ Москву. Злые слухи отъ злыхъ и легкомысленныхъ.

5. Я былъ въ типографіи Готье, встрѣтился и поговорилъ съ А. Ключаревымъ, потомъ съ г. Ундольскимъ, который сказывалъ, что въ дальнихъ Кіевскихъ пещерахъ открыты типогр. станки, на коихъ печатались возмутительныя воззванія, вѣроятно, Поляками. Неужели въ этомъ участвовали монахи Кіевопечерскіе? Мы обѣдали у кухмистера въ Газетномъ переулкѣ за 32 к. Въ Московскихъ Вѣдомостяхъ сего года, № 121, напечатано, что въ воскресныхъ школахъ Сампсоньев. и Введенской, гдѣ преподавалось ученіе, направленное къ потрясенію религіозныхъ вѣрованій, къ распространенію соціалистическихъ понятій и къ возмущенію противъ правительства, говорили о пользѣ пожаровъ, о надобности сжечь Петербургъ. Я заходилъ къ Егорьевскому священнику на счетъ дѣлъ объ Арсеніи Мацѣевичѣ, которому во дворцѣ въ присутствіи Екатерины II и Орлова *кляпили ротъ* за то, что онъ высказалъ рѣзкія истины. Орловъ отвернулся отъ этого зрѣлища.

8. Въ типографіи Готье прочелъ корректуру моей статьи о Спасскихъ воротахъ. Я занимался изслѣдованіями объ иконописи.

9. Отъ В. П. Нечаева получилъ за статью свою 22 р. с.

10. Послѣ ранней обѣдни у св. Филиппа Митрополита я заходилъ къ И. Стрѣлкову посмотрѣть старинные образа, отъ него къ Спасскому священнику Ив. Александровичу Веніаминову, у котораго и завтракалъ. Послѣ обѣда у М. Л. Петровой, ходилъ смотрѣть пожаръ у Мясницкихъ воротъ.

11. Поутру, взявъ экз. 10 статьи о Спасскихъ воротахъ, я отнесъ одинъ въ часовню при нихъ, гдѣ отслужилъ молебенъ Спасителю, и священнику, также монахинѣ Вознесенскаго м. Маріи и игуменьѣ подарилъ по экземпляру. Оттуда прошелъ я за справками въ Главный Архивъ къ кн. М. А. Оболенскому, который угостилъ меня обѣдомъ въ Троицкомъ трактирѣ и довезъ до Арбатскихъ воротъ. Я зашелъ помолиться къ Спасу на Остоженкѣ, навѣдался о здоровьѣ г-жи Чертовой и П. П. Никифорова; посидѣлъ и побесѣдовалъ у кн. Ю. А. Долгорукова, у котораго познакомился съ профессоромъ Памфиломъ Юркевичемъ.

17. Я ѣздилъ на открытіе Всесвятскаго единовѣрческаго м. за Рогожской заставой; вступила въ управленіе игуменья Александра, встрѣченная духовенствомъ и св. иконами.

18. Отслушавъ раннюю обѣдню у Троицы на Листахъ, зашелъ, по просьбѣ, въ Набилковское училище къ г. Будрину, который потчевалъ меня чаемъ и разсказалъ о поступкахъ г. Бр. Помолиться ходилъ къ Боголюбской Божіей Матери, зашелъ къ протопопу Ивану Ѳедоровичу Загорскому на закуску, получившему орденъ св. Анны 2 ст.

20. Съ Н. П. Розановымъ прочелъ свою статью объ исцѣленіи Лютеранки, дѣвицы Маріи Дицъ.

23. Былъ у обѣдни въ Срѣтенскомъ м., гдѣ услышалъ, что въ Варшавѣ подмастерье портного выстрѣлилъ изъ пистолета въ Вел. Кн. Константина, но пуля только оцарапала ключицу и остановилась. Одного намѣстника своего Поляки проводили, другого встрѣтили пулей. Преосвященный викарій, услышавъ это отъ меня, всталъ и помолился Богу за сохраненіе жизни Вел. Князя. Я обѣдалъ у архимандрита.

25. Заѣхалъ къ И. И. Родіонову, которому прочелъ свою статью объ открытіи Всесвятскаго единовѣрческаго монастыря, имъ расхваленную. Не заставъ дома г. Сапѣлкина, проѣхалъ къ нему въ городъ, гдѣ я прочелъ и отдалъ ему эту статью при Родіоновѣ.

26. Въ Алексѣевскомъ м. зазвала меня къ себѣ на чай и закуску игуменья Паисія, у которой я познакомился съ братомъ архитектора Каминскаго; побесѣдовалъ въ келіи съ м. Антоніей, образованною и любознательною дѣвицей.

27. Я ходилъ въ Донской м. къ преосвященному Евгенію, 85-лѣтнему архіепископу, и съ нимъ побесѣдовалъ о разныхъ предметахъ. Между прочимъ, онъ сказалъ мнѣ, что съ нетерпѣніемъ дожидается смерти и увѣренъ, что душа продолжитъ свою дѣятельность и послѣ смерти тѣла. Не заставъ Вельтмана въ Алекс. дворцѣ, зашелъ къ протопопу Наливкинскому Ивану Алексѣеву.

28. Зашелъ къ И. И. Безсомыкину по цензурѣ; въ Университетскую типографію, гдѣ встрѣтился съ Сапѣлкинымъ, для котораго я напечаталъ особенно статью.

30. Отдалъ въ Университетскую типографію корректуру статьи своей о единовѣрческомъ монастырѣ. Обѣдню засталъ у XII Апостоловъ, гдѣ встрѣтился съ Н. Я. Барковымъ и съ нимъ зашелъ къ ризничему Ѳеодосію. Говорили объ Аскоченскомъ; оттуда къ Мартынову и Кене. Послѣднему я показывалъ въ Егорьевскомъ м. могилу игуменьи Романовой-Кошкиной; ѣздилъ съ нимъ въ Романовскія палаты.

Июль. 1. Прошелъ къ празднику на Покровкѣ св. Космы и Даміана помолиться и приложиться. Тамъ меня зазвалъ къ себѣ на чай и закуску Петръ Петровичъ Боткинъ, человѣкъ приверженный къ церкви, недавно избранный въ старосты Архангельскаго собора.

2. Былъ у меня О. С. Кршонтовскій.

5. Взявъ въ Университетской типографіи 100 экз. описанія открытія единовѣрческаго монастыря, отдалъ ихъ въ лавку Сапѣлкина. Я пробрался въ Донской м. къ преосвященному Евгенію; обѣдалъ въ Александр. дворцѣ у А. Ѳ. Вельтмана съ Л. П. Яковлевымъ. Зашелъ я на перепутьѣ къ А. О. Ключареву побесѣдовать съ нимъ. Онъ меня довезъ до экзерциръ-гауза; оттуда пѣшій домой.

8. Въ крестный ходъ, въ Казанскомъ соборѣ служилъ митроп. Филаретъ. Оттуда къ Казанской у Калужскихъ воротъ на праздникъ, гдѣ импровизировалъ прекрасную проповѣдь іерей Алексѣй Ос. Ключаревъ. Былъ у него на закускѣ и получилъ двѣ просфоры.

10. Не заставъ А. И. Лобкова, я прошелъ въ Успенскій соборъ, гдѣ служилъ митроп. Филаретъ. По дорогѣ я навѣстилъ Ѳ. Б. Миллера, у котораго въ типографіи былъ пожаръ и сгорѣло много книгъ. Послѣ обѣдни въ соборѣ съ г. Хавскимъ я заходилъ на закуску къ митр. Филарету въ Чудовъ м., видѣлъ епископа бывшаго Оренбургскаго Антонія. Митрополитъ замѣтилъ, что онъ теперь викаріемъ и старше, по времени служенія, всѣхъ своихъ предшественниковъ.

11. Прошелъ къ г. Сапѣлкину, отъ котораго получилъ 10 р. с. и 1 ф. свѣчъ и ¼ ладану. Проѣхалъ къ Н. А. Кашинцеву, у котораго чай пилъ и ужиналъ съ Александромъ Николаевичемъ Вакселемъ и Н. П. Розановымъ. Хозяинъ читалъ Записки Полевого. Г. Ваксель довезъ меня до дому.

16. Поутру я ходилъ къ протоіерею П. М. Терновскому, съ которымъ прочелъ свою статью объ иконописи и завтракалъ. Послѣ вечеренъ я былъ у митроп. Филарета, показывалъ ему начало статьи своей обо иконописаніи въ Россіи, которую нашелъ онъ любопытною и полезною. Объяснивъ свое положеніе, я просилъ его помолиться о блудномъ сынѣ. При мнѣ г-нъ Palmer, бывшій архидіаконъ Англиканской церкви, а теперь католикъ, поднесъ митрополиту свою книгу о Егип. хронологіи, говорилъ о Библейской хронологіи, о происхожденіи Св. Духа, о катакомбахъ и пр.

17. Разсвирѣпѣвшій быкъ у Воскресенскихъ воротъ забодалъ разносчика, въ городѣ разбилъ въ дребезги пролетку съ сѣдоками, застрѣленъ у Воспитательнаго дома.

20. Заходилъ къ оберъ-прокурору Св. Синода Ахматову, выѣзжавшему въ С.-Пб.

26. Поутру я ходилъ на Лазарево кладбище помянуть свою матушку П. П., къ Великом. Трифону помолиться, на перепутьѣ зашелъ пить чай къ племянницѣ г. Богословскаго, оттуда къ В. П. Нечаеву; не заставъ его, пѣшкомъ въ Донской м. къ преосвященному Евгенію и къ А. О. Ключареву, которому прочелъ свою статью объ иконописи Русской, имъ похваленную; потомъ домой почти въ полночь.

27. Прошелъ въ Успенскій соборъ, гдѣ служилъ митроп. Филаретъ и гдѣ познакомился съ С.-Пб. викаріемъ и ректоромъ С.-Пб. Алекс. Академіи Іоанникіемъ Рудневымъ и съ нимъ былъ у митроп. Филарета въ Чудовѣ м.

28. Въ Новодѣвичьемъ служилъ митроп. Филаретъ; съ нимъ и А. Пучковымъ я былъ на закускѣ у игуменьи Вѣры и обѣдалъ.

30 Былъ у г. суперинтендента Дикгофа и читалъ ему свою статью о Лютеранскихъ церквахъ, завтракалъ съ нимъ.

Августъ. 1. Послѣ ранней обѣдни въ Грачахъ прошелъ въ соборъ на крестный ходъ, въ которомъ былъ митр. Филаретъ. Получивъ пенсію, я пришелъ къ Крашенинниковой и у нея обѣдалъ. Ея дочь Ираида довезла меня домой; потолковалъ о старинѣ съ Н. П. Розановымъ.

2. Я зашелъ къ г-жѣ Янсонъ и проѣхалъ къ празднику Св. Василія Блаженнаго, гдѣ служилъ митр. Филаретъ.

4. Читалъ свою статью о Лютеранскихъ церквахъ священнику Смирнову-Платонову, который принимаетъ ее въ свое изданіе П. О.

7. Поутру отнесъ ст. свою о Лютеранскихъ церквахъ въ Москвѣ въ типографію Каткова. Въ книжной лавкѣ Ѳерапонтова я встрѣтился съ г. Барковымъ и Хавскимъ, въ экспедицію кварт. внесъ кварт. 6 р. 43 к., навѣстилъ въ Вознесенскомъ м. монахиню М. Л. Грушецкую, обѣдалъ у Д. И. Сушковой.

14. Къ вечернѣ въ Успенскій соборъ и на молебенъ, между которымъ и всенощною я ѣздилъ къ А. О. Ключареву, отъ него получилъ 22 р. 50 к. за свою статью и Августъ Душеполезнаго Чтенія.

15. Я поѣхалъ къ поздней обѣднѣ въ Успенскій соборъ, гдѣ служилъ митр. Филаретъ. Послѣ обѣдни, по приглашенію намѣстника Чудовскаго, я зашелъ на чай къ митрополиту, который поговорилъ со мною.

17. Я ходилъ къ А. А. Мартынову, возвратившемуся изъ Парижа; зашелъ въ Опекунскій Совѣтъ, потомъ въ Главный Архивъ М. И. Д.

для справокъ объ Арсеніи, съ кн. М. А. Оболенскимъ обѣдалъ въ гостинницѣ Кокорева, осматривалъ картинную тамъ галлерею.

18. Я ходилъ на открытіе и освященіе митр. Филаретомъ Троицкой желѣзной дороги. Въ 1 ч. пополудни я отправился по ней въ Троицкую лавру, куда въ 4 часу пріѣхали и встрѣчены были архим. Антоніемъ съ братіею и крестнымъ ходомъ; служили съ водосвятіемъ молебенъ. Въ лаврѣ я слушалъ молебенъ, помолился и приложился къ св. мощамъ преп. Сергія, Никона и др. О. Авель и архимандритъ Антоній благословили меня просфорами и образомъ. Почти весь день шелъ мелкій дождь и погода была сырая и холодная. Въ Москву пріѣхали въ 8 часовъ вечера. Пріѣхалъ императоръ Александръ Николаевичъ.

22. Отъ пріѣзжающихъ изъ С.-Пб. слышалъ, что въ 22 верстахъ по Нарвской дорогѣ открыта шайка разбойниковъ подъ предводительствомъ Француза, которые разрѣзывали женщинамъ животы, вынимали кишки, набивали животъ камнями и дѣлали тому подобныя жестокости.

25. У обѣдни я былъ въ Златоустовомъ м., посѣтилъ о. Филарета, у котораго встрѣтилъ М. Головина, заходилъ въ типографіи Каткова, Семена и Готье.

26. Поздравивъ жену г. Флерова съ днемъ ея ангела и тещу его съ именинницей, я прошелъ къ В. С. Сергѣеву и у него обѣдалъ; потомъ съ нимъ и его женою, ея сестрою, съ дѣтьми и съ дьякономъ Рождества въ Кудринѣ ходили пѣшкомъ къ вечернѣ къ великом. Трифону и, отслуживъ ему молебенъ, пили на монастырѣ чай; къ намъ пришелъ протопопъ Назаревскій. Погода была настоящая лѣтняя. Случились въ этотъ день три пожара.

27. Послѣ ранней обѣдни у Троицы на Листахъ я пилъ чай у М. Л. Петровой, побывалъ у г. Ундольскаго, у котораго встрѣтился съ И. В. Стрѣлковымъ; отъ него въ Срѣтенскій м. къ празднику, гдѣ служилъ митр. Филаретъ. За чаемъ и закуской митр. Филаретъ говорилъ со мною однимъ о политическихъ событіяхъ и потомъ уѣхалъ. За обѣдомъ были ректоръ Московской семинаріи Игнатій, инспекторъ Сергій, Даниловскій архим. Іаковъ, Богоявленскій архим. Иннокентій, Чудовскій намѣстникъ Веніаминъ, частный приставъ и пр.

29. На отпѣваніи въ Лютеранскую ц. пріятеля моего генералъ-суперинтендента Генр. Карла Дикгофа. Церковь была полна народа и убрана цвѣтами и деревьями.

30. У поздней обѣдни былъ въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ служилъ митр. Филаретъ. Со мною возобновилъ знакомство сенаторъ Беръ.

31. Я ѣздилъ въ Новодѣвичій м. къ игуменьѣ Вѣрѣ и съ нею

осматривалъ монастырь и соборъ, пилъ у нея чай; отъ нея за справками зашелъ къ г. Погодину и по его приглашенію у него обѣдалъ.

Октябрь. 2. Послѣ ранней обѣдни я ходилъ къ П. П. Боткину, который надѣлилъ меня 1 ф. чаю и за книги мои 50 р. с.

4. Я обѣдалъ у М. М. Евреинова, который сообщилъ мнѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о 1812 г., какъ очевидецъ; зашелъ къ В. П. Нечаеву, М. Д. Быковскому и П. И. Иванову, которому прочелъ свою статью объ 11 Октября 1812 года, а онъ мнѣ свою статью. Возвратясь домой, я нашелъ у себя дочь свою Анну Ивановну Бородину, которая у меня ночевала.

5. Я былъ у обѣдни въ Успенскомъ соборѣ; служилъ преосвященный викарій Леонидъ; обѣдалъ у Анеты въ Лондонѣ. Н. В. Сушкову я отнесъ отъ дочери банку варенья кизиля и прочелъ съ нимъ свою статью объ 11 Октября.

На дорогѣ противъ Университетской типографіи наѣхалъ на меня извозчикъ и оглоблей такъ ударилъ меня въ спину, что я упалъ безъ памяти и ушибъ себѣ руку и ногу о колесо, которымъ чуть меня не задавило; но я дотащился ко всенощной на Троицкое подворье.

9. У Анеты я видѣлся съ княгиней Лобановой.

12. Зашелъ къ д. Григорію Ант. Захарьину посовѣтоваться о своей болѣзни въ боку; рекомендовалъ банки.

14. Обѣдню я слушалъ позднюю въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ служилъ митр. Филаретъ съ преосвященнымъ Леонидомъ и съ тремя священниками, имѣющими крестъ 1812 года. Въ крестномъ ходу слѣдовалъ митр. Филаретъ до Иверской часовни. Одинъ простой народъ участвовалъ въ этомъ шествіи, а сановниковъ и дворянъ не было. Это 49 крестный ходъ въ полвѣка.

19. Въ Кремлѣ я встрѣтился съ Ѳ. И. Тютчевымъ и его родственницею, поговорили о старинѣ Московской, потомъ поѣхалъ къ В. П. Нечаеву, прочелъ съ нимъ статью свою *о часовняхъ* и перекусилъ у него; отъ него къ дочери, у которой нашелъ Луизу Шольцъ. Поздравивъ Анету съ именинами ея мужа, обѣдалъ у ней.

26. Анета, провожая на желѣзную дорогу m-lle Шольцъ, оступилась и повредила ногу, ночью страдала; призвали доктора Полунина, пустили піявокъ.

28. Послѣ ранней обѣдни, я поздравилъ графа Закревскаго съ именинами.

Ноябрь. 4. Я ночевалъ во дворцѣ у Д. Я. Нефедьева и съ нимъ ходилъ въ Успенскій соборъ къ заутренѣ, тамъ же слушалъ обѣдню, за которою митр. Филаретъ съ преосв. Евгеніемъ, Леонидомъ и Никаноромъ хиротонисалъ ректора Московской Духовной Академіи Савву во епископа. Я обѣдалъ у дочери съ Д. Я. Нефедьевымъ.

5. Съ дочерью былъ въ театрѣ, гдѣ услышалъ отъ г. Славина о внезапной кончинѣ Верстовскаго.

6. Въ Публичный Музей, по приглашенію г. Исакова, который просилъ меня сдѣлать надписи на планѣ Московскихъ церквей. Оттуда къ Ю. Н. Бартеневу, обѣдалъ у него, отъ него къ Н. В. Сушкову, у котораго были преосв. викарій Леонидъ и Женевскій священникъ Петровъ

10. Субота. Въ 11 часу ночи прибылъ Императоръ съ Императрицею и съ двумя дѣтьми изъ СПб.

11. Это день моей свадьбы. Минуло 35 лѣтъ супружеству моему. Въ Кремлѣ смотрѣлъ входъ Государя въ Успенскій соборъ.

13. Поутру я отвезъ для новаго изданія описаніе Новоспасскаго м., былъ съ визитомъ у графа Адлерберга, отъ него къ празднику въ Златоустинскій м.

15. Я проѣхалъ въ Чудовъ м. къ Кіевскому митр. Арсенію Москвину, который далъ въ благословеніе просфору больной дочери моей. Преосвященный ласково меня принялъ и сказалъ, давши мнѣ руку: «Вы нашъ“. Онъ Костромичъ. У обѣдни я былъ въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ видѣлъ вел. кн. Марію Александровну; осматривалъ иконостасъ и стѣнопись Спаса на Бору.

17. Я ходилъ къ доктору Оверу просить его навѣстить больную мою дочь, что̀ онъ исполнилъ, самъ бывши боленъ. Съ И. Д. Бѣляевымъ я свѣрялъ родословіе Романовыхъ для Новоспасскаго м., былъ у кн. М. Б. Лобанова, у котораго встрѣтился съ его женою. Князь дурно отозвался о зятѣ моемъ, замѣтивъ, что моя дочь много перемѣнила его дикость. Я сказалъ: «какихъ же пожертвованій это ей стало?»

25. Во дворцѣ я представлялся Великому Князю Михаилу Николаевичу, который принялъ меня ласково и спрашивалъ о моихъ обстоятельствахъ, которыя я назвалъ стѣсненными; сказалъ, что проѣхавъ нѣсколько тысячъ верстъ, отправляется въ Сергіеву обитель на богомолье, представилъ меня своей супругѣ, которая меня обласкала.

26. У митр. Филарета былъ Императоръ съ Императрицею.

29. У Спиридонова Савельевъ, Воронежскій дворянинъ, очень дурно отзывался о зятѣ моемъ, называя его скрягою, низкимъ человѣкомъ, котораго стоило бы истребить.

Декабрь. 6. Я ѣздилъ къ графу С. Г. Строганову, у котораго засталъ Буслаева. Графъ пенялъ мнѣ, для чего я не приложилъ карти-

нокъ лубоч. къ Лубочнымъ Картинамъ. Я отозвался неимѣніемъ средствъ Графъ сказалъ «до свиданія!»

7. Въ Музеѣ я встрѣтилъ Наслѣдника Престола Николая Александровича съ графомъ Строгановымъ и Исаковымъ. Государь Вел. Кн. самъ подошелъ ко мнѣ и, взявъ меня за руку, сказалъ: «Мы старые съ вами знакомые; вы вѣрно не забыли меня». Потомъ спросилъ меня, чѣмъ я занимаюсь. По порученію г. Исакова, я разсматривалъ видъ Москвы для означенія ея церквей; обѣдалъ у В. С. Сергѣева съ г-жею Хомицкой, очень милой особой.

14. Въ Музеѣ я встрѣтилъ графа Адлерберга.

17. Я послалъ письмо къ становому Виктору Алексѣевичу Боброву о деньгахъ въ Мценскъ.

18. Подавъ за здравіе въ Рождественскомъ м., гдѣ мнѣ священникъ далъ св. просфору, я остригся у Галиси. Зашелъ къ Анетѣ, сбиравшейся въ дорогу въ свое Большое Понырьино. Ее провожали гг. Есауловъ, Наваховскій, Горскій, г-жа Лебедева, и я со слезами благословилъ ее въ путь и на скорое ко мнѣ возвращеніе. Въ Музеѣ былъ 14 Декабря Государь съ Государыней часа два, и слово коснулось меня. Нынѣ они навѣщали митроп. Филарета.

20. Поутру въ 9 ч. отправился Государь съ Государыней въ Спб.

21. Я проѣхалъ къ попечителю Московскаго Университета Исакову и отдалъ ему записку о своемъ положеніи съ просьбою о пособіи мнѣ. Дай, Боже! Отъ него въ Успенскій соборъ къ празднику первосвятителя Петра; служилъ преосвященный Леонидъ; потомъ къ Спасу на Остоженку и къ А. В. Хрущеву, которому отдалъ 100 р. с. для застрахованія. У кн. М. А. засталъ обѣдъ и встрѣтилъ жениха его дочери князя Хилкова. Лавочникъ Постниковъ возвратилъ мнѣ заложенныя моей женой у него серебр. разливную ложку и стопу съ монетами. За первую я заплатилъ ему 6 р. с.

24. Обѣдню слушалъ у Василія Блаженнаго. Послѣ бани я былъ у всенощной на Троицкомъ подворьѣ. Послалъ хлѣбъ-соль старому и новому священникамъ приходскимъ.

25. Отслушавъ раннюю обѣдню у св. Николая въ Грачахъ, я сдѣлалъ визиты гг. Сѣчинскому, Н. В. Сушкову, А. П. Полунину, И. И Давыдову, М. Я. Рюмину, преосвященному викарію, А. П. Лобкову. Позднюю обѣдню я слушалъ въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ служилъ молебенъ митр. Филаретъ съ тремя архіереями и тремя ректорами. Я заходилъ къ митрополиту поздравить его.

26. Я ѣздилъ на похороны жены Сапѣлкина во Всесвятскій м. съ Кабановымъ и у него обѣдалъ.

ФИЛАРЕТЪ ПОДЪ ЦЕНЗУРОЮ.

1824.

Два письма архіепископа Московскаго Филарета къ Петербургскому митрополиту Серафиму.

I. Высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивый архипастырь и благодѣтель!

Болѣзную о томъ, что долженъ нынѣ писать къ вашему высокопреосвященству, но думаю, что долженъ писать. Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа вѣсть, сый благословенъ во вѣки, яко не лгу, что приступаю къ сему письму, нимало не выступая изъ постоянныхъ во мнѣ, по милости Божіей, чувствованій сыновняго почтенія и любви къ вамъ, отецъ, рукоположитель и наставникъ мой! Но я долженъ быть преданъ Церкви не менѣе, какъ вамъ.

Извѣстнымъ сдѣлалось мнѣ, что указомъ Святѣйшаго Сѵнода Типографской Конторѣ предписано остановить печатаніе и продажу Катихизиса, въ прошедшемъ году разсматриваемаго и одобреннаго Святѣйшимъ Сѵнодомъ и изданнаго по высочайшему повелѣнію. Не знаю, о чемъ идетъ дѣло; но не представляется иной догадки, какъ, что дѣло идетъ о Православіи.

Предположивъ сіе, именемъ Православія, прошу ваше высокопреосвященство привести на память исторію сего Катихизиса до нынѣ. Написать Катихизисъ поручилъ мнѣ Святѣйшій Сѵнодъ по предложенію вашего высокопреосвященства. Не дерзая прекословить, но и не дерзая ласкаться успѣхомъ въ семъ дѣлѣ довольно трудномъ, я просилъ Святѣйшій Сѵнодъ не записывать сего порученія въ журналѣ до представленія и разсмотрѣнія моего опыта, чтобы тѣмъ легче было бросить оный безъ всякаго дѣлопроизводства, естьли онъ окажется несоотвѣтствующимъ намѣренію Святѣйшаго Сѵнода, и передать порученіе другому.

Приступивъ къ составленію Катихизиса, первую часть читалъ я вашему высокопреосвященству при преосвященномъ Григоріѣ епископѣ Ревельскомъ и въ главномъ получилъ утвержденіе, а въ нѣкоторыхъ

подробностяхъ, по сдѣланнымъ замѣчаніямъ, исправилъ. Потомъ весь Катихизисъ разсматриванъ вашимъ высокопреосвященствомъ въ теченіи немалаго времени, и каждое слово или выраженіе, кое подвергалось вашему замѣчанію, исправлено не иначе, какъ съ одобренія вашего. За симъ Катихизисъ внесенъ въ Святѣйшій Сѵнодъ, который, одобривъ оный, испросилъ на изданіе онаго высочайшее повелѣніе.

Въ хранящемся у меня собственноручномъ письмѣ вашего высокопреосвященства, по случаю втораго изданія Катихизиса написано, что слѣдующее въ немъ при словѣ *рожденіе* «*естественное*» оставлено такъ какъ оно было въ прежнемъ изданіи, а не выкинуто. Чтò касается до вопроса о дѣвствѣ, то онъ не избѣжалъ гоненія. Пропущенное въ Символѣ слово *со славою* внесено. Далѣе въ томъ же письмѣ сказано: «Г. оберъ-секретарь сказалъ на нынѣшней недѣлѣ переслать къ вамъ пятьдесять экземпляровъ сего исправленнаго Катихизиса, съ коего станутъ уже безпрепятственно печатать и въ Московской Синодальной Типографіи».

Изъ сего узналъ я, что при второмъ изданіи Катихизисъ пересмотрѣнъ Святѣйшимъ Сѵнодомъ вновь; что при семъ изложеніе главныхъ истинъ не подверглось никакому сомнѣнію; что одинъ частный вопросъ и одно выраженіе подверглись спору, не найдено однакожъ нужнымъ перемѣнить ихъ; и что исправленъ токмо пропускъ одного слова въ Русскомъ переводѣ Сѵмвола вѣры, мною указанный въ письмѣ къ вашему высокопреосвященству. Такимъ образомъ Катихизисъ, въ составленіи коего я былъ орудіемъ, сперва при мнѣ, а потомъ вновь въ отсутствіи моемъ, утвержденъ вашимъ высокопреосвященствомъ и Святѣйшимъ Сѵнодомъ, не только во всѣхъ частяхъ содержащагося въ немъ ученія, но и во всѣхъ словахъ и выраженіяхъ, и сіе совершенное утвержденіе оглашено предъ Церковію, не только указами Святѣйшаго Сѵнода и многими уже изданіями Катихизиса, но и данною на имя мое во 2-й день Іюня 1823 года высочайшею грамотою, въ коей, согласно съ Сѵнодскимъ одобреніемъ, сказано, что оный начертанъ по духу Восточной Христіанской Церкви и въ разумѣ Евангельской истины.

Непонятно, кѣмъ и какъ и почему приведено нынѣ въ сомнѣніе дѣло столь совершенно и часто утверждаемое всѣмъ, чтò есть священнаго на землѣ.

Не великая была бы забота, естьли бы сомнѣніе сіе угрожало только личности человѣка, бывшаго орудіемъ сего дѣла; но не угрожаетъ ли оное іерархіи, не угрожаетъ ли Церкви? Естьли сомнительно Православіе Катихизиса, столь торжественно утвержденнаго Святѣйшимъ Сѵнодомъ: то не сомнительно ли будетъ Православіе самаго Святѣйшаго Сѵнода? Допущеніе сего сомнѣнія не потрясаетъ ли іерархіи

до оснований? Не возмутитъ ли мира Церкви? Не произведетъ ли тяжкаго церковнаго соблазна?

Судъ, который надъ дѣяніемъ Святѣйшаго Сѵнода произнесетъ одинъ священникъ (естьли то правда, что одному священнику поручено дать мнѣніе о Катихизисѣ сѵнодально-утвержденномъ) увѣритъ ли всю Церковь и не обнажитъ ли только разрушеніе іерархическаго порядка чрезъ допущеніе такого суда? Не нужно сказывать вашему высокопреосвященству, что надъ дѣяніемъ Святѣйшаго Синода касательно ученія вѣры вѣрный и достойный пріятія судъ, по правиламъ Святыя Соборныя и Апостольскія Церкви, можетъ быть не иной, какъ судъ чрезвычайнаго, полнаго собора, помѣстнаго или вселенскаго, подъ покровительствомъ благочестивѣйшаго Государя Императора.

Именемъ Божіимъ прошу васъ, ваше высокопреосвященство, предъ очами Божіими разсмотрѣть все вышесказанное и, обратя первосвятительское ваше вниманіе на возникающее дѣло о Сѵнодально-утвержденномъ Катихизисѣ, дать сему дѣлу направленіе, сообразное съ истиною, съ порядкомъ и достоинствомъ іерархіи, съ миромъ и безсоблазнствомъ Православной Церкви. А мнѣ преподайте особенное наставленіе, какъ дѣйствовать съ пользою ввѣренной мнѣ паствы въ сихъ особенныхъ обстоятельствахъ, направленныхъ къ ослабленію довѣрія и взаимной благонадежности между правящими и правимыми словомъ истины.

Позвольте мнѣ надѣяться, что письмо сіе будетъ принято съ обыкновеннымъ вашему высокопреосвященству снисхожденіемъ и дѣйствительно исходатайствуетъ мнѣ отъ васъ потребныя наставленія, коимъ, такъ какъ и первосвятительскому вашему покровительству и молитвамъ еще съ упованіемъ себя предаю. Филаретъ архіепископъ Московскій.

Декабря 8-го 1824 года.

P. S. Мнѣ кажется особеннаго высочайшаго указа о Катихизисѣ нѣтъ; ибо естьли бы онъ былъ, то былъ бы данъ Святѣйшему Сѵноду по принадлежности. А естьли запрещеніе Катихизиса выведено изъ публикованнаго высочайшаго указа 17-го дня прошедшаго Ноября: то сіе выведено не по силѣ указа и въ противность высочайшаго указа, утверждающаго именно Катихизисъ одобренный Святѣйшимъ Сѵнодомъ.

Теперь сдѣлалось мнѣ извѣстнымъ, что въ отношеніи г. министра народнаго просвѣщенія, которое прислано въ указѣ Святѣйшаго Сѵнода типографской конторѣ, Сѵмволъ Вѣры названъ не Сѵмволомъ или исповѣданіемъ вѣры, но *молитвою*. Не знаю, кому приписать должно обнаруженное здѣсь столь сбивчивое понятіе о дѣлахъ церковныхъ. И съ такимъ понятіемъ неизвѣстные дѣйствователи вземлютъ судъ себѣ надъ Святѣйшимъ Сѵнодомъ! Утвержденіе на Тя надѣющихся, утверди Господи Церковь!

II. Высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивый архипастырь и благодѣтель!

Не точная молва о Катихизисѣ, которая однако сбылась, дѣлаетъ неточною молву, которая теперь идетъ о проповѣди моей въ день Благовѣщенія, что она будетъ запрещена *).

Не имѣя дерзости довѣрять исправности собственнаго дѣла, не заботился бы я, можетъ быть, симъ случаемъ; но не безъ Промысла, думаю, Божія такъ устроилось, что спокойствіе совѣсти моей въ семъ случаѣ подкрѣпляется и утверждается двоякимъ свидѣтельствомъ вашего высокопреосвященства. *Во первыхъ*, сохранилась у меня рукопись сей проповѣди, на которой ваше высокопреосвященство собственною рукою исправили одно выраженіе, а не болѣе; печатаніе произведено согласно съ сею рукописью и съ вашимъ исправленіемъ. *Во вторыхъ*, сохранилось у меня собственноручное ваше письмо, въ коемъ сдѣланный вами о сей проповѣди отзывъ столь благосклоненъ, что въ другомъ случаѣ не отважился было обнаружить оный, опасаясь тщеславія, но теперь принужденъ выписать. Вы пишете: «Проповѣдь вашу на Благовѣщеніе я читалъ; она, по моему мнѣнію, есть самая лучшая изъ всѣхъ проповѣдей вашихъ».

Послѣ сего не мое маловажное дѣло, но важное свидѣтельство вашего высокопреосвященства защищать должно, естьли только нужно защищать въ дѣлѣ сего рода сужденіе первенствующаго члена Святѣйшаго Сѵнода противъ возраженія одного свѣтскаго человѣка, который по своему произволу произвелъ себя не только въ богослова, но и въ судію вѣры и Церкви. Не называю его потому, что говорю за истину дѣла, а не противъ человѣка, каковъ бы онъ ни былъ противъ моего дѣла и противъ меня. Но онъ вашему высокопреосвященству извѣстенъ и наименованъ въ одномъ изъ вашихъ писемъ ко мнѣ съ справедливымъ замѣчаніемъ объ источникѣ его ревности.

А естьли бы и нужно было защищать такое сужденіе противъ такого возраженія, и сіе не трудно. Возраженіе состоитъ въ томъ, что въ проповѣди моей Іосифу до явленія Ангела приписывается невѣдѣніе о тайнѣ Богоневѣсты. Но естьли меня должно осудить за то, что я, не отъ себя, но по изъясненію словъ Евангельскихъ, приписываю Іосифу невѣдѣніе въ семъ случаѣ: то гораздо болѣе осудить должно Св. Зла-

*) Это удивительно - прекрасное слово въ день Благовѣщенія произнесено Филаретомъ въ Чудовомъ монастырѣ 25 Марта 1824 года. (См. послѣднее изданіе его сочиненій 1873, I, 148). П. Б.

тоуста, который въ семъ случаѣ въ приведенныхъ мною словахъ его приписываетъ Іосифу не только невѣдѣніе, но и зазрѣніе. Гораздо также болѣе, нежели мою проповѣдь, осудить должно Богородичный акаѳистъ, въ коемъ приписывается Іосифу не только невѣдѣніе, но и сомнѣніе, которое при томъ выражено въ кондакѣ 7-мъ слѣдующими рѣзкими чертами: «Бурю внутрь имѣяй помышленій сомнительныхъ, цѣломудренный Іосифъ смятеся», и пр. Естьли Св. Златоустъ правъ, естьли акаѳистъ священъ: то и согласная съ нимъ проповѣдь, вашимъ высокопреосвященствомъ одобренная, одобрена въ совершенную сообразность съ ученіемъ Православной Церкви.

Повторяю что̀ писалъ уже къ вашему высокопреосвященству по случаю Катихизиса. Естьли сквозь дѣло хотятъ уязвить лице: пускай! Но должно ли попускать, чтобъ подкапывали твердость и довѣренность Церкви, правительства, чтобъ возмущали миръ Церкви?

Дѣло правдѣ, а себя милости вашего высокопреосвященства предая, съ глубокимъ почтеніемъ и преданностію долгомъ поставляю пребыть Филаретъ архіепископъ Московскій.

Декабря 13-го 1824 года.

Отвѣтъ митрополита Серафима архіепископу Филарету.

Высокопреосвященнѣйшій владыко, достопочтеннѣйшій о Господѣ братъ!

Два письма ваши, одно отъ 8, а другое отъ 13-го сего мѣсяца получилъ я въ одинъ день. Отвѣтствую на первое, яко важнѣйшее. Исторія Катихизиса вашего, которую вы возобновляете въ памяти моей, мнѣ весьма извѣстна по тому участію, которую я имѣлъ въ ономъ. Я его читалъ вмѣстѣ съ вами и безъ васъ одинъ. Я его одобрилъ и призналъ достойнымъ напечатанія, нашедши его во всѣхъ частяхъ съ ученіемъ Св. Церкви нашей согласнымъ и потому Православнымъ. Въ семъ и преосвященный Григорій, также читавшій его съ нами, былъ совершенно согласенъ. По отъѣздѣ вашемъ въ Москву, князь А. Н. Голицынъ относился ко мнѣ, по приказанію ея императорскаго величества императрицы Маріи Ѳеодоровны, спрашивая моего мнѣнія, признаю ли я за полезное ввести Катихизисъ вашъ въ институты, состоящіе подъ высочайшимъ ея вѣдѣніемъ и покровительствомъ. Я отвѣтствовалъ на то отношеніе утвердительнымъ образомъ, т. е. признаю за полезное. Въ нынѣшнемъ году, бывши у графа А. А. Аракчеева въ селѣ его Грузинѣ, и, по случаю посѣщенія военныхъ поселеній, гдѣ былъ дѣланъ при мнѣ экзаменъ въ катихизисѣ, я ему рекомендовалъ Катехизисъ вашъ, и онъ приказалъ его ввести въ употребленіе, о чемъ была отъ него ко

мнѣ бумага. Катихизисъ сей предписалъ я взять для обѣихъ епархій моихъ и велѣлъ по краткому экзаменовать ставлениковъ въ стихарь, а по большему, въ разсужденіи по крайней мѣрѣ важнѣйшихъ пунктовъ вѣры, ставлениковъ въ діаконы, а наипаче въ священники, о чемъ и далъ резолюцію на указъ Святѣйшаго Сѵнода. И такъ вы видите, что я въ Православіи его совершенно былъ какъ прежде, такъ и теперь увѣренъ, и сіе письмо мое будетъ вамъ доказательствомъ сего. Святѣйшій Сѵнодъ, никого не исключая, также не менѣе моего увѣренъ въ Православіи Катихизисовъ вашихъ, какъ пространнаго, такъ и краткаго, который разсматривалъ преосвященный Кишеневскій [1]) особенно и одобрилъ къ напечатанію, на что и всѣ члены согласились безъ всякаго сомнѣнія; ибо онъ во всемъ согласенъ съ пространнымъ. Теперь спрашиваете вы, почему ихъ остановили? Остановили по отношенію министра просвѣщенія [2]), который ни слова не сказалъ о томъ, чтобъ они были не согласны съ Православіемъ (чего онъ, яко самъ православный сынъ Церкви, сказать не могъ), а требовалъ остановить ихъ впредъ до высочайшаго появленія потому только, что *Сѵмволъ вѣры, Отче Нашъ и Десятословіе* изложены въ нихъ Русскимъ, а не Славянскимъ языкомъ. И сія-то именно причина прописана въ указѣ Святѣйшаго Сѵнода къ Московской типографіи. Изъ сего вы изволите видѣть, что до Православія катихизисовъ вашихъ никто нималѣйше не коснулся; а потому честь ваша, яко православнаго пастыря Церкви, остается безъ всякаго пятна, равно и достоинство или важность Святѣйшаго Синода нимало симъ случаемъ не унижена. Вы спросите, почему Русской языкъ не долженъ быть въ Катихизисѣ, а наипаче краткомъ, который предназначенъ для малыхъ дѣтей, незнакомыхъ вовсе съ Славянскимъ языкомъ, а потому и неспособныхъ понимать истинъ вѣры, которыя имъ излагаются на языкѣ семъ, тогда какъ онъ, т. е. Русской языкъ, доселѣ удерживается въ священныхъ книгахъ Новаго Завѣта и псалмахъ? На сіе и на многіе другіе вопросы, кои по сему случаю сдѣлать можно, я удовлетворительно отвѣтствовать вамъ никакъ не могу. Надѣюсь, что время объяснитъ намъ то, что̀ теперь кажется намъ темно; а время сіе скоро по моему мнѣнію настанетъ. Будьте увѣрены, что я принимаю въ васъ дружеское участіе и искренно желаю вамъ всякаго добра. По симъ чувствамъ дружбы и любви моей къ вамъ какъ прежде сего поступалъ я, такъ и теперь слѣдую имъ неизмѣнно. Чувствую, что положеніе ваше тяжело и скорблю о семъ отъ всего сердца, что не имѣю возможности облегчить васъ отъ бремени. И такъ потерпи, пастырь добрый! Терпѣніе не посрамитъ: оно доставитъ вамъ опытность, которая въ послѣдствіи времени крайне вамъ полезна будетъ, что̀ я имѣлъ случай самъ надъ собою дознать. Серафимъ митрополитъ Новгородскій.

---

[1]) Дмитрій Сулима. П. Б.

[2]) Новаго министра Народнаго Просвѣщенія А. С. Шишкова. П. Б.

ПИСЬМО А. Н. МУРАВЬЕВА КЪ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОМУ ПАТРІАРХУ.

Святѣйшій владыко!

Не медлю отвѣтомъ на пастырское посланіе ваше, чтобы мнѣ оправдаться предъ вселенскимъ іерархомъ въ тѣхъ нареканіяхъ, которыя очень чувствительны моему сердцу, потому особенно, что едва ли справедливо онѣ на меня падаютъ.

Въ заключеніи вашей грамоты вы изволите говорить, что отвѣчаете отечески, дабы я съ должнымъ смиреніемъ принялъ пастырскія замѣчанія ваши. О, если бы это дѣйствительно такъ было! Если бы ваше святѣйшество съ отеческимъ снисхожденіемъ замѣтили мнѣ мои погрѣшности, съ какою сыновнею любовію я бы ихъ принялъ и, сознавъ свою вину въ томъ, въ чемъ дѣйствительно погрѣшилъ, старался бы, какъ и теперь, объяснить то, въ чемъ могло бы произойти какое нибудь недоразумѣніе! Тогда бы въ точности была исполнена евангельская заповѣдь: «аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, иди и обличи его между тобою и тѣмъ единѣмъ; аще тебѣ послушаетъ, пріобрѣлъ еси брата твоего» и прч. (Матѳ. XVIII. 15).

Но такъ ли оно было на самомъ дѣлѣ? Едва лишь частное, довѣренное письмо мое дошло до вашего святѣйшества, какъ оно въ ту же минуту предано было гласности, хотя и не съ тою цѣлію было написано, а только ради желанія мира. Оно однако сдѣлалось достояніемъ ярыхъ журналовъ, которые не пощадили ни моего добраго имени, ни памяти брата моего графа Михаила (съ которымъ меня смѣшали), столько подвизавшагося за Православіе, ни даже самаго отечества нашего Хотя оно довольно уже доказало свое безпристрастіе и великодушіе въ дѣлахъ Востока; но и на него однако, какъ и на насъ всѣхъ набросили личину Панславизма, который нынѣ, какъ нѣкій страшный призракъ, сталъ на прагѣ Востока, по слову псаломному: «тамо убояшася страха, идѣже не бѣ страхъ». Такъ какъ ваше святѣйшество внушаете мнѣ обратиться лучше съ моими благими совѣтами къ тѣмъ, которые, изъ мірскихъ побужденій, нарушаютъ священные каноны, т. е. къ Болгарамъ: то я осмѣливаюсь, во свидѣтельство моего совершеннаго безпристрастія, представить на благоусмотрѣніе ваше переводъ съ письма моего къ ихъ экзарху, писаннаго въ тотъ же самый день, какъ и къ особѣ вашей, къ блаженнѣйшимъ патріархамъ Іерусалимскому и Антіохійскому и къ святѣйшему Григорію, предмѣстнику вашему.

Весьма сожалѣю, что письмо сіе, въ свое время, не было въ рукахъ вашихъ; но мнѣ кажется, что по его содержанію и по тому высокому значенію, какое я въ немъ приписываю собственно великой церкви и вселенскому престолу въ отношеніи Славянъ, нельзя меня

упрекнуть въ пристрастіи къ Болгарамъ и въ Панславизмѣ вообще. Едва ли также можно подозрѣвать меня и въ пристрастіи къ Римлянамъ, на томъ основаніи, что я безразлично говорю о неустройствахъ церковныхъ на Западѣ и Востокѣ и называю соборомъ собраніе Ватиканское ихъ архіереевъ, нисколько не равняя его однако съ Православнымъ. Да и какое же другое названіе могу я дать столь торжественному и многолюдному собранію семи сотъ епископовъ, хотя и неправомыслящихъ въ нѣкоторыхъ догматахъ, но облеченныхъ однако въ священный санъ? Неужели назову Синедріономъ или Синагогою? Но это было бы оскорбительно для христіанства, «своему Господеви стоятъ они или падаютъ» (Римл. XIV. 4). Не молится ли ежедневно и церковь православная о соединеніи всѣхъ церквей?

Во всю мою жизнь подвизался я за Православіе и много книгъ написалъ въ пользу церкви. Тотъ, кто читалъ мои «Письма о Богослуженіи», мое «Слово каѳолическаго Православія Римскому Католичеству» и мою «Правду вселенской церкви о Римской каѳедрѣ», давно уже переведенныя на Греческій языкъ и напечатанныя въ тѣхъ же Аѳинахъ, отколѣ нынѣ наипаче возшумѣла сія буря (ибо это для насъ не тайна), тотъ конечно убѣжденъ въ моемъ Православіи. О, да умиротворится треволненіе и «растерзаются Аѳинскія плетенія», какъ о томъ взываетъ церковь, вдохновенными словами акаѳиста Богоматери (икосъ 9). Такого рода сплетенія сравниваю я съ Іезуитскими, а вовсе не дѣйствія соборовъ.

Не странно ли однако это явленіе? Эллинская церковь, съ самаго начала зависѣвшая отъ вселенскаго престола, внезапно отъ него отложилась и составила свой независимый Синодъ, который не призналъ власти бывшаго своего архипастыря, чего не осмѣлилась однако сдѣлать юная церковь Болгарская, не отвергавшая подчиненія патріаршему престолу. Отпаденіе Эллинское рѣзко совершилось безъ всякихъ предварительныхъ переговоровъ, въ одно время съ политическимъ отсѣченіемъ королевства отъ Имперіи Оттоманской и, не смотря на то, хотя нарушено было общеніе, церковь сія не была провозглашена, соборно и торжественно, схизматическою; всѣ архіереи ея не были отлучены и низложены, и не пало на нее обвиненіе въ новой ереси народолюбія, въ коей обличаютъ теперь Болгаръ, по ихъ разноплеменности, потому что Греки единоплеменны между собою! И что же, эти самые Эллины Аѳинскіе, позабывъ собственное свое многолѣтнее отчужденіе отъ церковнаго единства, теперь первые двигатели осужденія Болгаръ и самые жаркіе ихъ противники. А быть можетъ, если бы съ ними было также строго поступлено въ то время, какъ нынѣ съ Болгарами, то не осталась бы для нихъ отверстою дверь къ примиренію, и они могли бы впасть въ руки Латинъ или Протестантовъ, что̀ небезопасно и для Болгаръ, между коими давно уже существуетъ Унія. Если же случится такое духовное ихъ пораженіе, то на кого падетъ за сіе отвѣтственность, когда въ памяти нашей еще такъ свѣжо снисхожденіе, оказанное Эллинской церкви?!...

Ваше святѣйшество какъ будто желаете оправдать великую церковь въ томъ, что она никогда не думала нарушать общеніе съ Россійскою или признать ее схизматическою, вмѣстѣ со всѣми Славянскими племенами; но кто же когда-либо сомнѣвался въ ненарушимомъ общеніи обѣихъ святыхъ церквей, и я никогда не намекалъ на это въ моемъ письмѣ. Я изумлялся только, до чего можетъ доходить въ наро-

дѣ Греческомъ чувство національной непріязни, въ которой обвиняютъ Болгаръ, вмѣняя имъ это даже въ ересь. Не Греческая ли чернь, руководимая буйными вождями, врывалась на дворъ патріаршій, съ дикими воплями «да здравствуетъ схизма со всѣми Славянами», а впослѣдствіи не таже ли чернь, упоенная виномъ, дерзала вопіять и противъ святителя Іерусалимскаго, требуя его низложенія, подъ предлогомъ Панславизма, за то лишь, что онъ не согласился съ мнѣніемъ соборнымъ?!.. По причинѣ такого ожесточенія, я позволилъ себѣ высказать свое мнѣніе о томъ одиночествѣ, въ какомъ останутся Греки, если бы дѣйствительно нарушился союзъ ихъ съ единовѣрными имъ Славянами. «Не оправдываю дерзновенія Болгаръ», писалъ я въ моемъ письмѣ къ вашему святѣйшеству, какъ вы это увидите и изъ моего письма къ ихъ экзарху, и потому я совершенно раздѣляю мнѣніе нашего Святѣйшаго Синода о неправильности ихъ дѣйствій, мнѣніе, на которое изволите вы мнѣ указывать въ вашемъ ко мнѣ письмѣ. Но да будетъ и мнѣ дозволено привести здѣсь свидѣтельство святителя Іерусалимскаго, который съ твердостію Марка Ефесскаго остался при своемъ мнѣніи на соборѣ, подражая въ этомъ случаѣ заботливому винοградарю Евангельской притчи; ибо и тотъ говорилъ своему господину, хотѣвшему срубить безплодную смоковницу: «Господи, остави ю и се лѣто, дондеже окопаю окрестъ и осыплю гноемъ, и еще бо сотворитъ плодъ; аще же ни, въ грядущее посѣчеши ю» (Лук. XIII. 8, 9). Если же трехлѣтній срокъ дарованъ былъ бездушному дереву, которое посѣкается и въ огонь вметается, то что значатъ три пятилѣтія для духовнаго вразумленія и душевнаго спасенія цѣлаго народа, когда «радость бываетъ предъ Ангелы Божіими и о единомъ грѣшницѣ кающемся» (Лук. XV. 10)? Какъ одинъ изъ таковыхъ, поручая себя отеческому снисхожденію вашему, остаюсь съ чувствами глубочайшаго уваженія вашего святѣйшества и пр.

А. Муравьевъ.

11 Октября 1872 года.
Кіевъ.

*

Писано за два года передъ кончиною, но въ полнотѣ здраваго усердія ко благу Православной церкви, въ ея всеобщемъ значеніи, чуждомъ народныхъ исключительностей и вопреки понятіямъ оберъ-прокурора Св. Синода графа А. П. Толстаго, который считалъ Болгаръ церковными мятежниками. Намъ случилось видѣть поданный имъ въ этомъ направленіи докладъ императору Александру Николаевичу. Въ отмѣткахъ своихъ на этомъ докладѣ Государь не соглашался къ оберъ-прокуроромъ, и намъ вспоминается одна изъ этихъ отмѣтокъ: „Болгары желаютъ того же, чѣмъ мы по милости Божіей пользуемся“. П. Б.

ДВА ПИСЬМА А. П. ЕРМОЛОВА КЪ ГРАФУ (КНЯЗЮ) М. С. ВОРОНЦОВУ.

I.

Любезнѣйшій и почтенный графъ Михаилъ Семеновичъ!

Едва перешелъ я нашу границу, какъ уже предупрежденъ былъ о затрудненіяхъ, въ Австріи меня ожидающихъ. Множество нелѣпыхъ сдѣлано мнѣ отъ Австрійскихъ комиссаровъ предложеній. Грубо отвергъ я многія, и мнѣ удалось обратить Нѣмцевъ къ здравому смыслу. Во многихъ случаяхъ не могъ сладить и долженъ былъ послать Граббе [1]) къ Императору въ Вѣну. При самомъ вступленіи въ границы получилъ уже повелѣніе, ибо Граббе употребилъ непонятную [2]) скорость. Движеніе наше чрезвычайно ускорено, какъ изъ маршрута вы увидите. Причиною всему князь П. М. Волконскій, который сдѣлалъ сіи согласно съ гофкригсъ-ратомъ распоряженія. Чтò ему нужды, что войска отъ того потерпятъ? Онъ, можетъ быть, даже по незнанію увѣренъ, что такъ быть должно. Избави Боже подобныхъ мудрецовъ! Я доволенъ весьма, что рѣшился послать прямо къ Государю. Ланжеронъ не смѣлъ того сдѣлать и послалъ чрезъ фельдмаршала, а между тѣмъ нѣсколько дней остановился, ибо не умѣлъ сладить съ Австрійцами. Государь чрезвычайно недоволенъ затрудненіями, которыя намъ дѣлаютъ. За нашъ корпусъ было нѣкоторое объясненіе, и сказано было, что остановятъ войска.

Государь, не знаю какимъ образомъ, предупрежденъ, что корпусъ нашъ весьма хорошъ и въ порядкѣ. Хочетъ непремѣнно его видѣть. Тронутъ былъ чрезвычайно, что люди, выслужившіе сроки, идутъ добровольно. Будетъ ихъ благодарить. Говоритъ, что это только у насъ въ корпусѣ.

---

[1]) Это молодой тогда Павелъ Христофоровичъ (при Александрѣ II-мъ графъ), Граббе, адъютантъ А. П. Ермолова. Его Записки и Дневники напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 1873, 1888 и 1889 годовъ. П. Б.

[2]) А. П. Ермоловъ разумѣлъ вѣроятно подъ словомъ *непонятную* — *непостижимую:* Павелъ Христофоровичъ, eine echt heroische Natur по выраженію Варнгагена-фонъ-Энзе, былъ живымъ нервомъ войны. П. Б.

Граббе привезъ извѣстіе, что Францiя вся покойна. Le duc d'Angoulême былъ взятъ въ плѣнъ, но Наполеонъ отпустилъ его, объявивъ при томъ, что могъ бы поступить съ нимъ, какъ поступилъ противъ него конгресъ, т. е. declarer hors la loix. Формируетъ 260 баталіоновъ національной гвардіи. Въ войскахъ его ужасный духъ, но всѣ вообще заключаютъ, что народъ не за него, и недовольныхъ весьма много. Скотина Мюратъ во многихъ мѣстахъ напалъ на Австрійцевъ, нигдѣ не имѣлъ успѣха, потерпѣлъ нѣкоторую потерю и въ полномъ отступленіи. Очистилъ даже за Флоренцію уже. Австрійцы чрезвычайно обманулись на счетъ его силъ: онѣ вышли гораздо менѣе. Австрійцы такіе же, какъ и всегда, мерзавцы; говорятъ, всѣ лучшія свои войска употребили въ Италіи и даже большее ихъ число, я думаю для того, что тамъ значущей не боялись потери, а противъ Французовъ думаютъ они отдѣлаться союзниками. Вотъ расчетъ, достойный знаменитой сей и великой націи.

Я ожидалъ вашихъ изъ Кракова писемъ, и то меня мучитъ, что ничего не знаю о *злодѣйкѣ*. Посылалъ на почту, и нѣтъ ничего. Завтра еще приходитъ почта; если не получу вашего письма, буду бранить ужасно любезнаго брата! Спрошу чувствительное и безподобное сердце друга моего, сколько несносна ему неизвѣстность.

Отсюда выѣзжаю я 18 или 19 числа. Пріѣзжай повидаться въ Прагу непремѣнно. Не откажи сего удовольствія; не простительно бы было, проходя такъ близко, и не видаться. Не хочу любезнаго брата оскорблять сомнѣніемъ, чтобы не выполнилъ моей просьбы. Прощай! Вѣрный по смерть братъ А. Ермоловъ.

14 Апрѣля (1814), Троппау.

Приписка съ боку письма: Императоръ точно королемъ Польскимъ на этихъ дняхъ. Ожаровскій ѣдетъ въ Варшаву съ объявленіемъ.

Помѣта гр. М. С. Воронцова: Получено 16 Апрѣля въ Рейнерцѣ.

II.

Любезнѣйшій графъ Михаилъ Семеновичъ!

Посланный вашъ могъ бы возвратиться къ вамъ ранѣе, но я ѣздилъ назадъ смотрѣть бригаду Полторацкаго, дабы не ожидать ея въ Троппау и не жить слишкомъ долго здѣсь въ страшной скукѣ и одному, ибо всѣ мои уже впереди. Теперь вы уже получили бумагу мою съ приложеніемъ маршрута, по которому, къ совершенной досадѣ, ведутъ насъ разными дорогами. Это меня чрезвычайно огорчаетъ и потому болѣе, что изъ предписанія фельдмаршала видно намѣреніе раздѣлить

насъ навсегда. Я надѣюсь или, по крайней мѣрѣ, сколько могу, стараться буду увидать Государя до прибытія на мѣсто. Слезы мои говорить будутъ предъ нимъ и вразумятъ, сколько разстаться съ вами я не желаю. Не знаю, почему мнѣ готовится уничиженіе, будучи, такъ сказать, предъ лицемъ непріятеля, потерять командованіе авангардомъ и сослану быть въ резервъ. Почему со мною все можно дѣлать и никогда ни съ кѣмъ такъ не поступаютъ? Признаюсь, какъ другу, которому преданъ душею, что меня это бѣситъ, и я готовъ надѣлать глупостей, которыя весьма неумѣстны. Не знаю, что̀ скажутъ на мои просьбы; но я все то выскажу, что̀ у меня на сердцѣ. Можетъ быть, всегдашнее счастіе мое и въ семъ случаѣ не измѣнитъ, но если не успѣю я, и война, которой я былъ радъ, и всѣ тѣ пріятности, которыя себѣ я обѣщалъ, для меня потеряютъ всю цѣну. Скажу по истинѣ, что усердія во мнѣ не будетъ половины. Любезнѣйшій товарищъ! Сколько причинъ священнѣйшихъ желать служить намъ вмѣстѣ; намъ жить не должно иначе, какъ братьямъ. Зависть на мое счастье, на дружбу, которой удостоиваютъ меня сослуживцы мои, ищетъ вырвать у меня, корпусъ прекраснѣйшій, товарищей, съ которыми могъ я легко сдѣлать что-нибудь отличное. Что Богъ дастъ! Не узнаешь, что̀ завтра будетъ! Прошу рѣдкаго брата непремѣнно пріѣхать въ Прагу, гдѣ намъ видѣться надобно. Между нами тамъ не большое будетъ разстояніе, и можетъ быть наканунѣ весьма продолжительной разлуки. Пріѣзжайте, любезнѣйшій графъ, я васъ ожидать буду.

Благодарю за письмо *вѣдьмы*, но письмо *злодѣйки* чрезвычайно мнѣ страннымъ кажется. Вы прекрасно оправдываете ее. Вы говорите: какъ ей начать писать? Я однакоже думаю, что одну милю отъѣхавши отъ Велички, съ первой станціи могла она не писать къ *вѣдьмѣ* то, что̀ она писала. Я подожду еще писемъ изъ Лемберга, которыя по расчету моему нескоро придутъ. Увижу и очень пойму, какъ себя вести долженъ буду. Въ Прагѣ поговоримъ обстоятельно, а между тѣмъ начинаю понимать, что доживу безъ мученія. Это однакожъ новое во мнѣ чувство! Какъ хочется мнѣ знать все то, что̀ происходило съ вами. Вы мнѣ не сказали, что въ *Бобринѣ* были съ Полторацкимъ. Онъ очень скроменъ, но сказывалъ мнѣ, что могъ замѣтить чрезвычайное къ вамъ вниманіе. Божится, что *черные глаза* скрыть при всемъ умѣ того уже не могутъ. А каковы *черные глаза*! Захотятъ заставить любить, мы готовы и будемъ любить безъ памяти. Я могу поздравить глаза, что они счастливы. Любезный братъ мой, съ ангельскою его душею, съ прекраснѣйшимъ сердцемъ, можетъ точно сдѣлать счастье женщины чувствительной. Сколько разъ завидовалъ я вашимъ свойствамъ; теперь еще болѣе вижу, сколько основательно. *Злодѣйкѣ* не буду я умѣть заплатить равными

чувствами. Мнѣ жаль, но у меня нѣтъ сердца рѣдкаго Воронцова [1]). Говорю какъ передъ Богомъ правду. Я васъ ожидаю въ Прагѣ. Для моего счастія необходимо васъ видѣть. Пріѣзжайте, прошу какъ друга. *Вѣдьмѣ* вчера писалъ; объ васъ ни одного слова, а паче *о черныхъ глазахъ*. О злодѣйкѣ не сказалъ ни слова. Не должно трогать ее, и такъ лучше молчать. Прощайте. Вѣрный по гробъ А. Ермоловъ.

17 Апрѣля въ вечеру.

Помѣта графа М. С. Воронцова: Получено 20 Апрѣля въ Гитчинѣ.

*

Письма эти (которыхъ нѣтъ ни въ 36-й книгѣ „Архива Князя Воронцова", ни въ „Русскомъ Архивѣ" 1890 г.) любезно сообщены намъ изъ Тифлиса г. предсѣдателемъ Кавказской Архіографической Комиссіи Евгеніемъ Густавовичемъ Вейденбаумомъ. Они важны и для біографіи обохъ героевъ Бородина, и какъ живая картина тогдашней исторической минуты. Читатель пойметъ это, прочитавъ нижеслѣдующую выдержку изъ воспоминаній И. С. Тимирязева, бывшаго адъютантомъ великаго князя Константина Павловича. П. Б.

„Государь, неоднократно заходя въ залу комиссіи [2]), не смотря на обычное ему благодушіе и умѣніе владѣть собою, выражалъ на лицѣ своемъ слѣды не только утомленія, но и раздраженія. Стали ходить слухи, что на конгрессѣ онъ уже не всегда встрѣчалъ прежнее безусловное согласіе на всѣ его намѣренія и предложенія, что князь Меттернихъ начиналъ часто возбуждать возраженія и затрудненія и даже Талейранъ, представитель Франціи, сталъ забывать, что она была обязана личному участію и вмѣшательству императора Александра [3]).

Однажды, Государь взошелъ въ нашу залу съ какимъ-то особенно озабоченнымъ видомъ и, по выслушаніи нѣкоторыхъ словесныхъ докладовъ о нашихъ занятіяхъ, обратился ко мнѣ со словами: „Тимирязевъ, завтра я отправлю тебя къ брату въ Варшаву; всѣ нужные пакеты и депеши ты получишь отъ Волконскаго; а завтра утромъ зайди ко мнѣ, и я тебѣ дамъ еще письмо къ великому князю". Я поклонился, и Государь прошелъ въ свой кабинетъ. На другой день, когда я явился откланиваться, Александръ Павловичъ, передавая мнѣ собственноручное письмо къ цесаревичу, присовокупилъ: „И повтори еще брату отъ меня, чтобы, при первомъ отсюда распоряженіи, армія была готова къ выступленію". Помню очень хорошо, что эти слова тогда же сильно меня поразили и возбудили необъяснимое недоумѣніе. О какомъ вы-

---

[1]) М. С. Воронцовъ тогда еще не былъ женатъ, и Ермоловъ (старше его на шесть лѣтъ) тоже. П. Б.

[2]) Это была комиссія объ учрежденіи особаго войска для устроеннаго на Вѣнскомъ конгрессѣ Царства Польскаго. П. Б.

[3]) На Вѣнскомъ же конгрессѣ Александръ Павловичъ узналъ, что Талейранъ, Меттернихъ и Кастлре устроивали союзъ противъ Россіи. П. Б.

ступленіи арміи могла быть рѣчь послѣ только что такъ блистательно и такъ повидимому безповоротно оконченнаго похода, когда единственный нарушитель Европейскаго разновѣсія находился въ отдаленной, почетной ссылкѣ, а всѣ державы жаждали прочнаго и долгаго покоя? Понятно, что я не могъ дать самому себѣ никакого отвѣта на этотъ вопросъ и не счелъ себя въ правѣ сообщать кому бы то ни было о своемъ недоразумѣніи. Я выполнилъ данное мнѣ порученіе и затѣмъ уже былъ оставленъ Великимъ Княземъ въ Варшавѣ. По истеченіи очень недолгаго времени, сколько мнѣ помнится, отъ десяти дней до двухъ недѣль, въ то время, когда мы всѣ присутствовали въ дворцовой церкви на молебствіи по случаю годовщины какой-то побѣды Русскаго оружія, въ церкви распространился слухъ, что прибылъ курьеръ изъ Вѣны, что Наполеонъ бѣжалъ съ острова Эльбы, высадился въ Каннѣ и что наша армія должна немедленно выступать. Тогда только выяснилось мнѣ значеніе словъ Государя, при отправленіи меня въ Варшаву, и чѣмъ болѣе я останавливался на этомъ предметѣ, тѣмъ несомнѣннѣе мнѣ представлялось, что когда Александръ Павловичъ произносилъ при мнѣ эти слова, онъ уже зналъ о намѣреніи Наполеона покинуть островъ Эльбу *). Въ то время нашимъ военнымъ агентомъ при низложенномъ Французскомъ императорѣ состоялъ флигель-адъютантъ Чернышовъ (впослѣдствіи князь и предсѣдатель Государственнаго Совѣта) и, во время моего пребыванія въ Вѣнѣ, мнѣ было извѣстно, что Государь весьма часто получалъ отъ Чернышова секретныя донесенія, остававшіяся тайною для всѣхъ. Во мнѣ вкоренилось убѣжденіе, что Александръ Павловичъ не только зналъ, но ожидалъ попытки Наполеона вернуться во Францію, и даже не находилъ нужнымъ, въ данную минуту, принимать противъ этого какія-либо мѣры. Вспоминая про то раздраженіе и недовольство, которое весьма часто высказывалось Государемъ по поводу происходившаго въ засѣданіяхъ Конгресса, мнѣ думается, что онъ дозволялъ событіямъ развиваться естественнымъ путемъ, предоставляя себѣ право послѣдняго слова, когда наступитъ окончательная развязка. Опасаться чего либо существеннаго для общаго мира Европы отъ возвращенія Наполеона было невозможно, тѣмъ болѣе, что успѣхъ этого безумнаго предпріятія оказался впослѣдствіи совершенною неожиданностью для самого Бонапарта, а между тѣмъ вновь наступившая тревога могла возстановить всецѣло ослабѣвшее нѣсколько первостепенное значеніе Россіи въ вопросахъ Европейской политики. Подобныя предположенія, основанныя чисто на собственномъ, инстинктивномъ убѣжденіи, естественно никогда не могли быть провѣрены мною какими-либо фактами или свѣдѣніями; самый характеръ ихъ былъ таковъ, что мнѣ въ то время и не могло даже прійти въ голову коснуться ихъ въ разговорѣ съ кѣмъ-либо. Но тѣмъ не менѣе во мнѣ самомъ это убѣжденіе осталось неизмѣннымъ“. („Русскій Архивъ“ 1884, кн. I-я).

---

*) Находясь на островѣ Эльбѣ, Наполеонъ ждалъ отъ Вѣнскаго конгресса измѣненія своей участи и, можетъ быть, находился съ Александромъ Павловичемъ въ тайныхъ сношеніяхъ, которыхъ потомъ, на островѣ Еленѣ, тщетно добивался. П. Б.

ПИСЬМА КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО КЪ БРАТЬЯМЪ МУХАНОВЫМЪ [1]).

Москва, 4-го Марта 1826.

Сдѣлайте одолженіе, любезнѣйшій Николай Алексѣевичъ, помогите мнѣ въ разрѣшеніи слѣдующихъ распросовъ: будетъ ли до коронаціи производство изъ пажей въ каммеръ-пажи и въ такомъ случаѣ есть ли надежда, что молодой графъ Васильевъ, къ которому я съ вами ходилъ, поступитъ въ это число? [2]) Отъ кого зависитъ назначеніе пажей и каммеръ-пажей, отправляющихся въ Москву со дворомъ во время коронаціи? Отъ Павла Васильевича ли Кутузова [3]), или кого другого? Въ первомъ случаѣ можете ли быть у него ходатаемъ за Васильева съ тѣмъ, чтобы его въ Москву взяли? Въ иномъ случаѣ научите меня, кого и гдѣ о томъ просить. Когда встрѣтитесь съ Жуковскимъ, поговорите ему о томъ отъ моего имени: онъ можетъ также замолвить словечко кстати. Дайте себѣ трудъ отвѣчать мнѣ коротко, но ясно на мои вопросы. За докучливость мою не извиняюсь передъ вами, потому что увѣренъ въ вашей снисходительности. Что дѣлаетъ вашъ братецъ и скоро ли возвратится онъ въ Бѣлокаменную? Объ васъ и спрашивать нечего: какъ торжественная ода, вы не иначе появитесь у насъ, какъ по торжественному случаю.

Простите, любезнѣйшій Николай Алексѣевичъ. Скажите мой дружескій поклонъ братцу. Если онъ не скоро возвратится, то пускай сообщитъ онъ мнѣ нѣсколько литературныхъ сплетней, о Цвѣтахъ Сѣверныхъ, о кислой капустѣ Булгаринѣ и о другихъ овощахъ нашего Парнасса.

Жена вамъ обоимъ дружески кланяется и напоминаетъ Александру

---

[1]) Изъ 9-й частьи Щукинскаго „Сборника старинныхъ бумагъ“, стр. 192.

[2]) Князь Вяземскій, какъ и А. С. Пушкинъ, принимали участіе въ графѣ Алексѣ Владимировичѣ Васильевѣ, который до глубокой старости любилъ писать стихи, но, кажется, не печаталъ ихъ. П. Б.

[3]) Н. А. Мухановъ служилъ тогда адъютантомъ при Петербургскомъ генералъ-губернаторѣ графѣ П. В. Голенищевѣ-Кутузовѣ. П. Б.

Алексѣевичу, чтобы онъ вамъ поручилъ ея коммисіи. Напомните ему также о моемъ 5-мъ и 6-мъ томѣ Жанлисъ.

На оборотѣ: Милостивому государю Николаю Алексѣевичу Муханову въ С.-Петербургѣ.

*

6-ое.

Возвращаю вамъ съ благодарностью передпослѣднюю присылку, а вчерашнюю доставлю по слѣдующей почтѣ. Только позвольте замѣтить, что въ № Journal de Pétersbourg есть неисправность: вчера получилъ я № 77, а передъ тѣмъ 79-й. При семъ возвращаются оба. Поблагодарите за меня и Сленина за одолженіе. Зачѣмъ пріѣхалъ Дмитрій Давыдовъ? [1]) Скажите ему, если увидите, что изъ любви къ нему живу здѣсь на сахарномъ заводѣ [2]). Какими судьбами Шепелевъ вступилъ опять въ службу? Николай Михайловичъ Карамзинъ просилъ генерала Кутузова, чтобы, если можно, пажъ графъ Ефимовскій былъ опредѣленъ въ Москву на коронацію, и генералъ обѣщалъ содѣйствовать этому по возможности. Сдѣлайте одолженіе, напомните о томъ генералу отъ имени Екатерины Андр. Карамзиной и постарайтесь съ своей стороны устроить дѣло. Я въ вашемъ мастерствѣ уже убѣжденъ очевиднымъ опытомъ и вчера получилъ отъ г. Васильевой радостную и благодарную грамоту, которая по справедливости болѣе вамъ, чѣмъ мнѣ подобаетъ. Чтó значитъ главная квартира Государя, куда начальникомъ назначенъ Бенкендорфъ? Въ военное ли время только, или начальствуетъ ли онъ dans la maison de l'Empereur?

Простите, любезнѣйшій. Будьте здоровы и не задыхайтесь отъ дыма. И здѣсь лѣса и луга горятъ, но умѣреннѣе вашего. Наконецъ вчера дождались грозы и дождя, а то и мы, если не горѣли, то тлѣли. Сдѣлайте одолженіе, пришлите мнѣ Поѣздку въ Ревель.

Что за свинья и свинья Демидовъ, свинья, свиньинъ! Ай, ай, батюшка Николай Алексѣевичъ! Чтò вы со мною сдѣлали? Вы приняли меня, по выраженію Евангелія, за пса, который возвращается на свою блевотину и прислали мнѣ №№ Courrier и Débats давно уже у меня бывшіе и вамъ отосланные! Безпорядокъ-то видно не въ одномъ Почтамтѣ, но и въ вашемъ кабинетѣ; а вы откладывайте куда-нибудь въ особое мѣсто газеты для меня приготовленныя, а отъ меня возвращенныя въ

---

[1]) Извѣстный сахарозаводчикъ, отецъ Костромской игуменьи Маріи и княгини Долгорукой (супруги извѣстнаго сочинителя Россійской Родословной книги). П. Б.

[2]) Такъ называемой Zucker-fabrik на прекраснѣйшемъ взгорьѣ подъ Ревелемъ (нынѣ Маріенбергъ, дача гр. Орловой-Давыдовой). Тамъ проводило лѣто 1826 и слѣд. годовъ семейство Карамзина, и съ нимъ князь П. А. Вяземскій, въ сочиненіяхъ котораго находится два превосходныхъ стихотворенія съ описаніями Ревеля. П. Б.

другое, такъ и путаницы не будетъ. Вотъ я каковъ! У васъ прошу милостыни, да васъ же еще и учу и журю. Вы впрочемъ можете мнѣ сказать, что дареному коню и даровымъ газетамъ въ зубы не смотрятъ: что̀ за дѣло что онѣ старыя? Всякое даяніе благо! Это дѣло другое, и я долженъ замолчать.

И такъ возвращаю вамъ Французскіе №№, да и все прочее, такъ что у меня теперь вашего ничего нѣтъ. Просимъ новаго.

Il me faut du nouveau, n'en fut-il plus au monde, ou à la poste [1])!

17-го.

Возвращаю вамъ съ благодарностію предпослѣднія газеты, а вчерашнія возвращу по слѣдующей почтѣ. Благодарю и за бѣдственное приложеніе [2]), если можно благодарить за пораженіе кинжаломъ, облившее кровью мое сердце. Благодарю Бога, что меня нѣтъ въ Петербургѣ, но жалуюсь Ему что я въ Россіи. Хотя и ожидалъ я страха, но все не такого, и ударъ имѣлъ для меня весь ужасъ нечаянности. Сдѣлайте милость, скажите мнѣ по первой почтѣ что̀ узнаете о Тургеневыхъ и уѣхалъ ли Александръ Ивановичъ? Постарайтесь также узнать и объ участи бѣдныхъ Муравьевыхъ, матери и жены Никиты.

Спасибо за Ефимовскаго. Неужели въ самомъ дѣлѣ думаете вы, что я считаюсь съ вами письмами и пишу только тогда, когда вы мнѣ пишите? Молчаніе мое было неумышленное и невольное. Простите: нѣтъ ни силъ, ни духа писать. Мое сердце, мой умъ не здѣсь.

Вы пишите мнѣ о приказѣ съ исправительными наказаніями, но его нѣтъ въ присланныхъ бумагахъ. Доставьте. Давно не имѣлъ Сѣверной Пчелы. Послѣдній Телеграфъ присланъ мнѣ изъ Москвы. Послали ли вы женѣ роковыя бумаги?

*

20-го.

Возвращаю вамъ Courrier de Pays-bas. Вашего у меня болѣе ничего нѣтъ. Вчерашняя почта мнѣ ничего не привезла. Зашлите же въ харчевню къ блиннику Сленину; онъ меня вовсе забылъ: около двухъ недѣль не видалъ Сѣверной Пчелы и прочаго. Сдѣлайте одолженіе, узнайте также у St. Florent, есть ли у него для меня продолженіе Записокъ m-me Genlis: донынѣ имѣю только шесть томовъ отъ него; и не заплатилъ ли я ему впередъ за остальные livraisons? Съ нетерпѣніемъ ожидаю отъ васъ вѣстей объ Александрѣ Ивановичѣ. Уѣхалъ ли онъ за границу и пролгалась ли молва о братѣ?

---

[1]) Мнѣ нужно новаго, будь то въ свѣтѣ или на почтѣ.

[2]) Т. е. о судьбѣ постигшей Декабристовъ. П. Б.

Отошлите прилагаемое у сего письмо и возьмите на себя трудъ переслать къ намъ башмаки, когда они будутъ готовы. Если пакетъ будетъ не великъ, то можно и черезъ канцелярію, а не то пускай башмашница перешлетъ ихъ отъ себя и поставитъ въ счетъ вѣсовыя. Уѣхалъ ли князь Ѳедоръ *)? Я все еще не опомнился отъ вашей послѣдней присылки. Простите. Будьте здоровы и веселы, если можно быть веселымъ.

Уѣхалъ ли Булгаковъ въ Москву?

*

31-го.

Благодарю васъ за вчерашнее доставленіе Французской и Русской кухни. У меня еще есть и прежнія Франц. газеты; все возвращу въ цѣлости и на будущей недѣлѣ. Сдѣлайте одолженіе, велите по прилагаемой запискѣ пріискивать квартиру для Карамзиныхъ; дайте такую и въ справочной конторѣ и увѣдомьте меня, если найдется что удобное. Удержите мнѣ также два мѣста въ дилижансѣ, одно dans le fond, а другое съ переди рядомъ съ кондукторомъ между 25-мъ и 30-мъ Августа. Вотъ вамъ и отвѣтъ на вопросъ: долго ли еще пробуду здѣсь? Хочу выѣхать 20-го или 22-го. Не получая обстоятельнаго отвѣта отъ к. Алексѣя Голицына о коляскѣ его, оставленной въ Петерб., рѣшился я ѣхать въ дилижансѣ.

Простите, любезнѣйшій. Рука отказывается писать. Въ другой разъ будетъ она послушнѣе.

Если однакоже узнаете что̀ о коляскѣ отъ братьевъ Голицына, то рѣшите сами, какъ мнѣ ѣхать въ ней, или въ дилижансѣ; только не оставьте меня entre deux chaises le cul на перекладной, ce qui est encore bien pis que par terre. Надобно заранѣе увѣриться въ мѣстахъ въ дилижансѣ.

Мнѣ сказывали о письмѣ прощальномъ Рылѣева къ женѣ, которое ходитъ по рукамъ въ Петерб. Нельзя ли доставить?

*

7-го.

Благодарю васъ, любезнѣйшій, за вчерашнее доставленіе. У васъ теперь за мною три присылки; извините, что задерживаю ихъ такъ долго, но будьте покойны, ничего не потеряю. Даю газеты читать другимъ, и возвращаются онѣ ко мнѣ поздно. Присланное письмо меня сердечно тронуло и, такъ сказать, порадовало. Хорошо готовиться къ смерти позорной съ такимъ тихимъ, яснымъ расположеніемъ души. Жрецы могутъ поучиться у жертвъ. Все это еще давитъ память, какъ страшное

*) Князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Гагаринъ, на сестрѣ котораго женатъ былъ князь П. А. Вяземскій. П. Б.

сновидѣніе. Что̀ слышно объ эпохѣ коронаціи? Если вы узнаете, что нѣтъ много кандидатовъ на мѣста въ дилижансахъ, въ послѣднихъ числахъ Августа, то можете не брать заранѣе. Велите себя увѣдомлять, а если нѣтъ у васъ никого знакомаго тамъ, то дайте себѣ трудъ попросить отъ моего имени въ канцеляріи Булгакова, чтобы извѣщали васъ. Мнѣ должно быть въ Москвѣ 5-го числа вечеромъ: 6-го рожденіе жены. Въ Пет. хочется мнѣ пробыть дней шесть. Вотъ мои условія, а прочее предоставляю вамъ и судьбѣ.

Башмаки здѣсь, и дамы благодарятъ васъ за хлопоты. Простите, любезнѣйшій. У насъ было 5-го числа морская тромба, которая надѣлала много шума, но не доходило до бѣды, по крайней мѣрѣ для людей. Досталось только лодкамъ, деревьямъ и одной коровѣ. Вы спрашиваете о Ревельскомъ житьѣ-бытьѣ: по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, оно еще довольно пріятное, не безъ жизни и разнообразія. Природа прекрасная, погода неимовѣрная, добрые люди, женщины любезныя: вотъ хорошіе матеріалы—не такъ ли?

*

17-го.

Возвращаю вамъ всю Русскую стряпню и часть Французской; послѣдняя присылка еще за мною. Если вы мѣста мнѣ въ дилижансѣ еще не взяли, то и не берите; потому что мнѣ здѣсь предлагаютъ бричку за сходную цѣну: доѣду въ ней до Петерб., а тамъ рѣшусь какъ ѣхать. Во всякомъ случаѣ теперь Петерб. дилижансы не очень заняты: главное движеніе, а особливо же къ первымъ числамъ Сентября, будетъ изъ Москвы. Не знаю еще гдѣ остановиться; вѣроятно у Демута, или Андріё, не такъ ли? Сдѣлайте одолженіе, дайте знать, а еще вѣрнѣе, дайте трудъ себѣ лично оставить записочку въ канцеляріи Булгакова, чтобы позднѣе 21-го числа, т. е. Суботней почты на нынѣшней недѣлѣ, не высылали мнѣ писемъ въ Ревель, а оставляли бы ихъ до моего пріѣзда въ Петербургъ. Дождусь здѣсь почты въ Понедѣльникъ, а во Вторникъ т. е. 24-го числа въ ночь, думаю ѣхать. Карамзины здѣсь остаются, и на ихъ имена письма должны быть доставляемы въ Ревель по прежнему: дѣло только о моихъ.

Простите, любезнѣйшій. До скораго свиданія, если Богъ велитъ.

Меня подмываетъ, или подмываютъ ѣхать въ Петерб. моремъ, но врядъ ли удастся.

*

21-го.

Кочевая звѣзда моя все еще блуждаетъ. Передъ отъѣздомъ въ Петерб. хочу съѣздить еще моремъ въ Гельсингфорсъ искать слѣдовъ ва-

шего братца и любви къ Аврорѣ. Отправлюсь въ Понедѣльникъ и возвращусь въ Четвергъ, а къ вамъ пущусь въ Воскресенье 29-го. Вѣдь вы мнѣ мѣста въ дилижансѣ не взяли. Не такъ-ли? А не то, ради Бога, перемѣните. Вотъ Французскія газеты; у меня остаются еще два листа Débats. И такъ велите почтѣ, отправляющейся въ Середу 25-го числа, еще провезти мнѣ Московскія письма; а тамъ ужь шабашъ!

Обнимаю васъ и желаю веселиться.

23-го. Черезъ часъ, т. е. въ семь часовъ утра, сажусь на яхту и плывемъ, но только не въ Кяхту. Дня черезъ три въ четвертый надѣюсь быть дома. Но такъ какъ каламбуръ, который я сейчасъ выпустилъ въ письмѣ къ женѣ: *съ судна не встанешь, пока не сходишь совсѣмъ*, справедливъ, то на всякій случай прошу васъ отмѣнить мое порученіе почтъ-амту, чтобы писемъ сюда на мое имя болѣе не высылали. Пускай высылаютъ. Совершилась ли вчера коронація? Мы здѣсь ничего не знаемъ, а мнѣ очень не хотѣлось бы ввалиться въ Москву въ самый разваль праздниковъ и торжествъ. Простите, любезнѣйшій. Молитесь за спасеніе души моей и тѣла!

Болѣе газетъ у меня вашихъ нѣтъ.

*

28-го.

Вчера блудный сынъ, то-есть блуждающій, а право вовсе не блудящій, возвратился изъ Гельсингфорса и нашелъ ваше письмо, за которое сердечно благодаритъ. Я еще не успѣлъ осмотрѣться и не назначилъ дня отъѣзда, потому что за вѣтрами противными долѣе предполагаемаго прокатался на морѣ. Dites à votre frère, que j'ai trouvé Helsingfors encore tout plein de son amour pour la belle Aurore et qu'on m'en a parlé de tout côté. Къ сожалѣнію не могъ я ее видѣть, она была въ деревнѣ; но если день еще вѣтръ продержалъ бы меня въ плѣну, то должны мы были ѣхать поклониться Утренней Зарѣ. На той недѣлѣ выѣду, а въ который день, не знаю, только сухимъ путемъ. Простите, любезнѣйшій, до скораго свиданія! Не изъ тучки громъ гремитъ: кто могъ бы ожидать войны съ Персіею? Денисъ уже поскакалъ туда. Тамъ ли Грибоѣдовъ?

*

27-го Апрѣля.

Любезнѣйшій Николай Алексѣевичъ! Податель этого письма François *Lopato*, Польскій ребенокъ, превосходный піанистъ. Поручаю его благосклонности вашей и прошу васъ быть его покровителемъ при генералѣ вашемъ и при публикѣ, когда онъ дастъ концертъ. За исключе-

ніемъ или и сверхъ таланта своего, онъ очень милъ. Что̀ вы подѣлываете? Здѣсь говорятъ, что вы влюблены. Не говорятъ ли у васъ, что братецъ вашъ Александръ влюбленъ? Не будете ли къ намъ? Или вы мнѣ скажете:

Могучей страстью очарованъ *)
Навѣкъ у Мойки остаюсь.

Сдѣлайте одолженіе, поблагодарите отъ меня членовъ вашего Англійскаго клуба, отвергнувшихъ Булгарина. Видаетесь ли вы съ Сомовымъ? Спросите у него, есть-ли надежда, чтобы когда-нибудь издали Звѣздочку въ пользу вдовы Рылѣева и семейства Бестужевыхъ; а если нѣтъ, то не можетъ ли онъ выручить мои стихи тамъ задержанные? Пѣсню *Катай, валяй,* сказку *Даръ все дѣлать не въ попадъ* и посланіе къ графинѣ Кутайсовой? Въ случаѣ возможности, доставьте ихъ мнѣ.

Простите, любезнѣйшій. Влюбляйтесь и влюбляйте и насъ не забывайте. Вяземскій.

Сдѣлайте одолженіе, рекомендуйте отъ меня Лопату графинѣ Бобринской-Самойловой и скажите, что лично не рекомендую, чтобы избавить ее отъ скуки письма моего.

*

Ревель, 19-го Іюня.

Благодарю васъ, любезнѣйшій и исправнѣйшій заочный собесѣдникъ, за исполненіе моихъ порученій, грамотку и три отрывка иностранныхъ газетъ, которые возвращаю на другой же день послѣ полученія ихъ, что̀ буду и впредъ дѣлать съ тою же точностію. Только кормите меня и Русскими ватрушками: Пчелою, Сыномъ Отечества, Телеграфомъ, даже Вѣстникомъ Европы; если у васъ всей этой дряни не водится, то попросите у Дельвига, или кого другого и пересылайте, а я все буду возвращать скоро и сполна, какъ блевотину, которою худой желудокъ возвращаетъ дурно свареную пищу.

Повидайтесь съ Тургеневымъ. Онъ можетъ быть до отъѣзда передастъ вамъ дѣло мое съ принцемъ Гогенлоэ по найму моего Московскаго дома. У него всѣ мои бумаги и наставленія по сему предмету Сдѣлайте одолженіе, возмите это дѣло на ваше дружеское попеченіе. Ничего еще вамъ сказать не могу о моемъ Ревельскомъ пребываніи: никого не видалъ, да и видѣть-то не хочется. Переѣзжаемъ сегодня на другую дачу на берегъ моря, живописный и прелестный. Уѣхалъ ли Васильевъ? Послали ли вы женѣ записку? Нѣтъ ли еще чего нибудь

*) Стихъ Пушкина. П. Б.

напечатаннаго? Въ такомъ случаѣ не забывайте ни ее, ни меня. Да сообщайте на досугѣ офиціальныя сплетни. Будьте здоровы и довольны. Когда станете писать братцу, перешлите ему мой сердечный поклонъ. Преданный вамъ Вяземскій.

Перешлите записочку къ князю Θедору.

*

Ревель, Іюня 29-го (1826).

Вотъ вамъ Французскіе пирожки, а Россійскихъ ватрушекъ все еще нѣтъ. Желудокъ тоскуетъ по кисломъ молокѣ. Кажется, въ присылкѣ пирожковъ послѣдовалъ у васъ маленькій безпорядокъ. Замѣчаю вамъ о томъ для вашего свѣдѣнія и чтобы послѣ не обвинили меня въ недостаткѣ №№-въ. Вмѣсто обѣщанныхъ два Courrier, только одинъ нахожу у себя листокъ Journal de St.-Pétersbourg. Не вашъ ли и ошибкою не пошелъ ли онъ за Courrier? Въ Débats 12-й № передъ 16-мъ? Такъ ли и вы получили изъ ежевыхъ рукавицъ ценсуры? Какъ бы ни было, а все же спасибо за одолженіе и дружеское вниманіе. Спасибо и за Французскій отчетъ. Послали ли вы такой и женѣ въ Москву? Мнѣ очень жаль графа Орлова *). Я его любилъ, и онъ былъ добрый человѣкъ. Въ немъ была Европейская благонамѣренность въ умѣ и обращеніи. Пожалуй говори, что не онъ писалъ свои книги; спасибо ему и за то, что Русскій графъ и Русскій баринъ нѣсколько тысячей душъ искалъ онъ отличія авторскаго и слѣдовательно признавалъ его въ душѣ. А большая часть нашихъ баричей презираетъ умъ и чванится презрѣніемъ своимъ! Лучше же быть Чупятовымъ въ каталогѣ, чѣмъ въ спискѣ государственныхъ вельможей-кавалеровъ. Иной подлостію покупаетъ званіе министра или Андреевскаго кавалера; Орловъ за деньги покупалъ званіе автора. Право, честнѣе быть въ его кожѣ, чѣмъ въ другой! Кто-то сказалъ, que l'hypocrisie du comte Orloff était un hommage qu'une vanité bien entendue payait à l'esprit. Впрочемъ переводъ басней Крылова есть его твореніе. Въ этомъ предпріятіи есть умъ и чувство и патріотизмъ и Европейская замашка. Вотъ вамъ ни къ селу, ни къ городу похвальное надгробное слово Орлову. Радъ, что вы не поспѣшили заслужить отъ меня подобное и не дохлебнули горячки своей. Здравствуйте долго тѣломъ и духомъ. Дѣло по моему дому перешло уже въ другія руки, и мнѣ остается только благодарить васъ за доброе намѣреніе. Кланяйтесь к. Θедору. Получилъ ли онъ свою коляску и мое письмо, и что его дѣло? До свиданія.

---

*) Сенаторъ графъ Григорій Владимировичъ Орловъ, скончавшійся отъ удара въ засѣданіи Сената по дѣлу декабристовъ. П. Б.

Въ Суботу здѣсь будетъ Франц. спектакль. Вѣчный Бордо играетъ съ Alphonse, женою его, и Dufour въ пользу Нѣмецкихъ актеровъ.

*

11-го Декаб. 1827.

Благодарю васъ, любезнѣйшій, за ваше письмо. Я и самъ долго не отвѣчалъ вамъ потому, что все это время былъ въ хлопотахъ, каждый день думалъ ѣхать и былъ отъ этой лихорадки обстоятельствъ глупъ, скученъ и въ досадѣ. Теперь кое-какъ уладилъ свои дѣла и сегодня въ ночь ѣду къ женѣ, куда меня давно зоветъ сердце и безпокойствіе по Павлушѣ *), который былъ въ кори и все еще по сію пору не совсѣмъ здоровъ. Полевой сказывалъ мнѣ, что переводъ съ письма присланнаго вами къ .... еще прежде былъ у него напечатанъ. Послѣднюю статью вашу отдалъ ему, а если онъ не захотѣлъ бы ее напечатать, то въ другой журналъ, благо они разведутся на будущій годъ какъ площица. Я съ будущаго года уже не журнальный подмастерье и отказался отъ Телеграфа безъ всякой ссоры и разрыва, а такъ отъ скуки и отъ того, что предстоятъ мнѣ многія поѣздки и слѣдовательно мало времени для постояннаго занятія. Радуюсь вашимъ и желаю, чтобы дѣятельность службы удовлетворила потребностямъ ума и души. А мы здѣсь все пляшемъ, но только на одной ногѣ, и потому веселія хромаютъ. Братецъ вашъ никакъ влюбиться не можетъ и хулитъ нашихъ красавицъ, даже нашу безподобную княжну, которая очень мила и ведетъ себя пока добропорядочно. Простите, любезнѣйшій. Дай Богъ во всемъ успѣха вамъ. Напишите мнѣ когда нибудь на имя жены моей въ Пензу.

Кланяйтесь Муравьеву, когда увидите его. Чтò его трагедія?

На оборотѣ: Милостивому государю Александру Алексѣевичу Муханову.

*

22-го. Царское Село. Четвергъ за полночь (1828).

Сдѣлайте одолженіе, любезный измѣнникъ, напомните Голицыну *Чернорѣцкому* о книгахъ мнѣ обѣщанныхъ и перешлите ихъ ко мнѣ въ Москву въ мой домъ на имя Демида Ѳедорова Муромцева управляющаго; не худо бы при сей вѣрной оказіи, или хотя и безъ сей оказіи вамъ прислать мнѣ карты Турецкую и дорожную Русскую. Скажите мнѣ, чтò онѣ будутъ стоить и тотчасъ деньги вышлю; также заплатите и за книги Голицына, буде книги будутъ. У St. Florent эти книги находятся, и онъ только ждетъ разрѣшенія, чтобы ихъ отпустить. Скажите Пушкину непремѣнно и пожалуйста немедленно:

Вотъ какъ отнюдь нáмъ, братцы, людямъ темнымъ, нельзя судить.

*) Единственный тогда сынъ поэта, князь Павелъ Петровичъ. П. Б.

Отнюдь тѣмъ слово хорошее, что оно историческое. Онъ вамъ все это объяснитъ. Сейчасъ ѣду въ коляскѣ Ивана Гаврилова. Молитесь Богу за здравіе этой коляски, а не то всѣ проклятія мои обрушатся на васъ. Мой сердечный поклонъ Павлу Александр., князю Сергѣю Голицыну. Скажите ему, что жду его ѣхать въ Астрахань. Обнимаю васъ.

*

Благодарю васъ, любезнѣйшій, за подорожныя и лошадей. Князь Ѳедоръ отдастъ вамъ мою харю, письмо къ Пушкину, которое отдайте Дельвигу, отвѣтъ на записку вашу о Муравьевѣ и 175 руб. денегъ. Не забудьте послать женѣ записку о подсудимыхъ и все, что печатнаго по сему дѣлу выходить будетъ, также и ко мнѣ. Не забудьте и письма въ Парижъ съ донесеніемъ и запискою въ двухъ пакетахъ, или просто князю Василію confié aux soins obligeans de mr. Lomonossoff secrétaire de l'ambassade de Russie.

*

24-го.

Вы совершенно отъ меня отказались, любезный Николай Алексѣевичъ: вотъ уже двѣ почты что ничего отъ васъ не получаю. Но я отъ васъ не отказываюсь и по старому на васъ навязываюсь. Сдѣлайте одолженіе, доставьте прилагаемое письмо Дашкову; онъ живетъ на Мойкѣ въ домѣ Кувшинникова; а можетъ быть, выѣхалъ онъ уже въ Москву; въ такомъ случаѣ узнайте объ адресѣ его, или на порогѣ у Булгакова, если онъ еще въ Петербургѣ, или въ канцеляріи Нессельроде, или у сенатора Полетики, или у барона Строганова, или у Дельвига, или гдѣ хотите, только отошлите письмо повѣрнѣе, ибо оно нужное.

Простите и не продолжайте забывать меня.

*

Что дѣлаете, любезнѣйшій невидимка? Если сегодня рано выѣдете, то заѣзжайте ко мнѣ въ половинѣ десятаго, а въ десять часовъ я долженъ выѣхать. А не то гдѣ бы намъ съѣхаться? Въ которые часы бываете обыкновенно дома? Дибичъ назначенъ главнокомандующимъ. Заказали ли вы сигарочницу? А не то пришлите мнѣ свою на минуточку для образца. До свиданія. Сегодня могу располагать обѣдомъ, вечеромъ могу васъ везти на балъ. Чего прикажете?

Субота.

Податель сихъ строкъ поваръ, рекомендованный вашимъ поваромъ. Не угодно ли вамъ его отвѣдать?

28 Декабря.

*

На конвертѣ: Monsieur Nicolas de Mouchanoff. Près du magazin Anglais, maison du tailleur Peters.

Vous avez voulu, mon cher Mouchanoff, m'envoyer votre извощикъ. Faites-le, je vous prie et recommandez moi à son honnêteté. A quelle heure allez vous chez Odoewski et comment y va t'on, cravatte noir et bottes? N'est-ce pas? Où loge-t-il? Mille amitiés. Wiasemski.

Подательница сихъ строкъ, вдова служившаго въ полиціи. Я говорилъ вамъ о ней вчера, любезнѣйшій Николай Алексѣевичъ. Справьтесь, гдѣ ея просьба и можно ли ей ждать успѣха. Да, сдѣлайте одолженіе, не будьте въ этомъ случаѣ Петербургскимъ жителемъ, а добрымъ Москвичемъ: не отдѣлывайтесь учтивыми фразами, а приложите къ этому дѣлу свое доброе сердце и человѣколюбивое усердіе. Она хлопочетъ о пенсіи; а между тѣмъ у нея есть дочка малолѣтная, которую хотѣлось бы ей помѣстить въ какое нибудь заведеніе. Подъ начальствомъ генеральши Кутузовой есть что-то въ этомъ родѣ. Устройте и это доброе дѣло, если можно. Простите. Да сердце надоумитъ вамъ доброе.

15-го Мая.

Вотъ еще просьба, только будетъ ли всемилостивѣйшее разрѣшеніе?

Въ Адресъ-Календарѣ, въ спискѣ Анненскихъ кавалеровъ 4-й степени 99-го года 8-го Октября, значится Петръ Александровичъ Кологривовъ *), въ чинѣ генералъ-маіора (онъ же полагалъ себя полковникомъ). Справиться нужно въ орденскомъ капитулѣ, что̀ онъ именно генералъ-маіоръ или полковникъ. Въ 1827-мъ году онъ писалъ въ капитулъ о разрѣшеніи недоумѣнія своего и доносилъ, что его послужныя бумаги сгорѣли и потому нужны ему объясненія. Капитулъ отвѣчалъ ему, чтобы онъ прислалъ бумаги. Въ томъ и дѣло, что бумагъ у него нѣтъ. Справьтесь, гдѣ и какъ привести мнѣ это дѣло въ ясность, а для дальнѣйшихъ розысканій я готовъ ѣхать куда и къ кому нужно. Только заготовьте мнѣ дорогу. А полицейская вдова? А карты географическія? А мои книги? А вы на лицо? Ничего нѣтъ. Сейчасъ ѣду въ Царское Село до Четверга. Въ Пятницу ѣдемъ въ Кронштадтъ съ Мицкевичемъ, Пушкинымъ, Сергѣемъ Голицынымъ и проч. Поѣзжайте съ нами. Простите, батюшка Николай Алексѣевичъ. Заплатилъ ли я вамъ, или человѣку вашему за визитныя карточки? Если нѣтъ, то еще разъ простите, батюшка Николай Алексѣевичъ. Ради Бога и Государя не забывайте моихъ нижайшихъ просьбъ.

*

Милостивый государь Владиміръ Алексѣевичъ.

По извѣстному дружескому расположенію ко мнѣ братца вашего Николая Алексѣевича, осмѣливаюсь просить васъ сообщить мнѣ, если

*) Вотчимъ супруги князя П. А. Вяземскаго. П. Б.

можно и если нѣтъ въ нихъ ничего посторонняго, письма его, въ коихъ описываетъ онъ послѣднія Петербургскія происшествія. Вы знаете, что онъ былъ благодѣтельнымъ моимъ вѣстникомъ Европы (и слава Богу, не Каченовскаго изданія) въ холерное время. Время холерное и нынѣ, и также въ деревнѣ: слѣдовательно дайте братцу вашему способъ благодѣтельствовать мнѣ и заочно и не бойтесь огласки отъ меня. Въ Середу возвращусь въ городъ и привезъ бы я обратно къ вамъ письма ваши, а если угодно пришлю и ранѣе. Мнѣ говорили также о письмахъ братца вашего къ Кристину; если въ нихъ болѣе подробностей, нежели въ вашихъ, исходатайствуйте у него позволеніе показать ихъ мнѣ. Вы видите, какъ я увѣренъ въ дружбѣ братца вашего ко мнѣ и какъ спекулирую на дружбу вашу къ нему. На этихъ соображеніяхъ основываю надежды мои и на всякій случай именемъ его прошу васъ снисходительно простить мнѣ мою докучливость и почти наглость. Когда будете писать къ Николаю Алексѣевичу и къ кандидату господарства Валакскаго или Молдавскаго, потрудитесь передать имъ мое сердечное привѣтствіе. Позвольте мнѣ съ такою же искренностью засвидѣтельствовать вамъ, милостивый государь, увѣреніе въ отличномъ моемъ почтеніи и неизмѣнной преданности. Вяземскій.

Остафьево, Іюля 4-го 1831.

Что̀ говорятъ послѣднія холерныя вѣдомости о числѣ больныхъ въ Петербургѣ?

*

Черная рѣчка. Августа 20-го 1832 г.

Мнѣ очень было пріятно, любезный Александръ Алексѣевичъ, получить письмо ваше. Вы такъ долго безъ вѣсти пропадали для друзей вашихъ. Поздравляю съ возвращеніемъ на родину Бѣлокаменную, хотя возвращеніе ваше было вынуждено и печальными обстоятельствами. Жалѣю, что не я васъ тамъ встрѣтилъ. По крайней мѣрѣ ожидаю здѣсь вознагражденія. Мы помянемъ лѣта минувшія и воскресимъ Москву намъ современную съ глазу на глазъ. Извините меня, что поздно отвѣчаю вамъ, я это время былъ боленъ и озабоченъ маленькими хлопотами; но главное дѣло ваше забыто не было. Я не могъ совершенно поступить такъ, какъ вы хотѣли. Признаюсь откровеннно, мнѣ неловко было обратить Австрійскаго посла *въ любовную почту*, а ваше письмо крѣпко ошибло мнѣ носъ любовнымъ запахомъ. Неприлично было бы дать письму видъ и другой таинственности. Къ тому же изъ словъ вашихъ вижу, что у васъ есть недоброжелатели при извѣстной особѣ, слѣдовательно и это письмо могло быть поводомъ къ огласкѣ. Сознайтесь сами, мнѣ никакъ нельзя было впутать во все это человѣка а̀ са-

ractère public, не употребляя во зло довѣренности его. Съ Татищевой сношенія мои давно прекращены долговременнымъ отсутствіемъ; съ другой стороны никого не знаю изъ нашей Вѣнской миссіи, слѣдовательно и эта дорога была мнѣ заперта. Въ такомъ случаѣ избралъ я mezzo termine и отдалъ письмо ваше Хитровой, матери г-жи Фикельмонтъ. Она въ частыхъ сношеніяхъ съ Вѣною и обѣщала мнѣ передать письмо ваше въ вѣрныя руки. Вотъ и отвѣтъ ея на записку мою по сему предмету. Вы увидите, что росписка обѣщана. Такимъ образомъ и овцы цѣлы, и волки сыты. Желаю, чтобы письмо ваше дошло до назначенія своего безъ злополучныхъ приключеній и получили вы удовлетворительный отвѣтъ. А что̀ скажетъ о томъ ваша княжна,

Богоподобная царевна
Киргизъ-Кайсацкія орды?

Видѣли ли ее съ пріѣзда? Прошу передать ей мой вѣрноподданническій поклонъ. О себѣ сказать вамъ нечего. Живу потому, что живется, а похоти къ жизни мало. Да, кстати, мы съ вами вдвойнѣ сослуживцы: видѣли ли вы мои стихи къ Аврорѣ, и ее видѣли ли? Когда будете писать къ Астраханскому проконсулу, кланяйтесь ему отъ меня. А вашъ проконсулъ княжествъ будетъ ли сюда? Простите, любезнѣйшій. Какъ скоро что узнаю о письмѣ вашемъ, донесу немедленно. Пріѣзжайте скорѣе сюда. Языкъ безъ костей, а рука костяная. Легче наговориться, нежели написаться. Въ Москвѣ ли Евгеній Баратынскій? Обнимите за меня, когда увидите. У Закревской была крошечная холерочка, но Богъ вынесъ. Обнимаю васъ. Вяземскій. Братцу вашему Влад. Алекс. напомните обо мнѣ. Каково здоровіе его?

Записка князя Вяземскаго къ Е. М. Хитровой.

Avez-vous eu la bonté d'envoyer à Vienne la lettre *mystérieuse*, que je vous avais confiée? Comme j'écris maintenant à la personne qui s'y intéresse, je voudrais avoir queqlue chose de satisfaisant à lui dire. Mille hommages.

На оборотѣ: Madame. Madame de Hitroff.

(На запискѣ князя Вяземскаго къ Е. М. Хитровой написано карандашомъ: «Elle est partie *depuis huit jours*, *recommandée* à une personne de confiance et avec la prière de vous envoyer un *reçu*»).

НИКОЛАЙ ӨЕДОРОВИЧЪ ӨЕДОРОВЪ.

Мыслитель *).

Если наука, философія и богословіе въ своихъ отношеніяхъ къ вопросу о причинахъ розни и вражды и о средствахъ къ ихъ прекращенію отличались равнодушіемъ и уклончивостью, то отношеніе къ тому же вопросу другихъ сферъ (юридической, политической, этической и экономической) характеризуется недостаткомъ глубины и вдумчивости, отсутствіемъ радикализма.

Однимъ изъ самыхъ наглядныхъ доказательствъ долговременности и закоснѣлости розни между людьми служитъ то, что наиболѣе признаннымъ и полезнымъ способомъ объединенія считается способъ какъ разъ наиболѣе искусственный, поверхностный и малодѣйствительный, *юридическій*. Авторитетъ его—законъ, опирающійся на награду и наказаніе: эти два столба, на которыхъ неизмѣнно красуются вѣсы правосудія со временъ недавно воскрешеннаго трудами археологовъ древнѣйшаго кодекса Вавилонскаго царя Гаммураби (современника Авраама) до нашихъ человѣколюбивыхъ дней, все еще нуждающихся въ „лѣстницѣ наказаній", хотя опытъ тысячелѣтій, казалось бы, достаточно доказалъ, что не по ней возвращаются къ потерянному раю добродѣтели. Общество, считающее своимъ идеаломъ равенство, свободу и братство, повидимому, очень мало вѣритъ въ успѣшность добровольнаго обращенія къ своимъ кумирамъ: иначе XIX вѣкъ не былъ бы поглощенъ такою непрерывною, усиленною работою надъ законодательною охраною ихъ, не сдѣлалъ бы изъ легальности главной опоры своей, забывая, что обиліе законовъ обратно пропорціонально степени установившейся свободы, что равенство должно бы дѣлать законы малочисленными, а истинное братство и совсѣмъ ненужными. Ясное дѣло: ростъ законодательной работы, борьба изъ за законодательной власти, усиліе сдѣлать чуть не каждаго гражданина законодателемъ, свидѣтельствуютъ не только о глубокомъ недовѣріи членовъ общежитія другъ къ другу, но и объ убѣжденіи въ безсиліи его идеаловъ обойтись безъ помощи ребяческой указки и старческой клюки закона.

Что современная „культура" не ошибается въ столь нелестномъ мнѣніи о самой себѣ, доказывается несоразмѣрностью роста правосознанія съ созна-

---

*) См. выше стр. 180.

ніемъ обязанностей. Какой повсемѣстный, какой непрерывный хоръ требованій расширенія правъ личностей и корпорацій, уваженія къ правамъ! И насколько рѣже призывы къ охранѣ обязанностей, къ добровольному умноженію и расширенію ихъ! На легіоны недовольныхъ недостаточностью вольностей и правъ и излишкомъ труда и платежей есть ли голоса, заявляющіе о недостаточности возложенныхъ на нихъ повинностей, о желаніи работать и платить сверхъ нормы, или, выражаясь короче, видимъ ли мы превышеніе добровольнаго надъ обязательнымъ? Не успѣютъ явиться на свѣтъ Божій благородныя попытки добровольнаго служенія общему благу, какъ ихъ спѣшатъ уже „упорядочить“ регламентомъ, замѣнить ихъ свободную жизнеспособность оффиціальною правоспособностью подъ сѣнью закона. Это называется правильною организаціей дѣла, упроченіемъ его общественнаго положенія, хотя тѣ, въ комъ живъ высшій законъ нравственный, „законъ совершенный свободы“ (Іак. 1, 25), могли бы сравнить этотъ процессъ съ „выниманіемъ души“ на вдумчивыхъ старинныхъ изображеніяхъ Страшнаго Суда. Или въ самомъ дѣлѣ, какой бы то ни было уставъ въ состояніи замѣнить непринужденный порывъ любви, духъ животворящій?.. Конечно, духъ святой, духъ истины и добра есть и „духъ порядка“, а не произвола, не безчинства но вѣдь и порядокъ крѣпокъ сознаніемъ его необходимости и любовью къ нему, а не Уставомъ благочинія и полицейскимъ дозоромъ. Сами протестующіе противъ того и другого не замѣчаютъ, что, замѣняя эти архаическія мѣры новѣйшимъ усовершествованнымъ законодательствомъ, они не измѣняютъ сущности юридическаго способа объединенія, который даже въ самыхъ утонченныхъ своихъ формахъ остается все же пріемомъ внѣшнимъ, искусственнымъ и подневольнымъ.

Говоря такъ, упраздняемъ ли мы, по слову Л. Н. Толстого, юридическій и гражданскій порядокъ, или-же, по слову апостольскому, утверждаемъ его? Утверждаемъ... до наступленія времени „освобожденія отъ этой, еще неизбѣжной необходимости. Легко, конечно, говорить: „Не суди и не судись!“, но говорить это могутъ лишь тѣ, которые не дали себѣ труда подумать, что-же нужно, чтобы не было необходимости въ судахъ и осужденіяхъ? Попрекать могутъ лишь тѣ, что видятъ одни только явленія, каковы: судъ, войско и все современное устройство общежитія, но не обращаютъ вниманія на причины, на условія, вызывающія эти явленія, не хотятъ знать, что безъ измѣненія причинъ и условій не измѣняются и явленія, какъ бы мы на нихъ ни нападали“. („31-я годовщина Воронежскаго Окружнаго Суда“ въ газетѣ „Донъ“ 17 Дек. 1898. № 139).

Къ существеннымъ же измѣненіямъ причисляемъ мы перемѣну взгляда на значеніе юридическаго способа объединенія. Преувеличеніе цѣнности его такое же неуваженіе къ достоинству права, какъ и уменьшеніе ея. У насъ, и еще болѣе на Западѣ, нравственную зрѣлость обыкновенно измѣряютъ степенью регуляціи общественной жизни, легальностью, тогда какъ на самомъ дѣлѣ зрѣлость обратно пропорціональна необходимости обузданія общественной жизни нормами юридическими. Правовой порядокъ съ его нормою (зако-

номъ) и опорою (правосудіемъ), сводящимися на награду и наказаніе, тогда только будутъ на высотѣ своего призванія (притомъ же только временнаго, только переходнаго), когда въ основу своей дѣятельности они положатъ не надменное сознаніе своего достоинства и своихъ верховныхъ будто-бы правъ надъ жизнью, а смиренномудрое признаніе своей слабости и недостаточности, то-есть когда они *нравственное* предпочтутъ *юридическому* и поймутъ, что все юридическое есть только печальный неизбѣжный спутникъ несовершеннолѣтняго человѣчества въ его движеніи къ сверхзаконному, къ нравственному (Та-же статья).

Такое сознаніе должно оказать оздоровляющее вліяніе на рѣшеніе вопроса о причинахъ всемірной розни и вражды. Поиски причинъ естественно обратятся въ иную сторону и съ бо̀льшими вѣроятіями успѣха, какъ скоро общество проникнется убѣжденіемъ, что въ классификаціи не-братскихъ отношеній первое, худшее, наиболѣе не-братское мѣсто занимаютъ именно тѣ отношенія, которыми чаще всего надѣются объединить людей: гражданскія, юридическія („Вопросъ о причинахъ неродственнаго состоянія міра"), построенныя на взаимномъ недовѣріи и на искусственной охранѣ справедливости. Воспитанные въ такъ называемомъ правовомъ порядкѣ, мы настолько отчудились отъ естественныхъ, родственныхъ основъ солидарности, что зовемъ суды храмами справедливости (Юстиціи), храмами правосудія, какъ будто храмъ, святилище любви и согласія, можетъ быть мѣстомъ суда и наказанія, этихъ спутниковъ раздора и ненависти, какъ это и показалъ Тотъ, Кто приведенную къ порогу храма грѣшницу предоставилъ осудить лишь тѣмъ, кто безгрѣшенъ, Самъ же, безгрѣшный, простилъ ее. Но и для осужденныхъ (по существующимъ условіямъ теперешняго общества) на тяжелое, небратское дѣло всегда судить братьевъ развѣ не желателенъ выходъ изъ этой печальной повинности не путемъ передачи ея другимъ, а путемъ такой перемѣны, которая устранила бы поводы къ суду, то-есть не-братскія отношенія, рождающія преступленія? (Та-же статья). Не желателенъ-ли такой складъ жизни, гдѣ не было бы ни подсудимыхъ, ни судей, гдѣ самый законъ принудительный, который лишь „преступленія ради приложися", смѣнился бы „закономъ совершеннымъ, закономъ свободы?"

Не ясно ли, что и законъ, и судъ установленія лишь временныя, неустранимыя лишь среди нравственно-несовершеннолѣтнихъ, хотя бы и взрослыхъ по возрасту? И не великое ли заблужденіе возводить временное несовершенство въ зло вѣчное, да еще придавать ему достоинство высшей власти? Такой взглядъ, замедляющій переходъ отъ юридическаго къ нравственному и потому чрезвычайно вредный, есть одно изъ слѣдствій правила современной науки ограничиваться установленіемъ только фактовъ дѣйствительности, не внося въ свою програму проекта, который данное въ природѣ можетъ измѣнить въ нравственно-долженствующее быть. Юристы, какъ и естествоиспытатели, ограничиваются изученіемъ фактовъ, явленій, а не причинъ, по крайней мѣрѣ не основныхъ причинъ, поощряемые къ этому отчасти тѣмъ фальшивымъ положеніемъ, которое создается въ данномъ случаѣ раздѣленіемъ

наукъ, означающимъ именно отдѣленіе слѣдствій отъ причинъ. Обращая науку на изученіе законовъ только явленій (ихъ послѣдовательности, совмѣстности и т. д.), это раздѣленіе обрекаетъ человѣка на незнаніе причинъ угнетающихъ его бѣдствій, а между тѣмъ только невѣдѣніе этихъ причинъ придаетъ ихъ слѣдствіямъ видъ неизбѣжности и вѣчности. Наоборотъ, наука о причинахъ небратскаго состоянія можетъ достигнуть всесторонняго знанія только объединеннымъ трудомъ спеціалистовъ всѣхъ отраслей вѣдѣнія; вмѣстѣ съ тѣмъ она же раскрываетъ и цѣль знанія, высшую, нравственную цѣль, превращающую знаніе изъ пассивнаго въ проективное и активное. („Вопросъ о причинахъ неродственнаго состоянія міра").

Въ противоположность этой объединяющей тенденціи проективнаго знанія, историки права привѣтствуютъ въ лицѣ Гроція, Гоббса и Пуффендорфа разрывъ его съ богословіемъ и переходъ отъ навѣянныхъ богословскимъ вліяніемъ разсужденій о „первоначальномъ состояніи человѣческой невинности" (status innocentiae), какъ точки отправленія права, къ положительному изученію его источниковъ, почерпаемыхъ изъ природы человѣка не идеальной, а такой, какою она представляется въ далеко несовершенной дѣйствительности. Но если системы права, выведенныя изъ свойствъ человѣка какъ существа богоподобнаго, оказались ненаучными, то противоположныя имъ системы, выведенныя изъ свойствъ человѣка звѣроподобнаго („Homo homini lupus" Гоббса) были въ самомъ корнѣ безнравственны. Это не помѣшало имъ стяжать научный успѣхъ. Еще недавно соціологія находилась подъ гипнотическимъ вліяніемъ біологіи и съ восторгомъ привѣтствовала опыты объясненія развитія человѣческаго общества по типу животнаго организма, видя въ этомъ примѣненіе метода точнаго знанія къ наукамъ общественнымъ. Радоваться однако было нечему, по крайней мѣрѣ для тѣхъ, кого огорчаютъ раздоръ и вражда между людьми. „Несовершеннолѣтіе въ томъ и выражается, что человѣчество, подвергаясь внѣшнему вліянію, пересилить которое разумно и нравственно оно еще не умѣетъ, складывается въ слѣпой организмъ". („Вопросъ о причинахъ и т. д."). „Организмъ же основанъ на подчиненіи частей, а не на братствѣ, и всѣ сословія, какъ члены организма, представляютъ небратскія состоянія, пребывающія не въ согласіи, а въ подчиненіи". („Историческій очеркъ"). „Общества гражданскія, экономическія или торговыя не могутъ считаться мирными... всякое гражданское общество носитъ въ себѣ войну, нерѣдко явную, а скрытую всегда... Борьба эта, хотя и безкровная, небезболѣзненна и смертоносна". („О средствахъ возстановленія родственныхъ отношеній между людьми"). Если бы не ограниченія и противодѣйствія со стороны государственной власти, она не замедлила бы обратиться въ настоящую, открытую войну. („Война въ обширномъ смыслѣ").

Но и весь такъ называемый правовой или легальный порядокъ общежитія по отношенію къ враждѣ и розни есть лишь палліативная мѣра, отнюдь не коренная. Вотъ почему и преувеличенія значенія правовыхъ нормъ могутъ быть только вредны. „Юридическій законъ не упраздняетъ войну, а лишь ограничиваетъ ее; поэтому и юридическія отношенія не могутъ считать-

ся мирными. По закону этому есть между согражданами войны признанныя, узаконенныя (жалобы, тяжбы, договоры); есть и непризнанныя, но неустранимыя, съ которыми общество вынуждено постоянно считаться... Сама власть, въ своемъ стараніи ограничить внутреннюю вражду между гражданами, не можетъ избѣжать воинственности: государство не можетъ существовать, не лишая свободы, не забирая, такъ сказать, въ плѣнъ своихъ же собственныхъ гражданъ". Нельзя винить его за такую печальную необходимость, но не слѣдуетъ по крайней мѣрѣ цѣнить выше дѣйствительнаго достоинства средства объединенія, для которыхъ столь нелестные пріемы неизбѣжны. „Общество допускающее въ извѣстныхъ предѣлахъ борьбу или войну, а съ другой не допускающее и мысли о возможности уничтоженія въ себѣ самомъ недопускаемой имъ войны (кражъ, убійствъ и вообще уголовныхъ преступленій) и притомъ не задающееся даже вопросомъ о такомъ неродственномъ состояніи своихъ членовъ, есть общество слѣпое, настолько же неразумное, насколько и не-нравственное. Причина же столь ненормальнаго состоянія общества заключается въ томъ, что между войною признанною и непризнанною существуетъ причинная связь, и потому, пока существуетъ первая, будетъ неустранима и вторая, а при усиленіи первой вторая переходитъ изъ скрытой въ явную, и тогда общество изъ полумирнаго или полубоевого становится вполнѣ немирнымъ... Такая внутренняя гражданская усобица можетъ имѣть еще меньшее оправданіе, чѣмъ международная, и потому въ ней враждующія стороны обыкновенно слагаютъ вину и отвѣтственность одна на другую". („О средствахъ и т. д."). А между тѣмъ единственнымъ правильнымъ, полезнымъ, ведущимъ къ исправленію рѣшеніемъ вопроса о виновности въ данномъ случаѣ можетъ быть только то, которое даетъ наше родное древне-русское сознаніе: во всякомъ преступникѣ оно видитъ не столько виновнаго, сколько „несчастнаго", во всякомъ преступленіи—всеобщій грѣхъ („Ницше, какъ послѣдній философъ"), а въ бѣдствіяхъ, происходящихъ изъ внутренняго раздора,—неизбѣжное слѣдствіе „грѣха всѣхъ насъ, всего народнаго множества", по дивному слову лѣтописцевъ. Но такое пониманіе составляетъ полную противоположность уваженію нашего вѣка къ борьбѣ, въ которой теперь усматриваютъ явленіе не временное, а навсегда желательное, спутникъ и орудіе прогресса („Вопросъ о неродственномъ состояніи міра"), какъ будто улучшеніе и совершенствованіе осуществляется только разногласіемъ и противодѣйствіемъ, а не согласіемъ и взаимодѣйствіемъ! Было время, когда въ раздѣленіи видѣли одно изъ орудій произвола и насилія („Divide et impera!"); въ наше время прекращеніе розни, примиреніе кажется уже опасностью для свободы. Не говоритъ ли одинъ изъ любимыхъ поэтовъ нашей молодежи (Надсонъ):

„Есть у свободы врагъ опаснѣе цѣпей.
Страшнѣй насилія, страданья и гоненья.
Тотъ врагъ неотразимъ; онъ въ сердцѣ у людей:
Онъ *всѣмъ врожденная способность примиренья*".

На этой-то способности примиренія не съ существующимъ зломъ, а

другъ съ другомъ можно и должно, вопреки духу вѣка конкуренціи и ученія о борьбѣ за существованіе какъ источникѣ прогресса, обосновывать надежды на объединеніе и на одолѣніе зла общими дружными усиліями. „Разобщеніе, распаденіе есть фактъ не только человѣческой, но и физической природы, и распаденіе въ послѣдней вполнѣ понятно, неизбѣжно и необходимо, если разобщеніе существуетъ въ первой. Оно обусловлено слѣпотою естественной силы, объясняется бездѣйствіемъ, лѣнью разумныхъ существъ, упорно пребывающихъ, по какому-то недоразумѣнію, въ добровольной слѣпотѣ. Но разобщеніе не можетъ быть безусловнымъ и всемогущимъ, потому что мы въ себѣ ощущаемъ стремленіе къ общенію, собиранію, возстановленію и силу, потребную для этого. Религія, наука, искусство—все это начала собирающія, объединяющія; но, взятыя въ отдѣльности, они безсильны для осуществленія всеобщаго объединенія („Вопросъ о причинахъ неродственнаго состоянія"). Тѣмъ менѣе можно ожидать его отъ такого искусственнаго и поверхностнаго способа объединенія, какъ юридическій; доказанная его слабость въ предѣлахъ даже частныхъ гражданскихъ отношеній заставляетъ думать, что онъ окажется еще менѣе способнымъ положить основы миру международному. Вотъ почему, при всемъ горячемъ сочувствіи созыву конференціи мира въ Гаагѣ, нашъ мыслитель считалъ за ошибку отдавать дѣло всемірнаго мира въ руки юристовъ. („О задачахъ Конференціи Мира").

По его мнѣнію юридическое начало, слабое само по себѣ, не можетъ стать крѣпче отъ того, что компетенція его отъ области права гражданскаго расширится до предѣловъ права государственнаго. Политическій элементъ не въ состояніи переродить естественной хилости юридическаго. Всѣ выше изложенныя соображенія противъ послѣдняго примѣнимы съ такимъ же основаніемъ и къ первому. Какъ гражданское право необходимо при длящемся несовершеннолѣтіи и раздорѣ личностей, такъ и государственное при несовершеннолѣтіи цѣлыхъ общежитій, цѣлыхъ націй. Но необходимость эта во-1) прискорбная, а во-2) временная. Прискорбная потому, что создаваемыя ею мѣры лишь кое-какъ, лишь искусственно и до извѣстной лишь и притомъ очень недостаточной степени, ограничиваютъ великое зло раздора; временными же эти мѣры должны быть признаны потому, что самый раздоръ мы считаемъ не вѣчнымъ. „Нынѣшнее состояніе несовершеннолѣтія человѣчества выражается или въ магометанскомъ господствѣ, или въ языческой розни, или же въ буддійскомъ покоѣ, въ равнодушіи къ общему благу, въ бездѣйствіи. Естественнымъ послѣдствіемъ несовершеннолѣтняго, небратскаго состоянія было признаніе необходимости господства не только на землѣ, но и на небѣ, не только во власти государственной, но и въ самомъ Божествѣ". Но можемъ-ли, смѣемъ-ли мы такое признаніе называть неизмѣннымъ, правильнымъ, окончательнымъ? Будь это такъ, „должно было бы признать вмѣстѣ съ тѣмъ постояннымъ и ребяческое состояніе человѣка, его ссоры и рознь, при которыхъ необходимы принужденіе и наказанія, тогда какъ въ понятіи Бога, какъ высшей любви, заключается требованіе отъ Его чтителей самостоятельности, ибо безъ нея не можетъ быть любви, а есть только страхъ. Надо имѣть

слишкомъ низменное понятіе о Божествѣ, чтобы приписывать ему такое свойство, которое мы осуждаемъ даже въ людяхъ: властолюбіе и власть есть тяжелая обязанность, повинность, вынужденная временною необходимостью. Не увлекаться властью даже не добродѣтель. Точно также и правосудіе нельзя признать сущностью Божества: оно, по словамъ св. Климента, обусловливается отношеніемъ Бога къ міру въ его временномъ состояніи, вызванномъ нашими грѣхами. Это состояніе несовершеннолѣтія нельзя считать постояннымъ. Не давали же мы клятвеннаго обѣта всегда быть достойными наказанія и дѣйствовать только по принужденію! Тѣмъ не менѣе правосудіе, какъ и власть, имѣетъ для насъ важное значеніе: если, по упорству и лѣни, человѣчество не достигнетъ совершеннолѣтія, люди будутъ строго наказаны". („Вопросъ о братствѣ". Ч. 2. § 11).

„Пока единство человѣчества не выражается въ общемъ дѣйствіи, пока общее дѣло не признается общимъ долгомъ, до тѣхъ поръ никакое расширеніе юридическаго начала, хотя бы и до нормъ высшихъ, государственныхъ, не спасетъ насъ отъ бѣдъ раздора. Дѣятельность, не объединенная всеобщею благою цѣлью, неизбѣжно будетъ вырождаться во взаимное вытѣсненіе или истребленіе, потому что активному началу, естественной потребности къ дѣятельности, нѣтъ иного поприща положительнаго и достаточно широкаго, гдѣ это стремленіе могло бы развернуться свободно и плодотворно. Вотъ почему государство обречено прибѣгать и къ принужденію, и къ суду, къ этимъ утлымъ опорамъ своего непрестанно клонящагося къ распаденію строя. Пока не исчезнетъ убійство (къ которому относится, конечно, и неполное, частичное отнятіе жизни: борьба, притѣсненіе, вытѣсненіе, до мелкихъ проявленій раздора, до злорѣчія и споровъ включительно), до тѣхъ поръ не исчезнетъ и судъ земной, а также и апелляція на него къ суду небесному. Словомъ, пока у человѣческаго рода нѣтъ общаго дѣла, силы его будутъ поглощаться дѣломъ общественнымъ, которое, даже и въ государственной формѣ своей, не исключаетъ разъединенія, партій и борьбы.

„Но если власть лишь временна, а правосудіе не безцѣльное возмездіе, то обѣ эти силы могутъ имѣть лишь *воспитательный* характеръ; назначеніе ихъ—исправлять людей, руководить ими и привести ихъ, наконецъ, къ сознанію не юридическаго права, а нравственнаго долга". „Но для этого прежде всѣхъ сами руководители (держатели власти) должны сознать въ чемъ заключается этотъ долгъ, а слѣдовательно и какое воспитаніе и образованіе должны они давать руководимымъ или: то ли, которое, лишая насъ дѣтской чистоты, не выводитъ насъ однако изъ несовершеннолѣтняго состоянія, а оставляетъ въ вѣчномъ ребячествѣ, то есть въ вѣчномъ подчиненіи слѣпой естественной силѣ и въ вѣчной борьбѣ съ себѣ подобными, а черезъ это и въ постоянной опекѣ, или же то, которое на сохраненіи дѣтской чистоты основываетъ достиженіе совершеннолѣтія („Вопросъ о братствѣ"), „вступленіе въ каковое можетъ выразиться только въ самосознаніи или самоизслѣдованіи и въ самоуправленіи или собираніи силъ посредствомъ изслѣдованія причинъ розни?" („О неродственномъ состояніи міра").

Напрасно думаютъ, будто общественное дѣло (государственное) способно замѣнить дѣло общее, стать достаточнымъ, самодовлѣющимъ. Лучшимъ опроверженіемъ этого чрезвычайно распространеннаго мнѣнія является коренное противорѣчіе въ дѣятельности общества, его самообличеніе и самоосужденіе: „общество внутри себя караетъ гражданъ за то самое, что оно позволяетъ себѣ дѣлать съ другими обществами, если только не составляетъ съ ними союза или федераціи. Сознавая, что дѣло общественное не совпадаетъ съ дѣломъ родственнымъ, но не находя возможнымъ для обезпеченія своего существованія въ борьбѣ съ другими обществами отказаться отъ борьбы и розни, государство принуждено приносить въ жертву своимъ интересамъ интересы родства. Но, поступая такъ, оно забываетъ, что именно ради охраны послѣднихъ внутри самого себя оно и существуетъ, что оно только для того и нужно, чтобы охранять миръ между родами или семьями, не сознающими своего всемірнаго родства и потому не имѣющими и всемірно-родственнаго дѣла. Въ силу этого, если бы власть, соскучившись ролью блюстительницы мира и порядка, получила отвращеніе къ дрязгамъ, которыя она обязана разбирать и за которыя должна наказывать недорослей, пожелала бы найти средство, избавляющее ее отъ обязанностей дядьки: то иного она не могла бы отыскать, кромѣ всемірнаго дѣла, въ осуществленіи котораго всѣ родственныя чувства нашли бы себѣ должный исходъ“.

„*Государство* возникло, слѣдовательно, какъ *чрезвычайная мѣра* противъ опасности взаимнаго истребленія родовъ или же въ видѣ защиты одной группы родовъ противъ другой. *Государство необходимо пока не образовалось всемірное родство*“ („Вопросъ о братствѣ“), не менѣе, но и не болѣе, не долѣе. Это форма объединенія переходная, долговременная, но все же временная, не окончательная. Это путь къ цѣли, не сама цѣль. И пусть вѣрующіе въ магическую силу государственной власти не забываютъ, что, какова бы ни была она по формѣ, отъ дубины въ рукахъ перваго узурпатора общихъ правъ до сложнѣйшаго, утонченнаго конституціоннаго механизма современныхъ теоретиковъ соціальной статики и динамики, она внутри самой себя страдаетъ недугомъ не налётнымъ, а хроническимъ, не въ силу злоупотребленій или недосмотровъ, а по существу. Этотъ не покидающій ее недугъ состоитъ въ томъ, что „*общество (а. съ нимъ и государство) есть искаженіе родства...* Въ идеальныхъ построеніяхъ общества этотъ недостатокъ не уменьшается, а скорѣе увеличивается: идеалы оказываются ниже дѣйствительности; опека въ нихъ доводится до максимума. Но при этомъ забывается, что граждане, то-есть недоросли, не сдѣлаются совершеннолѣтними отъ снятія съ нихъ опеки и даже не могутъ ими сдѣлаться, ибо общество, какъ не-родство, не въ состояніи дать имъ дѣла, въ которомъ проявилось бы ихъ совершеннолѣтіе. Дѣйствительно, промышленность, торговля, техника, художество, наука въ ея искусственныхъ опытахъ и въ знаніи только для знанія,—все это должно быть отнесено къ разряду удобствъ, прихотей, игръ, развлеченій, предположеній, либо думъ и любознательности, но не къ настоящему, всеобъемлющему дѣлу“, которое кое-въ-чемъ изъ этого не нуждается, а во многомъ видитъ лишь средства къ своей цѣли, а не самую цѣль. („Вопросъ о братствѣ“).

„Общество со всѣми его принадлежностями можно уподобить блудному сыну родового быта, быта, къ которому (какъ бы странно это ни казалось „прогрессистамъ“) должно возвратиться, должно и можно, потому что блудный сынъ не безплодно провелъ годы своихъ скитаній: наученный опытомъ, вооруженный знаніемъ, онъ, при доброй волѣ своей и себѣ подобныхъ, могъ бы преобразовать несовершенный старинный родовой бытъ во всемірное родство“. Родство есть то, что̀ наиболѣе извѣстно, наиболѣе доступно людямъ, а также и то, что̀ наиболѣе затрогиваетъ человѣческое сердце, ибо для отцовъ это вопросъ о судьбѣ ихъ сыновъ, а для сыновъ вопросъ о судьбѣ отцовъ, куда входитъ и вопросъ о братствѣ или вообще о неродственныхъ отношеніяхъ между людьми. Вмѣстѣ съ тѣмъ это вопросъ и о хлѣбѣ насущномъ, о здоровьѣ для всѣхъ и о смерти, то-есть вообще вопросъ о неродственномъ отношеніи природы къ намъ и о нашемъ искусственномъ къ ней отношеніи, ибо естественнымъ для человѣка было бы только обращеніе неродственной силы естества (природы) въ родственную. Въ человѣкѣ и начался уже переходъ естественной слѣпой силы въ сознающую родство, въ силу родственную“ („Вопросъ о братствѣ“). Намъ предстоитъ продолжать этотъ переходъ сознательно и добровольно, не полагаясь на независящую отъ насъ, фатально дѣйствующую эволюцію позитивистовъ или на неопредѣленный таинственный прогрессъ, который, невѣдомо какъ и когда, превратитъ будто бы въ цѣлесообразное, разумное и нравственное полный неразумія и неправды ходъ исторіи.

Конечнымъ выводомъ разсмотрѣнія свойствъ и слѣдствій юридическаго и политическаго началъ для Николая Ѳедоровича было признаніе невозможности вывести изъ нихъ однихъ здоровыя основы общежитія. Надъ неизбѣжно-несовершеннымъ по существу своему всѣмъ юридическимъ и политическимъ высится болѣе широкое и могущественное, несравненно болѣе священное начало *нравственное*. Юристы и политики, придавши свѣтскій характеръ праву, оградивши его отъ вліянія богословія, не остановились на этой мѣрѣ, будто бы необходимой для самостоятельнаго, свободнаго развитія права; они потребовали отдѣленія послѣдняго и отъ этики и тѣмъ повторили указанную выше общую ошибку пассивной науки: не рѣшаясь принципіально отрицать превосходство нравственнаго начала надъ юридическимъ, они, опираясь на указанія явленій общественной жизни, взятой въ ея настоящемъ далеко, несовершенномъ состояніи, отнесли требованія высшаго, нравственнаго порядка только къ благимъ намѣреніямъ, только къ благороднымъ мечтамъ, только къ полезнымъ совѣтамъ и назиданіямъ, или, какъ нѣкоторые дѣльцы юмористически выражаются, „къ литературѣ“, сами-же занялись тѣмъ, что̀ именуется „насущною прозою жизни“. Но, поступая такъ, они забыли, что эта печальная дѣйствительность не единственная возможная и что признавать ее за постоянную и неизбѣжную, значитъ узаконять и оправдывать зло, создавать главное препятствіе къ его исправленію.

Въ противоположность этому безотрадному взгляду, юристамъ и политикамъ слѣдовало бы проникнуться убѣжденіемъ, что соціальныя отношенія

нельзя ставить внѣ области этики, отдѣлять ихъ отъ нея („Вопросъ о братствѣ“). *Легальное*, *подзаконное* есть только переходъ, вѣрнѣе, переводъ къ *супралегальному*, къ *сверхзаконному*, къ непринужденно, добровольно призываемому *нравственному*. Въ противоположность легальному, всегда недостаточному, дающему меньше, чѣмъ требуетъ жизнь, супралегальное своимъ нравственнымъ порывомъ предупреждаетъ потребности избыткомъ любви и доброй воли. „Давая болѣе, чѣмъ требуетъ, и принимая менѣе, чѣмъ разрѣшаетъ законъ, супралегальный образъ дѣйствія не противорѣчитъ, конечно, закону, не устраняетъ повинности; ибо если законъ требуетъ полжизни на службу общему благу, а общество предпочтетъ отдавать ему всю жизнь, то этимъ самымъ законъ будетъ не нарушенъ, а превзойденъ, но въ смыслѣ наилучшаго его истолкованія: юридическое превратится въ нравственное, въ христіанское въ строгомъ смыслѣ, въ духѣ Нагорной Проповѣди („О средствахъ возстановленія родства“ § 10). На мѣсто опредѣленнаго государствомъ принудительнаго минимума жертвъ дохода, труда и старанія становится добровольный, незнающій предѣловъ максимумъ великодушія. Право, воспитывая общество въ этомъ соревнованіи въ добродѣтели, будетъ вести государство отъ подзаконнаго состоянія къ дѣйствительно-свободному; когда же, наконецъ, не будетъ необходимости въ назначеніи даже минимума повинности для выполненія общественнаго долга, тогда можно будетъ признать, что общество стало совершеннолѣтнимъ, что оно перешло по ту сторону юридическаго, легальнаго, что оно стало супралегальнымъ, нравственнымъ (Та-же статья).

Но съ этой, высшей точки зрѣнія и сама нравственность получаетъ новую постановку, новое освѣщеніе. Здѣсь исчезаютъ противорѣчія той дешевой этики, которая оказывается единственною возможною при несовершенномъ, легальномъ строѣ общества. Въ ней неизбѣжно столкновеніе эгоизма съ альтруизмомъ и въ тоже время остается необходимымъ выборъ между тѣмъ и другимъ. Вся всемірная исторія не что иное, какъ трагическая коллюзія этихъ двухъ стремленій или же смѣняющееся торжество то себялюбія, заставляющаго страдать другихъ, то самоотреченія, аскетизма, приносящаго себя въ жертву другимъ. Сколько бы ни было говорено и писано въ оправданіе перваго и въ превознесеніе второго, оба состоянія и дѣйствія остаются неестественными, болѣзненными. Эгоизмъ и альтруизмъ, доведенные до своихъ предѣльныхъ логическихъ слѣдствій, до крайняго индивидуализма и законченнаго соціализма, оказываются не только не совершенствомъ, а, напротивъ того, великимъ зломъ, ибо первый есть подрывъ солидарности между людьми, а второй—вымираніе самобытности личностей („Санитарно-продовольственный вопросъ“). Выборъ здѣсь, самый плачевный: либо рознь и насиліе, невозможность единства и мира, либо рабство подъ личиною согласія, невозможность самостоятельности и свободы.

Но при какихъ же условіяхъ *„Я“* не будетъ означать *господства*, отрицанія всѣхъ, кромѣ себя, а *альтруизмъ рабства*, самоуничиженія и самоуничтоженія? или, иными словами: Когда *я* не будетъ означать *одиночества*, а *другіе*, *чуждости*, *розни*? Выходъ изъ этой дилеммы въ предѣлахъ юридиче-

ской, правовой жизни невозможенъ, потому что „легальный“ строй по существу своему немирный, небратскій, неизбѣжно сопряженный съ борьбою, усмиреніе которой до извѣстной степени возможно лишь посредствомъ принудительныхъ жертвъ, насильственныхъ ограниченій одного въ пользу другихъ или наоборотъ. Благо большинства не можетъ быть предѣломъ требованій общежитія: никто не смѣетъ быть счастливымъ цѣною несчастія другихъ, ни даже множество людей, ни даже огромное большинство ихъ; если бы меньшинство великодушныхъ и принесло себя въ жертву для блага большинства, большинство, если оно не безсовѣстно, должно бы отказаться отъ дара омраченнаго бѣдствіями благодѣтелей. Гибель не только меньшинства, но даже и одной, *только одной* жизни, ничѣмъ невознаградимая потеря, вѣчный долгъ цѣлаго человѣчества, долгъ, для котораго нѣтъ иного эквивалента, нѣтъ иной уплаты, кромѣ *возвращенія жизни*, иначе Спаситель *всѣхъ*, не хотящій, какъ и Всеобщій Отецъ, погибели *ни единаго*, не сказалъ бы: „Какой выкупъ дастъ человѣкъ за душу свою?“ И если онъ же сказалъ, что нѣтъ бо̀льшей любви, какъ душу свою положить за друзей своихъ, то этимъ самымъ онъ призналъ, что для друзей нѣтъ и высшаго долга, какъ вернуть жизнь имъ отданную. *Не благо*, слѣдовательно, *большинства* можетъ быть предѣломъ требованій общежитія, *а только благо всѣхъ, всеобщее благо*. Ироническою ли улыбкою или вздохомъ печали встрѣчаетъ это требованіе такъ называемый правовой порядокъ, все равно, то и другое будетъ его самосужденіемъ, признаніемъ, что этотъ нравственный минимумъ для него недосягаемъ.

Выходъ изъ несогласимости себялюбія съ самоотрѣшеніемъ открывается только при вступленіи изъ юридической области въ нравственную изъ подзаконной (легальной) въ сверхзаконную (супралегальную), гдѣ все полно духомъ единства и добровольности. Синтезъ эгоизма и альтруизма можетъ быть выраженіе соединеніемъ двухъ словъ: *„мы“* и *„всѣ“*. Это будетъ полнота родства, сосуществованіе объединенныхъ взаимною любовію, вмѣсто ряда противопоставленныхъ или механически сопоставленныхъ единицъ, *родство, вмѣсто розни*. *Родство* это *мы*, то-есть *всѣ Я*; для родства нѣтъ *другихъ* въ смыслѣ *чужихъ*, есть лишь *свои*, которые остаются другими только въ смыслѣ сохраненія своей индивидуальности, непоглощаемой общеніемъ, а лишь сочетаемой его въ гармоническое цѣлое. Здѣсь *всѣ* чувствуютъ и сознаютъ себя *во всѣхъ*, то-есть *близкими* другъ къ другу, ибо *дальнихъ, чужихъ уже нѣтъ*. Если такое многоединство можетъ быть названо обществомъ, то лишь обществомъ высшаго порядка, по образцу Божественнаго Тріединства, несліяннаго, но и нераздѣльнаго, одинаково чуждаго и господства, и розни.

Родство, какъ оно нынѣ есть, только, такъ сказать, модель и проектъ родства всемірнаго, совершеннаго многоединства, и сама Церковь есть пока многоединство лишь въ предначертаніи будущаго, а не въ дѣйствительности настоящаго. Родство, какъ оно есть, еще сплошь и рядомъ *отдается себѣ* и тѣмъ *отлучаетъ себя ото всѣхъ*. Церковь, какъ она есть, часто не идетъ, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей *отреченія отъ себя*, не замѣчая, что сліяніе съ другими, доходящее до утраты своей индивидуальности, есть *ут-*

рата и для всѣхъ, обѣдненіе, *разрушеніе жизни,* безсмертія. („О двухъ разумахъ и о двухъ жизняхъ“).

Коллективисты упрекали индивидуалистовъ въ эгоизмѣ, въ томъ, что Ницше названъ *барскою нравственностью* (Herrenmoral); индивидуалисты упрекаютъ альтруистовъ въ томъ, что ихъ самоотрѣшеніе (самоуничтоженіе) создаетъ *рабскую нравственность* (Sclavenmoral). На самомъ же дѣлѣ „истинная нравственность *не барство и не рабство, а родство*“ (Статья подъ этимъ заглавіемъ). „*Должно жить не для себя только и не для другихъ только, а со всѣми (братство) и для всѣхъ (отечество);* потому что жить не со всѣми, а для другихъ только, то-есть для нѣкоторыхъ, хотя бы и для многихъ, значило бы, дѣлая добро однимъ, причинять зло другимъ. *Должно жить со всѣми живущими, потому что большаго уже и сдѣлать невозможно, а все меньшее безнравственно*“ („О значеніи обыденныхъ церквей вообще и въ наше время въ особенности“). Но „жить *со всѣми* живущими надо какъ съ преемниками и продолжителями дѣла умершихъ *и для всѣхъ безъ исключенія, живущихъ и умершихъ,* не для однихъ „униженныхъ и обиженныхъ“ только, которымъ тяжело живется, „трудно дышится“, но и для тѣхъ, которые уже всего лишены, которымъ совсѣмъ уже не дышится, то-есть и для умершихъ, лишенныхъ даже жизни и для которыхъ *не кое-что, а все надо сдѣлать*“. Таково положительное выраженіе правила, устраняющаго необходимость и возможность какъ альтруизма, такъ и эгоизма, аскетовъ-мучениковъ и сибаритовъ-палачей, а вмѣстѣ съ тѣмъ всякаго ига и всякой розни („О значеніи обыденныхъ церквей“ и „Вопросъ о причинахъ неродственнаго состоянія міра“).

Чтобы достигнуть источника этого правила и понять происхожденіе его, нужно взять людей въ ихъ первоначальномъ состояніи, когда разъединяющія причины не оказывали еще своего гибельнаго дѣйствія. При такомъ состояніи ни язычество (религія розни) ни магометанство (религія господства) не могли бы стать религіей еще не забывшаго родства человѣчества; наоборотъ, христіанство есть, если можно такъ выразиться, нормальная религія этого первоначальнаго состоянія, когда, при бездѣйствіи еще разъединяющихъ причинъ человѣческихъ, уже дѣйствуетъ однако та сила, которая всѣмъ людямъ наноситъ утраты, отнимая у сыновъ и дочерей ихъ родителей. Для людей еще чуждыхъ розни, но уже не чуждыхъ утратъ, можетъ ли быть истиннымъ Богомъ иной Богъ, кромѣ Существа, въ коемъ нѣтъ ни разъединенія, ни смерти, то-есть Богъ Христіанскій, Тріединый? По образу этого „Бога отцовъ, смерти не создавшаго“, Христосъ и заповѣдалъ всему роду человѣческому, безъ различія Эллина отъ Іудея, собраться во-едино во исполненіе заповѣди: *сохраняя полную самостоятельность каждой отдѣльной личности, создать нераздѣльное многоединство всего рода человѣческаго*“ („Вопросъ о неродственномъ состояніи міра“ и „по поводу статей о народномъ домѣ“ въ газетѣ „Асхабадъ“ 30 Дек. 1901 г. № 364). Пресв. Троица есть высшее выраженіе родственности, а потому только родственность во всей ея силѣ и полнотѣ можетъ быть критеріемъ при испытаніи и нравственныхъ ученій и вѣръ. Всякое ученіе, не требующее полнаго возстановленія родства, есть ложь или

заблужденіе (Вопросъ о причинахъ и т. д.) Путь же къ возстановленію родства лежитъ черезъ воскрешеніе въ сердцахъ людей чистой дѣтственности, той, которую Спаситель поставилъ непремѣннымъ условіемъ достиженія Царствія Небеснаго, той, которая не только не враждуетъ, но и не знаетъ чужихъ, видя во всѣхъ родныхъ, близкихъ, своихъ.

Изложенныя начала нравственности мы обозначаемъ названіемъ *супралегальности,* такъ какъ они несравненно выше всѣхъ искусственныхъ нормъ юридическихъ; но мы можемъ назвать ихъ еще и *супраморализмомъ*, такъ какъ они несравненно совершеннѣе и обычной этики эгоизма или альтруизма: наконецъ, они существенно противоположны столь прочно установившимся основамъ современнаго общежитія, въ особенности Западнаго. Гордясь своимъ строго выработаннымъ „легальнымъ", государственнымъ порядкомъ, Западъ противопоставляетъ себя именно въ этомъ отношеніи Славянству, обвиняя его въ отсталости, въ архаической первобытности, открывая въ жизни Славянскихъ народностей остатки родового быта и дѣтственности, причемъ на эти свойства современная критика указываетъ, разумѣется, не для того, чтобы польстить имъ. Но если это наблюденіе вѣрно, если, къ счастью для насъ, въ Славянскихъ племенахъ еще хотя бы сколько нибудь дѣйствительно сохранилась дѣтственность и родственность, то мы обязаны этимъ континентальной глуши, захолустью, въ которомъ мы такъ долго жили, что дѣтственность стала нашимъ характеромъ, нашимъ все еще неискоренимымъ свойствомъ до того, что даже вывариваніе въ фабричномъ котлѣ не вполнѣ очищаетъ насъ отъ этой добродѣтели. Не благодаря ли именно тому быту, который Западомъ, въ насмѣшку, зовется архаическимъ, отживающимъ, намъ Русскимъ кажется, что „міромъ да соборомъ и чорта поборемъ", что „на людяхъ и смерть красна", а въ минуты опасности Русскіе люди идутъ на смерть со словами: „умирать, такъ всѣмъ умирать, заодно умирать!" Не кажется ли, что выраженіе „жить не для себя и не для другихъ, а со всѣми для всѣхъ" почерпнуто изъ глубины самой души Русскаго народа? „Не кажется ли это тѣмъ, кто знаетъ Русскихъ людей не въ слабостяхъ и недостаткахъ отдѣльныхъ лицъ, а тамъ, гдѣ народъ соединяется для общаго священнаго дѣла или когда его объединяетъ общее бѣдствіе? („Супраморализмъ или всеобщій синтезъ").

Неудивительно, что для человѣка, проникнутаго такими убѣжденіями, западный государственный строй вовсе не представлялся настолько привлекательнымъ, какимъ онъ кажется значительной части нашей „интеллигенціи". Насколько невыносимъ былъ ему *деспотизмъ*, открытое господство и *неволіе*, настолько же претила ему *конституція*, скрытое иго и *своеволіе*, конституція, ставшая, по его выраженію, спорною забавою и кулачною расправою во многихъ парламентскихъ учрежденіяхъ и празднымъ пустословіемъ, игрою, не стоющею свѣчъ, вездѣ („Супраморализмъ, вопросъ XII"). Этотъ не модный отзывъ онъ находилъ еще „слишкомъ мягкимъ", такъ какъ „*конституція* не есть лишь *несовершеннолѣтіе*, то есть выборъ себѣ дядекъ" или открытое признаніе своей общественной незрѣлости: „она глубоко *народо-развращающее*

средство" (Письмо ко мнѣ отъ 23 Іюня 1903 г.), какъ *теорія, узаконяющая рознь и полагающая ее въ основу всего государственнаго порядка*, противная, слѣдовательно, въ самомъ корнѣ единственному объединяющему началу родственному, сыновству, отечеству и братству. „Конституція, въ ея первоначальномъ видѣ, есть произведеніе сыновъ, забывшихъ отцовъ, сыновъ блудныхъ или бродягъ, не помнящихъ родства, избирающихъ изъ среды своей правителей не какъ отцовъ, а какъ чужихъ, какъ наемниковъ, къ которымъ нѣтъ довѣрія и которыхъ поэтому необходимо ставить въ условія, ограждающія отъ злоупотребленій властью съ ихъ стороны. Очевидно, что во всѣхъ обществахъ конституціонныхъ и республиканскихъ съ полнымъ преобладаніемъ въ нихъ юридическаго характера утрачены смыслъ и цѣль объединенія, власть лишена священнаго значенія; она не занимаетъ мѣста умершихъ отцовъ и не желаетъ быть орудіемъ воли Бога отцовъ". Оттого не можетъ она быть силою объединяющею и примиряющею.

Отсюда въ конституціонныхъ обществахъ постоянный страхъ передъ расширеніемъ власти, передъ узурпаціей правъ, при постоянныхъ въ тоже время усиліяхъ захватить власть (избирательная борьба). Но если власть здѣсь утратила родственный характеръ, то и подвластные не сохранили его; и въ нихъ нѣтъ общности и единства: конституціонализмъ *явленіе* мѣстное, временное, сословное или партійное, а *не всенародное*; онъ произведеніе или высшаго сословія, или буржуазіи или группы „интеллигентовъ„, предпочитающихъ юридическое начало семейному, словомъ, произведеніе не сыновъ, а гражданъ, то есть блудныхъ сыновъ, покинувшихъ отчій домъ, забывшихъ его, а съ нимъ и естественную родовую связь, замѣненную у нихъ случайною, искусственною, забывшихъ, вмѣстѣ съ родствомъ, и общее дѣло, возможное лишь на почвѣ полнаго сыновняго и братскаго единенія. Вотъ почему *борьба, а не миръ—душа конституціи*; система противовѣса, противодѣйствія одной силы другой (раздѣленіе власти), взаимное недовѣріе (контроль и обличеніе), смѣна держащихъ власть (краткость, непостоянство полномочій) здѣсь установленія принципіальныя, сознательныя, преднамѣренныя и остающіяся. Это не всеобщее дѣло мира, а только *игра въ миръ и въ порядокъ*, игра злая, какъ растравляющая партійныя страсти и лживая, какъ притворно маскирующая рознь, въ дѣйствительности же (какъ показываетъ опытъ) борьба все возрастающая, все болѣе ожесточенная, вслѣдствіе чего *конституція въ себѣ самой носитъ начало разрушенія* („Самодержавіе". Статья 3, въ газетѣ „Асхабадъ" отъ 19 Іюля 1901. № 200).

Сверхъ того, это *вѣчная полумѣра*, вѣчное палліативное средство и невозможность радикальнаго склада убѣжденій и рѣшительнаго образа дѣйствій; подорвано довѣріе къ старому традиціонному родственному началу, и нѣтъ мужества перейти открыто и послѣдовательно къ существенно-новому. Въ конституціи заразъ есть что-то и ребяческое, и старческое; въ ней нѣтъ ни отваги юности, ни спокойной мощи зрѣлаго возраста; неувѣренность въ себѣ и въ другихъ, колебанія, поправки, подпорки, пристройки, надстройки, торги и переторжки партій, запросы и уступки, угрозы довѣрителей и подачки до-

вѣренныхъ, „калифовъ на часъ“. Вотъ почему конституція одинаково несостоятельною должна казаться и тѣмъ, кто еще вѣритъ въ родство и единство людей (сторонники самодержавія) и тѣмъ, кто, совсѣмъ извѣрившись въ этомъ, думаетъ объединить людей на началѣ расчета и выгоды (соціалдемократы).

Противоположностью конституціи является *самодержавіе*, должнымъ образомъ понимаемое, то есть понимаемое не въ смыслѣ господства и деспотіи властвующаго и рабства подвластныхъ, а *въ смыслѣ истинно-родственнаго единства сыновъ съ тѣмъ, кто*, по древне-русскому выраженію, *„стоитъ въ отцовъ мѣсто“*, то есть *съ воплощеніемъ всѣхъ отцовъ*. Уже въ силу одного этого опредѣленія самодержца, *самодержавіе* есть *начало всемірное, всечеловѣческое, союзъ, объединяющій всѣхъ людей, не однихъ живущихъ только, но и умершихъ*, ибо умершіе—отцы живущихъ, и выполненіе долга къ нимъ (отечество и сыновство) столь же существенно и необходимо, какъ и выполненіе долга живущихъ другъ къ другу (братство). *Братство, неосуществимое въ конституціи, узаконяющей рознь, можетъ быть достигнуто только въ самодержавіи, какъ выраженіи всеобщаго отечества, ибо лишь по отцамъ мы братья*, и при забвеніи отцовъ и долга сыновняго, само братство превращается „въ звукъ пустой“, безсодержательный.

„*Самодержавіе есть общее дѣло, предметомъ котораго служитъ жизнь всего рода человѣческаго, какъ выраженіе совершеннолѣтія; конституція* же есть отрицаніе совершеннолѣтія и *увѣковѣченіе несовершеннолѣтія*... Конституціонная власть или ограниченіе власти воспитывающей, то-есть ведущей къ совершеннолѣтію, есть замѣна отцовъ выборными, наемниками, и означаетъ увѣковѣченіе несовершеннолѣтія, потому что каждый (повторенный) выборъ (политическихъ) опекуновъ и попечителей есть новое подтвержденіе избирателями своей умственной и нравственной незрѣлости. Конституція есть (свойственное ребяческому возрасту) наказаніе вѣчными надзирателями педелями за отреченіе отъ отечества, отъ самодержавія, а потому она великій порокъ. *Дѣло* же *самодержавія* есть дѣло священное, внѣхрамовая литургія, *братотвореніе чрезъ усыновленіе* (какъ дѣло воспреемника въ крещеніи и помазаніи, каковымъ и является царь относительно народа) *для исполненія долга душеприказчества*, въ коемъ и заключается сущность самодержавія. Конституція означаетъ изгнаніе довѣрія и добровольности, обращеніе стоящаго въ отцовъ и праотцевъ мѣсто въ наемника (конституціонные монархи и президенты республикъ наемники по договору, а liste civile ихъ наемная плата)“. Это изгнаніе религіознаго и нравственнаго начала (изъ жизни общественной). Самодержавіе, послѣдняя гарантія, послѣдняя охрана родственнаго, патріархальнаго, родового быта, еще живого во всѣхъ семьяхъ, ибо *самодержавіе* по существу своему есть *замѣна всего юридическаго и экономическаго нравственнымъ, то есть родственнымъ*... Конституція—это освобожденіе личности, но для обращенія сыновъ человѣческихъ въ блудныхъ сыновъ, замѣна жизни не для одного настоящаго, но и для прошедшаго, долженствующаго имѣть будущее, жизнью только для настоящаго, превозношеніе сыновъ надъ отцами, а вмѣстѣ съ тѣмъ и безцѣльность существованія. Наоборотъ, признаніе себя не граждана-

ми, а сынами человѣческими есть въ тоже время признаніе на небѣ Бога всѣхъ умершихъ отцовъ, а на землѣ власти, стоящей въ отцовъ (всѣхъ умершихъ отцовъ) мѣсто... Для самодержавія, такъ понимаемаго, въ словахъ пророка Малахіи: „не отецъ-ли *единъ* всѣмъ намъ? не Богъ-ли *единъ* созда всѣхъ насъ?“ нѣтъ вопроса, какъ нѣтъ вопроса и въ задачѣ самодержавія, заключающейся, по слову того же пророка, *въ „возвращеніи сыновъ къ отцамъ и сердецъ отцовъ къ сынамъ“*. Вопросъ заключается лишь *въ знаніи*, въ отысканіи тѣхъ *средствъ*, которыми могутъ быть возвращены къ отцамъ дѣти, забывшія свое сыновство и потому живущія въ розни, или же замѣнившія *сыновство* не заключающимъ въ себѣ ничего опредѣленнаго *гуманизмомъ“*...

„Конституція можетъ бороться съ самодержавіемъ до тѣхъ лишь поръ, пока самодержавіе не стало всемірнымъ, то-есть пока оно вынуждено еще защищать могилы отцовъ (родину) отъ непризнающихъ общаго отечества (а слѣдовательно и братства) и пока само самодержавіе не стало еще орудіемъ Бога, исполненіемъ воли Животворящей Троицы... *Если нѣтъ вражды вѣчной, а устраненіе вражды временной есть наша задача: конституція, какъ одинъ изъ видовъ вражды, имѣетъ лишь временное значеніе*, и тѣмъ кратковременнѣе будетъ ея существованіе, чѣмъ скорѣе исчезнетъ предразсудокъ объ ея полезности“ („Самодержавіе“. Статья 2, „Асхабадъ“ 11 Іюля 1901. № 192).

Самодержавіе есть, наоборотъ, *всемірно-историческое и всемірно-географическое начало всеобщаго, всечеловѣческаго объединенія.* (Тамъ же. Статья 3). Титулъ Царскій не только заключаетъ въ себѣ сокращенно всю этнографію, географію и исторію Русскую, но включаетъ въ себя все болѣе и болѣе и всемірную. Смыслъ или философія этой всемірной исторіи можетъ быть выражена однимъ словомъ: *умиротвореніе* или собираніе земель и народовъ, собираніе, продолжающееся и еще неоконченное ни по внѣшнему пространству, ни по внутреннему содержанію или по глубинѣ, такъ какъ нѣтъ еще ни полнаго собиранія, ни совершеннаго умиротворенія. Самодержецъ, Царь, обладатель, повелитель—всѣ эти наименованія, заключающіяся въ титулѣ, сливаются и завершаются въ одномъ словѣ *„миротворецъ“* („Еще объ историческомъ значеніи царскаго титула“ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1895 г. кн. 7). Содержаніе этого завершающаго слова раскрываетъ намъ назначеніе самодержавія. Если царь есть миротворецъ, то само собою очевидно, что въ истинномъ, неискаженномъ самодержавіи *„ни царь долженъ быть для народа, ни народъ для царя, а царь вмѣстѣ съ народомъ становится исполнителемъ воли Бога въ дѣлѣ Божіемъ. Участіе всѣхъ въ этомъ великомъ трудѣ и сдѣлаетъ невозможною какъ тиранію со стороны царя, такъ и возстаніе со стороны народа“* (Тамъ-же, стр. 398). Призванный служить общему благу не будетъ ограниченъ въ этомъ святомъ дѣлѣ представителями права жить для иной (низшей) цѣли или вообще каждому для себя“ („О стихотвореніи „Призывъ“ В. А. К.“). „Самодержавіе предпочитаетъ существованіе такого человѣка, который, будучи отвѣтственъ только передъ Богомъ и своею совѣстью, не нуждается для выполненія лежащаго на немъ долга въ какомъ бы то ни было надзорѣ или обличеніи... Обязанность же самодержца состоитъ въ томъ, чтобы всѣхъ, на-

конецъ, сдѣлать подобными себѣ, то-есть отвѣтственными лишь предъ Богомъ и своею совѣстью, способными жить безъ надзора и неспособными къ нарушенію долга, неспособными и оставлять долгъ безъ исполненія... Самодержавіе носитъ въ себѣ характеръ постепеннаго освобожденія отъ началъ юридическихъ и экономическихъ, которыя не устраняютъ, а лишь сдерживаютъ (а иногда и увеличиваютъ даже) борьбу между непризнающими родства и братства. Въ самодержавномъ государствѣ, переходящемъ отъ обязательной повинности и службы къ добровольному исполненію долга, борьба всѣхъ родовъ и видовъ замѣняется общимъ отеческимъ дѣломъ всѣхъ сыновъ человѣческихъ, обращающимъ ихъ въ братьевъ, такимъ дѣломъ, передъ которымъ все возбуждающее нынѣ вражду, споры и тяжбы, становится мелкимъ, ничтожнымъ" („Самодержавіе". Статья 3. „Асхабадъ". 1901 г. № 200).

Искаженіе же понятія самодержавія, то-есть секуляризированіе (обмірщеніе) его, превращеніе его изъ священнаго въ свѣтское, не внушающее никакого благоговѣнія, „цивилизованіе" его, то-есть переходъ изъ высоко-нравственнаго и глубоко-родственнаго начала въ поверхностное юридическое, гражданское и политическое, все это необходимо привело бы къ полному отрицанію самодержавія и къ превращенію его въ конституцію, на сторонѣ которой, должно замѣтить, *въ такомъ случаѣ*, несомнѣнно и будетъ окончательная побѣда въ ея борьбѣ съ *секуляризованною* монархіею, отрекающеюся отъ отцовъ и отъ Бога отцовъ, ради соблазновъ настоящей „привременной" жизни...

Истинное *самодержавіе неразрывно* съ двумя другими животворными началами: *съ православіемъ и народностью.* Соединеніе этихъ трехъ началъ служитъ выраженіемъ *патріотизма* въ самомъ высшемъ, священномъ, народномъ и въ тоже время въ самомъ древнемъ его значеніи, въ смыслѣ любви ко всѣмъ отцамъ, выраженіемъ коей должно и можетъ быть лишь всеотеческое дѣло. Православіе, какъ печалованіе о розни и гнетѣ или небратствѣ, находитъ свой образецъ въ безграничной любви и преданности Сына Божія и Духа Святого къ Богу-Отцу, то-есть въ основномъ догматѣ, а вмѣстѣ и въ казенной заповѣди Христіанства для сыновъ и дочерей человѣческихъ, взятыхъ въ ихъ совокупности, *въ общемъ отеческомъ дѣлѣ воскрешенія,* какъ высшемъ выраженіи Любви: „Ты во Мнѣ (Отецъ въ Сынѣ) и Я въ Тебѣ (Сынъ въ Отцѣ)"—это *божественный патріотизмъ,* поставленный въ образецъ *патріотизму земному*, выраженному въ словахъ: „и тіи (люди) въ Насъ едино да будутъ". *Православіе,* которое и есть *божественный патріотизмъ,* даетъ освященіе *земному патріотизму,* находящему свое выраженіе *въ самодержавіи и народности*" („Самодержавіе". Статья 4. „Асхабадъ" 24 Іюля 1901. № 202). *Самодержавіе,* какъ стоящее въ отцовъ мѣсто, какъ душеприкащество, *есть по существу своему патріотизмъ,* что̀ и выражается въ словѣ „Мы", употребляемому Самодержцемъ, ибо подъ этимъ „Мы" разумѣется не одинъ говорящій, но и всѣ, „въ мѣсто" которыхъ Онъ стоитъ. Въ этомъ „Мы" выражается, что Онъ живетъ не для себя (эгоизмъ) и не для другихъ (альтруизмъ),

а со всѣми для всѣхъ, то-есть со всѣми живущими для всѣхъ умершихъ" (Тамъ же).

Въ этой *полной взаимности самодержца и народа, въ ихъ полномъ согласіи и довѣріи другъ къ другу и, наконецъ, въ доброволіи и заключается сущность самодержавія.* Понимаемое такъ (а все иное будетъ не самодержавіемъ, а либо самоволіемъ (деспотіей), либо разногласіемъ и разноволіемъ (конституціей), самодержавіе разрѣшаетъ и антиномію Божія и Кесарева, духовнаго и свѣтскаго: „Божіе—Богови, Кесарево—Кесарю"—Завѣтъ для власти языческой; „не народъ для царя и не царь для народа, а царь вмѣстѣ съ народомъ какъ исполнитель дѣла Божьяго, дѣла всечеловѣческаго"—Завѣтъ для власти Христіанской, православной" („Супраморализмъ". Вопросъ 12-й) *),

Приведенное выше опредѣленіе самодержца какъ миротворца достаточно ясно указываетъ на то, что *дѣло его и есть возстановленіе всемірнаго мира чрезъ возстановленіе всеобщаго родства, немыслимаго безъ возстановленія отцовъ, ибо „только по отцамъ мы братья"*. Тогда какъ секуляризація, свѣтская культура или, лучше, обмірщеніе (по выраженію „людей древняго благочестія") клонится къ упраздненію родства, къ *экспатріаціи* и *дефратернизаціи*, дѣяніямъ настолько претящимъ Русскому строю нравственности и жизни, что для нихъ нѣтъ даже и словъ въ нашемъ языкѣ, столь богатомъ обозначеніями родственныхъ отношеній,—наоборотъ самодержавіе, неразлучное съ народностью и православіемъ, одинаково основанными на родственности, есть именно путь къ возстановленію всемірнаго родства, *къ братотворенію чрезъ усыновленіе и отцетвореніе.* („Пасхальные Вопросы"; „Добавленіе къ „Пасхальнымъ Вопросамъ" и „Агатодицея" Соловьева и „Теодицея" Лейбница").

Ближайшее уясненіе отношеній самодержавія къ этому всечеловѣческому дѣлу можетъ быть изложено лишь въ связи съ болѣе обстоятельнымъ опредѣленіемъ послѣдняго. Но прежде, чѣмъ переходить къ таковому, намъ предстоитъ разобраться еще въ двухъ ошибочныхъ путяхъ, которыми многіе надѣются достигнуть прекращенія розни и возстановленія единство и мира между людьми. Эти пути: *гуманизмъ или общечеловѣчность и экономическое переустройство общества.* Разсмотрѣніе того и другого, въ виду всевозрастающихъ упованій возлагаемыхъ на нихъ нашимъ временемъ, представляется вдвойнѣ необходимымъ.

Люди убѣдившіеся въ недостаточности юридическихъ нормъ для установленія всемірнаго братства и мира и въ тоже время утратившіе пониманіе союза религіознаго и родственнаго, полагаютъ, будто объединеніе и умиротвореніе совершается не черезъ укрѣпленіе союза родового, племенного, національнаго и церковнаго, а, наоборотъ, черезъ постепенное отрѣшеніе отъ всѣхъ частныхъ, корпоративныхъ, мѣстныхъ и временныхъ опредѣленій и

*) Въ письмѣ ко мнѣ отъ 21 Іюля 1901 г. Ник. Ѳед. еще точнѣе выражаетъ туже мысль въ слѣдующихъ словахъ: „По православному народному возрѣнію ни народъ для Царя, ни Царь для народа поставленъ отъ Бога отцовъ въ отцовъ мѣсто, а Царь вмѣстѣ съ народомъ, воздавая Божія Богови и не требуя уже Кесарства Кесарю, исполняетъ дѣло тѣхъ, на мѣсто коихъ онъ поставленъ отъ Бога, не мертвыхъ, а живыхъ".

условій. Отказавшись отъ всѣхъ этихъ ограниченій, освобожденная отъ нихъ личность получитъ будто бы возможность къ успѣшной и благодѣтельной выработкѣ и развитію въ самой себѣ тѣхъ свойствъ и чертъ, которыя должны быть признаны какъ всѣмъ присущія, общечеловѣческія. Эта „эманципація обще-человѣка“ отъ стѣсненій, налагаемыхъ будто бы на него преданіемъ, средою и временемъ, отъ вліяній этнографическихъ, географическихъ и историческихъ, и есть, говорятъ намъ, великое пріобрѣтеніе новой Европейской культуры, тотъ славный процессъ гуманистической секуляризаціи человѣка, знанія и жизни, который со временъ Возрожденія развивается непрерывно и имѣетъ продолжиться до тѣхъ поръ, пока передъ „святѣйшимъ изъ званій, человѣкомъ“ или предъ такъ называемою „чистою человѣчностью“ падутъ всѣ несовершенныя ея предшественницы: связи родовая, національная, церковная и государственная.

Но если бы даже и было доказано, что всѣ эти способы объединенія дѣйствительно не представляли въ себѣ ничего цѣннаго, мы и тогда въ правѣ были бы спросить: что же пріобрѣтается цѣною столькихъ утратъ, столькихъ отрѣшеній? Отвѣтъ на это для ума безпристрастнаго можетъ быть только одинъ: ничего реальнаго, ничего положительнаго. Гуманистическая секуляризація есть процессъ не объединяющій, не связующій, а разъединяющій, нивеллирующій, уравнивающій, но не обогащающій жизнь, наоборотъ, мертвящій; онъ отбрасываетъ конкретныя живыя черты опредѣленныхъ личностей и ихъ сочетаній и замѣняетъ ихъ бездушными и безчувственными схемами: *человѣкъ, общечеловѣкъ, всечеловѣкъ*, это отвлеченнѣйшее опредѣленіе, ничего опредѣленнаго въ себѣ уже не содержащее („Супраморализмъ“. Вопросъ 7), и наконецъ,—новѣйшій *сверхчеловѣкъ*, послѣднее модное слово философской этики, въ которомъ опредѣленное и положительное исчерпываются, повидимому, высокомѣріемъ и произволомъ, уничтожающимъ уваженіе къ той самой человѣчности, которую такъ желаютъ восхвалять.(„Лакейскій аристократизмъ“).

„Человѣкъ, общечеловѣкъ, всечеловѣкъ, сверхчеловѣкъ—всѣ эти понятія только безплодное искаженіе единственнаго животворнаго и плодотворнаго понятія „сынъ человѣческій“. Только въ сопоставленіи съ нимъ или, вѣрнѣе, только въ противопоставленіи ему выясняются вся пустота и фальшь остальныхъ понятій. Это же самое сопоставленіе съ изумительною простотою раскрываетъ намъ смыслъ не только основныхъ системъ нравственности, но и весь ходъ всемірной исторіи. „До христіанства не было сына человѣческаго, какъ не было и братства въ его истинномъ, всемірномъ смыслѣ, а были лишь разрозненные, обособленные и часто враждебные другъ другу „сыны Сима“, сыны Іафета“, сыны Израиля“, „сыны Эллена“. Только дѣтямъ не было извѣстно и тогда различіе людей по отечеству, хотя само отечество и было предметомъ ихъ любви и знанія, такъ что и до Христа дѣти уже были христіанами, сынами человѣческими, и въ этомъ смыслѣ христіанство всегда существовало. Но и до христіанства былъ уже „человѣкъ“ и „человѣчное“, понятія, въ которыхъ отвергалось сыновство и не признавалось отечество. То были отщепенцы всѣхъ отечествъ, блудные сыны, или то, что̀ теперь на-

зываютъ „интеллигенціей“, только античною, Эллино-римскою. Въ неспособности объединить эти два понятія, сыновство и человѣчество, и заключался основной недостатокъ древняго міра. Сынъ и человѣкъ, взятые въ отдѣльности, не приводятъ къ высшему благу, къ миру; взятые же въ совокупности, они раскрываютъ смыслъ и цѣль жизни, то-есть указываютъ на объединеніе и на то, для чего оно нужно. Сыновство естественно клонится къ распаденію, а „чистая человѣчность“, по своей отвлеченности, не имѣетъ въ себѣ достаточной силы для объединенія людей, не знаетъ и положительной объединяющей цѣли. Сыны, распавшіеся по отцамъ, не обращаютъ міра въ миръ, а „человѣкъ“ производитъ только мірское (свѣтское), а не мирное, то-есть также не обращаетъ міра въ миръ. Востокъ можетъ характеризоваться „сынами“, Западъ—„человѣкомъ“. Сынъ же человѣческій рождается въ странѣ наиболѣе обособившейся въ понятіи сыновства, въ землѣ „сыновъ Авраама“. Онъ-то и примиряетъ Востокъ съ Западомъ“ (Статья „Сынъ, Человѣкъ и ихъ синтезъ Сынъ Человѣческій“).

Какая разница между неопредѣленностью и пустотою безличнаго и отвлеченнаго человѣка съ ширью и глубиною реальнаго, живого и животворящаго сына человѣческаго! Сыновство есть реальнѣйшій изъ фактовъ, отрицаніе котораго совершенно невозможно ни для одного изъ живущихъ. Неизбѣжность признанія этого факта людьми какихъ бы то ни было свойствъ, даже и наиболѣе различныхъ, есть уже начало объединяющее, общая черта между всѣми ними. Ее можно просмотрѣть, забыть, презирать даже... уничтожить ее невозможно! Дороги ли намъ и милы наши предки, какъ это было въ теченіе тысячилѣтій, какъ это и понынѣ есть еще у милліоновъ людей, или же они представляются намъ „отвратительными“, какъ въ этомъ сознаются нѣкоторые прогрессисты (напр., Рише),—все равно! уйти отъ нихъ, по вѣрному восклицанію Ренана, нѣтъ возможности: не только мы плоть отъ плоти ихъ, но и они вошли въ плоть и кровь нашу, они живы и дѣйственны въ законѣ наслѣдственности, въ складѣ языка, понятій, чувствъ, вѣрованій, обычаевъ, учрежденій, въ ходѣ вѣковъ, на плечахъ которыхъ мы стоимъ, въ прахѣ, попираемомъ нами, въ воздухѣ, насъ окружающемъ, въ небѣ, къ которому летѣли ихъ стоны, жалобы, мольбы и благословенія, ибо и въ мірѣ нравственномъ, какъ и въ физическомъ, ничто не теряется изъ жившаго отъ вѣка. Вотъ почему никто, ни даже самый отрѣшенный отъ дѣйствительности „человѣкъ“, не въ состояніи вполнѣ вытравить въ себѣ эти вліянія прошлаго или совсѣмъ укрыться отъ нихъ въ настоящемъ. Сыновство, слѣдовательно, есть всемірный, всечеловѣческій фактъ, объединяющій людей въ неизбѣжномъ признаніи отечества; а съ признаніемъ отечества естественно само собою дано не только понятіе, но и ощущеніе братства, котораго съ такимъ безуспѣшнымъ трудомъ человѣчество искало и все еще ищетъ по окольнымъ, „блуднымъ“, не ведущимъ къ цѣли путямъ“. (Тайна братства скрывается въ отцахъ, только по нимъ мы братья; похоронивъ въ забвеніи отцовъ, мы схоронили и братство, и всѣ попытки, всѣ усилія возстановить его будутъ безплодны, пока возста-

новленіе отцовъ не будетъ признано цѣлью жизни всѣхъ сыновъ человѣческихъ“ (О стихотвореніи „Призывъ“).

Какъ скоро естественный и единственный источникъ братства познанъ и воспринятъ, отпадаетъ, какъ низменное и несовершенное, все юридическое, экономическое и соціалистическое; отвергаются не только юридическія понятія „гражданинъ“ и „гражданство“ (имена столь громкія, столь прославленныя, затемнившія, но не замѣняющія „брата“ и „братство“); отвергаются не только экономическія понятія „хозяинъ“ и „наемникъ“, ставшіе на мѣсто отца и сына, но и соціалистическая ассоціація, товарищество, основанное на расчетѣ корыстномъ, на участіи каждаго въ выгодахъ, барышахъ. Гражданинъ не братъ, наемникъ не сынъ, хозяинъ не отецъ, товарищество не братство, и все это нечисто съ точки зрѣнія той нравственности, которая признаетъ только родство; сверхъ того, все это, въ концѣ концовъ, и недѣйствительно, ибо даже самыя идеалистическія построенія соціалистическихъ обществъ оказываются невозможными, потому что люди не ангелы, а скорѣе злая сила, если ими руководитъ корысть или соревнованіе въ жаждѣ, къ наживѣ, и когда сдерживаютъ ихъ только внѣшнее принужденіе, искусственныя нормы закона, да страхъ наказанія („О двухъ нравственностяхъ: теоантропической и зооантропической“).

Наоборотъ, начало родственности, согласно съ Евангеліемъ, полагаетъ въ основу нравственности дѣтскую, сыновнюю и дочернюю любовь безъ страха и похоти (тамъ же). „Основное свойство родственности есть любовь, а съ нею и истинное знаніе. Въ отношеніяхъ раба и господина и гражданъ, между собою остаются скрытность и неискренность; въ нихъ нѣтъ слѣдовательно, ни истиннаго знанія, ни любви сыновней и братской; вотъ почему гражданственность, цивилизація не удовлетворяютъ требованію нравственнаго критерія. Но и родовой складъ первобытныхъ народовъ, слѣды котораго еще понынѣ видны у насъ, несмотря на внѣшнее сходство съ родственностью, также не удовлетворяетъ запросамъ христіанскаго критерія... Нужно продолжительное воспитаніе для того, чтобы общеупотребительное обращеніе „братцы“ стало изъ слова дѣломъ“... („Вопросъ о братствѣ“).

И однако эта долгая и трудная воспитательная работа имѣетъ цѣлью только вернуть намъ то, что изначала свойственно нашей природѣ въ пору ея неиспорченности, вернуть ту чистую дѣтственность, безъ которой, по слову Христа, нѣтъ входа въ Царствіе Небесное. „Вся нравственность первыхъ трехъ Евангелій заключается въ томъ, чтобы обратиться въ дитя, родиться сыномъ человѣческимъ, совершенно не вѣдующимъ земныхъ отличій и, напротивъ того, глубоко сознающимъ внутреннее родство и не на словахъ или въ мысли только, а въ чувствѣ и дѣлѣ“. Четвертое же Евангеліе раскрываетъ образецъ, поставленный сынамъ человѣческимъ въ лицѣ Сына Единороднаго, Который Самъ Себя любилъ именовать именно Сыномъ Человѣческимъ (тамъ же). „Въ дѣтскомъ чувствѣ всеобщаго братства скрывается сознаніе, что каждый человѣкъ есть сынъ, внукъ, правнукъ и т. д., потомокъ общаго праотца. Слѣдовательно, въ чувствѣ этомъ заключается не только тѣснѣйшее

соединеніе настоящаго, живущаго, но и такое же или еще бо̀льшее соединеніе настоящаго съ прошедшимъ, въ противоположность ученіямъ древнихъ и новыхъ мудрецовъ, ошибка которыхъ и состоитъ именно въ разрывѣ настоящаго съ минувшимъ" (тамъ же).

Существеннымъ представляется въ отношеніяхъ потомковъ къ предкамъ то, что̀ въ отношеніяхъ этихъ (правильно, то-есть родственно понимаемыхъ) „заключается не только *знаніе* (которое однако критеріемъ своимъ также имѣетъ *очевидность—оче-видность),* но *чувство,* которое не можетъ ограничиться однимъ только представленіемъ, одною мыслію, а требуетъ *видѣнія,* личнаго отношенія къ познаваемому, *„лицомъ къ лицу"*. Потому-то въ родственности, какъ критеріи, и заключается требованіе *воскрешенія*, но вмѣстѣ съ тѣмъ и требованіе дальнѣйшаго совершенствованія, то-есть совершеннолѣтія. (тамъ же). Для завершенія, то-есть выполненія заповѣди „будьте какъ дѣти!" нужно, чтобы *кажущееся* дѣтямъ стало *дѣйствительностью* для совершеннолѣтнихъ. То, что̀ мудрымъ и разумнымъ нашихъ дней представляется „насъ возвышающимъ обманомъ", а младенчествующему роду человѣческому казалось истиною, то для совершеннолѣтняго человѣчества должно стать дѣйствительностью... Цѣны богатству дитя не знаетъ; наоборотъ, потерю отца и матери чувствуетъ живѣе взрослыхъ. Дитя не знаетъ и дѣленія на богатыхъ и бѣдныхъ, на невѣрующихъ и вѣрующихъ, на ученыхъ и неученыхъ; для него нѣтъ раздвоенія разума; чувственность и похоть въ немъ молчатъ, а любовь къ родителямъ владѣетъ имъ нераздѣльно, устраняя чуждость и предвѣщая объединеніе. Все это должно стать таковымъ же и для совершеннолѣтняго, и тогда вражда замѣнится миромъ и согласіемъ (Евангельское дитя и Пасхальные вопросы"); благоговѣніе или, точнѣе и вѣрнѣе, сыновняя и дочерняя любовь безъ похоти и страха станетъ въ основу всего: умственнаго, нравственнаго, художественнаго („О двухъ нравственностяхъ").

Въ этомъ сочетаніи дѣтства съ совершеннолѣтіемъ исполнится заповѣдь Христа быть кроткими и чистыми, какъ дѣти и мудрыми какъ змѣи, то-есть, требованіе присутствія въ людяхъ не только нравственной чистоты, но и умственной зрѣлости, выражающейся въ знаніи, ибо однимъ чувствомъ безъ знанія не рѣшаются задачи „вѣчной дѣтственности". Правда, „въ объятой родственностью душѣ столько жизненности, что все мертвое передъ нею оживаетъ"; но возстановленіе всеобщаго родства во всей его полнотѣ, въ той „оче-видности", въ томъ общеніи „лицомъ къ лицу", которое необходимо высшему порыву любви, требуетъ, кромѣ этого чувства, и совершеннаго знанія орудія совершеннаго, всемогущаго дѣйствія (какъ увидимъ ниже). („Вѣчная дѣтственность"). Для сыновъ человѣческихъ идеальное (предметъ ихъ желаній, ихъ любви) и субъективное превращаются въ проективное, а реальное, объективное—въ активное и продуктивное, въ дѣло, въ исполненіе проекта". („Сынъ, Человѣкъ и ихъ синтезъ"). „Собираніе разрозненныхъ, забывшихъ родство можетъ совершиться лишь осуществленіемъ заповѣди воскресшаго Господа: „шедше, *научите* всѣ народы, крестяще и т. д.". Наученіе, слѣдовательно, является непремѣннымъ условіемъ объединенія, а вмѣстѣ и священ-

нымъ долгомъ для сыновъ человѣческихъ по образцу такого общества или согласія, въ которомъ единство установляется безъ ига, а самостоятельность сохраняется безъ розни. Это и есть *братотвореніе чрезъ отцепознаніе для всеобщаю отцевозсозданія*" („Добавленіе къ 12-членной схемѣ"). „Образованіе братства отцовъ для воспитанія сыновъ и братства сыновъ для возсозданія отцовъ составляетъ естественный ходъ возсозданія родовъ", путь ко всеобщему единству. („Вопросъ о братствѣ").

Со стороны чувства побужденіемъ, къ такому знанію и дѣйствію является ощущеніе утраты родителей, тѣхъ кому мы обязаны жизнью, ощущеніе *сиротства*. „Сиротство первая, сама великая эра въ исторіи человѣчества". Для живущаго, знавшаго только жизнь, сиротство, познаніе смерти вообще и своей собственной смертности, познаваемой изъ утраты настолько близкихъ людей, что отъ остающагося въ живыхъ онѣ отнимаютъ часть его покоя, его счастія, его здоровья, его жизни. Смертность, возведенная въ основной признакъ человѣка, познается только изъ такихъ утратъ: первый сирота, сынъ умершаго отца, и сталъ ощущать, сталъ сознавать себя смертнымъ. Послѣдствія этого ощущенія неизмѣримы. „Сиротство вынудило первыхъ сыновъ человѣческихъ искать въ небѣ Бога отцовъ, а къ землѣ молитвенно склоняться, чтобы (выражаясь словами Русской народной пѣсни) „разступилась мать сыра земля", чтобы „раскрылась гробова доска", а къ отцамъ обращаться, чтобы они встали и взглянули „на своихъ сиротъ-дѣтушекъ". Сиротство создало у первобытнаго человѣка молитвенное вертикальное къ небу взоромъ обращенное положеніе, изъ котораго вышло и его сторожевое, трудовое положеніе, пересоздавшее весь физическій организмъ, а съ нимъ и способность къ тѣлесному и духовному развитію. Сиротство сроднило людей съ землею, принявшею прахъ отцовъ, сдѣлало ее дорогою для нихъ, прикрѣпило кочевника къ ней и превратило его, лихого и беззаботнаго странника, въ трудолюбиваго и мирнаго землепашца. Защита мѣстъ погребенія, храненія драгоцѣннаго праха отцовъ, создала „дѣдинцы", кремли, погосты, острожки, вокругъ нихъ города, и придала этимъ оплотамъ первоначальныхъ кладбищъ священное значеніе родины, отечества. Въ связи съ этимъ сиротство сдѣлало и самихъ сыновъ воплощеніемъ молитвы, самою молитвою, выражавшеюся не въ нихъ однихъ, не въ одномъ внутреннемъ ихъ настроеніи, но и дѣлами внѣ ихъ. Похоронивъ отцовъ по физической необходимости, нравственной пытались тотчасъ же возстановлять ихъ памяти (пѣсни, былины, преданія, исторія), во внѣшнихъ подобіяхъ (изобразительныя искусства); расширяя свое сыновнее молитвенное настроеніе, искали ихъ въ иныхъ краяхъ земныхъ („Острова блаженныхъ", Земной Рай) и на небѣ (астрономія); совокупность осиротѣвшихъ сыновъ соединила ихъ въ молитвенный хоръ (церковь), а почитаніе памяти отцовъ и усилія изобразить ихъ какъ бы возстающими изъ земли, возвращающимися къ жизни, создало храмъ происшедшій по всему вѣроятію не въ одномъ христіанствѣ, а вездѣ изъ надгробнаго памятника, какъ и всякая первоначальная религія изъ культа мертвыхъ, культа предковъ („Первое возстаніе въ мірѣ постояннаго паденія").

Такъ утрата, омрачившая зарю жизни человѣчества, стала вдохновеніемъ къ его развитію, импульсомъ къ его всестороннему совершенствованію. Но таже утрата, тоже дѣтственное святое чувство сиротства должно вывести непрерывно гибнущее человѣчество и на путь къ его совершеннолѣтію, а съ нимъ и къ спасенію отъ гибели. Сознаніе непрекращающихся утратъ, предвѣщающихъ и собственную скорую гибель, должно стать непрестаннымъ побужденіемъ къ прекращенію власти силы, причиняющей утраты и гибель, а скорбь объ утратахъ, соединенная съ сознаніемъ своей вины въ видѣ пассивнаго или активнаго содѣйствія гибели тѣхъ, кому мы обязаны жизнью, должно стать сознаніемъ долга загладить свой грѣхъ передъ ними воздаяніемъ жизни за жизнь, возвращеніемъ жизни.

Такъ, въ понятіи сына человѣческаго мысль, чувство и воля, нравственный долгъ и знаніе, чистота и святость дѣтства и зрѣлость совершеннолѣтія соединяются въ одно гармоническое цѣлое. Не „человѣческое", не „общечеловѣческое", не „сверхчеловѣческое" какъ и не „вѣчно-женственное", а „вѣчно-дѣтственное" влечетъ насъ къ высшему, возноситъ насъ на небеса и небо низводитъ на землю.

Наоборотъ, всякое уклоненіе отъ вѣчной дѣтствѣености есть уже паденіе, превращеніе въ блудныхъ сыновъ и, при невозможности совершеннолѣтія, обращеніе къ ребячеству, которое слѣдуетъ отличать отъ дѣтства („Вопросъ о братствѣ"). „Лучше быть самымъ низшимъ, самымъ послѣднимъ изъ сыновъ человѣческихъ, чѣмъ царемъ избранныхъ умовъ, не умѣющихъ познать, что они блудные сыны", забывшіе долгъ къ отцамъ, разорвавшіе связь съ ними. Разрывъ этотъ не можетъ быть оправданъ несовершенствомъ родового быта. Несовершенство несомнѣнно, но оно не въ принципѣ, а въ недостаточно-рѣшительномъ его проведеніи, въ томъ ограниченіи, которое родовой бытъ вноситъ въ понятіе отечества, а слѣдовательно и братства. Родовому быту не достаетъ умозрительной широты, способной раздвинуть область отечества, представить не своихъ однихъ, но всѣхъ отцовъ какъ одного отца, а потому и всѣхъ людей какъ братьевъ". Но лучше ли этого то, что даетъ взамѣнъ родового быта, бытъ „цивилизованный", гражданскій? Ничуть! Въ этомъ быту, заблужденіе и блужданіе неизбѣжны: съ утратою всѣмъ присущаго, простого, очевиднаго, всѣмъ понятнаго, связующаго начала естественнаго родства, прибѣгаютъ къ искусственной связи гражданства, къ туманному, отвлеченному объединенію въ безродной, безтѣлесной человѣчности. Какіе жалкіе суррогаты реальнаго, живого, Богомъ установленнаго и освященнаго союза, семьи! Слабость гражданственности уже указана; недостатки такъ называемой „чистой человѣчности" еще значительнѣе.

Гражданственность не въ состояніи создать прочнаго и глубокаго объединенія; гуманизмъ же прямо мѣшаетъ объединенію, явно противорѣчитъ ему. „Неопредѣленное понятіе „человѣкъ" открываетъ возможность ставить различныя цѣли, разнообразные идеалы человѣческой жизни; различіе цѣлей и путей, ведущихъ къ нимъ, не только препятствуетъ объединенію, но и дѣлаетъ блужданіе неизбѣжнымъ: покидающіе отчій домъ сыны осуждены на

блужданія; не избавлены отъ нихъ, отъ колебаній, сомнѣній и перемѣнъ путей и всѣ общества, гражданскія и политическія; разнообразіе, отличія и противоположности ихъ идеаловъ вносятъ разладъ внутренній, рознь и борьбу внѣшнюю другъ съ другомъ; гдѣ нѣтъ единства, тамъ зрѣетъ и вѣчно грозитъ вражда, а съ нею—общія бѣды: нужда, страданія, смерть, гибель... („О средствахъ возстановленія родства").

Гуманизмъ однако не замѣчаетъ своего заблужденія и утверждаетъ будто онъ стремится къ объединенію путемъ болѣе надежнымъ, нежели родовая связь. Но во-1) расширеніе послѣдней до всемірнаго родства отнюдь нельзя считать невозможною; а во-2) какъ бы ни была узка и ограниченна родственная связь въ родовомъ быту, даже и она является связью естественною, внутреннею, ощущаемою почти невольно, органически, физіологически и психологически, тогда какъ связь чистой человѣчности есть лишь отвлеченіе отъ реальной дѣйствительности, искуственное обобщеніе въ мысли, которому именно поэтому и такъ трудно перейти въ чувство, вслѣдствіе чего и приходится здѣсь прибѣгать къ помощи воспитанія и къ другимъ пособіямъ единичной и общественной культуры. Наконецъ, въ-3) гуманистическое общеніе человѣческихъ личностей носитъ въ самомъ себѣ противорѣчіе, вытекающее изъ только что указаннаго различія во взглядахъ на цѣль жизни, различія свойственнаго какъ неопредѣленному понятію человѣка, такъ и гуманистическому убѣжденію о желательности полнаго, всесторонняго развитія индивидуальности. Въ самомъ дѣлѣ, „если мы не признаёмъ ни общей цѣли, ни общаго дѣла, на что̀ намъ единство? Оно будетъ только стѣсненіемъ, какъ скоро выше всего мы ставимъ личную независимость?" („О гуманистической свободѣ").

Въ противоположность сыну человѣческому, не понимающему себя внѣ родственной связи съ прошедшимъ (съ отцами и предками) и съ настоящимъ (съ братьями), гуманизмъ, поклоняясь *„чистой"* человѣчности, стремится очистить ее прежде всего отъ стѣснительной связи съ прошлымъ. Характерная болѣзнь вѣка заключается именно въ этомъ отрѣшеніи отъ прошлаго, сыновъ отъ отцовъ, отъ общаго дѣла всѣхъ поколѣній, что̀ и лишаетъ нашу жизнь заразъ и первоначальной основы, и согласованной съ нею цѣли („Вопросъ о причинахъ неродственнаго состоянія міра"). Разумъ типичныхъ представителей современнаго общественнаго настроенія уже не занимается воспоминаніями; у него слишкомъ много *„настоящаго"* дѣла! При высокомъ о себѣ мнѣніи „новому человѣку", убѣжденному въ своемъ ежедневномъ совершенствованіи, нѣтъ нужды и поднимать изъ забвенія „старье", воскрешать то время, когда люди были (съ этой точки зрѣнія), конечно, несравненно хуже. (Тамъ же). Многочисленные и сами по себѣ превосходные историческіе и археологическіе труды нашего вѣка вызваны ученою любознательностью и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ сыновнимъ чувствомъ, потребностью исполнить нравственный долгъ относительно предковъ. Если среди огромнаго большинства пренебрегающихъ прошлымъ еще находятся желающіе узнать его, то дѣлается это не для того, чтобы „вернуть сердца сыновъ отцамъ", а для того чтобы „сотворить судъ надъ ними". Не пѣвцу ли чистой человѣчности, не

Шиллеру ли принадлежитъ столь любимое, столь часто поминаемое изреченіе „Die Weltgeschichte ist das Weltgericht" („всемірная исторія есть Страшный Судъ")?.. Невѣдомый, непостижимый Богъ невидимаго неосязаемаго гуманизма. Прогрессъ превращаетъ отцовъ и предковъ въ подсудимыхъ, а потомкамъ даетъ судъ и власть надъ ними. Историки—судьи надъ умершими, то-есть надъ тѣми, кто понесъ уже высшую мѣру наказанія, смертную казнь, а сыны—судьи надъ еще неумершими отцами. Ученые могутъ, пожалуй, сказать, что въ былое время стариковъ попросту убивали, а теперь только презираютъ: замѣна физическаго убійства нравственнымъ развѣ не прогрессъ?.. Но мы въ правѣ ждать отъ будущаго иного улучшенія: презрѣніе къ прошедшему станетъ постепенно уменьшаться; однако совсѣмъ уничтожиться оно, очевидно, могло бы только съ уничтоженіемъ поклоненія самому прогрессу, *такъ*, то-есть ложно, *понимаемому*. Вѣдь и своимъ улучшеніемъ *такой прогрессъ* можетъ привести лишь къ отрицательному результату, къ уничтоженію презрѣнія, а не къ любви, не къ проникнутому благодарностью уваженію къ предшественникамъ.

Если такъ, можетъ ли прогрессъ, какъ его обыкновенно понимаютъ, даровать смыслъ жизни, не говоря уже о цѣли? Вѣдь только то, въ чемъ можетъ выразиться высшая степень любви и уваженія, даетъ и смыслъ, и цѣль существованію Прогрессъ, въ гуманистическомъ, индивидуалистическомъ смыслѣ, прямая противоположность той сыновней любви, которая жаждетъ полнаго возсоединенія съ прошедшимъ, полнаго объединенія всѣхъ живущихъ со всеми умершими, объединенія, котораго мы и чаемъ во всеобщемъ воскресеніи. Прогрессъ полная противоположность всему этому: онъ состоитъ не только въ осужденіи отцовъ, но и въ дѣйствіяхъ, согласныхъ съ осужденіемъ. Для прогрессистовъ дурно то, что̀ есть, а еще хуже то, что̀ было, что̀ прошло; но только для недостаточно глубоко думающихъ прогрессистовъ можетъ казаться хорошимъ то, чего еще нѣтъ, ибо вѣдь и будущее когда нибудь станетъ настоящимъ и прошедшимъ, то-есть въ свою очередь дурнымъ. А такъ какъ эта смѣна имѣетъ повторяться безъ конца, то и прогрессъ оказывается не торжествомъ совершенства, а безнадежностью когда-либо его достигнуть, узаконеніемъ несовершеннолѣтія, осужденіемъ человѣчества на застой, погонею за обольстительнымъ миражемъ, отдаляющимся по мѣрѣ приближенія къ нему, идеаломъ, никогда не воплощающимся въ дѣйствительность.

Но въ такомъ случаѣ напрасно видятъ въ прогрессѣ опору оптимизма: истинный прогрессистъ долженъ бы быть необходимо пессимистомъ съ вѣрою въ непрерывное движеніе къ желанной цѣли, но безъ надежды когда либо ее достигнуть. Вмѣстѣ съ тѣмъ, если у него есть храбрость быть логичнымъ до конца, онъ долженъ признать себя убѣжденнымъ агентомъ не единенія, а розни. Вѣдь „прогрессъ (по опредѣленію извѣстнаго писателя на эту тему) есть постоянное возвеличеніе уровня человѣческаго развитія. Въ этомъ уровнѣ прототипомъ прогресса является *индивидуальное* психическое развитіе, которое есть не только объективный фактъ наблюденія, но и субъективный фактъ сознанія: въ нашемъ внутреннемъ опытѣ развитіе является въ формѣ

сознанія постепеннаго увеличенія знанія, уясненія мысли, и эти процессы сознаются въ формѣ улучшенія нашего мыслящаго существа, *его возвышенія*. Это фактъ индивидуальной психологіи, повторяющійся и въ психологіи коллективной, *когда члены цѣлаго общества сознаютъ свое превосходство надъ своими предшественниками* въ томъ же обществѣ". Но общество состоитъ изъ старшаго и младшаго поколѣній, изъ отцовъ и дѣтей; и если подъ цѣлымъ обществомъ разумѣть и стараго, и малаго, то-есть безъ различія возраста допускать равномѣрное движеніе всѣхъ членовъ общества, то-есть если отрицать старость и ослабленіе, тогда превосходство будетъ сознаваться только надъ умершими, и исторія будетъ необходима для того, чтобы было надъ кѣмъ превозноситься. И такое превознесеніе цѣлаго общества надъ прошлымъ можетъ казаться ему даже невиннымъ, а глубокій эгоизмъ совершенствующихся, выражающійся въ призрѣніи къ тѣмъ, кому они обязаны первымъ условіемъ совершенствованія (жизнью) можетъ ими даже не замѣчаться.

Но и на этомъ не останавливается присущее такому прогрессу стремленіе къ розни. Старое старится, а молодое растетъ: возрастая и сознавая свое превосходство надъ умершими, молодое поколѣніе, по закону прогресса, не можетъ не сознавать своего превосходства и надъ еще неумершими, надъ старѣющими, умирающими. Если старое говоритъ молодому: „Тебѣ подобаетъ расти, а мнѣ умаляться", то это желаніе доброе, родственное: тутъ говоритъ любовь отеческая; если же молодое говоритъ старому: „Мнѣ подобаетъ расти, а тебѣ убираться въ могилу", то это—прогрессъ, и говоритъ тутъ уже не любовь, а ненависть, ненависть блудныхъ сыновъ". Высшая объединяющая связь здѣсь утрачивается, распадается связь временъ, а съ нею и надежда на возстановленіе вѣчнаго, всеобщаго мира. Высшій образецъ единства, Троичный („Ты во Мнѣ и Я въ Тебѣ, да будемъ едины") здѣсь не примѣнимъ, невозможенъ; борьба и смѣны неизбѣжны; отцы и дѣти противопоставляются въ постоянную дисгармонію, и возвеличеніе вторыхъ пропорціонально униженію первыхъ. „Чти отца твоего и матерь твою" становится заповѣдью архаическою, вымирающею; „взыграніе младенцевъ" превращается въ „бреханіе щенятъ во чревѣ матери" („Эпиграфы къ Пасхальнымъ Вопросамъ"). Да здравствуютъ дѣти! Да гибнутъ отцы!—вотъ не знающій благодарности и жалости законъ фатально дѣйствующей эволюціи, этой крайней противоложности дѣтственности („Вѣчная дѣтственность") и прогресса, не идущаго дальше улучшенія по частямъ, улучшенія настоящаго цѣною измѣны родному прошлому. Прогрессъ, такъ понимаемый,—торжество индивидуализма и субъективизма, узаконеніе розни. *Біологически* прогрессъ состоитъ въ поглощеніи младшими старшихъ, въ вытѣсненіи сынами отцовъ; *психологически* это замѣна любви къ нимъ презрѣніемъ, это нравственное (въ сущности самое безнравственное) вытѣсненіе отцовъ; наконецъ, *соціологически* это достиженіе наибольшей мѣры свободы, доступной человѣку, а не наибольшее участіе его въ общемъ дѣлѣ, требованіе величайшей независимости, а не высшаго единства. *Соціологія есть наука минимальнаго общенія и максимальной возможности разобщенія* (Тамъ же). *Гуманистическое, космополитическое*

общество есть безродное государство, искусственный, механическій агрегатъ личностей, сбродъ бродягъ, родства не помнящихъ, *а не единая общечеловѣческая семья*, ибо основа семьи отеческое и сыновнее чувство, а они-то и утрачены въ гуманизмѣ.

И въ другомъ отношеніи гуманизмъ противоположенъ сыновству и дѣтственности: секуляризаціею (обмірщеніемъ) своей нравственности. Нравственность сыновъ человѣческихъ совпадаетъ съ религіозною потому уже, что въ основу свою она полагаетъ образецъ религіозный совершеннаго единенія и и высшаго добровольнаго согласія личностей, указанный въ Пресв. Троицѣ. Нравственность же гуманистическая, устраняющая родственное чувство и сыновній долгъ, не нуждается ни въ Богѣ-Отцѣ, ни въ Сынѣ Единородномъ. „Сый *въ лонѣ отчемъ*“ ничего не говоритъ сердцамъ тѣхъ, кто заповѣдь родства „познайте *себя въ отцахъ*“ замѣнилъ заповѣдью индивидуализма: „познай *самою себя*“. Отвлеченному и неопредѣленному „человѣку“ достаточно безжизненнаго Бога деизма, отвлеченнаго понятія, низведеннаго до минимальной степени ясности, до ограниченія божества самыми общими, самыми неопредѣленными чертами.

Но даже и эта минимальная религія только непослѣдовательный прибавокъ къ этикѣ гуманизма: не деизмъ, а *натурализмъ* можетъ быть ея единственною, согласованною съ ея духомъ, основою. *Гуманизмъ* послѣдовательный, вѣрный себѣ неизбѣжно приходитъ къ самообожанію. Это *апоѳеоза человѣка, антропотеизмъ*. Ветхозавѣтной заповѣди „Азъ есмь Господь Богъ твой и да не будутъ тебѣ иніи бози развѣ Мене“ гуманизмъ противоставляетъ заповѣдь новой „культуры“: „Азъ есмь человѣкъ (Homo sum“...) и да будетъ мнѣ свойственнo все человѣческое“. Человѣка же и человѣческое гуманизмъ понимаетъ натуралистически, въ томъ видѣ, какъ они созданы природою, не такими, какими они должны быть согласно велѣніямъ закона божественнаго и того нравственнаго, который не отрѣшаетъ себя отъ божественнаго. Это и есть „реабилитація физической природы“, узаконеніе „естественнаго состоянія“, признаніе естественныхъ свойствъ и влеченій за нормальныя и правомѣрныя. Образецъ нравственности сыновъ человѣческихъ, Евангельское дитя, здѣсь устраняется; на его мѣсто становится „дитя Природы“ (l'Enfaut de la Nature Руссо) (Пасха или Антипасха“). „Naturalia non sunt turpia“ первая заповѣдь натуралистической человѣчности, первая, безъ которой была бы немыслима и вторая: „humani nihil a me alienum esse puto“ (Статья „Человѣчность или животность?“). Не смущаясь тѣмъ, каковы естественные инстинкты, хороши ли они или плохи, въ противоположность аскетическому Memento mori!“, въ противоположность десятивѣковому посту, отрицательному дѣлу самоограниченія и отрѣшенія отъ жизни, новоязыческая культура Возрожденія воскрешаетъ эпикурейское „Memento vivere!“ Но этотъ призывъ къ жизни есть въ тоже время сигналъ къ забастовкѣ отъ общаго положительнаго дѣла, къ забвенію долга жизни и цѣлесообразнаго труда; это обращеніе жизни въ трудъ безцѣльный, дающій „разрѣшеніе на вся“. По превращеніе быта новаго общества въ четырехвѣковой праздникъ или по

меньшей мѣрѣ въ непрестанное стремленіе къ „пиру жизни“, къ „упоенію“ наслажденіемъ, для оправданія котораго и нуженъ гуманизмъ („Что такое „Memento vivere?“)

Гуманизмъ, какъ небожественное, какъ натуралистическое, какъ освобожденіе отъ нравственныхъ обязанностей къ прошлому и ослабленіе обязанностей къ будущему, какъ возстановленіе правъ физической природы человѣка, есть переходъ къ неопредѣленной человѣчности, но къ очень опредѣленной животности, къ бестіализму и брютализму, къ звѣрству и скотству. Равнодушіе къ нравственнымъ обязанностямъ, данное въ отрицаніи родственнаго единства и сыновняго долга, и противоположное этому требованіе правъ на широкое проявленіе физическихъ инстинктовъ въ жизни есть, конечно, прямой путь къ животности. Но достойно замѣчанія, что требованіе гуманизмомъ и другой свободы, неограниченной свободы чисто-личнаго сужденія, чисто-субъективной критики (вмѣсто совмѣстнаго, родственнаго, соборнаго соглашенія) приводитъ къ тому же результату. По природѣ своей *противоположный божественному* (какъ узаконеніе слѣпыхъ, матерьяльныхъ силъ природы), гуманизмъ стремится и въ мысли ниспровергнуть божественное. Но какъ только онъ докажетъ, что нѣтъ Бога ни въ мірѣ, ни внѣ міра, а слѣдовательно не должно Его быть ни въ сердцѣ, ни въ мысли: такъ и самъ гуманизмъ, ставши только отрицаніемъ, только противопоставленіемъ божественному, исчезнетъ и замѣнится уже положительнымъ началомъ *животнымъ*; неопредѣленная человѣчность станетъ вполнѣ опредѣленною животностью („Человѣчность или животность?“). Если человѣкъ созданъ не по образу Божію, а по образу животнаго, какъ это и признаётъ натуралистическая этика, исполненіе заповѣдей Божіихъ будетъ для него исполненіемъ чего-то чужаго, ненормальнаго; роднымъ ему будетъ не высшій разумъ, не высшая воля, не высшее ими указываемое благо, а неразумная, безвольная и безнравственная природа. Возвышаться надъ нею онъ, конечно, можетъ; но всякое такое возвышеніе уже будетъ уклоненіемъ отъ естественнаго пути, аберраціей, тяготою, повинностью, насиліемъ надъ природою.

Вырваться изъ этого гибельнаго круга не поможетъ гуманистической нравственности никакая діалектика, уже потому, что для возвышенія надъ животностью нужно не послѣдованіе слѣпой природѣ, а преобразованіе ея въ соотвѣтствующую нашимъ нравственнымъ требованіямъ. *Не она намъ, а мы ей должны стать руководствомъ, закономъ.* „Пока въ человѣкѣ остается что либо рожденное, даровое, а не обращенное въ трудовое, пока рожденіе не обратится въ возсозданіе, до тѣхъ поръ человѣкъ останется животноподобнымъ существомъ“ („О новыхъ 10 Заповѣдяхъ Вѣнскаго Синая. Вейса. въ журналѣ „Ethische Cultur“), (письмо ко мнѣ отъ 2 Іюля 1900 г.). Вмѣсто обвиненія Бога въ несовершенствѣ міра и человѣка, слѣдовало бы человѣку отнести это несовершенство къ своей собственной винѣ, къ розни и недѣятельности, то есть слѣдовало бы правильно понять подобающее отношеніе всѣхъ людей, взятыхъ въ ихъ совокупности, какъ разумныхъ и нравствен-

ныхъ существъ, къ неразумной и ненравственной силѣ природы, и тогда безплодное, губительное осужденіе смѣнилось бы животворнымъ дѣломъ искупленія („Человѣчность или животность?“).

Но для того, чтобы такимъ образомъ трудовое и нравственное взяло верхъ надъ даровымъ естественнымъ, надо понять, что побѣда эта можетъ быть результатомъ не индивидуальнаго самосовершенствованія въ одиночку и въ разбродъ (какъ внушаетъ гуманизмъ), а результатомъ совокупныхъ, строго согласованныхъ и общимъ планомъ и долгомъ объединенныхъ усилій человѣчества, какъ этого требуетъ нравственность сыновъ человѣческихъ. Слабость гуманистическихъ заповѣдей совершенства въ томъ и состоитъ, что онѣ обращаются къ разрозненнымъ личностямъ, къ людямъ, взятымъ въ отдѣльности, и поэтому оказываются *не заповѣдями общаго спасенія, а заповѣдями индивидуальнаго наслажденія, не заповѣдями совершенства, а заповѣдями блаженства*, къ сожалѣнію не всеобщаго, а единичнаго: „Memento vivere!“ и „Carpe diem!“ (Тоже письмо). Тогда только можно сказать, что по Евангелію человѣку черезъ исполненіе заповѣдей возвратится его истинное существо, когда подъ „человѣкомъ“ будемъ разумѣть не отдѣльныя личности, а весь родъ человѣческій“. Только въ сознаніи своего родства другъ съ другомъ, братства по отцамъ, родства съ отцами земными и съ Небеснымъ, по образу Котораго созданы сыны человѣческіе, станетъ возможнымъ и общее дѣло совокупнаго совершенствованія и конечнаго спасенія, сообразно съ требованіями *теоантропической* нравственности, въ отличіе отъ нравственности *зооантропической*, той, гдѣ человѣкъ, созданный по образу животнаго, исходитъ въ своихъ отношеніяхъ къ себѣ подобнымъ (то есть животно-или звѣро-подобнымъ) существамъ изъ натуралистическаго закона: „Homo homini lupus“. Богочеловѣчная нравственность богоподобныхъ существъ свои отношенія къ людямъ-братьямъ основываетъ на подобіи отношеній лицъ Пресв. Троицы. Возникающая отсюда заповѣдь всеобщей любви будетъ также и заповѣдью блаженства, но относящеюся не къ отдѣльной личности, ни даже къ личностямъ, а ко всей человѣческой семьѣ: ибо дѣйствительное, полное блаженство порознь невозможно, немыслимо для нескотоподобныхъ существъ („Заповѣди блаженства Евангелія и гуманизма“). Въ этой всеобщности и дружности, въ этой нераздѣлимой полнотѣ добровольнаго союза любви заключаются сила, чистота и красота богочеловѣческой нравственности.

Съ другой стороны, только одна эта нравственность способна достигнуть той здоровой свободы, той благородной независимости, которыми совершенно незаслуженно похваляется гуманизмъ. Возмущаясь противъ подчиненія личности разумнымъ и нравственнымъ существамъ (людямъ) натуралистическій гуманизмъ не только мирится съ подчиненіемъ всѣхъ ихъ неразумной и ненравственной природѣ, но и видитъ въ покорности ей, въ послѣдованіи ей основу естественной нравственности („Tous les mouvements de la Nature sont droits“, Руссо). Но не смѣшенъ ли или, вѣрнѣе, не безуменъ ли этотъ ребя-

ческій бунтъ противъ разумныхъ существъ при рабскомъ подчиненіи слѣпымъ силамъ, стихійнымъ, животнымъ влеченіямъ и власти послѣдняго микроба?.. Нравственность богочеловѣчная побѣждаетъ иго и рознь между людьми родственнымъ союзомъ любви, въ которомъ нѣтъ ни ига, ни подчиненія; но и этого все еще недостаточно для достиженія обѣтованія заповѣди совершенства: полнаго познанія истины, плодомъ которой будетъ и полная свобода („Познаете истину, и истина сдѣлаетъ васъ свободными"). Дѣйствительно-независимою, вполнѣ *автономною* станетъ нравственность тогда только, когда прекратится *гетерономія*, то есть зависимость людей не другъ отъ друга, а отъ общаго ихъ (впрочемъ лишь временнаго, не вѣчнаго) врага, отъ слѣпыхъ и смертоносныхъ силъ природы („Заповѣди блаженства Евангелія и гуманизма").

Ничего этого не видитъ и знать не хочетъ нравственность блудныхъ сыновъ, бродягъ, не помнящихъ родства, забывающихъ отцовъ и Бога, отца всѣхъ отцовъ. Секуляризація человѣка есть развѣнчаніе его божественнаго происхожденія, его священнаго достоинства. Вольно существамъ, мнящимъ себя свободными, стремиться вверхъ или внизъ, возвышать или принижать себя; но отреченіе отъ уваженія къ величавому не проходитъ безнаказанно, неизбѣжно вырождается оно въ культъ низкаго; животное, гадъ вползаетъ въ опустѣвшее, заросшее соромъ, поруганное святилище Божества; изъ „вѣнца творенія" „малымъ чѣмъ умаленный отъ Ангелъ, славою и честію вѣнчанный" (Псал. 8, 6.), человѣкъ становится „выродкомъ природы", произведеніемъ поздней поры ея развитія, ея старости, декадентскимъ (по отношенію къ ея общему, преобладающему стремленію), болѣзненнымъ явленіемъ („Что̀ такое „Memento vivere"?)

Въ этомъ смыслѣ гуманистическая этика есть нравственность декадентская (письмо ко мнѣ отъ 30 Іюня 1900 г.), но вмѣстѣ съ тѣмъ и вакхическая. Призывъ къ долгу она замѣняетъ призывомъ къ наслажденію, трудъ устроенія вѣчнаго мира упоеніемъ брачнаго пира на могилахъ забытыхъ родителей, ибо на мѣсто долга къ нимъ у блудныхъ сыновъ становится увлеченіе дочерьми, а у дочерей сынами, превознесеніе живущихъ надъ умершими, при забвеніи, что вѣдь и живущіе тоже обречены на смерть, morituri („Пасха или Антипасха?"). Если же отрава наслажденія, близость собственной гибели, еще не забыта, что̀ остается какъ не искать ея забвенья въ вакхическомъ упоеніи хотя бы краткимъ мигомъ наслажденья? („Carpe diem!.."). Свѣтская культура и есть призывъ забыть умершихъ и забыться самимъ въ хмелѣ чувственности или въ гипнозѣ научныхъ либо художественныхъ развлеченій. „Спящій въ гробѣ мирно спи, жизнью пользуйся живущій": вотъ практическій итогъ свѣтской, индивидуалистической этики гуманизма; „учись наслаждаться настоящимъ, не заботиться о будущемъ и не жалѣть о минувшемъ" (Лермонтовъ): вотъ условія, при которыхъ для нея возможно наслажденіе. Беззаботность и забвеніе!.. Но за то и жизнь изъ священнаго

долга и святого труда превращается въ похмелье, въ забаву, въ игру. Сатиръ поры Возрожденія, Раблэ съ откровенностью, дѣлающею честь его цинизму, начерталъ на храмѣ наслажденія людей новаго типа, „руководящихся не закономъ, не статутами, не правилами, а своимъ желаніемъ и произволомъ", „единственное правило: „дѣлай что̀ хочешь!" (Gargantua, ch. 57). Разнузданность чувствъ или скрытое потворство чувственности вступаютъ въ свои права, угасшее чистое дѣвственное чувство смѣняется вспышками половой похоти; дѣвственная дочь человѣческая, отдающая жизнь родителямъ, мать, жертвующая жизнью для дѣтей, жена-муроносица, печалующаяся по умершимъ, смѣняются вакханкою, соблазнительницею блудныхъ сыновъ, властью женщины, властью физической красоты, властью тѣла... Вся культура проникается культомъ женщины („Эпиграфы къ „Пасхальнымъ Вопросамъ"): торговля несетъ дары цѣлаго свѣта ея прихотямъ; промышленность съ наукою, не стыдящеюся унижаться до уровня ея прислужницы, совершенствуютъ технику для окруженія ея комфортомъ, безумною роскошью, мимолетною модою; искусство облекаетъ ея чары въ художественныя формы, и все вмѣстѣ сливается въ колоссальную рекламу слѣпой силы полового подбора, влекущей къ похоти и рожденію для того, чтобы умерщвлять, смѣняя одно эфемерное поколѣніе другимъ...

Какое преувеличеніе, какая клевета! воскликнутъ въ негодованіи сыны вѣка. Не преувеличеніе, отвѣтимъ мы имъ, а лишь раскрытіе несознаваемаго (если не лицемѣрно прикрытаго) факта; не клевета, а только послѣдовательный предѣльный выводъ изъ данныхъ основъ, не способныхъ создать положительную нравственность. Да не припишутъ произвольно намъ, будто, кромѣ указаннаго зла, мы ничего не видимъ въ средѣ поклонниковъ „чистой человѣчности"! Вотъ это было бы клеветою! Рядомъ со зломъ и заблужденіемъ мы видимъ, мы ра̀достно привѣтствуемъ много хорошаго, полезнаго и благороднаго; но все это не слѣдствія гуманизма, а непослѣдовательности въ немъ, противорѣчія ему, не вытекающія изъ его основы. Единственное, что̀ мы утверждаемъ, это невозможность вывести логично подобныя отрадныя явленія изъ этихъ основъ ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ. Правда, и здѣсь, какъ и во множествѣ другихъ случаевъ, на выручку спѣшатъ выдвинуть вѣру въ прогрессъ. Но сознаѐмъ же наконецъ, что вѣра эта слѣпая! Говорятъ, прогрессъ слѣдуетъ какимъ-то законамъ... говорятъ... но не доказываютъ. До сихъ поръ всѣ такъ называемыя философіи исторіи, начиная отъ полагающихъ въ свою основу Божественный Промыслъ, до новѣйшаго „историческаго матеріализма", превращающаго весь ходъ исторіи въ „желудочный вопросъ", оставляютъ насъ въ полномъ недоумѣніи о томъ, какимъ образомъ совершающееся великое зло переходитъ въ концѣ концовъ въ великое благо. Ф. Лоранъ написалъ 19 увѣсистыхъ томовъ „Этюдовъ объ исторіи человѣчества" для изображенія этого таинственнаго перехода отъ вражды къ международному миру; но, давши добросовѣстную картину непрерывной вражды, онъ не обнаружилъ магическаго средства, которымъ арена вѣчнаго раздора превра-

щается въ храмъ согласія. Добросовѣстнѣе призналъ нашъ Погодинъ непостижимость этого и имъ предполагаемаго процесса: „Каждый человѣкъ дѣйствуетъ *для себя, по своему* плану, а выходитъ *общее дѣйствіе*, исполняется *другой высшій законъ*, и изъ суровыхъ, тонкихъ гнилыхъ нитей біографическихъ сплетается каменная ткань исторіи". Слѣпой вѣрѣ въ чудодѣйственныя силы безсознательно, невольно дѣйствующаго, прогресса или въ непостижимый высшій законъ, обнаруживающійся въ дѣйствіяхъ какъ разъ ему противоположныхъ, слѣдуетъ, не колеблясь, предпочесть надежду на успѣшность дружныхъ усилій существъ, сознательно дѣйствующихъ и доброю волею одушевляемыхъ. Не отъ себя зависящему *переходу* (этой принадлежности дѣтской поры человѣчества, безсознательной исторіи) надо предпочесть *переводъ* (выраженіе совершеннолѣтія) исторіи какъ исполненія закона не слѣпой природы, а закона Божія („Вопросъ о причинахъ неродственнаго состоянія міра"). Но подвигъ этотъ не по силамъ отвлеченной, хилой, худосочной, безродной „человѣчности"; это подвигъ сыновъ человѣческихъ, для которыхъ жизнь не забава, не наслажденіе, а обязанность выполненія священнаго долга передъ всѣми, живыми и умершими.

Взглядъ Николая Өедоровича на гуманизмъ въ его противоположности къ родственному началу мы должны были изложить подробно во 1) въ силу самостоятельной важности предмета, а во 2) вслѣдствіе его существеннаго, такъ сказать, центральнаго значенія въ ученіи самого Николая Өедоровича, дальнѣйшія главныя положенія котораго (а именно ближайшее опредѣленіе общечеловѣческаго дѣла) непосредственно вытекаютъ изъ его убѣжденія въ томъ, что всемірное братство можетъ быть установлено только на началѣ сыновства и отечества. Какое значеніе это убѣжденіе имѣло въ исторіи развитія его мыслей, онъ самъ опредѣлилъ слѣдующимъ признаніемъ: „Какъ только неопредѣленнаго, отвлеченнаго „человѣка" я замѣнилъ „сыномъ человѣческимъ", такъ все для меня исполнилось свѣтомъ: и небо, и земля, и преисподняя! Вопросъ „что̀ дѣлать?" сталъ для меня яснѣе дня!" (письмо ко мнѣ отъ 7 Іюня 1900 г.).

Владимиръ Кожевниковъ.

ИЗЪ ЕЛИСАВЕТГРАДА.

Крѣпость Св. Елисаветы.

„... думаю, что построеніе крѣпости Св. Елисаветы будетъ для переду великимъ авантажемъ Россіи и Турковъ въ уздѣ содержать“.
(Графъ Мих. Илар. Воронцовъ).

Въ первые годы царствованія Елисаветы Петровны, въ такъ называемой „Заднѣпровской Украинѣ“ (во владѣніе которою Россія вступила еще по Бѣлградскому трактату) было построено нѣсколько небольшихъ укрѣпленій или „шанцевъ“ (нынѣшніе Новогеоргіевскъ, Новоархангельскъ, Ольвіополь и друг.), и обращено вниманіе на заселеніе этого пустыннаго угла, такъ называемаго „дикаго поля“.

Съ 1751 года началось движеніе въ Россію Австрійскихъ Сербовъ, во главѣ котораго стоялъ Венгерскій полковникъ Ив. Сам. Хорватъ. *„29 Января 1752 года* Сенатъ приказалъ: Артиллеріи г.-м. Глѣбову дать инструкціи слѣдующаго содержанія: 1) пришедшихъ нынѣ и впредь имѣющихъ приходить въ подданство ея императорскаго величества Сербовъ и прочихъ тамошнихъ народовъ селить въ Заднѣпровскихъ мѣстахъ, 2) поселеніе полковъ называть *Новой Сербіей*, куда никого, кромѣ Сербовъ, селиться не допускать, а находящіяся въ тѣхъ мѣстахъ поселенія выслать въ прежнія мѣста ... 3) построить земляную крѣпость, которую назвать *Крѣпостью Св. Елисаветы*, а для строенія ея выслать до 2.000 человѣкъ изъ Малороссійскихъ полковъ“ [1]).

Съ этого времени на бывшей „Украинской линіи“ по границѣ съ Польшею возникаетъ цѣлый рядъ Сербскихъ поселеній, изъ которыхъ нѣкоторыя доселѣ сохранили драгоцѣнныя для нихъ имена селъ и городовъ Сремской области: Семлинъ, Кальниблатъ, Надлакъ, Печка, Федварь, Чонградъ и т. п.

Построеніе крѣпости Св. Елисаветы на верховьяхъ р. Ингула [2]) нѣсколько замедлилось вслѣдствіе сопротивленія со стороны Турціи, вызвавшаго даже дипломатическое столкновеніе. По донесенію Русскаго посланника Алексѣя Обрѣзкова, между прочимъ, Турки считали крѣпость Св. Елисаветы также важною, какъ и Бѣлградъ, когда онъ находился въ Австрійскихъ рукахъ, а переводчикъ Порты говорилъ, что новая крѣпость это чирей на здоровомъ тѣлѣ, что отъ него антоновъ огонь можетъ приключиться и т. п. [3]). Только *18 Іюня 1754 года* г.-м. А. И. Глѣбовъ заложилъ земляную крѣпость Св. Ели-

---

[1]) С. М. Соловьевъ, Исторія Россіи, кн. V, 713, 714.

[2]) *Ени-селъ* новое озеро, „великая Енгула“ или „великій Ингулъ“ старинныхъ бумагъ.

[3]) Ист. Рос. V, 817—820, 841 и д.—

саветы на правомъ возвышенномъ берегу Ингула. Крѣпость была снабжена снарядами, оставшимися отъ морской артиллеріи въ крѣпости Переволочной и въ ретраншементахъ Старо-Самарскомъ и Каменномъ на Днѣпрѣ. Съ 1755 г въ крѣпости была деревянная церковь во имя Св. Троицы, въ видѣ домика съ двумя небольшими главами [1]).

Нѣсколько выдвинутая въ степь, вблизи обычной торговой („чумацкой“) дороги въ Крымъ и на Запорожье, крѣпость Св. Елисаветы съ первыхъ же годовъ своего существованія прилагала „особенное стараніе къ искорененію гайдамакъ“, зорко слѣдила за движеніями на „Ханской сторонѣ“ и стала „краеугольнымъ камнемъ заселенія Новороссійскихъ степей“ [2]).

Подъ защитою крѣпости Св. Елисаветы, возникъ цѣлый рядъ поселеній, Великоруссовъ-раскольниковъ, Болгарскихъ выходцевъ, за-Днѣпровскихъ Молдаванъ, Малороссіянъ и даже Поляковъ („Ново-Слободской казачій полкъ“ полк. Адабаша), привлеченныхъ сюда слухами о льготахъ, дарованныхъ Сербамъ. У подошвы крѣпости, на „форштатѣ“, раскольники и слободскіе выходцы основали предмѣстье, нынѣшній Елисаветградъ, а въ окрестностяхъ цѣлый рядъ довольно большихъ селъ: Злынка, Никольское, Красное, Клинцы и друг.

Начавшееся при Елисаветѣ движеніе продолжалось затѣмъ и въ царствованіе Екатерины Великой, когда въ „Елисаветградскую провинцію“ вновь учрежденной Новороссійской губерніи (указъ 22 Марта 1764 г.) „велѣно принимать возвращающихся изъ Польши бѣглыхъ какъ Великороссіянъ, такъ Малороссіянъ и всякой народности людей, дабы тамошнія пустыя мѣста, какъ по пограничности нужныя, сколь возможно, настоящимъ кордономъ заселить и умножить“ [3]). Новые ряды поселеній могутъ быть отмѣчены во время первой Турецкой войны, особенно въ первой половинѣ 1770-хъ годовъ, между прочимъ такъ назыв. „Нововербованный полкъ“, впослѣдствіи „Бугское войско“ и т. д.

Съ именемъ крѣпости Св. Елисаветы связано послѣднее [4]) въ нашей исторіи Татарское нашествіе. 15 Мая 1769 года Крымскій ханъ Крымъ-Гирей съ большимъ войскомъ (слишкомъ 70.000 человѣкъ) перешелъ Русскую границу у мѣстечка Орла (нынѣшній Ольвіополь), намѣреваясь съ главными силами вторгнуться въ Елисаветградскую провинцію, а оттуда въ Польшу, гдѣ ждали его конфедераты; они указывали ему и дорогу. Татары, встрѣченные пушечными выстрѣлами въ Елисаветградѣ, не рѣшились брать эту крѣпость, а разсѣялись для опустошенія и сожженія окрестныхъ селеній... Изъ Елисаветградской провинціи было уведено болѣе 1.000 человѣкъ плѣнныхъ, много скота, сожжено въ ней болѣе 1.000 домовъ [5]).

Въ тоже время гарнизонъ крѣпости Св. Елисаветы продолжалъ искоренять шайки гайдамаковъ, главными притонами которыхъ служили „Мигейскіе

---

[1]) А. Н. Пашутинъ, Историческ. очеркъ г. Елисаветграда, 1897.—

[2]) А. Скальковскій, Опытъ статистич. описанія Новорос. края, 1850, I, 103.

[3]) Ист. Рос. V, 1487.—

[4]) Предпослѣднее: осенью 1768 г. Татары сожгли Придачу (подъ Воронежемъ) П. Б.

[5]) Тамъ же, VI, 565.

пороги" на Бугѣ, а также лѣсъ „Чута", а по уничтоженіи Сѣчи Запорожской (генераломъ Текеліемъ, 1775 г.) отобранное у Запорожцевъ оружіе и другія военныя вещи хранились при крѣпости Св. Елисаветы.

Послѣ присоединенія Крыма, крѣпость Св. Елисаветы „такъ какъ по состоянію внутри государства крѣпостью почитаться не могла" (указъ 22 Янв. 1784 г.) обращена во внутренній городъ Екатеринославскаго намѣстничества. Далѣе Елисаветградъ послѣдовательно относился къ губерніямъ Вознесенской, Новороссійской (при Павлѣ I), Николаевской, переименованной затѣмъ въ Херсонскую губ. (указъ 15 Мая 1803 г.). 15 Марта 1805 года крѣпость Св. Елисаветы совершенно упразднена, при чемъ пушки и прочее оружіе постепенно были перевезены въ Херсонъ, во вновь устроенную тамъ крѣпость *).

Впослѣдствіи Елисаветградъ въ теченіи болѣе 30 лѣтъ (1829—1861 г.) былъ центромъ „военныхъ поселеній" Херсонской губерніи, слѣдовательно болѣе половины своего 150-лѣтняго существованія (1754—1904) находился въ военномъ вѣдомствѣ.

Могила С. А. Порошина.

Воспитанникъ кадетскаго корпуса, образованный человѣкъ и горячій патріотъ, Семенъ Андреевичъ Порошинъ въ 1764—1765 гг. былъ учителемъ математики и однимъ изъ воспитателей десятилѣтняго цесаревича Павла Петровича, на котораго онъ пріобрѣлъ сильное и благотворное вліяніе, о чемъ свидѣтельствуютъ оставленныя имъ „Записки". Главнымъ руководителемъ воспитанія цесаревича былъ гр. Никита Ив. Панинъ. Объясненіе Порошина гр. Шереметевой (невѣстѣ самого гр. Н. Ив. Панина), кажется, послужило поводомъ интриги, вслѣдствіе которой Порошинъ въ началѣ 1766 года вдругъ былъ удаленъ отъ двора великаго князя и получилъ приказаніе отправиться на службу въ Малороссію. Обращеніе Порошина къ защитѣ гр. Г. Г. Орлова осталось безъ послѣдствій. Порошинъ поѣхалъ въ Ахтырку (нынѣ Харьковской губ.). Въ правителѣ Малороссіи, гр. П. А. Румянцевѣ, Порошинъ встрѣтилъ человѣка, который сумѣлъ оцѣнить его способности. Въ 1768 г. онъ былъ назначенъ командиромъ Старооскольскаго пѣхотнаго полка, съ которымъ въ слѣдующемъ году, т. е. въ 1769 г., выступилъ въ походъ противъ Турокъ; въ этомъ походѣ Порошинъ заболѣлъ. Болѣзнь была незначительная, какъ вдругъ пришло извѣстіе, что вторая армія, къ которой принадлежалъ Старооскольскій полкъ, переходитъ подъ начальство гр. Петра Ив. Панина, брата Никиты Ив. Это извѣстіе поразило Порошина, какъ громомъ; онъ потерялъ память, такъ что когда Румянцевъ пріѣхалъ къ нему проститься предъ отъѣздомъ, то больной послѣ спрашивалъ своего брата, что̀ графъ съ нимъ говорилъ. Вскорѣ послѣ этого Порошина не стало.

---

*) Въ церковномъ отношеніи за время своего существованія Елисаведградъ принадлежалъ къ митрополіи Кіевской (до 1756 г.), епархіямъ Переяславской (до 1775 г.), Славенской и Херсонской, Екатеринославской (обѣ въ Полтавѣ), Новороссійской и Днѣпровской (Новомиргородъ, при Павлѣ), снова Екатеринославской, Херсонской и Таврической (Одесса), наконецъ Херсонской (съ 1837). Истор. оч. Елисаветграда, стр. 12, 23.

Могилу С. А. Порошина указываютъ „возлѣ бывшей крѣпостной Св. Троицкой церкви“ въ Елисаветградѣ, на мѣстѣ которой нынѣ находится каменная часовня при городской больницѣ. Съ восточной стороны часовни дѣйствительно есть какія-то безвѣстныя могилки, окруженныя деревянною оградой. Родившись въ годъ восшествія на престолъ императрицы Елисаветы, въ 1741 г., С. А. Порошинъ встрѣтилъ болѣзнь и кончину въ крѣпости Св. Елисаветы въ 1769 году. „Такъ исчезъ, говоритъ С. М. Соловьевъ, одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ Русскихъ образовъ второй половины XVIII вѣка; начато было хорошее слово, хорошее дѣло, и порвано въ самомъ началѣ“ [1]).

Совершенно случайно, лѣтъ черезъ 30 послѣ этого, императору Павлу Петровичу пришлось оказать помощь городу, схоронившему прахъ его бывшаго воспитателя: послѣ большого пожара, постигшаго Елисаветградъ (10 Іюля 1798 г.) Павелъ приказалъ „заимообразно выдать изъ казны сто тысячъ рублей“ [2]).

Князь Потемкинъ въ Елисаветградѣ.

„Великолѣпный князь Тавриды“ увѣковѣчилъ свое имя во многихъ мѣстахъ такъ назыв. Новой Россіи. Съ его именемъ связано основаніе нѣсколькихъ нынѣ значительныхъ городовъ, какъ Екатеринославъ, Херсонъ, Николаевъ. Имя князя Потемкина хранитъ и Елисаветградъ.

Кн. Потемкинъ нѣсколько разъ бывалъ въ Елисаветградѣ: 27 Сентября 1782 г., передъ присоединеніемъ Крыма, во время путешествія на Югъ императрицы Екатерины въ 1787 г., во время второй Турецкой войны въ 1788 г. Жилъ онъ къ крѣпости, гдѣ находился „домъ о 14 комнатахъ“, нынѣ не существующій.

Городской садъ въ Елисаветградѣ, занимающій болѣе 25 дес. земли (бывшій „казенный“ садъ, заведенъ въ 1764 г. ген. Мельгуновымъ, по приказанію импер. Екатерины для доставки къ двору фруктовъ и овощей), въ началѣ прошлаго столѣтія назывался „Потемкинскимъ“ въ память пребыванія въ этихъ мѣстахъ кн. Потемкина. На нижней аллеѣ городского сада, на берегу рѣчки Сугаклеи, обращаетъ на себя вниманіе посѣтителя богатырскій дубъ въ нѣсколько обхватовъ, который называется „Потемкинскій дубъ“. „Преданіе гласитъ, что подъ этимъ дубомъ кн. Потемкинъ неоднократно держалъ военный совѣтъ по вопросу войны и взятія Очакова“. Въ народной памяти долго сохранялась „Очаковская зима“, которая, по сказаніямъ старожиловъ, совершенно измѣнила благодатный до того климатъ здѣшняго края.

По смерти князя Потемкина (5 окт. 1791 г.), въ Елисаветградѣ 6 Апрѣля 1793 г., былъ вскрытъ принадлежавшій ему „желѣзный сундукъ о 12 внутреннихъ замкахъ“ [3]).

А. П. К.

---

[1]) Ист. Рос., VI, 209.

[2]) Истор. оч. Елисаветграда, с. 14.

[3]) Тамъ же с. 10, 108, 110, 216, 220.

ДѢЛО КОМИТЕТА О КАЛИНИНѢ И БОРИШЕВСКОМЪ-ЧЕСТНѢЙШЕМЪ.

Дѣло о сихъ лицахъ возникло по поводу извѣта, сдѣланнаго служившимъ въ провіантскомъ вѣдомствѣ коллежскимъ регистраторомъ Боришевскимъ-Честнѣйшимъ на подпоручика С.-Петербургскаго ополченія Калинина въ томъ, что послѣдній открылъ ему существованіе въ Петербургѣ заговора, имѣвшаго цѣлью принудить императора Александра I-го отказаться отъ престола и предложить корону императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

По имѣвшимся въ извѣтѣ указаніямъ были задержаны, кромѣ Калинина и Боришевскаго-Честнѣйшаго, также купецъ Захаровъ съ сыномъ и таможенный секретарь Звѣздкинъ, а равно учреждено полицейское наблюденіе надъ проживавшимъ въ С.-Петербургѣ генералъ-маіоромъ Бѣгичевымъ. Калининъ безусловно отвергъ извѣтъ Боришевскаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ признался, что въ 1812 году, во время нашествія Французовъ, сочинилъ конституцію, а также и въ томъ, что считалъ царствованіе женщины болѣе полезнымъ, чѣмъ царствованіе мужчины, ссылаясь въ примѣръ на императрицъ Елисавету и Екатерину II-ю. Оба Захаровы (отецъ и сынъ), Звѣздкинъ и Бѣгичевъ признаны Комитетомъ непричастными къ дѣлу; Калинина же Комитетъ нашелъ нужнымъ заключить, какъ человѣка опаснаго, въ Шлиссельбургскую крѣпость, а Боришевскаго обязать подпискою, чтобъ впредь былъ остороженъ и не занимался тѣмъ, что до него не касается.

Справка: 1) Подпоручикъ *Калининъ,* 10-й дружины С.-Петербургскаго ополченія; ранѣе былъ досмотрщикомъ Кронштадтской таможни. По переформированіи дружинъ ополченія оставленъ „за комплектомъ". 2) Коллежскій регистраторъ *Боришевскій-Честнѣйшій* (Петръ Васильевичъ) канцелярскій служитель провіантскаго штата. 3) Генер.-маіоръ *Бѣгичевъ* (Иванъ Матвѣевичъ), будучи въ отставкѣ въ 1812 г., велѣно ему состоять по арміи и отряднымъ начальникомъ С.-Петербургскаго ополченія; 30 Октября 1814 г. былъ уволенъ отъ службы, по прошенію, за болѣзнію, съ ношеніемъ мундира, а за 30-ти лѣтнюю службу съ пенсіономъ полнаго жалованья *). 4) Купецъ *Захаровъ* (Михаилъ). 5) *Захаровъ* (Иванъ, сынъ купца Михаила Захарова). 6) Коллежскій секретарь *Звѣздкинъ* (Ѳедоръ) Кронштадтскаго таможеннаго штата.

Всѣ вышеозначенныя лица, за исключеніемъ подпоручика Калинина, въ Январѣ 1814 года были освобождены отъ слѣдствія и оставлены въ подозрѣніи, при чемъ Боришевскій-Честнѣйшій и Звѣздкинъ обращены, попрежнему, къ своимъ командамъ, а Калининъ заключенъ навсегда въ Шлиссельбургскую крѣпость, откуда въ 1826 г., по высочайшему повелѣнію, освобожденъ и отосланъ въ Сибирь, на жительство.

(Сообщено С. А. Панчулидзевымъ изъ Архива Государственнаго Совѣта).

---

*) Общій Архивъ Главнаго Штаба.

ВЫСОЧАЙШЕЕ ЗАМѢЧАНІЕ БАРОНУ М. А. КОРФУ.

Въ Архивѣ Государственнаго Совѣта хранится въ бумагахъ, оставшихся послѣ предсѣдателя Государственнаго Совѣта князя И. В. Васильчикова, дѣло 1838 г. о высочайшемъ замѣчаніи исправлявшаго государственнаго секретаря барону М. А. Корфу.

Въ Апрѣлѣ 1838 г. Николаемъ Павловичемъ были замѣчены ошибки, вкравшіяся при перепискѣ проектовъ въ V Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

Предсѣдателю Государственнаго Совѣта высочайше повелѣно было „сдѣлать и. д. государственнаго секретаря тайному совѣтнику барону Корфу въ общемъ собраніи Совѣта отъ высочайшаго имени замѣчаніе за ошибки".

1 Мая 1838 г. еще до приведенія въ исполненіе высочайшаго повелѣнія, графомъ И. В. Васильчиковымъ было получено письмо отъ министра государственныхъ имуществъ графа П. Д. Киселева, въ которомъ, принимая вину на себя, онъ объясняетъ, что онъ увѣрилъ барона Корфа въ томъ, что вновь переписанныя статьи проектовъ точно провѣрены, и просилъ не задерживать ихъ, въ виду предстоявшаго отъѣзда Государя. При этомъ графъ Киселевъ присовокуплялъ, что въ такомъ же смыслѣ имъ представленъ Его Величеству всеподданнѣйшій докладъ. Представляя Государю письмо графа Киселева, графъ Васильчиковъ приложилъ отъ себя всеподданнѣйшую записку, гдѣ, излагая дѣло согласно съ заявленіемъ графа Киселева, присовокуплялъ, что „можетъ быть вашему величеству благоугодно будетъ всемилостивѣйше найти, что столь прискорбное для званія государственнаго секретаря высочайшее въ общемъ собраніи Совѣта замѣчаніе по объявленіи настоящаго случая усматривается вашимъ величествомъ не въ соразмѣрности съ виною б. Корфа". При этомъ графъ Васильчиковъ изъяснялъ: „Я осмѣливаюсь присовокупить всеподданнѣйшее изъясненіе мое, сколь прискорбно мнѣ при первыхъ дѣйствіяхъ моихъ по званію предсѣдателя встрѣтить случай, давшій поводъ къ высочайшему вашего величества неудовольствію и что я принялъ бы знакомъ монаршаго ко мнѣ благоволенія, если бы нынѣ, за объясненіемъ того случая, благоугодно было высочайше повелѣть мнѣ на сей разъ ограничиться домашнимъ выговоромъ".

На докладѣ графа Васильчикова находится слѣдующая собственноручная высочайшая резолюція: „Хотя и никакъ не могу извинить г. Корфа въ томъ, что осмѣлился, не *повѣривъ самъ,* представить на мое утвержденіе, но по ходатайству вашему согласенъ на ваше желаніе".

(Сообщено С. А. Панчулидзевымъ).

К. Н. МАНЗЕЙ.

4-го Января 1905 года скончался въ Москвѣ бывшій командиръ гвардейскаго корпуса, генералъ отъ кавалеріи Константинъ Николаевичъ Манзей. Мы не можемъ оцѣнять его воинскія заслуги, хвалу которымъ воздаютъ люди знающіе, но должны помянуть его, какъ человѣка просвѣщеннаго, любезнаго, общительнаго. Занимая нѣсколько лѣтъ съ ряду значительное мѣсто въ Москвѣ, славился онъ своимъ гостепріимствомъ.

Происхожденія К. Н. Манзей былъШотландскаго. Онъ передавалъ намъ, что прадѣдъ его (или прапрадѣдъ), медикъ-докторъ Эдинбургскаго университета, пріѣхалъ въ Россію по воцареніи у насъ Елисаветы Петровны, въ числѣ тѣхъ Шотландцевъ, которые надѣялись, что новая Русская Государыня поможетъ Стюартамъ возвратиться на Англійскій престолъ, свергнувъ съ него Нѣмца Георга II-го, такъ какъ и сама Елисавета воцарилась, свергнувъ тяготѣвшее надъ нами Нѣмецкое иго *). Но Россіи, только что окончившей войну со Шведами, подъ самыми почти стѣнами новой своей столицы, было въ то время не до вмѣшательства въ чужія дѣла. Въ Исторіи Россіи С. М. Соловьева разсказано, съ какимъ милосердіемъ отнеслась Елисавета Петровна къ падшей правительницѣ (которая была дочерью двоюродной ея сестры, Екатерины Іоанновны). Ей и ея семейству отведено было прекрасно по тому времени устроенное помѣстье князя А. Д. Меншикова, въ хлѣбной, здоровой мѣстности, нынѣшнемъ Рязанскомъ городѣ Раненбургѣ. Тамъ и жило Брауншвейгское семейство, пока не обнаружились попытки Фридриха II освободить бывшаго императора и завести смуту въ Россіи (о чемъ разсказано въ изданной П. П. Пекарскимъ книгѣ „Бумаги К. И. Арсеньева“), вслѣдствіе чего Иванъ Антоновичъ заключенъ былъ въ Шлюссельбургскую крѣпость, а его родители, братья и сестры поселены въ Холмогорахъ. Не знаемъ, тогда или еще ранѣе Елисавета Петровна захотѣла воспользоваться врачебнымъ искусствомъ ученаго Шотландца. Манзей опредѣленъ былъ состоять при Аннѣ Леопольдовнѣ, ея супругѣ и дѣтяхъ, съ обязательствомъ совершенно отречься отъ сношеній съ остальнымъ міромъ. Дѣти его были взяты Государыней на

---

*) Любопытное прошеніе Шотландцевъ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ (которая передъ тѣмъ посадила на Шведскій престолъ Голштинскаго принца) напечатано въ „Русскомъ Архивѣ“ 1865 года, въ Русскомъ переводѣ князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго. П. Б.

ея попеченіе и конечно одарены (кажется, помѣстьями въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ). Отецъ К. Н. Манзея уже былъ довольно извѣстнымъ генераломъ и пользовался расположеніемъ императора Николая Павловича.

Въ среднихъ лѣтахъ возраста К. Н. Манзей служилъ адъютантомъ при Наслѣдникѣ престола Александрѣ Николаевичѣ и въ Царскомъ Селѣ ежедневно долженъ былъ съ ранняго утра являться къ его высочеству. Онъ разсказывалъ, что ежедневно происходило слѣдующее. Николай Павловичъ возвращался съ утренней прогулки безъ нѣсколькихъ минутъ въ 8 часовъ и, входя въ комнаты, запѣвалъ церковный стихъ: „Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояніе Твое"... непремѣнно пригоняя конецъ пѣснопѣнія („крестомъ Твоимъ жительство") ко входу въ уборную Наслѣдника и затѣмъ вмѣстѣ съ нимъ уходилъ на верхъ къ великой княгинѣ Маріи Александровнѣ пить кофей. Также до секунды точенъ былъ въ распредѣленіи времени императоръ Павелъ Петровичъ, сходство съ которымъ Николай Павловичъ любилъ находить въ себѣ, называя его обыкновенно mon malheureux père (мой несчастный отецъ).

Позднѣе, по приказанію Александра Николаевича, К. Н. Манзей написалъ Исторію Лейбгусарскаго полка, въ 3 частяхъ. Къ сожалѣнію, она подверглась строгой его цензурѣ, и въ печати опущены общезанимательныя подробности. Къ исторіи составленъ большой раскрашенный атласъ войсковыхъ одеждъ, изданный для немногихъ и нынѣ представляющій собою большую рѣдкость. К. Н. Манзей сообщалъ намъ его на разсмотрѣніе. Любопытны корректуры кантиковъ, оторочекъ, боковыхъ шнурочковъ и пр. Вѣроятно этотъ атласъ отпечатанъ до 1849 года, т. е. еще при жизни великаго князя Михаила Павловича. Такіе алтасы и чрезмѣрное соблюденіе воинской выправки имѣли у насъ въ теченіи слишкомъ полувѣка, съ самой кончины Екатерины II-й, великое значеніе. Государыня не допускала мелочей въ дѣлахъ и особливо въ дѣлѣ военномъ. Узнавъ, что великій князь Константинъ Павловичъ, по примѣру изъ Гатчины, заохотился ими, она приказала собрать у его подъѣзда, передъ возвращеніемъ его съ прогулки, трубочистовъ Зимняго дворца съ метлами и пожарными принадлежностями и доложить изумленному великому князю, что бабушка желаетъ, чтобы онъ, если угодно, игралъ съ ними, а солдаты нужны на что другое.

К. Н. Манзей женатъ не былъ, и мы не знаемъ, къ кому перешли его бумаги. П. Б.

ПОПРАВКИ.

О запискахъ Н. П. Колюбакина.

Существенная ошибка оказалась въ прошлогоднемъ Іюньскомъ выпускѣ „Русскаго Архива“, гдѣ напечатанъ отрывокъ изъ Записокъ *Н. П. Колюбакина* „Поѣздка въ Малую Азію въ 1856 году“. Отрывокъ этотъ не принадлежитъ перу Николая Петровича Колюбакина, и вотъ тому доказательства.

Изъ Записокъ видно, что авторъ ихъ, въ чинѣ *прапорщика* былъ во время осады Севастополя адъютантомъ при генералѣ Хрулевѣ. Затѣмъ, когда этотъ послѣдній былъ назначенъ (1856 г.) командовать дѣйствующимъ корпусомъ въ Азіятской Турціи, авторъ Записокъ вновь поступилъ къ нему адъютантомъ и 21 Апрѣля 1856 года выѣхалъ изъ Севастополя къ своей должности въ Александрополь. Въ концѣ Ноября того же года анонимный авторъ возвратился въ Москву къ своему семейству.

Всѣ эти обстоятельства никоимъ образомъ не подходятъ къ Н. П. Колюбакину: онъ не участвовалъ въ оборонѣ Севастополя и никогда не состоялъ адъютантомъ при генералѣ Хрулевѣ. Въ молодости (въ 1834 г.), служа поручикомъ въ Оренбургскомъ уланскомъ полку, за оскорбленіе своего полкового командира, Николай Петровичъ былъ разжалованъ въ рядовые и отправленъ на Кавказъ. Съ тѣхъ поръ онъ не покидалъ службы въ этомъ краѣ до 1863 года, когда получилъ мѣсто сенатора. Въ 1856 году, къ которому относятся Записки, онъ былъ полковникомъ и Кутаискимъ военнымъ губернаторомъ. Данныя эти, полагаю, вполнѣ убѣдительно доказываютъ, что не Н. П. Колюбакинъ авторъ Записокъ о поѣздкѣ въ Малую Азію въ 1856 г.

Кто же написалъ ихъ? У меня есть матеріалы для отвѣта на этотъ вопросъ. Анонимный авторъ говоритъ, что въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1856 г. онъ, вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ Владыкинымъ, сопровождалъ полковника М. Т. Лорисъ-Меликова, посланнаго изъ Карса въ Эрзерумъ для нѣкоторыхъ объясненій съ Турецкими властями относительно сдачи областей, занятыхъ во время войны нашими войсками.

Изъ оффиціальныхъ документовъ извѣстно, что Лорисъ-Меликова сопровождали въ этой поѣздкѣ адъютанты генерала Хрулева, корнетъ Владыкинъ и *прапорщикъ Степановъ.* Слѣдовательно, этотъ послѣдній и долженъ быть признанъ авторомъ Записокъ, о которыхъ идетъ рѣчь.

Напечатанныя въ Апрѣльскомъ выпускѣ „Русскаго Архива" 1903 г. Записки о поѣздкѣ въ Персію въ 1859 г. написаны дѣйствительно Н. П. Колюбакинымъ. Онъ былъ командированъ тогда въ Тавризъ для привѣтствованія шаха по случаю посѣщенія имъ пограничныхъ съ Кавказомъ Персидскихъ провинцій. Записки, веденныя тогда Н. П. Колюбакинымъ, были напечатаны (не для продажи) въ Тифлисѣ, безъ указанія мѣста и года печати, подъ заглавіемъ „Замѣтки изъ Персіи" и посвящены барону Александру Павловичу Николаю.

20 Декабря 1904. Тифлисъ.

Е. Вейденбаумъ.

Къ запискамъ С. И. Мосалова.

Въ Январской книжкѣ „Русскаго Архива за текущій годъ напечатаны любопытныя въ военно-бытовомъ отношеніи Записки С. И. Мосалова. На стр. 149 онъ называетъ Аракчеева генералъ-адъютантомъ. Конечно, эта маленькая ошибка не обезцѣниваетъ историческаго значенія Записокъ, но я полагалъ бы полезнымъ предостеречь Русскихъ историковъ отъ ошибочнаго пріурочиванія графу А. А. Аракчееву титула генералъ-адъютанта, котораго на самомъ дѣлѣ онъ не носилъ, хотя этимъ же званіемъ онъ поименованъ одинъ разъ въ Полномъ Собраніи Законовъ.

Въ XVIII вѣкѣ, званія *генеральсъ*-адъютантовъ, какъ адъютантовъ генеральскихъ чиновъ, и *генералъ*-адъютантовъ, какъ адъютантовъ царствовавшихъ лицъ, смѣшиваются очень часто, что, конечно, объясняется созвучіемъ наименованій обоихъ званій. Аракчеевъ же назывался генералъ-адъютантомъ просто въ виду своей близости къ императорамъ Александру I и Павлу I. С. И. Мосаловъ могъ быть введенъ въ заблужденіе относительно точнаго званія Аракчеева еще и потому, что послѣдній инспектировалъ войска, каковую функцію весьма часто исполняли чины Государевой свиты. Въ Лефортовскомъ Архивѣ въ Москвѣ хранится не одна сотня донесеній этихъ лицъ Государю, донесеній, весьма важныхъ въ военно-археологическомъ отношеніи.

Михаилъ Соколовскій.

15 Января 1905 г.
С.-Петербургъ.

*

Извѣстный писатель Илья Васильевичъ Селивановъ не приходился правнукомъ С. И. Мосалову, а былъ женатъ на его внучкѣ Вѣрѣ Фавстовнѣ.

Николай Чулковъ.

Въ Москвѣ стала выходить (неспроста) небольшая весьма юркая газета подъ заглавіемъ „Вечерняя Почта“. Въ ея 22 номерѣ 11-го Января напечатано „Памяти Грановскаго, стихотвореніе Герцена“ съ выпискою изъ Записокъ Герцена, но не сказано, откуда взяты эти стихи, въ которыхъ Герценъ оплакиваетъ Грановскаго, стоя у его могилы и внимая шуму рѣчки. Никакой рѣчки на Пятницкомъ кладбищѣ, гдѣ погребенъ Грановскій, нѣтъ; да и Герценъ никогда не бывалъ на его могилѣ, покинувъ Россію за нѣсколько лѣтъ до его кончины и не возвращаясь въ нее ни разу. Чьи же однако эти стихи, написанные весьма доровито? Должно быть Н. И. Огарева. П. Б.

*

Помѣщенная выше переписка о Катехизисѣ Филарета напечатана была во 2-мъ томѣ „Собранія его мнѣній и отзывовъ“ стр. 114—120 и въ изданныхъ А. Н. Львовымъ письмахъ къ нему, стр. 43—46.

*

Къ XI-й книжкѣ „Русскаго Архива“ 1904 г.: на 2-й стр. сорочки, вмѣсто графъ *Александръ* надо графъ *Владиміръ*.

На стр. 571-й, въ примѣчаніи, въ первой строкѣ, *вмѣсто съ матерью* надо съ *своею матерью*, во 2-й строкѣ вмѣсто *скрытіе* надо *вскрытіе* и въ третьей строкѣ надо выпустить слово „прежде“.

*

Въ статью „Къ исторіи Сибири въ концѣ XVIII вѣка“. Воспоминанія Т. П. Калашникова („Русскаго Архива“ кн. 10 1904 г.) вкрались опечатки:

Стран.	*Стр.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
149	29 сверху:	шутъ	шутя
151	29 „	настоящихъ	на столпцахъ
167	1 „	мѣрами	мѣхами
173	8 „	Карымскаго	Нарымскаго
—	10 „	кучу	кучу́
174	14 снизу:	вейверстоваго	вейверетоваго
175	7 сверху:	Мухозишибира	Мухоршибира
176	4 снизу:	былъ Иванъ Васильев.	былъ не Ив. Васильев.
177	19 сверху:	зайсаномъ	зайсанамъ
—	21 „	тайма	тайша
—	24 „	предѣлы	придѣлы
182	18 „	больная	большая
—	25 „	послѣ его	послѣ сего

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ СЕРГІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

†

4-го Февраля нынѣшняго года, среди бѣлаго дня, въ Московскомъ Кремлѣ (неподалеку отъ выѣзда изъ него въ Никольскіе ворота) злодѣйски умерщвленъ порфирородный сынъ императора Александра II-го, Великій Князь Сергій Александровичъ, во цвѣтѣ лѣтъ и здоровья. Оставивъ должность Московскаго генералъ-губернатора, онъ не покинулъ Москвы, которую полюбилъ еще съ отроческихъ лѣтъ, когда, по предписанію врачей, живалъ въ Нескучномъ, позднѣе и подъ Москвою, въ селѣ Ильинскомъ. Можетъ быть, вслѣдствіе этихъ отроческихъ впечатлѣній и по воздѣйствію на воспріимчивую душу ребенка его благочестивой матери Императрицы Маріи Александровны, а также и его наставницы Анны Ѳеодоровны Тютчевой (Аксаковой), привязанность къ древней столицѣ все болѣе крѣпла у Великаго Князя и въ зрѣлые годы обратилась въ совершенно-сознательную любовь къ ней, колыбели и выразительницѣ Русскихъ государственныхъ и общественныхъ началъ. Эта любовь проникала все существо покойнаго Великаго Князя и придавала его духовному облику особый, своеобразный отпечатокъ. Широко образованный вообще и необыкновенно начитанный, онъ съ особымъ вниманіемъ относился къ такъ называемому «славянофильству» и удѣлялъ немало времени занятіямъ археологіей и церковными древностями. Еще до своего генералъ-губернаторства, онъ много занимался жизнеописаніемъ Императрицы Елисаветы Алексѣевны, скромная личность которой все ярче выступаетъ и вызываетъ глубокое почтеніе историка (Великій Князь собралъ большое количество ея писемъ).

Скромный и сдержанный, онъ служилъ образцемъ того, что̀ Англичане означаютъ словомъ «джентльменъ», а по своимъ внутреннимъ побужденіямъ, былъ это стойкій и не знавшій никакихъ «уклоненій въ словеса лукавствія» борецъ за Русскія начала.

И онъ палъ жертвою этой неуклонности. На немъ сосредоточились злоба ненавистниковъ самобытности государственнаго строя Россіи и ярость темныхъ революціонныхъ силъ. Они неустанно сѣяли противъ него возмутительныя клеветы и лишили его жизни, такъ какъ видѣли, что лишь смерть можетъ помѣшать Великому Князю рѣшительно исповѣдывать свои убѣжденія и неустанно бороться за то, что онъ считалъ благомъ для Россіи.

Твердо вѣримъ, что, погребенный въ Кремлѣ Московскомъ, онъ будетъ все расти въ глазахъ потомства и, когда Русскій народъ выйдетъ на свой твердый и широкій путь, память о покойномъ, окруженная свѣтлымъ ореоломъ мученичества, не изгладится со страницъ исторіи и будетъ свидѣтельствовать, что и въ дни шатаній и замѣшательства были на Руси люди стойкіе, душесильные, готовые и смерть принять за свою вѣру.

«Русскій Архивъ»

*

Великій Князь Сергій Александровичъ былъ пятый сынъ Александра II-го, родившійся 29 Апрѣля 1857 г. Онъ получилъ образованіе подъ наблюденіемъ своихъ августѣйшихъ родителей. Произведенный въ прапорщики въ день своего рожденія, Великій Князь пятнадцати лѣтъ получилъ слѣдующій чинъ, а двадцати лѣтъ, въ разгаръ войны съ Турками, отправился на театръ военныхъ дѣйствій. 12 Октября 1877 г., онъ участвовалъ въ рекогносцировкѣ Кара-Лома близъ Кошева и за мужество и храбрость въ дѣлѣ съ непріятелемъ во время рекогносцировки былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени. Проходя службу въ л.-гв. Преображенскомъ полку, онъ командовалъ въ теченіе 5-ти лѣтъ батальономъ и съ 1887 г. по 1891 г. этимъ полкомъ. 3 Іюня 1884 г. состоялось его бракосочетаніе съ дочерью великаго герцога Гессенскаго Людвига IV Елисаветою Ѳеодоровною. Императоромъ Александромъ III Великій Князь Сергій Александровичъ былъ назначенъ въ 1891 г. Московскимъ генералъ-губернаторомъ съ производствомъ въ генералъ-лейтенанты. Въ 1896 г. онъ назначенъ командующимъ войсками Московскаго военнаго округа. Великій Князь занималъ оба поста до нынѣшняго года, когда былъ оставленъ главнокомандующимъ войсками Московскаго округа. Въ бытность генералъ-губернаторомъ, въ теченіи четырнадцати лѣтъ, покойный Великій Князь принималъ ближайшее участіе въ благоустройствѣ первопрестольной столицы и по должности командующаго—въ боевой подготовкѣ войскъ округа. Подъ его наблюденіемъ и руководительствомъ былъ воздвигнутъ въ Московскомъ Крем-

лѣ памятникъ императору Александру II. Великій Князь неослабно слѣдилъ за строительными работами и давалъ цѣнныя указанія своимъ сотрудникамъ въ этомъ дѣлѣ. За время Московскаго генералъ-губернаторства онъ получилъ шесть разъ Высочайшую признательность за свою дѣятельность, а также удостоился Высочайшей благодарности за смотръ подъ Курскомъ во время большихъ маневровъ войскамъ Московскаго военнаго округа. Съ 1894 года Великій Князь состоялъ членомъ Государственнаго Совѣта.

Его Императорское Высочество принималъ живое участіе во многихъ научныхъ и благотворительныхъ обществахъ и учрежденіяхъ. Въ 1881 году онъ вмѣстѣ съ Великими Князьями Павломъ Александровичемъ и Константиномъ Константиновичемъ предпринялъ путешествіе по Европѣ и въ Палестину, въ которой на мѣстѣ ознакомился съ нуждами и положеніемъ Русскихъ богомольцевъ. Вернувшись въ Петербургъ, онъ учредилъ Императорское Палестинское Общество, въ которомъ принялъ на себя предсѣдательство. Благодаря его покровительству и энергіи, Палестинское Общество стало собирать, разрабатывать и распространять въ Россіи свѣдѣнія о святыхъ мѣстахъ Востока и оказывать содѣйствіе Русскимъ паломникамъ; въ Палестинѣ же открылись Русскіе больница, школа и странопріимный домъ. По инціативѣ Великаго Князя на средства Палестинскаго общества были произведены раскопки въ Іерусалимѣ, давшія цѣнные результаты.

Затѣмъ Великій Князь интересовался вопросами Русской археологіи, исторіи, художества и зодчества. Въ его лицѣ археологическіе институты въ Петербургѣ и Константинополѣ и общество художниковъ исторической живописи лишились своего покровителя, Императорскій историческій музей въ Москвѣ, Московское общество акклиматизаціи животныхъ и растеній и Россійское общество рыбоводства и рыболовства—своего предсѣдателя, Московская практическая академія коммерческихъ знаній—своего попечителя. Когда началась война съ Японцами, Великій Князь содѣйствовалъ общественному движенію по оказанію помощи вдовамъ и сиротамъ, пострадавшихъ на войнѣ. Кромѣ того онъ интересовался дѣятельностью православныхъ братствъ, Московской Духовной Академіи, церковно-приходскихъ школъ, распространеніемъ духовно-нравственныхъ книгъ и носилъ званіе ктитора Александро-Николаевской часовни въ Петербургѣ.

Великій Князь былъ почетнымъ членомъ Императорской Академіи Наукъ и Академіи Художествъ, Московской Духовной Академіи, Московскаго и Петербургскаго Университетовъ, Московскаго Археологическаго Общества, Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, Ростовскаго Музея древностей, Православнаго Миссіонерскаго Общества и многихъ

другихъ ученыхъ и благотворительныхъ учрежденій и обществъ, а также шефомъ л.-гв. второго стрѣлковаго батальона и 38-го пѣхотнаго Тобольскаго полка.

(Изъ «Новаго Времени»).

*

Для «Русскаго Архива» и для его издателя лютая кончина Великаго Князя Сергія Александровича есть не только общій стыдъ и горе, но и утрата незамѣнимая. Его Высочество съ отроческихъ лѣтъ былъ нашимъ читателемъ. Еще до генералъ-губернаторства своего оказывалъ онъ намъ лестное вниманіе, а посѣлившись въ Москвѣ, нѣсколько разъ присылалъ въ «Русскій Архивъ» историческіе бумаги и сообщенія; въ личныхъ же бесѣдахъ былъ неподражаемъ, владѣя, подобно державному Брату своему, даромъ живой внимательности, люда, чтобъ ему говорили, а своимъ словомъ поддерживая и одушевляя разговоръ, чтò, при его любознательности и большой начитанности въ Русской исторіи, было поучительно и въ высокой степени пріятно. Сохранимъ на всегда благодарную о немъ память.

Помяни, Господи, душу, его во царствіи Твоемъ! П. Б.

РУСЬ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ЗА ГРАНИЦЕЮ.

Посольство князя Б. И. Куракина въ Ганноверъ въ 1709—1710 годахъ.

Петръ спѣшилъ воспользоваться плодами Полтавской побѣды, послѣ того, какъ «супостатъ отъ древнихъ временъ сильный, гордостію дерзкій, сосѣдомъ своимъ тяжкій, народомъ страшный, всѣми военными довольствы изобилующій» былъ побѣжденъ въ викторіи, «каковыхъ немного обрѣталось и въ книгахъ историческихъ *)». Геній царя сказался въ отличномъ пониманіи политическаго значенія побѣды, послѣ которой Сѣверная война сдѣлалась Европейскимъ вопросомъ и въ особенности послѣ окончанія войны за Испанское наслѣдство. Сильный Сѣверный государь, Шведскій король утратилъ свое значеніе; занявшій его мѣсто, Государь Русскій, открылъ побѣдно двери въ Европу, и Шведа уже имѣлъ «ни главнымъ врагомъ, ни единственнымъ». Полтавская побѣда вбивала клинъ въ Имперію, отвлекая государства Германскаго союза отъ борьбы съ Франціей. Въ этомъ смыслѣ Полтава перепутывала сложившіяся отношенія на Западѣ. Петръ хорошо это понималъ и старался покрѣпче загнать свой клинъ, чтобы утвердить не только вліяніе Россіи на дѣла Запада, но и воспользоваться его обстоятельствами на пользу Россіи, чѣмъ естественно вызывалъ къ себѣ сочувствіе однихъ и противодѣйствіе другихъ державъ.

Вскорѣ послѣ Полтавы, Петру предложили Польскій, Датскій и Прусскій короли вступить съ ними въ союзы. Съ двумя первыми заключенъ былъ союзъ оборонительный и наступательный, а съ послѣднимъ только оборонительный. Особенно трудно было уговорить Датчанъ. Такъ какъ войска Даніи участвовали въ борьбѣ съ Франціею, то Англія и Голландія всячески отговаривали Данію отъ Русскаго союза: союзники опасались отвлеченія Датскихъ силъ на Швецію и ослабленія черезъ то Англо-Голландской силы; опасались и того, что имперскіе

---

*) Изъ привѣтственнаго слова Θеоφана Прокоповича Петру въ Кіевѣ.

князья тоже отзовутъ свои войска для обереганья своихъ границъ и по разнаго рода обязательствамъ съ королями Датскимъ и Шведскимъ. Да и вообще усиленіе Россіи возбуждало опасеніе въ Европейскихъ государствахъ: боялись новой державы и ея постепенно возраставшаго политическаго могущества. Вотъ почему, не говоря уже о государствахъ, прямо враждебныхъ Россіи (Англія, Французы), даже и тѣ изъ Европейскихъ державъ. которые искали союзовъ съ Россіею и заключили ихъ, какъ Данія, Пруссія и Польша, оказывали ей помощь частію вяло и нерѣшительно, частію даже прямо обманывали свою союзницу, дѣйствуя, по временамъ, отдѣльно и заключая частные договоры съ ея врагами. При такихъ условіяхъ для Россіи нужны были стойкіе и образованные представители за границей, которые могли бы понимать политическую «ситуацію» Европы, какъ тогда выражались, и зорко слѣдить за всѣми проявленіями широкой борьбы разнообразныхъ выгодъ.

Мы видѣли, что сравнительно хорошо ознакомленный съ жизнью Западно-Европейскихъ странъ во время своихъ первыхъ путешествій, искусившійся въ дипломатическомъ представительствѣ въ Римѣ и оскорбленный холодностію царя и его приближенныхъ, князь Б. И. Куракинъ, послѣ Полтавской побѣды, рѣшилъ «политически проходить свою жизнь» [1]). Случай къ этому скоро представился. При тогдашнемъ положеніи Европы, среди государствъ Германіи на передній планъ выступало курфиршество Ганноверское [2]). И само по себѣ достаточно сильное это курфиршество, кромѣ того, въ недалекомъ будущемъ выставляло свое наслѣдство на корону Англійскую: правнукъ Іакова I Стюарта, Ганноверскій принцъ Георгъ являлся наслѣдникомъ королевы Анны. Его курфиршество имѣло сосѣдство съ Шведскими провинціями на Сѣверѣ Германіи, Бременомъ и Верденомъ, и для него было не безразлично, кто бы сталъ владѣть этими провинціями. Кромѣ сего, это курфиршество зорко слѣдило за своею сосѣдкою Даніей и совсѣмъ не желало усиленія ея могущества въ силу ея сосѣдства съ Голштиніей, родственной Швеціи по династіи. Наконецъ, это курфиршество вообще сочувствовало Швеціи, покровительствовавшей протестантской религіи на Сѣверѣ Германіи, а стало быть и Ганноверу. Заручиться расположеніемъ Ганновера и привлечь его къ Сѣверному союзу противъ Швеціи было очень важно: какъ членъ союза, Ганноверскій курфирстъ, по мень-

---

[1]) Р. Арх. 1904, VI, 199.

[2]) Первымъ курфирстомъ въ Ганноверѣ былъ герцогъ Эрнестъ Августъ (1678—1698), въ пользу котораго императоръ Леопольдъ I учредилъ въ Германіи это 9-е курфиршество; Іосифъ I далъ ему титулъ архиказначея Имперіи. О послѣднемъ у кн. Куракина. Арх. II, 207.

шей мѣрѣ, могъ удерживать Шведовъ въ Германіи отъ похода изъ своихъ Померанскихъ провинцій въ Саксонію, курфирстъ которой былъ и Польскимъ королемъ. До Полтавской побѣды нельзя было и думать о привлеченіи Ганновера къ союзу съ Россіею и ея «аліатами» (какъ тогда называли союзниковъ); болѣе сильные изъ нихъ, Польша и Данія, были побиты Шведами; Ганноверъ же въ началѣ войны даже явно враждебно относился къ Россіи, поддерживая Швецію и мѣшая заключенію Русскаго союза съ Австріей [1]). Теперь обстоятельства перемѣнились: Полтавская побѣда ослабляла Швецію; это было выгодно, какъ вообще для Германіи, получавшей возможность возвратить южное побережье Балтійскаго моря, когда-то отнятое у нея Шведами (въ Тридцатилѣтнюю войну), такъ и для Ганновера въ частности, который могъ пріобрѣсти Бременъ и Верденъ. Все это хорошо понимали въ Россіи, и вотъ почему Петръ рѣшилъ искать союза съ Ганноверомъ. Въ лицѣ Б. И. Куракина онъ нашелъ искуснаго дипломата, который могъ устроить этотъ союзъ къ обоюдной выгодѣ договаривавшихся сторонъ.

Въ это время, т. е. осенью 1709 г., князь Куракинъ находился при царѣ, который изъ Кіева поѣхалъ чрезъ Люблинъ въ Варшаву, а отсюда на свиданіе съ королемъ Августомъ, въ Торнъ, гдѣ заключенъ былъ союзъ Россіи съ Польшею. Изъ Торна кн. Куракинъ сопровождалъ царя и въ Маріервердеръ, гдѣ происходило свиданіе царя съ Прусскимъ королемъ [2]). Изъ Торна кн. Куракинъ и получилъ назначеніе ѣхать въ Ганноверъ, а послѣ того отправиться въ Англію. М. П. Бестужевъ, находившійся тогда въ Копенгагенѣ при кн. Долгорукомъ, привѣтствовалъ его съ новымъ назначеніемъ и льстиво заискивалъ его расположенія. Въ своихъ письмахъ къ кн. Куракину, Бестужевъ писалъ: «Ваша свѣтлость не прогнѣвается на меня, что я беру на себя смѣлость поздравить васъ съ новымъ назначеніемъ... Я такъ обязанъ великодушію вашей свѣтлости, что нѣтъ человѣка на свѣтѣ, который былъ бы довольнѣе меня, и всегда, гдѣ бы я ни былъ, я ничего не могу сказать кромѣ хорошаго о добротѣ вашей свѣтлости.... Конечно я очень бы желалъ служить при васъ и, услыхавъ, что вы отправляетесь въ Англію, хотѣлъ бы сопровождать васъ и находиться при вашей особѣ, чтобы имѣть честь быть чѣмъ нибудь полезнымъ». Бестужевъ писалъ, что князь остался бы доволенъ, если бы взялъ его съ собою въ Англію; служба въ Даніи при Долгорукомъ ему не нравилась, а въ

[1]) Соловьевъ XV, 47, 65. Въ 1704 г. А. А. Матвѣевъ говорилъ, что Ганноверскій дворъ желалъ поссорить Россію съ Франціей, ибо извѣстно его единодушіе съ Шведомъ. стр. 79, ср. 349 и слѣд.

[2]) Соловьевъ, XV, 385, 392.

заключеніи о своей просьбѣ просилъ никому не сообщать, кромѣ своего отца. Куракинъ отвѣчалъ уже изъ Ганновера своимъ согласіемъ принять Бестужева на службу, только опасался, какъ бы этимъ не навлечь непріятностей со стороны кн. Долгорукова. Въ отвѣтномъ письмѣ Бестужевъ писалъ: «Милости, которыми вамъ угодно было меня почтить, весьма велики и превосходятъ мои заслуги. Я сильно сомнѣваюсь, чтобы г. посланникъ остался недоволенъ вашимъ согласіемъ взять меня съ собою въ Англію, и никогда этому не повѣрю... Я вполнѣ готовъ слѣдовать за вами повсюду; меня здѣсь ничто не остановливаетъ, и я буду ожидать только вашихъ приказаній[1]).

Въ виду той враждебности, которую обнаруживалъ Ганноверъ ранѣе, въ Россіи понимали, что кн. Куракину нужна особая осторожность. Правда, Вѣнскій посолъ Урбихъ сообщалъ, что установленіе переписки и дружбы Ганновера съ-Россіей будетъ встрѣчено курфирстомъ съ расположеніемъ. Кромѣ того, еще раньше пріѣзда кн. Куракина въ Ганноверъ, посланникъ союзной Россіи Польши, Ностицъ предлагалъ курфирсту вступить въ наступательный союзъ съ Польшей противъ Швеціи, обѣщая за это курфирсту Бременъ и Верденъ; но ему въ этомъ союзѣ было отказано. Послѣ этого Ностицъ, уже во время пребыванія кн. Куракина въ Ганноверѣ, трудился надъ заключеніемъ союза между Августомъ, какъ Саксонскимъ курфирстомъ, и Ганноверскимъ, но не получалъ на свои предложенія ни согласія, ни отказа[2]). Кромѣ всего этого, естественно было ожидать, что союзные Россіи посланники, и до пріѣзда кн. Куракина въ Ганноверъ и во время его пребыванія здѣсь, хлопотали въ пользу Россіи и поддерживали Русскаго посланника. Не смотря на эти благопріятствующія обстоятельства, предусмотрительность требовала сначала провѣрить сообщенія Урбиха, чтобы открытымъ образомъ дѣйствія не повредить дѣлу сближенія. Князь отправленъ былъ въ Ганноверъ инкогнито, подъ именемъ Московскаго кавалера Луки Панова[3]). Этому превращенію удивлялись даже политическія друзья князя[4]). Ѣхать безъ «публичнаго» характера выгоднѣе было и въ ма-

---

[1]) IV, 157, 161.

[2]) IV, 151. Уже въ Февралѣ 1710 г. Ностицъ получилъ отъ своего двора инструкцію, въ которой ему предписывалось не заключать союза съ курфирстомъ, если онъ не будетъ направленъ противъ Шведовъ. IV, 178. Ностицъ, по словамъ кн. Куракина, былъ человѣкъ искусный въ дѣлахъ, но трудно ему было во всемъ вѣрить: больше хвастунъ (comme un gascon) II, 335.

[3]) II, 21.

[4]) Лука Пановъ прежде былъ псевдонимъ графа Нейгарта, президента камеры въ Бреславлѣ и политическаго корреспондента кн. Куракина IV, 143—144; 146—149. Онъ

теріальномъ отношеніи и въ отношеніи успѣха: князь освобождался отъ выполненія этикета. Изъ наказа, даннаго ему въ Маріенвердерѣ отъ 23 Октября, мы видимъ, что, пріѣхавъ въ Ганноверъ инкогнито, князь долженъ былъ освѣдомиться, «въ комъ при томъ дворѣ изъ министровъ есть сила и которые Шведской стороны противны»; въ особенности онъ долженъ былъ узнать, справедливъ-ли слухъ, что первый министръ Беренсдорфъ противникъ Шведовъ. Еслибы это послѣднее оказалось вѣрнымъ, то кн. Куракинъ долженъ былъ объявить ему, что присланъ онъ отъ царя съ собственноручною его величества грамотою, которую онъ имѣетъ указъ подать курфирсту секретно, въ приватной аудіенціи; при этомъ князь долженъ былъ сказать, что побужденіемъ къ такимъ дѣйствіямъ со стороны царя были слухи, дошедшіе, между прочимъ, и отъ Урбиха, о нѣкоторой склонности курфирста къ царю, равно какъ и личное знакомство Петра съ домомъ герцога, завязавшееся во время поѣздки царя за границу въ Копенбергенѣ *); все это давало царю поводъ «учинить, съ своей стороны, опытъ къ начатію съ его свѣтлостію доброй корреспонденціи и друж бы». Еслибы такой предварительный дипломатическій ходъ удался и кн. Куракинъ получилъ бы аудіенцію, то на ней князь долженъ былъ объявить курфирсту прежде всего объ особливой склонности и почитаніи царя; затѣмъ сказать, что Петръ желаетъ персонально учиненную знаемость и дружбу съ герцогомъ не только паки возобновить, но и добрую корреспонденцію впредъ сочинить; а въ заключеніи объявить, что царь приказалъ ему, кн. Куракину, сообщить самому курфирсту изустно о нужнѣйшихъ дѣлахъ и просить, чтобы герцогъ его выслушалъ. Если бы курфирстъ согласился назначить конференцію, то на конференціи князь долженъ былъ предложить слѣдующее. Петру извѣстно о прежде бывшей дружбѣ Ганновера со Шведомъ и о тѣхъ доброхотствѣ и услугахъ, которые Ганноверскій дворъ всегда и всюду обнаруживалъ къ Шведской сторонѣ. Однако за это курфирстъ не получилъ никакой благодарности отъ Швеціи, кромѣ разнаго рода досадъ и уколовъ; и несомнѣнно, если бы теперь оружіемъ царя не усмирена была бы гордость Шведа, то онъ и впредъ могъ бы учинить какъ герцогу, такъ и другимъ князьямъ имперіи, всякія насилія, что̀, конечно, и сдѣлалъ бы, если бы побѣдилъ царя. Если теперь курфирстъ

удивленъ былъ метаморфозой, происшедшей съ кн. Куракинымъ, и сравнивалъ его съ Протеемъ, о которомъ поэты говорили, что онъ имѣлъ даръ принимать всѣ виды, какіе только хотѣлъ. Ср. IV, 469.

*) Въ графствѣ Цельскомъ, когда Петръ видѣлся и пировалъ съ курфирстиною Ганновера Софіею и съ ея дочерью, курфирстиною Бранденбургскою, Софіею Шарлотою. Соловьевъ XIV, 230—232.

по справедливости, какъ сосѣдъ Шведа со стороны Бремена и Вердена, тщательно разсмотритъ свой интересъ, то увидитъ, на сколько опасны для него Шведы, ненасытно распространяющіе свою власть. Царское величество, по полученіи счастливой викторіи, какъ для собственной пользы, какъ и для сосѣдей желалъ бы и впредъ обуздать силу Шведскую, ограничить ее прежними и надлежащими терминами, чтобы они не могли вредить, какъ прежде, имперіямъ Русской и Германской. Царь не ищетъ конечнаго уничтоженія Швеціи, какъ намѣревался сдѣлать это король Шведскій съ Россіею; желанія царя, какъ и его союзниковъ, умѣренны. Съ цѣлію ограниченія силы Шведской, теперь царь и предлагалъ чрезъ кн. Куракина герцогу приступить къ Сѣверному союзу. Если бы, говорилось далѣе въ наказѣ, курфирстъ потребовалъ отъ князя болѣе подробнаго объясненія, какимъ образомъ Ганноверъ можетъ вступить въ предлагаемый союзъ, какая будетъ ему отъ этого польза и безопасенъ-ли онъ будетъ, то князь долженъ былъ предложить герцогу вступить съ царемъ и его союзниками въ союзъ наступательный и оборонительный противъ Швеціи. Ганноверъ это могъ сдѣлать по примѣру Польши и Даніи безопасно, а въ награду получить Бременъ и Верденъ, чѣмъ не по праву владѣетъ Швеція, какъ провинціями, принадлежавшими прежде Германіи. Въ дѣлѣ овладѣнія этими провинціями царь, какъ самъ, такъ и своимъ вліяніемъ на союзниковъ обѣщалъ помогать добрыми средствами. Наказъ предусматривалъ и тотъ случай, когда бы Ганноверъ на предложеніе союза сталъ отговариваться уже заключеннымъ союзомъ съ Швеціей. Если бы это случилось, то кн. Куракинъ долженъ былъ внушить, что «каждый потентатъ обязанъ государству своего интереса искать и для того не долженъ полезныхъ къ тому случаевъ пропускать, а особенно, когда иные оное къ пользѣ своей могутъ употребить (намекъ на Мекленбургъ, Пруссію и др. Сѣверогерманскія владѣнія). Если бы, съ другой стороны, Ганноверъ сталъ отговариваться тѣмъ, что овладѣть Бременомъ и Верденомъ не допустятъ ему Австрія и Пруссія, то на это кн. Куракинъ долженъ былъ отвѣчать, что обезопасить Ганноверъ со стороны Пруссіи царь принимаетъ на себя, а императора будутъ уговаривать пристать къ союзу сообща всѣ сѣверные союзники. Шведскія силы въ Лифляндіи и Финляндіи будутъ имѣть «развращеніе» отъ Россіи, а въ Швеціи и Норвегіи—отъ Даніи. При такихъ условіяхъ союзники, «получа всякъ свое намѣреніе», скоро и легко могутъ принудить Шведа къ миру. Для обезпеченія же пріобрѣтеннаго въ будущемъ, союзники могутъ учинить «гарантійный трактатъ».

Если бы курфирстъ согласился на предложенныхъ условіяхъ вступить въ договоръ съ Россіею, то кн. Куракину поручалось заключить

его, для чего давалась въ запасъ пленипотенція (полномочная). Договоръ долженъ былъ заключиться на слѣдующихъ условіяхъ: царь обѣщался помогать курфирсту въ пріобрѣтеніи Бремена и Вердена и до тѣхъ поръ не заключать мира съ Швеціей, пока это пріобрѣтеніе не состоится; съ своей стороны и курфирстъ обязывался тоже дѣлать. Далѣе Петръ долженъ былъ склонить и своихъ союзниковъ къ заключенію союза съ Ганноверомъ, а этотъ послѣдній долженъ былъ сдерживать Англію и членовъ Имперіи отъ всякихъ противностей союзникамъ, располагая западныя державы въ интересъ царскаго величества.

Въ Россіи, однако, твердо не надѣялись на то, чтобы курфирстъ согласился вступить въ наступательный союзъ; поэтому, если бы переговоры на этотъ предметъ кончились неудачно, то кн. Куракинъ уполномочивался предложить союзъ оборонительный на условіяхъ, чтобы герцогъ не дозволялъ Шведамъ выступать изъ ихъ Нѣмецкихъ провинцій противъ царя и его союзниковъ, а послѣдніе не вступали въ Шведскія земли, находившіяся въ Имперіи. Въ концѣ концовъ кн. Куракину поручалось, если бы Ганноверъ не захотѣлъ вступать съ Россіею ни въ оборонительный, ни въ наступательный союзъ, домогаться его нейтральства, чтобы курфирстъ, по меньшей мѣрѣ, не мѣшалъ военнымъ дѣйствіямъ сѣверныхъ союзниковъ; въ противномъ случаѣ царь могъ сыскать способы къ взаимному воздаянію. Однако, какъ о союзѣ, оборонительномъ такъ и о нейтральствѣ, въ особенности объ угрозѣ царскимъ воздаяніемъ, кн. Куракинъ долженъ былъ говорить только въ самомъ крайнемъ случаѣ, когда будутъ истощены всѣ средства къ тому, чтобы склонить герцога къ наступательному союзу. Вообще князь долженъ былъ дѣйствовать осмотрительно, съ разсужденіемъ и запасныхъ картъ не объявлять безъ крайней противности Ганновера. Если бы онъ предъявилъ особыя требованія, внѣ предложенныхъ условій, то кн. Куракинъ безъ сношенія съ дворомъ не долженъ былъ соглашаться на эти требованія. «А буде кн. Куракинъ союзъ заключитъ, то оной прислать къ подтвержденію и желать, дабы присланъ былъ съ тѣмъ подтвержденіемъ отъ курфирста къ царю министръ съ характеромъ».

Наказъ кн. Куракинъ получилъ 23 Октября, а 24-го уже выѣхалъ въ Германію, какъ объ этомъ можно судить по росписи путевыхъ его расходовъ. Съ нимъ были секретарь Ѳ. Веселовскій и канцеляристъ Петръ Роговъ *). До Берлина отъ Маріенвердера ѣхали 13 дней, расходуя еже-

*) Семьѣ Веселовскихъ князь особенно покровительствовалъ. Когда позднѣе изъ Ганновера князь Куракинъ уѣхалъ въ Англію, то братъ Ѳеодора, А. П. Веселовскій очень горевалъ по поводу невозможности уѣхать съ княземъ въ эту страну. Въ

дневно на обѣдъ людямъ и на кормъ лошадямъ отъ $1\frac{1}{2}$ до 2-хъ талеровъ, а за ночлегъ платили по 3 талера. Въ Берлинѣ и по выѣздѣ изъ него путешественники тратили на почту за каждую милю по 2 талера, за обѣдъ или ужинъ съ 3 персонъ по 1 талеру; если съ ужиномъ соединялся ночлегъ то прибавляли еще полталера. Если ѣхавшіе въ дорогѣ обѣдали, то въ этотъ день уже не ужинали, и наоборотъ; вообще ѣхали очень умѣренно. Въ Пятницу, 11 Ноября, пріѣхали они въ Ганноверъ инкогнито и остановились въ гостиницѣ Родшенкъ *), гдѣ оставались до 17-го. Здѣсь тоже они жили скромно: за обѣдъ платили $1\frac{1}{2}$ талера, за ужинъ и постели по одному; только въ первый день пріѣзда заплатили за ужинъ и постели 3 талера. 17-го они переѣхали въ особый нанятой дворъ; по всему видно, что обзаводиться помѣщеніемъ кн. Куракинъ не спѣшилъ, выжидая, какъ онъ будетъ принятъ въ Ганноверѣ. За новое помѣщеніе онъ платилъ съ дровами по 80 талеровъ въ мѣсяцъ; за посуду и приготовленіе пищи по $2\frac{1}{2}$ талера въ день; за бѣлье и постели по 23 гроша въ день, за свѣчи по 5 грошей. Онъ нанялъ трехъ лакеевъ, каждому платя съ пищею по 10 талеровъ въ мѣсяцъ, одного пажа, двухъ домовыхъ служителей съ платою каждому помѣсячно по 7 талеровъ. Для выѣздовъ князь купилъ карету за 210 талеровъ, лакеевъ и кучера одѣлъ въ ливреи простого голубого сукна съ камзолами, купилъ имъ чулки, шляпы, шпаги, что̀ все обошлось ему въ 130 талер. На напитки, вино и пиво князь расходовалъ въ день по 26 грошей; на мелкіе расходы по 20 талеровъ въ мѣсяцъ, на почтовую бумагу по 6, на сюргучъ $1\frac{1}{2}$, и на чернила гульденъ. Къ этимъ постояннымъ расходамъ присоединялись особыя. Такъ, во время первой аудіенціи у курфирста кн. Куракинъ далъ камеръ-фурьеру 20 талеровъ, пажамъ 15, лакеямъ 10, конюхамъ, поварамъ и др. мелкимъ служащимъ 15, музыкантамъ 5. При представленіяхъ курфистринѣ на весь ея дворъ князь далъ 10 червонныхъ; а на дворъ брата курфирста 5 талеровъ, на 3 талера меньше, чѣмъ сколько израсходовалъ на дворъ перваго министра Беренсдорфа (8). Въ праздникъ Рождества Христова при поздравленіяхъ князь израсходовалъ «обыкновенною дачею»: секретарю кабинета курфирста 10 червонныхъ, пажамъ 5 еф., лакеямъ 8, другимъ служителямъ 10, музыкантамъ и трубачамъ 10; «габолетамъ отъ гвардіи» (гобой) 5;

письмѣ изъ Москвы онъ просилъ князя не лишать благосклонности брата и прибавлялъ, что семья Веселовскихъ высоко цѣнитъ милости своего покровителя. IV, 165—166. Позднѣе, къ кн. Куракину пріѣхалъ въ Ганноверъ и другой братъ Ѳедора, Исаакъ, котораго князь отправилъ къ Литу, въ Берлинъ, а отсюда, по письму Головкина, проводилъ въ Копенгагенъ. Видимо, что Веселовскіе пользовались извѣстностью искусныхъ секретарей. IV, 176.

*) II, 185, 333.

гвардейскимъ барабанщикамъ 3, почтовымъ стужителямъ 4, на дворы курфирстины и брата герцога по 6; министровымъ людямъ и людямъ посланниковъ всего 18 ефимковъ. Однажды князь ѣздилъ въ Брунсвикъ и въ 8 дней потратилъ 8 талеровъ. Во время пребыванія у герцога Вольфенбютельскаго кн. Куракинъ далъ его лакеямъ и пажамъ 10 червонныхъ, музыкантамъ 2; за портусежъ 8 талеровъ, за карету и сакъ 2. Когда получено было извѣстіе о взятіи Петромъ крѣпости Эльбинга, то «трактовать» министровъ стало 85 талеровъ. Во время пребыванія въ Ганноверѣ однажды явилась нужда отправить нарочито Веселовскаго въ Берлинъ; поѣздка обошлась въ 20 талеровъ. Къ этому надо прибавить расходы на почту; всѣхъ почтовыхъ отправленій, начиная съ 17 Ноября по 15 Іюля, было у Куракина до 162, а полученій съ почты до 143 [1]), на сумму 48 талер. Всего князь получилъ въ Маріенвердерѣ казенныхъ денегъ на поѣздку въ Ганноверъ, по счету на тогдашніе Нѣмецкіе талеры 3410, сумму довольно скромную, если судить по окладамъ, какіе получали другіе посланники Россіи при иностранныхъ дворахъ [2]), а израсходовалъ, со времени выѣзда изъ Россіи, съ 24 Октября 1709 по 21 Марта 1710 г., 2378.

На другой же день [3]), по пріѣздѣ въ Ганноверъ, кн. Куракинъ отправилъ Веселовскаго объявить о себѣ Беренсдорфу. На слѣдующій день князь хотѣлъ просить аудіенціи у герцога; но такъ какъ было Воскресенье, день «консилія», то князь отложилъ свое намѣреніе до слѣдующаго дня. Въ Понедѣльникъ онъ заявилъ чрезъ Веселовского придворному маршалу Фаренберху о томъ, что проситъ приватной аудіенціи у курфирста.

Просьба его была уважена. Для князя была прислана въ полдень карета съ двумя лакеями, какъ обычно въ Ганноверѣ принимали «форейнеровъ», знатныхъ иностранцевъ. Во дворцѣ курфирста, въ первой комнатѣ, князя встрѣтилъ фурьеръ, въ залѣ Фаренберхъ, въ слѣдующей комнатѣ первый камергеръ, графъ Плятъ, а въ залѣ аудіенціи, при дверяхъ, самъ курфирстъ. Кн. Куракинъ поклонился его свѣтлости и сказалъ привѣтствіе: «Его царское величество, мой премилостивѣйшій государь, имѣетъ особливую склонность и почитаніе къ вашей курфиршеской свѣтлости и желаетъ прежде персонально учиненную знаемость и дружбу съ вашею свѣтлостію не только возобновить, но и добрую корреспонденцію впредъ сочинить, также и о нѣкоторыхъ нужныхъ дѣлахъ

---

[1]) II, 325—329.

[2]) Напр. Урбихъ въ Вѣнѣ. Рус. Арх. 1904 г. 6, 183.

[3]) Въ Субботу 12 Ноября.

мнѣ повелѣлъ предложить». На это курфирстъ отвѣчалъ: «Его царское величество учинилъ мнѣ особливую склонность и честь, что прислалъ вашу персону. Я всегда желаю имѣть продолженіе доброй корреспонденціи и потщусь мои услуги, въ чемъ возможно, показать». Послѣ этого кн. Куракинъ прямо сталъ говорить съ герцогомъ о дѣлѣ союза по данному ему наказу, а въ заключеніе своей рѣчи спросилъ, въ чемъ состоятъ намѣренія герцога относительно Швеціи и согласны ли они съ желаніями Петра ограничить Шведа его прежними терминами? На поставленный вопросъ курфирстъ не далъ прямого отвѣта и сказалъ: Думаю, что царь не желаетъ произвести въ Имперіи какихъ либо развращеній, изъ которыхъ бы вышелъ вредъ союзникамъ, воюющимъ съ Франціей; думаю также, что царь нынѣшней зимой помирится съ Карломъ XII. Другими словами, герцогъ давалъ понять, что вмѣшательство царя въ дѣла Германіи, хотя бы и съ цѣлію ограничить силу Шведа въ Имперіи, не имѣетъ цѣлію ослабить Германію путемъ отвлеченія ея силъ отъ войны съ Франціей; съ другой стороны, не преждевременны ли и вообще рѣчи о союзѣ, если царь нынѣшней зимой помирится съ Швеціей? Кн. Куракинъ понялъ отвѣтъ курфирста и заявилъ, что царь всегда искалъ и ищетъ дружбы со всѣми «аліатами»; цѣль его обуздать силу Шведскую, чтобы она не вредила въ будущемъ имперіямъ Русской и Германской. Что же касается мира со Шведами, то царь не согласенъ на него до тѣхъ поръ, пока не будутъ удовлетворены его союзники... (предполагалось, и Ганноверъ, если бы онъ присталъ къ союзу). Выслушавъ этотъ отвѣтъ, герцогъ заговорилъ о постороннихъ предметахъ, между прочимъ о Полтавской побѣдѣ, и сообщилъ ходившій тогда слухъ о смерти Карла XII. Стало быть, не было ни отказа ни согласія. За тѣмъ кн. Куракинъ побывалъ у курфирстины Софіи, матери герцога, передалъ ей привѣтъ Петра и напомнилъ «прежде бывшую знаемость» въ Копенбергенѣ. Обѣ аудіенціи закончились приглашеніемъ князя на обѣдъ къ курфирсту, послѣ котораго, кн. Куракинъ, проводя герцога до его кабинета, возвратился въ свою гостиницу.

Въ это время курфирстомъ Ганноверскимъ былъ Георгъ-Людвигъ. Наблюдательный князь оставилъ намъ любопытныя замѣтки, описывающія самого курфирста, его дворъ и дающія намъ возможность составить представленіе о той обстановкѣ, среди которой онъ дѣйствовалъ. Курфирстъ носилъ Англійскій орденъ, съ голубою лентой и подвязку. Онъ находился въ разводѣ съ женою, которая жила уединенно въ одномъ монастырѣ, подъ арестомъ, потому что имѣла амуръ съ графомъ Кенигсмаркомъ. Одинъ изъ братьевъ Георга, Гернетъ (Эрнестъ) Августосъ былъ холостъ и жилъ при дворѣ; онъ получалъ отъ герцога 24000

гульденовъ [1]); другой, Максимиліанъ, жилъ въ Вѣнѣ и получалъ 60,000. Наслѣдникъ короны Англійской, сынъ курфирста, Георгъ Августъ носилъ тѣже ордена, что̀ и отецъ. Особенно поразила кн. Куракина мать курфирста, Софія, 83 лѣтъ, внучка Англійскаго короля Іакова и прямая наслѣдница Англійской короны [2]). Вопреки своей старости, она отличалась бодростію, имѣла здоровыя чувства, свѣжій умъ, хорошія память, слухъ и знала почти всѣ Европейскіе языки: кромѣ природнаго Нѣмецкаго, она въ совершенствѣ читала, писала и говорила на Французскомъ, Англійскомъ, Голландскомъ и Итальянскомъ. Она ласково относилась ко всѣмъ иностранцамъ; не только принимала участіе въ забавахъ и увеселеніяхъ двора, со всѣми говорила, всѣхъ увеселяла, но даже участвовала въ маскарадахъ. Лѣтомъ она по три часа и больше гуляла въ своихъ садахъ. Утро, до обѣда, Георгъ обыкновенно проводилъ у себя въ кабинетѣ, занимаясь дѣлами. Обѣдъ устраивался въ часъ, иногда въ половинѣ второго, и только въ дни совѣта курфирста съ министрами въ два. За обычный столъ садилось 14 персонъ. На первомъ мѣстѣ, посреди стола, въ креслѣ, садилась мать герцога; по правую руку отъ нея, на простомъ стулѣ, курфирстъ; по лѣвую принцесса, жена наслѣдника (курпринца), а рядомъ съ нею братъ герцога; возлѣ него курпринцъ, „съ нимъ и я саживался», заключаетъ кн. Куракинъ. Далѣе разсаживались посланники, а по правую сторону отъ брата герцога садились дамы. Когда наступало время идти къ столу, то всѣ сходились въ аппартаме́нтахъ «электричи» Софіи. Предъ выходомъ въ столовую появлялся маршалъ, съ обыкновенною тростью, и дѣлалъ поклоны электричѣ, герцогу и принцессѣ: это было знакомъ того, что столъ готовъ. Послѣ того курфирстъ бралъ свою мать и приводилъ ее къ столу (равно какъ и отводилъ); если его не было, то церемонію проводовъ электричи исполнялъ курпринцъ. Принцессу отводилъ братъ герцога, за отсутствіемъ же его особо назначаемый кавалеръ. Въ столовую шли сначала кавалеры и министры чужеземные; потомъ маршалъ, позади его курпринцъ и за тѣмъ герцогъ съ матерью. Никакихъ тостовъ во время обѣда не произносилось; если и пили за здоровье, то каждый порознь. Кн. Куракинъ относилъ это обстоятельство къ высокой чести герцогской семьи, которая не хотѣла унизить себя здравицей съ лицами, ниже ея стоящими. Отличіе герцогской семьи за столомъ отъ остальныхъ заключалось только въ приборахъ: ложки, ножи, вилки солонки у однихъ были золотыя,

---

[1]) См. въ „Русскомъ Архивѣ" 1903 (I 430) его письма. П. Б.

[2]) Дочь Елисаветы, дочери Іакова I и Фридриха Пфальцкаго. Кн. Куракинъ смѣшиваетъ Іакова, когда говоритъ о немъ, что ему голову отсѣкли, съ Карломъ I. Впрочемъ подлинникъ, писанный рукою кн. Куракина, перечеркивался. II, 200—201 и прим.

у другихъ серебряныя. Когда всѣ занимали свои мѣста, то пажъ читалъ молитву «Отче нашъ», а маршалъ отходилъ къ другому столу, гдѣ обѣдали придворные дамы и кавалеры, равно какъ и пріѣзжіе. Этотъ столъ сервировался тоже на 14 персонъ. Герцогскій обѣдъ состоялъ изъ трехъ перемѣнъ: первая супъ, вторая жаркое и третье сладкое, «конфиктуры». По окончаніи обѣда къ столу подходилъ маршалъ, а пажъ читалъ благодарственную молитву; затѣмъ, всѣ присутствовавшіе удалялись въ аппартаменты электричи въ томъ же порядкѣ, въ какомъ и шли въ столовую, а побывъ немного у Софіи, возвращались по своимъ домамъ.

Послѣ шести часовъ вечера министры и кавалеры снова съѣзжались во дворцѣ герцога на ассамблею. Она устраивалась въ комнатахъ Софіи. Въ первой антикаморѣ играли кавалеры; въ каморѣ аудіенціи въ переднемъ углу помѣщался столъ для электричи, а въ другомъ столъ для принцессы. Курпринцъ обыкновенно находился съ кавалерами. Самъ герцогъ всегда приходилъ въ 8 часовъ; участія въ играхъ онъ не принималъ, а проводилъ время въ разговорахъ съ министрами и пріѣзжими кавалерами. Министры чужеземные пользовались этимъ случаемъ, чтобы поговорить съ курфирстомъ о своихъ дѣлахъ. Въ комнатахъ электриги была отмѣна въ сидѣньяхъ для разныхъ лицъ: курфистрина садилась въ кресло, принцесса сидѣла на стулѣ; а остальные, кто игралъ, размѣщались на табуретахъ, «четырехугольныхъ стульяхъ». Въ этой комнатѣ, кромѣ играющихъ никто не сидѣлъ. Кто уставалъ среди играющихъ, тотъ могъ выдти въ комнату кавалеровъ и сидѣть въ ней. «Однакожъ, я всего того не дѣлалъ, замѣчаетъ князь, хотя и съ трудомъ прохаживалъ тутъ, охраняя себя въ своемъ респектѣ». Можно представить себѣ положеніе респектабельнаго Русскаго боярина Петровскаго времени, одиноко прохаживавшагося въ комнатѣ курфюстрины среди чопорной Нѣмецкой обстановки. «Безмѣрно, замѣчаетъ онъ, при семъ дворѣ ретироваты люди: каждый смотритъ своего респекту и чтобы одинъ къ другому не подошелъ». Однажды князю нанесено было даже оскорбленіе, правда не Нѣмецкимъ кавалеромъ, но Шведскимъ посланникомъ за недостаточное соблюденіе респекта. Предъ отъѣздомъ въ Ахенъ*), въ одну изъ Средъ Марта мѣсяца, кн. Куракинъ поѣхалъ

*) Кн. Куракинъ уѣхалъ въ Ахенъ 23 Марта и прожилъ тамъ 7 недѣль до 11 Мая. Ѣздилъ онъ и лѣчиться у доктора Алива; Ахенской воды не пилъ, но только сидѣлъ „въ банѣхъ, гораздо прохоложенныхъ, такъ что чуть теплыхъ". Сидя въ водѣ, пилъ „Шпаватерпургонъ". Тогда имѣлъ великій жаръ въ лицѣ и многіе прыщи съ матеріею. Отъ этой воды лицо очистилось отъ пятенъ, но на тѣлѣ еще оставались. Вѣроятно, князь ѣздилъ безъ разрѣшенія отъ двора; по крайней мѣрѣ въ изданныхъ бумагахъ не находится указаній на такое разрѣшеніе. Тяжелая болѣзнь вынуждала его лѣчиться. III, 232; II, 257, 259.

ко двору обѣдать. Того же утра пріѣхалъ ко двору Шведскій посланникъ, Фризендорфъ. Когда пришло время идти къ обѣду, то пошли предъ курпринцемъ къ столу. Въ проходѣ посланникъ сказалъ Куракину: «Monsieur, je ne savais pas que vous serez aujourd'hui à la cour; mais savez vous bien qui je suis ici avec un caractère; je ne pouvais faire autrement?» (Милостивый государь! я не зналъ, что вы сегодня будете при дворѣ; но вы хорошо знаете, что я здѣсь съ характеромъ; могъ ли я поступить иначе?). Другими словами, встрѣчаться съ Русскимъ посломъ безъ характера считалъ для себя Фризендорфъ низкимъ. Послѣ того пришли къ столу, и Шведскій посланникъ занялъ мѣсто; но кн. Куракинъ не снесъ оскорбленія, взялъ конжентъ (отпускъ) у герцога и уѣхалъ въ свой домъ. Этотъ аффронтъ, пишетъ кн. Куракинъ, «я всегда въ сердцѣ своемъ содержу».

Послѣ асамблеи, въ половинѣ десятаго, присутствовавшіе шли къ столу ужинать въ томъ же порядкѣ, въ какомъ шли и къ обѣду. На ужинѣ полагалась одна перемѣна; въ срединѣ стола помѣщались конфекты, кругомъ нихъ закуски, а среди ихъ «въ маленькихъ чашкахъ суппа». По окончаніи ужина возвращались въ аппартаменты электричи, прощались съ нею и разъѣзжались по домамъ.

Этотъ порядокъ жизни Ганноверскаго двора измѣнялся по случаю какихъ либо торжествъ, прибытія имперскихъ принцевъ или знатныхъ особъ. Имперскимъ принцамъ давалось помѣщеніе въ замкѣ электорскомъ. Когда пріѣзжали въ Ганноверъ принцъ Евгеній Савойскій и лордъ Мальбора, то и имъ дали «отмѣну», помѣщая въ замкѣ. «А когда эти лица бывали при столѣ, то иного мѣста имъ не давали, кромѣ того, которое и мнѣ было дано», замѣчаетъ кн. Куракинъ. Наслѣдникъ и Эрнстъ-Августъ правой руки имъ не давали, а въ разговорахъ давали имъ «алтецу», (высочество), кромѣ курфирста. Большія церемоніи наблюдалъ кн. Куракинъ въ дѣлѣ подачи правой руки. Правую руку электоръ и его мать давали только принцамъ владѣющимъ; а не владѣющимъ, хотя бы и наслѣдственнымъ, даже курпринцъ — правой руки не давалъ. Во всѣхъ случаяхъ эту руку давали электоръ и его мать только своему зятю, сыну Прусскаго короля. «Сей примѣръ, замѣчаетъ нашъ князь, надобно имѣть къ царевичу, но еще выше того надо вести, какъ (т. е. чѣмъ) сына короля Прусскаго».

Въ Генварѣ мѣсяцѣ, во время пріѣзда герцога Вольфенбютельскаго Антона-Ульриха при дворѣ былъ устроенъ карнавалъ. Предъ отправленіемъ къ столу изъ шляпъ вынимали ярлыки, «билеты съ нумеры»; какой номеръ кому доставался, кавалеру или дамѣ, тѣ и шли парами

другъ съ другомъ, также и садилась за столъ, «чтобы не было въ мѣстахъ президенціи». За столомъ всѣ сидѣли въ одинаковыхъ стульяхъ, а не креслахъ, чтобы не было отличій. Отмѣна выражалась только въ приборахъ: герцогскіе были золотые, остальныхъ серебряные. Вечеромъ, на ассамблеѣ, электрича играла съ герцогомъ Вольфенбютельскимъ; оба сидѣли въ креслахъ. За другимъ столомъ играли принцесса, жена наслѣдника «съ принцемъ редиторнымъ Вольфенбютельскимъ» и съ дамою. Только принцесса сидѣла на стулѣ, остальнымъ «простые стулики». За третьимъ столомъ помѣщалась принцесса Вольфенбютельская съ принцемъ Барейтомъ и Шведскимъ посланникомъ. Принцесса сидѣла на стулѣ, остальные на обыкновенныхъ. Четвертый столъ занимали: принцъ Вольфенбютельскій, меньшой сынъ, мадамъ Фризендорфъ (посланница Шведская) и я, говоритъ кн. Куракинъ. Принцу былъ поставленъ стулъ съ отлогомъ; «однакожъ, онъ въ тотъ стулъ, не давъ мнѣ аффронту, не садился, а садился въ моемъ стулѣ». Кн. Куракинъ высоко держалъ свой респектъ! Изъ распорядка игравшихъ въ каморѣ электричи князь дѣлалъ выводъ, что Вольфенбютельскую принцессу ниже вели принцессы Ганноверской. «Также, сообщаетъ кн. Куракинъ, я нарочно осматривалъ и видѣлъ, что электоръ мало съ ними разговоровъ имѣетъ, а паче всѣхъ курпринцъ нимало не сообщался. И на роду не видалъ, чтобы онъ къ кому присталъ и съ кѣмъ сталъ говорить. Изъ сего видъ есть спѣси. Но такова ихъ обыкновенная политика». Кромѣ этого, кн. Куракинъ замѣтилъ, что во время ассамблей не было обычая разговаривать мужьямъ съ женами. Во время стола играла, въ ту бытность принцевъ Вольфенбютельскихъ, «огромная музыка»; среди музыкантовъ князь видѣлъ одного скрипача на столько славнаго, что и въ Италіи равнаго ему не было. Обѣдъ и ужинъ отправлялся на два стола, но особой разности въ столахъ не было: разсаживались по номерамъ; только первый столъ былъ подъ балдахиномъ, а другой устроенъ былъ просто; за этимъ сидѣли курпринцъ и принцъ Барейтъ.

Во время карнавала умерла при дворѣ принцесса Вольфенбютельская. Тогда прекратились всѣ забавы. Въ день смерти принцессы «обыкновеніемъ придворнымъ маршалъ разослалъ, къ вечеру, объявленіе всѣмъ знаменитымъ персонамъ. Въ объявленіи значилось, что на слѣдующій день всѣ должны были надѣть «печальное платье», только «безъ полотна на рукавахъ». При здѣшнихъ дворахъ, есть двоякое печальное платье. При тяжкой печали, напр. при смерти отца, матери, или «властнаго» при дворѣ человѣка, на руки по краямъ кладутъ, «шириною пальца въ полтретья, холстину»; покрываютъ черною холстиною также и пуговицы, за исключеніемъ четырехъ у пояса и одной верхней. Пла-

тье носятъ грубаго сукна. Шпагу тоже обшиваютъ чернымъ сукномъ, пряжки имѣютъ вороненыя, башмаки носятъ черныя, замшевыя; манжетъ не надѣваютъ. При болѣе легкой печали, какъ при смерти принцессы, пуговицы не покрываютъ, только имѣютъ не шелковыя, а шерстяныя, галстуки и манжеты обыкновенные, но не кружевныя. Платье надѣваютъ изъ добраго сукна; шпагу и пряжки обычныя, а шляпу носятъ какая у кого случится. Герцогъ и его сынъ носили обыкновенныя ордена съ лентою. Такъ жила герцогская семья въ Ганноверѣ.

Если судить по первому пріему кн. Куракина у курфирста, то его дипломатическіе начальные шаги въ Ганноверѣ обѣщали болѣе или менѣе удачное выполненіе его дѣла въ будущемъ, хотя въ Даніи, кн. Долгорукову, а позднѣе гр. Головкину, кн. Куракинъ и сообщалъ, что онъ не надѣется, основываясь на настроеніи курфирста и его министровъ, на заключеніе союза; самое большее, писалъ онъ, чего можно было ожидать отъ Ганновера, это только того, что онъ будетъ нейтраленъ *). Оффиціальные переговоры съ министрами о союзѣ, съ Беренсдорфомъ и барономъ Ельцемъ, кн. Куракинъ началъ (15/26 Ноября). Изъ этихъ переговоровъ выяснилось, что Георгъ не прочь былъ имѣть дружбу и корреспонденцію съ царемъ, но что̀ касается союза, то намѣренія о семъ герцога министры обѣщали сообщить князю на слѣдующій день. Однако отвѣта въ назначенное время кн. Куракинъ не получилъ. Позднѣе, 19 Ноября, Беренсдорфъ былъ у него съ объявленіемъ, что курфирстъ, по предложенію Польскаго посланника, объявилъ Англіи Голландіи и Австріи о желаніи Петра, вмѣстѣ съ Августомъ, быть посредникомъ при заключеніи мира между воюющими за Испанское наслѣдство. Такимъ образомъ уже въ это время Петръ желалъ вмѣшаться въ войну за Испанское наслѣдство, чтобы при заключеніи мира между воюющими оградить и сохранить выгоды Россіи. Объ этомъ посредничествѣ, спустя полгода, просили царя сами Французы чрезъ своего посланника Балюза. На сообщеніе Беренсдорфа кн. Куракинъ отвѣчалъ, что ничего не можетъ сказать, такъ какъ не имѣетъ указа отъ двора; онъ желаетъ только получить отвѣтъ на свои предложенія. Беренсдорфъ обѣщалъ сообщить этотъ отвѣтъ въ Понедѣльникъ, а пока сказалъ князю, что курфирстъ рѣшилъ не допускать Шведскій корпусъ генерала Красова, находившійся въ Шведскихъ провинціяхъ имперіи, атаковать Датскаго короля, вслѣдствіе чего могъ бы начаться огонь въ Имперіи. Это былъ тотъ 10,000-чный корпусъ генерала Крассау, который послѣ Полтавской побѣды былъ переведенъ изъ Польши въ Помера-

*) IV, 149, 153.

нію и увеличенъ былъ позднѣе предусмотрительнымъ генераломъ до 18,000. Онъ всегда могъ напасть на владѣнія Датчанъ и вторгнуться въ Саксонію противъ Августа, вслѣдствіе чего и могла начаться война въ Имперіи. Сообщеніе Беренсдорфа о Крассовѣ указывало на склонность Георга къ Сѣвернымъ державамъ.

Въ назначенный день, т. е. въ Понедѣльникъ, 21 Ноября, кн. Куракинъ, не дождавшись до 5 ч. вечера обѣщаннаго отвѣта, самъ отправился къ Беренсдорфу, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ отдать и визитъ министру. Беренсдорфъ, когда князь спросилъ его объ отвѣтѣ на свои предложенія, сказалъ, что отвѣтъ данъ будетъ завтра въ формѣ проектовъ отъ Ганноверскаго двора, при этомъ кратко познакомилъ князя съ ихъ содержаніемъ. Герцогъ, говорилъ Беренсдорфъ, намѣренъ имѣть корреспонденцію съ Петромъ и учинить добрую дружбу; но наступательный союзъ (аліансъ offensif) заключить не можетъ: это было бы противно всѣмъ аліатамъ, воюющимъ съ Франціею, отвлекло бы войска курфирста, находившіяся въ союзныхъ корпусахъ, въ другую сторону; возбудило бы войну въ Имперіи, такъ какъ государства, союзныя съ Швеціей или ей покровительствующія, вступились бы за Швецію и пошли бы противъ Ганновера, а иныя по зависти не дали бы возможности благопріятно окончить войну, если бы она велась счастливо. И во всякомъ случаѣ такой союзъ, безъ согласія съ западными воюющими, заключить нельзя. И въ оборонительный союзъ (deffensif) герцогъ вступить не можетъ, какъ за дальностію, такъ и потому, что если какимъ либо образомъ война пресѣчется, то король Шведскій *) будетъ «искать къ взаимному воздаянію». Можетъ быть, въ будущемъ общая выгода Имперіи потребуетъ заключенія такого союза, и тогда Ганноверъ, какъ имѣющій немалый кредитъ между всѣми аліатами, не отречется отъ такого союза; но теперь этого сдѣлать нельзя. Въ чемъ же нынѣ герцогъ можетъ оказать свои услуги Россіи, это будетъ объявлено кн. Куракину въ особыхъ проектахъ.

Проекты князь получилъ только въ Пятницу, 25 Ноября. Сущность ихъ заключалась въ слѣдующемъ. 1) Россія и Ганноверъ хотятъ находиться въ довѣріи, содержать постоянную дружбу и помогать другъ другу совѣтами и добрыми средствами въ случаяхъ обоюдной выгоды и пользы. 2) Въ силу этого оба государства обѣщаются, какъ въ указанныхъ случаяхъ, такъ особенно «нынѣшнихъ, еще дальній видъ имѣющихъ», другъ другу обо всемъ сообщать, а министрамъ своимъ, въ Гер-

---

*) II, 188 ср. IV, 150. Напечатано „Датскій", что не согласуется съ ходомъ дѣла: союзъ заключался противъ Швеціи.

маніи и внѣ оной находящимся, позволить имѣть добрую корреспонденцію и коммуникацію. 3) Если бы представились такіе случаи, что одна сторона другой, когда нужда будетъ требовать, возможетъ оказать помощь войскомъ: то объ этомъ, по обоюдномъ увѣдомленіи и по изобрѣтенію нужды, оба договаривающіяся государства вступаютъ въ особое соглашеніе. 4) Такъ какъ царь обѣщается не безпокоить Шведовъ въ ихъ Германскихъ провинціяхъ и удерживать своихъ союзниковъ отъ нападенія на Шведовъ въ этихъ провинціяхъ, чтобы тѣмъ не произвести возмущенія въ Имперіи и не отвлечь Нѣмецкія силы отъ войны съ Франціей, то 5) и герцогъ съ своей стороны обѣщаетъ по возможности и старательно трудиться надъ тѣмъ, чтобы высокіе союзники царя, Датскій и Польскій короли, въ своихъ Нѣмецкихъ провинціяхъ не были атакованы Шведами. 6) Если бы, наконецъ, какое либо изъ стороннихъ государствъ за учиненный договоръ Ганновера съ Россіею, по зависти и недоброжелательству, напало на Ганноверскія владѣнія или стало несправедливо тѣснить, то царь обѣщаетъ въ такомъ случаѣ «крѣпкое вспоможеніе учинить».

Получивъ этотъ предположительный договоръ, кн. Куракинъ немедленно отправилъ его въ двухъ спискахъ, написанныхъ шифромъ, ко двору: одинъ чрезъ Лита на Берлинъ, другой чрезъ кн. Долгорукова [1]) на Варшаву. Въ тоже время, хотя гр. Головкину кн. Куракинъ и писалъ, что отъ себя, «безъ указа никакихъ противъ проекта мнѣній онъ не подавалъ» [2]), тѣмъ не менѣе, въ силу своихъ инструкцій, онъ 3 Декабря представилъ Беренсдорфу свое мнѣніе на проектъ, съ оговоркою, что если оно не будетъ принято, то онъ снесется съ дворомъ и будетъ ожидать большой резолюціи, чтобы придти въ сходство [3]). Въ объясненіи кн. Куракина пункты 4, 5 и 6 измѣнялись. Въ устной бесѣдѣ съ Беренсдорфомъ кн. Куракинъ говорилъ: четвертымъ пунктовъ обязуете насъ, но не принимаете на себя обязательства, чтобы удерживать Шведскій корпусъ въ Помераніи и не допускать его атаковать союзныхъ провинцій его величества, какъ королей Польскаго въ его наслѣдственныхъ и Польскихъ провинціяхъ, такъ и Датскаго короля въ Имперіи, а равно удерживать и другихъ Нѣмецкихъ князей, если бы они захотѣли помогать Шведамъ или позволили имъ собирать рекрутовъ. Если бы, говорилъ кн. Куракинъ, это обязательство было внесено, то царь

---

[1]) Григорія Өедоровича, посла въ Варшавѣ.

[2]) IV, 153.

[3]) Изъ письма къ гр. Головкину отъ 15 Декабря видно, что кн. Куракинъ дѣйствовалъ, иногда, и противъ инструкцій, если того требовали выгоды царя. IV, 159.

согласился бы на проектъ. На рѣчи князя Беренсдорфъ сначала сказалъ, что Ганноверскій дворъ, по возможности, будетъ имѣть стараніе сдерживать Шведскій корпусъ въ Помераніи; но чтобы не допускать его въ Польшу, этого Ганноверъ не можетъ сдѣлать, потому что мѣшаютъ прилежащія Прусскія провинціи; нельзя ему и сдержать Нѣмецкихъ князей отъ помощи Шведамъ. Но потомъ, узнавъ изъ иструкцій кн. Куракина, что онъ имѣетъ полномочіе настаивать на пунктѣ о сдерживаніи Ганноверомъ Шведскихъ войскъ въ Помераніи, Беренсдорфъ соглашался на обязательство не пускать Шведскихъ войскъ въ провинціи Польши и Даніи; только Ганноверъ не могъ принять на себя обязательства не допускать Шведовъ въ Россію за дальностію разстоянія. Вѣроятно, ободренный этимъ согласіемъ, кн. Куракинъ въ 4 пунктѣ своего мнѣнія уничтожилъ условіе, что царь своихъ союзниковъ будетъ удерживать отъ нападенія на Шведовъ въ ихъ провинціяхъ; самъ же царь обѣщалъ только не нападать на Померанію, а не вообще на Шведскія провинціи Германіи. Затѣмъ, въ этомъ пунктѣ совсѣмъ умалчивалось о коронѣ Французской, а вообще говорилось, чтобы «высокіе союзники (воюющіе съ Испаніей) въ своихъ воинскихъ дѣлахъ препятствованы быти не могли». Взамѣнъ этого, пунктъ 5-й расширялся, и на Ганноверскаго курфирста возлагались болѣе широкія обязанности. Онъ долженъ былъ удерживать Шведскія войска отъ выхода изъ Помераніи, дабы подвиги ихъ не распространялись; слѣдить за тѣмъ, чтобы генералъ Крассовъ своего войска не умножилъ, новыхъ солдатъ въ союзныхъ земляхъ не бралъ, союзниковъ царя не атаковалъ не только въ Нѣмецкихъ, но и Польскихъ провинціяхъ; чтобы и другихъ Нѣмецкихъ принцевъ, не находившихся въ союзѣ съ царемъ, сдерживалъ отъ помощи Крассову и вообще Шведамъ; чтобы, наконецъ, курфирстъ, ко всѣмъ интересамъ его царскаго величества вспомоществовалъ, какъ у высокихъ союзныхъ, такъ особенно у Англіи и членовъ Имперіи. Новыя обязанности возлагались на герцога и въ 6 пунктѣ. Здѣсь говорилось, что если бы кто напалъ на Ганноверъ или царя за учиненный между ними трактатъ, то царь и герцогъ обѣщаются другъ другу вспоможеніе учинить, т. е. обязанности распредѣлялись поровну между обоими договаривающимися, а не возлагались на одного царя, какъ въ Ганноверскомъ проектѣ. Подавая эти мнѣнія, кн. Куракинъ говорилъ, что онъ совсѣмъ не желаетъ своими предложеніями разорвать начатое дѣло о союзѣ; что такъ какъ Ганноверскій проектъ внѣ области его полномочій, то, подавая настоящее мнѣніе, основанное на этихъ полномочіяхъ, о дальнѣйшемъ онъ будетъ ожидать рѣшеній своего двора.

Какъ и слѣдовало ожидать, Ганноверъ не согласился съ предложенными кн. Куракинымъ измѣненіями своего договора. Начались сношенія

князя съ дворомъ, продолжительные переговоры по поводу отдѣльныхъ мыслей, словъ и выраженій, тянувшіеся въ теченіе почти девяти мѣсяцевъ, до конца Іюля, т. е. времени отъѣзда Куракипа изъ Ганновера. Ганноверскій дворъ не отказывался отъ союза, только хотѣлъ выговорить себѣ какъ можно болѣе благопріятныхъ условій.

Въ дальнѣйшемъ теченіи переговоровъ на уступчивость Ганновера имѣли вліяніе какъ дипломатическое воздѣйствіе кн. Куракина, такъ особенно союзъ, заключавшійся въ Гагѣ и Регенсбургѣ, соединявшій коалиціи западную съ сѣверною съ цѣлію обезпеченія спокойствія въ Имперіи. Этотъ союзъ заключался по предложенію Русскаго (А. А. Матвѣевъ), Прусскаго, Польскаго и Датскаго посланниковъ. Сущность его состояла въ томъ, что Англія, Голландія и Германія обязывалась наблюдать, чтобы воюющіе въ Сѣверной войнѣ не вносили огня въ Имперію и силою хотѣли охранять ея нейтралитетъ. Частнѣе, договаривающіеся соглашались оберегать Германскія провинціи Польскаго и Датскаго королей, равно Шлезвигъ и Голштинію отъ всякаго нападенія со стороны Шведовъ, находившихся въ Помераніи. Къ этому союзу приступалъ и Ганноверъ, равно и сѣверные воюющіе. Въ немъ объединялись на мирной почвѣ и на основѣ взаимныхъ выгодъ союзы западный и сѣверный: для западнаго было важно, чтобы союзническія силы не отвлекались отъ борьбы съ Франціей нарушеніемъ покоя въ Германіи; сѣверныя ограничивали Шведовъ отъ вторженія въ Германскія провинціи союзниковъ Петра и такимъ образомъ сосредоточивали свои силы на борьбѣ съ Швеціей внѣ Германіи. Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь (послѣдніе мѣсяцы 1709 г.), ближайшимъ образомъ союзъ коалицій имѣлъ въ виду корпусъ Крассова въ Помераніи, преграждая ему военныя дѣйствія въ Саксоніи и на Югѣ Даніи. Переговоры о «нейтральствѣ» Германіи, ведшіеся въ Голландіи, затягивались. Западные союзники соглашались на то, чтобы удержать корпусъ Крассова въ Помераніи, но не давали должныхъ обезпеченій своему согласію, ограничиваясь однѣми угрозами Шведамъ, если они выйдутъ изъ Помераніи, и тянули время въ сношеніяхъ между собою. Съ своей стороны и Шведы соглашались на нейтральство, но подъ условіемъ, чтобы Датскіе полки не дѣлали нападеній на Шведскія провинціи Германіи. Пока шли эти переговоры, Шведы, не сдерживаемые никакою дѣйствительною силою, могли и пренебречь угрозами, выдти изъ Помераніи въ то время, какъ переговоры связывали руки сѣверныхъ союзниковъ. Вотъ почему была и особенная нужда спѣшить заключеніемъ договора съ Ганноверомъ, чтобы по крайней мѣрѣ съ этой стороны имѣть союзника. Голландскими переговорами кн. Куракинъ пользовался для того, чтобы произвести

дипломатическое давленіе на курфирста. Уже 6 Декабря онъ объявилъ Беренсдорфу, что равное пятому пункту договора Россіи съ Ганноверомъ, и даже съ бо́льшимъ дополненіемъ, чѣмъ какъ значится въ этомъ пунктѣ (о корпусѣ Крассова въ Помераніи) объявлено аліатамъ въ Голландіи. 10 Декабря князь на свое заявленіе получилъ отъ Беренсдорфа отвѣтъ, что курфирстъ началъ сношенія по предмету сдѣланнаго кн. Куракинымъ заявленія съ Голландіею, Англіею и Цезаремъ, а отвѣта на представленія герцога слѣдуетъ ожидать не ранѣе нѣсколькихъ недѣль. Чрезъ двѣ недѣли этотъ отвѣтъ былъ полученъ. 24 Декабря на конференціи съ курфирстомъ кн. Куракинъ узналъ, что предложеніе о Шведскомъ корпусѣ въ Помераніи было принято въ Голландіи и на «консиліи имперскомъ» Германіи; только теперь переговоры затягивались расширеннымъ предложеніемъ сѣверныхъ союзниковъ, по силѣ котораго Шведамъ воспрещалось аттаковать непріятельскія войска не только изъ Помераніи, но и вообще изъ ихъ Германскихъ провинцій. Когда это предложеніе, говорилъ Беренсдорфъ кн. Куракину, будетъ принято, тогда мало будетъ разности въ нашихъ артикулахъ.

Между тѣмъ, какъ шли эти переговоры, кн. Куракинъ получилъ извѣстіе 3 Генваря, что Ганноверскій курфирстъ, вопреки даваемымъ на словахъ обѣщаніямъ сдерживать Шведскія войска въ Помераніи, согласился на пропускъ чрезъ свои владѣнія 6 драгунскихъ Шведскихъ компаній (6 тысячъ) изъ Помераніи въ Бременъ. Это согласіе, по мнѣнію кн. Куракина, дано было въ фаворъ Швеціи и въ явный ущербъ царю, потому что Шведы въ Бременѣ могли усилиться и напасть на союзную Россіи Данію; съ другой стороны подъ видомъ этихъ отрядовъ Шведы легко могли провести и бо́льшее количество войскъ въ Бременъ. Встревоженный этимъ извѣстіемъ, кн. Куракинъ 4 Генваря имѣлъ конференцію съ Беренсдорфомъ*), на которой жаловался на подозрительные поступки Ганновера, въ существѣ дѣла сводившія къ нулю все дѣло князя въ Ганноверѣ. Беренсдорфъ, однако, успокоилъ его. Герцогъ, говорилъ онъ, такъ сдѣлалъ по силѣ прежнихъ трактатовъ съ Швеціей; запрещеніе могло бы указывать на то, что курфирстъ „парціально» стоитъ на сторонѣ Россіи, а этого онъ никому не хочетъ показывать. Тогда бы только Ганноверъ объявилъ себя въ фаворъ Швеціи, когда бы дозволилъ Шведамъ пройти въ чужія провинціи, а не свои, Бре-

---

*) По болѣзни князя конференція была въ его квартирѣ. Вмѣстѣ съ кн. Куракинымъ Польскій и Датскій министры отговаривали курфирста отъ разрѣшенія дать свободный пропускъ Шведскимъ войскамъ; Польскій посланникъ хотѣлъ даже оставить свою резиденцію. IV, 172.

менскія. Въ этомъ пропускѣ, далѣе, для Шведовъ была дѣйствительная нужда: въ однихъ Померанскихъ провинціяхъ Шведамъ трудно было пробавиться провіантомъ и фуражемъ. Самый пропускъ обставленъ былъ сдерживавшими Шведовъ условіями: компаніи должны были проходить подъ надзоромъ Ганновера, въ Бременскихъ провинціяхъ жить мирно на зимнихъ квартирахъ и никакого наступленія на непріятеля не чинить. Наконецъ, благодаря этому пропуску произошло раздѣленіе корпуса Крассова на двѣ части, чѣмъ онъ ослаблялся. Какъ такой, онъ менѣе подозрителенъ, чѣмъ если бы составлялъ одно цѣлое. Обратнаго движенія Шведовъ изъ Бремена въ Померанію могло и не быть; объ этомъ еще и рѣчи не было между Швеціей и Ганноверомъ. Въ случаѣ же, если бы Шведы захотѣли атаковать Датчанъ и тѣмъ нарушили условія пропуска, они не были бы выпущены изъ Бремена. Изъ всего этого видно, что дѣло о пропускѣ маловажное, и о немъ, какъ такомъ, Беренсдорфъ не счелъ даже нужнымъ увѣдомлять кн. Куракина; этимъ пропускомъ Ганноверъ никакой противности двору царскому не обнаружилъ.

Отвѣтъ Беренсдорфа удовлетворилъ кн. Куракина лишь отчасти. При свиданіи съ герцогомъ 15 Генваря князь просилъ его снова ограничить количество перепускаемыхъ войскъ въ Бременъ, на что получилъ отвѣтъ, что болѣе 5—6 т. перепущено не будетъ *). Въ успокоительномъ тонѣ разсуждали съ княземъ и о заключеніи трактата. По мнѣнію Беренсдорфа, вопросъ о гарантіи нейтральства Имперіи, чего такъ добивались въ Гагѣ сѣверные союзники, скорѣе былъ въ пользу Швеціи, чѣмъ Россіи. Въ случаѣ установленія гарантіи сѣвернымъ союзникамъ нельзя будетъ дѣйствовать наступательно противъ Швеціи; державы, заключившія гарантіи, должны будутъ охранять ея выгоды и въ случаѣ окончанія войны за Испанское наслѣдство, не только Ганноверъ, но и остальные Нѣмецкіе князья, не въ состояніи будутъ сдѣлать ничего въ фаворъ Россіи: гарантія свяжетъ имъ руки. Кн. Куракинъ истолковывалъ эти рѣчи Беренсдорфа въ томъ слыслѣ, что Ганноверъ въ будущемъ не отказывался отъ союза съ Россіей.

Однако, несмотря на эти успокоительныя рѣчи, князь въ конфе-

---

*) Подобные отвѣты успокоительнаго характера кн. Куракинъ получалъ и по другимъ вопросамъ. Узналъ онъ, что герцогъ хотѣлъ послать особаго министра въ Стокгольмъ. Предостерегая выгоды царя, князь заявилъ, что подобная посылка, если Ганноверъ желалъ имѣть дружбу съ Россіею, противорѣчитъ послѣдней. На это князю было замѣчено, что никакой отправки посланника въ Стокгольмъ не предполагалось; а если бы она состоялась, то, во избѣжаніе недоразумѣній, одновременно курфирстъ отправилъ бы посланника и къ Русскому царю.

ренціяхъ продолжалъ настаивать, чтобъ ему сообщили рѣшительный отвѣтъ курфирста о гарантіи, дабы, въ случаѣ того или другого рѣшенія, царь и его союзники могли принять свои мѣры. Для Петра важно было наличное положеніе вещей въ Германіи, дѣйствительное огражденіе Польскаго и Датскаго союзниковъ отъ войскъ Крассова. Кн. Куракину отвѣчали, что Ганноверъ хочетъ принять гарантію, но только при условіи согласія съ другими аліатами; одинъ Ганноверъ не могъ взять на себя всей отвѣтственности въ столь важномъ дѣлѣ. Въ подтвержденіе этого курфирстъ писалъ Ботмару (представителю Ганновера въ Гагѣ), чтобы онъ обще съ другими аліатами трудился надъ заключеніемъ трактата о гарантіи.

Хотя, повидимому, Ганноверъ и дѣйствовалъ согласно предложеніямъ кн. Куракина, тѣмъ не менѣе тянулъ время, а иногда непрочь былъ помочь и Шведамъ. Такъ, между прочимъ, Шведскій дворъ просилъ денегъ у курфирста. Правда, въ этомъ ему было отказано; однако Ганноверъ соглашался на помощь Шведамъ чрезъ покупку у нихъ нѣкоторыхъ Бременскихъ провинцій, близъ Гамбурга, приносившихъ Шведскому правительству дохода въ годъ 6000 ефимковъ. Препятствовать въ этомъ дѣлѣ курфирсту кн. Куракинъ былъ не въ состояніи. Въ письмѣ къ гр. Головкину отъ 5 Генваря онъ откровенно сознавался, что трудно было ему вывѣдать настоящее положеніе дѣлъ. «Съ самого своего пріѣзда, писалъ онъ, никого изъ здѣшнихъ знатныхъ персонъ не могу привести себѣ въ добрую конфиденцію и больше вижу противныхъ себѣ, нежели склонныхъ. Сынъ электоровъ, здѣшній принцъ, ни малой склонности ко мнѣ не кажетъ, но паче противность. Также и самъ электоръ, хотя нѣсколько и склоненъ, только политикою, котораго и на то привела Полтава». Позднѣе кн. Куракинъ указывалъ и причину подобнаго отношенія къ себѣ Ганноверскаго двора. Съ начала Генваря 1710 г. стали носиться болѣе или менѣе твердые слухи о мирѣ съ Франціею. Въ половинѣ Генваря самъ курфирстъ сказалъ князю, «что о мирѣ съ Франціею есть нѣкоторые виды добрые, воюющіе непрочь были помириться и только спорили объ одномъ пунктѣ, раздѣлѣ Испанской монархіи». А такъ какъ основнымъ побужденіемъ союзниковъ въ войнѣ за Испанское наслѣдство, заставлявшимъ ихъ искать сближенія съ сѣверными союзниками, было опасеніе, какъ бы сѣверная война не внесла огня въ Имперію и тѣмъ не отвлекла ея силы отъ борьбы съ Франціею: то, очевидно, съ прекращеніемъ послѣдней, прекращались и поводы къ сближенію. Въ Февралѣ (24) кн. Куракинъ писалъ гр. Головкину, что трудно разсчитывать на согласіе Ганновера съ Русскими предложеніями, потому что нынѣ ближайшій видъ есть къ миру съ Фран-

ціею, и Ганноверцы сдѣлались по преимуществу горды. Въ этомъ же письмѣ кн. Куракинъ указывалъ и другую причину нерасположенія Ганновера. «Здѣшній дворъ весьма смотритъ на прогрессы короля Датскаго, и конечный ихъ интересъ есть, чтобы оный въ силу великую не пришелъ. Какъ и въ прежнихъ случаяхъ Шведу вспоможеніемъ войскъ чинили, такъ и нынѣ подъ какою оказіею того не оставятъ» [1]). По силѣ этому, Ганноверцы, по словамъ Куракина, «были внутренніе пріятели Шведу». Выжидая, чѣмъ кончится борьба съ Франціею, Ганноверскій дворъ тянулъ время, надѣясь «на дальнюю корреспонденцію», продолжительность сношеній кн. Куракина съ дворомъ, и не спѣшилъ заключеніемъ договора съ Россіей. Гр. Головкину, Декабря 21-го, кн. Куракинъ писалъ, что необходимо было бы имѣть «всегда нашихъ войскъ немалое корпо близъ Помераніи», вслѣдствіе чего «и въ здѣшнихъ дѣлахъ скорѣе бъ резолюцію въ фоворъ нашъ взяли» [2]).

Политика Ганновера особенно обнаружилась, когда 14 Февраля кн. Куракинъ получилъ Московскія замѣчанія на проектъ договора съ Ганноверомъ, которыя онъ предложилъ 15-го Беренсдорфу и получилъ отъ него отвѣтъ 22-го. Изучая по сохранившимся черновымъ запискамъ ходъ составленія договора, мы видимъ, съ какою медлительностію онъ составлялся, при чемъ кн. Куракинъ защищалъ каждое Русское слово, каждое отдѣльное выраженіе и обнаружилъ себя достаточно стойкимъ дипломатомъ. Дѣло касалось преимущественно 1, 4 и 5 пунктовъ договора.

Къ 1-му пункту, которой гласилъ: «Россія и Ганноверъ хотятъ находиться въ довѣріи, содержать постоянную дружбу и помогать другъ другу совѣтами и добрыми средствами», въ Московскомъ проектѣ было прибавлено: «и ничего предосудительнаго другъ противъ друга, что̀ непріятелю къ пользѣ быть можетъ, не воспримать, ниже деньгами, ни людьми не вспомогать». Ганноверскій дворъ не соглашался на эту прибавку; онъ замѣнялъ ее общими словами, выраженными такъ: «И другъ отъ друга̀ вредъ и предосужденіе по возможности отвращать». Въ объясненіе своего несогласія Ганноверскій дворъ ссылался на то, что, въ виду нейтральства, заключавшагося въ Гагѣ, курфирстъ не могъ обязаться не помогать людьми непріятелямъ царя. Курфирстъ не намѣренъ былъ помогать этимъ непріятелямъ деньгами; но если бы чрезъ нѣкоторое иждивеніе ему пришлось учинить прибытокъ (т. е. посредствомъ покупки Шведскихъ провинцій), то такъ онъ и сдѣлаетъ; въ такомъ

---

[1]) IV, 178.
[2]) IV, 164.

случаѣ не будетъ мѣшать и царю съ союзными. Кн. Куракинъ справедливо на это возразилъ, что Гаагское соглашеніе стоитъ независимо отъ заключавшагося договора Россіи съ Ганноверомъ и не противорѣчитъ тому, чтобы курфирстъ не помогалъ непріятелямъ царя людьми и деньгами. Это соглашеніе установляется съ общаго совѣта царя и его союзныхъ. Если царь и его союзные соглашались въ Гагѣ не дѣлать вторженія въ Шведскія провинціи Германіи, то они бы и не сдѣлали его и не нарушили Гаагскаго постановленія; значитъ, не могло быть и такого случая, чтобы Ганноверу пришлось связать себѣ руки заключеніемъ отдѣльнаго договора съ Россіею, нарушившаго Гаагское постановленіе. Притомъ, въ основѣ всякаго обязательства въ союзѣ, говорилъ кн. Куракинъ, лежитъ взаимное довѣріе обязывающихся, при которомъ невозможно и нарушеніе договоровъ. Подъ вліяніемъ этого объясненія кн. Куракина Ганноверскій дворъ уступилъ, но съ оговоркою. 28 Февраля онъ измѣнилъ прибавку къ 1-му пункту такъ: «Ни людьми, ни деньгами не вспомогать, за исключеніемъ случаевъ, когда сочиняющееся въ Гагѣ согласіе къ содержанію всемірнаго покоя иного чего востребуетъ»; а потомъ, 17 Марта договаривающіяся стороны окончательно согласилась на слѣдующемъ изложеніи версіи 1-го пункта: «хотятъ оба два договаривавшіеся... другъ другу вспомогать; напротивъ же одинъ другому никакого вреда или предосужденія не чинить; ниже единъ другаго непріятелямъ ни людьми, ни деньгами не вспомогать, развѣ что ежели, противъ всего чаянія, таковые случаи приключатся, въ которыхъ сочиняющееся въ Гагѣ и въ Регенсбургѣ [1]) согласіе къ содержанію въ Имперіи покоя иного чего востребуетъ».

Отсюда мы видимъ, что хотя Ганноверскій дворъ и уступилъ Куракину, однако на случай нарушенія со стороны Россіи Гаагскаго соглашенія освобождалъ себя отъ заключеннаго трактата въ дѣлѣ помощи непріятелямъ царя деньгами или людьми. Гр. Головкину кн. Куракинъ писалъ, что на прибавку «въ первомъ артикулѣ онъ согласился, потому что никакой противности къ намъ въ томъ не нашелъ, того для, что оное согласіе (въ Регенсбургѣ и Гагѣ) дѣлалось съ воли общей и желанія аліатовъ его величества», и что безъ этой прибавки учинить договора было невозможно [2]). Этого мало. Желая увеличить свои земли на счетъ Шведскихъ владѣній, курфирстъ къ 1-й статьѣ договора прибавилъ особое добавленіе, «артикулъ сепаре», хотя и не внесенный въ трактатъ, но данный кн. Куракину въ особомъ письмѣ. Этотъ арти-

[1]) Т. е. „на консиліи имперскомъ".
[2]) IV, 182.

кулъ гласилъ, что хотя его свѣтлость въ обязательствахъ съ царемъ и обѣщалъ не помогать деньгами непріятелямъ царя и его высокихъ союзниковъ, однако герцогъ «сіе обѣщаніе не въ томъ образѣ вмѣнену быть хощетъ, якоже и оное само въ себѣ не можетъ уразумлено быть, якò бы тѣмъ его курфирстской свѣтлости руки имѣли быть связаны, ежели иногда какой случай явится отъ короны Шведской за нѣкоторую сумму денегъ нѣсколько земли или людей, правъ или доходовъ, хотя покупкою или закладомъ, себѣ присовокупить», т. е. курфирстъ отказывался только отъ прямой помощи Шведамъ. Кн. Куракинъ долго противился этому требованію Ганноверскаго двора. Сепаратнаго документа, который вручалъ ему Беренсдорфъ, онъ не принималъ, требуемаго отъ него отвѣтнаго письма не давалъ и спрашивалъ гр. Головкина, какъ поступить въ данномъ случаѣ. «Вмѣстѣ съ Польскимъ (Ностицемъ) и Датскимъ (Целендалемъ) министрами, писалъ онъ гр. Головкину, я хлопочу, чтобы денегъ Шведамъ подъ закладъ Бремена и Вердена не давали; но мнѣ отвѣчаютъ, что каждый принцъ своего интереса ищетъ и никто зазрить и въ прежюдицію (вредъ) себѣ принять не можетъ» этого поступка Ганновера. Куракинъ добился только того, что не далъ отвѣтнаго письма «за своею рукою», т. е. не согласился на признаніе этой статьи Россіею, хотя по письму гр. Головкина, который предлагалъ принять ее, «если безъ того нельзя обойтись», и принялъ «къ свѣдѣнію» *).

Долго спорилъ кн. Куракинъ и о 4—5 пунктахъ Ганноверскаго проекта. Присланный изъ Россіи Московскій проектъ 4-ю статью договора выражалъ такъ: «но яко же между тѣмъ его царское величество *генеральную* декларацію *подъ нѣкоторыми кондиціями* учинить повелѣлъ, что *оный* въ Сѣверную войну провинціи въ Имперіи, особенно Померанію, не только самъ не будетъ безпокоить, но и союзниковъ будетъ удерживать. *Ежели въ тѣхъ провинціяхъ обрѣтающіяся войска Шведскія противъ его царскаго величества и его союзниковъ не будутъ употреблены*, дабы отъ помянутой войны никакія возмущенія въ Имперіи не началися и тѣмъ бы высокіе союзники въ своихъ воинскихъ дѣлахъ противъ короны Французской препятствованы быть не могли». Ганноверскіе министры вымарали подчеркнутое и 4-й пунктъ измѣнили слѣд. образомъ: «Такъ какъ царь декларацію учинилъ съ тою кондиціею (прямо говорится съ какою), ежели въ Нѣмецкихъ провинціяхъ, принадлежащихъ къ коронѣ Шведской, обрѣтающіяся Шведскія войска *изъ оныхъ или иныхъ сосѣдственныхъ, къ Римскому государству надлежащихъ*, провинцій противъ царя и его союзниковъ ничего непріятельскаго не воспріимутъ, то царь

*) IV, 178, 182.

обѣщаетъ» и т. д. Здѣсь прибавлено подчеркнутое и, значитъ, расширено предложеніе царя о Шведскомъ районѣ. Такъ какъ Ганноверскій текстъ 4 пункта касался болѣе изложенія его, чѣмъ существа дѣла, то кн. Куракинъ особенно и не настаивалъ на его измѣненіи. Въ своемъ мнѣніи о союзномъ трактатѣ, которое онъ подалъ Ганноверскимъ министрамъ 24 Февраля, князь замѣнилъ только слова «изъ оныхъ или иныхъ сосѣдственныхъ, къ Римскому государству надлежащихъ» словами: «изъ оныхъ или иныхъ провинцій». Въ отвѣтъ на это 28 Февраля министры сообщили кн. Куракину, что слова «сосѣдственныя, къ Римскому государству принадлежащія» написаны къ пользѣ царя. Слова эти находятся въ соотвѣтствіи съ обѣщаніемъ царя не нападать на Шведскія провинціи въ Римскомъ государствѣ. Изъ письма кн. Куракина къ гр. Головкину отъ 19 Марта мы узнаемъ, что подъ «сосѣдственными» разумѣлась собственно Шведская провинція Вестъ-Марія, «которая въ сосѣдствѣ къ Имперіи принадлежитъ, дабы (Шведы) и изъ той никакой противности не чинили» [1]. Что же касается до употребленнаго кн. Куракинымъ выраженія «и иныхъ», то Ганноверскій дворъ на это замѣтилъ князю, что внесеніе его въ трактатъ связало бы руки не только Шведамъ, но царю и его союзникамъ: тогда бы и война должна была прекратиться, потому что, еслибы Шведамъ воспретить воевать изъ провинцій, внѣ Римскаго государства находившихся, то тогда это слѣдовало бы сдѣлать и относительно царя съ его союзниками; сомнительно, чтобы они на это согласились. При всемъ томъ, говорили министры, для курфирста безразлично, ведется или нѣтъ война внѣ Римскаго государства; союзъ его, заключаемый съ Россіей, ищетъ спокойствія въ Германіи; а что̀ внѣ ея не дѣло курфирста вмѣшиваться. Съ этими возраженіями кн. Куракинъ согласился, и 4-й пунктъ вошелъ въ договоръ съ измѣненіями, предложенными Ганноверскимъ дворомъ.

5-й пунктъ договора встрѣтилъ менѣе споровъ, чѣмъ предыдущіе. Въ Московскомъ проектѣ договора въ 5 статьѣ, говорилось тоже, что̀ и въ предложеніи Куракина отъ 3 Декабря [2]), только съ исключеніемъ обязательства курфирста хлопотать за выгоды Россіи у Англіи и членовъ Имперіи. Но какъ и съ предложеніемъ кн. Куракина не согласился Ганноверскій дворъ, такъ и съ Московскимъ, оставивъ въ силѣ свое изложеніе этой статьи, какъ она выражена была въ проектѣ, данномъ кн. Куракину 25 Ноября [3]). Въ объясненіе этого курфирстъ ссылался на слѣдующее. Русскій договоръ въ 5 статьѣ главнымъ образомъ настаи-

---

[1]) IV, 183.

[2]) См. выше.

[3]) См. выше.

валъ на сдерживаніи Ганноверомъ войскъ Крассова, чтобы подвиги Шведовъ не распространялись; но въ этомъ не было надобности, потому что составлявшееся въ Гагѣ соглашеніе (въ которомъ принималъ участіе и Ганноверъ) должно было «достойныя мѣры дать» къ охранѣ покоя Германіи, а стало быть и къ ограниченію дѣйствій Крассова. Съ этимъ объясненіемъ согласился кн. Куракинъ, прибавивъ только одно словечко «и Польскихъ» къ Ганноверскому тексту статьи, которая съ этою прибавкою получила слѣдующій видъ: «его курфирстская свѣтлость по возможности и чрезъ всѣ прилагаемыя крѣпкія средства обѣщаетъ стараться, дабы его царскаго величества высокіе союзные короли, Датскій и Польскій величества, въ своихъ Нѣмецкихъ *и Польскихъ* провинціяхъ не были аттакованы». Курфирстъ соглашался на эту прибавку, но съ условіемъ, чтобы между словами «провинціяхъ не были» вставлено было: «противъ сочиняющагося нынѣ въ Гагѣ согласія». Другими словами, Ганноверъ соглашался помогать царю и его союзникамъ только постольку, поскольку его обязывало къ тому Гаагское соглашеніе, по смыслу котораго договаривавшіяся стороны поднимали оружіе на нарушителя покоя Германіи. Такъ какъ упоминаніе Гаагскаго соглашенія суживало смыслъ 5-й статьи, то кн. Куракинъ согласился позднѣе на проектъ ея отъ 25 Ноября, вычеркнувъ и свою вставку «Польскихъ» *).

---

*) Судя по матеріаламъ „Архива Кн. Ѳ. А. Куракина", вопросъ объ ограниченіи дѣйствій Крассова или замѣнившаго его Шведскаго генерала Гульденстерна, намѣревавшагося при помощи денежной субсидіи отъ Франціи сдѣлать вторженіе изъ Помераніи въ Польшу и Саксонію, чтобы произвести „развращеніе въ Имперіи", очень волновалъ союзниковъ Сѣвера и Запада. Первые горячо настаивали на дѣйствительной гарантіи „Гаагскаго соглашенія". Матвѣевъ, совмѣстно съ Польскимъ и Датскимъ посланникомъ, заявлялъ въ Голландіи, что если Западные не примутъ дѣйствительныхъ мѣръ къ ограниченію Шведскихъ войскъ, то царь съ союзными, „выстерегая себя и свои пользы, понуждены будутъ силою права и истины своего непріятеля повсюду искать и, не допустя до умноженія силъ, облечь. Сего бы за злѣ никто вмѣнить не могъ". На это Матвѣеву отвѣчали, что если Шведы начнутъ военныя дѣйствія, то союзные Запада „примутъ потребныя мѣры для учиненія имъ отпора". Вмѣсто гарантіи союзные Запада издали объявленіе, по силѣ которого обѣщали пристать къ той сторонѣ, которая будетъ оберегать покой Имперіи и пойдутъ на его нарушителя. Чтобы уничтожить это „обѣщаніе" гарантіи, Шведы трудились надъ тѣмъ, чтобы корпусу Крассова быть на службѣ аліатовъ на „Рейнѣ", подъ командою Ганноверскаго курфирста, на что послѣдній соглашался, но съ условіемъ, которое ставили Шведы, чтобы войскамъ Датчанъ не переходить въ Шонію. Мѣру эту одобрялъ и Русскій посолъ въ Вѣнѣ Урбихъ, писавшій кн. Куракину, что отъ этой попытки Шведы сдѣлаются слабѣе. *Между* тѣмъ, какъ происходили эти переговоры,

Кромѣ всего этого, заходила рѣчь, во время выработки договора, и о томъ, на сколько лѣтъ его заключать. Ганноверъ не хотѣлъ обязываться на долгое время. Сначала шла рѣчь о заключеніи союза на 3 года, потомъ на 10; окончательно условились на 12-ти.

1 Марта 1710 г. Беренсдорфъ условился съ кн. Куракинымъ, чтобы 2-го окончательно установить текстъ договора и больше къ нему ничего не прибавлять, ни убавлять. Но и послѣ того много времени прошло, пока договоръ не установился. 19 Марта кн. Куракинъ доно-

---

получено извѣстіе, что Датскія войска вторгаются въ Шонію и что Русскій корпусъ въ 8000 человѣкъ хочетъ маршировать въ Голштинію на помощь Датскому королю. Получивъ это извѣстіе, Шведскій корпусъ, подъ командою Гульденштерна, хотѣлъ идти изъ Помераніи въ Данію, но удержанъ былъ Фридрихомъ, королемъ Прусскимъ, который сообщалъ Гульденштерну, что слухи не вѣрны. Съ своей стороны и Ганноверскій герцогъ выговаривалъ кн. Куракину, что получена подлинная вѣдомость о маршѣ Русскихъ войскъ въ Данію, на что кн. Куракинъ отвѣтилъ незнаніемъ, хотя въ письмѣ къ Шафирову и сообщалъ, чтобы не назначали командиромъ корпуса генерала Януса, такъ какъ онъ человѣкъ невѣрный, имѣетъ корреспонденцію съ начальными людьми Ганновера и съ самимъ „настоятелемъ". Несмотря на эти враждебныя отношенія Сѣверныхъ союзниковъ со Шведами покой въ Имперіи въ это время (Мартъ 1710 г.) и позднѣе не былъ нарушенъ. Въ Іюнѣ кн. Куракинъ заявилъ Беренсдорфу, что онъ, князь, получилъ вѣрное извѣстіе о намѣреніи Шведовъ вторгнуться въ Саксонію и Польшу, что поэтому царь и его союзники примутъ всѣ мѣры къ тому, чтобы не допускать этого вторженія. Беренсдорфъ отвѣчалъ, что курфирстъ не допуститъ Шведовъ ко вторженію; что послѣдніе просили дать свободный пропускъ тѣмъ регментамъ, которые зимою прошли въ Бременскія провинціи, но герцогъ въ этомъ отказалъ; что онъ писалъ Гульденштерну „съ твердыми терминами", запрещая ему съ Шведскими войсками дѣлать вторженіе въ Имперію. А когда Ганноверскій дворъ узналъ, что Шведскій король приказалъ Гульденштерну быть подъ командою Лещинскаго, чтобы сдѣлать скорѣе вторженіе въ Польшу, то, заявивъ въ Гаагѣ объ этомъ распоряженіи, просилъ собраніе аліатовъ принять мѣры противъ начатія войны въ Имперіи. Это требовалось сдѣлать скорѣе потому, что Шведскій король отвергъ предложеніе о нейтралитетѣ Германіи. Въ Іюлѣ, уже по заключеніи трактата Ганноверскаго двора съ Россіею, герцогъ объявилъ кн. Куракину, что готовится „аліатское корпо" въ 15 или 16 тысячъ, которое будетъ расположено въ нижней Саксоніи для сдерживанія Шведскихъ войскъ или противъ нарушителя нейтральства въ Имперіи. Въ составъ этого корпа герцогъ отъ себя давалъ региментъ конный и баталіонъ пѣхоты. „Я вижу по всему ихъ состоянію, писалъ по поводу этого объявленія герцога кн. Куракинъ гр. Головкину, что здѣшній дворъ въ собраніи оныхъ войскъ немалое стараніе имѣетъ, опасаясь, чтобы въ сосѣдствѣ, какъ въ Помераніи, такъ и въ другихъ мѣстахъ, война не началась". Причиною этого, между прочимъ, по словамъ кн. Куракина, было и давнишнее

силъ гр. Головкину, что согласно указу царя, по силѣ котораго князь долженъ былъ выработать проектъ договора, соотвѣтственный вышеизложеннымъ Московскимъ замѣчаніямъ, этотъ договоръ и былъ составленъ; обѣ стороны уже соглашались его закрѣпить; но Ганноверскій дворъ прислалъ князю «иной проектъ», въ общемъ согласный съ первымъ, но съ нѣкоторымъ различіемъ въ частностяхъ. По словамъ кн. Куракина, это сдѣлано было для того, чтобы «продолжать время и описываться ко двору». Оба эти проекта кн. Куракинъ отправилъ въ Петербургъ и спрашивалъ, на какомъ остановиться? Если далѣе, спрашивалъ онъ, позволено будетъ закрѣпить трактатъ, то по закрѣпленіи для размѣна ратификацій, что̀ долженъ былъ дѣлать князь? Ждать ли ратификацій въ Ганноверѣ, или позволено будетъ размѣнять ихъ резидующимъ Русскимъ министрамъ въ Гагѣ или Берлинѣ? «По многимъ обстоятельствамъ, писалъ кн. Куракинъ, я вижу, что Ганноверскій дворъ не малъ трудъ имѣетъ въ обязательствѣ съ Россіей, не хотя тѣмъ вступить въ непріязнь со Шведами, которыхъ интересъ весьма къ нимъ принадлежитъ для охраненія себя отъ Датскаго и Прусскаго, съ которыми всегда для пограничествъ своихъ земель и претензій другъ къ другу

желаніе герцога „въ циркулѣ нижней Саксоніи сдѣлаться директоромъ" (подчинить своему вліянію весь сѣверозападный уголъ Германіи). Въ это же время кн. Куракинъ получилъ отъ Матвѣева выработанный въ Голландіи проектъ мѣрамъ „къ дѣйствительному содержанію нейтральства въ цезарствѣ", по которому императоръ, королева Англіи, Голландія, Пруссія, Ганноверъ, Вестфальскій и округъ Нижней Саксоніи составляли корпусъ въ 16,400 человѣкъ, который располагался въ ближайшихъ къ предполагаемымъ театрамъ войны мѣстахъ и присоединялся къ обиженному противъ нарушителя нейтральства. Всякій принцъ давалъ помощь „на своихъ проторяхъ" и самъ содержалъ свою часть. Проектъ въ общемъ указывалъ и условія дѣятельности корпуса въ случаѣ начатія войны, представляя разработку плана въ частяхъ будущимъ конференціямъ. Въ Августѣ кн. Куракинъ сообщалъ Шафирову, что корпусъ отдается подъ команду принца Ганноверскаго, который разсчитывалъ пріобрѣсти Бременъ и Верденъ и опасался Прусскаго соперничества; а въ Сентябрѣ сообщалъ гр. Головкину (уже изъ Утрехта, по отъѣздѣ изъ Ганновера), что есть надежда на скорый маршъ корпуса къ Помераніи. Изъ Россіи писали кн. Куракину, чтобы онъ всѣми мѣрами старался побудить Ганноверскій дворъ не допускать нарушенія нейтральства. Такъ какъ курфирстъ въ этомъ дѣлѣ былъ преимущественно заинтересованъ, то поэтому и дѣятельность кн. Куракина въ указанномъ направленіи имѣла несомнѣнный успѣхъ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ старанія кн. Куракина, несмотря на сочувствіе къ дѣлу нейтральства заинтересованныхъ державъ, несмотря на всѣ Гаагскія постановленія и проекты, корпо аліатское во время пребыванія кн. Куракина въ Ганноверѣ еще не было готово, и вопросъ о дѣйствительной гарантіи нейтральства оставался открытымъ.

безопасны оною дружбою Шведы пребываютъ; однакожъ, кромѣ имперскихъ интересовъ, въ партикулярные интересы Шведскіе ни въ чемъ мѣшаться не хотятъ». Въ виду этого кн. Куракинъ спрашивалъ гр. Головкина на случай и за дальней корреспонденціей, что если Шведы начнутъ войну въ Имперіи противъ аліатовъ царя и Ганноверскій дворъ ради интересовъ Голштиніи выступитъ противъ Датчанъ, или и иные какіе случаи противные приключатся, то, тогда трактатъ закрѣплять ли или отъѣзжать изъ Ганновера? По слухамъ, писалъ князь, герцогъ въ концѣ Мая намѣренъ ѣхать на Рейнъ командовать арміей [1]; съ нимъ поѣдутъ резидующіе въ Ганноверѣ министры; ему, кн. Куракину, ѣхать или нѣтъ? Наконецъ, если такихъ случаевъ не будетъ и трактатъ будетъ закрѣпленъ, то слѣдуетъ дать подарки министрамъ, особено Беренсдорфу и Ельцу, которые были весьма склонны къ Россіи. Таково было обыкновеніе Ганноверскаго двора. Размѣры подарковъ кн. Куракинъ предоставлялъ усмотрѣнію гр. Головкина, но совѣтовалъ «взять съ другихъ примѣровъ».

Опасенія кн. Куракина однако не оправдались. Ганноверскій дворъ дѣйствовалъ по пословицѣ: и хочется, и колется... Хотя онъ и не хотѣлъ раздражать Шведовъ, но съ другой стороны желалъ обезопасить себя со стороны сѣверныхъ союзниковъ въ надеждѣ распространить, пользуясь обстоятельствами, свое вліяніе въ Нижней Саксоніи. 23 Марта кн. Куракинъ доносилъ Головкину, что вчера, при свиданіи съ герцогомъ, онъ имѣлъ съ нимъ «довольный разговоръ, являючи себя якобы недовольна для перемѣны проекта, также и о продолженіи въ томъ дѣлѣ долгаго времени». Въ силу этого протеста кн. Куракина, герцогъ «великую склонность явилъ, позволивъ заключить трактатъ въ прежнемъ видѣ, какъ онъ былъ выработанъ кн. Куракинымъ, согласно Московскимъ замѣчаніямъ, и приказалъ отмѣнить «иной проектъ». Сообщая объ этомъ гр. Головкину, кн. Куракинъ добавлялъ, кто курфирстъ просилъ князя объявить его царскому величеству, что никогда онъ не будетъ мѣшаться въ Сѣверную войну, а Беренсдорфъ выражалъ даже надежду, что электоръ намѣренъ послать въ Россію своего «министра съ характеромъ».

Отвѣтъ на свои доношенія кн. Куракинъ получилъ только черезъ мѣсяцъ [2]. Въ теченіе этого времени многое могло измѣниться, вслѣд-

---

[1]) Георгъ не поѣхалъ; командованіе надъ арміей поручено было принцу Евгенію Савойскому.

[2]) Мѣсяцъ былъ наименьшій срокъ, во время котораго шли письма князя въ Петербургъ и обратныя.

ствіе чего и нельзя было поступать по прямымъ наставленіямъ изъ Петербурга. Въ Маѣ гр. Головкинъ увѣдомилъ кн. Куракина, что онъ докладывалъ Государю о нежеланіи Ганноверскаго двора согласиться полностію на Московскій проектъ, и царь приказалъ уступить, прежній проектъ оставить и закрѣпить на основаніи вновь посылаемаго изъ Россіи, отчасти сходнаго съ первымъ Ганноверскимъ отъ 25 Ноября. Но кн. Куракинъ этотъ новый проектъ не сообщилъ курфирсту, во 1-хъ потому, что выработанный имъ, согласный съ Ганноверскимъ (о которомъ князь сообщалъ отъ 19—23 Марта гр. Головкину), былъ шире вновь присланнаго и выгоднѣе для Россіи и 2) потому, что 4-я статья присланнаго проекта не имѣла точной редакціи обязательствъ царя и курфирста. Въ ней говорилось, что «такъ какъ царь и его совѣтники не желаютъ начинать безпокойства въ Имперіи, то и герцогъ обязуется, кто такое безпокойство напредъ начнетъ, не только никакого вспоможенія не чинить, но и противъ его объявиться». Отсюда видно, что въ этой статьѣ глухо говорилось о провинціяхъ Имперіи и не упоминались Шведскія, а на курфирста возлагались обязательства, на которыя онъ уже согласился по концерту въ Гагѣ. Не сообщивъ новаго проэкта курфирсту, кн. Куракинъ сталъ дожидаться отвѣта на посланныя письма отъ 19—23 Марта. Тѣмъ временемъ онъ спросилъ Беренсдорфа: въ случаѣ начатія корреспонденціи, какъ будутъ трактовать его царское величество и какъ вообще трактуются царь и короли? Такіе вопросы согласовались съ общимъ направленіемъ Московской политики, строго наблюдавшей за тѣмъ, чтобы не было умаленія титула. Гр. Головкинъ писалъ князю Борису Ивановичу: «изволь смотрѣть и предостерегать, дабы въ началѣ договора, который вамъ за своими руками министры будутъ отдавать, титло царскаго величества было выше курфирстскаго, также и въ междорѣчіи имя царя упоминалось бы прежде герцогскаго». Это письмо кн. Куракинъ получилъ 13 Іюня въ отвѣтъ на письма отъ 19—23 Марта. Князю дозволялось закрѣпить первый договоръ, выработанный согласно Московскимъ примѣчаніямъ. Съ письмомъ пересылалась и ратификація съ подписью Петра, при чемъ кн. Куракину приказывалось, чтобы онъ такую же получилъ и отъ Ганноверскаго двора. «Изволь, писалъ гр. Головкинъ, оную высмотрѣть и спустить съ своею, чтобы во всемъ написана была сходно, и потомъ размѣняться». Кн. Куракину строго приказывалось, чтобы онъ Нѣмецкій и Французскій тексты договоровъ точно согласовалъ съ Русскимъ, «слово въ слово» *).

*) Канцелярія кн. Куракина, переводя Нѣмецкій текстъ, иногда затемняла смыслъ, на что нерѣдко и указывалъ гр. Головкинъ кн. Куракину.

Что̀ до подарковъ, то гр. Головкинъ совѣтовалъ князю «обѣщать» ихъ по-размѣнѣ ратификацій, о каковыхъ обѣщаніяхъ и сообщить двору.

Въ Пятницу, 23 Іюня, произошло торжественное закрѣпленіе договора въ залѣ Совѣта при Ганноверскомъ дворѣ, въ 7 часу вечера. Когда князь пріѣхалъ въ Совѣтъ, то его встрѣтили въ сѣняхъ министры Берендорфъ и Гёрицъ. Потомъ, давъ кн. Куракину «входъ и во всемъ правую руку», вошли въ залу, гдѣ кругомъ круглаго стола приготовлены были мѣста. Князь сѣлъ при началѣ стола на особомъ мѣстѣ; со стороны стола отъ стѣны сѣлъ баронъ Гёрицъ, а на стулѣ Берендорфъ. Противъ князя сидѣли секретари: Ганноверскій Рейхъ (Reigh) и Ѳедоръ Веселовскій. Такъ какъ для закрѣпленія договора кн. Куракину необходимо было имѣть полномочіе (пленипотенцію), то послѣднее онъ и предъявилъ, т. е. свою кредитивную грамоту, въ которой говорилось «во всемъ полную вѣру яти». До этого времени министры Ганновера, хотя и спрашивали у князя грамоту, но онъ ея не предъявлялъ: проще было жить въ Ганноверѣ безъ посольскаго характера, а министры и безъ того ему вѣрили. Договоръ написанъ былъ въ трехъ экземплярахъ: одинъ, на Нѣмецкомъ языкѣ, врученъ былъ Ганноверскому курфирсту; два другихъ, на Нѣмецкомъ и Русскомъ, въ поллиста, вручены были кн. Куракину для отсылки въ Россію.

Внизу трактата съ правой стороны было подписано: «Къ сему, по властному отъ священнаго его царскаго величества указу, подполковникъ отъ гвардіи князь Борисъ Куракинъ». Съ лѣвой стороны: «министръ Берендорфъ, министръ баронъ Гёрицъ». Затѣмъ приложены были три печати помянутыхъ полномочныхъ лицъ.

Кромѣ трактата, кн. Куракину врученъ былъ «артикулъ сепаре» къ первой статьѣ—о правѣ герцога пріобрѣтать отъ Шведской короны земли или людей, права̀ или доходы покупкою или закладомъ, что̀ князь и принялъ. Этотъ артикулъ подписанъ былъ Рейгомъ и Веселовскимъ. 7 Іюля съ особымъ курьеромъ прислана была изъ Петербурга заранѣе приготовленная ратификація договора, въ которой Петръ обѣщалъ «вѣрою и словомъ царскимъ держать договоръ и сохранять его вѣрно, крѣпко и ненарушимо». Съ своей стороны и герцогъ обѣщалъ «курфирсткою вѣрою и словомъ, все и каждое, къ чему договоръ его обязывалъ, щиро и совершенно и ненарушимо содержать и исполнять». 18-го Іюля, послѣ обѣда, въ 6 часу, пріѣзжалъ къ кн. Куракину Рейгъ, который и размѣнялся ратификатированнымъ договоромъ съ Веселовскимъ. Рейгу, въ это время, «именемъ его царскаго величества было репрезентовано 100 червонныхъ». 21-го Іюля получили подарки и ми-

нистры. Относительно этихъ подарковъ кн. Куракинъ писалъ гр. Головкину 29-го Іюня, что «обѣщать подарки на словѣ невозможно; изъ сего будетъ подозрѣніе немалое, если чѣмъ министровъ не удоволилъ; что̀ изволите прислать, то и отдамъ». А Шафирову князь сообщалъ: «Я воистинну въ немаломъ стыду здѣсь останусь, что на словахъ министровъ подарками оправить, также и на канцелярію ничего. Вамъ больше извѣстно: сіе обыкновенно вездѣ. А обѣщать я не могу... для всеконечнаго стыду». Чтобы избѣжать этого стыда, кн. Куракинъ 21 Іюля, занявъ у Матвѣя Поппа 700 червонныхъ, а остальные добавя своими, одарилъ министровъ такъ: Беренсдорфу—500 червонныхъ, Гёрицу 500; тайному совѣтнику Готторфу, скрѣплявшему ратификаціи, 100; на канцелярію—100; все это составило, съ прежде выданными Рейгу, 1300 червонныхъ[1]). 600 изъ нихъ кн. Куракинъ приложилъ изъ своихъ «властныхъ» денегъ. «А въ письмѣ публичномъ до его милости Гаврила Ивановича, писалъ кн. Куракинъ Шафирову, я только объявилъ, что будто обѣщалъ», но въ приватномъ—писалъ также простосердечно, какъ и Шафирову. Князь просилъ послѣдняго выхлопотать ему уплату затраченныхъ денегъ, а въ свидѣтельство своей правдивости ссылался на Веселовскаго и присланнаго изъ Петербурга курьера съ ратификаціею, Михаила Клейна. Подарки князь посылалъ не только въ силу обыкновенія, но и потому, что одарить Ганноверскихъ министровъ было выгодно для Россіи. «Въ нынѣшнюю Сѣверную войну, писалъ онъ гр. Головкину, Ганноверскій дворъ намъ всегда будетъ полезенъ, не только «въ Имперіи, но въ Англіи и Голландіи: онъ вездѣ эстимованъ и кредитъ паче многихъ имѣетъ». Князь просилъ гр. Головкина, чтобы подарки прошли чрезъ его руки; «а ежели бы чрезъ другія, изъ того бъ могъ себѣ нѣкоторый афронтъ получить[2])». Конечно, желаніе кн. Куракина получить свои деньги заставляло его писать гр. Головкину объ афронтѣ. Подарокъ Беренсдорфу посланъ былъ княземъ съ камердинеромъ Огарковымъ, въ бархатномъ мѣшечкѣ, выложенномъ позументами, съ ярлыкомъ, за печатью; а Гёрицу съ пажемъ, который отдалъ мѣшечекъ «его дамѣ и сыну, который называется оберъ-шенкъ».

На успѣшное окончаніе договора имѣло вліяніе, кромѣ описанныхъ условій, и счастливое оружіе Петра. Во время заключенія договора кн. Куракинъ докладывалъ курфирсту о взятіи Петромъ Эльбинга, Риги, Выборга и др., что̀ все могло не менѣе внушительно подѣйствовать на

[1]) II, 330, 336; ср. IV, 195 и слѣд.

[2]) Не было дано барону Ельцу, вѣроятно потому, что онъ не участвовалъ въ скрѣпленіи договора.

герцога, чѣмъ и дипломатическая настойчивость князя Куракина. Одновременно съ заключеніемъ Русскаго трактата заключенъ былъ Ганноверомъ и оборонительный союзъ съ Даніею на пять лѣтъ.

Въ Россіи заключеніе договора встрѣчено было съ удовольствіемъ. Гр. Головкинъ писалъ кн. Куракину, что царь «изволилъ службу вашу и труды въ томъ дѣлѣ показанные принять милостиво». Довольны были заключеніемъ трактата и въ Ганноверѣ, который вскорѣ и началъ приводить его въ исполненіе: Матвѣевъ писалъ кн. Куракину изъ Голландіи, что Ганноверскимъ министрамъ за границей указомъ герцога приказано было сноситься съ Русскими. Самъ Куракинъ побуждалъ къ этому министровъ курфирста. Когда онъ объявилъ при дворѣ о взятіи Выборга и Риги, то сказалъ министрамъ, что хорошо бы Ганноверу послать поздравительныя грамоты царю, такъ какъ онъ первый ожидаетъ такихъ грамотъ: такимъ путемъ положено было бы начало доброй корреспонденціи. На это князю отвѣтили, что Петербургскій дворъ самъ не исполняетъ обѣщаній: онъ не увѣдомилъ о начинавшемся тогда сватовствѣ племянницы Петра, Анны Іоанновны, съ герцогомъ Курляндскимъ. Сколько могъ, кн. Куракинъ старался сгладить своимъ вмѣшательствомъ недостаточность такта въ завязавшихся отношеніяхъ. Гр. Головкину онъ писалъ: «При нынѣшнихъ счастливыхъ обстоятельствахъ оружія царя въ дѣлѣ взятія Риги, или иныхъ впредъ какихъ случающихся случаяхъ, къ сему двору грамоты соизволите посылать, чтобы тѣмъ свою склонность и добрую корреспонденцію являть. А ежели оная такъ нынѣ не начата будетъ и продолжена нѣкоторое время, то, конечно, здѣшній дворъ въ немаломъ подозрѣніи будетъ». Кн. Куракинъ рекомендовалъ и лицо, чрезъ которое удобно будетъ, послѣ его отъѣзда, пересылать грамоты: это былъ Гамбургскій резидентъ Бетхеръ, «который разстояніемъ отсель 18 миль, чрезъ почту однѣ сутки». Шафирову кн. Куракинъ при этомъ прибавлялъ: «Если курфирстъ будетъ армію въ здѣшнимъ циркулѣ аліатскую командировать, то наѣздомъ и г. Литъ отправитъ. Подъ нынѣшній случай при здѣшнемъ дворѣ надобно отъ насъ кому быть». Одного опасался кн. Куракинъ, какъ бы его самого не сдѣлали постояннымъ резидентомъ въ Ганноверѣ. «Прошу, писалъ онъ Шафирову, для Бога милость свою показать и предстеречь, чтобы мнѣ назадъ къ сему двору не поворотиться. Истинно, развѣ только за мои простосердечныя услуги въ печали смертію окончатся». И несомнѣнно, сравнительно узкая область дѣятельности въ Ганноверѣ побуждала князя искать другого назначенія; съ другой стороны по недостатку средствъ онъ не могъ за время своего посольства въ Ганноверѣ найти себѣ такого почета, на которое имѣлъ право разсчитывать по своему

происхожденію и родственной близости къ государю. О необходимости имѣть резидента въ Ганноверѣ, «я Гаврилу Ивановичу[1]), писалъ кн. Куракинъ Шафирову, не пріобщилъ, чего для мнѣ претитъ опасность противно моего желанія», т. е. опасность воротиться въ Ганноверъ.

Нельзя было не радоваться заключенію союза въ виду важныхъ слѣдствій вытекавшихъ изъ договора. Хотя это былъ только союзъ оборонительный, какъ на него смотрѣлъ и гр. Головкинъ[2]), однако онъ оправдывалъ намѣренія Петра вбить клинъ Русскаго вліянія въ Германію для успѣховъ своего и своихъ союзниковъ оружія на Балтійскомъ морѣ противъ Шведовъ. Побѣда, одержанная кн. Куракинымъ въ Ганноверѣ, была побѣдою Русскаго вліянія противъ Шведскаго, которое сильно было въ Германіи со времени Тридцатилѣтней войны. Не одинъ кн. Куракинъ дѣйствовалъ въ этомъ направленіи; тоже дѣлали и другіе Русскіе министры при иностранныхъ дворахъ, особенно Матвѣевъ въ Гагѣ. Но заслуга кн. Куракина, кромѣ того, что онъ хорошо понялъ намѣренія царя, состояла въ умѣньи сломить политику Ганновера, который былъ «внутреннимъ другомъ» Швеціи. Хорошо опредѣляетъ значеніе договора съ Ганноверомъ самъ князь въ «Разсужденіи объ аліансѣ, учиненномъ съ Ганноверскимъ дворомъ». Королевство Шведское, послѣ раздѣленія католической церкви, говоритъ князь, всегда было протекторомъ религіи протестанстской. «И отъ того времени сколько турбуленцій въ Имперіи было!» Благодаря покровительству Швеціи, многіе протестантскіе князья Германской имперіи пріобрѣли привиллегіи, вслѣдствіе чего всегда имѣли и имѣютъ большую склонность къ Шведской коронѣ. Особенно Ганноверскій дворъ всегда былъ союзникомъ Швеціи и не только ради интереса религіознаго, но и политическаго. Ганноверъ граничитъ съ Бременскими провинціями, Датскими, Голштинскими и съ Шведской Помераніей. Вслѣдствіе этого Ганноверскій дворъ всегда былъ въ союзѣ съ Швеціей для безопасности отъ Даніи, Пруссіи и другихъ имперскихъ принцевъ, которые завидовали ему, его богатству и распространенію земель. Вотъ почему въ нынѣшнюю Сѣверную войну всегда была опасность отъ Ганновера. А когда Карлъ XII былъ въ Саксоніи, то Ганноверъ во многомъ себя являлъ къ Шведскимъ интересамъ и приводилъ въ Шведскій фаворъ Англію и Голландію. «Но нынѣ учиненнымъ аліансомъ всѣ тѣ опасности, что̀ къ государству Всероссійскому были, въ Имперіи пресѣклися и безъ всякаго опасенія отъ Имперіи застали». Это потому, что дворъ Ганноверскій, самъ по себѣ,

[1]) Головкину.
[2]) IV, 200.

хотя и не могъ бы подать большой помощи Шведамъ, но могъ другихъ протестантскихъ принцевъ привести въ Шведскій фаворъ, потому что великій кредитъ имѣетъ за твердость своихъ дѣлъ, достаточно сильное войско, богатство денежное и за разумную политику, стремившуюся не къ партикуляризму, но къ общимъ интересамъ Германіи. Особенно-же авторитетъ Ганновера силенъ въ Англіи и въ Голландіи, «у всего аліатскаго собранія» союзниковъ войны за Испанское наслѣдство. Многій интересъ, продолжаетъ разсуждать князь, проистекаетъ изъ обязательнаго трактата нашему двору. И прежде всего по отношенію къ Даніи, которую не допускалъ Ганноверъ до войны съ Швеціей ради Голштиніи, дружественной съ Шведами*). Второе, удержана была денежная субсидія Шведскому двору, чего не сдѣлалъ курфирстъ по самый отъѣздъ князя. Третье, Шведскія войска готовы были напасть на Польшу и Саксонію; но стараніями Ганноверскаго курфирста, который болѣе другихъ явился сторонникомъ нейтральства въ собраніи аліатскомъ въ Гагѣ, это нападеніе было воспрещено. Четвертое, Шведы хлопотали о пропускѣ своихъ войскъ изъ Бременскихъ провинцій въ Померанію для усиленія здѣсь своего корпуса, но стараніями князя этотъ пропускъ былъ предотвращенъ. А больше всего интересъ договора въ томъ, что курфирстъ теперь не можетъ помогать непріятелямъ царя деньгами или людьми и никакого союза съ Шведомъ, въ противность нашимъ интересамъ, учинить не можетъ. Да и для будущихъ цѣлей Россіи этотъ союзъ небезполезенъ. Если бы теперешніе союзники Россіи, Пруссія и Саксонія, поворотились противъ насъ, то Ганноверъ имѣлъ бы немалый интересъ, какъ союзникъ Россіи. Наконецъ, въ случаѣ «Шведской погибели» Ганноверъ, конечно, будетъ искать Бремена и Вердена; а тогда и мы весьма безопасны будемъ отъ Шведа въ завоеванныхъ мѣстахъ, «учиня наикрѣпчайшій съ симъ дворомъ аліансъ».

На этотъ «наикрѣпчайшій аліансъ», повидимому надѣялся кн. Куракинъ. По крайней мѣрѣ предъ отъѣздомъ своимъ онъ говорилъ Беренсдорфу по секрету, что «впредъ Россія желаетъ еще бо̀льшія обязательства учинить съ Ганноверомъ, т. е. вступить въ «аліансъ офенсивъ», чрезъ который герцогъ можетъ себѣ присовокупить Бременъ и

*) Мнѣніе о Даніи въ „Разсужденіи“ кн. Куракина темно выражено. Въ „разсужденіи“ смыслъ этого мѣста тотъ, что Ганноверъ долженъ былъ препятствовать нападенію Даніи на Швецію. Но это противорѣчитъ всему ходу дѣла заключенія трактата. По этому на стр. 315, II т., или описка кн. Куракина, или редакціонная ошибка печатнаго текста. Для Петра не было никакого интереса сдерживать Данію отъ войны съ Швеціей. Въ Ганноверѣ разсуждалось только о томъ, что ни Данія, ни Шведскія провинціи Имперіи, ни Швеція и не-Датскія Имперскія не имѣли права нападать въ виду нейтральства Германіи. Мы придаемъ этому мѣсту смыслъ, согласный съ историческими обстоятельствами.

Верденъ. «Конечно, говорилъ князь, если бы такой союзъ состоялся, то царь не заключилъ бы мира до тѣхъ поръ, пока курфирстъ не пріобрѣлъ бы помянутыхъ провинцій. А что касается до возможнаго противодѣйствія этому пріобрѣтенію со стороны Пруссіи, Даніи и Саксоніи, то его можно было бы пресѣчь награжденіями: Польскаго—Лифляндами, Прусскаго—Польскими провинціями изъ Пруссъ, а Датскаго—въ Шоніи. Объ этихъ намѣреніяхъ Россіи кн. Куракинъ просилъ министра сообщить герцогу. Беренсдорфъ на это отвѣчалъ: «Правда то, что изъ сего немалый интересъ можетъ быть... однако по нынѣшнимъ временамъ трудно что нибудь сдѣлать для заключенія наступательнаго союза; сдерживаетъ и нейтральство. Тѣмъ не менѣе, если что̀ можно будетъ сдѣлать въ будущемъ, то я не оставлю увѣдомить своею корреспонціею». На первый разъ довольно было и оборонительнаго союза, облегчавшаго Россіи ея борьбу со Шведами.

Кромѣ заключенія договора, кн. Куракину поручались въ Ганноверѣ и другія дѣла. Есть основаніе думать, что онъ участвовалъ въ сватовствѣ принцессы Вольфенбютельской. Петръ, желая крѣпче утвердиться въ сѣверной Германіи, а равно и по другимъ причинамъ, выбралъ невѣсту для царевича Алексѣя изъ дома Брауншвейгъ-Вольфенбютельскаго. Это была внучка Антона-Ульриха, дочь его сына Людвига-Рудольфа и Христины Луизы, принцесса Шарлота-Христина-Софія, родная сестра супруги будущаго Германскаго императора, Карла VI. Царь желалъ этого брака, хотя царевичъ, не раздѣлявшій политики Петра, былъ и противъ него *). Во время перваго пріѣзда Антона-Ульриха въ Ганноверъ, въ началѣ Генваря 1710 г., кн. Куракинъ видѣлся съ герцогомъ и имѣлъ съ нимъ аудіенцію. Во время представленія, герцогъ почетно встрѣтилъ князя, въ дверяхъ каморы. Рѣчь велась на Французскомъ языкѣ. Кн. Куракинъ сказалъ, что онъ «пришелъ учинить реверенцію (поклонъ), вѣдая добрую корреспонденцію и согласіе герцога съ его царскимъ величествомъ». Антонъ-Ульрихъ титуловалъ князя «екцеленцъ», а послѣдній герцога—«алтеце». Въ разговорѣ о дѣлахъ Антонъ-Ульрихъ сказалъ: «Я знаю, что царь намѣренія своего не перемѣнитъ и будетъ твердъ въ своемъ словѣ относительно брака съ царевичемъ. Хотя я и слышу многіе разговоры о царѣ, что онъ бываетъ въ своемъ словѣ не надеженъ, но я лично благонадеженъ». На это кн. Куракинъ отвѣчалъ, что государь въ словахъ своихъ твердъ, безъ всякой отмѣны. Если же за-

*) Подробно о бракѣ у Устрялова, т. VI, стр. 23 и слѣд.; первоначальную мысль объ этомъ бракѣ подалъ Петру баронъ Гюйссенъ еще въ 1707 г., а затѣмъ это дѣло велъ Урбихъ.

тѣянный маріажъ еще доселѣ не пришелъ къ благополучному концу, то причиною сего война, по окончаніи которой бракъ несомнѣнно состоится. «Мы отъ всего сердца радуемся, что царевичъ женится на невѣстѣ такого славнаго и почетнаго дома, какъ Вольфенбютельскій, и думаемъ, что и въ политическихъ дѣлахъ этотъ бракъ будетъ очень полезенъ». Герцогъ отвѣчалъ, что папа старается разстроить этотъ бракъ; онъ прислалъ въ Дрезденъ (куда ѣхалъ царевичъ для занятія науками) своего внука Аннибала, который подалъ королю Августу секретныя предложенія о томъ, чтобы сосватать Алексѣю принцессу католическую, а не протестантскаго закона, а именно изъ дома Саксонскаго, воспитанную въ Вѣнѣ и свойственницу принца Фюрстенбурга [1]). На это кн. Куракинъ сказалъ, что, сколько ему извѣстно, слухъ этотъ не вѣренъ; царь слова своего не измѣнитъ, а больше всего и потому, что «имѣетъ больше наклоненія къ Люторской религіи, нежели католицкой». А на другой день герцогъ говорилъ князю, что Матвѣевъ въ Гагѣ высказался за невозможность брака, если принцесса не перемѣнитъ вѣры. Но такъ какъ сестра ея, выходя за Испанскаго короля (Карла VI), перемѣнила вѣру, а царь предъ Испанскимъ имѣетъ высшее отъ всѣхъ почтеніе, то и Шарлота, говорилъ герцогъ, можетъ принять вѣру Греческаго закона. Тѣмъ не менѣе «мы не думаемъ, чтобы насъ стали принуждать къ перемѣнѣ вѣры». Князь отвѣчалъ: «что̀ касается религіи, то объ этомъ всегда можно будетъ сговориться».

Почти въ это же время кн. Куракинъ писалъ гр. Головкину, что въ Волфенбютельской семьѣ получено извѣстіе о возвратѣ царевича изъ Кракова (откуда онъ ѣхалъ въ Дрезденъ) къ Москвѣ, между тѣмъ какъ принцесса съ матерью нарочито поѣхали въ Дрезденъ для свиданія съ царевичемъ. Слухъ этотъ тѣмъ болѣе взволновалъ герцогскую семью, что она всюду и всегда разглашала о свадьбѣ; теперь возвращеніе царевича съ дороги «за немалый афронтъ себѣ почитаютъ», сообщалъ кн. Куракинъ. Однако слухъ этотъ оказался не вѣренъ. «Утверждаю, писалъ Урбихъ кн. Куракину отъ 18 Генваря, что ничего нѣтъ болѣе недостовѣрнаго, какъ слухъ о пріѣздѣ царевича... Письма изъ Польши и Саксоніи говорятъ совсѣмъ другое, и князь Меньшиковъ послалъ секретаря въ Дрезденъ, чтобы извинить отсутствіе царевича и объяснить тѣ причины, которыя заставили его высочество остаться въ Краковѣ на этотъ разъ» [2]).

---

[1]) Онъ былъ вице-король Саксоніи; католическая принцесса доводилась ему племянницей и была дочерью принца Лихтенштейна.

[2]) 29 Ноября 1709 г. Меньшиковъ писалъ царю, что причиною остановки царевича въ Краковѣ было его, Меньшикова, распоряженіе (по случаю отъѣзда Августа изъ Польши въ Саксонію. Устряловъ VI, 21).

Въ концѣ Генваря кн. Куракину пришлось, вмѣстѣ съ курфирстомъ, котораго онъ сопровождалъ, лично побывать въ Брауншвейгѣ и снова имѣть съ герцогомъ разговоръ о бракѣ. Князь пріѣхалъ инкогнито; при въѣздѣ въ городъ, въ воротахъ, онъ назвалъ себя Московскимъ кавалеромъ, Лукою Поповымъ. Отсюда онъ прямо проѣхалъ во дворецъ, гдѣ ему отведено было помѣщеніе у одного придворнаго «конселера»; къ услугамъ его приставленъ былъ лакей, а «пить и ѣсть дуково» (dux). На слѣдующій день, въ 10 часовъ утра, къ нему присланъ былъ отъ герцога придворный маршалъ съ поздравленіемъ и съ вопросомъ, на сколько «счастливо князь отправилъ свой путь до сихъ мѣстъ». Герцогъ просилъ князя пожаловать къ обѣду и обѣщалъ прислать за нимъ карету. Маршалъ во всѣхъ разговорахъ титуловалъ его высочествомъ. Не желая «противности въ церемоніяхъ», князь не дождался кареты и приватно явился во дворецъ въ «порте-сеже», выйдя изъ котораго, кн. Куракинъ внезапно вошелъ въ залу, гдѣ встрѣтилъ бывшаго тамъ маршала и другихъ кавалеровъ. Такъ какъ герцогъ еще не былъ одѣтъ, то кн. Куракину пришлось ждать съ полчаса времени. Чтобы не унизить своего достоинства, онъ отправился, подъ предлогомъ осмотра, въ аппартаменты, гдѣ останавливались электоры. Потомъ, будучи позванъ въ камору аудіенціи и найдя здѣсь герцога, стоявшаго среди залы, кн. Куракинъ сказалъ ему: «Если бы царь зналъ, что мнѣ придется быть при семъ дворѣ, то, конечно, прислалъ бы свою кредитивную грамоту, чтобы репрезентовать чрезъ меня; но за дальней корреспонденціей этого не могло состояться. Тѣмъ не менѣе прошу видѣть во мнѣ министра, представителя своего государя, и вѣрить, что онъ въ благопріятствѣ и дружбѣ желаетъ быть съ вашимъ высочествомъ и поддерживать добрую корреспонденцію». Герцогъ благодарилъ князя, поговорилъ съ нимъ и отпуская, проводилъ до половины залы. Отъ герцога князь прошелъ къ матери невѣсты царевича, герцогинѣ Луизѣ, которую успокоилъ въ намѣреніяхъ царя относительно брака, сказавъ, что всѣ слухи о противномъ ложны. Ободренная этимъ, Луиза, по окончаніи пріема, проводила князя до дверей залы. Какъ въ этотъ, такъ и послѣдующіе дни своего пребыванія въ Брауншвейгѣ, князь обѣдалъ съ герцогской семьею. 4 Февраля, утромъ, въ 10 ч., герцогъ позвалъ его на кофе и имѣлъ съ нимъ конференцію о бракѣ. Антонъ-Ульрихъ говорилъ, что не вѣритъ распускаемымъ Саксонскимъ дворомъ слухамъ о намѣреніяхъ царя взять принцессу изъ дома Католическаго. При этомъ герцогъ предостерегалъ князя отъ Ганноверскаго двора, который, дѣйствуя въ фаворъ Шведскій и не желая видѣть Вольфенбютель въ потенціи, противенъ нашему аліансу. Если бы, однако, курфирстъ захотѣлъ разстроить сватовство въ цѣляхъ Шведской политики, то мы, говорилъ герцогъ, со-

вмѣстно съ другими аліатами, устроимъ аліансъ съ царскимъ величествомъ и ослабимъ Ганноверъ. Не даромъ, послѣ того, кн. Куракинъ сообщалъ гр. Головкину, что герцогъ Вольфенбютельскій желалъ вступить въ союзъ съ Россіей, когда окончится дѣло о маріажѣ, съ субсидіей отъ царя «на три тысячи инфантеріи». Это дѣло кн. Куракинъ находилъ выгоднымъ, потому что Браунштейгъ могъ «всякое въ Имперіи развращеніе имѣть и къ вспоможенію Шведамъ принцевъ имперскихъ не допускать». Объ этомъ союзѣ предлагалъ кн. Куракину въ Браунштейгѣ и министръ герцога Шлейницъ, какъ раньше того самъ герцогъ Урбиху.

На рѣчи герцога въ конференціи кн. Куракинъ отвѣчалъ, что его всемилостивѣйшій государь весьма намѣренія своего не преступитъ, и хотя есть противное сватовству разглашеніе, но оно не иное что, «какъ только спаржаментъ (слухъ, молва) политичный и дѣлается въ «прежидицію» (вредъ) двору царя и сему». На этой же конференціи герцогъ высказалъ свое опасеніе на счетъ пребыванія царевича въ Саксоніи. Какъ бы изъ этого не вышло чего худого, говорилъ герцогъ; въ Саксоніи практикуютъ особое питье, отчего можетъ быть «оморъ крѣпкій». Довѣрчиво разсуждая съ княземъ, герцогъ сообщилъ ему ходившіе тогда слухи о желаніи царя выдать своихъ племянницъ, одну за принца Гессенъ-кассельскаго, а другую за принца Курляндскаго; сообщилъ о подозрѣніяхъ царя къ Августу и о видахъ передать Польскій престолъ Меньшикову; о желаніи Прусскаго короля присоединить къ себѣ Польскіе Пруссы, отдавъ Польшѣ Курляндію, а герцога Курляндскаго удовлетворить областями въ Германіи. Потомъ герцогъ спросилъ князя: царь приказалъ имѣть корреспонденцію Вольфенбютельскому генералу Іордану съ вице канцлеромъ Шафировымъ; но чрезъ кого лучше, чрезъ Урбиха или Шафирова? Кн. Куракинъ отвѣчалъ, что удобнѣе чрезъ обоихъ: Урбиха отлучать не слѣдуетъ отъ переписки, дабы не испортилъ начатаго дѣла. Въ заключеніи конференціи герцогъ просилъ князя донести царю, что онъ всегда готовъ и отъ всего сердца быть вѣрнымъ слугою Петра и во всѣхъ его интересахъ, охотно кончить начатое дѣло сватовства и добрую корреспонденцію продолжать. Прощаясь съ княземъ, герцогъ высказывалъ сожалѣніе, что не могъ оказать ему достойной чести и дать квартиру въ своемъ «каштелѣ». Это потому, что онъ не хотѣлъ дать подозрѣнія Вѣнскому послу, графу Шёнбурну, который былъ у герцога во время пребыванія князя въ Вольфенбютелѣ.

Изъ сообщеній кн. Куракина о поѣздкѣ къ Антону-Ульриху видно, что между нимъ и Ганноверскимъ курфирстомъ было въ то время соперничество. Полезно было это соперничество и для миссіи кн. Кура-

яина: кромѣ того, что онъ узнавалъ всякаго рода новости отъ соперничавшаго съ Ганноверомъ двора, онъ лучше могъ узнать состояніе Германіи, дѣйствовать согласно указаніямъ Вольфенбютеля, если находилъ ихъ полезными, и направлять обстоятельства, согласно своимъ видамъ. Такъ отъ герцога онъ узналъ, что Бременъ и Верденъ Шведы никогда не продадутъ Ганноверу и что этой покупкѣ воспротивится вся Германія. Министръ цезарскій, графъ Шёнбурнъ говорилъ кн. Куракину, чтобы онъ всѣ мѣры прилагалъ въ Ганноверѣ не допускать ни покупки провинцій, ни ихъ заклада; а герцогъ обѣщалъ препятствовать и закладу. Узналъ кн. Куракинъ въ Іюлѣ мѣсяцѣ, что будто бы сынъ герцога Вольфенбютельскаго хотѣлъ дать 300 тысячъ талеровъ Гульденштерну для содержанія арміи въ Помераніи. Можетъ быть, этотъ слухъ и не вѣренъ былъ; но князь, узнавъ о немъ, немедленно заявилъ министру герцога, который и убѣдилъ кн. Куракина въ противномъ.

Въ послѣдній разъ князь видѣлся съ герцогомъ Антономъ-Ульрихомъ уже въ концѣ Іюля, по выѣздѣ изъ Ганновера. Гр. Головкинъ сообщилъ ему, что нашъ посланникъ въ Даніи, князь Долгорукій писалъ царю о генералѣ Вольфенбютельскомъ Іорданѣ, который поздравлялъ Петра, въ Маріенвердерѣ, съ побѣдою при Полтавѣ. Будучи въ Гамбургѣ, Іорданъ предлагалъ Шведскому резиденту о желаніи царя заключить миръ со Шведами на основаніяхъ уступки всѣхъ завоеванныхъ Русскими провинцій, за исключеніемъ Петербурга и Шлиссельбурга. Кромѣ этого «и другія многія противности Іорданъ къ сторонѣ его царскаго величества и союзниковъ его внушалъ». Узнали въ Петербургѣ и о томъ, что въ будущемъ «пересылка о миротвореніи Шведа съ Датскимъ чрезъ Вольфенбютельскаго секретаря будетъ чиниться». Кн. Куракину поручалось сообщить герцогу о томъ, что царь сомнѣвается, что герцогъ тутъ дѣйствуетъ и «уповаетъ, что Іорданъ безъ княжаго указа противности государю чинитъ и при томъ во время, когда царь съ домомъ Вольфенбютельскимъ ближайшей пріязни желалъ». Царь надѣялся, что Іордана герцогъ «унять изволитъ». По этому случаю кн. Куракинъ и пріѣхалъ въ Брауншвейгъ, гдѣ встрѣченъ былъ съ большимъ почетомъ. За нимъ прислана была карета цугомъ и съ нею «жентильомъ отъ каморы». Герцогъ встрѣтилъ кн. Куракина въ комнатѣ, предшествовавшей залу аудіенціи; за столомъ, во время обѣда, посадилъ его рядомъ съ собою, по лѣвую руку, и пилъ его здоровье «во всѣхъ оказіяхъ» прежде посланника Шведскаго. Относительно дѣла Іордана самъ герцогъ въ конференціи «отвѣтствовалъ, чтобы его царское величество того за зло на его персону не принялъ, что онъ не хочетъ въ то никогда вступить (въ дѣло о мирѣ) и между такихъ потентатовъ мѣшаться.

Генералъ Іорданъ отъ него никогда такого приказа не имѣлъ». Герцогъ поручилъ кн. Куракину допросить самого генерала. Сей послѣдній, бывъ у князя, отрекся отъ взводимаго на него обвиненія, недоумѣвалъ, отъ кого та «фальшивая затѣина» произошла, предполагалъ, что отъ двора Голштинскаго и хотѣлъ требовать отъ Датскаго двора чрезъ герцога «сатисфакціи» на резидента Датскаго въ Гамбургѣ. Во время этой послѣдней поѣздки въ Брауншвейгъ, министръ герцога, Шлейницъ, просилъ кн. Куракина рекомендовать его Шафирову. Урбихъ, въ Касселѣ, предложилъ Шлейницу перейти на службу къ царю въ качествѣ церемоніймейстера, интродуктора посольскаго, въ характерѣ consillié d'état и въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Плодомъ этого и явилось рекомендательное письмо кн. Куракина Шафирову, въ которомъ онъ объявляетъ, «въ какой эстимѣ Шлейницъ при дворѣ своего принципала обрѣтается», свидѣтельствуетъ о его пригодности къ службѣ и проситъ «явить къ нему пріязнь» въ Россіи.

Сношенія кн. Куракина съ Вольфенбютелемъ были выгодны для него и въ смыслѣ устройства его личныхъ дѣлъ. Отъ перваго брака съ Ксеніей Ѳеодоровной Лопухиной у него былъ сынъ, Александръ, двоюродный братъ царевича Алексѣя, родившійся 31 Іюля 1697 года. Въ Іюлѣ 1710 г. князю Александру Борисовичу было уже 13 лѣтъ. Разумѣется, отецъ, ознакомленный съ Европою, пожелалъ дать сыну и Европейское образованіе, поэтому и выписывалъ его заграницу. Въ Мартѣ онъ писалъ гр. Головкину и Шафирову, чтобы они выхлопотали у Петра позволеніе отпустить сына къ отцу, «ему пачпортъ дать и въ проѣздѣ милость явить. Ежели возможно, просилъ князь Шафирова, отправьте его до Берлина съ знающимъ курьеромъ. Я нашелъ здѣсь добрую оказію: дукъ Вольфенбютельскій обѣщалъ мнѣ Александра въ своей академіи держать, изъ чего не буду великаго убытка имѣть. Здѣсь онъ научится языкамъ; а я, если указомъ его величества и поворочусь, то оставлю сына при той пристани во всякомъ надѣяніи». Объ этомъ, просилъ кн. Куракинъ Шафирова сообщить и А. Ѳ. Лопухину. Послѣднему князь писалъ: «Прошу покорно сына моего отправить безъ замедленія, пока наши войска обрѣтаются въ Польшѣ. Пусть онъ ѣдетъ на Кіевъ, Краковъ, гдѣ обрѣтается царевичъ, и на Бреславль. Въ Бреславлѣ его будутъ ожидать мои друзья изъ министровъ цезарскихъ и ко мнѣ отправятъ безпечно. Если будетъ способенъ путь на Ригу, Кенигсбергъ и Берлинъ, то пусть ѣдетъ этимъ путемъ; мои Берлинскіе корреспонденты переправятъ Александра ко мнѣ. Хорошо и чрезъ Данцигъ, но дороже, и мѣшаетъ моровое повѣтріе. При сынѣ прошу отправить его дядьку и Александра Тотолмина; если возможно, то кого либо и изъ иноземцевъ. На дорогу достаточно дать 500 ефимковъ; до

границъ Нѣмецкихъ и чрезъ Польшу, думаю, и даровыя подводы найдутся. Возрастъ Александра такой, что пора подумать объ его ученіи; если умедлить, то отъ всѣхъ ровесниковъ отстанетъ. Паче же обѣщалъ мнѣ дукъ Вольфенбютельской въ своемъ домѣ его держать и учить, которое воспитаніе ему, чаю, не внѣ будетъ». Кн. Куракинъ просилъ Лопухина отправить сына до лѣтнихъ жаровъ.

Оказія помѣстить сына во дворецъ герцога, въ виду маріажа царевича, дѣйствительно была доброю. Какъ извѣстно, бракъ царевича съ Шарлотою совершенъ былъ 14 Октября 1711 г. въ Саксонскомъ городѣ Торгау. Безспорно, что князь Куракинъ, во время своего посольства въ Ганноверѣ, имѣлъ вліяніе на его устройство. Ко времени этого устройства, къ переговорамъ о бракѣ относится одинъ характерный документъ, имѣвшій, косвенное отношеніе къ Урбиху и свидѣтельствующій о великой осторожности князя Бориса Ивановича. Къ письму, которое онъ послалъ Шафирову изъ Ганновера 29 Іюня, приложенъ былъ post-scriptum, билетъ, написанный рукою камердинера князя, Ѳедора Огаркова. На билетѣ было начертано: «Прошлой недѣли видѣлся съ дукомъ Вольфенбютельскимъ, который желаетъ привести къ окончанію дѣло (о бракѣ) и желаетъ, чтобы оные трактаты (брачный договоръ) закончены были министромъ націи властной, а не чужеземцемъ, и признаваетъ, будто оное продолженіе отъ резидующаго въ Вѣнѣ (т. е. затяжка въ бракѣ отъ Урбиха). Я изъ тѣхъ разговоровъ узналъ, что желаютъ, хотя бы вы сонзволили къ заключенію того къ нимъ прибыть. Уже чрезъ другихъ мнѣ дано знать, что сіе не можетъ обойтиться награжденіемъ отъ сего двора меньше 15000 или 20000 ефимковъ». То несомнѣнно, что дворъ Вольфенбютельскій не довѣрялъ Урбиху, который собственно и устроилъ все дѣло *). Чтò до кн. Куракина, то, безспорно, онъ хотѣлъ оказать добрую услугу вице-канцлеру и не принадлежалъ къ той Русской партіи, которая враждебно относилась къ женитьбѣ Алексѣя Петровича на иностранкѣ, при томъ Евангелическаго вѣроисповѣданія. Иначе бы князь никогда не помѣстилъ своего сына въ Вольфенбютельскую «академію».

Покончивъ дѣла въ Ганноверѣ и при дворѣ Антона-Урлиха, кн. Куракинъ сталъ собираться въ Англію. Изъ Россіи, лѣтомъ, почти въ каждомъ письмѣ сообщалъ ему гр. Головкинъ, что пора ѣхать въ Англію, ибо «нынѣшнія конъюктуры дѣла того требуютъ». Но для того, чтобы ѣхать, нужны были деньги, а ихъ у кн. Куракина не было. Еще въ

*) Соловьевъ, т. XVII, 143 и слѣд

въ Мартѣ мѣсяцѣ, пересылая гр. Головкину вѣдомость израсходованныхъ суммъ, князь писалъ ему: «воистину, мой государь, безъ всякихъ прихотей здѣсь житье мое, самою умѣренностію, безъ чего не можно быть». Во свидѣтельство этой «умѣренности», онъ ссылался на капитана Острогардина, ѣхавшаго въ Россію. Въ это же время князь просилъ А. Ѳ. Лопухина переправить къ нему вексель на 2 или $1\frac{1}{2}$ тысячи ефимковъ, «токмо смотрѣть цѣны, а то Любсъ и Поппъ (купцы, Русскіе корреспонденты) гораздо берутъ дорого и въ семь гривенъ ефемовъ переводятъ; однако, если можно по этой цѣнѣ, то буду благодаренъ». Одновременно съ этимъ онъ писалъ раздраженно своему управляющему Ф. Губастову: «Много ты пишешь, да не о томъ, что̀ нужно... По се число (12 Марта) не вѣдаю уже за сколько мѣсяцевъ, что̀ въ приходѣ денегъ». Князь приказывалъ исправляться въ деньгахъ и писать къ нему; при этомъ указывалъ, какъ на переводчиковъ векселя вмѣсто Любса, который дорого беретъ, на Соловьевыхъ, торговыхъ агентовъ въ Голландіи, которые «для своего брата Осипа могутъ дешевле взять». Гораздо позднѣе, 29 Іюня кн. Куракинъ писалъ Шафирову: «Не знаю, съ чѣмъ ѣхать въ Англію; буду искать въ Голландіи, чтобы занять. Если не найду, принужденъ буду искать въ Голландіи, съ чѣмъ ѣхать». Но поиски эти были затруднительны. 26 Іюля князь увѣдомлялъ гр. Головкина, что деньги, которыя даны были на подъемъ въ Маріенвердерѣ, всѣ издержаны и съ приложеніемъ своихъ. «Того ради прошу донести государю, чтобы опредѣлено было мнѣ чѣмъ жить. А о дороговизнѣ житья въ Англіи всѣмъ извѣстно, что паче всѣхъ дворовъ въ Европѣ». Въ тоже время князь ходатайствовалъ и о прибавкѣ жалованья своему секретарю, Веселовскому, который «прилежность въ дѣлахъ его величества имѣетъ немалую, а пробавиться ему опредѣленнымъ жалованьемъ весьма не можетъ»; а въ заключеніи просилъ и о прибавкѣ жалованья подьячему Петру Рогову *). Въ письмѣ отъ того же числа онъ просилъ Шафирова, «яко истиннаго своего пріятеля и патрона, чтобы онъ похлопоталъ объ указѣ на счетъ жалованья, дабы въ Англіи хотя посредственно жить. Не получа указа, я не поѣду, потому что при выѣздѣ изъ Ганновера больше 120 червонныхъ не имѣю, а въ заемъ никто не вѣритъ. Если будетъ мало прислано, то я возвращусь ко двору. Я надѣюсь, что, принимая во вниманіе дороговизну Англіи, мнѣ дадутъ жалованья не только по примѣру другихъ, но и больше; и прошедшее безчестіе (оскорбленіе въ Лондонѣ Русскаго посла Матвѣева) не отъ чего произошло, токмо отъ недостатка денегъ. Поэтому нынѣ надо по-

*) Письмо во II-мъ т. на стр. 332—333 тоже, что̀ и въ IV т. на стр. 196—197; последнее сообщаетъ и о другихъ новостяхъ.

казать себя иначе, чтобы загладить къ славѣ и чести его величества и всего Россійскаго государства». О своемъ житьѣ въ Ганноверѣ князь писалъ Шафирову: «Я и здѣшнюю свою нищенскую и стыдную бытность вспоминаю въ умѣ, какъ противную и злую; свидѣтельствуюсь г. Веселовскимъ, что въ нищетѣ и срамствѣ жилъ, такъ что ни одного дня истинно радостнаго умору (хорошаго расположенія духа) не имѣлъ. Зная свое безчастіе (нерасположеніе Петра), мой государь, не надѣюсь, чтобы такое мое житье въ трудъ мнѣ было причтено; не смотря на это, трудился съ чистымъ намѣреніемъ, сознавая важность возложеннаго на меня порученія. Объ этомъ между прочимъ; прошу только не оставить меня въ жалованьи, безъ умедленія прислать его, также и на карету отпустить, чтобы противъ другихъ ограблену не быть, или какъ воля ваша». Обращаясь къ протекціи Шафирова, кн. Куракинъ просилъ и о возвышеніи чина. «Кредитивъ, данный мнѣ въ 1709 г., писалъ князь, уже устарѣлъ; и ежели позволено вновь будетъ прислать, покорно прошу явить ко мнѣ свое жалованье, чтобы въ ономъ прибавить рангою генералъ-маіора и къ тому молвить полуполковника отъ гвардіи; это будетъ къ лучшей чести гвардіи и его величества, потому что у всѣхъ потентантовъ отъ гвардіи пишутся полуполковникъ и генералъ-маіоръ». Впослѣдствіи это ходатайство о чинѣ было уважено, но денегъ изъ Россіи не прислали. Уже по выѣздѣ изъ Ганновера, живя въ Утрехтѣ, кн. Куракинъ писалъ гр. Головкину отъ 1 Сентября, что онъ живетъ въ Голландіи безъ денегъ, въ кредитъ «токмо за одну пищу»; имѣетъ при себѣ не болѣе 100 ефимковъ; въ займы никто не даетъ. Князь просилъ гр. Головкина не обидѣть его предъ другими въ дачѣ жалованья, ассигновать и на карету. Съ малыми деньгами въ Англіи управиться нельзя; въ силу дороговизны жизни, всѣ резидующіе въ Лондонѣ получаютъ двойное содержаніе сравнительно съ посланниками при другихъ Европейскихъ дворахъ. «И мнѣ надлежитъ въ своемъ пріѣздѣ нѣкоторую фигуру учинить, хотя и не такъ, какъ ихъ присланные. Это потому, что я посылаюсь съ выраженіемъ взаимнаго расположенія и на знакъ любви и доброй корреспонденціи. Въ Англіи парламентъ, многолюдное и великое общество; жить въ Лондонѣ инкогнито, не имѣть ни съ кѣмъ обхожденія и доброй знаемости, значитъ нарушать государственные интересы и ничего не искать вновь. А обхожденіе и добрая знаемость требуютъ денегъ». Нуждаясь въ средствахъ, князь обращался къ содѣйствію Меншикова и просилъ его, въ виду дороговизны прожитія въ Англіи, выхлопотать указъ къ городу Архангельску, чтобы для нуждъ и иждивенія князя «позволено было къ нему хлѣба пропускать». Это указываетъ на то, что князь хотѣлъ принять участіе въ заграничной торговлѣ хлѣбомъ. Только въ Сентябрѣ удалось ему занять 4000 ефимковъ въ Голландіи.

Увѣдомляя объ этомъ гр. Головкина изъ Гаги, 1 Октября, кн. Куракинъ снова просилъ его объ опредѣленіи ему точного жалованья, «чтобы съ голода и стыда не умереть». Однако гр. Головкинъ писалъ къ Хр. Бранту о ссудѣ князю только 2000 ефимковъ, каковыя деньги кн. Куракинъ долженъ былъ взять у него и ѣхать немедленно въ Англію. Вѣроятно деньги онъ занялъ по письму отъ Шафирова 18 Августа, на которое князь ссылается въ отвѣтномъ отъ 1 Октября изъ Амстердама. «Только воистину, писалъ князь, нахожусь въ крайней печали, хотя и занялъ деньги; опасаюсь, какъ бы въ Англіи отъ срамнаго житья не впасть въ наигоршее бѣдство предъ прежнимъ случаемъ» (т. е. случаемъ съ Матвѣевымъ). Уже изъ Лондона, отъ 30 Октября, онъ сообщалъ вице-канцлеру, что указа объ опредѣленномъ жалованьи онъ, князь, доселѣ не получалъ. Любопытно, что въ этомъ письмѣ онъ указалъ сумму займа меньшую, чѣмъ какую сообщилъ гр. Головкину въ письмѣ отъ 1 Октября: Шафирову князь писалъ, что онъ занялъ у Бранта 1000 ефимковъ, у Тессинга 500 и у Якова Любса 1000. Это указываетъ съ одной стороны на то, что крупныхъ суммъ въ Голландіи князю дѣйствительно не вѣрили, а съ другой, даетъ основаніе сомнѣваться въ правильности его показаній, если мы исключимъ предположеніе, что Шафирову кн. Куракинъ не все сказалъ.

Приготовляясь, такимъ образомъ, къ выѣзду въ Англію, князь простился съ Ганноверскимъ дворомъ. 19 Іюля онъ заявилъ объ этомъ Беренсдорфу; а послѣдній, 23-го, будучи у кн. Бориса Ивановича, любезно объявилъ ему, что его свѣтлость очень сожалѣетъ объ отъѣздѣ князя и желаетъ, чтобы онъ остался резидентомъ при герцогскомъ дворѣ. Герцогу пріятно было найти въ князѣ «особу великой квалиты (званія, достоинства), искуснаго и знающаго въ дѣлахъ». Съ своей стороны Беренсдорфъ благодарилъ князя за милости царя и въ будущемъ обѣщалъ вѣрно служить интересамъ царя и курфирста. На любезности министра князь отвѣчалъ не меньшими съ своей стороны. Онъ говорилъ, что не въ силахъ «отслужить» тѣ милости, которыми онъ пользовался отъ курфирста; что отъ всего сердца и со всякимъ стараніемъ служилъ интересамъ царя и герцога и недостоинъ похвалъ его свѣтлости; что до конца жизни своей обѣщаетъ быть вѣрнымъ слугою герцога. Въ заключеніе князь просилъ министра смотрѣть на него, какъ на друга и слугу и по отъѣздѣ изъ Ганновера. Въ этотъ же день, вечеромъ, былъ у кн. Куракина статсъ-секретарь Рейгъ, который привезъ князю черновикъ грамоты курфирста, отвѣтственной на кредитивъ. Въ немъ, равно какъ и въ настоящей, говорилось, что герцогъ благодаритъ царя за присылку кн. Куракина, который «во всѣхъ своихъ дѣлахъ и поступкахъ особли-

вую годность, разумъ, пристоинство, а равно неусыпное попеченіе и ревность о высокихъ интересахъ царскаго величества показалъ и есть достойный слуга своего великаго Государя». Ссылаясь на князя, герцогъ говорилъ въ своей грамотѣ, что онъ донесетъ царю, «на сколько мы къ услугамъ царскаго величества склонны» и на сколько желаемъ продолжать заключенную дружбу; въ будущемъ это покажетъ и самое дѣло.

27 Іюля 1710 года состоялась послѣдняя прощальная аудіенція у курфирста, въ загородномъ дворцѣ Гернгоусѣ, въ 12 ч. дня. Курфирстъ и князь разсуждали на Итальянскомъ языкѣ. Началъ рѣчь Георгъ-Людвигъ, который просилъ кн. Куракина засвидѣтельствовать предъ царемъ его дружбу и непремѣнное желаніе служить его интересамъ, а равно и благодарность за присланіе такой особы, какъ кн. Куракинъ, которому бы и «всегда здѣсь быть». На эту рѣчь князь отвѣтилъ кратко, обидѣвшись на то, что его заставляли ждать цѣлый часъ аудіенціи. Послѣ этого Курфирстъ «сказалъ, что летера di recreance saro en noce pour moi a ma mason [1]), т. е. сообщилъ содержаніе своей отвѣтной грамоты на вѣрющую, которую къ ночи хотѣлъ прислать кн. Куракину на домъ. Чтò означало послѣднее, князь не могъ понять, хотя, описывая свою аудіенцію, и объяснилъ смыслъ сказаннаго. Существуетъ обычай, говоритъ онъ, при всѣхъ дворахъ Европы, что кредитивъ не дается въ руки самому принципалу при представленіи, но отправляется прежде до маршала для просмотра; потомъ уже дается аудіенція. Такъ бываетъ и при отпускѣ посланника: соотвѣтственная на вѣрющую присылается сначала ему на просмотръ, потомъ назначается отпускная аудіенція, во время которой передается содержаніе этой грамоты и объявляется, что она будетъ прислана на дворъ. Такъ было и на послѣдней аудіенціи кн. Куракина съ курфирстомъ; но князь сначала этого не понялъ и, по всей вѣроятности, записалъ такъ, какъ ему было сказано, съ сохраненіемъ произношенія сказаннаго.

Послѣ аудіенціи у курфирста, кн. Куракинъ былъ у Софіи, которая просила князя передать царю ея особенное почтеніе и то, что она всегда вспоминаетъ пріязнь къ ней государя во время его путешествія по Голландіи, когда ей пришлось обѣдать съ его величествомъ, вмѣстѣ съ своею дочерью, королевою Польскою (?) О Софіи кн. Куракинъ замѣтилъ въ письмѣ къ гр. Головкину отъ 26 Іюня [2]), что курфисти на

---

[1]) Сочетаніе Французскихъ словъ съ Итальянскими. Иного объясненія имъ, которое мы даемъ (если нѣтъ ошибки въ подлинникѣ) трудно дать. II, 312.

[2]) Письмо (ср. IV, 193 и II 312) означено 26 числомъ, хотя новый стиль обозначенъ одинаково (7 Августа). На этомъ основаніи, показаніе II, 312 вѣрнѣе.

«особое почитаніе и склонность къ интересамъ его царскаго величества» обнаруживала за все время пребыванія князя въ Ганноверѣ. Послѣ этихъ аудіенцій, кн. Куракинъ приглашенъ былъ на обѣдъ къ курфисту; а потомъ, «взявъ конжентъ, отъѣхалъ просто». Затѣмъ, послѣ обѣда, кн. Куракинъ заѣхалъ къ курпринцу и принцессѣ, которымъ просто учинилъ респектъ, потому что «они весьма противны были нашимъ интересамъ». Вечеромъ этотъ день князь ужиналъ у Польскаго посланника Ностица, а на слѣдующій день, 28 Іюля, утромъ выѣхалъ изъ Ганновера, отправивъ Рогова съ багажомъ въ Гамбургъ и приказавъ ему жить въ немъ до указа объ отъѣздѣ въ Англію.

Прощаясь съ министрами, на послѣдней конференціи съ ними (Беренсдорфомъ, Ельцемъ и Гёрицемъ), кн. Куракинъ говорилъ, что заключенный союзъ Россіи съ Ганноверомъ слѣдуетъ твердо содержать при нынѣшней Сѣверной войнѣ, «что̀ принадлежитъ къ нейтральству въ Имперіи, волю и охоту свою въ собраніи аліатскомъ являть», войска Крассова въ Польшу и Саксонію изъ Помераніи не пускать, а равно и изъ Бременскихъ провинцій не перепускать, денегъ взаймы непріятелю не давать, чтобы не было предосужденія государю. Царь союзъ будетъ строго содержать, а въ будущемъ приложитъ стараніе вступить въ ближайшее обязательство съ Ганноверомъ. Министры отвѣчали кн. Куракину согласіемъ на его рѣчи и выразили увѣренность, что курфирстъ отправитъ къ царю своего министра чрезъ Ригу.

Этимъ и закончилось посольство князя Бориса Ивановича Куракина въ Ганноверѣ.

С. Кедровъ.

САМОЗВАНКА ТАРАКАНОВА.

Въ Архивѣ Государственнаго Совѣта хранится дѣло Второго Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи „о самозванкѣ, извѣстной подъ именемъ Таракановой“ (№ 25ª, началось 30 Ноября 1826 г., кончено 21 Сентября 1867 г.).

Въ бумагахъ, оставшихся отъ императора Александра I, въ кабинетѣ Государя въ Зимнемъ дворцѣ, оказались: 1) „секретное дѣло“ съ документами и письмами самозванки, выдававшей себя въ 70-хъ гг. XVIII ст. за дочь императрицы Елисаветы Петровны и называвшейся принцессой Таракановой, и 2) книга Тайной Экспедиціи при Правительствующемъ Сенатѣ.

Эти дѣла, по высочайшему повелѣнію, были пересланы къ Д. Н. Блудову 30 Ноября 1826 года *).

4 Декабря 1826 года статсъ-секретарь Блудовъ представилъ Государю докладную записку, въ которой, указавъ, что книга заключаетъ въ себѣ

*) Дмитрій Николаевичъ Блудовъ (съ 1842 года графъ), въ царствованіе Александра Павловича, покинувъ поприще дипломатическое, занимался, по возвращеніи изъ Англіи, изданіемъ Актовъ Вѣнскаго Конгресса. Карамзинъ указалъ на него Государю какъ на продолжателя своего историческаго труда, которымъ самъ онъ предполагалъ заниматься лишь до кончины Петра Великаго. Д. Н. Блудову былъ открытъ государственный архивъ и дозволено брать оттуда бумаги не только на домъ, но и увозить съ собою въ Дерптъ, куда онъ переселялся изъ Петербурга для воспитанія двухъ своихъ сыновей. Уже библіотека его укладывалась для перевоза, какъ 14-е Декабря 1825 г. измѣнило его судьбу. Карамзинъ, изнеможенный частыми посылками императрицы-матери изъ Зимняго дворца на площадь для доклада о томъ что̀ тамъ происходило въ теченіи многихъ часовъ, не въ состояніи былъ написать о событіи для обнародованія на другой день и, по его указанію, это описаніе составилъ Блудовъ тамъ же во дворцѣ. Новый Государь не только остался доволенъ, но обнялъ писавшаго и сказалъ ему: „Теперь ты мой“. Блудовъ опредѣленъ статсъ-секретаремъ, и Николай Павловичъ, зная объ его занятіяхъ, поручилъ ему прежде всего сыскать тѣ условія, которыя Анна Іоанновна подписала, уѣзжая изъ Митавы въ Москву: „Зловредныя писмы, какъ я на престолъ взошла“. Это было началомъ цѣлаго ряда докладныхъ историческихъ Записокъ, составленіемъ которыхъ Блудовъ удовлетворялъ исторіографическую любознательность Николая Павловича, до самой его кончины. Послѣдняя работа была уже въ 50-хъ годахъ о перепискѣ Екатерины II-й съ Англійскимъ посломъ при Елисаветѣ Вильямсомъ, доселѣ неизданной. (Слышано отъ самаго графа Д. Н. Блудова). П. Б.

отрывки дѣлъ преимущественно касающихся Пугачевскаго бунта, излагалъ подробно историческія свѣдѣнія о Таракановой. Къ докладной запискѣ Блудовъ приложилъ краткую опись бумагъ Таракановой.

Въ дѣлѣ находится копія этой записки съ отмѣткой: „Подлинная записка оставлена его императорскимъ величествомъ въ кабинетѣ Аничковскаго дворца“.

22 Февраля 1827 года Блудовъ представилъ Государю еще двѣ дополнительныя записки по тому же дѣлу. На копіяхъ съ этихъ записокъ, изъ коихъ первая заключаетъ описаніе внѣшности Таракановой, сдѣланное допрашивавшимъ ее княземъ Голицынымъ, а вторая—свѣдѣнія, извлеченныя изъ бумагъ и писемъ, полученныхъ изъ Рима, имѣются отмѣтки: „Прибавленіе къ запискѣ отъ 4 Декабря 1826 года. Представлено его императорскому величеству 22 Февраля 1827 года“.

Всѣ подлинныя бумаги о Таракановой затѣмъ были сданы на храненіе въ Государственный Архивъ.

21 Апрѣля 1838 года баронъ Корфъ препроводилъ, по высочайшему повелѣнію, къ графу Блудову оказавшіяся въ бумагахъ умершаго предсѣдателя Государственнаго Совѣта графа Новосильцева копіи съ писемъ Таракановой на Французскомъ языкѣ.

Въ Ноябрѣ 1843 г. графъ Блудовъ вытребовалъ изъ Государственнаго Архива всѣ подлинные документы о Таракановой и вновь занялся этимъ дѣломъ [1]).

Плодомъ этихъ занятій явилась обширная историческая записка о неизвѣстной личности, называвшей себя дочерью императрицы Елисаветы Петровны.

Въ Іюнѣ 1865 г., уже по смерти графа Блудова, графъ Панинъ представилъ императору Александру II докладъ въ видѣ извлеченія изъ записки графа Блудова и испрашивалъ разрѣшенія „напечатать для всеобщаго свѣдѣнія извлеченіе изъ составленной по сему дѣлу подробной записки, дабы положить конецъ распространеннымъ какъ въ Россіи, такъ и за границей ложнымъ слухамъ о самозванкѣ Таракановой“ [2]).

Вслѣдствіе высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго по сему докладу, графъ Панинъ препроводилъ (21 Августа 1866 года) эту обширную записку, „составленную [3]) однимъ изъ чиновниковъ II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи“ [4]), съ приложеніемъ документовъ и

---

[1]) Документы послѣ 1843 г. были возвращены въ Государственный Архивъ, а затѣмъ опять въ 1857 г. взяты графомъ Блудовымъ († 1864) и оставались у него до 1863 года.

[2]) Къ этому могла побудить и картина живописца-Поляка, которая сдѣлалась извѣстна во всей Россіи и содержаніе которой лживо, такъ какъ Тараканова скончалась не отъ наводненія 1777 года, а два года раньше отъ чахотки. П. Б.

[3]) Т. е. передѣланную изъ записки графа Блудова. П. Б.

[4]) Егоромъ Ивановичемъ Бреверномъ. Ему же поручаемы были великою княгинею Еленою Павловною розысканія въ секретныхъ бумагахъ о погибшей въ замкѣ Лоде ея бабушкѣ Виртембергской принцессѣ (см. „Зельмира“ въ „Р. Архивѣ“ 1904, вып. 8-й. П. Б.

писемъ, для напечатанія въ Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

Записка о Таракановой (на 91 страницѣ) съ приложеніемъ 29 писемъ и документовъ (на 68 страницахъ) помѣщена въ 1-й книгѣ „Чтеній" вышеуказаннаго Общества за 1867 годъ.

С. Панчулидзевъ.

Копія съ записки представленной Государю Императору 4 Декабря 1826 года.

Въ исполненіе высочайшей воли вашего императорскаго величества, объявленной мнѣ княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ, я разсмотрѣлъ доставленныя ко мнѣ отъ него бумаги, взятыя изъ кабинета покойнаго государя императора.

Часть сихъ бумагъ, переплетенная въ красный сафьянъ, съ означеніемъ на верхней доскѣ № 19-го [1]), по всей вѣроятности поступила въ кабинетъ изъ бывшей при Сенатѣ Тайной Экспедиціи и принадлежитъ къ дѣламъ оной 1774-го и первыхъ мѣсяцевъ 1775 года. Въ сей части почти все относится къ бунту Пугачева за исключеніемъ 9-ти или 10-ти бумагъ, кои касаются, однѣ до явившагося въ Воронежѣ и вскорѣ пойманнаго самозванца-крестьянина Іова Мосягина, другія до Француза Анджели, бывшаго въ нашей службѣ полковникомъ и уличеннаго въ недозволительныхъ связяхъ съ иностранными министерствами, въ происках противныхъ видамъ и пользамъ Россіи.

Прочія бумаги, составляющія довольно огромную кипу [2]), заключаютъ въ себѣ дѣлопроизводство объ извѣстной самозванкѣ, которую Французскіе романисты-историки называютъ принцессой Таракановой. Сія женщина, еще молодая и довольно миловидная, какъ говорятъ современники, вздумала сама, или наученная зломыслящими на Россію людьми, выдавать себя за дочь императрицы Елисаветы 1-й. Она играла сію комедію нѣсколько лѣтъ сряду, увѣряя въ истинѣ изобрѣтенной ею басни своихъ многочисленныхъ любовниковъ, между прочими князя Лимбургъ-Стирумскаго, который даже хотѣлъ на ней жениться; проготовляла письма о томъ къ Султану, наконецъ составила ложныя завѣщанія Петра Великаго, Екатерины І-й и Елисаветы; составила также манифестъ къ Русскому народу и послала его на эскадру графа Орлова, бывшую тогда въ Ливурнѣ. Сія послѣдняя дерзость была причиною

[1]) Въ пакетѣ подъ № 2-мъ.

[2]) Въ пакетѣ подъ № 1-мъ.

гибили ея. Графъ Орловъ притворился, что ей вѣритъ; чрезъ адъютанта своего Крестенека вызвалъ ее изъ Рима, сначала въ Пизу, потомъ въ Ливурну, предложилъ сѣсть на адмиральскій корабль и со всей эскадрой подъ начальствомъ адмирала Грейга отправилъ въ Кронстадтъ. Она привезена въ Россію и посажена въ Петропавловскую крѣпость въ концѣ Мая 1775 года, когда дворъ былъ уже въ Москвѣ. Ее бывшихъ съ нею слугъ и нѣсколько Польскихъ шляхтичей, допрашивалъ фельдмаршалъ князь Голицынъ *); но она при допросахъ не объявила истины, а повторяла вымышленныя или вытверженныя ею басни, иногда между собою несообразныя; утверждала, что ея подложныя бумаги не ею составлены, а присланы къ ней отъ неизвѣстныхъ и что она не имѣла никакихъ злыхъ умысловъ; подъ допросами и письмами сначала подписывалась *Елисаветъ*. Государыня императрица Екатерина II-я, говоря о такой дерзости, кажется, считала сію самозванку за сумасшедшую. По обыкновенной своей кротости, императрица приказала ей предложить, буде только она признается въ своемъ обманѣ и навсегда откажется отъ онаго, или выдать ее за шляхтича Доманскаго, бывшаго съ нею и страстно въ нее влюбленнаго, или даже отпустить на свободу къ князю Лимбургъ-Стирумскому. Первое изъ сихъ предложеній она отвергнула съ пренебреженіемъ; на второе медлила отвѣтомъ, а между тѣмъ, бывъ и прежде слабаго, разстроеннаго здоровья, занемогла и, не смотря на помощь медиковъ, умерла въ томъ же 1775 году 4-го Декабря. Ее тайно похоронили въ равелинѣ крѣпости. Передъ смертью она имѣла два свиданія съ духовникомъ, Греко-Россійскимъ священникомъ, по ея требованію; исповѣдывалась, пріобщалась Святыхъ Таинъ *въ первый разъ отъ рода*, и замѣчательно, что, каясь во многихъ другихъ грѣхахъ, не хотѣла признаться въ одномъ изъ главныхъ, въ самозванствѣ своемъ и причинахъ оного. Но сіе можетъ быть объяснено или помѣшательствомъ ума, какъ полагала императрица Екатерина, или отсутствіемъ всякой вѣры, въ чемъ упрекалъ ее самъ князь Лимбургскій, ея любовникъ, и наконецъ чрезмѣрнымъ тщеславіемъ сей женщины. Когда ей сказали, что Англійскій посланникъ почитаетъ ее дочерью трактирщика изъ Праги, то она съ бѣшенствомъ отвѣчала, что никогда не бывала въ Прагѣ и не можетъ быть дочерью человѣка подлаго. Отцомъ своимъ она называла гетмана Разумовскаго, но прибавляя, что сіе говорили не всѣ изъ бывшихъ при ней въ дѣтствѣ. Пугачева называла то роднымъ, то двоюроднымъ братомъ своимъ.

---

*) Фасадъ-маршалъ князь Александръ Михайловичъ, тогдашній Петербургскій генералъ-губернаторъ; его нерѣдко смѣшиваютъ съ его двоюроднымъ братомъ вице-канцлеромъ княземъ тоже Александромъ Михайловичемъ. П. Б.

По всему кажется, что сія женщина была орудіемъ тогдашнихъ Польскихъ конфедератовъ, а въ особенности князя Радзивила, имѣвшаго съ нею весьма тѣсную и вѣроятно порочную связь.

Изъ бумагъ принадлежащихъ къ сему дѣлу любопытнѣйшія суть:

1. Допросы ея и взятыхъ съ нею,

2. Донесеніе фелдмаршала князя Голицына,

3. Донесеніе исповѣдавшаго ее священника,

4. Выписка изъ бумагъ ея, составленная княземъ А. М. Голицынымъ;

Наконецъ 5-е, нѣкоторыя своеручныя письма ея, весьма униженныя, къ графу Орлову изъ Рима и съ корабля.

Всѣ взятые съ нею Поляки, Итальянцы и Нѣмцы освобождены въ слѣдующемъ 1776 году и отвезены за границу, но обязаны подпискою не разглашать о дѣлѣ, въ коемъ болѣе или менѣе участвовали. (Подлинное подписалъ) Д. Блудовъ.

18-го Мая 1829 года.

На подлинной рукою ст.-секретаря Блудова написано: „Прибавленіе къ запискѣ отъ 4 Декабря 1826 года. Представлено его императорскому величеству 22 Февраля 1827 года".

Фельдмаршалъ князь Голицынъ послѣ перваго свиданія съ сею самозванкою описываетъ ее такимъ образомъ:

«..... Сколько по рѣчамъ и поступкамъ ея судить можно, свойства она чувствительнаго, вспыльчиваго и высокомѣрнаго, разума и понятія остраго, имѣетъ многія знанія. По-французски и по-нѣмецки говоритъ она совершенно, съ чистымъ обоихъ произношеніемъ, и объявляетъ, что она, вояжируя по разнымъ націямъ, испытала великую въ себѣ способность къ скорому изученію языковъ, спознавъ въ короткое время Англінскій и Итальянскій, а живучи въ Персіи училась Арапскому и Персидскому......... Росту она средняго, сухощава, статна, волосы имѣетъ черные, глаза каріе и нѣсколько коса; носъ продолговатый съ горбомъ, почему и походитъ лицемъ на Итальянку». (Подписалъ)

Д. Блудовъ.

На подлинной рукою статсъ-секретаря Блудова написано: „Представлено его императорскому величеству 22 Февраля 1827 года".

Представляемыя при семъ и, какъ видно, полученныя изъ Рима бумаги о самозванкѣ*), которая выдавала себя за дочь императрицы Елисаветы Петровны, хранились доселѣ у графа Нессельрода. Между оными достойны нѣкотораго примѣчанія:

*) Въ пакетѣ подъ № 1-мъ.

1) Писанное рукою самозванки подложное завѣщаніе императрицы Елисаветы (№ 7) и копія съ письмами ея къ графу Орлову (24). То и другое приложены къ ея слѣдственному дѣлу, но только въ Русскомъ переводѣ. Завѣщаніе, въ случаѣ нужды, могло бы одно послужить достаточнымъ доказательствомъ обмана: въономъ незнаніе Россіи, законовъ и самыхъ простыхъ обычаевъ нашихъ обнаруживается почти при каждомъ словѣ до того, что мнимая дочь императрицы и Разумовскаго названа Елисаветой Петровной.

2) Переписка ея съ Кардиналомъ (Альбани), деканомъ Святой Коллегіи, коему она обѣщала ввести Римско-Католическій законъ въ Россіи, и съ маркизомъ Античи, посланникомъ короля Польскаго въ Римѣ.

3) Письмо маркиза Античи (№ 25), въ которомъ онъ разсказываетъ о своихъ сношеніяхъ съ Самозванкою, о ея пребываніи въ Римѣ и отъѣздѣ въ Пизу съ адъютантомъ графа Орлова.

и 4) Отрывокъ письма изъ Пизы объ отправленіи мнимой принцессы въ Ливурну и арестованіи ея на кораблѣ контръ-адмирала Грейга.

Въ письмахъ одного аббата Рокатани (№ 26—38), собранныхъ и означенныхъ номерами безъ соблюденія хронологическаго порядка, есть также описаніе, весьма подробное, образа жизни въ Римѣ, нѣкоторыхъ поступковъ ея и разговоровъ. Тамъ, какъ видно, никто не сомнѣвался въ ея самозванствѣ: иные считали ее странствующею знатною Полькою, но маркизъ Античи говоритъ, что она вѣроятно Нѣмка и была любовницею князя Радзивила. Надъ баснями ея о себѣ всѣ смѣялись, называя ихъ: *il romanzo della principessa Elisabetta di Moscovia.*

Въ вышеозначенномъ донесеніи маркиза Античи мы находимъ слѣдующее описаніе наружности и свойствъ ея:

«Она вообще миловидна, очень стройна, имѣетъ грудь прекрасную; бѣла отмѣнно, лице ея оживлено нѣжнымъ румянцемъ, но немного обезображено тѣмъ, что она лѣвымъ глазомъ коса. Въ разговорахъ ея видны остроуміе и свѣдѣнія, особливо о политическихъ дѣлахъ нашего времени, о видахъ разныхъ правительствъ, о перемѣнахъ въ Польшѣ и вообще на Сѣверѣ Европы. По-французски она говоритъ очень хорошо; быстрота ея мыслей и легкость выраженій таковы, что человѣку неосторожному она легко можетъ вскружить голову. Она мнѣ долго разсказывала о своемъ положеніи, и все клонилось къ тому, чтобы заставить меня видѣть въ ней дочь Русской императрицы Елисаветы, будто бы родившуюся отъ тайнаго брака съ княземъ Разумовскимъ, гетманомъ козаковъ; увѣряла, что она воспитана въ Персіи родственникомъ сего князя; что деньгами изъ Персіи полученными произвела возмущеніе въ народѣ Русскомъ для того, чтобы ей быть государынею бунтующихъ областей, что она имѣетъ вѣрныя средства успѣха и для сего

отправляется сначала въ Берлинъ, потомъ въ Варшаву, гдѣ намѣрена вступить въ переговоры съ королемъ (Польскимъ), что она можетъ сообщить его величеству многое весьма важное для пользы его и Польши, а потому и проситъ моихъ совѣтовъ и представленія объ ней королю. Мнѣ было не трудно отгадать лживость и цѣль сего романа. Могла ли быть воспитана въ Персіи молодая женщина, въ которой все обнаруживаетъ и происхожденіе и образованіе Германское? Черты лица ея совершенно Нѣмецкія; она знаетъ Французскій языкъ, играетъ на арфѣ, прекрасно рисуетъ, даже пишетъ красками, имѣетъ необыкновенныя знанія въ архитектурѣ; все сіе принадлежитъ не къ Персидскому, а скорѣе къ Нѣмецкому воспитанію. Впрочемъ, притворяясь, что вѣрю всему, я только совѣтывалъ ей оставить всякую мысль о предпріятіи мечтательномъ, противозаконномъ и несбыточномъ, а жить покойно, скрываясь въ уединеніи». (Подписалъ) Д. Блудовъ.

*

Въ исполненіе воспослѣдовавшаго въ концѣ 1857 года высочайшаго повелѣнія вашего императорскаго величества, статсъ-секретарь графъ Блудовъ требовалъ изъ Государственнаго Архива всѣ дѣла о Самозванкѣ, выдававшей себя за дочь императрицы Елисаветы Петровны. Ему были доставлены нижеслѣдующіе изъ сихъ дѣлъ документы:

I. Первая часть бумагъ, отобранныхъ въ Пизѣ у Самозванки и привезенныхъ съ нею Поляковъ, всего 258 нумеровъ.

II. Вторая часть тѣхъ же бумагъ, всего 50 нумеровъ.

III. Бумаги, частію отобранныя у Самозванки въ Пизѣ, частію же писанныя ею изъ Петропавловской крѣпости къ генералъ-фельдмаршалу князю А. М. Голицыну, всего 23 нумера.

IV. Переписка, веденная ею, во время пребыванія въ Римѣ, съ кардиналомъ Альбани, съ аббатомъ Роккатани и Польскимъ резидентомъ маркизомъ Античи, съ собственноручной аббата Роккатани надписью: Romanzo della principessa Elisabetta di Moscovia. Приложенныя къ сему донесенія Роккатани и Античи къ канонику Гиджіотти въ Варшавѣ, всего 38 нумеровъ.

V. Полная копія съ означенной подъ № IV-мъ переписки, съ переводомъ донесеній, составленныхъ на Итальянскомъ языкѣ.

VI. Всеподданнѣйшія донесенія графа Орлова-Чесменскаго къ императрицѣ о Самозванкѣ; ихъ всего пять, изъ коихъ четыре находятся въ подлинникѣ въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, а одно, послѣднее, при дѣлѣ.

VII. Копіи съ нѣкоторыхъ бумагъ Самозванки, между прочимъ съ письма ея къ Англійскому посланнику въ Неаполѣ, Вильяму Гамильтону.

VIII. Подлинное дѣло слѣдственной комиссіи на 370 полулистахъ, изъ коихъ утрачены нумера отъ 277—283. Въ сіе дѣло вложены, безъ нумераціи, письмо графа Орлова-Чесменскаго къ Самозванкѣ на Нѣмецкомъ языкѣ и нѣкоторыя другія бумаги. Въ нихъ, между прочимъ, находятся и двѣ записки Ивана Ивановича Шувалова.

IX. Всеподданнѣйшее донесеніе князя А. М. Голицына 19 Апрѣля 1775 года, объ отобранныхъ у Самозванки бумагахъ, вмѣстѣ съ другими его же всеподданнѣйшими донесеніями по сему дѣлу.

Наконецъ X. Собственноручное повелѣніе императрицы, данное адмиралу Грейгу, 16 Мая 1775 года [1]).

По разсмотрѣніи сихъ бумагъ, составлена во II-мъ Отдѣленіи Собственной Вашего Императорскаго Величества Канцеляріи полная и подробная записка, въ которой изложено въ историческомъ порядкѣ все извѣстное намъ о сей Самозванкѣ, называемой Французскими романистами-историками принцессой Таракановой, хотя она сама не знала даже о существованіи такого имени. Первымъ распространителемъ всѣхъ ложныхъ о ней извѣстій былъ Кастера̀ [2]), пользуясь дошедшими до него слухами для желчныхъ нападеній на Россію вообще и особенно на Великую Екатерину. Довѣрію къ разсказамъ г. Кастеры много способствовало то, что Джонъ-Дикъ, бывшій Англійскимъ консуломъ въ Ливорно во время арестованія Самозванки (въ Февралѣ 1775 года), состоявшій въ близкихъ сношеніяхъ съ графомъ Орловымъ-Чесменскимъ и явно обличаемый книгою Кастеры въ содѣйствіи къ похищенію изъ Ливорно Русской принцессы, никогда не опровергалъ публично сихъ обвиненій и не счелъ нужнымъ доказать ихъ ложность, которая была ему вполнѣ извѣстна. Уже гораздо позднѣе, именно въ 1815-мъ году, когда всѣ забыли о Самозванкѣ, одинъ Англійскій писатель, собиравшій разные анекдоты, Раксалль, помѣстилъ въ своихъ, иногда любопытныхъ, запискахъ [3]), довольно вѣрныя о ней извѣстія, со словъ самого Джона-Дика, который ему въ 1799 году разсказывалъ все, что̀ зналъ о дѣлѣ Самозванки [4]). Между тѣмъ, когда почти всѣ историки нашего времени, особенно Нѣмецкіе, слѣдовали повѣствованію о ней г. Раксалля, авторы

---

[1]) Означенные документы возвращены по принадлежности еще во время управленія графа Блудова II-мъ Отдѣленіемъ.

[2]) Castera, Vie de Catherine II. Paris 1797. 2 vol. Онъ, между прочимъ, и выдумалъ, будто Самозванка погибла въ Петропавловской крѣпости при ужасномъ наводненіи 1777 года, хотя она умерла отъ чахотки почти за два года до наводненія.

[3]) Wraxall. Historical memoirs of my own time. London 1815. 2 vol. (стр. 182 и слѣд.).

[4]) Она въ самый день ея арестованія обѣдала у него вмѣстѣ съ графомъ Орловымъ.

романовъ [1]) предпочитали выдумки Кастеры, еще дополняя ихъ другими нелѣпостями. Впрочемъ дѣйствительныя приключенія сей мнимой принцессы едва ли не болѣе интересны всѣхъ изобрѣтенныхъ госпожею Мюльбахъ и другими.

Главнѣйшія изъ похожденій ея были слѣдующія.

Князь А. М. Голицынъ, въ первомъ по пріѣздѣ ея въ С.-Петербургъ всеподданнѣйшемъ донесеніи, 31 Мая 1775 года, пишетъ, что, сколько можно судить по словамъ и поступкамъ ея, она свойства чувствительнаго, вспыльчиваго и высокомѣрнаго, разума и понятія остраго, имѣетъ многія знанія, по-французски и по-нѣмецки говоритъ она совершенно съ чистымъ обоихъ произношеніемъ и объявляетъ, что она, вояжируя по разнымъ націямъ, испытала великую въ себѣ способность къ скорому изученію языковъ, сознавъ въ короткое время Англійскій и Италіянскій языки, а живучи въ Персіи, училась и Арабскому и Персидскому.... Росту она средняго, сухощава, статна, волосы имѣетъ черные, глаза каріе и нѣсколько коса, носъ продолговатый съ горбомъ, почему и походитъ лицемъ на Итальянку [2]).

Кто и откуда была Самозванка, осталось неразгаданнымъ. Англійскій посланникъ въ Петербургѣ, не извѣстно на какомъ основаніи, утверждалъ, что она дочь Прагскаго трактирщика. Джонъ-Дикъ говорилъ Раксаллу, что отецъ ея былъ булочникъ въ Нюренбергѣ. Бумаги, отобранныя у Самозванки, тоже ничего не объясняютъ касательно ея происхожденія; изъ нихъ съ вѣроятностію можно заключить только, что она Нѣмка или, можетъ быть, Еврейскаго происхожденія. Впрочемъ всѣ сіи бумаги писаны не ранѣе осени 1772 года, и по содержащимся въ нихъ даннымъ кажется достовѣрно, что до этого времени она жила то въ Берлинѣ, то въ Гентѣ, то въ Лондонѣ, подъ именами: дѣвицы Франкъ,

---

[1]) Извѣстны слѣдующіе о семъ предметѣ романы, коихъ героинею Самозванка: 1) Anna Petrowna, fille d'Elisabeth, Impératrice de Russie, histoire véritable, publiée par madame R. (M-lle Marmé de Morville). Paris 1813, 2 vol. 2) Elisabeth Tarakanow oder die Kaisertochter, ein historischer Roman, von Vilhelmine Lorenz, и 3) Die Tochter einer Kaiserin, Roman von Louise Mühlbach. Berlin. 1848. 2 vol. Второе изданіе сего романа вышло впослѣдствіи подъ заглавіемъ: Princessin Tarakanow oder die Tochter einer Kaiserin. Berlin. 1860. 2 vol.

[2]) Вотъ какъ описываетъ ее маркизъ Античи въ своемъ донесеніи 15 Февраля 1775 года: „Она высокая, красивая, стройная женщина, кожа ея очень бѣла, цвѣтъ лица прекрасенъ, но она немного коситъ на лѣвый глазъ, чрезвычайно умна и образована и особенно хорошо знакома съ политическими отношеніями сѣверныхъ кабинетовъ, хорошо говоритъ по-французски, и разговоръ ея такъ исполненъ самыхъ роскошныхъ мыслей, что она легко можетъ вскружить голову всякому сколько нибудь способному къ увлеченію.

дѣвицы Шэлль и госпожи Тремуйль *). Годомъ своего рожденія она объявляла 1752 годъ. Въ 1772-мъ году она жила въ Лондонѣ съ молодымъ обанкрутившимся купцомъ Вантурсомъ изъ Гента, выдавая себя за Восточную принцессу Али-Эметэ Волдомирскую, а своего любовника за барона Эмбса; еще при нихъ былъ кто-то называвшій себя барономъ Шенкомъ. Въ томъ же году преслѣдуемые заимодавцами Вантурса они переселились въ Парижъ, гдѣ скоро завели большое знакомство, между прочимъ и съ знатнымъ конфедератомъ, гетманомъ Литовскимъ графомъ Михаиломъ Огинскимъ. Онъ, какъ кажется, былъ нѣсколько времени любовникомъ сей мнимой принцессы Волдомирской и, можетъ быть увлекаясь баснею о существованіи ея восточныхъ сокровищъ, долго оставался въ перепискѣ съ нею; но, какъ кажется, онъ не подстрекалъ ее выдавать себя за Русскую принцессу, напротивъ прервалъ всякія съ нею сношенія, какъ скоро узналъ положительно о ея намѣреніяхъ.

Въ началѣ 1773 года Али-Эметэ и ея свита снова вошли въ неоплатные долги. Вантурса арестовали, но Шенку разсказами о душевныхъ качествахъ и о сокровищахъ принцессы удалось обворожить одного изъ Парижскихъ ея знакомыхъ, графа Рошфоръ-Валькура (гофмаршала имперскаго владѣтельнаго князя Лимбургскаго Limburg-Styrum) и до такой степени, что онъ вздумалъ предложить ей руку, а стараго развратника де-Марина-Шенка даже уговорилъ поручиться за принцессу и за Вантурса. Въ концѣ Апрѣля или началѣ Мая все это общество, не исключая и де-Марина, бѣжало во Франкфуртъ на Майнѣ, гдѣ ожидалъ ихъ графъ Рошфоръ. Но Парижскіе заимодавцы преслѣдовали ихъ повсюду. Вантурса посадили въ тюрьму, а содержатель гостинницы, въ коей остановилась принцесса, выгналъ ее отъ себя. Она при семъ случаѣ подняла было шумъ, требовала удовлетворенія отъ магистрата,

*) Въ 1770 году выпущена была изъ Брюссельской цитадели и выслана за границу изъ тогдашнихъ Австрійскихъ владѣній въ Бельгіи 18-ти лѣтняя самозванка, выдававшая себя за побочную дочь императора Франца I и жившая нѣсколько времени въ Бордо съ большою роскошью, пока Французское правительство не отправило ея въ Брюссель, исполняя настоятельное требованіе императрицы Маріи Терезіи. Только по отъѣздѣ ея изъ Бордо открылось, что она надѣлала тамъ много долговъ и на весьма значительныя суммы и успѣла обмануть нѣкоторыхъ богатыхъ купцовъ и знатныхъ особъ, показывая имъ письма, полученныя будто бы изъ Вѣны. Въ продолженіе своего заключенія въ Брюсселѣ она, по словамъ одного Нѣмецкаго писателя, сумѣла вполнѣ завладѣть умомъ Австрійскаго намѣстника, старика графа Кобенцеля, и по его просьбамъ императрица, хотѣвшая было отправить ее въ какой-то монастырь, велѣла выслать ее изъ Австрійскихъ владѣній (Bülau, Geheime Geschichten, IV, стр. 121 и слѣд.). Можетъ быть, это именно и была наша Самозванка; во всякомъ случаѣ всѣ слѣды мнимой дочери императора исчезли со времени прибытія ея въ Германію.

показывая сочиненныя ею черновыя жалобы къ Русскимъ посланникамъ въ Вѣнѣ и Берлинѣ; но все сіе было напрасно. Между тѣмъ прибылъ во Франкфуртъ самъ князь Лимбургскій, и его гофмаршалъ немедленно просилъ его заступиться за принцессу. Князь былъ холостой, имѣлъ уже болѣе сорока лѣтъ, набожный по исполненію внѣшнихъ обрядовъ Римскій католикъ, но человѣкъ поведенія развратнаго, ума неотличнаго и небыстраго. Въ нѣсколько дней онъ плѣнился самозванкою и въ Іюнѣ увезъ ее въ одинъ изъ своихъ замковъ въ Франконіи, заплативъ часть ея собственныхъ долговъ и успокоивъ Парижскихъ заимодавцевъ обѣщаніями и пожалованіемъ орденовъ. Они Вантурса оставили въ тюрьмѣ, но де-Марина взяли съ собою, а графа Рошфора, не хотѣвшаго помириться съ новыми обстоятельствами, посадили подъ арестъ въ замокъ, принадлежащій принцу Лимбургскому. Шенкъ остался во Франкфуртѣ, въ качествѣ повѣреннаго принцессы, и сохранилъ при себѣ всю ея прежнюю корреспонденцію (за исключеніемъ писемъ Огинскаго) и всѣ другія весьма подозрительныя бумаги ея, чѣмъ и держалъ ее въ своей зависимости, которою пользовался для частаго вымогательства денегъ. Князь не одинъ подпалъ подъ совершенное вліяніе своей любовницы, которую все еще признавалъ за Персидскую или Черкесскую принцессу; тому же вліянію подчинился и другъ его, баронъ Горнштейнъ, первенствующій министръ курфирста Трирскаго. Любезностію и постоянными обѣщаніями ссудить князя своими баснословными сокровищами она заставила его жить съ большою роскошью, продолжать несбыточныя притязанія на владѣніе герцогствами Шлезвигъ и Гольштейнъ, окончить съ большими потерями дѣла объ исключительномъ владѣніи графствомъ Оберштейнъ, наконецъ привела его къ совершенному разоренію. Уже въ Августѣ того же 1773 года, какъ князь, такъ и министръ его начали сомнѣваться въ существованіи денежныхъ суммъ, будто бы ожидаемыхъ отъ опекуна принцессы, въ то время принявшей имя Элеоноры Волдомирской. Баронъ Горнштейнъ, узнавъ о предполагаемомъ бракѣ князя съ мнимой принцессой, именемъ церкви сталъ требовать положительныхъ свѣдѣній и доказательствъ о ея происхожденіи и крещеніи. Въ отвѣтъ она писала, что она послѣдняя изъ древняго рода Волдомирскихъ, владѣетъ Азовомъ подъ верховнымъ господствомъ Россіи, принадлежитъ къ Восточной церкви, но готова ознакомиться съ Римско-Католическими догматами и намѣрена лично отправиться на Востокъ за необходимыми документами и деньгами. Сими баснями она на время успокоила князя и Горштейна, показавъ имъ притомъ и черновое письмо къ вице-канцлеру князю Голицыну, котораго выдавала за своего опекуна. Но вскорѣ послѣ сего секвестръ, наложенный кредиторами на графство Стирумъ, принадлежащее князю, разрушилъ всѣ мечты его, между прочимъ и о

восточныхъ сокровищахъ, тѣмъ болѣе, что о прошедшемъ его любовницы начали распространяться самые неблагопріятные слухи. Все сіе вело только къ совершенному погубленію князя. Послѣ страшной сцены, въ которой Самозванка созналась въ нѣкоторыхъ довольно подозрительныхъ дѣйствіяхъ, князь, не смотря на свою страстную къ ней любовь, объявилъ о совершенномъ между ними разрывѣ. Она ему отвѣчала объявленіемъ о своей (вѣроятно мнимой) беременности. Князь въ восторгѣ поклялся не оставить ее никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ и обѣщалъ, въ случаѣ, если бракъ его съ нею не состоится, отдать ей графство Оберштейнъ въ пожизненное владѣніе. Съ того времени страсть его къ сей женщинѣ безпрестанно усиливалась болѣе и болѣе; наконецъ она такъ овладѣла имъ, что уже не считала нужнымъ скрывать свой образъ мыслей и дѣйствія. Въ Октябрѣ они переселились въ Оберштейнъ, откуда князь часто по своимъ дѣламъ ѣздилъ въ Кобленцъ къ Горнштейну, который, хотя и продолжалъ противиться браку, но еще не вполнѣ разувѣрился въ существованіи восточныхъ сокровищъ принцессы и надѣялся, вмѣстѣ съ курфирстомъ, на обращеніе ея въ Католицизмъ.

Около конца 1773 года разнесся слухъ, что принцесса Елисавета [1]), живущая въ Оберштейнѣ, есть дочь Россійской Императрицы Елисаветы отъ тайнаго брака ея съ графомъ Разумовскимъ. Распуская сіи слухи, Самозванка, какъ кажется, сначала хотѣла только ими возстановить колеблющійся кредитъ свой и склонить Горнштейна и родственниковъ князя къ согласію на бракъ его съ нею. Самъ князь, вѣроятно съ тоюжь цѣлью, содѣйствовалъ распространенію возникшихъ слуховъ, въ чемъ особенно помогалъ Шенкъ, которому, можетъ быть, принадлежала и самая выдумка новой басни о происхожденіи принцессы.

Въ началѣ слѣдующаго года (1774-го) князь переѣхалъ на жительство въ Аугсбургъ, куда и Горнштейнъ переселился съ курфирстомъ. Мнимая принцесса осталась въ Оберштейнѣ съ де-Мариномъ въ качествѣ интенданта финансовъ. Около сего времени Самозванка случайно познакомилась съ Михаиломъ Доманскимъ, приближеннымъ и даже другомъ Виленскаго палатина, князя Карла Радзивила, жившаго, послѣ трактата 1772 года о первомъ раздѣлѣ Польши, попеременно въ Страсбургѣ и въ Мангеймѣ. Но сіе случайное знакомство скоро повело къ любовной связи [2]) и къ возникшей потомъ у нихъ мысли воспол-

---

[1]) Она приняла имя Елисаветы, кажется, въ Августѣ еще мѣсяцѣ.

[2]) Все сказанное здѣсь о любовной связи Самозванки съ Доманскимъ еще въ Германіи и объ ея свиданіи тамъ съ Радзивиломъ, хотя и основано на однихъ догадкахъ,

зоваться слухами о мнимомъ происхожденіи принцессы для видовъ Радзивила, который, послѣ предварительнаго совѣщанія съ Французскимъ министромъ герцогомъ Эгильйономъ, именно во время полнаго разгара бунта Пугачевскаго, намѣревался ѣхать въ Турцію, чтобы съ горстію Польскихъ и Французскихъ офицеровъ помогать Туркамъ противъ Русскихъ и стараться о возстановленіи прежнихъ границъ Польши. Радзивилъ видѣлся съ принцессою, съ согласія и чрезъ посредничество самаго князя Лимбургскаго, и затѣмъ поѣхалъ въ Венецію, куда прибылъ къ концу Февраля и откуда въ Апрѣлѣ 1774 года Пулавскій и многіе другіе Поляки отправились чрезъ Рагузу въ Константинополь. Только въ послѣднихъ числахъ Мая прибыла въ Венецію и Самозванка съ деньгами, взятыми частію у стараго ея любовника князя Лимбургскаго (вѣроятно не знавшаго или знавшаго не вполнѣ о ея намѣреніяхъ, но готоваго жертвовать за нее всѣмъ своимъ достоинствомъ), частію же въ Аугсбургѣ у барона Горнштейна, также не посвященнаго въ ея тайны, но которому она обѣщала отыскать въ Венеціи священника, способнаго наставить ее въ догматахъ Римской вѣры. Должно замѣтить, однакожъ, что министръ, уже раздраженный присланнымъ ему отъ князя письмомъ къ принцессѣ, названной на адресѣ Елисаветою Всероссійскою, и другимъ, которое Самозванка просила переслать къ своему *супругу* въ Оберштейнъ, вскорѣ вовсе прервалъ связи съ мнимою принцессою, получивъ отъ нея съ письмомъ изъ Рагузы увѣдомленіе о новомъ ея предпріятіи. Князь Лимбургскій былъ попрежнему страстно влюбленъ въ нее и едва ли не слѣпо вѣрилъ, что она дѣйствительно дочь императрицы Елисаветы и сестра Пугачева, будто бы сына Разумовскаго. Впрочемъ скоро послѣ того, а именно въ Іюнѣ сегоже 1774 года, онъ уже въ каждомъ къ ней письмѣ умолялъ ее скорѣе возвратиться и оставить свои безумные планы, въ несбыточности коихъ его убѣдилъ отказъ Огинскаго въ нихъ участвовать. Между тѣмъ въ Венеціи было сказано, хотя въ видѣ тайны, нѣкоторымъ изъ приверженниковъ Радзивила, что графиня Пиннебергъ *) (имя, принятое въ то время Самозванкою) есть супруга герцога Шлезвигъ-Гольштейнскаго и дочь покойной Русской императрицы. Когда же Радзивилъ съ нею и многочисленною свитою Французовъ и Поляковъ вошелъ на корабль для отплытія въ Рагузу, мнимая тайна объявлена уже всѣмъ. Они прибыли въ Рагузу въ концѣ Іюня, и Радзивилъ немедленно отправилъ курьера въ Константинополь за нужными для про-

---

но очень вѣроятно. Симъ единственно можно объяснить послѣдовавшія за тѣмъ обстоятельства сего дѣла.

*) Такъ называется особое графство въ герцогствѣ Гольштейнскомъ.

ѣзда туда фирманами и за денежными пособіями. Извѣстія изъ Турецкаго лагеря были довольно неблагопріятны, но князь Радзивилъ еще не вѣрилъ совершенному изнеможенію Турецкихъ войскъ; вѣсть о томъ и о заключеніи мира Кучукъ-Кайнарджи дошла до него очень поздно. Въ Августѣ Самозванка писала длинное письмо къ Султану, объявляя ему о своихъ мнимыхъ правахъ на Русскій престолъ и предлагая союзъ, къ которому обѣщала склонить и Швецію, сообщала ему при томъ о подвигахъ ея приверженниковъ въ самой Россіи (такъ называла она толпы Пугачева) и наконецъ просила помощи и скорѣйшей присылки фирмановъ. Къ сему письму приложены были составленныя ею, вѣроятно съ помощію кого-либо изъ Поляковъ, подложныя духовныя завѣщанія Петра I, Екатерины I и Елисаветы I-й, какъ доказательства ея происхожденія и мнимыхъ правъ на Россійскій престолъ. Радзивилъ однакожъ, которому былъ врученъ сей пакетъ для отправленія въ Константинополь, оставилъ его у себя, вѣроятно потому, что уже видѣлъ безнадежность предпріятія. За тѣмъ, въ Сентябрѣ, уже по полученіи извѣстія о мирѣ, Самозванка снова писала къ Султану, умоляя его не приступать къ ратификаціи, обѣщая ему помощь отъ ея Русскихъ приверженниковъ, отъ Шведовъ, отъ Пруссіи, а также и отъ Русскаго флота, стоявшаго въ Ливорнѣ. Узнавъ тогда чрезъ Доманскаго о томъ, что ея первое письмо не отправлено, она сильно упрекала въ томъ Радзивила, и вслѣдствіе сей сцены онъ согласился отправить первое письмо ея вмѣстѣ съ вторымъ къ своему повѣренному въ Константинополѣ, Коссаковскому, но приказавъ ему не подавать сихъ писемъ.

Ободренная такимъ мнимымъ успѣхомъ, Самозванка вздумала обратиться прямо къ начальствующему Русскимъ флотомъ, графу Орлову-Чесменскому, находившемуся тогда въ Пизѣ. Она отправила къ нему письмо безъ числа и безъ подписи, но въ которомъ объявляла себя дочерью императрицы Елисаветы и предлагала взять ея сторону, препровождая къ нему, кромѣ вышеозначенныхъ документовъ, и проектъ воззванія къ флоту, увѣдомляя при томъ, что отвѣтомъ для нея будетъ самое обнародованіе прилагаемаго манифеста. Въ немъ она именовала себя Елисаветой II-ю, Божіею милостію принцессой Всероссійской. Графъ Орловъ, получивъ сіи бумаги въ концѣ Сентября, немедленно отправилъ ихъ къ императрицѣ, но не зналъ, гдѣ отыскать преступную оныхъ сочинительницу, доколѣ не прибылъ къ нему Русскій майоръ, на возвратномъ пути изъ Черногоріи бывшій въ Рагузѣ и узнавшій о находившейся тамъ Самозванкѣ. Первый отправленный туда графомъ агентъ не возвратился; другой пробрался въ Рагузу, откуда Радзивилъ съ своими Поляками и Французскими офицерами уже уѣхалъ въ Венецію. О Самозванкѣ сему агенту сказали только, что и она изъ Рагузы отплы-

ла неизвѣстно куда. Ея дѣйствительно въ то время уже не было въ Рагузѣ.

Въ концѣ Октября она извѣстилась о томъ, что ея письма къ Султану оставлены и вслѣдствіе сего разсталась въ ссорѣ съ Радзивиломъ. Между тѣмъ денежныя средства ея истощались, дѣло съ Турціею не обѣщало ничего, Французское правительство отказывалось отъ всякаго соучастія въ ея предпріятіи, любовная связь ея съ Доманскимъ сдѣлалась извѣстна, и она сама должна была признаться въ ней князю Лимбургскому, который наконецъ оставилъ ее, но и въ послѣднемъ къ ней письмѣ еще не скрывалъ безумной своей страсти.

Въ Ноябрѣ Самозванка отправилась на Алжирскомъ кораблѣ изъ Рагузы въ Барлетту, на Неаполитанскомъ берегѣ, сопровождаемая Доманскимъ, другомъ его Черномскимъ (однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ агентовъ конфедераціи) и бывшимъ Іезуитомъ Ганецкимъ. Въ Неаполѣ она умѣла выманить у Англійскаго посланника Гамильтона Неаполитанскій паспортъ, подъ именемъ графини Пиннебергъ, съ свитою, и съ симъ видомъ 6-го Декабря благополучно прибыла въ Римъ, гдѣ обращеніемъ въ католицизмъ надѣялась достигнуть успѣха въ своемъ дѣлѣ.

Она прибыла въ столицу папъ во время конклава, собравшагося вслѣдствіе смерти папы Климента XIV-го, и никто не обратилъ вниманія на пріѣздъ ея, хотя Ганецкій, хорошо знавшій Римъ, распространялъ, сколько могъ, извѣстіе о прибытіи Русской принцессы. Денежные капиталы, занятые Доманскимъ въ Рагузѣ, скоро также истощились, истощился и кредитъ Ганецкаго. Надобно было рѣшиться на что-нибудь. Самозванка обратилась сперва къ Гамильтону, объявила ему о своихъ мнимыхъ правахъ на Русскій престолъ, сообщила копіи съ писемъ своихъ къ Султану, обѣщала исходатайствовать отъ Турецкаго правительства разныя торговыя преимущества для Англичанъ, и наконецъ просила доставить ей нѣсколько тысячъ червонцевъ и паспортъ на имя графини Вальмоденъ, чтобы дать ей возможность пробраться чрезъ Вѣну въ Константинополь для возбужденія Турокъ къ возобновленію войны съ Россіей. Не получая никакого на сіе предложеніе отвѣта, она чрезъ посредство Ганецкаго успѣла въ началѣ Января 1775 года вступить въ сношенія съ кардиналомъ Альбани, протекторомъ Польши, который, находясь въ конклавѣ, передалъ все дѣло аббату Роккатани *). Ей не удалось обмануть хитрыхъ Итальянцевъ, хотя она и сообщила имъ всѣ документы, на которыхъ основала свои права, а

---

*) Сношенія съ кардиналомъ Альбани и аббатомъ Роккатани подробно изложены въ запискѣ о Самозванкѣ.

равно и письмо свое къ графу Орлову-Чесменскому, хотя даже обѣщала въ случаѣ успѣха обратить Русскій народъ въ католицизмъ, изъявляла готовность немедленно принять вѣрованія Римской церкви. Роккатани оставался во все время до самаго конца ихъ сношеній въ короткой повидимому дружеской съ нею связи; но ни онъ, ни самъ кардиналъ Альбани не думали ссудить ее деньгами и не открыли пути въ кассамъ Римскихъ банкировъ, которые всѣ отказались отъ всякаго пособія ей деньгами. Польскій резидентъ въ Римѣ, маркизъ Античи, также отвергнулъ всѣ ея предложенія и посовѣтовалъ скорѣе возвратиться въ Германію и тамъ скрываться.

Положеніе Самозванки было уже совершенно безнадежно, къ тому же она начала страдать почти безпрестанными болѣзненными припадками, и въ сіе именно время къ ней явился адъютантъ графа Орлова, Христинекъ, съ предложеніемъ услугъ графа, который наконецъ напалъ на ея слѣды чрезъ Гамильтона, приславшаго къ нему письмо ея. Она однакожъ, не взирая на крайность положенія, долго не рѣшалась прибѣгнуть къ сему; но когда и новыя попытки склонить Альбани, Античи и графа Ланьяско (резидента курфирста Трирскаго) къ доставленію ей денегъ оказались также неудачными, пришла въ отчаяніе и, въ исходѣ Января 1775 года, согласилась на предлагаемое Христинекомъ.

11-го Февраля она отправилась съ нимъ изъ Рима въ Пизу, куда и прибыла 15 Февраля, подъ именемъ графини Силинской, въ сопровожденіи Доманскаго и Чарномскаго. Графъ Орловъ не только принялъ ее съ большими почестями, но притворился влюбленнымъ въ нее, даже предложилъ ей свою руку. Она отказала ему, вообще стараясь продолжать играть ролю принцессы, но поддавалась хитрымъ обольщеніямъ графа Орлова. Между тѣмъ 22-го Февраля, по приглашенію его, она поѣхала съ нимъ, съ Христинекомъ и обоими Поляками въ Ливорну, гдѣ они вмѣстѣ обѣдали у консула Дика и потомъ отправились на корабль контръ-адмирала Грейга, чтобы присутствовать на морскихъ маневрахъ. Тутъ и Орловъ, и Грейгъ незамѣтно удалились, а Самозванка, Поляки и Христинекъ были арестованы. Послѣдній 24 часа оставался подъ арестомъ, чтобы скрыть свое участіе въ дѣлѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и заставить арестантовъ предполагать, что и графъ Орловъ задержанъ и находится подъ карауломъ. Самъ графъ въ отвѣтъ на отчаянное письмо Самозванки говорилъ почти тоже, обѣщая освободить ее, гдѣ бы она ни была, какъ скоро пріятель его Грейгъ доставитъ ему возможность бѣжать съ корабля, на которомъ онъ содержится подъ стражею; но чрезъ два почти дня (12-го Февраля) корабль, на коемъ она была, снялся съ якоря, и вся Русская эскадра вышла изъ Ливорнскаго рейда. У береговъ Англіи Грейгъ останавливался. Самозванка наконецъ увѣ-

рилась, что ей нѣтъ надежды на Орлова, что ее везутъ въ Россію. Отчаяніе, которое овладѣло ею, разрушительно дѣйствовало на ея и до того уже слабое здоровье, а 26 Мая она заключена въ Петропавловскую крѣпость больная.

Началось довольно продолжительное слѣдствіе, которое было поручено князю А. М. Голицыну, главнокомандующему въ С.-Петербургѣ. Въ руководство ему были присылаемы отъ времени до времени предписанія, иногда непосредственно отъ императрицы, а другія чрезъ генералъ-прокурора князя Вяземскаго. Прислуга Самозванки и Поляковъ, съ нею взятыхъ, какъ кажется, отвѣчала откровенно; люди, составлявшіе прислугу, сами не знали ничего и въ самомъ дѣлѣ почитали Самозванку Русскою принцессою. Чарномскій и Доманскій показали, что за дочь императрицы Елисаветы Петровны выдавалъ ее князь Радзивилъ, что она и сама объявляла имъ тоже, что она писала и хотѣла отправить письмо къ Султану, что они послѣдовали за нею въ Римъ, дабы безплатно совершить это путешествіе, да и потому что она должна была Доманскому довольно значительную сумму. Чарномскій умолчалъ о томъ, что всѣ важнѣйшія изъ захваченныхъ бумагъ, касающихся сношеній конфедератовъ съ Портою, принадлежали не Самозванкѣ, а ему. Доманскій съ своей стороны признавался въ безграничной, какъ онъ самъ говорилъ, безумной любви къ ней, объявляя даже готовность провести весь свой вѣкъ въ темницѣ, если только его съ нею обвѣнчаютъ, но не сказалъ ни слова о своихъ весьма близкихъ сношеніяхъ съ Радзивиломъ. Всѣ усилія князя Голицына узнать, кто первый имѣлъ и внушилъ Самозванкѣ мысль о странномъ и преступномъ предпріятіи, были напрасны, тѣмъ болѣе что Доманскій не сказалъ ничего о своемъ пребываніи съ нею въ Прирейнскомъ краѣ. Оказались также напрасными и старанія князя Голицына привести самоё Самозванку къ чистосердечнымъ показаніямъ. Вмѣсто того, она сочинила о жизни своей слѣдующій романъ, утверждая, будто она сама не объявляла себя дочерью императрицы Елисаветы, что ни родителей своихъ, ни мѣста рожденія не знаетъ, а воспитывалась до десятилѣтняго возраста въ Килѣ, затѣмъ была отвезена въ Петербургъ, оттуда въ Москву (въ 1761 году) какъ будто для свиданія съ родителями, но вмѣсто того ее отправили на Азіатскую границу, гдѣ содержали болѣе года подъ стражею и даже пытались отравить; но что она успѣла бѣжать съ какимъ-то Татариномъ въ Багдадъ; что оттуда ее повезли въ Испаганъ, гдѣ она оставалась до семнадцатилѣтняго возраста у князя Гали, съ которымъ предприняла путешествіе черезъ Петербургъ и Берлинъ въ Лондонъ; наконецъ, что Гали, возвращаясь въ Персію, надѣлилъ ее большими богатствами и, пробывъ нѣкоторое время въ Парижѣ, она намѣревалась ку-

пить себѣ значительныя имѣнія въ Гольштейнѣ, куда и отправилась, но на пути, именно во Франкфуртѣ, познакомилась съ владѣтельнымъ княземъ Лимбургскимъ, который предложилъ ей свою руку; но такъ какъ слѣдовало предварительно представить документы о ея происхожденіи, то она временно поселилась у него, при чемъ князь обѣщалъ, въ случаѣ если бракъ ихъ не состоится, отдать ей въ пожизненное владѣніе графство Оберштейнское. Въ послѣдствіи, когда князю по разнымъ обстоятельствамъ понадобились значительныя денежныя суммы, а сокровища, полученныя ею отъ Гали, были уже истощены, она отправилась въ Венецію, дабы тамъ сдѣлать значительный заемъ и, встрѣтясь съ княземъ Радзивиломъ, который ѣхалъ чрезъ Рагузу въ Константинополь, познакомилась съ нимъ, надѣясь чрезъ его покровительство отправить довѣренное лицо въ Персію чрезъ Босфоръ, намѣреваясь съ нимъ вмѣстѣ ѣхать въ Петербургъ, чтобы отыскать слѣды своего происхожденія, такъ какъ уже въ Персіи и вообще вездѣ ее увѣрили, что она дочь императрицы Елисаветы и графа Разумовскаго. При этомъ случаѣ она думала испросить у императрицы какой либо титулъ, который позволилъ бы князю Лимбургскому представить ее своимъ родственникамъ какъ супругу. Но сестра Радзивила упросила ее отправиться съ княземъ въ Рагузу, и она согласилась въ надеждѣ помирить его съ королемъ Польскимъ такъ же, какъ ей удалось помирить съ Станиславомъ Августомъ и графа Огинскаго. Но всѣ ея старанія были тщетны, и они съ Радзивиломъ разстались недругами. Во время пребыванія въ Рагузѣ она неизвѣстно отъ кого получила два пакета, съ просьбою доставить одинъ къ Султану, другой къ графу Орлову въ Ливорну. Распечатавъ тотъ и другой, она прочитала и списала всѣ содержавшіяся въ нихъ бумаги; то были завѣщанія нѣсколькихъ Русскихъ государей, воззванія и другіе акты. Пакетъ, адресованный графу Орлову, она отправила по назначенію, другой же сожгла. Хотя въ письмѣ, приложенномъ къ пакетамъ, и были намеки на ея происхожденіе, а самыя бумаги напомнили ей все, прежде ею слышанное, но она скоро позабыла о томъ, и только, чтобъ отдѣлаться отъ докучливыхъ вопросовъ, можетъ быть, и сказала, что признаетъ себя чѣмъ угодно, дочерью Султана или импер. Елисаветы и т. д. На возвратномъ пути изъ Рагузы въ Германію она пожелала видѣть Неаполь и Римъ. Въ Римѣ приняла предложеніе адъютанта гр. Орлова ѣхать съ нимъ въ Пизу, гдѣ намѣревалась объясниться съ графомъ относительно посланнаго ею пакета.

При семъ показаніи она оставалась, несмотря ни на какія увѣщанія, ни на крайне строгое содержаніе, ни на самое жалкое состояніе здоровья ея. Съ Октября мѣсяца, какъ видно, ею никто не занимался, а въ концѣ Ноября она ослабѣла до того, что уже не сомнѣва-

лись, что ей угрожаетъ близкая кончина. Но и на смертномъ одрѣ, призванному къ ней православному священнику, говорившему по-нѣмецки, она ни въ чемъ не созналась, хотя впрочемъ *искренно раскаивалась въ томъ, что съ самой молодости жила въ нечистотѣ тѣла.*

Смерть ея послѣдовала 4-го Декабря 1775 года, и на слѣдующее утро она погребена въ Алексѣевскомъ равелинѣ. Поляки и прислуга ея помилованы и съ денежнымъ пособіемъ отвезены за границу, въ Январѣ и Мартѣ 1776 г., только съ запрещеніемъ возвращаться въ Россію и расказывать о семъ дѣлѣ подъ опасеніемъ смертной казни.

Въ заключеніе долгомъ поставляю представить на благоуваженіе вашего императорскаго величества, не угодно ли будетъ вамъ, всемилостивѣйшій государь, повелѣть напечатать для всеобщаго свѣдѣнія извлеченіе изъ составленной по сему дѣлу подробной записки, дабы положить конецъ распространеннымъ какъ въ Россіи, такъ и за границею, ложнымъ слухамъ о самозванкѣ Таракановой.

Статсъ-секретарь графъ Панинъ. Іюнь 1865.

*

Въ исходѣ 1773 года, когда Россія терпѣла неудачи въ войнѣ съ Турками, когда, послѣ перваго раздѣла Польши (къ участію въ которомъ вынуждены мы были Фридрихомъ Вторымъ и Кауницомъ) приходилось держать войска на Западной границѣ и остерегаться Швеціи, а внутри Россіи разгорѣлась Пугачевщина (наслѣдіе недавно прошедшаго): въ Европѣ, одержимой тѣмъ каинскимъ братоненавидѣніемъ къ Русскимъ и Славянамъ, о которомъ говоритъ Екатерина въ своемъ „Антидотѣ“, выдвинули противъ нея еще самозванку Тараканову. Великая Государыня не смутилась духомъ, перемогла опасности и въ самыя тяжкія минуты оставалась спокойна и бодра, о чемъ свидѣтельствуютъ тогдашнія письма ея.

Исторія самозванки Таракановой доселѣ не совсѣмъ разъяснена, хотя уже много показаній о ней появилось въ печати. Обращаемъ вниманіе читателей, кромѣ указанной выше статьи Е. И. Бреверна, на записку о ней, составленную въ 20-хъ годахъ XIX вѣка неизвѣстнымъ лицомъ и помѣщенную въ 6-й книгѣ „Русской Бесѣды“ 1859 года съ любопытнѣйшими письмами къ императрицѣ Екатеринѣ графа А. Г. Орлова-Чесменскаго (тогда еще холостяка). П. Б.

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ МОРЯКА НИКОЛАЯ КОРОСТОВЦА [1]).

Іюня 19-го. Мы снялись съ якоря и пробыли всю мою вахту (разумѣется съ 8 ч. до полудня) въ виду Тріеста. Мечтанія мои усугубились, и я не понимаю, разумѣлъ ли я то, чтó дѣлалъ. Образъ Нины, воспоминаніе удовольствій всюду меня преслѣдовали; если я чувствовалъ свое бытіе, такъ не иначе, какъ съ воспоминаніемъ, и вы, друзья милые, согласитесь, что между истинною любовію и любовью такою, какою я горю, есть разность. Я увѣренъ, что съ истинною любовью съ обѣихъ сторонъ я сталъ бы хладнокровнѣе, нежели съ теперешнею... Господи! Кто столько терпѣлъ какъ я? Бросимъ все........

Вѣтеръ совершенно противный, я обрасовалъ въ бендевиндъ и легъ на OSO. Очень невыгодно, а причина, какъ всѣ говорятъ, та, что я не вымылся; но сколько ни мойся, образъ Nina Contarini, урожденной Sellere, ничѣмъ не вымоишь.

Іюня 20-го. Кажется, мы въ вѣчной ссорѣ съ Эоломъ: всегда, какъ скоро покажемъ носъ въ море, вѣтеръ становится противный; хорошо, если бы мы имѣли провизіи поболѣе, но у насъ едва ли на двѣ недѣли достанетъ сухарей. Фрегатъ нашъ потерялъ диферентъ [2]) и очень худо ходитъ, такъ что съ свѣжимъ вѣтромъ подъ всѣми парусами едва ли три узла хода.

Іюня 23-го. Надобно признаться, что мореплаваніе и всѣ прочія художества и науки требуютъ не только неповрежденнаго воображенія, но даже болѣе нежели обыкновенныхъ чувствъ и дѣятельности; кто привѣрженъ къ суевѣріямъ, тотъ конечно не можетъ имѣть (кромѣ сверхъестественнаго воображенія, но воображенія, такъ сказать, попорченнаго) другого чувства, какъ того, которымъ издавна душа его занята. Я не суевѣренъ; однакóже удивляюсь, почему всегда стоятъ противные для насъ вѣтры, почему мы штилюемъ, когда въ двухъ миляхъ видимъ судно

---

[1]) См. выше, стр. 201.

[2]) По словарь Даля, диферентъ—разность погрузки на кораблѣ кормы и носа.

съ вѣтромъ. Конечно, физика отвергаетъ такое неправильное воображеніе; но мы теперь въ четвертый разъ переходимъ Адріатическое море и, кажется, пріучили себя къ атмосферѣ, которая служитъ покровомъ испареній и издыханіямъ моря и береговъ. Словомъ, я такъ разсерженъ что не знаю къ чему придумать вѣтровъ.

Іюня 25-го. Смѣняюсь съ вахты, сдаю. Вѣдь я-то первый кто исправилъ вѣтеръ послѣ осмидневнаго плаванія совершенно противнаго. Я прошелъ острова̀ Андрея, находящіеся около половины Адріатическаго моря. Мы всѣ обрадовались, Ѳедоръ Алексѣевичъ смѣнилъ меня, и мы пошли по 6 миль въ часъ. Постойте, друзья мои! Я хочу вамъ описать сироко или SO вѣтеръ, не помня совершенно описанія одного путешественника; но опровергаю нѣкоторыя изъ его статей и подтверждаю большую часть оныхъ.

Въ 4 часа я вступилъ на вахту. Іюня 24-го вѣтеръ былъ SO, воздухъ въ сіе время, когда солнце едва отдѣлилось отъ горизонта и было покрыто облаками (мы находимся отъ Итальянскаго берега въ 30 миляхъ и отъ Далмаціи въ такомъ же почти разстояніи) казался спертымъ и запахъ былъ отмѣнно спертый и такъ тепелъ, что я мигомъ спотѣлъ, и рубашка моя сдѣлалась мокрѣе, нежели у Савоярда, который цѣлый день трудился. Туманъ и жаръ несносно увеличивались и дошли, какъ казалось, до крайности. Сонъ сталъ всѣхъ клонить, не смотря, что было около пяти часовъ. Я самъ перемѣнился въ лицѣ и старался совершенно лишнею работою отягощать моихъ подвахтенныхъ служителей. Къ счастію вѣтеръ отошелъ къ Югу, солнце выяснилось, и воздухъ, пришедши въ движеніе, освѣжилъ насъ. Не физикъ я, нѣтъ у меня ни термометра, ни ареометра, потому не могу сказать вамъ, до какой степени простирался жаръ; однакоже очень понимаю, что сироко можетъ произвести очень легко лихорадку.

Мнѣ случилось также видѣть тромбы или тифоны, но они были очень далеко отъ насъ, и съ трудомъ можно было различить ихъ въ облакахъ. Сѣверное сіяніе или зарница здѣсь не такъ примѣтна, однакоже каждый блескъ издаетъ такой же жаръ, какъ когда поддадутъ въ банѣ.

Іюня 26-го. Послѣ полудня около 4 часовъ мы, идучи съ благополучнымъ вѣтромъ, увидѣли въ горизонтѣ четыре судна, но подойдя ближе примѣтили, что то были двѣ галеры. Тотчасъ мы поняли, что то разбойничьи, кои опустошаютъ владѣнія его святѣйшества. Мы къ нимъ спустились и, пролежавъ нѣсколько минутъ, выпалили изъ пушки и подняли флагъ третьей дивизіи. Галеры одна за другою спустились на

фордевиндъ и старались уйти; но видѣли, что нѣтъ возможности, тѣмъ паче что фрегатъ нашъ очень примѣтно догонялъ. Они сближились, и напослѣдокъ одна изъ нихъ пошла на фордевиндъ, другая же между тѣмъ привела въ бейдевиндъ и шла разпознать насъ. Когда мы ихъ сперва увидѣли, она шла прямо на пересѣчку и, какъ казалось, считая насъ купцами, надѣялись повеселиться на нашъ счетъ. Мы не переставали за нею гнаться, пока наконецъ не пришли на два пушечные выстрѣла. Галера, шедшая къ намъ, вдругъ спустилась, подняла страшной величины паруса и пошла на фордевиндъ. Фрегатъ на ту пору очень хорошо шелъ, мы надѣялись скоро догнать, не имѣя другого намѣренія, какъ только постращать, потому что у насъ нѣтъ никакого позволенія останавливать какія либо суда: ибо отправленіе наше было за деньгами, а оттуда съ депешами. Въ другой разъ мы выпалили изъ пушки. Галера подняла флагъ общій Алжирской такъ же при пушечномъ выстрѣлѣ, что̀ значитъ утвердительно, что флагъ и судно дѣйствительно принадлежитъ Алжирцамъ. Послѣ сего намъ ничего нельзя было сдѣлать, хотя и можно бы было взять ихъ и отвести въ Корфу; къ тому же мы были только въ 70 миляхъ Италъянскихъ отъ острова. Положили мы перестать гнаться и привели на нашу дорогу. Передъ носомъ увидѣли вдругъ яликъ, на которой стали держать, думая, что Алжирцы оставили на немъ кого-либо. Мы легли въ дрейфъ и, спустя яликъ, взяли Алжирской къ себѣ; что же мы тутъ нашли? Конечно, табакъ, нѣсколько трубокъ, 12 веселъ, брезентъ, фуфайку и мѣсто гдѣ стоялъ фалконетъ!!! Конечно мы думали найти болѣе. Итакъ, вотъ первый разъ, по романамъ, что Алжирцы на насъ не напали и, видя насъ остановившихся, бѣжали что̀ есть мочи. Однако взявши ихъ, такъ назвать, барку на бакштофъ, мы пошли нашимъ курсомъ, который привелъ насъ около 3 часовъ почти подлѣ ихъ. Алжирцы, не смотря, что на нихъ мы видѣли множество народу и усѣянныя галеры фалконетами и по четыре большія пушки имѣющія, поджавъ хвостъ, спустили паруса и ждали что̀ прикажутъ. Великодушіе наше равнялось ихъ униженности, мы съ завоеванною нашею баркою пошли прямо мимо ихъ и въ Корфу. Яликъ или барка была о 12 весельная, катеръ и очень легкой и хорошей постройки. Лоцманъ нашъ разсказывалъ, что Алжирцы грабятъ Италъянскіе берега и ловятъ суда, между тѣмъ какъ 7 фрегатовъ Неаполитанскихъ безпрестанно крейсируютъ вмѣстѣ и по тактикѣ (однимъ Италъянцамъ свойственной) не смѣютъ раздѣлиться, и тогда какъ каждая маленькая галера грабитъ почти въ ихъ глазахъ. Они ночью пристаютъ къ берегу на такой катеръ, какъ мы поймали, ставятъ два фалконета и человѣкъ двадцать сажаютъ удальцовъ, приставши къ берегу отгоняютъ людей или, если есть возможность, стараются поймать жителей, и ограбя

дома, ихъ увозятъ и продаютъ. Убѣжище ихъ на Албанскомъ берегу, какъ у союзника. Старинные романы не могли иначе существовать, чтобы не помѣстить въ нихъ разбойниковъ (морскихъ). Въ нихъ вы найдете, что было сраженіе, капитаны дерутся и наконецъ Алжирцы берутъ верхъ, дѣлаютъ побѣжденныхъ невольниками. Теперь та только разница, что Алжирцы грабятъ всѣ суда и разоряютъ приморскіе берега своего непріятеля, слѣдовательно они стали дерзче, отъ того что Итальянцы совершенно пропали и что въ ихъ характерѣ кромѣ скрытаго мщенія, тайнаго убійства, нѣтъ ничего такого характернаго, какое мы приписываемъ намъ и другимъ. Я доволенъ, что мнѣ случилось видѣть Алжирцевъ уступившихъ силѣ. Вы, друзья мои, теперь будете имѣть понятіе, что кто смѣло наступаетъ, отъ того и благоразумный сильный долженъ отступить. Если такъ положить: то надобно сказать, что смѣлость нужна для всѣхъ кто хочетъ быть хотя и не совершенно храбрымъ, но по крайней мѣрѣ и не трусомъ.

Іюня 27-го. Вотъ странность, друзья, что здѣсь послѣ свѣжаго и продолжительнаго вѣтра въ одно мгновеніе дѣлается штиль, такъ что страшная зыбь, и если есть оплошность въ парусахъ, можно потерять мачты. Вы знаете, что фрегатъ нашъ, потерявши диферентъ, очень худо идетъ. Сего дня до 4 часовъ я былъ на вахтѣ, мы шли въ первый часъ при свѣжемъ вѣтрѣ румбовъ въ 10 отъ вѣтра по 8 узловъ. Я не смотря поставилъ лисели, и ходъ былъ 10 узловъ; вдругъ совершенно заштилило его такъ, что въ три минуты ходъ пропалъ, и зыбью стало немилосердно кидать съ боку на бокъ; къ счастію моему я убрался съ парусами, опустивъ брамстенги не болѣе минутъ. Штиль продолжался до полудня, однакоже Корфа была у насъ въ виду.

Вѣтеръ сдѣлался, и мы побѣжали въ Корфу, такъ что въ 11 часовъ положили якорь. Всѣ наши знакомые къ намъ съѣхались, и мы на радостномъ свиданіи съ пріятелями препорядочно подпили.

Іюня 29-го. Утро прошло въ визитахъ; я поѣхалъ на баржѣ съ рекомендательными письмами къ командору Сорокину, къ господамъ Полити, къ Родостамъ; всюду меня приняли очень ласково, всякой приглашалъ быть знакомымъ. Около полудня пріѣхалъ домой и цѣлый день просидѣлъ дома.

Іюня 29-го. Для прибытія нашего изъ путешествія мы дали праздникъ, къ тому же день Петра и Павла далъ намъ именинника Пав. Ник. У насъ обѣдало болѣе 40 человѣкъ, передъ обѣдомъ я былъ у Бонаки, у котораго просидѣлъ часа съ три. Ескадра отправляется въ крейсерство, кромѣ, какъ говорятъ, нашего фрегата, а мы будто идемъ въ Неа-

поль, на смѣну Крѣнкому. Венусъ отправленъ за нѣсколько дней передъ нами въ Мальту. Алексѣй Самойловичъ хотѣлъ насъ послать; но какъ мы позамѣшкались, то онъ отправилъ Елфинстона.

Въ вечеру я поѣхалъ посмотрѣть театръ, на которомъ теперь играетъ новая труппа, и посмотрѣть моей квартиры, которую по приказанію моему нанялъ Піетро Чимарелли. Однакоже было уже очень поздно, и я только что успѣлъ взять билетъ въ кресла для театра (замѣтьте, что кресла стоятъ піастръ, а партерное мѣсто 13 паровъ или, такъ сказать, 15 копѣекъ).

Въ театрѣ представляли первое дѣйствіе изъ оперы Apoticare и второе дѣйствіе оперы Assasino. Какъ въ той, такъ и другой нѣтъ никакой связи, аріи и протчія украшенія оперы были дурныя и пѣты отмѣнно скверными голосами. Скучно слушать, и уши страдали отъ пронзительнаго визгу трехъ новыхъ пѣвицъ, а глаза смыкались и клонилъ сонъ отъ глупѣйшаго содержанія оперы. Видѣвши порядочной театръ, мы смотрѣли на здѣшній какъ на шайку странствующихъ въ Гишпаніи актеровъ. Насъ продолжали мучить до часа послѣ полуночи; въ окончаніи мнѣ пришло въ голову посмотрѣть въ лицо госпожъ пѣвицъ; я обошелъ ихъ кабинеты, гдѣ онѣ одѣваются...

Іюля 1-го. Сегодня я былъ у Бонаки и просидѣлъ очень немало. послѣ того видѣлся съ Орестомъ Яковлевичемъ, которой вчера пришелъ изъ Бока-ди-Катаро. Мы проводили очень хорошо вечеръ и разстались довольными другъ другомъ.

Іюля 3-го. Эскадра изъ кораблей Ретвизана, Елены, Азіи, фрегатовъ Назарета, Михаила и госпитальнаго Армяна отправилась. Намъ приказано остаться на рейдѣ и дожидать бумагъ и отправленія въ Неаполь; однакоже мы снялись и проводили адмирала, т. е. командора, въ путь, а сами воротились и стали на якорь. Послѣ обѣда я былъ у г. Родостамо, котораго однакоже не засталъ дома, а былъ встрѣченъ сыномъ его Georgio, который ввелъ меня въ покой къ его сестрѣ, молодой и недурной вдовѣ. Она посадила меня подлѣ себя, и я кое-какъ по-италіански скороталъ ей нѣсколько самыхъ нѣжнѣйшихъ комплементовъ. Пришла мать, старуха сварливая, которая поставила меня въ тупикъ своимъ болтаніемъ. Она просила насъ въ свои покои, которые, судя по гречески, суть самые богатые, но полъ гораздо грязнѣе нашихъ Русскихъ кухонныхъ половъ, и расположеніе ихъ самое незамысловатое. Тутъ потчивали меня кофіемъ, и разговоръ нашъ палъ на множество умирающихъ въ Корфѣ. Анжелина (такъ называется молодая вдова) стала мнѣ разсказывать, что она два мѣсяца тому назадъ вышла за-

мужъ и къ несчастью только нѣсколько дней наслаждалась замужствомъ, теперь овдовѣла и уже 18 дней носитъ трауръ; она полагаетъ, что онъ скончался отъ эпидемической болѣзни, которая здѣсь теперь свирѣпствуетъ. Я предложилъ ей пріѣхать къ намъ на фрегатъ; но она отказалась тѣмъ, что въ сіе время она носитъ трауръ, который долженъ продолжатся еще 22 дня, почему она обязана сидѣть дома. Она также мнѣ сказала, что учится по-французки и просила меня снабдить ее на семъ языкѣ книгами; я съ охотою согласился тѣмъ паче, что у меня ихъ очень довольно. Анжелина очень, очень не глупа, не бѣдна и не дурна; я сдѣлалъ это примѣчаніе для переду. Но вы не толкуйте этого въ противную сторону, ибо я не съ тѣмъ сказалъ, чтобы тутъ что либо было предпринимаемо. Въ заключеніе я просилъ позволенія иногда ее навѣстить, она на сіе согласилась.

Итальянка, вышедши замужъ, не зависитъ уже болѣе отъ родителей; она наслѣдуетъ имѣніемъ мужа и можетъ жить какъ ей угодно. Анжелинѣ 18 лѣтъ, честь ей запрещаетъ жить самой по себѣ; она теперь живетъ у отца, однакоже совершенно особо. Вотъ вамъ, друзья мои, новое мое знакомство; мнѣ крайне хочется его поддержать, для чего, и самъ не знаю.

Ночь я просидѣлъ въ театрѣ; ибо піеса, которую играли, очень не дурна сама по себѣ, хорошо расположена и называется Mariti rivali (супруги ревнивые). Въ ней мужъ обманываетъ трехъ женъ, а жена обманываетъ трехъ мужей, и очень, очень прекрасно. Мнѣ хочется нѣсколько разъ посмотрѣть эту оперу.

Сегодня подарили мнѣ Неапольскаго пуделя Didona, но я переименовалъ его Dona.

Іюля 6-го. Я взялъ у Ореста Яков. La vie et les opinions de Tristram Chandy par Stern, книгу въ своемъ родѣ превосходную. Я ничего бы не пожалѣлъ, если бы день этотъ прошелъ подобно прежнимъ; но вмѣсто того сегодня отъ лягушки сдѣлался быкъ, изъ каприза сдѣлалась вина, изъ добраго сдѣлалось худое; словомъ, если разобрать сегодняшній день, если судить безпристрастно: то бѣдный нашъ Автроль ..... ни на что не походитъ. Меня отрѣшили отъ вахты подъ предлогомъ, что не настоитъ болѣ въ ней надобности; на Кул. и Морд. поданъ протестъ... и самъ Господь Саваовъ и пойметъ изъ насъ и изъ сей записки ничего. Друзья мои, терпѣніе есть вещь напрекраснѣйшая!

Іюля 18-го. Теперь припомнилось мнѣ путешествіе наше на другую сторону острова, которое за недѣлю передъ симъ мы сдѣлали. Выслу-

шайте. Мы сѣли на катеръ и отправились, обойдя утесистый мысъ, на которомъ построена старая крѣпость; тутъ продолжали нашъ путь подлѣ берегу верстъ на 17-ть. По сію сторону острова на всемъ разстояніи, которое мы объѣхали, видна натура въ праздничной одеждѣ. Кипарисы, которыхъ я терпѣть не могу по причинѣ страннаго и (кажется почти не произведенія природы) виду, больше не мелькали; зелень была гораздо свѣжѣе и нѣжнѣе, строенія были нѣсколько похожи на дома. На одномъ утесистомъ холмѣ подлѣ башни, въ которой наливаются водой и которая вода именуется Кардаки, разбитъ лагерь Витебскаго полка; палатки мелькали между деревьями, и на самомъ утесѣ была полковая палатка. За лагеремъ въ недурной губѣ, хотя открытой, по серединѣ которой находится островъ, примѣтны многіе домики и видна рѣчка, которая изобилуетъ свѣжею водою и рыбою.

Наконецъ пристали мы въ Белицѣ (Belice), самомъ пріятномъ мѣстѣ во всей Корфѣ, гдѣ воздухъ почитается самымъ здоровымъ и жители самыми богатыми. Тогда было около 10 часовъ утра. Мы пришли къ егерскому капитану, который содержитъ караулъ и съ нимъ сдѣлали передъ обѣдомъ нѣсколько пріятныхъ прогулокъ. Сады, находящіеся кругомъ Белицъ, почитаются самыми лучшими и плодоноснѣйшими. На горѣ живетъ одинъ изъ богатѣйшихъ дворянъ Andrea Calonna. Къ намъ пришли два Албанскіе капитана, которые съ своей стороны держутъ караулъ; они были приглашены обѣдать съ нами, не смотря на ихъ природную грубость. Албанскихъ войскъ роты имѣютъ свои знамена, которыя имъ даны отъ нашего двора; на нихъ изображенъ на бѣломъ полѣ парящій орелъ съ вѣнкомъ, подъ низомъ Греческая подпись: съ нами Богъ.

Передъ обѣдомъ мы пошли смотрѣть одинъ садъ, верстъ на пять растояніемъ. Какъ дорога была ни трудна и солнце немилосердно насъ пекло, но трудъ нашъ былъ награжденъ удовольствіемъ видѣть самый лучшій садъ въ Корфѣ. Хозяинъ показался мнѣ человѣкомъ особеннаго характера. Къ небольшому его зàмку идетъ дорога между двумя высокими стѣнами, которыя скрывали небо. Черезъ покрытый или лучше обработанный виноградникъ на верху стѣнъ, этотъ, такъ сказать, переходъ привелъ насъ къ дому, построенному на дворѣ между множествомъ разныхъ строеній; мы введены были на дворъ и наконецъ въ покой къ хозяину. Верхъ дома имѣетъ одну только залу, разгороженную на три комнаты, гдѣ живетъ одинъ только хозяинъ, лѣтъ шестидесяти старикъ. Въ горницѣ его подѣланы между оконъ мельницы, и всѣ четыре стѣны вмѣсто уборовъ представляютъ арсеналъ съ избыткомъ снабженный ружьями, саблями, кинжалами. Къ сему верхнему жилью ведетъ лѣстница каменная, совершенно отдѣленная отъ дому и доставляющая съ

нимъ сообщеніе спускнымъ мостомъ, который поднимается изъ горницы. Вотъ человѣкъ, который не хочетъ быть подверженъ скорой или внезапной смерти. Оно въ самомъ дѣлѣ нужно, потому что безъ Русскихъ войскъ мѣсто сіе подвержено было почти безпрестаннымъ набѣгамъ отъ Алжирцовъ и другихъ. Впрочемъ хозяинъ самый любезный и веселый старикъ, какихъ только я видалъ; лицо у него самое пріятное и представляетъ душу самую спокойную. Онъ показалъ намъ свой садъ и предложилъ купаться въ бассейнахъ, въ которые скопляется самая лучшая вода на острову и изъ нихъ пускается по всему саду. Солнце совершенно вытянуло изъ насъ силу; мы съ радостію бросились въ сіи бассейны, которые величиною будутъ футовъ 10 въ сторону и 6 въ ширину. Старикъ приказалъ прибавить намъ воды, и въ нѣсколько минутъ было по горло воды. Какое прекрасное купанье! Потолокъ у сихъ бассейновъ былъ изъ разныхъ фруктовыхъ деревьевъ, которыхъ вѣтви искусствомъ сплетались и не пропускали солнечныхъ лучей. Самые спѣлые персики, груши и виноградъ висѣли надъ нами и, кажется, только ждали руки, которая бы ихъ собрала. На днѣ басейна было множество плодовъ, которые переспѣвши падали въ воду. Мы вымылись и сдѣлались гораздо здоровѣе, потому что я давно не мылся въ прѣсной водѣ. Хозяинъ безпрестанно предлагалъ намъ дружеское свое расположеніе: то съ чистымъ полотенцемъ переходилъ отъ одного бассейна къ другому, то подносилъ намъ прекрасное вино изъ своего винограда. Гостепріимство этого по первому воображенію Грека мнѣ полюбилось. Мы съ нимъ разстались и возвратились въ Белицы. Тутъ весело мы обѣдали, отдыхали въ самомъ тѣнистомъ мѣстѣ одного сада. Наконецъ въ 9-мъ часу вечера возвратились всѣ чуть имѣющіе чувства въ домъ къ капитану: ибо съ нами были водка и вино. Въ полночь пристали на фрегатъ.

Іюля 19-го. Пришла вся эскадра; мы видѣли ее еще вчера, но штили удерживали ее до сего дня. Боже, какое жаркое время здѣсь стоитъ! Не вѣрите, друзья, что въ полдень и утро совершенно нельзя показаться на воздухъ. Утромъ спершійся воздухъ душитъ теплотою, въ полдень солнце палитъ, даже голова начинаетъ кружиться, если только останешься нѣсколько минутъ. У насъ на фрегатѣ снова воцарилась тишина, кромѣ того, что мнѣ не отдали вахты.

Нѣсколько дней теперь продолжается у насъ знакомство съ штабомъ Витебскаго полка. Нѣсколько дней назадъ былъ у насъ обѣдъ для ихъ маіоровъ, и они ночевали, не могши пуститься до своего лагеря. Они давали намъ также парадный обѣдъ, гдѣ огромная полковая музыка играла, и мы танцовали, хотя не такъ трезвыми, однакоже и не пья-

ными. Друзья мои, какіе это добрые люди! Я хотѣлъ бы вамъ рекомендовать ихъ, а особливо маіора Вильмана.

Іюля 23-го. У насъ вчера обѣдалъ генералъ-маіоръ Витебскаго полка г-нъ Пушкинъ. По рекомендаціи, какая объ насъ сдѣлана, онъ самъ вызвался на наше знакомство. Онъ уѣхалъ вскорѣ послѣ обѣда, ибо въ сіе время пришелъ корабль Прасковія изъ Неаполя. Тутъ его лучшая рота. Надо было отдать справедливость Прасковьѣ, которая вѣрно перещеголяетъ всякой корабль изъ Балтійской эскадры. Она шла подъ бомъ-бромселемъ, и въ минуту были паруса закрѣплены, люди сошли внизъ. Корабль дурной постройки, однакоже обшитъ мѣдью и ходитъ порядочно. Капитанъ на немъ Султановъ, сверстникъ Лутохина. Милые мои, я завидую порядку сего корабля.

Іюля 24-го. Сегодня отдавали паруса. Наши люди, какъ будто сговорясь, бросились по реямъ и перещеголяли Прасковью. Простите мнѣ, милые моему сердцу: вотъ уже дней десять безъ просыпу пьянствуемъ и эти два дни только трезвой, едва могши избѣжать беспрестанныхъ обѣдовъ, на которыхъ хоть волкомъ вой, а пьянымъ напейся. Слава Богу, что еще натура у насъ крѣпка, а то по жарамъ судя надобно бы намъ треснуть. Таковъ, Фелица, я развратенъ; но на меня весь свѣтъ похожъ.

Іюля 27-го. Пушкинъ прислалъ своего адъютанта просить Австрольскихъ офицеровъ къ себѣ въ лагерь обѣдать. Сего дни мы были у него на огромнѣйшемъ обѣдѣ, на которомъ кромѣ нашихъ офицеровъ и его матросовъ никого не было. Такимъ образомъ свели мы знакомство съ армейскими; не хвастая скажу, что теперь многіе жаждутъ знакомства съ нами.

Черезъ пять дней мы должны отправиться въ Неаполь, дай Богъ скорѣе. Полковникъ артилерійскаго полку Отто Ивановичъ Бухольцъ звалъ насъ въ Пятницу обѣдать.

Августа 3-го. Виноватъ я, совершенно забылъ мой журналъ: вотъ сколько дней прошло, и я не бесѣдовалъ съ вами, друзья милые мои. Причина пьянство. Мы обѣдали у Бухольца; давалъ обѣдъ Сикуро, одинъ изъ пассажировъ, которыхъ мы везли въ Тріестъ. Всюду кромѣ насъ, обыкновенно, присутствовалъ generale Puschin con tutti sui majori, т. е. Пушкинъ со всѣми своими офицерами. Теперь-то слава наша поднялась нѣсколькими градусами выше. Сколько выпито въ теченіе сихъ славныхъ обѣдовъ, нельзя считать анкерами, бочки едва ли составятъ счетъ; но такъ должно. Завтра звали насъ обѣдать Прасковійскіе офицеры.

Августа 5-го. Сего дни послѣ полудня пришолъ Венусъ, котораго мы давно съ нетерпѣніемъ ожидали. Онъ имѣлъ порученіе купить нѣсколько военныхъ бриговъ для посылокъ и привелъ теперь одинъ маленькой, красивой и обшитой мѣдью бригъ. Его называютъ Le Diligent. Въ Мальтѣ заплатили за него 4500 талеровъ. Тамъ такое множество призовыхъ судовъ, что за самую низкую цѣну можно купить прекрасные суда. Бригъ этотъ ходитъ лучше Венуса и мнѣ черезвычайно показался; на немъ можно поставить 14 пушекъ, а теперь стоитъ только шесть. Мы давали вчера Прасковiйскимъ офицерамъ обѣдъ, а сегодня у насъ гостятъ Венускiе. На Прасковiи есть лейтенантъ Андреянъ Степ. Туровскiй, родственникъ Мар. Аѳ.; но мнѣ не показался надутый его видъ и принужденное обращенiе, хотя онъ и не дуракъ. Сей часъ говорятъ, что на бригъ командиромъ опредѣленъ кап.-лейт. Киндлеръ, и отъ насъ будутъ отосланы лейтенантъ и одинъ мичманъ.

Августа 7-го. Венусъ давалъ великолѣпный обѣдъ: тутъ присутствовали болѣе 50 человѣкъ; словомъ, всѣ Балтiйскiе офицеры и съ корабля Прасковiи. Мы получили повелѣнiе отправляться съ благополучнымъ вѣтромъ въ Неаполь. Отъ насъ назначены для отправленiя на Венусѣ, идущемъ въ Мессину для покупки другихъ бриговъ, командиромъ на одинъ изъ нихъ Ѳедоръ Алексѣевичъ и мичманъ Лазаревъ. Итакъ мы теперь лишились двухъ товарищей, а особливо чувствительна потеря Ѳед. Алек.; но какъ эта собственная его польза, то я перестаю жаловаться. Равно отъ насъ велѣно послать 3 юнгъ на бригъ Diligent, которому перемѣнили имя и назвали Летунъ. Съ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ идетъ отъ насъ 10 матросовъ. Они перебрались на Венусъ. Мнѣ дана третья вахта, снимаемся съ якоря и подняли всѣ суда. Пассажировъ у насъ много, между ими графъ Tuke съ женою, братъ Родостами Georgio и нѣкоторые другiе.

Августа 9-го. Вчера въ три часа послѣ полуночи мы подняли якорь и отправились въ Неаполь. Ордеръ, который получилъ Ник. Алек., приказывалъ отправиться въ Неаполь и остаться тамъ въ распоряженiи г-на тайнаго совѣтника Татищева, и тогда будутъ бумаги нужныя для доставленiя въ Корфу, то доставить. Такимъ образомъ есть надежда, что мы долго пробудемъ въ такомъ прекрасномъ городѣ, каковъ Неаполь, хотя говорятъ, что недавно землетрясенiемъ опровергнуло множество домовъ. Съ какимъ жаромъ, друзья мои, разсказываютъ Венускiе и Прасковiйскiе офицеры о Везувiѣ, Геркуланѣ и Помпеѣ! Терпите, скоро я стану разсказывать вамъ о чудесахъ, изверженiяхъ, нагружу цѣлый ящикъ обломками сихъ подземельныхъ городовъ.

Августа 11-го дня. Намъ открылась Этна. Сицилія и Калабрія представили намъ прекрасные виды. Крутыя и дикія горы на Калабріи, дикаго, сѣраго цвѣта, красились великолѣпнымъ подножіемъ, усѣяннымъ то многолюдными городами; то зȁмками и селеніями. Высокія колокольни монастырей блестятъ своимъ кровомъ. Италія есть изображеніе вдругъ бѣдной величественности и гордаго великолѣпія. Какъ можно представить себѣ, чтобы страшныя горы Калабрійскія, у которыхъ вершины въ облакахъ, могли когда либо перемѣнять свое положеніе? Можно-ли, чтобы трясеніе земли сильно опровергнуло сихъ гигантовъ? Боже, какое страшное дѣло въ натурѣ землетрясеніе! Но что человѣки, когда, не смотря на ужасъ ежегодно почти распространяемой пагубнымъ землетрясеніемъ, бодрствуя противу всего, населяютъ такое мѣсто? Они должны быть полубогами.

Этна на Сициліи казалась страшною не по густому дыму, ни облаками, которыя ее одѣвали, но дикимъ своимъ цвѣтомъ, ужасною пустотою, которая отъ нея идетъ по всему южному берегу Сициліи. За то сѣверная часть представляетъ прекраснѣйшій ландшафтъ. Теперь мы такъ близко къ Сициліи, что Этны болѣе не видать, но одна вершина Сицилія кажется страшною. Для взирающихъ на прекрасную низменность усѣянную неизчетнымъ множествомъ селеній, всюду представляется перемѣна пестротою своею мѣстоположенія. Виноградные сады, простирающіеся на нѣсколько миль, кончаются всегда или великолѣпнымъ замкомъ или какою старинною башнею, крѣпостью или развалившимся зȁмкомъ. Всюду видно плодородіе на сѣверной части Сициліи; за то южная часть, кромѣ дикихъ скалъ и усыпанной лавою низменности, по нѣкоторымъ мѣстамъ башень, для блуждающихъ какъ по морю такъ и по суху ничего не представляетъ.

Августа 12-го. Кое-какъ весьма удачно долавировали до самой узкости пролива. Намъ открылся маякъ Мессинской и самый городъ, однакоже оконечность препятствовала намъ войти безъ лоцмановъ. Николай Алексѣевичъ рѣшился остановиться въ Мессинѣ, тѣмъ паче, что пассажиры наши увѣрили, что если мы скажемъ, что мы уже въ морѣ дней тридцать и идемъ изъ Мальты, то намъ непримѣнно позволятъ съѣзжать на берегъ. Antonio Calverola, тотъ, кто въ Корфинскомъ театрѣ по пріятнымъ своимъ пантоминамъ въ балетахъ извѣстенъ подъ именемъ Tognino и который съ нами ѣдетъ въ Неаполь, за тѣмъ чтобы привезти еще нѣсколькихъ фигурантокъ и балеринъ, зная Мессину, обѣщалъ доставить немало удовольствія. Кстати, этотъ Тонино утѣшалъ насъ своими пріятными шутками, и онъ едва успѣетъ проснуться, то бываетъ

окруженъ нашими кадетами, которымъ онъ до самаго обѣда строитъ гримасы и разсказываетъ сказки.

Мы потребовали лоцмана и, сторговавшись за три червонца, стали лавировать гораздо выгоднѣе. Я скажу этому причину. Узкій Мессинскій проходъ и положеніе береговъ имѣютъ беспрестанно теченія спорныя и одинаковыя; они непримѣтны для тѣхъ, которые въ первый разъ здѣсь ходятъ, но практика придаетъ это къ теоріи. Наши лоцманы, не смотря на противный равнинной вѣтерокъ, въ два гальса вывели насъ за мысъ, на которомъ находятся крѣпость и маякъ. Въ 7 часовъ вечера положили мы якорь въ Мессинской губѣ, противу карантина. Едва ли на кабельтовъ находился отъ насъ публичный садъ. Мы положили якорь и вмѣсто другого завезли на берегъ и закрѣпили за дерево кабельтовъ. Самые крѣпкіе вѣтры въ Мессинѣ бываютъ съ берега; не смотря на высокія горы Сициліи, часто подрываются якоря у судовъ, и они подвергаются опасности отъ рифа, который отъ маяка на лѣвой сторонѣ идетъ поперекъ губы. Къ намъ подъѣхало множество лодокъ, и на одной изъ нихъ находился карантинный начальникъ, а на другой нашъ консулъ, подъ военнымъ флагомъ.

Мы показали, что уже 28 дней какъ изъ Корфы, заходили въ Мальту, въ Сиракузы и наконецъ, идучи въ Неаполь, запаслись свѣжею водою и провіантомъ для офицеровъ въ Мессинѣ. Опредѣлили намъ карантинъ двѣ недѣли, потому что получено извѣстіе, что въ Корфѣ свирѣпствуетъ эпидемическая болѣзнь; и въ самомъ дѣлѣ нѣсколько времени уже, какъ въ Корфѣ множество умираютъ лихорадкою. Нельзя было перемѣнить, и мы рѣшились промѣнять Венеціанскіе червонцы на Испанскіе или Неаполитанскіе талеры, а послѣ пуститься въ Неаполь. Венеціанскій червонецъ стоитъ въ Неаполѣ $27\frac{1}{2}$ и 28 карлиновъ, въ Мессинѣ можно ихъ мѣнять по 30 и болѣе. Лейтенантъ Метакса*), который отправленъ для принятія купленныхъ судовъ, находился въ Мессинѣ, и онъ-то обѣщалъ услужить намъ размѣною денегъ. Ночь наступила самая лучшая, насъ безпрестанно вертѣло теченіемъ и навалило на насъ маленькое суднишко, которое, не могши намъ нимало повредить, не попортило также и себя. Караульные изъ карантина около насъ ѣздили всю ночь.

Августа 13-го. Ник. Алексѣевичъ и я поѣхали около полудня въ карантинъ, гдѣ негдѣ было укрыться отъ солнца, пока не пришелъ нашъ консулъ; тутъ намъ отвели горницу, и мы по крайней мѣрѣ хоть въ тѣни сидѣли.

---

*) См. о немъ въ письмахъ А. Я. Булгакова П. Б.

Мессинскій консулъ г-нъ Беккеръ между разговоромъ спросилъ: здоровы ли въ Кронштатѣ адмиралъ Ханыковъ и полковникъ Коробка? Ник. Алексѣевичъ указалъ на меня, что я родственникъ послѣднему. Старикъ черезвычайно обрадовался и просилъ увѣдомить Макс. Петр., что онъ находится въ Мессинѣ и благодаритъ его за ласки, которыми осыпали его въ Кронштатѣ. Г-нъ Бенкеръ родственникъ Крузенштерну. Онъ разсказалъ намъ, что Англичане съ г-дами Французами имѣли сраженіе, и Англичане остались побѣдителями. Въ Неаполѣ было землетрясеніе, и по всей Италіи опровергнуто до 12 селеній, множество домовъ и отъ 27 до 28 тысячъ жителей.

Мессина расположена на низменности и по косогору, кажется самымъ неправильнымъ городомъ и разсыпаннымъ по разнымъ кускамъ или отдѣленіямъ. Всюду ты увидишь прекрасную архитектуру и сады. Множество церквей отличаются и величиною, и богатствомъ, и вкусомъ. Мои милые друзья, какъ пріятно смотрѣть на Мессину; но если вспомнишь, что жизнь каждаго жителя ежедневно въ опасности быть раздавленному собственнымъ своимъ домомъ! Какое страшное у меня отвращеніе къ землетрясеніямъ и какъ ни пріятна Сицилія и Калабрія, но я ни за что не согласился бы жить въ такомъ мѣстѣ, гдѣ беспрестанно земля трясется подъ ногами. Жители такъ привыкли къ сему, что нимало не опасаются и, какъ будто вопреки природы, что она разрушитъ, они тотъ-часъ исправляютъ, не думая, что скоро зданіе ихъ снова упадетъ. Теперь лѣтъ пять не чувствовали страшныхъ трясеній, но почти всякую ночь земля колеблется.

Въ часъ мы воротились, а лоцмана пріѣхали съ увѣдомленімъ, что ежели мы хотимъ идти въ море, то они выведутъ насъ, ибо теченіе въ сію минуту идетъ изъ порту и суда всѣ снимаются. Примѣтьте, что здѣсь есть приливъ и отливъ. Мы снялись съ якоря и дожидались болѣе двухъ часовъ нашихъ пассажировъ, которые были въ карантинѣ. Представьте себя, что вѣтеръ былъ свѣжъ; но мы, поставя себя между теченіемъ и вѣтромъ, не трогались съ мѣста. Въ три часа наполнили паруса, поставили въ бендевинъ и стали обходить Faros di Messina. Мы едва успѣвали поворачивать при самомъ тихомъ вѣтрѣ, ибо лоцмана изъ одной струи теченія вводили насъ въ другую, какъ насъ несло вонъ изъ пролива. Море такъ гладко было, какъ стекло; но ежели встрѣчались противныя теченія, такъ бурунъ ходилъ страшной, а между тѣмъ въ другихъ мѣстахъ нимало не рябило. Къ захожденію солнца вышли мы изъ пролива и вдругъ заштилѣли, однакоже вскорѣ сбылось предвѣщаніе лоцмановъ, что ночью будетъ благополучный вѣтеръ.

Августа 15-го. Наконецъ съ безпрерывными штилями дошли мы до Стромбола, маленькаго огнедышущаго островка, который кажется оторваннымъ землетрясеніемъ отъ какого-нибудь изъ Липарскихъ острововъ. Стромболъ есть высокая гора, изъ которой уже нѣсколько вѣковъ дымится, а по ночамъ бываетъ изверженіе. Всѣ огнедышущія горы умолкаютъ хотя на нѣкоторое время, но маленькій Стромболъ безпрестанно курится. Прекрасная картина смотрѣть на его изверженіе. Представьте себѣ ночь темную, но тихую и пріятную. Стромболъ, который былъ отъ насъ въ 15 миляхъ, отъ времени до времени, т. е. иногда минутъ черезъ 5 и 6, выбрасывалъ полымя. Я не знаю, съ чѣмъ сравнить; но если можно представить какъ ночью выбрасываетъ изъ трубы и, увеличивъ это гигантски, будете имѣть понятіе о Стромболѣ. Всѣ огнедышущія горы, какъ утверждаютъ наши пассажиры, иногда или по большей части дѣлаютъ изверженіе лавою; Стромболъ напротивъ только выкидываетъ пламя.

Августа 20-го. Всякій вечеръ до полуночи мы просиживаемъ въ сіи прекрасныя ночи подъ чистымъ сводомъ неба Италъянскаго. Графъ и графиня, которые очень не худо поютъ, и Тонино, который съ чувствами играетъ на гитарѣ, занимаютъ насъ. Зеркальная вода и маленькой ходъ фрегата какъ будто нарочно умножаютъ мою меланхолію. Итальянскія и Греческія пѣсни вамъ бы понравились, мои милые, дорогіе мои друзья; но что мнѣ остается? Кинуть перо и мечтать, что я васъ увижу и съ вами въ такую же тихую пріятную ночь, среди вашего семейства, какъ Телемакъ, стану плакать и разсказывать. Сердце мое сжато, оставимъ!

Августа 22-го. Вѣтеръ, и вотъ мы въ Неаполѣ. Представьте себѣ при десяти узлахъ ходу мы шли сюда. Вотъ теперь на мѣстѣ, и Неаполь, страшный Везувій передъ моими глазами.

Съ 20-го на 21-е число въ 40 миляхъ мы видѣли Везувій съ его пламенемъ. Вчера утромъ прошли мы два островка, составляющіе обширную Неапольскую губу. Они называются Капри. Страшны по своей исторіи. Калигула и Неронъ, Римскіе императоры, впадавшихъ въ немилость ссылали на сей островъ, у котораго одна сторона совершенно перпендикулярна. Тутъ съ высоты почти 50 саженей сталкивали ихъ въ море; другіе оставались здѣсь въ заточеніи въ страшныхъ пещерахъ, и теперь примѣтны остатки зданія, въ которомъ жили исполнители тиранскихъ приказаній.

Мы сказали вчера, что уже 37-й день какъ изъ Корфы, и намъ сіе помогло для того, что судамъ приходящимъ изъ Корфы положенъ здѣсь 40 дней карантину. Сего дня, насъ уважа, сняли карантинъ, и мы

теперь свободны ѣхать на берегъ, что̀ и сдѣлали, ибо первый нашъ шагъ былъ къ нашему министру г. тайному совѣтнику Дмитрію Павловичу Татищеву.

Первый шагъ въ Неаполѣ былъ у пристани съ гавани, натисканной судами разныхъ націй; между ними были два Неаполитанскіе фрегата. Мы отошли прямо къ министру, который живетъ въ части города называемой Кіайя, весьма далеко отъ пристани. Жаръ былъ несносный, и солнце достигало полудня. Наконецъ пришли мы къ великолѣпному дому, въ верхнемъ этажѣ живетъ министръ. Насупротивъ сего дома публичный садъ. Я прежде судилъ о министрахъ иначе; нашему по пріятному и молодому его лицу надобно думать не болѣе тридцати лѣтъ, и самаго веселаго характера.

Послѣ привѣтствій онъ сказалъ: Вы отправились 6-го числа?—Нѣтъ, в. п., 9-го Августа.—Это хорошо, что вы прибавили вашего пути, грѣхъ на васъ; но что же, если у васъ все хорошо.—Все хорошо, все хорошо. Послѣ нѣсколькихъ словъ, мы приглашены были обѣдать. Отъ министерскаго стола мы отказались тѣмъ, что сего дня положили обѣдать у себя.

Улицы Неаполитанскія узки, и самая большая не короче нашего Невскаго проспекта, едва тремъ каретамъ можно разъѣхаться; она называется Толедо. Дома огромной высоты и, не смотря на обширность Неаполя, на высочайшіе дома, примѣтно чрезвычайное оживленіе. Здѣсь считается 700 тысячъ жителей. Я никакихъ не сдѣлалъ примѣчаній и возвратился на фрегатъ, выпивши нѣсколько бутылокъ портеру въ Англинскомъ трактирѣ, гдѣ хозяйка также жирна, какъ madame Beck.

Ночью любовались мы Везувіемъ, лава текла съ самой его вершины къ морю по отлогости, на подобіе огненной рѣки. Множество строеній, разбросанныхъ по Везувію, оставались въ безопасности; ибо лава приняла одинакое теченіе и остается уже нѣсколько недѣль въ одномъ положеніи. Подъ Везувіемъ находится Portici, тоже что̀ нашъ Петергофъ, и кажется безопаснымъ съ нѣсколькихъ лѣтъ.

Королевской дворецъ съ принадлежащими ему домами стоитъ на одной площади и имѣетъ одну фасаду на площадь, а другая обращена къ морю; никакого великолѣпія не предлагаетъ ни снаружи, ни съ внутри.

Едва вы только покажете видъ любопытства, то въ туже минуту обступятъ васъ множество бездѣльниковъ, которые явятся съ предложеніями belli doni (putani). Горе даться имъ въ обманъ, и нѣтъ, вы не увидите такого свѣжаго лица, какъ въ другихъ земляхъ, гдѣ случалось мнѣ быть. Милые мои, простите тщеславію моему: я былъ перенесенъ

изъ Россіи въ Данію, изъ Даніи въ Англію, изъ Англіи въ Грецію, изъ Греціи въ Германію, изъ Германіи въ Италію. Что вы мнѣ на это скажите?......

На рейдѣ насъ немало. Нашъ фрегатъ Крѣпкій, Неаполитанскій корабль Архимедъ, очень недурной, но люди Итальянцы, самые жалкіе мореходцы; съ сего корабля пріѣхалъ къ намъ лейтенантъ и еще кое какіе офицеры, они очень полюбили нашъ фрегатъ и нашихъ офицеровъ. Англійской эскадры корабли Екселантъ, фрегаты Амбускадъ и Зиворсъ (Морская Лошадь). Всѣ они присылали къ намъ съ поздравленіемъ.

Насъ назначилъ министръ въ Мессину, а послѣ мы надѣемся воротиться сюда. Сказываютъ, что послѣ завтра отправятъ.

Августа 24-го. Кажется, путешественникъ долженъ имѣть и болѣе денегъ, и болѣе глазъ, нежели всякой обыкновенный человѣкъ. Для осмотрѣнія всѣхъ рѣдкостей въ Неаполѣ и его окрестностяхъ я отложилъ всю мою наличную сумму, но теперь не знаю, гдѣ взять времени и къ чему собственно себя опредѣлить. Здѣсь есть удивительныя свойства природы, старинные храмы превосходныя художества, Везувій, Геркуланъ, Помпеано.

Множество образовъ вдѣланныхъ въ стѣны домовъ и въ часовняхъ показываетъ, что здѣсь Католики. Даже много мнѣ случалось видѣть восковыхъ статуй Христа, Божіей Матери и другихъ святыхъ наряженныхъ въ платье, пристойное тогдашнему времени и ихъ сану. Здѣсь есть чудотворный образъ, поставленный на одномъ проспектѣ, около котораго безпрестанно толпится народъ, тѣмъ болѣе, что оный чудотворный образъ изцѣляетъ прокаженныхъ. Всѣ увѣрены въ его силѣ, и мимо ходящіе снимаютъ шляпы.

Августа 30-го. Мы всѣ офицеры приглашены были сегодни къ Дмитрію Павловичу на вечеръ. Около 9 часовъ Ник. Алексѣев., Ник. Сем., Пав. Ник., я и Алек. Ант. поѣхали къ министру и уже нашли тамъ все готово для концерта. Публика первѣйшая вскорѣ собралась, и вечеръ открылся концертомъ. Сперва былъ вокальный концертъ, потомъ signora Fatzi и L. пѣли дуетъ весьма весьма удачно. Многіе дуеты и солы за симъ послѣдовали. Справедливо, что музыка занимаетъ душу; но такая музыка, каковую я слышалъ сегодня, возвышаетъ чувства и производитъ что-то величественное въ чувствахъ! Но чтожъ было тогда въ моей душѣ, когда одна недурная собою дѣвица принялась за арфу и легкими смѣлыми перстами перебирая по струнамъ арфы, то возвышая, то понижая, обратила слушателей въ истукановъ. Искусный мастеръ на піано-

30*

фортахъ и отборные музыканты ей акомпанировали. Боже милостивый, какая гармонія влилась въ чувства! Казалось, что всѣ были обращены въ мраморъ, никто не смѣлъ дышать; всякій внимательно примѣчалъ ея игру. Концертъ былъ ея сочиненія и если Моцарты, Гайдены плѣняли музыкою, то почему же женщинѣ не обворожить на арфѣ? Мнѣ казалось, что я слышу небесную музыку и вижу передъ собою утѣшительнаго ангела. Она окончила концертъ, и зала наполнилась рукоплесканіемъ; она поклонилась вѣжливо и, будто не примѣчая впечатлѣнія, какое произвела ее игра въ слушателяхъ, удалилась въ уголъ. Какая умѣренность! Послѣ ея пѣли нѣкоторые солисты, но никто не обращалъ вниманія. Я самъ даже смотрѣлъ на нее, какъ на одну только достойную производить своею божественною гармоніею удивленіе и величественность въ душѣ.

Мало по малу покои наполнились публикой, я всюду видѣлъ то камергерскія плечи, то ленты; рѣдко кто бы былъ простой дворянинъ. Всюду я слышалъ Французскій языкъ, и мнѣ представилось, будто я въ Парижѣ въ одномъ изъ тѣхъ собраній, какія были при Людовикѣ XIV-мъ. Между публикою мнѣ указали кардинала Руфо. Съ какимъ удивленіемъ я смотрѣлъ на сію великую особу въ нынѣшнемъ вѣкѣ! Онъ былъ одѣтъ въ абатскомъ кафтанѣ съ маленькимъ воротникомъ на спинѣ, какіе обыкновенно носятъ духовно-мірскіе аббаты. На шеѣ висѣлъ у него на нашей Андреевской лентѣ крестъ, который ему прислала Екатерина. Словомъ, на груди, вмѣсто латъ, были кресты, звѣзды почти всѣхъ государствъ въ Европѣ. Лицо у него продолговатое, большое, на головѣ маленькой аббатская скуфья. Роста онъ кажется большого, сухощавъ и въ красныхъ чулкахъ. Отъ роду ему больше 60 лѣтъ. Сдѣлаемъ теперь Лафатерово замѣчаніе о его фіозономіи. Она точно такова, какъ у всѣхъ великихъ людей: обѣщаетъ больше злого, чѣмъ добраго; больше принужденнаго, чѣмъ искренняго; больше честолюбія, чѣмъ гордости. Таковымъ мнѣ показался кардиналъ Руфо. Я не ошибся бы узнать его, если бы даже мнѣ и не указали. Множество было другихъ великихъ людей, но я не отходилъ отъ кардинала и принудилъ его спросить у меня, что Русской ли я и въ какой службѣ? Больше онъ не говорилъ со мною и занялся съ какимъ-то Малтійскимъ командоромъ. Голосъ у него твердый и отрывистый; но между тѣмъ нѣженъ и плавенъ, по Французски произноситъ онъ худо, больше по итальянски, хотя онъ былъ долго въ Парижѣ.

Около полуночи открыли залу, гдѣ надобно танцовать; музыка перешла туда. Представьте себѣ лучшихъ красавицъ въ Неаполѣ (министръ нашъ волокита). Представьте себѣ моряка, который цѣлый годъ боролся съ вѣтрами и отвыкъ отъ общества. Таковъ былъ я. Но счастіе мнѣ

служило: я пригласилъ даму, которая мнѣ нравилась, и мнѣ не отказали. Изъ Русскихъ, кромѣ свиты министра, былъ я одинъ, который сталъ танцовать. Мы танцовали два контраданса, и министръ спросилъ мою фамилію. Послѣ вальсировали; я не танцую вальсовъ, вы знаете. Стали танцовать контрадансъ, всѣ наши товарищи звали дамъ, но судьба опредѣлила мнѣ одному пользоваться удовольствіями бала. Я подхожу къ двумъ дамамъ, прошу танцовать со мною младшую: Avec plaisir, elle m'avait répondu. Тутъ сердце мое выскочило съ мѣста. Представьте себѣ лѣтъ 16 Француженку знатнаго рода, съ русыми волосами заплетенными въ косы на Греческой манеръ, милую, какъ ангелъ! Танцуетъ она какъ зефиръ, не лучше другихъ, но безпремило. Мѣсто мое было во второй парѣ; но милая моя Француженка, съ улыбкою невинности и простоты, просила меня стать подлѣ ея сестры въ 6-й парѣ. Два контраданса я танцовалъ съ удовольствіемъ. Милая моя дама сказала мнѣ: Monsieur, vous dansez bien.—M-lle, j'ai lui répondu, permettez moi d'avoir l'honneur de danser toute cette soirée avec vous. Elle m'a donné la main, и мы стали въ третій контрадансъ. Кажется, что всѣ смотрѣли на насъ, и министръ сказалъ: вотъ пара, которая танцуетъ одинъ для другого, съ обѣихъ сторонъ съ удовольствіемъ. Въ променадѣ она смотрѣла на меня будто не хотя, я старался показать ей мое счастіе. Буди во вѣки благословенна Франція, которая производитъ такихъ безпримѣрныхъ Француженокъ! Контрадансы кончились, пошли ужинать. Я прозѣвалъ мою даму. За столомъ она сидѣла подлѣ графини Кауницъ, жены Австрійскаго посланника. Кавалеры ужинали въ другой комнатѣ; я не могъ ни ѣсть, ни пить, будучи восхищенъ моимъ счастіемъ и занятъ моею Француженкою.

Однакоже я сѣлъ подлѣ Англійскаго капитана Содрона, который былъ капитаномъ на фрегатѣ Латонѣ. Я поставилъ подлѣ насъ бутылку шери, и по-англійски принялись мы за рюмки. Откуда берется смѣлость у человѣка, который доволенъ самъ собою? Онъ приглашалъ меня къ себѣ, хотѣлъ писать о моемъ братѣ къ капитану ялика, на которомъ онъ теперь служитъ. Таковымъ вольнымъ я себя не запомню. Ужинъ кончился въ 2 часа ночи. Я какъ сумасшедшій выскочилъ изъ за стола и бросился къ моей Француженкѣ. Танцы опять начались. Милая моя дама сперва подала мнѣ руку, но мать ее кликнула, она воротилась ко мнѣ и съ чувствомъ сказала: Ma mère va s'en aller, monsieur; nous partons à présent.

Въ 4 часа кончился балъ, всѣ дамы разъѣхались, и мы послѣдніе вышли изъ залы.

Министръ во все время танцовъ смотрѣлъ на танцующихъ и под-

линно былъ болѣе гость, чѣмъ хозяинъ: никто изъ гостей не остался съ кѣмъ бы онъ не сказалъ нѣсколькихъ словъ. Меня онъ обласкалъ, равно какъ и всѣхъ нашихъ офицеровъ. Мы звали его завтра на пирогъ и посмотрѣть фрегатъ. Въ 2 часа послѣ обѣда онъ обѣщалъ быть.

Августа 31 го. Четвергъ. Министръ сдержалъ свое слово и пріѣхалъ въ два часа послѣ полудни вмѣстѣ съ императорскимъ министромъ графомъ Кауницомъ, молодымъ человѣкомъ, у котораго прекрасная жена, за которою Дмитрій Павловичъ волочится; еще были нашъ прежній chargé d'affaires Петръ Ивановичъ Карповъ и Александръ Яковлевичъ Булгаковъ. Они, вмѣсто чтобы осмотрѣть фрегатъ, принялись пить водку, сѣли за столъ и прежде еще жаркого: то бордо, то шери, то, то, то другое привели всѣхъ въ полупьяное состояніе. Мы принялись палить: первое за министерское здоровье изъ тринадцати, потомъ за здоровье земляка графа Кауница. Министръ смѣется и показываетъ сзади рога, которые онъ ему клеитъ. Однимъ словомъ, прежде чѣмъ встали изъ за стола, мы выпалили изъ 6-ти пушекъ, за разное дружеское здоровье и вышли уже всякой самъ-третей. Тутъ началась потѣха. Патаніоти, капитанъ фрегата Крѣпкаго, пьянъ до зѣла, кинулся за бортъ и показывалъ свое искуство плавать. Онъ въ самомъ дѣлѣ, какъ ни былъ пьянъ, раздѣлся на водѣ и приплылъ къ фрегату. Папа Егоровъ, лейтенантъ съ Крѣпкаго, любимецъ министра, кинулся также въ воду и едва не утонулъ. Лейтенантъ съ Exellente Англійскаго корабля скорѣе убрался домой. Тутъ начали шалить сколько можно совсѣмъ не по министерски, но какъ будто всѣ въ одномъ классѣ. Министръ пилъ столько, какъ вѣрить нельзя, а Кауницъ сдѣлался почти безъ ногъ. Проходитъ одно Имперское судно. Кауницъ просилъ Ник. Алек. выпалить по немъ изъ пушки, чтобы отдало брамъ-фалы; оно не отдало. Графъ бросился на катеръ и присталъ къ нему уже довольно далеко отъ фрегата.. Черезъ часъ мы увидѣли нашъ катеръ и министра, который сорвалъ съ судна флагъ, привязалъ его на крюкъ и везъ къ намъ. Судно палило изъ пяти пушекъ ему въ честь и изъ столькихъ же салютовало намъ. Патаніоти хотѣлъ, чтобы отвѣчали съ его фрегата; но министръ приказалъ палить намъ, что̀ мы и сдѣлали. Кауницъ, подъѣзжая къ фрегату, кричалъ: виватъ Александръ! и привезъ флагъ, какъ завоеванный, представилъ его министру, который приказалъ палить изъ трехъ пушекъ. Такъ-то мы шалимъ, милые друзья, за границею!

Начались танцы и снова пить, но случилось несчастіе: Мордвиновъ упалъ, танцуя вальсъ съ министромъ, и переломилъ ребро. Всѣ хоть пьяные, но уныли, и все кончилось симъ приключеніемъ. Если бы не это, мы бы привезли почетныхъ дамъ (putani); министръ самъ почти этого хотѣлъ. Всѣ поѣхали домой уже очень не рано.

Сентября 4-го. Англичане прислали звать меня и Ник. Семен. обѣдать въ два часа. Мы пріѣхали и прямо сѣли обѣдать. Богъ знаетъ, ѣсть ли тамъ какой лордъ въ Великой Британіи, какъ мы сегодня. Послѣ обѣда подали вино; я выбралъ Стромболское вино, которое показалось мнѣ пріятнымъ и слабымъ;но что жъ случилось? Прежде нежели я допилъ половину бутылки, голова моя закружилась, глаза закатились подъ лобъ; я сдѣлался безъ языка или онъ очень худо ворочался, пока дошла до меня очередь предложить тостъ. Здоровье mademoiselle de Chatelette, сказалъ я и допилъ бутылку. Напрасно милые Англичане хотѣли знать, кто она! Языкъ прилипъ къ гортани; но сердце чувствовало въ то время отмѣнное удовольствіе. Тутъ уже я былъ не свой, вскочилъ изъ за стола, бросился на шканцы безъ шляпы и кортика; на шканцахъ меня начало рвать; я на катеръ и на фрегатъ. Стыдно. Меня долго мучили, но я успѣлъ проститься, тогда Англичане меня разбудили снова пить; уже была полночь, мы стали пить грогъ, и вотъ въ первый разъ какъ я помню, что былъ два раза въ одинъ день пьянымъ.

Сентября 7-го. Я былъ у министра, который меня очень ласково принялъ; но болѣе дружески нежели по министерски. Я у него въ сей день обѣдалъ очень вкусно и весело.

Сентября 9-го. Ник. Алек. послалъ меня къ министру просить для Мордвинова денегъ. Дмитрій Павловичъ позвалъ меня въ кабинетъ къ себѣ и давалъ столько денегъ, сколько надобно для него; но я не зналъ сколько, а потому и не взялъ. «Приходи обѣдать да приведи съ собой и капитана».—«Нельзя, ваше превосход.: мы ѣдемъ сегодня на Везувій».— «Ну, врешь! Чтобы были оба! Вы уже давно со мной не обѣдали». Не удивляйтесь, друзья мои, что министръ не во всякое время можетъ заниматься. Утро онъ проводитъ въ кабинетѣ, ибо онъ человѣкъ дѣльный, дома бываетъ и занимается дружескою бесѣдою уже за обѣдомъ, вечеръ у любовницъ. Скажите же, что же можетъ ему оставаться какъ не время за столомъ для шутокъ и разговоровъ съ Русскими, ибо рѣдко у него обѣдаютъ иностранцы кромѣ графа Кауница.

Сентября 10-го. Послѣ путешествія на Везувій у всѣхъ насъ отнялись совершенно ноги, у иныхъ онѣ распухли, другіе же не могли встать съ постели. Тѣ только одни пошли сегодня къ министру, которые не были на Везувіи, и вотъ они привезли секретныя повелѣнія куда-то отправиться. Николай Алексѣевичъ показалъ свой ордеръ, въ которомъ сказано идти намъ изъ Неаполя и, прошедши острова Капри, распечатать другой ордеръ и выполнить немедленно. Въ какомъ мы были недоумѣніи, я предоставляю вамъ судить.

Сентября 11-го. Въ разсужденіи секретнаго повелѣнія мы ничего не могли узнать; видно, что содержаніе его очень важно. Сегодня мы отправились въ третьемъ часу утра. Вотъ, мои милые, я что вспомнилъ, записалъ сегодня 12-го числа, тогда когда теперь стоитъ совершенная тишина пріятная и непріятная для мореплавателей. Grâce à Dieu, Богъ дастъ узнаемъ что нибудь. Bonsoir, mes amis!

Сентября 14-го. Четвергъ. Мы пришли въ Мессину, вотъ куда насъ послали, какъ скоро подулъ вѣтерокъ; но для чего, еще не знаемъ. Капитанъ поѣхалъ на берегъ. Никому не позволено съѣзжать на берегъ и, какъ кажется, отправимся сегодня же вечеромъ. Подождите, милые, я вамъ открою сей же часъ предметъ нашей экспедиціи.

Намъ поручена экспедиція взять генерала поручика графа Дамаса изъ Мессины, самымъ тайнымъ образомъ, со всѣмъ его экипажемъ и привезти въ Неаполь. Къ нему были письма отъ короля и министра, конечно, я думаю, для совѣта, какимъ образомъ поступить въ теперешнихъ военныхъ обстоятельствахъ съ господами Французами. Какъ онъ главный начальникъ войскъ въ Сициліи, то я увѣренъ, что не для чего другого. Около четырехъ часовъ капитанъ воротился и сказалъ, что въ 9 часовъ мы отправимся съ Дамасомъ.

Сентября 15-го. Ровно въ два часа послѣ полуночи сегодня мы подняли споръ. Дамасъ, котораго мы ждали, пріѣхалъ въ сіе время такъ тихо, какъ будто бы былъ подлинный бѣглецъ. Видъ его очень интересенъ, и ласковый пріемъ и нашъ Россійскій орденъ, который онъ имѣлъ, вперили въ насъ особенное къ нему уваженіе. Вахта моя была съ 5-го часа, и мы были уже подъ парусами; но вѣтеръ сталъ стихать и сдѣлался штиль въ самое то время, когда наибольшая настояла въ немъ надобность, ибо выходъ черезъ Фаро-ди-Мессина очень затруднителенъ при штилѣ. Старинныя Сцила и Харибда не иное что суть, какъ безпрестанно перемѣнныя теченія, которыя перемѣняются и, встрѣчаясь между собой, производятъ такой шумъ, какъ бы у берегу бурунъ. Мы назвали сіе толчеею. Фрегатъ заштилилъ передъ выходомъ, меня таскало то въ одну, то въ другую сторону и на одномъ мѣстѣ два раза оборотило кругомъ съ такою скоростію какъ будто щепку. Мы уже начинали опасаться, чтобы не прижало къ Калабрійскому берегу, и какъ у него теченіе противное намъ, оно легко могло или притащить къ берегу или унести назадъ. Подулъ легкій вѣтерочекъ, и я кое-какъ приблизился къ Сицилійскому берегу. Вахта моя вышла, и въ 10 часовъ лоцманъ совѣтовалъ стать на якорь подлѣ Фаро. Съ великою трудностію подобрались мы къ берегу, и теченіе поворотило въ противную сторону, почему мы положили якорь и ошвартовались на берегъ. Генералъ Да-

масъ выходилъ два или три раза и такъ полюбился намъ, что мы старались сыскать его уваженіе. Онъ говоритъ порядочно по русски и былъ при взятіи Очакова и Измаила, за что дали ему Георгія второй степени. Въ 11 часовъ убрались съ якоря и съѣхали на берегъ, Дамасъ съ своимъ адъютантомъ присталъ къ намъ, и мы поѣхали вмѣстѣ. На берегу просилъ меня не подавать никакого знака, что онъ Итальянецъ, но что простой Русской.

Мы подходили въ разговорахъ къ селенію, которое находится на песчаной косѣ и оканчивается Фаромъ или маякомъ. Дамасъ отсталъ отъ насъ, потому что опасался, чтобы его не узнали. Онъ остался подлѣ катера, а мы продолжали идти въ селеніе; простая деревушка, гдѣ живутъ лоцманы, было только одно, что́ мы нашли. Я съ другими пошелъ даже къ самому маяку, который былъ въ милѣ отъ селенія. Маякъ построенъ въ серединѣ небольшой крѣпостцы, есть родъ круглой башни весьма невысокой и на низкомъ мѣстѣ; на верху башни находится фонарь, гдѣ жгутъ на шестнадцати ночникахъ масло.

Мы воротились въ селеніе, гдѣ нашли остальныхъ товарищей, пока завтракали у одного лоцмана, въ полдень пришли къ катеру и воротились на фрегатъ. За столомъ Дамасъ шутилъ, и мы очень весело обѣдали. Теченіе перемѣнилось въ 6 часовъ, у насъ подняли якорь, и пошли съ тихимъ вѣтеркомъ въ море. Американскій фрегатъ и бригъ, которые стояли въ Мессинѣ, были у насъ впереди. Ночью несли мы всѣ лисели и на разсвѣтѣ были далеко. Стромболъ курился во всю ночь и по временамъ выкидывалъ пламя.

Сентября 17-го. Вчера мы продолжали плыть, равно какъ и сегодня и обогнали Американцевъ. Это Дамасу было пріятно, онъ занимался со мною и очень радъ былъ, что я говорилъ по-французски. Мы недавно праздновали коронацію, и нашъ пассажиръ, какъ ни скромничалъ наливая рюмки, былъ на веселѣ. Въ вечеру мы не разсудили нести большихъ парусовъ для того, чтобы придти въ Кастель-дель-Маре ночью.

Сентября 18-го. Худо мы разсчитали, ибо ночью заштилѣло, и мы прежде разсвѣта увидѣли Капру. Какъ весело было смотрѣть на удовольствіе нашего добраго Дамаса, которому казалось, что онъ невидимо былъ перенесенъ какъ бы въ домѣ. Капитанъ приказалъ поворотить къ Кастель-дель-Маре, куда имѣли мы повелѣніе высадить генерала. Около вечера положили якорь въ Кастель-дель-Маре. Послѣ обѣда Дамасъ просилъ меня одолжить его съѣздить въ Кастель-дель-Маре съ такимъ приказаніемъ, чтобы отыскать тамъ нѣкоего офицера, его адъютанта, барона Ла Рока, и если мнѣ удастся его узнать по сдѣланнымъ

мнѣ примѣтамъ, то могу сказать, что генералъ у насъ на фрегатѣ, а губернатору города дать знать, что мы пришли изъ крейсерства и имѣемъ надобность въ исправленіи фрегата: если же мнѣ не удастся найти Ла Рока, то взять съ собою другого съ фрегата офицера и отправить его немедленно въ Неаполь съ письмомъ къ нашему доброму Дмитрію Павловичу.

Было по крайности шесть миль до Кастеля-дель-Маре, когда я отвалилъ съ фрегата съ мичм. Шестаковымъ. Долго мы ѣхали, а на фрегатѣ по причинѣ противнаго вѣтра лавировали. Около трехъ часовъ было, когда я присталъ у Кастеля-дель-Маре. Пристань была натискана любопытными жителями, не видавшими уже давно военныхъ судовъ въ ихъ городѣ. Едва можно было протискаться въ толпѣ на набережную. Мы положили съ Шест. идти вдоль по набережной, ожидая кого-либо кто бы къ намъ признался; но напрасно: черезъ цѣлый часъ, употребленный нами на разсматриваніе города, никто не любопытствовалъ вступить съ нами въ разговоръ, хотя мы старались привлечь кого-либо нашими вопросами. Въ городѣ былъ праздникъ, Михайловъ день; поэтому всѣ почти жители города прохаживались при пріятной погодѣ. Наконецъ указали намъ губернаторскій домъ, куда мы и пошли. Губернаторъ, старикъ, интересующійся знать новости, закидалъ насъ вопросами о войнѣ, а какъ онъ морской капитанъ, то хотѣлъ знать, какой флотъ мы имѣемъ, сколько кораблей въ Средиземномъ морѣ и протчее. Я просилъ его доставить случай отправить моего товарища въ Неаполь, и онъ немедленно приказалъ отыскать коляску. Отъ него мы вышли уже довольно поздно, и товарищъ мой поѣхалъ въ Неаполь. Съ нами былъ какой-то артиллерійскій офицеръ, пригласившій насъ въ кофейной тамъ, гдѣ мы распили бутылку малаги. Отпустивши Шестакова въ Неаполь и нанявши лоцмана, я около 6 часовъ поѣхалъ на фрегатѣ. Наши стали уже на якорь миляхъ въ 5 отъ берега. Воротившись я пересказалъ Дамасу все что̀ могъ я сдѣлать. Положили, какъ скоро станетъ ночь, мнѣ вмѣстѣ съ генераломъ и его адъютантомъ ѣхать на берегъ и жить тамъ инкогнито до полученія рѣшенія отъ министра.

Вотъ, друзья мои, я сдѣлался нѣкоторымъ образомъ въ службѣ у Дамаса, съ нимъ мы поѣхали въ 9-мъ часу на берегъ. Генералъ взялъ мою трехугольную шляпу и, притворяясь больнымъ, вышелъ на берегъ. Правда, рѣдко кто проходилъ мимо насъ; однакоже предосторожность была нужна. Мнѣ надобно было нанять для него домъ; но куда идти тому, кто самъ въ первый разъ въ городѣ? Я пошелъ, оставя Дамаса у пристани, по набережной; къ счастію моему, въ одномъ домѣ нашелъ я огонь, вошелъ и нашелъ, что тутъ можно имѣть покой. Мнѣ указали

двери отдѣленной связи дома, гдѣ было до шести горницъ и кухня. Но мнѣ они показались сыры, для того что недавно крашены, а стѣны всѣ въ пятнахъ. Одинъ изъ жителей повелъ меня въ первый здѣшній трактиръ Амадіа; старуха лѣтъ въ 70 указала мнѣ лучшіе свои покои, въ которыхъ жилъ лордъ Б . . . . У меня поднялась съ хозяйкою брань, и я сказалъ ей, что тутъ не поставлю я лошадей своихъ, не только что бы самъ сталъ жить. Надобно было взять покои, которые были дѣйствительно гораздо удобнѣе для человѣка, который хочетъ жить инкогнито, чѣмъ въ трактирѣ. Пришедши на пристань, нашелъ я Дамаса, соскучившагося уже дожидаясь меня. Мы пошли въ домъ, гдѣ въ первый разъ я былъ, и какъ онъ не думалъ уже, чтобы можно было нанять другой лучшій, то мы остались въ немъ. Надобно было ужинать; хозяинъ отвѣчалъ, что кромѣ небольшого куска свинины съ чеснокомъ и худого хлѣба и сыру ничего нѣтъ. Для Француза и для Дамаса, какой прекрасный ужинъ! Къ счастію моему на комодѣ въ одной горницѣ я нашелъ тарелку свѣжихъ раковъ. Селестина (такъ называлась деревенская баба приставленная къ дому) тотчасъ ихъ сварила, а я крайне доволенъ былъ, доставивши случай хотя немного облегчить суровость нашего ужина. Смѣшно было на насъ смотрѣть, видя троихъ, изъ которыхъ двое кое-какъ говорили по-итальянски, а третій молчалъ, чтобы не подать и виду Итальянца. Словомъ мы шутили какъ будто за изобильнымъ ужиномъ. Я легъ съ адъютантомъ, кавалеромъ Гаета, а генералъ легъ въ особенной комнатѣ, и видно, что онъ очень долго занимался бумагами.

На разсвѣтѣ увѣдомили меня, что пріѣхалъ Шестаковъ изъ Неаполя. Я послалъ разбудить Дамаса, и онъ получилъ радостныя вѣсти отъ министра и короля. Ему надобно было послать снова офицера къ графинѣ Разумовской, издавна поселившейся въ Неаполѣ. Она въ сію пору была въ Портичахъ, и Шестаковъ заѣзжалъ къ ней съ письмомъ отъ Татищева. Отдохнувши немного, въ 10 часовъ я снова отправилъ его съ письмами въ Портичи. Послѣ пошелъ самъ гулять, отыскалъ Ла Рока и привелъ его къ Дамасу. Съ фрегата пріѣхалъ докторъ Куломзинъ; съ нимъ я ходилъ до самаго обѣда, который генералъ назначилъ въ $^1/_2$ 1-го часа. Мы воротились къ назначенному времени, и Шестаковъ пріѣхалъ изъ Портичей почти въ сіе время. Какъ любезный нашъ Дамасъ былъ веселъ за столомъ! Мы шутили дружески, смѣялись надо мною, какъ я успѣшенъ въ любви и поставляли тому примѣръ ласковаго со мною обхожденія Селестины. Всѣ были веселы и подпили. Послѣ обѣда Дамасъ просилъ меня нанять для него карету, въ которой положилъ онъ отправиться въ Портичи въ 7-мъ часу вечера. Съ какою благодарностію къ намъ и съ какимъ обнадеживаніемъ всегдашняго его

уваженія къ намъ, мы разстались до того времени пока онъ переѣдетъ въ Неаполь. Возвратившись на фрегатъ при свѣжемъ вѣтрѣ, подняли якорь и пошли въ Неаполь.

Надобно сказать вамъ, мои милые, что нибудь о Кастель-дель-Маре. Городъ сей имѣетъ главную верфь королевства Неаполитанскаго. Здѣсь строились всѣ корабли его флота. Рейдъ заключается въ обширной губѣ съ одной стороны Везувіемъ, а съ другой мысомъ и Капрами. Отъ адмиралтейства идетъ небольшая гаванца, въ которой можно быть закрыту отъ W вѣтровъ, а при простыхъ очень покойно можно стоять въ самой губѣ. Адмиралтейство имѣетъ елингъ весьма удобный даже для 80 пушечныхъ кораблей; о дружелюбному обращенію съ Неаполитанцами Англичане будто для большей безопасности Италіи, сожгли три новые и лучшіе корабля ихъ флота, повѣсили лучшаго изъ ихъ начальниковъ Карачіоли (Caraciolli), и всему причина лордъ Нельсонъ. Губернаторъ, который также и капитанъ порта, мнѣ разсказывалъ почти со слезами, и я правду вамъ, друзья, сказать, пожелалъ Нельсону такой же висѣлицы, на какой былъ повѣшенъ Карачіоли, о коемъ весь Неаполь и самъ король плакалъ; но вы знаете права̂ сильнаго!

Что касается до города, онъ самый старинный; всюду подкопы, а дома готическіе не для людей нынѣшняго вѣка, но для варваровъ. Улицы узки и неправильны внутри города, однакоже набережная имѣетъ недурной видъ. Арсеналы и замокъ, въ которомъ живутъ морскіе офицеры, суть одни зданія, въ которыхъ можно видѣть и опрятность и порядокъ. Королевской дворецъ, въ коемъ онъ проводитъ Апрѣль и Май мѣсяцы, находится на вершинѣ горы. Воздухъ въ сіи мѣсяцы здѣсь самый лучшій, но въ Августѣ и Сентябрѣ несносная сырость и туманъ безпрестанны. Всѣ пріѣзжаютъ пользоваться сюда воздухомъ съ Апрѣля до Августа, въ которое время птичья охота и минеральныя воды много споспѣшествуютъ здоровью. Здѣсь множество монастырей, и на число мущинъ можно положить по три женщины; ибо я сего дня кромѣ женщинъ, отправляющихъ всѣ работы и торговлю, мало видѣлъ мущинъ и то праздношатающихся. Есть недалеко отъ него минеральная вода, изъ которой проводникомъ есть въ городѣ колодезь. Одна маленькая крѣпостца на выходѣ изъ города занимаетъ весь рейдъ.

При свѣжемъ вѣтеркѣ сего 19-го числа, мы пришли въ Неаполь, куда насъ совершенно не ожидали.

Сентября 21-го. Итальянцы созданы на выдумки, хотя пустыя, но полезныя для кармана; не такъ ли, мои милые Мишель, Алексѣй и Фрицъ? Въ годъ, которой я провелъ въ Италіи, видѣлъ я, какъ они жи-

вутъ и чемъ наживаютъ хлѣбецъ. Иные, раскинувшись, лежатъ по срединѣ улицы нагіе, ожидаютъ подаянія отъ сострадущихъ, другіе въ хорошемъ кафтанѣ и маскѣ просятъ милостыни, доказывая, что имъ должно дать.

Сентября 25-го. Сего дни минулъ годъ, какъ я нахожусь на морѣ; сего дни вышли мы на Кронштатской рейдъ и здѣсь сего дни получили секретное повелѣніе отправиться въ море. Николай Алексѣевичъ ѣздилъ сего дня къ министру и воротился отъ него съ повелѣніемъ отправиться въ море, по полученіи бумагъ. Цѣлый день готовились мы, то наливались водою, то принимали провизіи, кои здѣсь очень не дороги, за то гораздо лучше Россійскихъ, такъ что матросная порція не обходится дороже 8 дукатовъ или рублей серебромъ. Здѣсь унцій или червонецъ Голландской стоитъ три дуката, дукатъ десять карлинъ или сто гранъ, деньги почти совершенно одинакіе съ нами. Впротчемъ ходятъ всякаго рода деньги, хотя впрочемъ съ небольшею потерею.

Во время Французской революціи, которая даже перешла въ Неаполь, и изъ сего королевства составилась республика, продолжавшаяся не болѣе года, то-есть до пришествія Русской эскадры изъ Балтики и Чернаго моря въ 99-мъ году. Въ сіе время король, котораго почти собственное владѣніе есть Сицилія, жилъ въ Палермѣ, оставивъ Неаполь на произволъ Французамъ. Чернь симъ раздраженная ворвалась въ городъ и наконецъ въ королевской дворецъ, перебила стекла, фарфоръ, переломала уборы, королевскія кареты, гербы, словомъ, все и сказываютъ изъ великолѣпнаго убора, который до сего былъ, остались однѣ кучи изломанныхъ украшеній. Англійская эскадра подъ предводительствомъ Нельсона находилась на рейдѣ, приняла бѣглеца Фердинанда и перевезла его въ Палерму. Послѣ сего поступка народъ мало имѣетъ довѣренности къ своему государю, и онъ самъ ея не ищетъ. Теперь безпрестанно онъ переѣзжаетъ изъ одного дворца въ другой. Неапольской дворецъ занимается королевскою фамиліею, и то нѣкоторые мѣсяцы въ году. Загородные его дома суть Портичи, Фаворита близь Портичей, Кастелъ-дель-Монте, Кастель-дель-Маре, Казерта и другіе мелкіе. Говорятъ, что великолѣпнѣйшій изъ нихъ архитектурою, садами и уборами Казерта, но рѣдкостями Портической дворецъ. Королевской доходъ большею частію съ откуповъ, и онъ отдаетъ на откупъ продажу нѣкоторыхъ припасовъ напримѣръ макароновъ, сосисекъ и протчее. Для прибыльнаго, я думаю, дохода отъ сосисекъ, Неаполитанцы имѣютъ орденъ сосиски, и даже на новыхъ деньгахъ помѣщены двѣ сосиски.

Сентября 28—29-го числа сего мѣсяца мы отправились снова по секретному повелѣнію отъ министра. Путь нашъ лежитъ къ Мессинѣ,

и вотъ сего дни мы выбираемся изъ пролива. Николай Алексѣевичъ такъ держитъ скрытно свой секретъ, что мы едва могли узнать, что, послѣ малаго пути, мы придемъ въ одно мѣсто, гдѣ будемъ долго стоять одни. Стромболъ мы сей ночи видѣли, какъ онъ поминутно свѣтилъ. Чудное свойство Италіи. Когда курится Везувій, а не извергаетъ лавы, тогда Стромболъ дѣлаетъ изверженіе, и лава течетъ по немъ одною дорогою, весьма спасительно для жителей сего крутого острова, котораго виноградное вино очень недурно, и на противъ когда курится Стромболъ, Везувій тогда дѣлаетъ изверженіе. Посему надобно думать, что между ими есть подземельной каналъ. Какое удивительное дѣло натуры! Боже, сколь уставы Твои непостижимы! Прочіе Липарскіе острова такъ же прежде были огнедышущія горы, теперь они ничего не представляютъ виднаго, хотя нѣкоторые изъ нихъ и обитаемы.

Октября 1-го. Воскресеніе. Наконецъ Ник. Алексѣев. открылъ намъ, что онъ имѣетъ бумаги, которыя напередъ должно доставить Англійскому генералу Крейгу въ Мальтѣ, а оттуда идти въ Сицилію въ одинъ небольшой городокъ называемый Августа, между Сиракузами и Катаніею. Вотъ, мои милые, вы будете имѣть маленькое понятіе о гнѣздѣ Малтійскихъ кавалеровъ, разсыпанныхъ по лицу Европы. Тамъ должно дожидаться нашей эскадры, которая пройдетъ близъ сего мѣстечка. Вѣтерокъ подулъ отъ NO, что̀ доставило намъ удовольствіе смотрѣть на Сицилію. Гористыя мѣста всюду были одни примѣтны, которыя бросались въ глаза; безплоднѣйшій приморской берегъ, гдѣ изрѣдка мелькали строенія и городки, мало предвѣщалъ добраго и внутри. Этна была покрыта снѣгомъ и курилась. Какая бѣдная картина для плавателя, который тихо плыветъ къ своей цѣли, въ виду безплоднаго берега, состоящаго изъ утесистыхъ горъ, предъявляющихъ вѣчную борьбу съ природой! Нѣкоторыя горы развалились и лежатъ одна на другой отъ землетрясенія, другія совершенную безплодность представляютъ; нѣкоторыя покрыты снѣгами и позлащаются заходящимъ солнцемъ. Безъ внутренняго трепета не могъ я смотрѣть на сію картину; однакоже она пріятна, если бы плаваніе путешественниковъ было такъ покойно, какъ наше сего дня.

Но если буря возшумитъ,
Завоютъ вѣтры, заклубятся хребты сѣдые
Черныхъ волнъ...

Прочтите гдѣ нибудь сіи стихи и вздохните также какъ и я!!...

Октября 2-го. Мы пришли сего дня поутру въ Мальту, что̀ извѣстна здѣсь подъ именемъ Валеты. Входъ въ нее совершенно неприступенъ; ширина его не болѣе 125 саженъ, а по обѣ стороны двухъ-ярус-

ныя крѣпости, защищающія не только проходъ, но и самый островъ, равно какъ и городъ. При входѣ надобно придерживаться правой стороны, ибо у оконечности крѣпости на лѣвой сторонѣ находится небольшой каменный рифъ. Придерживаясь такимъ образомъ, никогда почти не будетъ вѣтру, надобно или буксироваться или съ теченіемъ входить. Мы стали на якорь противу перваго залива, подлѣ самаго города, котораго странный видъ крайне меня удивилъ: ибо нѣтъ никакого сравненія въ его наружности съ городами, видѣнными мною до сего времени. Красные рѣшетчатые балконы, закрывающіе все окно, улицы одна другой выше заслуживаютъ въ самой вещи похвалу трудолюбію Малтійцевъ.

Къ намъ пріѣхала карантинная лодка и съ Англійскаго Остъ-Индійскаго корабля Мадраса съ поздравленіемъ. Первѣйшая гавань, составляемая многими заливами, была наполнена транспортами для перевозу Англійскихъ войскъ готовыми. Капитанъ поѣхалъ на берегъ и воротившись позволилъ намъ осмотрѣть городъ. Съ нимъ пріѣхалъ нашъ консулъ, отправляющій также должность и Турецкаго консула, Антоніо К...... Онъ предложилъ намъ свои услуги для осмотрѣнія города. Мы уже отобѣдали; и я, смѣнившись съ вахты, съ нѣкоторыми изъ насъ въ провожаніи консула, поѣхалъ на берегъ. Тогда было уже три часа послѣ полудня. Онъ повелъ насъ въ свой магазинъ и рекомендовалъ мнѣ сына своего, любезнаго молодаго человѣка, недавно пріѣхавшаго изъ Константинополя. Мы какъ разъ съ нимъ подружились, тѣмъ паче, что онъ неглупъ и доброй весельчакъ. Нѣкоторымъ изъ насъ нужно было кое что купить. Отецъ его предложилъ дать денегъ, кому была надобность Всѣ мы были очень довольны симъ молодымъ человѣкомъ. Первое что мы видѣли была церковь святаго Іоанна Іерусалимскаго, такъ прославляемая всѣми путешественниками. Въ Мальтѣ нѣтъ улицъ, кромѣ одной съ площадью передъ самою церковью, прочія суть переходы между домами; по обѣимъ сторонамъ сдѣланы лѣстницы, и вы безпрестанно будете ходить по ступенькамъ: то съ горы, то на гору. Мало улицъ, кои бы шли прямо, прочія всѣ ведутъ на гору, по которой выстроенъ городъ. Каменный хрящъ острова покрытъ не болѣе какъ на четверть нѣкоего рода илистою или лучше мѣловою землею, на которой разводятъ хлопчатую бумагу и сѣютъ по мѣстамъ пшеницу. Церковь Іоанна съ наружности мало имѣетъ вниманія, кромѣ середины, которая украшена двумя статуями. За то внутренность оной возвышаетъ духъ прекраснѣйшей архитектурою и великолѣпіемъ. Полъ церкви составленъ изъ великолѣпныхъ мозаическихъ надгробныхъ каменьевъ, ибо въ ней хоронятъ всѣхъ кавалеровъ ордена, которые были дѣйствительно въ

Мальтѣ. Нѣкоторыя надписи относятся даже до крестовыхъ походовъ, каждый камень украшенъ мозаическимъ гербомъ или переченью подвиговъ кавалера, котораго соблюдаетъ онъ память. На одномъ представлено морское сраженіе, въ которомъ одержана побѣда Мальтійцевъ надъ Турецкимъ флотомъ; тутъ положенъ адмиралъ, который начальствовалъ надъ Мальтійцами. На другомъ представлена готическая пирамида, пополамъ переломленная; на иныхъ смерть приходитъ похищать кавалера, Словомъ, трудно выразить различности сихъ мозаиковъ, число коихъ можетъ простираться до двухъ тысячъ. Какой безподобный видъ! По сторонамъ церкви восемь отдѣловъ, кои занимаются памятниками всѣмъ гросмейстерамъ, начиная отъ перваго до послѣдняго, который былъ братъ кардиналу Рогану. Тутъ еще великолѣпія, вкусу и архитектуры нѣтъ возможности описать. Замѣтимъ два: одинъ въ предѣлѣ св. Георгія, гдѣ Арабы изъ бѣлаго мрамора поддерживаютъ гробницу, надъ которою виденъ бюстъ гросмейстера (какая прекрасная работа во всѣхъ частяхъ!), другой вылитъ изъ мѣди и заслуживаетъ также вниманія. Въ придѣлѣ св. Екатерины видѣлъ я двѣ безподобныя картины. Вы знаете, друзья мои, что съ основанія Мальты церковь Іоанна Іерусалимскаго была вниманіемъ всѣхъ гросмейстеровъ, потому все что̀ было рѣдкаго въ Европѣ переносилось въ Мальту и служило украшеніемъ церкви. Въ одномъ придѣлѣ есть мозаическій портретъ одного изъ гросмейстеровъ, который почитается рѣдкостію въ семъ родѣ. Чудно, какъ могъ мастеръ расположить тѣни на портретѣ; съ одной стороны, откуда свѣтъ, вы увидите прекрасное старинное лицо мозаическое, но прямо смотря покажется самой лучшей живописи. Кавалеръ сего ордена повелъ насъ въ подземелье, гдѣ лежатъ кости гросмейстеровъ, отличившихъ себя въ благополучіи Малтійцевъ. Зала не велика, имѣетъ свѣтъ сверху. По сторонамъ имѣетъ гробницы; на одной Филипъ Лислей-Адамъ (Philip Lisley-Adam), первый гросмейстеръ ордена; онъ лежитъ, т. е. изъ мрамора сдѣланная статуя, въ монашеской одеждѣ, лежитъ на гробницѣ или лежитъ камень на вершинѣ гробницы одинъ съ выпуклой статуею. Онъ первый, который еще во время крестовыхъ походовъ въ Іерусалимѣ, основалъ братство. Juan Baptiste de Dassetta, гробница съ вылитою въ выпуклость статуею находится подлѣ перваго. Онъ представленъ въ рыцарскомъ платьѣ съ сложенными на груди руками, которыя, если дотронешься, трясутся. Доска вылита изъ мѣди. Странно, для чего сдѣланъ онъ съ такою чудною идеею. Насупротивъ ихъ въ кардинальской одеждѣ Juan Diseri di Cachiera изъ глины. Первый былъ основателемъ города, а другой основателемъ церкви Іоанна Іерусалимскаго. Подлѣ его гробница, но я забылъ имя гросмейстера. Тутъ же находятся бюсты другихъ двухъ кардиналовъ Vugoni, который построилъ госпиталь для братства, и Vegalle, который

провелъ прѣсную воду въ городъ. Тутъ находится также небольшой придѣлъ, гдѣ отправляется по нимъ панихида. Кавалеръ вывелъ насъ отсюда и переходомъ ввелъ насъ въ церковь самую старинную, называемую св. Іоанна Іерусалимскаго. Она состоитъ изъ зала съ окнами въ верху. Стѣны украшены картинами, представляющими различныя дѣянія братства, представленнаго въ монашеской одеждѣ, краски картины показываютъ старинныя ихъ дѣла. На нѣкоторыхъ изображаются монахини сего же братства. Я спрашивалъ, неужели и они составляли рыцарство. Проводникъ нашъ разсказывалъ, что женщины кавалеровъ принимались также въ братство и получали орденъ; но должны были заключить себя на всю жизнь въ монастыряхъ, кои не иное что были, какъ госпитали, гдѣ они должны были прислуживать больнымъ кавалерамъ и иностранцамъ. Насопротиву дверей находится главная картина, занимающая почти всю стѣну; работа ея въ самой вещи заслуживаетъ вниманіе художниковъ, а особливо по своимъ тѣнямъ. На ней изображено усѣкновеніе главы Іоанна, но не знаю Крестителя или какого другого. Церковь сія есть также и зала, куда сбираются для рѣшенія споровъ или ученія. Изъ сей церкви пошли мы въ самый богатѣйшій отдѣлъ, называемый Magdalena. Тутъ находятся старинные образа писанные, какъ кажется, Греками. Престолъ отдѣляется серебряною литою рѣшеткою выше роста, и тутъ были три золоченыя паникадила огромной величины и многія другія утвари изъ сего металла и серебра. Теперь остались одна рѣшетка и паникадило, прочее было забрано набожными Французами при отправленіи ихъ изъ Мальты. Эти люди никогда не забудутъ оставить по себѣ память! Сказываютъ, что и самая церковь главная была также съ перилами, которыя перелиты въ деньги и употреблены на содержаніе Французовъ. Что̀ вы думаете, друзья мои, о сихъ великихъ людяхъ? Скоро ли прейдетъ ихъ царство? Старинные образа церкви кромѣ древности не представляютъ ничего любопытнаго. Оставя церковь Магдалины, провожатый почти со слезами разсказывалъ, что въ сіе время церковь Іоанна Іерусалимскаго оставлена для того, что она принадлежала собственно кавалерамъ ордена. Теперь ихъ нѣтъ болѣе въ Мальтѣ. Какъ досадно было сіе слышать; но со времени бѣшенства Вельшовъ *), ничего нѣтъ удивительнѣе какъ слышать такія вѣсти. Мальта, которая, въ теченіе трехъ вѣковъ, безпрерывно спорила съ Турками, оттирала ихъ силы, нанося вредъ, Мальта, по нѣкоторымъ переговорамъ, въ день сдалась Французамъ. Русскіе могли отнять ее, но представляли умственно обладателями себя, тогда какъ Англичане владѣли ею. Англичане уступили Французамъ и по переговорамъ снова сдали

*) Вельши—Французы. См. письма Екатерины къ Гримму. П. Б.

гросмейстеру. Увидѣли, что политика ихъ обратилась въ сторону настолько, чтобы снова отдать имъ. Теперь Англійскій флагъ раздувается на Малтійскихъ крѣпостяхъ. Послѣ толикихъ перемѣнъ могъ ли удержаться непорочный характеръ островянъ, и кавалеры, что̀ были должны дѣлать? Бѣжать, бѣжать отъ стыда!.. Жители говорятъ еще природнымъ языкомъ, т. е. Арабскимъ, но уже можно съ ними изъясняться на Французскомъ, Англійскомъ и Итальянскомъ. Боже, думали ли они когда-либо быть въ рабствѣ, когда сами никого такими не дѣлали! Милые мои, меня очень растрогала Мальта!

Главная катедральная церковь въ сіе время есть Петра и Павла. Распрощавшись со слезами съ Малтійцами, пошли мы въ нее. Тутъ застали мы богословской диспутъ, въ присутствіи, должно думать, епископа, ибо на груди у него нашитъ командорскій крестъ. Двое изъ монаховъ говорили попеременно, одинъ изъ нихъ предлагалъ, другой дѣлалъ возраженіе или соглашался; но это было такъ тихо и солидно, какъ нельзя лучше, совсѣмъ не такъ какъ въ парламентѣ Великобританіи, гдѣ спорятъ какъ пѣтухи и грызутся какъ собаки. Диспутъ былъ на Латинскомъ языкѣ, я ничего не разумѣлъ. Ни наружность, ни внутренность церкви не имѣетъ ни виднаго, ни отмѣннаго. Почти смерклось, когда мы вышли смотрѣть укрѣпленія города. Они совершенно содержатся въ порядкѣ. Англійскія войска здѣсь самыя лучшія. Есть одинъ бастіонъ называемый Аберкромбіевымъ, гдѣ погребенъ сей знаменитый генералъ. Въ углу бастіона поставлена будка, на сторонѣ которой, на мраморной доскѣ, надпись; черезъ нее спускаются внизъ, надобно думать, къ праху Аберкромбія. Вотъ что заслужилъ воинъ, покорившій Египетъ! Въ Англіи ставятся статуи въ Венстминстерѣ, здѣсь же надпись Амберкромбія на будкѣ, ничѣмъ не отличающейся отъ будки часовыхъ!

Октября 3-го. Капитанъ окончилъ свои препорученія, и мы на разсвѣтѣ стали готовиться въ путь. Около 9 часовъ подняли якорь; къ намъ пріѣхалъ консулъ, но моего пріятеля я не видалъ. Консулъ оставался у насъ даже до тѣхъ поръ пока мы далеко вышли изъ Мальты, и уже были въ открытомъ морѣ, когда онъ насъ оставилъ. Крайне было мнѣ жаль добраго старика, который былъ въ одномъ только кафтанѣ и въ холодный вѣтеръ довольно свѣжій принужденъ ѣхать на маленькой лодкѣ мили четыре.

Въ Мальту всѣ товары привозятся изъ Англіи и почти самыя провизіи оттуда доставляются. Жители въ сіе время должны непремѣнно обнищать; но Англійская политика всегда такова, чтобы въ завоеванной сторонѣ искоренить природныя произведенія и заставить ее поль-

зоваться собственно привозимыми изъ Англіи. Большая часть лавокъ занимаются Англійскими купцами. Дома почти не имѣютъ оконъ на улицу и ежели есть, такъ съ рѣшетчатыми балконами, сквозь которые нельзя видѣть кто будетъ на балконѣ; но за то съ балкона все видно, что̀ дѣлается на улицѣ. Домъ, занимаемый теперь Англійскимъ генераломъ Kreicz, былъ жилищемъ гросмейстеровъ; передъ нимъ прекрасная площадь, а внутренность, сказываютъ, заключаетъ превосходной работы мозаики и картины.

Октября 4-го. Мы сегодня по утру пришли къ нашему назначенію въ Сицилію, въ маленькой городокъ Августу. Входъ его довольно труденъ; но за то безопасенъ, и можно помѣститься множеству кораблей, гдѣ найдутъ покойное убѣжище отъ такого дурного времени, каково было вчера. Августа расположена на мысѣ, которой составляетъ собою по обѣ стороны прекрасные рейды. Входя въ главный, примѣчаютъ круглую крѣпость по серединѣ, отъ которой тянется къ материку рифъ, для чего надобно держаться къ самому берегу; есть также и подводный камень, котораго однакоже мы не нашли. Въ третьемъ часу положили мы якорь въ виду стариннаго маленькаго городка, противу самаго монастыря Францисскановъ, который, будучи на высокости, примѣтнѣе всѣхъ. Николай Алекс. послалъ меня къ губернатору города съ увѣдомленіемъ о своемъ прибытіи и что мы намѣрены исправляться. Губернаторъ изъ Ломбардіи, говоритъ хорошо по-французски, уже старикъ заслуженый. Очень ласковый былъ его пріемъ, и онъ пригласилъ меня къ себѣ на вечеръ, гдѣ будетъ société des militaires, собраніе военныхъ.

Отъ губернатора я пошелъ смотрѣть города вмѣстѣ съ нашимъ консуломъ. Городъ выстроенъ на развалинахъ стариннаго города, симъ именемъ извѣстнаго, опрокинутаго землетрясеніемъ въ 1697 году. Дома всѣ въ одинъ этажъ, и мало такихъ, кои бы имѣли болѣе десяти или пяти сажень. Нѣтъ ни кофейни, ни трактира, гдѣ отдохнуть; словомъ, видимъ, какъ должно будетъ намъ скучать. Вышли мы за городъ укрѣпленіями заслуживающими вниманіе и которыя отбили въ тоже время соединенную Португальскую эскадру. Прежде приходили сюда Мальтійскія галеры, и заготовлялся здѣсь провіантъ для всего ихъ флота. На горѣ находится за̀мокъ или лучше крѣпость, въ которой показываютъ и теперь еще ядра; но мы не любопытствовали. За городъ вышедши, консулъ повелъ меня смотрѣть, какимъ образомъ достаютъ здѣсь соль, производя ею главный торгъ. У моря, гдѣ низко или лучше гдѣ тверже грунтъ, разрываютъ и разчищаютъ землю, изъ чего составится маленькое озеро. Его окружаютъ каналомъ для большей сухости. Работа начинается въ Іюлѣ и продолжается до половины Сентября; но нынѣш-

ній годъ продолжается даже въ Октябрѣ. Озерко сіе раздѣлено на многіе четвероугольники имѣющіе между собою сообщеніе; сіи четвероугольники наполняются, или лучше пускается въ нихъ морская вода. Три дни надобно, чтобы солнце ихъ высушило; по прошествіи сего времени вода застынетъ совершенно какъ будто послѣ небольшого мороза; имѣетъ въ глубину не болѣе десяти дюймовъ. Еще столько же времени осядетъ соль дюйма на три, воду опять выпустятъ въ каналъ, и сбираютъ съ земли соль, которая ничѣмъ не уступаетъ нашей Крымской. Въ сіе время, если пойдетъ дождь, дѣло совсѣмъ будетъ испорчено, и надобно уже рыть другое мѣсто. Сгребаютъ соль въ кучи и даютъ еще ей сохнуть на солнцѣ, отъ чего она станетъ прозрачна и тверда. Опытность показала, что надобно сіи четыреугольники наполнять всегда въ разное время, отъ чего соль будетъ тверже и бѣлѣе, ибо не надобно также ей лежать долѣе извѣстнаго срока. Весь низменной приморской берегъ устланъ кучками соли, и суда подходятъ къ нимъ и грузятся. Воротившись въ городъ, въ одной скверной лавченкѣ приготовили для насъ кофей свареный безъ вкуса. Къ вечеру возвратился я на фрегатъ, чтобы приготовить себя къ званому собранію, извѣстному въ Италіи подъ именемъ conversacio.

Октября 5-го. Вчера я познакомился съ однимъ изъ здѣшнихъ бароновъ по имени don Pietro de Rossi (донъ Піетро Росси). Онъ пріѣхалъ со мною на фрегатъ и хотѣлъ самъ проводить насъ въ домъ къ губернатору. Въ 8 часовъ вечера почти всѣ наши офицеры болѣе изъ любопытства, чѣмъ для удовольствія, поѣхали на берегъ. Мы вышли и коекакъ пробралися къ его дому. Насъ встрѣтили на лѣстницѣ и проводили въ покой собранія. Въ самой вещи, около четвероугольнаго стола сидѣло и стояло болѣе 20 военныхъ офицеровъ, кои сейчасъ дали намъ мѣсто. Дамъ было только двѣ, изъ коихъ одна хозяйка Француженка лѣтъ семидесяти. Она управляла конверзаціей, будучи сама окружена полудюжиной собаченокъ. На столѣ играли въ банкъ, называемый здѣсь басетомъ; ставка была по двѣ копѣйки и не болѣе гривны. Насъ пригласили также заняться игрою, но мы отказались. Вотъ въ чемъ состоитъ конверзація: сбираются мущины и женщины, играютъ въ банкъ часовъ до 11 или полуночи, наконецъ расходятся. Посему разговоры относятся до игры. Губернаторъ распрашивалъ меня о новостяхъ, и въ сіе время для прохлажденія жаркаго нашего разговора подали стаканы съ водою! Онъ увѣдомилъ меня, что въ Августѣ придетъ изъ Балтики эскадра въ 9 судовъ, которую велѣно принять, какъ друзей, снабдить всѣмъ, что̀ только будетъ потребовано. Въ 10 часовъ мы разстались съ старикомъ, показавшимся мнѣ очень добрымъ, но такимъ бѣднякомъ, какъ наши

отставные прапорщики, хотя онъ и tenente del re т. е. подполковникъ. Его мадама, жена полковника одного его друга, убитаго на сраженіи, m-me de Montbare, въ такомъ почтеніи, что сердится, когда не скажутъ ей при каждомъ словѣ signora colonella.

Октября 7-го. Еще въ первые дни прибытія нашего въ Августу мы наняли домъ, по 5 талеровъ на мѣсяцъ, который былъ для насъ очень хорошъ потому болѣе, что здѣсь нѣтъ ни одного трактира, у насъ же было до семи умебилированныхъ и съ постелями покоевъ. Вчера мы ѣздили въ Брукулу, мѣстечко миляхъ въ 6 отъ Августы, гдѣ сказали, что есть старинный замокъ королевы Жуанны. Вмѣсто чаемаго мною вѣтхаго и огромнаго замка, въ небольшой четвероугольной крѣпости нашли мы четыре стѣны; это была тюрьма, куда посажена ихъ королева. Крѣпостца сія снабжена пушками и нехудо содержится. Комендантъ Брукулы, отставной маіоръ, приглашалъ къ себѣ и если мы намѣрены возвратиться каналомъ въ Августу, онъ прикажетъ приготовить лодку. Отобѣдавши въ одной избѣ, гдѣ наемный нашъ слуга приготовилъ курицу, рыбу и устрицы, по старанію одного офицера, къ которому было у меня рекомендательное письмо отъ моего пріятеля барона Росси, возвратились мы въ Августу. На дорогѣ были намъ изъ Брукулы спутниками одинъ молодой аббатъ и его родственникъ. Нельзя смѣшнѣе себѣ представить фигуру сего молодого баккалавра. Онъ былъ одѣтъ въ изношенные черные штаны и камзолъ съ кафтаномъ дикой пестрой китайки, заношенной отъ частаго и, я думаю, ежедневнаго употребленія. Куда годится твоя, Алексѣй, треугольная шляпа (помнишь ли?) противу шляпы на головѣ ученаго! Животное, на коемъ онъ ѣхалъ, было оселъ самаго малаго рода, мышастой шерсти, навьюченный мѣшками съ сѣномъ, которые опорожнялись; за плечами у него была ненастроенная гитара, на которой онъ сперва игралъ, соглашая свой голосъ, гимны, наконецъ, пѣсни. Мы помирали со смѣху во всю дорогу, издѣваясь надъ экипажемъ ученаго. Подъѣзжая къ Августѣ, встрѣтились съ однимъ Доминиканскимъ монахомъ, который совершенно былъ напротивъ товарища нашего ученаго. Онъ вступилъ со мною въ разговоръ и убѣдительно просилъ, когда я поѣду на Этну, чтобы пристать въ его монастырѣ, называемомъ S. Nicolo del Bari, находящемся на самой вершинѣ горы. Видъ изъ Брукулы самой величественный. Пространная губа Катаніи, покрытая судами и лодками, какъ зеркало гладкая, была вся открыта. Городъ Катанія съ башнями посерединѣ оной придавалъ много красоты, а Этна въ синей одеждѣ заключила всю картину. Отсюда до Этны 25 миль и если поѣхать по утру, то, остановившись въ Брукулѣ, сѣсть на почтовую лодку и, выѣхавъ въ 10 часовъ утра, можно черезъ два часа быть

въ Катаніи, оттуда въ монастырь S. Nicolo del Bari ночевать, а на разсвѣтѣ на вершину Этны, оттуда обѣдать къ моему знакомому, ночевать у Reverina Doria, которую вы знаете и которая теперь оперной дамою въ Катанскомъ театрѣ, отъ нея къ обѣду на фрегатъ. Итакъ довольно двухъ сутокъ осмотрѣть сіе мѣсто; оно славится древностію и Этною, которая останется навсегда самою удивительною вещью въ свѣтѣ. Вечеръ проводили мы въ одномъ собраніи или conversacio, мы были приглашены нашимъ консуломъ. Хозяинъ есть президентъ карантина, имѣетъ недурную очень пріятнаго лица и характера жену, съ которой можно было бы строить куры, если бы была надежда остаться долѣе. Впрочемъ нельзя жаловаться на пріемъ Августинской публики.

Октября 8-го. Воскресеніе. Я ночевалъ сего дня въ нашемъ домѣ; по утру мнѣ вздумалось предложить Николаю Алексѣевичу дать праздникъ городу. Онъ согласился, вина и водки было у насъ множество, стоило купить бездѣлицъ талеровъ на тридцать. Сумма денегъ была собрана, и я пошелъ къ старику-губернатору просить его съ дамами и кавалерами города проводить вечеръ въ нашемъ домѣ. Онъ обѣщалъ быть и хотѣлъ пригласить съ собою небольшую компанію.

Я припомнилъ небольшую исторію, которая случилась за три дни передъ симъ. Это было въ Пятницу, Никол. Алексѣев. уѣхалъ на берегъ и тамъ встрѣтился съ одной дамою, которая ѣхала въ каретѣ въ Августу. Онъ просилъ у нея лошадей, и она приказала своей каретѣ быть къ его услугамъ, сама сѣла въ лодку и, проѣзжая мимо фрегата, вздумала посмотрѣть. Лодка пристала; увѣдомили меня, что какая-то дама проситъ позволенія взойти на фрегатъ. Я вышелъ на верхъ. Видя что она не дурна и притомъ въ лодкѣ у нея двое слугъ въ ливреѣ, самъ принялъ. Она ходила по всему фрегату, была въ каютѣ и выпила рюмку вина, отблагодарила меня за учтивость и поѣхала въ лодкѣ къ городу. Другъ мой Росси пріѣхалъ черезъ часъ спустя, и когда я сталъ ему разсказывать о семъ, онъ говорилъ, что она съ нимъ встрѣтилась, и онъ видѣлъ, куда она вошла въ домъ. Она казалась лѣтъ въ двадцать-восемь, очень недурнаго лица и одѣтая въ черномъ платьѣ, что много придавало ей красоты и солидности. Разговоръ мой съ нею былъ очень труденъ не для того, чтобы я мало зналъ по-итальянски, но потому, что она говорила Сицилійскимъ языкомъ, которой хотя почти одинъ и тотъ же, но произношеніе портитъ почти все сходство, которое существуютъ между ими. Имя ее Lucrecia, baronnessa de M.... Такъ трудно выговорить, что я его позабылъ, слыша нѣсколько разъ.

Въ 5 часовъ вечера гости стали сбираться. Я былъ хозяиномъ (Ник. А. нездоровъ) и долженъ былъ принимать гостей. Губернаторъ

пріѣхалъ первый, за нимъ и прочіе, такъ что черезъ часъ, шесть нашихъ покоевъ такъ были натисканы, что дѣйствительно трудно было пробраться изъ одной горницы въ другую. Музыка была преполнѣйшая, не только полный оркестръ, но даже гитары и рога. Открылись танцы и игра въ банкъ. Пуншъ, вино, мороженое, кофей, лимонадъ безпрестанно подавались. Мнѣ не удавалось танцовать, потому что занимался я со старухами важнѣйшими изъ дворянства Августинскаго. Вдругъ я вижу въ углу знакомую мнѣ даму, и это Lucrecia. Она въ глубокомъ траурѣ смотрѣла на танцы. Первое мое движеніе было идти отдать ей мое почтеніе и сѣсть на пустой стулъ, случившійся по счастію подлѣ моей печальной рыцарши. Послѣ первыхъ привѣтствій и въ самомъ дѣлѣ я просидѣлъ лишніе полчаса, чувствуя почти удовольствіе говорить съ нею. Меня пришли просить, чтобы я танцовалъ, и за всѣми отговорками принужденъ былъ вести одну изъ лучшихъ дамъ, жену артиллерійскаго маіора, который непослѣднюю роль игралъ въ публикѣ. Контрадансъ кончился. Мнѣ показалась одна молодая и недурная собою дама, которая была очень веселаго нрава; я сталъ съ нею начинать другой контрадастъ и какъ я былъ веселъ, то мы болѣе бѣгали чѣмъ танцовали. Послѣ танцевъ я сѣлъ снова подлѣ Лукреціи. Мой другъ Петро Росси, пока я танцовалъ, сдѣлалъ ей великолѣпное обо мнѣ описаніе. Я спрашивалъ, почему она не танцуетъ. Caro signore! Я потеряла отца, у котораго была я только одна. Мнѣ множество остается дѣла, чтобы привести все въ порядокъ. Сюда я пріѣхала единственно по дѣламъ и на сихъ дняхъ должна возвратиться въ мою деревню отсюда не болѣе какъ на 20 миль и близко Сиракузъ. Я бы очень рада, если бы мой don Nicolo поѣхалъ провести въ моемъ уединеніи нѣсколько дней. Я благодарилъ ее, и мы положили въ Середу отправиться. Имѣете ли вы, мои друзья, такое воображеніе какъ я въ сію минуту? Я ожидаю тысячи удовольствій, а тѣмъ паче, что Лукреція сказала мнѣ, когда я твердилъ ей, что дружба ея для меня драгоцѣнна; но я ожидаю еще болѣе. Она сжала у меня руку. Я обманута мущинами, могу ли положиться на тебя? Lucrecia, я отвѣчалъ ей, время нашего знакомства коротко, я за себя могу стоять. Хорошо, когда мы можемъ видѣться наединѣ: ты узнаешь мою исторію. Ступай, танцуй и не подавай виду, что я тебѣ знакома. Чтò вы думаете о сей женщинѣ? Но я былъ очарованъ ею.

Съ какою пріятностію танцовала сія молодая веселаго нрава дама, которая доводится племянницей моему любезному Петру Росси. Онъ меня рекомендовалъ и ея отцу don Rosario Lactorino, какъ своего друга, а потому уже я могъ говорить съ прекрасной его дочерью, donna

Puda. Онъ принялъ меня со всѣми знаками дружбы. Мы выпили бутылку вина и сдѣлались друзьями; дочь его также была ко мнѣ ласкова и сулила пріѣхать на фрегатъ во Вторникъ. Дамы и мущины, какъ ни трезвы у себя, не пропускали никогда ни вина, ни пуншу, а потому около полуночи родилась такая веселость, какой я не видалъ еще даже въ Россіи. Стали танцовать тарантелу, самую веселую пляску, похожую на наши національные танцы. Самъ губернаторъ потерялъ свою важность и, чувствуя, что голова его тяжелѣе ногъ, изволилъ отправиться спать. Въ два часа послѣ полуночи кончились танцы. Лукреція сѣла въ одну карету съ доной Пудой и ея матерью доной Анною, что̀ подало мнѣ добрую надежду. Мущины оставались даже до разсвѣта.

Октября 9-го. Въ Августѣ кромѣ старинныхъ простыхъ укрѣпленій я ничего не видалъ. Мнѣ хотѣлось посмотрѣть монастырь и садъ принадлежащій Капуцинамъ. Вамъ извѣстенъ сей родъ монаховъ въ кофейныхъ зипунахъ, въ сандаліяхъ и подпоясанныхъ веревкою: но я дорого бы далъ, чтобы не пришло мнѣ въ голову сіе желаніе. Въ монастырѣ, гдѣ можетъ помѣститься до полутысячи жителей, въ длинныхъ коридорахъ, по обѣимъ сторонамъ наполненныхъ келіями, не видалъ я ни души, кромѣ намазанныхъ изображеній святыхъ. Но пришедши въ самое лучшее мѣсто монастыря, на площадку, съ которой прекрасный видъ, нашли трехъ монаховъ, которые, сложивши ноги и скинувши святую свою одежду, искали вшей и нимало не стыдились чужестранцевъ, которымъ мерзко было смотрѣть ни сихъ тунеядцевъ. Мы вышли въ садъ, но и тутъ кромѣ заброшенныхъ деревьевъ ничего не примѣтили. Послѣ такого непріятнаго и неожидаемаго мною удовольствія не найти въ семъ священномъ убѣжищѣ если не смиренность ихъ, смотря по наружности ихъ одежды, такъ хотя чистоту въ житіи и трудолюбіи! Кто хочетъ быть почитаемъ за свое смиреніе, долженъ быть чистоплотнымъ, и первое стараться имѣть опрятность въ одеждѣ, а напослѣдокъ уже искать спасенія для души. Капуцины, напротивъ, столь неопрятны, даже до отвратительности! Нѣсколько изъ нихъ сошли со мною на низъ въ садъ; но я такое малое къ нимъ имѣлъ вниманіе, что, если бы благопристойность не удержала, поколотилъ бы ихъ еще тою палкою, которая досталась мнѣ отъ Сомова въ Кронштадтѣ (ему же подарена въ Москвѣ); она неразлучна со мною и есть посохъ странствующаго вашего друга. Можетъ быть, воротясь въ отчизну, привезу съ собою одну лишь палку! Михель, ожидать ли мнѣ отъ тебя такого же повѣствованія, гдѣ, если ничего нѣтъ полезнаго, такъ по крайности худо написанный отчетъ въ путешествіи изгнанника?!

Около утра пришелъ нашъ фрегатъ Крѣпкой съ повелѣніями для флота и съ повелѣніемъ, доставя бумаги, воротиться въ Неаполь.

Вечеръ сего дня я проводилъ у донъ-Розаріа, гдѣ прекрасная его дочь пѣла и играла на гитарѣ. Она прекрасна, развязна и ласкова, шутки ея меня плѣнили и если бы время и не Италіянское обхожденіе препятствовали, можетъ быть я бы рѣшился остаться въ Италіи; но не вѣрьте, это была одна лишь мечта: я возвращусь въ отчизну и тогда уже, когда васъ не найду, стану искать Италіи и Августы.

Октября 10-го. Капитанъ фрегата Крѣпкаго г. Патаніоти, просилъ насъ къ себѣ обѣдать. Мнѣ никакъ не можно было ѣхать, первое, что я нездоровъ; другое, что получилъ поутру отъ барона письмо, въ которомъ увѣдомляетъ, что донъ Розаріо съ семьею, онъ съ женою и нѣкоторыя другія дамы, между коими и дона Лукреція, просятъ у меня позволенія посмотрѣть фрегатъ. Я тотчасъ отвѣчалъ ему, что буду радъ. Но надобно же, чтобы послѣ полудня полилъ проливной дождь, и погода перемѣнилась изъ ясной и прекрасной въ сырую и бурную. Петро Росси прислалъ ко мнѣ другое письмо, въ которомъ божится, что они не смѣютъ пуститься въ такое время, но въ первый ясный день они пріѣдутъ: донъ Розаріо извиняется также. Вечеръ проводили мы на Крѣпкомъ, а ночь на берегу.

Октября 11-го. Въ 9-мъ часу утра я получилъ письмо отъ дона Петро, въ которомъ пишетъ, что день сегодня хорошъ и они положили непремѣнно проводить вечеръ у меня. Я просилъ у капитана позволенія принять ихъ въ его каютѣ. Чтò можетъ сравниться съ удовольствіемъ, котораго я ожидалъ? Но какъ мнѣ прискорбно было, что послѣ вчерашняго голова моя болѣла, и я получилъ насморкъ отъ вечернихъ шалостей. Самъ баронъ пріѣхалъ около полудня и обѣдалъ со мною.

Выслушайте чудную черту моего пріятеля. Онъ изъ лучшей фамиліи въ Сициліи, родомъ изъ Палермы, одинъ сынъ у богатаго отца, лишился родственниковъ, промоталъ имѣніе и пріѣхалъ въ Августу поправить свое имѣніе; женился на дѣвушкѣ, которая по его словамъ не имѣетъ души, вдругъ изъ развращеннаго малаго сдѣлался самымъ строгимъ философомъ и первое разлюбилъ свою жену, второе вдался въ ученіе! Къ кому отнестись, чтобы сообразить такое противуположеніе? И кто можетъ проникнуть въ сердце человѣка, который старается загладить свои проступки въ молодости? Милые друзья, вотъ для насъ примѣръ, и примѣръ самый разительный. Исправленіе сродно для всякаго, но перемѣна жизни для меня непостижима и чтобы можно изъ бунтующихъ страстей въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ перемѣнить себя такъ какъ мой пріятель баронъ Росси, мнѣ невѣроятно, или надобно, чтобы онъ былъ слишкомъ несчастливъ. Теперь, какъ онъ говоритъ, почув-

ствовалъ я, что человѣку первая должность узнать себя въ естественномъ видѣ. Мнѣ сначала и въ голову это не приходило, но теперь я чувствую. Ученіе меня занимаетъ, и я, не имѣя времени обратиться на прошедшее, думаю, что грядущее должно быть располагаемо разсудкомъ. Я такъ полюбилъ дона Петра, какъ и онъ меня. Мы всякой день видимся, ходимъ за городомъ и вливаемъ другъ въ друга дружбу и искренность. У насъ неисчерпаемый источникъ разговора. Алексѣй, какъ пріятно найти человѣка состраждущаго въ иностранцѣ! Вотъ, милые, новый сотоварищъ, присообщите его къ нашей дружбѣ!.... Отъ роду ему есть-ли 25 лѣтъ, не знаю; но жена его такая же философка какъ и онъ: занимается одними дѣтьми, которыхъ у нихъ двое. Я не видалъ отъ нея, хотя и часто вижу, ни одной улыбки, не слыхалъ ни одного жаркаго слова, хотя она и молода. Ей не болѣе 17 лѣтъ, имя Роза. Но вмѣсто Розы лучше назвать Лилея. Талія у него средняя, лицо продолговатое, желтое, волосы черные, одежда? Сѣрый кафтанъ любимая. Говоритъ и пишетъ хорошо по-французски и англійски. Онъ страшный охотникъ до путешествій, хорошій физикъ и литераторъ; но поэзія его не имѣетъ жару и будто бы скрипитъ... Вотъ для васъ главныя черты моего знакомаго и друга въ Италіи. Онъ отправился за гостями, и возвратились часовъ около пяти съ слѣдующими: донъ Балтазаръ (братъ матери доны Жузеппы или Пуды), донъ Розаріо, Фаншета, жена дона Балтазара съ дитятей, дона Анна, дона Пуда, дона Лукреція, слуги и служанки, всего до десяти особъ. Я послалъ записку на Крѣпкой, чтобы Мордвиновъ пріѣхалъ съ кѣмъ-нибудь для компаніи. Нѣсколько спустя, пріѣхали еще нѣкоторые родственники сей фамиліи съ дономъ Петромъ.

Компанія очень увеличилась, мы сидѣли на шканцахъ, пили кофей, шутили, пока смерклось. Вниманіе мое раздѣлялось между милыми мнѣ женщинами. Вечеръ былъ самый прекрасный. Въ каютѣ дона Пуда взяла мою гитару и съ дономъ Балтазаромъ пѣла восхитительный дуетъ. Заставила и меня въ свою очередь пѣть. Соглашая кое-какъ гитару, пѣлъ я Итальянскую арію: Mio corpo, пѣлъ, mio cento etc. Почти тоже, что̀ наша Русская: «Не то чтобы печали» и пр., только разительнѣе еще. Всѣ слушали и къ стыду моему удивлялись. Мордвиновъ пѣлъ ее на Русскомъ. Словомъ, пѣніе родило у насъ меланхолію; всѣ умолкли, и всякой занялся съ собою. Я сидѣлъ подлѣ доны Пуды, она смотрѣла въ окно на воду, которая играла около руля. Милые, минута эта впечатлѣлася въ меня, и я не забуду ея. Я выглянулъ, и взоры наши сошлись внѣ. Сперва никто не начиналъ изъ насъ говорить; я даже дышать не смѣлъ. Она первая прервала молчаніе. Гдѣ вы слышали эту пѣсню? Она очень хороша. Въ Неаполѣ, но ее надобно выправить; она и у меня

есть. Я молчалъ, какъ будто ожидая своего приговора. Милая дѣвушка перемѣнила разговоръ. И у васъ въ Россіи дамы охотницы ли пѣть? Какъ же, но въ нихъ нѣтъ ни той живности, ни блеска въ глазахъ, какъ у васъ въ Италіи, какъ у милой доны Пуды! Тутъ невольнымъ волненіемъ взялъ ее за руку. Онѣ всѣ не стоятъ одного вашего нѣжнаго взора, signora! Ты ласкаешь меня былъ ея отвѣтъ. Она ударила меня по спинѣ и оборотилась къ компаніи, сказавъ съ тяжелымъ вздохомъ и если смѣю толковать въ свою пользу, то оно значило: я уже не для тебя, ты странникъ. Пока подали чай, она была погружена въ жестокую меланхолію, на глазахъ у ней блистали слезы. Я сидѣлъ подлѣ нея и держалъ еще руку ея въ своей. Въ шуму насъ не замѣчали, но мы хорошо читали наши сердца. Она наконецъ взяла опять гитару и съ своимъ учителемъ гитары, которой былъ тутъ же, играла прекрасныя пѣсенки своей отчизны, т.-е. Сициліи. Онѣ слишкомъ томны и невольно заставляютъ думать. Подали чай. Она совсѣмъ отъ меня отдѣлилась, ущипнувши меня за плечо. Донъ Розаріо, его шуринъ и я такъ стали опоражнивать рюмки, что славно было на насъ глядѣть. Дамы также не выпускали изъ рукъ стакановъ съ самымъ крѣпкимъ, но сладкимъ пуншемъ, и въ мигъ изъ меланхоліи родилась живость. Драшкевичъ, несчастной молодой человѣкъ, матросъ, взялъ скрипку и игралъ на ней съ пріятностію наши національные танцы. Я пользовался симъ случаемъ еще сказать нѣсколько словъ донѣ Пудѣ. Amabile, такъ я началъ, вы не хотите ли рюмку вина? Хорошо. Взяла бутылку и налила для меня и себѣ. Мой другъ, сказала, пусть эта рюмка изъ рукъ моихъ напомянетъ тебѣ въ веселой часъ обо мнѣ, я же никогда не забуду тебя и если даже будемъ мы далеко между собою. На рѣсницахъ у нея были слезы, у меня тоже выкатились двѣ. Я поцѣловалъ ея руку и сѣлъ подлѣ нея. Мы опять выглянули изъ оконъ. Don Nicolo, ты видишь молодаго маленькаго ребенка въ синемъ сюртукѣ. Это мой женихъ. Какъ онъ? Да, мы вмѣстѣ воспитывались, и я буду скоро его. Какъ онъ? Да, не обижай его и не удивляйся: еще прежде нежели онъ родился, я помолвлена за него. За него! Чудный человѣкъ, къ чему восклицанія, я не для тебя. Прости, можетъ быть никогда не увидимся. Сказала и, схвативши руку мою, пожала. Чтò вы думаете о донѣ Жузеппѣ? Какая твердость и равнодушіе! Чтò вы думаете, еще разъ? Она льетъ слезы и въ тишинѣ будетъ роптать вѣкъ свой, напослѣдокъ доброе ея сердце изсякнетъ, и она будетъ несчастнѣйшая женщина!

Стали танцовать, и мнѣ не удавалось больше сказать несчастной моей знакомой ни одного слова. Дона Лукреція, которая не спускала съ меня глазъ, видѣла каждое мое движеніе. Съ какою досадою смотрѣ-

ла на мои ласки къ донѣ Пудѣ, и съ какою холодною торжественностію приняла мои комплементы! Я спрашивалъ объ ея здоровьѣ; но отвѣты ея были такъ сухи и несговорчивы, что за всѣми усиліями не могъ добиться ея ласковаго взгляда. Самое мое состояніе требовало нѣкоего успокоенія. Душа такъ была сжата и столь сердце мое чувствовало то, чего не можно выразить иначе, какъ собственными чувствами.

Вино еще болѣе развеселило нашихъ гостей; дамы такъ были веселы, какъ нельзя болѣе. Танцы и пѣніе уступали одни другому. Мы шалили всѣ, кромѣ меня и, смѣю ли сказать, кромѣ двухъ, доны Лукреціи и доны Пуды. Пріятно видѣть въ другомъ одинакія чувства; но если бы можно было перелить ихъ въ душу друга? Ахъ, это предоставлено не для меня! Довольно друзья, что сія бумага принимаетъ мои повѣренности. Здѣсь я не имѣю друга, за то я пользуюсь вашею дружбою: Михель твоею, Алексѣй твоею и Фрицъ, ты не былъ для меня чужимъ; сердца наши такъ же освѣжались довѣренностію.

Било одиннадцать часовъ, когда гости хотѣли отправиться, но наканунѣ донъ Петро прислалъ ко мнѣ блюдо пирожнаго, и у меня еще было кое-что. Итакъ, мои милые гости подкрѣпили себя до полуночи. Дона Лукреція позабывала свою обиду и уже уступала моимъ ласкамъ. Близко полуночи я поѣхалъ провожать ихъ, мы выпили на пристани, и я подалъ руку донѣ Лукреціи. Всякой былъ веселъ, шутили; но на сердцѣ у меня лежала горесть; всякой шелъ съ подругою, солдатской офицеръ велъ дону Пуду. Мы заключали нашу компанію. Тутъ снова принялся я говорить съ истинною чувствительностью донѣ Лукреціи. Отвѣтъ ея былъ продолжительная исторія ея жизни, а заключеніе слѣдующія слова: я не сдѣлаю себя въ другой разъ обманутою, или жертвою обмана я не стану въ другой разъ. Что̀ мнѣ было отвѣчать и, не прижавши ея, сказать: ты права, я иностранецъ, забудемъ прошедшее; но станемъ иногда приводить себѣ на память наше знакомство въ Августѣ. Вотъ ея исторія. Отецъ доны Лукреціи былъ изъ знатныхъ и богатыхъ гражданъ Сициліи и житель Сиракузъ, гдѣ она родилась и воспитана. При жизни еще отца она росла сиротою, ибо мать умерла много времени прежде ея родителя. Чувствовала, что она баронесса и не занималась кромѣ пустого тщеславія получить знатное имѣніе и жить по своей волѣ. За нее сватались, но она и отецъ искали не деревенскаго жителя въ мужья, но какого нибудь изъ знатныхъ вертопраховъ столицы. Явился такой, живетъ съ нею подъ одною кровлею, однакоже не мужемъ, а такъ, какъ cavalero servento, что̀ почти одинакое съ чичибеемъ нашимъ. Параличъ лишаетъ ея отца, котораго невниманіе къ ней самой и ея пове-

денію мало составляли ея потерю. Она предалась совершенно на волю вертопраха, который, живучи съ нею въ ея домѣ, мечталъ только устроить погибель доны Лукреціи и насытить свои прихоти. Наличныя деньги послѣ отца были промотаны, проиграны и употреблены на пустыя желанія дорогого вертопраха. Ей не можно было остаться болѣе въ Сиракузахъ, слава ея почернѣла. Дона Лукреція стала не благородною дѣвушкою въ домѣ, доселѣ уважаемомъ, но служила укоризною прочимъ. Она удалилась въ свою деревню и любовникъ съ нею. Онъ мало жилъ съ нею: ѣздилъ беспрестанно въ городъ, игралъ, проигрывалъ и должалъ, ожидая перевести вскорѣ капиталъ ея къ себѣ и расплатиться. Много прошло времени, и дона Лукреція примѣтно нищала; наконецъ любовникъ не возвращается, но пишетъ, что онъ посаженъ за долги и буйство въ тюрьму, пишетъ и проситъ ея помощи. Первое ея движеніе было оставить неблагодарнаго, нанесшаго ей и дурную славу, и столько огорченій, второе—выкупить онаго. Дона Лукреція продаетъ часть своего имѣнія, такъ что у нея осталось не болѣе 1000 дукатовъ ежегоднаго дохода. Чичисбей выкупленъ великодушнѣйшею изъ женщинъ: будь счастіе твое составлено навѣки! Любовникъ снова вкрадывается въ ея довѣренность, и онъ поселяется къ ней въ домъ. Но онъ уже охладѣлъ въ сердцѣ Лукреціи, она искала случая сбыть его съ рукъ. Чичисбей примѣчаетъ это, умножаетъ свои притворныя ласки, и она забываетъ время. Между тѣмъ положили переселиться изъ Сициліи. Дона Лукреція продала все свое имѣніе, выключая маленькаго помѣстья, которое занимала на то время. Любовникъ видитъ, куда положены деньги, крадетъ ихъ и оставляетъ Лукрецію. Она ожидаетъ его возвращенія; текутъ дни, недѣли, а чичисбей не возвращается. Все кончилось для несчастной, она хватилась денегъ и видитъ пустыя бумаги, нѣтъ ни векселей, ни денегъ, ни любовника. Тутъ узнала она несчастіе, клянетъ весь свѣтъ. Но чѣмъ пособить? Слезы сперва лились, послѣ этого надѣла вѣчный трауръ. Теперь пять лѣтъ она проводитъ въ уединеніи, и слуха нѣтъ, куда дѣвался любовникъ. Августа осталось одно мѣсто, куда она ѣздитъ къ старой родственницѣ, которая только одна ея не покинула. Прочіе и знать теперь ее не хотятъ. Она окончила свою исторію, которую я слабо начерталъ для васъ, мои друзья. Итакъ теперь я права, мой другъ, сказала мнѣ, если кромѣ дружбы, кромѣ тихаго уединенія не могу тебѣ предложить. Пріѣзжай ко мнѣ, мы будемъ наслаждаться дружбою. Она прижалась ко мнѣ, и слезы наши смѣшались. Я радъ бы былъ плакать: такъ тяжело мнѣ видѣть обманутую. Если въ сей картинѣ, друзья мои, не найдете вы разительнаго примѣра, то что же будетъ съ бѣдною Лукреціею? Если описаніе мое не тронетъ васъ, такъ я одинъ пораженъ имъ до глубины сердца. Ахъ, мои милые, не судите легковѣрно обо мнѣ и

согласитесь, что дона Лукреція счастливѣе доны Пуды, которая еще должна будетъ лить слезы, а сія видѣла уже себя несчастною.

Еще нѣсколько минутъ, и мы пришли къ дону Розаріо, откланялись и простились до свиданія; однакоже на вѣкъ, какъ кажется, ибо пришелъ ночью Венусъ изъ эскадры, и намъ велѣно соединяться съ командоромъ. На разсвѣтѣ подняли мы якорь, и прощайте, милые, прощай Августа, которая напомнила мнѣ о должностяхъ. Прости и годъ пребыванія моего внѣ отечества!.. Простите и вы, друзья мои. На семъ кончу я описаніе пребыванія нашего въ Августѣ. Скажу еще несчастную черту города. Въ 15-мъ столѣтіи землятресеніемъ опрокинуло городъ, жители убѣжали, оставя свои дома и имущество. На рейдѣ было пять Мальтійскихъ галеръ; онѣ постарались, во время общаго смятенія, выбрать изъ города, церквей и домовъ все, что̀ стоило денегъ и деньги. Жители опомнились, возвращаются въ городъ и видятъ его опустошеннымъ болѣе человѣкомъ, чѣмъ природою. Мальтійскихъ галеръ уже не было, онѣ такъ же скрылись. Съ тѣхъ поръ пустѣетъ городъ, и кто могъ пристроить къ остаткамъ прежняго дома или построить другой, остался жить, а прочіе пошли скитаться по свѣту.

Въ 7-мъ часу утра снялись мы съ якоря и пошли къ эскадрѣ 12-го числа.

Не хочу перечитывать, но оставлю въ такомъ видѣ, какъ я чувствовалъ и писалъ. По исправленіи не остались бы тѣже чувства, а что̀ писалъ, то копировано изъ сердца. Простите! Октября 19-го.

ДНЕВНИКЪ ИВАНА МИХАИЛОВИЧА СНѢГИРЕВА *).

1863-й годъ.

Январь. 1. Послѣ ранней обѣдни въ своей приходской церкви пѣли у меня на дому молебенъ съ водосвятіемъ Спасу и Божіей Матери. Я сдѣлалъ визиты В. С. Сергѣеву, князю и княгинѣ Лобановымъ, П. П. Корнилову, А. И. Оверу, кн. М. А. Оболенскому, кн. Н. И. Трубецкому, А. И. Лобкову, С. В. Раевскому. Зашелъ въ Успенскій соборъ принять благословеніе и поздравить съ Новымъ годомъ преосв. Евгенія, служившаго за болѣзнію митроп. Филарета. Вечеромъ занимался окончаніемъ описанія Новоспасскаго монастыря.

2. Справлялся съ книгами въ Музеѣ, обѣдалъ у г. Погодина, отъ него пѣшкомъ до Смол. р.

4. Я обѣдалъ у д. Ційма, гдѣ нашелъ тетку А. Ѳ. Кондратьеву съ дочерями Лизой и Натальей и у нихъ ночевалъ. Безъ меня вечеромъ пріѣхала изъ Мценска Анна Андреевна съ сыномъ.

5. Поутру съ теткой я ѣздилъ на богомолье въ соборы, Чудовъ и Вознесенскій м. Оттуда она заѣхала ко мнѣ въ домъ. Отъ себя я проводилъ ее до зятя ея въ Хамовническія казармы, гдѣ и ночевалъ. Познакомился у нихъ съ г-жею Стрижевскою.

7. Поутру я былъ на панихидѣ В. А. Полякова въ ц. Св. Николая Красный Звонъ и обѣдалъ у наслѣдниковъ, гдѣ познакомился съ замѣчательнымъ купцомъ Ѳ. М. Антоновымъ, опытнымъ и смышленымъ.

10. Въ Оружейной Палатѣ взялъ у г. Филимонова расходную книгу 1616 г. Прошелъ къ кн. М. А. Оболенскому, у котораго засталъ обѣдъ и просидѣлъ съ нимъ до 10 ч., прочелъ съ нимъ достопамятности Новоспасскаго м. Онъ мнѣ читалъ ст. о Русинахъ. Еще поутру я былъ у В. П. Нечаева, потомъ у доктора Овера, который совѣтовалъ мнѣ приставить отъ круженія головы піявокъ, принимать порошки его и мазать больную ногу оподельдокомъ.

*) См. выше, стр. 295.

13. Съ г. Кацари я ѣздилъ къ г. Колошину и г. Погодину, который уѣхалъ съ Мамонтовымъ въ Спб.

17. Рано всталъ, ходилъ къ ранней обѣднѣ въ ц. Троицы на Листахъ. Отъ священника я слышалъ о свѣчѣ, начиненной порохомъ и поставленной въ часовнѣ у Каменнаго моста предъ Богоявленіемъ, объ епископѣ Алексіѣ Симфер., холодно принятомъ Императрицею, объ атеистѣ Фейербархѣ и Штраусѣ, написавшемъ опроверженіе своего нечестиваго ученія.

18. Съ Андреемъ я ѣздилъ къ В. П. Нечаеву, и у него обѣдали; отъ него въ Донской м. къ преосв. Евгенію принять отъ него благословеніе, но онъ озабоченъ былъ смертію Смарагда.

22. Съ А. А. Мартыновымъ я ѣздилъ въ Покровскій м. къ архим. Паисію посмотрѣть собраніе видовъ монастырей Русскихъ.

29. Все утро за статьею о Греческомъ иконописаніи, вечеромъ на имениномъ балу у И. П. Сазикова.

Февраль. Мой Андрей ѣздилъ въ собраніе, гдѣ ударилъ по рожѣ Поляка-студента за то, что сей дерзко ругалъ Государя Императора. Мой поступилъ благородно, какъ вѣрноподданный своего царя. Мнѣ испытаніе. Развѣ только Богъ милостивъ и для грѣшника.

4. Зашелъ къ П. П. Боткину, который подарилъ мнѣ чаю; купилъ рыбы и икры.

7. Я ѣздилъ къ В. П. Нечаеву, ему отдалъ статью о Греческой иконописи. Поговоривъ съ нимъ и замѣтивъ ему нескромность обо мнѣ, я отправился въ Донской м. къ преосв. Евгенію, передалъ ему поклонъ отъ митроп. Кіевскаго Арсенія. Когда къ нему пріѣхали викарій Савва и архим. Игнатій, я уѣхалъ.

10. На гуляньѣ видѣлъ необыкновенное безчинство и пьянство.

13. По просьбѣ Н. Павлова, я написалъ статью объ ефимонахъ въ Донскомъ м., о сборномъ воскресеньи и о пѣвчихъ митр. въ ц. Шереметевской больницы; ѣздилъ къ Погодину.

14. Отвезъ свою статью къ Павлову, у посредника Лопухина взялъ форму на выкупъ крестьянъ; послѣ часовъ въ Успенскомъ соборѣ зашелъ къ помощнику синодальнаго ризничаго для справокъ съ древними синодиками XVI и XVII в. о сборномъ воскресеньи, опять зашелъ къ Павлову съ дополненіемъ къ моей статьѣ. П. обѣщалъ доставить мнѣ слѣд. деньги, но не доставилъ.

16. Съ Божіею помощію я окончилъ описаніе Новоспасскаго м. и отнесъ послѣднюю корр. въ типографію Бахметева, завернулъ къ г. Павлову, который сказалъ, что говорятъ, будто отъ моей статьи пахнетъ ладаномъ. Чортъ ладану не любитъ. Поздравилъ Стрѣшнева и Н. В. Сушкова съ причащеніемъ св. Тайнамъ. Онъ меня довезъ до преосв. Леонида для поздравленія его со днемъ его рожденія, но я его не засталъ.

21. Послѣ заутрени я ѣздилъ къ г. Погодину и у него оставилъ собраніе автографовъ: Богословіе, писанное митроп. Платономъ для гр. Остермана, мнѣніе о Наказѣ Екатерины II, рескриптъ Александра I и письмо Каподистріи.

25. На Кузнецкомъ мосту наскакала было на меня пара бѣшеныхъ лошадей, но вдругъ своротила на стоявшихъ у магазина извозчиковъ, перебила ихъ, переломала сани и бросилась къ Никольскимъ воротамъ. Видимо Богъ сохранилъ меня. Благодареніе Ему! Въ полночь былъ пожаръ въ Каретномъ ряду: сгорѣла строительная контора.

26. Съ А. А. Мартыновымъ ѣздилъ въ Покровскій м. къ архимандриту Паисію по дѣлу, да въ Новоспасскій м. къ архим. Агапиту на счетъ описанія ихъ монастырей.

Мартъ. 4. Въ полночь нанятый отъ Красноглазова дворникъ надѣлалъ въ кухнѣ съ Трофимомъ, какъ безумный, безпокойство, кричалъ караулъ, билъ окна и взятъ на съѣзжу.

5. Заходилъ къ П. П. Боткину, который подарилъ мнѣ чаю, къ В. А. Сапѣлкину, казалъ ему описаніе Геѳсиманскаго скита. Андрей пріѣхалъ отъ кн. Гагарина въ разстроенномъ видѣ и, повидимому, нетрезвымъ, ушелъ и дома не ночевалъ.

6. Ночью пришелъ въ безобразномъ видѣ Андрей съ квартальнымъ Разумовскимъ и мнѣ не далъ ни сна, ни покоя за полночь.

10. Зашелъ помолиться въ ц. Трехъ Радостей, обѣдалъ, по приглашенію, у П. П. Боткина, съ которымъ поговорилъ о своихъ дѣлахъ. Повидимому, онъ принялъ дружеское участіе.

12. Съ В. П. Боткинымъ я осматривалъ Романовскій дворецъ, отъ брата его П. П. получилъ 10 р. с. Я прошелъ къ кн. М. А. Оболенскому, у котораго обѣдалъ. Онъ мнѣ отказалъ въ 30 р., необходимыхъ для отправленія въ Спб. его крестника, моего сына Андрея. Эгоисты!

13. Ночью на этотъ день въ Каретномъ ряду зарѣзанъ неизвѣстными людьми купецъ Слезкинъ съ женою, мальчикомъ и извозчикомъ.

14. Поутру я ходилъ ко Кресту осмотрѣть тамъ три часовни, за-

шелъ къ иконописцу Леонтію Петрову, оттуда проѣхалъ въ Черткову библіотеку къ П. И. Бартеневу.

15. Я зашелъ къ гражданскому губернатору кн. Оболенскому, которому жаловался на безчинные поступки сына моего Андрея и просилъ его дать мнѣ средства къ исправленію и усмиренію его. Онъ выслушалъ благосклонно меня и обѣщалъ призвать его къ себѣ для вразумленія.

16. Праздникъ Похвалы Богородицы. Отъ ранней обѣдни у Троицы на Листахъ я проѣхалъ въ Успенскій соборъ къ обѣднѣ въ Юго-восточной главѣ, потомъ зашелъ въ Патріаршую ризницу къ о. Іосифу, у котораго встрѣтилъ архим. Амфилохія. Андрей ѣздилъ къ гражданскому губернатору по призыву.

17. Обѣдалъ у именинника А. А. Медынцева, у котораго я встрѣтился съ М. П. Щепкинымъ.

29. Зашелъ въ Успенскій соборъ, гдѣ протопресвитеръ меня соборовалъ св. елеемъ. Отъ ризничаго я получилъ гущи отъ мѵра; былъ у В. П. Нечаева. Ночью при поручикѣ Разумовскомъ жена бѣсилась и бранила меня, такъ что сынъ принужденъ былъ связать ей руки. Она ушла на съѣзжу жаловаться на меня и на сына, который ее обругалъ. Я посылалъ туда Андрея и самъ ходилъ къ ней, но она не пошла со мною домой. Мнѣ плюнулъ въ глаза сынъ; мнѣ пришлось подражать Іисусу Христу.

30. Не спавши цѣлую ночь, я слушалъ заутреню въ своемъ приходѣ, потомъ ѣздилъ къ А. А. Мартынову, прошелъ отъ него въ Успенскій соборъ и въ Сѵнодальную ризницу, потомъ встрѣтился съ кн. М. А. Оболенскимъ и осматривалъ Вознесенскій м., гдѣ попалась намъ М. Л. Грушецкая, монахиня. Обѣдню я слушалъ на Троицкомъ подворьѣ, гдѣ служилъ митроп. Филаретъ.

31. Къ началу заутрени я ходилъ въ церк. Спаса во Спасской, гдѣ помянулъ родителя митроп. Платона, оттуда къ заутренѣ въ свой приходъ, а къ обѣднѣ на Троицкое подворье, гдѣ похристосовался съ митроп. Филаретомъ; дома разговѣлся пасхою. Я ходилъ и ѣздилъ съ визитами къ И. И. Сечинскому, Н. В. Сушкову, А. Д. Ивинскому, гражданскому губернатору, Н. В. Исакову, графу Закревскову, князю Н. И. Трубецкому, И. И. Давыдову, А. И. Лобкову. Ко мнѣ пріѣзжалъ съ визитомъ М. Я. Рюминъ; у меня обѣдалъ г. Ундольскій, съ которымъ я былъ у вечерни въ ц. Св. Николая въ Грачахъ.

Апрѣль. 2. Не заставъ дома М. Д. Быковскаго, заходилъ съ визитомъ

къ П. П. Боткину и къ паст. Лютеранской церкви Дикгофу, слушалъ новый колоколъ отъ Прусскаго короля.

3. Навѣстивъ Г. В. Грудева и Ю. Н. Бартенева, прошелъ къ Н. В. Сушкову, у котораго встрѣтилъ преосв. викарія Леонида и военн. ген.-губернатора Тучкова, съ ними христосовался. Тамъ познакомился со мною въ образѣ послушника Александръ Павловичъ Башуцкій, писатель-странникъ.

4. Навѣстилъ М. П. Погодина, у котораго встрѣтилъ кн. А. А. Щербатова и обѣдалъ; оттуда прошелъ къ кн. С. Н. Урусову.

5. Послѣ ранней обѣдни я ходилъ къ И. Д. Бѣляеву, отъ него къ г. Погодину, у котораго обѣдалъ.

9. Я ходилъ къ гражданскому губернатору кн. Оболенскому на счетъ Андрея, котораго онъ защищалъ, не зная всѣхъ обстоятельствъ его характера; видѣлся съ А. С. Оверъ; просилъ губернатора и ее объ опредѣленіи В. С. Сергѣева къ мѣсту, оставилъ имъ объ немъ записку.

16. Я ходилъ къ Н. Ф. Павлову сообщить ему некрологію о. Герасима Петр. Павскаго и о покушеніи Польскихъ инсургентовъ взять Почаевскую лавру.

17. Поговоривъ съ Подклюшниковымъ, я прошелъ въ Успенскій соборъ, гдѣ за болѣзнію митроп. Филарета служилъ обѣдню преосв. Леонидъ, а съ нимъ молебенъ архіеп. Евгеній. Послѣ молебна купецъ Ласкинъ явился, какъ представитель народа, съ предложеніемъ отслужить ему на Царской площади благодарственный молебенъ. Митроп. Филаретъ служилъ молебенъ съ архиман. Агапитомъ, протопресвитеромъ и пр. При чтеніи арх. молитвы преклоняли колѣни, при возглашеніи многолѣтія раздалось ура по всей площади, пальба и звонъ колоколовъ.

20. Зашелъ къ И. И. Сечинскому, которому прочелъ статью свою о молебнѣ народномъ 17 Апрѣля. Онъ хвалилъ ее.

21. У протопопа Никитскаго Платона Капустина третьяго дня сгорѣлъ домъ и двое дѣтей.

22. Былъ у полицмейстера Сечинскаго для объясненія буйныхъ и дерзкихъ поступковъ моего сына Андрея. Онъ хотѣлъ сообщить Мѣщанской части приставу на всякій случай, между тѣмъ совѣтовалъ написать Государю объ опредѣленіи его на Кавказъ. По возвращеніи домой я ходилъ съ Трифономъ на Грачевку и Трубу отыскивать заложенный Андреемъ самоваръ у Жидовъ. Вечеромъ онъ пришелъ съ съѣзж. писаремъ, кричалъ, буянилъ, бранилъ неприлично мать и меня и ушелъ съ писаремъ. О его поступкахъ я писалъ частному приставу.

23. Зашелъ къ г. Павлову, умѣющему мастерски проводить ложными обѣщаніями. У меня обѣдалъ квартальный Разумовскій съ женою. Андрея я засталъ спящаго. По требованію частнаго пристава, Андрей далъ подписку квартальному о прекращеніи пьянства и буйства у меня въ домѣ. Этотъ день я кончилъ молитвою.

24. Былъ въ крестномъ ходу, служилъ викарій Савва; говорилъ съ П. П. Боткинымъ, зашелъ чай пить къ М. Л. Грушенкой въ Вознесенскій м. и тамъ же къ 80-лѣтней инокѣ Мареѣ, которая лѣчитъ.

25. Я ходилъ на Тверской бульваръ для извѣстной цѣли, но съ Андреемъ опоздалъ.

26. Андрей видѣлъ во снѣ, что явился ему Спаситель съ ангелами, которому онъ исповѣдывался въ грѣхахъ своихъ. Спаситель написалъ въ книгѣ: прощаю. Когда Андрей поцѣловалъ сіи слова, Спасъ, закрывъ книгу, отдалъ ее ангеламъ и исчезъ. Слышалъ отъ Маргаритова, что сынъ ростовщика Соколова застрѣлился въ четыре пріема и когда его умиравшаго спросили, отъ чего онъ убилъ себя, онъ отвѣчалъ: «отецъ мой знаетъ объ этомъ». Предъ концомъ своимъ все крестился.

Май. 1. Съ Андреемъ ходилъ на Трубу къ Жидамъ выкупать заложенныя вещи: ризу на Б. М., самоваръ, звѣзду съ фракомъ, Митрофаново пальто.

3. Проѣхалъ къ г. Погодину, который совѣтовалъ мнѣ написать министру военныхъ дѣлъ Димитрію Алексѣевичу Милютину объ опредѣленіи сына на Кавказъ.

4. Написавъ письмо къ военному министру объ опредѣленіи Андрея въ службу, я самъ отдалъ его на почту. Видѣлъ вырытыхъ много дерев. гробовъ на мѣстѣ церковн. лавокъ и въ одномъ вериги, кои я просилъ священника сохранить въ церкви.

5. Андрей въ Марьиной рощѣ прибилъ извозчика бутылкой и съ нимъ попалъ на съѣзжу, гдѣ помирился за 5 р.с. Какія мнѣ непріятности! Все это пьянство и своеволіе. Тамъ онъ былъ съ келейникомъ митропол. Я прошелъ въ Покровскій м., гдѣ засталъ еще обѣдню, которую служилъ архим. Амфилохій, мнѣ очень обрадовавшійся. Я обѣдалъ съ нимъ у архим. Паисія; отъ него получилъ за 10 экз. моей статьи о Покровскомъ м. Онъ отпустилъ меня въ своемъ экипажѣ. Въ 8 час. вечера было затменіе солнца.

6. Память матушки моей II. II. Поутру я ходилъ на Лазарево кладбище, гдѣ служилъ до заутрени на ея могилѣ панихиду; обѣдню слушалъ въ ц. Св. Трифона, отпѣлъ ему молебенъ. Народу было довольно. Дома

блинами помянулъ матушку. Пріѣзжалъ А. В. Хрущевъ. Я ходилъ въ Вознесенскій м. къ монахинѣ Маѳѣ Семеновнѣ за лѣкарствомъ Андрею.

8. А. И. Лобковъ прислалъ ко мнѣ съ поздравленіемъ Проповѣди митроп. Филарета. Пріѣзжалъ А. П. Извольскій. Мнѣ принесли на именины три пирога. Обѣдалъ я дома съ женою и сыномъ.

12. Послѣ ранней обѣдни у Св. Ермолая я навѣстилъ протоіерея А. М. Сперанскаго, прошелъ къ г. Погодину, который подарилъ мнѣ изображеніе Св. Кирилла и Меѳодія и отдалъ за рукописи митроп. Платона XXX р. Я у него обѣдалъ. Онъ просилъ меня писать замѣтки объ извѣстныхъ мнѣ событіяхъ и лицахъ.

16. Семикъ. Утромъ я ходилъ къ Спасу во Спасскую къ священнику И. А. Веніаминову. Въ 10 часу прибылъ съ архим. Павломъ преосв. Евгеній. Въ ц. служили панихиду по митроп. Платонѣ и его отцѣ, іереѣ Георгіи Даніиловѣ, два священника съ діакономъ и пѣвчими; на памятникѣ пѣли литію. Преосвященнаго встрѣтили и проводили звономъ. Народу собралось множество.

22. Былъ у А. А. Мартынова, у котораго встрѣтился съ г. Нефедьевымъ. Онъ меня угостилъ обѣдомъ въ трактирѣ. Купилъ женѣ на два платья у Битепажа, женѣ и себѣ чулки.

27. Написали запродажную запись на Подчерное, которою недоволенъ былъ г. Хрущевъ. Споръ въ 40 и 30 дес.; за первыя назначилъ было 14500 р. с.

28. Поутру я ѣздилъ къ г. Хрущеву, у котораго съ Еланскимъ долго толковали о цѣнѣ имѣнію моему, за которое онъ давалъ 12 т. Я просилъ 13. Г. Х. представлялъ всѣ выгоды его, между двумя городами Орломъ и Мценскомъ въ близкомъ разстояніи, и обѣщалъ найти выгоднѣйшаго покупщика. Я обѣдалъ на новосельи у Г. М. Крашенинниковой. Дома я засталъ слѣды буйства Андреева: разбитыя стекла и квартальнаго съ солдатами, а его безобразно спящимъ. Я подалъ объявленіе частному черезъ квартальнаго Лазовскаго.

29. По просьбѣ Болгарскаго архимандрита Софонія, я написалъ письма къ митроп. Исидору и къ духовнику В. Б. Б. и отдалъ ихъ г. Ундольскому. Порѣшили дѣло о продажѣ имѣнія моего Подчерное Еланскому, составили росписку. Я проѣхалъ къ преосв. Евгенію, у котораго засталъ Могилевскаго архіеп. Евсевія Орлинскаго, мнѣ знакомаго, ѣдущаго на епархію свою въ опасности. По его свидѣтельству, онъ проѣхалъ 6500 верстъ.

Іюнь. 1. Зашелъ къ г. Данилову, у котораго видѣлъ невѣсту Андрея Елисавету Павловну, изъ себя красивую и смышленую; въ ней нѣчто Польское есть.

2. Обѣдалъ у В. А. Куманина на праздникѣ освященія храма. Обѣдъ былъ роскошный. Тамъ я встрѣтился съ ген.-лейт. Чагинымъ, который подарилъ мнѣ на память звѣзду Станисл. На дорогѣ мнѣ попались Орловъ и Андрей на верх. лошади. Вопреки ему, я зашелъ къ Данилову, поговорилъ съ Е. П. Замѣтивъ, что она съ душкомъ, а ушелъ. Андрей выказалъ свой норовъ.

4. У ц. Св. Бориса и Глѣба у Арбатскихъ воротъ я встрѣтился съ Андреемъ и Даниловымъ; зашли въ булочную, гдѣ увидѣлся съ княземъ В. Одоевскимъ, который звалъ меня къ себѣ обѣдать въ Пятницу. Попались профессора Усовъ и Бѣляевъ.

5. Съ Богомъ я началъ составлять записки изъ своей жизни *). Былъ у меня Н. Даниловъ, который испросилъ у меня дозволенія переѣхать ко мнѣ въ домъ въ мезонинъ.

7. Зашелъ въ библіотеку къ г. Бартеневу, въ Управу Благочинія за справками, обѣдалъ у кн. В. Ѳ. Одоевскаго съ Соболевскимъ. Послѣ обѣда видѣлся съ зятемъ Ѳ. А. Голубинскаго Д. В. Разумовскимъ.

8. У жильца моего Д. на пирогѣ была сестра его Елисавета съ сестрою и братьями. Она понравилась женѣ моей умомъ и красотою. Дай Богъ, чтобы и нравъ соотвѣтствовалъ имъ. Къ Даниловымъ, пилъ у нихъ чай, поговорилъ съ Лизой объ Андреѣ. Она двусмысленно отвѣчала мнѣ. Я уснулъ на ея постели часа два.

13. Я всталъ до заутрени, отправился по желѣзной дорогѣ въ Троицкую лавру, куда пріѣхали къ обѣднѣ; ѣздилъ въ скитъ, гдѣ съ о. Авелемъ повѣрялъ свое описаніе его, осматривалъ скитскія церкви и заведенія, пилъ чай у строителя и у сына Сапѣлкина Филарета, ночевалъ въ лаврской гостинницѣ, посѣтилъ ректора А. В. Г.

14. Ходилъ къ заутренѣ въ Троицкій соборъ, съ о. Иларіемъ осматривалъ разныя заведенія монастырскія, библіотеку и ризницу. Былъ у м. Филарета, который сказывалъ, что, если бъ Назимовъ былъ бы въ Литвѣ еще два-три мѣсяца, то мы бы потеряли этотъ край. Какъ же поручили управленіе пустому человѣку, шарлатану? Онъ много напакостилъ, какъ негодяй. Я говорилъ митрополиту о сынѣ. Онъ совѣтовалъ ему служить.

---

*) Напечатанныя въ „Русскомъ Архивѣ“ 1866 года. П. Б.

16. Съ 16 на 17 сгорѣлъ дворецъ въ Царскомъ Селѣ.

19. Съ Андреемъ я ѣздилъ къ гражданскому губернатору кн. Оболенскому, у котораго я встрѣтилъ знакомыхъ сенатора Смирнова и царевну Грузинскую. Князь предлагалъ Андрею мѣсто у М. Н. Муравьева или по особеннымъ у себя порученіямъ съ обѣщаніемъ жалованья, а на первый разъ безъ жалованья на испытаніи.

21. Съ А Мартыновымъ я ѣздилъ на Угрѣшу въ Никол. м., который стоитъ въ лощинѣ. Этотъ монастырь, обнесенный красивою стѣною съ башнями, недавно расширенъ на Югъ; предѣлъ прежняго монастыря означенъ сходомъ изъ настоятельскихъ келій, при архим. Пименѣ. Храмъ древній XIV вѣка, сходный съ Троицкимъ въ лаврѣ. Иконостасъ въ немъ четырехъ-ярусный, гдѣ замѣчательны образа: Спаса Нерукотвореннаго и Не рыдай мене Мати, извѣстный въ народѣ Женъ Муроносицъ и Свят. Николая; на сѣверной стѣнѣ два верхнихъ яруса иконостаса XVI или начала XVII в.; въ трапезѣ образа древніе, Св. Іоаннъ Предтеча 3 съ $^1/_2$ четв. За алтаремъ сухой дубъ, на коемъ В. Кн. Димитрію явился Св. Николай. Колокольня вышиною 38 саж. Въ сѣверной части двухъэт. корпуса келій, больницы и пр., въ южной, прудъ и скитъ съ 12 кельями и церковью деревянной Св. Петра и Павла. Всѣ такія заведенія показывалъ намъ архим. Пименъ, который позвалъ насъ на чай. Но какъ скоро пріѣхалъ викарій Савва съ архим. Евстафіемъ и Игнатіемъ, мы поѣхали домой.

22. Поутру мой Андрей пошелъ съ невѣстою своей, ея матерью сестрою пѣшкомъ въ Троицкую лавру молиться и говѣть. Я ихъ проводилъ до Креста, зашелъ къ Л. П. Лепешкину иконописцу, потомъ къ Сашѣ и Подключникову, гдѣ встрѣтилъ Космод. священника И. Н. Разговоръ былъ объ иконописи.

26. Поутру я ходилъ въ Алексѣевскій м. къ празднику помолиться Божіей Матери Тихвинской, посѣтилъ игуменью. Послѣ обѣда я отправился во Владыкино, ночевалъ у своего духовника, ночью читалъ съ нимъ правила.

27. Отслушавъ заутреню, я исповѣдывался, и Богъ сподобилъ пріобщиться Св. Таинъ. Мой Андрей съ невѣстою своей говѣлъ въ Троицкой лаврѣ, оттуда возвратился 25-го Іюня.

29. Послѣ всенощной у Троицы на Арбатѣ священникъ благословилъ моего Андрея съ дочерью Ѳеклы Ивановны Даниловой, Елисаветою Павловной и обручилъ ихъ кольцами. Я также благословилъ ихъ образомъ Божіей Матери. Дай, Господи, чтобы союзъ ихъ былъ крѣпокъ и счастливъ для ихъ благоденствія и для моего съ женою утѣшенія!

При этомъ были жена моя и М. Л. Петрова съ сыномъ. Поздравляли чету и провели время до утра, пили Шампанское за здоровье обрученныхъ, пѣли и играли. Невѣста бѣдна, но, сколько я могъ замѣтить, богата душею. Богатъ Богъ милостію; Онъ богатитъ и убожитъ. Удивительно, что вдругъ отъ св. иконъ, стоявшихъ въ углу, разлилось ощутительное благовоніе, похожее на запахъ свѣжаго кипариса. Нареченная невѣстка моя ко мнѣ почтительна и ласкова, также и къ женѣ моей; сестры ея кажутся добрыми и радушными, мать ихъ также. О, Душе Утѣшителю, пошли страждующему моему сердцу отраду и утѣшеніе, наставь и сына моего Андрея на путь добра и правды!

Іюль. Получивъ пенсію изъ уѣзднаго казначейства, я проѣхалъ въ городъ, гдѣ купилъ для Лизы зонтикъ, зеркало и наколку; вмѣстѣ съ нею въ дождь ѣздилъ на Арбатъ за перчатками, оттуда къ намъ домой. Лиза съ матерью и сестрою у насъ ночевали.

2. Андрей съ Лизой поѣхалъ въ Троицкую лавру за свидѣтельствомъ объ исповѣди и причащеніи.

4. День ангела Андрея, который, послѣ безпокойнаго ожиданія, возвратился съ невѣстою своей изъ Троицкой лавры съ св. просфорами.

9. У А. Мартынова обѣдалъ съ Г. В. Есиповымъ, который читалъ мнѣ свою статью о Потѣшномъ дворцѣ.

14. Я зашелъ къ генер.-лейтенанту Чагину подарить ему Путеводитель въ Троицкую лавру, ходилъ по Смоленскому рынку, былъ у г. Бѣляева. Митроп. Филаретъ святилъ въ Сокольникахъ деревянную церковь во имя Св. Тихона.

17. Въ Гражданской Палатѣ я съ сожалѣніемъ совершилъ крѣпость г. Функендорфу на мое Подчерное за 11500 р. с. Измучился отъ хлопотъ. Для невѣсты Андреевой купилъ штуку полотна, дюжину платковъ и полотенецъ.

18. Жена моя ѣздила съ сыномъ для полученія денегъ за деревню съ Еланскаго, для уплаты Хрущеву и для уничтоженія закладной на домъ.

21. М. П. Погодину читалъ продолженіе своихъ записокъ. Онъ выслушалъ ихъ съ замѣтнымъ участіемъ и удовольствіемъ, просилъ оканчивать ихъ, обѣщаясь доставить хорошія деньги; отъ него къ имениннику И. Д. Бѣляеву, у котораго обѣдалъ съ г. г. Розановымъ и Шпилевскимъ.

25. Совершили закладную на домъ въ 3000 р. за 8½ проц., кои вычтены Трухменевымъ. Большая сумма истрачена на свадьбу, все приданое на нашъ счетъ.

26. Сапѣлкинъ съ церковнымъ старостою Рогожскаго кладбища Никандромъ Матвѣевичемъ Аласинымъ зазвали меня обѣдать въ Московскій трактиръ и приглашали въ слѣдующее Воскресенье на освященіе закладки колокольни на Рогожскомъ кладбищѣ. Купивъ вѣнчальныхъ свѣчъ, сахару, кофе, винъ и конфектъ, я отправился домой, гдѣ составлялъ записки о моей жизни.

28. Въ 3 часа по полудни было въ Троицкой приходской церкви бракосочетаніе сына моего прапорщика Андрея съ дѣвицею Елисаветою Павловной Даниловой. Обрядъ совершенъ благоговѣйно, свидѣтелемъ былъ В. М. Ундольскій. Изъ церкви пріѣхали новобрачные къ обѣду семейному. Послѣ обѣда играли на фортепіано, пѣли, танцовали часу до 2-го за полночь.

29. Въ честь новобрачной били горшки, посуду, плясали и пѣли.

30. Я ходилъ на праздникъ къ Св. Іоанну Воину, оттуда къ И. Д. Бѣляеву, которому прочелъ продолженіе своихъ записокъ, отъ него къ сватьѣ на свадебный обѣдъ; послѣ играли музыканты, танцовали, плясали, пѣли, представляли разныя комич. сцены. Вечеромъ пріѣхала моя жена. Я пробылъ до утра и, напившись чаю, пошелъ къ ранней обѣднѣ, которую слушалъ у Благовѣщенія на Бережкахъ. Оттуда къ г. Погодину, у котораго засталъ Кубарева; читалъ имъ продолженіе своихъ записокъ, пилъ чай. Помолясь Спасу Всемилостивому на Остоженкѣ, обѣдалъ у сенатора Чертова.

Августъ. 1. Въ Кремль я пріѣхалъ къ крестному ходу, въ которомъ ходилъ преосвященный Леонидъ, былъ и гражданскій губернаторъ кн. Оболенскій. Оттуда я прошелъ помолиться Спасу у Москвор. м.; встрѣтился мнѣ у Спасскихъ воротъ архим. Іаковъ, остановился со мною поговорить, потомъ П. В. Хавскій, который зазвалъ меня къ себѣ обѣдать. Купивъ съ нимъ сотовъ и живой рыбы, отправились къ нему въ домъ и любительно вдвоемъ пообѣдали. У себя я не засталъ ни жены, ни дѣтей: въ Останкинѣ у А. Петрова, гдѣ и ночевали.

2. Я оканчивалъ статью объ освященіи закладки колокольни на Рогожскомъ кладбищѣ. Ее прочелъ я Аласину и Сапѣлкину, которымъ она понравилась. Аласинъ меня благодарилъ. Обѣдню я слушалъ на праздникѣ Св. Василія Блаженнаго въ Покровскомъ соборѣ. Служилъ митроп. Филаретъ. Тѣснота и духота. На закускѣ я былъ у старосты церковнаго съ архим. Игнатіемъ и протоіереемъ А. И. В.

4. Я ходилъ на освященіе церкви Спаса на Бору митроп. Филаретомъ. Она лѣтъ 6 стояла не освященною; расписана по образцу Ярославской Предтеченской церкви Рогожкинымъ. При освященіи были

архим. Игнатій и Іаковъ. По окончаніи богослуженія народъ бросился въ храмъ помолиться и приложиться къ св. иконамъ и мощамъ. Оттуда я прошелъ въ заведеніе Аласина, фотогр. и, не заставъ его, завернулъ къ доктору Полунину, напился у него чаю, пригласилъ его къ больной женѣ своей, обѣдалъ у Д. И. Сушковой съ гг. Ѳ. и Н. Тютчевыми.

6. Проѣхалъ въ Новоспасскій м., гдѣ служилъ Савва викарій. Народу множество было. По приглашенію архим. Агапита, я у него обѣдалъ съ викаріями Леонидомъ и Саввою и прочимъ духовенствомъ, съ Хавскимъ. Послѣ обѣда я зашелъ къ А. И. Лобкову, у котораго въ саду нашелъ архим. Іакова съ протоіереями Новскимъ и Покровскимъ. Не дождавшись хозяина спящаго, отправились. Викарію Саввѣ тамъ переломили посохъ.

7. Поутру я зашелъ къ приходскому священнику и пилъ у него чай, потомъ къ Н. Павлову, который выпросилъ у меня въ Русскія Вѣдомости статью о закладкѣ колокольни на Рогожскомъ кладбищѣ; убѣждалъ меня писать статьи о духовныхъ событіяхъ для Русскихъ Вѣдомостей. Обѣдалъ я дома, скучалъ и грустилъ. Въ 8 часу вечера пріѣхалъ по Нижегородской дорогѣ Государь въ Москву.

8. Помолился въ ц. Трехъ Радостей Божіей Матери и св. Николаю Доброму, потомъ въ Кремль, гдѣ среди густой толпы народа, часу въ 12, видѣлъ шествіе Государя изъ Успенскаго собора въ Чудовъ м. въ сопровожденіи митроп. Филарета, двухъ викаріевъ и знатнаго духовенства. Радостныя восклицанія народа сопутствовали ему. Тамъ я встрѣтился съ графомъ Закревскимъ, который нашелъ меня помолодѣвшимъ. Въ Чудовѣ м. я принялъ благословеніе отъ митр. Филарета; зашелъ въ Вознесенскій м. къ монахинѣ Грушевской и съ нею побесѣдовалъ.

10. Въ заутрени Андрей возвратился домой пьяный, поѣхалъ въ Останкино, очутился на Смоленскомъ рынкѣ, вѣрно, у Даниловыхъ, заводчиковъ. Плутовская семья! Онъ меня и мать обезпокоилъ и огорчилъ. Пославъ на почту свои книжки съ письмомъ къ В. Б. Баженову, я ходилъ къ И. И. Сечинскому просить за квартальнаго Разумовскаго; но онъ сказалъ, что не стоитъ за него просить, какъ за пьяницу и негодяя.

11. Проѣхалъ на Дѣвичье поле къ г. Погодину, у котораго пилъ чай, оставилъ у него на просмотръ дѣло о Салтычихѣ. Онъ убѣждалъ меня продолжать мои записки. На перепутьѣ зашелъ къ доктору Гульковскому, который разсказалъ мнѣ, какъ онъ съ университетскими на площади въ Кремлѣ при рожденіи вел. кн. Александра Николаевича считалъ удары большого колокола, чтобы узнать, великій князь или вели-

кая княжна родилась; когда ударили 50, съ нетерпѣніемъ ждали продолженія и обрадовались, когда ударили въ 51 разъ: это значило, что родился великій князь, ибо тогда ударяли 100 разъ въ колоколъ. Акушеромъ при родахъ былъ профессоръ Московскаго Университета Вильгельмъ Рихтеръ, бабушкою Армфельдъ. Въ Кремлѣ раздалось восторженное ура и пушечные выстрѣлы. Родился у вел. кн. первенецъ мужескаго пола. Такъ было въ Москвѣ назадъ тому 45 лѣтъ, чему и я случился свидѣтелемъ. Оттуда я зашелъ въ трактиръ на Смоленскомъ рынкѣ Миланъ разспросить о посѣщеніи его моимъ сыномъ съ женою и ея двумя братьями. Зашелъ къ П. Д. Бѣляеву и занялъ у него 3 р. с. отъ него въ Охотничій переулокъ къ Крашенинниковой, у которой обѣдалъ и пилъ чай въ саду. Въ воздухѣ парило и душно было.

13. Былъ въ Чертковской библіотекѣ у П. И. Бартенева, у Н. Павлова.

14. Послѣ ранней обѣдни у Троицы на Листахъ я зашелъ къ Н. И. Подклюшникову, у котораго засталъ священника И. Н., потолковалъ объ иконописи, колоритъ въ ней вохристый, Умбрійскій, или празелень, и жемчужный или вплавку. Сперва дѣлаютъ очеркъ или опись, потомъ отливку. Древніе Греческіе иконописцы писали образа на доскѣ по левкасу безъ серпянки, иногда съ серпянкою. Главное типъ. Въ Успенскомъ соборѣ я слушалъ вечерню и молебенъ, который служили митр. Филаретъ, преосвященный Евгеній Леонидъ и Савва. Тамъ познакомился я съ прокуроромъ Сѵнодальной конторы Арбеневымъ. Посидѣвъ и напившись чаю у сѵнодальнаго ризничаго архим. Ѳеодосія, слушалъ всенощную, которую служилъ преосвященный Савва.

15. Ѣздилъ послѣ чаю домашняго въ Успенскій соборъ къ обѣднѣ, которую служилъ митр. Филаретъ, и къ обѣду царскому въ Крестовой палатѣ, гдѣ, кромѣ духовенства, были гг. Тучковъ, гражданскій губернаторъ кн. Оболенскій, коменданты, кн. Ю. Долгорукой, кн. Н. Трубецкой, который съ г. Неклюдовымъ просили меня принять участіе въ возстановленіи Спасскихъ воротъ и Благовѣщенскаго собора. Полиц. И. И. Сечинскій просилъ позволенія пріѣхать ко мнѣ съ какимъ-то порученіемъ. Возобновилъ знакомство съ генералами Офросимовымъ и Левшинымъ. Тамъ видѣлъ М. Н. Каткова.

17. И. И. Сечинскій передалъ мнѣ порученіе отъ генералъ-губернатора Тучкова. Навѣстилъ Д. И. Сушкову, которая звала меня обѣдать. Съ д. Гульковскимъ и М. П. Погодинымъ я прочелъ статью свою о 30 Августѣ; помолился Всемилостивому Спасу на Остоженкѣ, зашелъ было къ сенатору Чертову, но не засталъ его дома; обѣдалъ у Д. И.

Сушковой съ ея братомъ Н. И. Отъ Погодина я зашелъ къ генералу Левшину, не знавъ, что онъ попечитель Московскаго Университета; принятъ ласково; разсказывалъ мнѣ объ императорѣ Николаѣ I. Всенощная на Троицкомъ подворьѣ.

19. Въ Донской м., на дорогѣ встрѣтилъ крестный ходъ и множество народа. День былъ жаркій. Въ покояхъ я нашелъ на закускѣ митроп. Филарета, у котораго принялъ благословеніе, потомъ у преосв. Евгенія. Они оба служили обѣдню. Митрополитъ не остался обѣдать. За обѣдомъ были митроп. Мелитопольскій, изъ уніатовъ Макарій, оба викарія, архимандриты, протоіереи, Хавскій, прокуроръ Арбеневъ и пр. Преосв. Евгеній назвалъ меня «своимъ утѣшеніемъ». Архим. Евстафій довезъ меня до В. П. Нечаева, у котораго я пилъ чай и потолковалъ о статьѣ своей.

24. Проѣхалъ къ обѣднѣ въ Успенскій соборъ на праздникъ свят. Петра Митрополита, гдѣ служилъ митроп. Филаретъ, видѣлъ тамъ преосв. Евгенія и принялъ благословеніе отъ того и другого, служилъ въ Чудовѣ м. молебенъ Свят. Николаю и Алексію, св. мученику Христофору, обѣдалъ у М. М. Евреинова.

26. Въ Успенскомъ соборѣ, по случаю коронаціи, служилъ митр. Филаретъ. Я въ Чудовѣ м. поздравилъ его съ торжествомъ, также преосв. Евгенія. Поздравивъ Н. И. Никифорову съ именинами, у нихъ обѣдалъ. Племянникъ его Д. И. Никифоровъ благословленъ образомъ съ дочерью К. П. Евлича. У себя я засталъ г. Славика, который пѣлъ и игралъ на фортепіано.

27. Въ Стрѣтенскомъ м. служилъ митрополитъ Филаретъ по случаю перенесеннаго праздника Владимирскія Б. М. съ 26 на 27 число. Митроп. Филаретъ сказалъ за завтракомъ: «И. М. пріучилъ меня пить мадеру».

Сентябрь. 1. Благослови́ши вѣнецъ лѣта благости Твоея, Господи! По ссорѣ съ матерью Андрей съ женою съѣхалъ отъ насъ, къ огорченію моему, а, можетъ быть, и къ лучшему. Я былъ въ Воспитательномъ Домѣ на празднованіи столѣтія; послѣ обѣдни, совершенной митроп. Филаретомъ, и молебна, былъ актъ, на коемъ кн. Трубецкой прочелъ манифестъ Екатерины II объ учрежденіи Воспитательнаго Дома въ 1763 году, потомъ прочелъ принцъ Ольденбургскій, СПб. Опекунскаго Совѣта членъ, привѣтствіе, В. Н. Драшусовъ отчетъ. Зала была великолѣпно убрана цвѣтами и деревьями. Въ другой залѣ накрытъ былъ столъ; обѣдъ великолѣпный, изящный, во все продолженіе обѣда гремѣла

музыка. Драшусовъ далъ серебряную медаль и отчетъ. Тамъ встрѣтилъ многихъ знакомыхъ, прежнихъ товарищей и учениковъ, между прочимъ Н. В. Сушкова, И. И. Давыдова, П. И. Иванова, П. П. Корнилова, Д. Д. Ахлестышева и пр.

9. По приглашенію, былъ въ придворной конторѣ и съ членами ея обозрѣвалъ древнюю стѣнопись въ Спасскихъ воротахъ съ г. Сухотинымъ, Рихтеромъ, Вельтманомъ, Герасимовымъ и пр.

13. Я проѣхалъ въ Покровскій м. на праздникъ Словущаго Воскресенія. Служилъ митроп. Филаретъ съ архим. Паисіемъ и Амфилохіемъ. Тамъ видѣлся съ А. И. Лобковымъ и съ нимъ вмѣстѣ поклонился гробу его отца; съ архим. Веніаминомъ и Невоструевымъ былъ у архим. Амфилохія. Государь проѣхалъ через Москву; въ Серпуховѣ встрѣтилъ его пожаръ большой. Городъ загорѣлся съ трехъ сторонъ; вѣрно, Поляки злодѣйствуютъ.

14. Заѣхалъ на праздникъ въ ц. Воздвиженія на Вражкѣ, потомъ къ г. Погодину, къ священнику ц. Благовѣщенія на Бережкахъ и у него встрѣтился съ княгинею Е. П. Долгорукою; завернулъ къ И. Д. Бѣляеву для прочтенія своей статьи о Греческой иконописи.

23. Ходилъ въ типографію Готье, къ Аласину. Не заставъ его по случаю отъѣзда въ Саратовъ, я отдалъ экземпляры своей статьи объ освященіи закладки колокольни на Рогожскомъ кладбищѣ его родственнику и получилъ отъ него слѣд. 13 р. 25 к. Въ Румянцевскомъ Музеѣ справлялся въ книгахъ.

Октябрь. 5. Былъ на вечерѣ у Ф. О. Вручинскаго съ женою, сыномъ и его золовками, гдѣ пѣли и играли. Трезвый, пошелъ на дворъ, упалъ съ лѣстницы въ потьмахъ и больно ушибся до крови; досталось головѣ и ногамъ, такъ что насилу опомнился. Д. Зеевѐнзе мнѣ помогъ. Всѣ перепугались.

6. Ночевалъ у г. Вручинскаго. Докторъ Барановичъ сдѣлалъ мнѣ перевязки на головѣ и на ногахъ; принялъ слабительное. За мною ухаживали Е. Д. Кацари и хозяинъ.

9. Я рѣшился идти домой, зашелъ къ И. И. Сечинскому и Н. В. Сушкову, навѣстилъ больную невѣстку. Дома устроили мнѣ постель. У Сечинскаго Готье просилъ меня вторично издать нѣкоторыя тетради Памятниковъ Московскихъ Древностей.

10. Отслушавъ раннюю обѣдню у Спаса во Спасской, я зашелъ къ священнику И. Н. А. и съ нимъ прочелъ статью свою объ Алексѣ-

евской церкви въ Рогожскомъ. Не заставъ П. И. Иванова, я зашелъ къ А. И. Лобкову, у котораго засталъ за завтракомъ А. Хлудова, Плигина, Сазикова, полиц. Огарева. Оттуда я въ дождь проѣхалъ къ Готье, который предложилъ мнѣ вновь издать утраченные листы Памятниковъ Московскихъ Древностей.

12. Отъ ранней обѣдни на Листахъ я зашелъ къ А. И. Хлудову, который мнѣ казалъ свою полемическую библіотеку. Онъ взялъ у меня сборникъ рукоп. за 20 р.

13. Въ Кремлѣ въ крестномъ ходу первенствовали вмѣсто митрополита Филарета оба викарія его, Леонидъ и Савва. Изъ соборовъ я зашелъ къ П. П. Никифорову, котораго нашелъ отчаянно больнымъ; встрѣтился тамъ съ графомъ Закревскимъ, который очень ласково со мною обошелся и спрашивалъ о Мишѣ.

21. Отъ Расторгуева и П. Боткина получилъ по ф. чаю.

26. Митр. Филаретъ въ исходѣ 3 часа пополудни пріѣхалъ въ Москву изъ Троицкой лавры, гдѣ пробылъ 1 м. и 6 дней.

27. День преп. Нестора Лѣтописца. Приступилъ съ Божіею помощію писать обозрѣніе ист. Москвы.

28. Послѣ ранней обѣдни у Спаса на Пескахъ я зашелъ къ невѣсткѣ, поздравилъ графа Закревскаго съ именинами, у него встрѣтилъ кн. Н. И. Трубецкаго и И. С. Храповицкаго.

Ноябрь. 1. Митроп. Филаретъ служилъ въ ц. Московской Семинаріи послѣ выздоровленія. Я ѣздилъ къ лѣкарю Сергѣю Семеновичу Голубкову, который далъ мнѣ свидѣтельство о болѣзни жены моей.

7. Представлено мною въ часть Мѣщ. свидѣтельство лѣкаря Голубкова о болѣзни жены отъ Апрѣля.

8. На именины ѣздилъ на Дѣвичье поле къ М. П. Погодину, у котораго нашелъ откупщиковъ Кокорева и Мамонтова, профессоровъ, журналистовъ, Аксакова, Чичерина, Варвинскаго, Равинскаго, Крылова, Лешкова, Кубарева. Обѣдали поздно.

11. По милости Божіей, мнѣ съ женою минуло въ супружествѣ 35 лѣтъ. Зашелъ въ библіотеку Черткова къ П. И. Бартеневу, котораго нашелъ за корректурою письма Кіевскаго митроп. Евгенія о моей женитьбѣ. Случилось въ день моей свадьбы.

12. Я былъ у г. Мартынова, у котораго нашелъ г. Есипова; прочелъ предисловіе къ предпринимаемому нами изданію описанія Москвы. Съ г. Мартыновымъ я ходилъ къ окулисту Брауну, который выбралъ мнѣ очки.

14. Нашелъ умершаго бывшаго товарища по университету сенатора И. И. Давыдова. Богъ сподобилъ ему скончаться съ напутствіемъ

Св. Таинъ, мирно и тихо, на 72 году жизни. Во время причащенія былъ викарій Савва.

16. Ходилъ къ П. П. Сечинскому; онъ списалъ для меня стихи Ѳ. Тютчева къ кн. А. Суворову, который не велѣлъ принимать къ себѣ подписавшихся на устроеніе образа Михаила Архангела М. Н. Муравьеву.

18. Я былъ на отпѣваніи И. И. Давыдова въ университетской церкви. Отпѣвалъ его викарій Савва, надгробное слово говорилъ священникъ Сергіевскій, который, кромѣ одного имени, ничего не сказалъ о покойникѣ. Присутствовавшихъ менѣе было, чѣмъ я ожидалъ. Жена плакала, дочь нѣтъ. Провожалъ я съ Харскимъ до мѣста погребенія въ Новоспасскомъ м.

21. Съ Андреемъ я былъ на Троицкомъ подворьѣ. Служилъ митр. Филаретъ, къ которому я зашелъ съ Андреемъ принять благословеніе ему съ женою и себѣ. Митрополитъ совѣтовалъ Андрею трудиться на службѣ, чтобы заслужить жалованье; назначилъ Анетѣ пріѣхать къ нему на слѣдующей недѣлѣ за благословеніемъ.

27. Прошелъ въ Знаменскій м., къ празднику, гдѣ въ первый разъ служилъ и проповѣдывалъ архим. Сергій, какъ настоятель монастыря. Священнодѣйствовалъ преосвященный Леонидъ, отпѣвавшій въ Рязани архіеп. Смарагда Крыженецкаго. За столомъ было довольно, и столъ хорошъ.

Декабрь. 1. Позднюю обѣдню слушалъ на Троицкомъ подворьѣ; служилъ митрополитъ Филаретъ, которому минулъ 82 годъ. Молебенъ его ангелу служили монахи.

2. Г. Быковскому отдалъ для разсмотрѣнія свою ст. Зашелъ отдать г. Павлову свои статьи: 1) о днѣ тезоименитства митрополита Филарета, 2) о кончинѣ Петра Спир. Делицына и о Заборовскомъ подворьѣ.

7. Ночью заѣзжалъ проститься со мною А. А. Мартыновъ, ѣдущій въ Парижъ. Ему далъ я письмо къ Шевыреву и книжки своего сочиненія. Я присутствовалъ въ ком. о реставрированіи Благовѣщенскаго собора.

10. Встрѣтился мнѣ И. В. Селивановъ, который сказалъ, что ѣдетъ къ Бергу въ Варшаву, гдѣ явные и тайные враги Русскимъ всѣ почти чиновники Поляки.

11. По городской почтѣ послано мною къ г. Бодянскому письмо митроп. Платона о Лобномъ мѣстѣ.

12. Зашелъ къ Харитоньевскому священнику, служащему при этой церкви 50 лѣтъ, и разспросилъ его о Заборовскомъ подворьѣ.

14. Андрей пьяный меня обругалъ скверными словами и чуть было не столкнулъ съ лѣстницы. Онъ сбираетъ все на свою голову и меня раздражилъ, хуже Хама. Богъ на меня прогнѣвался и жестокъ въ гнѣвѣ.

15. Ѣздилъ въ Андрониковъ м. къ архим. Иннокентію, осматривалъ съ нимъ церкви: 1) Древнюю, построенную св. Алексіемъ, и въ ней образъ Спасителя, св. мощи подъ спудомъ Андроника и Саввы, надъ ними древній деисусъ. Древняя церковь окружена новою съ придѣлами и трапезою, такъ что она въ срединѣ квадратная на четырехъ столбахъ, ее раздѣляющихъ и поддерживающихъ осьмиугольный трибунъ. Другая церковь, строенная Евдокіею, трехъярусная; въ нижней погребенъ родъ Лопухиныхъ. Стиль верхней и нижней церквей различенъ. Колокольня великолѣпная. Монастырь стоитъ на холмѣ, съ котораго открывается Москва, внизу Яуза. Архимандритъ просилъ составить описаніе обители. Напившись чаю, я отвезенъ въ его экипажѣ домой.

18. Съ архим. Веніаминомъ справлялся о Заборовскомъ подворьѣ въ описи 1701 г.

20. Я обѣдалъ у Н. В. Сушкова, которому отвезъ грушъ и яблокъ, привезенныхъ изъ Крыма г. Кацари. Мы составили некрологію А-ра Н. Муравьева, ум. 18 Декабря.

24. Составивъ списокъ излишнихъ у себя книгъ, отвезъ его къ ректору Московскаго Университета Баршеву и, получивъ отъ него 25 р., купилъ въ городѣ съѣстныхъ припасовъ.

25. Въ Успенскомъ соборѣ служилъ обѣдню митр. Филаретъ, проповѣдывалъ ректоръ Московской Духовной Академіи А. В. Горскій. При возглашеніи вѣчной памяти Александру I митроп. Филаретъ оступился и упалъ. Я зашелъ въ Чудовъ м. для поздравленія митроп. Филарета. Кромѣ духовенства тамъ были кн. Крапоткинъ и Шаховской. Не заставъ дома кн. А. В. Оболенскаго и А. Ивинскаго, я зашелъ къ Н. В. Сушкову, у котораго возобновилъ знакомство съ С. Ѳ. Соковнинымъ, съ которымъ я нерѣдко видался у Д. Н. Бантышъ-Каменскаго. Написалъ три статьи: 1) о служеніи въ праздникъ Рождества Христова Филарета, 2) о поминовеніи отца Платонова преосвященнымъ Евгеніемъ и 3) о маскарадахъ.

26. Былъ у графа Закревскаго, который сказалъ, что правительство развращаетъ народъ, спрашивалъ съ участіемъ о Мишѣ.

29. Вечеромъ привезли моего Андрея, избитаго А. Даниловымъ; все лицо опухло отъ побоевъ, глаза подбиты, голова искусана зубами, нога повихнута. Пройдоха и отъявленный мошенникъ колотилъ его, какъ разбойникъ. Онъ рыдалъ и плакалъ. Мать тревожилась со мною. Ночью ставили имъ піявки.

Л. Ѳ. ЛЮДОГОВСКІЙ.

Печатаемыя ниже письма обращены къ Льву Ѳедоровичу Людоговскому, въ теченіе долгихъ лѣтъ бывшему директоромъ Смоленской гимназіи и училищъ Смоленской губерніи. Сохранились они у внука его Сергѣя Николаевича и доставлены намъ при любезномъ посредствѣ Михаила Михаиловича Людоговскаго.

Л. Ѳ. Людоговскій, сынъ Рославльскаго соборнаго протоіерея [1]) Ѳедора Петровича, родился въ 1761 г. и происходилъ изъ дворянской семьи, записанной въ 6-ю часть родословной книги Смоленской губерніи и ведущей свой родъ отъ Мартина Людоговскаго, коему въ 1646 г. пожаловано было королемъ Польскимъ Владиславомъ IV имѣніе въ Смоленскомъ воеводствѣ [2]). Въ 1780 г., Августа 18-го, Л. Ѳ. Людовскій окончилъ ученіе въ Смоленской Духовной Семинаріи [3]) и поступилъ студентомъ въ Московскій Университетъ, гдѣ въ 1783 г. (28-го Іюня), „за преимущественное предъ прочими сочиненіе диссертаціи изъ философскаго факультета", какъ сказано въ его аттестатѣ, награжденъ былъ золотою медалью. Окончивъ ученіе, Людовскій 15-го Сентября 1783 г. поступилъ учителемъ реторики, математики и Французскаго языка въ Смоленскую Духовную Семинарію, гдѣ прослужилъ 4 года, и 18-го Октября 1787 г. опредѣлился въ штатъ куратора Московскаго Университета И. И. Шувалова, „для исправленія письменныхъ дѣлъ", а 1-го Мая 1790 г. занялъ при немъ мѣсто секретаря по дѣламъ Московскаго Университета. Въ это время Людоговскій издалъ (анонимно) „Географическій Словарь Новаго Завѣта, содержащій въ себѣ по азбучному порядку описаніе земель, областей, городовъ, рѣкъ, острововъ и другихъ географическихъ предметовъ, находящихся въ Новомъ Завѣтѣ, съ показаніемъ древняго и нынѣшняго ихъ состоянія" [4]). Названія въ „Словарѣ" расположены по алфавиту, и при каждомъ изъ нихъ приведены ссылки на мѣста священныхъ книгъ, въ коихъ они

[1]) Сообщеніе М. В. Аксенова, составляющаго историческую записку о Смоленской Гимназіи.

[2]) Архивъ Департамента Герольдіи.

[3]) Сообщеніе М. В. Аксенова.

[4]) Въ Санктпетербургѣ, при Свят. Правит. Синодѣ, 1790 г., иждивеніемъ Л. Л. (вѣроятно, самого Людоговскаго), 8°, III+102 стр. съ гравированными: планомъ Іерусалима (по Гофману) и картою, относящеюся до предмета „Словаря".

упоминаются. Какъ видно изъ принадлежащаго С. Н. Людоговскому экземпляра этой книги, Левъ Ѳедоровичъ думалъ о второмъ изданіи своего труда, для чего дополнялъ и исправлялъ его; но намѣреніе его не осуществилось. По отзыву знающаго лица, „Словарь“ Людоговскаго былъ „для своего времени составленъ очень недурно“ [1]).

Въ 1795 г. (Августа 1-го) Людоговскій поступилъ секретаремъ въ адмиралтейскій штатъ, къ адмиралу Н. С. Мордвинову, который съ этихъ поръ полюбилъ его, какъ „добросердаго человѣка“ [2]). Знаменитый поборникъ освобожденія крестьянъ былъ въ это время предсѣдателемъ въ Черноморскомъ Адмиралтейскомъ Правленіи въ Николаевѣ и командиромъ Черноморскаго флота и портовъ [3]), и Людоговскому, между прочимъ, пришлось сопровождать своего начальника въ поѣздкѣ его изъ Николаева на Лиманъ и по Черному морю до Севастополя и обратно (Іюль—Августъ 1796 г.) на фрегатѣ „Счастливый“. Въ своей оправдательной запискѣ (1797 г.) по поводу сдѣланнаго на него доноса, Мордвиновъ упоминаетъ о Людоговскомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Сей Людоговскій есть благовоспитанный человѣкъ, коего Ив. Ив. Шуваловъ удостоилъ почитать себѣ другомъ, далъ мнѣ, по слабости здравія его, въ теплѣйшую страну, и я почитаю его премного“ [4]). 18-го Мая 1797 г. Людоговскій перешелъ въ штатъ Черноморскаго Правленія, гдѣ продолжалъ службу подъ начальствомъ Мордвинова [5]), а съ вызовомъ послѣдняго въ Петербургъ, переѣхалъ туда же, занявъ 1-го Марта 1798 г. мѣсто правителя канцеляріи въ Главномъ начальствѣ Государственнаго Вспомогательнаго Банка для дворянства, но здѣсь оставался недолго и уже 6-го Апрѣля 1799 г. перешелъ на службу по вѣдомству народнаго просвѣщенія директоромъ училищъ Смоленской губерніи, а съ преобразованіемъ Главнаго народнаго училища въ Гимназію (въ 1804 г.) сталъ и первымъ ея директоромъ. На долю Льва Ѳедоровича выпало пережить со Смоленскомъ всѣ ужасы Наполеонова нашествія и затѣмъ озаботиться возстановленіемъ нарушеннаго порядка въ учебныхъ заведеніяхъ Смоленска и его уѣздовъ. Нѣкоторыя подробности, касающіяся этого періода его жизни (1812—1813 г.), находятся въ донесеніи посланнаго Московскимъ Университетомъ визитатора Смоленскихъ училищъ Н. А. Бекетова (Н. А. Поповъ напечаталъ это донесеніе

---

[1]) В. Н. Хитрово, „Палестина и Синай“, ч. I, вып. I, С.-Пб. 1876, стр. 113.

[2]) Архивъ графа Мордвинова, т. II, С.-Пб. 1901, стр. 261.

[3]) Н. С. Мордвиновъ любилъ писать много и широковѣщательно, но чиновникамъ своимъ не дозволялъ этой роскоши: поступавшій къ нему на службу подписывалъ такъ называемый „реверсъ“ или обязательство не писать бумагъ свыше одной страницы, за каждую же строку переходившую на оборотную сторону листа подвергаться вычету изъ жалованья. II. Б.

[4]) Архивъ гр. Мордвинова, т. II, С.-Пб. 1901, стр. 260.

[5]) Въ бумагахъ Людоговскаго сохранился списокъ приписывавшагося Мордвинову всеподданнѣйшаго доклада („Петръ Великій, основывая могущество и славу Россіи...“), напечатаннаго Бильбасовымъ въ т. X. „Архива гр. Мордвинова“ (стр. 132—158), но съ нѣкоторыми отличіями отъ этого списка, исправленнаго рукою Людоговскаго.

въ „Русскомъ Архивѣ“ 1879 г. кн. III, стр. 62—87). Бекетовъ сообщалъ, что Людоговскій, со времени разоренія Смоленска, проживалъ въ своемъ имѣніи Кротовѣ, въ Духовщинскомъ уѣздѣ [1]). Выѣхавъ навстрѣчу Бекетову, Людоговскій 26-го Февраля 1813 г. вмѣстѣ съ нимъ отправился въ разоренный Смоленскъ, который онъ покинулъ еще въ началѣ Іюля 1812 г., въ виду приближенія непріятеля, увезя съ собою въ деревню, на сохраненіе, капиталы училищъ Смоленской дирекціи, а затѣмъ, въ Ноябрѣ и Декабрѣ, пріѣзжалъ въ Смоленскъ, чтобы навѣдаться о судьбѣ Гимназіи [2]). Говоря о своихъ наблюденіяхъ, вынесенныхъ изъ обзора Смоленска и давая весьма лестный отзывъ о дѣятельности Людоговскаго въ эту тяжелую годину, Бекетовъ пишетъ: „Гимназія изъ своихъ учащихся доставила хорошихъ студентовъ въ Университетъ, намъ [3]), Медико-Хирургической Академіи и довольно ученыхъ офицеровъ въ артиллерію и пѣхотные полки. При самомъ вторженіи непріятеля въ предѣлы Россіи лучшіе ученики по законному испытанію принимаемы были въ полки офицерами, къ чему отмѣнно способствовалъ опытный и благоразумный директоръ Смоленскихъ училищъ Левъ Ѳедоровичъ Людоговскій, съ энциклопедическимъ понятіемъ о всѣхъ наукахъ, преподаваемыхъ въ Гимназіи. Онъ особенно старается о надлежащемъ, ясномъ и точномъ преподаваніи наставленій и соединяетъ всѣ почти качества нужныя опытному любимцу Музъ и директору. Онъ изъ лучшихъ питомцевъ Университета; по увѣренію г. гражданскаго губернатора Смоленской губерніи барона Аша, никто лучше не любимъ и не уважаемъ всею губерніею, слѣдовательно никто не можетъ скорѣе и способнѣе возстановить надлежащаго дѣйствія училищъ, какъ г. Людоговскій“. И дѣйствительно, благодаря его энергіи, учебное дѣло въ Смоленской губерніи скоро было возстановлено [4]), а затѣмъ приведено въ образцовый порядокъ“.

Въ званіи директора гимназіи и училищъ Людоговскій оставался около 35 лѣтъ, въ 1800 г. получилъ чинъ надворнаго, въ 1804—коллежскаго и въ 1808—статскаго совѣтника, рядъ орденовъ за отличіе по службѣ (Анны 2 ст. въ 1817. Владиміра 4 ст. въ 1823, Анны 2 ст. съ алмазами въ 1824 г.) и, наконецъ, въ 1833 г. (24-го Февраля) чинъ д. с. совѣтника, послѣ чего вскорѣ (4-го Августа 1834 г.) вышелъ въ отставку съ пенсіей полнаго жалованья и проживалъ съ тѣхъ поръ въ родномъ ему Смоленскѣ и въ Москвѣ. По вы-

[1]) Кромѣ того, у Людоговскаго въ томъ же уѣздѣ была часть дер. Буинцовой, а у жены его часть того же Буинцова и дер. Кожина.

[2]) „Памятная книжка Смоленской губ. на 1858 г.“, ч. II (статья о Смоленской Гимназіи).

[3]) Людоговскій съ большою любовью относился къ своимъ питомцамъ. Такъ, напр., онъ поддержалъ ученика Смоленскаго уѣзднаго училища, впослѣдствіи адъюнкта Московскаго Университета доктора С. П. Клименкова („Словарь профессоровъ Моск. Унив.“, т. I, М. 1855, стр. 416).

[4]) Въ Февралѣ 1813 г. Людоговскій получилъ признательность министра народнаго просвѣщенія за быстрое возобновленіе начала ученія въ Смоленскѣ („Русскій Архивъ“ 1881 г., кн. I, стр. 403).

ходѣ изъ службы 73-хъ лѣтнимъ старцемъ Людоговскій жилъ уже недолго: онъ скончался въ Москвѣ 4-го Февраля 1838 г., на 77-мъ году отъ рожденія и погребенъ на Ваганьковомъ кладбищѣ, гдѣ рядомъ съ нимъ похоронена и жена его, Александра Петровна, рожд. Лайкевичъ (ум. 11-го Ноября 1847 г., на 63 г.)[1]. Отъ этого брака у Льва Ѳедоровича были дѣти: Михаилъ (р. въ Смоленскѣ 8-го Ноября 1815 г., ум. въ Москвѣ, въ чинѣ д. с. совѣтника, 7-го Марта 1897), Петръ (р. 12-го Февраля 1820 г.), Николай (р. 26-го Іюля 1822 г.), здравствующій понынѣ и живущій въ Москвѣ, и дочери: Надежда (р. 1808), Вѣра (р. 1810) и Любовь (р. 1814).

Къ сказанному прибавимъ сообщеніе о Л. Ѳ. Людоговскомъ его сына Николая Львовича, сдѣланное по нашей просьбѣ. Вспоминая, между прочимъ, о назначеніи его отца въ коммиссію народнаго продовольствія, Н. Л. пишетъ: „Тамъ были большія злоупотребленія. Это назначеніе послѣдовало по распоряженію военнаго губернатора г. Смоленска Ст. Ст. Апраксина[2]) въ отомщеніе за то, что отецъ не подписалъ въ числѣ прочихъ ложнаго доноса Апраксина на кого-то изъ его недоброжелателей; вслѣдъ за этимъ Апраксинъ донесъ въ Петербургъ объ удаленіи директора по неблагонадежности; тогда Мордвиновъ вступился за бывшаго своего секретаря и сообщилъ, кому слѣдуетъ, объ интригахъ Апраксина, чрезъ что отецъ остался на своемъ мѣстѣ. Изъ скудно отпускаемыхъ суммъ на ремонтъ училищъ, въ 36 лѣтъ отецъ составилъ сбереженій до 100.000 рублей асс., и по его примѣру Министерство Народнаго Просвѣщенія завело во всѣхъ гимназіяхъ экономическія суммы; за сбереженіе въ награду получилъ 1000 р. асс. Согласно распоряженію министра Уварова, разрѣшено имѣть въ актовой залѣ гимназіи портретъ отца[3]), какъ основателя училищъ Смоленской губерніи. Изъ разсказовъ покойной матери сохранилось у меня кое-что въ памяти, а именно: когда отецъ, состоя при Мордвиновѣ, не могъ вынести Петербургскаго климата, онъ при его содѣйствіи былъ назначенъ директоромъ училищъ въ Смоленской губерніи; одновременно вліятельный въ то время откупщикъ Перетцъ предлагалъ отцу мѣсто вице-губернатора, но онъ отказался отъ люкративнаго мѣста. Устраивая въ городахъ училища, отцу стоило много труда выбирать надежныхъ учителей, такъ какъ ихъ было мало; онъ часто ревизовалъ училища и давалъ направленіе относительно преподаванія предметовъ. Лучшіе ученики изъ уѣздныхъ училищъ переводились въ гимназію, гдѣ въ началѣ было

---

[1]) Сестра Николая Петровича Лайкевича (помѣщика с. Глазова, Можайскаго уѣзда, бывшаго въ 1824 г. судьею Можайскаго Уѣзднаго Суда, а въ 1834 г. почетнымъ смотрителемъ Гжатскаго, Смоленской губ., Уѣзднаго Училища), женатаго на Софьѣ Алексѣевнѣ Мудровой, воспитанницѣ А. Ѳ. Лабзина и племянницѣ извѣстнаго Московскаго профессора и доктора М. Я. Мудрова. Въ с. Глазовѣ до сихъ поръ сохраняются портретъ и гипсовый бюстъ А. Ѳ. Лабзина. Сынъ Н. П. Лайкевича передалъ въ Московскій Румянцовскій Музей два портрета Лабзина и нѣкоторые другіе портреты.

[2]) Былъ губернаторомъ съ 1804 по 1812 г.

[3]) Нынѣ онъ находится въ Смоленскомъ Археологическомъ Музеѣ.

4 класса, а съ 1832 г. считалось 7 классовъ, и тогда появились молодые учителя съ университетскимъ образованіемъ. При открытіи гимназіи, онъ постоянно слѣдилъ за ученіемъ, утромъ рано обходилъ классы и спрашивалъ учениковъ, какъ они понимаютъ заданные уроки, поправлялъ ихъ, а съ нѣкоторыми изъ нихъ самъ занимался у себя, передъ ученіемъ. Собирая часто у себя учителей, онъ вмѣстѣ съ ними обсуждалъ учебные вопросы. По разсказамъ бывшихъ Смоленскихъ гимназистовъ, при поступленіи въ Университетъ, они экзаменовались только изъ древнихъ языковъ, такъ какъ Смоленская гимназія считалась изъ лучшихъ. При многостороннемъ образованіи, онъ зналъ какъ древніе, такъ и новые языки и былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Московскими профессорами Л. А. Цвѣтаевымъ, И. А. Двигубскимъ, А. А. Прокоповичемъ-Антонскимъ (товарищемъ его по Университету) и др., и велъ съ ними переписку. Въ 1812 г., во время нашествія непріятеля, много погибло рукописей отца и въ томъ числѣ записки о придворной жизни во время Екатерины II и Павла I, а также записки объ ученыхъ сборищахъ у Ив. Ив. Шувалова, у котораго отецъ былъ секретаремъ до поступленія къ Н. С. Мордвинову".

Людоговскій былъ сперва членомъ-соревнователемъ, а затѣмъ и дѣйствительнымъ членомъ Московскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ, но участія въ трудахъ его, насколько мнѣ извѣстно, не принималъ. По сохранившемуся въ Смоленскѣ преданію, онъ былъ масономъ.

Б. Модзалевскій.

Н. С. Мордвиновъ Л. Ѳ. Людоговскому.

1.

Милостивый государь мой Левъ Ѳедоровичъ. Много разъ выправлялся я о васъ: гдѣ вы и что̀ послѣдовало съ вами послѣ несчастныхъ событій въ Смоленскѣ; но ничего не могъ узнать. На послѣдней почтѣ получилъ я первое увѣдомленіе отъ Дмитрія Дмитріевича Бѣлостоцкаго *), что вы находитесь въ Смоленскѣ и претерпѣваете великія нужды. Любя и почитая васъ искренно, желалъ бы я дать вамъ пособіе, которое могло бы удалить всякій отъ васъ недостатокъ; но, къ несчастію моему, бывшія всеобщія бѣдствія и другія личныя для меня обстоятельства разстроили мое состояніе. Я посылаю теперь тысячу рублей, скудное пособіе; но я готовъ изъявлять мои вамъ услуги по мѣрѣ, какъ собственныя мои дѣла въ лучшій порядокъ приходить будутъ. Я полагаю, что въ Смоленскѣ главный недостатокъ состоитъ въ домахъ; а потому предлагаю вамъ домъ, который во 100 верстахъ отъ Смоленска, въ деревнѣ

---

*) Въ 1833 г. Бѣлостоцкій, въ чинѣ колл. сов., служилъ начальникомъ Отдѣленія въ Почтовомъ Департаментѣ.

моей Примѣрной; домъ небольшой, но довольно изрядный, при ономъ найдете вы хлѣбъ, овесъ, сѣно, дрова. Имѣніе мое было въ рукахъ Французовъ, и вѣроятно, что домъ требуетъ нѣкоторыхъ починокъ, а потому спишитесь съ зятемъ моимъ Федоромъ Ивановичемъ Марковымъ [1]), который живетъ въ сосѣдствѣ, въ деревнѣ Жолнинѣ, который вѣрнѣе можетъ увѣдомить васъ, въ какомъ состояніи находится тотъ домъ и какъ скоро оный можно исправить. На сей же почтѣ я пишу къ нему и прошу его, по полученіи увѣдомленія вашего, что предложеніе мое вамъ угодно, принять скорѣйшія мѣры къ содѣланію дома удобнымъ для принятія васъ. Письмо ваше къ Федору Ивановичу надпишите въ Велижъ. Деревня моя Примѣрная находится въ 20 верстахъ отъ Велижа.

Забудемъ о прошедшихъ бѣдствіяхъ. Богъ милостивъ, мы уже испытываемъ милосердіе Его и должны ожидать, что скоро все придетъ въ старый порядокъ. Я живу теперь въ деревнѣ у зятя моего Аркадія Алексѣевича Столыпина [2]), въ Пензенской губерніи, куда загнанъ я былъ прошедшими бѣдами. Желаю вамъ искренно здоровья и великодушія, пребывая къ вамъ съ истиннымъ почтеніемъ и искреннѣйшею дружбою, милостивый государь мой, вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Н. Мордвиновъ.

13 Декабря 1813.
Село Столыпино. Саранскъ.

2.

Милостивый государь мой Левъ Федоровичъ. Я оставляю здѣшній край и ѣду въ Москву, а потомъ въ С.-Петербургъ. О семъ перемѣщеніи моемъ увѣдомляю васъ, дабы вы знали, гдѣ я нахожусь, и не могу ли я быть вамъ полезнымъ по Петербургу. Я охотно исполнять буду ваши препорученія и почту себя счастливымъ, когда возмогу быть вамъ полезнымъ, по преданности и почтенію, которыя я къ вамъ имѣю, милостивый государь мой, вашимъ покорнѣйшимъ слугою Н. Мордвиновъ.

18 Мая 1814.
Село Столыпино. Саранскъ.

3.

Милостивый государь мой Левъ Федоровичъ. Съ княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ я говорилъ и далъ ему записку въ словахъ весьма убѣдительныхъ къ наклоненію его въ назначеніи щедрой помощи. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что теперь денегъ нѣтъ, но какъ ско-

---

[1]) Ө. И. Марковъ (ум. въ 1818 г.) былъ женатъ на сестрѣ Н. С. Мордвинова, Екатеринѣ Семеновнѣ (р. 1762 г.).

[2]) А. А. Столыпинъ (р. 1778 † 1825), другъ Сперанскаго, былъ женатъ на дочери Н. С. Мордвинова Вѣрѣ Николаевнѣ (р. 1790 † 1834).

ро будутъ онѣ, то вы получите. Между тѣмъ прошу меня увѣдомить, подавали ли вы объявленія о претерпѣнныхъ разореніяхъ и какою суммою они оцѣнены были. Подробное свѣдѣніе можетъ наставить меня въ изложеніи просьбъ моихъ и подкрѣпить успѣхи ходатайства моего. Имѣю честь быть и пр.

3 Декабря 1814.
С.-Петербургъ.

4.

Милостивый государь мой Левъ Федоровичъ. Записку, приложенную при письмѣ вашемъ, о понесенныхъ вами убыткахъ вручилъ я князю А. Н. Голицыну, съ примѣчаніемъ, что, по святости вашихъ нравовъ, онъ можетъ быть увѣреннымъ, что убытки, конечно, превосходятъ вычисленное вами. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что въ настоящее время нѣтъ денегъ, но надѣется, что вступятъ онѣ, и тогда онъ будетъ по запискѣ вашей ходатайствовать, надписавъ, что оная получена отъ меня. Я буду ему напоминать и желаю усердно, чтобъ истощенное ихъ казначейство обогатилось.

Желаю вамъ наступившій годъ препроводить въ здоровьи и получить въ ономъ утѣшеніе за претерпѣнное въ прошедшихъ годахъ. Имѣю честь и пр.

16 Генваря 1815.
С.-Петербургъ.

5.

Милостивый государь мой Левъ Федоровичъ. При письмѣ князя Александра Николаевича Голицына получилъ я тысячу рублей для доставленія къ сожительницѣ вашей, которые на сей почтѣ препровождаю къ вамъ. Сожалѣю, что ходатайство мое было малоуспѣшно; но увѣряютъ, что благотворительное казначейство, въ настоящее время, весьма скудно. О Иванѣ Федоровичѣ Метинѣ я просилъ князя, и какое послѣдуетъ благоуваженіе къ просьбѣ моей, не оставлю увѣдомленіемъ.

15 Мая 1815.
С.-Петербургъ.

6.

Милостивый государь мой Левъ Федоровичъ. Имѣю честь поздравить васъ съ наступившимъ новымъ годомъ, желая вамъ всякаго благополучія отъ всего моего сердца. Я радуюсь, что Министерство Просвѣщенія обращаетъ на васъ милостивое воззрѣніе свое и поздравляю васъ съ полученіемъ знака, изъявляющаго признаніе достоинствъ и услугъ вашихъ *). Желаю, чтобы справедливая награда неизмѣнною къ вамъ

*) 24-го Ноября 1817 г. Людоговскій, „за ревностную и усердную службу“ получилъ орденъ Анны 2-й степени.

пребыла; ко мнѣ же прошу сохранить вашу дружбу, которою удостоивали меня всегда.

3 Генваря 1818
С.-Петербургъ.

7.

Милостивый государь мой Левъ Федоровичъ. Министръ вашъ сдѣлалъ представленіе Комитету гг. Министровъ о вознагражденіи васъ орденомъ Св. Анны съ алмазами, и отъ Комитета сдѣланъ о томъ докладъ Государю Императору. О семъ я васъ увѣдомляю.

С.-Петербургъ.
6 Апрѣля 1823.

П. И. Голенищевъ-Кутузовъ [1]) Л. Θ. Людоговскому.

Милостивый государь мой Левъ Θедоровичъ! Мнѣ несказанно пріятно было получить письмо ваше, на которое отвѣтомъ умедлилъ я по причинѣ безчисленныхъ моихъ по службѣ занятій. Будьте удостовѣрены, что еще пріятнѣе мнѣ будетъ на опытахъ чѣмъ-либо существеннѣйшимъ доказать вамъ доброе мое о васъ мнѣніе, уваженіе къ вашимъ достоинствамъ и желаніе всего могущаго благу вашему споспѣшествовать.

Не согласенъ я съ вами только въ томъ, что вы пишите, яко бы вы мнѣ совсѣмъ незнакомы: видно вы меня позабыли. Итакъ, напоминая вамъ о себѣ, скажу, что я тотъ самый Кутузовъ, который, будучи 18-ти лѣтъ, имѣлъ удовольствіе часто бывать съ вами у Михайлы Ивановича Антоновскаго [2]) и Семена Ивановича Спѣшницкаго [3]); какъ съ тѣхъ поръ я васъ не видалъ, то воспоминаніе сихъ временъ заставило меня обрадоваться, что я по службѣ съ вами встрѣтился. Дознавъ опытами, что, съ созрѣніемъ лѣтъ, чувствованія дружбы и любви должны въ насъ не только гаснуть, но болѣе возрастать, укрѣпляться и услаждать жизнь нашу, я отъ молодости моей сохранилъ тотъ образъ мыслей и ту любовь къ истинѣ, кои, съ лѣтами во мнѣ укрѣпляясь, заставляютъ меня день отъ дня болѣе искать благу ближняго содѣйствовать. Та-

[1]) Павелъ Ивановичъ Голенищевъ-Кутузовъ (р. 1767 †1829), извѣстный своими доносами на Карамзина, съ 1798 по 1803 и съ 1810 по 1817 г. былъ попечителемъ Московскаго Университета и, такимъ образомъ, являлся начальникомъ Людоговскаго.

[2]) М. И. Антоновскій (р. въ 1759 † 1816 г.), служилъ библіотекаремъ въ нынѣшней Публичной Библіотекѣ въ Петербургѣ, а ранѣе сотрудникомъ въ журналѣ „Вечерняя Заря“ и издавалъ „Бесѣдующій Гражданинъ“; онъ кончилъ курсъ Московскаго Университета одновременно съ Людоговскимъ въ 1783 г. Его автобіографическія записки напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 1885 г.

[3]) С. И. Спѣшницкій, товарищъ Людоговскаго и Антоновскаго по Университету, былъ членомъ „Собранія Университетскихъ питомцевъ“ (гдѣ Антоновскій былъ предсѣдателемъ) и также сотрудничалъ въ „Вечерней Зарѣ“ (Ист. Моск. Унив., стр. 260).

ковыя расположенія сохранилъ я ко всѣмъ добрымъ знакомцамъ моей молодости, а потому и вамъ за счастіе почту доказать при всякомъ случаѣ то искреннее почтеніе и дружелюбіе, съ какими я всегда желаю быть вашимъ покорнымъ слугою. Павелъ Г. Кутузовъ.

Іюня 3 дня 1812.
Москва.

Князь А. П. Оболенскій [1]) Л. Ѳ. Людоговскому.

1.

Милостивый государь мой Левъ Ѳедоровичъ! Въ надеждѣ на благосклонное ваше ко мнѣ расположеніе, препровождаю при семъ на имя ваше, на всякой случай, ежели нужда случится, довѣренность для совершенія въ Смоленской Гражданской Палатѣ купчей на купленное имѣніе невѣсткою моею, княгинею Екатериною Алексѣевною Оболенскою [2]). Братъ мой, князь Александръ Петровичъ [3]), ѣдетъ въ Смоленскъ. Я покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь мой, принять его въ свое знакомство и не отказать быть ему полезнымъ, въ чемъ случится, по возможности вашей, чѣмъ много обяжете пребывающаго къ вамъ съ искреннимъ почтеніемъ и преданностію вашимъ, милостиваго государя моего, покорнѣйшимъ слугою князь Андрей Оболенскій.

Іюня дня 1818.
Москва.

2.

Милостивый государь мой Левъ Федоровичъ! Вслѣдствіе засвидѣтельствованія моего объ отличной службѣ вашей, Государю Императору угодно было пожаловать вамъ алмазные знаки ордена Сн. Анны 2-го класса [4]). Примите усерднѣйшее мое поздравленіе съ сею высокомонаршею милостію и, вмѣстѣ съ симъ, увѣреніе, что я всегда за особенное удовольствіе почту ставить на видъ начальству ревностное и усердное служеніе ваше.

По училищамъ, ввѣреннымъ вамъ, орденъ Св. Владимира 4-й степени пожалованъ почетному смотрителю Дорогобужскаго училища г. Ба-

---

[1]) Князь Андрей Петровичъ Оболенскій (р. 1769 † 1852) въ 1817 г. замѣстилъ П. И. Голенищева-Кутузова въ званіи попечителя Московскаго Университета.

[2]) Рожд. графиня Мусина-Пушкина, жена генералъ-маіора князя Василія Петровича Оболенскаго (р. 1780 † 1834).

[3]) Кн. А. П. Оболенскій (р. 1780 † 1855), впослѣдствіи д. т. сов., почетн. опекунъ, авторъ воспоминаній, вошедшихъ въ „Хронику недавней старины", изд. его внукомъ, кн. Д. А. Оболенскимъ (С.-Пб. 1876). Въ это время князь А. П. былъ въ отставкѣ (съ 1816 по 1825 г.). Онъ былъ женатъ первымъ бракомъ на А. Ю. Нелединской-Мелецкой.

[4]) Пожалованіе это состоялось 3-го Февраля 1824 г.

рышникову [1]), по бытности котораго въ Москвѣ знаки ордена къ нему препровождены. Штатному смотрителю Ржевскаго училища г. Корейшѣ [2]) пожалованъ орденъ Св. Анны 3-го класса. Весьма сожалѣю, что прочіе представленные вамъ чиновники не внесены были Комитетомъ г.г. министровъ въ докладъ Государю Императору. Сіе произошло, я думаю, отъ того, что въ одно время поступили въ Комитетъ Министровъ представленія по всѣмъ министерствамъ, и Комитетъ, по большому очень числу, нашелся принужденнымъ сократить нѣсколько поступившія представленія. Я надѣюсь, что впредъ мы будемъ счастливѣе. По полученіи мною алмазныхъ знаковъ, вамъ пожалованныхъ, а г. Корейшѣ ордена Св. Анны 3-го класса, я доставлю ихъ немедленно къ вамъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть милостиваго государя моего всепокорнѣйшимъ слугою князь Андрей Оболенскій.

Февраля дня 1824.
Москва.

Д. П. Руничъ Л. Ѳ. Людоговскому.

Милостивый государь мой Левъ Ѳедоровичъ! На письмо вашего высокородія отъ 26-го прошлаго Февраля имѣю честь увѣдомить, что я получилъ отъ князя Андрея Петровича [3]) весьма лестные насчетъ васъ отзывы, которые тѣмъ для меня пріятнѣе было узнать, что я господъ директоровъ училищъ губерній почитаю ближайшими и дѣятельнѣйшими моими сотрудниками [4]). А потому удостовѣряю васъ, на первомъ шагу знакомства нашего, что усердіе и труды ваши я всегда поставлять буду на видъ высшаго начальства и готовъ отдавать справедливость, имъ принадлежащую.

Прошу васъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ польза службы того требуетъ, относиться прямо ко мнѣ со всею откровенностію и принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи, съ коимъ пребыть честь имѣю вашего высокородія покорнѣйшій слуга Дмитрій Руничъ.

№ 349. С.-Петербургъ.
1-го Апрѣля 1825.

---

[1]) Ивану Ивановичу, колл. асс.

[2]) Прокофію Дмитріевичу.

[3]) Оболенскаго.

[4]) Въ это время Смоленская дирекція училищъ состояла уже не въ Московскомъ, а въ Петербургскомъ Учебномъ округѣ, въ коемъ Руничъ тогда былъ попечителемъ.

КЪ БІОГРАФІИ ГРАФА М. А. МИЛОРАДОВИЧА.

Недоразумѣнія между гвардіею и чинами полиціи.

Предстательство за подчиненныхъ—цѣнная черта въ начальствующихъ лицахъ, которыя въ такомъ случаѣ служатъ на своемъ посту не только за долгъ, но и за совѣсть. Это качество было присуще графу М. А. Милорадовичу, что̀ доказывается обстоятельствами его дѣла по поводу недоразумѣнія съ главнокомандующимъ въ Петербургѣ С. К. Вязмитиновымъ.

31 Декабря 1814 г. графъ Милорадовичъ писалъ къ князю П. М. Волконскому, находившемуся тогда при Государѣ въ Вѣнѣ (на конгрессѣ): „Вы удивитесь, получая сіе письмо, а особливо отъ меня, который ни жаловаться, ни доносить на другихъ не умѣетъ: одно, слишкомъ унизительно, а другое подло. Но есть случаи, которые необходимо нужно довести до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества и имѣть разрѣшеніе Государя, дабы предупредить непріятности, ибо одна рождаетъ другую; а потому и увѣренъ, что письмо мое будетъ принято въ надлежащемъ видѣ".

Заставили же графа Милорадовича писать письмо два случая съ подчиненными ему гвардейскими офицерами.

„Прибывъ въ С.-Петербургъ, пишетъ онъ, нашелъ я гвардію въ неудовольствіи, потому что офицеры подвергаются наказанію безъ малѣйшаго свѣдѣнія ихъ начальства и изслѣдованія, по однимъ донесеніямъ полицейскихъ офицеровъ. Судя о семъ безпристрастнымъ образомъ, нахожу я, что съ одной стороны полиція должна имѣть всѣ способы къ прекращенію шалостей, нарушающихъ общее спокойствіе, съ другой же стороны важность званія гвардіи офицеровъ и честолюбіе, съ которымъ нельзя быть довольно осторожнымъ, требуетъ особливой деликатности и не можетъ быть подвергнуто произволу полицейскихъ офицеровъ и донесеній ихъ". „По прибытіи моемъ, чрезъ нѣсколько дней г. главнокомандующій приказалъ арестовать лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка прапорщика Окулова *). Я узналъ о томъ позже всѣхъ. Предполагая, что въ подобныхъ случаяхъ я бы долженъ получить повелѣніе г. главнокомандующаго, какъ начальника, и знавъ уже, что всѣ вообще оскорблялись тѣмъ, что мимо начальства офицеры наказываются, лично представилъ я сіе обстоятельство на благоуваженіе господина главнокомандующаго съ тѣмъ почтеніемъ, которымъ я обязанъ лѣтамъ, службѣ и власти, прося его давать мнѣ повелѣніе исполнять его волю относительно моихъ подчиненныхъ, объяснивъ при томъ, что, когда все по командѣ дѣлаться будетъ, то

*) Не Матвѣй ли это Алексѣевичъ, впослѣдствіи столь извѣстный директоръ первой Московской гимназіи? П. Б.

уже и не могутъ быть ни малѣйшія негодованія и утвердится общее согласіе столь полезное во всякомъ случаѣ".

Со своей стороны главнокомандующій С. К. Вязмитиновъ освѣщалъ дѣло арестованія Окулова слѣдующими выраженіями: „Прапорщикъ Окуловъ 8 числа Ноября арестованъ былъ по моему приказанію за то, что, стоя въ караулѣ у Нарвскихъ воротъ, не отобралъ подорожной отъ пріѣхавшаго изъ Берлина фельдъегеря и ударилъ бывшаго тамъ отъ ордонансъ-гауза писаря, какъ о томъ Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше донесено мною отъ 9-го сего Ноября. Происшествіе сіе обслѣдовано плацъ-маіоромъ, и записка подана отъ коменданта; до полиціи же дѣло сіе ни подъ какимъ видомъ касаться не могло. О томъ, что сего офицера арестовать приказано, могъ бы г. генералъ графъ Милорадовичъ въ тоже время имѣть рапортъ отъ полка чрезъ команду, ибо объ арестѣ приказаніе дано въ полкъ". Другой случай касался поручика Марковскаго и шт.-капитана Виганта.

„29-го же числа сего Декабря, сообщалъ о нихъ графъ Милорадовичъ, отданъ былъ приказъ г. главнокомандующаго при паролѣ, чтобы полковъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго поручика Марковскаго и лейбъ - гренадерскаго штабсъ-капитана Виганта, за учиненные ими 26-го числа Васильевской части, въ 1-мъ кварталѣ, въ домѣ придворнаго камердинера Парланда шумъ и битье квартирующаго тамъ мѣщанина Ларина и жены его, арестовать на двѣ недѣли съ содержаніемъ на гауптвахтѣ. Приказъ отданъ 29 Декабря, три дня послѣ происшествія. Я приказалъ г. генералъ-адъютанту Сипягину *) донесть мнѣ, почему начальники полковъ не извѣстили о таковомъ происшествіи, и получилъ свѣдѣніе, что слѣдствія по сему обстоятельству никакого не было и что приказъ главнокомандующаго послѣдовалъ по рапорту частнаго пристава. Между тѣмъ представили мнѣ и рапорты, полученные вслѣдствіе сего запроса, которые при семъ имѣю честь препроводить".

Одинъ рапортъ „объясненіе, взятое дежурствомъ 2-ой гвардейской дивизіи по приказанію дивизіоннаго командира отъ поручика Финляндскаго полка Марковскаго". Въ немъ читаемъ: „По приказанію вашего сіятельства имѣю честь увѣдомить оное дежурство, что сего Декабря 26 дня, въ 7 часовъ вечера, идучи изъ казармъ на свою квартиру, услышалъ шумъ возлѣ оной, на который любопытствуя, пришелъ, встрѣтивъ въ квартирѣ онаго дома л.-гв. гренадерскаго полка штабсъ - капитана Виганта, который мнѣ сказалъ, что мѣщане онаго дома толкаютъ офицера, а именно арміи прапорщика князя Максутова, за котораго я вступился, уговаривая ихъ, чтобы они не смѣли сего дѣлать; но на оное услышалъ сильныя грубости, за что и вынужденнымъ былъ ударить ихъ нѣсколько разъ: въ то самое время вышеупомянутый прапорщикъ Максутовъ уѣхалъ, не будучи примѣченъ. Полагая, что оный былъ въ комнатѣ, я вошелъ въ оную. Мѣщане въ это время, выхватя у меня шпагу, приперли дверь, въ которой я и оставался до прихода патруля.

---

*) Николай Мартемьяновичъ Сипягинъ былъ въ то время начальникомъ гвардейскаго штаба.

По приходѣ онаго патруля мѣщане отперли дверь, и хозяинъ взятъ былъ онымъ на гауптвахту".

Второй рапортъ отъ штабсъ-капитана Виганта въ лейбъ-гвардіи гренадерскій полкъ. Въ немъ читаемъ: „Вслѣдствіе предписанія вашего высокоблагородія имѣю честь донести, что 26 числа сего мѣсяца ѣхалъ я л.-гв. Финляндскаго полка къ поручику Марковскому съ прапорщикомъ арміи княземъ Максутовымъ, живущему Васильевской части, въ 1-мъ кварталѣ. Нечаянно зашли въ домъ придворнаго камердинера Парланда, который домъ находится возлѣ упомянутой квартиры поручика Марковскаго. Князь Максутовъ взошелъ на лѣстницу, поскользнулся и упалъ. Стоявшій возлѣ лѣстницы мѣщанинъ засмѣялся и сказалъ ему грубость. Князь Максутовъ не выдержалъ, ударилъ его одинъ разъ и болѣе никого не билъ. Оный мѣщанинъ началъ шумѣть, къ коему присоединились нѣсколько мѣщанъ того дому, которые его схватили и потащили въ комнату въ 1-мъ этажѣ, что въ коридорѣ. Поручикъ Марковскій, услышавши сей шумъ, котораго квартира возлѣ, пришелъ и встрѣтивъ его въ коридорѣ, гдѣ и до онаго находился, объявилъ ему, что князя Максутова схватили мѣщане, который и пошелъ на лѣстницу узнать, что съ нимъ дѣлаютъ, гдѣ и ему равно говорили грубости, за что и ударилъ нѣсколько разъ сего мѣщанина. Князь Максутовъ уѣхалъ въ это время домой, никѣмъ не примѣченный. Упомянутый же Марковскій вошелъ въ ихъ комнату и былъ ими тамъ запертъ; увидѣвъ сіе, я долгомъ себѣ поставилъ дать знать о семъ происшествіи стоявшему въ караулѣ на гауптвахтѣ при первомъ корпусѣ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка поручику Милюкову, отъ котораго и былъ посланъ патруль. При приходѣ патруля въ оный домъ нашли комнату запертою; по отзывѣ, что пришелъ караулъ, хозяинъ сей комнаты мѣщанинъ Ларинъ отворилъ ему двери, гдѣ и въ то время находился между ними поручикъ Марковскій, онымъ патрулемъ хозяинъ сей взятъ и отведенъ былъ на гауптвахту. Считаю, что вся оная исторія не касалась до меня я о семъ и не доносилъ полку".

Относительно изложеннаго случая съ Марковскимъ и Вигантомъ главнокомандующій со своей стороны писалъ: „Объ арестѣ штабсъ-капитана Виганта и поручика Марковскаго всеподданнѣйше донесено Вашему Императорскому Величеству 29 Декабря краткою запискою; къ подробнѣйшему же усмотрѣнію прилагаются здѣсь рапортъ караульнаго офицера съ гауптвахты и донесеніе правящаго должность оберъ-полицмейстера съ лѣкарскими свидѣтельствами. При семъ случаѣ полиція ничего къ предосужденію не сдѣлала. Самъ караульный офицеръ, по извѣщенію, посылалъ ефрейтора съ рядовымъ для узнанія о происшествіи. Они нашли, какъ онъ доноситъ, въ домѣ Парланда шумъ и драку и оттуда производившіе ее обращены на гауптвахту. Полицейскій офицеръ прибылъ на оную почти съ ними вмѣстѣ и принялъ только отъ караульнаго офицера битыхъ мѣщанина и городового офицера. Сами подвергшіеся оштрафованію Вигантъ и Марковскій въ показаніяхъ своихъ въ дежурство и въ полкъ (приложенныхъ при письмѣ генерала графа Милорадовича) не приносятъ жалобы на какое либо оскорбительное для нихъ дѣйствіе полицейскихъ чиновниковъ".

Графъ Милорадовичъ въ заключеніе своего письма снова повторяетъ то неудовольствіе, которое вызываютъ со стороны гвардіи дѣйствія полиціи.

„Власть главнокомандующаго не должна быть подвержена никакому истолкованію, ни разсужденію, но со всѣмъ тѣмъ неудовольствіе существуетъ. Начальники оскорбляются, что мимо нихъ подчиненные арестуются; гвардіи офицеры считаютъ себя оскорбленными тѣмъ, что по донесенію частнаго пристава подвергаются они таковому наказанію, которое лишаетъ ихъ чести служить въ гвардіи; ибо, хотя тѣ офицеры и арестованы на двѣ недѣли, но по винѣ ихъ, объявленной въ приказѣ, не могутъ быть въ отличномъ семъ корпусѣ. Рѣшеніе судьбы офицера заслуживало бы подробнѣйшаго изслѣдованія, наказаніе же само собой не дѣйствуетъ уже во всей своей силѣ, ибо не относятъ оное къ настоящей винѣ, потому что она не доказана. И, такимъ образомъ, вмѣсто раскаянія и поправленія виновныхъ и примѣра для другихъ рождается одно общее неудовольствіе. Подробное изслѣдованіе обще съ военнымъ судомъ или же и военный судъ въ вышеозначенномъ происшествіи доставилъ бы надлежащую пользу и истребилъ бы всѣ слѣды къ негодованію. Чѣмъ рѣже и строже наказаніе, дѣйствующее съ надлежащимъ изслѣдованіемъ вины, тѣмъ болѣе оное дѣйствительно и меньше преступленій. Я же самъ, неся званіе начальника, нахожусь въ самомъ странномъ положеніи, узнавая позже всѣхъ случаи, встрѣчающіеся съ офицерами, и такіе, которые имѣютъ вліяніе на весь корпусъ. Сіе нѣкоторымъ образомъ не доказываетъ взаимнаго уваженія мѣста къ мѣсту, лица къ лицу, уваженія, столь трудно пріобрѣтаемаго и въ службѣ и въ общежитіи необходимаго. Сіе чувствованіе подаетъ мнѣ смѣлость довести оное до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества, дабы разрѣшеніе Государя Императора могло отдалить какое-либо сужденіе и на мой счетъ, какъ начальника. Разрѣшеніе Государя Императора успокоитъ меня совершенно, ибо воля обожаемаго нами Государя есть священна для насъ и все, чтò по волѣ Государя Императора сдѣлается, не можетъ уже быть оскорбительнымъ ни для кого. Пріятно же для меня было, чтобы я, какъ начальникъ, былъ бы исполнителемъ воли г. главнокомандующаго во всемъ томъ, чтò будетъ касаться до подчиненныхъ моихъ и чтобы наказанія основывались на строгомъ изслѣдованіи вины въ приличныхъ тому случаяхъ. Не дѣлая ничего подспуднымъ образомъ, имѣя единственно въ виду безпристрастіе и общую пользу, считалъ я приличнымъ представить копію съ сего моего письма къ г. главнокомандующему. Всепокорнѣйше прошу донести мое письмо до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества“.

Какъ видно изъ приведеннаго письма, графъ Милорадовичъ желалъ оградить чиновъ гвардіи отъ излишняго усердія полицейскихъ властей и различныя „происшествія“ съ ними предавать на обсужденіе военнаго суда.

Михаилъ Соколовскій.

ПИСЬМО А. П. ЕЛАГИНОЙ КЪ М. П. РОЗБЕРГУ [1]).

1831, le 7 Janvier.

Je suis vraiment toute confuse de répondre si mal à votre attente. Les fleurs de votre bel Euxin seront bien assez belles parées de leur propre beauté; n'empruntez rien à nos serres chaudes: elles ont assez à faire, quand elles résistent simplement aux gélées. Baratinsky, qui, s'il n'est pas malade, est à peine convalescent, consacre tous les intervales que lui laisse la souffrance, à revoir un joli poëme, qui va être bientôt imprimé; Языковъ, qui ne se lasse pas de sa paresse, remet chaque jour au lendemain; Kireefsky, amoureux d'Arioste depuis qu'il le lit en Italien, commence des contes qu'il promet de finir. Votre almanach n'attend pas, j'en suis sûre, qu'il leur plaise de terminer une bonne fois leur длинной кейфъ, c. a. d., pour parler chrétien, leur dolce farniente. Laissez vos fleurs s'épanouir à leur aise et croyez que s'il y avait quelque chose qui fût digne d'un bouquet, nos jeunes gens n'auraient pas manqué de s'en faire un mérite auprès de vous. D'ailleurs il doit être trop tard maintenant: votre lettre du 15 N-bre je ne l'ai reçue que le 26 D-bre. Ceci explique le peu d'empressement dont vous avez du nous accuser tous.

Ma soeur vous aura dit le retour de mes enfants, et c'est avec un attendrissement profond que je pense à ce choléra, fléau pour tant d'autres, qui m'a procuré tout ce que le bonheur a de plus doux. Rojaline [2]) est resté à Munich, apparement pour me faire l'effet de l'anneau de Polycrate. Pour Mizkewitch, il y a longtemps que je n'ai pas de ses nouvelles. Алексѣй Андреевичъ [3]) est toujours indisposé, il vous salue avec

---

[1]) Михаилъ Петровичъ Розбергъ (род. въ Москвѣ 5 Авг. 1804 г., умеръ въ Дерптѣ 1 Ноября 1874 г.) въ первой половинѣ тридцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія жилъ въ Одессѣ, гдѣ служилъ въ канцеляріи генералъ-губернатора, былъ первымъ редакторомъ Одесскихъ газетъ (Русской и Французской) и преподавателемъ Русскаго языка и Словесности въ Ришельевскомъ Лицеѣ. Онъ, вмѣстѣ съ П. Т. Морозовымъ (род. 1808 † 1881), издалъ „Одесскій Альманахъ на 1831 г.“. *Г. Тройницкій.*

[2]) Николай Матвѣевичъ Рожалинъ, другъ Елагинской семьи. П. Б.

[3]) Елагинъ, супругъ писавшей это письмо. П. Б.

amitié et vous prie de nous donner de temps en temps des nouvelles de tout ce qui vous intéresse. Mes fils se rappelent aussi à votre bon souvenir, et moi je vous promets de retenir pour vous la prémière production signifiante, qui échappera à leur plume (Яз. y compris).

Vous ne m'avez pas donné votre adresse, je met celle-ci à l'aventure.
Votre dévouée Eudoxie Ielaguine.

Переводъ.

1831, 7 Января.

Мнѣ крайне совѣстно, что я такъ плохо оправдываю ваши ожиданія. Цвѣты вашего Эвскина будутъ достаточны хороши въ своемъ собственномъ уборѣ; не занимайте же ничего изъ нашихъ теплицъ, которымъ достаточно своихъ заботъ, чтобы преодолѣвать морозы. Баратынскій, хотя и не больной, но едва оправляющійся отъ болѣзни, посвящаетъ всѣ досуги, оставленные ему страданіями, обработкѣ прекрасной поэмы, которая вскорѣ будетъ напечатана; Языковъ, который еще не усталъ лѣниться, все откладываетъ со дня на день; Кирѣевскій, влюбленный въ Аріоста съ тѣхъ поръ какъ читаетъ его по-итальянски, началъ писать сказки, которыя обѣщаетъ кончить. Вашъ альманахъ, я въ томъ увѣрена, не выжидаетъ, пока они соблаговолятъ рѣшительно покончить ихъ длинной кейфъ, т. е., говоря по христіански, ихъ dolce far niente. Пусть ваши цвѣты распускаются своими средствами; повѣрьте, что если бы на готовѣ было что-нибудь пригодное для букета, наша молодежь не преминула бы хвастнуть передъ вами. Вѣдь теперь должно быть уже и поздно: ваше письмо отъ 15 Ноября получено мною только 26 Декабря, и этимъ объясняется промедленіе, за которое вы на всѣхъ насъ, конечно, пеняете. Вы слышали, вѣроятно, отъ моей сестры, о возвращеніи моихъ дѣтей; я съ глубокимъ умиленіемъ думаю о холерѣ, грозномъ бичѣ для столь многихъ, который дастъ мнѣ возможность услаждаться счастьемъ. Рожалинъ остался въ Минхенѣ, вѣроятно для того, чтобы напоминать мнѣ кольцо Поликрата. О Мицкевичѣ я давно не получала извѣстій. Алексѣй Андреевичъ все хвораетъ, онъ вамъ дружески кланяется и проситъ васъ, хоть иногда, писать намъ о всемъ, что васъ интересуетъ; сыновья мои также поручаютъ себя вашей доброй памяти, я же, съ своей стороны, обѣщаю вамъ приберечь въ вашу пользу первое, сколько-нибудь достойное, произведеніе ихъ пера (включая и Языкова).

Вы не сообщили мнѣ своего адреса, и я пишу его наудачу. Преданная вамъ Авдотья Елагина.

(Сообщено Григоріемъ Александровичемъ Тройницкимъ).

В. А. ЖУКОВСКАГО

довѣренность Авдотьѣ Петровнѣ Елагиной.

Я остался долженъ подательницѣ сего письма генеральшѣ Пушкиной большую сумму дружбы, и эта сумма такъ велика, что однихъ процентовъ ея нельзя выплатить во всю жизнь. Поручаю Авдотьѣ Петровнѣ Елагиной, у которой хранится одинъ изъ самыхъ значительныхъ моихъ капиталовъ, быть за меня плательщицею и отдать госпожѣ генеральшѣ изъ общей нашей суммы чѣмъ больше, тѣмъ лучше.

Жуковскій.

Дрезденъ, 14 (26) Апрѣля 1827.

Съ подлинника, подареннаго намъ А. П. Елагиной. Объ этой генеральшѣ (вдовѣ извѣстнаго остряка А. М. Пушкина, ур. Безобразовой) Еленѣ Григорьевнѣ Пушкиной см. въ 1-й книгѣ нашего сборника „Девятнадцатый Вѣкъ". П. Б.

ЗАПИСКА В. А. ЖУКОВСКАГО Ф. Ф. ВИГЕЛЮ.

Гласъ народа—гласъ Божій: всѣ говорятъ, этотъ *Вигель презлой*, и выходитъ, что это правда, и правда Божія. Злѣе не можетъ быть ничего той записки, которую ваше превосходительство соблаговолило настрочить ко мнѣ. Въ ней виденъ весь тотъ долгоносый Ивиковъ Журавль, который нѣкогда клевалъ Бесѣду. Вы кольнули меня прямо въ сердце. Манускриптъ вашъ у меня подъ рукою, но я ни за что теперь не соглашусь послать его къ вамъ; ибо вы его возьмете и не захотите уже послѣ мнѣ ни дать, ни прочитать. Привезъ бы его самъ, но сижу дома, ибо у меня нога болитъ. Не соблаговолите ли, если это вамъ непротивно, навѣстить меня завтра часовъ въ восемь вечера? Мы бы почитали вмѣстѣ то, что̀ вы такъ язвительно для меня называете *драть носъ*. Если же вы не захотите мнѣ сдѣлать сей чести и дружбы, то я тогда рѣшительно начну думать, что вы на меня сердиты и непримиримы. Нѣтъ, Журочка, не сердитесь! Вытащите носъ изъ болота, да не увязите хвоста. Свѣтлана.

Ф. Ф. Вигель по поводу стиховъ А. С. Хомякова „Россіи (1854).

Въ Петербургѣ шли толки о патріотическомъ воззваніи къ Россіи лучшаго ея поэта, Хомякова. Его всѣ читали, равно какъ и стихи извѣстныхъ замѣчательныхъ писательницъ *), оскорбленныхъ излишнею его строгостью къ отчизнѣ. Онѣ неправы: въ нихъ, подобно какъ и въ большей части Русскихъ, патріотизмъ не что иное, какъ простое, врожденное чувство, глубокое и неизъяснимое, безъ сознанія, не подлежащее сужденіямъ; отъ того-то на событія нынѣшнія они не могутъ смотрѣть съ одинаковой точки зрѣнія съ г. Хомяковымъ, свыше ниспосланнымъ. Онъ не понятъ, т. е. не разгаданъ; и какъ разгадать человѣка, который такъ часто и быстро мѣняетъ мнѣнія свои? Какъ добраться до заповѣдной его мысли? И въ Петербургѣ есть много людей, которые явно порицаютъ его поступокъ. Возможно ли, говорятъ они, сорокъ милліоновъ людей обвинять въ ужасныхъ порокахъ, въ преступленіяхъ, осуждать ихъ на очистительныя наказанія, не почитая себя или не выдавая себя за единственнаго между ними праведника? У него Православіе такое мудреное, что становится сомнительнымъ. Въ его заблужденіяхъ видятъ они начало ереси, а въ площадныхъ совѣщаніяхъ, преніяхъ съ старовѣрами, желаніе увлечь ихъ на то, что̀ онъ почитаетъ истиннымъ путемъ. И кто далъ, говорятъ они, г. Хомякову право быть нашимъ Иліею, нашимъ Іезекіилемъ? Какъ Давидъ, будучи поэтомъ, онъ почитаетъ себя пророкомъ, не достаетъ ему царскаго достоинства, чтобы совершенно сравняться съ Давидомъ. Нѣтъ, нѣтъ, никогда не быть ему Божественнымъ пѣснопѣвцемъ, а развѣ только (отчего Боже сохрани его и насъ!) Иваномъ Лейденскимъ, вѣнчавшимся въ Мюнстерѣ. Даже приверженцевъ его, подъ именемъ Славянофиловъ, почитаютъ они новѣйшими Анабаптистами.

Все это сущій вздоръ, скажемъ мы; никогда царскимъ блескомъ особенно не плѣнялся г. Хомяковъ. Юный, неопытный Давидъ, идя на Голіаѳа, по словамъ его, не хотѣлъ брать царскаго оружія, а вооружился единственно пращемъ, т. е. крѣпкою вѣрою. Кіевскія пещеры находитъ онъ краше царственныхъ палатъ; кажется, между сими двумя предметами никакого сравненія быть не можетъ. Въ эту памятную ночь, когда въ первопрестольномъ градѣ совершалось освященіе новыхъ царскихъ палатъ, своимъ велелѣпіемъ, наконецъ достойныхъ его величія,

*) Т. е. графини Ростопчиной и Надежды Васильевны Арсеньевой, ур. Камыниной († 1855). П. Б.

съ высоты Ивана Великаго раздался громкій и вмѣстѣ умилительный голосъ, возвѣщающій воскресеніе Спасителя, который ежегодно такъ сильно потрясаетъ души православныхъ, какими чудными красками г. Хомяковъ изобразилъ сіе мгновеніе! [1]) Но онъ ошибается, отдѣляя тутъ духовное торжество отъ мірскаго, находя, что радостный звонъ колокола (еще не вѣчевого) не имѣлъ ничего общаго съ происходящимъ вокругъ него, что онъ былъ чуждъ ликованіямъ добраго, иностранцами и нѣкіими писателями оклеветаннаго народа. Въ эту памятную ночь сердца вѣрноподданныхъ также ярко горѣли двойной любовью, какъ и наружность и внутренность храмовъ и дворца.

Мы позволимъ себѣ обвинять г. Хомякова единственно въ сильной страсти къ словопреніямъ. Какъ напримѣръ повѣрить, что та самая земля, которую нѣсколько лѣтъ тому назадъ называлъ онъ *смиренною, полною вѣры и чудесъ*, нынѣ вдругъ стала *недостойною избранія*? При необыкновенномъ умѣ г. Хомякова, съ его разсудкомъ, нельзя ему не видѣть, что и для самомалѣйшей части своихъ соотечественниковъ онъ никогда не будетъ путеводнымъ свѣтиломъ [2]). Умирающаго склонять къ покаянію, конечно, похвально; но наша Россія, хотя и окружена опасностями, все еще полна жизни и силы. И какое время выбралъ г. Хомяковъ, чтобы метать свои перуны? Когда повсемѣстный энтузіазмъ такъ ясно выказываетъ доблестныя чувства всѣхъ сословій нашего народа, всю братскую любовь къ угнетеннымъ Грекамъ и Болгарамъ и сильнѣйшее желаніе сорвать съ нихъ вѣковыя тяжкія узы. Удивительно, непонятно, какъ рѣшился онъ присоединить свой голосъ, хотя бы и правдивый, къ безумнымъ воплямъ разъяреннаго противъ насъ Запада. Сему мнимому праведнику, о Господи, прости его прегрѣшенія, умѣрь въ немъ гордыню духа, внушенную ему ангеломъ тьмы, и подаждь христіанское смиреніе, Тебѣ столь угодное. Онъ нѣкогда любилъ Россію, какимъ-то обаяніемъ угадалъ ея лютѣйшаго врага и первый дерзнулъ возстать противъ Альбіона. А нынѣ! Онъ только что умѣетъ дивиться его величію. Общее мнѣніе совсѣмъ не въ пользу г. Хомякова. Отъ того-то, вѣроятно, съ такимъ жаромъ превозносятъ стихи ополчившихся на него красавицъ.

Съ подлинника, подареннаго намъ Ф. Ф. Вигелемъ. П. Б.

---

[1]) Но и тутъ на стихъ „ни суетно-торжественныхъ заботъ“ Вигель указывалъ намъ какъ на выходку противъ царскаго двора. П. Б.

[2]) Слово заимствованное изъ прекраснаго стихотворенія г. Павловой, называемаго Тріанонъ.

ПИСЬМА Н. В. ПУТЯТЫ КЪ А. А. МУХАНОВУ, 1825 ГОДА.

О Николаѣ Васильевичѣ Путятѣ (род. 22 Іюля 1802 † 29 Октября 1877) читатели припомнятъ нашу статью въ „Русскомъ Архивѣ“ 1878 (I, 125—127). Нижеслѣдующія письма его, извлеченныя нами изъ Щукинскаго Сборника, писаны къ Александру Алексѣевичу Муханову (род. 1802 † 1834), его сослуживцу при Финляндскомъ генералъ-губернаторѣ графѣ А. А. Закревскомъ. П. Б.

I.

Благодарю тебя любезный другъ, за письмо твое полученное мною отъ 1-го Марта, также и за доставленіе письма отъ Баратынскаго.

Буря его имѣла туже участь чтò *Эпилогъ*: цензура не пропустила ее за слѣдующіе стихи:

Не тотъ ли злобный духъ, геенны властелинъ,
Чтò по вселенной розлилъ горе? и проч.

Не думаю, чтобъ ваши евнухи Музъ были снисходительнѣе и чувствительнѣе здѣшнихъ къ красотамъ ихъ; на всякій случай посылаю ее тебѣ. Попробуй, авось либо пропустятъ.

Прочіе же стихи изъ *Еды* уже печатаются въ Мнемозинѣ, а потому къ сожалѣнію не могу прислать ихъ въ Полярную. Она точно намъ родная и по небу, и по вкусу, и по сердцу. Вяземской былъ отчаянно боленъ, но теперь онъ внѣ опасности и почти совсѣмъ оправился, къ живѣйшей радости его друзей и друзей отечественной словесности.

Чтò сказать тебѣ о моей Московской жизни? Прогуливаю свою лѣнь, равнодушіе и скуку по Кузнецкому мосту, по концертамъ, въ клубѣ, въ домахъ у старыхъ и новыхъ знакомыхъ; но нигдѣ не нашелъ мѣстечка, гдѣ пріютиться сердцу и душѣ...

На сей разъ я принужденъ огорчить Нипокаковскаго, и, вопреки твоему мнѣнію, огорченіе сіе произойдетъ отъ Горя отъ Ума. Я отдалъ эту комедію одному пріятелю, который, уѣхавъ въ деревню на нѣсколько сутокъ, увезъ ее съ собой. Впрочемъ у брата моего Дмитрія есть экземпляръ оной въ Петербургѣ, онъ можетъ тебя снабдить имъ для доставленія куда слѣдуетъ. Скажи пожалуй, что онъ *) медлитъ! По собственной ли волѣ, или такъ опредѣлено свыше? Напиши, какъ вы долго

*) Т. е. вѣроятно Закревскій, пріѣхавшій изъ Гельсингфорса въ Петербургъ. П. Б.

располагаете пробыть въ Петербургѣ. Прощай, боюсь опоздать на почту и спѣшу кончить. Не забывай преданнаго тебѣ Н. Путяту.

9-го Марта 1825. Москва.

Я видѣлся съ Д. В. Давыдовымъ, и онъ мнѣ сказывалъ, что ты не прислалъ ему ничего изъ обѣщанныхъ бумагъ о Финляндіи.

Братъ твой Павелъ Алекс. [1]) сказывалъ мнѣ вчера, что ты отъ него и отъ нѣкоторыхъ другихъ твоихъ знакомыхъ требуешь также извѣстій о состояніи здоровья кн. Вяземскаго; чтобъ успокоить тебя на этотъ счетъ, мы намѣреваемся составить *un bulletin de sa santé* и съ надписью Скюдери [2]) тебѣ отправить.

II.

15-го Мая 1825. Петербургъ.

Спѣшу, любезный Мухановъ, дать тебѣ отчетъ въ пріѣздѣ моемъ въ Гельзингфорсъ. Простившись съ вами, я былъ грустенъ, но въ Кюменѣ меня ждала истинная радость. Не могу пересказать тебѣ восхищенія Баратынскаго когда я объявилъ ему о его производствѣ [3]); блаженство его въ эту минуту, искреннее участіе, которое всѣ окружающіе его принимали въ перемѣнѣ его судьбы и которое доказало мнѣ, какъ онъ былъ ими любимъ, откровенные разговоры о прошедшемъ и будущемъ, все это доставило мнѣ нѣсколько пріятнѣйшихъ часовъ въ моей жизни. Съ радостію также замѣтилъ я, что вѣрная спутница его въ несчастіи, Поэзія, не будетъ имъ забыта въ благополучіи. Хотя онъ не помнилъ самъ себя, бѣгалъ и прыгалъ какъ ребенокъ, но не могъ удержаться, чтобъ не прочесть мнѣ нѣсколько страницъ изъ сочиняемой имъ поэмы, въ которой онъ разсѣялъ много хорошаго и много воспоминаній объ нашей Гельзингфорской жизни. Доселѣ Поэзія была необходимостію души убитой горестью и жаждущей излить свои чувства, теперь она содѣлается цѣлію его жизни. Время докажетъ, выиграетъ или потеряетъ его талантъ при сей перемѣнѣ обстоятельствъ.

Въ Гельзингфорсѣ нашъ Герцогъ [4]) встрѣтилъ меня довольно милостиво и когда я удовлетворилъ первому его вопросу: что̀ новенькаго, скорѣй разказывай, то онъ завалилъ меня кучею различныхъ приготовленій для вояжа, какъ то маршрутами, таблицами, журналами и проч...

Съ Магдалиною [5]) я свидѣлся какъ съ женщиною, которую прежде я

---

[1]) Братъ двоюродный. П. Б.

[2]) Извѣстнаго врача. П. Б.

[3]) Т. е. о производствѣ въ офицеры изъ солдатъ Нейшлотскаго полка, которое исходатайствовалъ Баратынскому В. А. Жуковскій чрезъ князя А. Н. Голицына (см. „Руссскій Архивъ“ 1868, 147—160). П. Б.

[4]) Т. е. Закревскій. П. Б.

[5]) Супруга Закревскаго Аграфена Өедоровна. „Какъ Магдалина плачешь ты, и какъ Русалка ты хохочешь“, писалъ о ней Баратынскій. П. Б.

просто нѣсколько знавалъ; храню къ ней равнодушіе и не вижу ее иначе, какъ при общемъ собраніи придворныхъ. Впрочемъ она похудѣла, имѣетъ страдальческій видъ и потеряла даже нѣсколько своей прежней живости и судорожнаго веселья. Вообще я замѣтилъ въ ней какую-то перемѣну мнѣ непонятную. Мефистофилесъ [1]), тутъ безотлучно, и они другъ съ другомъ aux petits soins, какъ нѣжные любовники въ сентиментальномъ романѣ; онъ читаетъ ей вслухъ Les confessions de Rousseau, подаетъ скамеечку, третъ виски герцогу, когда у него болитъ голова, словомъ за отсутствіемъ Мисиньки, произведенъ въ Англичанки. Королина, которая теперь тутъ и живетъ, разливаетъ чай или играетъ въ фофаны съ Львовымъ. Баронъ любезничаетъ; при всемъ этомъ засѣдаетъ скука, какая-то несносная пустота и уныніе, и день кончается ужиномъ, но не такимъ какъ бывало прежде,—ужиномъ, которой доставляетъ намъ удовольствіе лишнихъ часа два ожидать благосклоннаго привѣтствія: вы любите поговорить, пора спать! Вотъ тебѣ картина нѣсколькихъ дней проведенныхъ мною теперь здѣсь. Съ нетерпѣніемъ жду той минуты, когда мы сядемъ въ коляску, и перемѣна хотя неодушевленныхъ предметовъ разсѣетъ убійственное однообразіе и оковы такой жизни.

Вижу, любезный другъ, съ какимъ разсѣяннымъ взоромъ ты пробѣгаешь мои строки и какое нетерпѣніе говоритъ на лицѣ твоемъ. Ни слова объ моей Ав.... [2])—терпѣніе! Вчера я видѣлъ ее. Дѣлавши свои визиты, вездѣ только видѣлъ жестяные ящички и кидалъ туда свои карточки. Наконецъ, нашелъ ее у Рихтерши, гдѣ кругъ ихъ знакомыхъ пилъ чай. Она похудѣла и потеряла нѣсколько своей прежней свѣжести; теперь она заря осенняя, по челу коей пронеслись мрачныя и бурныя тучи, предвѣстницы сумрачнаго дня. Она сидѣла съ Миной; къ нимъ безпрестанно подходили мужчины, и я не могъ имѣть никакого особеннаго съ нею разговора, кромѣ общихъ привѣтствій. Всѣ прочіе, въ томъ числѣ старикъ Маннергеймъ, спрашивали о тебѣ, и я силился ихъ убѣдить, что ты очень сожалѣешь о Финляндіи и что одни только важныя семейныя обстоятельства причиною, что ты не могъ сюда возвратиться. Впрочемъ молва о семъ идетъ различная. Все ихъ семейство проводитъ лѣто въ городѣ, ибо такъ какъ въ Трескендѣ старый ихъ домъ сломанъ, то негдѣ тамъ жить. Маннергеймы уѣхали къ себѣ въ деревню, въ Вильнесъ, и въ томъ числѣ и графъ Карлъ, которой въ

---

[1]) Графъ Армфельдъ? П. Б.

[2]) Аврора Карловна Шернваль, въ первомъ бракѣ Демидова, во второмъ Карамзина. „Выдь, дохни намъ упоеньемъ, соименница Зари“, писалъ къ ней Баратынскій. О ней же Соболевскаго: „Сіяетъ Аврора, свѣжа и румяна. Въ ней много для взора и шишъ для кармана“. П. Б.

Іюнѣ или Іюлѣ возвращается въ Петербургъ. Кронштедъ къ тебѣ писалъ съ Гисингеромъ и сердится, что ты ему не отвѣчаешь на послѣднія его письма; онъ остается здѣсь и будетъ тебѣ сообщать отсюда извѣстія. Онъ доброй малой и любитъ тебя. Князь Алекс. тебѣ кланяется.

Сейчасъ получилъ твое письмо, спасибо, что не забываешь и не забывай впредъ. Сожалѣю, что не могу дать болѣе подробнаго отчета на твои распросы. Поклонись отъ меня любезному другу Ренкевичу и припомни обѣщаніе писать иногда ко мнѣ. Преданный тебѣ Н. Путята.

III.

3-го (15-го) Іюня 1825-го. Г. Брагештатъ.

Вотъ ужъ около мѣсяца, любезный Мухановъ, какъ мы странствуемъ по Финляндіи цѣлымъ караваномъ. Герцогъ нашъ разъѣзжаетъ по своимъ областямъ великолѣпнѣе всякаго Азіатскаго сатрапа: съ нимъ толпа адъютантовъ, чиновниковъ, дворовыхъ рабовъ и цѣлый сераль женщинъ всѣхъ народовъ, Англичанокъ, Итальянокъ, Шведокъ и проч. Одна разница между нимъ и роскошными вельможами Востока, что онъ возитъ сей послѣдній не для своего собственнаго употребленія, а для удовольствія другихъ. Караванъ нашъ обыкновенно раздѣляется на двѣ части: одна, въ которой находится самъ Герцогъ и мученики его акуратности и мелочной дѣятельности (къ сей партіи я имѣю удовольствіе принадлежать), отправляется всегда впередъ, приводитъ все въ движеніе, опрятность и чистоту, ранжируетъ войско и старыя дѣла въ архивахъ во фронтъ. Между тѣмъ другая, подъ предлогомъ слабости и разстроенности нервъ женскаго пола, остается въ городахъ на роскошныхъ квартирахъ подъ защитою графовъ и князей. Сія послѣдняя ввѣрена теперь особенному попеченію стараго антикварія, со времени прибытія его изъ Петербурга, который среди этой толпы походитъ на дряхлаго евнуха, хотя главный его недостатокъ заключается не въ слабости... , а въ лишеніи умственной проницательности. Про Герцога въ семъ отношеніи нечего и говорить: ты славно его представилъ въ послѣднемъ твоемъ письмѣ, и Мефистофилесъ его убаюкалъ, кажется, до непробуднаго сна.

Съ Мефистофилесомъ про тебя я не имѣлъ никакихъ особенныхъ разговоровъ. Ты требуешь объясненія слѣдующихъ моихъ словъ: *Впрочемъ молва о семъ идетъ различная*. Это значитъ, что невозвращенію твоему въ Финляндію полагаютъ различныя причины, и не скрою отъ тебя, что нѣкоторые говорятъ, что ты *не хотѣлъ окончить начатаго дѣла* *), но

*) Отецъ Муханова, Московскій почетный опекунъ, сначала не дозволялъ ему жениться на Аврорѣ Карловнѣ, потомъ согласился, свадьба была уже назначена, но Мухановъ скончался. П. Б.

это тѣ, коимъ вовсе неизвѣстно твое поведеніе передъ отъѣздомъ въ Петербургъ, и люди, какъ наприм. Плаксинъ и тому подобные, изъ Русскихъ; а потому ты не долженъ на это нимало обращать вниманія.

М. отдала мнѣ записку для доставленія къ тебѣ; кажется, она на тебя за что-то сердится, но я не могу тебѣ этого объяснить, ибо не только съ нею почти не говорю, но иногда по цѣлымъ днямъ вовсе ея не вижу.

Графъ Ѳ. А.[1]) говорилъ мнѣ, что онъ читалъ мою статью въ Телеграфѣ и очень ее хвалилъ, но эта похвала хуже брани. Если напечатали твои возраженія на г-жу Сталь, то пришли мнѣ ихъ непремѣнно; также сообщай пожалуста наши литературныя новости.

Братъ Александръ въ Або; онъ записанъ въ 46-й Егерской полкъ, ибо не хотѣлъ генералъ поручить его Сверчкову, а батюшка предоставилъ это совершенно на его произволъ. Покуда онъ тамъ очень скучаетъ.

Теперь мы путешествуемъ по Остроботніи, въ самомъ богатомъ краю Финляндіи; безпрестанно встрѣчаемъ хорошенькіе торговые города, хорошо обработанныя поля, прекрасные крестьянскіе домики и жителей опрятныхъ и живущихъ въ довольствѣ. Но что̀ выигрываешь на счетъ удобности жизни, то теряешь для взоровъ и впечатлѣній: здѣсь природа уже не Финляндская, ибо страна совершенно плоская. Чистота, порядокъ и спокойствіе—вотъ характеристическія черты этого края. Мы приближаемся теперь безпрестанно къ Сѣверу и ежедневно наслаждаемся болѣе и болѣе зрѣніемъ солнца, которое уже почти совсѣмъ не закатывается, но вовсе, любезный другъ, не грѣетъ: въ Іюнѣ мы столько терпимъ отъ холоду, что принуждены прибѣгнуть къ теплымъ шинелямъ. Напиши мнѣ, долго ли ты останешься въ Петербургѣ и какія твои предположенія. Прощай! Преданный тебѣ душевно Н. Путята.

Изъ Торнео напишу, справедливо ли говоритъ Арсеньевъ [2]) насчетъ нашей границы съ Швеціею.

IV.

Давно я не писалъ къ тебѣ, любезный Мухановъ, но причиною тому были безпрестанныя наши поѣздки и сопряженныя съ ними хлопоты и дѣла. Прежде нежели начну описаніе путешествія, скажу нѣсколько словъ о пристани, откуда мы пускались въ путь и куда снова возвратились. Гельзингфорсъ теперь совершенно опустѣлъ, ибо всѣ наши патриціи, подобно древнимъ Римлянамъ, принимаются лѣтомъ за плугъ и собираютъ жатву для зимняго времени. Аврора твоя мелькомъ

[1]) Толстой, отецъ графини Закревской. П. Б.

[2]) Константинъ Ивановичъ, сочинитель учебника Географіи. П. Б.

только является въ городѣ, и я едва могъ ее увидѣть въ Нѣмецкомъ театрѣ, который восхищаетъ теперь всю нашу столицу и куда стекаются сентиментальныя наши Шведки, чтобы поплакать за страстною драмою и принять нѣмое участіе сострадания въ сильныхъ движеніяхъ сердца и разгоряченнаго воображенія и, познакомясь со страстьми на театрѣ, возвращаются къ мирному однообразію домашней жизни. На политическомъ нашемъ горизонтѣ также произошли перемѣны: Еренстрёмъ получилъ свою отставку; Клинковстрёмъ уволенъ отъ должности ландсгевдинга и назначенъ членомъ въ Сенатъ, а мѣсто его заступилъ Рамзай и пр. У герцога въ домѣ все идетъ по прежнему. М. въ прошедшемъ мѣсяцѣ была въ Петербургѣ. Получаю въ это время длинное письмо отъ Баратынскаго, наполненное подробностями о ней и наконецъ узнаю признаніе, что онъ попалъ въ ея волшебныя сѣти. Вотъ между прочимъ что̀ пишетъ онъ ко мнѣ: *хотя я знаю, что опасно и глядѣть на нее и ее ощущать, я ищу и жажду этого мучительнаго удовольствія.* Подъ конецъ утѣшаетъ себя слѣдующими словами: *но первые часы уединенія возвратятъ мнѣ разсудокъ; напишу нѣсколько элегій и засну спокойно.* Полкъ его возвращается теперь въ Финляндію, и я надѣюсь увидѣться съ нимъ во время поѣздки въ Выборгъ, которую генералъ предполагаетъ начать 28-го сего мѣсяца и продолжить ее весьма короткое время. Баратынскій обѣщаетъ мнѣ въ Сентябрѣ побывать у насъ; я твердо увѣренъ, что онъ исполнитъ это обѣщаніе, но огорчаюсь тѣмъ, что пріѣдетъ раздѣлить время и чувства свои не со мною. Добрый нашъ товарищъ князь Александръ Львовъ уѣзжаетъ также въ отпускъ, въ Москву къ больной сестрѣ; отсутствіе его тѣмъ болѣе будетъ для меня ощутительно, что я и такъ уже кромѣ пустоты и равнодушія ничего вокругъ себя не ощущаю, и онѣ-то тяготятъ меня.

Пробѣгая журналы наши, видѣлъ я, что статья твоя о Финляндіи надѣлала нѣсколько шума. Дамскій Журналъ, en chevalier galant, вступился за честь женщинъ; но дай имъ Богъ болѣе такихъ защитниковъ, и тогда намъ нечего будетъ опасаться о проигрышѣ процесса. Другой противникъ, въ Телеграфѣ, съ большимъ искусствомъ нападаетъ на легкомысленное и оскорбительное сужденіе твое о г-жѣ Сталь и, признаюсь откровенно, я согласенъ съ его мнѣніемъ. Не любя вообще, по какому-то предубѣжденію, женщинъ - писательницъ, исключаю изъ этого числа г-жу Сталь, которая въ сочиненіяхъ своихъ возвысилась надъ обыкновеннымъ кругомъ дѣятельности и ума женскаго, обращающагося въ тѣсной сферѣ наблюденій надъ характерами и мелочными пружинами, двигающими свѣтское общество, и отбросивъ равно приторную плаксивость и притворную любовь къ природѣ многихъ изъ нихъ, силою своихъ мыслей и глубиною чувствъ стала на ряду съ величайшими мужами

нашего вѣка. Замѣчанія твои на счетъ ложнаго ея понятія о Финляндіи справедливы, но не надобно было слишкомъ увлекаться негодованіемъ. Вотъ мое сужденіе, любезный другъ; можетъ быть, оно ошибочно, но откровенно.

Посылаю тебѣ письмо отъ Татаринова; оно нѣсколько залежалось, но я не хотѣлъ его послать, не присоединивъ къ нему своей собственной епистолы. Положеніе его тѣмъ горестнѣе и тягостнѣе для него сдѣлалось, что родственники на него негодуютъ, и отецъ отказалъ ему въ денежномъ пособіи и ничего не присылаетъ; но онъ, по счастливому ли характеру или по неопытности, питаетъ себя химерическими мечтами и надеждами.

Не распространяюсь теперь о путешествіи нашемъ; скажу только, что оно доставило мнѣ нѣсколько новыхъ и сильныхъ впечатлѣній. Необыкновенное зрѣлище полуночнаго солнца въ Торнео, Лапландская природа, бурное Ладожское озеро, по коему мнѣ случилось плавать въ сильное ненастье, и нѣкоторыя другія мѣста сего края запечатлѣлись навсегда въ моемъ воображеніи, но до должнаго времени отлагаю присылку тебѣ нѣкоторыхъ подробностей объ этихъ мѣстахъ.

Теперь позволь спросить тебя, какое дѣйствіе произвела на твою моральную систему перемѣна службы, мѣстопребыванія и общества? Гдѣ ты поживаешь, что̀ дѣлаешь? Ничего это я не знаю, ибо ты мнѣ не писалъ съ самаго отъѣзда твоего изъ Петербурга, но все желаю знать по привязанности и дружбѣ моей къ тебѣ и съ сими чувствами остаюсь тебѣ преданный Н. Путята.

24-го Августа 1825. Гельзингфорсъ.

Не помнишь ли ты, кто доставилъ тебѣ письмо къ одному разжалованному кадету, служащему въ Вильманстрандскомъ полку, Грабовскому. Письмо это было съ деньгами, и ты отдалъ мнѣ его для передачи, что̀ я и исполнилъ; но этотъ несчастной, получая весьма рѣдко извѣстія отъ родныхъ и не имѣя также всегда случай писать къ нимъ, желалъ бы знать, чрезъ чье посредство получилъ онъ это письмо. Пожалуста не забудь мнѣ о семъ написать.

Также увѣдомь, подъ какимъ названіемъ существуетъ путешествіе къ Сѣверному мысу Италіянца *Ачерби*, о коемъ ты мнѣ упоминаешь въ одномъ изъ твоихъ писемъ и гдѣ можно его достать?

Бывшій твой соперникъ маіоръ Линдеръ пріѣзжалъ сюда лѣтомъ; говорятъ, что въ семъ случаѣ радостные лица и взоры родительскіе отражали надежду воспользоваться его сокровищами, но у дочери онъ имѣлъ плохой успѣхъ и отправился донкишотствовать въ старое мѣсто.

Письмо Н. В Путяты къ Е. А. Баратынскому.

(1827).

Я писалъ къ тебѣ, любезный Баратынской, передъ отъѣздомъ моимъ въ Финляндію, и вотъ уже опять возвратился въ Петербургъ. Какъ ошибочны предположенія человѣка! Меня ужасала мысль снова ступить на скалы Финскія, и я три недѣли провелъ въ Гельзингфорсѣ въ какомъ-то необыкновенномъ расположеніи духа. Воспоминанія толпою тѣснились въ душѣ моей, иногда озаряли лучемъ радости, но чаще мрачили облакомъ печали; однакоже краткость времени, дѣятельность путешествія и внезапное явленіе среди общества давно забытаго, но знакомаго, поддерживали мой духъ въ какой-то дѣятельности, въ развлеченіи и не давали предаться совершенно меланхоліи, которой съ нѣкотораго времени я сдѣлался причастенъ болѣе нежели когда либо. Снисхожденіе и дружба твоя конечно извинятъ мнѣ, что я въ письмахъ своихъ всегда много говорю о себѣ; Петербургъ для меня теперь скученъ, воспоминаній у меня здѣсь немного, по крайней мѣрѣ такихъ какъ въ Финляндіи, друзей еще менѣе: чтобы излить свои чувства, я прибѣгаю иногда къ перу и бумагѣ, и тогда заочно бесѣдую съ тобою.

Почти все наше семейство собралось теперь здѣсь; матушка съ сестрою пріѣхали къ намъ на нѣкоторое время, и я сижу или съ ними, или съ книгами. Въ одной тетрадкѣ Телеграфа я увидѣлъ начало твоей поэмы: *Бальный вечеръ* и очень этому обрадовался. Объявивъ нѣкоторымъ образомъ публикѣ, что ты готовишь литтературѣ новый подарокъ, это заставитъ тебя съ большею ревностію заняться имъ и скорѣе исполнить ожиданіе всѣхъ любителей прекраснаго. Подари и меня спискомъ съ *Бальнаго вечера*, или по крайней мѣрѣ тѣхъ мѣстъ, которыя мнѣ еще неизвѣстны, ибо конечно послѣ нашей разлуки ты много еще написалъ. Бездѣйствіе и лѣнь неизвинительны даже въ человѣкѣ обыкновенномъ, котораго частные труды не могутъ принести большой пользы; тѣмъ грѣшнѣе людямъ, одареннымъ природою богатыми нравственными дарами, хранить ихъ какъ скупецъ золото и не пускать въ оборотъ для наслажденія и пользы собственной, другихъ и потомства. По возвращеніи моемъ я заглянулъ въ наши литературныя новости, ибо писатели наши обыкновенно разгуливаются къ святкамъ и масляницѣ; являются кучи альманаховъ, гдѣ, подъ знаменіемъ всѣхъ извѣстныхъ сѣверныхъ созвѣздій, рождаются на свѣтъ толпы поэтовъ и прозаистовъ, коихъ имена недолговѣчнѣе именъ блистающихъ на визитныхъ картахъ, развозимыхъ въ это время. Журналы наполняются преніями, критиками и антикритиками, и всѣ умы записныхъ словесниковъ при-

ходятъ на время въ движеніе и восторгъ. Передо мной лежитъ съ полдюжины различныхъ подарковъ любителямъ и любительницамъ чтенія, mais ce sont plutôt des poissons d'Avril que des étrennes pour le nouvel an *). Право, ни одного нельзя назвать истинно хорошимъ; кое-гдѣ прочтешь нѣсколько страничекъ складной прозы и гладенькихъ стиховъ, и только! Съ нетерпѣніемъ жду Цвѣтовъ Дельвига; можно надѣться, что они будутъ свѣжи, блистательны и душисты. У васъ въ Москвѣ началъ издаваться новый журналъ Московскій Вѣстникъ; судя по первымъ книжкамъ, стихотворная часть оной отлична, я съ жадностью читалъ и перечитывалъ отрывокъ изъ Годунова. Піэсы Веневитинова и Хомякова прекрасны, эти два поэта подаютъ большую надежду. Прозаическая часть сего изданія также недурна, а познанія и дѣятельность Погодина обѣщаютъ содѣлать оную особенно любопытною по части древней исторіи и археологіи. Въ первой книжкѣ Телеграфа есть статьи очень хорошія; жаль, что издатель мало заботится о языкѣ, особенно переводы варварскіе. Съ какимъ удовольствіемъ перечиталъ я въ Памятникѣ Музъ, изданномъ г. Ѳедоровымъ, нѣсколько страницъ Батюшкова прозы! Батюшковъ изъ любимѣйшихъ моихъ поэтовъ, изъ первыхъ, которыхъ я началъ читать и знаю почти наизусть, а потому этотъ Альманахъ показался мнѣ занимательнѣе другихъ; можетъ быть, онъ и въ самомъ дѣлѣ таковъ. Впрочемъ кромѣ перевода Абидосской Невѣсты, которой имѣетъ конечно свои поэтическія достоинства, но не передаетъ ни духа ни силы выраженія Байрона, въ Петербургѣ ничего не выходило особенно замѣчательнаго. Отъ васъ надо ждать теперь блистательныхъ явленій на горизонтѣ нашей словесности.

Нынѣшнею зимою, особенно передъ постомъ, наша столица отличалась весельями и свѣтскимъ шумомъ; при дворѣ было много праздниковъ, баловъ и театры въ Эрмитажѣ. Государь являлся даже на нѣкоторые балы частныхъ людей, наприм. къ гр. Кочубею и всячески старался *веселить дворянство и развлекать молодежъ*, какъ говорятъ, ибо я въ это время катался съ Финляндскихъ горъ и плясалъ Шведскія кадрили. На Русскомъ театрѣ явился рѣдкой феноменъ: это старшій *Каратыгинъ*. Онъ актеръ съ большимъ талантомъ и вмѣстѣ хорошій писатель; переводъ его трагедіи Блангѣ весьма удаченъ. Онъ пламенно любитъ свое искусство и много занимается своимъ образованіемъ; весьма хорошій знакъ, ибо безъ истиннаго энтузіазма нельзя достигнуть до нѣкоторой степени совершенства въ области изящнаго.

---

*) Это скорѣе обманы на 1-е Апрѣля, нежели подарки на Новый годъ.

СТИХИ Я. П. ПОЛОНСКАГО-ГИМНАЗИСТА.

Въ половинѣ Августа 1837 года посѣтилъ городъ Рязань во время своего путешествія по Россіи Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ. Я. П. Полонскій, уроженецъ Рязани (род. 6 Декабря 1820 г.), въ то время 16-тилѣтній юноша, учился въ Рязанской гимназіи и уже тогда, на школьной скамьѣ, обнаруживалъ поэтическій талантъ.

Высокій гость посѣтилъ и мѣстную гимназію, гдѣ ему была устроена подобающая встрѣча, съ пѣніемъ гимназическаго хора. Вотъ на этотъ-то случай и были сочинены стихи гимназистомъ Полонскимъ.

Гимнъ и стихи, на случай всерадостнаго посѣщенія Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Великимъ Княземъ Александромъ Николаевичемъ Рязанской гимназіи, соч. воспитанникомъ оной гимназіи Я. Полонскимъ.

Хоръ.

(На голосъ Боже Царя храни!)

Гость вожделѣнный,
Твой незабвенный
Славимъ приходъ!
Въ памяти вѣрной,
Мигъ сей священный
Вѣкъ не умретъ!

Онъ не умретъ, сей мигъ священный!
Онъ въ насъ до гроба будетъ жить!
И память сердца сохранитъ
Его, какъ даръ небесъ безцѣнный!
Твой свѣтлый взоръ, твой кроткій ликъ,
О гость давно желанный нами,
Неизгладимыми чертами
Намъ въ душу юную проникъ.
И здѣсь, въ семъ храмѣ просвѣщенья,
Гдѣ мы, примѣромъ старины,
Въ часы святого поученья,
Тебя любить пріучены,
Здѣсь ярко предъ тобой пылаетъ
Сердецъ чистѣйшій ѳиміамъ.
Прими жъ его! Къ твоимъ стопамъ

Его усердье повергаетъ!
Онъ наша дань! И вмѣстѣ съ нимъ
Прими священные обѣты:
Служить тебѣ, какъ наши дѣды
Служили прадѣдамъ твоимъ!
Любить тебя, какъ Русь издавна
Пріучена твой родъ любить,
И подъ рукой твоей державной
До гроба сей обѣтъ хранить!...
Господь! Его мы предъ тобою
Днесь съ чистой вѣрою несемъ!
Храни жъ десницею благою
Ты намъ высокій царскій домъ!

Хоръ.

Ты же, Царь славы,
Русской державы
Миръ охраняй!
Счастье святому
Царскому дому
Свыше подай!

Не знаю. какимъ путемъ эти стихи попали въ бумаги отца моего. Возможно, что черезъ П. А. Плетнева; но возможенъ и другой путь: директоромъ Рязанской гимназіи въ 1837 г. былъ Н. Н. Семеновъ, родной дядя моей матери, Натальи Петровны. Не отъ него ли получилъ ее мой отецъ? **К. Гротъ.**

*

Своеобразный писатель, мыслитель не крупный, но всегда искренній и самостоятельный, поэтъ, нѣкоторыя произведенія котораго останутся навсегда украшеніями нашей словесности, Яковъ Петровичъ Полонскій происходилъ по отцу своему отъ Запорожцевъ, а по матери (урожденной Кафтыревой) былъ прямой потомокъ императрицы Елисаветы Петровны отъ законнаго, неоглашеннаго брака ея съ Малороссіяниномъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ (см. „Русскій Архивъ" 1895, I, 160). Сынъ ихъ носилъ имя Умовскаго, и его портретъ находится въ нынѣшнемъ Николаевскомъ Сиротскомъ Институтѣ въ Москвѣ (чертами лица очень схожъ съ нѣкоторыми потомками его роднаго дяди, гетмана). Умовскому дано было помѣстье подъ Рязанью (въ наши дни принадлежавшее баронессѣ Бюлеръ и потомъ В. П. Титову.) Одна изъ дочерей его была за Кафтыревымъ. Можетъ быть, въ родствѣ съ ними была фрейлина Наталья Яковлевна Кафтырева, съ которою дружили Карамзинъ и Дмитріевъ. Я. П. Полонскій, передавая намъ о такомъ своемъ происхожденіи, прибавлялъ, что его тетушки и бабушки пользовались особымъ вниманіемъ царскимъ: когда дворъ бывалъ въ Москвѣ, освѣдомлялись объ ихъ здоровьѣ, присылались къ нимъ рѣдкіе плоды и сласти. Извѣстно, что В. А. Жуковскій тотчасъ оцѣнилъ юношу Полонскаго. Помѣщенное выше стихотвореніе вѣроятно находится въ первой печатной (нынѣ рѣдкой) его книжечкѣ Полонскаго „Гаммы". (Москва 1844). П. Б.

С. Н. Глинка П. А. Плетневу.

Сергѣй Николаевичъ Глинка и братъ его Ѳедоръ были усердными почитателями П. А. Плетнева, какъ человѣка, литературнаго дѣятеля и вѣрнаго хранителя Пушкинскихъ преданій, а потому постоянными сотрудниками его „Современника". До самой своей кончины (5 Апр. 1847) С. Н. Глинка не прерывалъ съ нимъ связи, время отъ времени посылая для него замѣтки и отрывки изъ своихъ воспоминаній. Въ 1844 исполнилось 50-ти лѣтіе литературной дѣятельности С. Н. Глинки. Объ этомъ написалъ статью Б. Федоровъ. С. Н. Глинка послалъ ее П. А. Плетневу при слѣдующемъ письмѣ: «Ваше превосходительство, милостивый государь Петръ Александровичъ. Препровождая къ вамъ очеркъ 50-ти лѣтнимъ моимъ трудамъ, желаю, чтобы вы вдвое еще столько жили. Ваше вниманіе неоднократно одушевляло меня. Это достойно вашего прекраснаго сердца. Слабы мои труды, но въ нихъ никогда не было никакого кипѣнія желчи; я писалъ просто по мысли и по сердцу. Весь вашего превосходительства сердцемъ и душею Сергѣй Глинка».

5 Сент. 1844.

Въ томъ же году, Авдотья Павловна Глинка, какъ видно изъ ея письма къ Плетневу (отъ 24 Марта), послала къ нему черезъ своего племянника (сына С. Н. Глинки) тетрадь со стихами подъ названіемъ „Федра" молодого стихотворца Д. И. Коптева, которые и были напечатаны въ Современникѣ. По этому поводу находимъ слѣдующія строки Сергѣя Николаевича:

«Желалъ бы самъ доставить вамъ присланную тетрадь отъ Авдотьи Павловны, но дорòга лишаетъ меня этого удовольствія. Извините также, что и сынъ мой не можетъ лично исполнить сдѣланнаго ему препорученія. Переѣздъ отъ Москвы до Петербурга избилъ его. За ваше вниманіе ко мнѣ и за Современникъ душевно васъ благодарю».

Въ послѣдніе годы жизни, зрѣніе С. Н. Глинки, 70-лѣтняго старца, сильно ослабѣло. Вотъ почему письма свои онъ диктовалъ и лишь въ концѣ приписывалъ самъ нѣсколько словъ. Такъ написано чужой рукой письмецо въ Мартѣ 1845 г. при посылкѣ какой-то рукописи.

«Чрезвычайно буду благодаренъ, если прилагаемое при семъ посланіе *) вы соблаговолите напечатать въ Апрѣльской книжкѣ Современника. Если же нельзя, то прошу васъ возвратить мнѣ оное обратно».

Собственноручная приписка подъ этимъ гласитъ: «Во всякомъ случаѣ весь вашъ, сердцемъ и душою полуслѣпый С. Глинка, Марта 27».

---

*) О какомъ посланіи идетъ рѣчь, мы не знаемъ. Въ журналѣ Плетнева оно не появилось. К. Г.

Вслѣдъ за этимъ письмомъ Глинка послалъ слѣдующее письмо, писанное его рукой: «Простите великодушно. Слѣпота моя ошиблась. Вмѣсто *Мая* написалъ я *Апрѣль*. Соблаговолите помѣстить, когда вамъ угодно. Это, можетъ быть, послѣднее мое прошеніе. Болѣзнь гонитъ меня въ могилу. Но пока живъ весь вашего превосходительства сердцемъ и душою С. Глинка. 30 Марта».

Въ томъ же 1845 году Глинка „на прощанье съ жизнью“, какъ онъ самъ говоритъ, издалъ въ 2-хъ частяхъ „Русское Чтеніе. Отечественные историческіе памятники XVIII и XIX столѣтія“.

Посылая ихъ П. А. Плетневу, онъ писалъ: «Вашей благородной душѣ и вашему живому перу при семъ прилагаю двѣ книжки. Весь вашего превосходительства С. Глинка, полуслѣпой».

Плетневъ помѣстилъ въ Современникѣ 1845 г. сочувственный отзывъ объ этомъ изданіи [1]).

Вотъ письмо С. П. Глинки по этому поводу отъ 12 Іюля 1845 г.

«Благодарю васъ за радушный отзывъ о моемъ Русскомъ Чтеніи; благодарю васъ и за прекрасный разборъ «Тарантаса» [2]). Кромѣ содержанія, въ немъ тотъ же духъ, какимъ оживлена была статья ваша «Объ управленіи Императрицы Маріи Ѳеодоровны». Вы помните, что сказано было вамъ объ ней незабвеннымъ нашимъ поэтомъ Пушкинымъ и мною. Слѣдовательно я не льстецъ. Примите при семъ два выпуска моего Русскаго Чтенія и объявленіе объ ономъ».

12 Іюля 1845 г.

Подъ письмомъ, писаннымъ чужою рукою, собственноручная подпись: „Вашъ душою С. Глинка“.

Здѣсь идетъ рѣчь объ извѣстной статьѣ П. А. Плетнева „Императрица Марія“, напечатанной безъ подписи въ I кн. Современника А. С. Пушкина за 1836 г. (I стр. 4). Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстенъ отзывъ о ней великаго поэта.

К. Гротъ.

---

[1]) Сочин. и переписка П. А. Плетнева, т. II, стр. 497—498.

[2]) В. А. Соллогуба.

умилъ меня послать тебя въ то самое время, когда дѣла наши въ Персіи принимали столь дурной оборотъ. Я былъ тогда молодъ и неопытенъ, и выборъ мой могъ пасть на другого; но Провидѣніе указало мнѣ на тебя для великихъ дѣлъ тобою совершенныхъ". Послѣ этихъ незабвенныхъ словъ потекли у меня слезы радости и умиленія, и „Государь говоря со мною, также почти рыдалъ".

Нельзя не пожелать, чтобъ въ дополненіе къ біографіи Паскевича былъ изданъ его архивъ или по крайней мѣрѣ письма къ нему, которыхъ конечно сохранилось немало. П. Б.

Изданіе Великаго князя Николая Михаиловича. Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. I томъ, 1 выпускъ. С-Пб. 1905. Большая 8-ка. (Портреты и къ нимъ объясненія, (по-русски и по-французски, въ папкѣ).

Радостно привѣтствуемъ это новое, великолѣпное изданіе Ея Императорскаго Высочества, имѣющее цѣлью „сохранить навсегда изображенія, оригиналы которыхъ, быть можетъ погибнуть за тѣмъ отъ времени и неблагопріятныхъ условіи храненія или безслѣдно исчезнуть, какъ это часто случается, въ составѣ цѣлыхъ, обширныхъ и цѣнныхъ фамильныхъ собраній". Уже теперь имѣется свыше 2000 снимковъ для изданія.

При портретахъ помѣщены краткія, но выразительныя біографіи, въ которыхъ сообщается не мало свѣдѣній, оглашаемыхъ впервыя. Эти біографіи написаны съ отмѣннымъ искусствомъ, (быть кратку гораздо труднѣе, нежели многословить). Позволимъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія. Въ очеркѣ жизни Александра Павловича не сказано про его отношеніи къ его матери, имѣвшія великое значеніе въ жизни его и въ Русской исторіи. Не говорится о томъ, что воспѣтая молодымъ Пушкинымъ императрица Елисавета Алексѣевна была очень умна; за то оглашено впервыя, что ей приходилось много терпѣть отъ свекрови, о чемъ свидѣтельствуетъ и король Бельгійскій Леопольдъ въ своихъ Запискахъ. Точно также впервыя обнародовано на Русскомъ языкѣ о связи Петра Великаго съ М. А. Румянцовой. Родная правнучка ея, Зинаида Сергѣевна Дивова передавала намъ, что у нея хранились письменныя доказательства, чей сынъ былъ ея дѣдъ графъ Румянцовъ Задунайскій. Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ вошло въ свѣтъ еще при жизни канцлера графа Румянцева. Графъ Растопчинъ освѣщенъ не вѣрно, равно какъ и отношенія императора Павла къ княгинѣ Гагариной. Княгиня Дашкова возвращена изъ ссылки еще въ царствованіе ея гонителя. Портреты исполнены великолѣпно, и при томъ въ Россіи, чему также нельзя не порадоваться. П. Б.

Карпато-Дунайскія земли въ судьбахъ Славянства и въ Русскихъ историческихъ изученіяхъ. Проф. К. Я. Грота. Спб. 8-ка, 72 стр.

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1905 года.

(Годъ 43-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1905 году, за двѣнадцать выпусковъ, съ пересылкой и доставкой, девять рублей, для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ, въ Конторѣ „Рускаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону.

Отвѣтственность за исправную доставку книжекъ принимается лишь для тѣхъ лицъ, которыя подписались въ Конторѣ «Русскаго Архива» или въ показанныхъ выше книжныхъ магазинахъ.

☞ Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляютъ свыше 50 требованій.

Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автобіографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“ для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ прошлыхъ лѣтъ получаются по слѣдующимъ цѣнамъ: 1874 годъ, съ двумя гравированными на стали портретами (Ѳ. И. Тютчева и князя В. Ѳ. Одоевскаго), за 6 р., съ пересылкою 7 р.; годы 1877, 1879, 1884 и 1886—1889 по 6 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 7 р.; годы 1890—1892, 1894 и 1895 по 6 р., съ пересылкою по 7 р.; годы 1898—1904 по 8 р., съ пересылкою по 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногородняго на иногородный и заграничнаго на заграничный—30 копѣекъ; Московскаго на иногородный—80 копѣекъ; иногородняго на Московскій—40 копѣекъ (*по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ*). Просимъ присылать номеръ перемѣняемаго адреса.

Контора „Русскаго Архива“ открыта ежедневно съ 9 час. утра до 5 пополудни.

Отдѣльныя книжки «Русскаго Архива» прежнихъ годовъ можно получать по 1 рублю.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**

(Годъ сорокъ третій).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1905

4.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1905.

Исторія Императорскаго Казанскаго Университета за первыя сто лѣтъ его существованія. 1804—1904. *Н. П. Загоскина*, заслуженнаго ординарнаго профессора. Казань 1902. Бол. 4-ка.

Томъ I-й. Введеніе и часть первая (1804—1814), XLV, 566, XIX, IV и 2 нен. стр. Приложены портреты Александра Павловича (съ бюстомъ Екатерины Великой), графа Завадовскаго (въ немногіе годы своего министерства оказавшаго важнѣйшія услуги Русскому просвѣщенію), Яковкина, Френа, Броннера, барона Врангеля, Салтыкова, видами зданій и снимками.

Томъ II-й (1814—1819). Казань. 1903. 697, XVIII и VII стр. Приложены портреты Александра Павловича, графа Разумовскаго, князя Голицына, Фукса, Державина, Бартельса (съ трубкой въ зубахъ), Аксакова, Лобачевскаго.

Томъ III-й (1819—1827). Казань. 1904. 593, XVI и VI стр. Приложены портреты Полянскаго, Вольтера, Литрова, Эрдмана, Магницкаго, архим. Θеофана, Солнцева, Сергѣева и Пальмина, съ видами зданій и снимками.

Изданіе роскошное по внѣшности, богатое содержаніемъ. Тщательностью розысканій оно подобно исторіи Московскаго Университета, труду С. П. Шевырева; но Шевыревъ издавалъ свою книгу подъ цензурою до того строгою, что ему не позволили даже привести имя Н. И. Новикова; въ исторіи же Казанскаго Университета находимъ даже и портретъ Вольтера, который нѣкогда подарилъ его нѣкоему Полянскому. Достопочтенный трудъ Н. В. Загоскина отличается живостью изложенія. Искреннѣйше желаемъ, чтобы онъ былъ оконченъ. П.Б.

За сто лѣтъ. *Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Казанскаго Университета* (1804—1904). Въ двухъ частяхъ. Подъ редакціей заслуженнаго ординарнаго профессора Н. П. Загоскина. Казань. 1904. 8-ка. I, XIV и 552; II, 53 и 2 нен. стр.

*

Кіевъ въ 1654—1855 г.г. Историческій очеркъ *В. С. Иконникова*. Кіевъ. 1904. 8-ка, IV, 355 и IV стр.

Какъ и многія другія сочиненія достопочтеннѣйшаго профессора, неуклонно воздѣлывающаго ниву исторіографіи, книга эта представляетъ собою сводъ извѣстій о протекшихъ судьбахъ „пращура городовъ Русскихъ". Собственно она—второе, дополненное изданіе большой статьи, помѣщенной въ Сборникѣ, который былъ изданъ Университетомъ Св. Владимира въ 1897 году. Относительно пребыванія Екатерины Великой, слѣдуетъ отыскать рукописныя газеты, заведенныя ею въ Кіевѣ (gazette à la main).

Жизнь и труды М. П. Погодина. *Николая Барсукова.* Книга XIX-я. Спб. 1905. 8-ка, XI и 499 стр. Посвящена памяти Т. И. Филиппова.

Съ каждою новою книгою біографія М. П. Погодина все болѣе обращается въ исторію нашей политической и умственной жизни, ему современной. Вышедшую книгу занимаетъ одинъ 1862 годъ. Начавъ ее, трудно оторваться отъ чтенія, чему способствуетъ поразительное сходство того, что происходило почти полвѣка назадъ съ тѣмъ, что нынѣ происходитъ. Тѣже причины, тѣже и послѣдствія. П. Б.

ЗАМѢТКИ СТАРОЖИЛА ЕЛЕЦКАГО УѢЗДА.

Съ 1842 по 1872 годъ.

Содержаніе записокъ составляетъ все то, что̀ вліяло на пониженіе или повышеніе уровня экономическаго состоянія сельскаго земледѣльческаго населенія, какъ-то: климатическія условія, плодородіе почвы, цѣны на земледѣльческіе продукты, народное здоровье, правительственныя распоряженія и разныя событія.

Сельско-хозяйственный годъ принято считать не съ 1-го Генваря, но съ 1-го Сентября, такъ какъ въ этомъ мѣсяцѣ оканчиваются всѣ экономическія операціи предшествовавшаго года.

Елецкій уѣздъ заключаетъ въ своихъ границахъ 425000 десятинъ черноземной, удобной земли, съ населеніемъ болѣе 200.000 обоего пола; изъ этого числа 150.000 занимаются исключительно земледѣліемъ; система полеводства трехпольная

И. В. Пушечниковъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Годъ 1-й.

Съ 1-го Сентября 1842 по 1-е Сентября 1843 г.

Состояніе погоды.

Въ первыхъ числахъ Сентября начались безпрерывные дожди, насталъ холодъ, а въ концѣ мѣсяца выпалъ снѣгъ, который впослѣдствіи то стаивалъ, то снова нападалъ; такая ненастная и непостоянная погода продолжалась до наступленія зимы. Застигнутые въ полѣ хлѣба урожая 1842 г. весьма много потерпѣли, какъ въ качествѣ, такъ и въ количествѣ. Особенно значительные убытки потерпѣли тѣ хозяева, которые не имѣли въ запасѣ соломы для покрытія скирдовъ; можно навѣрное полагать, что $^1/_6$ всего урожая погибла, чему также способствовали бывшія въ продолженіе зимы $18^{42}/_{43}$ года оттепели, которыя до того затрудняли молотьбу хлѣба, что владѣльцы, не имѣющіе ригъ, и крестьяне вынуждены были по нѣскольку дней кормить скотъ снопами. Не смотря на всѣ убытки, урожай въ 1842 году былъ такъ изобиленъ, что трудъ земледѣльца былъ бы вознагражденъ съ избыткомъ, если бы не

встрѣтилось препятствіе къ его сбыту, заключавшееся въ кратковременности зимняго пути и въ ненастной погодѣ, не дававшей возможности приготовлять и отправлять хлѣбъ въ торговые пункты.

Весна 1843 года, можно сказать, открылась въ Февралѣ: въ половинѣ этого мѣсяца снѣгъ до-чиста уже стаялъ. Озими открылись сначала очень веселы, но отъ бывшихъ послѣ того морозовъ наполовину пожелтѣли, однакоже корень остался невредимъ. Послѣ 20 Марта было нѣсколько ясныхъ и теплыхъ дней, а со 2-го Апрѣля снова наступила холодная погода, сопровождавшаяся сильными вѣтрами, дождемъ и снѣгомъ. 11 Апрѣля, на утро Пасхи, была сильная вьюга и морозъ около 11 градусовъ; весь Апрѣль и до половины Мая, при необыкновенномъ въ это время года холодѣ, не проходило дня безъ дождя или снѣгу. Со второй половины Мая до 20 Іюня стояла ясная и очень теплая погода, между 20 Іюня и 8-го Іюля стояла холодная и мрачная погода съ перемежающимися дождями, а съ 8-го Іюля установилась ясная и благопріятная погода для уборки хлѣба.

Сѣвъ и уборка.

Сѣвъ озимыхъ хлѣбовъ къ 1843 году начался въ Августѣ и кончился въ Сентябрѣ, позднѣе обыкновеннаго, по причинѣ неблагопріятной погоды; бывшіе въ это время дожди мѣшали сѣву, но благопріятствовали всходамъ и росту. Сѣвъ овса нѣкоторые хозяева, не смотря на холодъ, начали съ 5-го Апрѣля, а нѣкоторые съ 20 Апрѣля, т. е. тогда, когда настала благопріятная погода; терпѣніе ихъ было вознаграждено хорошимъ урожаемъ, а у тѣхъ, которые поторопились и посѣяли рано, овесъ былъ плохъ. Сѣвъ гречихи производился между 18 и 25 числами Мая. Ранняго посѣва гречиха оказалась какъ соломою, такъ и зерномъ лучше поздней. Деревья начали распускаться въ послѣднихъ числахъ Мая.

Уборка хлѣба началась 18 Іюля, а къ 1-му числу Сентября весь хлѣбъ былъ уже въ гумнѣ. Уборку сѣна затрудняли сначала дожди, но съ наступленіемъ ясной погоды убрано безъ ущерба въ качествѣ. Удобнаго для полевыхъ работъ времени было въ продолженіе года 6 мѣсяцевъ 17 дней.

Урожай 1842 года.

За исключеніемъ сѣмянъ десятина дала зерна:

	Четверти.	Мѣры.
Рожь	11	2
Пшеница	9	4
Овесъ	13	—
Гречиха	11	—

Садовые фрукты и огородныя овощи родились посредственно.

Цѣны продуктовъ.

Мѣстныя съ доставкою въ ближайшіе города:

				Руб.	Коп.
Четверть	ржи	вѣсомъ 9 п.	5 ф.	1	80
›	овса	› 6 ›	— ›	—	70
›	гречихи	› 8 ›	— ›	1	75
»	пшеницы	› 10 ›	— ›	2	50

Торговля хлѣбомъ шла неуспѣшно; купцы сдѣлавшіе подряды, по случаю бездорожья и краткости зимняго пути, не имѣли возможности своевременно доставить хлѣбъ въ срокъ и черезъ то потерпѣли убытки. Капиталисты остались безъ оборотовъ, а земледѣльцы безъ денегъ, но съ большими запасами хлѣба. Такимъ образомъ желаніе правительства о сбереженіи запасного хлѣба, въ количествѣ обезпечивающемъ продовольствіе въ неурожайные годы, исполнилось само собою, тогда какъ принимавшіяся доселѣ съ этою цѣлью мѣры оставались тщетными.

Народное здоровье.

Продолжительная и сырая осень 1842 г., зимнія оттепели, воздухъ, наполненный влажными испареніями, превращавшимися нерѣдко въ столь сильные туманы, что на близкомъ разстояніи трудно было различать предметы, ранняя и ненастная весна имѣли весьма вредное вліяніе на народное здоровье. Съ открытіемъ весны появились лихорадки и горячки, усилившіяся въ продолженіе лѣта до того, что цѣлыя селенья вдругъ подвергались этимъ болѣзнямъ, сводившимъ въ гробъ бѣдныхъ крестьянъ, лишенныхъ врачебной помощи и вынужденныхъ необходимостью истощать послѣднія физическія силы тяжелымъ трудомъ, какого требуютъ обработка полей и уборка хлѣба.

Разные предметы.

Комета. Въ Апрѣлѣ 1843 г., неожиданно явилась одна изъ величайшихъ кометъ, которой приписываютъ измѣненія климатическихъ условій въ продолженіе зимы и весны.

Причины плохого состоянія земледѣльческаго хозяйства. Въ числѣ разныхъ причинъ нельзя не указать на то обстоятельство, что большая часть достаточныхъ дворянъ находится на государственной службѣ или безъ всякаго дѣла проживаетъ въ столицахъ, предоставляя управленіе имѣніями крѣпостнымъ или наемнымъ управителямъ, людямъ безъ всякаго образованія, не имѣющимъ никакихъ понятій о долгѣ человѣколюбія и о пользѣ порядка и строгой справедливости, помышляющимъ единственно о собственныхъ интересахъ и имѣющимъ довольно ума, чтобы обманывать своихъ довѣрителей, совершенно незнакомыхъ ни съ сельскимъ хозяйствомъ, ни съ положеніемъ ихъ имѣній. Въ деревняхъ же остаются только помѣщики стараго закала, которые съ рас-

кольническимъ фанатизмомъ держатся прежнихъ обычаевъ и понятій о хозяйствѣ; вся ихъ дѣятельность устремлена на то, чтобы предупредить возможность полуголоднымъ, полураздѣтымъ слугамъ украсть у нихъ горсть зеренъ, вообще не заботятся о существенномъ улучшеніи ихъ имѣній благоразумными распоряженіями. Хорошо бы сдѣлало правительство, если бъ всѣхъ дворянъ, владѣльцевъ недвижимыхъ имѣній, проживающихъ въ столицахъ праздно, или занимающихъ должности только фиктивно, выслало въ принадлежащія имъ имѣнія, воспретивъ пріѣздъ въ столицы безъ дѣйствительной необходимости. Этой цѣли можно было бы достигнуть безъ особыхъ строгихъ мѣръ, однимъ публичнымъ изъявленіемъ презрѣнія въ высшихъ правительственныхъ сферахъ къ подобнымъ бездѣльникамъ и тунеядцамъ. «Позоръ дѣйствуетъ сильнѣе чѣмъ бичъ!»

Равнымъ образомъ правительству давно бы слѣдовало обратить особенное вниманіе на дурное исполненіе его предначертаній по управленію государственными крестьянами: чрезвычайное множество чиновниковъ и сельскихъ начальниковъ вмѣсто пользы обременяютъ государство содержаніемъ ихъ. Какъ вампиры, они высасываютъ изъ крестьянъ послѣднія капли благосостоянія. Нововведенія, худо приноровленныя къ быту крестьянъ и слѣдующія одно за другимъ съ такою быстротою, что въ результатѣ оказываются только замѣшательство и безпорядокъ, составляютъ отличительную черту управленія Киселева Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ.

Годъ II-й.

Съ 1-го Сентября 1843 г. по 1-е Сентября 1844 г.

Состояніе погоды.

Осень 1843 года началась съ 27 Августа. Съ этого времени пошли дожди, и сдѣлалось очень холодно. Первый сильный морозъ былъ 7 Октября, въ продолженіе котораго морозы мѣнялись съ дождемъ. Снѣгъ выпалъ въ концѣ Ноября. Между 20 и 25 Декабря была оттепель, всѣ рѣки прошли. Застигнутые оттепелью въ дорогѣ съ кладью крестьяне потерпѣли значительные убытки. Въ Генварѣ и въ первой половинѣ Февраля ежедневно шелъ снѣгъ въ большомъ количествѣ при сильномъ юго-западномъ вѣтрѣ; и лѣса, и жилья были такъ занесены, что только верхушки деревъ и крыши избъ были видны, а какъ въ продолженіе всего этого времени не было осадки снѣгу, то по большимъ проѣзжимъ дорогамъ образовались такія ухабы, что ѣзда по нимъ прекратилась: обозы пробирались проселочными дорогами или прокладывали путь полями, но и на поляхъ снѣгъ былъ глубокъ. Въ ночь съ 5 на 6-е Февраля была ужасная вьюга, а какъ этотъ день совпалъ съ послѣднимъ

днемъ масляницы, и крестьяне, по существующему у нихъ обычаю, ѣздятъ въ этотъ день прощаться съ родными, большею частію пьяные, то весьма много оказалось замершихъ. 2-го Марта вторично была такая вьюга, что свѣта Божьяго не было видно; молодого снѣга выпало по крайней мѣрѣ на $^1/_2$ аршина.

Рѣки вскрылись между 6 и 7 числами Апрѣля; 15 числа былъ сильный морозъ, которымъ побиты распускавшіяся древесныя почки и молодые побѣги. Снѣгъ въ лощинахъ, обращенныхъ къ Сѣверу, лежалъ до Мая. Въ Маѣ стояла погода перемѣнная: то ясно и тепло, то дождь и холодно. Съ 1-го по 8-е Іюня ежедневно шелъ дождь при сильномъ западномъ вѣтрѣ; въ продолженіе этихъ дней не было видно солнца, небо постоянно было заткано тучами: одна не успѣвала пройти, какъ другая налетала; термометръ показывалъ не болѣе 2-хъ градусовъ тепла. 21 Іюня была сильная буря, которою во многихъ мѣстахъ сорваны крыши и поломаны деревья. 2 Іюля послѣ дождя сдѣлалось такъ холодно, что всѣ одѣлись въ теплое платье. Съ 10 Іюля по 6 Августа за исключеніемъ нѣсколькихъ дней стояла ясная погода при сильной жарѣ. Между 6 и 15 Августа были дожди, а затѣмъ опять ясная погода.

Сѣвъ и уборка.

Сѣвъ озимыхъ хлѣбовъ къ 1844 году начался и окончился въ Августѣ, всходы были не дружны, но къ концу осени выравнились и уклочились. Сѣвъ овса начался въ послѣднихъ числахъ Апрѣля, а сѣвъ гречихи начали 18 Мая, но потомъ остановились продолжать, по случаю бывшихъ 19, 20 и 21 чиселъ ливныхъ дождей, превратившихъ землю въ липкую грязь. Уборку сѣна начали съ 10 и окончили 18 Іюля, а уборку хлѣба начали съ 25 Іюля и окончили къ 1-му Сентября; до 6 Августа, погода благопріятствовала уборкѣ, а потомъ цѣлую недѣлю шли дожди, много хлѣба на рядахъ и въ копнахъ проросло. Лѣтнихъ рабочихъ дней 6 мѣсяцевъ 7 дней.

Урожай 1843 года.

За исключеніемъ сѣмянъ десятина дала зерна:

	Четверти.	Мѣры.
Рожь	6	—
Пшеница на цвѣту захвачена вѣтрами и не возратила сѣмянъ	—	—
Овесъ	10	—
Гречиха	4	—

Въ этомъ году всѣ хлѣба соломой были хороши, но зерномъ тощавы, вслѣдствіе того, что во время цвѣтенія и налива хлѣбовъ были сильные вѣтры, вредившіе завязи. Впрочемъ нельзя сказать, чтобы вообще урожай былъ очень плохъ; труды земледѣльца все-таки были бы

вознаграждены, если бы цѣны на хлѣба соотвѣтствовали стоимости производства оныхъ. Садовыхъ плодовъ и ягодъ вовсе не родилось.

Цѣны продуктовъ.

Мѣстныя съ доставкою въ ближайшіе города:

				Руб.	Коп.
Четверть:	Рожь	вѣсомъ	9 п. 5 ф.	1	5
»	Пшеница	»	10 » — »	3	—
»	Овесъ	»	6 » — »	—	82
»	Гречиха	»	8 » — »	1	30

Цѣны на зерновые хлѣба понизились частію по причинѣ затрудненія въ передвиженіи грузовъ и высокой цѣны за провозъ: съ пуда платили отъ Ельца до Москвы отъ 16 до 20 коп.

Такія низкія цѣны на главнѣйшія произведенія земли годъ отъ году болѣе приводятъ въ разстройство хозяйство земледѣльцевъ, въ особенности крестьянъ, которые нерѣдко вынуждены бываютъ, для пріобрѣтенія наличныхъ денегъ на подати, на отбытіе земскихъ повинностей и на покупку самыхъ необходимыхъ въ ихъ быту предметовъ, продавать весь урожай хлѣба, не оставляя даже нужнаго количества для собственнаго продовольствія.

Народное здоровье.

Не смотря на суровую весну, народное здоровье въ этомъ году было удовлетворительно.

Разные предметы.

Отношеніе дворянъ къ ихъ имѣніямъ.

Дворяне находятъ занятіе сельскимъ хозяйствомъ скучнымъ и не представляющимъ пищи ни уму, ни сердцу; между тѣмъ какъ въ сущности сельское хозяйство требуетъ многостороннихъ и основательныхъ свѣдѣній, вѣрно разсчитанныхъ соображеній, неутомимой дѣятельности, строгой честности и добродушія. Каждый Русскій дворянинъ по отношеніямъ къ своему имѣнію и къ своимъ крестьянамъ есть почти независимый владѣтель, состоящій подъ покровительствомъ общихъ государственныхъ законовъ, отъ него зависитъ благосостояніе сотенъ и тысячъ людей; слѣдовательно самая прямая и самая святая его обязанность состоитъ въ устройствѣ участи этихъ людей, съ чѣмъ тѣсно связанъ и собственный его интересъ. Сознаніе, что онъ виновникъ видимаго имъ довольства окружающихъ его людей, удовлетворитъ самолюбіе и доставитъ истинное душевное наслажденіе. Но дворяне не хотятъ понять этого благороднаго своего предназначенія и часто предпочитаютъ самое унизительное положеніе вѣчно пресмыкаться для полученія какой-нибудь отъ правительства должности, хотя бы самой ничтожной по значенію, или знака отличія безъ всякихъ заслугъ, или, наконецъ, съ утра до ве-

чера убивать время въ такихъ занятіяхъ, которыя внутренно сами презираютъ. Мнѣ много разъ случалось слышать, какъ называли добрыми и благотворительными людьми тѣхъ, которые дѣлаютъ значительныя пожертвованія на богоугодныя заведенія, или бросаютъ значительныя суммы на вспомоществованіе какому-нибудь пройдохѣ, обратившему на себя вниманіе свѣтскаго общества, тогда какъ собственные ихъ крестьяне отъ безпорядочнаго и жестокосерднаго управленія претерпѣваютъ всевозможныя лишенія и нищету.

Законодательство.

Настоящее время въ государственномъ управленіи замѣчательно многочисленностью издаваемыхъ законовъ, часто противорѣчащихъ одинъ другому. Безпрерывныя измѣненія, замѣна прежнихъ новыми, неясность и неположительность оныхъ приводятъ въ заблужденіе не только безграмотныхъ крестьянъ, но и образованныхъ людей, даютъ поводъ къ нескончаемымъ и разорительнымъ тяжбамъ и къ лихоимству чиновниковъ. Жадность къ пріобрѣтенію сдѣлалась господствующею стихіею: не только низшіе чины, но и высшіе сановники не стыдятся хвалиться богатствомъ, пріобрѣтеннымъ ихъ позоромъ. Неизвѣстно, до чего бы дошла наша юстиція, еслибъ твердая воля императора Николая I не привела въ систематическій порядокъ законовъ. „Собраніе и Сводъ законовъ» составляютъ истинное благодѣяніе для государства и такой памятникъ для Николая I, который останется навсегда лучшимъ украшеніемъ его царствованія.

Годъ III-й.

Съ 1-го Сентября 1844 по 1-е Сентября 1845 г.

Состояніе погоды.

Ранняго сѣва всходъ ржи оказался лучше, всходы поздняго сѣва оказались не дружные, потому что съ половины Августа по 7-е Сентября 1844 г. не было дождей, во время дня жары, а по ночамъ морозы. Съ 8-го Сентября начали перепадать дожди, а морозы прекратились. Въ ночь на 19 Сентября проливной дождь съ грозой; были такіе громовые удары, какіе въ нашей мѣстности рѣдко бываютъ и среди лѣта. Съ этого времени по 2-е Октября не проходило дня безъ дождя. Югозападный вѣтеръ гналъ массы сѣрыхъ тучъ колоссальныхъ размѣровъ и фантастическихъ формъ, словно преступницъ, осужденныхъ на вѣчную ссылку въ поднебесныя пустыни угрюмаго Сѣвера. Въ Октябрѣ стояла обыкновенная осенняя погода: иногда мелкій дождь и густой туманъ, иногда морозъ и ясный день, какъ дорогой гость, являлся согрѣть и обсушить земледѣльца. Съ половины Ноября установился зимній путь. Въ продолженіе Декабря и Генваря были сильные морозы и вѣтры, термо-

метръ постоянно показывалъ отъ 24 до 26°. Въ Февралѣ и Мартѣ выпало много снѣгу и хотя термометръ немного повысился, но вѣтры, направлявшіеся съ разныхъ сторонъ, поддерживали стужу. Селенія до того были занесены снѣгомъ, что многіе крестьяне ѣздили на свои дворы черезъ крыши сараевъ. Въ прошедшую зиму много было нанесено снѣгу въ жилья, но въ эту зиму еще больше. Замѣчательно, что хотя въ продолженіе всей зимы не было оттепелей и осадки снѣга, но дороги были хороши, вѣроятно потому, что не успѣвалъ проѣхать обозъ, какъ проложенный имъ слѣдъ былъ уже заравненъ падавшимъ сверху и наносимымъ съ полей снѣгомъ. Съ 28 Марта наступила теплая погода, 29 перешелъ небольшой дождь, пошла съ полей вода и вслѣдъ затѣмъ вскрылись рѣки. Во весь Апрѣль продолжалась настоящая весенняя погода: то ясно и тепло, то сумрачно и дождь. Земля медленно сохла. Въ жильяхъ и въ лѣсахъ снѣгъ оставался до Мая мѣсяца. Первая половина Мая была дождлива, а послѣдняя суха и до такой степени холодна, что всѣ одѣлись въ теплое платье. Въ первыхъ числахъ Іюня перешелъ дождь и съ недѣлю было тепло, но потомъ опять сдѣлалось сумрачно и холодно; 10, 14 и 15 числа проливные дожди, къ концу мѣсяца установилась хорошая погода. Съ 4 Іюля настали жары, и до 5 Августа не упало ни одной капли дождя.

Сѣвъ и уборка.

Сѣвъ озимыхъ хлѣбовъ къ 1845 г. начался по обыкновенію въ первыхъ числахъ Августа, но по случаю появленія въ большомъ количествѣ червей, пожиравшихъ ранніе всходы хлѣбовъ, многіе хозяева отложили окончаніе сѣва до наступленія морозовъ. Причиненный червями вредъ хотя и былъ значителенъ, но далеко не въ той степени, какъ ожидали. Сѣять овесъ начали только въ концѣ Апрѣля, такъ какъ по причинѣ сырости земли нельзя было пахать ранѣе 20 числа. Къ сѣву гречихи приступили уже послѣ бывшихъ въ первой половинѣ Мая ливныхъ дождей, т. е. около 20 числа Мая.

Уборка сѣна и хлѣбовъ вслѣдствіе благопріятной погоды шла такъ успѣшно, что къ 21 Августа всѣхъ родовъ хлѣба были убраны въ гумно, за исключеніемъ гречихи, которая требуетъ продолжительной сушки на рядахъ. Рабочихъ лѣтнихъ дней, 5 мѣсяцевъ и 22 дня.

Урожай 1844 г.

За исключеніемъ сѣмянъ десятина дала зерна:

	Четверти.	Мѣры.
Рожь	7	—
Пшеница	—	—
Овесъ	11	2
Гречиха	5	1

Вслѣдствіе суровой и холодной погоды и засухи въ продолженіе послѣдней половины Іюня и первой половины Іюля озимые хлѣба родились хуже посредственнаго. Черви тоже имѣли значительное вліяніе на количество собраннаго въ этомъ году хлѣба.

Цѣны продуктовъ.

Мѣстныя съ доставкою въ ближайшіе города.

				Руб.	Коп.
Четверть:	Рожь	вѣсомъ	9 п. 5 ф.	1	5
›	Пшеница.	›	10 › —	4	50
›	Овесъ.	›	6 › —	—	80
›	Гречиха.	›	8 › —	1	25

Цѣны на хлѣба были почти одинаковыя съ цѣнами прошедшаго года, только на пшеницу значительно повысилась цѣна, по случаю плохаго урожая въ Украйнѣ. Въ этомъ году былъ сильный неурожай въ губерніяхъ Псковской, Новгородской и Остзейскихъ, а потому нѣтъ сомнѣнія, что цѣны повысились бы, если бы правительство заблаговременно распорядилось доставкою туда хлѣба изъ внутреннихъ предѣловъ государства; но время было пропущено, вслѣдствіе чего представилось необходимымъ закупать хлѣбъ въ чужихъ краяхъ и открыть безпошлинный ввозъ въ Прибалтійскіе порты.

Народное здоровье.

Никакихъ эпидемическихъ болѣзней не было, и смертность была незначительна.

Разные предметы.

Черви. Появленіе червей въ началѣ осени 1844 года на поляхъ, засѣянныхъ рожью и пшеницею, достойно вниманія болѣе потому, что состояніе атмосферы въ теченіе предшествовавшаго лѣта и весны 1844 года не сопровождались никакими особенными условіями, благопріятствовавшими зарожденію ихъ въ землѣ. Червь этотъ по своему виду принадлежитъ къ разряду червей, извѣстныхъ въ нашей мѣстности подъ именемъ капустныхъ, только въ объемѣ нѣсколько больше, о восьми лапкахъ; цвѣтъ кожи въ началѣ былъ бѣлый, потомъ зеленый, а къ зимѣ сдѣлался бурый; измѣненіе цвѣта происходило, вѣроятно, отъ цвѣта ихъ пищи; при наступленіи морозовъ, черви начали врываться въ землю глубиною на $^1/_2$ аршина и глубже. Съ открытіемъ весны 1845 г., хотя и находили ихъ въ землѣ живыми, но вреда отъ нихъ хлѣбамъ не было замѣтно. Среди лѣта 1845 года, черви снова появились еще несравненно въ большемъ количествѣ, чѣмъ въ прошедшую осень, объѣли весь листъ на гречихѣ, но вреда стеблямъ и завязи не причинили.

Хозяева, засѣвавшіе осенью 1844 г. поѣденные червями озимые всходы, вновь мало выиграли, потому, что поздно посѣянная рожь взошла уже весной и, не забравъ силы осенью, плохо росла, къ тому же и весна была неблагопріятна для роста. Говоря о вредѣ, причиненномъ червями, нельзя не замѣнить, что они преимущественно пожирали всходы ржи, не касаясь пшеничныхъ всходовъ, вѣроятно потому, что пшеничные всходы при началѣ имѣютъ горьковатый вкусъ.

Помѣщичьи усадьбы.

Неразумно поступаютъ тѣ владѣльцы, которые, не соображаясь со средствами, распространяютъ свои усадьбы и возводятъ обширныя строенія, которыхъ впослѣдствіи не въ состояніи поддерживать безъ ущерба въ хозяйствѣ; вслѣдствіе чего большая часть помѣщичьихъ усадьбъ представляютъ снаружи безобразныя развалины, похожія болѣе на притоны кочующихъ народовъ, чѣмъ на жилища людей образованныхъ, а внутри нечистоту и убожество въ соединеніи съ грубымъ великолѣпіемъ. По опыту извѣдалъ я, какъ трудно привести хотя въ сколько нибудь благовидное состояніе, доставшуюся мнѣ по наслѣдству обширную усадьбу. Уменьшить размѣръ ея существующихъ построекъ нѣтъ возможности, такъ какъ для этого потребовался бы значительный капиталъ. Особенно должны воздерживаться отъ обширныхъ усадьбъ и прихотливыхъ построекъ отцы большихъ семействъ, потому что, когда имѣніе находится въ единственномъ распоряженіи, тогда не такъ чувствительно содержаніе оныхъ въ порядкѣ, но когда имѣніе раздѣлится между дѣтьми на части, тогда тотъ изъ нихъ, кому достанется усадьба съ обширными постройками, за неимѣніемъ средствъ поддерживать оныя, вынужденъ будетъ предоставить времени разрушать все то, чтò наиболѣе стоило издержекъ и трудовъ. Предпринимающіе постройки въ обширныхъ размѣрахъ руководствуются болѣе тщеславіемъ, чѣмъ необходимостью и желаніемъ удобнаго помѣщенія, забывая, что дѣти ихъ не скажутъ имъ спасиба за такое наслѣдство, которое соединено съ тяжелымъ бременемъ.

Годъ IV-й.

Съ 1-го Сентября 1845 по 1-е Сентября 1846 г.

Состояніе погоды.

Въ началѣ Сентября 1845 г. было тепло и сухо, а потомъ не проходило почти дня безъ дождя. Такая погода стояла до 26 Октября, затѣмъ продолжались съ недѣлю морозы, достигавшіе до 8 градусовъ; рѣки покрылись на столько толстымъ льдомъ, что по немъ ходили безъ всякаго опасенія. 5 Ноября сдѣлалась оттепель, продолжавшаяся около недѣли, ледъ разошелся, земля оттаяла, и дня три стоялъ столь густой

туманъ, что въ десяти шагахъ трудно было различить предметы; въ концѣ Ноября выпалъ снѣгъ на талую землю и потомъ ежедневно шелъ въ большомъ количествѣ. Въ ночь на 7-е Декабря вѣтеръ изъ юго-западнаго перешелъ въ сѣверный, барометръ съ 2-хъ упалъ на 24 градуса. 9 Декабря снова началась оттепель, два дня шелъ дождь, затѣмъ до 6 Генваря ежедневно снѣгъ, а 6 числа температура понизилась до 26 градусовъ; съ этой поры до Апрѣля погода стояла соотвѣтственная времени года и ничего замѣчательнаго не представляла. Постоянный санный путь установился съ 6-го Генваря и продолжался всего не болѣе двухъ мѣсяцевъ; дорòги были хороши, сильныхъ бурь не было. Рѣки вскрылись въ послѣднихъ числахъ Марта; къ 1-му Апрѣля снѣга не было уже на поляхъ; озими, какъ и всегда, сперва отрылись веселы, а потомъ, послѣ двухъ сильныхъ морозовъ 8 и 10 числа Апрѣля, пожелтѣли; по лощинамъ же и западинамъ, гдѣ долѣе лѣтомъ лежалъ снѣгъ и земля медленно просыхала, совсѣмъ пропали. Нельзя опредѣлительно сказать, выпрѣли ли они, такъ какъ осенью снѣгъ напалъ на талую землю, которая весною долго не высыхала, или были убиты морозами, бывшими уже въ то время, когда тронулись въ ростъ. 15 Апрѣля выпалъ снѣгъ, покрывшій землю на четверть, 14-го весь день бушевала вьюга, въ жильяхъ и въ лѣсахъ нанесло сугробы вышиною въ человѣческій ростъ. 19 и 20 числа ливный дождь, 24 морозъ свыше 7 градусовъ; съ 26 Апрѣля по 24 Мая при сильномъ холодѣ почти безпрерывно шелъ дождь, а съ 24 Мая до 16-го Іюля было ни тепло, ни холодно, ни ясно, ни мрачно, и рѣдкій день проходилъ безъ дождя. Съ 16 Іюля начались сильныя жары, 28 и 30 Іюля по ночамъ крѣпкіе морозы, которые, впрочемъ, не могли уже причинить вреда хлѣбамъ, потому что въ это время они были созрѣвшими.

Сѣвъ и уборка.

Сѣвъ ржи вслѣдствіе благопріятной погоды начался ранѣе обыкновеннаго и именно въ послѣднихъ числахъ Іюля. Въ концѣ Августа въ рано посѣянныхъ озимяхъ началъ показываться червь, а въ половинѣ Сентября до того умножился, что во многихъ мѣстахъ озимь дочиста была съѣдена; уцѣлѣвшія же отъ червей озими уклочились превосходно. Средняго сѣва всходы менѣе потерпѣли отъ червей, но были рѣже раннихъ. Сѣвъ яровыхъ хлѣбовъ происходилъ въ Маѣ мѣсяцѣ, такъ какъ по случаю ненастной погоды въ Апрѣлѣ нельзя было сѣять.

Уборка хлѣба въ этомъ году началась позднѣе обыкновеннаго, именно съ 29 Іюля; но какъ погода благопріятствовала, то къ 20 Августа весь хлѣбъ, за исключеніемъ гречихи, былъ убранъ и свезенъ въ гумно. Лѣтнихъ рабочихъ дней 6 мѣсяцевъ 23 дня.

Урожай 1845 года.

За исключеніемъ сѣмянъ десятина дала зерна:

	Четверти.	Мѣры.
Рожь	5	—
Пшеница	8	2
Овесъ	11	4
Гречиха	7	—

Изъ приведенныхъ цифръ видно, что урожай ржи въ 1845 году былъ крайне скуденъ и даже былъ бы недостаточенъ для внутренняго продовольствія края, если бъ не было значительныхъ запасовъ.

Цѣны продуктовъ.

Мѣстныя съ доставкою въ ближайшіе города:

	Руб.	Коп.
Рожь вѣсомъ 9 пуд. 5 ф.	1	50
Пшеница » 10 » — »	3	50
Овесъ » 6 » — »	1	25
Гречиха » 8 » — »	2	10

Хлѣбъ преимущественно направлялся для продажи въ Калугу и Гжатскую пристань, такъ какъ въ губерніяхъ смежныхъ съ Калужскою, именно Смоленской и Витебской жители терпѣли большую нужду въ продовольствіи. Однако, несмотря на значительное требованіе на рожь, цѣна къ ней была слаба не только на мѣстѣ, но и въ Калугѣ и въ Гжатскѣ, и именно въ Калугѣ 2 р. 50, а въ Гжатскѣ не дороже 3 рублей за четверть. За извозъ съ пуда до Москвы 22 к., до Калуги 18 к. до Гжатска 28 к. Вслѣдствіе существовавшей нѣсколько лѣтъ сряду низкой цѣны на рожь помѣщики, на сколько позволяли имъ средства, удерживались отъ продажи, но какъ только цѣна повысилась, то другъ предъ другомъ спѣшили выпродать имѣвшіеся у нихъ запасы отъ прежнихъ лѣтъ. Хорошее состояніе дорогъ способствовало сбыту; огромныя массы скопились муки и ржи въ Калугѣ и въ Гжатскѣ, а потому цѣна на этотъ хлѣбъ не могла подняться до уровня дѣйствительной ея стоимости по отношенію къ яровымъ.

Разные предметы.

Черви, пожравъ не менѣе третьей части озимыхъ всходовъ осенью 1845 года, съ наступленіемъ морозовъ, также какъ и въ прошедшемъ году, зарылись въ землю, въ половинѣ Августа 1846 г. снова начали появляться, но, вслѣдствіе какихъ-то неблагопріятныхъ для нихъ условій, стали колѣть. Такимъ образомъ время существованія ихъ продолжалось два года: съ 1-го Сентября 1844 по Сентябрь мѣсяцъ 1846 г.

Ранніе и поздніе посѣвы. Изъ опытовъ нѣсколькихъ лѣтъ я убѣдился, что озимые хлѣба ранняго сѣва лучше поздно посѣянныхъ и

наоборотъ: овесъ, посѣянный въ холодную и сырую почву, родится лучше, чѣмъ посѣянный тогда, когда земля нѣсколько прогрѣлась и просохла.

Годъ V-й.

Съ 1-го Сентября 1846 по 1-е Сентября 1847 г.

Состояніе погоды.

Послѣ продолжительной засухи съ 4-го Сентября начали перепадать дожди и промочили землю на всю глубину пашни; затѣмъ настала теплая и ясная погода, продолжавшаяся до половины Октября. 16 Октября температура разомъ понизилась и выпалъ снѣгъ въ такомъ количествѣ, что можно было ѣздить на саняхъ. Черезъ нѣсколько дней оттеплѣло, и большая часть выпавшаго снѣга стаяла; въ началѣ Ноября подулъ сѣверо-западный вѣтеръ, съ недѣлю продолжались крѣпкіе морозы, достигавшіе 20°; въ продолженіе этой недѣли выпало много снѣгу. Между 30 Ноября и 4 Декабря опять была оттепель, снѣгъ дочиста стаялъ, и вода по улицамъ ручьями неслась, словно въ половодь. Съ 6-го Декабря до конца Февраля стояла ясная погода при умѣренныхъ морозахъ. Въ эту зиму снѣгу было мало, сильныхъ замятей и холодовъ не было, и потому справедливо назвать ее сиротскою. Въ первыхъ числахъ Марта начались теплые и ясные дни, бугры и косогоры обнажились отъ снѣга. 17 и 18 числа шелъ дождь, 19 прояснѣло, съ 25 вскрылась рѣка. Несмотря на малоснѣжность, вода была очень сильна. Много снесено было мостовъ и разрушено мельничныхъ плотинъ. Въ Апрѣлѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ дней, стояла, теплая, ясная и благопріятная для росту хлѣбовъ, а въ послѣднихъ числахъ этого мѣсяца были даже горячіе дни: деревья начали расцвѣтать. Со 2-го Мая погода начала измѣняться, пошли дожди, насталъ холодъ и 28 числа шелъ снѣгъ, покрывшій землю на вершокъ. Такимъ образомъ вполнѣ оправдалось замѣчаніе Персіянина: «Въ Россіи двѣ зимы, бѣлая и зеленая». Деревья, начавшіе расцвѣтать, не расцвѣли, и цвѣтъ ихъ отъ холодныхъ вѣтровъ погибъ, а травы и хлѣба не росли, и въ какомъ положеніи засталъ ихъ Май, въ такомъ и оставались до 5 Іюня. Въ Іюнѣ мѣсяцѣ тоже было мало ясныхъ дней и продолжались дожди, но не было тепла. Іюнь мѣсяцъ замѣчателенъ тѣмъ, что рѣдкая туча проходила безъ грозы и града и нерѣдко разрѣшалась ливнями. Съ 8 Іюля по 13 Августа солнце постоянно жгло и высушило землю до того, что мѣстами начала трескаться. 14 Августа прошелъ дождь и два дня было пасмурно, а потомъ опять настала ясная погода, продолжавшаяся до 4-го Сентября.

Сѣвъ и уборка.

Сѣвомъ озимыхъ хлѣбовъ въ 1847 году опоздали всѣ вообще хозяева, потому, во-первыхъ, что поздно выспѣлъ хлѣбъ и нельзя было

ранѣе приготовить сѣмянъ, старыми же сѣменами сѣять не всегда удается, въ чемъ многіе дѣльные хозяева убѣдились (старыя сѣмена всходятъ хорошо, но коренья ихъ не имѣютъ такой силы и прочности, какъ корень свѣжихъ сѣмянъ), и во-вторыхъ, что съ 15-го Іюля до 4-го Сентября была засуха. Озими, рано и поздно посѣянные, начали всходить вмѣстѣ въ Сентябрѣ послѣ дождей, и въ половинѣ Октября хорошо уклочились; тѣ же былинки, которыя взошли ранѣе, засохли. Сѣвъ овса производился въ первой половинѣ Апрѣля, а гречиху сѣяли 3-мя рядами. Уборка хлѣба началась въ послѣднихъ числахъ Іюля и, такъ какъ погода благопріятствовала, то весь хлѣбъ былъ убранъ къ 9 Сентября. Лѣтнихъ рабочихъ дней въ томъ году было 6 мѣсяцевъ и 16 дней.

Урожай 1846 года.

За исключеніемъ сѣмянъ десятина дала зерна:

	Четверти.	Мѣры.
Рожь	6	—
Пшеница	6	—
Овесъ	9	—
Гречиха	9	4

По количеству собраннаго съ десятины зерна, урожай можно считать посредственнымъ; но зерно, вслѣдствіе продолжительной засухи во время роста и цвѣтенія хлѣбовъ, оказалось морщевато и легковѣсно. Огородные овощи не родились, ягодъ было достаточно, а садовыхъ плодовъ мало.

Цѣны продуктовъ.

Мѣстные съ доставкою въ ближайшіе города:

			Руб.	Коп.
Четверть:	Рожь	9 пуд. 5 ф.	2	—
›	Пшеница	10 › — ›	5	—
›	Овесъ	6 › — ›	1	25
›	Гречиха	8 › — ›	2	15

Хотя эти цѣны и довольно высоки по нашему краю, но въ сравненіи съ бывшими требованіями на хлѣбъ ожидали болѣе высокихъ цѣнъ. Во Франціи ощущали большой недостатокъ въ хлѣбѣ, а въ Ирландіи, въ Голландіи и въ Сѣверной Германіи, по случаю неурожая картофеля, терпѣли крайній недостатокъ въ продовольствіи. Трудолюбивые Нѣмцы тысячами шли во Францію питаться подаяніями, толпы ниществующихъ до того увеличились, что Французское правительство вынуждено было придвинуть къ границѣ корпусъ войскъ для воспрепятствованія переходу голоднымъ толпамъ въ предѣлы своего государства.

Народное здоровье.

Во многихъ губерніяхъ и особенно въ Псковской и Тверской, вслѣдствіе крайняго недостатка въ продовольствіи, несмотря на пособіе пра-

вительства, много умирало людей отъ голода и отъ болѣзней, порожденныхъ недостаткомъ пищи. Въ Псковской губерніи смертность была на столько значительна, что правительство признало необходимымъ сдѣлать въ этой губерніи новую перепись податнымъ сословіямъ, дабы не обременить оставшихъ платежемъ пошлины за умершихъ.

Разные предметы.

Полюбовное размежеваніе. Въ этомъ году мнѣ посчастливилось довести до окончанія дѣло о полюбовномъ размежеваніи дачи, въ которой состою владѣльцемъ. Много стоило мнѣ хлопотъ и непріятностей это дѣло: надлежало преодолѣть разныя интриги тѣхъ дачниковъ, которые, подписавъ полюбовный актъ, изъ личныхъ неудовольствій къ другимъ владѣльцамъ, желавшимъ окончанія размежеванія, начали опровергать оный, полагая успѣть въ томъ посредствомъ сильныхъ связей; потомъ удовлетворять личности судей; но всего труднѣе и непріятнѣе усовѣщевать, вразумлять и, такъ сказать, убаюкивать завистливую жадность тѣхъ, которыхъ почиталъ за честныхъ и правдивыхъ людей. Владыко всесильный, молю Тебя, вмѣсто «избавь меня отъ лукаваго», избавь меня отъ всякихъ общихъ дѣлъ съ подобными людьми: ихъ образъ мыслей, ихъ цѣли и средства къ достиженію оныхъ противны. Не знаю, чему болѣе удивляться въ людяхъ: жадности ли ихъ къ стяжанію, доходящей до забвенія и долга, и чести, и совѣсти, или ихъ неблагоразумію? Въ числѣ владѣльцевъ этой дачи были такіе, которые вполнѣ сознавали выгоды особаго и невыгоды чрезполостнаго владѣнія, но вмѣсто содѣйствія затрудняли окончаніе размежеванія совершенно ничтожными или несообразными требованіями. Наконецъ, когда дача уже была размежевана, всѣ остались довольны; но на меня смотрѣли косо за то, что желанія ихъ не были вполнѣ удовлетворены, и каждый получалъ то, что̀ ему слѣдовало. Бранили меня, но уступали моему вліянію, хотя я былъ между ними однимъ изъ бѣднѣйшихъ владѣльцевъ, единственно потому, что видѣли безкорыстную справедливость въ моихъ дѣйствіяхъ. Бранятъ и теперь, но называютъ честнымъ человѣкомъ... Спасибо! Люди не любятъ правды, но ей покоряются.

Отношенія помѣщиковъ къ крѣпостнымъ людямъ.

Съ подвластными и подчиненными не нужно быть строгимъ, нужно быть только справедливымъ. Держась этого правила, я въ короткое время достигъ того, что мои люди служили мнѣ исправнѣе, чѣмъ самымъ строгимъ господамъ. Я заботился о выгодахъ моихъ крѣпостныхъ не менѣе, чѣмъ о своихъ собственныхъ; старался, чтобы они были сыты и одѣты не только тепло и прилично, но даже щеголевато, обращался съ ними ласково, за всякую хорошо исполненную работу и услугу говорилъ

спасибо; помогалъ въ нуждахъ, не обращалъ вниманія на мелочныя ошибки и шалости, за каждый значительный проступокъ строго взыскивалъ. Мои люди вовсе не боятся меня, какъ обыкновенно боятся господъ, но ведутъ себя хорошо и исполняютъ мои приказанія удовлетворительно; а это весьма важно въ сельскомъ хозяйствѣ. Бѣдность крестьянъ и дурная нравственность составляютъ въ хозяйствѣ важныя условія, и потому на это обстоятельство должно быть обращено особенное вниманіе.

Годъ VI-й.

Съ 1-го Сентября 1847 по 1-е Сентября 1848 года.

Состояніе погоды.

Въ ночь на 4-е Сентября 1847 г. при сильной грозѣ шелъ проливной дождь; съ этой поры до 12 Октября стояла тихая, теплая и сухая погода, во все время дулъ юго-восточный вѣтеръ, а 12 числа перешелъ въ востоко-сѣверный и, усиливаясь постепенно, превратился наконецъ въ жестокую бурю, продолжающуюся три дня; затѣмъ два дни сильные морозы, а потомъ опять ясно и тепло, и хотя вѣтеръ перемѣнялъ направленія, но до Ноября дождей не было; въ началѣ Ноября перепало нѣсколько дождей, перемѣшанныхъ съ снѣгомъ, который тогда же стаялъ. Съ 6-го Ноября начались морозы, 15-го выпалъ небольшой снѣжокъ. Съ 1-го Декабря по 12-е Генваря термометръ постоянно показывалъ не менѣе 20, а иногда и 26 градусовъ холода. Снѣгу на поляхъ почти не было, дороги едва были прикрыты, а съ 12-го Генваря морозы нѣсколько ослабѣли, но вѣтеръ усилился. 2-го Февраля была такая стужа, что по народному выраженію «духъ захватывало». Между 3-мъ и 12-го Февраля было тепло и весь бывшій снѣгъ стаялъ, но вслѣдъ затѣмъ выпалъ новый, покрывшій землю вершка на два. Съ этого времени до 18-го Марта стояла сухая и тихая погода: по ночамъ легкіе морозы, а днемъ ясное солнышко; все, что̀ въ ночь замерзало, днемъ растаявало. Вообще въ Мартѣ стояла превосходная погода. 20 числа перешелъ дождь, а 21-го вскрылись уже рѣки; 23, 24 и 25 по ночамъ шелъ дождь, а днемъ ясно, температура воздуха была настолько тепла, что люди работали въ однѣхъ рубашкахъ. 37-го впервыя прогремѣлъ громъ и возвѣстилъ наступленіе весны; съ того времени по 15-е Августа было ясно и тепло, даже жарко; 15-го числа пошелъ дождь, продолжавшійся цѣлыя сутки. 23 температура воздуха понизилась, 24 и 25 шелъ снѣгъ, покрывшій на вершокъ землю, 26 и 27 по утрамъ морозы, которые, впрочемъ, не причинили вреда ни хлѣбамъ, ни плодовитымъ деревьямъ и кустарникамъ, находившимся въ полномъ цвѣту, такъ какъ въ эти дни было тепло и ясно. Съ 28 Апрѣля до 12-го Мая стояла превосходная, настоящая весенняя, погода; 13-го Мая термометръ началъ

быстро понижаться, а въ ночь на 15-е число былъ такой сильный морозъ, что поверхность земли замерзла, по увѣренію сосѣдей и по степени холода должно полагать, не менѣе 7°. Хотя и были 16, 17 и 18 Мая по ночамъ морозы, но не столь сильные, какъ 15 числа. Послѣ бывшаго 24 Мая сильнаго и продолжительнаго дождя, всѣ растенія начали оживать. Въ первой половинѣ Іюня перепало нѣсколько дождей, затѣмъ наступили жары. Между 5 и 10 числами Іюля нѣсколько разъ шелъ дождь, потомъ до половины Августа продолжались жары, но ночи были холодныя.

Сѣвъ и уборка.

Первые посѣвы озимыхъ хлѣбовъ къ 1848 г. сдѣланы были 14 Августа, а потомъ, по случаю засухи, сѣвомъ пріостановились; настоящій сѣвъ начался 20 Августа послѣ дождей, бывшихъ 18 и 19 числа. Осень 1847 г. была сухая, но озимые всходы хорошо росли и клочились. Сѣвъ овса начался съ 29 Марта, такъ какъ къ тому времени земля достаточно уже просохла и погода благопріятствовала. Гречиху сняли въ разное время: одни въ началѣ Мая, другіе въ концѣ, но и ранніе и поздніе одинаково были очень плохи. Уборка хлѣба началась съ 12 Іюля, противъ обыкновеннаго ранѣе на недѣлю и хотя погода благопріятствовала, но пошла медленно, по случаю повсемѣстнаго распространенія появившейся въ 1847 г. холеры. Лѣтнихъ рабочихъ дней въ этомъ году было 6 мѣсяцевъ 21 день.

Урожай 1847 года.

За исключеніемъ сѣмянъ десятина дала зерна:

	Четверти.	Мѣры.
Рожь	5	4
Пшеница	не родилась	
Овесъ	8	—
Гречиха	едва возвратила сѣмена.	

Вообще урожай хлѣбовъ и травъ былъ крайне скуденъ, притомъ рожь зерномъ мелка и темна. Овесъ, хотя соломой былъ низокъ, но зерномъ хорошъ. Гречиха по большей части не возвратила сѣмянъ, пшеница вымерзла и родилась только въ тихихъ и низменныхъ мѣстахъ, гдѣ глубина покрыта была снѣгомъ. Крестьяне въ этотъ годъ не столько нуждались въ хлѣбѣ, сколько въ кормѣ для скота, потому что сѣна и овсяной соломы было очень мало.

Цѣны продуктовъ.

Мѣстныя съ доставкою въ ближайшіе города.

			Руб.	Коп.
Четверть:	Рожь	на вѣсъ 9 п. 5 ф.	2	10
›	Пшеница	› 10 › — ›	21	20
›	Овесъ	› 6 › — ›	1	—
›	Гречиха	› 8 › — ›	3	25

Всѣ ожидали, что въ этомъ году цѣны понизятся противъ цѣнъ прошедшаго года по причинѣ уменьшившагося требованія хлѣба за границу, но цѣны остались почти тѣже; взамѣнъ уменьшившагося требованія за границу усилилось внутреннее: нужно было пополнять общественные магазины и государственные запасы, которые совершенно истощились раздачею жителямъ тѣхъ губерній, въ которыхъ былъ неурожай въ прошедшемъ году. Извозъ былъ очень дешевъ по отношенію къ существовавшимъ цѣнамъ на хлѣбъ: отъ Ельца до Москвы платили не болѣе 15 коп. съ пуда. На плату за извозъ имѣло большое вліяніе то обстоятельство, что во всю зиму, начиная съ Января до половины Марта, дороги были гладки и легки.

Народное здоровье.

Холера. Въ началѣ 1847 года свирѣпствовавшая въ Закавказскихъ провинціяхъ эпидемія, извѣстная подъ названіемъ Индѣйской холеры, перебравшись черезъ горы во внутрь Россіи, быстро пошла на Сѣверъ и разлилась по всему государству; въ Орловской губерніи появилась въ Августѣ 1847 г., а въ селѣ, въ которомъ находится мое имѣніе, въ началѣ Сентября того же года; самое сильное развитіе ея было въ концѣ этого мѣсяца и въ началѣ Октября. Въ моемъ имѣніи, состоящемъ изъ ста душъ обоего пола, умерло, въ теченіе 10 дней, разнаго возраста 13 человѣкъ, а оставшіеся всѣ до одного человѣка подвержены были болѣе или менѣе сильнымъ припадкамъ этой болѣзни; доходило до того, что некому было ухаживать за больными. По исходѣ холеры появилась сыпь, въ родѣ кори. Болѣзнь эта рѣдко сопровождалась смертными случаями, при благопріятныхъ случаяхъ оканчивалась въ 9 дней, но сопровождалась мучительными пароксизмами; особенно трудны были 4, 5 и 6 дни послѣ заболѣванія, когда сыпь выходила наружу; впослѣдствіи всѣ бывшіе въ этой болѣзни страдали по мѣсяцу и долѣе поносомъ, а иные даже кровавымъ. Вообще, гдѣ только дѣйствовала холера и послѣдующая за нею сыпь, названная корью, по сходству ея съ настоящею корью, долгое время находились въ разслабленномъ состояніи и при всякой неосторожности или малѣйшей простудѣ подвергались лихорадочнымъ припадкамъ и головнымъ болямъ.

Холера въ 1847 году наиболѣе свирѣпствовала въ Астраханской, Саратовской, Казанской, Воронежской, Курской и Орловской губерніяхъ. Всѣ средства, какъ указанныя правительствомъ, какъ равно придуманныя самими жителями къ излѣченію въ началѣ развитія холеры, оставались тщетными; сами врачи лѣчили безуспѣшно, но когда болѣзнь начала слабѣть, тогда тѣже лѣкарства помогали. У меня болѣе употребляли Гофмановы капли во внутрь, растиранье виномъ, настояннымъ

стручковымъ перцемъ, горчишники и поили перечною мятою. Гофмановы капли при самомъ началѣ болѣзни помогали: унимали рвоту, поносъ и головную боль, а крѣпкій настой перечневой мяты оказывалъ спасительное дѣйствіе, предупреждая развитіе болѣзни, начинавшееся обыкновенно бурчаніемъ въ желудкѣ, разслабленіемъ нервъ и круженіемъ головы; кто, начиная чувствовать первые признаки, пилъ по нѣскольку стакановъ въ день мятнаго настоя, тотъ немедленно освобождался отъ означенныхъ припадковъ. Впрочемъ холера поражала людей въ разныхъ видахъ и часто дѣйствовала паралично, такъ что заболѣвавшій умиралъ въ 2—3 часа; когда тѣло больного начинало покрываться багровыми пятнами, означавшими параличное состояніе больного, тогда нечего было думать о пособіи, а надлежало уже заботиться о предохраненіи другихъ отъ заразы.

Нельзя выразить словами того ужаса, той глубокой горести, какая отражалась на лицѣ каждаго во время дѣйствія холеры. Въ теченіе моей жизни я не разъ бывалъ такъ боленъ, что жизнь, какъ говорятъ, висѣла на волоскѣ, страдалъ сильно, сознавалъ всю опасность болѣзни, но духомъ былъ бодръ и почти спокойно ждалъ послѣдней минуты жизни; но во время холеры я былъ малодушнѣе самой малодушной женщины; мнѣ стыдно было самого себя; всѣ убѣжденія разсудка были безсильны преодолѣть какой-то безотчетный страхъ и душевную тревогу, происходившіе отъ ослабленія всѣхъ нервовъ.

Разливу холерной эпидеміи въ Россіи, мнѣ кажется, можно было бы положить преграду при первоначальномъ появленіи ея въ Закавказскомъ краѣ, огражденномъ горами и морями и имѣющемъ только четыре пути въ Европу (два морскихъ и два сухопутныхъ), по которымъ сообщеніе очень ограниченное; но правительство, по неосновательнымъ предположеніямъ врачей о незаразительности холеры, не приняло никакихъ карантинныхъ мѣръ; впослѣдствіи хотя и увидѣло ошибку, но было уже поздно. Заразительность холеры доказывается уже тѣмъ, что она слѣдовала впередъ по направленію большихъ трактовъ и судоходныхъ рѣкъ. По собственному моему наблюденію эта болѣзнь переходитъ отъ одного къ другому не столько отъ прикосновенія, сколько отъ вдыханія испареній, извергающихся изъ легкихъ больного и отъ разложенія труповъ. Сила заразительности испареній до того велика, что если въ городъ и село занесена холера, то заражались преимущественно обитатели лежащихъ подъ вѣтромъ домовъ безъ всякаго сообщенія съ больными; владѣльцы же домовъ, лежащихъ противъ вѣтра, оставались благополучными до перемѣны направленія вѣтра или до занесенія заразы посредствомъ сообщенія. Нельзя еще не замѣтить того, что холера въ нашей мѣстности начала усиливаться съ того времени, когда началъ дуть юго-

восточный вѣтеръ, не измѣнявшій своего направленія отъ 8 Сентября до Ноября. Никто не запомнитъ такой продолжительной и пригожей осени; весь Сентябрь и половина Октября было ясно и тепло, словно среди лѣта. Солнце блистало какимъ-то необыкновенно яркимъ, но зловѣщимъ свѣтомъ. Съ наступленіемъ морозовъ и холоднаго времени холера начала слабѣть, а во многихъ мѣстахъ вовсе прекратилась. Народъ немного ободрился и принялся за обыкновенныя свои дѣла. Съ наступленіемъ весны 1848 г. холера снова начала увеличиваться въ разныхъ губерніяхъ и достигла Петербурга и Сибири.

Разные предметы.

Пожары и поджоги. Къ довершенію бѣдствія народа, страдавшаго отъ эпидеміи, отъ неурожая, весною 1848 года распространились повсемѣстно слухи о злонамѣренныхъ поджигательствахъ и повергли народъ въ совершенное отчаяніе. Жители городовъ и селеній выбирались съ имуществами изъ домовъ и жили по мѣсяцу и болѣе въ полѣ. Страхъ былъ не безосновательный: дѣйствительно открыли нѣсколько шаекъ поджигателей и много поймано бродягъ, сознавшихся въ поджогахъ. Нѣсколько губернскихъ и уѣздныхъ городовъ, множество селъ и деревень погорѣло. Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ почти ежедневно видимы были въ разныхъ сторонахъ пожары. Конечно, нѣкоторые изъ нихъ происходили отъ неосторожности, но большая часть отъ поджоговъ, имѣвшихъ связь съ общимъ во всей Европѣ народнымъ волненіемъ и стремленіемъ Польши къ отдѣленію отъ Россіи.

Европейскія смуты. Въ Западной Европѣ въ этомъ году открылась еще болѣе пагубная эпидемія, чѣмъ холера, извѣстная подъ именемъ соціально-комунической: религія и законныя власти низвергаются, на мѣсто ихъ водворяется безвѣріе, безначаліе и преступленія. Всюду уничтожается народное благосостояніе, разрушаются памятники народной славы, презираются права собственности; всюду кровопролитіе и буйство.

Годъ VII-й.

Съ 1-го Сентября 1848 по 1-е Сентября 1849 года.

Состояніе погоды.

Въ продолженіе Сентября и Октября стояла теплая и ясная погода, только въ концѣ Октября начали перепадать дожди, которые много способствовали исправленію озимыхъ всходовъ. 30 Октября выпалъ снѣгъ, а на другой день сильный морозъ, потомъ до половины Ноября, при умѣренныхъ морозахъ, стояла ясная погода, почему и полагали, что зима установилась; но 18-го числа сдѣлалась оттепель, весь выпавшій снѣгъ растаялъ, зелени обнажились и оставались открытыми до Декабря.

Эта оттепель была весьма полезна, ибо только въ это время земля насытилась водой въ такой степени, въ какой нужно для прозябанія. Въ началѣ Декабря снѣгъ снова покрылъ поля довольно толстымъ слоемъ, начались и продолжались въ продолженіи Декабря сильные морозы, термометръ все время стоялъ между 20 и 26 градусами ниже нуля, а иные дни спускался еще ниже. Съ наступленіемъ Генваря морозы уменьшились, а вѣтры усилились, между 7 и 12 Генваря была оттепель, съ этого времени до начала Марта, въ полномъ смыслѣ, бушевали буйные вѣтры съ вьюгами: жилья и хлѣбни занесены были снѣгомъ до такой степени, что ихъ почти не было видно. Въ Мартѣ погода нѣсколько разъ измѣнялась: то теплые дни, то сильные морозы, достигавшіе до 20 градусовъ. Съ наступленіемъ Апрѣля вѣтеръ подулъ съ Юга и стало чувствительно приближеніе весны; снѣгъ, не имѣвшій всю зиму осадка, подернулся водой, которая по случаю туманной погоды держалась на поляхъ до 10 числа; потомъ, когда проглянуло солнышко и освѣтило землю, накопившаяся подъ снѣгомъ вода разомъ хлынула съ полей, рѣки мгновенно выступили изъ береговъ и сильнымъ напоромъ причинили большіе убытки прибрежнымъ жителямъ и владѣльцамъ мельницъ и заводовъ. Къ вечеру того же дня вода начала убывать, а на утро вошла въ берега; снѣгъ съ полей исчезъ, озими открылись веселы; 13 числа шелъ дождь, продолжавшійся цѣлые сутки, потомъ наступили теплые дни. 30 Апрѣля и 1 Мая шелъ проливной дождь при такомъ сильномъ холодѣ, что не только въ полѣ работать, но даже нельзя было заниматься домашними работами подъ открытымъ небомъ. Весь Май не было дождя, сильные вѣтры и по ночамъ морозы, продолжавшіеся до 15 Мая, а потомъ, хотя дни были теплые, но ночи холодныя. 26, 27 и 28 Мая бушевала страшная буря; 30 числа перешелъ довольно сильный дождь. Въ первой половинѣ Іюня стояла сырая и холодная погода, а во второй половинѣ сухая, жаркая и вѣтренная, съ 27 Іюня по 4 Іюля проливные дожди. Съ того времени начались лѣтніе жары и продолжались до 18 Августа, затѣмъ небо покрылось тучами, пошли дожди, насталъ нестерпимый холодъ, и осень вступила въ свои права.

Сѣвъ и уборка.

Сѣвъ озимыхъ хлѣбовъ начался 2-го Августа и продолжался до 25 числа, земля была такъ суха, что отъ пашни пыль подымалась столбомъ. Ранняго посѣва озими взошли довольно дружно, потому что 1-го Августа былъ дождь и земля имѣла влажность, но поздно посѣянные выходили кое-гдѣ былкою; зерна, попавъ глубоко въ землю, не выходили до того времени, пока сильными дождями промочило землю на всю глубину пашни. Вообще озими къ концу осени хотя и поправились, но

все-таки были плохи. Сѣвъ овса начался 20 Апрѣля и продолжался до 12 Мая. Причина столь поздняго сѣва овса состояла въ томъ, что въ продолженіе этого времени не работали пять дней по случаю праздниковъ и два дня по случаю проливныхъ дождей, сопровождавшихся сильнымъ холодомъ. Сѣвъ гречихи производился вслѣдъ за окончаніемъ овсянаго сѣва. Уборка сѣна началась 7-го Іюля, а съ 19-го приступили къ уборкѣ хлѣба; погода благопріятствовала и работа шла успѣшно. Лѣтнихъ рабочихъ дней въ этомъ году было 7 мѣсяцевъ.

Урожай 1848 года.

За исключеніемъ сѣмянъ десятина дала зерна:

	Четверти.	Мѣры.
Рожь	6	6
Пшеница	5	1
Овесъ	9	3
Гречиха	11	—

Урожай хлѣбовъ въ этомъ году былъ очень удовлетворительный. Рожь была низка ростомъ и рѣдка, но умолотна и зерномъ превосходнаго качества; пшеница посредственная. Овесъ плохъ и соломою и зерномъ. Гречиха очень хороша. Судя вообще по состоянію погоды въ теченіи весны и лѣта, нельзя было ожидать стóль удовлетворительнаго результата, но въ частности лѣто этого года было благопріятно для хлѣбовъ, такъ какъ во время цвѣтенія и налива хлѣбовъ перепадали дожди и не было большихъ вѣтровъ, а холодныя ночи благопріятствовали наливу и завязи гречихи. Огородные овощи и садовые плоды родились изобильно. Травы были посредственны.

Цѣны на продукты.

Мѣстныя съ доставкою въ ближайшіе города:

				Руб.	Коп.
Четверть:	Рожь	въ 9 п.	5 ф.	3	25
›	Пшеница	› 10 ›	— ›	5	50
›	Овесъ	› 6 ›	— ›	1	25
›	Гречиха	› 8 ›	— ›	3	70

Цѣны вообще на всѣ хлѣба были очень высоки по причинѣ бывшаго въ 1848 году повсемѣстнаго въ Россіи неурожая и особенно въ Малороссійскихъ и южныхъ губерніяхъ. Недостатокъ въ продовольствіи и въ прокормѣ скота былъ такъ великъ, что изъ Малороссіи пригоняли въ нашу мѣстность скотъ и отдавали кормить и́спола, т. е. изъ двухъ паръ воловъ одна должна быть возвращена весною хозяину, а другая оставляться за зимній прокормъ. Не смотря на такую выгодную сдѣлку, мало сыскивалось охотниковъ брать скотъ на прокормъ.

Народное здоровье.

Съ наступленіемъ осени 1848 г., холера снова усилилась и разлилась по всему государству, въ особенности свирѣпствовала въ Петербургѣ; къ концу зимы 1848 повсюду почти прекратилась, но со вскрытіемъ весны 1849 г. опять вспыхнула въ С.-Петербургѣ. Въ Орловской губерніи хотя и появлялась въ теченіе 1848—49 г.г., но въ слабой степени.

Разные предметы.

Пепельный туманъ. Съ наступленіемъ въ концѣ Апрѣля 1849 г. теплой погоды, болѣе недѣли среди дня горизонтъ, при юго-западномъ вѣтрѣ, покрывался туманомъ, который, вмѣсто водяныхъ паровъ, содержалъ въ себѣ какую-то бѣлопепельнаго цвѣта пыль; деревья, растенія и земля покрыты были толстымъ слоемъ этой пыли. Какое имѣли вліяніе пепельные туманы на растенія, не замѣчено, но на здоровье людей дѣйствовали весьма неблагопріятно: каждый разъ какъ находила туманная туча, люди жаловались на сильную головную боль и разслабленіе всего организма.

Картофельная болѣзнь.

Въ этомъ году обнаружилась въ нашей мѣстности картофельная болѣзнь, появившаяся года за 4 предъ симъ сначала въ Ирландіи, и затѣмъ въ Германіи и въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Появленіе этой болѣзни быть можетъ имѣло отношеніе къ бывшимъ весною пепельнымъ туманамъ, содержавшимъ въ себѣ неизвѣстнаго свойства пыль. Подкрѣпленіемъ такому предположенію служитъ преждевременная порча садовыхъ плодовъ и огородныхъ овощей урожая сего года; такъ напримѣръ, яблоки всегда сберегались у меня до новыхъ въ такомъ видѣ, какъ будто только сейчасъ сняты были съ вѣтви; въ этомъ же году какъ у меня, такъ равно и у сосѣдей, погнили въ началѣ зимы.

Европейскія смуты.

Судя по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ газетами, дѣла Европейскія день ото дня запутываются болѣе, страсти разыгрываются сильнѣй; одна Россія стоитъ на стражѣ съ грозными арміями, часть которыхъ двинулась уже на помощь Австрійскому правительству для потушенія мятежа въ Венгріи.

Нищенство.

Этотъ годъ еще замѣчателенъ увеличеніемъ числа просящихъ милостыни; ежедневно по нѣскольку человѣкъ являлись у оконъ. Христарадничали преимущественно помѣщичьи крестьяне. Удивляюсь, какъ до сей поры правительство не обратило на это особеннаго вниманія и не вмѣнило предводителямъ дворянства въ строгую обязанность неослабно

наблюдать за отношеніями помѣщиковъ къ своимъ крестьянамъ. Еще болѣе удивляюсь безразсудности и безчеловѣчности самихъ помѣщиковъ, допускающихъ крестьянъ до христарадничества и нищенства. Крестьяне-побирушки не могутъ быть хорошими работниками и исполнителями распоряженій помѣщика, не могутъ уважать своего господина и имѣть къ нему привязанности; а находиться постоянно между людьми ненавидящими насъ и почитающихъ насъ тиранами для каждаго сколько нибудь мыслящаго человѣка мучительное положеніе. Я не имѣю жестокаго сердца, но будь въ моихъ рукахъ власть, я, во имя Бога и правды, всѣхъ подобныхъ господъ-помѣщиковъ приговорилъ бы къ лишенію добраго имени и имѣнія, дабы поставить ихъ въ такое положеніе, въ какое поставлены были ими крестьяне.

Годъ VIII-й.

Съ 1-го Сентября 1849 по 1-е Сентября 1850 года.

Состояніе погоды.

Въ первыхъ числахъ Сентября 1849 года были ясные дни, но потомъ погода съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе хмурилась: вѣтеръ, снѣгъ и холодъ пуще зимняго заставляли кутаться въ теплую одежду, но съ 21 Сентября по 22-е Октября стояла превосходная погода: воздухъ тепелъ, влаженъ, небо слегка подернуто облаками, изрѣдка зашумитъ легкій вѣтерокъ или брызнетъ дождикъ. Между 22 Октября и 15 Ноября погода измѣнялась: ежедневно то снѣгъ, то тепло, то ясно и холодно; помѣщики начали уже хлопотать о снаряженіи обозовъ, но въ ночь на 16-е число пошелъ проливной дождь и снѣгу какъ не бывало. Затѣмъ до Декабря была ясная погода при морозахъ отъ 10 до 12 градусовъ, во все время не упало снѣжинки, озими потемнѣли, земля высохла и трескалась, ѣздить не было возможности ни на саняхъ, ни на колесахъ. Съ наступленіемъ Декабря вѣтеръ нагонялъ тучу за тучею, но до 10 числа не упало ни одной снѣжинки; термометръ стоялъ на точкѣ замерзанія, въ ночь на 11-е выпалъ снѣгъ, ртуть опустилась до 14 градусовъ; съ этой только поры началъ устанавливаться зимній путь и обозы двигаться къ мѣстамъ сбыта. Въ Январѣ постоянно господствовала стужа, морозы достигали 31 градуса по реомюру и были такія вьюги, что въ 10 шагахъ нельзя было различить предметовъ. Въ Февралѣ и Мартѣ выпало много снѣгу. Въ началѣ Марта было нѣсколько ясныхъ и теплыхъ дней, снѣгъ началъ таять, верхи наполняться водой, а поля на возвышенныхъ мѣстахъ обнажаться; но открытіе весны задерживалось морозами, и только 2 Апрѣля вода двинулась съ полей, снѣгъ медленно таялъ. Рѣки вскрылись 6 Апрѣля и съ того времени по 16-е число хотя было сумрачно, но воздухъ былъ тепелъ, а 16 чи-

сла выпалъ снѣгъ, грязь растворилась такая, что ни пройти, ни проѣхать. 20 числа проливной дождь и впервыя прогремѣлъ громъ, нѣсколько ударовъ было очень сильныхъ, словно среди лѣта; земля сохла медленно, только на возвышенныхъ мѣстахъ начали пахать; съ 23 началась Святая недѣля, а потому сѣвъ овса должно было отложить до Мая, въ продолженіе котораго стояла постоянно теплая, ясная, въ полномъ смыслѣ Майская погода, но для хлѣбовъ весьма неблагопріятная: жары и сухменъ словно въ оковахъ держали растительную силу. 4-го Іюня прошла тучка и на вершокъ смочила землю; владѣльцы, землю которыхъ оросилъ дождь, приступили къ сѣву гречихи, а прочіе сѣяли уже въ Іюлѣ послѣ бывшихъ сильныхъ дождей. Трудно вообразить, съ какою радостью земледѣльцы, во время засухи, встрѣчали каждое темное облачко, каждую тучку, появлявшуюся на горизонтѣ; но дождя не было, вѣтеръ угонялъ дорогихъ гостей въ неизвѣстныя страны. Судя по продолжительной засухѣ, хлѣба должны бы были погибнуть, но холодныя зори и ночи охлаждали воздухъ и поддерживали жизнь въ растеніяхъ; притомъ въ началѣ весны земля такъ изобильно насытилась водой, что долго удерживала влажность въ своихъ нѣдрахъ. Съ 18 Іюня начали часто перепадать дожди, 24 и 25 числа безумолкно свирѣпствовала буря, имѣвшая направленіе съ Запада на Востокъ; пыль вздымалась темными тучами и неслась вмѣстѣ съ облаками; воздухъ былъ такъ холоденъ, какъ въ позднюю осень. Листъ на плодовыхъ деревьяхъ и кустарникахъ словно огнемъ сожгло. Вообще, лѣто 1850 года замѣчательно тѣмъ, что, несмотря на продолжительную засуху, воздухъ былъ свѣжъ и что при каждой тучкѣ поднималась буря и разносила ее въ разныя стороны. 4, 5 и 23 Іюля были сильные дожди. Съ 23 Іюля по 23 Августа жары.

Сѣвъ и уборка.

Первые посѣвы къ 1850 г., сдѣланные въ первой половинѣ Августа, были удачнѣе, такъ какъ земля еще была влажна отъ бывшихъ въ Іюлѣ дождей; посѣвы же во второй половинѣ Августа производились при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ: съ утра проглянетъ солнышко, часовъ въ десять найдутъ тучи, подымется буря и разрѣшится ливнымъ дождемъ; высѣянныя зерна или сносимы были вѣтромъ и дождемъ въ кучи или заваливались такъ глубоко въ землю, что не могли уже дать ростковъ, вслѣдствіе чего ранніе посѣвы взошли и укючились хорошо, а поздніе взошли рѣдко и росли плохо. Овесъ сѣяли въ Маѣ, а гречиху, гдѣ перешелъ 4-го Іюня дождь, тотчасъ послѣ дождя, а гдѣ не было дождя, тамъ въ Іюлѣ. Уборка сѣна началась 6-го, а уборка хлѣба 13 Іюля. Къ 15 Августа весь хлѣбъ уже былъ въ гумнѣ. Лѣтнихъ рабочихъ дней въ продолженіе года было 6 мѣсяцевъ 20 дней.

Урожай 1849 года.

За исключеніемъ сѣмянъ десятина дала зерна:

	Четверти.	Мѣры.
Рожь	7	—
Пшеница	4	4
Овесъ	6	—
Гречиха	не возвратила сѣмянъ.	

Вообще урожай озимыхъ хлѣбовъ можно отнести къ посредственнымъ, а яровыхъ къ самымъ скуднымъ, за исключеніемъ проса, посѣвъ котораго у меня въ хозяйствѣ производится въ очень маломъ количествѣ. Гречиха родилась только у тѣхъ, кто сѣялъ ее въ Іюлѣ послѣ дождей; огородніе овощи родились скудно, яблокъ вовсе не было, но ягоды родились обильно.

Цѣны на продукты.

Мѣстныя съ доставкою въ ближайшіе города:

		Руб.	Коп.
Четверть: Рожь	9 п. 5 ф.	1	50
» Пшеница	10 » — »	6	—
» Овесъ	6 » — »	1	75
» Гречиха	8 » — »	2	25

Цѣны въ этомъ году были крайне непостоянны, и рожь цѣнилась дешевле овса, въ которомъ нуждались не только крестьяне, но и многіе помѣщики.

Разные предметы.

Мелкое запахиваніе сѣмянъ, рекомендуемое учеными агрономами, не всегда бываетъ удачно: въ этомъ году я, пользуясь бывшимъ 4-го Іюня дождемъ, промочившимъ землю на вершокъ, приказалъ сѣять гречиху и запахивать сѣмена мельче, чтобы они попали въ сырую землю; а крестьяне, сѣявшіе свою гречиху въ одинъ день со мною, запахивали сѣмена на обыкновенную глубину; въ результатѣ оказалось: моя гречиха взошла черезъ одни сутки и по случаю засухи погибла, а крестьянская всходила медленно, но имѣя глубже корни, менѣе пострадала и дала порядочное количество зерна.

Годъ IX-й.

Съ 1-го Сентября 1850 г. по 1-е Сентября 1851 г.

Состояніе погоды.

Въ первой половинѣ Сентября часто перепадали дожди, а съ 15 числа возстановилась ясная погода, начались морозы при сильныхъ восточныхъ вѣтрахъ, озими прекратили ростъ и листъ съ деревьевъ началъ падать зеленымъ. Въ Октябрѣ стояла настоящая Октябрьская погода: иногда зашумитъ вѣтеръ, иногда брызнетъ мелкій дождь и тепло.

иногда легкій морозъ. 1-го Ноября выпалъ снѣжокъ, но спустя нѣсколько дней сдѣлалась оттепель, снѣгъ до чиста стаялъ, потомъ начались морозы и порошилъ снѣгъ, а въ ночь на 28 Ноября поднялась и продолжалась двое сутокъ жестокая буря съ вьюгою. Много погибло людей, застигнутыхъ въ дорогѣ. Въ низкихъ мѣстахъ нанесло огромные сугробы. 2-го Декабря оттеплѣло, термометръ поднялся выше точки замерзанія, нѣсколько дней шелъ дождь и согналъ съ полей снѣгъ. 7-го Декабря прояснѣло, и съ того времени во всю зиму не было ни сильныхъ морозовъ, ни бурь; по временамъ порошилъ снѣгъ, атмосфера туманна, деревья постоянно покрывались инеемъ. Мартъ начался довольно хорошею погодою, но потомъ опять горизонтъ покрылся туманной мглой и хотя термометръ держался выше замерзанія, но воздухъ былъ такъ холоденъ и сыръ, что необходимо было одѣваться теплѣе, чѣмъ зимой въ большіе морозы. 18 и 19 числа шелъ дождь и рѣки вскрылись. 24 проглянуло солнышко, и весна отрадно дохнула на нашъ угрюмый уголокъ, но не надолго. 1-го Апрѣля пошелъ дождь, продолжавшійся къ ряду 9 сутокъ, на 10-й день пронеслась громадная туча съ сильною грозой. Съ того времени по 1-е Мая было тепло и ясно и только изрѣдка перепадали небольшіе дождички. Земля сохла медленно. Въ продолженіе Мая, Іюня и по 10-е число Іюля, за исключеніемъ весьма немногихъ ясныхъ дней, шелъ каждодневно дождь. Съ 10 Іюля начались и продолжались до 29 Августа жары, во все время не упало ни одной капли дождя. Земля отъ сухости трескалась, трава по скошеннымъ лугамъ и по лѣсамъ высохла и пожелтѣла. У рогатаго скота отъ пыли и сильнаго ударенія солнечныхъ лучей открылась глазная болѣзнь, которая, впрочемъ, не имѣла худыхъ послѣдствій, но овецъ много подохло. Послѣ семинедѣльной засухи начали показываться облачка, быстро разраставшіяся въ громадныя тучи, разрѣшавшіяся проливнымъ дождемъ, продолжавшимся безпрерывно двое сутокъ; этотъ дождь, оказавъ большую пользу посѣяннымъ къ будущему году озимымъ хлѣбамъ, въ тоже время причинилъ значительный убытокъ большей части хозяевъ, которые, желая воспользоваться благопріятною погодою для уборки, спѣшили свезти хлѣбъ въ гумно и не позаботились прикрыть скирдовъ. У кого скирды были плохо сложены, тѣ въ необходимости очутились разбирать скирды и просушивать хлѣбъ. Къ счастью ихъ, что послѣ двухдневнаго дождя съ недѣлю стояла ясная погода.

Сѣвъ и уборка.

Сѣвъ въ 1851 году озимыхъ хлѣбовъ начался по обыкновенію въ первыхъ числахъ Августа, при началѣ сѣва земля имѣла еще нѣсколько влажности отъ бывшихъ въ Іюлѣ дождей, а потомъ сѣяли въ совер-

шенно сухую землю, но такъ какъ въ концѣ Августа перешло нѣсколько дождей и въ началѣ Сентября была теплая погода, то озими къ концу осени хорошо уклочились. Сѣвъ яровыхъ производился: овесъ въ первыхъ, а гречиха въ послѣднихъ числахъ Мая. Уборка хлѣба началась 16 Іюля, а къ 1-му Сентября весь хлѣбъ былъ уже въ гумнѣ, сѣмена намолочены и сѣвъ оконченъ. Не бывши очевиднымъ свидѣтелемъ, трудно повѣрить, чтобы въ теченіи 6 недѣль одинъ работникъ съ женою могъ убрать 10 десятинъ и посѣять 5 десятинъ, удѣляя часть времени на приготовленіе сѣмянъ и нетерпящія отлагательства домашнія работы. Русскій крестьянинъ достоинъ удивленія: есть ли на земномъ шарѣ другой народъ, который могъ бы выдержать подобный шестинедѣльный трудъ? Лѣтнихъ рабочихъ дней въ этомъ году было 6 м. 21 д.

Урожай 1850 г.

За исключеніемъ сѣмянъ десятина дала зерна:

	Четверти	Мѣры.
Рожь	9	1
Пшеница	9	2
Овесъ	13	—
Гречиха	8	—

Дождливая весна и первая половина лѣта нерѣдко вызывали ропотъ, а между тѣмъ безъ дождей не было бы такого обильнаго урожая всѣхъ родовъ хлѣба. Огородные овощи, садовые плоды и ягоды, также какъ и хлѣба, родились весьма обильно. Сѣно по случаю дождей попрѣло.

Цѣны на продукты.

Мѣстныя съ доставкою въ ближайшіе города:

			Руб.	Коп.
Четверть:	Рожь	9 п. 5 ф.	1	60
»	Пшеница	10 » — »	5	50
»	Овесъ	6 » — »	1	50
»	Гречиха	8 » — »	2	—

Цѣны на яровой хлѣбъ въ этомъ году, какъ и въ прошедшемъ, были высоки, а на рожь—низка, такъ какъ рожь изъ нашего края не требовалась, а между тѣмъ у помѣщиковъ были значительные запасы. Сѣно и солома зимою 1850—51 года продавались по баснословной цѣнѣ: сѣно по 35 коп. за пудъ, а солома по 75 к. за копну, но извозъ былъ очень дешевъ, а именно: до Москвы 20, а до Калуги 15 коп. съ пуда. Крестьяне ѣхали въ извозъ не для полученія прибыли, а единственно для прокормленія лошадей. Многіе торговцы, закупившіе значительныя партіи ржи съ осени, въ ожиданіи повышенія цѣнй понесли убытки.

Разные предметы.

Гусеница или паутинный червь появился въ Маѣ 1850 г. на дубовыхъ лѣсахъ и на садовыхъ деревьяхъ, преимущественно на ябло-

няхъ, и дочиста поѣлъ весь листъ. Жалко и отвратительно было смотрѣть на опустошенные сады. Въ концѣ Іюля черви начали собираться въ свои паутинные коконы, а на деревьяхъ пробивать новыя почки; въ лѣсахъ нельзя было производить никакихъ работъ, ибо прикосновеніе червя причиняло въ тѣлѣ болѣзненный зудъ и красноватую опухоль. Скотъ и лошади глодали на паровыхъ поляхъ землю, а въ лѣсу не ѣли хорошей травы, во время же зимы охотнѣе ѣли ржаную солому, чѣмъ лѣсное сѣно, почему должно предполагать, что какъ прикосновеніе червя причиняло животнымъ боль, такъ равно изверженіе этихъ насѣкомыхъ дѣлало противною, а можетъ быть и вредною, траву и сѣно. Зима не уничтожила зародышей гусеницы; съ наступленіемъ весны 1851 года она вышла изъ коконовъ еще въ несравненно большемъ количествѣ, чѣмъ въ предшествовавшемъ лѣтѣ и по мѣрѣ распущенія почки на деревьяхъ, безъ различія уже породы деревъ, пожирала оную дочиста, но прежде достиженія полнаго развитія ея, начала гибнуть, безъ всякой видимой причины, которая могла бы быть гибельной для ея существованія. Коконы хотя опустѣли, но почти годъ держались на деревьяхъ. По свидѣтельству старожиловъ на ихъ памяти не было подобныхъ червей и въ такомъ количествѣ, а случалось, появится на деревьяхъ червь, объѣстъ мѣстами листъ и пропадетъ, коконъ не вилъ, а только окружалъ себя паутиной и на взглядъ былъ мельче.

Законодательство.

Правительство, желая ускорить ходъ полюбовнаго спеціальнаго размежеванія земель, издало на этотъ предметъ новое положеніе, которое написано такъ темно и неудобоисполнимо, что вмѣсто облегченія и сокращенія производства еще болѣе усложнило и затруднило ходъ размежеванія. Судіи и канцелярскіе чиновники, начиная отъ низшихъ инстанцій до Сената, воспользовались неопредѣлительностью новаго закона и сдѣлали его орудіемъ къ извлеченію дохода: безъ денегъ не только замедляли разными проволочками окончаніе дѣлъ, но еще поощряли дачниковъ къ спорамъ, съ преднамѣреніемъ въ мутной водѣ ловить рыбу. Говоря о нашемъ законодательствѣ, нельзя не замѣтить, что всѣ законоположенія, изданныя во времена Сперанскаго, заключаютъ въ себѣ умышленную недосказанность и двусмысленность. Трудно понять цѣль этой идеи но, судя по послѣдствіямъ, можно утвердительно сказать, что Сперанскій, введеніемъ въ Русское законодательство неопредѣленности въ изложеніи смысла издаваемыхъ законовъ, внесъ величайшее зло въ наше государственное управленіе.

Годъ X-й.

Съ 1-го Сентября 1851 по 1-е Сентября 1852 г.

Состояніе погоды.

Осень 1851 года замѣчательна тѣмъ, что весь Сентябрь и первую треть Октября воздухъ былъ свѣжъ и до того тепелъ, что нѣкоторыя растенія и деревья начали вторично зацвѣтать, а на молодыхъ побѣгахъ малины и земляники были ягоды. Съ 10 Октября начали бродить тучки, 11 числа перешелъ небольшой дождь, къ вечеру сильный морозъ, положившій предѣлъ продолженію безвременной жизни растительности, и осень начала входить въ свои права. 17 числа выпалъ первый снѣгъ на талую и сухую землю; спустя три дня, сдѣлалась оттепель, снѣгъ стаялъ, и съ той поры до 4 Ноября стояла ясная и по времени года необыкновенно теплая погода. 5 Ноября былъ сильный дождь и успокоилъ земледѣльцевъ, боявшихся повторенія зимы, извѣстной подъ названіемъ голодной, въ которую не только нѣжныя фруктовыя деревья, но во многихъ мѣстахъ цѣлыя рощи повымерзли, такъ какъ въ эту и въ ту осень снѣгъ напалъ на сухую землю. Съ 6-го по 7-е Ноября были ясные и теплые дни, словно весной. Затѣмъ до Января стояла перемѣнная погода: то дождь, то морозъ; въ это время выпало немного снѣгу, прикрывшаго землю вершка на два. Съ Января температура постепенно понижалась, 7-го числа ртуть опустилась уже ниже 20°; въ продолженіе всего Февраля и первой трети Марта ежедневно шелъ снѣгъ, и хотя вѣтеръ часто перемѣнялъ направленіе, но горизонтъ постоянно покрытъ былъ тучами и снѣгъ валилъ шапками; были дни, въ которые жители сосѣдственныхъ деревень не могли имѣть между собой сношенія и вынуждены были прочищать дороги. Съ 9-го по 30-е Марта стояла довольно сносная погода, при сильныхъ морозахъ, достигавшихъ 20 градусовъ. 30 числа вѣтеръ изъ юго-западнаго перешелъ ва сѣверный, пошелъ снѣгъ и вмѣстѣ съ тѣмъ поднялась несказанная вьюга, бушевавшая сряду трое сутокъ; въ жилья нанесло горы снѣгу, по собственному двору нельзя было проѣхать, двое сутокъ не гоняли скотъ поить на рѣку за невозможностью добраться до водопоя. Въ первой половинѣ Апрѣля стояла какая-то неопредѣленная погода: рѣки вскрылись 12 Апрѣля, послѣ бывшаго дождя, но вслѣдъ за вскрытіемъ опять стали замерзать. 18 Апрѣля при 12° мороза и жестокой бурѣ снѣгъ валилъ непроглядный; много людей застигнутыхъ въ дорогѣ замерзло. Никто изъ старожиловъ не запомнитъ такой холодной весны. 20 Апрѣля изъ Орла я пріѣхалъ въ Елецъ на саняхъ, дорога была, какъ говорятъ, хоть на боку катись. 21 числа день былъ ясный и теплый, снѣгъ распустился, ѣзда прекратилась, въ ночь на 27 число шелъ проливной дождь, а къ

вечеру вода въ рѣкахъ отъ сильныхъ притоковъ съ полей прибыла до небывалой высоты. Мосты и мельничныя плотины сильно пострадали. Въ Маѣ и въ первой половинѣ Іюня перепадали хорошіе дожди и хотя вѣтеръ преимущественно дулъ сѣверный, но было тепло, термометръ постоянно держался между 20 и 25 градусами выше нуля. 14 Іюня въ въ первомъ часу пополудни пронеслась съ Юго-запада на Сѣверо-востокъ колосальная туча съ ужасною бурею, поломавшею въ садахъ и въ лѣсахъ очень много деревъ; съ того времени по 15-е Августа рѣдкій день проходилъ безъ дождя и безумолчно дулъ сѣверо-восточный вѣтеръ. Земля, не смотря на ежедневные дожди, была сухая; дождь намочитъ, а вѣтеръ высушитъ. Въ послѣдней половинѣ Іюля хотя было сумрачно и часто шелъ дождь, но было тепло, и яровые хлѣба росли и зрѣли хорошо. 15 Августа барометръ поднялся, и тучи гонимыя сильнымъ западнымъ вѣтромъ быстро неслись Богъ вѣсть куда. По мѣрѣ того, какъ горизонтъ становился свѣтлѣй, прояснивались и угрюмыя лица земледѣльцевъ; но не успѣли разгладиться всѣ морщины, какъ снова барометръ упалъ и солнце задернулось облаками. 19 и 20 Августа маленькій, 24 порядочный, а 25 и 26 проливной дождь, лишившій возможности земледѣльцевъ заниматься полевыми работами.

Сѣвъ и уборка.

Сѣвъ озимыхъ хлѣбовъ къ 1852 году начался позднѣе обыкновеннаго по причинѣ засухи, продолжавшейся до 20 Августа 1851 г. Нѣкоторые землевладѣльцы начали сѣять съ 10, а большая часть съ 20 Августа; рано и поздно посѣянныя сѣмена начали выходить и рость послѣ бывшихъ въ концѣ Августа проливныхъ дождей, которые до такой степени обильно увлажнили землю, что хотя въ продолженіе всего Сентября и первой трети Октября стояла сухая погода, но озими росли хорошо.

Уборка хлѣба въ 1852 году началась 25 Іюля и шла очень медленно, по случаю ненастной погоды, но не смотря на затрудненія къ 14 Сентября, т. е. къ Воздвиженью, по старинной, народной поговоркѣ, хлѣбныя копны съ поля сдвинулись въ гумны. Лѣтнихъ рабочихъ дней 7 мѣс. и 19 дней.

Урожай 1851 г.

За исключеніемъ сѣмянъ десятина дала зерна:

	Четверти.	Мѣры.
Рожь	8	—
Пшеница	7	6
Овесъ	12	4
Гречиха	8	—

Не смотря на позднюю и въ началѣ крайне суровую весну, урожай въ 1851 г. всѣхъ вообще хлѣбовъ оказался вполнѣ удовлетво-

рительнымъ. Огородніе овощи, садовые плоды и ягоды родились посредственно.

Цѣны на продукты.

Мѣстныя съ доставкою въ ближайшіе города.

				Руб.	Коп.
Четверть:	Рожь	9 п.	5 ф.	1	50
›	Пшеница	10 ›	— ›	5	—
›	Овесъ	6 ›	— ›	1	20
›	Гречиха	8 ›	— ›	2	—

Цѣны на хлѣбà въ 1852 г. были одинаковы съ цѣнами 1851 г.; за провозъ хлѣба изъ Ельца въ Москву платили по 25 к. съ пуда, а къ концу зимы по 30 к. Плата за извозъ увеличилась потому, что въ Февралѣ дороги сдѣлались до того дурны, что обозы съ большимъ трудомъ пробирались проселками, а по проѣзжимъ большимъ дорогамъ положительно нельзя было ѣздить.

Разные предметы.

Самая трудная задача для владѣльца состоитъ въ уравненіи своихъ выгодъ съ выгодами крестьянъ и въ приведеніи хозяйства въ такое положеніе, чтобы работы шли своевременно, безъ обремененія людей трудомъ свыше той мѣры, какую предписываютъ справедливость и человѣчество. Чтобы достигнуть такого результата, нужно строго обдумывать каждое распоряженіе и лично присутствовать при работахъ; между тѣмъ большая часть Русскихъ помѣщиковъ охотнѣе перенесутъ недостатки въ потребностяхъ жизни и допустятъ въ управленіи имѣніемъ безпорядки, нежели согласятся исключительно посвятить себя хозяйству; таковы послѣдствія воспитанія. Впрочемъ замѣтно, что съ каждымъ годомъ образъ мыслей дворянъ измѣняется; владѣльцы, водворяющіеся въ своихъ имѣніяхъ, все болѣе и болѣе начинаютъ обращать вниманіе на хозяйство и земледѣліе; жаль только, что принимаются за хозяйство безъ нужныхъ познаній и уже тогда, когда самый дѣятельный періодъ возраста проведенъ ими въ искательствѣ химерическаго счастья, а желаніе скорѣе извлечь изъ своего имѣнія болѣе выгодъ вовлекаетъ многихъ въ предпріятія, подкапывающія основное благосостояніе имѣнія и сопровождающіяся обремененіемъ и разореніемъ крестьянъ. Между тѣмъ увеличеніе доходности неразрывно связано съ улучшеніемъ хозяйства постепеннымъ введеніемъ порядка и строгой отчетности въ распоряженіяхъ. Чтобы увеличить доходность, безъ ущерба цѣнности имѣнія, нужно много лѣтъ, много терпѣнія и много пожертвованій со стороны владѣльца, особенно если онъ начинаетъ хозяйничать безъ готоваго капитала и безъ основательнаго научнаго и практическаго знанія многосложныхъ отраслей сельскаго хозяйства.

Выводъ изъ десятилѣтнихъ наблюденій собственнаго моего хозяйства.

Водворившись на постоянное жительство въ своемъ маленькомъ и обремененномъ казеннымъ долгомъ имѣніи, я нашелъ хозяйство, по всѣмъ отраслямъ, въ самомъ жалкомъ положеніи: господскія строенія обвѣтшали и развалились; крестьяне, вслѣдствіе худого порядка и надзора, обѣднѣли, дворовые безъ опредѣленныхъ занятій вели безпорядочную жизнь; готовыхъ средствъ къ устройству хозяйства не было. Но все это не могло меня огорчать, потому что я не ожидалъ найти ничего лучшаго. Не бывъ въ силахъ, по болѣзненному состоянію, продолжать государственную службу, требовавшую, по роду моей должности, усидчиваго труда, я былъ радъ новому роду дѣятельности и усердно принялся за хозяйство. Чтобы помочь своей неопытности и памяти, я принялъ за правило каждый вечеръ записывать всѣ обстоятельства, касающіяся хозяйства, начиная отъ ежедневныхъ работъ до распоряженій правительства, имѣвшихъ прямое или косвенное вліяніе на благосостояніе земледѣльцевъ, а по прошествіи года вписывалъ въ книгу болѣе замѣчательные случаи.

Десятилѣтнія наблюденія привели меня къ слѣдующему выводу.

1) Дѣльный хозяинъ долженъ быть готовъ на всякій день, на всякій часъ къ борьбѣ со стихіями и отнюдъ не полагаться ни на какія примѣты и на авось.

2) Торопливость въ работахъ приноситъ болѣе вреда, чѣмъ пользы; отчетливость въ работахъ всегда вознаграждается съ лихвою за медленность производства.

3) Только при строгой справедливости въ разграниченіи интересовъ владѣльца съ крестьянами и при умѣренности труда можно ожидать добросовѣстнаго исполненія крестьянами ихъ обязанностей.

4) Ласковое и дружеское обращеніе безъ полной фамильярности и слабости во взысканіи за значительные проступки сильнѣе дѣйствуетъ на нравственность крестьянъ, чѣмъ неумолимая строгость и преслѣдованіе каждаго неправильнаго шага.

5) При веденіи экономическаго журнала, дающаго возможность для контроля, хозяинъ невольно становится внимательнѣе, расчетливѣе и осмотрительнѣе въ своихъ распоряженіяхъ, и никакая ошибка не ускользаетъ изъ его памяти.

6) Всякое нововведеніе въ хозяйствѣ тогда только полезно, когда оно соотвѣтствуетъ мѣстному положенію, потребности времени и средствамъ имѣнія; иначе самыя раціональныя системы хозяйства поведутъ къ разоренію, чему много видали примѣровъ: изо ста помѣщиковъ-новаторовъ и заводчиковъ, пускающихся въ разныя спекуляціи безъ

основательнаго изученія дѣла, девяносто сами разорились и крестьянъ довели до нищеты.

7) Должно всемѣрно стараться упрощать хозяйство. Чѣмъ оно малосложнѣе, тѣмъ болѣе въ немъ порядка и вѣрнѣе доходъ; усложненіе пріемовъ и умноженіе отраслей, безъ строгой расчетливости, обѣщаетъ много, а даетъ мало.

8) Хотя ранніе посѣвы надежнѣе позднихъ, однако при посѣвѣ яровыхъ хлѣбовъ необходимо соображаться съ состояніемъ погоды.

Руководствуясь этими правилами, я въ теченіе 10 лѣтъ значительно улучшилъ собственное и своихъ крестьянъ состояніе, наблюдая одинаково за своимъ и за ихъ хозяйствомъ. Сосѣдніе крестьяне завидовали моимъ крестьянамъ. Неоднократно мнѣ приходилось слышать, какъ чужіе говорили моимъ: «вамъ жаловаться на барина и худо работать на него грѣхъ; онъ для васъ лучше отца родного». Часто не только свои, но и чужіе крестьяне приходили ко мнѣ совѣтываться и разбираться въ ихъ семейныхъ дѣлахъ. Ближайшіе сосѣдніе помѣщики хотя съ предупрежденіемъ и насмѣшливостью смотрѣли на мое чисто-патріархальное обращеніе съ людьми, приписывая успѣхи въ хозяйствѣ счастію и добрымъ качествамъ людей, но сами, безсознательно уступая моимъ убѣжденіямъ, оправданнымъ примѣромъ, становились внимательнѣе къ благосостоянію своихъ крестьянъ. Признаюсь, это доставляло мнѣ удовольствіе и примиряло меня съ моею судьбою, принудившею преждевременно покинуть служебное поприще, на которомъ, по свойственному всѣмъ людямъ самолюбію, я надѣялся быть полезнымъ дѣятелемъ.

Годъ XI-й.

Съ 1-го Сентября 1852 г. по 1-е Сентября 1853 года.

Состояніе погоды.

Послѣ холоднаго и сырого лѣта ожидали погожей осени, но осень оказалась не лучше лѣта. Съ наступленіемъ Сентября дождь шелъ ежедневно, атмосфера до того была влажна, что солнце свѣтитъ ярко, на небѣ ни облачка, а дождь какъ ситомъ сѣетъ. Во второй половинѣ было нѣсколько дней ясныхъ, въ концѣ мѣсяца усилился холодный вѣтеръ, 2 Октября выпалъ снѣгъ, и съ этого времени установился постоянный санный путь. 18, 19 и 20 чиселъ Октября шелъ дождь и съ тѣмъ вмѣстѣ морозило; деревья покрылись ледянымъ слоемъ, до того толстымъ и тяжелымъ, что сгибались до земли или ломались. Ноябрь отрекомендовалъ свое вступленіе сильною бурею и вьюгою. 13 Ноября, при теплой погодѣ, цѣлые сутки лилъ дождь, снѣгъ почти весь стаялъ, вода бѣжала съ полей безчисленными ручьями, верхи и рѣки разлились. 15-го

числа начало сильно морозить. Старожилы предсказывали неурожай, основывая свое предсказаніе между прочимъ на появленіи въ необыкновенномъ множествѣ мышей, которыя, бывъ выгнаны водою изъ норъ, прикочевали къ жильямъ. Съ 15 Ноября по 10 Генваря стояла перемѣнная погода: то снѣгъ и дождь, то ясно и умѣренные морозы; атмосфера постоянно во все это время была туманна и влажна, а деревья оставались покрытыми инеемъ и льдомъ. Въ концѣ Генваря было нѣсколько сильныхъ морозовъ. Съ 3 по 11 Февраля безумолкно бушевалъ вѣтеръ, весь горизонтъ покрытъ былъ сплошною темною тучею, изъ которой то снѣгъ валилъ массою, то дождь лилъ ливнемъ, вода каскадами неслась съ вершинъ. Сообщеніе между селеніями прекратилось, поля совершенно обнажились, начиналась весна; но 26 числа вѣтеръ изъ южнаго перешелъ въ сѣверный, термометръ упалъ на 7 градусовъ ниже нуля, весна какъ бы въ наказаніе за людскіе грѣхи удалилась отъ нашего края и зима снова вступила въ свои права. Съ этой поры до 26 Марта стояла ясная погода, при ежедневныхъ морозахъ отъ 7 до 10 градусовъ; дороги исправились, обозы съ хлѣбомъ потянулись длинными вереницами въ разныя стороны; хозяева, напуганные продолжительною невзгодою, спѣшили молотить хлѣбъ и заготовить корму на время распутицы. 27 числа шелъ дождь, 31 вскрылись рѣки.

Въ началѣ Апрѣля нѣсколько дней было мрачныхъ, а потомъ до 11 Мая стояла ясная погода, дни жаркіе, а по ночамъ легкіе морозы. Между 20 и 30 числами Апрѣля, начиная съ 12 часовъ до 6 ч. пополудни, весь горизонтъ застилался какимъ-то сухимъ туманомъ и воздухъ становился тяжелымъ и удушливымъ; послѣ 6 часовъ вечера туманъ разсѣевался и становилось ясно. 9 Мая шелъ сильный дождь, въ послѣднихъ числахъ Мая были по ночамъ морозы, доходившіе до 5 градусовъ. Въ началѣ Іюня перешелъ небольшой дождь, потомъ до 22 числа стояла отличная погода, съ 22 числа пронеслась съ Юга на Сѣверъ туча съ дождемъ, градомъ и бурею, ломавшею и вырывавшею изъ корня деревья въ лѣсахъ и садахъ. Съ этого времени по 14-е Іюля ежедневно шелъ дождь, и только изрѣдка проглядывало солнышко.

Сѣвъ и уборка.

Озимый хлѣбъ въ 1852 г., по случаю холоднаго и сыраго лѣта, поспѣлъ поздно, а потому уборка должна была бы отдалить и сѣвъ къ 1853 году; но случилось напротивъ, сѣвъ начали даже ранѣе сравнительно съ предшествовавшими годами. Это произошло отъ того, что сырая погода, препятствуя уборкѣ, благопріятствовала сѣву; посѣянный хлѣбъ всходилъ черезъ три дня и росъ быстро. Вслѣдствіе сырости земли къ сѣву овса приступили не ранѣе 13 Апрѣля, а гречиху сѣяли между

18 и 20 числами Мая; ростъ озимыхъ и всходъ овса, задержанные бывшею въ послѣдней половинѣ Апрѣля засухою и холодомъ, начали быстро рости и клочиться послѣ бывшихъ въ началѣ Мая дождей.

Уборка хлѣба началась 18 Іюля, съ 27 числа погода благопріятствовала, но затѣмъ крайне затрудняла. Рожь и овесъ были убраны въ Августѣ, а гречиха оставалась до Сентября въ полѣ. Удобнаго для полевыхъ работъ времени въ этомъ году было 6 мѣсяцевъ 26 дней.

Урожай 1852 года.

Неблагопріятная для хлѣбныхъ растеній осень 1852 г., зимнія паводки и преждевременное открытіе полей, угрожали голодомъ; но, вопреки ожиданіямъ и предсказаніямъ старожиловъ, вліяніе бывшихъ въ Маѣ дождей было настолько благотворно для всѣхъ вообще хлѣбовъ, что урожай оказался очень удовлетворительнымъ, только значительная часть гречихи была убита морозомъ.

За исключеніемъ сѣмянъ десятина дала зерна:

	Четверти.	Мѣры.
Рожь	8	5
Пшеница	5	4
Овесъ	10	2½
Гречиха	7	3

Огородніе овощи и садовые плоды родились слабо.

Цѣны продуктовъ

Мѣстныя съ доставкою въ ближайшіе города:

				Руб.	Коп.
Четверть:	Рожь	вѣсомъ	9 п. 5 ф.	1	65
›	Пшеница	›	10 › — ›	4	35
›	Овесъ	›	6 › — ›	1	15
›	Гречиха	›	8 › — ›	1	60

Хотя состояніе зимней погоды угрожало въ будущемъ неурожаемъ и препятствовало приготовленію и передвиженію хлѣба, но такъ какъ требованіе за границу было слабо, то цѣна на хлѣбъ держалась средняя.

Народное здоровье.

Въ началѣ осени 1852 г. снова появилась въ предѣлахъ Россіи холера: сначала въ Варшавѣ, оттуда перешла въ Петербургъ, въ Москву и потомъ въ теченіи 1853 г. разошлась по всѣмъ концамъ государства; но дѣйствія ея были менѣе злокачественны въ сравненіи съ 1848 и 1849 годами. Неисповѣдимы судьбы Творца; но когда заглянемъ въ исторію минувшихъ вѣковъ и представимъ настоящія событія, невольно сердце стѣсняется грустью. Всегда и всюду страдалъ и страдаетъ родъ человѣческій; умъ и способности человѣка сознавали свое

существованіе: великій и драгоцѣнный, но съ тѣмъ вмѣстѣ и горькій даръ Неба.

Разные предметы.

Явленіе кометы. Въ началѣ Августа 1853 г. неожиданная и никѣмъ не предсказанная явилась на западной сторонѣ горизонта комета съ огромнымъ свѣтящимся хвостомъ. Суевѣрный народъ смотрѣлъ на нее какъ на предвѣстницу будущихъ бѣдствій. Астрономы вооружились телескопами и породили безчисленное множество предположеній, ни къ чему не ведущихъ и ничего не разрѣшающихъ.

Хозяйственная литература.

Съ недавняго времени вошла въ моду хозяйственная литература. Всѣ журналы преимущественно наполняются статьями, относящимися къ разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, писанными людьми, не имѣющими понятія о практическомъ веденіи хозяйства и безъ всякаго соображенія со средствами и положеніемъ страны. Эта литература великолѣпными выводами увлекла многихъ землевладѣльцевъ къ переустройству хозяйства по системамъ, принятыхъ въ чужихъ краяхъ, но существенно ничему полезному не научила и потеряла довѣріе общества, которое послѣ нѣсколькихъ опытовъ, сопровождавшихся горькимъ разочарованіемъ, замѣтило наконецъ, что журнальныя статьи отнюдь не плоды продолжительнаго размышленія и добросовѣстнаго труда, основаннаго на изученіи предмета, но поденная работа ради удовлетворенія нужды и авторскаго самолюбія. Наука о сельскомъ хозяйствѣ должна идти наравнѣ съ другими науками впередъ; примѣненіе же ея къ практическому употребленію можетъ быть полезно только тогда, когда она будетъ обусловлена мѣстнымъ положеніемъ страны, ея климатомъ и вещественными средствами. Напримѣръ, высокія цѣны на произведенія земли въ Германіи, Бельгіи, Англіи даютъ возможность земледѣльцамъ затрачивать съ пользою капиталы на искусственное удобреніе и обработку земли по указаніямъ науки; напротивъ того, низкія цѣны на произведенія земли въ Россіи заставляютъ земледѣльцевъ ограничиваться самыми простѣйшими способами обработки земли: дорогія орудія, искусственное удобреніе и вообще веденіе хозяйства по указаніямъ науки, далеко не окупили бы затраченнаго капитала и труда. По мѣрѣ возвышенія цѣнъ на произведенія земли и увеличенія удобствъ сбыта, будутъ улучшаться и способы производства сельскаго хозяйства въ Россіи; безъ этого же двигателя всѣ системы останутся недѣйствительными. Къ сожалѣнію, наши отечественные ученые и неученые агрономы смотрятъ вверхъ и не видятъ подъ носомъ, а потому и умныя рѣчи ихъ приносятъ болѣе вреда, чѣмъ пользы земледѣлію.

Годъ XII-й.

Съ 1-го Сентября 1853 г. по 1-е Сентября 1854 г.

Состоянie погоды.

Съ 19 Августа по 21 Сентября было очень холодно, сѣверо-западный вѣтеръ ни на минуту не умолкалъ, тучи одна за другою быстро проносились, сопровождаемыя бурею и дождемъ; но съ 22 Сентября по 25 Октября стояла превосходная погода: не было ни морозовъ, ни сумрачныхъ дней, на мгновеніе затуманитъ, перейдетъ дождичекъ, а потомъ опять прояснитъ; во все это время теплый южный вѣтерокъ навѣвалъ какую-то тоскливо-сладкую грусть. Съ 26 Октября начались морозы, рѣки покрылись льдомъ, между 2 и 6 Ноября выпалъ снѣгъ и установился зимній путь. Съ 8 Ноября морозы начали усиливаться и къ 1 Генваря достигли 22° по Реомюру. Въ продолженіе всего Генваря и Февраля бушевали буйные вѣтры. Снѣговыя тучи безпрерывно носились на горизонтѣ, снѣгъ сыпалъ изъ нихъ, какъ изъ худого рѣшета. Дороги проѣзжія покрылись сплошными ухабами въ сажень и больше глубиной, а проселочныя такъ завалены снѣгомъ, что лошадь не въ состояніи была везть порожнихъ саней. Весь Мартъ и начало Апрѣля было ясно и холодно. 7 и 8 числа Апрѣля шелъ дождь, а 10 числа вскрылись рѣки. Весна 1854 г. замѣчательна тѣмъ, что хотя поля покрыты были очень глубокимъ слоемъ снѣга, но воды съ полей шло мало: снѣгъ не таялъ, а какъ-то высыхалъ на мѣстѣ. Земля подъ снѣгомъ была талая и до того плотно осѣла (тогда какъ въ обыкновенные годы недѣлю и болѣе остается нѣсколько вязкою), что по полю нельзя ходить. До 22 Апрѣля погода стояла сумрачная и холодная, а съ 22 по 8-е Мая солнце пекло, словно лѣтомъ; дни жаркіе, а ночи холодныя и туманныя, съ обильною росою. Затѣмъ настала суровая, холодная и сырая погода, продолжавшаяся до 11 Іюня; съ сего числа начались жары и продолжались до 19 Августа. Въ теченіе этихъ двухъ мѣсяцевъ между 2 и 10 числами Іюля ежедневно шелъ дождь. Въ концѣ Августа и въ первой половинѣ Сентября почти ежедневно были дожди.

Сѣвъ и уборка.

Сѣвъ озимыхъ хлѣбовъ по обыкновенію начался въ первыхъ числахъ Августа и продолжался до конца этого мѣсяца. Такъ какъ въ 1853 году озимый и яровой хлѣбъ созрѣли вмѣстѣ, то большая часть хозяевъ, въ избѣжаніе потерь, спѣшили уборкою, а сѣвъ откладывали. Бывшіе въ Августѣ дожди, теплая и продолжительная осень благопріятствовали росту хлѣбовъ: ранніе и поздніе одинаково уклочились хорошо. Сѣвъ овса производился въ послѣднихъ числахъ Апрѣля, а гречиху

сѣяли, вслѣдствіе неблагопріятной погоды, одни въ началѣ, другіе въ концѣ Мая. Уборка сѣна, по случаю бывшихъ въ первой половинѣ Іюля дождей, шла медленно и съ большимъ урономъ, но уборка озимыхъ хлѣбовъ и овса шла чрезвычайно быстро, гречиху же захватили дожди, а потому ее убирали не такъ какъ слѣдовало, а кто какъ могъ и какъ считалъ лучше: одни возили мокрую и складывали въ скирды, другіе оставляли на рядахъ и въ копнахъ, несмотря на то, что она сильно росла; кто выигралъ, трудно опредѣлить, но конечно тотъ, кто свезъ и имѣлъ возможность перемолотить въ ригѣ. Въ этомъ году удобнаго лѣтняго времени было 6 мѣсяцевъ 7 дней.

Урожай 1853 года.

За исключеніемъ сѣмянъ десятина дала зерна:

	Четверти.	Мѣры.
Рожь	8	4
Пшеница	7	6
Овесъ	11	5
Гречиха	6	7

Садовые плоды и огородніе овощи родились обильно. Вообще яровые хлѣба родились удовлетворительно. Рожь также обѣщала хорошій урожай и дѣйствительно соломой была буйна, но зерномъ чрезвычайно мелка и легковѣсна. Нѣкоторые хозяева полагаютъ, что на завязь озимыхъ хлѣбовъ имѣли вредное вліяніе такъ называемыя медвяныя росы и туманы. Мнѣніе это основываютъ на томъ, что во время ржанова цвѣта листья и стебли вдругъ пожелтѣли и покрылись ржавчиною; другіе же приписываютъ бывшей засухѣ во время цвѣтенія и налива озимыхъ хлѣбовъ.

Цѣны на продукты

Мѣстныя съ доставкою въ ближайшіе города:

			Руб.	Коп.
Четверть:	Рожь	9 пуд. 5 ф.	2	25
›	Пшеница	10 › — ›	4	50
›	Овесъ	6 › — ›	1	15
›	Гречиха	8 › — ›	1	75

Разные предметы.

Распредѣленіе труда играетъ значительную роль въ сельскомъ хозяйствѣ. Многіе хвастаются успѣшностью уборки хлѣба и раннимъ сѣвомъ, но болѣе опытные и разсудительные хозяева предпочитаютъ поспѣшности отчетливость въ работахъ и хотя отстаютъ отъ своихъ энергическихъ сосѣдей, но отъ этого не теряютъ, а чаще остаются въ выигрышѣ, у крестьянъ дней не отнимаютъ и не обременяютъ ихъ

большими уроками работъ. Живутъ они у нихъ порядочно и въ господскій закромъ за хлѣбомъ не ходятъ такъ, какъ у энергичныхъ хозяевъ. Въ нынѣшнемъ году, какъ и въ прошедшемъ, явились двѣ кометы, не замѣченныя астрономами до ихъ появленія.

Война.

Скоплявшіяся въ прошедшемъ году тучи на политическомъ горизонтѣ въ нынѣшнемъ году разразились кровопролитной войной. Всѣ почти народы Европы возстали на Россію: одни съ оружіемъ, другіе съ перьями. Если обстоятельства не измѣнятся, то Россіи угрожаютъ большія потери. Многіе приписываютъ это несчастіе ошибкамъ Русской политики; а мнѣ кажется, что, кромѣ политическихъ ошибокъ, причина возстанія Европы на Россію скрывается въ духѣ нашего времени, увлекающемъ народы въ какой-то хаосъ, изъ котораго неминуемо долженъ возродиться новый порядокъ; но сдѣлаются-ли счастливѣе народы или снова нѣсколько вѣковъ будетъ литься кровь, чтобы достигнуть того, что̀ ниспровергаютъ въ настоящее время? Вопросъ, на который не можетъ дать отвѣта даже самый гордый демагогъ. Европа не любитъ Россію еще потому, что та представляется ей громадною лавиною, которая рано или поздно должна обрушиться и засыпать ее снѣжными комьями.

Годъ XIII-й.

Съ 1-го Сентября 1854 по 1-е Сентября 1855 г.

Состояніе погоды.

Съ 20 Августа до 11 Октября стояла погода перемѣнная: то ясно, то дождь; съ 26 Сентября по 17 Октября были ясные и теплые дни, а въ ночь на 17-е выпалъ снѣгъ и съ этого времени до 27 Ноября погода была переходная, отъ осени къ зимѣ, и много выпало снѣгу. 27 сдѣлалась оттепель. Три дня сряду шелъ дождь, снѣгъ весь стаялъ, вода, какъ весной, катилась съ полей, рѣки вышли изъ береговъ; много мостовъ и плотинъ было разрушено и снесено водой. Между 30 Ноября и 20 Генваря каждый день шелъ снѣгъ, вѣтеръ постоянно держался южный. Въ затишьяхъ нанесены были громадные сугробы. Во всю зиму большихъ холодовъ не было, термометръ не опускался ниже 18 градусовъ; въ концѣ Генваря дни были ясные и тихіе, а по ночамъ сильный вѣтеръ, принимавшій иногда характеръ бури. Затѣмъ въ продолженіе всего Февраля и первой половины Марта погода стояла мрачная съ безумолчными вѣтрами и вьюгами. 12 Марта весь день шелъ дождь; снѣгъ, не имѣвшій въ продолженіе зимы осадка, разомъ растворился, вода стремительно понеслась съ полей, 14 вскрылись рѣки; разливъ воды въ этотъ день необыкновенно былъ великъ; съ 21 Марта установилась яс-

ная, теплая, въ полномъ смыслѣ весенняя погода, продолжавшаяся до половины Мая. Теперь только я понялъ сожалѣніе стариковъ о давно прошедшихъ временахъ, когда, по ихъ разсказамъ, въ Егорьевъ день, 23 Апрѣля, листъ бывалъ въ копѣйку; въ настоящемъ же году въ Георгіевъ день листъ былъ больше копѣйки.

Зима 1854—1855 года особенно замѣчательна тѣмъ, что, начиная съ Октября 1854 г., болѣе 8 мѣсяцевъ исключительно вѣтеръ былъ южный. По народному мнѣнію юго-западный вѣтеръ зимою предвѣщаетъ бурную весну, но нынѣшняя весна опровергла это мнѣніе: весна была вполнѣ красная весна. Послѣдняя половина Мая была сумрачная и холодная, въ началѣ Іюня было нѣсколько жаркихъ дней и съ 6 Іюня, послѣ двухъ мѣсячной засухи, начались дожди. Въ мѣстности, гдѣ находится мое имѣніе, 16 числа прошла замѣчательно-грозная туча; она показалась на южной сторонѣ, двигалась медленно съ безпрерывнымъ гуломъ и вспышками молніи; чѣмъ ближе придвигалась, тѣмъ сильнѣй были гулъ и молнія, которая наконецъ превратилась въ сплошное пламя и мерцаніемъ своимъ уподоблялась сѣверному сіянію. Самые безстрашные люди чувствовали какой-то невольный ужасъ. Дождь лилъ часа три съ такою силою, что поверхность земли не менѣе какъ на вершокъ была покрыта водой, рѣки выступили изъ береговъ, кучи земли нанесены были съ полей въ жилья, паровыя поля изрыты были глубокими промоинами. Затѣмъ еще съ недѣлю продолжались дожди, 22 числа вѣтеръ изъ южнаго перешелъ въ сѣверный, облака сѣро-черными массами неслись съ Сѣвера на Югъ и нагоняли на землю удушливый туманъ, имѣвшій запахъ смоляного дыма, и, хотя къ вечеру на третьи сутки туманъ послѣ бывшаго дождя разсѣялся, но воздухъ былъ тяжелъ. Многіе изъ обывателей жаловались въ это время на сильную головную боль. Полагали, что туманъ былъ не что иное, какъ дымъ отъ горящихъ лѣсовъ, но предположеніе это не оправдалось: лѣса не горѣли, а удушливый туманъ замѣченъ былъ въ разныхъ мѣстахъ, отдаленныхъ одно отъ другого на значительное разстояніе. Между 25 Іюня и 15 Іюля погода стояла неопредѣленная: иной день холодно, иной жарко, иной сумрачно и дождь. Съ 15 Іюля по 10-е Августа не упало ни одной капли дождя, жаромъ и вѣтромъ высушило землю до того, что по дорогамъ на вершокъ лежала пыль, которая при малѣйшемъ движеніи поднималась тучами, затмевавшими свѣтъ Божій. Къ концу Августа воздухъ настолько охладѣлъ, что принялись за шубы.

Сѣвъ и уборка.

Сѣвъ озимыхъ хлѣбовъ къ 1855 г. большею частью производился въ послѣднихъ числахъ Августа, такъ какъ сухая и жаркая погода,

благопріятствуя уборкѣ, въ тоже время была неблагопріятна для сѣва, почему хозяева предпочитали прежде убрать хлѣбъ и потомъ уже сѣять. Овесъ сѣяли въ первыхъ числалъ Апрѣля, гречиху же въ разное время: иные хозяева вслѣдъ за овсомъ, иные въ Маѣ, а нѣкоторые даже въ первыхъ числахъ Іюня, соображаясь съ состояніемъ погоды; гдѣ перейдетъ дождь, тамъ и сѣютъ. Уборка хлѣба началась около 15 Іюля, шла быстро и къ 20 Августа весь хлѣбъ былъ уже въ гумнѣ, за исключеніемъ гречихи, объ уборкѣ которой мало и заботились вслѣдствіе плохого урожая. Лѣтняго, удобнаго для полевыхъ работъ времени въ этомъ году было 6 мѣсяцевъ и 12 дней.

Урожай 1854 года.

За исключеніемъ сѣмянъ десятина дала зерна:

	Четверти.	Мѣры.
Рожь	4	4
Пшеница	3	—
Овесъ	16	2
Гречиха	5	4

Причиною слабаго урожая озимыхъ хлѣбовъ была засуха, продолжавшаяся около двухъ мѣсяцевъ, начиная съ открытія весны до Іюня; по той же причинѣ и огородные овощи родились плохо, но садовые фрукты и ягоды родились обильно. Сѣна было мало, да и то большею частью снесено было водою.

Цѣны продуктовъ

Мѣстныя съ доставкою въ ближайшіе города.

				Руб.	Коп.
Четверть:	Рожь	вѣсомъ	9 п. 5 ф.	2	25
›	Пшеница.	›	10 › —	4	50
›	Овесъ.	›	6 › —	1	—
›	Гречиха.	›	8 › —	1	75

Народное здоровье.

Въ послѣднихъ числахъ Іюня началась въ разныхъ мѣстахъ нашего края холера; дѣйствія ея были слабѣе прежнихъ лѣтъ, но все-таки смертность была значительна, особенно въ сборныхъ пунктахъ ратниковъ.

Разные предметы.

1855 годъ одинъ изъ самыхъ бѣдственныхъ для Россіи: кровопролитная война съ сильными государствами, плохой урожай хлѣбовъ, холера, потеря Севастополя, погибель Черноморскаго флота и, наконецъ, смерть царя, обладавшаго сильнымъ характеромъ и здравымъ умомъ, произвели всеобщее уныніе, а послѣдняя вѣсть тяжелымъ камнемъ легла на сердце Россіи. Словно вдовица съ сиротами, не имѣющая надежнаго

вождя, она поникла головой и съ душевною тоскою ожидаетъ новыхъ бѣдъ. Много враговъ и ни одного друга, всѣ возстали на нее, на спасительницу троновъ и сокрушительницу безумныхъ революціонныхъ скопищъ, въ основаніи которыхъ лежатъ безусловное отрицаніе и безвѣріе.

Туманъ, бывшій въ Іюнѣ, безъ сомнѣнія имѣлъ вредное послѣдствіе на здоровье людей, а также и на завязь яровыхъ хлѣбовъ. Послѣднее заключеніе подтверждается слѣдующимъ фактомъ: на посѣянной въ Маѣ гречихѣ уцѣлѣли тѣ только зерна, которыя налились до тумана; посѣянная же въ Іюнѣ гречиха, не смотря на засуху во время ея цвѣтенія и налива, но послѣ уже тумана, была сильна зерномъ. Точно также въ прошедшемъ году подобнымъ туманомъ захваченъ былъ цвѣтъ озимыхъ хлѣбовъ, и рожь при роскошномъ ростѣ и колосѣ дала зерно самое бѣдное количествомъ, какъ и качествомъ.

Въ настоящемъ году былъ наборъ ратниковъ. Я присутствовалъ въ собраніи для выбора дружинныхъ офицеровъ; много было драматическихъ и комическихъ сценъ, а еще больше такихъ, отъ которыхъ люди не потерявшіе сознанія гражданскаго достоинства отворачивались съ презрѣніемъ.

Годъ XIV-й.

Съ 1-го Сентября 1855 по 1-е Сентября 1856 г.

Въ первой половинѣ Сентября стояла крайне непріятная погода: при сильныхъ вѣтрахъ небо постоянно застлано было густыми сѣрыми облаками, изъ которыхъ сѣялъ мелкій дождь. Съ 17-го по 28-е Сентября были такіе теплые ясные и тихіе дни, какихъ и лѣтомъ бываетъ мало. 28 Сентября прошелъ сильный дождь, воздухъ охолодѣлъ и осень вступила въ свои права. Съ половины Ноября начали усиливаться морозы и къ 20-му числу достигли 30°. Въ продолженіе Октября и Ноября погода постоянно была сумрачная и холодная, много выпало снѣгу, который вѣтрами сносило въ жилья. Послѣ 6 Декабря морозы уменьшились, вѣтеръ утихъ, люди и животные начали свободнѣе дышать. Въ Генварѣ почти ежедневно шелъ снѣгъ, а съ наступленіемъ Февраля опять насталъ холодъ, ртуть упала на 24° ниже нуля; направленіе вѣтра измѣнялось по нѣскольку разъ въ день. 20 числа цѣлые сутки бушевала буря съ вьюгою и нанесла въ жилья столько снѣгу, что нельзя было ни пройти, ни проѣхать; молотьба и всѣ работы прекратились, нѣсколько дней трудились надъ очисткою дворовъ и улицъ. Мартъ, такъ же какъ и Февраль, былъ холодный и суровый. Въ началѣ Апрѣля перепало нѣсколько дождей, сдѣлалось тепло и вода тронулась съ полей; 14 числа вскрылись рѣки, до 23 были ясные и теплые дни, а затѣмъ

начались дожди и продолжались до Іюня. Въ первой половинѣ Мая было тепло, а во второй холодно. Съ наступленіемъ Іюня установилась ясная, но холодная погода; 20 числа былъ довольно крѣпкій морозъ, но вреда никакимъ растеніямъ не причинилъ. Послѣ холодной погоды, продолжавшейся до 28 числа Іюня, настали жары, и хотя тучки бродили, но дождя не было до 17 Іюля. Между 17 Іюля и 1 Августа часто шелъ дождь и было такъ холодно, что я не запомню, чтобы въ это время года были такіе сѝвера; съ наступленіемъ Августа дожди прекратились, но вѣтеръ не унимался и съ каждымъ днемъ усиливался. Небо покрыто сильными облаками и холодъ достигъ такой степени, что всѣ одѣвались по зимнему. Въ продолженіе Августа не болѣе семи дней было ясныхъ, а въ послѣднихъ числахъ были проливные дожди.

Сѣвъ и уборка.

Сѣвъ озимыхъ хлѣбовъ къ 1856 году начался по обыкновенію въ первыхъ числахъ Августа; но такъ какъ въ Августѣ была сухая и холодная погода, то раннія и позднія рѣки начали всходить въ одно время между 2 и 4 Сентября послѣ бывшихъ дождей въ самыхъ послѣднихъ числахъ Августа. Сѣвъ овса происходилъ въ концѣ Апрѣля, а сѣвъ гречихи въ половинѣ Мая. Удивительно, какъ успѣваютъ въ теченіе одного мѣсяца окончивать уборку и сѣвъ. Только опасеніе лишиться годовыхъ трудовъ и средствъ къ пропитанію можетъ заставить земледѣльца къ такому чрезмѣрному тяжкому труду. Въ настоящемъ году уборка началась 18 Іюля, а къ 25 Августа хлѣбъ былъ уже въ гумнѣ. Но многіе хозяева, не позаботившіеся или не успѣвшіе къ этому времени покрыть скирдовъ, потерпѣли значительные убытки, вслѣдствіе проливныхъ дождей, бывшихъ въ концѣ Августа. Лѣтняго удобнаго для полевыхъ работъ времени въ этомъ году было 6 мѣсяцевъ.

Урожай 1855 годъ.

За исключеніемъ сѣмянъ десятина дала зерна:

	Четверти.	Мѣры.
Рожь	8	6
Овесъ	9	4
Пшеница	7	—
Гречиха	2	6

Причиною неурожая яровыхъ хлѣбовъ была засуха, продолжавшаяся около двухъ мѣсяцевъ. Только въ тѣхъ счастливыхъ мѣстностяхъ, гдѣ въ теченіе этого періода перепадали дожди, овесъ и гречиха родились удовлетворительно. Садовыхъ фруктовъ и огородныхъ овощей было большое обиліе.

Цѣны на продукты

Мѣстныя съ доставкою въ ближайшіе города:

			Руб.	Коп.
Четверть:	Рожь	9 п. 5 ф.	3	75
»	Пшеница	10 » — »	5	50
»	Овесъ	6 » — »	2	—
»	Гречиха	— » — »	3	60

Народное здоровье.

По возвращеніи ратниковъ изъ службы въ разныхъ мѣстностяхъ появились тифъ и холера, но не имѣли большого развитія, и смертность была незначительна.

Разные предметы.

Главнымъ событіемъ въ 1855 году были: смерть Николая I и миръ, возстановленный между Россіей и Европою. Этотъ миръ, прекративъ истребительную и тягостную для Русскаго народа войну, обременилъ Россію стѣснительными и постыдными условіями. Всѣ сословія негодовали на этотъ миръ и съ душевнымъ огорченіемъ заявляли готовность жертвовать жизнью и достояніемъ. Горько роптали на царскихъ совѣтниковъ, не умѣвшихъ въ началѣ предупредить враждебный союзъ Европы противъ Россіи, и потомъ столько великодушія и мужества, чтобы въ злую годину защитить родную землю и отстоять честь и славу отечества. Въ продолженіе трехлѣтней войны, кипѣвшей въ разныхъ краяхъ Россіи, народъ добровольно приносилъ посильныя жертвы для вспомоществованія правительству и для облегченія положенія семействъ погибшихъ на войнѣ; одни только государственные сановники и царедворцы оставались равнодушными свидѣтелями гибели отечества и ничѣмъ не жертвовали, тогда какъ легко могли бы собрать капиталъ въ 50 и болѣе милліоновъ рублей серебромъ, а еще вдвое болѣе сберечь усерднымъ и разумнымъ распоряженіемъ казенными деньгами. Всѣ способности этихъ бездушныхъ, пресмыкающихся у трона, тварей употреблены были на разныя интриги противъ людей благонамѣренныхъ и способныхъ, на расхищеніе государственной казны и на вымаливаніе наградъ безъ заслугъ. Удивительно, что въ царствованіе, можно сказать, грознаго и неусыпно-дѣятельнаго царя злоупотребленія могли достигнуть крайней степени въ управленіи всѣми частями, не исключая и военной, на которую онъ наиболѣе обращалъ вниманія. Крымская война показала, что Русская армія вооружена дурно, стратегическіе пункты оставались безъ соотвѣтственныхъ времени укрѣпленій и съ орудіями такого калибра, что не могли вредить непріятельскимъ флотамъ, громившимъ безнаказанно наши укрѣпленія. Нашъ флотъ, вопреки принятой всѣми морскими державами системы пароваго - винтового устройства,

оставался парусным и потому нигдѣ не могъ быть употребленъ съ пользою. Нельзя допустить мысли, чтобъ правительству не были извѣстны всѣ улучшенія въ военномъ дѣлѣ; но таково ослѣпленіе власти, усыпленной лестью подлыхъ царедворцевъ, похоронившихъ въ интригахъ, какъ въ гниломъ болотѣ, всѣ свои способности и благородныя побужденія: ни судъ Божій, ни судъ потомства, ни проклятія народа не пробуждаютъ въ нихъ совѣсти Обыкновенное мнѣніе упрекаетъ Александра II въ постыдномъ мирѣ и въ дорого стоившей коронаціи, такъ какъ десятки милліоновъ, затраченные на коронацію, могли бы быть употреблены на удовлетвореніе неотложныхъ государственныхъ нуждъ.

Годъ XV-й.

Съ 1-го Сентября 1856 г. по 1-е Сентября 1857 г.

Состояніе погоды.

Въ началѣ Сентября были сильные дожди. 5-го Сентября прояснѣло и, хотя вѣтеръ перемѣнялся по нѣскольку разъ въ теченіе сутокъ, но воздухъ съ каждымъ днемъ становился теплѣе, а съ 14 по 24 число дни были такіе жаркіе, какіе бываютъ только среди лѣта. Затѣмъ начались дожди, 28 числа выпалъ снѣгъ. Въ первой половинѣ Октября была хорошая и теплая погода. 14-го числа ртуть опустилась на 10° ниже нуля. Съ этого времени, можно сказать, началась зима и небольшія рѣчки покрылись льдомъ. 1-го Ноября оттеплѣло, пошелъ сильный дождь, продолжавшійся трое сутокъ, снѣгъ стаялъ; 4-го числа прояснѣло и подморозило, ѣздить нельзя было ни на саняхъ, ни на колесахъ; поля оставались открытыми, 15 числа опять оттеплѣло, 16 шелъ дождь, 22—сильный морозъ, 26—тепло и дождь, вслѣдъ затѣмъ морозы и дня четыре сряду шелъ снѣгъ. 13 Декабря снова оттепель и дождь, продолжавшійся до 18 Декабря. Во все это время была мгла непроницаемая, снѣгъ разстаялъ, земля отошла и разрыхлѣла, вода бѣжала съ полей сильнѣй, чѣмъ въ весеннее половодье, грязь растворилась непроѣздная и непроходимая, термометръ показывалъ 5° тепла. Съ 18 Декабря начались морозы и много напало снѣгу, который носился по полямъ какъ песокъ въ пустынѣ, по проселочнымъ дорогамъ не было слѣду. Не смотря на то, обозы съ хлѣбомъ и рядою начали помаленьку двигаться. Весь Январь и 22 Февраля постоянно стояла ясная погода при умѣренныхъ морозахъ. 22 оттеплѣло, термометръ поднялся на 4° выше точки замерзанія и держался на этой высотѣ до 5 Марта, снѣгъ разрыхлѣлъ и зачерпнулся водой, рѣки начали вскрываться; но бывшій 6-го числа морозъ прекратилъ распутицу, зимній путь возстановился, ѣздили не по дорогамъ, а стороной, потому что снѣгу на поляхъ оставалось мало и

тотъ превратился въ ледяную кору, защищавшую озимыя поля отъ вѣтровъ и морозовъ. Въ первыхъ числахъ Апрѣля стояла ясная погода, дни теплые, а по ночамъ морозы. Остававшійся на поляхъ снѣгъ медленно стаялъ и разлитія рѣкъ почти не было замѣтно. Между 7 и 15 Апрѣля при сильныхъ вѣтрахъ часто шелъ снѣгъ, затѣмъ нѣсколько дней очень теплыхъ и ясныхъ, въ воздухѣ слышалось благораствореніе. Всѣ растенія ожили, трава зазеленѣла и деревья начали распускаться, а потомъ погода рѣзко измѣнилась: насталъ сильный холодъ, по ночамъ морозы отъ 4 до 6 градусовъ, цвѣтъ на плодовыхъ деревьяхъ и молодые побѣги погибли. Сиверъ и морозы продолжались до 17 Мая; между 17 и 27 Мая дни были ясные и теплые, а по ночамъ морозы. Съ наступленіемъ Іюня начали перепадать дожди, сопровождавшіеся нерѣдко градомъ. Растенія послѣ продолжительной засухи и холода начали поправляться, деревья вновь развертываться, но хлѣба и травы плохо росли. Въ продолженіи Іюня и Іюля рѣдкій день проходилъ безъ дождя, воздухъ былъ сыръ и холоденъ. Солнышко какъ бы нехотя свѣтило и грѣло нашу печальную сторонушку. Въ Августѣ стояла перемѣнная погода и только въ концѣ мѣсяца нѣсколько дней сряду было ясныхъ и теплыхъ; съ наступленіемъ Сентября снова начались дожди и продолжались до 10 числа.

Сѣвъ и уборка.

Сѣвъ озимыхъ хлѣбовъ къ 1857 году по обыкновенію начался съ наступленіемъ Августа; погода благопріятствовала сѣву. Опасеніе отстать сѣвомъ овса по случаю Св. Недѣли заставило многихъ хозяевъ уклониться отъ принятаго правила сѣять овесъ тогда уже, когда земля согрѣется и окрѣпнетъ; начали сѣять въ первыхъ числахъ Апрѣля въ сырую и холодную землю. Сѣвъ гречихи по большей части производился въ Іюнѣ и въ разныя числа, гдѣ перейдетъ дождь—тамъ и сѣютъ; ибо въ Маѣ была засуха, а въ началѣ Іюня дождь шелъ тучевой, а не окладной. Уборка хлѣба началась 16 Іюля и по случаю дождевой погоды шла медленно; много хлѣба поросло въ копнахъ и въ скирдахъ; самые опытные и практичные хозяева, по случаю дождей, недоумѣвали, лучше ли оставлять хлѣбъ на корнѣ или косить, лучше ли оставлять въ копнахъ или сырой сваливать въ скирды. Солнышко хотя по временамъ и обсушивало снопы съ наружи, но внутри они были сыры до того, что при сниманіи изъ нихъ текла вода; на горизонтѣ же то въ той, то въ другой сторонѣ появлялись темныя тучи, угрожавшія проливнымъ дождемъ. Однако, не смотря на такую погоду, къ 1-му Сентября рожь и овесъ были убраны, а гречиха оставалась въ полѣ до послѣднихъ чиселъ Сентября. Лѣтнихъ дней, удобныхъ для полевыхъ работъ, было 6 мѣсяцевъ и 4 дня.

За исключеніемъ сѣмянъ десятина дала зерна:

	Четверти.	Мѣры.
Рожь	11	5
Пшеница	7	4
Овесъ	9	—
Гречиха	2	4

Не смотря на зимніе паводки и бывшіе въ Маѣ сильные морозы, урожай въ Елецкомъ у. можно отнести, какъ видно изъ вышеприведенныхъ цифръ, къ удовлетворительному. Въ сосѣднихъ же губерніяхъ, Курской, Воронежской и Харьковской, озимые хлѣба едва возвратили сѣмена. По случаю холодной и сухой весны травы были плохи, сѣна было мало, да и то гнилое, высушенное, какъ говорится, на рукахъ.

Мѣстныя цѣны съ доставкою въ ближайшіе города.

Цѣны въ продолженіе зимы 185$^6/_7$ г. подвергались значительнымъ измѣненіямъ. Съ начала осени рожь продавалась по 2 рубля, въ Генварѣ по 3 р., въ Февралѣ упала до 1 р. 75 к., но въ Іюнѣ поднялась до 4 р., а потомъ опять понизилась до 3 р. Овесъ покупался зимою по 1 р. 50 к., весною 2 р. Гречиха зимою—3 р., весною 3 р. 75 к. Пшеница осенью по 6 р., а зимою по 7 р. Конопля 4 р., картофель былъ такъ дешевъ, какъ никогда, именно по 40 к. четверть. Среднюю цѣну приблизительно можно опредѣлить:

			Руб.	Коп.
Четверть:	рожь	9 п. 5 ф.	3	—
›	пшеница	10 › — ›	6	50
›	овесъ	6 › — ›	2	—
›	гречиха	8 › — »	3	—

Разные предметы.

Дорóги въ началѣ зимы были порядочные, но въ Февралѣ покрылись такими сильными и глубокими ухабами, что по нимъ не было возможности ѣздить, и отыскивали проселочные пути, о которыхъ до того времени проѣзжающіе не знали. Бывшая въ концѣ Февраля оттепель причинила большіе убытки купцамъ и извощикамъ, застигнутымъ распутицею въ дорогѣ съ рядною кладью. Многіе изъ исправныхъ крестьянъ сдѣлались нищими.

Со дня кончины Николая I-го всѣ сословія находятся въ какомъ-то напряженномъ состояніи, всѣ ропщутъ, всѣ тяготятся настоящимъ положеніемъ дѣлъ, и никто не имѣетъ довѣрія къ правительству Всѣ важныя государственныя предпріятія, какъ-то измѣненіе тарифа, учрежденіе тарифа, учрежденіе Черноморскаго купеческаго флота съ предоставленіемъ обществу разныхъ льготъ и помильной платы; устройство желѣзныхъ дорогъ посредствомъ выдачи концессій иностраннымъ акціонернымъ обществамъ и, наконецъ, предположеніе объ уничтоженіи крѣпо-

стного права: вмѣсто одобреній этихъ предпріятій. общество негодуетъ, видя въ нихъ чужеземное вліяніе; торговое сословіе вопіетъ противъ тарифа, убившаго въ зародышѣ Русскую мануфактуру; крѣпостные люди, волнуемые слухами о свободѣ, небрегутъ о настоящемъ хозяйствѣ, и въ чаяніи скорой перемѣны ихъ положенія, превратно ими понимаемаго, бунтуютъ и уклоняются отъ исполненія ихъ обязанностей, подвергаясь за это тяжелымъ наказаніямъ и военнымъ экзекуціямъ; дворяне, проживающіе въ своихъ имѣніяхъ, трепещутъ отъ страха сдѣлаться жертвами буйства крестьянъ; военные горько жалуются на безпорядки и худое устройство военной администраціи и въ особенности на безпрестанное измѣненіе формъ одежды.

Конечно, крѣпостное право не присуще человѣческой природѣ, но сравнивать это право съ невольничествомъ несправедливо. Плантаторы смотрятъ на Негровъ, какъ на рабочій скотъ, между тѣмъ, крѣпостное право до сей поры сохранило еще много патріархальныхъ началъ и при нѣкоторыхъ ограниченіяхъ власти помѣщиковъ могло бы сдѣлаться благодѣтельнымъ правомъ, тѣмъ болѣе что въ настоящее время даже самые неразвитые изъ нихъ начинаютъ сознавать, что съ благосостояніемъ крестьянъ тѣсно связано собственное ихъ благосостояніе, а потому болѣе или менѣе заботятся о поддержкѣ своихъ крѣпостныхъ, являясь къ нимъ на помощь во всѣхъ нужныхъ случаяхъ; а есть много и такихъ владѣльцевъ, которые, оставляя свой личный интересъ, считаютъ своимъ долгомъ пещись о людяхъ находящихся въ ихъ зависимости. Съ уничтоженіемъ крѣпостного права крестьяне, освобождаясь отъ тягостной опеки, съ тѣмъ вмѣстѣ лишатся и поддержки владѣльцевъ, въ которой они постоянно имѣютъ и будутъ имѣть нужду. Правительство, приступая къ единовременному освобожденію крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, ставитъ себя въ крайне затруднительное положеніе, такъ какъ уволить крестьянъ безъ земли нельзя, а отчуждать для нихъ отъ помѣщиковъ землю насильственно было бы съ одной стороны въ высшей степени несправедливо и противно кореннымъ государственнымъ основаніямъ, ибо находящіяся во владѣніи дворянъ земли дошли къ нимъ по покупкѣ или по другимъ законнымъ актамъ, оплаченнымъ пошлиною и составляютъ личную ихъ собственность, а, съ другой стороны, можетъ привести къ гибельнымъ результатамъ для государственнаго организма. Трудно теперь предугадать, какую будетъ имѣть развязку прекращеніе крѣпостного права для Россіи, трагическую или драматическую. По моему мнѣнію, дарованіе крѣпостнымъ свободы должно совершиться не разомъ, а посредствомъ послѣдовательныхъ правительственныхъ мѣропріятій.

Послѣднее время замѣчательно чрезмѣрнымъ обиліемъ издаваемыхъ

законоположеній по разнымъ отраслямъ управленія, о исполненіи которыхъ никто не заботится. Правительство играетъ въ законы, какъ дитя въ игрушки, изъ коихъ большая часть изуродованы: у той нѣтъ ноги, у той вывернута рука, у той отшибленъ носъ, а иныя и совсѣмъ безъ головъ. Какая бы ни была причина такой безурядицы, но она достигла такой уже степени, что дѣла не могутъ оставаться въ настоящемъ положеніи и съ каждымъ днемъ все болѣе чувствуется приближеніе сильнаго потрясенія въ государственномъ строѣ Россіи.

Годъ XVI-й.

Съ 1-го Сентября 1857 по 1-е Сентября 1858 г.

Всѣ ожидали, что осень вознаградитъ хорошею погодою за ненастное лѣто, но надежда не оправдалась: съ 21 Сентября опять холодный вѣтеръ завылъ лютымъ звѣремъ, тучи покрыли весь горизонтъ и пошелъ дождь. Прощай лѣто! 5 Октября термометръ упалъ на 4° ниже нуля, съ той поры до 8 Ноября дни были ясные и по времени года теплые, а по ночамъ морозы отъ 6 до 10 градусовъ. Земля до того высохла, что начала давать большія трещины, по дорогамъ пыль столбами крутилась, поля, засѣянныя рожью, почернѣли. 8 Ноября выпалъ маленькій снѣжокъ, но вскорѣ стаялъ; земля, увлажненная снѣгомъ, крѣпко застыла и вѣтеръ не выдувалъ уже хлѣбныхъ кореньевъ. Весь Ноябрь и въ началѣ Декабря состояніе погоды было сумрачное, но ни снѣгу, ни дождя не было. Найдетъ тучка, запорошитъ снѣжокъ, ждемъ: вотъ, Богъ дастъ, и поля прикроетъ отъ стужи и вѣтровъ, не тутъ-то было, поднимется буря и унесетъ тучки за тридевять земель въ неизвѣстное царство. Въ ночь на 5-е Декабря выпалъ снѣгъ, и съ этого времени поля мало-по-малу начали прикрываться снѣгомъ, а обозы съ хлѣбомъ двигаться. Въ Генварѣ и Февралѣ стояла ясная погода, морозы достигли 27°, въ концѣ Февраля 2 дня была оттепель, шелъ дождь и гололедка. Въ Мартѣ погода была неопредѣленная, въ началѣ теплая, потомъ бурная, много выпало снѣгу, затѣмъ нѣсколько дней теплыхъ и ясныхъ; рѣки вскрылись 18 Марта, разлива воды почти не было, такъ какъ теплые дни смѣнялись холодными и снѣгъ таялъ медленно. Первая половина Апрѣля сопровождалась дождемъ, снѣгомъ, морозами съ разными атмосферическими безобразіями, но въ послѣднихъ числахъ стояла превосходная погода, продолжавшаяся до 13 Мая. 17-го числа пополудни показались на Югѣ и Западѣ громадныя тучи, которыя при страшной бурѣ и грозѣ встрѣтились, слились и разрѣшились проливнымъ дождемъ. Съ той поры до 7-го Іюня почти ежедневно шелъ дождь, до 9-го числа Іюня при сильныхъ холодахъ и ночныхъ морозахъ, а послѣ при весьма теплой погодѣ. Съ 7 числа установилась ясная погода и продолжалась до

20 Августа, жаръ умѣрялся легкимъ сѣверо-западнымъ вѣтромъ. Съ 20 Августа началась осень; по горизонту носились громадныя горообразныя массы облаковъ такъ низко отъ земли, что казалось, будто они цѣплялись за кровли домовъ; часто шелъ дождь, воздухъ охладѣлъ и въ ночь на 1-е Сентября сильный морозъ.

Сѣвъ и уборка.

Въ настоящемъ году время сѣва нельзя было опредѣлить: кто заготовилъ старыя сѣмена, тотъ сѣялъ въ первыхъ числахъ Августа, а кто принялъ правиломъ сѣять новыми сѣменами, тотъ сѣялъ въ послѣднихъ числахъ и даже въ Сентябрѣ, такъ какъ по случаю поздняго начала уборки и наступившей въ Августѣ невзгоды нельзя было своевременно приготовить сѣмянъ. По неоднократному опыту и наблюденію моему всходы старыхъ сѣмянъ, несмотря на ихъ доброкачественность, осенью бываютъ хороши и даже гуще и лучше клочатся, чѣмъ всходы новыхъ сѣмянъ, но весною оказывается въ нихъ болѣе убыли; должно полагать, что всходы старыхъ сѣмянъ хуже переносятъ неблагопріятныя прозябанію климатическія условія. Посѣянная поздно рожь начала всходить въ концѣ Сентября. Сѣвъ овса производился во второй половинѣ Апрѣля, а сѣвъ гречихи въ первой половинѣ Мая.

Уборка. Погода благопріятствовала уборкѣ, которая началась 20 Іюля и къ 20 Августа озимые хлѣба и овесъ были уже убраны и свезены въ гумно. Трудно повѣрить, чтобы тягло, т. е. мужъ съ женою, могли успѣть въ теченіе мѣсяца убрать четыре хозяйственныя десятины помѣщичьяго и столько же собственнаго своего хлѣба, намолотить сѣмянъ и посѣять къ будущему году четыре десятины. Мнѣ кажется, что такого энергическаго и тяжелаго труда не въ состояніи исполнить даже препрославленный Нѣмецкій работникъ.

За исключеніемъ сѣмянъ десятина дала зерна:

	Четверти.	Мѣры.
Рожь	5	—
Пшеница	4	4
Овесъ	10	4
Гречиха	4	3

Огородніе овощи и садовые плоды, въ особенности яблоки, родились обильно.

Мѣстныя, съ доставкою въ ближайшіе города цѣны въ продолженіе зимы 185$^7/_8$ г., такъ же какъ и въ прошедшемъ году значительно измѣнялись; средняя цѣна слѣдующая:

		Руб.	Коп.
Четверть:	Рожь въ 9 п. 5 ф.	2	50
›	Пшеница 10 › — ›	7	50
›	Овесъ 6 › — ›	1	—
›	Гречиха 8 › — ›	2	25

Разные предметы.

Наконецъ продположенія о прекращеніи крѣпостного права осуществились. Всемилостивѣйшимъ манифестомъ дворяне приглашаются къ освобожденію крестьянъ изъ крѣпостной зависимости съ частію земли. Манифестъ написанъ въ родѣ двусмысленной притчи, а это доказываетъ, что правительство намѣрено дѣйствовать въ отношеніи дворянъ неискренно Худо для Царя, худо для дворянъ и еще хуже для народа, когда права собственности будутъ нарушаться, а твердыни, поддерживающія государственное зданіе, разрушаться безъ замѣны новыми.

Начало предпринятаго переворота не предвѣщаетъ добраго: крѣпостные люди возстаютъ уже противъ помѣщиковъ и въ чаяніи будущихъ благъ перестаютъ заботиться о своихъ поляхъ и о своемъ хозяйствѣ. Помѣщики, чтобы запастись лишнимъ рублемъ на черный день, перезакладываютъ имѣнія, продаютъ за полцѣны лѣса, сдаютъ въ аренду всѣ сколько нибудь доходныя статьи, не заботясь о будущемъ благосостояніи своего имѣнья. Для успокоенія моихъ людей я призналъ лучшимъ средствомъ не скрывать отъ нихъ никакихъ распоряженій правительства касательно ихъ будущей участи: давалъ имъ читать всѣ получившіяся мною бумаги и газеты. Сначала они смотрѣли на меня косо и недовѣрчиво, но такъ какъ я не измѣнялъ обыкновеннаго моего съ нимъ обращенія, то они мало-по-малу начали понимать свою пользу въ спокойномъ ожиданіи новаго порядка. У тѣхъ же помѣщиковъ, которые старались сохранять въ тайнѣ отъ своихъ людей распоряженія правительства и спѣшили принятіемъ различныхъ подготовительныхъ въ хозяйствѣ мѣръ, крестьяне бунтовали, вѣря на слово проходимцамъ, что земли помѣщиковъ будутъ отданы имъ.

Лица стоявшія во главѣ управленія, желая свалить съ себя часть отвѣтственности въ этомъ важномъ дѣлѣ, присудили составить губернскіе комитеты изъ избранныхъ отъ каждаго уѣзда дворянъ, подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя для составленія по каждой губерніи особаго положенія, на указанныхъ въ рескриптѣ основаніяхъ. Въ число избранныхъ членовъ въ комитетъ попалъ и я. Этотъ выборъ долженъ былъ льстить моему самолюбію, а я вышелъ изъ собранія со слезами на глазахъ и съ глубокою тоскою въ сердцѣ. Въ продолженіе пятнадцатилѣтней затворнической жизни я отсталъ отъ дѣлъ и общества, новыя идеи не вяжутся съ моими убѣжденіями; но отказаться отъ столь серьезной общественной послуги было бы нечестно и недобросовѣстно.

Годъ XVII-й.

Съ 1-го Сентября 1858 по 1-е Сентября 1859 г.

Сентябрь начался сухою и чрезвычайно холодною погодою, изрѣдка

перепадали дожди и то не повсемѣстно, а судя по громадности тучъ, носившихъ по горизонту, должно было ожидать проливныхъ дождей. Во второй половинѣ Сентября установилась ясная и довольно теплая погода, продолжавшаяся до половины Октября; были дни, какихъ по благорастворенности воздуха и пріятности мало бываетъ и весною. Съ 16 Октября начались морозы, достигавшіе до 20 градусовъ, и рѣки покрылись льдомъ; 1-го Ноября выпалъ снѣгъ на сухую замерзшую землю, земледѣльцы начали опасаться за благополучіе озимыхъ посѣвовъ. 16 Ноября началась оттепель, пошелъ дождь, снѣгъ стаялъ и только по дорогамъ оставался ледокъ; поля оставались открытыми до 13 Декабря, въ ночь на 14 выпалъ снѣгъ, покрывшій землю на вершокъ, 15 бушевала сильная буря, нагнала тучи, разрѣшившіяся проливнымъ дождемъ, вода въ рѣкахъ поднялась, взломала ледъ, снесла мосты и много разрушила мельничныхъ плотинъ. Слѣдствіемъ неожиданнаго разлива воды были значительные убытки для купцовъ и крестьянъ, находившихся въ дорогѣ съ рядною кладью. 18 Декабря легко подмерзло и съ того времени до вскрытія весны не было большихъ морозовъ, снѣгу выпало мало. Рѣки вскрылись въ послѣднихъ числахъ Марта. Къ 1-му Апрѣля земля на столько уже просохла, что начали ѣздить безъ затрудненія на колесахъ. Зелени открылись плохія. Трудно опредѣлить, какая изъ двухъ причинъ сдѣлала болѣе вреда, бывшія или въ Декабрѣ оттепели, или то обстоятельство, что поля всю зиму едва были прикрыты снѣгомъ, а во многихъ мѣстахъ совершенно открыты. Въ Апрѣлѣ стояла погода весьма благопріятная для росту хлѣбовъ, но не могла уже поправить зла, причиненнаго зимою. Бывшими въ началѣ Мая морозами и холодными вѣтрами уничтожена завязь на плодовыхъ деревьяхъ. 24 Мая при сѣверномъ вѣтрѣ весь день шелъ проливной дождь, а ночью выпалъ снѣгъ. Къ вечеру 25 числа прояснѣло и въ ночь на 26 сильный морозъ; всходы гречихи пожелтѣли и погибли бы, если бы день былъ ясный, но къ счастью 26 и 27 было сумрачно и полилъ дождь. Въ Іюнѣ и въ первыхъ числахъ Іюля часто перепадали дожди, яровые хлѣба начали хорошо расти' а озимые подравниваться. Съ 10 Іюля до 6 Августа стояли жары, а потомъ погода рѣзко измѣнилась и съ недѣлю было холодно и сумрачно, затѣмъ снова начались жары, продолжавшіеся до Сентября. Термометръ показывалъ въ тѣни 26 градусовъ, а въ полночь 23½ градуса. Съ 10 Іюля по Сентябрь не упало капли дождя, земля до того высохла, что листъ на деревьяхъ сохнулъ и валился, словно въ глубокую осень, плоды на фруктовыхъ деревьяхъ преждевременно опадали, луга изъ зеленыхъ превратились въ желтые, дороги вершка на два покрыты были пылью. Скотъ, хотя пасся въ полѣ, но необходимо было кормить на дворахъ.

Сѣвъ и уборка.

Сѣвъ озимыхъ хлѣбовъ производился преимущественно во второй половинѣ Августа и, несмотря на продолжительную засуху, всходы были довольно удовлетворительные, такъ какъ въ Сентябрѣ довольно часто шелъ дождь. Овесъ сняли въ началѣ Апрѣля, т. е. по мѣрѣ просыханія земли, а гречиху въ началѣ Мая.

Уборка хлѣба, вслѣдствіе сухой погоды, продолжалась съ небольшимъ мѣсяцъ. Началась 20 Іюля, а окончилась 26 Августа. Къ этому времени озимый и яровой хлѣба были убраны и свезены въ гумна, сѣвъ къ будущему году оконченъ и гречиха перемолочена.

Разные предметы.

Въ концѣ Августа 1859 г. во многихъ мѣстахъ появился въ землѣ такой же самый червь, какой былъ въ 1844 и 1845 г.г. и началъ поѣдать рано посѣянныя озими.

Въ послѣднихъ числахъ Августа 1858 г. явилась комета, гостившая на нашемъ горизонтѣ болѣе мѣсяца. Въ половинѣ Сентября она достигла ближайшей точки земной орбиты. Для простого глаза ядро кометы казалось величиною равною лунѣ во время ея полнолунія, а лучезарный хвостъ, простиравшійся отъ Запада къ Юго-Востоку, казался растянутымъ саженъ на 100 въ длину и саженъ на 50 въ ширину. Едва ли когда-нибудь обитатели земли видали такую великолѣпную и блистательную комету. Я назвалъ бы ее царицей кометъ. Бывало, смотришь на нее, долго смотришь, а все не хочется отвесть глазъ какъ отъ красавицы, плѣняющей насъ прелестью формъ и таинственностью пути, заповѣданнаго для нея Провидѣніемъ. Крестьяне обыкновенно при всякомъ небесномъ явленіи дѣлаютъ множество разныхъ предположеній, иногда нелѣпо суевѣрныхъ, иногда весьма забавныхъ, а въ кометахъ всегда видятъ предзнаменованіе будущихъ бѣдствій, при прохожденіи же этой кометы оставались совершенно покойны, и мнѣ ни разу не удалось слышать отъ нихъ какого-либо толкованія о ея знаменованіи, хотя я ежедневно находился въ ихъ средѣ.

Орловскій Комитетъ по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ началъ свои занятія спорами. Члены раздѣлились на двѣ партіи. Одна часть членовъ, болѣе знакомая съ народнымъ бытомъ, желала дѣйствовать охранительно, не выходя изъ предѣловъ программы правительства, предлагая мѣры, соотвѣтствующія положенію помѣщичьихъ хозяйствъ и быту крестьянъ, чтобы рѣзкимъ измѣненіемъ существующаго порядка не раззорить помѣщиковъ и дать крестьянамъ возможность къ безбѣдной жизни, съ ограниченіемъ ихъ свободы на первые годы нововводи-

маго порядка, ибо въ этомъ видѣла единственное средство къ предохраненію государства отъ голода и анархіи. Другая часть членовъ, увлекаемая надеждами обратить на себя вниманіе правительства, старалась выказать готовность жертвовать интересами дворянъ, но только въ тѣхъ случаяхъ, которые не составляли большаго значенія для личнаго интереса членовъ, руководившихъ этою партіею. Въ противномъ случаѣ они дѣйствовали уже не въ духѣ проповѣдываемаго ими соціализма, но въ духѣ своекорыстія, враждебнаго сословію, объ улучшеніи быта котораго призваны комитеты составить положеніе.

Въ первой партіи, прозванной крѣпостническою, находилось болѣе людей прямыхъ, честныхъ и здравомыслящихъ. Во второй партіи, прозванной либеральною, состояло болѣе людей свѣтскихъ, ловкихъ и лукавыхъ. Къ сей послѣдней партіи принадлежалъ предсѣдатель Комитета N. N., аристократъ по рожденію и плебей по уму и характеру. Консервативная или крѣпостническая партія до послѣднихъ почти дней занятій комитета состояла въ меньшинствѣ, а потомъ, когда дошло до избранія депутатовъ въ Петербургѣ, либеральное большинство перессорилось и разъединилось: бывшее меньшинство сдѣлалось большинствомъ и въ короткое время изъ хаоса журнальныхъ комитетскихъ постановленій составило довольно добросовѣстное и соотвѣтствующее обстоятельствамъ положеніе. Члены, проповѣдывавшіе въ комитетѣ либерально-филантропическія идеи, принадлежали къ числу самыхъ жестокосердныхъ и корыстолюбивыхъ помѣщиковъ, какъ напримѣръ N. N., Даниловъ, Карповъ и Ржевскій; а члены, державшіеся охранительнаго порядка, къ числу добрыхъ и правдивыхъ помѣщиковъ, которыхъ крестьяне называютъ «отцы родные»: фактъ замѣчательный.

Занятія Комитета продолжались семь мѣсяцевъ, двѣ части времени потеряны на слушаніе словесныхъ рѣчей и письменныхъ мнѣній. Сначала я до того былъ отуманенъ краснорѣчивымъ ораторствомъ, разнообразіемъ и плодовитостью изложенія идей моихъ сотоварищей, что долго не рѣшался рта разинуть, почитая ихъ за геніальныхъ людей; но когда пришлось ихъ идеи примѣнять къ дѣлу, оказалось, что они не геніи, а пустомели, обладающіе способностью, свойственною всѣмъ бездарнымъ людямъ, фразировать на разные тоны одну и туже мысль, заимствованную изъ какого-нибудь періодическаго журнала, но не усвоенную себѣ размышленіемъ. Всегда и вездѣ было мало людей безпристрастныхъ, способныхъ жертвовать собственными интересали общей пользѣ; мало было ихъ и въ Орловскомъ Комитетѣ: личные расчеты брали верхъ надъ убѣжденіемъ.

Хотя губернскіе комитеты руководились одними и тѣми же указаніями правительства, но, примѣняясь къ мѣстнымъ обстоятельствамъ,

написали по каждой губерніи различныя положенія; въ одномъ только всѣ комитеты были согласны, что, для прекращенія взяточничества и злоупотребленій по разнымъ частямъ управленій, необходимо установить гласное судопроизводство. Такое единомысліе доказываетъ, что всѣ существующія основанія государственнаго зданія ослабли отъ неразумнаго управленія и что не предвидится уже иного исхода, какъ замѣнить монархическое неограниченное правленіе представительнымъ. Но, сохрани Богъ, если, вслѣдствіе высказаннаго комитетами мнѣнія, правительство, не выждавъ окончанія начатаго переустройства, объявитъ конституцію *); вотъ ужъ тогда-то будетъ потѣха! Я мало знакомъ съ представительнымъ правленіемъ, но полагаю, что оно удобно только для небольшихъ государствъ, въ сжатыхъ границахъ; а для такого обширнаго, съ разбросаннымъ и разноплеменнымъ населеніемъ государства, какъ Россія, конституціонное правленіе едва ли возможно. Гласность судопроизводства можетъ принести великую пользу только въ такомъ случаѣ, когда правительство сумѣетъ допущеніе гласности оградить отъ неистовства свободнаго книгопечатанія, которое скоро низведетъ родъ человѣческій на степень дико-кровожаднаго звѣрства, предъ которымъ древніе варвары, по отношенію къ новѣйшимъ, будутъ казаться дѣтьми. Со времени обнародованія рескрипта объ улучшеніи быта крестьянъ, журналы наполняются преимущественно статьями о прекращеніи крѣпостного права: одни съ торжественною важностью доказываютъ необходимость дарованія крестьянамъ свободы; другіе осуждаютъ существовавшія доселѣ учрежденія и проповѣдуютъ революціонныя идеи; третьи неприлично глумятся надъ сословіемъ дворянъ-помѣщиковъ; четвертые, прославляя мудрость указанныхъ правительствомъ началъ освобожденія крестьянъ, излагаютъ проекты осуществленія сихъ началъ и такъ далѣе. Много прочиталъ я подобнаго содержанія статей, но по чистой совѣсти не встрѣтилъ ни одной написанной съ знаніемъ дѣла. Легковѣрная молодежь мечтаетъ о золотомъ вѣкѣ, неразгаданные геніи о лавровыхъ вѣнкахъ, бездомные проныры о народныхъ трибунахъ; желанія и цѣли различны, но путь къ достиженію одинъ—кровавая анархія. Раздувая революціонное пламя, они не знаютъ, какую страшную бездну изрываютъ отечеству; они не знаютъ и того, какую тяжкую кару приготовляютъ для себя самихъ. Съ сокрушеннымъ сердцемъ слушаю я восторженныя похвалы главному представителю Русскаго нигилизма Герцену, этому сумасброду (не лишенному впрочемъ остроумія) бѣжавшему изъ отечества съ затаенною злобою, высказавшеюся въ его желч-

*) Единогласно утверждаютъ, что N. N. сильно пьетъ и пьяный либеральничаетъ до сумасбродства.

номъ все-отрицающемъ ученіи. Каждый здравомыслящій и безпристрастный человѣкъ, прочитавъ издаваемый Герценомъ за границею сборникъ «Полярная Звѣзда», скажетъ: Герценъ злой, безнравственный честолюбецъ, достойный не хвалы, но презрѣнія, а его сотрудники жалкіе глупцы: «не вѣдаютъ что глаголютъ».

Годъ XVIII-й.

Съ 1 Сентября 1859 по 1-е Сентября 1860 г.

Состояніе погоды.

Въ началѣ Сентября изрѣдка шли дожди, а въ концѣ мѣсяца ежедневно. Съ наступленіемъ Октября прояснилось, начались легкіе морозы. 18 числа выпалъ снѣгъ. Въ Ноябрѣ и въ Декабрѣ стояла тихая погода при умѣренныхъ морозахъ; небо постоянно было застлано какою-то бѣлою мглою; иней падалъ въ такомъ изобиліи, что въ лѣсахъ и садахъ деревья, не выдержавъ тяжести, ломались. Въ послѣднихъ числахъ Декабря нѣсколько дней сряду снѣгъ валилъ хлопьями, съ наступленіемъ Генваря начало холоднѣть, термометръ упалъ на 20 градусовъ и съ того времени по 15-е при сильныхъ морозахъ неумолчно вылъ сѣверный вѣтеръ. На дорогахъ снѣгъ былъ такъ глубокъ, что при встрѣчѣ стоило большихъ трудовъ и мученья для лошадей разъѣхаться. Въ послѣдней половинѣ Генваря температура воздуха значительно понизилась и до половина Февраля горизонтъ постоянно задернутъ былъ облаками, изъ которыхъ безпрерывно сыпался снѣгъ, а потомъ снова начались жестокіе морозы; въ продолженіе 10 дней сряду термометръ держался между 22 и 25 градусами; съ 24 числа морозы начали ослабѣвать, а вѣтеръ усиливаться; съ 27 началась вьюга и къ 3 Марта достигла такой степени, что, въ полномъ смыслѣ, не было видно Божьяго свѣта. Многіе дворы и даже цѣлыя деревни совершенно были занесены снѣгомъ; чтобы вылѣзть изъ избы или изъ двора, крестьяне прокапывали кровли и кое-какъ пробирались на гумна за кормомъ для скота; многіе по нѣскольку сутокъ не топили печей, скотъ оставался безъ пойла, а нерѣдко и безъ корма за невозможностью отрыть солому и скирды. Нѣкоторые дворы отрывали обществомъ, ибо безъ помощи сами хозяева этихъ дворовъ не въ состояніи были освободиться изъ подъ снѣга. Во многихъ дворахъ отъ тяжести нанесеннаго снѣга обрушились крыши избъ и сараевъ. Послѣ 18 Марта вѣтеръ началъ утихать, снѣгъ осѣлъ и установилась ясная и тихая погода съ небольшими морозами по утрамъ; начали кое-гдѣ показываться прогалины и бѣжать ручейки. 11 Апрѣля прошла туча съ сильною грозою, а 12 числа вскрылись рѣки. Судя по количеству снѣга, выпавшему въ концѣ зимы, ожидали большого разлива

воды въ рѣкахъ; случилось же наоборотъ, разливъ былъ менѣе, чѣмъ въ обыкновенные годы, несмотря на то, что вода шла дружно и слила въ три дня. Трудно указать причину этого явленія; нѣкоторые полагаютъ, будтобы снѣгъ заключалъ въ себѣ мало водяныхъ частей, а другіе, что такъ какъ земля съ осени была чрезвычайно суха, то вода уходила въ землю. Во второй половинѣ Апрѣля и въ первой половинѣ Мая стояла суровая и ненастная погода и только съ 15 Мая весна начала вступать въ свои права и хотя нерѣдко перепадали дожди, но небо было ясно и воздухъ тепелъ. Съ наступленіемъ Іюня начались жары, 15 и 20 числа были проливные дожди, перемѣшанные съ градомъ, причинившимъ мѣстами значительный вредъ. Съ 1-го по 8-е Іюля дни были жаркіе, а ночи чрезвычайно холодныя, но это не мѣшало росту хлѣбовъ, напротивъ благопріятствовало цвѣту и завязи гречихи. Жары продолжались до 20 Августа; во все это время дождь шелъ только два раза. Въ послѣдней трети Августа, послѣ проливного дождя, начались вѣтры, воздухъ быстро охолодѣлъ, а 30 Августа былъ морозъ.

Сѣвъ и уборка.

Нѣкоторые хозяева, несмотря на засуху, начали сѣять рожь въ первыхъ числахъ Августа, всходы были рѣдки и сохли; всходы же позднихъ посѣвовъ показались не ранѣе 15 Сентября, послѣ дождей, росли и клочились хорошо. Къ посѣву овса приступили 14 Апрѣля, а посѣвъ гречихи производился между 15 и 21 числами Мая.

Уборка хлѣба началась 18 Іюля и продолжалась не болѣе мѣсяца. Во все время уборки стояла ясная погода.

Народное здоровье.

Весна 1860 года была чрезвычайно тягостна для народнаго здоровья, въ особенности для дѣтей до 12-ти лѣтняго возраста; какая-то эпидемія, продолжавшаяся все лѣто, при малѣйшей простудѣ поражала безпомощныхъ сельскихъ жителей. Странно, что правительство доселѣ не изыскало средствъ къ поданію медицинскаго пособія крестьянамъ: такъ называемые уѣздные врачи посѣщаютъ деревенскихъ жителей только по приглашенію помѣщиковъ за значительный гонораръ или по особому предписанію начальства, дѣйствія ихъ ограничиваются обыкновенно собираніемъ поверхностныхъ свѣдѣній о свойствѣ болѣзней, о числѣ умершихъ и выздоровѣвшихъ, будто бы отъ поданныхъ ими пособій, и принятыхъ мѣръ къ предупрежденію распространенія болѣзней. Почему бы въ семинаріяхъ не преподавать нужнѣйшихъ и практическихъ медицинскихъ знаній семинаристамъ, готовящимся занять мѣста священниковъ, снабжая ихъ для руководства хорошими медицин-

скими книгами. Это знаніе для самихъ священниковъ и для государства было бы несравненно полезнѣе Греческаго языка и философской богословіи, ни къ чему не служащихъ и которыми изъ 1000 учениковъ одинъ, а много два пользуются. Никто скорѣе священника не узнаетъ о болѣзни крестьянина, никто не пользуется бо̀льшимъ довѣріемъ крестьянина, какъ священникъ, слѣдовательно медицинскіе совѣты будутъ исполняться крестьяниномъ съ большею точностью, чѣмъ совѣты врача. Священникамъ можно было бы предоставить избирать одного изъ своихъ причетниковъ въ помощники, а на покупку самыхъ простыхъ и необходимыхъ лѣкарствъ и инструментовъ, а также и вознагражденіе за труды незначительныя суммы, частію изъ казны, частію изъ церковныхъ сборовъ. Правительство тратитъ милліоны на содержаніе двора, на великолѣпные праздники, на содержаніе ненужныхъ зданій, на жалованье придворной челяди и на жалованье людямъ ничего не дѣлающимъ и достигающимъ превосходительной клички всевозможными интригами и подлостью; а для этого истинно благого дѣла нужны не милліоны, а только нѣсколько сотенъ тысячъ. Нѣкоторые благонамѣренные сельскіе священники и нынѣ дѣлятся со своими прихожанами кой-какими лѣкарствами и совѣтами, но, къ сожалѣнію, безъ знанія и убѣжденія въ пользѣ.

Разные предметы.

18⁵⁹/₆₀ годъ замѣчателенъ паденіемъ и банкротствомъ значительнѣйшихъ Русскихъ купеческихъ торговыхъ домовъ; въ томъ числѣ подверглись ликвидаціи банкирскіе дома въ Москвѣ братьевъ Алексѣевыхъ, а въ Петербургѣ Штиглица.

Совершенное отсутствіе звонкой монеты, исчезнувшей изъ оборота со времени Крымской войны, почти не имѣло вліянія на земледѣльческій классъ. Правда, что на всѣ предметы, покупаемые земледѣльцами, цѣны удвоились, но взамѣнъ того возвысились цѣны въ той же прогрессіи на земледѣльческія произведенія. О причинахъ исчезновенія въ Россіи звонкой монеты хотя въ журналахъ много толкуютъ, но изъ этихъ толковъ нельзя сдѣлать опредѣлительнаго вывода; потому что господа, пишущіе о политической экономіи, или сами худо знаютъ предметъ, о которомъ пишутъ, или не смѣютъ писать правды. Въ обоихъ случаяхъ было бы честнѣе и патріотичнѣе ничего не говорить и не морочить почтеннѣйшую публику.

Важное для Россіи событіе—заявленіе покорности многочисленнымъ племенемъ, населяющимъ Кавказъ, Абазехами, встрѣчено было народомъ равнодушно, по неудовольствію на правительство, которое, желая дѣйствовать кротко, впало въ какую-то безхарактерную нерѣшительность и прогрессивными мѣрами раздражило всѣ сословія и даже крестьянъ, получающихъ свободу.

Годъ XIX.

Съ 1 Сентября 1860 по 1 Сентября 1861 г.

Состояніе погоды.

Съ 1-го по 18 Сентября стояла ясная и теплая погода, по ночамъ сильныя росы, а иногда легкіе морозы; 19-го подулъ сильный сѣверный вѣтеръ, воздухъ быстро охолодѣлъ, небо покрылось тучами и началось осеннее ненастье. Въ послѣднихъ числахъ Октября рѣки начали покрываться льдомъ, а въ Ноябрѣ выпалъ снѣгъ и установилась санная ѣзда, но въ дальній путь ѣхать было нельзя: дороги были очень бойки. Къ концу Ноября погода измѣнилась, вмѣсто морозовъ начались дожди, потомъ до конца Декабря при сильномъ юго-восточномъ вѣтрѣ ежедневно и безпрерывно сыпалъ снѣгъ. Лежащія съ подвѣтренной стороны деревни совершенно были занесены. Сообщеніе между селами прекратилось, по большимъ дорогамъ не было возможности ѣхать съ кладью, извощики и крестьяне съ рядною кладью бросали воза или жили по нѣскольку дней на постоялыхъ дворахъ, расплачиваясь, за неимѣніемъ денегъ, товарами. Такъ какъ осадка снѣга не было, то онъ переносился вѣтромъ изъ одной стороны въ другую и заметалъ дорогу. Крестьяне кормили скотъ немолоченными снопами и крайне нуждались въ собственномъ продовольствіи, за невозможностью молотить. 26 Декабря, послѣ шестинедѣльнаго мрака, въ первый разъ проглянуло солнышко и на сердцѣ стало веселѣй.

Кто не проводилъ зимъ въ деревнѣ, въ глубокомъ уединеніи, тотъ не можетъ составить себѣ понятія о вліяніи погоды на расположеніе духа. Какъ бы ни былъ много и серьезно занятъ человѣкъ, но свѣжій воздухъ и общество ему необходимы. Карамзинъ сказалъ неопровергаемую истину, что человѣкъ рожденъ для общества, а не для отшельничества. Люди оскорбляютъ, люди доставляютъ и отраду въ жизни.

Недолго продолжалась ясная и тихая погода. Съ 1-го Января снова закипѣла вьюга, термометръ понизился до 25 градусовъ, и до 22 числа постоянно держался между 28 и 32 градусовъ. Стужа была несказанная. Къ концу мѣсяца морозы постепенно ослабѣвали и настала перемѣнная погода. Съ наступленіемъ Марта настали ясные и теплые дни, при легкихъ морозахъ, снѣгъ постепенно и медленно таялъ, разлива воды почти не было, рѣки вскрылись въ послѣднихъ числахъ этого мѣсяца. Въ Апрѣлѣ и въ Маѣ было очень мало погожихъ дней, между 26 Апр. и 10 Мая ежедневно шелъ дождь при холодномъ вѣтрѣ. Въ первой половинѣ Іюня было нестерпимо холодно; 9 числа былъ сильный морозъ и побилъ гречишные всходы; морозы продолжались до 15, а съ

этого числа настали жары. 22 и 23 чиселъ шелъ сильный дождь; яровые хлѣба и травы нѣсколько оживились, но какъ послѣ двухдневнаго дождя снова настала засуха, продолжавшаяся до 10 Іюля, то и не дали росту. Съ 11 Іюля по 16-е безпрерывно лилъ дождь какъ изъ ведра. Многіе землевладѣльцы съ горя и отъ нечего дѣлать начали толковать о новомъ потопѣ. Съ этого времени по 20 Августа стояла перемѣнная погода: то холодно, то нестерпимо жарко, то дождь, а съ 20 Августа по 17-е сентября ежедневно шелъ дождь.

Сѣвъ и уборка.

Сѣять начали, какъ и всегда, съ первыхъ чиселъ Августа, погода благопріятствовала, всходы были дружны и клочились такъ хорошо, что къ концу осени нужно было стравливать скотомъ, чтобъ не подопрѣли отъ густоты. Уборка, несмотря на суровую погоду, сопровождавшуюся нерѣдко дождемъ, все-таки шла, и къ 20-му Августа рожь и овесъ большею частью были убраны въ гумно; оставшіеся неубранными, по случаю ежедневныхъ дождей, продолжавшихся съ 20 Августа по 17-е Сентября, начали рость и прѣть, особенно рожь: ея уже не возили въ гумно, а продавали копнами на кормъ.

Хотя нѣкоторые хозяева и понесли значительный ущербъ въ хлѣбѣ, оставшимся неубраннымъ къ 20 Августа, но урожай всѣхъ хлѣбовъ былъ настолько обиленъ, что вознаградилъ за убытки.

Народное здоровье.

Въ Августѣ 1860 года открылась во многихъ губерніяхъ холера, которая особенно сильно дѣйствовала въ Нижегородской ярмаркѣ. Многіе купцы, не окончивши дѣлъ, разъѣхались по домамъ. Въ Октябрѣ появилась и въ нашей мѣстности, но дѣйствія ея не сильны и ограничились одною деревнею во всемъ приходѣ. Въ Ноябрѣ свирѣпствовала по деревнямъ горячка, смертность была очень значительная, умирали преимущественно пожилые люди. Крестьяне отмѣтили эту болѣзнь прозваніемъ: «Чума стариковъ». Бывшая въ Ноябрѣ сырая и ненастная погода благопріятствовала развитію эпидемическихъ болѣзней.

Разные предметы.

Крестьянская реформа. Въ составъ комиссіи, учрежденной для составленія Положенія, вошло много лицъ, неимѣвшихъ недвижимой собственности и изъ промотавшихся дворянъ, сдѣлавшихся извѣстными по скандальнымъ дѣламъ въ губернскихъ комитетахъ, а для вида, волею или неволею, втянуты были въ нее три или четыре дурака изъ аристократовъ.

Въ Мартѣ объявленъ состоявшійся 19 Февраля 1861 года манифестъ о прекращеніи крѣпостного права. Дворяне и крестьяне приняли манифестъ холодно. Крестьяне вмѣсто удовольствія изъявляли сомнѣніе въ дѣйствительности и спрашивали: скоро ли пришлютъ настоящую волю, т. е. Положеніе, а потомъ, когда прислано было Положеніе, они, не довѣряя ни помѣщикамъ, ни чиновникамъ, волновались, толкуя превратно смыслъ и сущность Положенія. Обвинять въ этомъ крестьянъ было бы смѣшно, потому что по носившимся слухамъ они ожидали далеко не того, что̀ имъ предоставлялось Положеніемъ. Для прекращенія волненія, угрожавшаго превратиться въ бунтъ, жестоко наказывали крестьянъ розгами и даже ссылкою за каждое неисполненіе ими указанныхъ въ Положеніи обязанностей по отношенію къ помѣщикамъ. Бѣдные, они никакъ не могли объяснить себѣ страннаго противорѣчія: отъ Царя объявлена воля, а ихъ принуждаютъ работать на помѣщика. Но Провидѣніе Всевышняго и разумно осмотрительное поведеніе помѣщиковъ спасло ихъ самихъ и государство отъ гибели. Одна часть дворянъ дѣйствовала примирительно единственно по чувству самосохраненія; но большая часть изъ нихъ, предвидя гибель отечества, жертвовала своими вещественными и личными интересами для охраненія общественнаго спокойствія. Такое поведеніе дворянъ въ грозную годину отечества заслуживаетъ справедливой похвалы; а между тѣмъ подлая пресса, руководимая правительствомъ, извергала на дворянъ самую гнусную брань и клеветы, приписывая имъ такіе пороки и поступки, какіе и на мысль не приходили дворянамъ. Послѣ этого какъ можно ожидать, чтобы самый добросовѣстный историкъ вѣрно описалъ настоящую эпоху? Правительство, желая сдѣлать дворянъ сговорчивѣе къ условіямъ реформы, съ одной стороны натравливало крестьянъ на дворянъ, а съ другой наказывало крестьянъ за неисполненіе ими требованій дворянъ по Положенію. Конечно, такая политика будетъ признана мудрою; но она гнусна и недостойна народа, вѣрующаго въ своего Царя, какъ въ Бога.

Нынѣшній годъ будетъ отмѣченъ въ Русской статистикѣ многочисленностью браковъ. Избавившись отъ затрудненія въ пріисканіи невѣстъ, крестьяне взапуски одинъ передъ другимъ спѣшили женить своихъ сыновей и сродичей, безъ всякаго разумнаго соображенія съ потребностью семейныхъ нуждъ и съ физическимъ развитіемъ дѣтей.

Въ экономической жизни государства совершились слѣдующія замѣчательныя событія: коронація Государя, стоившая, какъ говорятъ, до 20 милліоновъ рублей. Дорого и безполезно!

Учреждена компанія Русскаго Общества торговли и судоходства. Правительство внесло въ эту компанію 600000 рублей и сверхъ того при-

няло на себя помильную плату. Мнѣ кажется, эта привиллегированная компанія впослѣдствіи будетъ парализировать развитіе частнаго коммерческаго судоходства.

Измѣненъ тарифъ въ либеральномъ духѣ. Слѣдуя внушенію или примѣру Англіи, правительству слѣдовало бы идти такимъ путемъ къ достиженію возможности установленія тарифа на основаніяхъ свободной торговли, какимъ достигала этой цѣли Англія. Всѣмъ извѣстно, что Англія ослабляла тарифъ по мѣрѣ развитія и усиленія фабричныхъ и ремесленныхъ произведеній, и только тогда она рѣшилась допустить свободную торговлю, когда убѣдилась, что ни одно государство не въ состояніи подорвать ея мануфактуры и что свободная торговля не ослабитъ ея промышленности, но сдѣлаетъ данниками ея всѣ народы, въ томъ числѣ и насъ Русскихъ. Авось, Богъ поможетъ, нужда научитъ, и мы, Русскіе, поумнѣемъ!!!

Упразднено учрежденіе Опекунскаго Совѣта. Дѣло это есть не только дѣло безразсудное, но святотатственное, и самый отъявленный врагъ Россіи не рѣшился бы посягнуть на такое варварство. Трудно угадать, какая тайная мысль руководила правительствомъ, но обнародованныя причины не имѣютъ смысла. Главнѣйшею изъ нихъ поставлялось опасеніе въ предусматриваемой несостоятельности Совѣта, въ случаѣ единовременнаго востребованія вкладчиками капиталовъ, такъ какъ Совѣтъ дѣлаетъ ссуды на долгіе сроки, а вклады принимаетъ на безсрочное время. Совѣтъ не могъ оказаться несостоятельнымъ ни въ какомъ случаѣ; онъ дѣлалъ ссуды подъ залоги, превышавшіе вдвое и въ три раза выданную сумму, а потому, если бы по какому либо случаю вкладчики потребовали возврата капиталовъ на сумму, превышавшую ту, какою могъ располагать онъ въ данный моментъ, Совѣтъ нашелъ бы безъ всякаго затрудненія кредитъ у иностранныхъ банкировъ, которые съ радостью приняли бы предложеніе, гарантированное имѣющимися у него залогами, даже за меньшіе проценты противъ взимаемыхъ Совѣтомъ. Опекунскій Совѣтъ былъ самый благодѣтельный посредникъ между вкладчиками и заемщиками, на получаемые же за посредничество проценты содержались тысячи сиротъ, покинутыхъ родителями. Бывало, трудолюбивый бѣднякъ, желая обезпечить себя подъ старость, или свое семейство, или кого изъ близкихъ его сердцу, скопитъ полсотни или сотню рублей и несетъ въ Совѣтъ; получивъ билетъ съ условіями перехода правъ на положенныя деньги послѣ его смерти, оставался вполнѣ увѣреннымъ какъ въ выдачѣ денегъ по назначенію, такъ равно и въ огражденіи ихъ отъ всякихъ мошенническихъ продѣлокъ. Не берусь судить, насколько полезенъ для государства нынѣшній Государственный Банкъ, но могу сказать, что ни въ какомъ случаѣ онъ не замѣнитъ для

народа Опекунскаго Совѣта. Государственному банку предоставлены такія полномочія и права, что рано ли, поздно ли, правительство очутится въ непріятномъ положеніи; въ этомъ убѣждаютъ меня операціи банка, убыточныя для казны и стѣснительныя для публики.

14 Іюня явилась комета; въ 10 часовъ вечера она показывалась посрединѣ горизонта величиною въ яблоко, но, по мѣрѣ склоненія къ Сѣверо-востоку, она постепенно увеличивалась и къ часу пополуночи представлялась уже въ человѣческую голову. Хвоста у нея не было, но тусклое отраженіе лучей занимало значительную часть горизонта. Ядро обращено было къ Сѣверу, а сіяніе къ Югу. Комета видима была въ нашей мѣстности въ продолженіи 18 дней.

Годъ XX-й.

Съ 1-го Сентября 1861 по 1-е Сентября 1862 года.

Состояніе погоды.

До 17 Сентября 1861 года стояла суровая и сырая погода, къ концу мѣсяца дожди прекратились, съ 1-го Октября начались ночные морозы и изрѣдка порошилъ снѣжокъ, а къ полудню термометръ поднимался до 7 и 9 градусовъ. Въ продолженіе всего Ноября погода измѣнялась черезъ каждые два дня: то морозъ и снѣгъ, то оттепель и дождь. Туманъ до того былъ густъ, что дни походили на ночь, а воздухъ на столько былъ влаженъ, что казалось можно было выжимать изъ него воду. Въ нашей мѣстности до Декабря поля оставались открытыми; но такъ какъ сильныхъ морозовъ не было, а земля, промоченная глубоко, смерзлась и покрылась льдомъ, то и вреда озимымъ хлѣбамъ отъ безснѣжья не было. Въ началѣ Декабря часто шелъ снѣгъ и обозы тронулись въ путь. Генварскіе морозы не веселили Русское сердце: термометръ дней десять сряду показывалъ отъ 25 до 30 градусовъ холода. 20 и 21 числа была сильная вьюга, съ того времени до конца Февраля стояла ясная погода при умѣренныхъ морозахъ. Въ концѣ Февраля морозы начали слабѣть и чувствовалось въ воздухѣ приближеніе весны. Рѣки вскрылись 19 Марта, а затѣмъ до 26 числа безпрерывно шелъ мелкій дождь, продолжительная мгла наводила уныніе. Передъ вечеромъ на 27 число, сидя у окна, я безсмысленно и тоскливо глядѣлъ въ противоположную сторону; вдругъ на Сѣверо-Западѣ тоненькой струйкой зарумянилась и заблистала заря, потомъ мало-по-малу мгла, покрывавшая небосклонъ, начала сдвигаться отъ Сѣвера на Югъ, но такъ медленно, какъ будто ей было жаль разстаться съ нашей стороной. Нельзя объяснить того чувства, какое ощущалъ я, увидѣвъ впервыя, послѣ продолжительной тьмы, блескъ зари. По мѣрѣ того какъ сдвигалась съ

горизонта мгла, сдвигалась съ сердца болѣзненная тоска. Въ продолженіе Апрѣля не болѣе трехъ дней было ясныхъ и теплыхъ, остальное затѣмъ время было мрачно, сыро, холодно и почти каждый день шелъ дождь. Съ наступленіемъ Мая погода сдѣлалась еще суровѣе, такъ что необходимо было топить дома̀. Съ 15 Мая по 10 Іюня хотя и стояла ясная погода, но не было благорастворенія воздуха и не чувствовалось той мягкости, той свѣжести, какая чувствуется въ хорошіе весенніе дни. Послѣ 10 Іюня начали двигаться по разнымъ сторонамъ громадныя тучи и тамъ, гдѣ онѣ разряжались, были ливни перемѣшанные съ градомъ; въ ночь на 13-е число и весь день дождь; термометръ понизился до 10 градусовъ. Не смотря на сиверъ, дождь этотъ все-таки сдѣлалъ большую пользу яровымъ хлѣбамъ, которые по случаю засухи, продолжавшейся около мѣсяца, начинали уже сохнуть; затѣмъ по 15-е Іюля погода часто измѣнялась: то дождь, то сильный жаръ, а 15 и послѣдующія числа были ночные морозы, погубившіе окончательно гречиху. Во второй половинѣ Іюля и въ началѣ Августа стояла какая-то странная погода: ночи холодныя, а дни жаркіе, солнце печетъ до нестерпимости, а вѣтеръ до костей пронизываетъ холодомъ; одѣвши жарко, а раздѣвши холодно. Но съ 20 Августа, послѣ перепадавшихъ дождей, настала превосходная погода.

Время сѣва озимаго хлѣба къ 1862 году трудно опредѣлить, такъ какъ поздно начавшаяся уборка и дожди препятствовали приготовленію сѣмянъ. Многіе хозяева сѣяли старыми сѣменами, иные кое-какъ приготовляли новыя. Сѣвъ продолжался до Сентября.

Уборка хлѣба началась съ 18 Іюля, шла быстро. Помѣщики убирали хлѣбъ по большей части наймомъ; за косьбу платили отъ 75 к. до рубля за десятину озимаго, и отъ 60 до 75 коп. за десятину яроваго. Къ 15 Августа весь хлѣбъ, за исключеніемъ гречихи, былъ убранъ въ гумно. Крестьяне убрались съ хлѣбомъ и отсѣялись ранѣе помѣщиковъ, изъ которыхъ многіе сѣяли и убирали гречиху въ Сентябрѣ.

Не смотря на суровую весну и лѣто 1862 г. въ нашей мѣстности не было повальныхъ болѣзней; была на дѣтяхъ оспа, но и та не имѣла злокачественнаго свойства.

Фруктовые сады. Сильные морозы въ зиму 1860 г. причинили вредъ плодовымъ деревьямъ, а неблагопріятныя условія зимы 1861 г. довершили погибель фруктовыхъ садовъ; иные окончательно высыхли, въ иныхъ хотя и оставалась часть деревъ, но и тѣ сильно поврежденныя, и только рѣдкіе сады по счастливому мѣстоположенію уцѣлѣли. Молодыя деревца, не истощенныя плодами, сохранились лучше старыхъ деревъ.

Съ нѣкотораго времени плодовитые сады представляютъ замѣчательный фактъ для изслѣдованія. Деревья, посаженныя въ минувшемъ

или въ началѣ настоящаго столѣтія, уцѣлѣвшія отъ безразсуднаго истребленія оныхъ для замѣны молодыми, переживаютъ сотни лѣтъ и несутъ обильный плодъ; много разъ повторялись такіе случаи, что верхніе сучья засохнутъ на деревѣ, они лишь сушь, дашь просторъ молодымъ побѣгамъ, и вотъ дерево снова начинаетъ жить, цвѣсть и приноситъ плоды. Въ иномъ деревѣ сгніетъ сердцевина, образуется дупло; думаешь погибло, а оно все живетъ и плодъ даетъ. Деревья, саженныя въ позднѣйшее время, рѣдко переживаютъ 25-лѣтній возрастъ, гибнутъ и гибнутъ окончательно; а нѣтъ сомнѣнія, что мы ухаживаемъ за плодовыми деревьями съ бо́льшимъ вниманіемъ, чѣмъ наши предки, садоводство которыхъ ограничивалось посадкою и прививкою дичковъ, а мы взрыхляемъ, сдобриваемъ подъ деревьями землю, обмазываемъ извёстными растворами, тщательно залѣпливаемъ каждый сломанный вѣтромъ или спиленный сучекъ, каждую образовавшуюся на корѣ ранку, обрѣзываемъ у кореньевъ дикіе побѣги, но все-таки не можемъ предохранить ихъ отъ преждевременной гибели. Какая причина такой очевидной разницы въ долговѣчности между деревьями старинной и новѣйшей посадки, измѣненіе ли климатическихъ условій, укрывающееся отъ наблюденій человѣка, но замѣтно проявляющееся въ постепенномъ измельчаніи и ослабленіи вообще растительной силы, или въ усиленномъ развитіи, дѣлающимъ дерево болѣе нѣжнымъ, чѣмъ позволяютъ мѣстныя условія его жизни (не окрѣпнувъ, насколько слѣдовало бы, въ корнѣ, они растутъ, быстро истощаясь плодами, подобно тому, какъ несоотвѣтственное возрасту и физическимъ силамъ развитіе умственныхъ способностей приводитъ дѣтей къ ранней могилѣ и преждевременному душевному отупѣнію) или, наконецъ, въ томъ, что деревья и прививки болѣе нѣжныхъ и вкусныхъ плодовъ, чѣмъ производитъ наша страна, переносимые изъ мѣстъ ихъ родины, доходили къ нашимъ предкамъ акклиматизированныя постепенною передачею изъ отдаленнѣйшихъ мѣстностей въ ближайшія къ нашей, а не разомъ съ Юга на Сѣверъ, какъ начали дѣлать со времени облегченія средствъ къ распространенію и обобщенію сношеній народовъ между собою? Та или другая причина или всѣ вмѣстѣ вліяютъ на сокращеніе жизни фруктовыхъ деревьевъ, но каждая изъ нихъ наводитъ на грустную думу.

*

Вліяніе Положенія 19 Февраля на помѣщичье хозяйство. Положеніе помѣщиковъ въ настоящее время весьма шаткое, оставаться при издѣльной барщинѣ нѣтъ возможности, крестьяне работаютъ нерадиво и съ недоброжелательствомъ; урочное положеніе неудобопримѣнимо во многихъ случаяхъ, а безурочная работа сопряжена съ большими непріятностями и такъ плоха, что лучше отказаться отъ нея. Переходъ отъ обя-

зательнаго къ вольнонаемному труду требуетъ значительныхъ капиталовъ, какъ на обзаведеніе земледѣльческими орудіями, сбруею и упряжью такъ равно на наемъ годовыхъ работниковъ, поденщиковъ и необходимой должностной прислуги; но у помѣщиковъ, за самымъ малымъ исключеніемъ, вмѣсто капиталовъ — долги. Отдавать землю съ года на годъ въ наймы значило бы разорять имѣніе и уменьшать его цѣнность. Отдача имѣнія въ аренду на продолжительные сроки приведетъ еще къ худшимъ результатамъ, такъ какъ наши арендаторы не дѣловые люди, разсчитывающіе на увеличеніе доходности имѣнія посредствомъ улучшеннаго хозяйства, а аферисты безъ гроша денегъ, имѣющіе въ виду временную прибыль, добытую хищническими способами. Къ довершенію плачевной участи дворянъ, бездомные пройдохи изустно и печатно возбуждаютъ крестьянъ къ бунту, проповѣдуютъ коммуническія идеи въ надеждѣ воспользоваться смутами для достиженія своихъ подлыхъ цѣлей. Во многихъ мѣстахъ были уже серьезныя вспышки, и тысячи несчастныхъ заплатили жизнью и достояніемъ за увлеченіе этими идеями. Правительство мечется словно угорѣлое изъ стороны въ сторону, не находя нигдѣ опоры, ибо всѣ сословія недовольны его распоряженіями.

Дай Богъ, чтобы изъ фанатическаго гоненія на дворянъ во имя прогресса выросло для народа благо, а не тиранія. 1863-й годъ для дворянъ-помѣщиковъ будетъ самымъ тяжелымъ годомъ: хозяйство въ ихъ издѣльныхъ имѣніяхъ должно перевернуться отъ *a* до *b*. Едва ли третья часть изъ нихъ будетъ въ состояніи вынести переворотъ, а прочіе разорятся и имѣнія ихъ будутъ проданы за долги. Сами же помѣщики превратятся въ Польскую шляхту, т. е. въ самую безпокойную и вредную для государства касту пролетаріевъ, для которыхъ не будетъ иного выхода кромѣ мятежей, революцій и анархій. Положеніе дворовыхъ людей тоже не завидное: они не привыкли къ тяжелому труду и нелегко имъ будетъ добывать себѣ хлѣбъ. Великое и благое дѣло, упраздненіе крѣпостного права, какъ и всѣ міровыя реформы, носитъ въ себѣ начала зла: неизбѣжное увеличеніе пролетаріата изъ самаго бойкаго и способнаго народа, а потому и самаго опаснаго.

Обзоръ десятилѣтнихъ замѣтокъ.

Въ десятилѣтней сложности съ 1 Сентября 1852 по 1-е Сентября 1862 г.

Урожай.

За исключеніемъ сѣмянъ десятина дала:

	Четверти.	Мѣры.
Рожь	7	3
Пшеница	6	4
Овесъ	11	—
Гречиха	5	2

Цѣна съ доставкою въ ближайшіе города:

					Руб.	Коп.
Четверть:	Рожь въ	3 п.	5 ф.	....	2	80
›	Пшеница ›	10 ›	— ›	....	6	—
›	Овесъ ›	6 ›	— ›	....	1	50
›	Гречиха 8	8 ›	— ›	....	2	82

Десятина дала валового дохода:

Рожь	21	—
Пшеница	39	—
Овесъ	16	50
Гречиха	14	50

Урожай хлѣбовъ въ этомъ десятилѣтіи былъ почти тождественен съ урожаемъ предшествующаго десятилѣтія: процентъ урожая гречихи понизился, а процентъ урожая пшеницы повысился. При соображеніи доходности, приносимой тѣмъ или другимъ родомъ хлѣба, должно принимать въ расчетъ, что пшеница сѣется по сильно удобренной, а рожь, за небольшимъ исключеніемъ, по прѣсной землѣ, овесъ по лучшей, а гречиха по самой плохой землѣ; потому что гречиха, какъ лиственное растеніе, менѣе истощаетъ и болѣе разрыхляетъ землю сравнительно съ другими зерновыми хлѣбами, вслѣдствіе чего по гречишному полю озимые хлѣба родятся лучше, чѣмъ по овсяному.

Удобнаго времени для полевыхъ работъ въ десятилѣтней сложности причитается на каждый годъ по 6 мѣсяцевъ и 14 дней.

Климатическія условія замѣтно измѣняются къ худшему. Температура понижается, вѣтры усиливаются и большую часть года бушуютъ по обнаженнымъ полямъ. Съ истребленіемъ лѣсовъ рѣки мелѣютъ, почва земли лишена возможности удерживать влажность, необходимую для питанія растеній. Пора, пора правительству обратить вниманіе на охраненіе лѣсовъ отъ хищническаго хозяйства.

Отношеніе благополучныхъ къ тяжелымъ годамъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Благополучныхъ для нашего края 5
Тяжелыхъ по неудовлетворительному урожаю и состоянію здоровья.. 3
Бѣдственныхъ по причинѣ войны и состоянію здоровья 2

Цѣны на зерновые хлѣба въ послѣднемъ десятилѣтіи, сравнительно съ предшествовавшимъ десятилѣтіемъ, возрасли на 90%, а съ тѣмъ вмѣстѣ и доходность земли; но такъ какъ въ той же прогрессіи возвысились цѣны и на предметы, покупаемые земледѣльцами, то трудно опредѣлить, на сколько они выиграли отъ возвышенія цѣнъ на земледѣльческія произведенія.

Въ настоящее время, по случаю крестьянской реформы, всѣ умы въ слѣпомъ броженіи, а дѣла въ колеблющемся состояніи, и какое установится отношеніе труда къ землѣ, нельзя еще опредѣлить.

Руководясь правилами, изложенными въ обзорѣ предшествовавшаго десятилѣтія, я не встрѣчалъ особеннаго затрудненія въ веденіи моего маленькаго хозяйства послѣ освобожденія крестьянъ. Я думаю, если спокойствіе не будетъ нарушено какимъ-либо внезапнымъ взрывомъ, то, въ продолженіе двухъ-трехъ лѣтъ, всѣ дѣла устроются соотвѣтственно новому порядку, а при благоразумномъ распоряженіи доходы владѣльцевъ не уменьшатся; въ нравственномъ же отношеніи они выиграли не менѣе крестьянъ: крестьяне получили независимость отъ произвола владѣльцевъ, а владѣльцы освободились отъ отвѣтственной опеки надъ крестьянами.

Для уясненія и болѣе нагляднаго способа опредѣленія того состоянія, въ какомъ находились въ данное десятилѣтіе земледѣліе и хозяйство землевладѣльцевъ, я сдѣлалъ таблицу прихода и расхода по моему имѣнію, которое оставалось въ томъ же составѣ, въ какомъ было и въ прошедшемъ десятилѣтіи, т. е. состояло изъ 250 десятинъ земли и 120 душъ обоего пола крестьянъ...

Сличивъ таблицы даннаго десятилѣтія съ предшествовавшимъ, мы увидимъ, что въ общей сложности годовой доходъ имѣнія съ 668 р возросъ до 1206 р., т.-е. почти удвоился; какъ въ первомъ такъ и въ послѣднемъ десятилѣтіи проценты, платимые въ Опекунскій Совѣтъ причислены къ чистому доходу. Доходность десятины земли въ предшествовавшемъ десятилѣтіи опредѣлялась въ 2 р. 70 к., а въ послѣднемъ— 4 р. 80 к. По мѣрѣ возвышенія доходности земли, возвышалась и продажная цѣна земли; назадъ тому 10 лѣтъ земля продавалась отъ 30 до 40 р. за десятину, а въ настоящее время платятъ уже по 70 рублей и даже болѣе. Доходность имѣнія увеличилась преимущественно вслѣдствіе возвышенія цѣнъ на зерновые хлѣба и вообще не сельскіе продукты.

Годъ XXI-й.

Съ 1-го Сентября 1862 по 1-е Сентября 1863 года.

Съ 20 Августа 1862 года, по 4-е Сентября стояла превосходная погода: дни были жаркіе; ночи при полномъ сіяніи луны, теплыя; воздухъ до того былъ чистъ и пріятенъ, что не только люди съ изнѣженными и утонченными чувствами, но и рабочій людъ, вмѣсто подкрѣпленія себя сномъ послѣ тяжелаго труда, не ложились до полуночи, ведя между собою веселую бесѣду. Съ 5 Сентября погода начала хмуриться, вѣтеръ усиливаться, воздухъ холоднѣть. 11 числа выпалъ снѣгъ, который потомъ стаялъ. Съ того времени по 10 Октября ни дождя; ни снѣгу не было, всѣ дни бушевали буйные вѣтры, а по ночамъ сильные морозы. Всходы озимыхъ хлѣбовъ начали желтѣть и гибнуть и хотя въ концѣ Октября и въ началѣ Ноября погода была болѣе благопріятная для ихъ роста,

но не могли уже поправиться и были рѣдки. Вѣтры и морозы до того высушили землю, что она разсыпалась какъ зола. Въ продолженіе всей зимы не было ни сильныхъ морозовъ, ни бурь, ни паводковъ. Въ началѣ Марта на возвышенныхъ мѣстахъ, обращенныхъ къ полдню, показались прогалины. 29 Марта былъ первый ясный день, а 30 вскрылись рѣки и затѣмъ, послѣ обыкновенной весенней распутицы, продолжавшейся около двухъ недѣль, установилась ясная и теплая погода. Съ 15 Апрѣля по 15 Мая только два раза шелъ дождь. 15 Мая пронеслась съ Юго-Запада на Сѣверъ громадная туча съ бурею и сильною грозой, но дождь чуть-чуть оросилъ землю. На утро воздухъ охолодѣлъ, по разнымъ сторонамъ синѣлись группы густыхъ облаковъ и съ той поры до 6 Августа почти ежедневно шелъ мелкій дождь или такъ называемая *мга*, и погода стояла мрачная и суровая. Все время крестьяне работали въ полѣ одѣвшись. Впрочемъ, хотя такая погода была непріятна, но она благопріятствовала яровымъ хлѣбамъ и не мѣшала уборкѣ; бывало дождь едва успѣетъ оросить поле, а вѣтеръ уже высушилъ. Съ 6 Августа начались жары и продолжались до 8 Сентября. Въ продолженіе этого періода нѣсколько разъ временно небо покрывалось тучами, но вѣтеръ разносилъ ихъ. Ночи были въ полномъ смыслѣ очаровательныя, въ воздухѣ слышалось какое-то благорастворенie, словно весною.

Бывало, всегда владѣльцы оканчивали сѣвъ ранѣе крестьянъ, а въ настоящемъ году, вслѣдствіе реформы, наоборотъ крестьяне окончили сѣвъ озимыхъ хлѣбовъ къ будущему году къ 15 Августа, а владѣльцы продолжали сѣять до Сентября; но вообще погода стояла неблагопріятная для всхода и роста, озими были плохи и рѣдки. Сѣвъ овса производился въ Апрѣлѣ, т.-е. немедленно по слитіи воды. Сѣвъ гречихи производился въ теченіе всего Мая; каждый хозяинъ руководился особыми соображеніями и предположеніями о причинахъ постепеннаго упадка урожая гречихи. Несмотря на сырое холодное лѣто 1863 г., уборка хлѣбовъ шла такъ успѣшно, что многіе хозяева не только убрали хлѣбъ въ гумно, но успѣли перемолотить прямо съ поля гречиху, а это составляетъ важное условіе въ мелкомъ хозяйствѣ, гдѣ нѣтъ ни ригъ, ни молотилокъ: сберегается время для молотьбы другихъ хлѣбовъ зимою и солома на сушку хлѣба.

Настоящій годъ былъ тяжелъ по отношенію къ народному здоровью. Осенью 1862 и весною 1863 г. было много больныхъ, между дѣтьми свирѣпствовала корь, смертность была значительна, въ особенности много умерло дѣтей до 10-лѣтняго возраста.

Первый періодъ прекращенію крѣпостного права миновалъ, крестьяне начинаютъ знакомиться съ новымъ положеніемъ, помѣщики сознавать значительность потерь, какъ въ вещественномъ, такъ равно и въ

политическомъ отношеніи. Тѣ изъ нихъ, которые въ началѣ возникновенія вопроса о реформѣ, желая казаться людьми современными, съ заносчивостью ратовали за соціальный прогрессъ, въ настоящее время ропщутъ и порицаютъ правительство больше чѣмъ тѣ, которые заявляли желаніе, чтобы этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ въ духѣ охранительномъ. На этотъ фактъ можно указать какъ на доказательство той истины, что не краснорѣчивые витіи, не горячіе поборники прогресса составляютъ дѣйствительную и надежную опору правительства и порядка, а люди не легко поддающіеся увлеченію новыми идеями; медленно, но сознательно идутъ они впередъ, повѣряя каждый шагъ съ возможностью практическаго примѣненія. Теперь наступаетъ второй періодъ менѣе бурный, но болѣе трудный: разверстаніе земли, освобожденіе крестьянъ отъ обязательной и здѣльной повинности и устройство помѣщичьихъ имѣній на положеніи вольнонаемнаго труда. Нѣтъ сомнѣній, что и этотъ періодъ пройдетъ внутри Россіи безъ катастрофъ, чему много способствуетъ то обстоятельство, что въ Россіи ни одно сословіе доселѣ не было связано между собою никакими общими интересами, каждый субъектъ дѣйствовалъ особнякомъ, отсюда вытекала безусловная покорность предлежащимъ властямъ; но прекращеніе крѣпостного права вызоветъ сознаніе необходимости къ сближенію и къ образованію сословныхъ группъ для охраненія совокупными силами своихъ интересовъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ положится начало сословной борьбы. Къ отвращенію печальныхъ событій въ будущемъ, правительство должно призвать народъ къ участію въ управленіи посредствомъ періодическаго созыва народной думы. Такимъ образомъ оно, знакомясь съ дѣйствительными нуждами и положеніемъ каждой страны государства, въ тоже время будетъ знакомить и народы, населяющіе страну, черезъ ихъ представителей, съ государственными потребностями, а контроль думы положитъ предѣлъ своеволію и казнокрадству министровъ.

Хотя хорошій урожай и высокія цѣны на земледѣльческія произведенія облегчили нѣсколько тяжелое положеніе землевладѣльцевъ-дворянъ, но все-таки очевидно, что большая часть изъ нихъ не будетъ въ состояніи выдержать переворотъ и въ непродолжительномъ времени совсѣмъ стушуется. Конечно, въ экономическомъ отношеніи это обстоятельство не можетъ имѣть значенія для государства, но положитъ начало самому опасному пролетаріату, въ родѣ Польской мелкой шляхты, постоянно выступающей на первый планъ при всякомъ народномъ волненіи.

Польская война окончена! Чтò скажутъ объ этой войнѣ будущіе исторіографы въ своихъ лѣтописяхъ? Они запишутъ на своихъ скрижаляхъ, что въ 1863 г. положенъ конецъ Польскому возстанію, разо-

рившему весь Юго-Западный край, разскажутъ причину возстанія, кровавые эпизоды, взаимное ожесточеніе враждующихъ, доходившее до ужасающаго звѣрства; предадутъ поруганію имена обвиненныхъ предъ судомъ злодѣевъ; похвалятъ дальновидность политики сосѣдственныхъ державъ, которые въ видахъ ослабленія Россіи поощряли Польшу къ мятежу и потомъ съ убійственнымъ равнодушіемъ предали ее на жертву; похвалятъ и гуманность кратковременнаго управленія Польшею князя Константина, который... содѣйствовалъ развитію мятежа, но не разоблачатъ дѣяній истинныхъ виновниковъ разрушенія благоденствія обширной страны, не предадутъ ихъ имена анаѳемѣ. Грустно подумать, что правда нерѣдко скрывается въ неизвѣстности не только отъ современниковъ, но и отъ грядущихъ поколѣній.

Въ нынѣшнемъ году въ Прибалтійскихъ и лежащихъ по верховью Волги губерніяхъ сильно свирѣпствовала Сибирская язва, поражая скотъ, лошадей и людей.

Годъ XXII.

Съ 1-го Сентября 1863 года по 1-е Сентября 1864 года.

Съ 6 Августа и въ теченіе всего Сентября не упало капли дождя. Дни были жаркіе, а ночи теплыя и влажныя. Владѣльцы фруктовыхъ садовъ вынуждены были, для поддержанія жизни въ деревьяхъ, сильно поливать не только молодыя, но и старыя. Съ наступленіемъ Сентября вѣтеръ потянулъ съ Сѣвера, въ ночь на 3-е число термометръ показывалъ 5, а на слѣдующую ночь уже 9 градусовъ холода. Послѣ трехъ холодныхъ ночей вѣтеръ опять подулъ съ Юга, сдѣлалось тепло, и двѣ ночи сряду 6 и 7 числа были въ полномъ смыслѣ очаровательны: нужно было принудить себя войти въ домъ. 8-го числа вѣтеръ изъ южнаго перешелъ въ сѣверный и началась осень, сопровождаемая морозами, дождями и грязью. По 7-е Декабря небо постоянно было застлано не то тучами, не то туманомъ, изрѣдка шелъ снѣгъ, морозы держались на 10°; санный путь установился въ началѣ Декабря. Въ концѣ Января были сильные морозы, а 4 Февраля ртуть поднялась уже на 2 градуса выше точки замерзанія. Замѣчательно, что въ продолженіе всей осени и зимы вѣтеръ періодически черезъ каждые 2 сутокъ перемѣнялъ направленіе, переходя изъ южнаго прямо въ сѣверный, и обратно, южный наносилъ тучи, а сѣверный угонялъ тучи на Югъ и возстановлялъ ясную погоду. Со 2-го Марта южный вѣтеръ началъ преобладать надъ сѣвернымъ, потекли ручьи, лощины наполнились водой; 16-го всю ночь шелъ дождь, на утро проглянуло солнышко и вода дружно хлынула съ полей, рѣки вскрылись; разливъ воды былъ очень великъ. Вообще зима $18^{63}/_{64}$ гг. была кратковременна, малоснѣжна и тепла. Дороги во всю

зиму были хороши, цѣны на извозъ очень низки: отъ Ельца до Москвы платили отъ 15 до 20 к. съ пуда. Съ 15 Апрѣля по 15 Мая стояла холодная, суровая и сырая погода; по небу носились облака колоссальныхъ формъ, при появленіи которыхъ на горизонтѣ вѣтеръ, словно дикій звѣрь сорвавшійся съ цѣпи, вылъ, визжалъ, крутился и угонялъ ихъ въ безвѣстную даль. Воздухъ до того былъ холоденъ, что, несмотря на ежедневные дожди, деревья пріостановились распускаться, а травы и хлѣба расти; термометръ все время не подымался выше 6 градусовъ. Съ 15 Мая погода начала измѣняться: вѣтеръ утихъ, проглянуло солнышко, согрѣло землю, и почти ежедневно при полномъ свѣтѣ шелъ самый мелкій дождь, орошая землю на столько, на сколько необходимо для поддержанія въ ней влажности и размягченія грубой коры, образовавшейся вслѣдствіе бывшихъ въ началѣ весны сиверовъ. Цвѣтъ на плодовыхъ деревьяхъ, задержанный холодомъ, началъ быстро развиваться; поля, засѣянныя рожью и пшеницей, остававшіяся черными, начали зеленѣть и куститься съ такою силою, что въ теченіе десяти дней выросли на поларшина плотною стѣною. Вотъ ужъ болѣе 20 лѣтъ, какъ я занимаюсь хозяйствомъ, но подобнаго явленія не замѣчалъ. 25 Мая въ 5 часовъ пополудни показались одновременно тучи, на Сѣверѣ, на Западѣ и Юго-Западѣ; въ воздухѣ замѣтно было легкое колебаніе, тучи медленно сближались, по мѣрѣ ихъ сближенія колебаніе воздуха усиливалось, послѣдовало нѣсколько сильныхъ громовыхъ ударовъ и потомъ безумолчный грохотъ грома; тучи все ближе и ближе соединялись, все ниже и ниже опускались къ землѣ, мелкія облачка, притянутыя тучами, крутились, шныряли, опускались до поверхности земли и снова подымались вверхъ, какъ будто ища убѣжища отъ могучаго врага. Наконецъ изъ этой чудовищно-громадной черной массы полилъ ливнемъ дождь, черезъ нѣсколько минутъ земля покрылась водой, по ложбинамъ потекли рѣки, а рѣки разлились до небывалой высоты. Вода въ своемъ стремленіи уносила все, что̀ встрѣчала на пути: избы, хлѣбные скирды, мельничные амбары, мосты, гати, плотины; озимые хлѣба прибиты были къ землѣ, а въ низменныхъ мѣстахъ занесены иломъ. Туча эта хотя обнимала въ окружности не болѣе семи верстъ, но количество вылившейся изъ ней воды было такъ велико, что по рѣкамъ, протекающимъ въ этой мѣстности и по близости оной, Смѣньку,Ворглу и Красивой-Мечи, на протяженіи 40—50 верстъ, не уцѣлѣло ни одного моста, ни одной мельничной плотины. Въ теченіе всего Іюня и по 9 Іюля стояли засуха и жары, почему рано посѣянная гречиха оказалась зерномъ бѣднѣй поздней. Съ 9 Іюля жары начали ослабѣвать, зори холоднѣть, съ 16 по 26 ежедневно шелъ дождь. Захваченное этимъ дождемъ въ копнахъ и на рядахъ сѣно погибло. Къ концу Іюля дожди прекратились и снова начались жары и засуха.

Сѣвъ озимыхъ хлѣбовъ къ 1864 году по обыкновенію начался въ первыхъ числахъ Августа и продолжался до 25 числа. Рожь и пшеница, посѣянная до 10 Августа въ землю, сохранявшую еще достаточную влажность, взошли и укличились превосходно, а посѣянныя послѣ 15 числа въ сильно просохшую землю взошли кое-гдѣ, поля оставались черными; грачи, галки и голуби тысячами садились на пшеничные посѣвы и, вырывая зерна, разрывали и размягчали землю до состоянія пыли. Уборка хлѣба, несмотря на частые дожди въ послѣдней половинѣ Іюля, шла довольно успѣшно, чему отчасти способствовало то обстоятельство, что озимые хлѣба были чисты и солома просыхала скоро. Къ 16 Августа весь хлѣбъ за исключеніемъ гречихи былъ убранъ въ гумно, сѣмена приготовлены и большая часть озимыхъ хлѣбовъ къ 1864 г. посѣяна. Крестьяне убрали и перемолотили свою гречиху до 26 Августа, а владѣльческая оставалась въ полѣ до Сентября; потому что крестьяне, по отношенію къ количеству обработываемой ими земли въ яровомъ полѣ, сѣютъ гречихи мало, а больше овса, какъ продукта болѣе необходимаго въ ихъ домашнемъ быту; землевладѣльцы же, наоборотъ, сѣютъ больше гречиху, потому что она менѣе овса истощаетъ землю и сбытъ ея удобный и надежный.

Землевладѣльцы, принимая въ соображеніе, что въ нѣкоторыхъ Великороссійскихъ губерніяхъ урожай озимыхъ хлѣбовъ въ 1863 году былъ неудовлетворительный и что число винокуренныхъ заводовъ возросло въ теченіе этого года болѣе чѣмъ въ два раза противъ прежняго, ожидали высокихъ цѣнъ на хлѣбъ, но случилось наоборотъ: цѣны стояли во всю зиму очень умѣренныя. Въ нашей мѣстности повальныхъ эпидемическихъ болѣзней не было, но осенью и зимою много было больныхъ воспаленіемъ горла. Въ Прибалтійскихъ губерніяхъ и особенно въ Новгородской сильно дѣйствовала Сибирская язва: въ одномъ Новгородѣ число пораженныхъ этою болѣзнію, по мѣстнымъ статистическимъ свѣдѣніямъ, простиралось до тысячи человѣкъ.

Въ настоящемъ году упадокъ хлѣбныхъ цѣнъ на внутреннихъ рынкахъ произошелъ съ одной стороны по случаю удаленія войскъ въ Польшу и въ Западныя губерніи, а съ другой стороны отъ уменьшенія требованія хлѣбовъ на главнѣйшій центральный Московскій рынокъ по случаю закрытія въ Москвѣ и въ окружающихъ ея мѣстностяхъ фабрикъ, содержавшихъ до 150000 рабочихъ. Мнѣ кажется, что не столько высокія цѣны на хлопокъ и затрудненія въ полученіи онаго, сколько лишеніе покровительственнаго тарифа Русскихъ мануфактурныхъ произведеній составляетъ причину закрытія фабрикъ и что это же обстоятельство имѣло значительное вліяніе на пониженіе нашихъ курсовъ, такъ какъ ввозъ чужеземныхъ издѣлій увеличился, а вывозъ Русскихъ сырыхъ матеріаловъ остался тотъ же.

Несоразмѣрность цѣны труда съ цѣною произведеній земли въ нашей мѣстности лишаетъ землевладѣльцевъ возможности вести свое хозяйство по существующей системѣ въ прежнихъ размѣрахъ. Многіе помѣщики, опираясь на издѣльную повинность, еще не вполнѣ сознали свое положеніе; издѣльная повинность не можетъ долго оставаться, да и сами помѣщики должны желать скорѣй покончить съ этимъ неопредѣленнымъ состояніемъ, незамѣтно ведущимъ къ разстройству ихъ дѣлъ и къ непріятнымъ столкновеніямъ съ крестьянами. Въ настоящее время трудно разгадать, чѣмъ разрѣшится для помѣщиковъ хозяйственно-земледѣльческій вопросъ, но теперь уже замѣтно разрушеніе и запустѣніе ихъ усадьбъ, на устройство которыхъ положено было много трудовъ, заботъ и денегъ.

Бытъ крестьянъ со времени прекращенія крѣпостного права въ вещественномъ положеніи нисколько не улучшился. Освободившись изъ подъ власти помѣщиковъ, они дали волю своимъ грубымъ наклонностямъ, предались безграничному пьянству, разврату и ссорамъ, вызывающимъ семейные дѣлежи, влекущіе за собою разстройство хозяйства и обѣднѣніе; между тѣмъ общественныя и государственныя повинности съ каждымъ днемъ увеличиваются. Безстыдство женскаго пола, вслѣдствіе семейной распущенности, дошло до высочайшей степени. Прежде въ сельскомъ быту рѣдко случалось, чтобы женщина измѣняла своимъ супружескимъ обязанностямъ, а если и бывали случаи, то тщательно были скрываемы не только отъ членовъ семейства, но и отъ постороннихъ; въ настоящее же время крестьянки съ наглостью эмансипированныхъ придворныхъ дамъ хвастаются своимъ распутствомъ. При такомъ пониженіи нравственнаго уровня и безвозбранныхъ семейныхъ раздѣлахъ едва ли можно ожидать улучшенія быта крестьянъ.

Въ 1864 году изданы два весьма важныхъ законоположенія: земское учрежденіе и судебный уставъ. О первомъ еще нельзя сказать насколько оно будетъ полезно въ практическомъ примѣненіи; что же касается до второго, то, несмотря на здоровыя начала, позаимствованныя изъ Англійскихъ и Французскихъ кодексовъ, едва ли будутъ пригодны для Россіи. Въ Англіи и во Франціи населеніе густо и занимаетъ относительно небольшую территорію, а населеніе Россіи разбросано на громадныхъ пространствахъ; тамъ судебные уставы вырабатывались изъ народной жизни вѣками, въ Россіи же будутъ введены единовременно. Мнѣ кажется, что улучшенія судебной части можно было бы достигнуть, не прибѣгая къ крутой реформѣ, допущеніемъ гласности, устраненіемъ вліянія на судебныя учрежденія административныхъ властей и увеличеніемъ содержанія членамъ суда и канцелярскимъ чиновникамъ. Не форма судопроизводства даетъ народамъ правый судъ и обезпеченіе

личности и собственности, а добросовѣстное и строгое исполненіе законовъ. Стоитъ заглянуть въ исторію Англіи, чтобы убѣдиться, къ какимъ тиранствамъ и вопіющимъ насиліямъ прибѣгали объѣздные суды и палаты, подчиняя право произволу.

По внѣшности кажется, будто Россія быстро идетъ впередъ; но, всматриваясь глубже въ порядокъ вещей, видимъ, что нити, связывавшія государство, разрываются, а вновь налагаемыя связи не успокоиваютъ умы, но угрожаютъ бѣдственной атмосферой. Не даромъ красная, бездомная и неспособная къ существенному труду сволочь, какъ хищный воронъ, каркаетъ и издѣвается надъ всѣмъ, что̀ составляетъ нравственную жизнь общества. Куда ни поглядишь, вездѣ какой-то разладъ, какая-то безмолвная анархія. Въ торговлѣ застой, цѣны на земледѣльческія произведенія падаютъ, государственные долги растутъ въ громадныхъ размѣрахъ, курсъ понижается, сборы увеличиваются, помѣщики и крестьяне бѣднѣютъ и разоряются, продолжительныя прогулки членовъ Царской фамиліи и аристократовъ за границею извлекаютъ изъ государства громадные капиталы, трудно достающіеся Русскому народу. Правительственные органы хотя и убаюкиваютъ общественное мнѣніе надеждою на какіе-то великолѣпные результаты совершающихся реформъ, но реформы, цивилизація и прогрессъ—прекрасныя вещи только тогда, когда они руководятся твердою, разумною волею, преданною всецѣло народнымъ интересамъ. Каждый разъ, когда я размышляю о настоящемъ положеніи дѣлъ, я спрашиваю самъ себя, почему мнѣ представляется такимъ печальнымъ настоящее и такимъ безотраднымъ будущее Россіи? Не потому ли, что отмѣна крѣпостного права болѣе или менѣе коснулась личныхъ моихъ интересовъ? Нѣтъ, едва ли кто такъ живо сочувствовалъ отмѣнѣ этого противоестественнаго права. Не потому ли, что я, какъ всѣ старики, привязанъ къ своему прошедшему? Нѣтъ, я не поборникъ старыхъ порядковъ, въ нихъ было много такого, чему давно не слѣдовало быть; напротивъ, я отъ души радуюсь всякому разумному нововведенію. Не потому ли, что умъ въ извѣстномъ возрастѣ принимаетъ скептическое направленіе? Нѣтъ, я еще не дошелъ до этого грустнаго состоянія. Не потому ли, что я отсталъ отъ вѣка и потерялъ способность понимать духъ и требованія настоящаго времени? Нѣтъ, я постоянно слѣжу и наблюдаю за развитіемъ и направленіемъ народныхъ идей. Не потому ли, что уединенная и однообразная жизнь болѣе располагаетъ къ мрачнымъ, чѣмъ къ отраднымъ мыслямъ? Нѣтъ. Добровольное уединеніе, убаюкивая страсти, дѣлаетъ сердце человѣческое доступнѣе всякому пріятному впечатлѣнію. Наконецъ, что же внушаетъ мнѣ этотъ страхъ за будущее? Упадокъ религіозности и полное отсутствіе нравственныхъ основаній во всѣхъ клас-

сахъ и особенно въ высшихъ аристократическихъ и чиновныхъ сферахъ. Одно спасеніе: „консервативная конституція“.

Годъ XXIII-й.

Съ 1-го Сентября 1864 г. по 1-е Сентября 1865 г.

Октябрь начался очень суровою погодою: снѣгъ и морозы; между 5 и 15 числами было нѣсколько тихихъ и теплыхъ дней, воздухъ былъ влажный и свѣжій, вдыхать его въ себя было наслажденіемъ. Съ 16-го вновь начались морозы, снѣгъ легко прикрылъ землю. Полагали, что установилась постоянная зима, но случилось наоборотъ: съ Ноября подулъ южный вѣтеръ, нагналъ тучи, пошелъ дождь, снѣгъ сталъ. Непроницаемый туманъ болѣе недѣли закрывалъ свѣтъ такъ, что дни шли за подрядъ съ ночью. Потомъ снова начались морозы, достигавшіе 20 градусовъ, поля оставались совершенно обнаженными, озимые всходы почернѣли, ѣздить не было возможности ни на саняхъ, ни на колесахъ; земля трескалась и образовывались глубокія разсѣдины. Около 15 Декабря выпалъ снѣгъ, обозы двинулись по разнымъ направленіямъ; въ началѣ Генваря опять была оттепель и только съ 25 Февраля установилась ясная погода, продолжавшаяся до открытія весны. Рѣки вскрылись 22 Марта, разлива воды почти не было; 3 Апрѣля начали пахать землю подъ яровое, но производить посѣвъ овса не было возможности по случаю чрезвычайнаго холода и снѣга, который шелъ ежедневно и крутился вѣтромъ словно въ первозимье. 1-го Мая былъ первый ясный день, но недолго потѣшало бѣдныхъ земледѣльцевъ красное солнышко: съ 5-го числа по 15-е безумолкно ревѣлъ вѣтеръ, по временамъ превращавшійся въ бурю. 15-го числа весь день шелъ сильный дождь, промочившій глубоко землю; поля начали оживать. Любо было смотрѣть на быстрое развитіе растительности; съ 24 числа наступили жары; 3-го Іюля прошелъ сильный дождь, затѣмъ наступила засуха; мѣстами были тучевые сильные дожди, причинившіе болѣе вреда, чѣмъ пользы; въ той же мѣстности, гдѣ я живу, съ 3-го Іюля по 10-е Августа не упало ни капли дождя. Во второй половинѣ Августа и въ Сентябрѣ часто шелъ дождь, сопровождавшійся сильными вѣтрами и холодомъ.

Съ нѣкотораго времени многіе землевладѣльцы начали производить посѣвы озимыхъ хлѣбовъ ранѣе противъ усвоеннаго обычаемъ срока, такъ, напр., въ настоящемъ году, значительная часть полей засѣяна была въ Іюлѣ. Рожь и пшеница, посѣянные до 15 Августа, взошли и росли хорошо, а посѣянные послѣ 15-го не успѣли уклочиться по причинѣ засухи и ранняго наступленія холодовъ. Овесъ сѣяли около половины Апрѣля, а всходить началъ въ Маѣ, оставаясь болѣе 2 недѣль въ землѣ безъ росту, взошелъ весьма рѣдокъ. Сѣвъ гречихи производился

во второй половинѣ Мая. Уборка шла очень успѣшно, только гречиха, по случаю бывшей въ Сентябрѣ ненастной погоды, оставалась въ полѣ до Октября.

Вообще урожай какъ въ Орловской, такъ равно во многихъ другихъ Великороссійскихъ губерніяхъ, особенно въ Московской, былъ крайне скуденъ; къ довершенію затрудненія въ продовольствіи, картофель, составляющій большое подспорье въ крестьянскомъ быту, не вызрѣлъ до наступленія сильныхъ морозовъ, которыми и побитъ на цвѣту.

Дороги, какъ и всегда въ малоснѣжныя зимы, были хороши. Требованіе хлѣба въ портовые города незначительное, овесъ дешевъ, а потому цѣны за извозъ были баснословно низкія: отъ Ельца до Москвы платили не дороже 18—20 к. съ пуда.

Въ Елецкомъ уѣздѣ не было никакихъ повальныхъ болѣзней. Въ Петербургѣ свирѣпствовалъ тифъ, и смертность была значительна. Въ Сибири, по газетнымъ извѣстіямъ, половина скота и лошадей погибла отъ Сибирской язвы; въ восточныхъ губерніяхъ, Оренбургской, Саратовской, Самарской и частью Астраханской, народъ умиралъ отъ голода; скотъ почти весь погибъ: недостатокъ въ продовольствіи былъ такъ великъ, что давали двухъ воловъ за прокормъ третьяго. Западный край, разоренный двухлѣтней внутренней войной, также много терпѣлъ отъ недостатка въ продовольствіи.

1864—65 г. былъ бѣдственъ для многихъ областей Россіи: въ западной Россіи—Сибирская язва, въ юго-восточномъ краѣ—неурожай, въ западныхъ губерніяхъ безурядица и пожары, въ Прибалтійскомъ краѣ большая смертность отъ тифа. Теперь правительству трудно бороться съ необходимостью помогать народу въ голодные годы.

Предсказанія мои по отношенію къ нѣкоторымъ реформамъ вполнѣ оправдываются, такъ, напр., когда продажная журналистика въ 20 голосовъ кричала объ отмѣнѣ покровительственнаго тарифа, я доказывалъ гдѣ могъ и занесъ въ свою записную книгу, что наши фабрики и мануфактуры находятся въ такой слабой степени развитія, что лишить ихъ покровительственнаго тарифа значитъ убить ихъ окончательно и поставить Россію въ зависимость отъ другихъ государствъ; теперь тѣже самые проповѣдники свободной торговли громче прежняго орутъ, требуя возстановленія охранительнаго тарифа. Точно также всѣ журналы въ одинъ голосъ пѣли хвалебные гимны преобразованію Опекунскаго Совѣта въ Государственный Банкъ, а въ настоящее время еще съ бо̀льшимъ энтузіазмомъ порицаютъ эту реформу, обзывая ее святотатственнымъ дѣломъ, о чемъ тогда же было много заявлено въ одномъ изъ моихъ писемъ, которое включено, въ числѣ другихъ, въ особой переплетенной тетради.

Повсемѣстные пожары наводятъ ужасъ. По изслѣдованіямъ оказывается, что пожары происходятъ отъ поджоговъ: отчаяніе и безсильная злоба безпомѣстной Польской молодежи вызвали мысль къ составленію общества поджигателей, чтобы возбудить неудовольствіе противъ Русскихъ въ жителяхъ Литвы и Польши. И вотъ горятъ города, мѣстечки и села не только въ Литвѣ и Польшѣ, но и во внутреннихъ губерніяхъ. Симбирскъ, Козловъ и другіе города, со множествомъ селъ и деревень, стали жертвой мести. Никакая цѣль не можетъ оправдать такого грустнаго варварства. Поляки заклеймили свою народность такимъ черным дѣломъ, котораго не смыть имъ никогда.

Въ 1865 году въ Египтѣ открылась холера. Египетскій владѣтельный паша, подъ предлогомъ свиданія съ султаномъ, бѣжалъ изъ своихъ владѣній. Изъ Египта холера перешла въ Константинополь, гдѣ въ теченіе одного мѣсяца (по газетнымъ извѣстіямъ) умерло 50000 человѣкъ. Въ тоже время холера свирѣпствовала въ приморскихъ городахъ: Анконѣ, Марсели, Гибралтарѣ, а въ концѣ осени перебралась въ Закавказскія провинціи. Правительства Европейскихъ державъ, убѣдившись, что холера, какъ и всѣ прочія эпидеміи, заразительна, составили общенародную санитарную комиссію, для устраненія причинъ зарожденія холеры въ Аравіи, гдѣ она постоянно гнѣздится, вслѣдствіе благопріятствующихъ условій.

Годъ XXIV-й.

Съ 1-го Сентября 1865 по 1-е Сентября 1866 года.

Въ первыхъ числахъ Сентября перепадали дожди, а съ 10 числа начались морозы. 29-го выпалъ снѣжокъ; въ Октябрѣ и въ Ноябрѣ, за исключеніемъ немногихъ дней, шелъ дождь, земля оттаяла и образовалась непроходимая грязь. Во все время густой туманъ покрывалъ землю и только къ концу мѣсяца прояснѣло, начались морозы. Санный путь установился въ началѣ Декабря; вѣтеръ черезъ каждые два дня перемѣнялъ направленіе, переходя прямо изъ сѣвернаго въ южный и обратно. Соотвѣтственно направленію вѣтра понижалась и повышалась температура воздуха. Во всю зиму не было ни сильныхъ морозовъ, ни оттепелей. Съ 7-го Марта снѣгъ началъ таять, съ возвышенныхъ мѣстъ потекли ручьи, а 17 Марта вскрылись рѣки, разливъ воды былъ незначительный. Съ открытія весны по 8-е Апрѣля было тепло и два раза шелъ дождь, деревья начали распускаться, а озимые хлѣба и трава тронулись въ ростъ. Въ ночь на 9-е число небо подернулось густыми облаками, изъ которыхъ нѣсколько дней сряду сыпались снѣгъ и гололедка; между 15 и 17 безумолкно дулъ южный вѣтеръ съ такою силою, что не было никакой возможности заниматься полевыми работами: 17-го

вѣтеръ утихъ, а 18-го въ первый разъ закричали лягушки. По замѣчанію крестьянъ, весьма справедливому, крикъ лягушекъ возвѣщаетъ начало благопріятнаго времени для сѣва овса; но условіе это примѣнимо только въ крестьянскомъ быту, потому что на обработку земли, по количеству овса, высѣваемаго крестьянскою семьей, требуется времени не болѣе 3—4 дней, между тѣмъ у помѣщиковъ сѣвъ и перепашка овса продолжаются болѣе недѣли, слѣдовательно было бы крайне рискованно ожидать лягушачьяго крика. Нынѣшнею весною ко дню св. Георгія (23 Апрѣля) деревья распустились и на березахъ листъ былъ въ копѣйку, что̀ бываетъ рѣдко и, по замѣчанію старожиловъ, предзнаменуетъ погожее лѣто. 2 Мая перешелъ сильный дождь, затѣмъ настали засуха и жары. Въ концѣ Іюня были по ночамъ морозы, погубившіе на половину гречишные всходы. Въ Іюлѣ нерѣдко перепадали тучевые дожди, почти всегда смѣшанные съ градомъ, болѣе или менѣе крупнымъ и вреднымъ. Въ Августѣ и въ первой половинѣ Сентября дождей не было.

Сѣвъ озимыхъ хлѣбовъ къ 1866 году по обыкновенію начался, въ началѣ Августа; земля была влажна; всходы озимыхъ, посянныхъ въ первой половинѣ Августа, такъ были густы и рослы, что необходимо было стравливать скотомъ, а посѣянные во второй половинѣ рожь и пшеница росли туго и не успѣли уклочиться. Овесъ начали сѣять съ 4 Апрѣля, но по случаю бывшихъ морозовъ и холода, продолжавшагося съ 9 по 15 Апрѣля, овесъ болѣе двухъ недѣль не всходилъ.

Уборка вслѣдствіе ранней весны и жаркаго лѣта началась недѣлею ранѣе противъ обыкновеннаго, съ 9-го Іюля; къ 4-му Августа весь хлѣбъ, за исключеніемъ гречихи, былъ въ гумнѣ.

Мѣстами появлялась холера, но дѣйствія ея были слабы.

Съ 8-го по 23 Декабря 1865 г. я находился въ Орлѣ, участвовалъ въ Дворянскомъ Собраніи. Разсуждали о многомъ и ни къ какому результату не пришли: спорили, кричали, какъ на лапотной сходкѣ, и кончили тѣмъ, что выбрали въ губернскіе предводители человѣка, къ которому не имѣли ни малѣйшаго сочувствія. Избранный дѣйствительно оказался аристократическимъ фатомъ и аферистомъ, но ловкимъ и способнымъ управлять собраніемъ.

19 Марта 1866 г. было открыто первое Елецкое Земское Собраніе. Это благодѣтельное по мысли народное учрежденіе, предназначенное для приспособленія народа къ самоуправленію въ своихъ экономическихъ дѣлахъ, на первомъ же шагу сдѣлалось ареною мелочныхъ своекорыстныхъ интригъ, во главѣ которыхъ стоялъ уѣздный предводитель дворянства Ко̀ротневъ, который, вслѣдствіе разстроенныхъ обстоятельствъ, желалъ быть избраннымъ въ предсѣдатели Земской Управы

съ правомъ распоряжаться дѣлами земства самовластно. Для достиженія этой цѣли онъ при избраніи гласныхъ употреблялъ самыя неблаговидныя мѣры къ недопущенію въ гласные всѣхъ тѣхъ, которые могли ему поперечить. Такое, болѣе чѣмъ недобросовѣстное, дѣйствіе въ общественномъ дѣлѣ предводителя представляетъ печальный фактъ, тѣмъ болѣе непріятный, что Коротневъ пользовался искреннимъ расположеніемъ Елецкихъ дворянъ за его энергическую дѣятельность при введеніи въ исполненіе Положенія 19 Февраля о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. Еще болѣе грустный фактъ выразился въ томъ, что изъ 72 уѣздныхъ гласныхъ, составлявшихъ Елецкое земское собраніе, не было 3—4 лицъ, которыя приняли бы на себя трудъ поближе ознакомиться съ земскимъ учрежденіемъ и подавать голосъ сознательно: весь интересъ сосредоточивался на томъ, кто будетъ избранъ въ члены Управы. Къ стыду дворянъ, должно сознаться, что гласные отъ города и отъ крестьянъ, хотя играли пассивную роль, но держали себя примѣрно и со вниманіемъ слѣдили за возникавшими вопросами [1]).

Губернское земское собраніе открылось 7-го Мая, имѣло 15 засѣданій. Составъ гласныхъ, по сравненію съ уѣзднымъ составомъ, былъ болѣе развитой. Предметами разсужденій были регламентъ собранія, способъ оцѣнки имуществъ для раскладки земскаго сбора и инструкціи Губернской Управѣ; остальное время убито на пренія и рѣчи, не имѣвшія въ основаніи опредѣленной цѣли. Между гласными лѣсныхъ и степныхъ уѣздовъ возникло недовѣріе въ стремленіи къ неравномѣрному распредѣленію налоговъ. Предсѣдателемъ Губернской Управы избранъ Блохинъ, человѣкъ весьма дѣятельный. Въ составъ членовъ Управы вошли люди благонамѣренные и честные, но вовсе не подготовленные къ серьезному труду. Въ числѣ прочихъ и я былъ избранъ членомъ Управы и принялъ эту обязанность, кромѣ другихъ причинъ, по настоянію бывшихъ моихъ товарищей по Орловскому крестьянскому комитету.

Польская пропаганда выслала въ Петербургъ одного изъ сумасбродныхъ фанатиковъ Саратовскаго дворянина Каракозова для цареубійства, который во время гулянья въ Лѣтнемъ Саду, при многочисленномъ стеченіи народа, выстрѣлилъ изъ револьвера въ Государя; но выстрѣлъ былъ счастливо отведенъ уроженцемъ Костромской губерніи Комисаровымъ, потомкомъ Сусанина [2]). Слѣдствіе по этому дѣлу

[1]) Сличить письма Ю. Ѳ. Самарина къ кн. Черкасскому во второй книгѣ о князѣ Черкаскомъ, сочиненія княжны О. Н. Трубецкой. П. Б.

[2]) Нѣкоторые очевидцы и лица близко освѣдомленныя утверждаютъ, что Осипъ Ивановичъ Комисаровъ былъ тутъ не причемъ и что спасеніе приписалъ ему случайно Э. И. Тотлебенъ, народная же молва о заговорѣ высокихъ лицъ была вполнѣ лживая. П. Б.

было возложено на стараго генерала М. Муравьева. Что было имъ открыто—осталось тайною; народная же молва гласитъ, будто Муравьевъ раскрылъ, что во главѣ заговора на жизнь Государя стояло высокопоставленное лицо и будтобы, для сокрытія истины, Муравьевъ былъ отравленъ. Поводомъ къ такой молвѣ послужило странное поведеніе въ Польшѣ, возбуждавшее общее народное негодованіе... Конечно, все это только предположенія, не имѣющія фактовъ, но такъ какъ многими событіями доказана истина изреченія «гласъ народа—гласъ Божій», то нѣтъ сомнѣнія, что и въ основаніи предположеній лежитъ зерно, изъ котораго они выродились. Въ настоящее смутное время, когда цѣпи, связующія государственное тѣло, порваны, а новое еще только куется, смерть Царя была бы гибельна для Россіи.

Европа сильно взволнована вслѣдствіе интригъ Наполеона III и завоевательныхъ замысловъ Прусскаго министра Бисмарка. Смуты разрѣшились кровопролитной войной съ одной стороны Пруссіи и Италіи, а съ другой стороны—Австріи и мелкихъ государствъ Германскаго союза. Результатами были: раздѣленіе Германскаго союза на Южный и Сѣверный. Непосредственное присоединеніе къ Пруссіи Ганноверскаго королевства, Шлезвигскаго, Голштинскаго и Лауенбургскаго герцогствъ; исключеніе Австріи изъ Германскаго союза; подчиненіе Сѣвернаго союза въ политическомъ, военномъ и торговомъ отношеніяхъ Пруссіи; присоединеніе къ Италіи Венеціанской области съ знаменитыми крѣпостями, извѣстными подъ названіемъ грознаго четерехугольника, за который переступать непріятелю почиталось гибельнымъ дѣломъ. Россія, ослабленная предшествовавшими войнами и внутренними реформами, играла въ этой кровавой комедіи пассивную роль, хотя и крѣпко сердилась на Пруссію за Голштинское герцогство.

Годъ XXV.

Съ 1-го Сентября 1866 по 1-е Сентября 1867 года.

Осень была продолжительная, первый снѣгъ выпалъ въ концѣ Октября, затѣмъ до Рождества легкіе морозы смѣнялись оттепелями, въ продолженіе которыхъ выпадавшій снѣгъ стаивалъ дочиста. 2 и 3 Января шелъ проливной дождь, рѣки вскрылись, разливъ воды былъ на уровнѣ обыкновеннаго весенняго разлива, ѣзда прекратилась. Въ ночь на 5-е число начинало морозить, но къ утру термометръ снова поднялся на 3 градуса тепла; воздухъ, перемѣшанный съ отдѣлившимися отъ земли парами, походилъ на какую-то мутновлажную стихію, не имѣвшую еще названія. Озими начали подымать перушки кверху и готовиться къ росту, но задержаны были наступившими морозами, которые во всю

зиму, до вскрытія весны, періодически смѣнялись оттепелями. Ледоходъ начался въ первыхъ числахъ Апрѣля, вода сливалась недружно, три раза рѣки понижались до уровня и потомъ, вслѣдствіе дождей, снова выступали изъ береговъ. Вода поднималась съ такою быстротою и силою, что подрядчики не успѣвали спасать временныхъ земскихъ мостовъ и паромовъ на перевозкахъ; народъ жаловался на медленность и неудовлетворительность переправъ и особенно Орловскіе купцы, относя это къ дурному распоряженію земства, которымъ они были недовольны за то, что оно привлекло ихъ къ платежу земскихъ сборовъ въ большемъ противъ прежняго размѣрѣ. Всю весну и начало лѣта стояла суровая погода и хотя нерѣдко перепадали дожди, но всегда сопровождались холодными вѣтрами. Ночью на 18-е Іюня я былъ въ дорогѣ; ямщикъ, одѣтый, въ полушубокъ, безпрестанно вскакивалъ съ козелъ погрѣться, ворча сердито: „вотъ оно лѣто каково—въ Петровки живота не согрѣешь». Въ концѣ Іюля наступила засуха и продолжалась до 20 Іюля. Жара была нестерпимая, ртуть поднималась на 35 градусовъ по Реомюру и даже выше. Рожь поспѣла около 20 Іюня, но къ уборкѣ медлили приступать, потому что съ этого времени начались ежедневные дожди, прекратившіеся не ранѣе Августа, съ наступленіемъ котораго прекратилась ясная погода, продолжавшаяся около трехъ недѣль, а потомъ опять начались дожди. Земледѣльцы потерпѣли значительный ущербъ въ хлѣбѣ, особенно пострадали отъ погоды и неурожая въ западныхъ уѣздахъ Орловской г. Вообще какъ зима, такъ равно весна и лѣто были въ высшей степени неблагопріятны для произрастенія и уборки хлѣбовъ.

Сѣвъ озимыхъ хлѣбовъ къ 1867 году происходилъ въ Августѣ, осень была благопріятная для роста, всходы были густы и хороши.

Уборка въ 1866 г. началась позднѣе обыкновеннаго и была задержана дождями. Много хлѣба погибло въ полѣ и въ скирдахъ: у нѣкоторыхъ хозяевъ рожь оставалась въ полѣ до наступленія зимы.

Въ теченіе 1866—1867 г. Народное здоровье вполнѣ было удовлетворительно, не смотря на сырую зиму, суровую весну и предсказанія врачей, что въ этомъ году разовьется по всей Россіи холера.

Недостатокъ продовольствія, вслѣдствіе неурожая озимыхъ хлѣбовъ, въ 1867 г. открылъ важную ошибку правительства, которое, руководствуясь либеральными идеями, господствовавшими во время совершавшейся крестьянской реформы, предоставило сельскіе запасные магазины въ непосредственное распоряженіе крестьянъ; они же, не думая долго, разобрали весь запасной хлѣбъ безъ всякой въ немъ нужды и такимъ образомъ лишили себя источника пособія въ неурожайные годы, подобные 1867 г.

Около половины Іюля 1867 г. появился въ громадномъ количествѣ

червь на лебедѣ, которой въ этомъ году было болѣе, чѣмъ ржи; въ продолженіе немногихъ дней червь поѣлъ лебеду и перекочевалъ на яровыя поля; овса почти не трогалъ, потому вѣроятно, что овесъ уже подсохъ и не могъ служить пищею, но горохъ и лёнъ немедленно были пожраны; въ раннихъ гречихахъ объѣли листъ и кожечку на стебляхъ, въ позднихъ же гречихахъ, не успѣвшихъ завязаться и налиться, съѣдали цвѣтъ и самую завязь; но къ счастію скоро начались холодныя зори и червь началъ колѣть и зарываться въ землю. Наружный видъ червя: длиною ³/₄ вершка; когда питался лебедой—имѣлъ цвѣтъ зеленый, а когда перекочевалъ на яровые хлѣба, принялъ коричневый цвѣтъ, вдоль всей спины проходила золотисто-зеленая полоса, пересѣкаемая на сгибахъ красными пятнышками; настоящихъ лапокъ шесть, ложныхъ четыре. Родителями этого червя, можно полагать, были мелкія сѣровато-желтыя бабочки, летавшія большими стадами въ прошедшую осень.

Первое очередное Губернское Собраніе открылось 1-го Декабря 1866 г., имѣло 18 засѣданій. Губернскіе гласные, какъ водится во всѣхъ собраніяхъ, говорили много, спорили о пустякахъ, постоянно уклонялись отъ такихъ предметовъ, которые требовали усиленной работы и серьезныхъ соображеній; каждому хотѣлось блеснуть своимъ умишкомъ, хватавшимъ только на мелочи. Иного и ожидать было нельзя, потому что мы, Русскіе, не привыкли еще къ обсужденію общественныхъ дѣлъ: самый легкій личный интересъ для насъ дороже важнаго общественнаго интереса. Одна часть гласныхъ по ограниченности своего кругозора не могла отрѣшиться отъ сословныхъ преимуществъ и понять обязанность, соединенную съ званіемъ гласнаго, а другая вовсе ничего не думала и рада-рада была, когда какой нибудь аристократъ привѣтитъ любезнымъ словцомъ или пригласитъ обѣдать. Аристократы по имуществу и по происхожденію относились къ крестьянамъ несравненно эгоистичнѣе дворянъ средней руки. Такъ, напр., бывшій Орловскій губернаторъ, а нынѣ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ князь Лобановъ-Ростовскій на замѣчаніе мое о необходимости оказать крестьянамъ содѣйствіе къ развитію въ средѣ ихъ грамотности и ремесленныхъ знаній, отвѣчалъ, что на крестьянъ должно смотрѣть какъ на рабочую силу и заботиться объ нихъ настолько, на сколько требуетъ этого производительность. А предсѣдатель Губернскаго Земскаго Собранія губернскій предводитель дворянства Шереметевъ на предложеніе, сдѣланное мною въ антрактѣ засѣданія, объ освобожденіи крестьянъ отъ натуральныхъ повинностей, которыя обходятся имъ несравненно дороже, чѣмъ будутъ стоить при переводѣ оныхъ на денежныя, отвѣчалъ съ запальчивостью: «Чортъ ихъ возьми, я объ нихъ думать не намѣренъ». Вслѣдствіе такого взгляда руководителя собранія, всѣ серьезные доклады Губернской Управы, пря-

мо относившiеся къ нуждамъ сельскаго населенія, оставлены были безо всякаго вниманія и даже безъ прочтенія, по ничтожнымъ же вопросамъ продолжались пренія по два засѣданія. Предсѣдатель собранія видимо потѣшался паясничествомъ нѣкоторыхъ пресловутыхъ говоруновъ. Дѣятельность собранія ограничилась утвержденіемъ губернской смѣты и выдачею уполномочія избраннымъ изъ среди гласныхъ депутатамъ для исходатайствованія концессіи на сооруженіе Орловско - Витебской жел. дороги; депутатами были избраны Шереметевъ, Хлюстинъ и Хвостовъ.

Въ началѣ крестьянской реформы правительство покровительствовало соціальнымъ идеямъ, а потомъ, напуганное покушеніемъ Каракозова на жизнь Царя, перешло на сторону высшей чиновной бюрократіи, которая, дѣйствуя деспотически, вызвала въ обществѣ такое мнѣніе, что крѣпостное право съ крестьянъ перешло на дворянъ и гражданъ. Крутой поворотъ правительства особенно чувствительно отозвался на земскихъ учрежденіяхъ, стремившихся, на основаніи дарованныхъ имъ правъ, къ самостоятельности въ дѣлахъ внутренняго земскаго хозяйства; отсюда возникли пререканія съ мѣстными и высшими административными властями, которымъ трудно было отрѣшиться отъ прежняго неограниченнаго произвола и подчинить свои дѣйствія строгому смыслу закона. Самыми лютыми врагами земскихъ учрежденій оказались правители дѣлъ губернаторскихъ канцелярій, совѣтники губернскихъ правленій, чиновники управленія государственныхъ имуществъ и полиціи, потому что главныя доходныя части управленія перешли въ вѣдѣніе земства, которое, дѣйствуя честно, парализировало лихоимство.

Весною 1867 года въ Парижѣ была всемірная выставка, которую по приглашенію Французскаго императора, посѣтили почти всѣ Европейскія коронованныя особы и Русскій Царь. Во время прогулки Государя съ Наполеономъ по Булонскому парку, какой-то Полякъ Березовскій сдѣлалъ выстрѣлъ по Государю изъ револьвера, но, къ счастью Россіи, далъ промахъ. Березовскій былъ судимъ и приговоренъ къ вѣчному заключенію. Французы выказали болѣе сочувствія къ Березовскому, чѣмъ къ событію.

Годъ XXVI-й.

Съ 1-го Сентября 1867 по 1-е Сентября 1868 г.

Осень была сырая и благопріятная для роста озимей; первый снѣгъ выпалъ въ концѣ Октября, санной путь начался въ Ноябрѣ; зимою снѣгъ падалъ въ большомъ изобиліи и такъ какъ оттепелей и осадки снѣга не было, то онъ разсыпался какъ песокъ: дороги были изрыты сплошными ухабами. Въ концѣ Февраля и въ началѣ Марта холодъ

достигалъ баснословной степени. Термометръ поднимался до 33—34 градусовъ. Вскрытію рѣкъ обыкновенно предшествуютъ ясные дни, а въ настоящемъ году туманная и сумрачная погода. Рѣки прошли въ началѣ Апрѣля; съ того времени по 20 Іюля стояла суровая, холодная и сырая погода; озимые хлѣба открылись благополучны, но росли туго. Цвѣтъ и завязь на фруктовыхъ деревьяхъ погибли отъ холодныхъ вѣтровъ. Съ 20 Іюня по 23-е Іюля хотя бродили тучки и мѣстами перепадали дожди, но дни были теплые, хлѣба зрѣли медленно. Въ концѣ Іюля и въ Августѣ стояла превосходная погода. Дни жаркіе, а ночи теплыя и тихія. Крестьяне, забывъ тяжелый дневной трудъ, далеко за полночь не ложились спать, выражая свое удовольствіе кто какъ могъ, иной заунывной пѣсенкой, иной восклицаніями: вотъ ночь-то такъ ночь, и сонъ на умъ нейдетъ.

Сѣвъ озимыхъ хлѣбовъ къ 1868 году начался нѣсколько позднѣе вслѣдствіе ненастной погоды, затруднявшей приготовленіе сѣмянъ. О времени сѣва яровыхъ хлѣбовъ я не говорю, потому что по принятому порядку въ нашей мѣстности овесъ всегда сѣется тотчасъ по слитіи воды, а гречиха около половины Мая. Уборка урожая 1867 года шла очень быстро, хлѣба родились плохіе, а погода стояла благопріятная для уборки.

Хорошій урожай гречихи и обильный урожай картофеля, служащій значительнымъ подспорьемъ хлѣбу, облегчаютъ продовольствіе крестьянъ, особенно въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ сѣятъ картофелю много.

Вслѣдствіе повсемѣстнаго неурожая и сильнаго требованія хлѣба за границу, цѣна на рожь во всю зиму не понижалась, а весною возвысилась до 6 р. 50 к. Пшеница въ нашемъ уѣздѣ не родилась, и въ продажѣ ея не было, а потому и цѣну опредѣлить нельзя.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ западныхъ уѣздовъ Орловской губ., вслѣдствіе недостатка въ хлѣбѣ, появлялись эпидемическія болѣзни, которыя благодаря энергическимъ своевременнымъ мѣрамъ принимавшимся Губернскою Управою къ доставленію продовольствія и медицинскаго пособія, не имѣли большаго развитія. Недостатокъ продовольствія былъ такъ великъ, что изъ Акулишской волости, Брянскаго уѣзда, и смежныхъ съ нею волостей священно - церковно служители выѣхали во избѣжаніе голодной смерти. Земская Управа, предвидя такую крайность въ продовольствіи, испросила у Собранія на этотъ предметъ изъ продовольственнаго капитала 144000 р., а у Комитета объ оказаніи пособія жителямъ Россіи 25000 р. Наблюденія и всѣ распоряженія по продовольствію и обсѣмененію полей Губернская Управа возложила на меня. Озабочиваясь, чтобы оказываемое пособіе достигало цѣли и усматривая, что нѣкоторые предсѣдатели уѣздныхъ управъ относятся къ этому

вопіющему дѣлу апатично, я позволилъ себѣ превысить власть и настоятельно требовалъ отъ нихъ, чтобы они и члены лично производили выдачу пособія не деньгами, а хлѣбомъ. На эти требованія я получалъ самые грубые отвѣты въ смыслѣ «не мѣшайся въ наши дѣла, мы и безъ тебя знаемъ нашу обязанность;» но тѣмъ не менѣе мои указанія имѣли вліяніе на ихъ дѣятельность: они видѣли, что за ихъ дѣйствіями строго слѣдятъ и что они будутъ оглашены въ Губернскомъ Собраніи. Одинъ изъ предсѣдателей оправдывалъ свою бездѣятельность тѣмъ, что онъ служилъ земству безвозмездно. Такой отвѣтъ ясно показываетъ ограниченность понятій и ложный взглядъ дворянъ на ихъ обязанности по отношенію къ земству и къ обществу, съ которымъ тѣсно связаны собственные ихъ интересы. Конечно, я нажилъ себѣ враговъ, но собраніе хорошо понимало, что я руководился въ моихъ требованіяхъ не мелочнымъ тщеславіемъ, а искреннимъ желаніемъ помочь страждущимъ и въ Декабрѣ того же 1867 г. избрало меня предсѣдателемъ Губернской Управы, на мѣсто выбывшаго Блохина.

Въ видахъ доставленія средствъ къ заработкамъ для жителей наиболѣе пострадавшихъ отъ неурожая Смоленской и сосѣдственныхъ съ нею западныхъ губерній, правительство разрѣшило сооруженіе Московско-Смоленской ж. д.; кромѣ того, учредило продовольственный Комитетъ подъ предсѣдательствомъ Наслѣдника Престола, выдало Комитету заимообразно милліонъ рублей для покупки и доставки хлѣба въ наиболѣе нуждающіеся пункты, открыло по всей Имперіи подписку на пособіе голодающимъ. Пожертвованій собрано до двухъ милліоновъ. Изъ этихъ-то денегъ отпущено было на Орловскую губернію 25000 рублей. Дѣйствія Комимета, сколько мнѣ извѣстно, были разумны и оказали дѣйствительную пользу. Кто бы ни руководствовалъ Комитетомъ, но все-таки этотъ первый шагъ Наслѣдника Престола на поприщѣ правительственной дѣятельности могъ служить нѣкоторымъ обезпеченіемъ за будущее.

Съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ отъ Москвы черезъ Орелъ, Смоленскъ, Витебскъ, Динабургъ на Ригу, цѣны на жизненные предметы и въ особенности на зерновые хлѣба значительно возрасли, а съ тѣмъ вмѣстѣ возвысилась цѣна и на землю съ 50 на 100 р. за десятину. Такимъ образомъ цѣнность труда начала уравновѣшиваться съ цѣнностью произведеній земли. Польза, приносимая желѣзными дорогами, такъ мало еще повліяла на сельскій бытъ и земледѣліе, что только при внимательномъ наблюденіи можно замѣтить начинающееся измѣненіе экономическихъ условій и положенія земледѣльческаго класса. Прежній способъ заработковъ, посредствомъ извоза, почти прекратился; взамѣнъ того открылось требованіе рабочихъ силъ на желѣзныя дороги и на обработываніе земледѣльческихъ полей въ такомъ размѣрѣ, что

вмѣсто прежняго избытка въ рабочихъ рукахъ въ настоящее время чувствуется недостатокъ.

Нельзя не замѣтить также и того, что съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ въ малолѣсныхъ мѣстностяхъ, какъ напр. средняя и восточная части Орловской губ., лѣса всѣ почти до чиста сведены, населеніе начинаетъ терпѣть крайній недостатокъ въ лѣсныхъ матеріалахъ и въ топливѣ, вслѣдствіе чего солома, прежде обращавшаяся на кормъ скота и на подстилку, а потомъ на удобреніе полей, нынѣ употребляется на отопленіе, а земля лишается необходимаго удобренія.

Вѣдомо всѣмъ, что истребленіе лѣсовъ вредно вліяетъ на плодородіе земли, лишая поля защиты отъ вѣтровъ и возможности къ сохраненію крестьянами продуктовъ удобренія земли, обращаемыхъ, какъ уже сказано, на топливо. Губернская Управа, обращая вниманіе собранія на это обстоятельство, указывала на необходимость ходатайствовать передъ правительствомъ объ изданіи обязательныхъ правилъ къ охраненію отъ хищническаго уничтоженія уцѣлѣвшихъ еще казенныхъ и частныхъ лѣсовъ и о разведеніи оныхъ. Докладъ управы былъ встрѣченъ крайне недружелюбно; дворяне-землевладѣльцы никакъ не могутъ еще примириться съ мыслію, что для нихъ, наравнѣ съ другими сословіями, можетъ быть установлено обязательное положеніе, хотя бы требовала того общественная и собственная ихъ польза.

Самаринъ своими брошюрами оказалъ великую услугу Россіи. Онъ первый обратилъ серьезное вниманіе на усиливающійся сепаратизмъ въ Прибалтійскихъ и въ Привислянскихъ губерніяхъ. Правительство хотя и холодно отнеслось къ его труду, воспретивъ книгопродавцамъ выдавать брошюры безъ разрѣшенія начальства, но тѣмъ не менѣе сознало необходимость въ принятіи мѣръ къ усиленію Русскаго элемента въ средѣ Польскаго и Нѣмецкаго землевладѣльческаго населенія, сознало и то, что соединеніе Россіи съ ея окраинами тогда только возможно, когда они будутъ управляться одинаковыми съ метрополіей законами и пользоваться одинаковыми правами, такъ какъ всякаго рода изъятія и привилегіи влекутъ за собою пререканія и племенную вражду, а полезны только для ничтожнаго по численности меньшинства.

Пора, давно пора положить конецъ постыдному потворству Остзейскимъ Нѣмцамъ и оставленію въ беззащитномъ положеніи угнетаемыхъ ими Латышей и Эстовъ. Остзейскихъ бароновъ можно уподобить чужеяднымъ растеніямъ, которыя губятъ не только окружающія ихъ мелкія поросли, но и самое дерево, подъ тѣнью котораго возрастаютъ. Мнѣ кажется, легче обрусить Поляковъ, чѣмъ Остзейскихъ Нѣмцевъ. Полякъ раздражителенъ, при счастіи тщеславенъ, воспріимчивъ и непостояненъ въ своихъ идеяхъ; онъ сегодня злѣйшій врагъ, а завтра пріятель, стóитъ

только польстить его самолюбію. Не таковъ Остзейскій Нѣмецъ; этотъ сознательно надменнъ, недоброжелателенъ, жестокъ и злопамятенъ. Съ ослинымъ терпѣніемъ прокладываетъ онъ себѣ путь и, достигнувъ извѣстнаго ранга и теплаго мѣстечка, прицѣпится къ нему такъ крѣпко какъ клещукъ впившійся въ живое тѣло; его можно раздавить, но не оттащить. Къ Русскимъ Нѣмецъ относится недружелюбно и надменно.

Что̀ бы ни говорили о Катковѣ, но онъ есть единственный публицистъ, который, не убоясь сильныхъ, смѣло и дѣльно высказываетъ горькія истины.

Если дворяне не обезпечатъ для себя вліянія на гласныхъ изъ крестьянъ честнымъ и безпристрастнымъ веденіемъ земскаго дѣла, то нѣтъ сомнѣнія, рано или поздно, крестьянскій элементъ возметъ верхъ, и тогда-то крестьянская и бездомная демократія задушитъ въ своихъ мощныхъ объятіяхъ имущественное дворянство, и это легко можетъ случиться, такъ какъ крестьяне по инстинкту самосохраненія дѣйствуютъ дружно, а дворяне, ради мелочныхъ, корыстныхъ соображеній, интригуютъ между собою. Пока еще крестьяне находятся въ туманѣ и существуютъ посредники, этого случиться не можетъ, но не вѣчно же будутъ туманъ и посредники.

Годъ XXVII-й.

Съ 1-го Сентября 1868 г. по 1-е Сентября 1869 г.

Осень 1868 г. была продолжительная и благопріятная для росту озимей, которые уклочились хорошо, но по случаю бывшихъ въ Генварѣ и Февралѣ паводковъ и недружной весны образовались значительныя вымочки. Состояніе погоды въ продолженіе зимы 1868—1869 г. было крайне измѣнчиво; вообще, какъ говорятъ, зима была сиротская т. е. теплая. Крестьяне, занимавшіеся извозомъ, понесли большіе убытки, вездѣ слышались жалобы на неисправность переправъ, несмотря на усердіе управъ къ устройству мостовъ и перевозовъ. Онѣ не могли удовлетворить требованію по недостатку средствъ, предоставленныхъ въ ихъ распоряженіе на этотъ предметъ, такъ какъ никто не могъ предвидѣть, чтобы въ одну зиму были три паводка столь сильныхъ, что не представлялось возможности сохранить мостовъ и принадлежностей переправъ. Орловское купечество потерпѣло значительные убытки: всѣ почти барки снесены были водою и разбросаны по берегамъ Оки на разстояніи семидесяти и болѣе верстъ, туже участь потерпѣли и земскія перевозныя суда. Собраніе поставило Губернской Управѣ на видъ, что она допустила такой значительный ущербъ земству. Замѣчаніе это было несправедливо: гласные не приняли того обстоятельства, что для храненія паромовъ и лодокъ не было удобнаго помѣщенія на время

зимней стоянки, а устройство гавани требовало расхода далеко превышавшаго смѣту.

Обыкновенно опредѣляютъ начало весны вскрытіемъ рѣкъ, но въ настоящемъ году рѣки вскрывались и вновь покрывались льдомъ три раза. Послѣдній разливъ воды былъ въ половинѣ Апрѣля. Около двухъ недѣль продолжалась нестерпимая погода, почти безпрерывно шелъ дождь, смѣшанный со снѣгомъ, образовалась невылазная грязь, составлявшая совершенное мученіе для людей и лошадей. Съ наступленіемъ Мая началась засуха, сопровождаемая сильными вѣтрами; въ началѣ Іюня перепадали дожди. На мѣстахъ возвышенныхъ и обращенныхъ склономъ къ полудню озимые хлѣбà росли хорошо, а на низкихъ и обращенныхъ склономъ къ Сѣверу—погибли. Въ концѣ Іюня и въ первыхъ числахъ Іюля довольно часто шелъ дождь, а съ 10-го Іюля по Сентябрь м. стояла ясная и для уборки хлѣба благопріятная погода.

Сѣвъ озимыхъ хлѣбовъ къ 1869 г. хотя и начался въ обыкновенное время, но оконченъ нѣсколько позднѣе, потому что изобильный урожай 1868 г. потребовалъ болѣе времени и труда для уборки. Такъ какъ въ 1868 г. хлѣбà родились сильные, а выспѣли поздно: то, несмотря на высокую поденную плату, трудно было найти рабочихъ, а особенно затрудненіе въ работѣ встрѣчали тѣ землевладѣльцы, которые, не желая пользоваться бѣдственнымъ положеніемъ крестьянъ въ предшествовавшемъ году, не эксплоатировали ихъ труда обязательствами. Уборка началась 22 Іюля, но кончилась не единовременно у всѣхъ: у многихъ хлѣбъ оставался въ полѣ до половины Сентября. Скосить и связать десятину ржи стоило отъ 2 р. 50 к. до 3 р. 50 к., по сравненію съ цѣнами прежнихъ лѣтъ вдвое дороже.

Въ 1868 г. урожай во всей Орловской губ. былъ чрезвычайно обильный.

Цѣны на зерновые хлѣбà въ теченіе 1868—1870 г. подвергались сильному колебанію: въ началѣ зимы довольно высоки, среди зимы значительно упали, а весною снова поднялись. Рожь доходила до 5 р. 50 к. По случаю высокихъ цѣнъ на фуражъ и большого требованія конныхъ и пѣшихъ рабочихъ на строившуюся между Орломъ и Ельцомъ желѣзную дорогу, рабочіе и извозы были дороги: за 40 верстъ платили съ лошади по 1 р. 50 к., т. е. 6 к. съ пуда.

Вслѣдствіе взаимныхъ интригъ предсѣдателей Земскаго собранія Шереметева и Губ. Управы Блохина послѣдній вышелъ въ отставку, на его мѣсто былъ избранъ я. Новая служебная обязанность поставила меня въ ближайшія соотношенія къ предлежащимъ властямъ, нерѣдко требовавшія личныхъ объясненій съ губернаторомъ Лонгиновымъ, который, до назначенія его на эту должность, считался отпѣтымъ либе-

раломъ, съ восшествіемъ же на губернаторское кресло превратился въ невозможнаго деспотическаго консерватора. Вражда Лонгинова къ земству доходила до невѣроятнаго въ наше время сумасброднаго фанатизма, вслѣдствіе чего наши объясненія сопровождались иногда рѣзкими пререканіями. Такъ напр., когда земскія изданія подчинили цензурѣ губернаторовъ, то Лонгиновъ вычеркнулъ въ нѣкоторыхъ журналахъ по нѣскольку строкъ, содержаніе которыхъ было ему непріятно, не обращая вниманія, что черезъ это прерывалась нить рѣчи и терялся смыслъ постановленія собранія. Чтобы устранить недоумѣніе гласныхъ и тѣхъ лицъ и учрежденій, которымъ обязательно разсылаются журналы, я вынужденъ былъ вычеркнутыя строки замѣнить точками и приложить къ печатнымъ журналамъ письменныя объясненія.

Яблокомъ раздора между Шереметевымъ и Блохинымъ послужила концессія, данная правительствомъ Орловскому земству на постройку Орловско-Витебской жел. дороги.

Хозяйство дворянъ-землевладѣльцевъ въ имѣніяхъ, не состоящихъ на издѣльной повинности, ведется далеко не на правильныхъ основаніяхъ: засѣвая поля, они не знаютъ, будутъ ли имѣть возможность убрать своевременно хлѣбъ. Отдавать имѣнія въ аренду при первомъ взглядѣ представляется болѣе выгоднымъ; но надо принять въ соображеніе, что у насъ нѣтъ еще такихъ арендаторовъ, которые имѣли бы капиталы и совмѣщали въ себѣ хотя бы небольшія агрономическія свѣдѣнія и умѣнье вести раціональное хозяйство, а есть арендаторы-аферисты, имѣющіе въ виду единовременную выгоду; они высасываютъ изъ имѣнія все что можно, а на напоминанія владѣльцевъ объ условіяхъ контракта обыкновенно отвѣчаютъ: будьте покойны, по окончаніи аренды все сдадимъ въ лучшемъ порядкѣ и дѣйствительно ко времени сдачи притрусятъ поля соломою, побѣлятъ, покрасятъ хозяйственныя строенія, представятъ по инвентарю скотъ и прочіе предметы въ полномъ количествѣ, все, кажется, обстоитъ благополучно, а на самомъ дѣлѣ поля истощены, строенія сгнили, скотъ просится на живодерню, и всѣ бывшія заведенія приведены въ такое положеніе, что полученной за всѣ годы аренды не достанетъ на приведеніе имѣнія въ надлежащій порядокъ. Въ случаѣ же предъявленія иска окажется, что съ арендатора нечего взять: онъ голъ какъ соколъ. Раздавать землю въ наймы по-десятинно тоже неудобно: крестьянинъ даромъ не возьметъ вашей земли. если вы поставите условіемъ удобрить ее. Скота держитъ онъ мало, продовольствуетъ его скудно, навозу, по большей части, у него едва хватаетъ на удобреніе коноплянниковъ. Другое неудобство отдавать землю въ наймы по-десятинно то, что владѣлецъ, сокращая собственный посѣвъ, лишаетъ себя возможности на поддержку экономическихъ строеній и разныхъ заведеній, на

которыя затратилъ значительный капиталъ. Этотъ способъ хозяйства приведетъ къ тѣмъ же самымъ результатамъ, къ какимъ и отдача имѣнія въ аренду, т. е. къ истощенію земли и разоренію.

Послѣдствіемъ такого безвыходнаго положенія многіе уже дворяне или раззорились, или продали свои имѣнія. Покупщиками преимущественно являются богатые купцы, которые, соединяя полеводство съ торговыми и промышленными операціями, имѣютъ больше средствъ къ полученію выгодъ отъ земледѣлія. Притомъ купцы, отдѣляя часть своихъ капиталовъ на покупку земли, имѣютъ въ виду обезпечить свое благосостояніе на случай разстройства торговыхъ дѣлъ. Земля въ купеческомъ быту замѣняетъ запасный капиталъ не подверженный риску.

Трудную эпоху переживаютъ дворяне. Едва-ли $^1/_3$ часть ихъ благополучно выйдетъ изъ настоящаго кризиса; но кто виноватъ, крестьянская ли реформа, или неправильный и безобразный образъ жизни? Конечно послѣдній. Они учились и учатся доселѣ кой-чему и какъ нибудь и жили всегда выше средствъ. Одна часть служила и на службѣ проживалась; другая часть служила и взапуски съ разночинцами обворовывала казну и не чуждалась взятокъ, награбленныя деньги растрачивала на наряды женъ, дочерей, экономокъ и на разныя боярскія причуды; затѣмъ третья часть, полуграмотная и неспособная ни къ какому дѣлу, жила въ своихъ имѣніяхъ, бражничала, кутила и рыскала по полямъ съ борзыми, или лѣниво поворачивалась съ боку на бокъ, не обременяя головы заботами объ улучшеніи своего хозяйства, велось оно зря, безъ всякихъ разумныхъ основаній; и вотъ теперь сердешные закопошились, затрепыхались, словно рыба на обмелѣвшемъ разлужьѣ послѣ слитія воды.

Мнѣ кажется, что къ измѣненію системы полеводства въ нашей мѣстности не настало еще время, но нельзя и оставаться при нынѣшнихъ способахъ веденія хозяйства. Трудно додуматься, съ чего начинать переустройство, особенно при отсутствіи запасного капитала. Всѣ толкуютъ о кредитѣ, а что̀ принесетъ намъ кредитъ безъ умѣнья и настойчивости взяться за дѣло? Не только мы, отживающее уже поколѣніе, но и въ молодомъ дворянскомъ поколѣніи, начинающемъ только жить, не встрѣчаешь задатковъ къ разрѣшенію этой важной задачи. Общества сельскаго хозяйства и разныя образцовыя земледѣльческія учрежденія учатъ насъ всему, кромѣ того, что̀ намъ нужно знать; воспитанники земледѣльческихъ хуторовъ являются къ намъ не съ практическими, а по большей части съ такими теоретическими познаніями, примѣненіе которыхъ къ дѣйствительной потребности столько же трудно, сколько и разрѣшеніе самой задачи: съ чего начинать переустройство нашего хозяйства?

Нельзя умолчать о добросовѣстности крестьянъ, съ какою они уплачивали занятый ими въ прошедшемъ году хлѣбъ и отбывали работу по обязательствамъ за ссуду хлѣба и за деньги, выданныя имъ зимою подъ работу, несмотря на то, что условленная цѣна была втрое ниже установившейся въ 1868 году.

Съ поступленіемъ богоугодныхъ заведеній въ завѣдываніе земства число больныхъ, поступающихъ въ больницу, начало увеличиваться въ такой процессіи, что Губернская Управа нашла необходимымъ ходатайствовать объ увеличеніи числа кроватей, при завѣдываніи же Приказомъ Общественнаго Призрѣнія половина постоянно имѣвшихся кроватей оставалась свободною, потому что добровольно никто не ложился въ больницу. Этотъ фактъ указываетъ на добросовѣстность отношеній къ общественному дѣлу двухъ учрежденій: прежняго правительственнаго и настоящаго земскаго. Въ подтвержденіе укажу еще на слѣдующій фактъ. Нѣкоторыя земства исходатайствовали у правительства передачу въ ихъ завѣдываніе гоньбы лошадей за ту сумму, какую оно отпускало на этотъ предметъ, и что-же? Каждое земство, получившее въ свое завѣдываніе гоньбу лошадей, сдѣлало въ годъ экономіи отъ 30 до 40 тысячъ рублей. Вотъ оно каково казнокрадство!

Годъ XXVIII-й.

Съ 1-го Сентября 1869 г. по 1-е Сентября 1870 года.

Осень 1869 года была продолжительная и сырая: нѣсколько разъ выпадалъ снѣгъ и сходилъ, грязь была непроходимая, по грунтовымъ дорогамъ ни на саняхъ, ни на колесахъ не было почти возможности ѣхать; настоящій зимній путь установился лишь въ концѣ Декабря, въ продолженіе котораго, какъ и въ Ноябрѣ стояла перемѣнная погода, то снѣгъ, то дождь; большихъ морозовъ не было. Въ Генварѣ установилась ясная погода, изрѣдка падалъ снѣгъ. Въ Февралѣ морозы достигли 25°, холодъ былъ нестерпимый. 19 Февраля наступила оттепель, снѣгъ растаялъ и рѣки вскрылись. Съ той поры до Апрѣля мѣсяца стояла неопредѣленная погода; по ночамъ легкіе морозы, а днемъ пригрѣетъ солнышко и потекутъ ручейки. 22, 23 и 24 числа Апрѣля по ночамъ шелъ дождь, а дни были ясные, настоящіе весенніе, всѣ растенія начинали оживать; озимые хлѣба быстро пошли въ ростъ. 3 и 4 Мая шелъ дождь, а затѣмъ началась холодная погода, продолжавшаяся до 3 Іюля, съ тою только разницею, что до половины Іюня дожди сопровождались холодными вѣтрами, а послѣ 18 числа тихою и теплою погодою. 3-го Іюля былъ первый жаркій день, а 5 такъ холодно, что я чуть не замерзъ, возвращаясь изъ Ельца. 10 числа Іюля весь горизонтъ покрылся какимъ-то сухимъ, непроницаемымъ туманомъ, воздухъ былъ жарокъ и удуш-

ливъ. Многіе приписываютъ это явленіе лѣснымъ и торфянымъ пожарамъ, но такъ какъ оно повторяется почти ежегодно, въ меньшей или большей степени, и дѣйствуетъ вредно на завязь хлѣбовъ, то слѣдуетъ искать причину этого явленія въ другомъ источникѣ. Іюль былъ сухой, а съ наступленіемъ Августа небо начало покрываться тучами, сдѣлалось холодно; рабочіе, несмотря на тяжелый трудъ, работали одѣвшись. Вообще лѣто и осень 1869 года были холодныя и сырыя.

Сѣвъ озимыхъ хлѣбовъ нѣкоторые землевладѣльцы начали въ концѣ Іюля, земля во время сѣва была суха и всходы оказались рѣдки, но къ концу осени уклочились хорошо, овсяный сѣвъ происходилъ въ первой половинѣ Апрѣля, а гречихи—въ первой половинѣ Мая; а иные домохозяева, въ ожиданіи болѣе благопріятной погоды, отлагали до Іюня мѣсяца.Уборка въ нашей мѣстности, вслѣдствіе суроваго лѣта и холодной погоды, задерживавшей вызрѣваніе хлѣбовъ, началась недѣлею позже противъ обыкновеннаго. Озимый хлѣбъ къ 12 Августу весь былъ убранъ въ гумны, но уборка овса была затруднительна, онъ былъ очень роселъ и во время налива сильными вѣтрами и дождями пригнуло его до самой земли; три косца съ великимъ усиліемъ едва одолѣвали скосить одну десятину въ день. Крестьянскій хлѣбъ оставался въ полѣ долѣе, потому что помѣщики еще зимою заподряжаютъ крестьянъ на уборку, съ обязательствомъ являться на работу по первому требованію. Нужда заставляетъ крестьянъ соглашаться на такія тяжелыя для нихъ условія, но и помѣщикамъ нѣтъ другого способа убрать свои поля. Въ годовые работники нанимаются или разорившіеся бобыли, на которыхъ нельзя положиться, или изъ большихъ семействъ молодые, неопытные парни.

Урожай 1869 г. настолько разнообразенъ, что нельзя опредѣлить, къ какой категоріи слѣдуетъ его отнести: въ иныхъ мѣсностяхъ очень хорошъ, въ другихъ посредственный, а въ иныхъ нѣтъ ничего.

Въ концѣ Ноября начали появляться случаи заболѣванія холерою, въ Декабрѣ число случаевъ увеличилось, но вообще было незначительно: въ день прибывало въ больницу отъ 2 до 5 человѣкъ не болѣе, а иной день ни одного. Замѣчательно, что въ первые дни появленія холеры всѣ заболѣвавшіе умирали, а потомъ большая часть выздоравливали. Къ сожалѣнію изъ сравненія получавшихся много ежедневныхъ рапортичекъ отъ старшаго врача богоугодныхъ заведеній о числѣ поступавшихъ больныхъ и о числѣ умиравшихъ, съ пониженіемъ и съ повышеніемъ барометра, нельзя было сдѣлать никакого вывода, потому что погода ежедневно измѣнялась.

Въ Декабрѣ 1869 г. на новое трехлѣтіе была выбрана новая Управа изъ лицъ, крайне неблагонадежныхъ, такъ какъ вслѣдствіе интригъ Шереметева никто изъ порядочныхъ людей не желалъ служить. Тѣ, кото-

рые выбирали эту Управу, сами публично обозвали ее воровскою; а Собраніе поручило старой Управѣ сдать всѣ капиталы на храненіе въ банкъ и, не довѣряя новой, обязало ревизіонную комиссію имѣть за нею неослабный надзоръ.

Изъ моихъ служебныхъ сношеній съ Орловскимъ губернаторомъ Лонгиновымъ я убѣдился, что онъ былъ человѣкъ добрый, честный и сговорчивый, но въ дѣлахъ служебныхъ руководился правителемъ дѣлъ канцеляріи N. N., олицетворявшимъ, въ полномъ смыслѣ, Іуду Искаріота.

Проекты Управы объ устройствѣ сельской медицины и народнаго образованія остались незаслушанными вслѣдствіе несочувственнаго отношенія къ этимъ предметамъ предсѣдателя Собранія, Шереметева, пользовавшагося въ собраніи большимъ авторитетомъ.

Въ этомъ году я ѣздилъ въ г. Петербургъ ходатайствовать у министра внутреннихъ дѣлъ объ уступкѣ земству арестантскаго дома, находившагося въ одномъ дворѣ съ богоугодными заведеніями, для размѣщенія умалишенныхъ, которые, какъ стадо барановъ, были скучены въ тѣсномъ отдѣленіи. Управляющій Министерствомъ князь Лобановъ и директоръ Хозяйственнаго Департамента Шумахеръ отнеслись къ моему ходатайству сочувственно и домъ былъ переданъ земству.

Годъ XIX.

Съ 1-го Сентября 1870 по 1-е Сентября 1871 года.

Сентябрь вполнѣ оправдалъ установившееся мнѣніе о его суровости: съ рожденія до исхода бушевалъ холодный до нетерпимости вѣтеръ, горизонтъ постоянно застланъ былъ густыми облаками, двигавшимися взадъ и впередъ. Изрѣдка шелъ дождь. Съ наступленіемъ Октября наступила перемѣнная погода: день—дождь, день—ясно. 17-го числа былъ такой день, какихъ мало бываетъ весною: солнце сильно нагрѣвало воздухъ, дышать было легко и отрадно, словно особая благодать снизошла на нашъ уголокъ. 18 и 19 числа были легкіе морозы, а съ 20 числа опять начались ежедневные дожди, продолжавшіеся до 20 Ноября; земля превратилась въ невылазную грязь. Сырая и довольно теплая погода, мѣшавшая домашнимъ рабатамъ, была полезна для поздно посѣянныхъ озимыхъ хлѣбовъ. Въ концѣ Ноября установилась ясная погода, начались легкіе морозы, достигшіе въ Декабрѣ 28°, продолжавшіеся до половины Февраля. Въ теченіе этого времени изрѣдка шелъ снѣгъ и легко прикрылъ землю. Между 15 и 20 Февраля были оттепель и сильная вьюга, послѣ 20 числа настала ясная и теплая погода и 28 Марта вскрылись рѣки; со вскрытія рѣкъ до 15 Апрѣля дни были теплые и ясные, а по ночамъ легкіе морозы; снѣгъ таялъ медленно. 16-го показались на горизонтѣ тучки, прогремѣлъ громъ и открылась весна.

Въ Маѣ и Іюнѣ погода часто измѣнялась: то сумрачно и дождь, то прояснитъ и солнышко пригрѣетъ и освѣтитъ. Съ наступленіемъ Іюля начались сильные жары, въ половинѣ мѣсяца перепало нѣсколько дождей; 23 числа, при совершенномъ безвѣтріи, солнце пекло безъ милосердія, жары продолжались до 16-го, а засуха до 26 Августа.

Сѣвъ озимыхъ хлѣбовъ въ нынѣшнемъ году начался позднѣе обыкновеннаго, такъ какъ по случаю сыраго и холоднаго лѣта хлѣбъ зрѣлъ медленно. Озими, посѣянныя въ началѣ Августа, росли и уклочились хорошо, а посѣянныя послѣ 15 числа были рѣдки. Овесъ начали сѣять послѣ 15 Апрѣля, а гречиху въ половинѣ Мая.

Уборка въ нашей мѣстности хлѣба началась 16-го Іюля, а къ 15 Августа пшеница, рожь и овесъ были уже въ гумнѣ. Сѣвомъ не спѣшили, потому что земля была очень суха.

Говоря о произрастаніи и созрѣваніи хлѣбовъ, нельзя не замѣтить, что чѣмъ позднѣе открывается весна, чѣмъ болѣе задерживается ростъ въ началѣ весны, тѣмъ быстрѣе, при наступленіи благопріятныхъ условій, развивается растительность, вслѣдствіе такого же закона природы, какой наблюдается и въ жизни народовъ. Въ отдаленныя времена люди жили несравненно дольше новѣйшихъ поколѣній и медленно шли по пути прогресса. Въ настоящее время долговѣчность жизни человѣческой ограничивается 25—28 годами, и народы съ быстротою паровозовъ стремятся къ разнымъ открытіямъ и изобрѣтеніямъ; побуждаемые желаніемъ обогащенія и наслажденія, они вымучиваютъ у природы сокрытыя сокровища: врываются въ нѣдра земли, бороздятъ моря, поднимаются въ воздушныя пространства, не сознавая, что такою кипучею дѣятельностью они сокращаютъ свою долговѣчность и вымираютъ преждевременно подъ бременемъ тяжкихъ нуждъ и изнурительныхъ болѣзней.

6-го Сентября, во время ярмарки, обнаружилась въ г. Ельцѣ холера и быстро развилась по всѣмъ частямъ города. Смертность была большая. Полагаютъ, что число умершихъ отъ холеры простиралось до 1600 человѣкъ разнаго возраста. Въ уѣздѣ холера дѣйствовала слабѣе, дѣйствія ея были по большей части скоротечны.

Въ прежнихъ моихъ замѣткахъ между прочимъ было сказано, что надъ Европой скопляются тучи, долженствующія разразиться грозной катастрофой; что Франція, какъ переполнившаяся рѣка, стремится вылиться изъ береговъ, а Турціи, Австріи и Россіи угрожаетъ раздробленіе, и вотъ нѣкоторыя изъ этихъ предложеній уже осуществляются. Австрія лишилась значительной части своихъ владѣній; остальныя области враждуютъ между собой и требуютъ децентрализаціи и независимости. Во внутреннемъ управленіи Турціи то та, то другая изъ областей, населенныхъ христіанами, вступаетъ въ кровавую борьбу съ ма-

гометанскимъ деспотизмомъ и требуютъ такихъ льготъ, какихъ султанъ дать не можетъ. Францiя, обманутая хитрымъ Прусскимъ министромъ Бисмаркомъ, сначала предоставила Пруссiи свободу разгромить безсильную Данiю, потомъ Австрiю и вмѣстѣ съ тѣмъ поглотить всѣ мелкiя сѣверныя Германскiя государства. Потомъ Францiя, имѣя во главѣ Наполеона III, объявила Пруссiи войну, не приготовившись къ войнѣ. Причина такого явнаго безразсудства заключилась въ томъ, что Наполеонъ, видя, что неудовольствiе Французовъ на его правленiе достигло крайняго предѣла и что ему не удержаться на престолѣ, желалъ отвлечь вниманiе народа отъ внутренней безурядицы внѣшней войною и въ случаѣ успѣха возвратить потерянную популярность. Война между Францiей и Пруссiей въ союзѣ съ Германiей продолжалась менѣе года. Прусскiя осталась побѣдительницей. Парижъ былъ взятъ, Наполеонъ отдался въ плѣнъ, маршалъ Базенъ, имѣя въ своемъ распоряженiи 177000, армiю, сдалъ Пруссакамъ безъ боя первѣйшую въ Европѣ крѣпость Мецъ. Бездѣйствiе Базена и сдачу крѣпости приписываютъ своекорыстнымъ расчетамъ: говорятъ, Базенъ имѣлъ въ виду, при содѣйствiи Пруссаковъ, стать во главѣ управленiя Францiей. Не могу понять, какое наслажденiе, какую отраду можетъ находить человѣкъ обезславившiй себя предательствомъ и управлять народомъ, клянущимъ его. Еще менѣе понятно мнѣ то, что избранникъ народа могъ рѣшиться предать на разоренiе и позоръ страну, осыпавшую его почестями и всѣми благами. Общее презрѣнiе и проклятiе причиняютъ боль въ сердцѣ каторжника, закоснѣлаго въ злодѣйствѣ; какъ же должна быть глубока и сильна боль у людей высокопоставленныхъ, умѣющихъ читать во взорахъ другихъ и въ собственной совѣсти укоръ въ гнусномъ предательствѣ? Мнѣ нѣтъ дѣла ни до Нѣмцевъ, ни до Французовъ; но у меня слезы навертывались, когда я читалъ описанiе сдачи Меца. Я не воинъ, но мнѣ понятна скорбь армiи, привыкшей почитать себя непобѣдимой и отданной въ плѣнъ безъ боя. Мнѣ понятны отчаянiе и злоба народа отданнаго на жертву тѣми подлыми честолюбцами, попеченiю которыхъ ввѣрилъ свое благосостоянiе; мнѣ понятно изступленiе Французскихъ женщинъ, кидавшихъ каменья въ карету Базена. Трофеи Пруссiи существенно состояли въ слѣдующемъ: Францiя уступила двѣ провинцiи Альзасъ и Лотарингiю съ крѣпостями Мецомъ и Страсбургомъ и сверхъ того заплатила 5 миллiардовъ франковъ военныхъ издержекъ. Вѣдь это не миръ, а разбойничiй грабежъ. Чѣмъ повиненъ народъ, не желавшiй войны, чтобы обременять его такими тяжкими поборами? Чѣмъ виноваты Альзасцы и Лотарингцы, не желающiе жить подъ Германскими законами? Лишь только окончилась внѣшняя война, во Францiи началась внутренняя борьба партiй. Нѣсколько коноводовъ изъ низшихъ слоевъ Париж-

скаго населенія во имя соціально-коммунической идеи захватили въ свои руки власть и не хотѣли подчиниться правительству, установленному собраніемъ депутатовъ. Парижъ снова былъ осажденъ, но уже не Пруссаками, а Французами и послѣ двухмѣсячной осады взятъ приступомъ. Трудно вѣрится разсказамъ о тѣхъ неистовствахъ, о томъ терроризмѣ, какой господствовалъ въ Парижѣ во время правленія коммуны. Смертныя казни, грабежи частнаго имущества, расхищеніе государственнаго достоянія, уничтоженіе памятниковъ искусства, отверженіе религіи, все было пущено въ ходъ. По поводу такого грустнаго явленія невольно зарождается въ умѣ вопросъ: когда и на чемъ остановится неудержимое стремленіе народовъ къ прогрессу? Въ природѣ все идетъ по непреложнымъ законамъ, а кажущіяся перемѣны совершаются періодически чрезъ извѣстное число лѣтъ, но принимаются нами за измѣненія и уклоненія единственно по продолжительности періодовъ. Мнѣ кажется, что роду человѣческому суждено снова повергнуться въ первобытное дикое состояніе. Быстро распространяющіяся между народами соціально-комуническія идеи рано или поздно возмутъ верхъ надъ консерватизмомъ, уступающимъ уже имъ спорное поле шагъ за шагомъ. Произведенное Французскимъ правительствомъ слѣдствіе надъ Парижскою коммуною открыло, что численность членовъ соціало-комуническаго общества превышаетъ 4 милліона и что она съ каждымъ днемъ увеличивается. Чего можно ожидать отъ этого общества, показала Парижская коммуна. Восторжествуетъ физическая сила и будетъ господствовать до тѣхъ поръ, пока снова не пробудится сознаніе въ необходимости подчинить произволъ закону.

Всѣ Европейскія государства, въ особенности Россія, изумились и переполошились, увидавъ, что Пруссія въ теченіе трехъ недѣль организовала милліонную армію, и вотъ, не отлагая въ долгій ящикъ, Русское правительство заявило о преднамѣреніи привлечь къ военной службѣ всѣ сословія и измѣнить самый способъ отбыванія воинской повинности. Россія въ войнѣ Франціи съ Пруссіей держала сторону Пруссіи, которая въ вознагражденіе помогла Россіи уничтожить Парижскій трактатъ.

Экономическій бытъ крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, не улучшается, а прогрессивно понижается: кабаки, семейные раздѣлы, истребленіе лѣсовъ, уничтоженіе луговъ и пастбищъ сильно дѣйствуютъ на пониженіе плодородія земли; ежегодное возрастаніе государственныхъ и земскихъ сборовъ на обязательные расходы и, наконецъ, выкупные платежи лишаютъ возможности крестьянъ вести хозяйство; всѣ эти причины дружно ведутъ крестьянъ къ обнищанію. Лица стоящія во главѣ управленія съ поражающимъ равнодушіемъ смотрятъ на нужду народа и безурядицу. Пропадай все и вся, они и глазомъ не

поведутъ, лишь бы имъ было хорошо, лишь бы денегъ, денегъ выжать изъ государственной казны. Корысть, какъ лютая эпидемія, охватила всю администрацію. Тщетно ожидать лучшаго отъ реформъ, когда нѣтъ добросовѣстныхъ исполнителей, когда деньги собираемыя съ народа растрачиваются безъ разумной бережливости, когда всеродное самолюбіе оскорбляется привилегіями, даруемыми чужеземнымъ пришельцамъ, издѣвающимся надъ государственными учрежденіями, когда молящій гласъ народа объ облегченіи его положенія остается гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Если Провидѣніе не пошлетъ спасителя въ лицѣ облеченнаго властью доблестнаго мужа, одареннаго крѣпкимъ разумомъ, непреклонною волею и непоколебимою честностью, Россія, подобно громадному зданію безъ прочныхъ связей, развалится, и память о ней сохранится только въ преданіяхъ; поздніе потомки будутъ указывать на ея паденіе съ такимъ же укоромъ, съ какимъ мы указываемъ нынѣ на паденіе Карѳагена и Римской Имперіи. Не стало чести, не стало гражданской доблести, не стало любви къ отечеству, не станетъ и Россіи, какъ Карѳагена и Римской Имперіи.

Годъ XXX-й.

Съ 1-го Сентября 1871 по 1-е Сентября 1872 г.

Съ 7-го Сентября 1871 года до 4 Октября не проходило дня безъ дождя; часто случалось, что ночью сильный морозъ, а днемъ проливной дождь; флюгеръ вертѣлся безперерывно и нерѣдко показывалъ направленіе вѣтра противуположное теченію облаковъ. Въ продолженіе всего этого времени солнышко словно разгнѣвалось на нашъ уголокъ и скрывалось за облаками. Холодъ, сырость, мгла, словно три близнеца ниспосланы были мучить несчастныхъ обывателей. Въ Октябрѣ дожди шли рѣже, температура воздуха сдѣлалась нѣсколько теплѣе, 28 числа выпалъ снѣгъ и въ тотъ же день сошелъ, затѣмъ снова наступила сырая и туманная погода; горизонтъ покрылся темными тучами такъ плотно, что среди дня съ трудомъ можно было читать. Отдѣлявшіеся отъ земли пары образовали какую-то влажную стихію, пригодную для дыханія земноводныхъ, но не для людей. Дороги до того были дурны, что пара добрыхъ лошадей едва могли тащить пустую телѣгу. Только въ ночь на 27-е выпалъ небольшой снѣжокъ, подмерзло и установился санный путь; но перевозить тяжести нужно было на колесахъ, потому что всѣ возвышенныя мѣста были обнажены. Въ такомъ состояніи оставались дороги до 20 Генваря. Между тѣмъ въ западныхъ губерніяхъ выпало столько снѣгу, что по желѣзнымъ дорогамъ нѣсколько разъ прекращалось движеніе. Въ Февралѣ достаточно выпало снѣгу, морозы усили-

лись и достигли 26°; въ Мартѣ стояла перемѣнная погода. 4 Апрѣля прошелъ сильный дождь, а 5-го былъ ясный день и рѣки вскрылись. Затѣмъ установилась теплая и ясная погода, въ полномъ смыслѣ весенняя, растительность начала быстро развиваться. Въ первой половинѣ Мая стояла самая суровая погода, сопровождавшаяся дождями. Во второй половинѣ солнце пекло словно въ Петровки. Въ Іюнѣ и въ первой половинѣ Іюля ежедневно шелъ дождь, а температура воздуха до того была холодна, что нерѣдко приходилось одѣваться въ теплое платье. Между 15 и 25 Іюля хотя и перепадали дожди, но небольшіе, и уборкѣ хлѣба не мѣшали. Съ 25 Іюля начались жары и продолжались до 8 Августа, а съ 8-го числа термометръ сразу опустился съ 32° на 15, но засуха продолжалась до 26 числа. Въ этотъ день былъ проливной дождь и погода начала измѣняться.

По случаю засухи сѣвъ озимыхъ хлѣбовъ отлагали со дня на день и приступили не ранѣе 15-го Августа; земля была совершенно суха, зерна лежали въ землѣ не трогаясь; рано и поздно посѣянныя начали всходить послѣ бывшаго 26 числа Августа проливнаго дождя. Яровые посѣвы производились: овесъ, въ половинѣ Апрѣля, а гречиха въ разное время. Уборкѣ погода благопріятствовала и потому она шла очень успѣшно, но многіе хозяева потерпѣли значительный убытокъ: желая воспользоваться бывшимъ 26 Августа дождемъ, спѣшили окончить сѣвъ, а скирды оставили непокрытыми; послѣдовавшими затѣмъ сильными дождями промочило всѣ верхи скирдовъ и хлѣбъ попрѣлъ.

Бывшее въ 1871 году Губернское Земское Собраніе представляло два противоположные лагеря, занималось преимущественно интригами; до 50 докладовъ Губернской Управы остались не заслушенными, иные уже два года лежатъ безъ движенія, а между тѣмъ разрѣшеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ составляетъ насущную нужду населенія губерніи. Ревизіонная комиссія, непріязненная Управѣ, очень обрадовалась, найдя въ богоугодныхъ заведеніяхъ безпорядки и злоупотребленія и представила о семъ Собранію. 6 дней продолжались толки и судъ надъ Управою, наконецъ рѣшили сдѣлать ей выговоръ и заявить желаніе Собранія, чтобы она вышла въ отставку въ полномъ составѣ, подъ угрозою, въ противномъ случаѣ, предать ее суду. Предсѣдатель Управы Шеншинъ, человѣкъ честнѣйшій и вполнѣ благонамѣренный, но больной, значительную часть времени проводилъ за границею. Онъ пошелъ служить противъ воли по неотступному желанію гласныхъ Блохинской партіи и пострадалъ совершенно безвинно, но члены дѣйствительно оказались жуликами и ворами. На мѣсто изгнанной Управы, по вліянію губернскаго предводителя дворянства Шереметева, избрана новая Управа изъ его сторонниковъ, по внѣшней обстановкѣ довольно благовидная, но въ сущности

ничего хорошаго не обѣщающая. Шереметевъ по отношенію къ Орловскому земству есть злой демонъ; пока не прекратится его вліяніе на гласныхъ, до тѣхъ поръ не прекратятся интриги и раздоры въ собраніи; до тѣхъ поръ всякая здравая мысль, всякое полезное предложеніе, не отъ него идущія, будутъ забиты потокомъ пошлыхъ фразъ, извергаемыхъ шайкою говоруновъ, разыгрывающихъ жалкую роль скомороховъ, безъ сознанія своей обязанности и достоинства представителей общественныхъ интересовъ. Грустно, а нужно сознаться, что мы не умѣемъ еще пользоваться правами, предоставленными намъ закономъ, и до сей поры не понимаемъ, что общественные интересы тѣсно связаны съ нашими частными интересами. Вотъ и земскія учрежденія, давшія намъ возможность распоряжаться нашими внутренними дѣлами и устранять общественныя нужды, о которыхъ никто доселѣ не думалъ, обращены въ арену интригъ: сначала каждому хотѣлось проявить свою дѣятельность на поприщѣ общественной службы, а потомъ охладѣли, благонамѣренные люди сошли со сцены и замѣнились людьми обыденными.

Личность Шереметева чрезвычайно интересна, какъ замѣчательный субъектъ для наблюденія психолога. Отецъ Шереметева былъ министромъ, самъ онъ въ молодыхъ лѣтахъ возведенъ былъ въ званіе камергера, обладалъ значительнымъ состояніемъ, природа одарила его представительною наружностью, даромъ слова, великолѣпнымъ органомъ, острымъ и предпріимчивымъ умомъ, обогащеннымъ разносторонними свѣдѣніями, превосходной памятью, умѣньемъ заискать къ себѣ расположеніе людей, ему нужныхъ, и, наконецъ, судьба дала ему жену, въ полномъ смыслѣ прелестную женщину по характеру и красотѣ, съ приданымъ въ полмилліона рублей; однимъ словомъ, онъ имѣлъ все, чтобы стать высоко на ступеняхъ гражданской дѣятельности; между тѣмъ всѣ дѣла его грязны, а предпріятія болѣе чѣмъ безразсудны. Такъ напр., заручившись полномочіемъ Губернскаго Земскаго Собранія, онъ исходатайствовалъ у правительства концессію на сооруженіе Орловско-Витебской ж. д., передалъ реализацію капитала Френкелю, а сооруженіе полотна Губонину, выговорилъ у нихъ въ пользу земства оплаченными акціями на 150000 фунтовъ стерлинговъ. Такая выгодная для земства операція произвела фуроръ, въ честь его данъ былъ великолѣпный обѣдъ; но потомъ, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что онъ такую же сумму 150 т. ф. ст. взялъ съ подрядчика себѣ, земцы ополчились на него, произошелъ крупный скандалъ, правительство выказало ему явное порицаніе и лишило предсѣдательствованія въ земскомъ собраніи; деньги онъ растратилъ въ два года блудно на разныя нелѣпыя аферы и утонулъ въ долгахъ, а земство на полученный посредствомъ его капиталъ сдѣлало много полезнаго. Далѣе, вмѣсто того, чтобы стараться примириться съ

правительствомъ и общественнымъ мнѣніемъ, онъ раздражалъ то и другое: правительство допущеніемъ въ собраніи саркастическихъ рѣчей противъ министра внутреннихъ дѣлъ и губернатора, а общество наглымъ деспотизмомъ и интригами противъ несочувствовавшихъ ему гласныхъ. Шереметевъ подобно Борису Годунову можетъ въ утѣшеніе себѣ сказать: хотя Орловскіе земцы и порицаютъ меня, но не забудутъ же они и милліона мною имъ добытаго.

Вслѣдъ за закрытіемъ земскаго собранія открылось дворянское собраніе, постановленія котораго не представляли ничего интереснаго. Въ губернскіе предводители былъ избранъ Шереметевъ. Правительство признало выборы незаконными и не утвердило его въ должности.

На политическомъ горизонтѣ полное затишье. Послѣ страшнаго разгрома Франціи и переустройства Германіи побѣдители и побѣжденные одинаково нуждались въ отдыхѣ. Россія и Австрія вслѣдствіе внутренныхъ реформъ еще болѣе, чѣмъ воевавшія государства, нуждаются въ мирѣ. Въ Испаніи правительство балансируетъ на канатѣ. Во всѣхъ смутахъ непремѣнно участвуютъ Іезуиты. Подѣломъ Бисмаркъ гонитъ ихъ изъ Германіи. Давно пора выгнать ихъ изъ Европы и окончательно уничтожить эту зловредную ассоціацію. Іезуиты подобно хищнымъ птицамъ выпускаютъ свои тщательно скрываемые когти въ людей сильныхъ, вредно вліяютъ на ходъ государственныхъ дѣлъ и парализируютъ развитіе здравыхъ идей въ народѣ. Имъ нужны невѣжество и рабство, потому что свободу мыслей нельзя подчинять индульгенціямъ Св. Отца и собирать за нихъ кучи золота. Попы и въ рясѣ, и въ клобукѣ, и въ шитыхъ золотомъ кафтанахъ, и во фракахъ одинаковы; за небольшимъ исключеніемъ, попъ, въ переводѣ на нравственный языкъ, значитъ: эгоистъ, сребролюбецъ и ненавистникъ чужого благосостоянія.

Говоря о свободѣ мысли, я разумѣю право каждаго гражданина выражать изустно и въ печати свои мнѣнія о народныхъ нуждахъ, о правительственныхъ мѣропріятіяхъ, по скольку одни изъ нихъ могутъ способствовать, а другія затруднять развитіе благосостоянія, но отнюдь не думаю ратовать за утопическія, соціально-комуническія идеи, распространяемыя между недодумавшеюся еще молодежью, при явномъ содѣйствіи прессы. Чтобы сбыть тысячу лишнихъ экземпляровъ журнала, любой издатель не постыдится проводить самую нелѣпую и вредную пропаганду.

По случаю заявленія предсѣдателя Елецкой Земской Управы Трофименко о желаніи его оставить службу, 10 Марта 1872 г. созвано было собраніе. Гласные, обрадовавшись этому, не совсѣмъ искреннему заявленію, обратились ко мнѣ старику съ единодушною и неотступною просьбою балотироваться въ предсѣдатели. Долго я не рѣшался принять на

себя эту тяжелую обязанность, наконецъ уступилъ и былъ избранъ единогласно, съ прибавкою жалованья 1000 рублей. Все это было бы интересно для молодого человѣка, но для меня старика такая честь ничего не имѣетъ привлекательнаго. Я знаю, что меня ожидаютъ труды, превышающіе мои силы; ну, да, авось, Богъ поможетъ и моя служба земству не останется безполезною.

Обзоръ десятилѣтнихъ замѣтокъ

Съ приложеніемъ сравнительныхъ таблицъ за предшествовавшія два десятилѣтія.

Въ десятилѣтней сложности съ 1-го Сентября 1862 г. по 1-е Сентября 1872 г.

Урожай.

За исключеніемъ сѣмянъ десятина дала зерна:

	Четверти.	Мѣры.
Рожь	7	5
Пшеница	6	2
Овесъ	8	3
Гречиха	7	7

Цѣна.

Съ доставкою въ ближайшіе города за четверть:

	Руб.	Коп.
Рожь 9 п. 5 ф.	3	42
Пшеница 10 „ — „	7	66
Овесъ 6 „ — „	1	70
Гречиха 8 „ — „	3	28

Десятина дала валоваго дохода:

	Руб.	Коп.
Посѣянная: рожью	25	—
„ пшеницею	47	84
„ овсомъ	14	26
„ гречихою	23	40

Урожай хлѣба въ данное десятилѣтіе былъ почти равенъ урожаямъ предшествовавшихъ двухъ десятилѣтій, какъ это можно видѣть изъ нижеслѣдующей сравнительной таблицы:

Десятина дала зерна:

	1842—1852.	1852—1862.	1862—1872.
Рожь	7 ч. — м.	7 ч. 3 м.	7 ч. 5 м.
Пшеница	5 „ — „	6 „ 4 „	6 „ 2 „
Овесъ	10 „ 3 „	11 „ — „	8 „ 4 „
Гречиха	6 „ 3 „	5 „ 2 „	7 „ 7 „

Цѣна за четверть.

	1842—1852.	1852—1862.	1862—1872.
Рожь	1 р. 58 к.	2 р. 80 к.	3 р. 43 к.
Пшеница	3 „ 92 „	6 „ — „	7 „ 66 „
Овесъ	1 „ — „	1 „ 50 „	1 „ 70 „
Гречиха	1 „ 97 „	2 „ 82 „	3 „ 28 „

Доходность десятины.

Посѣянная:	рожью....	11 р. — к.	21 р. — к.	25 р. — к.
„	пшеницею.	19 „ 60 „	39 „ — „	47 „ 84 „
„	овсомъ...	10 „ 40 „	16 „ — „	14 „ 26 „
„	гречихою.	12 „ 46 „	14 „ — „	23 „ 40 „

Пшеница часто погибаетъ отъ неблагопріятныхъ климатическихъ условій, а потому для опредѣленія, какой хлѣбъ выгоднѣе сѣять, здѣсь количество зерна, полученнаго въ теченіе десятилѣтія, разсчитано на 10 лѣтъ, а не на число урожайныхъ лѣтъ. Такъ, напр., въ послѣднее десятилѣтіе 1862—72 г. пшеница родилась только 6 лѣтъ, 4-же года, за самымъ маленькимъ исключеніемъ, не возвратила даже сѣмянъ. Если принимать въ расчетъ одни урожайные года, то десятина дала зерна не по 6 четв. 2 мѣры, а по 10 ч. 3 м.

Продажная цѣна за десятину земли:

1842—1852.	1852—1862.	1862—1872.
40 р.	70 р.	125 р.

Арендная цѣна имѣнію опредѣляется количествомъ земли:

1842—1852.	1852—1862.	1862—1872.
5 р.	7 р.	8 р.

Наемъ земли въ разницу на одинъ хлѣбъ:

10 р.	12 р.	15 р.

Удобнаго времени для полевыхъ работъ въ 10-лѣтней сложности причитается 6 м. 12 д.

Отношеніе благополучныхъ къ тяжелымъ годамъ для нашего края представляется въ слѣдующемъ видѣ:

	1842—52.	1852—62.	1862—72.
Благополучныхъ........................	4	5	7
Тяжелыхъ по причинѣ худого урожая и неудовлетворительности здоровья..........	4	3	3
Бѣдственныхъ по причинѣ холеры и войны.	2	2	—

Дворянскія имѣнія, какъ я предсказалъ еще въ началѣ крестьянской реформы, быстро переходятъ въ руки купцовъ и разночинцевъ. Въ Елецкомъ уѣздѣ болѣе уже $^1/_3$ части дворяне сдѣлались безпомѣстными, неопредѣленными личностями. Въ ущербъ улучшенія сельскаго хозяйства возникаетъ спекуляція недвижимыми имѣніями. Землевладѣльцы-дворяне, получающіе годового дохода свыше 5000 р., не живутъ въ деревняхъ и только лѣтомъ пріѣзжаютъ на короткое время. Имѣніями ихъ завѣдываютъ управляющіе или арендаторы; бывшаго Русскаго хлѣбосольства не стало, но водка въ большомъ ходу.

Послѣднее десятилѣтіе 1862—1872 г. хотя не ознаменовалось никакими особенными бѣдствіями, но вообще оно тяжелѣе предшествовавшихъ двухъ десятилѣтій: реформы, какъ бы онѣ ни были благодѣтельны, всегда дѣйствуютъ въ началѣ неблагопріятно на бытъ народа. Продол-

жительный Польскій мятежъ, разорившій Западный край, неурожай въ Восточно-Западныхъ губерніяхъ, сопровождавшійся голодомъ со всѣми его послѣдствіями; увеличеніе налоговъ, далеко не несоотвѣтствующихъ средствамъ крестьянъ и, наконецъ, преднамѣренное усиленіе пьянства *) завершаютъ зло, съ которымъ народъ долженъ бороться.

Семейное положеніе крестьянъ характеризуется слѣдующимъ разсказомъ. Идетъ мужикъ по улицѣ—шатается, пришелъ въ хату—ругается, жена у порога плачетъ, рукавомъ слезы утираетъ—приговариваетъ: «были мы жители — стали бобыли, разорилъ мужъ-пьяница». Начнетъ мужа урезонивать: «Ни, ни возражаетъ мужъ; Царь велѣлъ, на сходѣ указъ читали: пей, мужички, да гуляй, на то вамъ и волюшка дана. Тяжело жена вздыхаетъ—стыдно по міру идти, да нужда велитъ: дѣти ѣсть хотятъ, а въ домѣ хлѣба ни куска. Да! губитъ сивуха народъ православный, а правительство видитъ, да ухомъ не ведетъ. Всегда пили мужички водочку, но да такого безобразія никогда еще не доходило пьянство, какъ со введенія акцизной системы. Расчетъ на увеличеніе дохода казны оказался вѣренъ, но и то вѣрно, что въ той же прогрессіи понизилось благосостояніе народа: теперь уже $1/3$ бывшихъ домохозяевъ перешла въ состояніе бобылей. Сердце сжимается, смотря на ихъ бытъ. Никакія реформы, ни грамотность, о распространеніе которой хлопотать вошло въ моду, не въ состояніи вывести крестьянъ изъ нынѣшняго жалкаго положенія и поднять ихъ нравственный уровень, пока не уменьшатъ число кабаковъ и не преобразуютъ ихъ изъ мѣстъ разврата въ благоустроенныя заведенія, въ которыхъ будетъ продаваться водка, какъ всякій другой жизненный продуктъ для домашняго употребленія, а не распивочно.

Судебная реформа, такъ высоко поставившая наши суды, начинаетъ упадать въ общественномъ мнѣніи: день ото дня усиливается молва, что не только члены окружныхъ судовъ, но и члены судебныхъ палатъ входятъ въ интимныя отношенія съ адвокатами.

Земскія учрежденія все болѣе и болѣе теряютъ популярность: съ одной стороны правительство парализируетъ ихъ дѣятельность и самостоятельность своими распоряженіями и щедрою рукою возлагаетъ на нихъ обязательные расходы, а съ другой стороны неспособность и недобросовѣстность въ большинствѣ лицъ завѣдывающихъ земскими дѣлами

Вопреки господствующему мнѣнію, что въ видахъ споспѣшествованія разнымъ предпріятіямъ нужно способствовать развитію кредита

*) Вспоминаются слова Іосафата Огрызки И. С. Аксакову: Вы ихъ освободили, а мы (съ К. Я. Гротомъ) вамъ ихъ споимъ. (Слышано отъ И. С. Аксакова). П. Б.

посредствомъ банковъ, на дѣлѣ оказывается, что предложеніе кредита далеко уже превышаетъ дѣйствительную въ немъ потребность, и вслѣдствіе того банки въ необходимости находятся прибѣгать къ рискованнымъ операціямъ, неминуемымъ послѣдствіемъ которыхъ будетъ то, что банки, подобно мыльнымъ пузырямъ, начнутъ лопаться и произведутъ замѣшательство въ дѣлахъ, изъ которыхъ выпутаться будетъ не легко.

Для большей наглядности того состоянія, въ какомъ находятся теперь земледѣліе и хозяйство землевладѣльцевъ, прилагаю къ моимъ замѣткамъ таблицу прихода и расхода по моему имѣнію, которое остается въ томъ же составѣ, въ какомъ находилось въ 1842 году, т. е. заключается въ 250 десятинахъ, бывшихъ до 1847 года въ чресполостномъ, а затѣмъ въ особенномъ владѣніи. При имѣніи никакихъ промышленныхъ заведеній нѣтъ.

БАЛАНСЪ

ПРИХОДА И РАСХОДА.

1862 годъ.

Доходъ:				
Полеводство	1432	р.	70	к.
Садъ	91	„	—	„
Скотоводство	38	„	80	„
Мелочные предметы	59	„	35	„
Оброчныя статьи	78	„	40	„
Итого	1700	р.	25	к.
Расходъ:				
Государ. повинности	22	р.	—	к.
Экономическій	422	„	—	„
Постройки и обзаведенія	196	„	16	„
Итого	640	р.	16	к.
Остается чистаго дохода:				
Деньгами	1060	р.	90	к.
Продуктами	245	„	—	„
Итого	1305	р.	90	к.

1863 годъ.

Доходъ:				
Полеводство	1853	р.	50	к.
Садъ	19	„	60	„
Скотоводство	57	„	—	„
Мелочные предметы	28	„	—	„
Оброчныя статьи	229	„	50	„
Итого	2187	р.	60	к.
Расходъ:				
Государ. повинности	86	р.	—	к.
Экономическій	750	„	55	„
Постройки и обзаведеніе	169	„	58	„
Итого	1006	р.	13	к.

Остается чистаго дохода:

Деньгами .... 1181 р. 47 к.
Продуктами .... 166 „ — „

Итого .... 1347 р. 47 к.

1864 годъ.

Доходъ:

Полеводство .... 1074 р. 50 к.
Садъ .... 204 „ 25 „
Скотоводство .... 60 „ 15 „
Мелочные предметы .... 166 „ 20 „
Оброчныя статьи .... 152 „ 50 „

Итого .... 1657 р. 60 к.

Расходъ:

Государ. повинности .... 20 р. 40 к.
Экономическій .... 592 „ — „
Постройка и обзаведеніе .... 300 „ 20 „

Итого .... 912 р. 60 к.

Остается чистаго дохода:

Деньгами .... 745 р. — к.
Продуктами .... 217 „ — „

Итого .... 962 р. — к.

1865 годъ.

Доходъ:

Полеводство .... 2135 р. 80 к.
Садъ .... — „ — „
Скотоводство .... 106 „ 90 „
Мелочные предметы .... 19 „ — „
Оброчныя статьи .... 225 „ — „

Итого .... 2486 р. 70 к.

Расходъ:

Государ. подати .... 28 р. 32 к.
Экономическій .... 644 „ 57 „
Постройки и обзаведенія .... 487 „ 36 „

Итого .... 1160 р. 25 к

Остается чистаго дохода:

Деньгами .... 1326 р. — к.
Продуктами .... 273 „ — „

Итого .... 1599 р. 45 к.

1866 годъ.

Доходъ:

Полеводство .... 2043 р. — к.
Садъ .... 299 „ — „
Скотоводство .... 3 „ 25 „
Мелочные предметы .... 10 „ 45 „
Оброчныя статьи .... 668 „ — „

Итого .... 3023 р. 70 к.

Расходъ:

Государ. повинности	24	р.	— к.
Экономическій	781	„	80 „
Постройки и обзаведеніе	644	„	— „
Итого	1449	р.	80 к.

Остается чистаго дохода:

Деньгами	1573	р.	90 к.
Продуктами	221	„	40 „
Итого	1795	р.	30 к.

1867 года.

Доходъ:

Полеводство	1911	р.	18 к.
Садъ	—	„	— „
Скотоводство	51	„	70 „
Мелочные предметы	23	„	— „
Оброчные статьи	441	„	50 „
Итого	2427	р.	38 к.

Расходъ:

Государств. подати	35	р.	— к.
Экономическія	500	„	35 „
Постройки и обзаведеніе	390	„	— „
Итого	925	р.	35 к.

Остается чистаго дохода:

Деньгами	1502	р.	03 к.
Продуктами	175	„	25 „
Итого	1677	р.	28 к.

1868 года.

Доходъ:

Полеводство	2615	р.	80 к.
Садъ	125	„	— „
Скотоводство	99	„	25 „
Мелочные предметы	28	„	— „
Оброчныя статьи	425	„	— „
Итого	3293	р.	05 к.

Расходъ:

Государств. повинности	16	р.	— к.
Экономическій	464	„	59 „
Постройки и обзаведеніе	283	„	— „
Итого	763	р.	59 к.

Остается чистаго дохода:

Деньгами	2529	р.	46 к.
Продуктами	205	„	— „
Итого	2734	р.	46 к.

1869 года.

Доходъ:

Полеводство	1950	р.	— к.
Садъ	—	„	— „
Скотоводство	34	„	— „
Мелочные предметы	10	„	— „
Оброчныя статьи	218	„	— „
Итого	2212	р.	— к.

Расходъ:

Государств. повинности	25 р.	91 к.
Экономическій	763 „	69 „
Постройки и обзаведеніе	104 „	— „
Итого	866 р.	60 к.

Остается чистаго дохода:

Деньгами	1345 р.	40 к.
Продуктами	208 „	— „
Итого	1563 р.	40 к.

1870 года.

Доходъ:

Полеводство	747 р.	10 к.
Садъ	250 „	— „
Скотоводство	169 „	— „
Мелочные предметы	3 „	— „
Оброчныя статьи	107 „	— „
Итого	1276 р.	10 к.

Расходъ:

Государств. повинности	25 р.	33 к.
Экономическій	780 „	— „
Постройки и обзаведеніе	244 „	10 „
Итого	1049 р.	43 к.

Остается чистаго дохода:

Деньгами	226 р.	67 к.
Продуктами	253 „	— „
Итого	479 р.	67 к.

1871 года.

Доходъ:

Полеводство	2061 р.	55 к.
Садъ	200 „	— „
Скотоводство	155 „	25 „
Мелочные предметы	6 „	— „
Оброчныя статьи	223 „	— „
Итого	2645 р.	80 к.

Расходъ:

Государств. повинности	26 р.	61 к.
Экономическій	1100 „	— „
Постройки и обзаведеніе	402 „	20 „
Итого	1528 р.	81 к.

Остается чистаго дохода:

Деньгами	1116 р.	99 к.
Продуктами	260 „	— „
Итого	1376 р.	99 к.

Чистый доходъ имѣнія въ 10-лѣтней сложности:

1842—1852.	1852—1862.	1862—1872.
668 р.	1206 р.	1494 р.

Доходность десятины земли въ круглой сложности:

2 р. 50 к.	4 р. 80 к.	5 р. 90 к.

Такой результатъ, выведенный изъ дѣйствительной доходности имѣнія, представляетъ для разрѣшенія слѣдующіе вопросы.

1) Если за послѣднее время, по приведенному расчету, десятина земли въ круглой сложности приноситъ дохода только 5 р. 90 к., то какимъ путемъ арендаторы извлекаютъ выгоды изъ имѣній, платя владѣльцамъ аренды по 8 рублей?

Арендаторы раздаютъ землю въ розницу и берутъ съ крестьянъ не менѣе 15 р. за десятину на одинъ посѣвъ, или ведутъ хозяйство самымъ хищническимъ образомъ, не дѣлая никакихъ затратъ на устройство имѣнія, а это составляетъ значительную часть расхода для владѣльца. Притомъ, вслѣдствіе прироста земледѣльческаго населенія, наемная цѣна земли по десятинно возвышается послѣдовательно.

2) Почему дворяне-землевладѣльцы разоряются, когда цѣнность и доходность недвижимыхъ имѣній прогрессивно возвышается?

Упраздненіе крѣпостного права нисколько не уменьшило доходности имѣній, а, напротивъ, какъ видно изъ вышеприведенныхъ цифръ, доходность увеличивается по мѣрѣ возвышенія цѣнъ на земледѣльческіе продукты. Но веденіе хозяйства усложнилось, потребовало неусыпной дѣятельности, строгой расчетливости и ограниченія послѣдовательно увеличивающихся потребностей жизни, а такія условія вовсе не гармонируютъ ни съ характеромъ, ни съ привычками, ни даже съ практическими познаніями сельскаго хозяйства въ большинствѣ Русскихъ дворянъ.

И. Пушечниковъ.

*

За сообщеніе въ „Русскій Архивъ" этой сельско-хозяйственной лѣтописи обязаны мы благодарностью Сергію Николаевичу Шёнигу (бывшему губернскому предводителю Орловскаго дворянства). Своеручный подлинникъ, 300 страницъ, переплетенъ, и на оборотѣ переплета наклеенъ фотографическій портретъ писавшаго съ подписью (чужою рукою): „Иванъ Васильевичъ Пушечниковъ". Это старичекъ съ умнымъ, но скромнымъ выраженіемъ лица. Пушечниковы—старинные дворяне. Одинъ изъ нихъ былъ воеводою въ Вяткѣ, другой товарищемъ Астраханскаго воеводы. Надѣемся, что лица, знавшія достопочтеннаго Ивана Васильевича, подѣлятся своими воспоминаніями о немъ съ читателями „Русскаго Архива". П. Б.

ДНЕВНИКЪ ИВАНА МИХАИЛОВИЧА СНѢГИРЕВА *).

1864-й годъ.

12. Въ Университетской церкви служилъ викарій Савва. Тамъ видѣлся съ кн. М. А. Оболенскимъ, П. П. Корниловымъ, попечителемъ Левшинымъ. Послѣ обѣдни, проповѣди и молебна былъ актъ въ залѣ собранія. Ректоръ Баршевъ прекрасно читалъ отчетъ, Матюшенко диссертацію о наростахъ, Любимовъ воспоминанія о профессорѣ Зерновѣ. Собраніе было скромно, безъ рукоплесканій. Завтракъ у ректора съ тостами. Пѣли, качали новаго генерала Н. Крылова. Я зашелъ къ Н. Д. Брашману. Слышалъ отъ д. Соколова о прозрѣніи 17 л. гимназиста Петрова послѣ молебна свят. Алексію въ Чудовѣ м., когда окулисты Браунъ и др. объявили, что лишенъ надежды возвратить зрѣніе. Споръ врачей.

14. Поутру я прочелъ съ П. М. Терновскимъ свое описаніе университетскаго акта, снесъ его къ Н. Ф. Павлову, отъ него получилъ 5 руб.

22. Я ѣздилъ къ А. Мартынову, у котораго встрѣтилъ Г. В. Есипова, отъ него слышалъ о смерти Московскаго военнаго губернатора Павла Алексѣевича Тучкова, скончавшагося вчера отъ жабы въ 7 час. вечера. Зашелъ къ Х. Д. Спиридонову, у котораго занялъ 10 р. с., купилъ живности въ Охотномъ ряду. Обѣдалъ у Крашенинниковыхъ, заѣзжалъ къ г. Кашинцеву, сказался больнымъ, къ С. М. о мѣстѣ для Андрея; вечеръ провелъ у Н. И. Крылова съ Н. А. Рамазановымъ, д. Постниковымъ и пр. до 1 часу за полночь.

23. Поутру былъ у П. И. Иванова и о. Филарета. Обѣдалъ дома. Вечеромъ былъ у Н. П. Розанова, у г. Лешкова.

24. Былъ по своему дѣлу съ Султаномъ-Шахомъ у слѣдственнаго Н. М. Анитова и пилъ у него чай, заѣхалъ къ ректору университета, который сказалъ, что дѣло о книгахъ моихъ кончено, зашелъ въ домъ главнок. поклониться праху П. А. Тучкова. Преосв. Леонидъ служилъ надъ гробомъ панихиду и читалъ Псалтырь. Народъ приходилъ тысячами

---

*) См. выше, стр. 487.

прощаться. Былъ у г. Аксіотиса по своимъ дѣламъ, у преосв. Леонида просить мѣста двумъ семинаристамъ.

27. Съ церемоніей отпѣвали г.-г. Тучкова въ Чудовѣ м. Обѣдню служилъ митроп. Филаретъ съ викаріемъ Леонидомъ и съ кривымъ соборомъ (двумя священниками и архимандритомъ), отпѣвалъ съ двумя архіереями и духовн. Проповѣдь говорилъ протоіерей А. Ключаревъ. На Дѣвичьемъ полѣ народъ отпрягъ лошадей и везъ до Новодѣвичьяго м.

Февраль. 1. Я ѣздилъ къ обѣднѣ на праздникъ Св. Трифона. Тѣснота чрезвычайная. Служилъ архимандритъ Игнатій.

2. Слушалъ у Св. Георгія на Всполье старинное пѣніе по образцу столповаго и написалъ статью для Р. В.

6. Поутру былъ въ ц. Св. Трифона, осматривалъ образа тамъ, служилъ молебенъ Св. Трифону. Въ 3 деп. Сената подалъ апелляцію на Султана, заѣхалъ къ Н. Павлову и къ Николаю Корещенко, который подарилъ мнѣ за мои труды голову сахару, 1 ф. чаю, изюму; черносливу и саго. У насъ ночевала монахиня М. Л. Грушецкая.

7. Я былъ у о. Іоанна Веніаминова, потомъ на желѣзной дорогѣ для полученія посылки отъ г. Есаулова, гдѣ встрѣтился съ Московскимъ военнымъ губернаторомъ М. А. Офросимовымъ, который меня радушно привѣтствовалъ, спрашивалъ, пріятно ли мнѣ, что второй военный губернаторъ изъ университетскихъ и ученикъ моего отца. Разумѣется, какой былъ мой отвѣтъ. Это обратило вниманіе окружавшихъ. Я пожелалъ ему благословенія Божія на управленіе.

8. Зашелъ къ г. Кацари, который въ спорѣ съ сестрою прибилъ ее, къ сожалѣнію моему; упрямство съ той и другой стороны; обѣдалъ у Ю. Н. Бартенева.

9. Поутру ходилъ съ иконописцемъ Леонтіемъ Петровымъ осматривать ц. Св. Трифона, перечиталъ съ протопопомъ Владиміромъ Назаревскимъ свое описаніе церкви; потомъ ѣздилъ къ военному губернатору М. А. Офросимову, который ласково принялъ меня и поговорилъ со мною, проводилъ меня до передней. Я было вслѣдъ за нимъ поѣхалъ въ Новодѣвичій м. на поминки г. Тучкова, но не поспѣлъ. Не заставъ дома г.г. Погодина, Гульковскаго и Бѣляева, обѣдалъ у г. л. Чагина.

20. Съ Мишей я ѣздилъ къ военному г.-г. Офросимову. Я просилъ его о мѣстѣ для сына, котораго ему представилъ. М. А. велѣлъ ему подать о себѣ записку и обѣщалъ просить о немъ, но не приказывать, сыскать и указать мѣсто. Оттуда въ Донской м. къ преосвященному

Евгенію, у котораго позавтракалъ и побесѣдовалъ; оттуда проѣхалъ къ г. Корещенко, которому отдалъ экземпляры описанія моего праздника въ ц. Св. Трифона и отъ него получилъ въ благодарность кофе, свѣчъ и лакомствъ.

Мартъ. 29. Послѣ ранней обѣдни я ходилъ на Смоленскій рынокъ къ д. Гульковскому, но засталъ его спящимъ; прошелъ къ М. П. Погодину, читалъ ему продолженіе своихъ записокъ. Онъ убѣдительно просилъ оканчиватъ ихъ. Въ то время, какъ мы говорили о болѣзни Н. Ф. Павлова, онъ умеръ. Слышалъ о болѣзни С. П. Шевырева въ Парижѣ.

31. Я былъ на панихидѣ по Н. Ф. Павловѣ, умершемъ 63 лѣтъ. Тамъ слышалъ, что и жена его въ Германіи скончала свое многошумное теченіе *). На панихидѣ была сестра покойнаго съ мужемъ д. Гульковскимъ, не видывалась съ нимъ 7 лѣтъ. Н. Я. Богословскій оттуда завезъ меня въ трактиръ Саратовъ, гдѣ меня угостилъ обѣдомъ.

Апрѣль. 1. На отпѣваніи Н. Ф. Павлова въ ц. Трехъ Святителей. Служилъ протоіерей Платонъ Капустинъ. Тамъ видѣлъ Ст. Маслова, М. Погодина, М. Лонгинова, К. Евлича, профессора Соловьева и пр.

10. Поутру я ходилъ и ѣздилъ за Москву р. къ г-ну Аласину, отъ него къ чайному торговцу Попову и заплатилъ ему 4 р. 30 к., купилъ 1 ф. чаю 2 р., зашелъ на Саввинское подворье, гдѣ засталъ службу, пилъ чай у преосвященнаго.

12. Проѣхалъ къ г. Вручинскому, отъ него съ К. П. Шеншинымъ въ Покровскій м. къ архимандриту Паисію, который, по просьбѣ Шеншина, обѣщалъ его принять. Онъ подарилъ мнѣ молитвенникъ и акаѳистъ Покрову Божіей Матери.

15. Поутру я ѣздилъ во Владыкино, гдѣ предъ самою обѣднею исповѣдывался у о. Василія и служилъ молебенъ Св. Архангелу Михаилу и Святителямъ Николаю и Алексію.

16. Богъ сподобилъ меня въ приходской церкви пріобщиться Св. Таинъ. Въ Успенскомъ соборѣ я былъ на умовеніи, гдѣ встрѣтился съ г. Гиляровымъ, который обѣщалъ мнѣ доставить молитвенникъ. Тамъ я соборовался, подарилъ протодіакону календарь. Всенощную слушалъ съ сыномъ Андреемъ и невѣсткою Елисаветою на Троицкомъ подворьѣ, гдѣ челъ 12 евангелей митроп. Филаретъ.

17. Я всталъ въ заутрени. Шелъ съ утра снѣжокъ. Былъ у А. А. Хлудова, въ почтамтѣ, въ ц. Св. Константина и Елены на Подолѣ въ

*) Слухъ невѣрный: Каролина Карловна скончалась много позднѣе. П. Б.

Кремлѣ, въ Успенскомъ соборѣ и въ Чудовѣ м., гдѣ встрѣтился съ Н. М. Аласинымъ *), который угостилъ меня въ трактирѣ. Я заходилъ къ Н. П. Гилярову.

18. Великая Субота. Ночью, прочитавъ акаѳистъ Покрову Божіей Матери, я дождался святого звона къ заутренѣ.

19. Одинъ ходилъ къ ней въ свою приходскую церковь, а къ ранней обѣднѣ на Троицкое подворье, гдѣ христосовался съ митрополитомъ; потомъ, разговѣвшись дома съ женою, отправился въ Успенскій соборъ къ обѣднѣ. Въ Анетиной каретѣ ѣздилъ съ визитами къ г. Сушкову, Сычинскому, Толмачеву, Лобкову, Бояркину, Благонравову, коменданту Корнилову, кн. Трубецкому.

30. За обѣдней у Владимирской Богородицы я поминалъ друга моего и кума Я. Е. Арсеньева. На тротуарѣ Тр. ул. я споткнулся и ушибся.

Май. 5. Я просилъ кн. Багратіона о дѣлѣ Шеншина.

6. Поутру ѣздилъ и ходилъ къ сенатору Толмачеву, но у него была панихида по сынѣ его, умершемъ въ С.-Пб.; зашелъ къ А. А. Мартынову по дѣлу, на Боровицкомъ мосту встрѣтился и поговорилъ съ г. Бояркинымъ; былъ у г. Гилярова-Платонова, который подарилъ мнѣ молитвенникъ.

15. Пріѣхалъ Кіевскій митрополитъ Арсеній съ ушибленною ногою, остановился въ Чудовѣ м.

16. Послѣ ранней обѣдни пилъ чай у г. Хавскаго, съ нимъ былъ на панихидѣ по С. П. Шевыревѣ въ Университетской ц., заходилъ поздравить съ Александровской лентой сенатора Щербинина.

17. Былъ у Св. Пимена на поминовеніи С. П. Шевырева. Поминавшими полна церковь. Съ Погодинымъ я заходилъ къ г. Сушкову, узналъ о кончинѣ М. Н. Лихонина.

19. Написалъ письмо поздравительное невѣсткѣ Юліи въ Славянскъ, заходилъ въ Гражданскую Палату, гдѣ встрѣтилъ жену и сына Андрея. Напившись чаю и закусивъ у Н. М., слушалъ вечерню въ Чудовѣ у праздника. У Богоявленскаго м. попался мнѣ г. Вивіенъ, который предлагалъ мнѣ издать описаніе Москвы. Андрей съ женою переѣхалъ въ Всесвятское къ лагерю.

---

*) Никандръ Матвѣевичъ Аласинъ, Сибирякъ, происхожденіемъ отъ князей Тюменьскаго племени: Ала-си. Человѣкъ высокой честности. П. Б.

20. Поутру я заходилъ поздравить съ именинами А. И. Лобкова, обѣдню слушалъ у праздника въ Чудовѣ м., гдѣ служилъ митроп. Филаретъ съ викаріемъ Леонидомъ. У митрополита я былъ на завтракѣ съ Н. В. Сушковымъ, потомъ у г. Невоструева. На пути домой я замѣтилъ на воздухѣ клубы дыма и услышалъ о пожарѣ въ Мѣщанской ч. Я поспѣшилъ и увидѣлъ, что рядомъ со мною горитъ домъ Смирновой, улицу и дворъ мой полный солдатъ. Жена моя, не послушавъ совѣтовавшихъ ей выбираться, обнесла вокругъ дома образъ Неопалимыя Купины и бросила въ огонь свѣтлодн. яйцо. Къ вечеру пожаръ погасъ и, Благодареніе Божіей Матери, домъ мой чудомъ сохраненъ.

22. Я былъ у г. Аксіотиса и въ типографіи Бахметева, куда отдалъ оригиналъ. Встрѣтясь съ А. А. Медынцевымъ у П. В. Шереметевскаго, первымъ приглашенъ на завтракъ въ Лоскутный трактиръ.

25. Съ г. Аксіотисомъ ѣздилъ въ Покровскій и Новоспасскій м.

28. Я слышалъ о кончинѣ архіепископа Ирк. Иринея въ Томскомъ м. Его отпѣвали три архіерея: Нилъ, Платонъ Костромской и Игнатій Брянчаниновъ. Онъ и на покоѣ былъ полезенъ многимъ.

Іюнь. 1. Къ митроп. Арсенію, еще больному ногою, побесѣдовалъ съ нимъ и въ благословеніе получилъ отъ него св. просфору. Въ уѣздномъ казначействѣ взялъ пенсію 98 р.

2. Утромъ я ходилъ къ г. Аксіотису, пилъ у него чай, отдалъ г. Чагину должные ему 30 р. с., завтракалъ у Анеты, посидѣлъ у И. Д. Бѣляева при Жидѣ-левитѣ, обѣдалъ у Н. В. Сушкова, дома засталъ у себя дочь свою со внучкой, сына съ невѣсткой, Мишу. Къ намъ переѣхала дѣвица Елисавета Илар. для компаніи.

6. Былъ въ засѣданіи комиссіи во дворцѣ, обозрѣвали реставрированные иконостасы придѣловъ Благовѣщенскаго собора, оттуда проѣхалъ въ Покровскій м., гдѣ у архим. Паисія обѣдалъ; потомъ на Рогожское клодбище, гдѣ былъ военный губернаторъ М. А. Офросимовъ, осмотрѣвшій церковь, часовни и самое кладбище, строеніе колокольни. Церковнаго старосту Аласина и священника не пустили въ богадѣльню и обругали; на это А. жаловался г. Офросимову. Сычинскій защищалъ раскольниковъ. Первый съ Аласинымъ зашелъ къ священнику Виталію и пилъ у него чай со мною. Увидѣвъ меня, онъ при всѣхъ извинялся предо мною, что до сихъ поръ не былъ у меня. Я благодарилъ за вниманіе ко мнѣ. Шутилъ со мною, какъ съ старымъ знакомымъ. Спасибо ему. А. угощалъ меня обѣдомъ въ Московскомъ трактирѣ съ архитек-

торомъ Корневымъ и пр. и довезъ до Троицкаго подворья. Молодецъ въ рѣчахъ и дѣлахъ.

7. На нашей улицѣ праздникъ. Побывавъ на рынкѣ, я слушалъ на Троицкомъ подворьѣ обѣдню и вечерню; первую служилъ митроп. Филаретъ, другую экономъ, къ которому я заходилъ.

9. Поутру я доканчивалъ царствованіе Е. П. и Богоявленскій м., обѣдалъ въ Таганкѣ у А. И. Лобкова съ архим. Паисіемъ и Амфилохіемъ, казначеемъ Покров. и Ѳ. В. Благонравовымъ, который сказывалъ о графѣ Браницкомъ, владѣтелѣ 200.000 душъ.

16. Поутру къ Мишѣ и отъ него къ г. Аласину отнесъ старинный образъ Св. Саввы Звен., за который получивъ 200 р., отнесъ къ М. И. по принадлежности. Послѣ обѣда я ходилъ на Лазарево кладбище помянуть батюшку.

17. Открытіе земства въ Москвѣ.

29. Съ г. Аксіотисомъ я слушалъ обѣдню на Троицкомъ подворьѣ, гдѣ служилъ митроп. Филаретъ; совѣтовалъ эконому поставить въ церкви на память бывшаго престола образъ Св. Апостолъ Петра и Павла, навѣстилъ Ю. Н. Бартенева, обѣдалъ у И. И. Безсомыкина, прежняго товарища по цензурѣ.

30. Поутру я ходилъ въ Успенскій соборъ и въ церковь XII Апостоловъ къ празднику, потомъ къ г. Аласину, въ Донской м. къ обѣднѣ, съ М. М. Евреиновымъ зашелъ поздравить со днемъ рожденія преосв. Евгенія, у котораго и завтракалъ. У него былъ викарій Савва и проч. Евгенію минуло 86 лѣтъ.

Іюль. 1. Я всталъ къ заутрени, былъ у ранней обѣдни въ Грачахъ, у военнаго губернатора, который далъ мнѣ выписку изъ законовъ для опредѣленія Андрея на Амуръ.

2. Я ходилъ въ Петровскій м. къ ранней обѣднѣ въ ц. Свят. Петра, гдѣ праздновали Влахернской Божіей Матери; былъ въ Успенскомъ соборѣ и въ Чудовѣ м.

3. Поутру я ходилъ къ г. Аласину, потомъ въ Успенскій соборъ, гдѣ служилъ обѣдню преосвященный Леонидъ, которому я казалъ извѣстіе о пожертвованіи г. Аласина 26 т. въ церковь. Одобрилъ. Въ контору Ратькова отдалъ написать заемное письмо Спиридонову въ 1580 р. Дома огорченъ женою.

8. Навѣстилъ вдову Шевырева.

9. Ходилъ къ заупокойной обѣднѣ въ Старомъ Пименѣ, куда привезено было тѣло Шевырева изъ Парижа. Служилъ архим. Паисій съ протоіереями и іереями. Присутствовали архим. Амфилохій, старый и новый ректоры Московскаго Университета, Альфонскій и Баршевъ, и нѣкоторые профессоры. Я провожалъ покойнаго до Ваганьковскаго кладбища, гдѣ вкусили заупокойную трапезу. Архим. Амфилохій заѣхалъ ко мнѣ и пилъ чай. Читалъ корректуры.

10. Послѣ ранней обѣдни у Св. Николая въ Грачахъ, гдѣ хранится Риза Господня, я прошелъ въ домъ градоначальника, который тогда занятъ былъ дѣлами, поговорилъ съ оберъ-авдиторомъ объ Андреѣ. Пріѣзжалъ Андрей изъ Всесвятскаго. Поздно вечеромъ пріѣхалъ Андрей, которому я выпросилъ у кухарки 3 р., пьяный, нашумѣлъ, набуянилъ. Я его не видалъ, а слышалъ; потомъ уѣхалъ.

12. У ранней обѣдни въ ц. Св. Николая въ Драчахъ; посидѣлъ у сына Н. П. Розанова. Ночью пріѣзжалъ Андрей въ истерикѣ послѣ задержанія его въ Срѣтенской части съ Даниловымъ въ закладѣ у Жида образовъ. Онъ кричалъ, плакалъ и стоналъ и съ матерью уѣхалъ подъ утро въ Всесвятское. Мнѣ не дали уснуть.

13. По дѣлу сына Андрея я былъ у Сычинскаго и графа Крейца, которому объяснилъ невѣрно ему доложенное, заходилъ въ канцелярію военнаго губернатора, къ С. Н. Орловскому, у котораго занялъ 10 р. Священнику ц. Ѳеодора Студита Преображенскому указалъ могилу у алтаря родителей Суворова и совѣтовалъ возобновить надгробія.

16. Утромъ я ходилъ къ Н. М. Аласину, у котораго нашелъ архим. Амфилохія, пили чай. Въ Спасскихъ воротахъ я потерялъ кошелекъ съ деньгами, справлялся въ ордонансгаузѣ о дѣлѣ Андреевомъ. Ко мнѣ заѣзжалъ сенаторъ Е. А. Толмачевъ. Обѣдалъ у Н. В. Сушкова, который довезъ меня до дому въ своей каретѣ.

18. Пришелъ въ ц. Космы и Даміана въ Шубинѣ, гдѣ отпѣвалъ священника Ивана Николаевича Аничкова викарій Савва съ тремя архимандритами, протоіереями и священниками. В. П. Нечаеву я отдалъ свою статью объ Н. М. Аласинѣ для напечатанія въ Душеполезномъ Чтеніи.

22. Я отдалъ статью свою о Василіи Блаженномъ В. П. Нечаеву, у котораго и обѣдалъ въ саду съ его родственникомъ; навѣстилъ г. Ундольскаго, котораго нашелъ очень больнымъ и ненадежнымъ, но раздражительнымъ по болѣзни и характеру.

24. Послѣ ранней обѣдни у Троицы на Листахъ, я зашелъ къ А. И. Хлудову, у котораго дѣлалъ выписки изъ рукописнаго Житія Василія

Блаженнаго, пилъ въ саду чай. Обѣдалъ я въ Покровскомъ м. уархим. Паисія съ Тифлисскимъ протопопомъ. На Полуярославскомъ мосту встрѣтилъ меня какой-то пожилой человѣкъ, повидимому мѣщанинъ, который съ восторгомъ меня хвалилъ, цѣловалъ мнѣ руки и ноги. Это вѣрно мой читатель.

28. Проѣхалъ въ Новодѣвичій м., гдѣ служилъ преосв. Леонидъ. Тамъ я встрѣтилъ военнаго генералъ-губернатора Офросимова, который послѣ обѣдни ждалъ на крыльцѣ игуменскихъ келій болѣе часа преосвященнаго вмѣстѣ со мною и полицмейстеромъ Дурново. Съ нимъ, преосв. Леонидомъ и Никаноромъ, архим. Игнатіемъ и Іаковомъ, Н. В. Сушковымъ, М. К. Гульковскимъ и пр. я обѣдалъ у игуменьи. Я заходилъ къ И. Д. Бѣляеву прочесть съ нимъ корректуру Исторіи города Москвы. Смотрѣлъ комету ночью.

29. Въ Чудовѣ м., отобѣдавъ у о. архим. Веніамина, пересматривалъ Чудовскія Четьи-Минеи.

Августъ. 1. Съ г. Аксіотисомъ я ѣздилъ въ Симоновъ м. къ архим. Порфирію, который просилъ меня собрать матеріалы для исторіи Симонова монастыря. Тамъ я обѣдалъ съ отставнымъ архимандритомъ изъ Польскихъ Жидовъ. Оттуда мы поспѣли къ обѣду къ Н. Н. Благонравовой. На перепутьѣ я зашелъ ко всеношной въ ц. Трехъ радостей Божіей Матери.

2. Я былъ на маломъ освященіи ц. Спаса на Пескахъ, священнодѣйствовалъ митроп. Филаретъ съ о. Игнатіемъ. Послѣ я зашелъ на закуску съ митроп. Филаретомъ къ священнику-имениннику. Тамъ былъ и г. Флеровъ. Благочинный отъ Покрова въ Кудринѣ сказывалъ, что на Ваганьковскомъ кладбищѣ въ могилѣ нашли недавно станокъ съ камнемъ для оттиска 25 р. асс. Обѣдалъ съ о. Игнатіемъ и пр. у старосты церковнаго Исаіи Мартыновича въ домѣ бывшемъ А. Татаринова, гдѣ обновилось многое въ памяти моей. Не заставъ А. А. Мартынова, я завернулъ къ А. А. Денисовой, отъ нея къ В. П. Нечаеву и къ преосв. Евгенію въ Донской м.

3. Я навѣстилъ А. И. Лобкова, поздравлялъ его съ военнымъ мундиромъ, прочелъ ему Житіе Св. Василія Блаженнаго. Въ Патріаршей библіотекѣ забиралъ справки по этому предмету.

12. Наканунѣ я возвратился изъ СПБ. часу въ 8 вечера.

13. Поутру я ѣздилъ къ Н. М. Аласину, который довезъ меня до В. П. Нечаева. Встрѣтивъ на дорогѣ г. Сорокина, прочелъ съ нимъ въ трактирѣ написанную мною жизнь Василія Блаженнаго.

15. Къ обѣднѣ въ Успенскій соборъ прибылъ Государь Императоръ съ великими князьями Александромъ, Владиміромъ, Сергіемъ. Послѣ обѣдни митроп. Филаретъ сопровождалъ ихъ къ чудотворнымъ иконамъ и мощамъ. Митрополитъ, казалось, доживалъ послѣдніе дни.

16. Послѣ ранней обѣдни въ своемъ приходѣ я проѣхалъ въ Петровскій дворецъ, гдѣ не улучилъ графовъ Адлерберга и Перовскаго. Меня зазвалъ къ себѣ Г. Е. Порѣцкій.

17. Утромъ я ѣздилъ въ Петровскій дворецъ, гдѣ видѣлся съ А. И. Философовымъ и графомъ Перовскимъ, который взялъ у меня мое письмо для доставленія графу Адлербергу. Вечеромъ заѣзжалъ ко мнѣ А. А. Мартыновъ, которому я отдалъ корректуру съ дополненіями, отъ него услышалъ о кончинѣ Ѳеодора Петровича Глѣбова-Стрѣшнева. Собравшись ѣхать въ Петровскій дворецъ, я у себя на крыльцѣ на лѣстницѣ поскользнулся, упалъ и ушибся.

18. Я всталъ въ заутрени, былъ у ранней обѣдни у Троицы на Листахъ, оттуда, побрившись, проѣхалъ къ г. Аласину, у котораго я былъ свидѣтелемъ обличенія штабсъ-капитана Попова, который оболгалъ квартальнаго и обманулъ Аласина. Когда онъ сознался въ обманѣ, Н. М. простилъ и принялъ на свой счетъ доставить виновнаго съ семействомъ въ Кіевъ. Великодушный поступокъ. Н. М. показывалъ мнѣ свою фотографію, великолѣпно устроенную, и угостилъ меня въ трактирѣ. Императоръ съ фамиліей отправился въ 11 ч. ночи въ СПБ. Въ этотъ день въ Измайловской военной богадѣльнѣ по случаю полувѣкового ей юбилея былъ обѣдъ и празднество, на которомъ присутствовалъ Государь съ великими князьями. Служилъ преосвященный Леонидъ.

19. По городской почтѣ я послалъ къ коменданту Корнилову записку о церкви Похвалы Божіей Матери на Потѣшномъ дворѣ и поздравленіе съ именинами А. В. Хрущеву.

21. Поутру я заходилъ къ А. И. Хлудову, у котораго занялъ 10 р.; казалъ ему очеркъ житія Св. Василія Блаженнаго; отъ него проѣхалъ на Преображенское кладбище на отпѣваніе фабриканта В. В. Носова. Послѣ отпѣванія въ церкви, я съ Н. Е. Сорокинымъ обѣдалъ на дому у покойнаго Носова. Посѣтителей было множество. Столъ роскошный.

23. Слушалъ обѣдню въ Покровскомъ м., гдѣ встрѣтился съ г. Савостьяновымъ, обѣдалъ у архимандрита Паисія. Во снѣ я видѣлъ, что получилъ будто отъ великихъ князей золотой перстень съ аметистомъ и еще какіе-то подарки и бумаги.

25. За мною пріѣхалъ А. Е. Толмачевъ, директоръ Измайловской

богадѣльни, гдѣ я ночевалъ, принятый весьма ласково хозяиномъ и его дочерьми.

26. На другой день, позавтракавъ, мы осматривали богадѣльню и бараки. Директоръ представлялъ мнѣ всѣхъ чиновниковъ своихъ, съ которыми я у него обѣдалъ. Въ богадѣльнѣ чистота и порядокъ, содержаніе достаточное.

Сентября. 3. Взявъ экз. статьи о Св. Василіи Блаженномъ, завернулъ къ преосв. Леониду, у котораго засталъ ректора Московской семинаріи Игнатія. Преосв. Леонидъ благословилъ меня образомъ Св. Саввы Сторожевскаго. Обѣдалъ у сенатора Толмачева съ его свойственникомъ Тимашевымъ Александромъ Егоровичемъ, генералъ-адъютантомъ, который сказалъ, что давно меня знаетъ по моимъ трудамъ и меня уважаетъ.

5. Утромъ рано я ѣздилъ къ сенатору Толмачеву по его просьбѣ на счетъ статьи. Отъ него я прошелъ къ министру юстиціи Д. Н. Замятину, которому поднесъ свои статьи. Онъ разспрашивалъ меня о моихъ занятіяхъ. Въ обращеніи его замѣтно радушіе. При немъ правителемъ г. Хвостовъ. Г. Толмачеву я отдалъ для Измайловской богадѣльни 40 экз. своихъ статей, какъ пожертвованіе.

6. Ко мнѣ пріѣзжалъ А. Е. Толмачевъ, съ которымъ я перечиталъ и подписалъ статью о 50-лѣтнемъ юбилеѣ въ Измайловѣ и ѣздилъ съ нимъ къ министру юстиціи и къ главнокоманд. М. А. Офросимову.

10. Поутру бѣшеный А. меня обругалъ и оплевалъ, какъ сумасшедшій, напугалъ мать, которая ему поблажала, требовалъ денегъ, которыхъ у меня не было. Я ходилъ къ г. Аласину, въ университетъ, былъ у г. Мартынова, обѣдалъ у кн. Ю. А. Долгорукова съ его зятемъ Арсеньевымъ.

11. Поутру я былъ у А. И. Хлудова, гдѣ встрѣтилъ Николая Ивановича Субботина.

17. Поздравивъ съ ангеломъ вдову Шевыреву, прошелъ къ г. Аласину, отъ котораго получилъ 120 р. на выкупъ салопа невѣстки.

20. Послѣ заутрени у Николы въ Грачахъ и обѣдни у Пр. Сергія въ Крапивкахъ, не заставъ А. А. Мартынова, я зашелъ къ А. Е. Толмачеву, пилъ у него чай, завернулъ въ ц. Св. Николы Стрѣлецкаго на освященіе придѣла Св. Евстафія. Купивъ въ Охотномъ ряду съѣстныхъ припасовъ, отправился домой, гдѣ получилъ полемическое письмо отъ И. Бородина.

27. Обѣдалъ у А. И. Лобкова, отъ котораго узналъ объ опредѣленіи сына моего Андрея въ Устюжскій пѣхотный полкъ.

28. День рожденія жены моей. Обѣдня въ Петровскомъ м. Была у насъ А. Горская. Вечеромъ былъ Мартыновъ.

Октябрь 1. Съ А. Е. Толмачевымъ я ѣздилъ къ обѣднѣ въ соборъ Измайловской богадѣльни, гдѣ были генералы Ильинъ и А. А. Мартыновъ, тамъ обѣдали. А. Е. меня завезъ ко мнѣ.

3. Митрополитъ Филаретъ возвратился изъ Троицкой лавры послѣ академ. юбилея.

5. Послѣ ранней обѣдни въ Грачахъ я прошелъ къ г. Аласину, который довезъ меня до Кремля, гдѣ я былъ у праздника въ Успенскомъ соборѣ. Дорóгой попала сигарка въ пальто и было сожгла его. Упавши у Св. Василія Блаженнаго, ушибъ ногу. А. И. Лобковъ прислалъ приказъ о моемъ Андреѣ.

6. Андрей мой явился рано въ военномъ мундирѣ. Весь день дома.

7. Поутру я ходилъ къ А. Мартынову, отъ него къ А. И. Лобкову, котораго не засталъ, завернулъ къ Подклюшникову и генералу Ильину, но ихъ не нашелъ. Вечеромъ чувствовалъ себя нездоровымъ и легъ рано въ постель.

8. Рано всталъ до заутрень, былъ у Подклюшникова, который приходилъ ко мнѣ вечеромъ и взялъ у меня нѣсколько лубочныхъ и другихъ картинокъ за 18 р. Отъ И. Бородина была А. Горская. Я обѣдалъ у Н. В. Сушкова, которому читалъ свою статью объ Антонскомъ.

10. Уснувъ съ вечера, всю ночь не спалъ; ходилъ къ А. И. Хлудову, который купилъ у меня рис. коронацію Екатерины II. Отъ ходьбы и ноши усталъ.

11. Послѣ заутрени и ранней обѣдни у Св. Николы въ Грачахъ, былъ въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ служилъ митроп. Филаретъ съ викаріемъ Саввою; послѣ обѣдни шелъ изъ собора съ Лобнаго м. до Иверской, гдѣ встрѣтилъ его градоначальникъ Офросимовъ. Съ комендантомъ Корниловымъ я провожалъ крестный ходъ до Спасскихъ воротъ. На тротуарѣ упалъ и ушибся; прошелъ въ Донской м. къ преосвященному Евгенію, но засталъ его нездоровымъ и занятымъ чтеніемъ газетъ; оттуда ночью домой.

12. Поутру пилъ чай у г. Аксіотиса, помолился въ Успенскомъ соборѣ Іерусалимской Божіей Матери, зашелъ къ сенатору, бывшему моему студенту, Кастору Никифоровичу Лебедеву и просилъ о своемъ дѣлѣ съ Султаномъ, у Н. В. Сушкова обѣдалъ.

13. Я видѣлъ во снѣ, что на голову мнѣ будто надѣли вѣнокъ изъ

васильковъ, и сказалъ: «въ этомъ вѣнкѣ мнѣ хорошо бы лежать во гробѣ».

18. Я всталъ въ соборныя заутрени, безъ пальто ходилъ къ заутренѣ и ранней обѣднѣ въ приходскую церковь. Морозно. Изъ Успенскаго собора былъ крестный ходъ въ Новодѣвичій м. съ древнею плащаницею, присланною изъ Литвы М. Н. Муравьевымъ.

19. Въ типографіи Бахметева просмотрѣвъ корректуру Исторіи Москвы, подалъ просфору на проскомидію въ Страстномъ м.; заходилъ къ М. А. Офросимову, но онъ занятъ былъ докладомъ.

20. Утромъ морозъ и снѣгъ выпалъ. Я ходилъ къ Н. М. Аласину, на Сухареву башню по дѣлу съ подрядчикомъ, безъ обѣда ѣздилъ въ Таганку къ священнику Константину Петровичу для справокъ о Курьерскомъ домѣ на Берсеневкѣ. Полагаютъ, что здѣсь былъ домъ боярина Берсеня Беклемишева.

23. Пріѣзжалъ А. А. Мартыновъ, который уплатилъ мнѣ за 10 л. Исторіи Москвы L рублей.

25. Отслушавъ раннюю обѣдню въ Грачахъ, купилъ сажень дровъ березовыхъ; потомъ для Анеты ходилъ къ полковнику Александру Владимировичу Воейкову *), у котораго засталъ водосвятіе въ конюшнѣ; переговорилъ съ нимъ, потомъ съ встрѣтившимся мнѣ С. В. Перфильевымъ.

26. Зашелъ на именины къ Д. Я. Нефедьеву, гдѣ встрѣтилъ многихъ знакомыхъ. Съ архитекторомъ Герасимовымъ потолковалъ о Кремлевскихъ древностяхъ.

29. Во снѣ видѣлъ митр. Филарета, съ которымъ я ѣхалъ въ каретѣ, у насъ былъ полонъ дворъ каретъ, а домъ гостей. Митр. Филаретъ что-то писалъ у меня на столѣ.

Ноябрь. 1. Я всталъ въ заутрени. Воскресенье. Раннюю обѣдню слушалъ у Троицы на Листахъ, на рынкѣ переговорилъ съ книг. Назаромъ Иван. о лубочныхъ картинахъ, о которыхъ отвѣтъ хотѣлъ дать черезъ недѣлю; зашелъ къ А. И. Хлудову, пилъ у него чай, отъ него къ празднику св. Космы и Даміана, слушалъ тамъ обѣдню и проповѣдь, послѣ которыхъ зазвалъ меня къ себѣ староста церковный П. П. Боткинъ, у него завтракалъ и пѣли синодальные пѣвчіе. Къ намъ привозили Иверскую Божію Матерь. Юбилей Московской семинаріи.

---

*) Эго былъ помощникъ жандармскаго генерала С. В. Перфильева, племянникъ О. С. Аксаковой, прекрасный человѣкъ, проживавшій въ Георгіевскомъ переулкѣ (близъ Малой Никитской), въ своемъ домѣ (нынѣ князя В. А. Голицына). П. Б.

2. Услышалъ о смерти Вукола Мих. Ундольскаго въ клиникѣ. Отъ Андреева кутежа не спалъ всю ночь.

4. На отпѣваніе В. М. Ундольскаго, котораго отпѣвалъ викарій Савва, архимандриты Іаковъ, Амфилохій и Ѳеодосій, нѣсколько протоіереевъ и іереевъ, довольно членовъ Историческаго Общества. Распоряжалъ похоронами А. И. Хлудовъ.

5. Просилъ преосв. Леонида о студентѣ семинаріи Иванѣ Дмитріевичѣ, желающемъ занять дьяконское мѣсто въ Кожевникахъ. Обѣщалъ ходатайствовать у митр. Филарета. А. А., напившись, разогнала людей, буянила, бросала въ меня стульями, разбила объ меня графинъ, окровянила мнѣ руки, ругала неприличными словами. Все это отъ водки. Стыдъ, безчестіе дому и фамиліи и разстройство.

6. Я всталъ въ соборныя заутрени, не спавши цѣлую ночь. А. А. кричала, стучала, безобразничала, хлопала дверями, какъ безумная и неистовая. Вотъ какое мнѣ искушеніе и разстройство! А. А. напоминаетъ мнѣ наглость отца своего, легкомысліе и колобродство матери *), молится, проклинаетъ, благословляетъ, ругается и смѣется, хвастаетъ и похабничаетъ. Каково это видѣть и слышать! Я ходилъ пѣшкомъ къ А. А. Мартынову, который при мнѣ возвратился изъ С.П.-б. и сказывалъ о лестномъ отзывѣ министра Валуева о моей книгѣ о Московскихъ урочищахъ, которую обѣщалъ поднести Государю Императору. Она представлена въ Академію на премію.

7. Утромъ я былъ у А. А. Мартынова, у кн. Ю. Долгорукова, у П. А. Чертова, у священника Г. П. Платонова, у А. В. Хрущева; просилъ у нихъ въ заемъ денегъ для сына, но не досталъ, измучился и усталъ, нашелъ только у Рождественскаго дьякона 6 р. 50 к.; обѣдалъ у сенатора Лебедева. По возвращеніи вечеромъ домой былъ у всенощной на Троицкомъ подворьѣ, гдѣ встрѣтилъ А. Муравьева.

9. Поутру родился у сына моего Андрея сынъ. Я отправлялся въ Покровскій м. къ о. архим. Паисію, но не засталъ его дома, на Троицкомъ подворьѣ занялъ для Андрея у о. эконома Аѳанасія 30 р. с.

10. Изъ Соловецкаго м. была странница, которая разсказывала о тамошнихъ достопамятностяхъ. В. А. Чижову казалъ статью свою о трактирахъ. Былъ въ комиссіи, гдѣ рѣшилъ дѣло съ Шведомъ на 115 р. до 2 Декабря сего года.

---

*) Мать Анны Андреевны Снѣгиревой была Итальянка родомъ, въ молодости красавица и балерина на театрѣ. П. Б.

11. День моей свадьбы; помянулъ митроп. Платона, въ 1812 году скончавшагося тогда. Оттуда къ Н. М. Аласину, который прочелъ мнѣ просьбу Государю о снятіи наложенной на раскольниковъ вселен. патріархами клятвы въ 1667 г. Это поведетъ къ важнымъ послѣдствіямъ. Митроп. Филаретъ на это согласился. Многіе подписались. Отъ Н. М. я проѣхалъ къ празднику св. Мины, Виктора и Викентія у Зачатія въ Углу, гдѣ отъ священника получилъ св. просфору. Въ своей улицѣ встрѣтился съ гг. Аласинымъ и Сорокинымъ, которые ѣхали къ митроп. Филарету съ просьбою; ихъ нашелъ въ гостинницѣ Ярославль.

Декабрь. 1. Съ Андреемъ я ходилъ на Троицкое подворье поздравить митрополита Филарета съ именинами, застали молебенъ.

4. Я ходилъ и ѣздилъ къ г. Аласину, который ѣхалъ въ С.П.-б. съ Сорокинымъ и Гучковымъ по дѣлу о снятіи клятвы съ единовѣрцевъ; оттуда къ обѣднѣ въ Донской м., гдѣ встрѣтился съ П. А. Новиковымъ и его сыномъ изъ Константинополя, съ кн. Александромъ Ивановичемъ Долгоруковымъ, которые со мною были у преосв. Евгенія. По возвращеніи домой я былъ у двухъ именинницъ, дочери протопопа И. С. Орлова и жены приходскаго священника. У сына Андрея были крестины дочери Людмилы. Крестнымъ отцемъ былъ Е. Кацари, а матерью дочь г. Вручинскаго. Закуска и танцы.

6. Навѣстилъ Ю. Н. Бартенева, который хлопочетъ о своемъ духовникѣ, полвѣка священствующемъ.

8. П. И. Боткинъ подарилъ мнѣ фунтъ чаю; отъ него къ П. П. Корнилову и къ А. Е. Толмачеву, у котораго засталъ подрядъ на съѣстные припасы для Измайловской богадѣльни, и обѣдалъ съ его чиновниками и сыномъ.

11. По жалобѣ маляра приходилъ квартальный съ писаремъ и добросов. и меня растревожилъ.

12. Проѣхалъ къ г. Аласину, въ ц. Утоленія Печали и въ Новоспасскій м. къ архим. Агапиту, обѣдалъ въ Московскомъ трактирѣ у Аласина. Вступилъ къ намъ дворникомъ Иванъ по 4 р.

15. Я ходилъ пѣшкомъ по своему дѣлу къ г. Родзевичу*), отъ него къ г. Хавскому, уѣхавшему въ С.-Пб., потомъ къ священнику Г. П. Платонову, которому отдалъ статью свою объ А. А. Антонскомъ. Онъ просилъ меня написать извѣстіе о депутаціи единовѣрцевъ къ Госуда-

---

*) Достопочтенный Игнатій Михайловичъ Родзевичъ, отличный преподаватель Латинскаго языка въ Рязанской гимназіи, перешедшій въ Православіе изъ уніатовъ. Графъ С. Г. Строгановъ вызвалъ его изъ Рязани и опредѣлилъ правителемъ канцеляріи Московскаго генералъ-губернатора. П. Б.

рю 6 Декабря о цѣли ея. Отвѣтъ имъ благопріятный, который обнаружилъ отношеніе Государя къ церкви. Тамъ встрѣтился съ св. Сергіевскимъ, обѣдалъ у г. Погодина, которому отдалъ для просмотра статью свою о Кремлѣ. Ночью Андрей пришелъ отъ Вручинскаго пьянымъ и буянилъ, не давалъ мнѣ покою, кричалъ, ругался, богохульничалъ, пугалъ мать свою собаками, грозился себя и насъ убить. Я не спалъ всю ночь.

16. Утромъ я былъ у г. Аласина и въ Москворѣцкихъ баняхъ.

18. Поутру скончался добрый приходскій нашъ священникъ Аркадій Казанскій.

19. Вечеромъ пріѣзжалъ къ намъ съ Аполлинаріей бывшій Иркутскій вице-губернаторъ Александръ Дмитріевичъ Шелеховъ.

20. Заутреню и раннюю обѣдню слушалъ я у Николы въ Драчахъ, съ священникомъ перечиталъ свою статью о единовѣрцахъ; потомъ ѣздилъ въ единовѣрческій Всесвятскій монастырь къ обѣднѣ и молебну, который служили семь іереевъ, игуменья читала Синаксарь. Послѣ обѣдни, въ игуменскихъ кельяхъ былъ актъ, за которымъ по пропѣніи молитвы «Царю Небесный», Сорокинъ прочелъ отчетъ о депутаціи. Монахини пѣли соотвѣтственныя стихиры. Завтракъ. Многолѣтіе. Сочувствіе присутствовавшихъ, выраженное виновнику торжества. По дорогѣ я заѣхалъ въ Рогожскій этапъ къ г. Кацари.

21. Поутру я ѣздилъ и ходилъ къ Лобкову и Хлудову, потомъ на отпѣваніе нашего приходскаго священника Аркадія Вас. Отпѣвалъ дядя его архим. Іаковъ соборнѣ. Надгробное слово говорилъ зять П. М. Терновскаго. Я ѣздилъ къ П. В. Хавскому и къ А. Д. Шелехову, у котораго обѣдалъ.

23. Былъ у г.г. Шелехова, Погодина, Гульковскаго, у священника Якова Даниловича Головина и Бѣляева.

24. Я ѣздилъ къ г. Сорокину, съ которымъ прочелъ статью о благодарственномъ молебствіи 20 Декабря въ Всесвятскомъ единовѣрческомъ м., заходилъ къ П. П. Боткину и къ В. П. Нечаеву, которому отдалъ статью объ Антонскомъ.

28. Поутру я ѣздилъ къ А. Д. Шелехову, у него познакомился съ его зятемъ генераломъ Астафьевымъ, который мнѣ написалъ рецептъ; отъ него въ католическую церковь, гдѣ отпѣвали доктора Овера, но не засталъ выноса.

29. Я ѣздилъ въ Донской м. къ преосв. Евгенію, который мнѣ читалъ наизусть Евангеліе на новый годъ.

ПОТОМСТВЕННЫЕ ДВОРЯНЕ КАНЦЕЛЯРСКАГО ПРОИСХОЖДЕНІЯ.

Извѣстно, что до освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости просвѣщеніе въ Россіи шло весьма тихимъ шагомъ, и поэтому людей съ высшимъ образованіемъ, особенно не въ столицахъ, очень было немного, и то были преимущественно преподаватели учебныхъ заведеній. За недостаткомъ удобныхъ и дешевыхъ путей сообщенія, не всякому родителю было по средствамъ отправлять на дальнее разстояніе своихъ дѣтей для обученія, а слѣдовательно поневолѣ приходилось ограничиваться обученіемъ ихъ лишь въ уѣздныхъ училищахъ. Тогдашніе помѣщики, хотя и имѣли возможность воспитывать дѣтей въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, но предпочитали по преимуществу давать имъ образованіе посредствомъ наемныхъ гувернеровъ и гувернантокъ. Дѣти и другихъ сословій, хотя и достигали окончанія курсовъ въ означенныхъ заведеніяхъ, но таковые всѣ распредѣлялись на службу въ столицахъ по министерствамъ, въ провинціальныхъ же присутственныхъ мѣстахъ служили только лица, преимущественно изъ духовнаго званія, или дѣти чиновниковъ, окончившіе и не окончившіе курса въ уѣздныхъ училищахъ, а также не окончившіе курса въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но за то были еще и такія лица изъ духовнаго званія, которыя нигдѣ не обучались, но подъ руководствомъ своихъ родителей, маломальски изучивши грамоту и побывши нѣкоторое время церковными причетниками, потомъ, по какимъ-то побудительнымъ причинамъ и счастливымъ случаямъ, поступали на государственную службу. Правда, въ то время поступали на службу и потомственные дворяне, получившіе домашнее воспитаніе, но они всѣ служили управляющими, предсѣдателями или же совѣтниками, т. е. начальниками отдѣленій; большая часть изъ нихъ служила только ради одного почета и полученія чиновъ и орденовъ, нисколько не занимаясь и не вникая въ свои служебныя обязанности и всегда безпрекословно подписывая все, что приходило къ нимъ изъ канцеляріи, гдѣ вся мудрость и творилась въ то время посредствомъ столоначальниковъ и секретарей.

Вотъ къ этому-то разряду мудрецовъ привелось примкнуть и мнѣ многогрѣшному, поступившему въ 1849 году въ Нижегородскую Палату Государственныхъ Имуществъ, разумѣется, первоначально писцомъ. Изъ того же разряда образовывались и потомственные дворяне, именно тѣ, которые получили чины коллежскаго ассесора до 1845 г., или же за безпорочную 35-тилѣтнюю службу орденъ Св. Владимира 4-й степени.

При поступленіи моемъ на службу въ Палату я застаəлъ въ ней таковыхъ дворянъ четверыхъ, изъ коихъ одинъ ничѣмъ замѣчательнымъ не отличался, кромѣ какъ пилъ запоемъ, за что и было ему приказано выйти въ отставку; второй, состоялъ въ должности стряпчаго Палаты, Михаилъ Осиповичъ Л., человѣкъ весьма солидный, трезвый и въ добавокъ великій скупецъ. Онъ прежде служилъ по питейной части до существованія еще откуповъ, когда продажей питій завѣдывала, какъ и теперь, казна; тамъ онъ былъ столоначальникомъ и самъ откровенно разсказывалъ, что поставщикамъ питій притѣсненій онъ не дѣлалъ, а бралъ только въ свою пользу по тогдашнему ассигнаціонному курсу $^1/_2$ коп. съ ведра, которыхъ за годъ составлялось до 2000 р. (въ то время деньги крупныя). Онъ занимался ростовщичествомъ, принимая въ залогъ недвижимую собственность, и оставилъ послѣ своей смерти 80.000 руб., но не ассигнаціями, а уже серебромъ. Однажды онъ насъ сильно разсмѣшилъ своимъ горемъ, происшедшимъ оттого, что, за отсутствіемъ казначея, выдавая намъ жалованье, просчиталъ при этомъ 50 копѣекъ и при этомъ съ грустью сказалъ: „Ну вотъ, господа, вы все меня торопили и торопили, и я просчитался; разумѣется, кто получилъ эти деньги, теперь уже не скажетъ; но за чтоже пострадаетъ мое бѣдное семейство?“.

Затѣмъ двое дворянъ моихъ сослуживцевъ, происходили тоже изъ церковныхъ причетниковъ. Оба они весьма замѣчательныя личности, какъ по образу жизни, такъ и по способу отправленія своихъ служебныхъ обязанностей; много въ этихъ личностяхъ было страннаго. Одинъ бухгалтеръ продовольственнаго стола, Степанъ Семеновичъ Р., а другой дѣлопроизводитель хозяйственнаго отдѣленія Иванъ Петровичъ П. Они нисколько не отстали отъ своихъ ранѣе усвоенныхъ привычекъ. Видимо они тяготились пріобрѣтеннымъ службою своимъ потомственнымъ дворянствомъ и потому всегда избѣгали исконнаго дворянскаго общества, а когда и случалось бывать въ кругу ихъ, то держали себя стѣсненно и униженно, чувствуя себя не въ своей сферѣ и всегда предпочитая простое сословіе. Окостюмировка у нихъ всегда была простая и бѣдная. Оба они любили выпить, но только каждый это дѣлалъ по своей методѣ. Степанъ Семеновичъ всегда водку приносилъ съ собою въ Палату, имѣя ее въ небольшой бутылочкѣ у себя въ карманѣ и въ продолженіе присутственныхъ часовъ нѣсколько разъ выходилъ въ сѣни, гдѣ подъ лѣстницею и выпивалъ глотками изъ горлышка. Иванъ Петровичъ поступалъ иначе. Онъ имѣлъ обыкновеніе выпивать, идя въ Палату, выходя изъ дому часовъ въ 5 утра, т. е. въ то время, когда бывали открыты питейныя, заведенія, которыя при существованіи откуповъ открывались рано. На пути Ивана Петровича въ Палату находилось такихъ заведеній два и одинъ дрянный трактиришка. Въ каждомъ питейномъ домѣ онъ выпивалъ понемногу, бесѣдовалъ съ пришедшими туда для той же цѣли знакомыми, а если таковыхъ не оказывалось, тогда бесѣдовалъ съ самимъ сидѣльцемъ заведенія, а потомъ приходилъ уже въ трактиръ, гдѣ его поджидали просители, съ которыми онъ тутъ и пилъ чай, послѣ чего часовъ въ восемь утра приходилъ на занятія въ Палату.

Въ это время совѣтникомъ хозяйственнаго отдѣленія Палаты былъ помѣщикъ-владѣтель 130 душъ, домашняго воспитанія, какъ значилось въ его формулярномъ спискѣ, Сергѣй Ивановичъ К. Онъ былъ человѣкъ весьма строгій, вспыльчивый и въ добавокъ большой взяточникъ; по службѣ былъ весьма энергичный и дѣятельный; всѣ служащіе въ канцеляріи его сильно боялись. Бывало, какъ только онъ являлся еще въ прихожую Палаты, какъ уже слышенъ былъ его сердитый окрикъ на сторожей или крестьянъ-просителей и даже бывало такъ, что если кто изъ послѣднихъ въ разговорѣ или отвѣтѣ замнется (чего онъ терпѣть не могъ), тогда такого просителя онъ злобно оборачивалъ къ двери и въ шею выталкивалъ вонъ. Многіе говорили, что это звѣрь, а не человѣкъ. Но по справедливости надо сказать, что Сергѣй Ивановичъ такъ былъ дѣятеленъ по службѣ и столько передѣлывалъ въ продолженіе присутственныхъ часовъ дѣла, что другому достало бы чуть ли не на цѣлую недѣлю. Всѣ входящія бумаги онъ прочитывалъ и по тѣмъ, которыя не требовали справокъ, тотчасъ же писалъ резолюціи, а также ни одна бумага, не будучи имъ прочитана, не подписывалась; дѣла же рекрутскія и разныя другія, влекущія за собой взятки, никто не разсматривалъ и не разрѣшалъ кромѣ его одного, и по этимъ дѣламъ у него даже была установлена такса въ пять золотыхъ, что знали и крестьяне-просители, кои съ такой суммой являлись прямо къ нему на квартиру, откуда Сергѣй Ивановичъ, по разсмотрѣніи предъявленныхъ документовъ, отсылалъ ихъ со своимъ человѣкомъ въ канцелярію Палаты съ приказаніемъ все приготовить къ его приходу. Боже, сохрани, если это приказаніе въ точности не исполнялось! Подымалась такая буря, что хоть всѣхъ святыхъ неси вонъ. Онъ также строго преслѣдовалъ ошибки, замѣченныя по бумагамъ, особенно по бумагамъ, отправляемымъ въ Министерство. Однажды въ вѣдомости, подлежащей къ отправленію въ Министерство, Сергѣй Ивановичъ, замѣтивъ ошибку, говоритъ бухгалтеру Раевскому: „Тутъ нуль пропущенъ!“—„Хе-хе-хе“, засмѣялся Степанъ Семеновичъ со свойственной ему простотою. „Да вы еще смѣетесь?“.., сердито сказалъ совѣтникъ. „Какъ же не смѣяться-то Сергѣй Ивановичъ, вѣдь нуль ничего не значитъ.“—„Нуль самъ по себѣ ничего не значитъ, но при цифрахъ онъ много значитъ“!! вспылилъ совѣтникъ, „извольте подавать въ отставку!“.. Такимъ образомъ пустое дѣло привело къ трагической развязкѣ вслѣдствіе непомѣрной раздражительности и деспотичности начальника. Жалко намъ было старика Степана Семеновича: онъ былъ весьма добрый и незлобивый, да и служебныя дѣла его всегда были въ порядкѣ. Онъ еще болѣе намъ былъ пріятенъ тѣмъ, что часто забавлялъ насъ разными анекдотами, которые бывало мы съ удовольствіемъ выслушивали, приступивши къ нему большой толпою. „Ну, такъ и есть!“, злобно кричалъ Сергѣй Ивановичъ, когда невзначай заставалъ насъ при этомъ, „у Р. всегда ужъ кружокъ ротозѣевъ!“ и тогда мы, разумѣется, тотчасъ же расходились по своимъ мѣстамъ.

Такъ какъ совѣтникъ К., вслѣдствіе его энергичной дѣятельности и строгости, только одинъ и былъ страшенъ для канцеляріи, то дѣлопроизводитель Иванъ Петровичъ не имѣлъ никакого вліянія, никто его не боялся, и

все дѣлалось миновавъ его, а онъ только и занимался провѣркою бумагъ весьма оригинальнымъ способомъ. Къ этой работѣ необходимыя вещи всегда уже были при немъ, какъ-то: перочинный ножъ, карандашъ, резина, суровыя нитки, форменный шелкъ для сшиванія бумагъ, отправляемыхъ въ Министерство, игла, которая у него постоянно была воткнута, какъ у бродячаго деревенскаго портного, къ борту сюртука и, наконецъ, сандаракъ. Почему онъ такъ назывался, я объяснить не могу, а Иванъ Петровичъ называлъ его „пупочкомъ"; но на самомъ дѣлѣ онъ вовсе не походилъ на пупочекъ, а вѣрнѣе на дѣтскую соску, такъ какъ онъ составлялся изъ мелко истолченаго ладана, положеннаго въ бѣлую тряпочку и туго перетянутаго ниткою. Это орудіе употреблялось для натиранія выскобленнаго на бумагѣ ножомъ мѣста, чтобы при написаніи на этомъ мѣстѣ вновь не расходились чернила. Въ довершеніе всего онъ приглашалъ къ своему столу кого-либо изъ писцовъ для того, чтобы тотъ слѣдилъ по подлиннику, а самъ читалъ переписанное, точь-въ-точь какъ Псалтырь по покойникѣ, и къ этому дѣлу весьма часто, какъ новичка, приглашалъ меня. Занятіе это было для меня весьма скучное и непріятное, во-первыхъ, потому что въ тогдашнее время въ докладныя записки, въ журналы и въ исходящія бумаги цѣликомъ входили всякая ерунда и безграмотность („изъ большого не выпадетъ", говаривалъ Иванъ Петровичъ); а во-вторыхъ, потому что во время чтенія очень часто приходилось останавливаться и смотрѣть, какъ онъ скоблитъ бумагу, третъ сандаракомъ и по вычищенному вновь вписываетъ, а также сшиваетъ бумаги, а иногда просто разводитъ тары да бары, понюхивая при этомъ табачокъ. Такое занятіе происходило каждый день въ продолженіе всего присутствія и вечерняго занятія, и все-таки иногда оставалось много непрочитаннымъ, и тогда онъ мнѣ говаривалъ: „приди ты завтра пораньше, этакъ часовъ въ семь, мы съ тобою поболтаемъ". Иванъ Петровичъ не имѣлъ обыкновенія пропущенную одну букву, слово, или даже нѣсколько ихъ, вписывать сверху между строкъ, а всегда выскабливалъ столько, чтобы потомъ на этомъ мѣстѣ вписать все пропущенное. „Что это вы, Иванъ Петровичъ, все скоблите", однажды ему замѣтилъ совѣтникъ К. „Нельзя, Сергѣй Ивановичъ, рѣчь пропущена была", отвѣчалъ Иванъ Петровичъ. Былъ также одинъ случай, что Сергѣй Ивановичъ и относительно меня сказалъ ему: „что̀ вы все отвлекаете его отъ дѣла, онъ и въ столѣ полезенъ; развѣ вмѣсто его еще нѣтъ кого другого?" — „Да некого, Сергѣй Иванычъ, все верхогляды". Иногда Иванъ Петровичъ во время чтенія бумагъ дѣлалъ свои приписки или исправленія, но всегда очень глупыя, такъ, напримѣръ: бумага была донесеніе министру о происшествіяхъ. „Ты что̀, золотописецъ" (такъ онъ называлъ писцовъ съ красивымъ почеркомъ) „развѣ *труппа*" одинъ „покой"; на самомъ же дѣлѣ было написано не труппа, а *трупа*, т. е. мертваго тѣла, и писецъ отвѣтилъ, что одинъ „покой". „Ну, вотъ, какой умникъ явился!" зарычалъ Ив. Петров.; „спроси его, указывая на меня", и я сказалъ, что должно быть одно „*п*". „Да вы оба, прямо сказать, молокососы, молоды и зелены, какъ гусиное..... на водѣ не тонетъ"; такъ очестилъ насъ Иванъ

Петровичъ обоихъ, и послѣ этого, взявши ножичекъ, выскоблилъ „па“ и вписалъ тутъ „ппа“. А вотъ еще былъ однажды какой курьезный случай. Во время чтенія тоже весьма важной бумаги и при сильномъ увлеченіи Ивана Петровича вдругъ изъ носа его упала на бумагу табачная каплюшка; при этомъ онъ нисколько не смутился, а сказалъ только, что это скверный табакъ, взятый имъ на Ковалихинской будкѣ, много въ него золы положено; „а вотъ отъ богадѣльничнаго табаку этого не будетъ: богадѣльщики молодцы табакъ дѣлать“. Послѣ такого монолога табачную каплюшку на бумагѣ стеръ онъ рукавомъ своего сюртука и, вооружившись ножичкомъ и сандаракомъ, поступилъ обычнымъ образомъ.

У Ивана Петровича имѣлся и мундиръ VIII класса, который постоянно хранился въ сторожевской на случай нечаяннаго пріѣзда изъ С.-Петербурга какого-либо важнаго сановника, а также для большихъ праздничныхъ дней; въ немъ онъ и ходилъ съ поздравленіями къ начальству. Весьма смѣшонъ былъ Иванъ Петровичъ, когда облекался въ этотъ мундиръ. Представьте себѣ человѣка средняго роста и съ довольно порядочнымъ брюшкомъ, въ мундирѣ съ узенькими фалдами, отъ времени уже скрутившимися, въ штанчикахъ самыхъ узенькихъ и коротенькихъ, не доходившихъ до ступни вершка на три, и въ добавокъ въ личныхъ сапогахъ, смазанныхъ дегтемъ. Ну, вотъ въ этой обмундировкѣ онъ казался какъ есть свайка или волчокъ, употребляемые мальчишками въ играхъ. „Штанчики-то, Иванъ Петровичъ, слѣдовало бы имѣть подлиннѣе, да и сапоги-то смазные“, однажды сказалъ ему Сергѣй Ивановичъ. „Да ну, сойдетъ“, отвѣтилъ Иванъ Петровичъ, „знаютъ попа и въ рогожкѣ“. Тутъ, кажется, вѣрнѣе бы было сказать, не „попа“, а „дьячка“. А еще было, что какой-то шутникъ вздумалъ надругаться надъ его мундиромъ тѣмъ, что бывшую на груди пряжку за безпорочную 35-ти лѣтнюю службу прикололь сзади къ фалдамъ.

Наконецъ, наступило время обновленія Палаты, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самаго порядка въ ней. Совѣтникъ К., гроза чиновниковъ, перемѣщенъ въ управляющіе Архангельскою Палатою Государственныхъ Имуществъ, а вмѣсто его поступилъ весьма добрый и симпатичный старикъ Николай Андреевичъ Малаховъ; а также на бывшую долгое время вакантною должность управляющаго поступилъ Василій Александровичъ Трубниковъ, добрѣйшій и простой человѣкъ, но только по служебнымъ дѣламъ съ большими запинками. Бывало, призоветъ къ себѣ въ присутствіе кого-либо изъ столоначальниковъ для объясненія по докладу и говоритъ ему: „вотъ тутъ, батюшка, надо измѣнить“, и при этомъ зачеркиваетъ написанное и пишетъ сверху свое, а потомъ и свое опять зачеркиваетъ и силится вмѣсто этого что-то высказать, но ничего у него не высказывается, а происходитъ только какое-то мычаніе, послѣ котораго и спроситъ: „поняли вы меня?“—„Понялъ, Вас. Алекс.“, отвѣчаетъ столоначальникъ. „Ну, такъ и исправьте“. Столоначальникъ же, взявши свой докладъ, передаетъ его писцу и приказываетъ снова переписать все какъ было, безъ всякаго измѣненія; и переписанный

докладъ на другой день снова передается управляющему, который тогда уже и утверждается имъ безъ всякаго возраженія.

Съ поступленіемъ новыхъ управляющаго и совѣтника постепенно сталъ измѣняться и составъ канцеляріи. Прежніе старики всѣ уже выбыли, въ томъ числѣ и И. П. П., а вмѣсто ихъ стали поступать молодые и съ болѣе основательными взглядами на вещи, частію уже окончившіе курсъ въ среднихъ и даже высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Однакоже, простота, доброта и слабое вниманіе къ служебнымъ обязанностямъ управляющаго Трубникова повсемѣстно поселили злоупотребленія и даже, можно сказать, небывалое до сихъ поръ взяточничество, просто сказать, грабежъ. Грабили чиновники Палаты и Окружныхъ Управленій, а также и лѣсничіе; грабили и должностныя лица волостныхъ управленій. Явились самовольныя порубки лѣсовъ въ большихъ размѣрахъ; растрачивались мірскія суммы и общественные хлѣбные запасы, породившіе въ Палатѣ массу слѣдственныхъ дѣлъ, а вмѣстѣ съ этимъ установились въ средѣ чиновниковъ сильные кутежи. Однимъ словомъ, во всемъ произошелъ полный хаосъ. Противъ такихъ злоупотребленій хотя и принимались нѣкоторыя мѣры, но онѣ однако, были мало дѣйствительны; напримѣръ, вслѣдствіе того, что какъ растрата хлѣбныхъ запасовъ замаскировывалась преимущественно усышкою и мышеѣдомъ, то по распоряженію Министерства, въ видахъ правильнаго и скораго учета, устраивались магазины съ мѣрными закромами, для сбереженія хлѣба отъ мышеѣда велѣно завести въ потребномъ количествѣ кошекъ, а въ закромы, поверхъ хлѣба, класть ольховый листъ, кѣмъ-то въ Министерствѣ признанный для мышей губительнымъ. И что же вышло? Волостныя правленія начали доносить такъ: „заведенныя кошки неохотно остаются въ магазинахъ въ потемкахъ, а все больше обитаютъ на волѣ, зимой же по случаю морозовъ въ магазины и вовсе не ходятъ; да кромѣ мышей есть, дескать, и крысы, съ которыми не всякая кошка можетъ справиться. Относительно же ольховаго листа говорили, что когда листа не было, тогда мыши, поѣвши, изъ закромовъ уходили, при листьяхъ же оставались навсегда, устраивая тутъ гнѣзда и выводя дѣтей.

Вотъ еще была весьма курьезная жалоба крестьянъ по дѣлу о размежеваніи земель Чернухинскихъ и Селемскихъ крестьянъ, гдѣ вслѣдствіе взяточничества одна и таже земля раза три переходила отъ одного села къ другому, и въ концѣ концовъ между крестьянами этихъ селеній произошла баталія на кольяхъ, въ то время, когда весною та и другая сторона намѣревались было приступить къ полевымъ работамъ, и изъ нихъ одной стороны крестьяне въ жалобѣ Палатѣ говорили такъ: землемѣръ Павловъ, вышедши пьяный въ поле, не произведя никакого измѣренія, а лишь только покачавшись на межѣ, все-таки у насъ отрѣзалъ болѣе 300 десятинъ земли.

Между тѣмъ злоупотребленія все усиливались и усиливались; вмѣстѣ съ этимъ усиливалось по Палатѣ и взяточничество. Положилъ начало этому сильному взяточничеству столоначальникъ рекрутскаго стола Осипъ Кузьмичъ П., который установилъ такъ, что по дѣламъ о рекрутскихъ наймитахъ,

о семейныхъ раздѣлахъ, о покупкѣ и зачетѣ рекрутскихъ квитанцій и вообще объ освобожденіи отъ рекрутской повинности, бралъ съ каждаго просителя не менѣе 200 рублей, да кромѣ того совѣтовалъ дать рублей по 5 или 10 дѣлопроизводителю и совѣтнику. Это послѣднее дѣлалось для того, что онъ опасался помѣхи для себя со стороны этихъ лицъ, которой на самомъ-то дѣлѣ и не могло быть, особенно со стороны дѣлопроизводителя П. Н. Ш., ничего въ дѣлахъ не понимавшаго, а лишь собственно для того, чтобы и имъ доставить средства. Долго такъ ратовалъ Осипъ Кузьмичъ и очень наживался. Жизнь его предъ всѣми чиновниками блистала. Онъ занималъ роскошную квартиру съ богатою обмеблировкою, одѣвался богато и шикарно, имѣлъ дорогіе золотые часы съ массивной цѣпью, а на указательномъ пальцѣ золотой съ большимъ брилліантомъ перстень и въ довершеніе всего свелъ близкое знакомство съ помѣщицею Неустроевою, на парѣ вороныхъ лошадей которой вездѣ разъѣзжалъ и лихо на нихъ каждый день къ подъѣзду Палаты подкатывалъ. Долго бы, можетъ быть, онъ прослужилъ въ Палатѣ, если бы не послѣдовалъ одинъ случай, вынудившій его выйти въ отставку. Было такъ, что посланный имъ къ совѣтнику Г. В. Алявдину проситель, не знавши того, что Осипъ Кузьмичъ есть подчиненный совѣтнику, по простотѣ своей высказался ему: „Я былъ у Осипа Кузьмича, и онъ приказалъ мнѣ дать вамъ вотъ эти 5 рубл.“—„А сколько же ты далъ ему?“ спросилъ совѣтникъ. „Далъ я ему двѣсти рубл.“ отвѣтилъ крестьянинъ. Ясно, что это сильно затронуло самолюбіе совѣтника, возбудивъ въ немъ сильную къ Осипу Кузьмичу злобу и тѣмъ вынудило его укоризненно и гнѣвно высказать ему въ Палатѣ. Но въ свою очередь и П. наговорилъ совѣтнику кучу колкостей и въ концѣ концовъ подалъ въ отставку, сказавъ на прощаньи, что онъ „съ такими дураками служить болѣе не желаетъ“. Послѣ слышно было, что онъ гдѣ-то пріобрѣлъ за 12 тысячъ рубл. нѣсколько душъ крестьянъ съ землею на имя какой-то потомственной дворянки, своей племянницы, такъ какъ на свое имя онъ не могъ этого сдѣлать, не будучи потомственнымъ дворяниномъ, и въ тоже время не оградилъ себя со стороны племянницы никакимъ документомъ, а та будто бы потомъ вовсе отстранила его отъ имѣнія и окончательно завладѣла имъ сама. Вотъ значитъ и выходитъ, что неправильное-то стяжаніе въ прокъ не идетъ.

Послѣ Осипа Кузьмича поступилъ въ столоначальники его помощникъ Вас. Ив. Б., который также началъ обирать просителей какъ и тотъ: ѣздилъ въ Палату тоже на парѣ лошадей, только не на такихъ какъ П., а на весьма нескладныхъ и съ длинными, какъ у жирафовъ, шеями, и кутилъ въ компаніи съ полицеймейстеромъ Лаппою, выставляя съ форсу цѣлыя дюжины Шампанскаго и все больше и больше раскошеливаясь, когда Лаппа иронически говорилъ ему: „ну-ка, столоначальникъ, еще... еще“...; но послѣ вышло, что Б-у губернаторъ приказалъ подать въ отставку.

Послѣ Б. было въ этомъ столѣ, тоже преемственно изъ помощниковъ, еще двое столоначальниковъ, которые по примѣру своихъ предшественниковъ

точно также загребали отъ просителей деньги грудами. Изъ нихъ одинъ, Ив. Лавр. В-въ, даже достигъ было должности дѣлопроизводителя, но, не долго пробывъ на ней, померъ отъ тифа, а пріобрѣтенный на взятки домъ перешелъ по наслѣдству къ его родной сестрѣ. Затѣмъ второй и послѣдній столоначальникъ, дослужившійся до упраздненія Палаты, былъ замѣчателенъ тѣмъ, что отъ этой службы пріобрѣлъ цѣлый кварталъ домовъ, всего счетомъ, кажется, шесть; онъ очень радовался тому, что ему удалось по добру по здорову дослужиться до упраздненія Палаты и остаться за штатомъ. Однако онъ недолго находился въ заштатѣ, и ему вскорѣ вновь удалось поступить на службу по межевой части, на которой онъ дослужился до ордена Св. Владимира 4-й степени и такимъ образомъ, сдѣлавшись потомственнымъ дворяниномъ, вышелъ въ отставку. До сихъ поръ онъ находится въ вожделѣнномъ здравіи; но только изъ бывшихъ у него прежде шести домовъ въ настоящее время остался только одинъ, потому что послѣдняя его служба не была для него Калифорніею, какъ Палата Госуд. Имуществъ, и по нуждѣ время-отъ-времени привелось ему пять домовъ продать. По общежитію съ людьми и по окостюмировкѣ онъ вполнѣ гармонируетъ съ описаннымъ мною выше И. П. П., и нельзя его признать за потомственнаго дворянина, а вѣрнѣе за какого-нибудь прикащика изъ мясной или рыбной лавки. Онъ еще замѣчателенъ тѣмъ, что когда остался въ заштатѣ послѣ упраздненія Палаты, то тотчасъ же, вѣроятно въ видахъ умилостивленія Бога за свои великія прегрѣшенія, всецѣло посвятилъ себя на служеніе Ему, что̀ и до сихъ поръ неуклонно продолжаетъ: чуть ли не каждый день ходитъ въ разныя церкви, гдѣ на клиросахъ за псаломщиковъ поетъ и читаетъ и вдобавокъ къ проскомидіи подаетъ поминаніе, въ которомъ только однихъ умершихъ вписано до двухъ сотъ человѣкъ. Почему это такъ много? Богъ вѣсть! Ужъ не вписаны-ли у него тутъ и нѣкоторые изъ бывшихъ его въ Палатѣ Госуд. Имущ. просителей? Такимъ образомъ при сопоставленіи этого столоначальника въ сравненіе съ И. П. П-ъ, являются двѣ противоположныя одна другой метаморфозы, а именно: по одной изъ нихъ превращеніе изъ церковнаго причетника въ потомственнаго дворянина посредствомъ службы, а по второй, самопроизвольное изъ потомственнаго дворянина въ псаломщика.

Шли дни, мѣсяцы, шли года такой веселой и привольной жизни, и никто не ожидалъ ея перемѣны, а между тѣмъ на Сѣверѣ уже образовались грозныя тучи.

Прежде сдѣлалось извѣстнымъ, что министромъ государственныхъ имуществъ назначенъ Муравьевъ, это тотъ самый, который былъ великою грозою для Поляковъ во время ихъ возстанія въ 1863 году. Спустя недолго послѣ сего стали ходить слухи, что министръ Муравьевъ предполагаетъ поѣздки по Россіи съ цѣлью обревизованія Палатъ, для знакомства съ бытомъ государственныхъ крестьянъ и уже выѣхалъ будто бы въ южныя губерніи съ намѣреніемъ посѣтить и Нижегородскую, объѣхавши прежде низовыя по Волгѣ губерніи. Отъ такой вѣсти Палата вздрогнула и засуетилась все приводить

въ должный порядокъ. Но развѣ въ короткое время возможно было исправить всѣ безпорядки и злоупотребленія, которыя творились десятками лѣтъ? Поэтому управляющій палатою В. А. Трубниковъ за лучшее призналъ для себя выйти въ отставку. Значитъ, зачуяла кошка, чье мясо съѣла. Вмѣсто же Трубникова, хотя и былъ назначенъ князь Трубецкой, но онъ въ должность не вступалъ до самаго пріѣзда министра, вѣроятно опасаясь того, чтобы невинно не попасть въ какой либо просакъ. Между тѣмъ долго еще до пріѣзда министра чиновники его, человѣкъ десять, уже разъѣзжали по губерніи, разузнавая все и собирая въ Палатѣ разныя свѣдѣнія.

Наконецъ, прибылъ къ намъ въ Палату и самъ Муравьевъ въ сопровожденіемъ брата своего, который въ то время былъ здѣшнимъ губернаторомъ. Размѣстились въ присутствіи Палаты такимъ образомъ: на первое предсѣдательское мѣсто сѣлъ, разумѣется, министръ, рядомъ съ нимъ направо сѣлъ его братъ-губернаторъ и вся свита министра, занявши всю эту сторону стола, а по лѣвой сторонѣ стола сѣли управляющій князь Трубецкой и остальные члѣны Палаты. Затѣмъ, стоя передъ ними, находились нарочно вызванные къ этому случаю всѣ окружные начальники и лѣсные ревизоры; мы-же, канцелярскіе чины, изъ любопытства столпились внѣ присутствія, у стеклянныхъ дверей его. „Пожалуйста, пожалуйста, господа, отойдите, бѣда будетъ, если онъ увидитъ!“, такъ, со страхомъ, подбѣгая къ каждому изъ насъ, говорилъ экзекуторъ Палаты. Однакоже бѣды никакой не послѣдовало, и опасенія экзекутора были напрасны. Министръ дѣйствительно увидалъ, что мы тутъ столпились и экзекуторъ насъ отгоняетъ, и закричалъ во всю мочь: „Отворить дверь настежъ! Я не намѣренъ секретничать; пускай каждый, кто желаетъ, входитъ и слушаетъ“. И вотъ послѣ этого, ввалившы большой толпою въ присутствіе, мы сдѣлались очевидцами всего бывшаго и ужъ подлинно, какъ говорится, насмотрѣлись, и наслушались всласть. Это былъ чисто страшный судъ! Прежде всего министръ сказалъ, что Палата уже обревизована, и ему остается только сдѣлать заключеніе, а потомъ и началъ такъ: „Почему по государственнымъ податямъ накопилась такая огромная недоимка на государственныхъ крестьянахъ? Кто окружный начальникъ по Васильскому округу?“ На этотъ вызовъ вышелъ впередъ здоровый и очень большаго роста изъ помѣщиковъ окружный начальникъ Н. и началъ оправдываться тѣмъ, что въ его округѣ находится много Татаръ, а они вообще неисправные плательщики государственныхъ податей. „Да, сказалъ министръ, они неисправно платятъ подати, а однакоже въ вашу пользу они платятъ весьма исправно“, а потомъ, обращаясь къ губернатору, сказалъ: „Ваше превосходительство, этого окружнаго начальника нынѣ же удалить отъ должности и о поступкахъ его произвести формальное слѣдствіе. А кто окружный начальникъ по Нижегородскому округу?“ И выступилъ нѣмчурка, по фамиліи Б., который началъ объясняться ломаннымъ Русскимъ языкомъ и весьма нескладно. Тогда министръ, снова обратившись къ губернатору, сказалъ: „Этотъ окружный начальникъ глупъ, такихъ на службѣ и держать бы не слѣдовало“. Затѣмъ, еще двоихъ окружныхъ начальниковъ похвалилъ за то, что, не смотря на

недавнюю ихъ службу, они успѣли уже взыскать много недоимокъ. Послѣ этого министръ напустился на совѣтника хозяйственнаго отдѣленія за его нераспорядительность по взысканію податныхъ недоимокъ и при этомъ высказалъ свое сожалѣніе о томъ, что не засталъ уже мошенника управляющаго Трубникова; мы всѣ тогда мысленно улыбнулись, потому что Трубниковъ, какъ намъ хорошо извѣстно, никогда ни былъ мошенникомъ, а былъ только весьма простъ и недальновиденъ. Потомъ министръ, разбирая изслѣдованія своихъ чиновниковъ, тоже часто жалѣлъ, что не засталъ Трубникова, а взамѣнъ его все только и пилилъ одного совѣтника хозяйственнаго отдѣленія, а настоящаго управляющаго кн. Трубецкаго часто просилъ обратить особенное вниманіе на то-то и на то-то. Когда засѣданіе окончилось, многіе говорили, что здѣсь въ сравненіи съ прочими губерніями окончилось еще довольно благополучно, а то были такія Палаты, въ которыхъ министръ весь составъ присутствія изгонялъ вонъ и, заперевъ двери присутствія и положивши ключъ въ свой карманъ, объявлялъ, что Палата закрыта впредъ до сформированія новаго для нея состава. Послѣ означенной ревизіи и по отъѣздѣ министра, губернаторомъ Муравьевымъ былъ назначенъ для производства формальнаго слѣдствія объ окружномъ начальникѣ Н. совѣтникъ Губернскаго Правленія Павелъ Логиновичъ Бетлингъ, который вскорѣ послѣ этого, вслѣдствіе перемѣщенія управляющаго кн. Трубецкого въ управляющіе Московской Удѣльной Конторой, поступилъ на его мѣсто.

Не менѣе другихъ былъ замѣчателенъ и бухгалтеръ продовольственнаго стола Вас. Арх. И. Окончивши курсъ семинаріи, онъ былъ первоначально учителемъ духовнаго уѣзднаго училища; человѣкъ въ высшей степени добрый, хотя весьма раздражительный, но не злобный, а вдобавокъ любилъ выпить и вести дружескую компанію, а иногда и проявлять весьма странныя выходки. Однажды въ компаніи, будучи въ весьма возбужденномъ состояніи, онъ сказалъ, что у него душа нараспашку и при этомъ, ухватившись обѣими руками за грудь, пополамъ располыснулъ свою сорочку. На первыхъ порахъ своей службы, пока онъ еще не свыкся съ дѣлопроизводствомъ и не всмотрѣлся въ окружавшую его среду, жилъ онъ тихо, кутежей еще было немного, да по правдѣ сказать и средствъ къ этому было еще недостаточно, такъ какъ на получаемое тогда скромное жалованье въ 21 рубль въ мѣсяцъ далеко не уѣдешь, а по существу дѣлъ продовольственнаго стола и доходовъ-то было совсѣмъ мало. Но, судя по характеру Вас. Арх., на это онъ былъ бы и вовсе не способенъ, если бы его не соблазняла окружающая среда, а главное не научилъ бы его помощникъ Ардальонъ Михайловичъ Д., человѣкъ шустрый и весьма изобрѣтательный на взятки. Служа лѣтъ пять еще писцомъ въ продовольственномъ столѣ, онъ окончательно освоился съ дѣлопроизводствомъ не только этого стола, но и другихъ по Палатѣ. Сынъ сельскаго священника, онъ привлекъ къ себѣ по знакомству изъ своего села многихъ крестьянъ, которымъ писалъ различныя прошенія и давалъ совѣтъ, къ кому и какъ слѣдуетъ обратиться по дѣлу, за что, разумѣется, получалъ приличное вознагражденіе. Слава его, какъ дѣлового человѣка, распространилась не только

въ его родномъ селѣ, но даже и въ окрестности. Онъ съ мужиками такъ говаривалъ, что „я, хотя и не велика птичка, да ноготокъ востеръ". И мужики къ нему все валили и валили, и онъ жилъ припѣваючи. Вотъ такой-то человѣкъ и былъ помощникомъ у Вас. Архиповича.

Въ это время я и Василій Архиповичъ, какъ оба холостые, жили въ одной квартирѣ, но содержаніе пополамъ. На первыхъ порахъ все у насъ шло хорошо, и онъ постоянно почти приходилъ домой и обѣдать и ночевать; но вотъ, когда у нихъ въ столѣ явились новые источники доходовъ отъ образовавшихся новыхъ дѣлъ о подворной повинности и объ устройствѣ во всѣхъ казенныхъ селеніяхъ новыхъ хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ, онъ уже сталъ рѣдко являться домой. Такая его жизнь меня ставила въ неловкое положеніе: мнѣ было совѣстно предъ нимъ, что расходы на содержаніе расчитывались у меня съ нимъ пополамъ, а между тѣмъ онъ не обѣдалъ, не ужиналъ и чаю не пилъ дома; поэтому я сказалъ ему, что расходы на этотъ предметъ будутъ всѣ только на мой счетъ. Онъ и слушать объ этомъ не хотѣлъ и велѣлъ все дѣлать неизмѣнно по заведенному порядку. Однакоже послѣ этого онъ недолго пожилъ со мною, а поселился вмѣстѣ со своимъ помощникомъ А. М. на другой квартирѣ. Такая совмѣстная жизнь была для нихъ необходима, потому что наступило время производства торговъ и заключенія контрактовъ на подворную повинность и на постройку хлѣбныхъ магазиновъ, и къ нимъ уже начали являться на квартиру большими партіями съемщики. Вотъ тутъ-то теперь для нихъ открылось широкое поле дѣятельности, а въ особенности для изобрѣтательнаго ума Ардальона Михайловича. Они по примѣру столоначальниковъ рекрутскаго стола брали громадныя взятки, кутили на-пропалую, Шампанское лилось рѣкою. Къ взяткамъ А. М. еще открылъ источникъ доходовъ, такой, что, кромѣ подлежащей на написаніе контрактовъ актовой бумаги, они брали еще натурою по нѣскольку листовъ съ каждаго съемщика гербовой бумаги на дѣлопроизводство, которую потомъ и продавали присяжнымъ губернскаго казначейства съ небольшою уступкою противъ нарицательной ея цѣны. Мнѣ часто приводилось быть у нихъ въ квартирѣ, потому что я помогалъ имъ въ ихъ работѣ, составляя по ихъ столу различныя срочныя вѣдомости. Самъ я въ это время былъ помощникомъ бухгалтера контрольнаго отдѣленія, получая жалованья въ мѣсяцъ 12 руб. 25 коп. Тамъ не было никакихъ доходовъ, поэтому я радъ былъ, что мнѣ доставалась посторонняя работа, за которую платили мнѣ весьма щедро; а съ этимъ вмѣстѣ мнѣ очень часто приходилось участвовать въ ихъ кутежахъ и пить Шампанское. Тогда у Василія Архип. былъ обычай, что если кто къ нему являлся на квартиру изъ подчиненныхъ Палатѣ лицъ, то непремѣннымъ дѣломъ было требовать отъ него бутылку Шампанскаго, которое онъ пилъ съ особымъ фокусомъ, „булькой", а именно во время самаго питья производилъ крикъ, отчего въ горлѣ дѣлалось клокотаніе Шампанскаго и выходило похоже на свистки парохода. Онъ гордился такимъ фокусомъ, а въ компаніи его даже просили пить Шампанское непремѣнно „булькой". Однажды при мнѣ

былъ весьма курьезный случай. Къ Вас. Арх. по какому-то служебному дѣлу явился письмоводитель Окружнаго Управленія Ив. Аѳ. У., человѣкъ, хотя и со средствами, тоже вслѣдствіе взятокъ, но чрезмѣрно скупой, и вотъ отъ него-то и была потребована бутылка Шампанскаго. Винный погребокъ находился весьма близко отъ квартиры, и поэтому Шампанское тотчасъ же явилось. Василію Архиповичу не захотѣлось долго возиться съ нею, и онъ вздумалъ откупорить ее самымъ примитивнымъ способомъ: взявъ столовый ножъ, сталъ въ прихожей отбивать обухомъ ножа у бутылки горлышко; но отъ этого бутылка лопнула, и все Шампанское вылилось въ стоявшія тутъ глубокія галоши гостя. Василій Архиповичъ преимущественно любилъ кутить въ компаніи; онъ говорилъ, что пить одному нѣтъ смысла и поэтому истрачивалъ на кутежи все, что̀ получалъ, не оставляя въ запасъ, на черный день, ни одной копѣйки. Вообще же надобно сказать, что тогда кутежи у чиновниковъ Палаты были весьма частые, много кутили на свои деньги, т. е. взяточныя, а еще больше на деньги волостныхъ головъ и писарей, изъ которыхъ нѣкоторые задавали для чиновниковъ такіе пиры, что просто на славу, истрачивая на это 200—300 р., а иногда и больше.

Пріѣздъ такихъ лицъ въ Нижній составлялъ цѣлое событіе. „Пріѣхалъ Эделинъ!“ восторженно сообщалъ въ Палатѣ кто-нибудь изъ чиновниковъ, перебѣгая отъ одного стола къ другому. „Ну, значитъ *чкнемъ*“ бывало отзывомъ на сдѣланное сообщеніе. Эделинъ это одинъ изъ волостныхъ головъ, любившій самъ кутежи и не жалѣвшій на это никакихъ денегъ, и названіе „чкнемъ“ есть его собственное, означающее „кутнемъ“. Этимъ самымъ названіемъ онъ и дѣлалъ всегда приглашеніе. Такимъ образомъ по выбору Эделина человѣкъ десять чиновниковъ отправлялись вмѣстѣ съ нимъ въ какую-либо гостиницу, гдѣ въ отдѣльномъ номерѣ и кутили на славу съ такимъ финаломъ, что отсюда всѣ холостые и женатые во главѣ съ Эделинымъ уже непремѣнно попадали въ обитель Евгеніи Михайловны, а попросту „Еньки“, находившуюся въ полугорѣ противъ Рождественской церкви. Послѣ такихъ кутежей на другой день утромъ въ Палатѣ видно было, какъ у всѣхъ тѣхъ чиновниковъ сильно помяты физіономіи и нѣкоторые даже, по случаю дражанія рукъ, не могли подписывать бумагъ; но въ этомъ случаѣ всегда выручалъ и подписывалъ за нихъ бумаги писецъ И. И. Граціановъ, весьма даровитый и на все способный, который сразу такъ искусно умѣлъ копировать каждый почеркъ, что хоть сто человѣкъ приглашайте экспертовъ и ни одинъ изъ нихъ не признаетъ подлога. Такіе дни слѣдовавшіе послѣ кутежей считались для службы уже потерянными. Тогда всѣ кутившіе чиновники, собравшись въ кучку въ какомъ-нибудь укромномъ мѣстѣ, чтобы не видалъ управляющій или совѣтникъ, только и занимались тѣмъ, что говорили, шутили, смѣялись, острили другъ надъ дружкой и разсказывали разные анекдоты и происшествія.

Со вступленіемъ Павла Логиновича въ управленіе Палатою дѣла пошли не лучше, чѣмъ при Трубниковѣ: взяточничество и различныя злоупотребленія продолжались попрежнему, также какъ и кутежи чиновниковъ. Онъ видимо старался выказать себя весьма дѣятельнымъ и полезнымъ человѣкомъ: все торопился, суетился, сдѣлалъ массу различныхъ распоряженій, но все у

него какъ-то не клеилось. Время управленія его Палатою ознаменовалось только двумя весьма замѣчательными происшествіями. Первое было то, что слѣдственное дѣло, которое онъ производилъ о злоупотребленіяхъ Н., какимъ-то манеромъ утонуло въ рѣкѣ Сурѣ, во время его переѣзда чрезъ нее при возвращеніи изъ г. Василя въ Нижній-Новгородъ и вслѣдствіе этого дѣло заглохло; а второе—пожаръ Палаты, помѣщавшейся въ то время въ корпусѣ, гдѣ въ настоящее время находится Всесословный Клубъ, но только въ самомъ верхнемъ этажѣ по фасаду Мытнаго двора, и этимъ пожаромъ уничтожено все до-тла. „Жалко, Павелъ Логиновичъ!“ сказалъ ему на пожарѣ полиціймейстеръ Лаппа. „Да, жалко“, отвѣчалъ Пав. Лог.. „Но вѣдь я не о томъ жалѣю, что сгорѣла Палата“, снова произнесъ Лаппа, „а о томъ, что не полиція сгорѣла“. Въ свою очередь и мнѣ пришлось съострить бывшему тутъ совѣтнику контрольнаго отдѣленія, который спросилъ меня, услыхавши горниста, трубившаго для сбора бывшихъ на пожарѣ солдатъ, „что это такое?“ Я ему отвѣтилъ, что это салютъ загорающимся рекрутскимъ дѣламъ, указывая при этомъ на то мѣсто, гдѣ находился рекрутскій столъ. Причину пожара тогда многіе приписывали умышленному поджогу, по случаю находившихся въ большомъ количествѣ дѣлъ о злоупотребленіяхъ, особенно о самовольныхъ лѣсныхъ порубкахъ, по которымъ нѣкоторые изъ лѣсничихъ находились уже подъ судомъ. Нѣкоторые даже говорили, что тутъ не безъ грѣха и Павелъ Логиновичъ, судя потому, какъ у него утонуло дѣло о Н. Разумѣется, объ этомъ пожарѣ было произведено слѣдствіе; но чѣмъ оно окончилось, мнѣ неизвѣстно, а только случилось то, что вскорѣ послѣ этого Бетлингъ вышелъ въ отставку, а потомъ, по выборамъ дворянства, былъ избранъ предсѣдателемъ Нижегородской уголовной Палаты; вмѣсто же его поступилъ въ управляющіе Палатою Госуд. Имущ. добрѣйшій, умный, образованный и одинъ изъ героевъ, осаждавшихъ Силистрію во время Турецкой кампаніи, генералъ-маіоръ Петръ Николаевичъ Арцыбашевъ. Но его управленіе ничѣмъ особеннымъ не ознаменовалось, кромѣ какъ тѣмъ, что онъ окружилъ себя на службѣ многими своими родственниками, предоставивши имъ довольно видныя должности, и изъ нихъ нѣкоторые, злоупотребляя его довѣріемъ и добротою, стали брать и взятки. Однакоже Арцыбашевъ, недолго послуживши управляющимъ, вышелъ въ отставку, а послѣ его стали выбывать одинъ за другимъ и его родственники. Затѣмъ послѣднимъ управляющимъ Палатою былъ Мих. Ив. Поповъ, изъ Арзамасскихъ купцовъ, человѣкъ весьма добрый, но только по службѣ былъ не очень мудрый, даже самъ себя не вездѣ считалъ способнымъ, такъ напримѣръ: въ земскихъ и другихъ собраніяхъ онъ всегда командировалъ находиться вмѣсто себя совѣтника хозяйственнаго отдѣленія Бѣлоголовова. Но вообще служба его въ Палатѣ продолжалась уже недолго, и по случаю упраздненія ея съ 1 Января 1867 года онъ остался за штатомъ.

Всѣ описанныя мною лица (впрочемъ только кромѣ одного изъ столоначальниковъ рекрутскаго стола) давнымъ давно оставили здѣшнюю жизнь и перешли въ вѣчность... Вѣчная имъ память! Аминь.

В. И. Глоріантовъ

ПУШКИНЪ НА КАВКАЗѢ ВЪ 1829 ГОДУ.

Въ началѣ 1899 года, когда Тифлисъ готовился къ торжественному празднованію столѣтія со дня рожденія Пушкина, по вызову покойнаго редактора газеты „Кавказъ" В. Л. Величко написана мною для предпринятаго имъ юбилейнаго сборника „Кавказская Поминка о Пушкинѣ", статья о пребываніи поэта на Кавказѣ въ 1829 г. съ пояснительными примѣчаніями къ его „Путешествію въ Арзрумъ", вошедшему въ составъ „Поминки". Статья моя снабжена хронологическимъ указателемъ къ поѣздкѣ Пушкина по Кавказу и Закавказью до Эрзерума. Краткость времени и недостатокъ въ Тифлисѣ необходимыхъ для такой работы пособій не дали мнѣ возможности составить указатеоь или хронологическую канву съ желаемою точностью. Нѣкоторыя даты пришлось опредѣлить приблизительно, съ возможною ошибкою на одинъ-два дня. Въ такомъ видѣ указатель перешелъ въ книгу Н. О. Лернера „Труды и Дни" (Москва 1903) безъ означенія источника, такъ что получается впечатлѣніе, будто два изслѣдователя, работая независимо одинъ отъ другого, пришли въ однихъ и тѣхъ же случаяхъ къ одинаковымъ ошибочнымъ выводамъ.

Нынѣ, пользуясь новыми матеріалами, я вновь пересмотрѣлъ свою хронологическую канву, провѣрилъ ее и дополнилъ нѣкоторыми поясненіями. Дàты, указанныя самимъ Пушкинымъ, означены звѣздочкою *; остальныя опредѣлены мною по маршрутамъ и событіямъ того времени (1829 г.), сопоставленнымъ съ разсказомъ Пушкина о его путешествіи. Ссылки на сочиненія Пушкина, гдѣ не сдѣлано оговорки, относятся къ послѣднему 8-томному изданію Суворина 1903—1905 г.г.

Нѣтъ надобности доказывать пользу такихъ хронологическихъ обзоровъ. Относительно „Путешествія въ Арзрумъ" обзоръ приводитъ къ новымъ соображеніямъ въ спорномъ вопросѣ о времени созданія Пушкинымъ отрывка „На холмахъ Грузіи" и о тѣхъ воспоминаніяхъ, подъ вліяніемъ которыхъ находился тогда поэтъ.

Хронологическая канва къ путешествію Пушкина въ Эрзерумъ въ 1829 году

Марта 5. Пушкинъ беретъ въ Петербургѣ подорожную на поѣздку до Тифлиса (Сочиненія, VII. 318).

Взятіе подорожной до Тифлиса показываетъ, что Пушкинъ еще въ

Мартѣ 1829 г. имѣлъ намѣреніе посѣтить Грузію. Между тѣмъ, по возвращеніи изъ похода, когда Бенкендорфъ потребовалъ у него объясненія причины самовольной поѣздки въ отрядъ Паскевича, Пушкинъ отвѣчалъ, что мысль отправиться въ Тифлисъ явилась у него уже во время пребыванія на Кавказѣ, подъ вліяніемъ неодолимаго желанія повидаться съ братомъ (Французское письмо отъ 10 Ноября 1829 г., Соч., VII. 322). Это же объясненіе повторено и въ предисловіи къ „Путешествію въ Арзрумъ" (откинутомъ при окончательной редакціи): „Въ 1829 г. отправился я на Кавказскія воды. Въ такомъ близкомъ разстояніи отъ Тифлиса, мнѣ захотѣлось туда съѣздить для свиданія съ братомъ и съ нѣкоторыми изъ моихъ пріятелей". (Соч., V. 205). Что цѣлью путешествія съ самаго начала было именно Закавказье, а не Кавказскія воды, видно также изъ того, что въ Тифлисѣ ожидали прибытія Пушкина еще весною 1829 года. Въ „Тифлисскихъ Вѣдомостяхъ" отъ 26 Апрѣля № 17 редакторъ этой газеты П. С. Санковскій писалъ: „Мы ожидали сюда одного изъ лучшихъ нашихъ поэтовъ; но сія надежда, столь лестная для любителей Кавказскаго края, уничтожена послѣдними письмами, полученными изъ Россіи".

Марта 9. Отъѣздъ Пушкина изъ Петербурга въ Москву (Соч., VII. 318).

*Мая 1**. Отъѣздъ Пушкина изъ Москвы.

Май. Калуга. Бѣлевъ. Орелъ. Свиданіе въ этомъ городѣ съ А. П. Ермоловымъ. Елецъ. Новочеркасскъ. Ставрополь. Георгіевскъ. Поѣздка на Горячія воды (Пятигорскъ). Возвращеніе въ Георгіевскъ.

*Мая 15**. Возвратясь съ Горячихъ водъ въ Георгіевскъ, Пушкинъ дѣлаетъ первую запись въ дневникѣ „Путешествія въ Арзрумъ (Соч. V. 208). Это же число помѣчено и подъ его стихотвореніемъ „На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла, шумитъ Арагва предо мною" (Соч., II. 185).

Помѣта *15 Мая* можетъ относиться только къ первоначальной редакціи этого стихотворенія, такъ какъ 15 Мая Пушкинъ еще не видалъ ни Грузіи, ни Арагвы: онѣ предстали ему впервыя 25 Мая, послѣ переѣзда его чрезъ Кавказскія горы. Дѣйствительно, въ первомъ наброскѣ читается: „Все тихо; на Кавказъ идетъ ночная мгла; восходятъ звѣзды надо мною" (Соч. VIII. 302). Было высказано предположеніе, что стихотвореніе это относится или къ Н. Н. Гончаровой, или къ Ушаковой, предгончаровскому увлеченію поэта (Соч., VIII. 304). Мнѣ кажется, что источника его надо искать во времени еще болѣе отдаленномъ. Посѣщеніе Горячихъ водъ живо напомнило Пушкину 1820 годъ, когда онъ жилъ тамъ съ семействомъ Раевскаго. Вотъ что пишетъ онъ о впечатлѣніи, произведенномъ на него Пятигорскомъ въ 1829 году: „Съ грустью оставилъ я воды и отправился обратно въ Георгіевскъ. Скоро настала ночь. Чистое небо усѣялось милліонами звѣздъ; я ѣхалъ берегомъ Подкумка. Здѣсь, бывало, сиживалъ со мною Ал. Раевскій, прислушиваясь къ мелодіи водъ. Величавый Бешту чернѣе и чернѣе рисовался въ отдаленіи, окруженный горами, своими вассалами, и наконецъ исчезъ во мракѣ..." (Соч. V. 212). Нарисованная здѣсь картина наступающей ночи повторена почти тѣми же словами въ „Отрывкѣ" первой редакціи: „Все тихо; *на Кавказъ*

идетъ начная мгла; восходятъ звѣзды предо мною". Пушкинъ, подъ вліяніемъ воспоминаній о 1820 г., *съ грустью* оставилъ воды. „Отрывокъ" также проникнутъ грустнымъ настроеніемъ.

Черновые наброски къ этому стихотворенію показываютъ, что воспоминанія поэта относятся къ давнему времени. Такъ въ одномъ изъ нихъ сказано: *я снова юнъ и твой*. Въ другомъ поэтъ говоритъ *о забытыхъ дняхъ, о многихъ годахъ* (Соч., VIII. 302). Наконецъ, сюда же, кажется, слѣдуетъ отнести и черновой набросокъ, помѣченный *25 Мая* (1829 г.), *Коби:*

Благословенъ и день и часъ,
Когда въ горахъ . . . . . Кавказа
Судьба соединила насъ. (Соч., VIII. 310).

Итакъ, „отрывокъ" навѣянъ посѣщеніемъ Кавказскихъ водъ. Въ первой редакціи набросанъ онъ Пушкинымъ 15 Мая 1829 г. немедленно послѣ возвращенія съ водъ въ Георгіевскъ. Поэтъ вспоминаетъ о женщинѣ, владѣвшей его сердцемъ много лѣтъ назадъ, когда онъ былъ еще юношей, и благословляетъ день и часъ, когда судьба соединила его съ предметомъ любви въ горахъ Кавказа. Надежды, желанія и ревность, когда-то волновавшія поэта, давно оставили его, и въ сердцѣ сохранились только чистая, дѣвственная любовь и свѣтлая печаль о прошломъ.

Все это даетъ основаніе заключить, что стихотвореніе внушено воспоминаніемъ объ Еленѣ Николаевнѣ Раевской, съ которою Пушкинъ въ 1820 г. провелъ нѣсколько мѣсяцевъ на Кавказскихъ водахъ и въ Крыму.

Мая 16. Отъѣздъ изъ Георгіевска. Прибытіе въ Екатериноградъ.

Мая 18. Выходъ съ оказіей изъ Екатеринограда. Ночлегъ въ укр. Пришибѣ.

Мая 19. Переходъ отъ Пришиба до укр. Урухскаго. Ночлегъ.

Мая 20. Изъ укр. Урухскаго. Постъ Минаретскій. Развалины Татартупа. Ночлегъ въ укр. Ардонскомъ.

Мая 21. Прибытіе во Владикавказъ.

*Мая 22**. Во Владикавказѣ. Вторая запись въ дневникѣ „Путешествія въ Арзрумъ", обозрѣвающая путь отъ Георгіевска (Соч., V. 212). Этимъ же числомъ помѣчено стихотвореніе *Калмычкѣ* (Соч., II. 186).

Во Владикавказѣ, по словамъ Н. Б. Потокскаго („Русская Старина", 1880 г. Іюль), Пушкинъ написалъ будто бы хвалебные стишки мѣстному коменданту генералу Скворцову: „не Черкесъ, не Узбекъ и пр." П. О. Морозовъ (Соч., изд. Литерат. фонда, IV. 454) ошибочно приписалъ это сообщеніе М. В. Юзефовичу, который никогда съ Пушкинымъ во Владикавказѣ не бывалъ, а встрѣтился съ нимъ въ Малой Азіи. П. А. Ефремовъ повторилъ эту ошибку (Соч., VIII. 556). О полной недостовѣрности воспоминаній Н. Б. Потокскаго я имѣлъ случай говорить въ „Кавказской Поминкѣ", стр. 107, 108.

Мая 23. Выѣздъ изъ Владикавказа. Ночлегъ въ Ларсѣ.

Мая 24. Выѣздъ изъ Ларса. Крѣпость Даріалъ. Сел. Казбекъ. Встрѣча съ Персидскимъ поэтомъ Фазиль-ханомъ. Ночлегъ въ сел. Коби.

*Мая 25**. Выѣздъ изъ Коби. Переходъ на южную сторону Кавказскаго хребта чрезъ Крестовый перевалъ. Видъ на Грузію. Долина р. Арагвы. Ночлегъ въ сел. Квишетѣ у Б. Г. Чиляева.

Помѣта *25 Мая, Коби* сдѣлана Пушкинымъ на упомянутомъ выше черновомъ набраскѣ: „благословенъ и день и часъ“. Воспоминаніе о 1820 г. на Кавказскихъ водахъ продолжало занимать его. Остановившись на ночь въ Квишетѣ, на берегу шумной Арагвы, передѣлалъ онъ, вѣроятно, первый набросокъ „отрывка“, написаннаго 15 Мая въ Георгіевскѣ, и замѣнилъ первыя двѣ строки новыми: „на холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла, шумитъ Арагва предо мною“. Описывая путь отъ Коби до Квишета, Пушкинъ говоритъ: „Осьмнадцать паръ тощихъ малорослыхъ воловъ насилу тащили легкую Вѣнскую коляску пріятеля моего О**. Это зрѣлище тотчасъ разсѣяло всѣ мои сомнѣнія. Я рѣшился отправить мою тяжелую Петербургскую коляску обратно во Владикавказъ и ѣхать верхомъ до Тифлиса.... Я поѣхалъ съ полковникомъ Ог..., осматривающимъ здѣшнія дороги“. (Соч., изд. Литерат. фонда, IV. 422. 423). П. А. Ефремовъ, замѣняя инициалы полными именами, называетъ О.** Н. Г. Огаревымъ (Соч., V. 221). Это совершенно неправильно: Пушкинъ говоритъ объ Огаревѣ только тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о *полковникѣ Ог...* Ошибка П. А. Ефремова доказывается уже тѣмъ, что невѣдомый О**. ѣхалъ въ Вѣнской коляскѣ чрезъ снѣжный перевалъ, Пушкинъ же отправился съ Огаревымъ верхами. Пушкинъ не могъ назвать Огарева своимъ пріятелемъ, такъ какъ встрѣтился съ нимъ впервыя въ Коби. Огаревъ служилъ на Кавказѣ съ 1792 года и завѣдывалъ Военно-Грузинской дорогою съ 1817 года. Кто такой былъ О**, невозможно опредѣлить за отсутствіемъ пояснительныхъ указаній. По всей вѣроятности какой-нибудь гвардеецъ, которыхъ было тогда много въ отрядѣ Паскевича.

Мая 26. Выѣздъ изъ Квишета. Пасанауръ. Встрѣча съ Персидскимъ принцемъ Хозревомъ-мурзою. Анануръ. Ночлегъ въ Душетѣ.

Мая 27. Прибытіе въ Тифлисъ.

Въ концѣ первой главы „Путешествія въ Арзрумъ», оканчивающейся прибытіемъ Пушкина въ Тифлисъ, П. А. Ефремовъ помѣстилъ отрывокъ о „встрѣчѣ возвращающихся казаковъ съ идущими имъ на смѣну“ (Соч., V. 225). Содержаніе этого отрывка показываетъ, что П. А. Ефремовъ далъ ему не надлежащее мѣсто въ текстѣ „Путешествія“. Пушкинъ разсказываетъ, что часть пути изъ Эрзерума въ Россію совершилъ въ сопровожденіи Донскихъ казаковъ, отпущенныхъ домой по отбытіи трехлѣтней службы за Кавказомъ. Гдѣ-то на пути встрѣтились они съ казаками, шедшими на смѣну имъ съ Дона въ Грузію, и узнали отъ нихъ о своихъ домашнихъ дѣлахъ. Слѣдовательно, отрывокъ этотъ относится къ пятой главѣ „Путешествія“, гдѣ Пушкинъ описываетъ свой обратный путь въ Россію. Всего вѣрнѣе помѣстить его въ концѣ этой главы. Въ очевидной связи съ этимъ отрывкомъ находится стихотворный набросокъ: „Былъ и я среди Донцовъ и пр.“ (Соч., II. 215).

Мая 27—Іюня 10. Пребываніе Пушкина въ Тифлисѣ.

Іюня 10. Выѣздъ изъ Тифлиса. Ночлегъ на Самисскомъ казачьемъ посту на р. Шулаверъ-чай.

Іюня 11. Перевалъ Волчьи ворота. Укр. Гергеры. Встрѣча съ тѣломъ Грибоѣдова. Перевалъ чрезъ Безобдальскія горы. Казачій постъ въ Пернике. Гумры (Александраполь). Ночлегъ. Названіе Пернике приведено Пушкинымъ ошибочно. Это селеніе Бекантъ, гдѣ находился казачій постъ въ 27 верстахъ отъ Гумръ.

Іюня 12. Прибытіе въ Карсъ. Ночлегъ.

Іюня 13.* Прибытіе въ лагерь дѣйствующаго корпуса на берегу Карсъ-чая. Движеніе отряда къ Соганлугу.

Іюня 14.* Отрядъ останавливается на Соганлугскихъ высотахъ при р. Инжа-су. Пушкинъ принимаетъ участіе въ перестрѣлкѣ съ Турецкими наѣздниками.

Іюня 15—17.* Стоянка отряда на томъ-же мѣстѣ.

Іюня 18.* Отрядъ покидаетъ позицію при Инжа-су и ночуетъ при р. Хункеръ-су.

Н. О. Лернеръ („Труды и дни", стр. 67) включилъ въ свою хронологическую канву отмѣтку: *18 Іюня 1829 г.* „Обѣдъ у Паскевича вблизи Арзрума". Показаніе это взято имъ изъ черновой программы Пушкина (Соч., изд. Литер. фонда, IV. 452), гдѣ *18 Іюня* есть явная описка или опечатка, такъ какъ Эрзерумъ занятъ только 27 Іюня. Ошибка эта повторена и П. А. Ефремовымъ (Соч., V. 227).

Іюня 19.* Пораженія кавалеріи Гачки-паши и передовыхъ войскъ Эрзерумскаго сераскира при сел. Каинлы. Пушкинъ участвуетъ въ преслѣдованіи бѣгущаго непріятеля до Зивина и возвращается на ночлегъ въ Караурганъ.

Іюня 20.* Пораженіе и плѣнъ Гачки-паши при Милидюзѣ. Пушкинъ принимаетъ участіе въ преслѣдованіи непріятеля и проводитъ ночь съ Нижегородскимъ драгунскимъ полкомъ на бивакѣ между Милидюзомъ и Меджингертомъ.

Іюня 21.* Утромъ Пушкинъ возвращается въ взятый наканунѣ Турецкій лагерь при Милидюзѣ. Свиданіе съ плѣннымъ Гачки-пашей. Переходъ въ Караурганъ.

Іюня 22. Паскевичъ съ главными силами спускается въ долину Аракса и ночуетъ при сел. Ардостѣ.

Іюня 23. Переходъ до сел. Керпи-кея. Мостъ Чабанъ-кепри и караванъ-сарай, описанные Пушкинымъ.

Іюня 24.* Выступленіе изъ Керпи-кея. Пушкинъ участвуетъ въ набѣгѣ, вслѣдствіе ложнаго извѣстія о появленіи въ горахъ Турецкой кавалеріи. Ночлегъ въ Гассанъ-кале.

Іюня 25.* Переходъ до сел. Наби-чай.

Іюня 26.* Утромъ отрядъ Паскевича переходитъ чрезъ горы Акъ-дагъ (Бѣлыя Горы) и въ полдень останавливается въ четырехъ верстахъ отъ Эрзерума.

Іюня 27.* Сдача Эрзерума. Пушкинъ отправляется въ городъ вмѣстѣ съ Раевскимъ и потомъ возвращается на ночь въ лагерь.

Іюля 5.* Лагерь при Ефратѣ. Помѣта сдѣлана Пушкинымъ на стихотвореніи „Изъ Гафиза" (Соч., II. 188).

На одной изъ рукописей этого стихотворенія была надпись: Шееръ I. Фаргатъ-беку" (Соч., VIII. 304). *Шееръ* значитъ по татарски войско или полкъ. Такъ назывались находившіеся въ отрядѣ Паскевича мусульманскіе конные полки, набранные изъ охотниковъ Татарскихъ провинцій Закавказья. Первый полкъ состоялъ изъ Карабахскихъ всадниковъ. Вѣроятно, одному изъ бековъ, служившихъ въ этомъ полку, и было посвящено стихотвореніе.

Іюля 7. Паскевичъ переходитъ на жительство изъ лагеря во дворецъ сераскира въ Эрзерумѣ.

Іюля 10. Н. Н. Раевскій выступаетъ въ походъ съ кавалеріей. Вслѣдствіе этого Пушкинъ переселяется въ городъ и дѣлается гостемъ Паскевича.

Іюля ?. Паскевичъ поручаетъ г. А. посѣтить гаремъ Османа-паши. Пушкинъ сопровождаетъ его.

Покойный Л. Н. Майковъ (Пушкинъ. С.-Петербургъ 1899, стр. 382) полагалъ, что подъ г. А. слѣдуетъ разумѣть флигель-адъютанта полковника Р. Р. Анрепа. Въ „Кавказской Поминкѣ о Пушкинѣ" (Тифлисъ 1899, стр. 105) я указалъ причины, заставляющія сомнѣваться въ правильности этой догадки, а именно: 1) Пушкинъ различаетъ *полковника А.* (Анрепа) отъ *г-на А.* 2) Анрепъ командовалъ своднымъ уланскимъ полкомъ, который еще 10 Іюля ушелъ въ походъ въ составѣ кавалеріи подъ начальствомъ Раевскаго. Къ этому могу прибавить, что такія порученія даются не полковымъ командирамъ, а ординарцамъ или адъютантамъ. Въ числѣ таковыхъ и самымъ приближеннымъ къ Паскевичу состоялъ тогда штабсъ-ротмистръ Абрамовичъ, котораго, по моему мнѣнію, и должно разумѣть подъ г. А. Но П. А. Ефремовъ (Соч., V. 260) все таки г. А. замѣнилъ г-мъ Анрепомъ.

Іюля 14.* Пушкинъ узнаётъ о появленіи чумы въ Эрзерумѣ и рѣшается оставить армію.

Іюля 19. Генералъ-маіоръ И. Г. Бурцовъ смертельно раненъ въ дѣлѣ при сел. Хартѣ.

Іюля 21. Пушкинъ выѣзжаетъ изъ Эрзерума въ Тифлисъ.

Самъ Пушкинъ говоритъ, что покинулъ Эрзерумъ 19 Іюля (Соч. V. 263). Въ „Кавказской Поминкѣ" на стр. 60 я привелъ соображенія, заставляющія думать, что онъ оставилъ столицу Анатоліи не ранѣе 21 Іюля. На одномъ изъ набросковъ предисловія къ „Борису Годунову" имѣется помѣта Пушкина: *19 Іюля Арзрумъ* (Соч., V. 427).

*Іюля 28** Находясь въ Гумринскомъ карантинѣ, Пушкинъ набросалъ перомъ свой портретъ (Приложеніе къ „Историч. Вѣстнику" 1899 г., Май).

Августа 1.* Пріѣздъ въ Тифлисъ.

Августа 6. Выѣздъ изъ Тифлиса въ Владикавказъ („Тифл. Вѣдомости" отъ 9 Августа 1829 г. № 32).

Е. Вейденбаумъ.

г. Тифлисъ.
17 Февраля 1905 г.

ОТЗЫВЪ БАРОНЕССЫ ЭДИТЫ ѲЕДОРОВНЫ РАДЕНЪ

объ ученіи графа Льва Толстаго.

Je viens de parcourir l'Évangile commenté par le c-te Léon Tolstoy. Pour qui connaît un peu l'histoire des sectes de toutes les églises, il n'y a là rien de très nouveau. Le spiritualisme le plus éthéré y touche au rationalisme le plus ordinaire; le panthéisme à son tour réclame une part dans la doctrine; toutes les profondeurs, toutes les élévations du christianisme s'effacent: ni Dieu personnel, ni rédemption, ni vie future individuelle, ni prière, ni pénitence, ni sacrement; rien de l'eau qui lave, rien du feu qui purifie, tout est réduit à une molle tisane de charité et de communisme materiels. Le mariage lui-même, cette sanctification de l'amour humain par le sacrifice et l'oubli de soi, n'est envisagé que comme une mesure de précaution contre les tentations de la chair.

Et pourtant, on sent un souffle généreux de véritable amour courir dans ce labyrinthe de grossières erreurs, et l'on regrette de toute son âme, que l'homme qui nie la patrie devienne pour elle un danger au lieu d'une lumière. Mettez ce livre fantastique entre les mains de notre jeunesse actuelle: elle y puisera l'huile propre à attiser la flamme dévorante de son incrédulité avec infiniment plus d'ardeur que dans les écrits d'auteurs étrangers, parce que la fibre intime nationale y résonne sans cesse et mêle ses meilleurs accords à ses tentations les plus subtiles. Pour le peuple ce ne sera pas l'incrédulité qui deviendra le démon tentateur, ce sera le spiritualisme excessif d'une doctrine toute intérieure, sentiment fraternel mis au dessus de toute institution humaine, l'ascétisme absolu, naturel à des gens qui ne connaissent de la vie que les privations. Encore une fois, le faux ange de la lumière éblouira les pauvres yeux obscurs de lueur trompeuse.

Et quelle présomption hardie que de porter ainsi la main sur toutes les paroles de l'Écriture Sainte, qui ne conviennent pas à ces combinaisons ingénieuses! Dieu merci, l'esprit et le coeur humain ne sauront jamais se contenter de pareils aliments pour calmer leur faim de justice et de lumière. L'histoire de l'humanité n'admet pas de pareilles solutions, et l'Évangile du Christ, Notre Sauveur, ressuscite iucessamment des tombes étroites que lui préparent les misérables interprétations humaines.

Oh éternelle verité, comprise et sentie par la sagesse antique, de ce lit de Procuste, auquel les esprits et surtout les sentiments subjectifs veulent toujours soumettre les idées immuables qui président aux destinées du monde! Pauvre Léon Tolstoy, qui coupe vaillamment les membres du grand corps de l'Écriture, pour l'arranger à sa taille.

Переводъ.

Я только что прочитала толкованіе графа Льва Толстаго на Евангеліе. Кто сколько-нибудь знаетъ исторію сектъ во всѣхъ церквахъ Христіанскихъ, для того тутъ ничего нѣтъ особенно новаго. Въ этомъ ученіи самый утонченный спиритуализмъ соединяется съ самымъ обычнымъ раціонализмомъ, заимствуясь и изъ пантеизма. Въ этомъ смѣшеніи изглаживаются всѣ глубины и всѣ высоты Христіанства: нѣтъ ни личнаго Бога, ни искупленія, ни личной будущей жизни, ни молитвы, ни покаянія, ни таинства, ни воды омывающей, ни огня очищающаго, все сведено на какое-то нѣжнаго вкуса питье, составленное изъ земной любви и матеріальнаго коммунизма. Самый бракъ, въ коемъ любовь человѣческая освящается идеей жертвы одного для другого, представляется лишь предохранительнымъ средствомъ отъ искушеній плоти.

И при всемъ томъ, въ этомъ лабиринтѣ грубыхъ заблужденій слышится тонкое дыханіе истинной любви, и приходится сожалѣть всей душою, что человѣкъ отвергающій свое отечество становится для него опасностью, тогда какъ могъ бы внести въ него свѣтъ. Когда эта фантастическая книга попадетъ въ руки нынѣшней нашей молодежи, она зажжетъ въ ней пожирающее душу ея пламя невѣрія, и отъ этой книги разгорится оно несравенно сильнѣе, чѣмъ отъ иностранныхъ сочиненій; потому что въ этой книгѣ бьется непрерывно завѣтная жилка народной души, сливаясь въ лучшихъ ея аккордахъ съ самыми тонкими внушеніями искусителя. А для народа демономъ-искусителемъ будетъ не невѣріе, а крайній спиритуализмъ самой сущности этого ученія, чувство братства возвышенное надъ всякимъ человѣческимъ установленіемъ, безусловный аскетизмъ, свойственный людямъ, коимъ всего привычнѣе въ жизни лишенія. Лукавый ангелъ свѣта ослѣпитъ глаза бѣднымъ темнымъ людямъ своимъ обманчивымъ свѣтомъ. И какая нужна дерзкая самоувѣренность, чтобъ занесть руку на всѣ слова Священнаго Писанія, какія не сходятся съ хитроумными измышленіями писателя! Слава Богу, ни умъ человѣческій ни сердце человѣческое никогда не будутъ въ состояніи удовольствоваться такою пищей, чтобъ утолить свой духовный голодъ, свою жажду правды и свѣта. Исторія человѣчества не допускаетъ такого исхода, и Евангеліе Христа Спасителя Нашего воскресаетъ непрестанно изъ тѣсныхъ гробовъ, которые изготовляютъ ему жалкія толкованія человѣческія. Вотъ она, правда почуянная древнею мудростью Прокустова ложа, на которомъ самонадѣянные умы и особливо чувства разсѣкаютъ и урѣзываютъ вѣчныя идеи, управляющія судьбами міра. Такъ и бѣдный Левъ Толстой храбро отсѣкаетъ члены великаго тѣла Священнаго Писанія по своему росту!

(Сообщено К. П. Побѣдоносцевымъ).

А. Ѳ. ВОЕЙКОВЪ.

I. Показаніе о самомъ себѣ *).

Статскій совѣтникъ, членъ Императорской Россійской Академіи, имѣющій медали военную и дворянскую за 1812 годъ, произведенъ въ офицеры 1797-го года Января 16-го. Въ продолженіе 42-хъ лѣтъ служилъ по военной, ученой и статской службѣ; въ 1812 году былъ въ сшибкахъ и сраженіяхъ, съ 1815 по 1820 ординарнымъ профессоромъ Россійскаго языка и словесности сначала при Дерптскомъ университетѣ, потомъ инспекторомъ классовъ при Артиллерійскомъ Училищѣ, гдѣ имѣлъ счастіе заслужить особенное благоволеніе его императорскаго высочества государя великаго князя Михаила Павловича и награжденъ орденомъ св. Владимира 3-й степени.

Въ это время императоръ Александръ, съ неудовольствіемъ замѣтивъ, что въ Русскомъ Инвалидѣ помѣщаются, хотя неумышленно, статьи не согласныя ни съ духомъ самодержавія, ни съ духомъ православной вѣры, запретилъ печатать въ военныхъ вѣдомостяхъ о политикѣ. Вѣдомости сіи прекратились. Вскорѣ, по ходатайству *Карамзина* и представленію графа *Аракчеева*, редакція Русскаго Инвалида поручена Воейкову. 18 лѣтъ онъ былъ редакторомъ военныхъ вѣдомостей и вмѣстѣ съ тѣмъ 5 лѣтъ издавалъ Новости Литературы при Р. И. безденежно, 5 лѣтъ военнолитературный журналъ Славянина и 9 лѣтъ Литературное Прибавленіе къ Русскому Инвалиду. Сверхъ того, онъ перевелъ *Делилеву* поэму Сады и *Виргиліеву* Земледѣліе, сочинилъ поэму Искусства и Науки, много сатиръ и посланій.

Все это вмѣстѣ составитъ не менѣе 20-ти томовъ, и всѣ они проникнуты высокою нравственностью христіанства, горячей любовью къ отечеству и самодержавію, какъ единственному образу правленія, подъ которымъ Святая Русь можетъ быть крѣпка, могуча и благоденствовать.

Воейковъ умеръ. Онъ былъ женатъ два раза. Государь Императоръ и Государыня Императрица съ самой хорошей стороны знали первую жену его, племянницу *Карамзина* и внучку *Жуковскаго*; вторая просто-

*) Составленное вѣроятно имъ самимъ на случай его кончины. П. Б.

людинка, на которой онъ женился изъ благодарности за то, что она 11 лѣтъ ходила за нимъ, брюзгливымъ, дряхлымъ старичишкою (Императоръ *Петръ* Великій былъ женатъ на горничной дѣвушкѣ пастора *Глюка*, а императрица Елисавета Петровна вышла за придворнаго пѣвчаго).

Жена *Воейкова* осталась въ самомъ бѣдномъ положеніи; онъ не дерзаетъ просить Государя о пенсіи, служба его того не заслуживаетъ; но если бы милосердый Государь соизволилъ, чтобы одинъ годъ 4-я доля прибыли отъ Русскаго Инвалида была ей выдана и чтобы Литературныя Прибавленія издавались въ ея пользу г-мъ *Краевскимъ* до срока и на основаніи заключеннаго имъ съ *Воейковымъ* условія, съ платою вдовѣ его ежегодно по 6,000 рублей, какъ у нихъ въ условіи назначено, то *Воейковъ* цѣлую вѣчность благословлялъ бы славное имя щедрѣйшаго, великодушнѣйшаго изъ царей земныхъ.

21 Декабря 1834.

II. Письмо къ неизвѣстному лицу.

Мой надежный другъ! Если я умру, то продай все мое движимое имѣніе и деньги; сдѣлай одолженіе, отдай все, что̀ останется, той персонѣ, которой имя, отчество, фамилію и мѣсто жительства найдешь въ запечатанномъ пакетѣ, здѣсь вложенномъ, котораго до моей кончины не распечатывай.

Вѣрный и вѣчный А. Воейковъ.

15 Іюня 1834.
С.-Петербургъ.

Поправлено при страшномъ біеніи сердца и головной боли. В.

Отдать мои деньги, что̀ останется: служившей мнѣ шесть лѣтъ безкорыстно, исполнявшей всѣ мои капризы и проведшей много, много ночей безъ сна у страдальческой постели дряхлаго, одержимаго разными недугами старика, вспыльчиваго и капризнаго, отпущенной вѣчно на волю дѣвицѣ отъ князя Ивана Борисовича Куракина и записанной въ С.-Петербургское мѣщанское общество, Александрѣ Васильевнѣ Деулиной.

О жительствѣ и обо всемъ до нея касающемся подробно узнать можно отъ ея зятя, переплетчика Военной Типографіи инспекторскаго Департамента Тихона Филипповича Павлова.

На землѣ статскій совѣтникъ, а теперь рабъ Божій, Александръ Воейковъ.

15 Іюня 1834.
С.-Петербургъ.

Вечеромъ, въ 9 часовъ. Пятница.

III. Письмо къ художнику Фишеру.

Милостивый государь Егоръ Өедоровичъ!

Я требовалъ отъ васъ: 1) Акта, по которому бы я могъ удостовѣриться, что 800 р., употребленные много на покупку оригиналовъ для второй части сборника, принадлежатъ вамъ. Какъ скоро вы мнѣ его доставили, я тотъ же день доставилъ вамъ 500 р.; остальными не замедлю и какъ скоро возвращу, такъ и перешлю къ вамъ. 2) Касательно расчёта въ книгахъ съ книгопродавцемъ *Бородинымъ*, я покорнѣйше просилъ васъ показать мнѣ собственноручныя росписки его, *Бородина*, въ полученіи книгъ. Оба эти требованія и дѣльны и не влекутъ за собою проволочки, ибо документы у васъ въ рукахъ, и вы могли тогда же ихъ ко мнѣ доставить.

Касательно же оскорбительнаго для меня замѣчанія вашего, будто бы я подъ различными предлогами уклоняюсь отъ окончательнаго расчета съ вами, доложу вамъ, что въ баснѣ *Крылова* Больной Левъ, его бьетъ оселъ ногою, а тотъ и оборониться не можетъ. Я седьмой мѣсяцъ лежу въ постели, а потому вы можете безнаказанно, г. *Фишеръ*, лягаться: копыта ваши останутся цѣлы.

Съ достодолжнымъ почтеніемъ имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою А. Воейковъ.

6 Мая 1839.

Счетъ экземплярамъ я передалъ *Бородину*. Получа отвѣтъ, я перешлю его къ вамъ.

IV. Письмо къ Л. В. Дупельту.

Несравненный другъ, милостивый государь Леонтій Васильевичъ!

Обстоятельства мои, по случаю женитьбы моей на дѣвушкѣ простого рода, но благородной по душѣ, С.-Петербургской мѣщанкѣ Александрѣ Васильевнѣ Деулиной, заставляютъ меня пополнить и пояснить духовное завѣщаніе мое, писанное въ Декабрѣ 1834 года. Я женился 22-го Іюля 1838 года въ селѣ Ижорѣ, что въ 20 верстахъ отъ Петербурга, по Шлюссельбургской дорогѣ; женился изъ благодарности за усердіе и самоотверженіе, съ какимъ теперешняя жена моя ходила за мною, больнымъ и капризнымъ старикомъ, въ продолженіе одиннадцати лѣтъ, проводя у болѣзненнаго одра моего безсонныя ночи и дни тре-тревожные.

Вы, по дружбѣ своей ко мнѣ, приняли на себя быть моимъ душеприказчикомъ; вамъ желаю подробно объяснить послѣднюю волю мою.

1) Всѣ долги мои, какъ казенные, такъ и частные, должны упасть непосредственно и прямо на мое недвижимое имѣніе, состоящее Владимирской губерніи въ Переславль-Залѣсскомъ уѣздѣ; движимому же быть свободну отъ всѣхъ взысканій; 2) Само собою разумѣется, что теперешняя жена моя, будучи по законамъ наслѣдницею седьмой части деревень моихъ, обязана принять и часть долговъ моихъ на себя; 3) Портретъ первой жены моей, Библію, Евангеліе на Славянскомъ и Русскомъ языкахъ и Русскую Псалтирь, исписанные по полямъ моею рукой, отдать дочери моей старшей Екатеринѣ *); всѣ бумаги и тетради мои рукописныя оставляю средней дочери моей Александрѣ; 4) Всѣ мои дѣти обезпечены въ своемъ состояніи (я говорю здѣсь о дѣтяхъ отъ перваго брака) и, сверхъ того, рано или поздно, получатъ богатое наслѣдство послѣ дѣда своего *Василія Андреевича Жуковскаго* и родного дяди, брата моего, *Ивана Ѳедоровича Воейкова*; а потому, долгъ совѣсти, жалость и самая справедливость требуютъ, чтобы я, сколько въ моихъ силахъ, обезпечилъ будущее моихъ дѣтей, прежде брака прижитыхъ со второю женою моею, тѣмъ болѣе, что они не имѣютъ ни имени, ни правъ въ гражданскомъ быту; 5) Ихъ у меня четверо: записанныя въ С.-Петербургское мѣщанство Настасья и Василій и рожденныя послѣ послѣдней ревизіи, Александръ и Владимиръ; 6) Имъ и матери ихъ, статской совѣтницѣ Александрѣ Васильевнѣ Воейковой, завѣщаю все мое движимое имѣніе, котораго весьма немного и которое очень недорогой цѣны. Продайте его, мой почтенный другъ, и употребите деньги, за него вырученныя, на насущный хлѣбъ и образованіе дѣтей моихъ; 7) Неизлишнимъ считаю упомянуть здѣсь, что я остаюсь должнымъ женѣ моей по заёмному письму три тысячи рублей асс. Это ея десятилѣтнее жалованіе, считая по 300 р. въ годъ. Она не получала отъ меня ни копѣйки.

Послѣдняя предсмертная просьба моя: помоги женѣ моей въ распоряженіи судьбы несчастныхъ сиротъ моихъ. Жена моя очень проста.

Живи долго, да будетъ старость твоя счастлива!

Молись о душѣ вѣрнаго своего друга, многогрѣшнаго Александра Воейкова.

Апрѣля 17-го дня 1839 года.
С.-Петербургъ.

Съ подлинниковъ, доставленныхъ въ „Русскій Архивъ“ неизвѣстнымъ лицомъ. А. Ѳ. Воейковъ, родившійся 18 Ноября 1773, скончался 16 Іюня 1839 года. П. Б.

---

*) Даровитой дѣвушкѣ, скончавшейся въ Москвѣ въ 1844 году. П. Б.

ПИСЬМО ГРАФА Д. А. ТОЛСТОГО КЪ ДЯДѢ ЕГО ГРАФУ Д. Н. ТОЛСТОМУ.

30 Апрѣля 1861 года, С.-Петербургъ.

.... О подробностяхъ вашего увольненія *) я знаю мало, но вотъ что слышалъ отъ Н. П. Бибикова, сохранившаго кое-какія отношенія въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. Ланской разгнѣвался за то, что вы обратились къ великому князю; но прежде, чѣмъ онъ это узналъ, онъ намѣревался писать къ вамъ и просить, чтобы вы остались. Отъ этого дѣло медлилось. Головинъ, какъ и слѣдовало ожидать, разыгралъ роль d'un faux frère. Изъ Морского Министерства я знаю, что онъ толковалъ своему покорному слугѣ в. к., что неприлично выходить теперь губернатору въ отставку, и т. п. При докладѣ, Государь сказалъ Ланскому: «Однако надо наградить Толстого, потому что онъ былъ хорошимъ губернаторомъ», вслѣдствіе чего Ланской и угостилъ васъ короною на Анну. Вотъ все, что̀ я знаю. Думаю, что если бы вы могли предполагать, что, по мнѣнію правительства, какой-нибудь неграмотный военный молокососъ, какъ Ч., можетъ васъ замѣнить, вы давнымъ давно вышли бы въ отставку. Если правительству нужны подобные люди, то естественно, что мы ему безполезны. На долго ли оно можетъ обойтиться съ подобными дѣятелями, это другой вопросъ, который вѣроятно очень скоро рѣшится въ настоящее трудное время.

Теперь вы уже знаете, что министромъ внутреннихъ дѣлъ назначенъ Валуевъ. Не помню, какія были послѣднія ваши отношенія съ нимъ. Директоромъ его канцеляріи будетъ, говорятъ, Бобринскій, здѣшній губернаторъ; о товарищѣ нѣтъ и рѣчи. Назначеніе Валуева произвело здѣсь очень хорошее впечатлѣніе по двумъ причинамъ: 1) потому что переставили Ланского изъ министерства въ придворный штатъ и 2) въ особенности потому, что удалили Милютина. Какъ это сдѣлалось, никто не знаетъ, Ланской и Милютинъ менѣе чѣмъ прочіе: они этого не знали до послѣдней минуты. Городскіе говоры, имѣющіе, какъ кажется, основаніе, приписываютъ эту перемѣну тому, что открыта переписка

*) Отъ должности Воронежскаго губернатора. См. въ „Русскомъ Архивѣ“ 1881, II, 174 и 1885, II, 5. П. Б.

Хрущова и Милютина, агентовъ великой княгини (или, какъ ее называютъ, великаго князя) Елены Павловны съ Герценомъ. Министръ Ковалевскій подалъ просьбу объ увольненіи; предлагали министерство Строгонову, но онъ отказался. Теперь называютъ Левшина и Филипсона, послѣдняго, вѣроятно, по причинѣ его храбрости (Ч..... тому примѣръ) преодолѣвать всѣ препятствія, происходящія отъ безграмотности и неопытности въ государственныхъ дѣлахъ. Кто не боялся Горцевъ, какъ же тому убояться премудрости журналовъ Губернскаго Правленія или Главнаго Управленія цензуры?

Изъ четырехъ нашихъ барщинныхъ деревень три кое-какъ еще работаютъ, а четвертая (Фурсово, новокупленная, Болдыревская) наотрѣзъ отказались отъ всѣхъ работъ, такъ что сегодня я принужденъ былъ телеграфомъ просить Муравьева послать туда роту солдатъ. Есть надежда, что мы останемся безъ доходовъ, а Россія безъ хлѣба. Всѣ окрестныя и самыя большія имѣнія около Лѣсищъ также отказались отъ работъ. Какъ не поблагодарить Редакціонную Комиссію! На повѣрку выйдетъ, что мы не получимъ теперь гроша съ нашей собственности, а передовые люди этой Комиссіи получили уже отъ правительства аренды, земли и деньги. Самъ безсребренникъ Блудовъ взялъ аренду въ 12 т. р. на 12 лѣтъ. Просто гадко!

Въ Петербургѣ принято теперь за правило называть безпорядкомъ, когда крестьяне открыто бунтуютъ; а если они только не работаютъ или не платятъ оброка, то это въ расчетъ не принимается, а говорится, что въ такой-то мѣстности все спокойно. Итакъ, неспокойно только въ Казани и Пензѣ, гдѣ крестьяне прогнали солдатъ, а въ другихъ мѣстахъ все обстоитъ благополучно.

*

Графъ Д. А. Толстой остался вѣренъ взгляду своему, что впослѣдствіи доставило ему портфель министра внутреннихъ дѣлъ. Назначеніе это, по разсказу его родственника, графа Михаила Владимировича, слышанному мною отъ него, было сдѣлано при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Государь желалъ познакомиться съ исторіей нашихъ отношеній съ Ватиканомъ, для чего и поручилъ Гирсу составить историческую записку. Она была составлена до того канцелярски, что читать ее было тошно, да и толку добиться трудно. Государь замѣтилъ это въ разговорѣ съ К. П. П. Послѣдній сказалъ: Да, ваше величество, вы изволили бы поручить графу Д. А. Толстому; онъ этимъ вопросомъ занимался и даже писалъ. Государь сказалъ: Такъ попросите его. Вскорѣ была графомъ Толстымъ представлена записка о сношеніяхъ съ Ватиканомъ, вполнѣ удовлетворившая Государя.

Играемъ мы въ карты съ графиней Софьей Дмитріевной, разсказывалъ графъ Михаилъ Владимировичъ, а онъ, Толстой, въ кабинетѣ шагаетъ задумчи-

вый. Звонокъ. Подаютъ ему записку и маленькую посылку отъ Государя. Государь пишетъ: „Разбирая вещи отца, я нашелъ любимую его печать, которую на память вамъ посылаю". Толстой просіялъ и сейчасъ же спрашиваетъ по телефону министра двора: „Когда могу имѣть счастіе принести благодарность его величеству за милостивое вниманіе?" Ему отвѣчали, что Государь приглашаетъ его завтра обѣдать. Это, повидимому, переродило Толстого. Графиня Софья Дмитріевна, прощаясь, приглашаетъ графа Михаила Владимировича на завтра опять на игру, „а онъ, говоритъ, вернется съ обѣда и поразскажетъ". Въ 9 ч. вечера графъ Дмитрій Андреевичъ возвратился изъ Петергофа совершенно сіяющій и объявилъ, что ему врученъ портфель министра внутреннихъ дѣлъ. При этомъ онъ передалъ такой разговоръ съ Государемъ. Когда Государь объявилъ ему его назначеніе, графъ Толстой сказалъ: Ваше величество, я уже старикъ, у меня сложились извѣстныя убѣжденія, измѣнить коихъ не могу. Да и что вамъ за охота, Государь, имѣть министра, который можетъ мѣнять убѣжденія?"—„О какихъ убѣжденіяхъ говорите вы?"—„Да вотъ, напр., мои убѣжденія таковы, что исторію нашу составило дворянство, и 25 лѣтъ дѣлалось все, чтобы принизить и уничтожить это сословіе".—„Да, я съ вами согласенъ".—„Въ такомъ случаѣ, я почту себя счастливымъ служить снова" *).

И. Листовскій.

---

*) По выходѣ въ отставку изъ двухъ должностей (оберъ-прокурора Св. Синода и министра народнаго просвѣщенія) графъ Д. А. Толстой былъ увѣренъ, что служба его кончилась на долго и потому нанялъ себѣ помѣщеніе (на Моховой) на три года. Будучи министромъ народнаго просвѣщенія, онъ объѣздилъ Европейскую Россіи вдоль и поперекъ, слѣдовательно могъ познакомиться съ нею ближе другихъ высокопоставленныхъ лицъ, что и могло побудить Государя ввѣрить ему дѣла внутреннія, расшатанныя въ послѣдніе годы предыдущаго царствованія. Намъ лично графъ передавалъ, что передъ назначеніемъ онъ заявилъ Государю и другое свое убѣжденіе, именно въ томъ, что раскрѣпощеніе помѣщичьихъ крестьянъ, въ томъ видѣ, какъ оно состоялось, не могло принести блага Россіи, потому ведено было не изъ христіанскаго братолюбія, а въ хвастовствѣ передъ Европою и въ выгодахъ чиновничества. Покойный В. А. Кокоревъ разсказывалъ намъ со словъ своего пріятеля Макова, министра внутреннихъ дѣлъ, что когда Макову поручено было разобраться въ Еврейскихъ дѣлахъ, къ нему неожиданно пріѣхалъ графъ Д. Н. Толстой и передалъ ему нѣсколько рукописныхъ томовъ: это были копіи съ дѣлъ о Евреяхъ; подлинники сгорѣли въ пожаръ 1862 года. Графъ, еще въ самомъ началѣ своей службы, работая въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ для своей книги о католичествѣ въ Россіи, успѣлъ списать эти дѣла для себя. Въ трудолюбіи онъ равнялся съ своимъ товарищемъ по Дворянскому въ Москвѣ Институту П. М. Леонтьевымъ. Н. Б.

СТРАНИЧКА ИЗЪ ПРОШЛАГО РУССКОЙ ВОЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ.

Первая половина царствованія императора Александра Павловича есть время зарожденія Русской военной журналистики: въ 1813 г. появился „Русскій Инвалидъ“ Пезаровіуса, а четыре года ранѣе, „Военный Журналъ“, издававшійся въ 1810 и 1811 г. А. А. Вельяминовымъ и П. А. Рахмановымъ и въ 1817—1819 г. при штабѣ гвардейскаго корпуса.

Но въ исторіи вообще, какъ и въ исторіи журналистики, ничего не идетъ скачками, а подчиняется закону преемственности явленій. Такъ было и съ Русской военной печатью.

За три года до появленія „Военнаго Журнала“, съ проектомъ объ изданіи періодическаго военнаго органа обратился 16 Сентября 1807 г. къ начальству поручикъ квартирмейстерской части Яковъ Гавердовскій. Въ письмѣ своемъ онъ излагалъ, что „въ сообществѣ съ подпоручикомъ Сенкевичемъ предначерталъ мысль къ распространенію военнаго усовершенствованія“ и просилъ „не отринуть“ представленный имъ „планъ періодическаго изданія“.

Имя Пезаровіуса извѣстно каждому офицеру; но, кажется, достойны памяти потомства и два указанные мною офицера, быть можетъ, первые піонеры въ дѣлѣ военной журналистики. Пользуясь архивнымъ матеріаломъ, привожу любопытный проектъ Гавердовскаго и Сенкевича.

По ихъ мнѣнію, цѣлью военнаго журнала должно служить: „общее и полное собраніе наукъ и правилъ для воиновъ всякаго званія и для облегченія преподаванія въ военныхъ училищахъ“; изложеніе „исторіи всѣхъ военныхъ частей, дабы воины, желающіе выдти изъ ограниченной сферы познаній, чрезъ соображеніе древнихъ методовъ съ нынѣшними могли имѣть настоящее познаніе о воинскомъ искусствѣ и политикѣ“; изображеніе военнаго состоянія Россіи и другихъ государствъ; наконецъ, сообщеніе „всѣхъ исходящихъ по службѣ перемѣнъ, новыхъ изобрѣтеній и значущихъ происшествій“. Ставя столь широкую программу и обращая журналъ въ родъ военной энциклопедіи, Гавердовскій и Сенкевичъ дробили проектированный ими журналъ на 27 отдѣловъ. Во главѣ журнала они ставили отдѣлъ „нравственности“, гдѣ долженствовали приводиться „правила общежитія“, каковыя „для большей привлекательности украсить историческими примѣрами и красотами ли-

тературы“; затѣмъ слѣдовали отдѣлы „землеописаній“ и математическіе (съ изложеніемъ тригонометріи, которая „по справедливости назваться можетъ военной логикой“), артиллерійскіе, фортификаціонные, тактическіе (съ изложеніемъ въ отдѣлѣ исторіи тактики военнаго искусства „особливо Грековъ и Римлянъ“); наконецъ, признавались необходимыми отдѣлы: біографическій (съ изложеніемъ біографій „мужей, героевъ, полководцевъ, генераловъ и офицеровъ“, что въ читателяхъ „произведетъ настоящее понятіе о героизмѣ“); новыхъ изобрѣтеній; „перемѣнъ по службѣ“ (уставныхъ, а не личнаго состава); частныхъ извѣстій, „политическихъ и воинскихъ, случающихся въ Европѣ и въ другихъ частяхъ земного шара“; отдѣлъ почтоваго ящика, названный отдѣломъ „отрывковъ“, и библіографическій.

Объясняя цѣль проектированнаго журнала, Гавердовскій и Сенкевичъ писали: „Мы не имѣемъ другой цѣли, какъ только ту, чтобъ заставить читателей идти къ усовершенствованію отъ самаго основанія, а не перебѣгать отъ начала къ концу или извлекать только отрывки изъ середины“. Иначе говоря, они желали создать систематичную военную энциклопедію; при этомъ о будущности журнала они предполагали, что онъ встрѣтитъ сперва „любопытство“, затѣмъ его статьи „привлекутъ охоту“ и, наконецъ, „займутъ вниманіе“, чрезъ что чтеніе обратится въ привычку.

Въ приложенномъ къ „плану періодическаго изданія“ „разсужденіи о средствахъ распространить и привести въ совершенство военную науку“, Гавердовскій и Сенкевичъ видятъ это средство въ военномъ журналѣ. Изданіе его должно вмѣстѣ съ тѣмъ пополнить бѣдность военной литературы; съ грустью пишутъ они: „извѣстно, что въ Россійской арміи еще не введено въ обыкновеніе, чтобы при полкахъ находились собранія нужнѣйшихъ военныхъ книгъ; во многихъ мѣстахъ, гдѣ они расположены, нѣтъ даже книгопродавцевъ; съ трудомъ можно найти въ кучѣ романовъ хорошее военное сочиненіе, которыхъ вообще мало имѣется на Россійскомъ языкѣ“. Заслуживаетъ вниманіе мнѣніе Гавердовскаго и Сенкевича о томъ, что редакторомъ журнала, при обширности его программы, должно быть цѣлое общество, а не единичное лицо, и что печать составляетъ большую силу, такъ какъ „вѣстники соединяютъ всякій возрастъ, полъ и чинъ какъ бы въ единую пріятную бесѣду“.

Да будутъ въ исторіи Русской военной журналистики помянуты добрымъ словомъ и доброй памятью имена Гавердовскаго и Сенкевича.

Михаилъ Соколовскій.

ИСТОРІОГРАФИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

I.

Разрѣшеніе князю П. Д. Салтыкову взять сына за границу.

Отставной коллежскій ассесоръ князь Петръ Салтыковъ [1]), по крайне разстроенному здоровью, находится въ необходимости, по совѣту врачей, пользоваться минеральными водами за границей въ теченіи будущаго лѣта. Лишившись жены въ прошломъ году и обязываясь непосредственно самъ пещись о воспитаніи малолѣтнихъ дѣтей своихъ, коихъ никому ввѣрить безъ себя не можетъ, князь Салтыковъ, предпринимая столь дальній путь, необходимо долженъ взять ихъ съ собою. Старшему изъ нихъ, князю Дмитрію, минуло 12 лѣтъ; а какъ указомъ 18 Февраля 1831 г. [2]) запрещено родителямъ брать съ собою за границу дѣтей свыше десятилѣтняго возраста и допущено изъятіе изъ сего правила единственно по какимъ-либо важнымъ причинамъ и съ высочайшаго разрѣшенія: то по сему, въ уваженіе вышеобъясненнаго крайне затруднительнаго положенія, въ которое поставленъ князь Салтыковъ смертію жены его, я имѣю счастіе испрашивать высочайшаго разрѣшенія Вашего Императорскаго Величества взять ему старшаго сына Дмитрія съ собою за границу, гдѣ онъ останется непродолжительное время.

Генералъ-адъютантъ графъ Бенкендорфъ. Генералъ-маіоръ Дубельтъ. L.

№ 7.

С.-Петербургъ.

Января 21 дня 1839 года.

На докладъ положена 28 Января 1839 г. собственноручная высочайшая резолюція: „*Согласенъ, ежели не долѣе, какъ на шесть мѣсяцевъ*“.

II.

Представленіе губернаторовъ Государю во время высочайшихъ путешествій.

(1845).

Въ послѣдніе годы царствованія императора Александра I довольно настойчиво проводилось правило о запрещеніи всякихъ встрѣчъ при высочайшихъ путешествіяхъ. Тоже самое дѣлалось и при императорѣ Николаѣ I. Но запрещеніе встрѣчъ понималось слишкомъ прямолинейно, и приводимая ниже переписка между А. Ѳ. Орловымъ и Л. А. Перовскимъ доказываетъ, что запрещеніе не касалось начальниковъ губерній. М. С.

---

[1]) Это былъ князь Петръ Дмитріевичъ, сынъ слѣпорожденнаго, о которомъ см. въ Запискахъ А. П. Бутенева, въ „Русскомъ Архивѣ“ 1881 и 1883 г.; супруга его кн. Вѣра Ѳедоровна скончалась въ 1838 г. П. Б.

[2]) Въ разгаръ Польскаго мятежа. П. Б.

Письмо министра внутреннихъ дѣлъ Л. А. Перовскаго командующему императорскою главною квартирою графу А. Ѳ. Орлову. 21 Іюля 1845 г. № 3730.

Виленскій военный Гродненскій, Минскій и Ковенскій генералъ-губернаторъ увѣдомляетъ меня, что во время пребыванія Государя Императора въ Брестѣ, его величество, упоминая ему о проѣздѣ своемъ чрезъ Ковно, изволилъ замѣтить, что тамошній губернаторъ къ нему не явился, хотя былъ въ городѣ; на объясненіе же, что начальникамъ губерній объявлена монаршая воля не утруждать его величество встрѣчами, Государь Императоръ высочайше соизволилъ отозваться: «*Я этого не запрещалъ, тутъ должно быть какое нибудь недоразумѣніе*».

Вслѣдствіе сего генералъ-лейтенантъ Мирковичъ проситъ о сообщеніи ему точныхъ правилъ, коими начальники губерній должны руководствоваться при высочайшихъ путешествіяхъ какъ во время прослѣдованія чрезъ ввѣренныя имъ губерніи, такъ и особенно чрезъ губернскіе города.

Имѣя въ виду, что предъ послѣднимъ путешествіемъ Государя Императора, на основаніи отношенія вашего сіятельства отъ 25 Апрѣля сего года за № 82, какъ въ прежнее время предъ путешествіями его императорскаго величества, согласно извѣщеніямъ графа Бенкендорфа, начальникамъ губерній, чрезъ которыя назначалось высочайшее слѣдованіе дѣлались особыя предписанія, чтобы при проѣздѣ Государя Императора никакихъ встрѣчъ его величеству, какъ со стороны предводителей дворянства, такъ и отъ мѣстныхъ начальниковъ не было, и принимая во вниманіе, что въ подобныхъ случаяхъ могутъ быть недоразумѣнія и со стороны другихъ начальниковъ губерній, я считаю долгомъ о вышеизложенномъ отношеніи генералъ-губернатора Мирковича сообщить на ваше, милостивый государь, усмотрѣніе, прося о послѣдующемъ почтить меня увѣдомленіемъ.

Отвѣтное письмо графа А. Ѳ. Орлова, 28 Іюля 1845 г., № 94.

На почтеннѣйшее отношеніе вашего высокопревосходительства отъ 21 сего Іюля за № 2730 имѣю честь увѣдомить васъ, милостивый государь, что, дѣйствительно всякаго рода встрѣчи при высочайшихъ путешествіяхъ со стороны предводителей дворянства и мѣстныхъ начальствъ воспрещаются, какъ на границахъ губерній, такъ и при въѣздахъ въ города, но что это нимало не препятствуетъ начальникамъ губерній являться къ Государю Императору, и, какъ то было при покойномъ графѣ Александрѣ Христофоровичѣ Бенкендорфѣ, такъ и нынѣ, они должны являться къ старшему лицу, сопровождающему его императорское величество, который избираетъ удобное время для представленія ихъ Государю Императору. А потому пріемлю честь покорнѣйше просить ваше высокопревосходительство, не угодно ли будетъ учинить распоряженіе, дабы въ случаѣ ночлеговъ или остановокъ слѣдованія его величества, начальники губерній ожидали (какъ то и прежде соблюдалось) въ квартирахъ, приготовленныхъ для старшаго лица, сопровождающаго высочайшую особу, или при перемѣнахъ лошадей, при въѣздахъ и выѣздахъ губернскихъ городовъ, на мѣстахъ сихъ перемѣнъ, отъ котораго и получать дальнѣйшее приказаніе.

III.

Изъ матеріаловъ по исторіи 14 Декабря 1825 г.

(Письмо Ѳ. Ѳ. Бартоломея А. Ѳ. Львову).

Въ память 14 Декабря 1825 г. ежегодно совершался, въ присутствіи императора Николая I, благодарственный молебенъ, на который приглашались лица, принимавшія участіе въ усмиреніи бунта. Предъ этимъ приглашеніемъ разсылались запросы съ предложеніемъ дать подробности указаннаго участія; отвѣты на эти запросы проливаютъ иногда новый свѣтъ на дѣятельность усмирителей бунтовщиковъ.

Ниже приводится письмо Ѳедора Ѳедоровича Бартоломея, состоявшаго Псковскимъ военнымъ губернаторомъ и имѣвшаго чинъ генералъ-маіора Свиты Его Величества. Письмо писано 10 Декабря 1841 г. на имя Алексѣя Ѳедоровича Львова. *М. С.*

На письмо ваше отъ 9-го Декабря симъ имѣю честь увѣдомить васъ, для доклада его сіятельству*), что 14 Декабря 1825 года, во время происшествія, былъ я въ чинѣ подполковника командиромъ 1-го конно-піонернаго эскадрона, находившагося въ составѣ гвардейскаго корпуса. Съ тѣмъ эскадрономъ прибылъ я на Исакіевскую площадь съ самого начала происшествія и, былъ тогда же командированъ съ эскадрономъ вдоль по Галерной улицѣ для очистки ея отъ разныхъ сборищъ, тамъ образовавшихся. По исполненіи чего, оставивъ одинъ взводъ при л.-гв. Павловскомъ полку, по просьбѣ командира того полка полковника (нынѣ генералъ-лейтенанта) Арбузова, я съ остальными тремя взводами возвратился поспѣшно по Англійской набережной на площадь къ Сенату и сталъ близъ монумента, въ близкомъ разстояніи отъ мятежниковъ. Потомъ, когда л.-гв. Финляндскій полкъ остановился на Исакіевскомъ мосту, не занявъ назначеннаго ему для окруженія мятежниковъ мѣста, я съ эскадрономъ занялъ происшедшій отъ того интервалъ, принявъ влѣво, дабы воспретить собравшейся тутъ толпѣ присоединиться къ мятежникамъ, и разогналъ оную натискомъ на нее на полныхъ рысяхъ. Впослѣдствіи, во время сдѣланныхъ изъ орудій выстрѣловъ на мятежниковъ, 1-ый конно-піонерный эскадронъ атаковалъ ихъ, при чемъ они, бросившись на Неву и по Англійской набережной, произвели по эскадрону нѣсколько выстрѣловъ, отъ коихъ были убиты одинъ унтеръ-офицеръ и одинъ рядовой. Въ ту ночь и весь слѣдующій день эскадронъ бивуакировалъ на Румянцовской площади и дѣлалъ разъѣзды на Васильевскомъ острову и Петербургской части. Особыхъ приказаній отъ Его Императорскаго Величества я тогда получить не удостоился.

При семъ честь имѣю присовокупить, что 1-ый конно-піонерный эскадронъ, за вѣрность къ Престолу, былъ осчастливленъ полученіемъ штандарта.

---

*) Графа А. Х. Бенкендорфа.

IV.

Императоръ Николай I-й въ отношеніи къ иностранцамъ.

Императоръ Николай I былъ истинно-Русскимъ Государемъ, ставившимъ всегда на первое мѣсто выгоды и пользу Россіи. О его нелицепріятномъ отношеніи къ иностранцамъ свидѣтельствуетъ между прочимъ резолюція, положенная 20 Августа 1841 г. на докладъ графа А. Х. Бенкендорфа. *М. С.*

Его императорское высочество герцогъ Максимиліанъ Лейхтенбергскій, по высочайшему Вашего Императорскаго Величества повелѣнію, передалъ мнѣ записки трехъ иностранныхъ офицеровъ и директора Аугсбургской полиціи камергера барона Перглаcа, въ которыхъ лица сіи, описывая оказанныя ими нѣкоторыя услуги нашему правительству какъ службою, такъ ихъ познаніями и почитая себя въ правѣ надѣяться получить за то вознагражденіе, просятъ обратить на нихъ всемилостивѣйшее вниманіе Вашего Величества.

Первыя три записки, какъ принадлежащія по существу своему до Военнаго Министерства, препроводилъ я г. военному министру; относительно же барона Перглаcа я сносился предварительно съ посланникомъ нашимъ тайнымъ совѣтникомъ Севѣринымъ, который нынѣ сообщаетъ мнѣ, что заслуги, кои могъ бы оказать баронъ Перглаcъ во время двухсуточнаго пребыванія Вашего Императорскаго Величества въ Аугсбургѣ, вовсе были ему неизвѣстны, почему и не слѣдовало, при распредѣленіи наградъ того времени, поставить его наравнѣ съ гражданскимъ губернаторомъ барономъ Штейнгелемъ и съ почтдиректоромъ графомъ Тауфкирхеномъ, на награды которыхъ баронъ Перглаcъ въ своей запискѣ ссылается; но что съ другой стороны, отдавая полную справедливость его усердію въ вышепомянутомъ случаѣ и если Вашему Величеству, по предстательству его императорскаго высочества герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго и по фамильнымъ связямъ барона Перглаcа, благоугодно наградить его, то тайный совѣтникъ Северинъ предлагаетъ мнѣ испросить ему награжденіе орденомъ св. Станислава 2 ст. Всеподданнѣйше донося о семъ, имѣю счастіе испрашивать высочайшаго Вашего Императорскаго Величества разрѣшенія. Генералъ-адъютантъ графъ Бенкендорфъ. На докладѣ положена собственноручная высочайшая резолюція: «*нѣтъ никакой нужды*».

(*Сообщилъ Михаилъ Соколовскій*).

*

Въ „Р. Архивѣ“ 1905, стр. 63, два раза помѣщено названіе пѣсни: *Rue Britania.* Очевидно имѣется въ виду патріотическая Англійская пѣснь *Rule Britannia*, послужившая эпиграфомъ къ извѣстному стихотворенію князя Вяземскаго „Одесса“, о которомъ рѣчь въ письмахъ графа Остенъ-Сакена къ А. Г. Тройницкому („Р. Старина“ 1898, III, 472) и архіепископа Иннокентія къ А. Г. Тр. („Р. Архивъ“ 1896, II, 159).

Г. Т.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВОЙ КНИГИ

«РУССКАГО АРХИВА»

1905 года.

(выпуски 1, 2, 3 и 4).

ОПЕЧАТКИ.

(Во второмъ выпускѣ «Русскаго Архива» 1905 года).

Стран.	*Стр.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
339	2 сверху	властолюбіе и власть	властолюбіе. Власть
342	16 и 17 снизу	коллюзія	коллизія
350	16 сверху	древняго	древляго
—	16 снизу	единство	единства
351	8 "	былъ	были
—	11 "	не только основныхъ	не только смыслъ основныхъ
354	8 сверху	но *чувство*	но и *чувство*
355	11 "	сиротство	сиротство есть
—	10 снизу	нравственной	по нравственной
—	— "	памяти	въ памяти
356	18 сверху	дѣтствѣености	дѣтственности
358	13 снизу	на застой	на застой подъ видомъ движенія
359	13 сверху	призрѣнія	презрѣнія
360	12 "	отчемъ	Отчемъ
—	2 снизу	. По	, на
—	13 "	l'Enfaut	l'Enfant

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1905 года.

(Годъ 43-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1905 году, за двѣнадцать выпусковъ, съ пересылкой и доставкой, девять рублей, для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону.

Отвѣтственность за исправную доставку книжекъ принимается лишь для тѣхъ лицъ, которыя подписались въ Конторѣ «Русскаго Архива» или въ показанныхъ выше книжныхъ магазинахъ.

☞ Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляютъ свыше 50 требованій.

Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автобіографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“ для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ прошлыхъ лѣтъ получаются по слѣдующимъ цѣнамъ: 1874 годъ, съ двумя гравированными на стали портретами (Ѳ. И. Тютчева и князя В. Ѳ. Одоевскаго), за 6 р., съ пересылкою 7 р.; годы 1877, 1879, 1884 и 1886—1889 по 6 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 7 р.; годы 1890 — 1892, 1894 и 1895 по 6 р., съ пересылкою по 7 р.; годы 1898—1904 по 8 р., съ пересылкою по 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногороднаго на иногородный и заграничнаго на заграничный—30 копѣекъ; Московскаго на иногородный—90 копѣекъ; иногороднаго на Московскій—40 копѣекъ (*по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ*). Просимъ присылать номеръ перемѣняемаго адреса.

Контора „Русскаго Архива“ открыта ежедневно съ 9 час. утра до 5 пополудни.

Отдѣльныя книжки «Русскаго Архива» прежнихъ годовъ можно получать по 1 рублю.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**